

СИБИРЬ
И
КАТОРГА.

С. В. Максимова.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1900.

Паровая типографія (Барона Криденера). Ягтовская, 57.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НЕСЧАСТНЫЕ.

Въ дорогѣ, на каторгѣ, въ бѣгахъ, на пропитаніи и на поселеніи. Тюремныя пѣсни. Тюремный языкъ.

ГЛАВА I.

ВЪ ДОРОГѢ.

Милосердія.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до каторги: дорожныя и тюремныя заключенія.—Варабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старыя неурядицы.—Окровавленные колодники.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе полшубковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смиренныя и сердитыя.—Тобольская тюрьма.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапныя кабаки.—Этапныя зданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Привалъ.—Майданчики и откуна.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Бритье головъ и случай съ поляками.—Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Базарны.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенство этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу.

Милосердныя наши батюшки,
Не забудьте насъ невольниковъ,
Заключенныхъ,—Христа-ради!—
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!
Сожалѣйтесь, наши батюшки,
Сожалѣйтесь, наши матушки,
Заключенныхъ, Христа-ради!
Мы сидимъ во неволюшкѣ—
Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшетками за желѣзными,
За дверями за дубовыми,
За замками за висячими.
Распространись мы съ отцомъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ—племенемъ.

Пѣсня «Милосердная».

Вотъ въ какую простую форму сложилась и какую нехитрую пѣсеню сказала просьба проходящихъ по сибирскимъ этапамъ арестантовъ,— просьба, обращаема я обыкновенно къ сердобольно обитателей сплутнаго селенія. Немного въ этой пѣснѣ словъ, не особенно богата она содержаніемъ, но слова ея не мимо идутъ, а содержаніе и складъ ея, а особенно напѣвъ, трогаютъ не одни только мягкія, настроенныя на благотвореніе сердца.

Я слышалъ эту пѣсеню одинъ разъ въ жизни, но никогда не забуду того впечатлѣнія, какое оставила эта пѣсня въ моей, на тотъ разъ сильно утомленной памяти, въ моемъ усталомъ воображеніи, притупленномъ разнообразіемъ картинъ и пораженномъ неприглядностью и несовершенствомъ картинъ этихъ.

Не помню дня, числа и часа; помню свѣтлый апрѣльскій день, весенняя теплота котораго обязала меня отворить окно и смотрѣть на дешевыя, но богатыя содержаніемъ подробности дѣловой и однообразной жизни сибирской деревни. Созерцаніе такихъ картинъ далеко не ведетъ: отъ нихъ скоро отрываешься и скоро забываешь о нихъ, ради воспоминаній прошлаго, всегда готовыхъ къ услугамъ, всегда живыхъ и свѣжихъ, и чаще всего о родицѣ, которая тогда была для меня и далекою и удаленною.

Такъ было со мною и на этотъ разъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ деревень Забайкальскаго края, у окна одного изъ ея утлыхъ и старыхъ домовъ, одного въ которомъ засадила меня весенняя распутица и бездорожница.

Я сидѣлъ и слушалъ; и слышалъ на тотъ разъ отдаленные звуки какого-то неопредѣленно-тоскливаго напѣва и строю. Звуки эти унесли воображеніе мое на Волгу, гдѣ, ломая путину и разламывая натруженную и наболѣвшую грудь жесткою лялкою, бурлакъ тянетъ свою унылую пѣсню, подлаживая къ ней свой шагъ, приручивая свои разбитыя ноги. Сходство напѣва сибирской пѣсни съ волжскою бурлацкою на первыхъ порахъ казалось мнѣ поразительнымъ. Но пѣсенные звуки становятся яснѣе и опредѣленнѣе и досужее воображеніе мое снѣшитъ рисовать уже нныя картины. Вотъ, думалось мнѣ, безжалостныя подруги расплели у невѣсты дѣвчью косу, чтобы накрыть ея голову поевомъ;

и вотъ она, невѣста эта, вспомнивъ скорую утрату всей своей дѣвичьей воли,

Что во мѣгѣ у матушки,
Въ прохладѣ у братьеводъ,—

лилила все свое горе въ пѣсенный плачь, у котораго готова только вишняя форма, но наружное проявленіе въ напѣвѣ всегда такое самобытное и сильное. Невѣста какъ будто собрала въ груди все накопившее горе и всѣ слезы и какъ будто въ послѣдній разъ въ жизни рѣшилась вылить ихъ всѣ вдругъ и вслухъ всѣмъ. Напѣвъ въ нашей пѣснѣ въ такія случаи обыкновенно бываетъ не менѣе тоскливый и не менѣе щемитъ онъ сердце. На этотъ разъ онъ показался мнѣ сложнѣе съ тѣмъ, который доносился до моего слуха съ улицы сибирской деревни. Но вотъ пѣсня послышалась еще ближе. Воображеніе попыталось подладить къ ея напѣву другія, новыя, но знакомыя и похожія картины — и въ воспоминаніяхъ всталъ, какъ живой, сельскій погостъ: бѣдные и покрившіеся кресты, погнившая и обвалившаяся ограда, много могилъ на погостѣ. На одной могилѣ распластался, упавши на грудь, живой человекъ. Изъ груди его несетя стонъ, слышатся тѣ тоскливые тоны, какими богаты всѣ могильные плачи. Однообразны плачи эти въ содержаніи, одинаковы и въ напѣвѣ. Тоскливѣе напѣва этихъ плачей я не зналъ прежде и не чаялъ встрѣтить потомъ другихъ, которые были бы равновѣрно закончены, одинаково вѣсны своей цѣли и своему смыслу. Но когда изъ-за угла сибирской деревни показалась толпа арестантовъ съ верховыми казаками впереди, съ солдатами по бокамъ, и когда послышалась и пѣсня, вся цѣлкою, я забывалъ о всяческихъ сравненіяхъ. Я бросилъ ихъ какъ невѣрныя, далекія отъ образовъ, навѣянныхъ настоящею пѣснейю. Тоны арестантской пѣсни сливались въ одинъ; переливы такъ были мелки, что ихъ почти нельзя было отличать и выдѣлать изъ цѣлага. А въ этомъ цѣломъ слышался одинъ стонъ и самая пѣсня эта показалась тогда сплошнымъ стономъ: во стонала на этотъ разъ не одинъ человекъ — стонала цѣлая толпа. Слово не было слышно (при всѣхъ моихъ напряженныхъ усиліяхъ я не могъ поймать ни одного), слова и тоны слились въ одинъ гулъ; и гулъ этотъ и стонъ этотъ щемилъ сердце до того, что становилось положительно жутко и неловко. Такъ и бѣжало отъ пѣсни сыростью рудниковыхъ подземельевъ, мракомъ тюремныхъ стѣнъ, свинцовою тяжестью всяческой каторги, гдѣ человеку хуже и безвозвратнѣе, чѣмъ въ другихъ какихъ либо отчужденныхъ мѣстахъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, на всемъ земномъ шарѣ.

Цѣлые дни потомъ преслѣдовали меня мучительныя звуки арестантской пѣсни и, возвратившись теперь къ ней воспоминаніями, я не могу указать иной, которая отличалась бы болѣе тоскливымъ напѣвомъ. Смѣю увѣрить, что ни

одна русская пѣсня не приурочена такъ къ выраженію внутренняго смысла въ напѣвѣ, ни одна изъ нихъ не бьетъ прямо въ цѣль и въ самое сердце, какъ эта пѣсня, выстраданная арестантами въ тюрьмахъ и на этапкахъ. На этотъ разъ кандаляная партія осиливала послѣднюю сотню версты изъ долгаго и тяжелаго, семитысячнаго и годового пути своего. Ей оставалось идти уже немного версты, чтобы понасть домой, т. е. прямо на каторгу.

Пока колодки у насъ передъ глазами, мы отъ нихъ не отставимъ. Не отстанемъ мы отъ толпы этой, хотя она и движется вдоль улицы мучительно-медленнымъ шагомъ, едва волочить ноги. Самый звукъ кандаловъ сталъ какой-то тупой, и слышимый и громкій потому только, что идущая партія ссыльно-каторжная, въ которой — какъ давно и всякому извѣстно — на каждыя ноги надѣваются тяжелыя пятифунтовыя цѣпи. На этотъ разъ медленная поступь — предантѣреннѣе, ради сбора подаяній, и вышла она торжественно потому, что всякій арестантъ увлеченъ пѣанемъ и вводитъ въ артельную пѣсню свой разбитый голосъ, чтобы, такимъ образомъ, мольба была общою и конечнѣе была въ сердце-большаго сердца слушателей.

Стоитъ на улицѣ сплошной стонъ отъ пѣсни и бережно несетъ свою пѣсенную мольбу эта густая арестантская толпа, точно бонитя шпронить изъ нее слово, сфальшивить тономъ, и постъ усиленно громко, словно обрадовалась случаю торжественно и окончательно высказать вслухъ всѣмъ свое неключимое горе.

Задумались, цѣлкою погруженные въ слухъ и вниманіе, и конные и пѣшіе: казаки и солдаты. Задумались даже эти привычныя люди до того, что какъ будто не видятъ и не хотятъ видѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ отдѣляются изъ толпы арестанты, чтобы принять подаяніе. Пѣсня возмѣла успѣхъ, достигла цѣли: подаянія до того щедры и часты, что принимающіе ихъ даже и шапку поднимать не успѣвають — и не поднимаютъ.

А между тѣмъ, несетъ къ нимъ послѣднее подаяніе всякій. Несетъ и знакомая мнѣ старушка, у которой единственный сынъ погибъ на Амурѣ, которая отъ многихъ лѣтъ и многихъ несчастій ушла вся въ сердце и живеть уже однимъ только сердцебольемъ и говорить однимъ только вздохами. У нее пѣтъ (я это вѣрно знаю), пѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, пѣтъ и силъ, но откуда взялись послѣднія, когда она слышала на улицѣ эту „милосердную“, откуда взялись и деньги, когда бабушка моя очутилась на глазахъ проходящихъ. Даетъ бабушка деньги изъ скопленныхъ ею на саванъ и ладонъ, даетъ она эти деньги, стыдится — и прятается, чтобы не выдали всѣ.

За бабушкою Анисею (хотя и не косякливо, а жирною рукою) даетъ свою обрядовую дачу

и условную милостыню торговый крестьянин, кулець, вчера только успѣвшій оплестъ доврчиваго казака на овсѣ и хлѣбѣ и давно уже отдавшій всѣ свои помыслы черствому и мертвящему дѣлу „наживанія“ капитала. Несетъ онъ свое подаяніе — и оглядывается, даетъ — и не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащитъ свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и сроку, и домашнія невагоды, которыя скопили на казачьи головы пресловутый, тяжелый Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ Вогу на свѣчку, изъ спрятанныхъ на черный день и недобрый часъ.

Всѣмъ имъ въ отвѣтъ пропоютъ уже арестанты за деревню такую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,
Что не забываетъ вы насъ,
Бѣдныхъ, несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слыгутъ подъ названіемъ „Милосердой“. Слышится эта пѣсня въ одной только Сибири, но и тамъ она извѣстна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи — именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣва ишнихъ и сборщиковъ подаянй на церкви: „Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ, Христа-ради“. Словами этими просили милостыни въ голосъ, т. е. кричали на распѣвъ, пока искусство досужить не слило словъ въ пѣсню и не обваало извѣстнымъ своеобразнымъ напѣвомъ. Въ Россіи этой пѣсни не поютъ (да здѣсь она и не извѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освещенное обычаемъ, право просить въ недостающему казенному содержанію послышнаго прибавка отъ добротныхъ дателей, — но по Россіи „Милосердную“ замѣнилъ бой въ барабанъ. Этотъ бой велъ къ той же дѣлу и обезпеченъ былъ тѣмъ же результатомъ, хотя, по сознанію арестантовъ, и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говорилъ мѣждѣ одинъ изъ бѣгло-каторжннхъ), дай-ка намъ эту „Милосердную“ вдоль Россіи протянуть, дай-ка! мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ дѣло казенное, въ барабанъ солдатъ бьютъ. Не всякому это понятно, а у всякаго отъ бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно. Телячья шкура того не скажетъ, что языкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣста заточенія или изгнанія.

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и доврѣнные конвойному офицеру съ командою, выходятъ еженедѣльно, въ урочный день, изъ пересыльнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами на улицѣ, арестантская партія на долгое время загибъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идутъ въ дальнюю и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей судить эта дальняя дорога, много горя обѣщаетъ она арестантамъ тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ круглый годъ: и на дѣтней жарѣ, и на весеннихъ дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злключеніе! тѣмъ пуще и горче оно, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе которой въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

„Тамъ, — думаетъ народъ: — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, взрыты крутыя, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ вырыты ямы, глубиною въ самыя глубокіе рѣчные и озерныя омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужъ потомъ не вынуть и не выпустятъ. И будутъ сидѣть они тамъ, Божьихъ дней не распознавая, Господнихъ праздникоу не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко натопленныхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни сроку, ни платы, ни отдыха. Изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печалихъ, затѣмъ, что ужъ имъ всякій выходъ заказанъ, и родина отрѣзана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока — глубока да и запечатана. Съ грѣби не соврѣшься, казна вездѣ найдеть. Изъ песку веревочки не сошьешь, а на чужой дальней сторонѣ помрешь и кости по родинѣ заплачутъ. И помочь бы такому неключяному горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе заключенники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжелое, да грошъ трудовой, кровный: авось и онъ вамъ пригодятся. Пригодится хлѣбца прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставитъ; онъ вамъ и путь упрямить, и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подасть, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прощайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копейка не щербатая! тѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“!

Собираетъ арестантская партія, идущи по Москвѣ, мірскія подаянія въ примѣтномъ обиліи и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренны и у которыхъ заработная копейка только насущная, безъ задника, самому крѣпко нужная. Порывы къ благотворенію въ этой

толпѣ еще не приняла обыденной рутинной формы и еще не успѣла снизойти до обычая, который всегда предполагает срокъ и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій, онъ ждетъ только напоминанія. Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука кандаловъ, чтобы вызвать порывъ этотъ на дѣло и обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ толпы народной сходить на арестантскую партію не роскошная дача, тутъ рубль копейки не подшибаетъ. Но, тѣмъ не менѣе, пожертвованія идутъ справа и слѣва въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыркахъ, въ богатомъ купеческомъ Замоскворѣчьи, на торговой Таганкѣ и въ извозчичьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, чѣмъ больше благоприятствуетъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подаванія обильнѣе и ошутительнѣе для арестантской артели. Но разобрать трудно, кто подаетъ больше: случайно ли попавшійся на улицѣ пропойшій покупатель, или прикованный къ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ торговцевъ и барышниковъ, извозчикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всѣ благотворители равноправны и равносильны, едва ли существуетъ тутъ какая нибудь примѣтная разниаца.

Разниаца этой должно нескать въ другомъ разрядѣ благотворителей, и именно тѣхъ, которые кончили уже свое дѣло на улицѣ, которымъ улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благотворители эти засѣли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но за дѣломъ и недосугомъ ждутъ сильныхъ возбужденій. Жизнь людей этихъ, принужденныхъ нескать системы и порядка, проходить разнѣренными шагами, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому „днени довѣдетъ злоба его“. Есть въ средѣ дней этихъ и такіе, которые по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по житейскимъ случайностямъ, но опять таки по предварительному и преднамѣренному назначенію, посвящены дѣламъ благотворенія. Источникъ послѣднего лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило все широкое раздолье русской земли монастырями и церквами и снабдило тѣ и другія громкими званіями, драгоценными вкладами, богатыми дачами. Родительскія субботы и радуніцы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники издавна обусловлены обязательно глѣбою жертвою и денежнымъ подаваніемъ въ пользу страждущихъ, гонимыхъ и заключенныхъ Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдужей всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальнихъ, большимъ и малымъ городомъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, кото-

рое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочувствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ ученіе, по смыслу котораго „рука дающаго не оскудѣваетъ“, цѣлостіе и опредѣленіе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны—зажиточная жизнь и материальное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которые, по преимуществу, обстроены домами купцовъ-старовѣровъ. „Одѣнемъ нагихъ,—говорятъ они въ своей пословицѣ:—обуемъ босыхъ, накормимъ алчныхъ, напоимъ жадныхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе“; „денежка-молитва, что острая бритва: всѣ грѣхи сбѣретъ“, „а потому одной рукой собирай, а другой раздавай“, ибо „кто сырыхъ питаетъ, того Богъ знаетъ“, а „голаго высекать, Богъ и въ окошко подаетъ“. Эти правила-пословицы дошли до насъ отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характернѣе другихъ рисующемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность посильнымъ привошеніемъ и помощью усладить тяжелые дни жизни всякаго ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Никона, ваходясь и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и снохи („пришлютъ кусокъ мяса, иногда колубокъ, иногда мучьки и овсеца“), и отъ воеводскаго приказчика („мучьки гривенкомъ съ 30 даль, да коровку да овечекъ съ 5—6, мясо“). На Байкалѣ незнакомые встрѣчные русскіе люди надѣлили пищею, сколько было надобно, „осетровъ съ 40 свѣжихъ привезли, говора: вотъ, батюшко, на твою часть Богъ, въ запорѣ, намъ даль, возьми себѣ всю“. Починили ему лодку, зашили парусъ и на дорогу снабдили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣлалъ самъ царь съ царцею и бограми („позжаловалъ царь 10 рублей денегъ, царца 10 рублей денегъ, Лука духовникъ 10 рублей же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а Федоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублей казначею своему велѣлъ въ шапку мѣвъ сунуть“).

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстныя въ Западной Европѣ—у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благотворенія выросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначали такую страшную даль, какова Сибирь, а для ссыль-

ныхъ людей, такимъ образомъ, усложнили страданія, потребовавъ отъ нихъ большаго запаса силъ и терпѣнія. Только при помощи этого благотворнаго участія, облеченнаго въ форму матеріальной помощи, могли наши ссыльные (и первые и позднѣйшіе) отчасти противостоять всѣмъ вражимъ силамъ, исходящимъ въ одно время и изъ суровой природы и отъ жестокости людей. Въ примиреніи этихъ двухъ враждебныхъ и прямо-противорѣчивыхъ началъ (каковы общественное участіе, съ одной стороны, и слишкомъ ревностное и черезчуръ суровое исполненіе службы приставами—съ другой), въ стараніи восполнить избыткомъ участія однихъ крайній недостатокъ того же у другихъ, во всемъ этомъ провели большую часть своей изгнанической жизни наши первые ссыльные. Свой опытъ и свои приемы они успѣли завѣщать и позднѣйшимъ несчастнымъ. Обѣ силы, и враждебная и благотворная, успѣли прожить долгіе годы и удѣлѣть до нашихъ дней въ томъ цѣльномъ, хотя отчасти, можетъ быть, и въ измѣненномъ видѣ, что насъ уже особенно и не дивить денежныя пожертвованія, высылаемая въ послѣднее время изъ-за тюремныхъ стѣнъ на помощь страдающимъ, видѣ ихъ, отъ безлѣбья и голода.

Во всѣ времена нашей исторіи и, въ особенности, въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій правительству представлялась возможность крѣпко опираться на добровольныя приношенія жертвователей и даже подчинять раздачу ихъ различнымъ узаконеніямъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что родившееся въ народѣ чувство благотворенія преступникамъ взлелеяно и воспитано правительствомъ въ такой сильной степени, что когда ему же понадобилось ослабленіе его, то всѣ мѣры оказывались слабыми и не дѣйствительными. Вотъ коротенькая исторія этой неурладицы.

Царь Феодоръ узаконилъ выпускать изъ тюрьмы сидѣльцевъ по два человѣка на день для сбора подацій. На этомъ правѣ колодники основывали свои челобитья на имена послѣдующихъ царей, когда встрѣчали прижимки со стороны приставниковъ. Прижимокъ было много и всѣ челобитья тюремныхъ сидѣльцевъ до временъ Петра переполнены подобными жалобами. Петръ, не любившій справокъ съ народными свойствами, недовѣрчивый къ непосредственнымъ народнымъ заявленіямъ, и на этотъ разъ призналъ за дѣйствительныя мѣры — крутыя и рѣшительныя: въ 1711 году онъ постановилъ за отпускъ колодниковъ за милостыню—виновныхъ ссылатъ на каторгу. Жалобы на то, что заключенные „съ голоду и цынги погибаютъ“, не прекратились; заковъ продолжали обходить. Въ Москвѣ водили колодниковъ на связкахъ по городу для прошенія милостыни и сенатъ (указомъ 20 сент. 1722 г.) принужденъ былъ

повторить запрещеніе. Тѣхъ, которые, за карауломъ сядя, прокормить себя не могли, стали отправлять въ разные мѣста: мужчинъ для казенныхъ работъ въ Московскую губернію съ заработанными 4-мя деньгами на день для каждаго, а бабъ и дѣвокъ на мануфактурныя прядильные дворы, отъ которыхъ шли имъ кормовыя также по 4 деньга на день. Затѣмъ, если „связки“ будутъ въ употребленіи, судьи обязывались штрафомъ. Но уже черезъ мѣсяцъ практика вызвала уступку. Тамъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ работъ (говорить указъ 1722 года отъ 17 октября), отпускать для прошенія милостыни по одной, а гдѣ много человѣкъ, по 2 и по 3 связки. Для связокъ употреблять длинныя цѣпи „съ примѣра того, какия на каторгахъ учинены“. Собранное подаеніе узаконено дѣлать только между тѣми, которые сидятъ въ государственныхъ дѣлахъ, а не въ дѣлахъ челобитныхъ (содержавшіеся за долги прокармливались на счетъ кредиторовъ). Екатерина I, сдѣло слѣдовавшая всѣмъ предначертаніямъ мужа, узнавъ, что колодники все-таки сумѣли отвоевать святочное право ходить съ 1-го января по 6-ое по дворамъ и по улицамъ,—указомъ 1726 г. (23 дек.) предупредила это дозволеніе, запретивъ его и подтвердивъ прежніе указы Петра. Подтверженія затѣмъ слѣдовали одно за другимъ, обременяя суды налжными бумагами, стѣсняя колодниковъ и мирволя приставникамъ къ налжной поживѣ отъ поборовъ и взымокъ. Въ концѣ концовъ, при Аннѣ разные приказы въ Москвѣ продолжали отпускать преступниковъ на связкахъ, безъ одежды, въ одѣжхъ ветхихъ рубахахъ, „а другіе пытаные, прикрывая одиѣ синны кровавыми рубахами, а у иныхъ отъ ветхости рубахъ и раны битыя знать“. Вѣдно отпускать съ добрыми караульными, безодежныхъ кормить тою милостынею, которую соберутъ одбитые. Въ 1738 г. (8-го февраля) принуждены были снова формально запретить колодникамъ ходить по міру, потому что просить ее не только по разнымъ мѣстамъ, но и въ одномъ мѣстѣ собираются по многу (особенно содержащіеся отъ военной конторы въ подложныхъ отдачахъ рекрутъ). Въ 1744 г. Елизавета (въ указѣ 16 ноября) признавала, что колодники продолжаютъ собирать подаенія вмѣстѣ съ бродягами-нищими, а потому приказала въ этомъ случаѣ поступать по указамъ. Въ 1753 г. указъ подтвержденъ. По указу 1754 г. (30 марта) опять видно, что колодники нищенствуютъ по старому, ходя на связкахъ и во многомъ числѣ, а по указу 3 ноября 1756 года — что колодники ходятъ въ Москвѣ по церквамъ, „во время совершенія службъ“, по домамъ, по кабакамъ, по улицамъ и по торговымъ мѣстамъ съ ящичками, на связкахъ, и притомъ пьянствуютъ и чиняютъ ссоры. Указами не уялись. Прокуроръ сыскаго приказа Толстой свидѣтельствовалъ,

что колодники „дѣйствительно ходятъ пьяными въ разодранные и кровавые рубашкаѣ, объявляя яко бы изъ сыскаго приказа пытаные и опредѣленные въ смыслу, и просить милостыню съ великимъ невѣжествомъ и необычнымъ крикомъ“. Шатуновъ велѣно лопить и поступать по указу, а съ караульных брать штрафы. По указу 1761 года видно, что колодники все-таки просятъ милостыню „съ невѣжествомъ“. Съ учрежденіемъ попечительнаго общества, уже при Александрѣ (въ 1819 г.), шатаніе колодниковъ остановлено не насильственными мѣрами, а регулированною благотворительностью. Къ тюремнымъ воротамъ привинчены были кружки для денегъ. Такія же кружки стали прибавать потомъ въ кордегардіяхъ губерскихъ правленій и къ церковнымъ стѣнамъ. Вышанные деньги пошли на улучшение пищи въ добавокъ къ кормовымъ казеннымъ. Остатокъ шелъ арестантамъ при освобожденіи изъ заключенія и при отправленіи въ Сибирь. Въ тюрьмахъ заведены были артельные столы: отомла охота шататься со специальною цѣлью за подаваніемъ. При отправкѣ въ Сибирь арестанты увидѣли, что пожертвованныя деньги употреблялись на покупку для нихъ нужнаго на дорогу. Увлеченный успѣхами такихъ мѣръ, преаидентъ комиссіи князь Голицинъ ходатайствовалъ уже о новой мѣрѣ, желая отъ генералъ-губернаторовъ предписанія, чтобы подаватели не давали денегъ арестантамъ на руки, а опускали бы ихъ въ кружки. Предписаніе дано, разумеется, съ полною охотою и готовностью, но и ему судьба судила начало новой борьбы съ регулированіемъ добродѣтельныхъ подаваній, на каковую потрачено столько же напрасныхъ силъ, какъ свидѣлствуетъ рассказанная нами исторія. Выдачу милостыни въ руки сверхъ той, которая уже опущена во внутреннія и наружныя тюремныя кружки, мы видимъ въ наши дни въ той же неприкосновенной цѣлости, не ослабленной, не побѣжденной, во всеоружіи несокрушимаго народнаго закона, однимъ изъ тѣхъ обычаевъ, которые бессильны не только искоренять, но и ослаблять вслѣдствіемъ законовъ, распоряженій и предписаній. Такъ, между прочимъ, еще въ 1767 г. замѣчено было, что подаваніе колодникамъ не выдается, а зачисляется въ кормовую дачу, — велѣно наблюдать, чтобы изъ подаванія въ руки каждого колодника доходило не болѣе 3 коп. на день. Если затѣмъ явится остатокъ, то на него снабжать нужною одеждою. Не смотря, однако же, на это и на то, что по закону арестантъ не имѣетъ права имѣть при себѣ деньги (и для этого установлены обыски), не смотря на то, что давній опытъ указалъ на ненадежнаго посредника съ завистливымъ и алчнымъ окомъ, — жажда благотворительности не устаетъ и не прекращается. Даже какъ будто возростаеть она по мѣрѣ того, какъ услож-

няются противодействующія силы и неблагопріятныя причины.

Обусловливая свое религіозное чувство всякими подкрѣпляющими правилами, взятыми отъ св. писанія и изъ вѣковыхъ вѣрованій, жертвователи изъ торгующаго сословія Россіи, помню урочныхъ, обязательныхъ дачъ, идутъ на благотвореніе и въ другія времена, но не иначе, какъ возбужденные и вызванные какимъ нибудь высшимъ признакомъ, напоминающимъ. Арестантская партія въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ, по волѣ и дозволению начальства, къ единственному доступному имъ средству. Въ Россіи—это барабанный бой, производимый конвойнымъ барабанщикомъ; въ пути по Сибири—пѣніе пѣсни „Милосердной“, производимое всею путешествующею артелью арестантовъ. Въ Москвѣ, гдѣ, по сознанию всѣхъ смыльныхъ, идутъ особенно обильныя и богатыя подаванія, вызовы эти тѣмъ болѣе были необходимы, что маршрутъ шелъ стороною отъ тѣхъ улицъ, гдѣ, по преимуществу, сгруппировались домами тароватые богачи. Имена, отчества и фамиліи богачей-благотворителей помнятъ смыльные и на каторгѣ. Вотъ, что я слышалъ тамъ.

— Въ нашей партіи на каждого человѣка по тридцати рублей привелось, и все съ Москвы одной. Мы на первомъ этапѣ дуванъ дуваніи (дѣлать дѣлали). Пр — въ да С — въ такія жертвы кладутъ, что вся партія дивится. Пр—въ въ Преображенскомъ далъ всѣмъ ситцу на рубахи, да по три рубля на брата, да въ Богородскомъ наказалъ дать серпанки на штаны и по рублю денегъ.

— Москва подавать любить: меньше десяти-рублевой рѣдко кто подаетъ. Именинникъ, который выпадаетъ на этотъ день, тотъ больше жертвуетъ. И не было еще такого случая, чтобы партія какая не везла за собою въ Москву цѣлаго воза калачей; мы наклали два воза. Съ офицеромъ былъ такой уговоръ: на улицахъ останавливаться дольше, за пять часовъ остановки сто рублей самому Ивану Филатьеву (офицеру) и 10 рублей Семену Мироничу (утеръ былъ).

— Владимиръ-городъ (сказывали мнѣ другіе каторжные) всѣхъ городовъ хуже: подаваніе сходило малое. Вязники Владимира лучше, но тоже не изъ шедрыхъ. Нижній Вязники перехвасталъ, на Нижнемъ Базарѣ жертва большая. И нѣту городовъ богаче и къ нашему брату арестанту сердобольгѣе, какъ Лысково село, Казань-городъ, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Тюмень, а все отъ того, что въ городахъ этихъ старовѣровъ много живетъ. На подаванія они не скупятся...

— Я, вотъ (грѣшный человѣкъ!), имѣю еще зашибаюсь, а и то въ дорогѣ накопилъ ста два рублей и сюда привезъ; съ тѣмъ и жизнь свою каторжную началъ, а накопилъ (сы

и триста, кабы не цыное хамло. Поселенцы каторжных бережливѣе, такъ тѣ и по пяти-сотъ рублей накопляютъ.

Помимо этихъ добродетельныхъ подаваній и казенныхъ кормовыхъ копеекъ, выдаваемыхъ арестантамъ на руки, партіи иныхъ стороннихъ доходовъ имѣютъ уже немного. Собственныя арестантскія деньги передъ отправленіемъ отбираютъ въ губернскомъ правленіи и отправляютъ впередъ ихъ въ Тобольскій приказъ съ почтою; у ссыльныхъ, вмѣсто своихъ скопленныхъ денегъ, только квитанціи. Во время остановокъ по тюрьмамъ, арестанты получаютъ иногда подаванія натурою, съѣстными припасами, но отъ этого все-таки артельному капиталу не прибавокъ, при всемъ желаніи и стараніи арестантовъ. Существуетъ для партій еще одинъ доходъ денежный, но доходъ этотъ, при крайней оригинальности и неожиданности своей, случайный и не всегда вѣрный и благонадежный.

Извѣстно, напр., что за нѣсколько верстъ до большихъ губерскихъ городовъ на встрѣчу партій выѣзжалъ бойкій на языкъ, ловкій и юркій въ движеніяхъ молодецъ, въ сибирскѣ и личныхъ сапогахъ, который обыкновенно оказывался приказчикомъ или повѣреннымъ того купца, который снимаетъ казенный подрядъ на поставку арестантамъ зимней одежды. Молодецъ этотъ обыкновенно выходилъ въ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ партійнымъ офицеромъ и съ вѣдома его велъ такое дѣло, которое ему привычно и для арестантовъ выгодно. Онъ предлагалъ арестантамъ продать ему имѣющееся на нихъ теплое платье, обыкновенно полушубки, полученные немного времени тому назадъ и въ недалекомъ губернскомъ городѣ, при поступленіи въ пересыльную партію. Давалъ онъ немного, но давалъ наличными деньгами и при этомъ бралъ даже и вѣрнко поддерживаеме полушубки, замѣняя ихъ тоу рваную, которую привозилъ съ собою, и изумлялъ только однимъ: именно, необыкновенною ловкостью въ покупкѣ, умѣньемъ сойтись и убѣдить арестанта на сдѣлку, для него и для нихъ выгодную. Весь процессъ перекупки совершался въ какіхъ нибудь три или четыре часа и притомъ не смотря на количество пересыльныхъ, обстоятельство, приводившее всеѣхъ въ изумленіе. Выѣзжалъ на бойкомъ рысачкѣ, молодецъ этотъ успѣвалъ приехать и сдать купленную вещь хозяину, а хозяинъ отвезти и сдать податливому начальству прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣть партію, прежде, чѣмъ партія эта придетъ въ городъ. Дальше дѣло немудрое. Полушубки, подслунытые въ казну ловкимъ перекупникомъ, поступали опять на тѣ же плечи, съ которыхъ третьяго дня собрали, даже рѣдко исправленные, рѣдко измѣненные къ лучшему.

— По крайности обнашивать не приходится, меньше полушубокъ отшибаетъ той дрянью и

запахомъ, безъ которыхъ ни ромазовскіи, ни казанскіи овчинами не жить, — думаютъ арестанты и остаются довольными.

— Хоть и рискованное дѣло приказчикъ обдѣлалъ, а все же я рубль на рубль важилъ и слава Богу! Въ коммерціи нашей безъ этого нельзя! — думалъ въ свою очередь плутоватый подрядчикъ, самодовольно разглаживая бороду и отправивъ животоу дешевымъ и привычнымъ чаемъ и всякимъ трактирными благодатями.

— Къ казенному жалованію не лишнее придатокъ получить дѣтшамъ на молочнико, — смекали про себя третьи и, довольные другъ другомъ, вели подобныя операціи не одинъ годъ и не въ одномъ мѣстѣ.

Вели подобныя операціи съ полушубками и безъ огульнаго участія всеѣхъ ссыльныхъ, предлагая принять артельному старостѣ въ большой кучѣ даже и такіе коротенькіе и узенькіе, что и на подростковъ-ребятъ не годятся. Вся суть дѣла на этотъ разъ заключалась въ томъ, чтобы соблазнить форму и записать вещи въ расходъ. У ссыльныхъ большею частью полушубки хорошіе, ибо обношены и не смердятъ; съ таковыми-то, пожалуй, ему разставаться жалко, а полученные вновь арестанты имѣютъ право продать тутъ же. Тотъ же подрядчикъ охотно ихъ покупалъ, чтобы опять всучить ихъ въ тюремный цейгаузъ *).

Словомъ, довольны всеѣхъ дважды, но, разумеется, довольнѣе всеѣхъ оставались арестанты и потому, что видѣли заботливость начальства (какова она ни на есть), и потому, главное, что нѣсли капиталъ въ развѣвной ходячей монетѣ. Она имъ нужна, нужна до зарѣзу и крайне безвыходной необходимости. Для арестантовъ по дорогѣ много соблазновъ: и предугаданныхъ и неожиданныхъ. Одинъ этапный командиръ нѣкогда держалъ, напр., кабакъ (и поэтому этапъ его, помню казеннаго, носилъ другое названіе — пьянаго) и рассчиталъ правильно: давая нѣмъ личныхъ выгодъ возможную свободу партій, онъ заставлялъ ее уживаться и пропиваться до нитки, до послѣдняго алтына. Арестанты тѣмъ охотнѣе дѣлали это, что вскорѣ за этапомъ пьянымъ выходить на дорогу новый богатый городъ Кунгуръ, щедрый на милостыню и подаванія. Тѣ и другіе попиливали источники капиталы, которые вскорѣ и опять усиливались денежными дачами отъ старообрядцевъ въ Екатеринбургѣ и Тюмени. Въ Тюмени, напримѣръ, пожертвованія въ праздники Рождества и Пасхи были столь велики, сытны и обильны, что этапные арестанты платили смотрителю деньги, что-

*) Подъ Тобольскомъ въ подспорье кошачьихъ ссыльныхъ существовалъ такой обычай: на послѣдней станціи кандалы у поселщиковъ покупали заранее, потому что, по приходѣ въ городъ, здѣшніи желѣза обыкновенно велѣли снимать и бросать въ кучу, которая, разумеется, никогда не провѣтривалась.

бы на эти дни не выпускали дальше, а даль бы возможность поѣсть шанегъ, яичъ, кислаго молока и всего того, за что въ другихъ мѣстахъ и дальше приводится платить собственныя и довольно большія деньги.

Деньги, всеключныя, могущественныя, творящія чудеса, деньги освѣщали этапный путь, богатый мракомъ, спасали арестантовъ отъ множества непредвидѣнныхъ бѣдствій. Безъ денегъ и на этапахъ началась бы каторга, безъ нихъ тяжела бы стала путевая жизнь, подневольная и зависимая. Знали это начальники—и брали, знали это арестанты—и давали деньги за все, за что требовалъ уже установившійся обычай и безпредѣльный, безграничный, бесо-вѣстный произволъ. Произволъ и обычай сдѣлали то, что этапная жизнь арестанта сдѣлана была изъ разнаго рода притѣсненій и вымогательства. Тутъ мы видимъ цѣлую систему, которая за долгое время успѣла установиться и определенно выясниться. Выяснилась она, по нашему крайнему разумѣнью, въ такой формулѣ: всякій человекъ по всяческому праву ищетъ свободы, но лишенный ее—еще сильнѣе и настойчивѣе. „Отъ тебя зависить моя свобода. Полной свободы ты мнѣ дать не можешь, не въ твоихъ это силахъ, не въ твоемъ это правѣ, ты самъ мало свободенъ. Но ты человекъ терпимый, бывалый, а потому смѣлый. Дай себѣ немного труда и можешь удѣлить намъ частичку, кусочекъ этой свободы. Смѣлости и рѣшимости тебя не учить, а намъ все равно: мы съумѣемъ обмануть себя, не разъ обманутые въ жизни, и частичку твоего права и твоей свободы приедемъ за цѣлое. Но ты не хочешь, отчасти не можешь, дать намъ этого даромъ. Ты просишь вознагражденія за ту рѣшимость, за ту жертву, которыми рискуешь ради меня. Возьми! Возьми, сколько потребуешь, сколько это въ силахъ нашихъ! Но дай намъ подышать этой волей хоть на тотъ же пятакъ или гроинъ, какими оцѣнилъ ты эту волю. Знаешь, что мы обманываемъ себя, знаемъ, что завтра же придется намъ горько и слезно помянуться надъ собой, болѣзненно пожалѣть о затраченныхъ деньгахъ, попенять на себя за малодушіе: птичьего-де молока залотѣли! Но сегодня мы хотимъ забыть о кандалахъ и о вадникахъ и переднихъ этапахъ. Сегодня мы только люди, ищущіе деньги, а завтра, пожалуй, варнаки, чалдоны, храпы. Но сегодня мы пьемъ и пляшемъ во всю ивановскую, потому что добыли на этотъ разъ за деньги непокупное завѣтное наше право“.

Покупаютъ арестанты все. Даже право на подавние не всегда достается имъ даромъ и оно иногда требуетъ со стороны партій денежной жертвы. Денежныя жертвы со стороны арестантовъ пойдутъ потомъ въ безконечность, но начало имъ все-таки въ самомъ началѣ пути.

Еще въ Москвѣ, тотчасъ по выходѣ партій ссыльныхъ изъ пересыльнаго тюремнаго замка, бывалые этапные начальники слѣпили заявлять и объяснять тѣ начала, которыми будутъ руководствоваться они сами, а потомъ всѣ остальные товарищи ихъ, ближніе и дальные, этапные командиры.

— Какими васъ, ребята, улицами вести?—спрашивалъ бывало свою партію опытный этапный

— Хорошими, ваше благородіе!—отвѣчали, бывалые изъ арестантовъ.

— Сблагородите въ барабанъ бить и прокладу дайте,—прибавляли опытные изъ нихъ.

— Проклада 50 рублей стоитъ, барабанъ столько же. Стало, ровно сто на меня, да десять на ундеровъ, по рублю на рядовыхъ, согласны ли?—говорилъ офицеръ.

— Идетъ!—отвѣчали бывалые изъ арестантовъ съ полною готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла слухая дѣтняя пора. Они начинали торговаться, если на ихъ сторонѣ не было такихъ сильныхъ и благоприятныхъ условий.

Свѣжіе, мало опытные арестанты задумаются, удивятся такому риску, такой рѣшимости, зная, „что изъ казенной семитки такихъ денегъ не выкроишь, хотя всѣ иди въ складчину“; но не доходили еще до заставы Рогожской, сомнѣнія ихъ разбивались. Партія пойдетъ медленнымъ, привѣтательно медленнымъ шагомъ, и пойдетъ притомъ не тѣми улицами, которыя ведутъ прямо въ Рогожскую заставу и по маршруту, но тѣми, которыя по преимуществу наполняются торгующимъ народомъ или обставлены домами купцовъ-благотворителей (имена этихъ благотворителей, какъ уже сказано, помянуть ссыльные, а дома ихъ хорошо знаютъ командиры и арестанты). Идетъ партія въ неизмѣнномъ, разъ нарисованномъ и на всегда установленномъ порядкѣ: впереди ссыльно-каторжные въ кандалахъ, въ серединѣ ссыльно-поселенцы, безъ оковъ ножныхъ, но прикованные по рукамъ къ цѣпи по четверо; сзади ихъ, также прикованные по рукамъ къ цѣпи, идутъ ссылаемые на каторгу женщины, а въ хвостѣ неизбѣжный обокъ съ большими и багажемъ, съ женами и дѣтьми, слѣдующіи за мужьями и отцами на поселеніе. По бокамъ, и впереди и сзади идутъ неизбѣжные конвойные солдаты и идутъ отрядные конвойные казаки. Смотрите на картину эту въ любую среду (часа въ 4 по полудни) въ Петербургѣ, у Владимирской (хотя, наприм., въ Кузнечномъ) или въ Демидовомъ переулкѣ; прослѣдите ее за Томскомъ, за Красноярскомъ, посмотрите на нее въ Иркутскѣ: все одна и та же, разъ заказанная и нарисованная картина, только, можетъ быть, кое-когда окажется пробѣль на мѣстѣ казаковъ. Въ этихъ картинахъ, со времени Сперанскаго, замѣчательное постоянство и однообразіе.

Привычный, не раз присмотрѣвшийся, замѣтитъ, пожалуй, во всей этой форменности нѣкоторую фальшь и натугость, которая стигивалась и вытягивалась во время прохода партіи городами и распускалась, развертывалась свободнѣе за городомъ въ полѣ. Такъ, конечно, это и должно быть. Разглядѣть не трудно, что эта подтянутая форма и поддѣльный порядокъ существуютъ только для Россіи и въ Россіи *); по Сибири арестанты ходили вольнѣе, свободнѣе и распушеннѣе. Тамъ за параднымъ порядкомъ не гонялись, чѣмъ премного обязывали арестантовъ, которые были довольнѣе дорогами сибирскими, чѣмъ русскими, и прибавляли:

— До Тюмени идешь, несемъ кандалы на помочахъ, а помочи надѣваемъ прямо на шею, по російски. И давятъ кандалы шее, давятъ щеки, а имъ и безъ того на ходу тяжело, все онѣ ноютъ. По Сибири несемъ кандалы на ремешкѣ, на поасу. По сибирски легче!

— По Сибири вольнѣе идешь, легче и думаемъ. А думаемъ такъ: если, молъ, начальники къ тебѣ милостивѣй стали, значить, въ свою сторону приехалъ, а если, молъ, не совсѣмъ она тутъ, то теперь уже близко.

— Сибирь тѣмъ хороша, что врать не велитъ. Въ Россіи смиреніе напускай, а за угломъ дѣлай что хочешь; въ Сибири иди какъ хочешь и каковъ ты есть, не притворяйся, не заставляють.

— Въ Россіи думаютъ, что ты самый худой человекъ, коли „часы потерялъ, а цѣпочкой обзавелся“, а въ Сибири знаютъ, что мы не хуже другихъ и не лучше другихъ! Живутъ и на волѣ люди хуже тебя, а идешь ты на канатѣ затѣмъ только, что проще другихъ, глупѣе говорить надо. Значить—попался, хоронить концовъ не умѣлъ...

До Тобольска партіи шли въ полномъ составѣ, т. е. такъ же, какъ сняжуются съ мѣстъ: женщины отъ мужчинъ не отдѣлялись, давая, такимъ образомъ, возможность видѣть по-часту на подводахъ, слѣдующихъ за партіею, мужчинъ и женщинъ, сидящихъ вмѣстѣ. Понимающіе дѣло знали, что это счастливыя четы любовниковъ, успѣвшихъ за долгую дорогу перемолвиться и войти въ сношенія между собою и съ этапными; съ послѣдними для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти право принимать за собственныя деньги лишнюю подводу. Любовнымъ изъясненіямъ не препятствуетъ

при этомъ то, что по-часту подвода на-нимается въ складчину и стало быть на одиѣ сани садятся по двѣ и по три любящихся пары. По сознанію знатоковъ, женщины преступницы выработываютъ на этапахъ особое душевное свойство, которое мѣшаетъ имъ любить одного и служить на такой долгой срокъ, какой полагался для перехода партіи до мѣста. Этапная любовница особенной любви къ супружескимъ узамъ не показывала, она рѣдко остается вѣрною тому, кто первый подвелъ подъ ея преступное сердце мину и немножко побольше любить развѣ только того, кто съ ловкостью соединяетъ важную и существенную доблесть. Дobleсть эта для ссыльной женщины заключается въ бережливости, а послѣдняя обезпечиваетъ всегда туго набитый денежный карманъ. Большинство женщинъ идетъ въ Сибирь за поджоги или за убійства дѣтей, а оба эти преступления вызываютъ ревностью и обуславливаютъ въ ссыльной женщинѣ присутствіе пылкихъ страстей. Страсти эти, съ одной стороны, послужили къ гибели и ведутъ на каторгу, съ другой—изъ пересыльной женщины дѣлають легкую добычу для аматеровъ. Любители эти—по большей части этапные солдаты (на полуэтапахъ, напр., бабы—по уставу—ночуютъ въ солдатской караулѣ), меньшая половина—товарищи-арестанты. Впрочемъ, нерѣдки случаи и постоянства въ любви, въ формѣ даже будто гражданскаго брака, въ тѣхъ случаяхъ, когда защемило женское сердце тотъ молодецъ, который сосланъ безъ срока на каторгу, а стало быть не имѣетъ права вступать въ бракъ раньше 11 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, эти связи нельзя не считать въ числѣ главныхъ причинъ, что съ этаповъ не бѣгутъ и крѣпко держатся народъ обоего пола за невеселый канатъ.

Наблюдающіе за томскими острогомъ согласно свидѣтельству о томъ, что пересыльные арестанты, пользуясь удобствомъ раамѣщенія оконъ, выходящихъ на дворъ противъ бани, цѣлые часы простаиваютъ на одномъ мѣстѣ, любясь издали на моющихъ въ банѣ арестантовъ. Для достиженія желаемой цѣли подкупъ всегда дѣйствителенъ; иногда употребляется и насиліе. Въ тюремномъ острогѣ арестанты ловко прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщинъ; женщины настойчиво лѣзутъ къ мужчинамъ и артелями (человѣкъ въ 20) дѣлають правильныя вылазки, особенно въ больницу. Одинъ фельдшеръ попробовалъ помѣшать: ему накинудли на голову платокъ и щекотали до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему не удалось вырваться изъ весьма опаснаго для жизни положенія, словомъ—пока онъ постыдно не бѣжалъ. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ сами смотрители способствовали свиданіямъ мужчинъ и женщинъ и брали за это рубль серебромъ.

Этапы, во всякомъ случаѣ, представляли боль-

*) Художнику Якоби, желавшему увѣрить характерный беспорядокъ путешествующихъ арестантовъ, такъ и не удалось положить основы для будущей картины. Выѣзжалъ онъ и въ ночь, радѣлъ ему и конвойный офицеръ, но арестанты все-таки вытягивали жертвы солдатскій фронтъ, выстраивали шеренги. Художникъ принужденъ былъ ограничиться личной фантазіею и далъ картину, мало напоминающую этапный растахъ въ его настоящемъ правдивомъ видѣ.

ше удобства для сближений на случай любовных интриг. Такъ объясняютъ и сами арестанты.

— А не выгоритъ дѣло, не удадутся хлопоты?

— Тогда мы въ разбивку идемъ.

— Что же это значить?

— Въ большомъ городу или на хорошемъ этапѣ къ лазарету пристраиваемся. Господа дохтура къ нашему брату жалостливы, отдыхать позволяютъ. А то, какъ и фелшаровъ покупаютъ, эти люди дешевые, на деньги слабые.

— Ну, а дальше что?

— Въ лазаретѣ ждешь, навѣдываешься, когда больше бабъ набралось, женская партія изъ Томска приходитъ. У зрителя тюремнаго выпросишься, три рубля серебромъ подарить ему успѣха ради, онъ тебя къ женской партіи и припишетъ, на то законъ есть. И пойдешь съ бабами. Дорого это, да что дѣлать?! Фелшаръ, однако, дешевле зрителя. Этотъ за четвертакъ на койку положить, за двургривенный выпустить *).

— Кто до женскаго полу охотникъ (разсказывали намъ многіе другіе арестанты), тому траты большія, тому денегъ надо много: деньги ему надо на подводы, надо всякому солдату дать, офицеру—статья особенная. Опять же на водку изведеть онъ денегъ двойное, а не то и тройное количество. Смотрите-ка, во сколько ему дорога-то обойдется! А дорога дальняя, трудная. По Сибири денежныя подавняи меньше, все больше харчомъ да вадохами. Коли не скопиль денегъ въ Россіи, въ Сибири не живешь. Такъ и знай!

— Въ Сибири наживаютъ деньги одни только майданщики (т. е. откупщики **). Майданщику и баба другой стороной кажетъ, въ ней онъ пользу видитъ и по портяжному дѣлу. Во всякой рудляди каторжному большая нужда настать.

— Кто же шьетъ, когда въ партію не попадутъ бабы?

— Пьянаго народу въ партіи всегда больше бываетъ, чѣмъ трезвыхъ. Такихъ совсѣмъ почти

*) Замѣчено, что женщины родили, до прихода въ Тобольскъ, дорогою. Придя въ приказъ, просили вступать въ бракъ или назначить въ одну губернію съ влюбленнымъ. «Были даже неоднократные примѣры, что оставшіе на родниъ жену или мужа съ дѣтьми и не лишенише всѣхъ правъ состояніи, а слѣдовательно, не расторгнуто въ бракѣ, просили при жизни еще кого либо изъ супруговъ о вступленіи въ новый бракъ съ лицомъ, въ одной партіи идущимъ»—свидѣтельствуетъ одна официальная бумага. По закону до Тобольска женщинамъ не позволялось выходить замужъ и ни въ какомъ случаѣ не дозволялся брать каторжной женщины съ идущимъ на поселеніе.

**) Это—денежныя и ловкіе изъ арестантовъ, снимающіе подряды на содержаніе и продажу водки, картъ, съѣстного и пр. Но объ нихъ подробно скажемъ въ слѣдующей главѣ.

пѣтъ. А пѣтъ народъ, такъ и пропивается, а загѣмъ и забираетъ въ долгу у майданщика и табакъ и водку. А забралъ, такъ и плати чѣмъ сможешь, кто какое ремесло съ собой унесъ: портягой ты—иглой ковырай; сапожникъ—дратву въ зубы, и все такое. Въ каждой партіи рѣдкій кто ремесла не знаетъ и ужъ и во всякой партіи по каждой части найдется доточникъ. Такъ это всѣ майданщики и разумѣютъ и припасъ покупаютъ мастерамъ сами въ деревняхъ у крестьянъ. Оттого у майданщиковъ навсегда деньгамъ водъ большой; майданщикъ первый богачъ въ свѣтѣ. Копейка у него сильная, да и та алтыннымъ гвоздемъ прибывается. Такіе ужъ и люди на это дѣло идутъ, особенные.

Въ Тюмени ожидаетъ этапныя партіи тюрьма и въ ней отдыхъ. Тамоншняя тюрьма самая большая, самая просторная изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи по пути арестантовъ. Отдыхъ или пребываніе въ этой тюрьмѣ самое продолжительное изъ всего времени, назначаемаго для растаховъ (отдыховъ отъ 2 до 5-ти недѣль). Въ Тобольскѣ, какъ извѣстно, со времени учрежденія сибирскихъ губерній, по проэктамъ гр. Сперанскаго, существовалъ приказъ о ссыльныхъ, учрежденный вмѣсто „общаго по колодяничей части присутствія“, бывшаго до 1823 года въ городѣ Тюмени *). Приказъ занимается сортировкой всѣхъ ссыльныхъ по разрядамъ, назначаетъ опредѣлительно мѣста ссылки, проверяетъ частныя стѣлнейныя списки и составляетъ новыя. Истрчивая на все это примѣтное количество времени, приказъ, такимъ образомъ, даетъ арестантамъ нѣкоторую возможность перевести духъ, придти въ сознаніе, сообразить прошедшія и отчасти будущія обстоятельства жизни. Тобольская тюрьма, однимъ словомъ, играла весьма важную роль во всей этапной жизни арестантовъ. Знающіе люди примѣчали, что арестанты выходили оттуда опытнѣе, артели ихъ устроивались плотнѣе и прочнѣе. Тюрьма эта, богатая событіями разнаго рода и вида, дающая обильный и разнообразный дневникъ происшествій, являлась чѣмъ-то центральнымъ, какимъ-то высшимъ и важнымъ мѣстомъ, гдѣ арестанту преподается всякая наука, дается всякое поученіе, столь необходимое для исключительнаго его положенія, для его новой жизни въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ быта. Рядомъ съ разбѣжкой по отдыхамъ, по разрядамъ, за тюремною идеть все тотъ же порядокъ, какой былъ установленъ на прежнихъ этапахъ, но съ тою только разницею, что теперь порядокъ этотъ имѣетъ уже опредѣленныя, законченныя формы и правила. Рядомъ съ правомъ приказа назначать пересыльныхъ арестантовъ на разныя городскія работы, существовалъ побѣгъ и изъ тюрьмы и съ

*) Сюда же обратно переведенъ приказъ изъ Тобольска на настоящее свое мѣсто, по справедливости.

этих работъ. Въсѣтъ со строгостью тюремнаго заключенія и надзора шло объ руку дѣланье фальшивой серебряной монеты, составленіе фальшивыхъ видовъ, паспортовъ и печатей. Тюрьма тобольская, не смотря на то, что играла какъ будто неопредѣленную роль, какъ мѣсто временнаго помѣщенія, какъ бы роль проходнаго только постоялаго двора, — важна была для проходящихъ партій главною стороною: коренною и самостоятельною наукою — наукою жизни въ ссылкѣ, на каторгѣ, на поселеніи и на тѣхъ же этапѣхъ. У тюрьмы тобольской своя исторія, оригинальная и поучительная, исторія, могущая служить прототипомъ для всѣхъ російскихъ тюремъ. Это — резервуаръ, куда стекались всѣ нечистоты, скопившіяся во всѣхъ другихъ русскихъ тюрьмахъ. Ее и на каторгѣ разумѣли въ томъ же смыслѣ, какъ разумѣютъ Москву другіе города, торгующіе тѣмъ же товаромъ, по тѣмъ же самымъ приемамъ и законамъ. Тобольская тюрьма сама даже никогда исполняла роль каторжнаго мѣста и соблюдала въ своихъ стѣнахъ прикованныхъ на цѣпи, къ тачкѣ и проч.

Въ тобольской тюрьмѣ арестантскія партіи дѣлились на десятки, для каждаго десятка назначался особый начальникъ — десятскій, надъ всѣми десятками — главнокомандующій староста, выбираемый всею партіею. Приказъ о ссылкахъ утверждалъ выборъ и затѣмъ уже ни одинъ этапный офицеръ не имѣлъ права смѣнить старосту, развѣ только пожелаетъ этого еще путешествующая община арестантовъ. Староста этотъ, обыкновенно, собираетъ подаянія, когда дають таковыя по пути. Онъ же ходитъ съ конвойнымъ по дворамъ тѣхъ селеній, гдѣ стоятъ этапъ и когда назначена въ немъ дневка.

Изъ тобольской тюрьмы арестантъ выходилъ богачомъ, съ запасомъ новыхъ свѣденій на счетъ своего общественнаго значенія и съ запасомъ новыхъ вещей на счетъ казеннаго интереса. Въ мѣшкѣ у него появлялись двѣ рубахи, двое портовъ; на плечахъ новый армякъ — зипунъ изъ толстаго сѣраго сукна, съ желтымъ либо краснымъ тузомъ или двойкою на спинѣ, и съ единошерстнымъ родичемъ — штавами, а на ногахъ бродни — не сапоги и не калоши — обувь сибирскаго изобрѣтенія и вкуса, простая, но недорогившая, либо коты, т. е. мелкіе башмаки, начиненные бумагою *). На вѣснее время движимое имущество его еще больше возрастаетъ въ силу требованій суровой страны: на плечи — душистый тулупъ, на руки варежки и голицы, на ноги суконныя портянки, на голову треухъ — ту уродливую шапку на манеръ башлыка, которую любятъ въ дорогѣ, по глухимъ

мѣстамъ Россіи, старыи-попы и торгующіе крестьяне. Лѣтняя казенная шапка изъ сѣраго сукна безъ козырька, открывающая затылокъ и уши, дѣлается изъ арестанта тучелу. Имущество это арестантъ можетъ уберечь, можетъ и продать кому угодно, охотниковъ много: тотъ же конвойный солдатъ, свой братъ торговецъ-майданщикъ, крестьянинъ сплутной деревни и проч. Тулупъ идетъ не выше двухъ рублей, но бываетъ и дешевле полтинника; цѣна бродней колеблется между трехгривеннымъ и двумя двугривенными, рукавицы (т. е. шерстяныя варежки и кожаныя голицы вмѣстѣ) не выше двугривеннаго. Продають больше по частямъ, но можно и все разомъ, особенно, если подойдетъ дорога подъ большой губернской городъ. Тамъ разговоръ извѣстный: скажешь, что потерялъ, проѣлъ, товарищи украли. Выпорютъ за это непременно или, для ускоренія взысканія, побьютъ по зубамъ, но накажутъ непременно, потому что арестанту безъ этого прожить невозможно. Новыми вещами снабдятъ также непременно, потому что казнѣ безъ этого нѣтъ иного выхода, было бы нечего дѣлать. Одевка, такимъ образомъ, производилась въ каждомъ губернскомъ городѣ, а проматыванье вещей существуетъ во всей силѣ, не смотря на указы, изъ которыхъ первый изданъ былъ еще въ 1808 году; продавались даже кандалы, т. е. сибирскіе, фунтовъ 10 — 12 вѣсомъ, и обмѣнивались у мѣстныхъ барышниковъ на 5 и 4-хъ фунтовыхъ. Барышники, за недостающее количество желѣза до вѣсу казенныхъ, доплачивали арестантамъ по взаимному договору.

Тобольская тюрьма на этапный путь производила то вліяніе, что составу партій давала иное направленіе. До сихъ поръ шли по Россіи всѣ вмѣстѣ, отсюда уже отдѣльно: каторжные — своею партіею, поселская партія особо, женщины, по указу 1826 года, также въ своей отдѣльной партіи. Потомъ, на дальнѣйшемъ пути, арестанты умѣли эти партіи спутать и и намѣченный законнымъ уставомъ видъ измѣняли по своему уставу, но въ приказѣ объ сортировкѣ усердно хлопотали. Разъ въ недѣлю выходили оттуда либо кандалная, либо женская и потомъ поселская, либо такъ: первая кандалная, первая, вторая, третья поселскія, потомъ женская, опять поселскія четвертая, пятая, вторая кандалная и потомъ опять четыре-пять поселскихъ, одна за другою по недѣлю. Идущіе въ кандалахъ или вольно, отдѣльно. Посельщиковъ по три, по четыре пары приковывали къ цѣпи въ наручникахъ по-двое. Наручникъ этотъ изобрѣтенъ командиромъ отд. корп. внутр. стражи, генераломъ Капцевичемъ, и былъ утвержденъ 1 марта 1832 года. Для него потребовалась цѣпь, а прежде ходили прикованными къ пруту. Прутъ оказался неудобнымъ: при ходьбѣ рука каждаго терлась объ

*) Въ этомъ случаѣ гражданскіе арестанты не могли надѣяться и наплакаться тому предпочтенію, которое оказывается военнымъ арестантамъ. Эти вѣсто котовъ, какъ извѣстно, получаютъ сапоги.

его собственный наручникъ, который не всегда приходался по рукѣ. Высокіе люди тащили вверхъ малорослыхъ, а эти тянули руки высокыхъ внизъ; слабые за сильными не поспѣвали. Отъ безпрестаннаго тренія на рукахъ появлялись опухоли и раны, на прикрѣпленные къ пруту руки нельзя было надѣвать рукавицъ. Холодъ отъ желѣза причинялъ ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что нельзя было дѣлать руками этими никакихъ движеній, чтобы согрѣться. Унтеръ-офицеръ, сопровождавшій партію, не имѣлъ права, во время пути, отворять замка, укрѣпленнаго на концѣ прута; ключъ отъ замка хранился въ особомъ ящикѣ, за казенною печатью, изъ-подъ которой могъ быть вынутъ только по прибытіи въ этапъ, гдѣ находился офицеръ. Слѣдовательно, если заболѣвалъ одинъ изъ арестантовъ въ дорогѣ, то должно было всѣхъ вмѣстѣ сажать на повозку. На ночлегахъ арестанты не имѣли нужнаго покоя, ибо движеніе одного чувствовали все прочіе, прикрѣпленные къ пруту. Каждый разъ, когда нужно было одному изъ нихъ выходить ночью на дворъ, все товарищи должны были его сопровождать. „Ужасъ и униженіе, — свидѣтельствуется officialный актъ: — замѣчаемые въ арестантахъ въ то время, когда дѣлались приготовления прикрѣплять ихъ къ пруту, всеобщая радость и благодарность, воссылаемая въ благодѣтельному начальству, когда отправляютъ ихъ порознь въ кандалахъ, явно убѣдили въ томъ, что пруты для нихъ, безъ всякаго сравненія, отяготительнѣе кандаловъ“. Пруты, существовавшіе восемь лѣтъ (съ 1824 года), были замѣнены цѣпью различной длины (отъ 11 вершковъ до 1½ аршина). На цѣпи теперь другое горе: бойкіе на ногу тянутъ заднихъ тихоходовъ; остановится одинъ за нуждою — все должны стоять и дожидаться, а скovskyвають иногда человекъ по восьми, по десяти. Но арестанты и этотъ способъ сжумѣли медленнымъ хожденіемъ (при чемъ нельзя распознать перваго виноватаго) до того обезобразить, что сами конвойные охотно перестаютъ примѣнять его. Они хорошо знаютъ, что надо пройти въ день до стоянки верстъ 30 и больше. Утромъ вышли — надо ночевать на полуэтапѣ; опять день идти, чтобы попасть на этапъ. Здѣсь дневка — дается отдыхъ (растахъ, по тамошнему). На третій день опять путь-дорога до ночевки на полуэтапѣ и дневки на этапѣ. А тамъ и пошла писать эта медленная путнина, долговременная ночевка до мѣста назначенія. Поидемъ вслѣдъ за арестантами.

Выидемъ изъ тобольской (а теперь изъ томской) тюрьмы, чтобы слѣдовать за арестантами снова вдоль этапнаго пути, у котораго конецъ еще не близкій и во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ для самаго дальняго преступника находится теперь мѣсто его родины. Вотъ что мы слышимъ.

На первомъ привалѣ и отдыхѣ арестанты устраиваютъ въ средѣ своей отдѣльную и самостоятельную артель, которая имѣетъ такой же смыслъ, значеніе и важность, какія имѣютъ всяческія артели, успѣвшія поглотить въ себя все работающее населеніе, во всѣхъ углахъ и странахъ нашего отечества. Устраиваемая на первомъ привалѣ арестантская артель существуетъ затѣмъ во все время этапнаго пути и существуетъ самостоятельно и отдѣльно отъ той, которая установлена и поощряется закономъ. Не уничтожная, даже не ослабляя смысла и значенія той, которая сочиняется въ Тюмени по приказу чиновниковъ, эта новая артель, въ то же время, имѣетъ особенный, самобытный характеръ, съ которымъ плотнѣе и сильнѣе дружится путешествующій преступникъ. Она тоже не требуетъ особыхъ нововведеній, измѣненій и улучшеній, она тоже является въ готовой формѣ. Вотъ въсть когда придуманной, но до сихъ поръ свято соблюдаемой. Арестанты такую артель любить и безъ нее не только не ходятъ по этапамъ, но и не живутъ въ тюрьмахъ. Эта артель — жизнь и радость арестантской семьи, ея отрада и покой. Въ казенной артели полагается староста, въ арестантской — откупщикъ, а й данщикъ; вотъ въ чемъ вся разница этихъ двухъ артелей, повидимому, ничтожная, но, въ сущности, огромная.

Образованію арестантской артели предшествуютъ торги, со всѣми признаками этого обычнаго вида коммерческихъ операций. Торги провазываются на отдѣльныя статьи: 1) содержаніе водки, 2) содержаніе картъ, съѣстныхъ припасовъ, 3) одежныхъ вещей и проч. (иногда въ примѣчательной подробности). Къ торгамъ допускается всякій, безъ различія, но выигрываетъ только тотъ конечно, у котораго потолще другихъ кошма, который самъ бывалъ въ передѣлахъ, а дѣло торговли ему и знакомое и привычное. Это болѣею частью люди бережливые, скопидомы, у которыхъ замерало въ сердцѣ всякое попользованіе на соблазнъ, для которыхъ и въ тюрьмѣ жизнь не беспорядочна, не разбита отчаяніемъ, а несетъ тѣ же живыя струи и рисуется съ тѣми же отбѣнками, какъ и жизнь на свободѣ. Бѣднякъ и разочарованный его такое дѣло не пойдутъ, но не выустятъ его изъ своихъ рукъ тѣ, которые и на свободѣ маклачили торговлю и по этапамъ сжумѣли уберечь и припрятать кое какую копейку.

Откупныя статьи поступаютъ, по большой части, въ однѣ двое руки, но если идетъ большая партія (напр., свыше ста человекъ), торги становятся дробными. Въ однѣ руки сдаютъ право на содержаніе картъ, костей, юлки и другихъ игорныхъ принадлежностей; въ другія руки поступаетъ торговля табакомъ, водкою и всѣми возбуждающими сластями и удовлетворяющими наслажденіями; въ третьи руки

идеть торговля харчами и доставка състныхъ припасовъ. Дробность эта иногда бываетъ еще мельче, но во всякомъ случаѣ, торги устанавливались обыкновенно не на всю дорогу отъ Тобольска до каторги. Одни торги существовали до Томска, гдѣ впервые разбивалась партія и на первомъ же этапѣ за Томскомъ устраивались новые торги до Красноярска, въ Красноярскѣ—до Иркутска, въ Иркутскѣ уже вплоть до Нерчинска. По Сибиря ходятъ партіи человекъ въ 200 и болѣе *). Заплативъ артели нѣсколько рублей, а иногда и десятковъ рублей за право торговли, откупщики-майдашники обязаны уже имѣть все, по первому требованію арестантской общины. Часть денегъ, полученныхъ съ откупщиковъ этихъ, дѣлятся поровну между всеми остальными, другая, меньшая, сдается на руки казеннаго старосты, который обязанъ, на правахъ казначея, блюсти эту сумму какъ зѣялицу ока. На эти деньги староста, съ согласія цѣлой артели и съ ея разрѣшенія, покупаетъ всякія льготы у этапныхъ начальниковъ (офицера или унтеръ-офицера): право пролѣтъ „Милосердную“ и собрать въ сплутной деревнѣ на артель деньги и състные припасы; право сходить въ баню на этапѣ, иногда выкупаться въ рѣкѣ, обѣгать въ кабакъ откупщику или его подставному помощнику; снать кандалы на честное варнацкое слово и принимать, сверхъ казенной, на артели деньги, лишнюю подводу, куда садятся слабые и больные и складываются, снятыя для облегченія въ дорогѣ со всей партіи, кандалы **).

*) Законъ ограничиваетъ число людей въ партіяхъ во внутреннихъ губерніяхъ отъ 20 до 60 и въ сибирскихъ отъ 50 до 60, 100 и болѣе. Между тѣмъ, среднее число людей въ партіяхъ при еженедѣльной (60 разъ въ году) отпиравкѣ по этапамъ бывало:

Отъ Полтавы до Харькова	30
» Харькова до Воронежа	34
» Воронежа до Тамбова	40
» Тамбова до Пензы	43
» Пензы до Симбирска	47
» Симбирска до Казани	69

Въ Казани же присоединялась и московская партія (изъ смышлыхъ окрестныхъ губ.), пополненная петербургскою (изъ арестантовъ финляндскихъ, остзейскихъ, литовскихъ, псковскихъ и олонечскихъ). Московская (соединенная) партія росла такъ:

Отъ Москвы до Владимира	72
» Владимира до Нижняго	80
» Нижняго до Казани	85

Въ Казани, такимъ образомъ, собиралось уже 154 арестанта; въ Дебесахъ (туда сходились изъ Вятск., Волог., Костр., Оренб. и друг. губ.) число смышлыхъ среднимъ счетомъ бывало 171.

Отъ Дебеса до Перми	178
» Перми до Кунгура	182
» Кунгура до Камышлова	189
» Камышлова до Тюмени	194
» Тюмени до Тобольска	220.

**) На тѣ времена, когда по малолѣтству партіи не сданы откупъ, и не будетъ майдашника, обязаннаго оберегать арестантскія удовольствія,

— Гдѣ же нанимаютъ подводы?

— Сами этапные лошадей держатъ. Солдаты тѣмъ и живутъ, живутъ тѣмъ же и господа офицеры.

— Да справедливы ли этотъ послѣдній сказъ?

— На правду-то дѣло победеть, такъ мы (арестанты) и отвѣтить не знаемъ какъ, кто изъ насъ лучше: тѣ ли, кто водятъ, или тѣ, что ходятъ. Подъ Казанью былъ этапъ и прозывался пьянымъ; пьяный и былъ: тамъ спавали все партіи. Въ Енисейской губерніи другой такой этапъ стоялъ и офицеръ жиялъ. У него было пять дочерей, а при нихъ онъ кабакъ содержалъ. Мы люди гиблые, а душа въ насъ все та же: на всякую сласть соблазновъ не отняли и силушки не хватаетъ сладить съ духомъ.

Прислушайтесь!

„Вышли мы изъ Тобольскаго городу и не отошли верстъ десяти, слышимъ, кричитъ этапный, который шель съ нами:

„— Староста!

„Подбѣзвать къ нему староста.

„— Спроси партію, по скольку дасть за этапные списки?

„Спросилъ староста партію. Отвѣчаютъ:

„— Давай по пятаку съ рыла.

„— Мало,—отвѣчаетъ,—пускай-де дають по гривнѣ!—и отослалъ старосту.

„Тотъ къ артели.

„— Давай по восьми копейекъ!

„— Не беретъ, безъ запросу-де.

„— Ну, чертъ съ нимъ, отсчитывай ему по гривнѣ.

„Развязали мошны, отсчитали деньги, передали старостѣ. Развернули намъ бумагу и вычитали каждому—куда и какъ. А знаемъ, даромъ долженъ сдѣлать; даромъ доведеть до тѣхъ мѣстъ, кому какое уготовано. Надо бы было намъ слышать это самое въ приказѣ. Тамъ не сказали, а тутъ зудъ беретъ: всякому впередъ знать о себѣ хочется. Всякому это лестно. Вотъ тутъ первый соблазнъ. Приказъ сказывать долженъ, да захотѣлъ онъ, видно, помирволить офицеру; ннѣ быть дѣлу такъ! А бывало дѣло и не одинъ разъ бывало такое дѣло. Этапный начальникъ тоже человекъ бѣдный“.

— То ли бываетъ!—говорили другіе смышлые.—И кто знаетъ, съ чего это: отъ того ли, что такъ подобаетъ, или по какому по другому закону, мы не домекались. А слышали не разъ, какъ звалъ офицеръ старосту и наказывалъ:

запроданныя на откупъ,—на тѣ времена карточные игроки на этапахъ задищались полтинникомъ противъ унтеръ-офицера. За 10—15 коп. съ майдана охотно берется защищать игру часомъ и тогда ведутъ подходы за себя противъ унтера. Впрочемъ, подробности тюремной жизни дадутъ намъ дальше возможность объяснить этотъ вопросъ въ болѣе полномъ оконченомъ и опредѣленномъ видѣ.

„Староста! а что бы партін-то этапнаго начальника ячками попотчивать“. Приходиль староста въ партію, объявляль:

— Можно!—сказывали и отбирали человекъ съ десять, самыхъ голосистыхъ. Пѣвуну эти шли по деревнѣ, пѣли заунывную „Милосердную“, на пѣсню выносили яйца, а изъ яицъ господишъ начальникъ яичницу себѣ стряпаль и купилъ въ полное свое удовольствіе“.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и разспросовъ мы узнаемъ, что съ офицерами и другими провозжатыми партія старается жить ладно и во всемъ имъ угрождаетъ. Въ свою очередь и офицеръ, глазъ на глазъ поставленный съ преступниками, обязанъ мирволить и подлаживаться къ общему тону арестантской артели, чтобы не лопнуло звено въ казенной цѣпи и она не разсыпалась бы. Этапному офицеру сдѣлать это не трудно, потому что ему самому трудиться не надобно: до него все придумано, испробовано и подготовано въ самую мѣру. Онъ самъ искалъ этого мѣста и получилъ его въ награду за долгое терпѣніе, какъ древній русскій воевода, и съ тою же самою прямою цѣлью. Обманывать и обманываться тутъ не для чего, дѣло всему міру извѣстное. Малаго ребенка объ этомъ спросите и тотъ съумѣеть отвѣтить. Тутъ чѣмъ ни замазывай, подгрунтовка сейчасъ окажется не тѣмъ, такъ другимъ красѣмъ. Инвалидныя мѣста въ недавнюю старину тѣмъ и славились, что лучше крѣпостной деревни были. Хороши были инвалидныя команды вообще, да и этапныя такыя же въ частности. Между тѣмъ, не трудно было распознать человекъ, что вотъ и еще житейская задача—влечить и ладить угловое житейское судно свое между ножемъ и артельнымъ полуштофомъ, между крупными ругательствами и десяткомъ яицъ за кротость нрава и услужливость. Законъ уступокъ не знаетъ, на него надѣяться нечего; если по закону: когда убѣжить проселенецъ—накажетъ солдата командиръ, но зато, если убѣжить каторжный—военный судъ, какъ сибѣгъ на голоду. Опять же законъ больше себя очищаетъ, съ силами твоими не всегда справляется; велитъ прилагать стараніе къ поимкѣ бѣглыхъ и воровъ, которые укрываются (близъ дорогъ, или, по крайней мѣрѣ, быть для нихъ страшными своєю дѣятельностью и поисками. Законъ въ то не входитъ, какъ приспособить желаніе его и гдѣ взять для исполненія его возможность, доступъ и силы. Хорошенько поглядишь на дѣло и видишь, что жизнь даритъ только двѣ крайности: либо въ стремя погонь, либо въ нѣвь голову; сегодня—деньги на приварокъ отъ артели изъ добродотныхъ подалий, если дано ей послѣднее послабленіе, завтра—всѣ въ лѣсъ убѣгутъ, если нажилъ человекъ крутой нравъ и натрудилъ сердце, а за то ему: лишеніе годового оклада жалованья, судъ, клейменная отставка.

Вотъ тѣ искусственныя крѣпы, какими спутываются набалованные бродяжничествомъ и тюрьмою люди съ тѣми людьми, у которыхъ сердито сердце отъ житейскихъ неудачъ, а печалуй и отъ той же забалованности. Арестанты забываютъ на время пути по этапамъ свою бродячую повадку; приставники, въ свою очередь, должны поступиться кое-какими изъ своихъ личныхъ правъ. Въ итогѣ у тѣхъ и другихъ выходила круговая порука, взаимное обязательство жить между собою мирно и ладно. Отсюда замѣчательная случайность: арестанты съ этаповъ и съ этапной дороги почти никогда не бѣгутъ. Вываютъ примѣры, но очень рѣдко, и тѣ выпадаютъ большею частью на Забайкалье, на мѣста, сошеднія каторгамъ или на пустынина, вродѣ странъ зеленскихъ *); а, кажется, чего бы легче и удобнѣе: у самой дороги такая лѣсная треща, что стоить вскопать въ нее—съ собаками не сыщешь, особенно если не зимнее время, не лежить сибѣгъ глубокими сугробами, а стоить весна-красна или лѣто жаркое, трава мурава шелковая, а промежъ ней всякое коренье сладкое и ягоды рянные. Стоить, сговорившись всѣмъ, крикнуть „уру“, чтобы вся партія разомъ схватилась съ мѣста и брызнула, что вода изъ чана, въ разные стороны. Что тутъ какихъ нибудь 20—30 конвойныхъ противу ста или полпредстали принять могутъ? И на плечахъ-то у нихъ старья кремневая ружья съ осѣчкою. Да не въ томъ дѣло.

— Бѣжать съ этапа невыгодно, — увѣрили бывалые арестанты:— да и артель наша такого дѣла не терпитъ. Умѣлые начальники такъ сказываютъ: „Дѣлайте, братцы, что хотите, а мнѣ чтобы ни одного бѣглаго въ партію не было. Урвется который, всю партію къ цѣпи прикую“. А наложить цѣпь—для нашего брата ни въ которое время хорошо не бываетъ. Лѣтомъ эта цѣпь суставы ломаетъ, зимою отъ цѣпи всѣ кости ноютъ. На нашей партіи одинъ разъ стряслось такое дѣло: наложили! На морозѣ цѣпь настыла, холоднѣе самого мороза стала, и чего-чего мы на переходъ-отъ этотъ не на-принимались! Мозгъ въ костяхъ, кажись, замерзаетъ сталь, такого было маство и больно, и не въ людскую силу и не въ лошадиную!.. **).

*) Пустыни по тракту въ Якутскъ и дальнѣе до Охотскаго края и Камчатки съ двумя плоскогорными и однимъ солевареннымъ Охотскимъ заводомъ издавна служили исключеніемъ для этого правила. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія ссыльные организовались очень часто въ большія разбойничьи шайки. Въ 1832 г. высшее правительство знало, что при вниманіи конвойныхъ въ небольшомъ числѣ, ссыльные дѣлали побѣги и производили грабежи, а потому указомъ 26 февраля установило на этомъ пространствѣ въ 400 верстъ три этапа.

***) Освобождали отъ каната, т. е. цѣпи желѣзной, за 2 коп. съ человекъ, каковыя деньги удерживались изъ кормовыхъ.

— У насъ (говорили другіе смышленые), изъ нашей партіи единожды бѣжалъ молодой да небывалый, горячечный. Локнуло сердце и суставы затрещали прежде времени. Думали: цѣпи не минуемъ, а зима во всей силѣ. Собрались мы въ кучу, потолковали, померкали, пришли къ начальнику:

«— Такъ молъ и такъ, ваше благородіе. А вы намъ сдѣлайте эту милость: пустите на поиски! Мы вамъ этого бѣлага сидимъ, чтобы вамъ со счету не сбавиться и передъ начальствомъ своимъ не отвѣтствовать.»

«— Ладно!—говоритъ.»

«Офицеръ былъ старый, свое дѣло знаетъ, да знаетъ онъ и нашего брата; чутокъ былъ на вариационное слово *).

«— Ступайте!—говоритъ и конвойныхъ намъ не дагъ. Пошли мы отъ своей артели, пошли на ея страхъ, сами изъ себя и сыщиковъ выбрали. Въ лѣсу сдѣлали облаву. Проходили ночь, много утра, на другой день валил. Въ полудень черезъ сутки сошлись, гдѣ сказано, и къ начальнику привели прибывого да воевничого: бѣжалъ отъ насъ молодой парень лѣтъ восемнадцать, а наши ребята старика стрелили, лѣтъ пятьдесятъ. Старикъ бродяга былъ, на бѣгахъ, а бродягъ въ сибирскихъ лѣсахъ, что пня, не искать стать.»

«— Не того привели!—сказываетъ офицеръ.»

«— А вамъ, молъ, ваше благородіе, не все равно?!

«Подумалъ начальникъ, согласился принять этого. Былъ бы, значить, счетъ вѣреть, а тамъ наводи справки, на чемъ этапъ сѣйна сталась.»

— Ну, а старикъ?—спрашивалъ я.

— Ломался, упирался на первыхъ порахъ, дѣло извѣстное. Мнѣ-де, слышь, и погулять хочется, и кого-де вы еще мнѣ подставите: можетъ каторжника, можетъ бесрочнаго... и въ лѣсу-де мнѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ съ вами... Сказывалъ много, всѣмъ намъ слова его сѣйны даже сдѣлались.

«— Ты, молъ, старъ человекъ, а глупъ очень. Чертъ тебѣ мѣшаетъ въ Иркутскѣ сказаться: я-де не я, по ошибкѣ за другого въ списокъ включень. Тамъ начнутъ казенныя справки дѣлать, а ты сиди въ теплѣ. На морозѣ-то, молъ, дуракъ, хуже, да и не на всякій день харча примыслишь, а въ острогѣ казенный.»

*) Вариационное слово, вариационная честь—условная названія хорошо извѣстнаго сабиряка въ новомъ элементѣ въ народномъ духѣ. Основаніе его лежитъ на тѣхъ же самыхъ данныхъ, какими руководствуются купцы, въѣзжая на честное слово, по одной накладной, товары возвѣщаютъ, а смыслъ самихъ словъ сдѣлается окончательнымъ понятнымъ, когда обозначатъ въ послѣдующихъ нашихъ разсказахъ тюремныя тайны. Слово вариакъ, чалдонъ—бранныя прозвища, адресуемыя сибирскими старожилыми всѣмъ бѣглымъ изъ тюремъ, съ заводовъ и съ мѣстъ поселенія и водворенія.

«Подумалъ старикъ, сдаваться сталъ. Обскаживаетъ:

«— Не осерчалъ бы начальство которое...

«— А тебѣ, молъ, съ нимъ дѣтей крестить! Пушай сердчаетъ, пушай справляется, не что ему дѣлать, начальству-то твоему! вишь, пожалѣлъ!.. Ты думаешь, на спину-то тебѣ оно крестъ повѣсить за то, что ты волкомъ-то по лѣсамъ бродить? Этого, братъ, баловства и въ Россіи не любятъ.»

«Старикъ опять подумалъ, а мы ему ото всей артели рубль серебромъ положили: согласился. И пошелъ этотъ старикъ съ нами. Послѣ будетъ сказываться непонятымъ. Такъ его начальство и писать вездѣ и всегда станеть.»

Обычай гнѣваться именами, любовь къ псевдонимамъ, на этапѣхъ сильнѣе, чѣмъ въ другія мѣста каторжныхъ. Иногда за самое ничтожное вознагражденіе соглашется бобыль-поселенецъ сказаться каторжнымъ для этаповъ, чтобы объявиться потомъ поселенцомъ въблизи самой каторги, когда благодѣтельствованный мнѣ, прикрытый его званіемъ каторжника остался далеко назадъ и гдѣ либо въ волости воспользовался болѣе легкими и льготными правами поселщика. Обычай этого не остановило и строгое рѣшеніе закона, повелѣвающего поселенца съ псевдонимомъ оставлять на каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжному, по наказанію на мѣстѣ ста ударами розъ, къ двадцатилѣтнему сроку прибавлять еще пять лѣтъ. Обійти именами не прекратился и между поселенцами, не смотря на то, что обонимъ предстояло пробить за то на заводской работѣ по два года.

Другой случай, переданный намъ очевидцемъ, поразительно доказываетъ отсутствіе въ арестантской партіи стремленія къ побѣгу и возможность существованія такихъ стремленій при томъ плотномъ устройствѣ артели, въ какомъ неизбежно шестуетъ каждая партія.

Дѣло было около Тюмени. Партія состояла изъ трехъ сотъ человекъ. Пришла она въ полуэтапъ, всегда тѣсный и непомѣстительный. Цѣлью сдѣлки было желаніе партіи идти слѣдующія лишнія версты, чтобы отдохнуть въ этапѣ и отдохнуть подольше, съ зачетомъ выиграннаго времени. Офицеръ согласился. Партія пошла впередъ послѣ коротенькаго отдыха. Съ дороги, вопреки ожиданіямъ, бѣжали трое. Офицеръ собралъ партію въ кругъ, выбралъ всѣхъ, раскаялся въ своемъ довѣрїи и крѣпко пригрозилъ. Партія почувствовала неловкость своего положенія и всю отвѣтственность приняла на себя. Тѣмъ же путемъ облавы, черезъ выбранныхъ доточниковъ-скороходовъ и бывалыхъ бродягъ, но также безъ конвойныхъ, добыли арестанты къ слѣдующему утру всѣхъ троихъ бѣгловцевъ своихъ. Привели ихъ къ начальнику. Офицеръ возымѣлъ желаніе наказать и, не встрѣтивъ со стороны товарищей противодѣйствія, далъ каждому по сто розогъ.

— Теперь позвольте нам самим еще раздаться съ ними, — просила вся артель.

Получив согласіе, прибавила отъ себя каждому еще пять сотъ розогъ, да такихъ горячихъ, что жестокость ихъ изумила самого привычнаго къ телеснымъ наказаніямъ этапнаго офицера.

Третья партія въ жаркій июльскій день соблазилась на озеро холодное, искупаться захотѣла. Получивъ дозволеніе, сняла кандалы, разбрелась по берегу (партія была довольно большія), насладились запретнымъ удовольствіемъ, но на сборномъ пунктѣ явилась вся до послѣдняго человека. На Боршовскомъ хребтѣ (въ Забайкальѣ) отъ строгаго офицера изъ слѣдующей четвертой партіи бѣжало сразу 6 человекъ и товарищи искать не ходили.

Но чѣмъ дальше въ дѣль, тѣмъ больше дровъ. Взаимныя отношенія арестантовъ и конвойныхъ пріятно усложняются и каждая партія рассказываетъ непрежнею не одинъ случай вымогательства съ одной стороны, сильной и надзирающей, и не одинъ случай уступокъ со стороны слабой и подчиненной. Конвойные не упускаютъ ни малѣйшаго повода, чтобы сдѣлать съ арестантовъ поборъ, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи изумительна.

Въ большей части случаевъ придирки солдатъ носятъ какой-то отчаянный, злобный характеръ. Этакий солдатъ, получающій отъ казны около 3 руб. въ годъ, какъ будто хочетъ награждать себя за многотрудную службу свою и неумеренный уходъ за арестантами крохами тѣхъ, за кѣмъ падаиреетъ. Слово дѣловую жизнь онъ не вѣтъ и вотъ теперь, въ болѣзни умереть голодною смертію, хватить зря, что попадется, не гнушается никакою скверною, не боится грѣха, что вотъ и лишшаго стрѣбъ въ ослѣпленіи и наступленіи уха своего и деретъ съ его голыть плечъ послѣдній копейку. На практикѣ выходитъ такъ, что съ солдатъ линейные, тамъ и каторга, ногль собирасіе казаки (какъ, напр., въ Восточной Сибири), тамъ и пѣсва другая. Базаръ не вѣтъ крупи, не жить въ казармѣ, не получать въ припробѣ палки, а потому, умиравшіеся на мирныхъ деревенскихъ работахъ, на мажкомъ воздухѣ — ураномъ кротче и къ арестантамъ жалосканило. да желанія ихъ податливѣе и уступчивѣе. За казиками арестантамъ лучше. Послушайте и судите!

Одна этапная партія кончаетъ въ Сибири дневку. Рано по утру она слышитъ обычную команду: „Вставай!“ На дворѣ четыре часа пощ, морозъ во всей силѣ утренника, а дѣло зимнее. Въ казармѣ этапной холодно до того, что у арестантовъ зубъ не попадетъ на зубъ.

Началась суматоха: „Въ дорогу собирайся!“ Грохочетъ барабанъ обычный сказъ: „по возажъ!“ Выходи на дворъ. Тамъ въ суматохѣ согрѣваются, по командѣ собралась. Выведены на дворъ. Надо бы слушаться барабана, укладывать яшки на

подводы и садиться больнымъ на воза, а тамъ барабанъ замолчалъ. Раздается команда словесная: „Полю мыть!“

— Устали мы, изныли всѣ. Да и не наше дѣло.

— Кто дряннилъ, тотъ и чистить, вездѣ это такъ. Мой полю—такое положеніе.

— Положенія такого не слышали и не видали. Смотри на стѣнѣ, начальство притѣснять не велитъ.

— Это въ прошломъ году было сказано. Нынче другой годъ идетъ и потому положенія новыя.

— Гдѣ онѣ?

— Приколотить не успѣли.

— Покажи ихъ.

— Въ другой разъ приходи! посмотримъ.

И затѣмъ унтеръ-офицеръ отбираетъ изъ партій, вмѣсто обычной переключки, тронкъ или четверыхъ самыхъ говорливыхъ. При этомъ этапные ворота запираются, ружья беретъ конвой подѣ прикладъ и дѣлаетъ дѣль. Выбравные выводятся впередъ и получаютъ въ руки шапки съ холодною водою. Вода дается холодною затѣмъ, чтобы мыть приводилось больше, чтобы партія стояла на холоду и неподвижно на одномъ мѣстѣ дольше. А кончатъ въ казармѣ пять-шесть, а грянн налпшло за дѣль годъ, если не больше; и не видать конца положоной работѣ. Партія придется ждать долго, иззябнетъ она вся, измерзнетъ: думать и надумается. Ворота хотя заперли, подѣ прикладъ взяли, но осталась лазейка, — зовутъ арестанты старосту.

— Поди, староста, спроси: сколько положенія по новому закону. Чертъ съ ними!..

— По грошу съ брата!

И конецъ дѣлу. И обычная по положенію стройка во фронтѣ въ двѣ шеренги, конвойные въ авангардѣ, аррьергардѣ и съ боковъ. Барабанъ бьетъ генераль-маршъ: выходи рядами, а тамъ уже иди какъ хочешь. На новомъ этапѣ опять порядокъ послѣ того, какъ разобрали котомки, опять фронтъ въ двѣ шеренги. На правомъ флангѣ — каторжные, въ центрѣ — поселенцы, на лѣвомъ флангѣ — бабы. На новомъ этапѣ опять поборы. Маршъ къ нимъ на встрѣчу!

Новый видъ поборовъ столько обыкновененъ и общепотребителенъ, что безъ него и не идти, кажется, арестантской партіи, пока существуютъ эти этапы и живутъ на этихъ этапахъ солдаты, и жестокие и сребролюбивые, отъ самаго Томска до Сахалина.

Партія жааетъ получить баню по положенію и по закону.

— Бани въ починкѣ! — отвѣчаютъ имъ.

— Въ починкѣ была, братцы, прежняя, тамъ указали на вашу.

— Указъ не приказъ, да и мы на ту стать указать намъ умѣемъ; итъ у насъ бани, ступайте дальше, тамъ бавя новая.

— Да можетъ и она въ починкѣ. Законъ велитъ топить баню каждую субботу.

— А по конейкѣ съ брата положите, такъ и наша поспѣетъ, какъ нѣбудь законопатимъ...

Почешутся арестанты, подумаютъ да и велеть старостѣ развязать пошну съ артельными деньгами, ибо знаютъ, что—по закону—„могутъ ходить въ баню и мыть бѣлье, но не иначе, какъ съ позволенія этапнаго начальника (!?)“.

Недозволеніе огня—новая статья солдатскихъ доходовъ, въ особенности около ссыльныхъ дворянъ *) а вмѣстѣ съ этимъ запрещеніемъ и невозможность самия, для ускоренія, ставить самовары,—предполагаетъ новый, непредвидѣнный расходъ для ссыльныхъ путешественниковъ.

Но до сихъ поръ солдаты, а вотъ и настоящіе этапные начальники, по тѣмъ несомнѣннымъ даннымъ, которыми попадаются въ слѣдственныхъ дѣлахъ и официальныхъ бумагахъ разнаго рода **).

Первый примѣръ.

Арестантъ на спросѣ въ Томскѣ показать, что у него одинъ этапный начальникъ взялъ въ займы 15 руб. сер.—и не отдалъ. Навели справки, написали батальонному командиру и получили отвѣтъ, что деньги съ офицера взысканы и отправлены по принадлежности къ мѣсту нахождения кредитора.

Другой примѣръ оправданъ не однимъ десяткомъ случаевъ.

Во многихъ этапныхъ зданіяхъ пропадали казенныя вещи, большею частью желѣзныя, имѣющія передъ прочими большую цѣнность: дверныя петли и скобы, печныя заслонки и думники, а на одномъ этапѣ исчезли даже цѣлкомъ новыя сосновые двери. Наведены были справки; оказалось, что всѣ эти вещи проданы торговцамъ и продавали ихъ сами этапные командиры.

— И нѣтъ никакихъ средствъ искоренить это зло!—говорили нашъ люди знающіе, заинтересованные этимъ дѣломъ, какъ люди, ремонтирующие этапныя зданія.

— А подумать, приискать!—было у насъ на умѣ, но знающіе люди предупредили отвѣтомъ:

— Придумать могли одно только: думники закладываютъ кирпичекъ, вмѣсто заслонокъ рогожу моченую вѣшать, а двери и безъ скобокъ живутъ...

Третій случай.

*) Тюремныя предписанія, между прочимъ, превратно поняли свойства огня, не дозволявъ его ни поробитномъ видѣ, но разрывивъ показаніе имъ въ видѣ угольевъ; ссыльнымъ изъ дворянъ не позволяютъ ставить самовары, но подаютъ ихъ съ угольями и уже не боятся опасности поджоговъ. Арестанты изъ дворянъ, какъ извѣстно, пользуются передъ другими еще тѣмъ преимуществомъ, что освобождаются отъ оковъ и могутъ продавать въ сутки 15 коп., тогда какъ другіе должны быть сыты только на 10 коп., хотя бы эти другіе и жила въ ненасытныхъ извозчигахъ.

***) Этапные начальники обязаны провозить партіи, если въ ней больше 80 человекъ.

Въ Пермской губерніи, почтовымъ трактомъ отъ Екатеринбургъ къ Москвѣ, тянется небольшой обозъ съ чаемъ, съ пятью-шестью воззиками. Сзади партіи ѣдетъ на подводѣ въ одну лошадку офицеръ. По обыкновенію господинъ этотъ кричитъ арестантамъ: „Давайте по два рубля съ человека и дѣлайте, что хотите!“

Состоялось согласіе, учинилась сдѣлка, отсчитаны деньги. Арестанты бросились на возы всю партію, сорвали нѣсколько цибиковъ (т. е. мѣсть). Возчики сбѣжались въ кучу, бросились отбивать пограбленное, но конвой сдѣлалъ дѣль—не пустил. Награбленный чай въ сосѣднемъ городѣ сбытъ былъ темными путями черезъ надежныхъ людей, деньги получены натурою, раздѣлены поровну на каждого человека. Затѣялось слѣдствіе, тянулось долго и много.

Таковы бывали начальники смиренныя, а бывають и сердитые.

— Иной придетъ будить партію да увидитъ, что нашъ братъ-нѣженка распустился на ночь, чтобы слаще спать: кандалы съ ногъ спускалъ для легкости; подавая штрафныя деньги по положенію. А положеніе это онъ въ трубѣ углемъ пишетъ...

— Бывало и вотъ что: у меня отъ морозу лицо опухло. Увидаль это этапный офицеръ, въ рыло съѣздилъ.

„— Ты (говорить) клейма вытравилаешь.

„— И не думаль, ваше благородіе, морозъ со мной попуталъ.

„Затоналъ ногами, закричалъ зычными голосомъ:

„— Плетей подавай!

„Дать мнѣ ему было нечего, вздулъ меня. Другой, денежный, откупился отъ такой же напасти. Саломъ бы гусинымъ смазать надо и сало подъ рукой, всякій этапный солдатъ сало это на тотъ случай держитъ, а суясь—четвертакомъ за маховый кусочекъ не отдѣлаешься. Не дашь, начальству подъ страхъ подвердеть, а дать не изъ чего. По Сибири нашъ братъ идетъ совѣтъ безъ денегъ. Тамъ деньгами помогаютъ мало, больше живьемъ да харчами“.

Четвертый случай.

Послѣ извѣстнаго омскаго дѣла, когда тамошніе ссыльные поляки затѣяли крупный побѣгъ черезъ Киргизскую степь, началось передвиженіе ихъ по Сибири. Между прочими составлена была партія изъ 30 поляковъ, находившихся въ Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (близъ Каяска), и, закованною въ кандалы, отправлена была въ Нерчинскъ. Въ Иркутскѣ увеличенная новопривывшими, она выведена была изъ острога для дальнѣйшаго путешествія. Окруженные конвоемъ со всѣхъ сторонъ, поляки очутились въ одной партіи съ прочими преступниками. Этимъ выбрали полъ-головы тутъ же, на тюремномъ дворѣ; тоже самое хотѣли сдѣлать и съ поляками. Впрочемъ, конвойный офицеръ согласенъ былъ взять по 60 коп. съ

каждой головы, чтобы набавить ихъ отъ операціи, отъ которыхъ освобождаютъ политическихъ преступниковъ давній обычай. Поляки, не имѣя денегъ и желанія подчиняться капризамъ конвойнаго, сдѣлали нѣсколько рѣшительныхъ и крупныхъ замѣчаній, въ отвѣтъ на которыя офицеръ выслать впередъ цирюльника съ тупою бритвою и грязною бритвенницею. Первый, къ которому подошелъ солдатъ-брадобрѣй (полякъ Венарскій), ударилъ цирюльника въ ухо, а когда послѣдній сорвалъ съ него шапку, ваялъ его за шиворотъ и бросилъ отъ себя съ замѣчательною силою. Всѣ солдаты, при видѣ такого поступка, съ крикомъ „поляки бунтуютъ!“ кинулись на остальныхъ. Началась общая свалка, которую прекратилъ самъ губернаторъ, явившійся въ острогъ по призыву. Офицера посадили онъ на гаупвахту, а поляковъ отправили дальше небритыми. Когда партія пришла въ Верхнеудинскъ, тамошній полиціе-мейстеръ распорядился прогнать изъ тюремнаго двора всѣхъ продавцовъ и продавщицъ съестнаго подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобы поляки, идущіе партією, не имѣли свиданія съ живущими въ городѣ. Для большаго обезпеченія себя, онъ даже заперъ ихъ въ казематахъ на замки, а между тѣмъ о пищѣ не распорядился. Одинъ повстанецъ изъ жмудяковъ выломалъ двери въ своемъ номерѣ и высвободилъ товарищей изъ другихъ номеровъ, чтобы общими усиліями докричаться и донестись до пища. Начался шумъ и прежній крикъ: „поляки бунтуютъ!“ Прибѣжалъ полиціе-мейстеръ и далъ разрѣшеніе на очередной выходъ съ конвойнымъ въ городъ за припасами. А за бунтъ въ острогѣ отомстили — говорятъ — тѣмъ, что дальше отправили польскую партію окруженною крестьянами съ кольями и собаками. Подѣ такою обороною, какъ говорить преданіе, прошли они всю Вратскую степь и только въ г. Нерчинскѣ конвой былъ уменьшенъ и принялъ обычный форменный видъ.

Пятый случай.

Идетъ по этапамъ арестантъ бывалый и тертый, изъ бродягъ. Дорогою онъ, по обыкновенію, крѣпко промотался, надо добыть денегъ покрупнѣе и побольше. Нехитрая штука въ займы взять у старосты или въ артедѣ, мудреная штука взять деньги у офицера и взять безъ возврата. Попробовать надо, такого случая на этапамъ не слыхивали. Задумалъ арестантъ про себя и товарищамъ объ этомъ передать. Выслушали тѣ, поспѣялись: выдумка понравилась. Рѣшили всѣ стоять за одно, помогать ему, а на несчастный случай выручать. И пошло дѣло въ ходъ такимъ образомъ: пускаетъ арестантъ между спутниками слухъ, что добылъ онъ контрабандное золото въ порошокъ по случаю. Штука дорогая, да онъ бѣдный заключенникъ, не стоитъ за цѣною и продать бы съ радостью, да не кому; ходячее-де серебро

для него лучше. Въ лавку снести — конвой не велитъ, а начальству своему онъ не прочь передать за все, за что ему будетъ угодно взять. Пошелъ этотъ слухъ отъ арестанта къ другому, дошелъ до конвойныхъ солдатъ, а изъ устъ солдатскихъ попалъ и въ офицерскія уши. Разгорѣлся офицеръ на легкую добычу, присталъ къ арестанту:

— Продай!

— Навольте!

Взялъ офицеръ золото, отвесъ къ серебрянику (дѣло было въ Томскѣ), показалъ мастеру:

— Гдѣ взяли?

— У арестанта.

Подумалъ серебряникъ, смекнулъ и отвѣтилъ:

— Золото. Покупайте его, давайте что ни спросить.

— А купишь его у меня?

— Отчего не купишь! Заидите на обратномъ пути, когда проводите партію; теперь денегъ нѣтъ да и свидѣтели близко, а тогда куплю.

Проводилъ офицеръ партію, пришелъ къ серебрянику.

— Ступайте, ваше благородіе, въ котельный рядъ, тамъ не возьмутъ ли? Порошокъ вашъ — тертая суцая мѣдь, безъ обмана. Золото бываетъ не такое.

Привода всѣ эти частные случаи, объясняющіе взаимныя отношенія арестантовъ и провожатыхъ, мы брали ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они попадались намъ, и не составляемъ связанной и общей картины, потому что не имѣемъ на то права. Право наше бессильно и потому еще, что приведенные примѣры частные: сегодня одинъ случай, завтра другой; одинъ за другой не отвѣчаетъ, одного за другимъ ни предвидѣть, ни ожидать невозможно. Каждый имѣетъ свой характеристическій оттѣнокъ, одинъ на другой не похожъ и если нѣтъ крупныхъ противорѣчій и отричаній, то потому, что мастера-художники одни и тѣ же, одной и той же школы. Для картины кладется все-таки одинъ только грунтъ прочный, все другое для насъ мало опредѣлялось. Краски накладываются такою грубою кистью, что въ рисунокѣ не ожидаешь ни изящества, ни полноты, ни законченности. Мастера, правда, умѣлые и досужіе, но, какъ владимирскіе богомазы, они на работѣ не сбѣгались, въ пріемахъ не условились, идутъ особнякомъ, на двѣ стѣны и смѣны: одинъ пишетъ лица, другой только одежду, „долишное“. Работа раздвоилась. Одинъ пишетъ, что можетъ, другой — что хочетъ: нѣтъ, стало быть, ни лица, ни образа. Иногда вмѣшивается третій и тогда совсѣмъ уже нельзя разпознать не только деталей, но и общаго въ картинѣ...

Записокъ пересылаемые арестантами не ведутъ, да и вести не могутъ: бумага, перо и чернила для преступника вещи запрещенныя. Отрывочные рассказы ведутъ къ одному — къ вѣрѣ

на слухъ и къ такому заключенію, что только на взаимныхъ договорахъ и условіяхъ и можетъ существовать вся эта гниль и пуганица отношеній. Пока существуетъ этапная система препровожденія осмысленныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она была — характеръ этихъ отношеній измѣниться не можетъ. Язва слишкомъ застарѣла для того, чтобы прочить ей благоприятный исходъ. Такія язвы медицина лечитъ только хирургическимъ ножомъ. Накладывать пластыри, дѣлать мѣстные и поверхностныя перевязки — значитъ, обманывать себя и больныхъ. Больные сами хорошо это знаютъ и въ выводахъ не затрудняются.

— Какъ вы водку въ тюрьмѣ достаете? — спрашивать я одного изъ арестантовъ.

— Штофъ водки стоитъ на водѣ 80 коп., да въ солдатъ 1 р. 60 к. и принесть.

Т. е. таково законъ, таково положеніе; иначе и быть не можетъ, иначе никогда и нигдѣ не бывало и не будетъ.

— Арестантское дѣло такое (объясняли мнѣ другіе преступники): не согласенъ одинъ — другого попроси, этотъ заупрямился — третьяго попробуй. На четвертомъ не оборвешься, пощастливить, соблазнился четвертый. Такого и примѣра не запомнишь, чтобы четыре солдата вмѣстѣ всѣ каменные были.

Только крѣпкая и давняя практика даетъ такіе свѣдѣнія и рѣшительные выводы и заключенія. Язва продолжаетъ гнить, а между тѣмъ болѣзнь далеко еще до кривиса и до благоприятнаго исхода. Арестанты все-таки продолжаютъ говорить и думать свое.

— Этапы старые, холодные; ихъ не починаютъ; солдаты на нихъ народъ перемытой, перетертой, ихъ не свѣжаютъ. Хорошихъ — говорить — въ Сибири найти никакъ не возможно. Нашему брату оттого не легче. Тутъ нашъ брать поневолѣ черезъ лѣгбѣ калачъ достаетъ и много на это денегъ изводитъ. Этапные себя соблюдаютъ да и мы глядимъ въ оба, чтобы и наша кроха нигдѣ не пропала. Рука руку моетъ, обѣ чисты бываютъ.

— Ребята! — говорятъ одинъ офицеръ своей партіи: — Мнѣ надо поспѣвать къ сроку по важному дѣлу. Пойдемте дальше на этапъ, безъ оставовокъ, сразу. Дѣло небольшое, всего 12 верстъ.

Арестанты прошли уже пятнадцать верстъ; офицеръ не изобидѣлъ, смиренный былъ человекъ. Пора стояла лѣтняя, время теплое. Посудилъ офицеръ накормить за это горячими щами на собственной счетъ, обѣщавъ достать мяса на этапѣ.

— Ладно, братцы! Пойдемъ дальше. Ведите, ваше благородіе...

Зимнее время слушать другое и судить иначе. Между городами Нижнеудинскомъ и Красноярскомъ гдѣ-то спорѣлъ этапъ (кажется, Камы-

шедской *). Спорѣлъ онъ осенью, на зимніе холода. Починить и поправить его не успѣли, а между тѣмъ на вольныхъ квартиры становить арестантовъ запрещено, подъ строжайшею отвѣтственностью. Вести ихъ дальше силы не позволяютъ: вмѣсто 25 верстъ придется сдѣлать 60 — пространство не въ силахъ человѣческихъ плечъ и ногъ. Что тутъ дѣлать? Одинъ командиръ надумалъ наскоро опростать уцѣлѣвшія отъ пожара этапныя конюшни. Арестанты помѣщеніемъ остались какъ будто довольны и безропотны, не смотря на то, что на дворѣ стояла глухая морозная осень, которую въ Россіи свободно называютъ зимою. На покушеніе вести дальше слѣдующая партія отвѣчала крикомъ, обѣщавіемъ употребить съ своей стороны насиліе, хотѣла разбѣжаться.

— Человѣколюбіе и справедливость арестанты ободряютъ, — наввно замѣчалъ мнѣ одинъ изъ этапныхъ.

— Да кто ихъ не любитъ? — хотѣлъ я замѣтить ему, но зная, что не всѣ знаютъ объ этихъ доблестяхъ и довѣряютъ имъ, вписать въ дневникъ свой слѣдующія строки:

„Деревянные этапы и полутапы, за долгое стояніе со времени постройки своей, производившейся въ Сибири между 1824 и 1830 годами, пришли въ такую вѣтхость, что современный ремонтъ даетъ возможность исполняющимъ строительскія обязанности класть большія деньги въ карманъ и большія, но дешевыя заплаты на старыя и гнилыя прорѣхи. Дѣло, естественнымъ образомъ, отъ этого не выиграетъ. Не тесомъ обшивать и потомъ проходиться по этой обшивкѣ казенною желтою или сѣрою краскою, а выстроить вновь и совсѣмъ уничтожить эти углы, гнилыя и холодныя сараи. Вотъ прошла только одна недѣля послѣ того, какъ поправленные этапы сданы были ремонтромъ приѣмной комиссіи, я вижу 10 этаповъ такихъ (вижу зимою) и во всѣхъ углахъ намело снѣгу, намерзали такъ называемые зайчики. Въ одномъ углу даже пѣлая гряда снѣгу, сбита вѣтромъ по всей длинѣ этапной казармы, подъ нарами. Не помѣшали вѣтру и досчатые заплаты, не помѣшали алу и надзору комиссіи и ревизія ея. Предатель-вѣтеръ выдаетъ дѣло въ наготѣ.“

„И другое горе: этапы противъ прежнихъ плавань и соображеній сдѣлались тѣсны, не способны вмѣщать всего количества проходящихъ арестантовъ. Въ пяти-шести комнатахъ на этапахъ, въ трехъ на полутапахъ, приводится иногда помѣстить до 500 человекъ. Арестанты ложатся на полъ, чуть не другъ на друга, валятся подъ нары, гдѣ ихъ встрѣчаетъ свозной, сырой и холодный вѣтеръ.“

* На случай подобнаго этому затрудненій этапный солдатъ обязанъ — по закону — носить въ ранцѣ провіантъ на два дня.

„Во всякомъ случаѣ, лежащимъ на нарахъ всегда такъ тѣсно, что они едва поворачиваются и полагаютъ обыкновеннымъ явленіемъ, если многіе, прицѣпившись на краю наръ, лежать поперекъ другія товарищей, прямо и непосредственно у нихъ на ногахъ. И вотъ отсюда новое злоупотребленіе въ ущербъ общаго арестантскаго интереса: бывалые и опытные изъ нихъ платили солдатамъ нѣсколько денегъ, чтобы вѣять впередъ товарищей. Отъ 8 до 15 коп. съ человѣка платятъ за то, чтобы сѣсть на подводу, и прибавляли четыре коп. съ человѣка, чтобы подшибить шаткую совѣсть инвалиднаго солдата и уѣхать денежнымъ и желающимъ на этапъ впереди другихъ *). Здѣсь счастливые и занимали мѣста лучшія, мѣста на печи, на нарахъ. Продѣлки подобнаго рода такъ часты и денежные вымогательства со стороны солдатъ столь обыкновенны, что арестанты, не придавая имъ особеннаго значенія, смотрѣли на нихъ, какъ на дѣло законное, ненабѣжное, роковое. Усаждавая себя потомъ въ разказахъ объ этомъ всѣмъ желающимъ вѣдать, арестанты и тогда относятся къ прошлому со всѣмъ равнодушіемъ и безъ всякой озлобленности. Вообще, требовательные на равноправность общую по идеѣ артельнаго устройства и нетерпѣливые, не уступчивые при попозволеніяхъ на привилегію, арестанты въ этихъ случаяхъ отчасти измѣняютъ своимъ обычнымъ правиламъ. Только одни кандалные, т. е. ссылаемые на каторгу, остаются имъ неизвѣнно вѣрны. У этихъ право удобно помѣститься въ казармѣ предоставляется тому, кто ловчѣе, кто либче бѣгаетъ. Принято за правило бросаться въ кандалную казарму опрометью тотчасъ послѣ того, какъ перекликали ихъ по списку и произвели осмотръ (если не успѣли и не догадались откупиться): нѣтъ ли денегъ, трубокъ, ножей.

„Я въ крѣпко морозный день зашелъ въ одинъ спутный этапъ за Томскомъ, часъ спустя послѣ того, какъ въ него вошла партія, и увидѣлъ безобразную картину безпорядочнаго размѣщенія арестантовъ, какъ овечьяго гурта, какъ стада: большая часть путешественниковъ толпилась около топившейся печи. Одинъ вагромоздился на уродливое громадное чудовищепечь и свѣсилъ свои ноги въ кандалахъ.

„— Пошелъ прочь!—ожесточенно и грозно кричалъ на него вошедшій вмѣстѣ со мною офицеръ, не этапный, но имѣвшій на такое приказаніе нѣкоторое право.

„Я изумился его смѣлости, пораженъ былъ его крикливостью и рѣшился робко замѣтить ему свое простое:

*). Иногда право обижать товарищей поупалось желающими за меньшую плату, но въ такомъ случаѣ не иначе, какъ передъ самымъ этапомъ и тѣмъ, которые вѣдуществуютъ. Солдатъ отбиралъ охотниковъ и велъ ихъ впередъ другихъ, конечно, пѣшкомъ.

„— Пусть погрѣется!

„— Помилуйте!—продолжалъ кричать офицеръ:—Кандалами замаску околачиваешь, карпичи обламываешь, печь портить. Не успѣешь выбѣлать, опять замазывай.

„— Но здѣсь холодно, даже морозно.

„— Казармы старыя, обвѣтшавыя!—замѣтилъ со своей стороны этапный командиръ.

„— Не вѣрьте, вашеблагородье!—послышался иной голосъ изъ толпы, сваяди:—Печь-то они затопляютъ передъ тѣмъ, какъ партія придетъ, вонъ и дрова не прогорѣли. Всю недѣлю этапъ холоднымъ стоитъ, его въ два дня не протопишь.

„Крикливый офицеръ опять закричалъ, слялся оправдать товарища по оружію, но рѣчь арестанта была выговорена. Его искали, но, за многолюдствомъ и тѣсною толпою и ловкостью говоруна, не нашли“.

Зло этапнаго холода остается все-таки злою и живою струною, которая звучитъ при самомъ ничтожномъ уколѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней. Звучитъ она одно, хотя и въ разныхъ тонахъ:

— Стынешь, стынешь дорогой-то, а придешь, и согрѣться негдѣ!—замѣчали кроткіе, а умѣренныя прибавляли къ тому слѣдующее:

— Трубу закроешь, угаръ такой, что головы на плечахъ не держишь. Случалось, другіе опивались этимъ угаромъ до смерти. Не закрѣй трубы, зубъ не понадеетъ на зубъ, цыганскій потъ обесмылитъ.

— Куда ни кинь—вездѣ клинь (заключали озлобленные). Въ маленькихъ полу-этапахъ наваять народу въ казармѣ—не протолкнешься. Окна двойныя, съ рѣшетками—не проходишь. Есть въ дверяхъ окошечко, открыть бы! такъ солдатъ снаружи зашелкнулъ. „Отвори, молю, служивый, сдѣлай милость“!—Давай, слышь, грошь!—„Возьми, чертъ съ тобой“! Вотъ наше дѣло какое!

Заѣхавъ я на этапы и теплою порою, въ весеннее время, и писалъ въ дневникъ на ту пору такія строки:

„Сазановскій этапъ (между Тобольскомъ и Тюменью).

„Въ этапныхъ казармахъ, по случаю весенней бездорожицы и задержки на Иртышѣ, скопилось 230 человѣкъ арестантовъ. На небольшомъ и тѣсномъ этапномъ дворѣ, образуемомъ обыкновенно, съ одной стороны, арестантскою казармою, съ другой—офицерскимъ флигелемъ, выходящимъ на улицу, и съ двухъ остальныхъ—острожными палики (бревенчатымъ тыномъ), на дворѣ этомъ происходилъ рѣшительный базаръ. Кругомъ двора сидѣли бабы, дѣвки, дѣвченки, солдаты. Передъ каждымъ и каждою лежали разные продукты и товары: творогъ, молоко, квасъ, щи, каша, пироги. Какой-то солдатъ продаетъ всякую мелочь: мыло, пуговки, нитки, и сладкое: конфекты, изюмъ, пряники.

„— Кто это покупает?—спросил я солдата.

„— Поселенцы своими ребатемкамъ, да мало.

„Важу: несеть одинъ бритый арестантикъ съ тузомъ на синицѣ и въ кандалахъ, несеть ковникъ съ квасомъ и шаньгу (колобокъ).

„— Сколько заплатилъ?

„— По три копейки серебромъ.

„На крылечкѣ поселенець, съ семьєю, впятеромъ хлебаеть молоко (на дворѣ стояли послѣдніе дни Святой недѣли). Я спросилъ я его о цѣнѣ припасовъ.

„— Гривеникъъ даль, вишь, великіе дни ядутъ, захотѣлось“...

А получаетъ отъ казны только 3½—6 коп., а иногда и меньше, потому что количество кормовыхъ зависитъ отъ справочныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ данной губерніи. Хотя цѣны мѣняются въ теченіи года, но положеніе казенное на круглый годъ остается одно и то же. Продавцы этого не принимаютъ въ расчетъ и соображеніе: берутъ все, что вадумаютъ и что захотятъ. Контроля нѣтъ, наблюденій и не бывало. Продавцы эти (преимущественно женщины, жены тѣхъ же этапныхъ солдатъ, рѣдко деревенскія бабы, иногда сами солдаты, въ особенности оставшие изъ этапныхъ), дѣйствуютъ огуломъ, шайкою, предварительно сговорившись, между собою условившись *): 50 коп. сер. (но изъ таксъ, стоятъ 1½ фунта варенаго мяса неопредѣленнаго вида и сомнительной доброты); 25—35 коп. берутъ ошѣ, эти бабы-торговки, за чашку щей, которые и названіе носятъ щей арестантскихъ, купоросныхъ, и слывуть вездѣ съ такимъ приговоромъ: „Наши щи хоть кнутомъ хлещи, пузыря не вскочить и брѣха не окорнать“ **). При покупкахъ подобнаго рода арестанты обыкновенно дѣлають складчину, человѣка по два, по четыре вмѣстѣ и „лѣтъ не вножко да полхлебаешь горяченькаго, а безъ того на сухоматѣй просто бѣда“! замѣчаютъ они и жалуются всегда на постоянную рѣвъ въ желудкѣ, на продолжительную и сильную одыш ку и прочее.

— По Сибири, однако, все-таки харть по-

дешевле, — толкуютъ другіе:—по Периской губерніи тоже слодныя цѣны живуть, їдимъ слаще: покупаемъ дичь, варимъ и жаримъ ее, а вотъ по Казанской—просто пристуну нѣтъ ни къ чему.

— Отъ казны на этапъ, — говорили мнѣ этапный офицеры:—ничего не полагається, кромѣ тепла и свѣтъ; но и свѣчи прежде клали на цѣльную ночь, а теперь только до зари, до зари только...

И послѣднія слова офицеръ старается громче выкричать, можетъ быть для пушчаго внушенія арестантамъ, что вотъ-де я и сторонникъ людямъ то же, что и вамъ сказываю. Можетъ быть и отъ того громко говорить этапный, что на дворѣ творится рѣшительный базаръ, со всѣми признаками сходокъ подобнаго рода: крикомъ, шумомъ, гамомъ. Все это слылось, по обыкновенію, въ одинъ гуль. Въ этапномъ базарѣ было только то особенное, что авенѣли цѣны да покупателя была безъ шапокъ, съ бритыми на половину головами и съ желтыми тузами на спинахъ.

Мы пошли по казармамъ. Изъ было шесть, какъ и прежде, какъ несомнѣнно увидимъ и впереди, потому что ни въ чемъ нѣтъ такого однообразія и постоянства, какъ въ устройствѣ этапъ: изобразить одинъ, значитъ, все описать.

Два дома: одинъ окнами на улицу для офицера и команды, другой внутри на дворѣ, окруженный частоколомъ, для арестантовъ. Посмотрѣть съ фаса: стоятъ желтенькій домикъ, въ серединѣ крылечко, съ боковъ примыкаетъ частоколомъ. Въ немъ также по серединѣ широкія ворота: правыя на арестантскій дворъ, лѣвыя—на конюшенный дворъ, отдѣленный отъ перваго частоколомъ. Войдемъ крылечкомъ черезъ пролетъ стѣны въ сквозной корридоръ наружной казармы и знаешь: въ правой половинѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ ближнюю прокуривають тютеномъ этапные солдаты, дальнюю—конвойные казаки. Въ лѣвой половинѣ двѣ комнаты для этапнаго офицера, завѣдующаго двумя ближними полуталами; тамъ же его прихожая и кухня. На этапѣ, кромѣ офицера, живеть еще каморникъ-сторожъ и уже больше никого.

Войдемъ корридоромъ на дворъ, вотъ и арестантская казарма, чуть не на самомъ носу, и совершенно противъ нервой, той же длины и того же плана, т. е. также она раздѣлена на двѣ половины и каждая половина на двѣ казармы: правая и лѣвая для идущихъ на поселеніе. Двѣ заднія казармы (правая и лѣвая) раздѣлены поперечкою стѣною на двѣ помѣщеніе. Изъ нихъ стало четыре маленькихъ: въ одной направо—женщины, налѣво—заподавшие на этапъ поселенцы. Въ двухъ заднихъ помѣщаются кандалные, т. е. слыльно-каторжные. Чтобы попасть къ нимъ, надо обойти кругомъ всей казармы и понадать дверями съ внутрен-

*) Изъ прежней исторіи этаповъ видно, что сперва вольныхъ торговцовъ не пускали, торговали сами офицеры, но по многимъ жалобамъ, что офицеры берутъ вдвое противъ вольной цѣны, торговать офицерамъ запретили. Однако, злоупотребленіе не уничтожилось и только прикрылось маскою, особенно тамъ, гдѣ этапы стоятъ далеко отъ селеній.

**) Высокія цѣны объясняютъ тѣмъ, что торговцы сами покупають право на торговлю у этапныхъ начальниковъ и не всегда безъ прайжмовъ. Приходившія партіи нерѣдко заставляли еще крикливый финалъ переторжжя, а бывали и такіе случаи, что торговцы долгое время оставались на улицѣ передъ офицерскимъ флагдеземъ. Унтерамъ, обыкновенно, платилъ не больше 1 коп. сер. каждый торговецъ, а иногда просто за все рамы, бывало, отпичуеть водкою или пивомъ на деревенскомъ праздникѣ.

ного фаса ея. Тамъ узнаешь, что правѣ арестантской казармы дворъ называется женскимъ, а домишко на немъ—банею.

Огляди́мся въ казармѣ.

Въ одной и той же помѣщены были и холостые и женатые поселенцы на общій соблазнъ. Смыльно-каторжные отдѣлены, но отсюда въ Томскъ пойдутъ и тѣ и другіе и женщины, въ общей кучѣ, не дѣлаясь и не дробясь, какъ шли они изъ Россіи.

Въ казармѣ поражалъ насъ возмутительно-дурной запахъ, хотя на то время открыты были окна. Богѣ тяжелымъ и съ трудомъ выносимымъ запахомъ отшибали тѣ казармы, въ которыхъ помѣщались женщины. Съ женщинами въ одной казармѣ жили дѣти.

— Бѣдныя дѣти!—говорилъ мнѣ со вздохомъ ко всему привыкшій и ко многому въ жизни равнодушный этапный офицеръ:—Зимомъ,—продолжалъ онъ:—на дѣтей смотрѣть страшно: кочевѣлы, испитыя, больныя, кашляютъ, многія кругомъ въ язвахъ, сьмь на всѣхъ...

Но еще не столько опасны язвы физическія, сколько тѣ, которыя унадаютъ на мягкое дѣтское сердце отъ сосѣдства съ такими взрослыми. Впрочемъ, не лучше участи дѣтской участь и взрослыхъ арестантовъ, которымъ путь до Иркутска тянется иногда около года. Лишенія и болѣзни неизбѣжны и встрѣчаютъ ихъ вездѣ, во всякое время года. Тобольская тюремная больница наполнялась каждою зимою больными отмороженіемъ членовъ (регіо) до автонова огня; тюменскую и екатеринбургскую тюремныя больницы нашелъ я (въ апрѣлѣ 1862 года) наполненными до тѣсноты больными тифозною горячкою *). Арестанты обязаны идти 500 верстъ въ мѣсяцъ, не разбирая никакой погоды. Только двѣ распутицы, и то по поводу вскрытія и останковъ рѣкъ (весенняя и осенняя), задерживали проходимціи партій въ тюрьмахъ и на этапахъ. На мой проѣздъ по тюменскому тракту на одномъ накопилось 250, на другомъ 280, на третьемъ 290 человекъ. Въ тобольской тюрьмѣ собралось до двухъ тысячъ, въ тюменскомъ острогѣ до полуторы тысячъ *).

Удивительно ли, что при такомъ накопленіи

*) Вотъ средній выводъ изъ цифръ въ трехлѣтней сложности. Изъ 9.500 человекъ (среднее годовое количество смыльныхъ, проходящихъ черезъ Сибирь) задерживаются по болѣзни въ дорогѣ до Нерчинска 1.260. Изъ нихъ 260 умираютъ, что составляетъ 0,027 съ долями всего числа смыльныхъ. По прибытіи въ Томскъ, во время содержанія въ тюремномъ замкѣ, въ теченіи года умираютъ изъ пересмыльныхъ арестантовъ до ста человекъ. Въ числѣ главнѣйшихъ арестантскихъ болѣзней на этапахъ самая обычная—венерическая, чаще приносимая изъ Россіи и нерѣдко приобретаемая въ дорогѣ.

*) Эти остановки произошли вслѣдствіе половодья рѣкъ Тобола и Иртыша. Въ 1860 году разливъ Иртыша собралъ на одномъ изъ тюменскихъ этаповъ 512 человекъ.

арестантовъ, такая духота въ казармахъ и такое аловоніе, когда стѣны усѣбли прогнать дѣлникомъ, когда большая часть азаній построена на мѣстахъ болотистыхъ, когда многіе этапы, въ половодье, очутятся стоящими на острову, занятыми со всѣхъ сторонъ водою, когда вода эта на полъ-аршина въ глубину заставляется и промозгнетъ на самыхъ этапныхъ дворахъ, въ самыхъ этапныхъ азаніяхъ.

Въ особенности нестерпима казарменная духота и сально аловоніе, когда арестанты, въ ненастную погоду, приходятъ въ мокрыя. Ночью, когда ставятъ парашу, т. е. ночную кадку, казарменная атмосфера перестаетъ имѣть себѣ подобіе. По словамъ очевидца: „Смрадъ отъ этой парашы нестерпимый! И эти несчастные какъ будто стараются какъ можно болѣе выказать отвратительную сторону своего человечества. Они, такъ сказать, закаляются здѣсь во всѣхъ порокахъ. Между ними всегда шумъ, крикъ, карты, кости, ссоры или пѣсни, пляска (Боже, какая пляска!). Однимъ словомъ, тутъ истинное подобіе ада“!

Понятно, почему тобольская тюрьма тяготилась множествомъ больныя острыми болѣзнями; понятно, что въ такихъ случаяхъ и самая смертность увеличивалась за недостаткомъ фельдшеро́въ и лекарствъ **). Къ чистотѣ и опрятности азаній приставники изъ солдатъ не приучены. Большая часть изъ нихъ не живетъ при мѣстахъ. Солдаты присылаются женатыми, а потому на новомъ мѣстѣ спѣшатъ поскорѣе обзавестись собственнымъ домо́мъ и хозяйствомъ. Заплативъ 15, 18, 30 рублей за дѣлую избу, солдатъ отдастъ ей все свободное время и потомъ маклачить около арестантовъ торговлею и продаетъ имъ за 3 к. кринку молока, за три жареныхъ рыбки беретъ 6 коп., за фунтъ хлѣба —1½ и копейку за небольшую чашку промозглаго, съ плесенью, квасу. Въ этомъ—всѣ отношенія приставниковъ къ проходящему люду, а затѣмъ все для себя и для собственного хозяйства. Семейнымъ солдатамъ положено отводить земли подъ поля и сѣнокосы, но военный человекъ на мирныя и кропотливыя занятія не идетъ, предпочитая имъ крохоборливый, но настойчивыя вымогательства и поборы съ проходящихъ арестантовъ. Полей солдаты не пахутъ, хлѣба не сѣютъ, сѣнокосные луга отдають въ кортому. Припомнимъ при этомъ, что каждый этапный солдатъ, исправляя ка-

**) Кроме больницъ при большихъ тюрьмахъ въ городахъ, больницы устроены еще черезъ каждыя три этапа при четвертомъ. Вѣсто лошадей въ этапныхъ больницахъ фельдшера, ко корме, такъ же какъ и больницамъ, носятъ только азаніе, не отличающаеся надлежащими качествами. Благодаря этимъ заведеніямъ и трудностямъ путешествія, бывають случаи, что вмѣсто года нѣкоторые арестанты попадали на мѣсто назначенія года черезъ четыре.

зенную службу, долженъ пройти пѣшкомъ 100 верстъ въ недѣлю, въ годъ (50 недѣль) больше 5 тысячъ и во весь срокъ службы (отъ 15—20 лѣтъ обязанъ обработать 75—100 тысячъ верстъ! О правильномъ и прочномъ хозяйствѣ тутъ нечего думать: много-много, если хозяика солдата съумѣетъ обзавестись огородомъ, капусту съ котораго во щагъ продаетъ она потомъ дорогою цѣною тѣмъ же арестантамъ *).

На одномъ полу-этапѣ встрѣтилъ я двухъ солдатъ сторожей. Полу-этапъ былъ пустъ, хотя сосѣдніе этапы были биткомъ набиты **). Одинъ изъ солдатъ былъ семейный, а такъ какъ въ близинѣ не было селенія, то онъ помѣщался съ семьей на полу-этапѣ. Въ комнатахъ его уютно и опрятно, на стѣнѣ виситъ конская сбруя.

— Лошадку, — говорить: — держу. Двоихъ дѣтей кормить надо, въ работу лошадку пускаю, отдаю мужикамъ.

— А что же арестантовъ на ней не возишь?

— Никакъ вѣтъ! Я около арестантовъ не поживляюсь, — отвѣчалъ солдатъ на вопросъ мой и глгль, глгль сколько потому, что селеніе было далеко, столько и потому, что чѣмъ же дѣтей кормить, чѣмъ же самому заниматься? Усталыя партіи нуждаются въ конныхъ подводкахъ и особенно на вторую половину пути, и именно отъ полу-этапа. Да и кто же отъ денегъ прочь?..

Не совралъ солдатъ на этотъ разъ въ одномъ только, что и на этомъ полу-этапѣ бываетъ огромное стеченіе арестантовъ и что всю громадную массу ихъ поведутъ тѣ же 20 конвойныхъ (немного больше, немного меньше), варажаемыхъ обыкновенно отъ этапа. Къ этому числу прибавятъ четырехъ казаконъ конвойныхъ и на взаимномъ довѣрїи, на взаимныхъ уступкахъ и одолженїяхъ, пойдетъ огромная толпа преступниковъ съ такимъ ничтожнымъ числомъ конвойныхъ. Тря дня слаживаются съ однимъ конвойнымъ; на четвертый, поступая въ распоряженіе новой команды, смотритъ партія, какъ бы не потерять чего нибудь своего и у этой.

*) Насколько выгодна торговля около арестантовъ, можно судить изъ того, что, напр., на Вилюйскій этапъ торгующія бабы привозятъ съѣстнымъ припасамъ изъ деревень верстъ за 6 и за 8.

**) Устройство полу-этаповъ проще, но за то они и не удобнѣе. Здѣсь съ фаса виднѣшь только стоеккомъ торчащїи заостренныя на верху бревна и середи ихъ огромныя ворота съ низенькою, пробитою въ нихъ и непомѣрно захватанною жалюзю. Изъ-за острія пазей торчатъ трубы и крыши. Войдя туда, узнаемъ, что по правую руку отъ воротъ караулка, по лѣвую, также въ углу, конюшня. Среди двора стоитъ казарма меньше этапной, но съ поперечнымъ корридоромъ, на который глядятъ четыре двора: въ нихъ трое ведутъ въ большїи комнаты для поселенцевъ; четвертая выходитъ изъ заднихъ узенькихъ сѣвекъ. Тамъ дворъ № 4, куда запирають вандальныхъ и, такимъ образомъ, держатъ ихъ ночью подъ двумя замками.

Дальше мы знаемъ, что дневки или растахи (черезъ два дня въ третїй) мало помогаютъ дѣлу, мало подвѣрпляютъ силы путешественника. Самый законъ на крайніе случаи, въ губернскихъ городкахъ напр., долше 6—7 дней держать не велитъ, за остановки же ссыльныхъ на пути велитъ наказывать какъ за укрывательство бѣглыхъ. Арестанты, пришедшіе въ Тобольскъ (почти всѣ до единаго), обыкновенно жаловались на общую слабость во всемъ организмѣ, на ломоту въ ногахъ, на сильное удущье. Ревматизмъ, такой частый и неизбѣжный гость, то получающїи название этапной болѣзни. Сверхъ того, у мужчинъ открываются грыжи, у женщинъ маточныя болѣзни *). Помянуто, отчего Приказъ о ссыльныхъ вынужденъ бывалъ большее число приходящихъ преступниковъ назначать въ разрядъ такъ называемыхъ неспособныхъ. Неспособные эти, составляя въ составѣ сибирскаго населенія, особый классъ людей, не платящїи податей, обременительны для общества, на большую половину бродятъ и весь классъ людей этихъ, дѣйствительно, неспособный.

Самое направленіе этапнаго пути, Богъ вѣсть когда и кѣмъ намѣченнаго, въ настоящее время, при современныхъ требованїяхъ, не выдерживаетъ никакой критики. Намъ выставляють множество неудобствъ, высказываютъ примѣчательное количество справедливыхъ сѣтованїй. Тратилось лишнее число государственныхъ суммъ, лишнее количество человѣческихъ силъ, лишнее число верстъ и пространствъ. Въ древнія времена, когда ближайшїи сибирскїи пути шель въ Тобольскъ на Вологду и черезъ Верхотурье, крокъ для ссыльныхъ былъ, конечно, значительнѣе; но и теперь, когда повернули его на Пермь черезъ Екатеринбургъ, путь для ссыльныхъ не сдѣлался настоящїмъ. Арестанты идутъ далеко въ сторону отъ тѣхъ сибирскихъ трактовъ, которые проложила себѣ коммерція, всегда соблюдающая пространство и время, всегда намѣчающая короткіе и прямые пути вездѣ, гдѣ бы то ни было даже и въ нашей безпредѣльной и дикой Сибири. Арестанты не идутъ тамъ и почтовыми трактами, которые обыкновенно длиннѣе купеческихъ, но короче казеннаго этапнаго. Такъ, напр., съ Тюмени партїи преступниковъ, вмѣсто того, чтобы черезъ Варабинскую степь идти прямо на Томскъ, сворачивали на Тобольскъ по старому преданїю и шли прямо на сѣверъ, подвергались по зимамъ неблагопрїятному, аловредному вліянію сѣверныхъ вѣтровъ и непогодъ.

*) Ежегодное среднее число больныхъ въ тобольскомъ тюремномъ лазаретѣ составляло $\frac{1}{4}$ часть ссыльныхъ всего пересылаемаго количества (изъ 11 тысячъ 2.070 больныхъ). Изъ этой $\frac{1}{4}$ части умирало въ годъ 163 человѣка. Весною каждая партія оставалась больныхъ на пути между Тюменью и Тобольскомъ человѣкъ въ 10 среднимъ счетомъ.

Если эти последние упорно стояли долгое время (что случается замѣчательно часто), арестанты приносили въ Тобольскъ всё поголовно одышку, колотые въ груди, отмороженные носы и щеки, отвалившіеся пальцы. Изъ Тобольска партія или на Тару, совершая огромный новый налицѣхъ пространствъ, и шла, въ то же время, по мѣстамъ мало населеннымъ, климатически и экономически неблагоприятнымъ. Одинъ Иртышъ партія переходили нѣсколько разъ, безъ всякой нужды и какъ будто для того только, чтобы своими посѣщеніями поддержать быстро упадающую славу древняго и нѣкогда очень большого города Тобольска. Теперь, съ перевесеніемъ Приказа въ Тюмень, все это—слава Вогу—уничтожилось *). Не говоримъ также о томъ налицѣхъ переходовъ, которые, напр., принуждены дѣлать поселенцы, назначенные въ округа Тюменскій, Ялutorовскій, Курганскій и Туринскій, и обязанности, такимъ образомъ, идти старымъ пройденнымъ путемъ назадъ въ Тобольскъ, куда они ходили только ради одного приказа о ссыльныхъ и отъ того сдѣлали отъ 435 до 517 верстъ лишнихъ. Не говоримъ уже о неудобствахъ этапныхъ поѣздокъ, о той мучительной труд-

*) Нѣкогда черезъ Байкаль перевозили ссыльныхъ на судахъ сибирскаго флота, выстроенныхъ на Иркутской верфи—единственное облегченіе въ старыя времена и единственно полезное примѣненіе флота. Иркутское адмиралтейство, какъ извѣстно, существовало только 30 лѣтъ. Дѣйствию его выразились тѣмъ, по словамъ одного анонимнаго автора, оставшаго рукопись, что бригъ, вылетѣвшій изъ Ангары на просторъ Байкала, по непостыжимому нештѣстау штурмана, который былъ назначенъ командиромъ этого судна, съ пустымъ трюмомъ, безъ баласта, тотчасъ же перевернуло порывомъ вѣтра. Сибирякъ, вида такую неудачу европейскихъ приѣмковъ мореплаванія, убѣдился еще плотнѣе въ томъ, что изъ Байкаль, знать, не чета другимъ разнымъ морямъ и океанамъ и что единственные мореходы, какіе умѣютъ вылазаться изъ этого моря, остаются все-таки, до скончанія вѣка, изъ любимые доморожденные аргонавты съ соцами. Адмиралтейство снабжалось не только бракомъ вещей, но и чиновъ. Оно двигалось, суетилось, 30 лѣтъ вело обширную переписку, мѣняло своихъ владыкъ и, наконецъ, пришелъ часъ—оно скончалось. Ссыльныхъ продолжали возить пѣшкомъ по непролазаной Кругомерской дорогѣ или перевозить на обыкновенныхъ байкальскихъ судахъ, у которыхъ кузовъ вродѣ боченка, представляющей, между тѣмъ, всё неудобства неповоротливой рѣчной барки. Единственная мачта позади судна, парусъ глупъ до нелзя, вмѣсто руля—ужасной величины весло, величаемое солнцемъ, которое вращать могъ бы развѣ одинъ только Голиаевъ. Этотъ совецъ въ трудомъ вращаетъ своего левиафана, у котораго передняя часть тѣла въ два раза длиннѣе задней. Наконецъ, въ довершеніе всего, румпель этого уродливо-громаднаго руля самый короткій, такъ что прикорманъ какъ бы нарочно для того, чтобы и два Голиаева не могли управиться. Эти суда движутся только по вѣтру. Теперь къ услугамъ ссыльныхъ кое-какіе пароходы, которые съ трудомъ оправдываютъ здѣсь свою веселѣтнюю славу.

ности, съ какою сопряженъ неблагоприятный во всёхъ случаяхъ образъ пѣшаго хожденія, и проч. и проч. Не говоримъ мы обо всемъ этомъ потому, что, во первыхъ, много объ этомъ говорено въ недавнее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, а во вторыхъ и потому, что мы видимъ теперь облегченіе арестантамъ тяжести этапнаго пути. Когда выяснилось дѣло въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что значеніе Тобольска померкло передъ значеніемъ другого города, Тюмени, того самаго, изъ котораго, по проекту графа Сперанскаго, перевели „по колодничьей части присутствіе“ въ Тобольскъ и переименовали его тамъ въ „привязъ о ссыльныхъ“. Вѣруемъ въ одно, что способъ препровожденія ссыльныхъ бесполезенъ и далеко не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, которыя клали на него въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда совершалось, по прозванію графа Сперанскаго, преобразование сибирскихъ губерній.

Возвратимся опять назадъ къ тѣмъ же этапамъ, каковыя по одной Сибири считалось 60, да сверхъ того еще 64 полустапа.

Этапную жизнь собственно арестанты любятъ, хотя она и представляетъ цѣль стѣсненій и вымогательствъ, и любятъ они ее потому, можетъ быть, что она какъ будто ближе къ свободной жизни, дорогой для всякаго человѣка. Съ этапнаи арестанты разстаются неохотно. Я видѣлъ ихъ накануне каторги и могу свидѣтельствовать, что въ лицахъ, въ поступи, въ тонѣ „Милосердной“ и видится и чувствуется гнетущая тоска и отчаяніе. То и другое объясняется близостью мѣста, при одномъ воспоминаніи о которомъ у всякаго сжимается сердце; не всякій сумѣетъ собрать силы и показаться наблюдателю сохранившимъ твердость духа, а тѣмъ болѣе храбрымъ въ поступкахъ и поступу. Арестанты приходятъ на каторгу безъ денегъ, рваные, голые, безъ надежды и безъ родины...

Медленно подвигается партія къ заводу, молчаливая, окруженная всяческою форменностью. Еще за нѣсколько верстъ надъ арестантскими головами уже прогремѣла команда: „Приформиться!“—по которой всё должны быть по мѣстамъ, всё въ кандалахъ и при котомкахъ. Всѣ должны приготовиться какъ бы къ какому великому таинству.

Вотъ партія на мѣстѣ. Мѣстное начальство принимаетъ арестантовъ по списку.

— Надо кандалы расковать!—говоритъ оно на томъ основаніи, что дорожные кандалы возвращаются конвойнымъ, а на каторгѣ надѣвають новыя.

— Да ужъ завтра сдѣлаемъ это! Сегодня не успѣемъ всёхъ очистить и опять запаять,—замѣчаетъ приемщикъ въ простотѣ сердца.

— Расковать недолго!—объясняетъ этапный офицеръ, бывалый и много смекающій, и проситъ:

— Миѣ очень нужно спѣшить назадъ, повольте сейчасъ!

И въ радости сердца, что и еще одну партію сбылъ съ рукъ благополучно и не лишился, за отсутствіемъ бѣглыхъ, годового жалованья въ награду (по положенію), этапный офицеръ велитъ партіи снимать кандалы и въ два-три часа очищаетъ всѣ ноги.

Мало опытный горный офицеръ удивлялся, видя, что арестанты снимаютъ кандалы, какъ сапоги, но бывалый и догадливый зналъ, что на всякіе замки существуютъ отмычки, и что чѣмъ больше стѣсненія и строгости, тѣмъ больше искавій противоборства, а рѣдкое исканіе у настойчивыхъ и сильныхъ людей не вѣщается успѣхомъ. Къ тому же, арестантская партія дѣйствуетъ огуломъ, артелью, въ ней сто головъ, сто умовъ.

Пришли рабочіе люди слабыми, болѣзненными, отвыкшими отъ труда, а нѣкоторые даже и вовсе къ нему неспособными, но, что всего важнѣе, большая часть изъ нихъ глубоко испочена нравственно. Иные пришли сюда за болѣзнями и остановками, на четвертый годъ по выходѣ изъ Россіи, но пришли во всеоружіи долгаго опыта. Приспособляйте ихъ къ работѣ и доглядывайте: все это мастера, но на особую статью, все это такіе рабочіе, какихъ уже въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается.

Въ тюрьмѣ и на каторгѣ преступники скажутся въ иныхъ находкахъ и изобрѣтеніяхъ. И тамъ сгущаются они перехитрить природнымъ умомъ то, что прилаживается искусственно, поддерживается вѣдшею, грубою силою. На чьей сторонѣ окажется побѣда, просимъ высудить.

Г Л А В А II.

Н А К А Т О Р Г Ъ.

Моя побѣда на строгую перворазрядную каторгу.—Нижній промыселъ на Карѣ.—Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.—Иванушка-дурачекъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойникъ въ водово-
закѣ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жильѣ.—Цыгга.—Каторжнис.—Каторжныя работы.—Смо-
трители.—Раскомандировки.—Казенные порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взаимныя отношенія тюрем-
ныхъ сидѣльцевъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносчики.—Товарищество.—
Смотритель и арестантъ Сенья.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра.—Азартныя
игры.—Юлка.—Юрдовка.—Едино.—Бѣгунцы.—Тюремный языкъ (argot).—Откупные тюремные
законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабакъ въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хит-
рость.—Влазное.—Тюремный капиталъ.—Парашички.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—
Оборотни.—Тюремные герои и историческія лица.—Тумановъ и живая пирамида.—Искусственно-
развиваемыя арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утва.—
Каторжныя забавы.

Въ началѣ декабря, темною ночью, подѣ-
вѣжалъ я къ Нижнему Карійскому промыслу,
одному изъ центральныхъ мѣстъ, предназна-
ченныхъ для работъ тѣхъ ссыльных-каторжнхъ,
которые, по судебнымъ приговорамъ, назнача-
ются въ такъ называемыя Нерчинскіе рудники.

Дорога шла въ сторону отъ рѣки Шилки
густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Совсе не разчищен-
ная, мало приспособленная къ проѣзду, но, въ
то же время (сколько можно судить по ныр-
камъ, т. е. ухабамъ), крѣпко поддержанная, до-
рога эта казалась торною. Вѣтви деревьевъ
хлестали по лошади, совались къ намъ въ
сани; надо было наловчаться, чтобы не поте-
рять глазъ, не испаралать лица. Къ тому же,
дорога до того была узка, что мы принуждены
были снѣтъ у саней отводы, хотя, въ то же
время, сани наши были приспособлены именно
для такихъ окольных, мало-наѣзженныхъ до-
рогъ и сани эти уже успѣли съ достоинствомъ
выдержать испытаніе слишкомъ на тысячѣ
верстъ.

Темнота и густота лѣса усиливали наши не-
счастія; мы налѣзали на пни и съ грудомъ съ
нихъ сминались. Сани безъ отводовъ валялись

въ первую глубокую и покатую выбоину. Про-
вожатые мои ворчали и сердились.

— Ужъ во истину дорога каторжная, — загѣ-
чалъ одинъ.

— Оттого и каторжная, что ведетъ на ка-
торгу! — остритъ другой.

— Такъ-то, паревъ, поглядишь, — толковалъ
первый: — дорога на каторгу ка-быть узенькая,
а подумаешь, такъ она выходитъ болѣе широкая.

— Туда-то широкая, — мудрствовалъ вто-
рой: — а оттуда-то опять узенькая. Попастъ легко,
а не вырвешься.

— Сказано, милый человѣкъ, не отирайся
ни отъ сумы, ни отъ тюрьмы.

Разговоръ кончился обоюднымъ вздохомъ.

Тишина и темнота давали широкій просторъ
воображенію: рисуй, что хочешь, но не дальше
заданной темы. Вотъ впереди то самое мѣсто,
гдѣ соединяются вѣствѣ всѣ такіе преступ-
ники, высланные изъ Россіи, всѣ убійцы, раз-
бойники и грабители. Работа на этихъ казен-
ныхъ золотыхъ промыслахъ полагается самою
вышекъ мѣрою наказанія для всѣхъ подобнаго
рода злодѣевъ. Съ ослабленіемъ въ послѣдніе
десятки лѣтъ серебрянаго промысла въ нер-

чинскихъ горныхъ заводахъ и за уничтоженіемъ разработки рудниковъ руками ссыльныхъ преступниковъ, Карійскіе промыслы (Верхній, Средній, Нижній и Лунжакинскій) представляли единственный матеріалъ для изученія истиннаго значенія такъ называемой каторги. Я поѣхалъ туда съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ Нерчинскомъ краѣ только при этихъ четырехъ промыслахъ (да еще при Петровскомъ желѣзномъ заводѣ) остались тюрьмы собственно каторжныхъ.

Ночь была до того темна, что мы съ великимъ трудомъ могли распознать, гдѣ кончился лѣсъ и начался перегѣсокъ. Запахъ жилого мѣста, не смотря на жгучій морозъ, вскорѣ далъ намъ знать, что селеніе у насъ уже на носу, а вотъ и самая каторга гдѣ-то тутъ же и очень близко. Откуда-то вырвался звонкій выкрикъ и раскатился въ морозномъ воздухѣ длинную трелью, которой, казалось, и конца не было. Во всякомъ случаѣ, вела эту ноту здоровая грудь съ ненагруженными легкими. На оклики послѣдовалъ отвѣтъ, который также со звономъ разсыпался въ разрѣженномъ воздухѣ по горамъ и заглохъ только въ перелѣскѣ. У третьего оборвалась нота безъ трелей: голость отбѣка отъ морозной струи, судорожно захватившей крикливое горло. Оклики посыпались одинъ за другимъ. Кричащие, что лѣтухи, играли въ перегонку, кто кого лучше и чище сплетъ, и такихъ очень много! Значить, мы на каторгѣ, но распознать за темнотою ничего не можемъ.

Услѣваемъ припомнить прошлогоднее событіе, рассказъ о томъ, какъ на этихъ самыхъ промыслахъ, изъ какой-то тюрьмы вырвался одинъ звѣръ и въ одну ночь, въ разныхъ домахъ, зарывалъ пятерыхъ и въ томъ числѣ погубилъ мать съ двумя младенцами, такъ, изъ любви къ чужой крови, безъ всякаго повода и причины. На душѣ становится не совсемъ покойно: воображеніе говоритъ, что впереди насъ звѣринецъ, наполненный кровожадными и голодными звѣрами. Къ тому же, звѣринецъ этотъ плохо сколоченъ, дурно и не крѣпко запертъ, но разумокъ старается увѣрить въ томъ, что, вѣроятно, и здѣсь полагается недремлющій сторожъ, ищется укротитель. Теперь, въ неопредѣленной темнотѣ, всего этого распознать мы не можемъ, но завтра навѣрное увидимъ.

Тяжелыя, гнетущія сердце мысли не покидаютъ насъ и въ уютной, теплой квартирѣ, до самаго утра, до разсвѣта. Пойдемъ же смотрѣть, что день укажетъ. Вотъ мы и на улицѣ.

На право и на лѣво сильно-поддержанныя, покривившіяся углы таты; онѣ идутъ въ порядкѣ, изъ порядковъ образуется улица одна, другая, пятая. Передъ нами цѣлое селеніе, которое только тѣмъ и отличается отъ шилкинскихъ и другихъ, что оно бѣдное, совсемъ не подновляе-

мое. Нѣкоторые дома, какъ мазанки, грязноваты снаружи, заборы полуобрушенные. Видно, что голь и бѣдность строились тутъ; видно, она же и теперь тутъ живетъ. Но селеніе это, какъ извѣстно, казенное: вотъ неизмѣнный лѣбный и соляной амбаръ, съ неизбѣжнымъ часовымъ, товарищи котораго, а можетъ быть и самъ онъ кричалъ такъ усленно и настойчиво-громко цѣлую прошлую ночь. Но гдѣ же тюрьма, часоколъ, острогъ—жилище главныхъ хозяевъ селенія? Смотрю кругомъ—и не вижу. Вижу опрятнѣе другихъ чистенькій домикъ—вѣроятно, начальника промысла, приставъ; вижу другой, почти такой же, можетъ быть, смотрителя тюремнаго. Но гдѣ же тюрьма, когда кругомъ обыкновенные обывательскіе дома, свободные отъ часовыхъ и караула?

— Вотъ и тюрьма!—говорятъ мнѣ, указывая на одинъ изъ домовъ, наружкою постройкою похожій на обыкновенныя деревянныя сибирскія казармы. Домъ и я принялъ за казарму, не разглядѣвъ только въ окнахъ са желѣзныхъ рѣшетокъ, отсутствіе которыхъ въ другомъ сосѣднемъ домѣ характеризовало настоящую, дѣйствительную казарму. Близость тюрьмы объяснилась отчасти сосѣдствомъ гауптвахты, нѣсколькими физиономіями въ папачахъ, принадлежащихъ сибирскимъ казакамъ.

Но кто же эти люди, которые идутъ мнѣ на встрѣчу? Люди эти безъ кандаловъ, стало быть, не тюремные сидѣльцы, а, по всему вѣроятію, выслужившіе свой срокъ ссыльно-каторжные. Вѣжливо предупреждаютъ они поклонъ нашъ, снимаютъ шапки и кланяясь. А вотъ и сами преступники, побрякивая кандалами, творятъ свое домашнее дѣло: сопровождаемые часовымъ, несутъ они вдвоемъ на палкѣ ушатъ, накрытый тряпками. Изъ ушата этого валитъ паръ и щекочетъ обоняніе знакомымъ запахомъ національнаго „горячаго“, извѣстнаго въ казармахъ подъ названіемъ купоросныхъ шей. И эти преступники вѣжливо снимаютъ намъ шапку: смѣшно намъ за вчерашнія грезы и страхи, и готовы мы оправдаться только тѣмъ, что свѣтъ дневной всякіе страхи гонитъ.

— Хотите вы видѣть каторжнаго, вотъ вамъ первый изъ нихъ!—говоритъ мнѣ приставъ промысла, обязательно вызвавшійся познакомиться меня со всею подробностью своей службы.

— Иванушка, поди-ко сюда!—кричалъ онъ встрѣчному.

Изъ воротъ сосѣдняго дома вышелъ человѣкъ въ рваной шапчонкѣ, съ включенною рѣденьею бороденкою. Шея его была голая, армячишко совсемъ слѣзъ съ плечъ и даже рубаха у него была рваная. На ноги этого человѣка я уже и рѣшимости не имѣлъ посмотреть. Иванушку всего подергивало: голова не твердо держалась на плечахъ, онъ то приклонитъ ее къ правому плечу, то быстро отдернетъ къ лѣвому.

Лѣвое плечо ходуномъ ходить и самого Иванушку какъ будто всего ведутъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что всё его конечности не на своихъ мѣстахъ, и онъ употребляетъ теперь всё усилія, чтобы вправить ихъ кости въ чашки, въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрому ему ладить. По видимому, онъ не тяготится этою работою; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голыя.

— Работа каторжная такъ его изуродовала? Въ серебряныхъ фабрикахъ наглотался огъ ртутнымъ паровъ и качаетъ теперь головою? Принялъ что нибудь такого внутрь, по совѣту добродота-злодѣя, чтобы умягчить для себя ядовитую болѣзнь или тяжесть каторги, и тѣмъ записать себя въ разрядъ неспособныхъ?

— Ни то, ни другое, ни третье,—отвѣчаютъ намъ:—Иванушка сюда именно такимъ и при- слали, готовымъ.

Иванушка былъ передъ нами.

— Гдѣ ты былъ? — ласково спрашивалъ его приставъ.

— Свѣчку отгребалъ, покорнили за то! — отвѣчалъ Иванушка и брызгалъ; голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ, лѣвое плечо такъ и приподнялъ онъ до самыхъ ушей.

— А кто ты такой? — продолжалъ расспрашивать приставъ.

— Я... Вожій человѣкъ! — глушево растя- вулъ старичокъ.

— Какъ прозывается-то?

— Поселенцомъ велеть зваться.

— Откуда ты родомъ?

— Съ Вятки родомъ.

— За что присланъ-то сюда?

— Я и самъ не знаю. Мнѣ бы ужъ домой идти надо. На родину поря... Тамъ у меня тятка съ маткой осталась.

— Да вѣдь уже нельзя тебѣ возвращаться-то...

— Можно, говорятъ вонъ тамъ.

Иванушка указалъ рукою на тюрьму.

— Надо, слышь, только бумагу такую до- стать. Безъ бумаги-де не пропустить и назадъ вернуть. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Рассею уйти, сколько прошу!! (и въ по- слѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

— Всякій разъ обращается онъ во мнѣ съ этою просьбою! — объяснялъ мнѣ приставъ по- томъ, когда мы оставили Иванушку.

Вотъ что мы слышали потомъ объ Иванушкѣ. Въ статейныхъ спискахъ (которые сопровождаютъ всякаго ссыльнаго, какъ паспортъ и аттестатъ), онъ показанъ приговореннымъ въ ссылку за скотоложество. Самъ онъ рассказываетъ, что присланъ сюда за расколъ; звающіе люди увѣряли, что расколъ усугубилъ только степень наказанія. Но дѣло станетъ понятнымъ и яснымъ, если представить себѣ, что Иванушка родился

боженникомъ (и не только къ какой нибудь умственной, догматической работѣ, но и ни къ какой вазовой домашней быть неспособенъ) и попалъ за то въ пастухи. Обезоленный идиотизмомъ (не помѣшавшимъ, однако, развиться въ немъ грубымъ, извращеннымъ животнымъ инстинктамъ), онъ въ скотскомъ стадѣ впагъ въ тотъ грѣхъ, который увелъ его въ самое даль- ное мѣсто поселенія. Ближніе судьи судили въ немъ отвлеченную идею, дальніе вершители не видали въ глаза подсудимаго. Приговоръ былъ подписанъ и, вотъ, приведенъ въ исполненіе. Надъ Иванушкою въ тюрьмѣ смѣются, посмѣ- нищемъ онъ былъ и во всю дорогу по этапамъ. Всѣ его любятъ, всѣ его учатъ, кто чему мо- жетъ, и хорошему и худому. Ходить онъ по чужимъ дворамъ просить милостыню. Объ одеждѣ онъ не заботится; одѣнуть другіе, онъ полагаетъ, что это такъ и слѣдуетъ, и спасибо не ска- жетъ. На Карѣ Иванушка человѣкъ неспособ- ный и совѣтъ лишній.

— Дай мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Рассею можно уйти! — просилъ онъ меня, придя ко мнѣ на квартиру.

— Дать бы я тебѣ такую бумагу, да дать не могу.

— А мнѣ въ тюрьмѣ сказали, что можешь.

— Дать бы я тебѣ, Иванушка, такую бу- магу, которая бы тебя въ богадѣльню увела и тамъ оставила, да не въ силахъ я.

— Въ богадѣльню бы мнѣ хорошо.

— Хорошо, Иванушка, такъ хорошо, что тамъ тебѣ только и мѣсто! Лечить бы тебя — вылечили. Здоровый бы вышелъ, дѣвку бы полюбилъ, полюбилъ бы ты дѣвку, женился бы на ней.

— Нѣту! Я дѣвокъ смерть не люблю, въ дѣвкахъ-то черти-дьяволы сидятъ.

Иванушка мой заплелся, разворчался, серд- цѣ сталъ не въ мѣру. Самыя судороги его пошли примѣтно-учащеніе и озлобленіе. Иванушка былъ просто идиотъ и притомъ, по свой- ству многихъ больныхъ болѣзнями нервными, имѣлъ одно больное мѣсто (антипатію), прико- сновеніе къ которому вызывало ожесточенные припадки. Иванушка, по общимъ словамъ, не любилъ два-три слова и, смиренный вообще, при напоминаніи словъ этихъ выходилъ изъ себя, бросалъ тѣмъ ни попало въ равныхъ себѣ и знакомыхъ и бѣгалъ отъ неровней и отъ не- знакомыхъ, какъ это онъ сдѣлалъ и со мною. Сдѣлався ли слова эти ненавистными больному съ самаго того времени, когда онъ уразумѣлъ практическій смыслъ ихъ, или напротивъ, они ему до омерзѣнія отъ частаго напоминанія въ насмѣнкахъ досужихъ и праздныхъ товарищей — рѣшить теперь трудно. Иванушка, во всякомъ случаѣ, былъ вѣренъ антипатіи къ словамъ не- навистнымъ и во все время на каторгѣ не измѣнилъ себѣ ни одного раза. Безконечно жалко Иванушку, который, вмѣсто богадѣльни,

попалъ на каторгу, и страшно за него, когда знаешь, что въ сосѣдствѣ съ нимъ живутъ люди настоящіе каторжники. Не прилипнешь къ нему злодѣйская грязь по причинѣ крайней неподатливости его почвы, но и не вылетать его здѣсь отъ болѣзни, для которой въ медицинѣ напилье бы кое-какія облегчающія снадобья *).

— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжнаго! — говорилъ мнѣ карійскій приставъ, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе необыкновенно правильными чертами лица; въ глазахъ его еще было много жизни, а во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядя на него бодро, честно и открыто, шелъ смѣло и увѣренно. Сложень онъ былъ превосходно и даже той сутулости, которая характеризуетъ всякаго ссыльнаго, битаго кнутомъ, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда нибудь въ сторону и въ уголъ, мы въ немъ не замѣтили.

*) Петръ I подобнымъ безумцевъ велѣлъ отправлять въ монастыри. Екатерина I этотъ указъ подтвердила, велѣвъ отправлять по надлежашему въ тайной канцеляріи наказаніи въ 1727 г. Анна Ивановна, въ 1786 г., преступниковъ, лишившихся разсудка, велѣла также отсылать, въ монастыри къ неисходному ихъ тамо содержанію и крѣпкому за ними смотрѣнію. Въ 1860 году, кромѣ моего знакомаго, извѣстны были еще два дурачка, изъ которыхъ одинъ помѣшанный, нѣмецъ пэръ Рагъ, присланъ былъ за поджогъ архива, жилъ въ Горной (въ 4 верстахъ отъ Благодатскаго рудника), все время былъ убѣжденъ въ томъ, что живетъ въ 4 миляхъ отъ Рага. Очень часто тайкомъ скрывался, принимая Нерчанскій заводъ за Ригу, рвался и кричалъ, когда его брали для возвращенія на мѣсто водворенія. Здѣсь либо шатался по улицамъ, либо погруженный въ молчаніе, вперялъ свой неподвижный взоръ въ даль, останавливая его на какой либо точкѣ. Изъ прошлаго осталось одно воспоминаніе объ отцѣ во фракѣ, причѣмъ онъ всегда простодушно смѣялся. Говорили, что онъ сошелъ съ ума еще въ Рагѣ, векорѣ послѣ того, какъ его суженая вышла замужъ за другого. Другой сумасшедшій, также признанный неспособнымъ къ работамъ, шатался тамъ же въ рубахѣ, спитой изъ лоскутьевъ, которые билъсь отъ вѣтру. Цѣлмо дни носился онъ съ корзинкою, наполненною куклами, тряпками и другою ненужною дрянью, принимая все это за имущество, которое тщательно берегъ изъ боязни, чтобы не украли. Присланъ былъ изъ Костромской губ. неизвѣстно за что. Ходилъ по окрестностямъ и искалъ работы и, не находя таковой, занимался покупкою тряпкок, не покладая надежды найти работу; надъ нѣмцемъ любилъ подсмѣиваться и не удостаивалъ его разговоромъ, называя его дуракомъ. Нѣмецъ почиталъ блаженствомъ получать трубку табаку; костромичъ былъ доволенъ, когда накуриваетъ его. Костромичъ любилъ ходить безъ шапки, нѣмецъ носилъ громадную шляпу, но сквозь одежду его такъ сквозило голое тѣло.

Наконецъ, той робости, которая велить скидывать шапку всякому встрѣчному (что такъ любятъ и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ), въ старикѣ нашемъ также замѣтно не было. Вѣрный видъ расположилъ меня въ его пользу и я готовъ былъ усумниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава, но послѣдній настаивалъ на своемъ:

— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

Самъ старикъ разсказывалъ потомъ:

— Въ Калугѣ, на родинѣ, почти мы ограбили и почталыона съ ящикомъ убили.

И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ разсказа своего.

— А за что тебя на цѣпь посадили? — спрашивалъ за меня приставъ.

— Сами знаете, ваше благородіе! — отвѣчалъ старикъ и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то же время меня обманула, но я теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ея, но лицо старика, при дальнѣйшихъ разспросахъ, оставалось невозмутимо спокойнымъ. Думалъ ли онъ на этотъ разъ, что передъ прямымъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрывается нечего, тотъ все знаетъ, или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность и тяжесть котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, сосредоточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ, — старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался. Онъ повѣдалъ другое:

— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

Опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто во свидѣтельство того, что старикъ теперь не боится за себя. Знать „умыкали бурку крутия горки“.

— Взять я его къ себѣ въ водовозы и не назвался стараніемъ и усердіемъ; запииваетъ иногда, но очень рѣдко! — говорилъ мнѣ приставъ: — У нашего начальника жила въ кормилцахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такою любовью, что яная мать не прилагаетъ столько вѣжливости и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искусственною, подогрѣтою любовью замить кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія, но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтяхъ и вотъ уже четвертый годъ такая же неустанная, бессонная, честная и вѣрная работница.

Третій, Мокъевъ, и также случайно попавшійся намъ на глаза, былъ именно изъ тѣхъ

боязливый и робкий, которые привыкли прятать свой взгляд, привыкли быть замкнутыми и не откровенными на любой изъ вызывовъ вапштъ. Смыслный этотъ писаль, напр., стихи, и одно время исполнял даже обязанность полкового пѣты: написал по заказу начальства пѣсию на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Онъ же сочинилъ цѣлую тетрадку виршей, посвященныхъ описанію всяческаго быта смыльнаго въ тюрьмѣ и за тюрьмою. Я долго упрямивалъ его подѣлиться плодами его досуговъ, въ расчетѣ встрѣтить въ немъ одного изъ тѣхъ сочинителей пѣсень, которые приготавливаютъ на тюремный обиходъ казарменные новыя пѣсни въ замѣтъ старыхъ народныхъ, но получилъ отвѣтъ, что стихи онъ забылъ, а тетрадку зачитали товарищи. При дальнѣйшихъ просьбахъ, я добился только обѣщанія принести на-дняхъ; ждалъ я недѣлю и тетрадки все-таки не получилъ. Мокъевъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы по дѣлу объ ограбленія и умершвенія какого-то купца, гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ, и принесъ съ собою рекомендательныя письма. Но письмамъ этимъ онъ обвинялся только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Писма говорили, между прочимъ, и то, что онъ, нося веселое званіе купеческаго сына или брата, вель, въ то же время, и жизнь, приличную этому званію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребковъ. *Онъ жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощились отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабакъ, въ кабацкѣ онъ попалъ на развѣселмхъ товарищей, которые образовали шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и подсластить пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого друзья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежомъ, они горяча и въ противоборствѣ совершили убійство, но безъ участія Мокъева, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцы, не давшій во время знатъ начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные прислали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ суней. Мокъевъ успѣлъ затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги называть началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездолѣ и роднѣхъ—и запылъ. Запой сокрушилъ все его средства; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько ни ваяли потомъ пѣбня въ болото, гати не сдѣлали; разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смывала все

преграды. На время (и только на время) приостановилась было вода на мельницѣ, не рвала гати и обѣщала по ней прямое и надежное русло туда, куда надо: Мокъевъ полюбилъ волею казачку, полюбился и ей, и женился. Торговля опять пошла на ладъ, колеса на мельницѣ завертѣлись, мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ и опять прорвало плотину. Суется жена, хлопотали сосѣди, суется и хлопотали много и долго, а добился одного только, что большой сталъ пѣть не загулами, а запоемъ, что, какъ извѣстно, и безнадежно и неизменно. Сталъ Мокъевъ человекомъ убитымъ и потеряннымъ; я скрежещеть теперь зубами на свою шаль и дурь, и жену лѣбить и всѣми сосѣдями быть бы любимъ за круткій подастливый нравъ, да слабость свалила и не позволяетъ встать на ноги. Мокъевъ теперь на все рукою махнулъ.

— Нечего съ нимъ не подѣлаешь, — говорила жена его:—самый безпутный человекъ! Пѣсни писать пуще прежняго началъ, станетъ тебѣ читать кляку, слезой прошибеть. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣе дожился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера пьянехонекъ домой пришелъ и завтра такой же будетъ.

Отдѣльно взятыя случайныя личности мало значать. Живя на свободѣ, онъ могли утратить много того, чѣмъ отличается настоящій каторжнѣй, да и жизнь на свободѣ, хотя и подлѣ самыхъ воротъ каторги, далеко не каторга. Про людей, вышедшихъ изъ тюрьмы, и самые сосѣди многого не скажутъ: многое забыли они, многое стараются забыть, зла не помня. И сами мы намѣрены не биографіи писать, мы хотимъ видѣть каторгу.

Каторги, однако, мы видѣть не могли. Стоянные холода, стоявшіе все время нѣже 30°, и человеколюбіе горныхъ офицеровъ задержали работы на разрѣвѣ до благопріятнаго времени. Каторжнѣхъ изъ тюрьмы не выпускали, кромѣ нарядовъ на легкія и недолговременныя работы. Тѣмъ лучше, стало быть, мы увидимъ тюрьму въ полномъ составѣ и сборѣ. Идемъ туда.

Вотъ эта тюрьма Нижняго Карійскаго промысла у насъ передъ глазами. На тюрьму, въ томъ смыслѣ, какъ бы хотѣли представлять наше воображеніе, она не похожа. Нѣтъ даже и того казеннаго вида, какимъ поражаетъ всякій старый этапъ по сибирскимъ дорогамъ. Нѣтъ этихъ заостренныхъ сверху бревень, плотно приставленныхъ одинъ къ другому, черныхъ, погнившихъ, нѣтъ и этихъ огромныхъ воротъ по срединѣ, съ низенькою захватанною калиткою и двумя полуразвалившимися будками по оѣмъ сторонамъ скря учить, громадныхъ, тяжелыхъ воротъ, которыя открываются только два раза въ недѣлю, что мы проглотить и потомъ выбросить проколающую партію. Карійская тюрьма глядитъ рѣшительною казармою и много-много

если она похожа на такую, гдѣ существуетъ такъ называемая сибирка, кутузка—мѣста для временнаго полицейскаго ареста. Снаружи казарма эта очень ветхая и даже не видать, чтобы она была недавно починена. Рѣшетки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полинялая, но за то все остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности.

— Ефрейтора!—закричалъ надъ нашимъ ухомъ часовой солдатъ, стоявшій у наружной двери.

Явился требуемое лицо. Наряжены были еще двое конвойныхъ съ ружьями и пуцами впередъ.

— Старосту!—закричалъ сзади насъ въ свою очередь ефрейторъ.

Явился и староста, съ бритою на половину голову, съ угловатостью въ лицѣ, съ судорожными движениями во всемъ тѣлѣ, какъ будто готовый летѣть, растануться въ воздухъ по первому призыву и приказу начальника.

Передъ нами отворилась дверь и, словно изъ погреба, въ которомъ застоялась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насъ обляла струя промозглаго, сфершагоса, гнилого воздуха, теплаго, правда, но едва выносяимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переводили послѣднее, съ трудомъ могли опомниться и придти къ себѣ, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ наръ всѣ закованные ноги и тотчасъ же, тутъ подлѣ, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по солдатски. Многие были въ залпанныхъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ серединѣ которой въ два ряда положены были деревянные нары; тѣ же нары облюдили кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, ненабывный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держать людей для казенной надобности въ артелѣ, въ роткахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кое-какія лоскутья, рвань, топенькіе какъ блинъ матрацы, взмызганные за долгій срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, не имѣющая никакой цѣны и достоинства собственность людей, лишешныхъ добраго имени, лишешныхъ той же собственности. Воплюющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастья, которыя, въ добавокъ, еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышать отравою его до цынги, ступаютъ босыми ногами съ жесткихъ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола презошла всякое вѣроятіе: на немъ палца на два (буквально) накупѣло какой-то зловонной слизи, по которой скользили наши ноги, не разъ ходило сильное властью и средствами начальство и не замѣчало, а если и замѣчало—то навѣрное забыло. Половина сирада въ казармѣ копилась на полу и наполнила потомъ

всю ее до самого потолка, который также оказался неспособнымъ отправлять свою трудную службу. Отворались и форточки, но не помогали дѣлу ни мало; тонятся и уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. Вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя имъ, набалованные повадкомъ, охотно прибываемъ ко всякому мѣсту, которое сквозить, свиститъ и просвѣчиваетъ, не въ загрузовкѣ мѣстѣ, которыя проболѣли до того, что заразились гноемъ и сочатся гнилою, порченною кровью, вся сила—въ коренной перетрускѣ стараго и въ рѣшительномъ созданіи новаго. На прежнемъ мѣстѣ, пожалуй, но свѣжая казарма должна быть, во что бы то ни стало, и притомъ не по старому образцу и не старыми балованными руками сдѣланная, а по образцамъ новымъ, руками не запачканными, но чистыми, не выверченными въ вертлюговъ на бесполезныхъ работахъ, но здоровыми и сильными, которыя зла не творили, а за добромъ давно тянутся и всякому живому гуманному движенію давно уже распростерли горячія объятія *). Еще долго проживутъ каторжные въ своихъ вонючихъ и сырыхъ норахъ, пока и до нихъ добѣжить лучъ свѣта по казеннымъ инстанціямъ, послѣ множества бумажныхъ справокъ и выравокъ.

— А дай-то Богъ, чтобы поскорѣе время шло!—говоритъ каторжный, въ ожиданіи тюрем-

*) Лѣтомъ 1857 года въ тюрьмахъ карибскихъ гибдалися повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усилешныхъ работъ ради историческихъ ста пудовъ золота, когда всѣ смыльные каторжные сгруппированы были адѣсь и разиѣшены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатѣ было то, что свыше тысячи человекъ умерло да въ архивахъ есть свидѣтельство мѣстнаго лекаря. Онъ писалъ, что причина тому «больше всего обшталость острожныхъ зданій, въ особенности же зависшая отъ того смръсть внутри оныхъ». Мѣромъ въ исправленію лекарь полагалъ просушку зданій, а для того совѣтовалъ на два лѣтнихъ мѣсяца отаривать окна или, лучше всего, вовсе выставлять рамы до 20 числа августа. «Для осушенія болотистаго грунта полезно было бы провести по близости около оныхъ тюремъ канавы. Для будущаго лѣта запасти нынѣшнимъ солешій черемши (дикаго чеснока)». Прошло десять лѣтъ и на Карибскихъ промыслахъ тѣ же порядки, тѣ же тюрьмы, а съ ними та же цынга съ равныхъ весеннихъ мѣсяцевъ до глубокихъ осеннихъ. Вотъ сравнительная таблица больныхъ цынгою по мѣсяцамъ: къ апрѣлю цынготныхъ 37, заболѣваетъ вновь 2; къ маю 39, вновь 4; къ іюню заболѣваетъ вновь 11, выздоравливаетъ 7; къ іюлю заболѣваетъ вновь 26, выздоравливаетъ 3, умираетъ 1; въ августѣ выздоравливаетъ 8. Въ октябрѣ, изъ всего числа остается больныхъ только 7 человекъ. Замѣчательно, что рѣдкій въ прѣзавкахъ, хотя бы велъ и регулярную жизнь, не заболѣваетъ цынгою, много черезъ годъ. За цынгою и отъ нее нарѣдки случаи гнизости во рту (водяного рака). Кислое молоко (простокваша), вино, настоенное березовыми почками, табакъ, дикій хрѣнь—обыкновенныя домашнія средства.

наго срока содержанія; старательно клеить онъ и терпѣливо задить себѣ балалайку или скрипку, ради утѣхи и возможнаго сокращенія досаднаго, бесполезнаго времени тяжелой, скучной каторжной жизни.

Связь онъ намъ съ гвоздочка скрипку свою, даль осмотрѣть, дернулъ смычкомъ по струнамъ—ничего!

— Пѣсни къ этой скрипкѣ голосомъ не подашь, а плясать можно.

— За что ты попалъ сюда? — спросилъ я перваго попавшагося мнѣ на глаза арестанта.

— Лошадь своровалъ, много чужой лошади своровалъ! — отвѣчалъ татаринъ.

— А ты за что?

— Заграничной матеріи маси еврей возил... — началъ было выясняться передъ нами обитатель западной русской границы, да перебить его другой досужій и знающій:

— А кто контрабанду черезъ границу возилъ и въ таможенную стражу изъ ружей стрѣлялъ, двухъ солдатъ положилъ на мѣстѣ?

Смолчалъ еврей.

— А ты за что?

— А я, ваше сіятельство, совсѣмъ понапрасну. Спрашивалъ я у начальства, ничего не сказали. Наказаніе получилъ, сюда привели. Эй Богу, лопни глаза мои! занапрасно попалъ.

Арестантъ забожился, а въ рѣзкомъ accentѣ его выяснился для насъ цыганъ, пришедшій сюда, по всему вѣроятію, за что нибудь крупнѣе конокрадства; можетъ быть, за грабежъ на большой дорогѣ, подлѣ которой стояли родичи его таборомъ.

— Не хотите ли, — предлагаютъ намъ: — задаться задачей пройтись по губерніямъ. Спросите изъ любой представителя, изъ всякой можемъ представить. Выбирайте наугадъ!

Подвернулась primero на память Киевская — нашлось дѣлѣхъ трое. Прошлись по Волгѣ отъ вершины до устья, отозвались отъ каждой изъ девяти губерній по одному; на Симбирскую выкрикнули опять трое.

— Такъ и должно быть, — поясняютъ намъ: — изъ густо населенныхъ губерній захлопнетъ наша западня всегда не меньше одной пары, и при этомъ всегда больше другихъ отличаются юга-западная, а изъ приволжскихъ — Симбирская. Впрочемъ, больше идутъ и погуще даютъ преступленія губерніи ближнія къ Сибири: Оренбургская и особенно Пермская, изъ Вятской поменьше. Изъ Финляндіи и инородцы чаще попадають на поселеніе и если являються къ намъ, то не прямо съ родины, а уже съ мѣсть поселенія. Замѣчаемъ, что Тобольская губернія преступлѣе всѣхъ и сердитѣе.

— Можемъ угнѣшить васъ вотъ чѣмъ: изъ губерній глухихъ и лѣсныхъ, каковы Архангельская, Вологодская и Олонеккая, мы на столько рѣдко получаемъ къ себѣ паціентовъ,

что я вотъ въ 12 лѣтъ ни одного не принялъ оттуда. Людей этихъ мѣстностей не знаю и родовъ болѣзней ихъ объяснить себѣ не могу. Изъ инородцевъ не видимъ вовсе допарей, самоѣдовъ, остаконъ и туягусовъ; въ Березовѣ даже и тюрьмы не существуютъ. Татаринъ идетъ къ намъ заурядъ со всѣми, обвиненный по роду тѣхъ преступленій, которыя водятъ на каторгу. Кавказскіе горцы идутъ за грабежи, а киргизы, кромѣ этого, ни въ какомъ уже иномъ преступленіи и не завиняются; баранта у нихъ — племенная добродѣтель, какъ у голодныхъ горцевъ набѣгъ. Еврей рекомендуетъ больше контрабандистомъ, цыганъ мы привыкли понимать за конокрада и ужъ давно цыганъ проговорился, что краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленной обходится. Другіе инородцы для насъ безразличны.

— Женщины приходятъ къ намъ за убійство дѣтей, но чаще за поджогъ. Поджогъ также преступленіе дѣтей. Стариковъ мы знаемъ, какъ кровососисителей и раслителей, получали ихъ также за ересь и расколъ.

— Разбирая преступниковъ по возрастамъ, мы имѣемъ таблицу, которая говоритъ намъ, что сосланные до 40 лѣтъ составляютъ 0,65% всего количества, отъ 40 до 50 лѣтъ 0,2; отъ 50 до 60 лѣтъ 0,8 и выше 60 лѣтъ 0,025.

— Соображая по состояніямъ и по отношенію смысловымъ къ общей численности того и другого сословія, мы можемъ увѣренно сказать и доказать, что преступленія тяжкія, ведущія прямо къ намъ, всего чаще совершаются мѣщанами и солдатами — сословіями искусственно созданными. Они, вмѣстѣ съ другими, значительно облегчаютъ тяжесть упрека, который привыкли валить на крестьянъ, и въ сильной степени ослабляютъ въ общей цифрѣ обвиненіе ихъ въ черныя и тяжкія преступленія. Вотъ, не угодно ли вамъ будетъ проверить слова наши хоть на промыслахъ нашихъ, хоть, пожалуй, и здѣсь въ тюрьмѣ.

Узнавать въ короткихъ и скороспѣлыхъ вопросахъ мы не рѣшились, да къ тому же и не имѣли этого въ виду, а задавали вопросы по вызову со стороны пристава и для того, чтобы сдѣлать что нибудь въ отвѣтъ на любезную предупредительность и имѣть больше времени осмотрѣться и познакомиться съ наружнымъ видомъ каторжной тюрьмы. Спрашивать самихъ арестантовъ объ ихъ преступленіяхъ намъ казалось не ловкимъ и не деликатнымъ (мы въ этомъ и каемся теперь). Да притомъ же, давно и хорошо извѣстно, что они никому и никогда не говорятъ истинной причины смылки, стараются затемнить ее окольнымъ показаніемъ или новымъ сочиненіемъ. Къ правдѣ не пріучили ихъ прежнія слѣдствія наши и отбили всякую охоту тюремные обычаи и тюремная наука.

Разспросы свои мы прекратили, въ расчетѣ

и съ надеждою серьезнымъ наученіемъ провѣрять наблюденія нашихъ проводниковъ (чего мы и достигли впоследствии). На этотъ же разъ рѣшились прекратить и самое пребываніе въ тюремной казармѣ, гдѣ уже оставаться становилось не въ мочь головѣ и легкимъ (голова разболѣлась, грудь защемило), до того съ непривычки удупчиво-тяжела была тюремная атмосфера! Какимъ же образомъ живутъ въ ней люди, что они успѣваютъ тамъ дѣлать и чѣмъ вознаграждаютъ себя за эти лишения и мученія? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ мы принуждены были искать на сторонѣ, узнавать отъ людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу, и если не слишкомъ заинтересованныхъ имъ, то и не совсемъ чуждыхъ. Отъ нихъ мы узнали многое. Все это многое мы провѣрили отчасти собственнымъ наблюденіемъ (насколько это позволяли обстоятельства), отчасти выяснили себѣ по архивнымъ бумагамъ, по разсказамъ самыхъ смыслимыхъ, по свидѣтельствамъ къ приставилковъ. Все, что досталось намъ въ добычу, несемъ на общій судъ и вниманіе.

Всѣмъ смысливо-каторжникамъ, находившимся въ то время на Карійскихъ промыслахъ, насчитывалось около 1200 человекъ (во всемъ же перчинскомъ округѣ до 4 тысячъ). Всѣ карійскіе содержались въ четырехъ тюрьмахъ и размѣщены были почти въ одинаковомъ числѣ въ двѣхъ тюрьмахъ при Среднемъ и Нижнемъ промыслахъ, въ меньшемъ числѣ въ тюрьмѣ Лунжанкинскаго промысла, а самое меньшее, сравнительно, число помѣщено было въ тюрьмѣ Верхняго промысла. Эта послѣдняя тюрьма находилась прежде въ самомъ селеніи, но, по удаленіи промысловыхъ работъ (въ 1850 году), она перенесена на новое мѣсто, вверхъ по теченію золотопосной рѣки Кары, на одну версту отъ центра промысла, къ подножію горы. Въ тюрьмѣ этой 8 комнатъ, изъ которыхъ каждая способна вмѣщать не болѣе 50 человекъ. Средняя тюрьма, построенная въ 1851 году, находится въ самомъ селеніи (Средне-Карійскомъ) и походить на первую: лицевая сторона ея также не забрана пѣлями. Лунжанкинская тюрьма, по удаленіи промысловыхъ работъ, перенесена въ 1856 году вверхъ по рѣчкѣ, давшей свое названіе промыслу, за три версты и поставлена на мѣстѣ, называемомъ Коврижка. Это—самая маленькая изъ всѣхъ тюремъ (только съ двумя комнатами), но за то прочтѣ прочтѣ; при ней службы еще весьма удовлетворительны*):

Вотъ официальное топографическое описаніе тюремъ, которое потребуетъ отъ насъ дополненій.

Каждая тюрьма имѣетъ при себѣ непосред-

ственного начальника, должностное лицо государственной службы, смотрителя. Каждому смотрителю дается помощникъ, извѣстный подъ именемъ тюремнаго надзирателя. Кромѣ того, каждая тюремная артель выбираетъ изъ среды себя старосту (на 40 человекъ арестантовъ полагается одинъ такой выборный). Староста получаетъ отдѣльный номеръ отъ прочихъ и онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и артельный экономъ, обязанный заботиться о пищѣ, и помощникъ надзирателя (субъ-инспекторъ), обязанный быть комматнымъ согладатаемъ и фискаломъ. Старостъ этихъ, такимъ образомъ, въ каждой тюрьмѣ, судя по числу заключенныхъ, находится 3, 4 и 5 человекъ. Надъ ними полагается еще одинъ наибольшій, старшій староста, который на тюремномъ языкѣ называется обшимъ.

Такова должностная іерархія и тюремная бюрократія. А вотъ какова и вся процедура ихъ обязанностей, въ краткіе и общіе чертахъ, набросанными однимъ изъ смотрителей карійскихъ тюремъ. „Смотритель, — говорить онъ:—завѣдуетъ, какъ хозяйственною, такъ и письменною частью. Надзиратель заботится о пищѣ и объ одеждѣ арестантовъ и, кромѣ всего этого, ведетъ отчетность. Поутру, въ назначенные часы для работъ, онъ идетъ на раскомандировку въ тюрьму. По приходѣ съ караульнымъ урядникомъ стронуть всѣхъ арестантовъ въ строй, дѣлаетъ перепиську по имвующей у него табели, чтобы узнать, всѣ ли арестанты на лицѣ (точь въ точь, какъ дѣлалось это на этапѣ). Кончивъ таковую, сдѣлать партіи военному караулу, наряженному въ конвой. По уходѣ арестантовъ на работу, онъ выдаетъ старостамъ провизію на день, слѣдующую по желанію, которая принимается заблаговременно имъ отъ комиссара промысловъ*).

*) Каждому арестанту полагается по фунту мяса лѣтѣмъ и по $\frac{3}{4}$ ф. въ прочее время, $\frac{1}{4}$ ф. крупы и 10 золот. соли. Правда, что они ѣдятъ и щи, и картофель и лукъ, но за то все это покупается на собственныя арестантскія деньги, зарабатываемыя въ праздничные дни. На это же идутъ и тѣ деньги, которыя получаютъ артели за перевозку тяжестей на артельный рогатомъ скотѣ, и тѣ проценты, которые наводятся съ разныхъ осудъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ изъ артельной экономической суммы (въ 1860 г. остатокъ ея простирался до 2781 р. 26 $\frac{3}{4}$ к.). Весь доходъ тюремъ состоитъ изъ платы, зарабатываемой арестантами въ праздничные дни. Каждый изъ нихъ получаетъ въ мѣсяцъ изъ окладовъ: рабочіе по 75 к. и мастеровые третьей статьи—1 р., второй—1 р. 50 к., первой—2 р. Казна даетъ отъ себя только кормовыя деньги 5 к. въ сутки и 4 ф. печеная хлѣба. Лѣтомъ, во время промысловъ, идетъ 5 ф. хлѣба и по 1 ф. мяса. Большимъ выдается половинный окладъ платы безъ кормовыхъ и прованта; остальная часть удерживается въ уплату лазаретной пшцы. По выхоудѣ изъ тюрьмы, слѣдующая изъ артельныхъ сумма выдается каждому на руки. Точно также и тѣмъ, которые хорошимъ поведеніемъ заслужили довѣріе, по-

*) Нижний промыселъ отъ рѣки Шыжи и устья рѣки Кары находится въ разстояніи 15 верстъ, Нижний отъ Средняго въ 5 верстахъ, Средній отъ Верхняго въ 3-хъ.

Окончивъ все это, онъ идетъ въ канцелярію тюремнаго смотрителя разводить арестантовъ по работамъ по имѣющемуся у него журналу (о выводѣ арестантовъ на работу), и въ ономъ отбирается росписка съ военного караула относительно принятія арестантовъ на работы, а потомъ уже составляется кормчая табель, въ коей показывается число людей, ушедшихъ на работу, и пища, употребленная для нихъ. Съ нею идутъ на рапортъ къ смотрителю. Вечеромъ, когда арестанты сойдутъ съ работы, надзиратель дѣлаетъ счетъ, всѣ ли приведены съ работъ, и по заѣркѣ кладетъ о принятіи свою росписку въ вышеупомянутомъ журналѣ*.

Приводя эти строки, мы съ намѣреніемъ остановились на тѣхъ подробностяхъ, какія даютъ онѣ намъ. По видимому, не можетъ быть ничего однообразіе жизни арестантовъ, и не даромъ у нихъ существуетъ поговорка: „каторж-ный—лѣтъ кончалъ, сунаръ кончалъ, казенной службѣ не могъ кончать“. Но, тѣмъ не менѣе, заключенные всегда находятъ средства разнообразить свою жизнь и первое утѣшеніе представляетъ имъ пѣсня. Дѣйствительно, тюремный сидѣлецъ можетъ на каторгѣ съ великаго горя кручинныя пѣсни и любить онъ въ досужій часъ эти пѣсни. Съ любовью бросается онъ и на дѣланныя, сочиненныя. Поетъ онъ и тѣ, которые искренно выжили у какого нибудь горемыки въ крайнюю минуту искреннаго, неподкупнаго вдохновенія**).

Въ какой бы формѣ не привелось выплывать свое тюремное горе, которое, главнымъ образомъ, скрывается въ лишениіи свободы, испытывается въ недостатокѣ участія со стороны милыхъ сердцу, какъ бы строго ни преслѣдовалась пѣсня, арестанты часто поютъ пѣсни хоромъ, а въ одиночку всегда и каждый вечеръ:

Вывало у соколка времечко:
Летать-то соколъ високохонько,
Високохонько летать по поднебесью.
Уятъ-то онъ билъ-побивалъ гусей-лебедей,

купаются одежныя вещи и привасемъ смотрителемъ. Одежда готовится при промышленномъ дежѣ и выдается на кроки. На два съ половиною мѣсяца: холщевая рубаха, суковные порты, три пары кофтовыхъ чарковъ (вж. сапоговъ) и пара рукавицъ. На годъ поступаютъ арестанту: шинель сермяжнаго сукна и поддевка сукмяная». Расчитано примѣрно, что содержанію всякаго арестанта на артельныя деньги обходится въ годъ въ 33 р. 22 в. «Но рѣдко случается (особенно въ лѣтнее время при разрывныхъ работахъ), чтобы арестанты вынашивали одежду въ срокъ, особенно чарки и рукавицы, которыя отъ галзы и мокроты галзы не служатъ и двухъ недѣль».

Свѣденія эти мы взяли изъ описанія тюремъ Шимановаго округа, сдѣланнаго однимъ изъ смотрителей этихъ тюремъ.

*) По возможности полный сборникъ тюремныхъ пѣсенъ (на большую часть сибирскихъ, на меньшую русскихъ) читатель найдетъ въ приложеніи къ этому тому.

Гусей-собедей, утокъ сѣрыхъхъ.
А новъ соколу время вѣту:
Сидитъ-то соколъ во поманѣ,
Во той во золотой кѣлочкѣ,
На серебряной сидитъ на шесточкѣ,
Рѣзы его ноженъки во опучочкѣхъ.

Или:

Порекрѣпъ-то, персябъ я, добрый молодець,
Отоючи подъ стѣнкой бѣлокаменной,
Глядючи на городъ на Катаевской.
У города воротцы крѣпко заперты,
Они крѣпко заперты воротцы—запечатаны.
Караульные солдатухи больно крѣпко спятъ.
Крѣпко больно спятъ солдатухи—не пробудатся.

Одна лишь не спитъ красна-дѣвица,
Красна дѣвица—королевска дочь.
Брала она со престолуку короночку,
Надѣвала ее на свою буйну головушку,
Еще брала со престолуку влаты ключи,
Отмыкала-отпирала каменну тюрьму.
Отпущкала невольниковъ-подтюремщиковъ.

Пока „красная дѣвица—королевска дочь“ въ воображеніи только, а „златы ключи на престолуки“ въ пѣснѣ хороши отвлеченнымъ смысломъ своимъ и безъ всякаго практическаго примѣненія: ворота тюремныя, дѣйствительно, крѣпко заперты и караульные солдаты всю ночь не спятъ. Бдительность дозора ихъ, приправленнаго крѣпкимъ и строгимъ наказомъ, до того сильна и закончена въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, что для арестантовъ нѣтъ другого исхода, кромѣ покорности, подчиненія и надежды не на настоящее, а на будущее. Конечно, покорность эта только временная и подчиненіе условное, но арестанты все-таки видятъ строгость надзора, неумолимость наказанія за проступки и ищутъ утѣшенія, по свойству человеческой природы, въ другихъ путяхъ и средствахъ. Средства эти они находятъ въ собственной натурѣ, въ натурѣ русскаго человѣка, и гнету и преслѣдованіямъ сверху сопоставляютъ сильный оплотъ и противодѣйствіе снизу, въ средѣ своей. Противоборство это заключается въ такъ называемой артели тюремной, въ арестантской общинѣ. Община эта ладится плотно, очень скоро и просто. Правила для нее Богъ вѣсть когда и кѣмъ придуманы, но уже приняла определенную и законченную форму. Форма эта, по долгому опыту, состоятельна при практическомъ примѣненіи, а существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Арестанты этого не скрываютъ и, можетъ быть, utanая мелкія подробности, объявляютъ общія черты, по которымъ можно составить приблизительное описаніе. Описаніе это мы основываемъ на разсказахъ самихъ преступниковъ и проверяемъ свѣденіями, сообщенными намъ тюремными приставниками на словахъ и въ официальныхъ бумагахъ.

Одна и та же участь, равная степень наказанія, поразительное до мельчайшихъ подробностей сходство житейской обстановки—все это, естественнымъ образомъ, помогаетъ сближенію, дѣлаетъ это сближеніе не только возможнымъ,

но даже и совершенно необходимымъ, по силѣ закона: „дружно — не грузно, а врозь — хоть брось“. Сближеніе это, при одинаковой степени нравственнаго развитія и душевнаго настроенія, совершается тѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣроятнѣе усталость и уступка со стороны противодѣяствія. Сближеніе становится прочнымъ и дѣйствительнымъ по мѣрѣ того, какъ преслѣдованіе дѣлается озлобленнѣе, а стало быть и бездарнѣе и недальновиднѣе. Пользуясь всякимъ благоприятнымъ моментомъ, тюремная община, не вѣдающая усталости, не желающая отдыха, накапливаетъ внутри себя силы и притомъ въ такомъ количествѣ, что, при напорѣ ихъ, по неволѣ должны уступить всякія вѣщныя противоборства, хотя бы они и велись систематически. Кажется, сколько глазъ слѣдятъ за преступниками, сколько законовъ, правилъ и постановленій обрушилось на нихъ въ теченіи недолгаго времени, и все-таки тюремная община живетъ своею самостоятельной особенною жизнью. Она цѣла и самобитна, не смотря даже на то, что тюрьма не вѣчная неизбывная квартира, что она скорѣе постоянный дворъ, гдѣ однѣ лица смѣняются другими новыми. Правила для тюремной общины какъ будто застываютъ въ самомъ воздухѣ, какъ будто самыя тюремныя стѣны пересказываютъ ихъ. Преемственная передача убѣжденій, живыхъ старыми преданіями, на вѣру, едва ли сильнѣе въ другой какой общинѣ.

Закономъ для всякой арестантской артели полагается выборный изъ среды преступниковъ—староста. Онъ, прежде всего, заботится о приготовленіи пищи товарищамъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ экономомъ. Въ его рукахъ скопляется вся сумма денегъ, образуемая изъ добродѣтельныхъ подалій; вотъ и казначей. Староста—отвѣтственное лицо за проступки всей артели передъ начальствомъ, которое обязываетъ себя глядѣть на него, какъ бы на лицо официальное и должностное, а по уставу—даже и утверждаетъ его въ этомъ званіи. Въ случаѣ, если бы онъ рѣшился скрыть какое нибудь преступленіе, затѣянное недовольными и обиженными арестантами, задумалъ бы не сказать о проступкѣ одного изъ нихъ, за все про все отвѣчаетъ онъ, староста. Отвѣчаетъ онъ своею спиною, но не лишениемъ мѣста. Лишить его званія, отрѣшить отъ должности начальство безъ согласія всей артели не можетъ, точно такъ же, какъ выборный въ старосты, изъ уваженія къ общинѣ, дѣлающей ему такую честь и довѣріе, отказаться отъ должности не имѣетъ права. Условія взаимнаго уваженія, основаннаго съ одной стороны на довѣріи и съ другой на благодарности, одинаковую имѣютъ силу и въ обществѣ преступниковъ, какъ и во всякомъ другомъ.

Такимъ образомъ, староста стоитъ между двухъ огней. Та и другая сторона заявляетъ на него свои права, та и другая требуетъ исполненія

обязанностей. Обязанности эти или, скорѣе, угожденія, въ сущности своей, діаметрально противоположны другъ другу. Какъ быть? Какъ выпутаться?

А на что же существуетъ община? отвѣтимъ мы на эти два вопроса также воспросомъ. Тюремная община держитъ своего старосту въ границахъ, положенныхъ его обязанностями: позволяетъ ему принимать съѣстные припасы и подалія, хранить артельные деньги — и только. Этими властью его и ограничивается; и тѣни нѣтъ вліянія на нравственную сторону заключенныхъ. Арестанты опасаются навязать себѣ агента своихъ благодѣтелей, а потому отъ старосты требуется чрезвычайная осторожность и глубокая осмотрительность. Всякій изъ нихъ долженъ знать, что множество глазъ заботливо слѣдятъ за всѣми его дѣйствіями и съ особеннымъ вниманіемъ за сношеніями его съ тюремными властями. Малѣйшая ошибка (простая, преднамѣренная), и староста смѣняется.

— Я бывалъ свидѣтелемъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ заключенныхъ), какъ смѣняемый старость прогоняли сквозь строй жгутовъ (наказаніе, по сказанію самихъ виновныхъ, могущее поспорить съ такимъ же официальнымъ наказаніемъ, послужившимъ первому образцомъ и примѣромъ). Смѣщенный староста подвергается затѣмъ общему презрѣнію, самому тяжкому изъ всѣхъ нравственныхъ наказаній, какія только могутъ быть придуманы въ мѣстахъ заключенія. Въ старостахъ, по избранію арестантовъ, чаще всего является тотъ изъ нихъ, который и у свободныхъ людей носитъ прованіе сквоного плута и который прошелъ въ тюрьму сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы, а въ тюрьмѣ сумѣеть не остаться между двухъ наголь, напоить и вытрезвить, обуздать и разуеть.

Такимъ образомъ, ябеда, доносъ—самое нестерпимое изъ всѣхъ тюремныхъ преступленій. Хотя ябедакъ и доносчикъ тамъ явленіе очень рѣдкое, но, тѣмъ не менѣе, бывалое и если большого этого трудно-излечимого болѣзью не вылечать два испытанныхъ средства (каковы жгуты и презрѣніе), то его отравляютъ растительными ядами (обыкновенно дурманомъ). Къ исключительному средству этому прибѣгаютъ притѣлительно рѣдко и въ такомъ только случаѣ, когда начальство не имѣетъ средствъ или не сдается на просьбы товарищей и не пережеститъ виновнаго въ отдѣльный покой или (если есть) въ другую тюрьму.

Товарищество соблюдается свято и строго и въ тюрьмѣ, какъ соблюдается оно, напр., во всѣхъ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ также часто мелкій проступокъ возводится на степень преступленія, гдѣ также малпшная строгость вызываетъ неизбежную скрытность, какъ единственное подручное орудіе протеста. Въ этомъ отношеніи у корпусовъ, пансіоновъ и институтовъ сходство

въ приемахъ съ приемами тюремными поразительно. Грани сходятся и только въ результатахъ они, естественнымъ образомъ, должны расходиться и расходятся. Преступники идутъ дальше по пути преслѣдованія виновныхъ, идутъ смѣлѣе и рѣзче, какъ то и подобаетъ людямъ крѣпкаго житейскаго закала, сильныхъ и крупныхъ характеровъ и страстей.

Арестанты виноватаго (но не уличеннаго) товарища ни за что и никогда не выдадутъ. Уличенный, во не пойманный съ поличнымъ, въ преступленіи своемъ никогда не сознается и не было примѣра, чтобы пойманный въ извѣстномъ проступкѣ выдалъ своихъ соучастниковъ; онъ принимаетъ всѣ удары и всю тяжесть наказанія на себя одного. Равнымъ образомъ, если арестантъ и попался съ поличнымъ, оказался совершенно виновнымъ и смотритель его наказываетъ, арестанты довольны и не препятствуютъ исполненію приговора, слѣпо вѣруя, что наказаніе научитъ ихъ товарищей другой разъ быть осторожнѣе, заставитъ его потомъ концы хоронить подалеже и повѣрнѣе.

Стремясь къ согласію и возможной дружбѣ, заботясь объ единодушіи, какъ главныхъ основаній всякаго товарищества, тюремная артель не терпитъ строптивыхъ, черещуръ озаобленыхъ, сутягъ и всякаго рода людей безпокойныхъ. Вывали примѣры, что арестанты огуломъ жаловались начальству на такихъ озорниковъ, прося объ удаленіи ихъ изъ своей среды. Не рѣшаясь прибѣгнуть къ средствамъ, приложимымъ къ ябедникамъ (на томъ предположеніи, что наушничество—неисправное зло), они оставались довольны, если безпокойнаго товарища заперли въ отдѣльную камеру на одиночное заключеніе. Озаобленнаго и безпокойнаго человѣка арестанты, по долгому опыту, считаютъ исправнымымъ и—говорятъ—не ошибаются; удаленные на время „злыдни“ очень часто возвращались потомъ въ тюремную семью тихими, кроткими и примиренными. Одиночное заключеніе арестанты ненавидятъ и боятся его пуще всѣхъ другихъ. Разъ извѣдавъ его, всѣми мѣрами они стараются избѣжать въ другой разъ. Для всякаго арестанта дорога тюремная артель, мила жизнь въ этой общинѣ, оттого-то всѣ они съ такимъ стараніемъ и такъ любовно слѣдятъ за ея внутреннимъ благосостояніемъ: удаляютъ безпокойныхъ и алыхъ, исключаютъ наушниковъ, обставляютъ непререкаемыми правилами, сурово наказываютъ своихъ судомъ виновныхъ, а судъ тюремный, какъ мы сказали, самый неумолимый и жестокий.

На сколько сильно и крѣпко товарищество—вотъ примѣръ (первый, подвернувшійся на память изъ сотни другихъ). Дѣло было на одномъ изъ заводовъ Восточной Сибири (на какомъ именно, не упомяну).

Тюремный смотритель сердитъ былъ на арестанта за его дерзкія грубости, за непочтеніе къ особѣ начальника, за что-то, однимъ словомъ, такое, чего никакъ не могъ забыть и смягчить къ своему сердцу смотритель. Арестантъ былъ ловокъ, увертливъ; смотритель, ири всѣхъ стараніяхъ, поймать его не могъ, а между тѣмъ хотѣлось удалить непріятеля изъ завода и удалить такъ, чтобы онъ его помнилъ.

Смотритель призываетъ къ себѣ другого арестанта и начинаетъ уговаривать его допытаться: кто такой преслѣдуемый и ненавистный ему преступникъ, и если переимѣнилъ онъ свое имя и живетъ подъ чужимъ, то уйдетъ прямо на золотые Карійскіе промыслы, т. е. въ самую каторгу.

— Я бы допытался, ваше благородіе, да мнѣ жизнь еще не надоѣла, сами знаете наши порядки. Тяжелы такіа дѣла!

— Я тебѣ въ нихъ защитникъ и покровитель.

— Если такъ, то было бы изъ-чего начать дѣло.

— Вотъ тебѣ три рубля.

— Такъ неужели я товарища-то своего продамъ такъ дешево. Да и на три рубля что я могу сдѣлать?! ни обуви купить, ни одежды завести.

Стали толковать, торговаться—на десяти рубляхъ сер. порѣшили дѣло. Вереть арестантъ деньги, идетъ въ тюрьму и прямо къ товарищу:

— А я, братъ, тебя смотрителю продалъ, сказалъ, что ты чужое имя носишь; вотъ и денегъ десять рублей получилъ. Раздѣлимъ пополамъ, а ты меня выручи: вѣтъ ли здѣсь въ селеніи на тебя кого похожаго? Не осрами передъ смотрителемъ!

— Шель одинъ въ пересыльной партіи похожій на меня, да и живеть-то онъ здѣсь на заводѣ, фамилія Клыгинъ.

— Клыгинъ!—рапортовалъ подговоренный смотрителю. Справился тотъ въ статейныхъ спискахъ: примѣты подходятъ (да и много ли такихъ примѣтъ въ казенныхъ паспортахъ, какихъ нельзя было бы примѣнить ко всякому въ особенности и ко всѣмъ остальнымъ разомъ).

Наскочилъ смотритель на врага своего, радъ-радехонекъ. Тотъ открещается, идти на дальнюю каторгу не хочетъ, слѣдствія просить: „Мало ли-де чего на свѣтѣ не бываетъ! я самъ своего двойника въ пересыльной партіи видѣлъ, да онъ и теперь живетъ на заводѣ, здѣсь“. Даютъ очную ставку; смотритель дѣйствуетъ смѣло, въ расчетѣ на купленнаго доносчика. Очная ставка съ мнимымъ двойникомъ не удалась, смотритель остался въ дуракахъ; наскочилъ на своего довѣреннаго:

— Зачѣмъ ты оболгалъ?

— Полугитъ задохлось надъ вашимъ благородіемъ, что я стану тавтъ теперь по пустому?! Долго и грозно смѣялась тюрьма надъ этою выходкою. Многие о ней и теперь не забыли и мнѣ рассказали.

На сколько арестанты блюдутъ тайны своей артели и стерегутъ ея интересы, узнаемъ также изъ множества примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, болѣе характерный и смѣлый.

— Былъ у насъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ сильныхъ, жившій въ последнее время въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ), былъ у насъ при тюрьмѣ унтеръ-офицеръ сердитый, тяжелый и неподкупный. Такие люди несосны. Арестанты рѣшились его удалить во что бы то ни стало, но какъ это сдѣлать? Надо было найти смысленаго человѣка. Ходили за нимъ недалеко. Содержался вмѣстѣ съ нами изъ бродягъ Сецька, ловкій на всѣ руки и казачъ тертый съ солью, ни надѣ чѣмъ онъ не задумывался и на жизнь легко смотрѣлъ. Въ Россіи ходилъ по ярмаркамъ съ Петрушкою—фокусы показывать; не посчастливилось тамъ—въ Москвѣ жуликкомъ долго былъ, ловко таскалъ платки изъ кармана, часы обрѣзывать. Ограбилъ тамъ церковь—въ Сибирь попалъ. Къ этому Сецькѣ и обратились арестанты:

— Помоги—говорить:—снѣни ундера!

— Ладно!—говорить:—Снѣчь меня будутъ, такъ положите ли по двѣ копейки за розгу съ артели?

— Идетъ!—говорить. Сами смотреть, что будетъ.

„Ходитъ Сецька по казармѣ, ходитъ, бурлитъ, во всѣмъ привязывается, притворяется пьянымъ. Увидаль это ундеръ, довелъ смотрителю. Пришелъ смотритель и спрашиваетъ:

— Гдѣ влялъ водку, кто принесъ?

— Вотъ онъ!—говорить Сецька и показываетъ на ундера.

— Врешь,—говорить смотритель:—не вѣрю, не таковскій человѣкъ этотъ ундеръ.

„Божится Сецька.

— Дохни!

„Дохла Сецька такъ, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ въ сосѣднемъ кабацѣ двери открыли.

— Розогъ!—закричалъ смотритель.

„Сецька мигнулъ товарищамъ: „Считайте-де, братцы, а я васъ самъ повѣрять буду, чтобы потомъ не отжилили.

„Стали считать: пятьдесятъ розогъ насчитали.

„Смотритель опять спросилъ: „Врешь-де, собачій сынъ“! Побожился Сецька и снова драгъ его стали. Еще пятьдесятъ розогъ насчитали: по счету на серебро два рубля приводилось съ артели. Артельному кошелю тяжело стало, ва-кричали арестанты Сецькѣ:

— Будеть, Сецька! Проси, шельмецъ, прощенья!

„Не просить.

— Кто принесъ вина?

— Этогъ самый ундеръ.

„Опять положили. Арестанты громче шумъ подняли:

— Сказывай, Сецька, ну, тебя, къ черту!

(много-де артельскихъ денегъ заводилъ и самъ-де того не стоимъ).

„Лежитъ себѣ Сецька подъ вторую сотню. Арестанты еще громче зашумѣли: „Тебѣ-де, дьяволу, ничего, шкура-то у тебя барабанная, стало привычная, да артельскимъ-то деньгамъ изъять большой“.

„Сецька стоитъ на своемъ: ундеръ принесъ. Получилъ двѣсти и всталъ. Всталъ и говоритъ.

— „Сказывалъ я вамъ, что сказывалъ; не повѣрили вы мнѣ, ваше благородье! Осмотрите-ко ундера, можетъ, онъ и четушку-то (косушку) еще не успѣлъ спрятать“.

„Послушался смотритель совѣта его, осмотрѣлъ ундера и въ ранцѣ у него нашель ту посудину (успѣлъ-таки ловко подложить свою вещь Сецька, умѣвшій таскать изъ тѣхъ же кармановъ и всякихъ ручныхъ мѣшковъ чужія вещи).

„Артель достигла цѣли: ундера убрали, Сецька получилъ свои четыре рубля серебромъ. Снѣчалъ всѣ долго и еще лучше полюбили всѣ Сецьку“.

Вообще, не скупясь ни на какія средства, не задумываясь ни передъ какими препонами, тюремная артель строго блюдетъ свою тайну, старательно прячется за завѣсою ея, у которой, если приподнять одинъ только уголокъ, мы увидимъ вотъ что.

Во всякой тюрьмѣ (русской и сибирской) существуетъ такъ называемый майданъ. Это, въ тѣсномъ смыслѣ, подостлавная на наркахъ трапка, полуубокъ или просто очищенное отъ этой вѣтоши мѣсто на наркахъ, на которомъ производится игра въ карты, кости, въ юлгу и около котораго группируются всѣ игроки изъ арестантовъ. По тюремной примѣтѣ-пословицѣ: на всякаго майданчика по семи олуговъ.

Игра, какъ извѣстно, есть одна изъ самыхъ прилипчивыхъ и упорныхъ страстей между преступниками. Безпрестанная боязнь быть открытымъ (не смотря на существованіе сторожей у дверей) заставляетъ преступниковъ торопливо играть и въ волненіяхъ душевныхъ, разжигаемыхъ игрою, находить самыя любезныя имъ наслажденія, самыя пріятыя и дорогія имъ утѣхи. Существованіе азартныхъ игръ присуще тюрьмамъ всего земного шара. Вотъ что говоритъ Фрежъ въ своемъ сочиненіи „Des classes dangereuses“ о французскихъ тюрьмахъ: „Арестанты, привыкшіе въ одинъ моментъ терять плоды недѣльной работы, доводятъ свою страсть къ игрѣ до того, что ставятъ на конъ лѣтъ, которымъ должны кормиться мѣсяцъ, два, три мѣсяца. Но что всего удивительнаго: между арестантами встрѣчаются такіе, которые, во время раздачи порціи, оказываются нетерпѣливыми, даже жадными, тѣ, которые рвутъ лѣтъ изъ рукъ и потомъ легко примиряются съ лишеніемъ пищи, проигранной въ карты. Прибавлю последнюю черту, показывающую до какой степени погнѣбительство можетъ доводить

разумное существо страсть къ игрѣ. Врачи центральнаго дома Mont-Saint-Michel наблюдаютъ за однимъ преступникомъ, который игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что, лежа въ больницѣ, ставилъ на конъ порцію бульона и вина, когда тотъ и другое были крайне необходимы для восстановления его растраченныхъ силъ. Этотъ несчастный умеръ отъ истощенія силъ*.

Право содержать майданъ въ нашихъ тюрьмахъ отдается съ торговъ, независимо отъ содержанія другихъ оброчныхъ статей (о чемъ мы будемъ говорить ниже). Откупщикъ майдана бываетъ, большею частью, самый бережливый изъ арестантовъ, скопидомъ и, во всякомъ случаѣ, обладающій извѣстнымъ капиталомъ. Онъ называется майданщикъ и если не пользуется уваженіемъ и любовью арестантовъ, то, во всякомъ случаѣ, находится подъ покровительствомъ артели. Въ средѣ ея онъ всегда найдетъ такую голышю, которые за нѣсколько копеекъ становятся на стражу и оповѣщаютъ играющихъ о приближеніи опасности (играютъ обыкновенно по ночамъ). Для этого существуютъ въ тюрьмахъ условныя выраженія, особенныя слова.

— Стрема! — кричитъ сторожъ въ нерчинскихъ тюрьмахъ.

— Вода идетъ! — оповѣщаетъ сторожъ въ тобольскомъ и другихъ сполутныхъ острогахъ.

Майданъ исчезъ: свѣча погашена, карты спрячаны, такъ что самый опытный смотритель не найдетъ ихъ. А уйдетъ дозорщикъ (стрема, вода), и опять пошли переходить съ рукъ на руки и курынча (жѣдныя деньги, по тюремному названію) и сары (т. е. бумажки и серебро, которое водится во всѣхъ видахъ, даже иностранныя талеры, пятифранковики, старинныя цѣлковые и проч.).

— „Таланъ на майданъ!“ — желаетъ арестантъ играющему въ карты товарищу. „Шайтанъ на гайтанъ!“ — шуточно отвѣчаетъ тотъ.

— „Давай въ святцы смотрѣть“, — говоритъ другой арестантъ третьему, желая натравить его на игру. „Быковъ гонять“ на условномъ тюремномъ языкѣ значить въ кости играть, бросать пару обыкновенныхъ игральныхъ квадратныхъ костей (со значками въ точкахъ до 6-ти). „Свѣтомъ вертѣть“, „головой крутить“ — въ юлку*) играть.

„Хамло пить“ зоветъ арестантъ товарища, когда онъ досталъ водки и желаетъ угостить сю. Дыму желаетъ купить арестантъ, когда табакъ захочетъ курить — и курить его те-

перь въ папирозахъ или, лучше сказать, въ тюрьмахъ, свернутыхъ изъ самой толстой бумаги, ибо чѣмъ толще бумага, тѣмъ мягче мажорна. Бумага краденая, табакъ купленный (у майданщика); иногда и бумагою торгуютъ, но чаще добываютъ ее изъ тѣхъ книгъ, которыя раздаютъ для чтенія члены попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ (всякій другой сортъ бумаги — плодъ, закономъ воспрещенный въ тюрьмахъ). Папирозы еще тѣмъ хороши, что прачутся ловко, да и налетѣшь съ нею на дозорщика, не жаль разставаться, а трубочку — ненапашная пронасть переводится. Трубки держатъ только тамъ, гдѣ дозоръ похосидѣе и пристава попроще.

Арестантъ мастерить самъ или у другихъ покупаетъ амѣяку, когда намѣренъ переплитъ тюремную рѣшетку въ окнѣ или дужку замка на кандалахъ, ради побѣга. Кандалы называются кожныя бруслеты (браслеты); кнутъ — лыко, или съ добавленіемъ адамова лыко. Заводская собака лаяетъ — остригъ смѣльный рабочій, когда звонилъ колоколь, призывавшій на работу.

Вѣглый идетъ на тюремномъ языкѣ подъ названіемъ горбача (за нолу, которая всегда кивается у него сзади, на спинѣ). „Глади въ маршлутъ: долго ли намъ идти?“ — говоритъ горбачъ своему товарищу, когда не желаетъ заходить въ сполутную деревню за милостынею и надѣется найти въ этомъ маршлутѣ (т. е. буракѣ или, по сибирски, тузѣ) достаточное количество запаса для прокормленія себя.

Вѣжить арестантъ изъ тюрьмы „къ генералу Кукушкину на вѣсти“ или просто „кукушку слушать“; но нерѣдко сходить только „простокнишки (т. е. простокваши) поѣсть“, т. е. дойдетъ до Верхнеудинска и, возвращенный оттуда опять на Кару, осмѣивается въ этомъ послѣднемъ выраженіи товарищами. Вѣжить арестантъ, не думая о послѣдствіяхъ, а самъ остригъ и смѣкаетъ, что „липа бѣда нагнуться (подъ плети), а не липа бѣда одутъся“.

Въ тюрьмѣ арестантъ умоляетъ строгихъ по виду, на самомъ дѣлѣ податливыхъ сторожей, „привести маизну“ (т. е. женщину) и не щадитъ никакихъ денегъ, а на волѣ старается „краснаго пѣтуга пустить“ въ отмищеніе той деревнѣ, въ которой покусились схватить его, бѣлаго, и представить по начальству, т. е. спѣшить „пожаръ въ ней сдѣлать“. „Верись за жуликъ“ (т. е. за ножъ), кричали арестанты, когда поднимали бунтъ противъ приставниковъ.

Вотъ почти всѣ тѣ слова, которыя находятся въ тюрьмахъ въ оборотѣ; едва ли есть больше, потому что нѣкоторыя изъ приведенныхъ нами крайне случайныя, мало употребительныя; другія отзываются легкою насмѣшкою, третья легко и просто замѣняются самими сторожами, какъ было принято, напр., въ тобольскомъ острогѣ,

*) Юлку дѣлаютъ изъ говяжьихъ костей, которыя расплавляютъ крученою суроюю ниткою, восточною смачывая ее въ растворѣ золы и березоваго угля. Одинъ пидать, другой подливаетъ пельюкъ. Счетъ у юлки особенный: 9—лебеда, 11—лебеда съ пудожъ, 5—пѣтушки, 4—чеква и пр., — какъ у клубныхъ игроковъ въ лото и у бостонцевъ (6—филадельфія, 8—индепандакъ и проч.).

гдѣ сторожа, по увѣренію слышныхъ, особенно дешево. Тамъ, если кричали со двора „уинтеръ-офицеръ“! значило „вода“, начальника идетъ, берегись! Кричать „ефрейтора“, продолжай майданъ, идутъ люди не опасные, свои купленные. Часть условныхъ тюремныхъ словъ, судя по вѣшнымъ знакомымъ признакамъ, введена московскими жуликами или петербургскими мазурниками; другая часть, по всему вѣроятію, оставлена арестантамъ въ завѣщаніе волжскими и другими разбойниками, не такъ давно наполнившими тюрьмы Сибири и Забайкалья*).

Майданъ въ сибирскихъ тюрьмахъ принимаетъ болѣе обширные размѣры, а потому и откупная цѣна на него, по торгамъ, значительно выше, чѣмъ та же во время путешествія арестантовъ по этапамъ. Во время этапнаго пути майданъ, какъ мы уже выше сказали, снимался за Тобольскомъ на время, необходимое арестантской партіи для того, чтобы дойти до Томска. Въ Томскѣ опять торги до Красноярска, въ Красноярскѣ до Иркутска (самая меньшая цѣна майдана) и въ Иркутскѣ до Нерчинскихъ заводовъ (самая большая цѣна майдана). Принимая въ расчетъ большее или меньшее количество верстъ (а стало быть и время), необходимое для путешествія, арестантская община, при сдачѣ майдана, имѣетъ также въ виду и большее или меньшее число желающихъ и могущихъ вести игру. Потому за продажу картъ полагается откупная плата отъ 15 до 30 руб. Майданщикъ обязуется при этомъ поставлять игрокамъ и освѣщеніе въ видѣ свѣчъ. Деньги эти вносятся въ общую артельную кассу и сдаются на руки выборному старостѣ (онъ иногда бываетъ и майданщикомъ, но рѣдко, хотя въ старосты арестанты иногда стараются выбрать денежнаго, слѣдовательно, и вліятельнаго до нѣкоторой степени). Чаще всего сдаютъ карточный откупъ въ тѣ же руки, въ которыхъ находится откупъ съѣстныхъ припасовъ, какъ тому лицу, которое въ тюремной общинѣ носитъ названіе тарчевника. Условія откупа и выгоды, гарантирующія майданщика картъ, полагаются слѣдующія:

1) За карты, требуемыя въ круговую игру, платится играющими въ первый разъ 30 коп., во второй — 20 коп., въ третій — 10 коп.; затѣмъ обмыранныя карты отдаются для игры даромъ, бесплатно, грошовыми игрокамъ, для которыхъ на тюремномъ саркастическомъ языкѣ имѣется прозваніе жигановъ.

2) Съ тѣхъ игоръ, которыя идутъ рука на руку, высклевается всякій разъ 10 коп. съ выиграннаго рубля, за вычетомъ возвращенныхъ проигравшему.

Въ тюрьмахъ городскихъ карты, черезъ сторожей, покупаются у торговцевъ, иногда новыя, иногда игранныя. Наружныхъ достоинствъ не тре-

буется, были бы только очки прикѣплены, а самыя карты до невозможности засалены и обмочалены. Но въ тюрьмахъ, помѣщенныхъ не въ городахъ (каковы, напр., всѣ каторжныя и заводскія тюрьмы), карты дѣлаются самими арестантами. При этой операціи самую серьезную трудность — приготовленіе фигуръ — обходятъ условнымъ приемомъ въ размѣщеніи очковъ и достигаютъ цѣлѣтвѣтъ, что валета дѣлаютъ изъ двойки, даму изъ четверки, короля изъ тройки — словомъ, изо всѣхъ тѣхъ картъ, которыя выкидываются при игрѣ въ три листика. Къ двойкѣ придѣлываютъ два очка, по одному наверху слѣва и внизу справа, рядомъ съ существующими; въ четверкахъ прибавляютъ по одному очку наверху и внизу, въ серединѣ готоваго ряда. Свообразная четверка служитъ, такимъ образомъ, за валета, а оригинальная, условная шестерка — за даму. Короля рисуютъ вновь изъ тройки: стираютъ старыя очки и намѣчаютъ новыя, располагая значки ромбомъ по четыре наверху и по четыре внизу. Я приобрѣлъ одинъ экземпляръ этихъ чалдонокъ (такъ называются самодѣльные карты), но онъ сдѣланъ всѣ до одной заново изъ простой сѣрой писчей бумаги, проклеенной простымъ столярнымъ клеемъ. Исполни выкрашены подъ одинъ цвѣтъ (красный); черныя очки наведены краскою изъ сажи съ клеемъ (иногда чернильными орѣхами съ купоросомъ); красныя изъ мелкаго кирпичу съ тѣмъ же клеемъ. Форматъ картъ для удобства почти вдвое мельче обыкновенныхъ. Но мой экземпляръ великолѣпный: очки наведены какъ бы какою-то печатною формою. Я видѣлъ другія несравненно грубѣйшей работы. По видимому, карты дѣланы на сѣвѣхъ, подъ множествомъ зоркихъ глазъ и притомъ въ самой строгой тюрьмѣ, можетъ быть именно въ военной омской (крѣпостной) тюрьмѣ. Красныя очки выведены кровью и даже сажа для черныхъ очковъ растворена на той же крови. Такими жертвами покупается право игры!

И сколько еще у арестантовъ выходовъ, если конфискуются, по несчастію, всѣ карты. Удобоскрываемыя кости, на случай конфискаціи, замѣняются юлкою. Отнять юлку — въ тюрьмахъ есть дешевая и простая игра въ шашки, доска для которыхъ всегда готова на паразѣ; но въ особенности подручна игра въ такъ называемые бѣгунцы, игра извѣстная во всей Россіи. Бѣгунцы рождаются въ волосахъ, выпускаются на стекло, смазанное саломъ, въ кругъ или на бумагу съ двумя концентрическими кругами. Разомъ всѣхъ бѣгунцовъ выпускаютъ въ меньшій кругъ. Чья осилитъ кругъ прежде другой, тотъ и выигрываетъ. Побѣжденную казнить тутъ же на мѣстѣ преступленія, побѣдителямъ сажаютъ опять въ старое убіище, въ перушко. Дѣвъ переползуть въ одно время — конь или ставка пополамъ.

Игроки нарочно составляютъ такіе звѣринцы,

* О тюремномъ словарѣ см. статью въ приложеніи къ этому тому (Приложеніе II).

тщательно оберегают и держат при себѣ всегда на головѣ. Также всегда на-готовѣ и во всякое время къ услугамъ простѣйшій способъ игры въ петлю: заложившій банкъ беретъ въ руки веревку или нитку и дѣлаетъ изъ нихъ нѣсколько петель. Желающіе сорвать ставку стараются попасть въ петли пальцемъ такъ, чтобы одна изъ нихъ защемила палецъ (или палочку) и сдѣлался узелъ. Но и здѣсь бываетъ подтасовка: въ ладонѣ рукахъ фокусника всѣ петли срынаются и никогда узла не случаются.

Изъ игоръ карточныхъ самая употребительная въ Россіи подкаретная или въ три листка съ фальками и бардадымами, но самая любимая—одно, въ Сибири составляетъ нѣкоторый родъ видоизмѣненія первой, съ разницею въ счетѣ очковъ по уговору: тузъ считается либо за 14, либо за одинъ очокъ, король всегда 13, дама 12 и валетъ 11. Существуетъ еще игра юрдовка, иначе зерно, основанная на игрѣ въ оставшіеся отъ выброски карты: двойки, тройки, четверки и пятерки. Именемъ этой игры называлась отдѣльная слобода на Нижнемъ Карійскомъ промыслѣ по дорогѣ въ Средній. Назвалась она такъ потому, что при началѣ промысла на Карѣ на этомъ мѣстѣ собирались запасные картежники изъ каторжныхъ и вели сильнѣйшую зерно (игру). Господствуетъ она въ перчинскихъ тюрьмахъ, гдѣ, какъ извѣстно, арестанты проигрываютъ все: одежду казенную, отъ полушубка до олуки, паекъ до послѣдней крошки и зерна, хлѣбъ, соль, но пословица: „рубль и тулупъ и шапка въ гору“.

Тобольскій острогъ, по поводу преслѣдованія картъ, сохранилъ рассказъ о слѣдующемъ весьма характерномъ случаѣ (передаемъ его по возможности такъ, какъ онъ записанъ въ тюремной хроникѣ): „27 июня (1849 г.), по окончаніи вечерней повѣрки и запора во всѣхъ казармахъ и секретныхъ камерахъ арестантовъ, смотритель, чувствуя себя, послѣ дневныхъ трудовъ ослабѣвшимъ въ связяхъ, намѣренъ былъ успокоиться своимъ и потому, въ 11 часовъ ночи, пригласивъ къ себѣ на ужинъ караульнаго офицера прапорщика Спб. лин. бат. № 1 Тидемана и, по окончаніи онаго, пожелавъ доброй ночи, осторожнаго и благополучнаго наблюденія за постовыми караулами, разстался съ нимъ въ началѣ 12 часовъ и послѣ того, раздѣвшись, легъ въ постель и въ ту же минуту уснулъ. Въ продолженіи какового сна смотрителя, самаго кратчайшаго (т. е. сна), упомянутый офицеръ, подойдя къ окну кухни смотрительской, въ коей тогда послѣ ужина случилось еще быть его женѣ, требовалъ сказать смотрителю о замѣченной часовымъ картежной игрѣ въ казармѣ кандальныхъ арестантовъ. Жена смотрителя, пожалѣвъ разбудить мужа, распорядилась отдать ключъ отъ упомянутой казармы г. Тидеману съ покорнѣйшею просьбою

потрудиться въ сказанную казарму безъ надзирателей или приставниковъ комнатныхъ не ходить да и замѣченныхъ имъ арестантовъ, играющихъ въ карты, не брать или шуму съ ними въ ночное время не заводить, сказавъ притомъ, что съ виновными утромъ поступить, какъ должно, самъ смотритель. Г. Тидеманъ, уважая, хотя и неумѣстный женскій, но предупредительный для него же совѣтъ, приказалъ своимъ караульнымъ позвать дежурныхъ надзирателей. Самъ рѣшился стремглавъ броситься въ казарму, чтобы врасплохъ захватить играющихъ. Случилось, однако же, не такъ. Это распоряженіе заставило въ ту же минуту встревожить всѣхъ въ казармѣ арестантовъ, въ коей находилось изъ 126 человекъ, крикомъ и ужаснымъ стономъ лежавшихъ у самыхъ дверей отъ причины непомянутой духоты голыми, которыхъ бросившіеся караульные должны были, по необходимости крайней тѣсноты, топтать по чѣмъ приходилось сапогами и, безъ сомнѣнія, падамъ черезъ нихъ, прятаясь имъ съ досадою побои и кулаками, отчего еще болѣе увеличился крикъ, сколько отъ лежавшихъ передъ дверьми на полу, по причинѣ чувствуемой ими боли, столько и отъ находившихся подъ нарами и на нарахъ (изъ жалости своихъ товарищей), безвинно переносимыхъ отъ солдатъ побой. При увеличившемся же крикѣ, г. Тидеманъ принужденъ былъ изъ казармы бѣжать, а за нимъ и солдаты, которыми былъ выпущенъ одинъ каторжный (Мухановъ), котораго стоявшіе на дворѣ солдаты съ ружьями, избивали при г. Тидеманѣ прикладами до такой степени, что онъ былъ брошенъ въ казарму почти безъ памяти, что еще прежде взволновало каторжныхъ до такой степени, что караульные, боясь дальнѣйшихъ происшествій, поспѣшали припереть дверь. Разбудили смотрителя, прибѣжалъ: солдаты жердами приперли дверь и шли не совѣтуютъ, убьютъ-де. Смотритель не послушался: набитаго отправилъ въ больницу, гдѣ ему пустили кровь, каторжныхъ уговорилъ быть покойными и не шумѣть. Потомъ дѣлалъ осмотръ: въ двухъ секретныхъ камерахъ, замѣтивъ потушенный огонь, велѣлъ зажечь свѣчи. Затѣмъ началъ сеору съ офицеромъ, когда послѣдній потребовалъ его къ себѣ и обозвалъ бабою при тѣхъ же низкихъ чинахъ, на что смотритель, хотя и съ вѣжливостью, но рекомендовалъ ему себя не бабой, а старшимъ ему службою“.

3) Съ майдана никто безъ проигрыша не уходитъ. Такъ, напр., одинъ пускаетъ въ игру на конѣ три рубля и всѣ проигралъ; выигравшій обязанъ возвратитъ ему третью часть (т. е. рубль), по правилу. Вогъ вѣсть когда и къѣмъ поставленному и свято соблюдаемому во всѣ времена и всѣми арестантами. Точно также выигравшій казенныя вещи (платье, рубашку, сапоги и проч.) обязанъ ихъ возвратитъ про-

игравшему бесплатно по истечении некоторого времени, достаточного, по соображениям арестантов, для того, чтобы охладить горяченького и удержать его от опаснаго азарта. Не исполнивший этого правила во многих тюрьмах лишался права на всякій выигрыш, т. е. принужденъ былъ самъ запереть себѣ двери къ игрѣ. Правила эти столько же предупредительны на случай могущихъ быть ссоръ, споровъ, драки и, можетъ быть, убійства, сколько придуманы онѣ въ видахъ круговой поруки на случай, если бы всѣ игреціи деньги перешли въ одні руки къ счастливому и, такимъ образомъ, остановили бы игру. На другой день вчера проигравшійся и получившій на руки свою третью часть, пускаетъ ее опять на конъ и если проигрываетъ, то снова получаетъ свою третью часть изъ рубля (33 коп.) и играть въ тотъ день больше не имѣетъ права (да съ нимъ уже и не стануть). На третій день онъ опять при деньгахъ и при правѣ на игру, т. е. на четвертый день обезпечетъ 11-ю коп. и т. д. Перестанетъ онъ играть, разозрившись въ пухъ, если онъ не почетное лицо въ средѣ арестантовъ и играетъ въ безконечность, если онъ аристократъ острога, т. е. бродяга—человѣкъ бывалый и тертый, а потому находящійся у всѣхъ на почетѣ.

4) Бродягамъ майданщикъ обязанъ вѣрить всегда на $1\frac{1}{2}$ руб. сер., хотя бы они ничего за душою своею не имѣли. Эта фантастическая сумма, никогда не облекаемая въ существенный матеріалъ денежной, имѣетъ все-таки наглядное значеніе въ видѣ порціи вина для пьяницъ и въ видѣ возможности участвовать въ игрѣ на кредитъ. Достаточно бродягъ поставить на майдагъ кирпичъ или просто собственный кулакъ, чтобы подъ видомъ этихъ вещественныхъ знаменъ шелъ въ кругъ и въ круговой игрѣ и его отвлеченный, кредитованный майданщикомъ капиталъ въ $1\frac{1}{2}$ руб. сер. Играющій долженъ вѣрить бродягѣ, хотя бы онъ и проигралъ свои полтора дѣлковыхъ; въ отвлеченномъ понятіи они не пропадаютъ и все-таки остаются въ кредитѣ. Не захочетъ вѣрить бивкометъ—всѣ проигранные деньги отдавай, таково уже тюремное правило; станетъ упираться, его повалитъ огуломъ и всѣ деньги отнимутъ. На это арестанты просты и къ тому же събито вѣрятъ бродягѣ на его честное варнацкое слово, а за словомъ этимъ (но не за дѣломъ) ни одинъ бродяга не постоитъ. Кончается срокъ откупа обыкновенно разъ въ мѣсяцъ. Остаются за бродягами долги, долги эти пропадаютъ, прощаются должникамъ по закону, хотя бы ихъ было и 50 человѣкъ. Весело шумятъ бродяги въ казармѣ и самые порывистые и малодушные изъ нихъ прыгаютъ на одной ногѣ и приговариваютъ на своемъ тюремномъ условномъ языкѣ: „Лазманъ долгамъ, долгамъ

лазманъ“! При кономѣ откупщикъ для бродягъ опять идетъ кредитъ въ $1\frac{1}{2}$ руб., и, такимъ образомъ, идетъ онъ въ безконечность, а потому майданщики, снимая подрядъ и сходясь въ откупной платѣ, при установленіи цѣны принимаютъ въ соображеніе и эти безпроигрышные бродяжки права. Не бываетъ лазману, исключаются эти статьи права и закона, только въ такомъ случаѣ, когда садится на майдагъ бродяга—человѣкъ такой же почетный и также уважаемый всею тюремною общиною.

5) Если играть бродяга съ бродягомъ, то проигравшійся получаетъ не третъ проиграннаго, а уже цѣлую половину. Изъ этой половины, по окончаніи игры, бродяга спѣшитъ заплатить всѣ свои долги по крайнему своему разумію и безъ всякихъ обязательствъ; можетъ, однако, и не заплатить (что, впрочемъ, рѣдко бываетъ), ибо все-таки имѣетъ право играть въ другой разъ на свои вѣчные полтора дѣлковыхъ. Бродяга можетъ и украсть у майданщика деньги, хотя это и почитается нѣсколько предосудительнымъ; иной товарищъ обзоветъ при случаѣ, выкорить. Но смѣло можетъ бродяга воровать вино у майданщика. Въ этомъ до сихъ поръ ни одинъ преступникъ ничего не находитъ позорнаго, столько же и потому, что откупщикъ питейнаго майдага не пользуется ничѣмъ расположеніемъ и даже презирается, какъ мытарь и стяжатель неправильно приобретаемыхъ торжвныхъ варнацкихъ грошей. Впрочемъ, воровство—не тюремный, не арестантскій порокъ, напротивъ даже, тюрьма противъ этого неприятеля объявлена въ вѣчномъ осадномъ положеніи. Оба стана всегда на готовѣ: когда одна половина смотритъ, гдѣ у другой слабое мѣсто и у каждаго изъ нападающихъ чешутся руки на все безъ разбора (на деньги, на руляды, на събитное, на всякую бедѣлушку отъ осколка стекла до клочка бумаги, пригоднаго на напироску), въ то же время другая сторона высматриваетъ каждую щель и, пользуясь олюмностью нападающаго, заручается всякою замысловатою и секретною хороушкою, чтобы отвести чужіе глаза отъ соблазна и уберечь отъ нихъ свою наживную, несчастную собственность. Въ особенности тщательно оберегаютъ деньги, подвывая ихъ подъ мышки, закладывая въ выдолбленные каблучки сапоговъ (при чемъ послѣдніе и не снимаютъ на ночь), зашиваютъ деньги въ канты, въ бѣлье и проч., и проч. Впрочемъ и тутъ не всегда достигается цѣль и воръ у вора дубинку крадетъ, воръ вору терпитъ. Украденныя вещи сначала спрячутъ такъ, какъ у жидовъ, т. е. не найдется тѣхъ человѣческихъ силъ, которыя могли бы ихъ отыскать, а потомъ тѣмъ же жидовскимъ способомъ пускаются по этанной дорогѣ и, напр., кievскія вещи надо уже искать не ближе Иркутска. Воровство въ тюрьмахъ не дѣлается

повальными, потому что арестанты умѣютъ наблюдать другъ за другомъ; лишеныя по суду права на недвижимую и стѣсненные въ правѣхъ на движимую собственность, они поколебались только въ разумѣніи истиннаго значенія ихъ и спутались, но понятія о собственности не совсѣмъ утратили.

6) Содержаніе питейнаго майдана существуетъ, обыкновенно, какъ отдѣльное тюремное откупное учрежденіе; питейный майданщикъ рѣдко принимаетъ на себя содержаніе картъ, но старается иногда захватить въ свои руки содержаніе съѣстныхъ припасовъ. За право продажи вина беретъ община въ артельный капиталъ обыкновенно отъ 30 до 60 руб., имѣя въ виду то, что майданщикъ будетъ продавать водку чайными чашками (120 штукъ въ ведрѣ), за каждую чашку будетъ брать или 30 или 50 к. с., а средній расходъ вина—по давнимъ соображеніямъ и расчету—простирается въ большинствѣ острогъ до одного ведра въ сутки. Всякій болѣе или менѣе значительный выигрышъ сопровождается попойкою, ни одинъ праздничный день безъ нее не обходится. Существуютъ во множествѣ такіе аматеры, которые, кромѣ водки, уже ни въ чемъ не находятъ для себя утѣхи. Сколько, въ то же время, ни существуетъ постановленій, чтобы арестанты не имѣли при себѣ денегъ и инструментовъ, не употребляли водки, не играли въ карты и не имѣли сношеній съ женщинами—всѣ эти постановленія остаются безъ дѣйствія, всѣ мѣры ничтожны противъ ухищреній арестантской общины и откупа продолжаютъ существовать и процвѣтать. Появленіе въ тюрьмахъ водки и другихъ запретныхъ вещей обезпечивается подкупностью сторожей-приставниковъ. Сплошь и рядомъ тюремные смотрители, въ своихъ рапортахъ по начальству, со всею откровенностью рассказываютъ о подобныхъ событіяхъ. „У часового, стоявшаго у воротъ замка, нашли завернутый въ „постовой“ тулупъ или въ броню сермяжную, по выраженію одного юмористическаго стихотворенія (тутъ, т. е. буракъ) съ виномъ, котораго было болѣе $\frac{1}{4}$ ведра“. „Привнесла вино арестантка, бывшая въ прачкахъ, выпущенная изъ острога ефрейторомъ за рубль серебромъ“. Въ другомъ случаѣ арестантъ изъ чиновниковъ, вѣчно пьяный и во хмѣлю безпокойный, выявилъ унтеръ-офицера, который закупалъ вино заранее, хранилъ на вышкѣ кордегардіи и вечерами передавалъ покупку во второй этажъ и секретный корридоръ, приставляя къ окну лѣстницу. Въ третьемъ случаѣ былъ купленъ сторожъ, ходившій съ ящикомъ за лекарствами для больныхъ арестантовъ въ аптеку. Разъ онъ споткнулся, упалъ, уронилъ ящикъ, разбилъ склянки и распустилъ такой винный запахъ, какъ будто спиртную бочку откупорилъ. Слѣдствіе обнаружило, что сигнатуры были под-

дѣльными, прилаживалъ это дѣло на сторонѣ (на волѣ) одинъ подкупленный доточникъ и что сторожъ носилъ въ лаваретъ, вмѣсто лекарствъ, водку уже не первый мѣсяцъ, и проч. и проч. Туевами пользуются какъ посудною объемистою и общеупотребительною, а гдѣ уже, какъ въ аду строго, прибѣгаютъ солдаты къ ружейнымъ стволамъ для сокрытія водки.

7) За продажу припасовъ (куда входятъ также и табакъ *) и сласти платится отъ 5 до 10 руб. въ мѣсяцъ, смотря по числу потребителей. При продажѣ этой статьи назначается обязательная такса для всѣхъ живыхъ припасовъ, употребляемыхъ въ острогѣ. Дивиденду назначается не болѣе 20%. Майданщикъ и этой статьи, какъ и другіе остальныхъ (игорной и водочной), обязанъ вѣрять бродягамъ на завітныя и неизвѣстныя $1\frac{1}{4}$ рубля. И у этого майданщика бываетъ долгамъ а хма и тѣ, когда откупъ переходитъ въ руки другого. Но существуютъ и исключенія: если майданщикъ принесетъ какіе нибудь случайные, не предвидѣнные артелью убытки, тогда долги становятся для всѣхъ обязательными. Они вычитаются потомъ при общемъ дѣлѣжъ каинтъ либо случайныхъ доходовъ (каковыми бываютъ обыкновенно подаванія) или долги эти переходятъ къ слѣдующему майданщику, а этотъ вычитывается уже изъ своему предшественнику.

Всякій новичекъ, поступающій въ острогъ и въ тюремную общину, обязанъ внести известное количество денегъ такъ называемаго влазнаго. Крестьянина и всякаго свободнаго состоянія человекъ вносятъ одновременно 3 руб. сер.; поселенецъ (т. е. идущій на поселеніе)—50 коп.; бродяга—3 коп. **). Вообще же, всякій неопытный и не искусившійся новичекъ, поступающій въ тюрьму, дѣлается предметомъ насмѣшекъ и притѣсненій. Если у него зажитыя деньги, то стараются ихъ возможно больше вы-

*) Табакъ, впрочемъ, идетъ иногда, при большой массѣ арестантовъ, отдѣльнымъ майданомъ на откупъ. За право продажи нюхательнаго и курительнаго табаку откупщикъ платитъ въ артель отъ 2 до 3 руб. Обязательная такса очень умѣренная; покупка изъ осторожности и въ виду конфискаціи производится по мелочамъ: берутъ на одну трубку (или, что то же, папиросу), много на три разомъ. Вся торговля майданщиковъ самая дробная.

**) Взносъ влазнаго—остатокъ весьма древняго обычая, перешедшій изъ рукъ властей къ арестантамъ и уничтоженный еще въ концѣ XVIII-го вѣка, когда воспрещенъ былъ этотъ поборъ съ колодниковъ, приводимыхъ на тюремный дворъ и за рѣшотку, чтобы въ томъ бѣднымъ людямъ тяготства и мучительства не было. Въ тобольскомъ острогѣ и эта статья сбора влазнаго со вновь поступающихъ отдавалась иногда на откупъ. Взвѣсивъ ее вносили отъ 2 до 3 рублей въ мѣсяцъ и обладался на свой счетъ взымать професовъ, но пользовался за себя и за своихъ помощниковъ двойною противъ другихъ дѣлешкою.

манить; если онъ доврчивъ и простосердеченъ, его слѣдуетъ запугать всякими стражами, уничтожить въ немъ личное самолюбіе и самосознаніе. Доведя его до желаемой грани, помѣщаютъ обыкновенно въ разрядъ чернорабочихъ, т. е. станутъ употреблять на побѣгушки, въ сторожа майдановъ карточнаго и винаго, заставляютъ выносить ночное ведро, тащъ называемую парашу, или чистить отхожія мѣста (что, какъ извѣстно, лежитъ на обязанностяхъ арестантовъ *). Слабые сдаются, твердые начинаютъ вдумываться и задумываться, а кончаютъ тѣмъ, что обращаются за совѣтомъ къ бывальцамъ. У этихъ за деньги и водку нѣтъ ничего заветнаго и запретнаго: милости просимъ! Правиль немного, но всѣ приперты крѣпко, стоятъ твердо, неизбежно и нерушимо. Вотъ они: „за товарищей горю; свято хранить тайны, и если нѣтъ выходу, подопрутъ рогатиною въ уголъ, старайся впутывать въ вину свою и свое дѣло побольше такихъ арестантовъ, у которыхъ денегъ много, которые богаты; и чутай ихъ больше, сколько возможно больше: начальники деньги любятъ; начальниковъ за деньги всегда можно купить. Твоихъ, голышъ, денегъ не хватаетъ, а богатые начальника кунять непременно и примѣровъ такихъ не было, чтобы арестанты начальниковъ своихъ не подкупили. А кунять, такъ тебя и на цѣпъ не посадятъ и въ кучумку не запрутъ; самое большое, что на розгахъ дѣло сойдется; а любить тебя богатые товарищи, такъ и того не будетъ“.

Второе дѣло для новичка: заставь себя полюбить! Полюбить, не выдадутъ, да еще умразуму научатъ. Научатъ, какъ врать на показаніяхъ, если живешь въ тюрьмѣ подсудимыхъ; научатъ, какъ оговаривать и куда, въ какія дальнія мѣста отправлять за справками, чтобы, такимъ образомъ, отдалить время наказанія или ослабить мѣру его, и проч. На этотъ предметъ, какъ извѣстно, существуетъ въ тюрьмахъ особая самостоятельная наука, имѣются профессора-законники, которымъ позавидовали бы московскіе стряпчіе, имѣвшие претенны свои около Иверской часовни. Около законниковъ своихъ новичковъ-арестантъ, въ весьма непродолжительное время, становятся тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. арестантомъ. Его трудно было ловить на слѣдствіяхъ, его мудрено было спутать на очныхъ ставкахъ, его не устрашить тюрь-

*) Эта часть также иногда отдавалась на отдѣльный откупъ, какъ и право собирать взыское. Новичекъ, чтобы откупиться отъ параша, платилъ въ артель, обыкновенно, отъ 3 до 5 руб. сор.; опытные и тутъ попадали на 50 коп.; но бродяги вносили только 3 коп. Право топить баню артель также продавала одному лицу, называемому банщикомъ. Стоило право 2—3 р., а гарантія этихъ денегъ заключалась въ устройствѣ за условную (и довольно высокую) плату любовнымъ свиданіемъ.

мою и въ самой каторгѣ онъ уже не видитъ того страха, какими преисполнялось его тревожное воображеніе съ самаго ранняго возраста.

Потомъ вновь поступившій, безъ руководства и объясненій, понимаетъ уже весь внутренней смыслъ тюремнаго быта на практикѣ, въ самомъ теченіи дѣлъ, и черезъ недѣлю онъ — полноправный членъ этой общины, у которой существуютъ свои тенденціи, свои правила, какъ многомогущій рычагъ и двигатель.

Артельный капиталъ, образуемый, такимъ образомъ, изъ оброчныхъ статей, простирается отъ 50 до 100 руб., которые обыкновенно и дѣлятся поровну между всѣми арестантами.

При этомъ выдается двойная дѣлешка старостѣ и парашникамъ. Новички при этомъ обдѣляются: сидящимъ недѣли двѣ — ничего не даютъ. Утроенная часть (за троихъ) полагается палачу. Ему, сверхъ того, выдается и на рогожку изъ общей кассы (образуемой добровольными подаваніями и неприкосновенной до конца тюремныхъ сроковъ); выдается и на рогожку всегда, когда отправляютъ къ наказанію бродягу. Кромѣ того, палачъ считаетъ „рогожкою“ и всѣ тѣ подаванія, которыя слодятся къ преступнику за то время, когда ведутъ послѣднито изъ тюрьмы на эшафотъ, къ мѣсту торговой казни.

Деньги, уходяція изъ острога вонъ, на покупку вина, картъ и събѣстныхъ припасовъ, пользуются преимущественно вновь поступающими арестантами. Мы не говоримъ уже о тѣхъ деньгахъ, которыя попадаютъ съ воли въ острогъ и въ руки искусниковъ, владѣющихъ какими либо мастерствомъ или досужествомъ, на издѣлія, нужныя или ненужныя тамъ за острожными стѣнами. Водятся въ тюрьмахъ такіе искусники, которые отлично приготавливаютъ игрушки, бездѣлушки: изъ лучинки или тоненькихъ плащечекъ мастера такихъ голубковъ, которыхъ ни одинъ купецъ средней руки не задумается для украшенія подвѣсить въ серединѣ потолка гостиной или залы. Дѣтскія игрушки, въ особенности, отличаются замысловатостью и тщательною отдѣлкою изъ хлѣба, изъ вываренной говяжьей кости. Мудрено вообразить себѣ какое либо мѣстечко или городокъ, сосѣдній съ каторжною тюрьмою, гдѣ бы не показывали какихъ либо мастерскихъ издѣлій арестантовъ, преимущественно столярныхъ и токарныхъ. Въ Сибири пользовался сильною извѣстностью повсюду Цезикъ, успѣвшій побывать и пожить во многихъ тюрьмахъ. Въ этомъ человѣкѣ тюремное досужество дошло до своего апогея и выразилось уже въ замѣчательномъ искусствѣ лѣпныхъ работъ. Работа Цезика для сибиряка предметъ серьезнаго значенія и высокой цѣны въ нравственноиъ и матеріальномъ значеніи слова: въ особенности рѣдки и цѣнны стали его работы со смертью мастера, самого старика, со-

славяного сюда въ 1830 году изъ Литвы во время польскаго мятежа. За недостаткомъ его работы, которыми кичились и вважались самые богатые и изысканные кабинеты золотопромышленниковъ и сибирскихъ начальниковъ, стали охотливо удовлетворяться работами его сына, но уже почти ничего не имѣющими общаго съ художественными работами отца. И за эти работы продолжали платить хорошія деньги. Старикъ передалъ сыну секретъ составлять различныхъ сортовъ и цвѣтовъ глину, завѣщавъ нѣсколько образчиковъ глинныхъ фигуръ, салуэтовъ и проч., но унесъ съ собою въ могилу тотъ секретъ, который оживлялъ всё его работы, прыскавъ на нихъ живою водою смысла и значенія. Въ истинномъ широкомъ значеніи слова отецъ Цезикъ художникомъ не былъ, но искусство дѣлать миниатюрныя работы, дѣйствительно, достойно всякаго изумленія, особенно если вѣрить предаію, увѣряющему въ томъ, что нѣкоторые работы производилъ онъ въ тюрьмѣ, не имѣя ничего остраго (по обѣму тюремному положенію) — осколкомъ стакана, обломкомъ гвоздя и проч. Принявъ мѣры противъ возможно-круговаго и постояннаго перелива денегъ изъ рукъ въ руки въ тюремныхъ стѣнахъ, арестанты безсильны противъ неизбежнаго выхода ихъ за тюремныя стѣны или въ руки приставниковъ. Въ сибирскихъ же тюрьмахъ прибылыхъ денегъ отъ подавателей бываетъ очень мало по той причинѣ, что сибирскіе кушцы даютъ больше натурою: молокомъ кислымъ, булками, калачами, солониюю и прочими припасами, большею частью порченными, каковыя арестанты либо бросаютъ, когда подарокъ обзавелся червями, либо съѣдаютъ, когда приношеніе только духъ даетъ.

Арестанты, въ видахъ усиленія денежнаго обращенія въ общинѣ своей, принуждены бываютъ искать побочныхъ средствъ и путей. Путей этихъ очень много и за ними слѣдить трудно, но извѣстно, напр., что тобольскій острогъ искони славился мастерствомъ приготовить фальшивую монету серебряную (изъ олова) *). Рубль продавался обыкновенно за 30 копеекъ и караульные солдаты охотно брали эти деньги за таковую плату для сбыта темнымъ киргизамъ, остякамъ и татарамъ. Вторую статью дохода и въ томъ же тобольскомъ острогѣ составляла продажа фальшивыхъ печатей и видовъ; печать стояла въ цѣнѣ между полтинникомъ и рублемъ, а видъ продавался отъ одного до трехъ рублей серебромъ. Продается между собою все, что продать можно, и въ этихъ случаяхъ расходуются больше другихъ прихотливые; такъ, напр., продаются на нарахъ мѣста съ краю, какъ самыя

удобныя, а потому и соблазнительныя среди общей и всегдашней тюремной тѣсноты. Цѣна за мѣсто стоитъ между 2 коп. и 1 рублемъ. Продавшій мѣсто спитъ уже на полу. Иркутскій острогъ придумалъ новую статью откупа, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что за водою для арестантовъ надо было ходить чуть не за версту — на рѣку Ушаковку. Воду эту арестанты сдали на откупъ водноносамъ, а въ доносы записались тѣ два компаньона, которые исключительно стали заниматься этою работою и затѣвъ неустанно таскали воду цѣлый день съ утра до вечера (воды на большой острогъ требуется много). Во время этихъ прогулокъ оба вози́щали съ большимъ избыткомъ тѣ два-три рубля, которые внесены ими въ артель за право, — подаваніями, полученными на переходахъ до рѣки и тюрьмы, отъ всякихъ благотворителей, клавшихъ въ руки гроши и копейки добровольно или по вызову, по просьбѣ самихъ арестантовъ *). Для мастеровыхъ и ремесленниковъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, за примѣтнымъ недостаткомъ въ Сибири такихъ людей, всегда находится работа и лишнія деньги въ тюремные капиталы, про домашній обиходъ. Арестанты работаютъ дурно, на спѣхъ, казенными испорченными инструментами, но хорошо и то, когда нѣтъ ничего, а тѣмъ болѣе, что и плата арестанту на волѣ властей и начальства; ближайшему даромъ, дальнѣйшему за полцѣны. Все-таки это игры не останавливаются; приобретенію вина и иныхъ сластей благоприятно даже и въ томъ случаѣ, если мастеровыхъ мало, но подрядчикамъ настоятъ нужда въ поденныхъ работникахъ. Если арестанту и гривенникъ одинъ дадутъ за день — онъ поворочитъ и на другой день охотливо гѣзеть въ казенную шинель или полушубокъ, чтобы и этотъ гривенникъ изъ рукъ не выскользнулъ и можно было подышать вольнымъ воздухомъ, въ кабакъ забѣжать, а пожалуй на раскѣ и совсѣмъ убѣжать въ гѣса темныя, дѣбри дремучія.

Всѣхъ этихъ удобствъ почти не вѣдаютъ и замысливъ что нибудь подходяще собственно каторжныя тюрьмы не могутъ. Эти тюрьмы, напр., карійскія, самыя бѣдныя своими домашними внутренними средствами и здѣсь проигрывается и пропивается все казенное: и одежда и даже пища. Тюремныя деньги свободно выплываютъ на волю. На карійскихъ промыслахъ деньги на вино и вещи на чужой обиходъ сбываются тѣмъ бывалымъ тюремщикамъ, которые вышли изъ тюрьмы на такъ называемое пропитаніе и на кракъ селенія, въ особой слободкѣ, обзавелись дожкомъ-лачужкою, а въ ней и юрдовкою, т. е. заведеніемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ арестантскимъ нуждамъ и аппетиту на вино и жарчи, на игру и мази. Вещи, сбываемыя сюда всегда

*) Чтобы долше и прочіе держалась ртуть на оловѣ, приготовленный для монеты оловянный кружокъ арестанты вкладутъ въ ротъ на цѣлую ночь, чтобы, такимъ образомъ, отдѣлать съ него окись.

*) Во время Святой недѣли откупъ воды сдавался рублемъ за семь.

въ наличности, уходили, хотя и на наличныя деньги или на обмытъ, ухо на ухо, уходили, разумеется, далеко ниже своей стоимости; напр., шинель, стоявшая казёнъ 2 руб. 17 коп., отдавалась въ муровкахъ за 75 коп. и, самое большее, за полтора рубля. Передача вещей вольнымъ людямъ производится тамъ во время работы на разрытъ, но часто и непосредственно и въ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ.

Въ каторжныхъ тюрьмахъ сходство приёмовъ и правилъ съ тюрьмами русскими и сибирскими пересыльными поразительно: и въ нихъ бродяга—почетный человекъ, любимое и вѣжное дѣтище всей тюремной общины, хотя въ каторжной онъ уже и носить названіе оборотня—не въ смыслѣ звѣря ивнческаго, но по тому обстоятельству, что бродяга, попавшій на нерчинскую каторгу, былъ уже когда-то здѣсь, жила въ одной изъ здѣшнихъ тюремъ и теперь оборочень (обращень), возвращающъ назадъ послѣ полученнаго ихъ наказанія гдѣ нибудь въ Россіи или въ той же Сибири.

Въ бродягѣ товарищи видятъ человека много испытавшаго на своемъ вѣку, много выдавшаго и потому опытнаго; за многочисленныя отраданія ему уваженіе отъ сердца, за его опытность почтеніе изъ практическаго расчета самимъ почтятся. Возводъ бродягу въ идеалъ тюремнаго быта, тюремныя сидѣльцы любятъ въ немъ образомъ мученика, страдальца (и притомъ многострадальнаго). Арестанты убѣждены, что одна часть совершенныхъ имъ преступленій невольная, сдѣланная отъ простоты, другая часть ему приписана судьями, о чемъ онъ узналъ только тогда, когда уже очутился въ тюрьмѣ. Знаютъ арестанты, что для товарища ихъ я въ будущемъ нѣтъ ничего отраднанаго и живого. Въ силу этихъ положеній идеалъ бродяги для всѣхъ любезенъ и всё относится къ нему съ любовью и простосердечіемъ, сколько по преданію и предрасудкамъ тюремнымъ, столько же и потому, что въ участіи бродяги проводятъ свою будущую. Типъ этотъ, въ свою очередь, вырабатывается такъ кругло и опредѣленно, что, съ какой стороны ни подходи къ нему, арестантъ вездѣ встрѣтитъ черты, ему любезныя и понятныя. Неудольная жизнь по тюрьмахъ, тасканье по этапамъ—порядили въ бродягѣ непониманіе, отчужденіе, даже отвращеніе ко всякаго рода собственности. Онъ не цѣнитъ и воруетъ чужую, не питаетъ никакой привязанности, не понимаетъ и своей личной собственности (арестанты давно уже выговорили про себя: „ѣдимъ прощенное, носимъ брошенное, живемъ краденнымъ“). Бродяга сдѣлался простосердеченъ и добръ до того, что если у него завелись деньги, ступай къ нему смѣло всякій—отказа не получить. Бродягѣ ничего не нужно, бродяга потерялъ къ себѣ всякое уваженіе и себя не цѣнитъ ни въ грошъ, ни въ

денежку. Вотъ за это-то и цѣнятъ его другіе, такіе же, какъ онъ, бездольные и скорбные люди, которые сами черезъ годъ, много черезъ два, бѣгутъ съ каторги, сдѣлаются такими же бездомными бобылями, бродягами. У бродягъ нѣтъ никогда денегъ (и это новый поводъ къ сочувствію къ нимъ), но за то они богаты сердцемъ и, въ сущности, люди не злые, хотя иногда и озлобленные. Тюремныя сидѣльцы, впрочемъ, и не требуютъ этой мягкости и, по особому складу ума своего и понятій, готовы полюбить въ бродягѣ и противоположный образъ—алодья, лишь бы только алодья этотъ удовлетворялъ главнымъ требованіямъ: былъ человекомъ твердаго нрава и несокрушимаго характера, былъ преданъ товариществу, обидѣ, былъ ловокъ на проступки и умѣлъ концы хоронить, никого не задѣвая и не путая; не дѣлалъ бы никакихъ уступокъ начальству, преслѣдовалъ бы его на каждомъ шагѣ, насколько это въ его тюремныхъ средствахъ, и вымогалъ отъ него всякими средствами льготы (не себѣ, а товарищамъ), а главное, умѣлъ бы смотрѣть легко на жизнь и на себя самого. Во имя этихъ доблестей, объ его старыхъ грѣхахъ никто не помнитъ, никто не знаетъ да и знать не хочетъ; довольно, если онъ теперь добрый молодецъ удалой, хотя бы вродѣ Коренева (который обиживаетъ насъ отдѣльнымъ разсказомъ).

Арестанты, по свидѣтельству всѣхъ стоявшихъ къ нимъ близко, нескотно и очень рѣдко разсказываютъ о своихъ похожденияхъ, объ злодѣйствахъ же никогда. Когда бывали попытки, то вся община строго приказывала смѣльчаку молчать. Бывали случаи, что арестанты разсказывали о своихъ похожденияхъ легковѣрнымъ, всегда съ крайностями и циническимъ преувеличеніемъ мнимыхъ подвиговъ, но дѣлали это въ надеждѣ большого вознагражденія за разсказы. Возвращаясь въ своихъ разсказчикахъ эти вслужъ служились надъ легковѣриемъ любопытнымъ.

Арестанты, окруженные и вещественною и нравственною грязью, сами дѣлаются циниками и затѣвъ уже озлобленно питаютъ отвращеніе къ тѣмъ людямъ и тѣмъ постановленіямъ, которые, доведя ихъ до преступленія, лишали свободы. Выработывая свои правила, часто смѣшныя, рѣдко несправедливыя, они въ правиллахъ этихъ выявляютъ жестокіи и всегда оригинальныя. Такъ, напримѣръ: не привыкая хвастаться своими преступленіями и видѣть въ нихъ какое нибудь удалство, арестанты все-таки съ большимъ уваженіемъ относятся къ тому изъ бродягъ, который испробовалъ уже кнутъ и плети, стало быть, повиснелъ въ сильномъ уголовномъ преступленіи. Такіе бродяги почетнѣе кроткихъ. Имена ихъ дѣлаются именами историческими, какъ бы имена героевъ, на манеръ Суворова, Кутузова, Паскевича. Такимъ образомъ, тобольская тюрьма помнитъ имена бродягъ: Жуковского, Туманова,

Островскаго (просидѣвшаго на стѣнной цѣпи въ Тобольскѣ десять лѣтъ), Коренева; перчанскіи тюрьмы: Горкина, Адрѣякова, Смолкина, Дубровина, Невзорова и др. Память о нихъ переходитъ изъ артели въ артель съ приличными рассказами и легендами, а такъ какъ легенды эти имѣютъ много жизненнаго смысла и силы, то онѣ, въ то же время, служатъ поучительнымъ образцомъ и руководствомъ.

Чтобы судить о степени вліянія на артель тюремную этихъ бродягъ изъ злодѣевъ, мы приводимъ одну изъ множества легендъ, сказывающую въ то же время, до какой степени плотно и прочно тюремное товарищество. Дѣло—говорятъ—происходило въ тобольскомъ острогѣ, въ старомъ, стоявшемъ на обрывѣ надъ оврагомъ (нынѣшній новый замокъ построенъ на берегу Иртыша).

Живеть въ тюрьмѣ, въ ожиданіи судебного приговора, одинъ изъ бродягъ—Тумановъ. Много преступлей скопилось на его головѣ, отъ многихъ онъ отвергивался, выпутывалъ разныхъ лицъ, затягивалъ слѣдствія на цѣлый годъ и подъ шумокъ судопроизводства жаль себя въ тюрьмѣ припѣваючи, пользуясь всякими ея благодатями. Къ концу года Тумановъ сообразилъ, что время его близко, раскинулъ умомъ и вышло, что быть рѣшенію скоро и рѣшеніе выйдетъ немилостивое, отъ военнаго суда. Ему ли, старому бродягѣ-законнику, не знать того, что шпицрутеновъ жалованной спягѣ его не миновать. Онъ и число палокъ сосчиталъ впередъ; не хуже любого законника. Разказалъ онъ объ этомъ созынкамъ и попечалился имъ. Не шутя и чуть не черезъ слезы, высказалъ онъ имъ, что все это надоѣло ему крѣпко. Онъ говорилъ имъ: „Братцы, для меня кнутъ бы еще ничего, не люблю я солдатскихъ палокъ, да и перчанская каторга дѣло бывалое. Вся бѣда въ томъ, что каторга эта стоитъ далеко, скоро ли съ каторги этой выберешься? А ужъ мнѣ это надоѣло, два раза уходилъ оттуда. Не надоѣла мнѣ мать-Россія: въ ней дураковъ больно много, а народъ въ ней простъ и нашему брату лучше такъ жить, способнѣе. Какъ ни какъ, а мнѣ уходитъ отъ каторги надо дальше, ближе къ Россіи. Побойте братцы! Вся моя просьба: больше молчите теперь, а схватите дѣло послѣ. Такъ или этакъ, а бѣжать мнѣ надо! Такъ это дѣло я порѣшилъ въ себя и средства придумалъ; вы только не жѣнайте, объ одноѣ прошу“.

Вышло за этимъ Тумановымъ художество: угнѣлъ онъ фокусы показывать; дѣло, собственно, вниманія не стоящее и въ тюрьмѣ пригодное въ досужій часъ, какъ праздничная забава. Поиграй оловянными рублевками—товарищи посмотрятъ, глотай горячую смолу—они подивятся, привѣсь съѣшному товарищу замокъ къ щекѣ—посмѣются. Да и не утачая этого дѣла, не налегая на него: дуракомъ почтутъ, уваженіе вся-

кое потеряешь; въ тюрьмѣ живетъ народъ угрюмый, серьезный, формалистъ и большой рутинеръ.

Тумановъ такъ и поступалъ до сихъ поръ. Но съ нѣкотораго времени арестанты стали замѣчать, что Тумановъ началъ старыя штуки припоминать, новыя выдумывать и даромъ ихъ не показывать. Кто смотрѣть желаетъ—давай деньги! Сжекнули это арестанты и, памятуя наказъ и просьбу, помогать ему стали. Отгородили ему мѣсто на нарахъ, занавѣску прирѣдвали изъ всякой рвани, солдаты повѣстали, что у нихъ теперь „китри“ будетъ Тумановъ показывать. Театръ въ Тобольскѣ дѣло рѣдкое, любопытное, охотниковъ много нашлось. Со своихъ товарищей Тумановъ бралъ грошъ, съ солдатъ пятакъ. Копилонъ у него деньги, но росла и слава, лучи которой сначала достигали до караулки, а потомъ хватили и до квартиры зрителя. Приходилъ и онъ, старичекъ, съ семействомъ, похвалялъ Туманова и заплатилъ ему четвертакъ за посмотриѣе. Не великое дѣло четвертакъ, больше четушки водки его не вытянешь, но велика сила, что зритель его далъ. Теперь можно вести себя посмѣлѣе, бить на вѣрняка. Тумановъ и началъ бить.

Ни съ того, ни съ сего началась въ казармахъ возня и ломка; Тумановъ командуетъ всѣмъ, ставитъ одного къ стѣнѣ, другого къ нему на плечи, поставитъ двухъ рядомъ и опять въ нимъ одного на плечи. Цѣлое утро воантсы Тумановъ съ арестанскими ногами: и на одной оставляетъ многихъ и чуть у другихъ изъ вертлюговъ не выворачиваетъ. Въ казармѣ шель столбомъ, смѣхъ и шумъ. Сторожа смотрятъ на все это, ничего не подозрѣваютъ, думая: „Казеннаго добра арестанты не портятъ, стеколь не бьютъ, штукатурку не обламываютъ, пусть себѣ ломаются Тумановъ съ арестантами, стало быть, потѣшное что побудъ надумали. Дѣло же подходитъ къ празднику, намъ же арестанты забаву готовить, насъ хотать тѣшить. Придетъ къ нимъ и начальство смотрѣть, благо разъ уже удостоило“. Молчали солдаты.

Подошли, тѣмъ временемъ, праздники. Пошелъ по казармамъ слухъ, что Тумановъ намѣренъ дать „чрезвычайное и небывалое представленіе“: пройдетъ онъ съ шестомъ и изобразитъ живую пирамиду, но такъ какъ дѣло это въ казармахъ сдѣлать невозможно—потолокъ помѣшаетъ, то и не худо бы представить все это на тюремномъ дворѣ, на просторѣ, позволить ли только начальство, т. е. смотритель?

— Пусть, — говорятъ: —представляють! Я самъ приду посмотрѣть.

— А нельзя ли (просить) на томъ дворѣ, который къ задамъ идетъ, земля тамъ глаже и дѣлать способнѣе?

— Можно (велеть передать), можно и на задахъ сдѣлать.

Назначенъ день представленія. На выбран-

номъ мѣстѣ арестанты скамеечку для начальства приладили, обѣщалось начальство прибыть не одно, а съ гостями. Сбѣжался на представление чуть ли не весь острогъ: прибѣжали солдаты изъ караулки, хотя однимъ глазкомъ посмотреть, дежурный офицеръ явился въ киверѣ и чепуяки растегнуть, ждали гостей начальника и его самого—дождались!

Шли сначала мелкіе фокусы, изъ такихъ, которые уже видѣли; были такіе, которыхъ не выдвигали. Дошло дѣло до пирамиды. Стали ее ладить: стала пирамида, что одинъ человекъ, словно изъ мѣди вылитая. Взгромоздился на самый верхъ Тумановъ, шесть въ руки взявъ. Пошла пирамида неразрывною стѣною... Тумановъ шестомъ заагралъ. Шла пирамида тихо, торжественно. Туманову снизу полшубокъ бросили, подхватилъ и не оборвался, новую штуку показалъ: на ногахъ устоялъ. Арестанты закричали, гулъ подавали. Дежурный офицеръ, изъ выгнанныхъ кадетъ, залопалъ въ ладоши, чтобы показать свое столченное происхождение передъ дурами изъ смотрительскихъ гостей. Всѣ, однимъ словомъ, остались довольны.

А пирамида шла себѣ дальше, не шелохнувшись, а Тумановъ стоитъ себѣ выше всѣхъ, выше стѣны тюремной. Держится пирамида ближе къ стѣнѣ, подошла къ углу, остановилась. Глянули зрители на верхъ: вѣтъ Туманова, только пятки сверкнули. Пока опомнились (а опомнились первымъ смотритель), пока побѣжали черезъ дворъ (а дворъ очень длинный), сбили команду, побѣжала команда кругомъ острога, а острожная стѣна еще длиннѣе,—прошло времени битыхъ полчаса. Стали искать—и слѣдоть не нашли! Шла битая тропинка круто подъ гору, ускоряя шагъ и поталкивая, и вились дѣвкіе, густые кусты, которымъ не было конца. А тамъ овраги, глубокие овраги пошли въ пустыя мѣста, чуть ли не до самой Тюмени. Чертъ въ этихъ оврагахъ заблудится, дьяволъ въ этихъ кустахъ увидитъ! И зачѣмъ тропа и зачѣмъ овраги, когда, можетъ быть, лежатъ Тумановъ подъ стѣною съ наломанною ногою, съ отшибленнымъ легкимъ? Оглядели то мѣсто по примѣтамъ: и трава отошла и ничего и никакого слѣду не видно. Ползали на стѣну и увидѣли, что стѣну арестанты ловко и предусмотрительно обдумали: стѣна была ordinaria въ этомъ углу, тогда какъ во всѣхъ другихъ и на всемъ дальнемъ пространствѣ она была двойная. И на стѣнѣ вѣтъ Туманова. Нашли только на гвоздѣ его большую кудельную бороду. Для смѣху ее Тумановъ привязывалъ. Взяли это отребье, принесли къ смотрителю. Смотритель рапортъ написалъ по формѣ, бороду къ рапорту приложилъ и привечаталъ, а самъ побѣжалъ съ докладомъ къ губернатору.

Генералъ рассердился, гаскричался на смотрителя. Вырвалъ у него изъ рукъ не рапортъ,

а куделью, приложилъ кудельную бороду къ бритому подбородку зрителя, да и вымоливилъ:

— Вотъ велю привязать тебѣ, дураку, эту бороду и станешь ты ходить съ нею до гробовой доски. Ну, зачѣмъ ты мнѣ принесъ ее, а не привелъ бѣлаго? Зачѣмъ? Отчего? Почему?...

Кричалъ начальникъ долго, а Тумановъ тѣмъ временемъ былъ уже далеко.

— Пошехонцы въ трехъ соснахъ заблудились, какъ сказываютъ, а нашему брату, бродягѣ, два дерева, только два дерева дай: мы такъ спрячемся, что десять человекъ не найдутъ. Дѣло это для насъ плевое, потому, какъ мы на томъ стоимъ, все въ лѣсахъ живемъ, все около деревьевъ этихъ водимся, одно слово—лѣсные бродяги.

Вотъ что рассказываютъ сами бродяги, которые знали Туманова лично, но что съ нимъ стало дальше—рассказать не могли, не знали. Знали только то, что генералъ простилъ смотрителя и далъ арестантамъ возможность еще не одинъ разъ надъ нимъ посмѣяться.

— Смѣшной былъ человекъ, смотритель этотъ!—рассказывали мнѣ:—Дуракъ не дуракъ, а съ роду такъ. Бѣжалъ у насъ одинъ арестантъ черезъ трубу изъ нужнаго мѣста, бѣжалъ и тоже слѣдъ простылъ. Сказали смотрителю. Пришелъ онъ въ тюрьму, зашелъ къ намъ въ казарму подсудимыхъ, зашелъ и головкою сѣденкой помаляется.

„— Этакая (говорить) скотина, въ какое мѣсто ползѣлъ!... И какъ ему въ голову это пришло? И какъ, ребята, лѣзъ онъ туда, окаянный?!

„— Головой, думаемъ, ногами не способно.

„— Переначкался, поди, несъ!

„— И что за охота, что за охота собачьему сыну лѣзть?! Чертъ, дьяволъ толкалъ его, распроклятого. Что за охота!!

„Головушкой трясеть старичекъ и все одно слово повторяетъ. Мы глядели, глядели на него да такъ и фыркнули всей казармой. Самъ, молъ, ты дуракъ, сѣдой чертъ! Не знаешь, что и крѣпка твоя тюрьма, да чертъ ли ей радъ? Воля, молъ, лучше боли; боли отъага кандалы третъ, такъ она вѣдь и медъ пьетъ“.

Но какъ ни сильна эта отвага, побѣги собственно изъ казематовъ совершаются рѣже и притомъ, какъ замѣчено, на побѣгъ рѣшается удалый и бывалый и притомъ изъ тюремъ такъ называемыхъ пересыльных. Правда, что арестантъ не упуститъ ни одного случая малѣйшей ошлопности конвойныхъ, особенно за стѣнами острога на работахъ, и бѣжитъ, но все-таки побѣгъ не единственный выходъ изъ бездолья каторжнаго. Существуютъ и другіе пути, которыми идутъ арестанты къ призрачной свободѣ, и подकोпомъ подъ тюрьму завоевываютъ временное облегченіе участи. Случаями этими особенно богаты собственно каторжными тюрьмами.

Каменная работа изо дня въ день одна и та же, до возмутительно однообразныхъ и мелкихъ подробностей, помимо физическаго истощенія, истощаетъ всё нравственныя силы и, какъ вампиръ, высасываетъ запасъ терпѣнія даже и у тѣхъ, у которыхъ мягкость нрава, нерѣшительность характера и слабодушіе—природныя черты характера. Такимъ людямъ до побѣга далеко. Малодушные выбираютъ другія средства и, не богатые вымысломъ и смѣлостью, кидаются на ближайшее.

Лѣтомъ арестантъ надѣрзываетъ (во время работъ) тѣмъ нибудь острымъ (осколкомъ стекла, кусочкомъ желѣза, кремнемъ) кожу какой нибудь части своего тѣла (больше на половыхъ органахъ) и въ свѣжую рану пропускаютъ свой или конскій волосъ. Добившись мѣстнаго воспаленія, нагноенія, онъ идетъ къ лекарю, фельдшеру и попадаетъ въ госпиталь за сифилистикомъ. Туда же идутъ арестанты съ распухшими щеками на анжамъ, когда, по ихъ опыту, стоитъ только наколотъ внутри щеки булавкою и выставить эту щеку на морозъ. На Карійскихъ промыслахъ очень часто, во время утреннихъ раскомандировокъ по работамъ, попадаютъ арестанты съ озообленными пальцами на рукахъ. Наблюденія и розысканія убѣждаютъ въ томъ, что арестанты, обыкновенно ночью, смачиваютъ какой нибудь палецъ подручною жидкостью и достаточно нагрѣтый и теплый палецъ мгновенно сдвинуть высунуть въ форточку окна на морозъ. Опыты подобнаго рода арестанты любятъ учазать на томъ основаніи, что во время захваченнаго ознобъ скоро ведетъ за собою поврежденіе отмороженнаго члена автономнымъ огнемъ, а отрѣзанный лекаремъ палецъ спасаетъ несчастнаго отъ исполненія полного числа уроковъ. Вотъ почему въ числѣ запретныхъ вещей арестанты любятъ добывать всякія жидкія, разѣдающія жидкости. Сюда докторъ Кашиный („Московская медицинская газета“ 1860 года) относитъ известъ и колчеданъ, а также и шерсть. „Другіе арестанты, — говорятъ онъ: — производятъ язву приложеніемъ къ тѣлу листьевъ прострѣла (*Anechone pulsatilla*)“. Для распознаванія язву такого рода докторъ совѣтуетъ перевязывать ихъ самому врачу, водъ бинтъ подкладывать вощенную бумагу и всю повязку припечатывать. Употребленіе вощенной бумаги необходимо для того, чтобы арестантъ не раздражалъ язву иглою, которую онъ пропускаетъ въ такомъ случаѣ черезъ наложенную повязку. Сдѣланныя иглою отверстія сейчасъ можно видѣть на бумагѣ. „Къ притворнымъ болѣзнямъ арестантовъ и смѣльныхъ, — говоритъ далѣе г. Кашиный: — относятся также слѣпота, сведеніе конечностей и падушая болѣзнь; но во всемъ этомъ весьма легко удостовѣриться при нѣкоторомъ вниманіи и ловкости. При слѣпотѣ я подносилъ къ глазу свѣчу или иглу, сказавъ, что хочу дѣлать операцію, и обманъ

открывался скоро. Въ притворныхъ сведеніяхъ стоить только сдѣлать значительный ударъ ладонью по верхнему плечу или по ляшкѣ—и большой отъ боли выпрямляя конечности. Отсутствіе пѣны и сведеніе большого пальца внутрь ладони служитъ вѣрнымъ распознавателемъ притворной падушей болѣзни; также внезапныя выпрыскиванія холодною водою и чувствительность при уколѣ иглою какой нибудь части тѣла. Но за то чесотка (скабѣе)—непрѣмная принадлежность и ревматической боли отъ тренія кандалами, также сифилисъ въ страшныхъ формахъ и часто первичныя явы не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показано, а сігса апш или же *in gesto*, какъ слѣдствія педерастіи. Называютъ эту болѣзнь хомутомъ (насадили хомутъ—заболѣлъ). Скорбутъ, диссентерія и тифъ—болѣзни очень обыкновенныя. Ознобленія и отморозенія отъ недостатка обуви и вслѣдствіе побѣговъ и бродяжества — явленія столь частыя, что ихъ можно считать обыкновенными не только на этапѣхъ, но и въ тюрьмахъ. Замѣчено неоднократно воспаленіе глазъ (*ophthalmia serena*), зависящее отъ сѣроводороднаго газа, какъ домашняго продукта собственнаго арестантскаго издѣлія“.

Вытяжкою сонной одури они дѣлаютъ искусственную слѣпоту: пуская жидкость въ глаза, увеличиваютъ (расширяютъ) зрачки и, выставя глаза кверху при осмотрѣ, кажутся какъ бы дѣйствительно слѣпыми. При помощи сжѣнной извести съ мушкою или купоросной кислоты вытравили клейма, но не совсѣмъ удачно: оставалась бѣлзна и большіе шрамы. Это—старый способъ. Также старъ и нерчинскій способъ вымывать на мѣстѣ клейма мѣстное воспаленіе, а потомъ нагноеніе посредствомъ травы прострѣла (на щекахъ) и прижиганія трутью (на лбу). Труть, обычное народное средство при зволокахъ, въ особаго вида фонтанельхъ (одно) и проч. замѣненъ былъ новымъ средствомъ — яписомъ (*laris infernalis*), на покупку котораго не падали большихъ денегъ. Новѣйшій, самый послѣдній способъ уничтожать клейма, теперь уже отжѣненный, вѣрнѣе достигалъ цѣли: помогала высокая трава съ желтыми цвѣточками (*Rapissilva asris*), растущая тутъ же передъ глазами, на острожнихъ дворахъ. Обваривъ клейменыя мѣста кипяткомъ, бьющимъ ключомъ, немедленно прикладывали эту траву и, вынеся жестокую пытку отъ боли, достигали цѣли тѣмъ, что траву эту держали на обваренномъ мѣстѣ недолго (не болѣе получаса). Рука краснѣла, а если припухла при этомъ, то творить прекращалъ страданія и воспаленіе: выходило ровно и гладко, словно во младенчествѣ мать опшарила *).

Принимая натошакъ столовую ложку прошки (нюхательнаго табаку), арестанты достигали того,

* См. доктора Кривошапкина «Описаніе Енисейской губерміи».

что их клали въ больницу, принимая за начальные припадки серьезной болезни происшедшее отъ того отравленіе, сопровождаемое тошнотой, блѣдностью кожи, біевіемъ жилъ и общою слабостью. Принимавшіе цѣлую деревянную ложку толченого стручкового перцу съ сахаромъ добивались грыжи и пили потомъ натощакъ по таковой же ложкѣ соку изъ рѣпчатого лука, когда грыжа надвѣдала и дѣлалась ненужною. Той же грыжи добивались тѣ, у которыхъ достаточно было смѣлости на то, чтобы проследить серебро, и столько терпѣнія въ насады и прыганьяхъ, чтобы, долго натуживаясь, добьются таки желаемой гостыи. Въ расчетѣ на глухоту, клали въ ухо сѣсь, вродѣ кашицы, изъ травяного соку, меду и гнилого сыра; послѣдній, разлагаясь, вытекалъ наружу жидкостью, по дурному запаху и блѣлому цвѣту весьма удовлетворительнаго характера. Порошкомъ, наточеннымъ въ древесныхъ дуплахъ червякомъ, дуютъ въ глаза желающему спекулировать бѣлымъ, которое, однако, скоро проходитъ.

Хорошій флюсъ для арестантской практики также не мудреное дѣло: стоять надѣлать внутри щеки уколы иглою, пока не хрустнетъ (но не прокалывать насквозь), а затѣмъ, зажавъ носъ и ротъ, надувать щеку до флюса: щека раздуется, покраснѣетъ и на рожистое воспаленіе это очень похоже. Чтобы вылечить—стоитъ проволотъ щеку снаружи насквозь и выпустить воздухъ.

Снягивая подъ когѣномъ кожу въ складки (съ захватомъ жилъ) и продѣвая сквозь морщины свиную щетину на иглохѣ, добивались искусственнаго сведенія ноги; щетина оставалась въ жилахъ. Распаривъ ногу въ банѣ и вынувъ щетину, можно и въ бѣга уйти*). Сушатъ ногу отъ когѣна до ступни тѣмъ, что подъ самымъ когѣномъ перетягиваютъ саржевымъ или шелковымъ платкомъ и помачиваютъ водою, и пр. и пр.

Впрочемъ, нѣкоторые арестанты наняны, какъ школьники, и идутъ на смотръ къ доктору, наколовъ булавкою десну и новдри и принявъ кровь на рубашку, увѣряютъ въ кровохарканіи; другіе (геморридалсты) подвязываютъ животъ и жалуются на спазмы. Однако, въ тѣхъ и другихъ случаяхъ легко достигаютъ цѣли, доктора уступаютъ ихъ настоятельнымъ заявленіямъ на отдыхъ и, обманутые и не обманутые, застаиваются у осмысленныхъ рабочихъ нѣсколько времени, давая имъ перевести духъ и расправить натруженные члены на больничныхъ койкахъ. За то и арестанты считаютъ ихъ своими первыми благодѣтелями и на поселеніи всегда съ любовью вспоминаютъ объ нихъ.

Замѣчательно, что подобнаго рода притвор-

*) Вѣсто щетины, для этой же цѣли берутъ нитку изъ дерева, называемаго волчье лыко. Кончики нитки оставляютъ наружѣ, чтобы послѣ вытянуть, ибо лыко не щетина, держать долго нельзя: дѣлается краснота и приключается большой жаръ.

щики (по личному призванію самихъ арестантовъ) въ тюремной іерархіи занимаютъ невидное мѣсто. Это плескъ—черный народъ, который возбуждаетъ въ товарищахъ мало состраданіе въ такомъ только исключительномъ случаѣ, когда подлогъ ихъ обличится, не достигнувъ цѣли. Сами они, по большей части, не заботятся о возвышеніи своего нравственнаго уровня, мало блюдутъ за своими наденіями и довольны бывать тѣмъ униженіемъ, въ какое суживаютъ поставить ихъ товарищи-аристократы изъ бродягъ. Ихъ обыкновенно называютъ „жиганами“. Роль ихъ тогда бываетъ незавидна и была бы тяжела для нихъ, если бы они, въ то же время, не были (за недостаткомъ практической изобрѣтательности) крайними бѣдняками, голышамъ. Конечно, въ тюрьмѣ найдутся средства кое-какъ добыть кое-какіе деньги, но для того требуется униженіе, а разъ униженному далеко до уваженія, даже и до такого, каковы, напр., пользуются бродяги. Бродяга скорѣе вытерпитъ всякую непогоду, вынесетъ на обтертыхъ и привычныхъ плечахъ всякую каторжную работу, разъ десять обманетъ сторожей и пристава и смотрителя, но до крайняго униженія своей личности не дойдетъ. Бродяга не унижится пересѣ богатыми, не пойдетъ онъ по заказу его утку*), не согласится, когда заламается арестантъ-богачъ, чувствуя въ карманѣ деньги, и велитъ подать ему воды, принести какую нибудь вещь,

*) Въ числѣ игръ, выдуманныхъ арестантами въ тюрьмахъ для общаго и частнаго (по заказу богачей) развлечения, чаще другихъ употребляется эта утка. Желающему быть общимъ посѣмителемъ и получить за то, смотря по ободному договору, пятачекъ серебра или гривенникъ, арестанты связываютъ на сплнхъ обѣ руки веревкою и, такимъ образомъ, чтобы между ладонями можно было укрѣпить салютную свѣчку. Свѣчка эта зажигается. Нанятый путь обязанъ, не погасивъ огарка, ползти на брѣхѣ съ одного края казармы до другого и по тому грязно-скользкому полу, каковы, напр., въ тюрьмѣ Нижне-Кавказскаго промысла, гдѣ эта игра въ большомъ употребленіи. Проползъ потѣшиль на брѣхѣ, не погасивъ свѣчки, онъ получаетъ договоренную монету; погасивъ на дорогѣ—даромъ всѣ труды пропадаютъ.

— Да еще и попадаетъ сверхъ того!—прибавляли мнѣ рассказчики.

— Бьютъ?

— Бить не бьютъ, а поднимаютъ на голумъ, да такъ, что въ этотъ разъ битье-то, пожалуй, лучше бы...

Замѣчательно, что всѣ тюремныя забавы—какъ и быть, впрочемъ, слѣдуетъ—грубаго дѣла и большею частью основаны на испытаніи крѣпости зубовъ, волосъ, кожи и проч., на манеръ семинарскихъ бурсъ. Таковы, между прочимъ, и тѣ игры, которыя извѣстны, напр., въ петербургскомъ острогѣ: масло коварять, покойника отпѣвать, пальто шить, колокола лить, на оленяхъ катать, присага на вѣрноподдающе по замку, Еиршнш портретъ, жгуты, голоса слушать и проч. Въ сибирскихъ тюрьмахъ любимая забава прилѣпить спящему къ подошвѣ голыи ноги смазанную сапожъ бумагу и зажечь ее.

чтобы за такую услугу, за удовлетворение праздного каприза, выдать прислужившемуся грошь или пятакъ.

Настоящій бродяга настолько практикъ, чтобы не быть трусомъ и побѣжденнымъ, и настолько свободенъ онъ и не побѣжденъ, что готовъ попасть опять на старое каторжное пепелище, но предварительно побывавъ въ бѣгахъ. Въ бѣга, однимъ словомъ, идутъ только тѣ люди, кото-

рые одарены волею и характеромъ, точно такъ же какъ въ госпиталь дожитъ только живой мертвецъ, побѣжденный и безнадежный.

Изъ нерчинскихъ тюремъ (да и вообще изъ тюремъ Восточной Сибири) побѣги совершаются замѣчательно часто и въ огромномъ числѣ. Какія обстоятельства предшествуютъ и какіи случайностями обставляются побѣги—этимъ всего болѣе обрисовывается каторжный бытъ.

Г Л А В А III. В Ъ Б Ъ Г А Х Ъ.

Нерчинскія горы и богатство ихъ.—Серебро.—Зерентуйскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольня.—Шахта.—Лихтлогъ.—Несчастья на каторгѣ этого вида.—Рудниковый козаникъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: соленаренная и винокуренная.—Улучшенія на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемъ разнообразіи способовъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглый на балу.—Побѣги цѣпного.—Голый бѣглець.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чалдонъ.—Лиса.—Побѣги на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронумки.—Приготовленія къ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первые шаги въ бѣгахъ.—Неудача.—Помощь караульнымъ.—Часовые въ бѣгахъ.—Обищаніе побѣговъ.—Варнацкая дорога.—Зѣвское мнѣніе.—Сыщики.—Бурата.—Похожденія и злодѣйство бродягъ.—Медвѣди.—Пристанодержательство.—Ваники.—Старовѣръ Гурій Васильевичъ.—Преслѣдованія.—Кандады.—Лѣсная пища во всемъ разнообразіи.—Сараяча.—Горбачи.—Избиеніе цѣлой шайки бродягъ.—Губернаторъ Рупертъ.—Сыщакъ Каримъ.—Убиенныя горы.—Коурый.—Возвасные бродяги.—Левачій на Ленѣ и въ нерчинской каторгѣ.—Кяхтинскій мѣщанинъ.—Бродяги на Байкалѣ, на Ангарѣ, подъ Казанью, въ Петербургѣ.—Вивальци.—Бродяжья судьба въ дорогѣ.—Сибирскіе приемы и обычаи.—Предѣлы бродяжничества.—Вооруженно черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани.

Отбѣжайте отъ такъ называемаго Вольшого Нерчинскаго завода версты на десять (хотя, напр., по направленію къ Зерентуу, на сѣверъ), выберите возвышенное мѣсто на попутной горѣ и оглянитесь назадъ! Полный, широкій кругозоръ неба, къ которому такъ привыкаетъ глазъ на безбрежныхъ степяхъ и пустыняхъ, на этотъ разъ уменьшился больше чѣмъ на половину и отливаетъ вверху неопредѣленнымъ, примѣчательно тусклымъ свѣтомъ. Живыя и рѣзкія вѣчныя краски его потускнѣли, истощивъ свою силу передъ тѣмъ, что уменьшаетъ округлость и широту небснаго горизонта, что заслоняетъ отъ насъ больше чѣмъ половину его и что расцѣпилось внизу. Непрерывною градою и цѣпью тянется тамъ сплошная стѣна горъ, поднявшихся одна къ другой и сплотившихся въистѣ. Форма этихъ горъ и этой цѣпи, на первый взглядъ, поражаетъ чѣмъ-то оригинальнымъ, своеобразнымъ и незнакомымъ, но, всмотрѣвшись, узнаешь, однако, кое какія черты знакомыя, выясняешь кое-гдѣ опредѣленные образы.

Море, казалось намъ, свободное и безпредѣльное море всколебалось до самаго дна въ то время, когда внутри его скопелась громадная сила и поверхность его, не выдержавъ напора внутренней силы, широкимъ и порывистымъ замахомъ разбилась на густыя и широкія волны. Волны эти разлетались въ при-

хотливо-разнообразныхъ группахъ, гдѣ простому глазу и издалика пріятны даже и брызги, густыя и мелкія, сбившіяся на хребтахъ волнъ, и самая волна, во всю длину ея, вздувающаяся до того состоянія, когда ей предстоитъ одна возможность уничтожиться отъ собственной тяжести и исчезнуть во вновь набѣжавшей. И вотъ, въ это самое время, когда внутренняя сила, управляющая волнами, готова была на новый напоръ снизу и на ту же работу на верху,—взволнованное и разсерженное море вдругъ оцмѣло и застыло. Черты и краски, которыя могли исчезнуть безъ слѣда, чтобы уступить мѣсто новымъ и свѣжимъ, стали теперь вѣчными и неизмѣнными. Мало такихъ картинъ на всемъ широкимъ просторѣ Россіи, хотя и много тамъ горъ, холмовъ и пригорковъ! Мало такихъ горъ и по внутреннему достоинству, по подземному богатству ихъ, какъ горы Нерчинскаго края, хотя и есть въ Россіи Уралъ, Копмванскія и Кузнецкія горы. Серебромъ наполнены ихъ горныя вѣдра; по золотому песку текутъ выходящія изъ горъ этихъ рѣки и увалами, своеобразнымъ видомъ, отливаютъ всѣ эти горы потому именно, что обладаютъ онѣ такимъ особеннымъ даромъ, что стоитъ за ними громадное, до сихъ поръ еще воплотъ не оцѣненное преимущество. Некрысывы онѣ, когда подобаешь къ нимъ слишкомъ близко. Сурыачны издалика эти каменные горы, голыя, скудная растительностью,

силу которой как будто вобрали в себя, обездолив поверхность, внутрення богатства, подсудная и подземная сокровища этих горъ. Но видъ на группу, на всю сплошную массу Нерчинскихъ горъ издали, не теряетъ всего обаяннн и всей своей прелесть, подкупаемой, сверхъ того, тѣмъ представленіемъ, какое даютъ практическія наблюденія. Къ нимъ — то мы и подходимъ теперь, опираясь на тѣ данныя, которыя добыты горною наукою.

Нерчинскій горный округъ, на половину обследованный, но далеко еще не вполне разработанный, представляетъ одно изъ сильныхъ и богатыхъ мѣстъ въ свѣтѣ по разнообразію всякаго рода горныхъ породъ металловъ и минераловъ. Окрестности Петровскаго завода и Тункинскія горы, въ западной половинѣ Забайкалья, богаты магнитнымъ желѣзнякомъ. Тотъ же желѣзнякъ находится на восточной сторонѣ Яблоноваго хребта, раздѣляющаго Забайкальскую область на двѣ половины: по рѣкѣкѣ Урову (впадающему въ рѣку Аргунь) и по Тайнѣ (притоку рѣки Газимура). Горы между Нижнею и Среднею Борзеою столь богаты тѣмъ же магнитнымъ желѣзнякомъ, что тамошніе жители называютъ ихъ не иначе, какъ „желѣзною цѣпью“. Системы рѣкъ Витима и Чикоя (въ западной половинѣ Забайкалья) и Карійская и Шахтаминская системы (въ восточной половинѣ) давно уже извѣстны разработками золота. Въ этой послѣдней части вездѣ, гдѣ господствуютъ гранито-сіениты, почти сплошная золотоносная система; таковы россыпи: Лунжанка, Казакова, Култума, Солкококо, Тайна, Быстрая и другія. Въ 1855 году поисковая казенная партія нашла золото и въ западной части Нерчинскаго округа, въ глухомъ, необитаемомъ югозападномъ углу, ограниченномъ китайскою границею и Яблоновымъ хребтомъ, раздѣляющимъ округъ на двѣ, почти равныя половины. По рѣкѣкѣ Прямой-Вальдѣ, при шурфовкѣ, найдены благонадежныя признаки, а по рѣкѣкѣ: Елатую, Каролу, Долгождѣ, Цагано, Јорухану и также Вираю, также богатая россыпи, послужившія въ быстрымъ и серьезнымъ обогащеніемъ, когда дозволена была добыча частнымъ людямъ въ началѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и когда золото найдено на рѣкѣ Нерчѣ, почти подъ самымъ городомъ Нерчинскимъ. Золото — однимъ словомъ — оказалось вездѣ тамъ, гдѣ господствуютъ сланцы. Какъ только эти послѣдніе уступаютъ мѣсто гранитамъ, тамъ, вмѣстѣ съ этимъ, исчезаетъ и самая золотоносность. Шахтама и Култума, сверхъ содержанія золота, обѣщаютъ добычу ртути, обладая большимъ количествомъ кинюнари; въ Нерчинскомъ горномъ округѣ — единственное въ Россіи мѣсто находенія олова. Всѣ горныя покатоки къ югу отъ системы притоковъ рѣки Шилки, но системамъ притоковъ Аргуни, съ давнихъ временъ даютъ въ замѣ-

чательномъ избыткѣ серебро, которое прославилъ Нерчинскій округъ. Это — самый главный продуктъ земныхъ сокровищъ Нерчинскихъ горъ и нерчинскіе заводы обязаны главною добычею его съ той самой поры, когда край этотъ, одинъ изъ богатыхъ серебромъ въ цѣломъ свѣтѣ, сдѣлался собственностью Россіи. Серебряные рудники открыты здѣсь давно и въ примѣчательномъ обиліи.

Въ 1722 году императоръ Петръ I именнымъ указомъ своимъ велѣлъ всѣмъ, освобожденнымъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначеннымъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальніе города, посылать въ Дауры на серебряные заводы. Въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія разработка серебряныхъ рудъ приостановлена и на нынѣшнее время значительно противъ прежняго ослаблена. Нерчинскій же горный округъ съ его россыпями и промыслами золотыми и съ его заводами еще до сихъ поръ представляетъ для насъ интересъ ссыльнаго мѣста, а потому мы и останавливаемся на немъ, какъ на мѣстѣ работъ, предназначенныхъ для ссыльно-каторжныхъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ серебряныхъ рудниковъ (Зерентуйскій) у насъ передъ глазами. Онъ открытъ въ 1825 году, вмѣстѣ съ Благодатскимъ. Толщина его не болѣе 2 сажень, мѣсторожденіе заключается въ известнякѣ, падаетъ почти вертикально и наполнено преимущественно талькомъ, въ которомъ желѣзисто-свинцовыя окры со свинцовымъ блескомъ и бѣлою свинцовою рудою попадаютъ небольшими гѣздами. Въ пудѣ руды $\frac{1}{2}$ золотника серебра и 1 фунтъ свинцу, но, черезъ промывку, руды обогащаются серебромъ до $1\frac{1}{2}$ золотника и свинцомъ до 4 фунтовъ. Работа начата шахтою и продолжалась гебенгами и дворами въ 34-саженной глубинѣ. Для движенія воздуха углублена шахта въ висятѣмъ боку мѣсторожденія *).

Мы у подошвы горы, которая отлого (тхингусомъ — по сибирски) взбирается въ высь и тамъ, гдѣ-то не на виду у насъ, сливается съ другими горами, а можетъ быть и съ цѣлою группою горъ. Гора наша, по наружному виду, ничѣмъ не отличается отъ окрестныхъ: тѣ же голыши и камни, обѣщающіе скудную растительность въ живое время, то же обиліе моху и по мѣстамъ примѣчательно — ничтожное количество свѣггу, когда все кругомъ завалено имъ. Раз-

* Дворы — обыкновенныя горизонтальныя работы (орты и фаршлагы), проводимыя непосредственно одинъ надъ другимъ. Они всегда идутъ по рудамъ и употребляются болѣе для выемки ихъ на отчетку, также и для прослѣдованія ихъ по паденію. Сначала ведутъ по рудѣ обыкновенный горизонтальный ходъ, укрѣпленный временною или фальшивою крѣпью изъ двухъ стоекъ и переклада на 1—2 сажени; потомъ эту крѣпъ замѣняютъ настоящею.

нища одна: у нашей горы, позади нас и не въ дальнем разстоянїи, раскинулось довольно большое селеніе со старыми, глиняными домами, разбросанными въ безпорядкѣ и доказывающими наружнымъ видомъ своимъ, что хозяева ихъ самые бѣдные и несчастные люди во всемъ свѣтѣ: нѣтъ ни одного дома, который говорилъ бы даже о кое-какомъ достаткѣ. Селеніе это казенное и приписано къ руднику. Въ горѣ нашей находится самый рудникъ серебряный, давно уже существующій, какъ сказано выше.

Прямо передъ нами бревенчатый сарайчикъ, но мѣстамъ обитый досками и однимъ краемъ своимъ вплотную прикинутый къ горѣ, у самой подошвы ея. Досчатая дверь вводитъ насъ въ этотъ теплый и натапливаемый домикъ. Здѣсь предлагаютъ намъ снять шубу на томъ основанїи, что безъ нее будетъ свободнѣе ходить по руднику, гдѣ, говорятъ, теплѣе, чѣмъ въ этомъ домикѣ, тепло, какъ въ банѣ. Но помня, что на дворѣ слишкомъ 30° мороза, мы не рѣшаемся разстаться съ шубою (въ чемъ, однако, пришлось намъ потомъ раскаяться). Намъ надѣваютъ на шею, на длинной веревкѣ, плоскій фонарь съ зажженною свѣчю и мы направляемся въ то чистыище, о которомъ съ самаго дѣтства слышали такъ много страшнаго. Вотъ за этою-то новою дверью (и опять досчатою)—думалось намъ на тотъ разъ—тѣ каторжныя норы, гдѣ мучилось столько „несчастныхъ“ и погубло въ нихъ безъ слѣда и воспоминаній. За лею-то, за дверью этою, одинъ изъ тѣхъ рудниковъ, о которыхъ ходятъ по всей Россіи такіе мрачные и страшные рассказы. И теперь мы съ трудомъ отдѣлываемся отъ неприятнаго чувства боязни, безсознательнаго страха и тоски, до такой степени неодолимыхъ, что были моменты, когда мы готовы были оставить наше навіреніе и вернуться назадъ изъ опасенія не подвергать себя крупнымъ и тяжелымъ впечатлѣніямъ. Потребовалось энергическое усиліе воли, чтобы направиться дальше за эту таинственную дверь, и, разъ рѣшившись идти впередъ, мы привудили себя безропотно подчиниться провожатымъ, но неприятное чувство душевной тяжести и безотчетнаго сердечнаго трепета насъ не покидаетъ. Отворилась дверь, словно въ адъ, и истинное подобіе его представилось намъ тотчасъ же, какъ только глаза наши встрѣтили за дверью непроглядный, мертвенный сумракъ. Къ тому же по нѣсколькимъ ступенямъ мы опустились внизъ, на нѣсколько аршинъ ниже подошвы горы. Высокая гора, всюю массою, всюю своею громадою стояла теперь надъ нами, усиливая тяжесть нашихъ впечатлѣній. Мы въ горѣ и подъ землею, словомъ—мы въ рудникѣ.

Слишкомъ рѣзкій, крайній переходъ отъ дневнаго свѣта прирудниковой свѣтлицы-передней во мракъ самого подземелья не позволяетъ глазамъ нашимъ что либо видѣть, что либо понять

изъ всего того, что творится передъ нами, сзади насъ и по бокамъ. Мы слышимъ голоса, но они кажутся намъ такими глухими и робкими, что какъ будто и они, какъ и нашъ голосъ, выходятъ изъ сдавленной и натруженной груди. Гдѣ-то впереди, какъ волчья глаза, мелькаютъ огоньки, но свѣтъ ихъ, поглощаемый густотою окрестнаго мрака, до того слабъ, что кажется особеннымъ, рудниковымъ. Висящій на груди у насъ фонарь нашъ дѣлаетъ не больше того: свѣтъ его чуть брезжится, ударяетъ въ спину проводниковъ, освѣщая двѣ-три заплаты на полушубкѣ. При поворотахъ въ сторону, свѣтъ сальной свѣчки успѣваетъ обнаружить въ себѣ присутствие силы настолько, что мы различаемъ досчатые стѣны, мокрая, сырая, и такіе же доски наверху, на потолокѣ. Когда глазъ успѣлъ приноровиться, мы—что называется—оглядѣлись: передъ нами и позади насъ оказался несомнѣнный корридоръ, такой же точно, какъ и тѣ, до которыхъ такіе охотники петербургскіе домовладѣльцы и архитекторы, доказывающіе этимъ безсиліе своей изобрѣтательности и несостоятельность своей науки; этотъ корридоръ намъ вѣдался доказать противное. Онъ былъ такой же узкій и теплый и въ такомъ же прямомъ направленіи тянется куда-то вдаль. Мы идемъ ни ниже, ни выше, идемъ также свободно и теперь, какъ шли сначала, и идемъ какъ будто уже много сажень, не одинъ десятокъ сажень и — останавливаемся. Передъ нами третья дверь и обитый досками корридоръ кончился.

— Что это значить?

— Корридоръ,—отвѣчаютъ намъ: — тунель этотъ называется штольнейю. Та часть штольни, которую мы прошли и которая сверху, снизу и съ боковъ забрана досками, уже выработана и къ дѣлу не годится. Рабочіе въ ней только для того, чтобы положить досчатые заплаты тамъ, гдѣ старыя доски прогибали до слезъ. Разрабатывается вотъ эта...

Отворили дверь—и мы снова погрузились во мракъ, который кажется намъ еще гуще и непрогляднѣе. Мы съ трудомъ передвигаемъ ноги, которыя на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ какія-то рытвинны, какіе-то камни, а между ними, по самой серединѣ дороги нашей, тянется цѣлый желобъ. По бокамъ, въ стѣнахъ—каменные глыбы; наверху, на потолокѣ такіе же голые, неправильной формы обитые камни; и тѣ и другіе на ощупь холодны, сыры, слизисты. Фонарная свѣча на большей части изъ нихъ освѣщаетъ ржавчину, окиси. Ощущенія становятся еще тяжелѣе: каменные груды начинаютъ давить насъ нравственно всюю тягостью вишняго вида своего и мы снова съ трудомъ владемъ собою при объясненіяхъ.

— Это известнякъ и глинистый сланецъ—подпороды, а вотъ и самая порода—наше богатство. Изъ нее-то мы добываемъ достославное

серебро, которое и въ нашихъ рукахъ стало въ рѣдкость, какъ говорить, рѣдко оно и у васъ, въ Россіи.

Черезъ груды этихъ породъ и между глыбъ породы пробраемся мы дальше. Начинаемъ примѣтно уставать: намъ становится не только жарко, но даже душно (напрасно мы не оставили шубы въ прихожей свѣтлицѣ). Духота, наполняющая на этотъ разъ штольню, напомнила намъ ту насыщенную влагою атмосферу бани, когда разрядился паръ, въ обилии сорвавшійся съ каменки. Въ духотѣ этой (думалось и выговорилось нами) одинъ изъ видовъ каторги и духота эта, между прочимъ, полагалась одною изъ мѣръ наказанія нѣкогда работавшимъ здѣсь преступникамъ; духота эта едва выносима.

— Отворите дверь! — закричалъ одинъ изъ проводниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе наше.

Крѣпкая струя морознаго воздуха мгновенно и съ неудержимой силой ворвалась въ штольню и выхватила и увела впередъ въ широкое отверстие шахты весь тотъ душной и гнилой воздухъ, который до этой поры тяготѣлъ насъ. Пока задняя входная дверь стояла открытою, мы съ трудомъ удерживали на головахъ шапки: до того была сильна тяга воздуха, которая, имѣя для насъ значеніе сквознаго вѣтра, становилась уже излишнею и дѣлалась опасною для здоровья. Пока мы подвигались дальше, въ штольнѣ опять накопилось достаточно теплоты, чтобы снова жаловаться на шубу.

Въ одномъ мѣстѣ, влѣво отъ насъ, изъ штольни потянулся глухой и тупой, безъ пролета, корридоръ, нигуда не выходящій, и, въ отличіе отъ штольни, на горномъ языкѣ извѣстный подъ именемъ лихтлога. Свѣтъ фонаря осветилъ намъ его начало и низылъ въ той густотѣ мрака, которую не разрывалъ ни разу лучъ солнечнаго свѣта и съ которою ведетъ по временамъ борьбу свѣтъ шестериковыхъ салыныхъ свѣчъ въ фонаряхъ рабочихъ.

Войти въ лихтлогъ мы не рѣшились и не пошли туда по той простой причинѣ, что лихтлогъ—тоже штольня, только поперечная, боковая, безъ выхода; боковая оттого, что увела ее туда серебряная жила, ударившаяся въ бокъ отъ основной, давшей направленіе штольнѣ. Безъ выхода лихтлогъ потому, что на тупомъ концѣ его оборвалась надежда на добычу: серебра стало меньше и дальнѣйшая работа не обѣщала возврата затраченныхъ силъ и капитала. Штольня повела насъ дальше и прямо, одинъ лихтлогъ остался въ сторожѣ на право, другой—на лѣво.

Каменные груды съ боковъ и надъ ними, не укрѣпленные искусствомъ и сдерживаемыя только силою взаимнаго тяготѣнія и упора, — грозятъ опасностью. Вода, въ набыткѣ просачивающаяся между камнями, усиливаетъ представленіе этой опасности для насъ, невпривычныхъ, бесслышныхъ схватить всѣ подробности дѣла и на тотъ разъ

понять всю систему предосторожностей. Мы радуемся за каждый шагъ, который завоевываемъ при выходѣ изъ штольни и не безсознательно надрагиваемъ въ бою за себя, когда слышимъ предостереженіе пробожатымъ спрятаться на бокъ, гдѣ нибудь около стѣнки, въ первое попавшееся углубленіе въ ней. Примѣръ тому видимъ на всѣхъ нашихъ спутникахъ и, спрятавшись какъ угнѣн и успѣли, мы вздрагиваемъ во второй разъ отъ сильнаго удара, который глухимъ и тупымъ раскатомъ потрясъ всю штольню и исчезъ безъ отголоска.

— Что это такое?

— Забой дѣлали, взрывъ произведенъ.

Ощущаемъ пороховой запахъ, видимъ впереди себя новую вспышку и тотчасъ новый глухой стукъ взрыва, причемъ снова ощущаемъ запахъ пороха. Идемъ къ тому мѣсту и видимъ ялы, лучше, слѣпо различаемъ на полу какія-то дыры, видимъ буравы въ рукахъ рабочихъ; намъ объясняютъ:

— Буравъ вертять на землѣ скважину и оттого скважинѣ этой даемъ названіе буровой. Она заряжается порохомъ, порохъ рветъ часть грунта, выхватываетъ тѣ камни, которые мѣшаютъ намъ прокладывать жолобъ. Жолобъ этотъ по серединѣ пола штольни надобенъ намъ для стока воды. Вода одолеваетъ наши работы безгранично; оставить ее на собственный произволъ и не выводить вонъ, значитъ, поступиться всѣмъ рудничкомъ: вода вымываетъ его, какъ зальца уже всѣ разработанные и покинутые ялы по волѣ начальства или по тому, что они уже сами по себѣ перестали служить свою полезную службу.

— Жолоба для стока воды мы закрываемъ досками, чтобы легче ходить и работать, жолобъ облегчать работы въ забояхъ. Полъ облегчить перевозку руды въ тачкахъ по штольнѣ до шахты.

— Но гдѣ же каторга, гдѣ тѣ работы, которыми мы привыкли считать самыми тяжелыми, называть каторжными?

— Такихъ работъ нѣтъ въ рудникахъ. Здѣсь мы даемъ молотокъ и ломъ. Молоткомъ рабочей обиваетъ породу, освобождаетъ ее отъ сопровождающихъ ненужныхъ намъ породъ; ломомъ вынимаемъ ту глыбу, которую намъ нужно и которую указываетъ и объясняетъ знающій дѣло распорядитель работы. Глыба эта подается на ломъ, когда молотъ счуглѣ хорошо распорядится около нее. Вынутая изъ своего мѣста, она кладется на носилки или въ тачку и рабочей везетъ одинъ или несетъ съ товарищемъ къ бадьѣ, спущенной на дно широчайшей трубы, идущей отъ вершины горы до самой подошвы ея и называемой шахтою. Когда рабочей опростаетъ свою ношу, то кричитъ на верхъ. Бадью верхніе рабочіе поднимаютъ воротомъ на самый верхъ горы. Тамъ опораживаютъ бадью, складывая руду на носилки. Тачекъ рабочіе не любятъ и предпочитаютъ имъ носилки, всегда пред-

полагающіе товарища, когда и трудъ раздѣлѣнъ и есть съ кѣмъ перекинуться разговоромъ. Добытую породу сносятъ верхніе рабочіе въ указанное мѣсто въ кучу, изъ которой она уже поступаетъ для сортировки въ такъ называемую рудораздѣльную свѣтлукку. Выйдемъ черезъ шахту на верхъ, а вамъ и это все покажу.

Вотъ до насъ начинаютъ добираться лучи дневного свѣта, падающіе сверху. Свѣтъ нашего фонаря блекнетъ, мы стоимъ подъ крутою деревянною лѣстницею. Мы взбираемся по этой отвѣсно поставленной лѣстницѣ съ широко разставленными приступками, съ обязательно непобѣжимыми перилами. Лѣстница плотно пригнана желѣзными закрѣпками къ каменной стѣнѣ шахты. Съ трудомъ и надавивъ грудь, при помощи перилъ, поднимаемся мы на верхъ и съ трудомъ переводимъ дыханіе, очутившись на первой площадкѣ. Площадка эта однимъ краемъ опять уходитъ въ сырой и непроглядно мрачный лихологъ, идущій параллельно нижней штольнѣ и составляющій въ рудникѣ какъ бы второй этажъ его. Другой конецъ площадки обрывается въ ту огромную яму, которая прорыта до самой подошвы горы и до дна той штольни, къ которой мы были, и освѣщается такою же широкою, какъ нижняя яма трубою, составляющею ее продолженіе и выходящею на верхушку горы. Отдохнувъ, осматриваемъ вторую лѣстницу, такую же отвѣсную и крутую, такую же неподатливую, съ такими же крѣпко заделанными перилами, снова устаемъ до изнеможенія и съ радостью узнаемъ на второй площадкѣ, что конецъ мученій близокъ. Узнаемъ здѣсь, что зерентуйская шахта, которая кажется намъ теперь глубокою и широкою колодезью, имѣетъ глубины 24 сажени: первая лѣстница 11 сажень, вторая 13; что бревенчатый сарай надъ шахтою колодезью сооруженъ уже на крайней вершинѣ горы, что вся зерентуйская штольня длиною въ 160 сажень, но что дѣлать новую—„Надежду“, которая будетъ еще больше, еще длиннѣе, но въ другомъ мѣстѣ.

Отрадно было, по выходѣ изъ шахты, взглянуть на свѣтъ Божій. Весело было вдохнуть свѣжій, хотя на этотъ разъ и крѣпко морознымъ воздухомъ, и еще краше и веселѣе глядѣли теперь на насъ со всѣхъ сторонъ окрестныя валуны, эти застывшія морскія волны. Еще сумрачнѣе, тяжелѣе и каторжнѣе показалась намъ вся темная яма подземельевъ—штолень, лихологовъ и тяжелый полуиракъ шахты.

Цѣлыми десятками лѣтъ, не одною тысячею преступныхъ и непроступныхъ рукъ, рылись эти каторжныя подземелья и рудникъ, оцѣненный десятками тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣнѣ отъ того множества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ на тяжелой опасной работѣ, и которые ввѣрены были тѣмъ же бездуш-

нымъ стѣнамъ и тѣмъ же безгласнымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходитъ все то золото, которымъ покупается цѣлый свѣтъ, и только въ немногихъ мѣстахъ къ ключевой водѣ этой пригнѣшиваются и мутать и темнѣть эту воду горькія слезы несчастныхъ. Все серебро, наживѣвшее въ ибдрахъ земныхъ, добытое въ сибирскихъ рудникахъ, прошло черезъ горькія и также ключемъ бьюція слезы несчастныхъ. Сколько смертей, неожиданныхъ и негаданныхъ, накывалось тамъ, въ этихъ темныхъ и сырыхъ подземельяхъ, въ терпѣливую, замѣчательно выносливую и крѣпкую натуру русскаго человѣка, хотя на этотъ разъ и обездоленную крутымъ житейскимъ переломомъ и крутымъ, большею частью непредвидѣннымъ несчастьемъ. Извѣстенъ, между прочимъ, слѣдующій трагическій случай въ рудникѣ „Тайгѣ“, около Газимурскаго завода, въ одномъ изъ наибольшихъ за Байкаломъ. Въ одной изъ штоленъ этого рудника работали трое: два поляка и русскій. Разложенный на днѣ шахты огонь, при закрытыхъ дверяхъ, наполнилъ весь корридоръ убійственнымъ сѣрнымъ газомъ. Дымъ, валывшійся изъ этого отдѣленія, достигъ и того, гдѣ эти трое кирками обивали оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрою. Будучи не въ состояніи дальше оставаться въ атмосферѣ, насыщенной газами, поляки по лѣстницѣ поднялись на свѣжій воздухъ. Одинъ изъ поляковъ, вида, что товарищъ (русскій) остался внизу и долго не выходитъ, крикнулъ ему сверху, чтобы поспѣшнѣе выбираться, иначе непременно погибнетъ. Не получивъ отвѣта, полякъ Рожанскій сошелъ по лѣстницѣ внизъ и едва успѣлъ ступить на дно штольни, какъ упалъ безъ чувствъ, отравленный сѣрными газами. Товарищъ его (Вржось) въ безпокойствѣ и съ боязнью выжидалъ земляка и, не дождавшись, поспѣшнѣе спустился въ рудникъ и нашелъ обихта товарищей въ безсмысленномъ лежаніи на полу. Онъ схватилъ, прежде всего, земляка своего и повесъ по лѣстницѣ. Чувствуя приступы отравы, онъ собиралъ послѣднія силы, дожель уже до половины лѣстницы, но здѣсь силы его оставили, онъ опрокинулся съ крутизны навзничъ и размогилъ свою и товарища голову о камни. Черезъ нѣсколько дней потомъ лавинище на дно штольни наши три трупа. Одинъ изъ нихъ обхватилъ рукою другого; оставалось одно: похоронить обоихъ въ одномъ гробу.

Отпустить работника въ полусвѣтъ шахты, провести его въ непроглядный мракъ штольни, — вездѣ одно: та же сосредоточенная, кропотливая, тяжелая работа, съ которою и самая лѣсная, плохо прилаживался, недружно живетъ. Дружно живетъ одинъ вымыселъ, сильно работать одно только воображеніе, досужее рисовать по готовымъ образцамъ все, что угодно. Ему ли оставлять свою работу и поступаться

свободой въ то время, когда все является на помощь и содѣйствіе: мракъ кругомъ и только тусклый мерцающій полусвѣтъ около, да неожиданнй блескъ, яркая вспышка гдѣ-то вдаль и въ томъ подземельѣ, гдѣ всякій звукъ, всякій стукъ молотовъ возвращается назадъ усиленнымъ, но не разбросаннымъ тупымъ эхомъ, подчасъ извращеннымъ, смотря по тѣмъ условіямъ, въ какихъ находится въ то время слухъ и воображеніе. Паденіе водяныхъ струй и капель со стѣнъ и потолка, трескъ осколковъ породы и шлепанье глиняныхъ глыбъ, шумъ забоевъ, грохотъ отъ взрывовъ, каждый легкій шорохъ—все это даетъ пищу одиному поставленному и предоставленному самому себѣ воображенію. Раздражается оно неизбежно и при этомъ съ такою быстротою и силою, на которой способно суевѣрное воображеніе всякаго русскаго рабочаго, и будетъ преисполняться каждый изъ нихъ суевѣрнымъ страхомъ и неестественными представленіями, потому что всякое движеніе, всякій шагъ въ подземельѣ представляется въ иномъ видѣ, отшибается неправильнымъ и извращеннымъ отголоскомъ. Работы въ забояхъ, мракъ лихологовъ, полусвѣтъ шахты, при слабомъ освѣщеніи фонарежь, удлиняющимъ и укорачивающимъ тѣни людей и окружающихъ предметовъ по прихотливому произволу, существованіе большнхъ и крупннхъ крысъ, которыя любятъ вознться, пищать, грызть, шумѣть и болше всего поживляться около салныхъ огарковъ въ фонаряхъ и называются холяномъ. Все это намъ объясняетъ существованіе множества разсказовъ и о домовомъ—рудниковомъ хозяинѣ, и о лѣвемъ—врагѣ человека и здѣсь, въ этихъ каторжныхъ норахъ. Съ безчисленнымъ множествомъ разсказовъ о нежити—нечистой силѣ—выходятъ оттуда рудниковые рабочіе, суевѣріе которыхъ, вообще, сильнѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Такъ, напр., на этомъ же Зерентуйскомъ рудникѣ, подлѣ самой шахты двѣ горы, изъ которыхъ одну прозвали Шумихою, а другую Звонухою (за какіе-то непонятные и хорошо не изслѣдованные шумъ и звонъ, происходящіе около нихъ и въ нихъ при извѣстныхъ вѣтрахъ), слышные и вольные рабочіе считаютъ страшными. Они указываютъ на нихъ, какъ на несомнѣнное гнѣздище враждей нечистой силы. Почные страхи здѣсь дѣятельнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что въ рудниковыхъ подземельяхъ вѣчная ночь, какъ питательное начало, и дѣйствительнѣе уже потому, что рабочіе на цѣлый день, со своею пищею, уходятъ сюда въ густой мракъ. Они кончаютъ работу и выходятъ на вольный воздухъ, когда уже точно такой же мракъ покрываетъ землю и облекаетъ собою все живущее на ней некоторою жизнью.

Каторжна жизнь рудниковаго рабочаго и по-

тому, что она безплатная, обязательная, казенная и потому еще, что подвергается случайно-стиахъ, недалеко отъ несчастій и граничитъ съ печальною, скоростижною смертью.

„Дыровой бьетъ“—кладеть на смерть и увѣчить рабочаго при быстромъ нечаянномъ взрывѣ буровой скважины, сопровождаемомъ неизбежными камнями, осколки которыхъ брызжутъ по сторонамъ съ быстротою и силою. Эта опасность для неопытныхъ рабочихъ на каждомъ шагѣ, потому что на каждомъ шагѣ буровыя скважины и потому, что при спѣшнхъ работахъ на каждый шагъ не напасешь осторожности и ослѣдки, если и та и другая не обратились въ привычку.

„Горой давить“ рудниковаго рабочаго та же опасность, то же неуѣлье, а часто и невозможность спохватиться во время, — именно въ то время, когда онъ сдѣлалъ подработку своимъ молоткомъ подъ породу и отломится отъ нее плохо слнпшіяся или хорошо отбитыя груды известняка или глинистаго сланца. „Горой“ это и увѣчить и давить до смерти.

— Хорошъ первый конецъ, когда изувѣчить, потому что начальство уменьшить уроки или совсемъ избавить отъ нихъ, а лучше всего—последній конецъ. Съ нимъ все гладко и душа твоя уже потомъ не томится. А худая смерть лучше каторжной жизни,—говорили рудниковые рабочіе въ то время, когда они не были освобождены отъ заводскихъ работъ и работали рядомъ съ каторжными; разница была одна: у каторжныхъ за содѣянныя преступленія положены были сроки, у заводскихъ служителей работа была безсрочная и то только потому, что они родились отъ такихъ же заводскихъ служителей и подзаводскихъ крестьянъ. Вывали случаи, что послѣдніе нарочно дѣлали преступленія, чтобы сдѣлаться каторжными, а стало быть попасть въ срочные работы.

Говорили намъ и другіе, но другое:

— Мы, когда за молотокъ да за лопату, то и молитва у насъ одна на угѣ: авось-моль и надъ нашими воротами взойдетъ солнышко. Старики наши, помираючи, наказывали намъ: „Кривыхъ нѣтъ во святыхъ, дѣти милые; мы каторжные да и вы такіе же, потому что наше отродье. Не работатъ нельзя, работайте! Тяжела работа — не бѣгите! Извѣстна пословица: „не зовутъ вола пиво пить, зовутъ вола воду возить“. Воите воду, потому что и ваши дѣти возить ее также станутъ, съ тѣмъ и живите!..“

Внуки дожились, однако, до того времени, когда сняли съ нихъ несправедливое обязательство, а самые рудники каторжными покинуты: работа послѣднихъ направлена была на казенные золотые промыслы и казенные винокуренные, солеваренные и желѣзодѣлательные заводы. Каторжные въ Восточной Сибири жили при заводахъ: Александровскомъ винокуренномъ

и Иркутскомъ солеваренномъ (въ Иркутск. губ.), и въ Забайкальѣ: при заводѣ желѣзномъ Петровскомъ, на присахъ Верхнемъ, Среднемъ и Нижнемъ Карійскихъ, на Шахтаминскомъ и Казановскомъ, на заводѣ Лужавинскомъ и Ака-туевскомъ. Всѣ остальные работы на рудникахъ находились въ рукахъ вольнонаемныхъ рабочихъ. Еще весьма не такъ давно они работали на три сѣмьи: двѣ недѣли по 12-ти часовъ въ день, третью недѣлю получали на отдыхъ. За то, что имѣвшие достатокъ горные служители брались на собственныхъ лошадяхъ возить руду съ рудниковъ въ Кутомарскій рудникъ, при которомъ плавильная печь, и въ Александровскій заводъ, гдѣ устроена лабораторія, они получали льготный часъ. Работавшіе на рудникахъ ходили на работу иногда верстъ за десять, привозя съ собою хлѣба и овощей, и ѣли въ сухомъ ямку; на ночь опять плелись домой къ горничному кирпичному карымскому чаю, ко шамъ и печѣ. За работу вознаграждались одинаковымъ съ поселенцами содержаніемъ (по 50 к. въ мѣсяць, на золотыхъ промыслахъ по 2 р., на Кудеѣ—самомъ богатомъ и надежномъ, поздне открытомъ, плата въ мѣсяць доходила до 5 руб.). Къ этой платѣ, сверхъ того, казна прибавляла еще по два пуда муки. Разница у заводскаго служителя съ каторжникомъ состояла еще въ томъ, что первый могъ обрабатывать землю, имѣть кое-какое хозяйство. Но вернемся къ смыслимъ и къ тѣмъ каторжникамъ, которые работаютъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ и на заводахъ, и посмотримъ, какъ выносить всякую каторгу русскій человѣкъ на своихъ могучихъ плечахъ и какъ примирается со всею тяжестью ея, со всѣми невгодами и злополучіемъ.

Новичекъ-арестантъ, приходящій на крайнюю каторжную работу—на Карійскіе золотые промыслы—назначается обыкновенно „хвосты убирать“. Хвостами называются тѣ пустыя, ненужные пески, которые остаются на разрывѣ послѣ промывки золота и отъ которыхъ золото уже отдѣлено: вода, унеся пески, какъ вещество легчайшее, и не сладивъ съ крупинками золота—веществомъ тяжелѣйшимъ, оставила ихъ осѣвшими на двѣ промывной жабоба. Уборка хвостовъ ѣли пустыхъ песковъ—работа каторжная и потому, что требуетъ усиленныхъ уроковъ и нѣкоторой поспѣшности, чтобы принять съ дороги старую ненужную дрянъ и дать мѣсто новой драгоцѣнности,—и потому хвостовая работа тяжела, главнымъ образомъ, тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ и не даетъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознание, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣ же животворные, ослѣдственные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рукъ существа разумнаго и мыслящаго. Этотъ трудъ на хвостахъ какъ будто даже бесполезно встраиваетъ физическія силы, и безъ того зна-

чительно истощенныя и, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрѣпляетъ дуга, не поддерживаетъ жизни его. Носить цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера пустыя пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго существеннаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности—дѣло равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того, сознание, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ песчаныхъ горъ, такъ называемыхъ отваловъ, сознание это безпредѣльно мучитъ и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самыя работы, которыя по всѣмъ правамъ принадлежать воламъ, лошадямъ, животнымъ.

Во всякомъ случаѣ, въ уборкѣ хвостовъ промысловые рабочіе полагаютъ настоящую, волость, тяжелую каторгу. Замѣчено тамъ, что новички, поступившіе на работу для уборки хвостовъ,—первый день выдерживаютъ ее, съ большимъ трудомъ исполняя полный урокъ; на второй день—за ними всегда остается недоимка и право наказанія за неуспѣхъ дѣла. Но если непредусмотрительный, малоопытный или истинный и горничій пристава, въ наказаніе за ууущеніе, рѣшитъ назначить новичка на хвосты въ третій разъ, то на четвертый день онъ смѣло можетъ вычеркивать всѣхъ тѣхъ арестантовъ изъ промысловыхъ списковъ. Къ такимъ заключеніямъ пришли сами пристава послѣ долгихъ наблюденій и многочисленныхъ опытовъ. Наблюденія эти и опыты слагаютъ одно заключеніе, даютъ одинъ общій выводъ, что уборка хвостовъ на золотыхъ промыслахъ—самое сильное и дѣйствительное наказаніе для провинившихся и, повторенное одинъ разъ, оно уже имѣетъ характеръ истинной каторги.

Солеваренная каторга была вся тяжела. Тяжела была больше всего для организма, которому представлялись многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заводахъ, построенныхъ на старомъ образцѣ: черно и грязно, старо и грубо. Прежде, когда гнали человѣческою силою разсолъ изъ соляныхъ источниковъ по желобамъ и поднимали бадьями въ бунфы посредствомъ насосовъ—солеваренная каторга была настоящая, тяжелѣе и мрачнѣе всѣхъ. Смыльные качали насосы на высокихъ каланчахъ иногда при 30° морозу, одѣтые въ казенную рвань. Насосы были первобытной формы, какъ на простыхъ баркахъ, однако, требовали, при каждомъ движеніи, силы и поклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. Разсолъ долженъ былъ пробѣгать по желобамъ непрерывно; платѣ на рабочихъ сначала мекло отъ брызговъ, по-

томъ замерзало. Рабочій, отбывъ свою сѣдну, все стоя на ногахъ, дѣйствительно побывалъ на каторгѣ. Тяжелая качалка такъ утомляла троихъ людей, обзаванныхъ урокомъ свыше ста раскачиваній, что они часто падали на мѣстѣ въ безпамятствѣ отъ крайняго истощенія силъ. Журавки были зашкены ручными насосами въ 1836 г. Къ насосамъ, для большаго облегченія работы, придѣланы маятники, — стало легче: балансиръ маятника стали потакивать отъ себя уже меньшее количество рукъ съ наименьшими усиліями; люди могли это дѣлать, сидя въ особо прилаженныхъ крытыхъ бесѣдахъ. Затѣмъ постарались (1838 г.) къ насосамъ приспособить лошадиную силу и двѣ лошади стали дѣлать то, что прежде производили двѣнадцать человекъ. Но и послѣ такихъ приспособленій для каторжныхъ осталось довольно мѣста, чтобы видѣть ясно, что силъ имъ не щадятъ и имъ тѣло почитаютъ не выше лѣсной гнилушки. Жаръ, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль въ громадномъ чрепѣ или сковородѣ, становится, во время горячихъ и спѣшныхъ работъ, до того тяжелымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скидывать съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того недоимны, что каждый рабочій обязанъ выбѣгать изъ варницы въ бревенчатую холодную пристройку, плохо вѣнующую и безъ печки, гдѣ, такимъ образомъ, ожидаетъ мокрое и потное тѣло рабочаго свѣжій, морозный, уличной температуры воздухъ. Многія варницы отъ неправильнаго устройства пролетовъ, накопили такой дымъ, что рабочіе, для направленія огня, не могли и по землѣ ползать. Въ вѣтряное время они задыхались, на лучшій конецъ добывались безвременнаго страданія и боли глазъ, до потери аппетита. Малѣйшій порѣзъ какого нибудь члена, при развѣзующихъ соляныхъ парахъ варницы, производилъ опасныя жгучія раны. Присоединяя къ нимъ неизбежную простуду, при быстрой и крайней переизмѣнѣ температуръ, мы встречаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочій выдерживалъ больше двухъ мѣсяцевъ: многіе уходили въ госпиталь, всегда наполненный болными ревматизмомъ, тифомъ, потерю аппетита. Но еще большее число рабочихъ, не успѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни, уходило въ лѣсъ и въ бѣга при первомъ благоприятномъ случаѣ, на какіе особенно былъ щедръ и богатъ иркутскій солеваренный заводъ или такъ называемое иркутское Усолъе. На немъ и по другимъ статьямъ каторжной жизни—примѣчательная неустойка. Казенный срокъ, назначенный для арестантской одежды, былъ крайне несостоятеленъ: таская сырую соль къ важаю на шестахъ, арестанты скоро изнашивали платье, такъ что за 80 к. сер., пола-

гаемыхъ въ мѣсяць, и признаковъ кѣтъ возможности обезопасить себя даже заплатами на прогнившіе дыры. Безъ воровства въ такихъ случаяхъ непроживешь и безъ пособія чужой и преимущественно казенной собственности (какова на этотъ разъ продажная соль) никакъ уже не обойдешься. Въ концѣ концовъ, все-таки кѣтъ возможности видѣть пушей шпеты и рвани, какъ на каторжныхъ рабочихъ солеваренныхъ заводоѣ.

На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣнилась, значеніе каторги своеобразіе. Тамъ круглый годъ тяжело было жиганамъ, обзаваннымъ подкладывать дрова въ печь и, стало быть, цѣлыя сутки стоять у огня въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты, около душливаго печного жара. Здѣсь значеніе каторги сходствовало съ тѣмъ, которое давала соляная варница и получала равнительное подобіе, когда припоминаю то обстоятельство, что каторжный рабочій—не вольнонаемный. По отношенію къ нему кѣтъ уже никакихъ уступокъ ни вынужденнымъ, ни естественнымъ: возвышенной платы онъ не требовалъ, отъ тяжелой работы не отказывался и не послѣлъ заявлять открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный человекъ, вольный рабочій, старожилый сибирякъ-крестьянинъ. Зимомъ, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга всею своею тяжестью налагала на заторщикова, обзаванныхъ чистить квашня, промывать въ нихъ прилившее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки знобило вѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочій, отъ пребывания въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣвалъ даже закуржавѣть, т. е. поврѣтаться инеемъ до подобія пушистой птицы. Послѣдствія известны врачамъ и даже дознаны на практикѣ: это постоянная дрожь во всемъ тѣлѣ, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала болные презираютъ, а оттого вгоняютъ ее въ тѣло глубоко и близая послѣднее къ гробовой доскѣ. Нерѣдко послѣдняя накрывала рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брага, прежде тѣмъ выходилъ оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія браги; рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми и холодными трупами.

— Въ теплую погоду (говорятъ намъ) заторщикамъ лучше, но за то тяжело бываетъ ледоколамъ и ледорѣзамъ (первые мелчаютъ льдины, для охлажденія чановъ съ дрожжами и сусломъ на рѣкѣ, вторые — на заводѣ). Постоянная сырость, всегдашняя мокрота гноятъ платье и, давая въ результатѣ почти тѣ же болѣзненные припадки, портила и ослабляла самый крѣпкій организмъ. Въ историческомъ очеркѣ каторжныхъ заведеній читатель увидитъ

и другія тяжести каторжаннаго сверла во всёхъ подробностяхъ (см. томъ III).

Винокурные заводы также были богаты побѣгами и не меньше всёхъ другихъ родовъ и видовъ каторги. Вся же каторга, мрачная по тому значенію и смыслу, что она подневольная и трудная, потому что не сулитъ никакихъ вознагражденій, становится невыносимою, когда рабочій, придя не домой, а въ казенную казарму, видитъ только одну наготу и босоту, видитъ безпредѣльное количество такихъ же точно дней и ночей впереди, безъ просвѣта и радостей. Рванная казенная тряпка отъ черноты и сырости, трудныхъ и тяжелыхъ работъ вѣшаютъ еще скорѣе, тѣмъ отъ надлежащаго употребленія, вопреки назначеніямъ и срокамъ урочныхъ положеній. Починяя ихъ насколько хватить терпѣнія, умѣнья и силы, каторжный рабочій знаетъ одно, что новое платье обяжетъ его новыми неоплатными казенными долгами, которые потянутъ заводское и промышленное начальство изъ ничтожныхъ заработанныхъ денегъ и, во всякомъ случаѣ, возьметъ свое изъ артельного капитала. Въ силу этого артельный капиталъ отъ такихъ вычетовъ всегда находится въ томъ положеніи, что представляетъ собою полное ничтожество. Между тѣмъ, ни это платье, не способное даже прикрывать наготу, ни ремесло или мастерство, приобретенныя на роднѣ и не приложимыя здѣсь за казенными работами, рабочаго не спасаютъ и ему не помогаютъ.

— Пошупаю ноги, посоветуюсь съ бывальными, улучу минуту да и прощай каторга! можетъ быть на всегда, но, во всякомъ случаѣ, на долгое время.

Вѣдутъ арестанты съ каторги не десятками, а сотнями.

Прислушавшись къ разсказамъ арестантовъ, присмотрѣвшись въ заводскихъ архивахъ къ оффиціальнымъ дѣламъ и бумагамъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ и частнымъ чертамъ всёхъ вообще побѣговъ изъ тюремъ и съ каторги. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, разсказывая о своихъ пожденіяхъ, бродяги обыкновенно старались обойти молчаливѣе начальную и основную причину несчастія, приведшаго ихъ въ Сибирь, увѣряя обыкновенно, что они сосланы за бродяжество, хотя бы и числялись въ сильно-каторжныхъ. Въ самохъ тохъ насъ поражало всегда изумительное гладнокровіе, не допускавшее увлеченія; мученіямъ своимъ на походѣ не придаютъ никакого никакой цѣны и значенія.

Изъ тюремъ бѣгутъ очень рѣдко (сравнительно) и стараются убѣжать только такіе арестанты, которые посажены на много лѣтъ и притомъ въ одлякую, тѣсную и душную темницу. „До чего доходило ихъ отчаяніе, стремленіе добиться свободы, выйтъ на вольный воздухъ!“ замѣчаетъ одинъ изъ наблюдавшихъ за

этимъ дѣломъ и продолжаетъ: „Нѣтъ конца разсказаніямъ объ этомъ: кто перепилилъ толстую желѣзную рѣшетку перочиннымъ ножомъ и спустился на изорванной въ полосы простынѣ; кто подрылся подъ полъ, выбрасывая землю щепотками въ оконцо, чтобы скрыть свою работу; кто ушелъ передоцѣпымъ; кто въ неволѣ открылъ на доступъ назначеніе египетскихъ пирамидъ; кто составилъ себѣ чернила изъ ржавчины отъ желѣзныхъ запоровъ и изъ крѣпкаго чая и намятомъ доскуткѣ бумажки, въ которой завернуть былъ этотъ чай, написалъ трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ. Опять иной, услылавъ отдаленный стукъ въ тюрьмѣ своей, заключилъ изъ этого, что у него есть сосѣди, отдѣленные отъ него толстыми каменными стѣнками. и, полагая, что одинъ изъ близкихъ ему товарищей, можетъ быть, содержится тутъ же, вздумалъ подать ему о себѣ вѣсть счетными ударами полевой щетки въ каменный полъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вызвалъ отвѣтъ. Товарищи поняли другъ друга и разговаривали такимъ образомъ, означая каждую букву такимъ числомъ ударовъ, сколько ей принадлежитъ счетомъ по занимаемому ею мѣсту. Но вскорѣ и третій, незванный собесѣдникъ, вмѣшался въ этотъ разговоръ и испортилъ все дѣло... Словомъ — конца нѣтъ этимъ крайне занимательнымъ пожденіямъ!“ — замѣчаетъ В. И. Даль (Кавказъ Луганскій) въ одномъ изъ своихъ разсказовъ.

Чернила изъ ржавчины съ чаемъ дѣлали тѣ изъ государственныгъ преступниковъ, которые въ 1825 году содержались въ двухъ крѣпостяхъ: петропавловской и шлиссельбургской. Судѣвшіе въ первой измыслили писать къ роднымъ исторію впечатлѣній недѣли, двухъ и даже мѣсяца и приловчились писать это въ такой сжатой формѣ и такимъ мелкобисернымъ почеркомъ, что на это потребовалось особое искусство и долгая подготовка. Всѣ впечатлѣнія надо было писать и можно было уписать единственно только на тѣхъ маленькихъ доскуткахъ бумаги, въ которые завертывались содовые порошки, выписываемые докторомъ для освѣженія (иной бумаги въ казематы не допускали). Судѣвшіе во второй крѣпости (шлиссельбургской) получали, съ дозволенія начальства, апельсины, а въ нихъ, вмѣсто сладкой мякоти, тщательно завернутыя кусочки писемъ, свѣжей и чистой бумаги, бумажныхъ деньги, чернила, перья и проч. Въ Петропавловской стукомъ въ полъ щеткою одинъ заключенный узналъ, что въ сосѣдствѣ у него находится авторъ „Горе отъ ума“, самъ, въ свою очередь, живущій въ близкомъ сосѣдствѣ (только за досчаткою перегородкою) съ евреемъ, содержателемъ почты между сѣвернымъ и южнымъ тайными обществами. О трусливомъ поведеніи еврея онъ успѣвалъ передавать товарищу столь забавныя свѣденія, что слушателю приходилось нѣсколько разъ сбиваться со счета ударовъ.

чтобы кататься со смѣху и, въ концѣ концовъ, узнать, что авторъ „Горе отъ ума“ возымѣлъ твердое намѣреніе, если освободится, написать новую комедію подѣ названіемъ „Жидъ въ тюрьмѣ“ (обѣщаніе, впрочемъ, не исполненное).

Переодѣтымъ уходилъ изъ Иркутскаго острога еврей во франтовскомъ костюмѣ для того, чтобы напутить въ благородномъ собраніи. Онъ побылъ тамъ, вынулъ изъ кармана прокурора сто рублей, столько же у председателя губернскаго правленія, у начальника края часы, но въ дверяхъ, уходя, столкнулся съ другимъ евреемъ, угрожавшимъ выдать его, если не подѣлится добычею. Подѣлвавшись чѣмъ успѣлъ, еврей-арестантъ направился на улицу, а тотъ, который остался въ собраніи, былъ обысканъ, когда спохватились обворованные, и указалъ на виновника. Полицейскіе бросились въ острогъ и въ тотъ секретный номеръ, изъ котораго ловкій воръ ушелъ въ собраніе и въ которомъ, вмѣсто себя, онъ положилъ охотника изъ арестантовъ. Видя номеръ занятымъ и повѣривъ обманному отвѣту допрошеннаго, полиція въ тюремныхъ воротахъ встрѣтила настоящаго жильца секретнаго каземата, подѣлвавшаго на извозчикѣ. Еврей оттого не угнѣлъ скоронить концовъ, что изъ собранія захватилъ въ кабакъ кутнуть, обмѣнявъ опасныя вещи на безопасныя деньги. Столкнувшись съ полиціею въ воротахъ, онъ успѣлъ выбросить вещи и деньги.

О примѣненіи египетскихъ пирамидъ мы рассказали (см. стр. 47), о всѣхъ же другихъ примѣнахъ, приспособляемыхъ къ побѣгамъ изъ тюремъ, въ сибирскихъ лѣтновсѣхъ имѣются слѣдующія несомнѣнныя данныя.

Какъ всѣмъ извѣстно и какъ мы сказали сейчасъ, въ сибирскихъ тюрьмахъ существуетъ одиночное заключеніе, которое понимается тамъ обыкновенно, какъ временная мѣра наказанія и только для закоренѣлыхъ и несправныхъ злодѣевъ. Заточеніе это, къ несчастью, до сихъ поръ сопровождалось приковываньемъ на цѣпи.

Одинъ изъ такихъ „дѣльных“ лежалъ съ цѣпью въ госпиталѣ большого Нерчинскаго завода, когда еще содержались при этомъ заводѣ ссыльные. „При осмотрѣ утромъ одного дня“ на койкѣ больного нашли одну цѣпь и замокъ; „внутри замка, за пружины, зацѣпленна была петля, ссученная изъ холщовыхъ нитокъ, надерганыхъ изъ простыни“. Бѣглый, какъ видно по дѣлу, не найденъ, но сторожа-солдаты получили каждый по 50 ударовъ палками.

Въ томскомъ острогѣ содержались два арестанта въ секретныхъ казематахъ. Подѣ окномъ, у наружной стѣны, по обыкновенію, находилась часовая. Однажды одинъ изъ этихъ часовыхъ замѣтилъ, что надъ головою его пролетѣло что-то тяжелое и бѣлое. Едва онъ успѣлъ омоняться, какъ опять пролетѣло что-то другое, но также бѣлое и тяжелое. Это что-то

на этотъ разъ показалось ему человѣкомъ. Часовой смекнулъ и выстрѣлилъ, но сдѣлалъ это въ торопяхъ, наугадъ, однако, произвелъ шумъ, вызвавъ тревогу. Прибѣжалъ караулъ, сбѣжались люди, охотники до всякаго скандалова, сдѣлали облаву, обыскали всѣ окрестныя мѣста. Подѣ тюремной стѣны нашли голаго человѣка съ переломленною ногою. Голой человѣкъ оказался однимъ изъ секретныхъ арестантовъ: тѣло его было намазано саломъ, чтобы довѣе могло оно выскользнуть изъ рукъ преслѣдователей. То же сдѣлалъ, по его словамъ, и товарищъ его; и оба они вмѣстѣ изрѣзали казенное платье на ленты, изъ суконыхъ лентъ скрутили веревки, веревки приладили къ рѣшеткѣ, а рѣшетка была подпалена. Спускаясь внизъ, арестанты въ это время предварительно рассчитывались для того, чтобы усиленный розмахъ далъ имъ возможность перелетѣть черезъ стѣну, которая приходилась вблизи каземата. Пойманному не повезло: онъ прыжкомъ на землю по ту сторону стѣны, онъ получилъ опасный вывихъ; товарищъ его успѣлъ—такъ бѣжать, но вскорѣ былъ пойманъ, узнавъ и приведенъ на допросъ. Спрашивали:

— Гдѣ ты былъ въ то время, когда сдѣлана облава и вся околѣность острога оцѣплена? дальше бѣжать было нельзя и некуда.

Отвѣчалъ:

— Я сидѣлъ все время въ колодцѣ. Идутъ солдаты около, я окунаюсь въ воду, голову спрячу; они отойдутъ, я голову высуну и надышусь. Одежду бросилъ мнѣ съ возу пробѣжій крестьянинъ.

Вопроса о томъ, какими образомъ была переплелена рѣшетка, я быть не могло: одинъ изъ бѣжавшихъ арестантовъ былъ портной и, по занятію своему и съ дозволенія начальства, имѣлъ приличные своему ремеслу инструменты. При осмотрѣ покинутого имъ наперстка нашли тутъ иглу, сдѣланную изъ часовой пружины и тщательно мастерски сложенную и уложенную.

Въ омскомъ острогѣ одна арестантка рѣшилась бѣжать изъ секретнаго каземата, уловивъ ту минуту, когда подѣ тюремнымъ окномъ ея проходила корова. Баба рассчитала прыжокъ свой такъ ловко, что угодила животному прямо на спину. Испуганное животное понесло бѣглую отъ сторожей и преслѣдователей, но не унесло далеко.

Въ омскомъ же острогѣ мы видѣли арестанта—сухого какъ жимолость, цѣпкаго и легкаго какъ обезьяна, который сумѣлъ пролѣзть изъ ретграднаго мѣста въ узкую щель, оставленную между сосѣдними стѣнами и не задѣланную въ томъ предположеніи, что щель эта не представляла опасности. Водосточная труба помогла ему изъ второго этажа спуститься на дворъ, со двора подняться на крышку стѣны, окружающей всѣ острожныя строенія, и про-

браться на нее по водосточной трубѣ сарая. Всѣми своими маневрами арестантъ привелъ слѣдователей и свидѣтелей въ замѣненіе и возбуждѣ въ первыхъ недоумѣніе. Чтобы убѣдить въ истинѣ интросплетенныхъ показаній, бродяга не затруднился повторить эту операцію во второй разъ и, на глазахъ чиновниковъ, продѣлавъ свой фокусъ съ прежнимъ блескомъ, со всею ловкостью акробата, опытнаго и бывалаго. Между тѣмъ, этотъ бѣглецъ былъ не старше 15 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ по роду жизни и сословію къ мѣстнымъ мѣщанамъ.

Всѣ эти случаи указываютъ на смѣлость въ сочиненіи замысловъ, иногда доходящую даже до дерзости. Въ одиночку бѣгутъ весьма рѣдко. Побѣги изъ тюремъ задумываются обыкновенно нѣсколькими арестантами, приводятся въ исполненіе маленькою артелью, которая также, какъ и всякая другая артель, атаманомъ кружка, т. е. предполагаетъ зачинщика и руководителя. Въ большей части случаевъ, это—бывалый и опытный, т. е. бродяга. Успѣхъ побѣга, обыкновенно, обеспечиваютъ сторонніе пособники, участники замысла или по подкупу, или потворству, нерѣдко по глупости и тупости сторожей, между которыми особеннымъ ретозвѣстствомъ отличаются казаки изъ бурятъ.

Мудрено найти бѣжавшаго арестанта, знающаго всѣходы и выходы, но не мудрено различить во всей этой сумятицѣ тюремнаго дѣла главныхъ виновниковъ, подкупныхъ и привычныхъ, глуповатыхъ и тертыхъ, умѣлыхъ и напутанныхъ показаній, готовыхъ и на наказаніе рогами, тѣмъ болѣе, что рѣдкій изъ этихъ сторожей самъ не бѣтъ уже шпицрутенами гдѣнибудь въ Россіи. Тюремная исторія также обильно наполняется побѣгами и мы надѣемся впоследствии доказать и то, что если и вѣются въ Россіи такіе мѣстности и города, гдѣ правительствомъ признано влишнимъ содержать тюрьмы (какъ, напр., въ Березовѣ Тобольской губерніи), но за то вездѣ, гдѣ постоянно содержатся въ тюрьмахъ арестанты—изъ тюремъ этихъ бѣгутъ. Скажемъ больше: можно смѣло биться объ закладъ, что нѣтъ въ Россіи ни одной тюрьмы, изъ которой не сдѣлано бы было побѣговъ.

Какъ ни кружка та или другая тюрьма, какъ ни слабо значеніе всѣхъ сибирскихъ трактовыхъ пересыльных тюремъ, какъ мѣсть временнаго заключенія (на небольшое число подсудимыхъ и на большое пересыльныхъ арестантовъ), побѣги этихъ тюремъ относительно рѣже. Побѣги отсюда не представляютъ такого интереса и не встрѣчаютъ такой трудности, какими живуть и дышутъ настоящіе каторжные нерчинскія тюрьмы.

Отъ каторги бѣгутъ несравненно въ большемъ числѣ, хотя отчасти при тѣхъ же условіяхъ, т. е. не столько изъ самыхъ казематовъ, сколько

ко съ работъ, не столько въ одиночку, сколько въ товариществѣ. Здѣсь уже не выжиданіе перваго благопріятнаго, подвернувшася подъ руку случая, а систематическое знаніе, направленное давнишнюю подготовкою и умѣньемъ. На этотъ разъ уже и причины другія.

Изъ пересыльной тюрьмы бѣжить арестантъ, какъ малый ребенокъ, куда—и самъ не всегда хорошо знаетъ. Бѣжить оттого, что въ заточеніи жить не хорошо, не нравится ему, авось въ лѣсу будетъ лучше, авось оттуда и удасться куда нибудь выбраться. Онъ бы и не бѣжалъ, если бы не сманивали товарищи, не умбались поощрительно на побѣгъ сторожа и приставники. Говорать, что за тюрьмою все лучше. За бѣглымъ не гоняются, а еще лѣбкомъ кормить, да и не Богъ вѣсть что сдѣлаютъ, когда изъ бѣговъ поймутъ. Можно тогда сказаться непомнящимъ, поступить въ это хваленое и доstopочтенное званіе, которое у насъ имѣетъ такое широкое приспособленіе. Бѣглаго изъ пересыльной тюрьмы скоро ловятъ, его слабѣе наказываютъ; самое большое преступленіе его въ бѣгахъ—мелкое воровство, пьянство. Онъ нерѣдко самъ является на судъ и кается. Одинъ такой и въ томъ же Тобольскѣ, весной 1863 года, не пришелъ въ острогъ съ работъ съ двумя другими. Поздно вечеромъ онъ стучался въ острожныя ворота и былъ впущенъ на общій смѣкъ арестантамъ и для показанія на допросѣ о томъ, что двое товарищей его бѣжали, что самъ онъ нашлся вмѣстѣ съ ними, но покрѣпче ихъ, пьянымъ выпался въ кустахъ, утромъ опохмѣлился, денекъ погулялъ, а теперь вотъ и пришелъ домой, не зная, куда идти и чего искать ему въ бѣгахъ. Другихъ ловятъ и уличаютъ: въ 1851 г. въ тобольской тюремной книгѣ записано: „Расходчикъ по экономической части Петръ Андреевъ, 9 декабря, въ 11 часовъ по полуночи, идя въ острогъ, увидѣлъ впереди идущаго арестанта безъ конвоя, но что несъ, не пригвѣтно. Войдя во дворъ, спросилъ: куда онъ ходилъ? Тотъ сознался, что только сходилъ въ питейный домъ и выпилъ вина $\frac{1}{4}$ штофа съ позволенія часового, стоящаго у воротъ, который его, какъ впередъ, такъ и обратно, пропустилъ“. Арестантъ былъ татаринъ. Часовой показывалъ, что къ будкѣ его пристушило много арестантовъ и онъ не могъ усмотрѣть, когда прошелъ одинъ изъ нихъ, но „почему онъ допустилъ большое скопище арестантовъ къ посту своему, объ этомъ доказать не могъ“. Арестанты такой категоріи даже не отвыкли еще путать другихъ, не учились скрывать своихъ пристаней; они еще оговариваютъ своихъ благодѣтелей, официально называемыхъ приставодержателями. Они еще не умѣютъ прятаться такъ, чтобы удвѣлять находчивостью судебныхъ слѣдователей и тюремныхъ дозорщиковъ.

Не таковы бѣглыя съ каторги: тертый калачъ, мятые бока, варнакъ — по сибирски, чалдофъ—по каторжному. У этого другая цѣль и другая своровка, иные пути, которые намѣчены кѣрно и ладно и твердо изучены. Онъ на нихъ не заблудится, его не спугаетъ никакой законникъ, не запугаютъ никакія труппы, ни географическія, ни юридическія. Варнакъ беретъ за дѣло побѣга, какъ за важное и политическое; онъ, какъ артистъ, сѣло постоитъ за свое искусство: и въ лѣсу онъ, какъ рыба въ водѣ, а въ ремеслѣ своемъ, какъ виртуозъ и мастеръ. Вѣглеца тюремнаго поимутъ два-три человѣка только для вида, ради службы и начальства, да и само начальство на такихъ невинныхъ гулякъ одною рукою машетъ, а другою вычеркиваетъ ихъ имена изъ списковъ содержавшихся и помѣщаетъ въ числѣ бѣжавшихъ. Но бѣжить варнакъ, бѣглець съ каторги, за нимъ для поимки обивается и посылается цѣлая облава конныхъ и пѣшихъ, отправляются впередъ и назадъ, во всѣ стороны, кучи повѣстокъ и извѣщеній. Вѣжаль изъ карійской тюрьмы Иванъ Петровичъ Дубровинъ и черезъ часъ объ этомъ знали всѣ обитатели всѣхъ четырехъ промысловыхъ селеній; на всѣхъ, безъ изятія, напалъ панической страхъ: тревогу били, по ночамъ не спали, всѣ словно ждали какого-то дѣла и чуда. На четвертый день Дубровинъ не замедлил выказаться: онъ убилъ въ одной изъ крайнихъ лѣвъ одного изъ промысловыхъ селеній женщину съ двумя малютками ни за что, ни про что, изъ одного желанія потѣшить свою злодѣйскую душу. Приходилъ онъ втроемъ и далеко не ушелъ отъ каторги, а грабилъ потому съ наикомъ своею всѣхъ живущихъ, проживающихъ и проходившихъ по рѣкѣ Шиякѣ. Когда поймали Дубровина, то мало того, что приковали на цѣль, ему надѣли еще на руки лису*), чтобы и подниматься съ мѣста ему было трудно. А такихъ, какъ Дубровинъ, на истинной каторгѣ не мало. Но объ нихъ потому, о другихъ—теперь.

За Байкаломъ живетъ въ народѣ преданіе, что Петровский заводъ преимущественно богатъ побѣгами, что тамъ у тюремныхъ сидѣльцевъ ведется особенный обычай бѣгать изъ тюрьмы на уру, не въ одиночку, а цѣлыми огуломъ. На сколько справедливъ первый слухъ, доказываютъ намъ архивныя бумаги, которыя зачастую говорятъ одно и то же, что „всѣхъ здѣшнихъ мѣсть гораздо богѣе чинятся побѣги въ лѣтнее время изъ Петровскаго завода“. На сколько справедливъ второй слухъ, архивныя дѣла не даютъ для того опредѣленныхъ данныхъ, но народные рассказы настойчиво увѣряютъ въ томъ, что побѣги „на уру“ производились отсюда довольно часто. Арестанты при этомъ,

*) Лиса—желѣзная полоса въ полтора или два пуда вѣсомъ.

чтобы устранить наблюденіе и привести въ смятеніе конвойныхъ, кричатъ всею казармною „ура“, какъ на сраженіи: надо цѣпь пробить, а тамъ уже легко станеть, тамъ либо палецъ, либо палецъ. Рѣшившіеся бѣжать, по знаку того, который поднималъ рѣшетку и мигнулъ соулмикамъ, хватаются за собственныя рубашки, рвутъ ихъ на клочки, обматываютъ этими тряпками кандалы (чтобы не стучали) и бѣгутъ черезъ окно, предполагая, что товарищи ихъ, рѣшившіеся остаться, криками „ура“ отвлекутъ на себя вниманіе стражи. Сами бѣглецы, въ то же время, производятъ тотъ же крикъ вслѣдъ за другими. Подобныя попытки—прибавляютъ народные рассказы—всегда вѣнчались полнымъ успѣхомъ и конвойные не могли хватать бѣглецовъ также по тому обстоятельству, что голые арестанты успѣвали предварительно намазывать все тѣло свое саломъ или масломъ. Архивъ Петровскаго завода, при тщательномъ просмотрѣ, не подтвердилъ народныхъ слуховъ, которые, обыкновенно, складываются въ преданіе и въ цѣльный рассказъ изъ множества частныхъ случаевъ, но, вѣроятно, слухи эти имѣютъ основаніе въ быломъ, не занесенномъ въ официальную бумагу изъ личныхъ расчетовъ и соображеній начальства (чего не бываетъ на каторгѣ!). Тѣмъ не менѣе, архивныя дѣла Дучарскаго завода (теперь упраздненнаго) представляютъ одинъ неподобный случай, доказывающій, что побѣги огуломъ, во многолюдствѣ бѣглецовъ — не мнѣе, который, во всякомъ случаѣ, могъ служить поводомъ и лезъ въ основаніе народной легенды. Дѣло случилось 8 іюня 1815 года. Изъ тюрьмы сдѣланъ былъ капитальный и серьезный побѣгъ: мѣль двадцати заключенныхъ бѣжало четырнадцать человѣкъ. Событіе это обставилось такими подробностями.

При дучарской тюрьмѣ, на всякія потребности и нужды, находилось восемь человѣкъ караульныхъ солдатъ. Передъ тѣмъ, какъ посадить всѣхъ этихъ арестантовъ на цѣпь, четверо солдатъ отворили рѣшетчатую дверь, а за нею и тюремную, ведущую въ казематъ. Не успѣли солдаты опомниться, какъ арестанты накинулись на нихъ всею массою. Сначала захватили четырехъ переднихъ, а вслѣдъ затѣмъ и остальныхъ четырехъ, заднихъ. У тѣхъ и другихъ цѣпные арестанты отняли тесаки, вырвали штыки изъ ружей, связали всѣхъ крѣпкими веревками и занесли за рѣшетку. Четырехъ переднихъ, сверхъ того, избили полѣньями; утерья офицера связаннымъ бросили въ уголъ казармы. Четырнадцать арестантовъ, выйдя изъ каземата, валомъ въ снѣгахъ чуланъ, взяли тамъ ружья, патроны и порохъ. По мѣрѣ того, какъ проходившіе обходомъ солдаты являлись въ тюрьму, ихъ также вязали и сажали къ прочимъ за рѣшетку. Сигналы подавалъ и приказанія кричалъ одинъ изъ нихъ. Затѣмъ, когда всѣ ка-

раульные были перевязаны, всё четырнадцать скрылись. Пришли урочные часы сбывам. К дверям тюрьмы явился свѣжій часовой, ничего не сбывавшій, ничего не подозрѣвавшій. Расположившись у дверей, часовой слышит разговоры, прислушивается: голоса выходят глушіе, изъ подполья. Часовой спрашивает:

— Кто въ подпольѣ?

— Унтеръ-офицеръ Плотниковъ.

Съ трудомъ открываютъ на-глухо заколоченную заднюю подполья, выпускаютъ оттуда 18 человекъ солдатъ, а затѣмъ бьютъ тревогу въ заводскій колоколъ. На набатъ сбѣгаются народъ; сбиваютъ облаву, дѣлаютъ окольный обыскъ, но безуспѣшно. Въ Уровское правленіе скачетъ нарочный оповѣстить о принятіи должной осторожности и съ приказаніемъ „немедленно отправить людей, сколько можно для поисковъ“. Правленіе снаряжаетъ также облаву: 12 человекъ вооруженныхъ крестьянъ идутъ на охоту и, соединившись съ заводскою командою, преслѣдуютъ бѣглыхъ варнаковъ къ пади (горной долинь), называемой Широкою, устьемъ своимъ выходящей къ рѣкѣ Урову. Въ пади этой сдѣлались прѣвѣтны слѣды: вмятая трава, пеньки отъ свѣжыхъ тѣлѣнъ, на слѣдахъ видятъ и самыхъ бѣглецовъ. Завязывается перестрѣлка: у одного крестьянина, на первыхъ выстрѣлахъ, подстрѣлена лошадь и убитъ на повалѣ одинъ бѣглый. Тѣмъ и кончилась вся эта встрѣча, не имѣвшая, по неудобству мѣстности, большого успѣха. Между тѣмъ, наступила ночь: осмысленные разсмыслились по непроходимымъ чащамъ. На другой день искали ихъ опять, но не нашли, а только черезъ три дня поручикъ Рикъ началъ на слѣды. Шесть человекъ бѣглыхъ скрыты были въ сѣнѣ уровскаго зимовья крестьяниномъ, взявшимъ съ бѣглыхъ за печеный хлѣбъ 10 рублей. У деревни Подзерной, въ колкѣ *, поручикъ Рикъ завязалъ съ бѣглецами перепалку; четырехъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, троихъ захватилъ живыми. Остальныхъ на этотъ разъ найти не могли и уже черезъ пять дней поймали ихъ на воровствѣ, на мельницѣ. Когда бѣглецы вырвались и побѣжали, снаряжали за ними погоню и въ пади Каменкѣ опять завязали съ ними перестрѣлку. Еще двое бѣглыхъ были убиты, третій скрылся въ густой трещѣ гѣса и его ни убить, ни схватить не могли...

Таковы подробности едва ли не самаго большого побѣга изъ всѣхъ нерчинскихъ тюремъ. На немъ какъ будто оборвались, загнувшись, всѣ другія попытки подобнаго рода. Отчаяніе каторги искало другія пути, заключенные производятъ другія вылазки, скромныя и подспудныя.

*) Колкѣ—сырое мѣсто въ пади съ густою растительностью, среди слабой растительности въ окрестностяхъ.

Задумавъ побѣгъ, арестанты нерчинскихъ тюремъ, прежде всего, хлопчатъ о запасѣ, предварительно смотрятъ на конецъ, не забываютъ особенно о началѣ. Оно въ свое время объявится само и по большей части удачно обставленнымъ готовыми средствами, рѣдко неожиданными и случайными. Заручаясь новою, свѣжею, не рваною одеждою, арестанты, въ то же время, затачиваются въ неоплатные казенные долги, которые въ круговомъ расчетѣ дѣлаютъ черезъ то побѣгъ неизбежнымъ и единственно средствомъ очистить свою чадонскую совѣсть и покончить расчеты съ тяжелой каторгою. Обыкновенно, эта хлопотливая заботливость о запасѣ теплой и новой одежды принимается соузниками за сигналъ на молчокъ. Вторымъ яснымъ признакомъ твердо высказаннаго рѣшенія признается то, когда задумавшій побѣгъ начинаетъ заводить особенную пріязнь съ тѣми товарищами, которые завѣдуютъ съѣзными припасами, и съ тѣми каторжными бабами, которыхъ завѣдуютъ кухней: близкія интимныя отношенія, наскоро славиваемыя и на время устанавливаемыя при помощи водки, считаются въ особыхъ случаяхъ достаточно обезпечивающими средствами. Сношенія эти въ тюрьмахъ, гдѣ рука руку моетъ и оттого обѣ бываютъ чисты, не трудны и передъ закономъ дружбы неизмѣнно святы и состоятельны. Дѣло славивается очень скоро, безъ задержки даже и на такомъ тормазѣ, который, по смыслу казенныхъ учреждений, поставляется въ лицѣ арестанскаго старосты. Староста—свой братъ, самъ не разъ уже вкушавшій сладость побѣга и не разъ уже отвѣдавшій бродяжяго бранна. Онъ это дѣло понимаетъ и дѣлу этому никогда не противникъ; такихъ уже людей и выбираютъ арестанты въ это званіе. Къ тому же опытный бѣглець съумѣетъ самъ ловко повести дѣло и никого не затанетъ въ тину допросовъ и слѣдствій, самъ все праметъ на себя и копны запрячетъ. Имѣющій намѣреніе бѣжать готовъ сократить свой паекъ, ѣсть очень мало, порціи свои копять, не беретъ изъ кухни ни хлѣба, ни мяса. Приспѣетъ часъ, онъ выпроситъ то и другое гуртомъ: хлѣба ковригу фунтовъ въ 25, мяса полоть со свою голову; возьметъ все это и спрячетъ. Спрячетъ онъ добро свое въ корзину, безъ которой ни одна тюрьма ни живетъ, да и жить не можетъ. Коронюшка затѣмъ и по тайное мѣсто, чтобы ни одинъ дозорщикъ не осквернилъ ее своимъ нелегкимъ чернымъ глазомъ. Хоронюшекъ этихъ въ каторжныхъ (да и во всякихъ) тюрьмахъ больше, чѣмъ въ окольныхъ гѣсахъ лисьихъ и собольихъ норъ. Деревянная тюрьма, каковыми бывають всѣ собственно каторжныя тюрьмы, удобнѣе для такого рода тайничковъ тюрьмы каменной.

Коронюшки эти, обыкновенно, устраиваются въ подпольѣ, по большей части около печей

или за печками, под позовицами, съ ловко прилаженными и замаскированными покрывками. Въ каменных острогахъ (каковы губернскіе и уѣздные пересыльные) хоронущи дѣлаются въ самыхъ стѣнахъ. Въ томскомъ, напр., въ одномъ мѣстѣ, около наръ, стояло только вынуты кирпичи, чтобы увидѣть огромную пустоту, вѣкогда (при постройкѣ), вмѣсто щебенки и кирпичей, наполненную щепами. Щепы отъ времени и сырости сгнили и образовали огромную хоронущу, въ которую могла свободно помѣститься вся громадная острожная собственность. На этотъ разъ въ ней сберегались инструменты всякаго рода, посуда съ водкою въ стеклянныхъ сосудахъ всѣхъ общепринятыхъ величинъ, ножи, карты, табакъ и проч. Тайникъ этотъ закрывался лѣжно-прилаженною доскою, покрашенною тою же краскою, какаа желѣла на стѣнахъ. Въ тобольскомъ острогѣ у одного изъ прикованныхъ на цѣпь нашли такой же тайникъ въ стѣнѣ напротивъ печи и въ немъ три ножа, два подпидва, зубрילו, шило, 5 оловянныхъ и жѣдныхъ печатей и кнѣзья всякаго рода бумаги. Въ тюменской тюрьмѣ, въ култѣ подъ клавнѣю, нашли вѣсколько вынутыхъ кирпичей для пустоты, въ которой пряталась водка, и такъ далѣе—въ безконечность...

Заручаясь, такимъ образомъ, съѣстными на первые, самые трудные дни побѣга, арестанты скопляютъ въ неопредѣленные сроки и деньги. Для таковыхъ хоронущи устрояются около себя и деньги зашиваются въ воротѣ рубашки, въ воротѣ казенной куртки, гдѣ ибудь въ полушубкѣ, подъ стельками, въ подошвѣ сапога и въ выдолбленныхъ каблукахъ его. Тогда весь секретъ состоитъ только въ томъ, чтобы уберечь накопленное отъ воровскаго глаза, ибо, какъ извѣстно, тюрьма собственности не признаетъ и воруетъ на обѣ руки и всякими способами. Чтобы вѣрнѣе увеличить кошечку новымъ приращеніемъ, арестантъ ложится въ госпиталь, не беретъ денегъ на пищу, наполняетъ ее въ заработанныхъ грошахъ за предыдущіе мѣсяца на текущіе, и, во всякомъ случаѣ, на больничной койкѣ онъ въ лучшіе условія, чѣмъ былъ на казарменныхъ нарахъ, гдѣ, какъ извѣстно, раскладываютъ карточный майданъ, соблазняютъ виномъ и винными сластями.

Такъ или иначе, бывалый арестантъ безъ денегъ и провязанъ съ каторжнаго мѣста не снимается. Самый опытный и не одинъ разъ бывалый уходитъ изъ тюрьмы одинъ: всѣ остальные, и въ большей части случаевъ, подговариваютъ товарищей—спутниковъ, а новичекъ нуждается въ вожакѣ: „безъ загвѣвалы-де и пѣсня не поется“. Для побѣга выбираютъ всегда теплую пору и бѣгутъ обыкновенно весной, когда закукуетъ кукушка (отсюда и

выраженіе: „идти на вѣсти къ Кукушкину генералу“ или „кукушку слушать, какъ поеть“). Бѣгутъ во множествѣ лѣтомъ, рѣже къ осени и холодному времени, и только отчаяніе и дерзкая рѣшимость уводятъ арестантовъ холодами на земліе палачіе мороза *). Во всякомъ случаѣ весеннее время и лѣтняя пора всего больше красны на каторгѣ побѣгами даже и изъ такихъ тюремъ, оттуда бѣгутъ всего меньше, каковы Карійскія.

Самый побѣгъ для каторжныхъ, когда готовы всѣ путевые запасы, не мудренъ.

— Выла бы охота (говорить сами бродяги), а на что—такъ надо спрашивать—человѣку и голова въ плечи ввинчивается?

— А на что я солдаты такіе къ намъ представлены, что либо плутъ хуже нашего, либо такой, что только сван итъ вбивать. Слушайте!

Года два тому назадъ (т. е. въ 1859 году). на одномъ изъ карійскихъ промысловъ послано было вѣсколько человекъ арестантовъ на работу. При итъ, по уставу и обычаю, находились конвойные: одинъ изъ штрафныхъ солдатъ, назначенныхъ на Амуръ, но перевернутыхъ въ забайкальскіе казаки, а другой—молодой паренъ изъ тѣхъ старожилыхъ заводскихъ крестьянъ, которыхъ въ 40-хъ годахъ переименовали въ казаки по имени только, но не на самомъ дѣлѣ.

Пришли арестанты съ конвойными на работу. Солдатъ изъ штрафныхъ говоритъ товарищу, конвойному изъ казаковъ:

— Поди-ко, землякъ, зачерпни водицы, что-то отъ шей нутро жжетъ, а я посмотрю за арестантами. Да шинель-то сними, а не то въ офицера наткнешся: обругаетъ и изобьетъ; въ отвѣтъ будемъ оба.

Тотъ такъ и сдѣлалъ: сходилъ на Кару за водой, вернулся назадъ. Сидятъ на старомъ мѣстѣ одинъ арестантъ.

— А другіе гдѣ?

— Да гулять ушли, тебя не спросились.

— Какъ такъ?

*) Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ въ подтвержденіе нашего свидѣнія хроника Петровскаго завода о числѣ бѣжавшихъ, среднимъ счетомъ, по мѣсяцамъ: въ январѣ изъ ссыльно-каторжныхъ 2, въ февралѣ 10, въ мартѣ 4, въ апрѣлѣ 65, въ маѣ 35, въ іюнѣ 32, въ іюлѣ 21, въ августѣ 10, въ сентябрѣ 28, въ октябрѣ 11, въ ноябрѣ 12, въ декабрѣ ни одного. Числовые данныя побѣговъ по другимъ тюрьмамъ идутъ почти въ той же прогрессіи, на замѣненіе которой, конечно, нѣтъ вліяніе климатическія условія. До нѣкоторой степени эти цифры можно считать барометрическими указателями, что такой-то зимній мѣсяцъ въ такомъ-то году былъ крѣпко морозенъ и такой-то весенній былъ также холоденъ, какъ въ данномъ прикѣрѣ мартъ и декабрь. Устоявъ декабрь съ оттепелями—цифра побѣговъ подвѣглась; бѣжало много въ январѣ—значитъ, теплый стоялъ, и тому подобно.

— Да этакъ! И я бы съ ними ушелъ, крѣпко ввали, да отдумалъ. Имъ-то было вдоль по каторгѣ (т. е. безъ срока), а мнѣ вотъ года два до конца осталось, не стойт!

— А шинель моя гдѣ?

— Затѣмъ-то тебѣ ее и оставить велѣли, что шинель твоя на одного арестантѣ по-ступить должна, на рыжого-то. На него она и погушила, повѣрь мнѣ!

Вскорѣ прошли на промыслахъ слухи, что идетъ-де по почтовому торному тракту, днемъ и ночью, по направлению къ городу Читѣ, одинъ солдатъ съ сумою и съ ружьемъ и ведетъ съ собою трехъ арестантовъ.

— Куда-де, землякъ?—спрашивалъ купецъ, поставившій на арестантовъ муку.

— Вотъ въ Читѣ на допросъ арестантовъ веду.

Черезъ двѣ недѣли палъ новый слухъ отъ другого торговца, вернувагося съ Верхнеудинской армарки: идетъ-де солдатъ подъ Верхнеудинскомъ и ведетъ съ собою только одного арестанта. Ведетъ онъ его также на допросъ, какъ самъ сказывалъ, въ Верхнеудинскъ, изъ бѣговъ-де поймалъ.

— Такъ и увести (думали на Карѣ), увести и самъ уйдетъ бѣглый солдатикъ съ бѣглымъ арестантомъ прямо въ Россію или куда имъ надо, гдѣ имъ лучше понравится, если не попадутъ на какойнибудь рожонъ. Да едва ли-де: въ Сибири дороги тоже горныя живутъ, да и глухи бываютъ, кромѣ купцовъ и провѣду почти никому нѣтъ; кромѣ бродягъ да бѣглыхъ съ заводовъ и прохожихъ другихъ не видать, да разъ въ недѣлю арестантская партія кандалами прозвонитъ; обозы чайные тоже не во всякое время ходятъ. По дорогѣ простору много.

Случай въ Читѣ сдѣлался явѣстнымъ даже въ Петербургѣ.

Тамошніе гарнизонные солдаты не только выпускали на ночь арестантовъ, но и сами ходили съ ними на грабежъ въ городѣ и сосѣднихъ селеніяхъ. Передъ свѣтомъ аккуратно возвращались: одинъ на часы, другой въ заточеніе. Виновныхъ велѣно было строго наказать, но наказаніе не остановило преступленія. Солдаты снова произвели нѣсколько кражъ и украденныя вещи спрятали на гауптвахтѣ; офицеры оказались по слѣдствію потворщиками. Еще въ 1836 году генералъ-губернаторъ Вроневскій свидѣтельствовалъ, что правдивость тѣхъ казавовъ, которые обращались при полиціи и въ частомъ прикосновеніи со ссыльными, была рѣшительно потрясена.

Вываютъ на каторгѣ другія дѣла и другого рода и вида побѣги, когда одинъ старается перехитрить другого, не разбирая (какъ въ данномъ случаѣ) того, что валитъ этого другого себѣ подъ ноги, въ яму. Такъ какъ борьба эта ведется на взглядъ и на счастье, почти въ

темную, то и ходы ея разнообразны и мудрены до того, что понять ихъ и услѣдить за всѣми ставками нѣтъ почти никакой возможности. Сами бродяги таятся, слѣды свои тщательно прятуютъ, рѣдкіе рассказываютъ кое-какія подробности, но всегда, конечно, оставляютъ про себя и для товарищей всю суть и всю подноготную. Самое вѣроятное и неоспоримое одно только, что каторга даетъ обильное количество побѣговъ.

Всѣхъ бѣглыхъ по всему Нерчинскому округу за 10 лѣтъ (съ 1847 по 1857 годъ) считалось 2.841 человекъ такихъ только, которые за побѣги наказаны были на заводахъ. Сверхъ того, бѣжало еще 22 женщины, которыя были пойманы и также наказаны на заводахъ. Къ 1 января 1859 года, т. е. за 11 лѣтъ, во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ считалось въ бѣгахъ невозвращенными: 508 человекъ горныхъ служителей и 3.104 ссыльныхъ и ссыльно-каторжныхъ, такъ что, по сравненію съ количествомъ всего осланнаго населенія, въ бѣгахъ ровнио 24%. Таковъ учетъ общаго горнаго управленія въ валовыхъ цифрахъ. Частныя исчисленія также краснорѣчивы, хотя мы и придерживаемся цифры собственно ссыльно-каторжныхъ и не принимаемъ въ расчетъ поселенцевъ (объ этомъ дальше, въ своемъ мѣстѣ). Знаменитый Петровскій желѣзодѣлательный заводъ, единое изъ дѣтищъ того же Нерчинскаго горнаго округа, тоже считалъ свою усышку и утечку. Къ 1-му сентября 1851 года у него нашлось въ бѣгахъ, тоже въ десятилѣтней сложности, всѣхъ бѣглыхъ 740 мужчинъ и 5 женщинъ. Къ 1-му января 1852 года (т. е. въ два осеннихъ и одинъ зимній мѣсяцъ) успѣло бѣжать еще 26 человекъ, стало всего въ неустойкѣ 771 вольная душа. Изъ этого числа поймано только 19 человекъ, исключено за десятилѣтнюю давность 31, осталось — стало быть — въ бѣгахъ 716 мужчинъ и 5 женщинъ. Нѣкоторое число такихъ заводъ имѣетъ получить назадъ подъ названіемъ оборотней, возвращенными изъ Россіи въ той цифрѣ, которая выясняется въ тобольскомъ приказѣ о ссыльныхъ. Тамъ, между прочимъ, навѣрное утверждаютъ и несомнѣнно доказываютъ, что число пригнанныхъ обратно въ Сибирь на каторгу и поселеніе, съ 1833 по 1845 годъ, двѣнадцать тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ два человека (въ томъ числѣ 345 женщинъ) и что однихъ каторжныхъ въ теченіи десяти лѣтъ (съ 1838 по 1847) принято изъ Россіи съ возвращенными черезъ Тобольскъ 2.446 мужчинъ и 27 женщинъ. Конечно, между ними не всякій укажетъ на то, съ какой онъ бѣжалъ каторги. Бродягами давно уже приспособленъ способъ сочиненія псевдонимовъ, вѣвчающихся общими мѣстомъ „непомышляхъ родства“ *).

*) Образуясь подробнымъ изслѣдованіемъ вопроса о бродягахъ во всемъ его многостороннемъ

Чѣмъ и какъ обставляются побѣги съ каторги, мы объяснимъ нѣсколькими очерками, сообщенными частью интересовавшимися этимъ дѣломъ, частью самими заинтересованными въ немъ. Разрядъ послѣднихъ разбивается для насъ на двѣ категоріи. Въ первой и главной мы отнесемъ тѣхъ бывалыхъ бродягъ, которые снимаются съ мѣста для пути дальняго елико возможно и не спуста. Они отлично знаютъ дорогу и эта, издавна пробитая тропа называется варнацкою дорогою, имѣетъ определенное направление по лѣсамъ, жилищамъ и нежилымъ мѣстамъ и опытнаго бродягу уводитъ далеко, уводитъ въ Россію. Истинный варнакъ снимается съ мѣста для того, чтобы, по возможности, подольше пожить на своей волѣ, старается по мѣрѣ силъ не возвращаться на каторгу, искусно замѣтая слѣды или, если уже для него оборвется счастье, то запишется въ оборотни, но не скоро. Къ другой категоріи бродягъ мы отнесемъ тѣхъ съмыльно-каторжныхъ, которые бѣгутъ на авось, иногда просто прогу-

и широко развитіи, мы на этотъ разъ продолжимъ наблюденія наши надъ цифрами бѣглыхъ съ сибирскихъ заводовъ и беремъ намѣренно года на выдержку, не поднимая ихъ системѣ и при этомъ указывая первые попавшіеся намъ на глаза. Такъ, напр., на Александровскомъ винокурениомъ заводѣ съ 1 января 1846 года по 1 ноября 1859 бѣжало съ работъ 1.013 мужч. и 19 женщ. Изъ этого числа домашними средствами поймано (а въ томъ числѣ, конечно, и добровольно пришли въ зимнее холодное время) только 277 мужч. и 4 женщ. Въ 1833 году бѣжало изъ этого завода 633 чел., въ 1834—770, въ 1835—754, въ 1836—591, въ 1837—293, въ 1838—32, въ 1839—76, въ 1840—40, въ 1841—71, въ 1842—82, въ 1843—98. Уменьшалась въ послѣдніе года цифра побѣговъ оттого, что въ заводъ стали меньше присылать рабочихъ и заиѣтно ослабѣлъ тюремный надзоръ съ уменьшеніемъ командъ, обращенныхъ на другіе заводы. Въ 1843 году изъ 98 человекъ возвращено было только 8. Изъ Успенскаго винокурениаго завода (Тобол. губ.) въ 1860 г. бѣжало каторжныхъ 160 человекъ, да весною слѣдующаго года успѣло удрать еще новыхъ 22. Бѣглецы по другимъ заводамъ Восточной Сибири стояли въ такомъ количествѣ:

Въ 1837 году изъ Иркутск. солевар.	363
• 1838 „ „ „	238
• 1839 „ „ „	248
• 1840 „ „ „	359
• 1841 „ „ „	136
Въ 1837 году изъ Троицк. винокур.	181
• 1838 „ „ „	164
• 1839 „ „ „	206
• 1840 „ „ „	171
• 1841 „ „ „	79
Въ 1837 году изъ Селенгин. солевар.	38
• 1838 „ „ „	74
• 1839 „ „ „	36
• 1840 „ „ „	28
• 1841 „ „ „	27

Все это, конечно, въ десятилѣтней сложности съ увеличеніемъ цифры отъ новыхъ побѣговъ и съ уменьшеніемъ ея за вычетомъ по закону десятилѣтней давности.

лится, побродить въ лѣсу и на волѣ, „единственно для отбывательства отъ казенныхъ работъ“, какъ привыкли выражаться официальные бумаги. Такого рода бѣглецы — жиганы, мелкота — зачастую не уходятъ дальше Байкала. Наступающіе холода на измызанную за лѣто въ ходьбѣ по лѣсамъ казенную одежду, неананіе дороги, пріемовъ и правилъ бродяжяго дѣла — все это таккъ мелкихъ бродягъ, безъ всякаго участія и усердія со стороны полицейскихъ начальствъ, споняетъ на каторгу. Такіе бродяги съ первыми осенними морозами яляются въ ближайшей городъ и на судъ съ повинною головою и съ покорными руками и ногами. Положенія таковыхъ немногословны.

Бѣгутъ они, при первой открывшейся возможности, на угадъ, куда глаза глядятъ, бѣгутъ обыкновенно шайкою въ томъ предположеніи, что на людяхъ и смерть красна. Если бѣгутъ безъ вожака, то стало быть путаются, наталкиваются на множество случайностей и, въ большей части случаевъ, не выдерживаютъ, т. е. понадаются. Вотъ что рассказывалъ одинъ изъ таковыхъ:

„Бѣжали мы втроемъ съ „хвостовъ“ на Среднемъ промыслѣ. Ходили цѣлую ночь и прошли ка-быть много.

— Верстъ, молъ, братцы, десятка два будетъ?

— Будетъ, слышь.

„Стало свѣтать, а мы въ пади какой-то.

— Идемъ, молъ, товарищи, куда насъ эта падь поведетъ.

— Валяй! — говорятъ: — перекрестившись?

„Шли шли падыю, селеніе какое-то передъ собой увидали, испужались.

— Не назадъ ли, товарищи?

— Чего назадъ? гляди впередъ, затѣмъ вѣдь и ушли. Разбирай, какое жилье!

„Поднялся я на гору, глядѣлъ, глядѣлъ...

— Лѣшій, молъ, насъ, ребята, водить да и лѣшій-то не нашъ, а казенный, промысловой.

— Чего-де такъ?

— Поглядите-тко, никакъ къ Верхнему промыслу пришли.

„Стали разглядывать, прамѣты распознавать, такъ и есть: Верхній промыселъ, и тюрьма изняла, и разрѣзъ тутешной, и пристава дожъ увидала.

— Пойдемъ, молъ, ребята, туда, спускаемся, а тамъ поживемъ, повыспросимъ, дороги узнаемъ. А что-то, молъ, мы и бродяжить-то не умѣемъ: не рука знать!

„Стали мы толковать, стали прошежь себя спорить. И ночь-то жаль терять за-напрасно, и тюрьму-то мы видимъ впереди подъ горой и разрѣзъ; жалоба по рѣчкѣ-то, по Карѣ-то этой, обозначалась. Чортъ, молъ, съ вами, а теперь у насъ день, пойдемъ лѣсомъ. Бержъ лѣвѣй! ворочать не станемъ.

„Тамъ и рѣшши, а пошли опять наугадъ,

пошли глѣвѣй да и взяли прямо. И шли мы еще день. Ночью спали. На пятые сутки животь тосковать началъ. Сказалъ я объ этомъ товарищамъ.

— И у насъ, слышь, тоскуеть.

— Да по комъ?

— Не по артельномъ же, слышь, хлѣбѣ, а надо позагать, захотѣло брюхо получше чего, надо быть горячаго.

— Ягоды бы ему дать хорошо, не сгѣсиво оно!—шутимъ это.

„А гдѣ ее возьмешь, ягоду-то эту? Лѣса стоятъ все какіе-то не такіе. Кочки между деревьями-то да трясина и густымъ прегустымъ мохомъ затянуло все; идешь словно по перинѣ, а ягоду нѣту. А брюхо-то съ голодухи такъ и выворачиваетъ, словно рукавицу.

„Ставемъ себя утѣшать, разговаривать, а оно, брюхо-то, нѣтъ-нѣтъ да и завоетъ, ровно въ немъ на колесахъ ѣздитъ. Тошно ему стало, голость подаетъ.

„Идемъ впередъ. Заборъ увидали. Стали оглядываться, нѣтъ ли жалыя какого? Слышимъ, одинъ товарищъ заревѣлъ заревѣлъ, словно съ него живого лыка драли. Мы кинулись, смотримъ: въ яму какую-то провалился и зѣваетъ по медвѣжьему. Вынули мы его.

„Другой товарищъ сгѣкнулъ:

— Это-де, братцы, для козуль настораживаютъ. Вонъ, въ воротахъ-то, бревно на волоскахъ повѣсили. Чуть упадетъ, то и раздавить. Много, слышь, нашего брата, не вѣдая, такъ свою жизнь кончали. Хорошо еще, что товарищъ въ яму попалъ, а не въ ворота прошель.

„Перехѣли мы черезъ запоть (ограду) дальше, а въ ворота не пошли. Сталь намъ товарищъ рассказывать, какъ бревно такъ ловко прилажено, что козула пролѣзаетъ въ ворота да дотронется только до бревнушка, тутъ и смерть ея. Вышли мы въ поле. Въ полѣ стадо барановъ ходитъ, а при нихъ пастухъ мальчишко. Увидаль онъ насъ, бросился опретью прочь отъ насъ. Мы его звать, не слушаетъ, мы бо-житься, сталъ подходить. Кричитъ намъ:

— Не убьете?

— Нечѣмъ, молъ, дуракъ экой! смотри, пустые идемъ. Дашь намъ ѣсть, еще денегъ тебѣ дамъ.

„Я не дамъ, боюсь васъ! А подойдите-де, сами возьмите, вонъ подъ кустомъ хлѣбъ лежитъ.

„Я пошелъ. Нашель тряпичку, развернулъ, хлѣбъ увидалъ, схватилъ его въ обѣ руки. Хотѣлъ сожрать его въ три раза, такъ ужъ и глазами намѣтилъ, какъ надо и зубы наложить, да вспомнилъ товарищей. Такъ у меня словно хлѣбъ-отъ кто оторвалъ ото рта. А умомъ-то мекаю: не стану, молъ, ѣсть, дѣлится везать; зачѣмъ и идемъ-то мы вмѣстѣ и другой кто не сдѣлаетъ такъ. Думаю это, а ѣсть еще пуще мнѣ тотъ хлѣбъ захотѣлось. Запахъ-отъ его

слышу, такъ животь-отъ мой и заворчитъ и заворочается въ нутрѣ-то. Стало мнѣ на умъ всходить, что не донести мнѣ хлѣба, съѣмъ я его, а тамъ пунцай они приколотятъ меня за то. Тутъ товарищи-то и закричали. А я стою на томъ же мѣстѣ, гдѣ хлѣбъ взялъ. Закричали товарищи-то, стало мнѣ на умъ другое придать: съѣмъ одинъ—сытъ буду, съ товарищами подѣлю—никто сытъ не будетъ, коврига-то малая. Сдумалъ я такъ-то, стиснулъ краюху зубами, зажалъ глаза, духъ забралъ въ себя, да ужъ и не помню, какъ припустилъ бѣжать. Вѣ-жалъ я что было силами, во всѣ лопатки. Прибѣжалъ къ товарищамъ, берите, молъ, да и мнѣ оставьте!

„Раздѣляли хлѣбъ поровну. Дальше пошли. Опять бредемъ дѣлный день. Къ вечеру деревенька помедлелась.

„Пойдемъ, товарищи, въ крайнюю ямбу, будетъ маяться-то намъ.

— Стучись, товарищ!

„Постучались мы, впустили. Мужичекъ не старымъ сидитъ и таково ласково смотритъ на насъ; спрашиваетъ:

— Съ Кары, ребята?

— Съ Кары, молъ, дялюшка.

— Которыя сутки не ѣли?

— Пятая сутки крохи не видали.

— Садись,—говоритъ:—ребята, за столъ!

„Сѣли. Вынулъ онъ шей изъ печки. Налилъ плъ въ чашку, хлѣба туда накрошкимъ, даль постоять, ложку взялъ: „Вы-де сами, ребята, не притрогивайтесь, меня слушайте“. Зачерпнулъ онъ шей съ хлѣбомъ, мнѣ даль, опять зачерпнулъ ложку, товарищу поднесъ, и такъ всѣмъ одѣлялъ по одной и по другой. Мы еще попросили, не даль. Отошелъ отъ стола и чашку со щами спряталъ. Спрашиваетъ:

— Вы, ребята, однако, впервые надо быть?

— Что, молъ, такое впервые?

— Бѣжите-то?

— Не случалось, молъ, ни разу о сю пору, впервые бѣжамъ.

„Усѣднулся.

— Однако, ложитесь, говорятъ, спать теперь. Дамъ я вамъ еще этихъ шей, то разорветъ брюхо, помрете. Много-де ко мнѣ заходили вашего брата, я это дѣло знаю, какъ поступать.

„Уложилъ онъ насъ спать въ подвѣзбицѣ. Спали мы крѣпко; какъ легли, такъ и заснули, и на умъ не пришло поопаснася. Да и то думать надо: намъ на ту пору все равно было, что стариковы ши хлѣбать, что заводскую березовую кашу. Чертъ побери все! Однако, проснулся на волѣ. Старикъ опять шей вынесъ: по три ложки намъ даль и тѣ не вдругъ, а въ очередь. Опять насъ спать уложилъ. Поднялись мы опять, онъ насъ накормилъ до сыта и на дорожку даль намъ хлѣба и совѣтъ:

— Ступайте вотъ теперь прямо! На пути

вамъ будетъ распадокъ. Дорога пойдетъ прямо въ него—не ходите, тутъ казаки ловятъ. Верите лучше въ правую надъ. Тамъ далеко есть заимка, въ ней казакъ живетъ; хлѣба не сѣять, хлѣбъ не ростеть. Бѣлкують: ходить съ ружьемъ за бѣлкой, за козулей ходить, пасты поѣдныя и огородныя ставить. Казакъ этотъ охотно принимаетъ вашего брата варнака въ работу да платится за послугу свинцомъ. Такъ вы это помните и на носу зарубите!

„Послушались мы приказу, въ лѣвую надъ не ходили, пошли въ правую и въ заимку поступались, сидушки нашей не хватало. Ёсть стало нечего, весь хлѣбъ вышелъ, а днемъ спали, по ночамъ шли. Да можетъ, моль, старикъ по насерду на этого казака сказывалъ. Зашли. Казакъ ласковый такой, встрѣтилъ, угощаетъ, суетится:

„— Сейчасъ же, на ваше счастье, козулю убью, ѣшьте!

„Покормилъ онъ насъ. Сговаривать стали:

„— Оставайтесь, кормить васъ буду, вы только работайте, и работа-то легкая. А спрячуде васъ такъ, что никакой сыщикъ не доберется. Бывалое дѣло!

„Говорить, угощаетъ, все норовить, какъ бы за самое сердце наше ухватить, да мы помнимъ стариковъ наказъ — на соблазнъ сдаваться не хотѣли. Проспали мы ночь. Поутру равно ушли такъ, что онъ и не примѣтилъ, спалъ еще. Подъ вечеръ смотримъ, догоняетъ онъ насъ верхомъ на лошади и винтовка у него за спиной торчатъ. Сталъ подвѣзжать, винтовку на руку ваялъ, стрѣлять захотѣлъ, прицѣпляется. Бросились мы со всѣхъ ногъ на него всѣ трое. Одинъ сгрѣбъ его сзади, оборвалъ ремень и винтовку отнял. Поднял онъ коня на дыбы, ускакалъ. Въ сумерки опять нагоняетъ и винтовка въ рукахъ у него другая. Кричить намъ издали:

„— Отдайте винтовку мою!

„— Не подходитъ!—отвѣчаемъ:—Мы сами въ тебя палить станемъ, убьемъ.

„Толковалъ онъ съ нами долго, а винтовки мы ему все-таки не отдали. Онъ повернулъ коня назадъ, а намъ вслѣдъ пригрозилъ:

„— Такъ ли, не такъ ли, а вашу-де вину и свою обиду на другихъ варнакакъ вымещу.

„Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ. Въ одной надѣ мы на народъ наткнулись, опознались: бѣглыми съ Петровскаго завода сказались. Сговорились мы идти всѣ вмѣстѣ; стало насъ 12 человекъ, вселѣй ка-быть стало и страху не въ примѣръ меньше. Разложили мы огонь, теплинку сдѣлали. Товарищи ушли въ лѣсъ поискать ягоды либо кедровыхъ орѣховъ. А то есть курчаватая такая сарана, корень ея больно сладокъ, ѣдимъ мы ее и сыты бываемъ. На нее намъ въ торѣхъ бывальцы указывали: ищите-де ее и ѣшьте, не бойтесь! Я остался у огня, а на огонь медвѣдь вышелъ. И ружье есть, да пороху нема. Цѣ-

лился я въ него, не испужалъ, а на меня же похѣлъ. Началъ я бѣгать кругомъ огня, на огонь онъ не похѣлъ; тоже и самъ сталъ ходить за мной и все норовилъ лапой сгрести меня. Однако, усталъ медвѣдь, въ лѣсъ ушелъ. Товарищи вернулись пошли мы дальше. Опять огонь разложили. Смотримъ, опять надо быть тотъ же медвѣдь къ намъ въ лѣсу вышелъ и цѣлое дерево въ охапкѣ несетъ. Мы за большое дерево тутъ подлѣ спрятались, а кто и на самое дерево влѣзъ. Подошелъ онъ къ огню, хватилъ изъ всей медвѣжьей силы: погасить хотѣлъ, да только искры по сторонамъ полетѣли, да головешка больно высоко подпрыгнула. Осердился онъ, сталъ огонь загребать лапами и такъ-то старался! Тутъ одинъ товарищъ догадался: подошелъ къ нему сзади, да такъ-то хватилъ его по заднимъ ногамъ толстой палкой, что онъ ажъ показалъ намъ, какъ салазки ушибеть дѣлать, даромъ что былъ неуцены и съ татарами въ Рассеѣ на дѣли не хаживалъ. Пожежалъ это онъ, поревѣлъ да и надумалъ хорошее дѣло черезъ голову кувираться; ушелъ, значить. На третью сутки опять онъ брелъ за нами слѣдомъ, на четвертыя — опять пужалъ, на пятые какъ отсталъ, такъ ужъ больше и не показывался *).

„На шестыя сутки попали мы на казаковъ..

* На тему встрѣчь съ медвѣдемъ вотъ еще одинъ рассказъ бѣлаго:

«Идемъ отдавшись на волю Божию. Иной разъ, кромѣ зайцевъ, рѣдко кто изъ живыхъ встрѣчается, а иногда нашъ братъ и на медвѣдя напаривается. Мы разъ встрѣтились; было ружье у меня, надо бы его поставить на сошку да стрѣлять ему въ сердце, такъ зарядъ-отъ у меня былъ бѣлчий. Выстрѣлъ рассердилъ только. Дерево мнѣ на боку подвернулось — спрятался. Сталъ онъ меня ловить, а я успѣлъ изъ-за поаса топоръ выхватить; хотѣлъ рубить по лапамъ, да онъ всякой разъ сдвигается и отобьетъ топоръ. Попятился разъ, сгрѣбъ въ лапы пень, положилъ его къ дереву, притащилъ другую корягу, третью, четвертую и опять похѣлъ на меня. Разсудило лѣсное чудовище, что пни поѣмлютъ мнѣ бѣгать, да и я не у него учился: черезъ пни прыгалъ, да успѣвалъ и оттапливать временемъ тѣмъ изъ-подъ ногъ своихъ. Свечерѣло; медвѣдь уходился, да и я весь въ мѣлѣ. Стали мы отдыхать оба. Онъ отошелъ и легъ на землю, голову положилъ на пень, глаза навелъ на меня. Онъ лежить, да и я стою, не шевелюсь. Думаю: шевельнись я — и онъ вскопчетъ. Легонечко, приемовъ надо быть въ 20, такъ и этакъ вращусь отъ зѣбра, успѣлъ я зарядить ружье. Наступила ночь и темно стало. Зарядилъ я ружье. Востокъ покраснѣлъ, а тамъ и рассвѣло и медвѣжьимъ глаза не такъ стали страшны. Успѣлъ я поставить ружье на сошку и не спихался съ мѣста, чтобы не огорчить его. Тихимъ манеромъ, ему не въ примѣтъ, сталъ и наклоняться къ прикладу, а глазъ съ него я вежою. Такъ вотъ побedomъ и ѣдимъ другъ дружку буркалками-то своими. Обманулъ я его, выстрѣлилъ; онъ, словно угорѣлый, метнулся на меня, хватился о дерево такъ, что то встало даже. Растянулся. Я опять зарядилъ всѣмъ зарядомъ..

— Это вы-де, — сказывают: — въ нашей деревни казаки убьют!

„Схватили нас казаки — и представили“!

Въ разсказѣ этомъ, нѣмощемъ поразительное сходство со всѣми другими, для насъ яснѣе другихъ, важнѣе прочихъ одна подробность: это именно готовность сибирскихъ крестьянъ принимать и обогрѣвать ссыльных. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ столько же и чувство состраданія къ голому и голодному искателю приключеній — чувство, завѣщанное отцами, закрѣпленное ихъ пригнѣтомъ и поваженное долгимъ опытомъ, сколько и экономическія причины и условия сибирскаго быта, передъ которыми безсильны и ничтожны всякія угрозы и страхи быть на судѣ и въ отвѣтѣ за укрывательство бѣглыхъ, за пристанодержательство, передержательство. Сибирскій хозяинъ изъ крестьянъ и казаковъ всегда затрудненъ и всегда сильно нуждается въ работникахъ, которыхъ особенно мало въ Забайкальѣ, обездоленномъ тремя тягами: привлеченіемъ большого числа рабочихъ на Амуръ на казенныя работы, наймами ихъ на частныя (витимскіе и чибойскіе) золотыя промыслы, а въ то же время и въ извозъ подъяи, ходившіе въ огромномъ количествѣ изъ Кяхты. Между тѣмъ бѣглый, съ самыхъ давнихъ временъ, очень дешевый рабочій; за однѣ харчи, взъ-за одного лѣтца, онъ готовъ работать все лѣто и на страдѣ въ лугахъ, и на поляхъ въ поляхъ. Входя въ экономическія сдѣлки, становясь въ условія круговаго обязательства, оба (и наемщикъ и батракъ) остаются въ одинаковой отвѣтственности и передъ судомъ и закономъ и передъ личною собственностью. Обычай этотъ такъ простъ и долговѣченъ, что держится его съ самаго начала заселенія Сибири ссыльными и не только обыватели ближнихъ къ каторгамъ мѣстъ, но и дальніе жители Западной Сибири, Урала и проч. Случай мести, затѣваемой бродягами по временамъ и вынуждаемой отказомъ въ гостеприимствѣ, въ видѣ подпуска краснаго пѣтуха (т. е. пожара), держать этотъ обычай на сторожѣ и во всегдашней готовности облекаться въ фактъ. Факты же эти до такой степени общи и часты, что ими пренеполнены разсказы самыхъ бѣглыхъ и всѣхъ официальныхъ бумагъ архивовъ. Отработывая у наемщиковъ урочное время, бродяги идутъ себѣ дальше мытать счастья, искать новыхъ приключеній. Большинство изъ нихъ съ голодухи скорѣе оградить какой нибудь казенный транспортъ (почту напр.), чѣмъ вскинутся на чемоданъ пробажого. Сибирскія дороги славятся безопасностью въ сравненіи со всѣми

русскими дорогами, хотя могли бы и имѣютъ право отличаться противоположными свойствами. Отбиваются бродяги и совершаютъ убійства только въ такомъ крайнемъ случаѣ, когда встрѣчаютъ вооруженное нападеніе, озабоченность и жестокость со стороны нападающихъ. Предательство вызываетъ мсть и мсть эта является тѣмъ жесточе и немилостивѣе, чѣмъ преступленіе и испорченіе сердца бродягъ. Случай такого рода, повторяемъ, рѣдки. Голодь тутъ играетъ немаловажную роль и бродяга собственно въ сибирскихъ странахъ — мирный путникъ, не рѣшающійся никого обидѣть, изъ боязни самому быть обиженнымъ.

У нѣкоторыхъ страсть къ бродяжничеству принимаетъ форму какого-то особаго рода помѣшательства, со всѣми признаками настоящей серьезной болѣзни, которая требуетъ радикальныхъ средствъ, мучитъ и преслѣдуетъ больного, какъ какая нибудь перемежающаяся лихорадка, имѣя форму болѣзни периодической. Въ Петронскомъ заводѣ нѣмѣлся одинъ изъ такихъ, извѣстный всѣмъ содержавшимся тамъ декабристамъ и, по исключительности своей, памятный многимъ изъ встрѣченныхъ мною. Привычка шататься развила въ немъ въ такую болѣзнь, что съ каждою весною онъ начиналъ непременно испытывать ея тяжелые, упорные припадки. Онъ начиналъ всѣмъ бояться, дѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, равнодушнымъ ко всему, его окружающему; старался уходить куда нибудь въ уголь, прятался въ укромныя и темныя мѣста. На работахъ онъ испытывалъ тоску, которая доводила его до истерическихъ слезъ. Слезы эти и тоска разрѣшались обыкновенно тѣмъ, что онъ удичалъ-таки время и убѣгалъ. Больной пропадалъ обыкновенно все лѣто, къ осени же появлялся въ заводѣ оборваннымъ, исхудалымъ, но веселымъ. Лицо его было испаряно, руки и ноги въ синякахъ и въ занозахъ; знакъ, что больной гулялъ не просто, не жая въ наймать по займамъ (иначе принесъ бы мозоли), но, совершая свои экскурсіи, прятался отъ людскаго глаза въ лѣсныхъ чащахъ. Въ послѣднихъ онъ даже подсмотрѣвъ былъ товарищами, вѣрившими, что все его удовольствіе и самое главное наслажденіе состояло въ томъ, чтобы во все лѣто не видѣть никого, и вся работа хлопотливо направлена была къ тому, чтобы хоронить свои слѣды отъ всякаго. Отшельникъ этотъ на все лѣтнее время отвыкалъ отъ лѣтца и легко примирался съ дикою пищею, употреблялъ ягоды (бруснику, малину и боярку) и разные корни и травы (черемшу, сарану, мангарь и бѣлый корень, называемый возынь звѣробоемъ). Приходя отъ травъ въ крайнее безсиліе, онъ нѣрѣдка приближался къ селеніямъ или на страды и воровалъ лѣтца, но очень рѣдко выпрашивалъ его и довольствовался имъ только, какъ лакомствомъ. Возвраща-

что было его у меня, смѣкаю то, что опять, интрый человекъ, обманывать меня выдумалъ, мертвымъ прикинулся. Я рванулъ по немъ полнымъ зарядомъ въ другой разъ, да онъ ужъ и не сказывался. А я дальше пошелъ.

идаясь съ прогулокъ въ заводъ по доброй волѣ, принужденный лишь наступающими крѣпкими осенними холодами, противъ которыхъ не могли устоять его оборванная и измыганная одежда—отшельникъ все-таки по положенію получалъ наказаніе розгами. Наказаніе это онъ не вибнялъ ни во что и для болѣзни своей не считалъ его ни за хирургическое, ни за терапевтическое средство. Затѣмъ онъ всю осень и зиму весело жилъ на работахъ, работалъ за деньги послушливо и безпрекословно, такъ что всѣхъ приводило въ удивленіе, но трудился такимъ образомъ только до весны, до кукушки. А лишь только снова начинала она свою заботливую, немудреную пѣсню, арестантъ начиналъ испытывать прежніе припадки, столько же мучительные и невыносимые. Шесть лѣтъ ходилъ онъ такимъ образомъ въ дѣсь и приучалъ тюремное начальство смотрѣть на его дѣла сквозь пальцы, синхродительно. На седьмую весну пришелъ отшельникъ къ смотрителю, узналъ ему въ ноги и просить:

— Ваше благородіе! Кукушка кукуетъ—уѣду, слышать не могу, соблазняется, уѣду. Либо прикажите связать, либо на дѣнь къ стѣнѣ приковать и лицу наложить, либо сдѣлайте что хотите. Не второпяйтъ мнѣ это дѣло стало, я что нибудь самъ надъ собой сдѣлаю.

Сердобольный смотритель послушался, посадилъ его на дѣнь, предварительно, уже для личнаго удовольствія, задавъ ему впередъ все то количество розогъ, которое ежегодно слѣдовало ему осенью, по возвращеніи изъ отшельничества послѣ созерцательной жизни.

Просидѣвъ арестантъ время припадковъ на дѣнь; осень и зиму прожилъ на свободѣ и не бѣгалъ, а также вмѣстѣ со всѣми работалъ. На слѣдующую весну онъ опять пришелъ къ смотрителю съ тою же мольбою, а на третій годъ ужъ не являлся къ нему и въ дѣсь не бѣгалъ.

Но вотъ примѣръ особаго вида.

Въ 1808 году въ Удинскій округъ присланъ былъ на поселеніе, за бродяжничество, изъ Екатеринбурга старообрядецъ Гурій Васильевъ. Весною 1815 года онъ, съ двумя товарищами старообрядцами, бѣжалъ на Амуръ съ вѣтреніемъ основать скитъ, и для этого поселился близъ Албазина въ пещерѣ около устья р. Урсы. Зимы съ 1815 на 1816 годъ они провели здѣсь, но весною ихъ схватили манчжуры и привели къ начальству въ Айгунь. Здѣсь манчжуры предлагали имъ обрить бороду и принять подданство, какъ-де сдѣлали это многіе изъ бѣглыхъ русскихъ, проживающихъ въ Китаѣ *). Старовѣры не согласились. Манчжуры,

во исполненіе трактата, черезъ Цицкарь и Хайларъ представляли ихъ на нашу границу въ Цурутухайтѣ. Отсюда пригнали ихъ на старое мѣсто жительства въ Удинскій округъ. Гурій Васильевъ не выдержалъ и, по привычкѣ къ уединенной жизни, въ 1818 году бѣжалъ снова на Амуръ и, пойманный лѣтомъ слѣдующаго года, тѣми же путями и средствами, выданъ былъ тамъ же. Его на этотъ разъ наказали плетью и назначили на каторжные работы въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ. Въ 1822 году Гурій Васильевъ снова получилъ возможность бѣжать и пробрался опять на Амуръ и снова въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Здѣсь, питаясь кореньями, дичью и рыбою, жилъ до слѣдующей весны (1823 г.), но, боясь старой исторіи, на маленькой лодкѣ изъ берегисты рѣшился спуститься внизъ по Амuru. Не пройдя онъ и ста верстъ по теченію, какъ снова былъ схваченъ манчжурами и увезенъ въ Айгунь. На этотъ разъ манчжурскія власти въ Россію его не отправили, но, отдавъ подѣ присмотръ, допустили жить въ городѣ на волѣ, вибнявъ ему въ обязанность обученіе манчжурскихъ мальчиковъ русскому языку. За это кормили его и одѣвали и, вообще, содержали въ довольствѣ. Въ 1826 году онъ, по распоряженію айгунскихъ властей, отправленъ былъ, вмѣстѣ съ другими, внизъ по теченію Амuru на рыбную ловлю. Жестокое обращеніе съ нимъ приставниковъ заставило его бѣжать на маленькой лодкѣ (вѣткѣ) внизъ по Амuru. „Пройдя слияніе рѣки Сунгаря съ Амуромъ (показывалъ Гурій), я былъ внѣ всякой опасности, ибо народъ янты (гольды), обитающій по Амuru, уже не зависитъ отъ манчжуръ и китайцевъ. Продолжая путь свой далѣе по Амuru, съ помощью туземцевъ, къ осени достигъ земли гиляковъ, гдѣ остановился на зимовку“. Отъ гиляковъ Гурій узналъ, что къ сѣверу отъ Амuru живутъ тунгусы, а потому, весною 1827 года, вышелъ онъ изъ рѣки, на гиляцкой лодкѣ, въ Охотское море. Слѣдуя вдоль берега и не доходя 30 верстъ до устья рѣки

ему лежалъ ужъ по настоящимъ строгимъ пустынямъ. Путь на Амуръ въ бродяжней практикѣ издавна былъ дѣломъ обычнымъ, и Гурій Васильевъ съ товарищами—но первый и не послѣдній странникъ на востокъ, совсѣмъ въ противоположную сторону отъ обычной русской дороги бродить. Якобы, собиравшему свѣденія объ Амурѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бѣглецы могли дать самыя точныя свѣденія: «Шли на Амуръ отъ Горбицы 15 лѣтнихъ ночей, а днемъ лежали въ закрытыхъ мѣстахъ. Пойманы китайцами въ виду отъ устья, по поимкѣ вѣдены были многими селеніями до городовъ Цицкаря и Мергена, лежащихъ въ сторону отъ Амuru; а отъ онаго поворотятъ къ востоку между изолуденнымъ вочевьемъ мунгалъ до Калара равными и гладкими мѣстами; въ Калара же выданы на Цурутухайтѣ. Въ дорогѣ были 10 дней, по ночамъ стояли», и проч.

*) Бродяжьи пути не имѣютъ конца. Дороги ихъ не пересѣкаютъ никакія препятствія: кяхтинскій мѣшанинъ Карлъ Пятюковъ, наказанный кнутомъ и сосланный, пришелъ на родину изъ Охотскаго порта, не смотря на то, что путь

Тугура, остановился у тунгусовъ на зимовку и вѣсть съ ними, къ веснѣ 1828 года, прибылъ въ Удской острогъ. На этихъ показаніяхъ Гурія Васильева генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій, какъ извѣстно, основалъ свои виды на приобрѣтеніе рѣки Амура еще въ 1822 году, т. е. за 20 лѣтъ до гр. Муравьева. На прозѣтъ и представленіе его разрѣшенія изъ Петербурга не послѣдовало. Министръ финансовъ, въ 1833 году, отвѣчалъ: „Мнѣ кажется, что всякое предпріятіе плавать по р. Амуру бесполезно и въ отношеніи подозрительности китайцевъ опасно, поеланку мы не имѣемъ ни силы, ни намѣренія обладать тѣмъ краемъ, а безъ обладанія имъ нельзя думать о судоходствѣ и о торговлѣ, а потому безъ этого и не слѣдуетъ что либо затѣвать“. Вообще, показанія бѣглецъ, побывавшихъ за китайскою границею, во многомъ послужили къ объясненію Амура и другихъ странъ, сосѣднихъ Забайкалью. Такъ, въ 1806 г. д'Овре изъ посольства Головкина пользовался на Кличкинскомъ рудникѣ свѣденіями отъ бродягъ Дунаевского и Прусакова, бывшихъ за границею.

Таковы мирные пути и короткія дороги бродягъ. Такова краткая сторона ихъ замысловъ, направленныхъ къ освобожденію себя отъ работъ ради отдыха и въ виду мало выясненныхъ цѣлей*). Но не такова другая, къ которой мы, въ свою очередь, должны подойти, памятуя, что въ бродягахъ для насъ ясно видится особый видъ, первая и главная категория бывалыхъ: тѣхъ, которыхъ прозвали сибирскій народъ варяками и чалдонами. За такими бродягами существуютъ поиски, имѣлись когда-то особыя команды. Противъ нихъ сильно озлобленъ народъ, живущій на Харинской степи и около, извѣстный у сибиряковъ подъ именемъ братскихъ, а вообще—подъ названіемъ бурятъ. Народъ этотъ еще не перешелъ отъ степной жизни къ мирнымъ осѣдымъ занятіямъ, еще не выработалъ въ себѣ кроткихъ нравовъ землепашцевъ.

Во имя этихъ и другихъ причинъ подробности побѣговъ съ каторги принимаютъ иной характеръ, въ которомъ нѣтъ уже свѣтлыхъ сторонъ, а краски и картины становятся рѣзче и ярче. Роли измѣняются: съ одной стороны видимъ ожесточенныхъ преслѣдователей, съ другой—кровавыхъ мстителей за обиду и преслѣдованія. Буряты становятся олицетворенною

варою, какъ бы орудіемъ невѣдомаго ему карающаго закона. Бродяга становится варякомъ, чалдономъ.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ буряты перешли изъ монгольскихъ степей на русскую сторону и перемѣнили имъ только названіе (изъ буряты въ братскихъ), но, въ сущности, они сами остались тѣми же, какими были. Дикая жизнь въ степи сужьла задержать въ нихъ въ первобытномъ нетронутомъ видѣ все то, тѣмъ пахнула на ихъ отцовъ дичь Гоби или Шамо. Харинская и другія степи не выгнали этого вонъ, а еще, можетъ быть, подбавили имъ зѣриного духа. Во всякомъ случаѣ, это вѣрно по отношенію къ предмету, насъ занимающему: бродяги шатаются, воровствомъ и грабежами своими буряты раздражаютъ; къ тому же побѣги бродягъ обязали буряты новымъ родомъ службъ, требующей труда и отвѣта.

Съ жѣстъ своей родины буряты принесли, между многими характерными племенными чертами, два зоркихъ маленькихъ глаза, которые, хотя не глубоко помѣстились подъ узенькими бритымъ лбомъ и спрятались въ одутлово-толстыхъ и скуластыхъ щекахъ, но видятъ такъ далеко и хорошо, что ни одинъ зарядъ изъ винтовки не бьетъ мимо и не пропадаетъ даромъ. На винтовкѣ теперь, какъ на лукахъ нѣкогда (и не такъ еще давно), у буряты все мастерство и досужество; на выстрѣлахъ изъ нее вся надежда насущнаго пропитанія. Степякъ голъ да и привыкъ брать добычу тамъ, гдѣ она подвертывается, не разбирая средствъ и не загадывая о послѣдствіяхъ. Для замысловатыхъ измышлений и мудреныхъ отвлеченій въ кочевьяхъ плохая наука, да и степь—не городское поприще. Чтобы жить, надо ѣсть, чтобы кормить себя и своихъ, надо промышлять, и если нѣтъ ничего въ запасѣ, какъ и бываетъ у буряты нѣкоторыхъ родовъ, кромѣ зоркаго глаза, то винтовка и пуля—самые лучшіе и важные друзья и пособники. Чтобы ѣсть и кормить, надо бить козулю и птицу. Чтобы одѣться въ пестрый халатъ и прикрыть бритую голову китайскою шапкою съ красной кистью, надо стрѣлять соболей, бѣлокъ и лисицъ, а если доведется случай, глазъ на глазъ, въ глухомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей русскихъ, встрѣтитъ бѣглого, то можно и его подстрѣлить. „Худенькій бѣглый лучше доброй козы“—давно уже выговорилъ братскій человѣкъ. Эта поговорка его отшибаетъ въ переводѣ такимъ дико практическимъ смысломъ: „съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣлаго двѣ или три“ (т. е. полшубокъ, азымъ и рубаху).

Все это въ Сибири, въ Забайкальѣ, давно извѣстно, а саміи бродягамъ еще и съ подробностями. Густыя бурятскія кочевья бродяги стараются обходить, а за Байкаломъ потому и спѣшатъ записаться провизіею, что общая вар-

*) Нѣкоторымъ охотникамъ пошататься на волѣ безъ дальнихъ цѣлей удавалось сходить въ бѣга (судя по официальнымъ бумагамъ) разъ по восьми. Другимъ счастливо однажды надать равами, а за нѣкоторымъ, но въ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ, заводское начальство считало (самое, впрочемъ, большое) восемнадцать прогулокъ. Служителя больше шести разъ не бѣгали и дольше двухъ мѣсяцевъ въ бѣгахъ не отдыхали.

нацкая дорога идетъ сначала по необитаемымъ мѣстамъ. Такими-то мѣстами, вблизи карійскихъ промысловъ, идетъ она гораздо сѣвернѣе почтового тракта прямо на село Торгинское (Торгу) и отъ него хребтами на Читу. Изъ окрестностей Читы бѣглецы идутъ на Витимъ и Варгунивъ, но чаще на югъ въ окрестности Петровскаго завода. Окрестности Петровскаго завода и даже самый заводъ считался у бродягъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія. Архивныя дѣла завода даютъ много доказательствъ тому, что въ кабакахъ и притонахъ его попадались бѣглецы съ нерчинскихъ заводовъ и изъ тюремъ карійскихъ. Въ окрестностяхъ его бѣглецы находили друзей въ бурятскихъ ламахъ, въ семейскихъ раскольникахъ. Около послѣднихъ селеній извѣстенъ былъ даже, на Мукуртѣ, кедровникъ (кедровый дѣсъ)—любимый притонъ всѣхъ бѣглыхъ изъ Петровскаго и другихъ нерчинскихъ заводовъ. Этотъ Мукуртъ въ показаніяхъ смыльных играетъ частую роль.

Рѣка Хилокъ выводитъ бѣглыхъ къ устью своему, т. е. на рѣку Чикой, которая, въ свою очередь, направляетъ глупую бродяжью дорогу на собственное устье или на такъ называемую стрѣлку, т. е. на рѣку Селенгу *). Дѣлая такой крюкъ, ради братья и собственной безопасности, бродяги попадаютъ, такимъ образомъ, къ тому же Байкалу и направляются на Тунку, чтобы обойти его. Иногда они рискуютъ переплывать на краденыхъ, забытыхъ рыбаками лодкахъ черезъ Байкалъ и входятъ въ истокъ Ангары. Къ Иркутску они подтягиваются довольно близко и дальше за нимъ, по тайговымъ дѣсамъ Иркутской губерніи, придерживаются вблизи почтового тракта. На немъ мы ихъ пока и оставимъ.

Опытный бывалець еще раньше освобождалъ свои ноги отъ „ножницъ браслетъ“, предварительно разбивая кандалы камнемъ или желѣзнымъ заводскимъ ломомъ, а чтобы скрыть отъ надзирателей развитыя мѣста, заливалъ ихъ на время свиномъ. Особенно нацѣше поступали такъ варнаки на Петровскомъ желѣзодобывательномъ заводѣ, гдѣ все нужно подъ руками (и огонь и заливка). Кандалы бросались въ первомъ же дѣсу подъ кустомъ, въ первомъ же

*) Бѣглецы каторжане изъ Бутомарскаго завода обыкновенно ходили привычнымъ путемъ на р. Унду и брали по Онону на тотъ же Чикой, гдѣ отдыхали или направлялись дальше на семейскихъ, Таробогатскую волость, скрываясь у раскольниковъ то поселенцамъ, то пропитаннымъ. Вообще, у бѣглыхъ всегда вѣдетъ одно безопасное мѣсто—притонъ для отдыха. Такимъ, кромѣ Мукурты съ кедровникомъ, считалась вѣзгда рѣка Хилокъ. При этомъ рассказывали, что, когда разъ бѣжало съ завода двое и для понижень ихъ отправили туда бураты,—бураты забрали тамъ 15 человекъ разныхъ варнаковъ и, приведя ихъ связанными, говорили: «Вотъ, бачька-начальникъ, пятнадцать голова за два голова».

сопутномъ селеніи бродяга являлся уже правымъ и чистымъ. Опытный приходилъ, по большей части, къ знакомымъ крестьянамъ, съ которыми раньше успѣлъ свести дружбу, или шелъ по рекомендаціи и указанію болѣе опытнаго бывальца. До Харинской степи онъ почти безопасенъ и не боялся за себя, если „маршрутъ“ его пошелъ, т. е. въ буракъ (или, по сибирски, въ туезъ) имѣлась провизія, заготовленная его личною предусмотрительностью. На крайній случай и дѣсъ предлагаетъ свои благодати: кромѣ пастей съ козулями и сылкови съ птицами, каковыя могутъ быть только случайнымъ пріобрѣтеніемъ, дѣсная растительность все дѣло къ ихъ бродяжьиымъ услугамъ; изъ грибовъ: рыжикъ, бѣлые грибы, боровики, масляники, которые такъ удобно печь и такъ приятно ѣсть съ солью. Сухіе груды (по сибирски) или сырважи (по русски) растутъ, большею частью, въ березнякахъ, вѣдятъ ихъ охотно сырыми, по сибирскому обыкновенію. Въ низкихъ мѣстахъ угнѣлый глазъ всегда различитъ въ другой травѣ малиноваго цвѣта перо, длиною около полуаршина, съ половини расширяющееся въ зеленый полосатый листъ, шириною въ верхокъ: это—достопаивная по всей Азійи черемша (дикій чеснокъ—*Allium ursinum*). Сибиряки ее солятъ и квасятъ и въ избыткѣ заготовляютъ въ прокъ, какъ лекарство, излечивающее цыгу и предохраняющее отъ дальнѣйшаго зараженія. Бродяги вѣдятъ ее въ сыромъ видѣ съ тѣмъ же очень приятнымъ ощущеніемъ въ собственномъ вкусѣ, но съ отвратительнымъ впечатлѣніемъ на обоняніе тѣхъ, кто не вкушалъ ее *).

Кромѣ черемши, сибирскіе дѣсы предлагаютъ бродягамъ и другія съвѣдобныя благодати, для отысканія которыхъ выучиваются приему еще въ тюрьмахъ, гдѣ таковыя свѣденія сообщаются охотливо и даромъ, и которыя нужны имъ ботаническія свѣденія пріобрѣсти долгимъ путемъ опыта и послѣ многихъ злоключеній. Былъ такой случай: одинъ смыльный, работавшій въ дѣсу, накопалъ кореньевъ и принесть въ тюрьму Большого Нерчинскаго завода полакомиться, подспорить дѣснымъ лакомъ тюремное варено. Товарищи стали ѣсть, но невѣдомый корень оказался приятнымъ, возбудилъ сомнѣніе; задумались. Одинъ надумалъ:

— Не ѣшьте, братцы, не тотъ ли это корень, отъ котораго уже и на Благодатскомъ рудникѣ были худыя послѣдствія.

*) Ягоды черемши (*Rubus radus*) темныя съ большими косточками и терпкія—спеціальное средство для сибирскихъ приправъ. Черемша дозрѣваетъ въ августѣ, но вообще въ сентябрѣ собирается сласти Сласть эта утрачивается во время пріготовленія для широговъ, когда ягоды толкутъ вмѣстѣ съ косточками; на зиму сушатъ. Сборъ черемши—одна изъ самыхъ оживленныхъ и любимыхъ прогуловъ сибирячекъ; ходятъ за нею всегда большими толпами.

Вросили. Въ видахъ предостереженія при-бѣгли къ обычному тюремному рюмю: стали пить воду съ табакомъ. Товарищи, вновь пришедшіе съ работы и не слышавшіе предостереженія, наѣлись и двое изъ нихъ умерли. Общеупотребительная и любимая пища бродягъ въ гѣсахъ такъ называемая мунтала (монг. слово), т. е. монгольская жимолость (*Lonicera mongolica*), растущая обыкновенно кустарникомъ при рѣчкахъ, въ падахъ (долинахъ) и по берегамъ, съ черными длинными ягодами, у которыхъ мясистый бѣловъ и стѣнка плодика скорлуповатая; листья имѣютъ непріятный запахъ, кора обладаетъ вяжущимъ свойствомъ. Изъ ягодъ оказываютъ услугу, чаще другихъ, брусника и боярка-ягода (*Strataegus olucasantha* *), тернъ, имѣющій красныя вкусныя и сладкія ягоды. Изъ сладкихъ корней въ пищу мангиръ—родъ дикаго чеснока (*Allium*) и бѣлый корень, называемый также козымъ звѣробоемъ (*Huregicium?*), растущій на холмахъ и сухихъ мѣстахъ. Въ особенности же и по преимуществу, ищутъ бѣглые растенія крупныхъ формъ курчавой пурпуроваго цвѣта сараны, предполагающаго всегда сладкую луковичу мучнистаго свойства, очень пріятную на вкусъ и весьма питательную. Померанцево-красноватое растеніе это устилаетъ горы отъ подошвы до вершины. Шесть листочковъ ея вѣничка выгибаются какъ бы поля китайской шпаны, а шесть прутиковъ, сидящихъ кругомъ красиваго стѣбелька, раскидываются по землѣ, придавая ей красивый колеръ. Другіе сорта лиліи, какъ букеты по ковру, усыпаютъ мураву, въ юнѣ и юлѣ украшаютъ онѣ всѣ, болѣе открытыя долины и горы, взбираясь даже на значительныя высоты и скалы. Таковы: стелющаяся стройная лилія обыкновенной породы *Lil. aretabile* (по туземному „погодайка“), съ нарядными чашевидными цвѣтами, *Lil. hemegocalis flava*—волчья сарана, лимоннаго цвѣта, которая во множествѣ растетъ на покатосяхъ. Всѣ эти лиліи здѣсь цвѣтутъ и плодуютъ, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ (а на Алтаѣ онѣ еще пышнѣе). Сарана или собственно луковича

дикихъ лиліи (*Lilium martagon*) составляетъ предметъ постоянныхъ исканій и заботливости полевой мыши-эконома—очень маленькаго животнаго, роющаго подъ дугами ходы съ большими камерами. Мышь-экономъ (*Auricola oeconomus*)—трехъ видовъ: красноватая или бурная и сѣрая. Однѣ побольше, другія маленькія, разбиваясь на зиму парами, вдвоемъ успѣваютъ насыть изъ твердой земли такое количество клубней сараны, что нѣдко въ трехъ камерахъ гнѣзда входятъ кокагерскія, якутскія и братскія женщины фунтовъ 24—30. Составляя пріятную приправу къ ужину инородцевъ, поспѣваютъ эти клубни на обѣдъ и завтракъ къ варнакамъ, находящимся въ бѣгахъ съ запасомъ знаній ловко отыскивать подземныя постройки западной мыши, чтобы воспользоваться добромъ, собраннымъ ея трудами. У этого сорта сараны—желтоватая луковича. Инородцы ее сушатъ, кстираютъ въ мучной порошокъ и либо пекутъ въ золѣ въ видѣ лепешекъ, либо варятъ съ просомъ; сибирскіе же сторожками изъ русскихъ людей приготовляютъ сарану въ формѣ киселей, каш и соуса. Есть еще два вида сараны: однѣ *Lil. auricium* съ бѣлою луковичею, верхка длинныя и 1/2 верхка въ діаметрѣ, сладкаго мучнистаго вкуса, растутъ на сухихъ полянахъ. Второй родъ *Lil. tenuifolium*, съ луковичею помельче первой, растетъ на скалахъ и у подошвы горъ; обѣ съѣдобны, но *L. hemegocalis flava*—волчья сарана—ядовитая. Узнаютъ, гдѣ мышинныя норы, ступая по землѣ ногами; часть найденнаго оставляютъ самимъ хозяевамъ, большую отбираютъ обыкновенно осенью. Въ норахъ горностаевъ также находятъ корни эти, но горностаи не сами ихъ запасаютъ, а отнимаютъ ихъ у мышей. У горностаевъ камчадалы вынимаютъ сараны также по нѣскольку десятковъ фунтовъ. Этотъ корень совершенно безопасенъ и если въ услугамъ бѣглыхъ предлагается гѣсь и корни *Sarbinos asiaticus* и кедровые орѣхи, то за то соблазняетъ и персиками (собственно дикимъ миндалемъ, *Amygdalus napa*, и полевымъ макаомъ, *Ranunculus hibernicus*), наличнее употребленіе которыхъ производятъ либо головную боль со рвотою, либо тошноту съ поносомъ. Изъ ягодъ—голубица слегка пьянитъ, а мовковка *) при неумѣренности влечетъ гдѣ же

*) Боярка—кустовое ягодное дерево, горный кустарникъ изъ рода терновыхъ. Еще *Juniperus sibirica*, или казачья можуха, казачій можжевельникъ. Пользованію подобными растительными корнями русскіе люди въ Сибири выучились у туземцевъ-инородцевъ, въ особенности у бурятъ. Отъ свободныхъ русскихъ людей знаніе перешло и въ туркы. Бѣглые отъ бурятъ часто пользуются ихъ національными кушаньями, изъ которыхъ наичаще указываютъ пойманые бѣглые на арцу. Арца эта есть не что иное, какъ національное кушанье бурятъ, всегда имѣющееся въ любой юртѣ въ котелѣ надъ огнемъ: гуша, оставшаяся отъ того молока, изъ котораго выгнали водку; гуша эта въ видѣ арцы пражена съ мукою. Боровье молоко, разъ пропущенное сквозь кубъ, даетъ водку слабую и терпкую; пропущенная два раза похожа бывастъ вкусомъ на картофельную водку.

*) Мовковка (*Rubus procerus*) растетъ посреди негодной травы на мѣстахъ высокыхъ и мокрыхъ, въ колкахъ, низенькими кустиками, со сладкими ягодами, похожими на крыжовникъ. Около рѣчекъ и въ колкахъ, въ мокрыхъ же мѣстахъ, растетъ на небольшихъ кустикахъ смородина черная и красная; около ключей и рѣчекъ на высокыхъ кустахъ жимолость, поспѣвающая къ Петрову дню, шпанска—крупная ягода, красноватая, длинная, съ большою костякою внутри, пріятная на вкусъ, сладкая и мучнистая; малина, клюква, брусника, костяника, рябина, черемуха, княженика, морошка—обыкновенныя сибирскія ягоды.

последствія тошноты, поноса и рвоты. Бѣгле все-таки тянутся къ селеніямъ за привычнымъ лѣббомъ, каковой и находятъ — по завѣтному сибирскому обычаю, извѣстному цѣлой Россіи — на подоконникахъ избѣ, молитвою выложеннымъ на ночь съ онасливою и запасливою хоалыкою.

Зная все это, а также и то, главнымъ образомъ, что у братскихъ ждетъ либо пузя, либо петля, опытные бродяги идутъ осторожно, только по ночамъ; днемъ они сѣять въ опасныхъ мѣстахъ и идти днями лишь по лѣснымъ трущобамъ. Приготовляясь къ путешествію по послѣднимъ, опытные обыкновенно (и непремѣнно) постараются стащить топоръ; топоръ — первый бродяжій другъ и покровитель. топоръ поможетъ и огонь развести, топоромъ можно положить и зарубку на деревьяхъ, по которымъ задвѣе, какъ по пробитой тропѣ и по вѣхалъ, пройдутъ впередъ и не заблудятся. Грамотные остряки вырѣзываютъ даже имена, годъ, мѣсяцъ и число своего прохода. Бывалый бродяга, не обгесавъ дерева извѣстнымъ способомъ, не пройдетъ ни за что, а по затесамъ и этимъ зарубкамъ только и можно ходить и выходить изъ трущобъ сибирскихъ громадныхъ лѣсовъ. Въ степи бродягамъ ночью звѣзда Стожаръ свѣтитъ и путь указываетъ, а вечерняя заря съ утреннею ни на востокъ не направитъ, ни въ китайскую сторону не собьетъ; на востокѣ можно съ голоду умереть отъ безлюдья (да и такой путь никуда не выводитъ), на югѣ китайцы привыкли возвращать ссыльныхъ обратно, передавать ихъ въ руки начальства. Оттого-то опытные бродяги никогда со своей варнацкой дороги не сбиваются; оттого-то, по своимъ путямъ, бывалые изъ нихъ съ Кары въ Читѣ попадаютъ пѣшкомъ въ семь дней, тогда какъ и почти по всей дорогѣ раньше четырехъ сутокъ рѣдко когда послѣгаютъ. Только въ случаѣ крайняго голода и недостатка провіанса бывалый бродяга рѣшится въ Забайкальѣ зайти въ незнакомое селеніе. Жилыя мѣста онъ обходитъ, какъ волкъ, но пуще всего боится и съ особенною осторожностью крадется около Братской степи, боясь встрѣчи съ бурятами. Одинъ такой шелъ въ сторонѣ отъ улуса, прикрываясь кустами, но не укрылся отъ зоркаго степняка. Рысьи глаза бродягу замѣтили, бурята съ на мѣченнымъ ружьемъ приблизился на нѣсколько шаговъ. Бродяга упалъ на колѣни и, сложивъ на груди руки, молилъ о пощадѣ, обѣщая все, что имѣлъ на себѣ. Бурята склонился на просьбу, а когда условились они о цѣнѣ, бродяга поплзъ къ врагу на колѣняхъ, не переставая ублажать его пласкивымъ голосомъ, ласковыми словами, и вдругъ, схвативъ съ земли камень, угодилъ имъ въ голову всадника. Оглушенный бурята выпустилъ изъ рукъ ружье, бродяга схватилъ его, стащилъ врага съ коня, убилъ

и на лошади уже пробѣжалъ впередъ остальную часть степи.

Другой разъ кандаляная партія, идучи трактомъ къ Нерчинску, разбила конвой, забрала ружья, порохъ и патроны и нѣсколько мѣсяцевъ держала почтовый трактъ въ осадномъ положеніи. Сосѣдникъ бурята пригласилъ на помощь для поимки, сдѣлали облаву, но трусливый народъ этотъ не посмѣлъ прямо напасть на вооруженныхъ людей. Изъ цѣлой большой облавы нашлось только двое отважныхъ. Согнувшись на лошадяхъ стесненнымъ обычаемъ такъ, что справа заслонены были головами лошадей, два смѣльчака, вооруженные одинъ ружьемъ и пистолетомъ, другой лукомъ и стрѣлами, маневрировали по степи, пригнувшись къ одному боку лошади и стрѣляя одинъ за другимъ въ ретировавшихся бродягъ. Первый выстрѣлъ попалъ въ атамана шайки, другими уложены были нѣкоторые изъ бѣглецовъ. Остальные отстрѣливались и бурята съ лукомъ былъ убитъ. Однако, смерть предводителя и нѣкоторыхъ товарищей ослабила смѣлость остальныхъ и охоту отбиваться. Облава, тѣмъ временемъ, сблизилась въ кругъ и забрала всѣхъ оставшихся бродягъ безъ боя.

Между бурятами ведутся такіе молодцы, которые иногда цѣлью своей жизни поставляютъ охоту за горбачами (а горбачъ — тотъ же бродяга съ неизменною котомкою на спинѣ). Эти звѣри изъ монгольскаго племени отыскиваютъ жертву по огоньку, по костру, который разводятъ бродяги по сибирской привычкѣ, чаще для того, чтобы обогрѣться или сварить себѣ грибовъ, кашницу или обогрѣть и дать отойти деревенящимъ отъ ходьбы членамъ.

Засвѣтлался этотъ огонекъ въ сторонѣ, далеко отъ жилого мѣста, въ дикомъ лѣсу, и идетъ по этому мѣсту варнацкая дорога, — бурята налетаетъ, выстрѣломъ кладетъ одного, на всемъ лошадиномъ скаку заряжаетъ свою винтовку во второй разъ, кладетъ другого и затѣмъ третьяго, если этотъ не успѣлъ бѣжать. Лопатина (носальное платье бродяги) — награда буряту за выстрѣлы, а жертвыя тѣла уберетъ начальство земское (если натолкнется) или съѣдятъ волки (если напоятся).

Въ то время, когда производилось заселеніе Забайкаля назначенными изъ Россіи переселенцами съ зачетомъ за рекрута (и производилось весьма неудачно), промыселъ на горбачей былъ дѣломъ привычнымъ и недиковнымъ.

— Гдѣ мужичинъ? — спрашивалъ одинъ проважій бабу, случайно остановившись въ одной избѣ по красноярскому тракту.

— На горбачей пошли, — отвѣчала хозяйка тѣмъ тономъ, какъ будто они пошли „губы ломать“ (т. е. грибы собирать), и объяснила затѣмъ:

— Вчера ходили, промыслили только одного да бѣднаго: поживались лопатинкой одной. Въ

прошломъ году у одного нашли подъ стельками въ сапогахъ 50 рублей.

Иркутскій губернаторъ Рупертъ велѣлъ, говорить, загонять 13 человекъ такихъ охотниковъ на смерть, и съ той поры грабежи и разбои, систематически веденные, прекратились надолго, но не совсѣмъ. Въ 1805 году бродяги ночью, за 50 верстъ до Иркутска, напали на одного изъ свиты посольства въ Китай гр. Головкина (на камеръ-юнкера Гурьева), ограбивъ котораго, оставили и его самого и людей его привязанными къ деревьямъ. По доношенію Головкина, ссыльные бродили тогда по Сибири тысячами безъ пріюта и средствъ къ существованію. Не такъ давно въ Ачинскѣ судился крестьянинъ за 14 убійствъ, произведенныхъ надъ горбачами. По сознанию его, онъ изъ всѣхъ 14 только у одного нашелъ 25 рублей; съ остальныхъ поживился только носильнымъ платьемъ или лопатиною. Попался онъ въ убійствѣ родного дяди, убійствѣ, обставленномъ ужасными подробностями. Изъ спины убитаго убійца вырѣзывалъ ремни, а внутренности его, какъ веревки, вытаскивалъ и наматывалъ себѣ на руку.

Другой изъ такихъ ловцовъ проходившихъ по волѣ варяжковъ считалъ на своей совѣсти до ста человекъ, изъ которыхъ меньшая половина была имъ перевязана и представлена живыми (въ чайникъ получить за то назначенную награду въ 3 руб. сер.); остальная большая половина была перебита и ограблена. Сыщикъ, какой-то Грудивкинъ, по представленію начальства (говорить забайкальское преданіе) имѣлъ, за поимку ста бѣглыхъ, золотую медаль на шеѣ.

— И теперь буряты, увидѣвъ на бѣгломъ порядочную одежду, сократить его жизнь не задумаются, — увѣряютъ старожилы.

— На рваную лопатъ теперь братскіе мало прозираются, — добавляютъ сами ссыльные, но тѣ и другіе, старожилы и ссыльные, держать въ памяти слѣдующее событіе изъ быта бродягъ, по разсказу одного изъ нихъ.

„Шли мы втроемъ. Верстъ тридцать отошли отъ завода (Петровскаго). Въ одномъ распадкѣ увидали сыщика изъ карымовъ *), по лицу признали его. Этотъ надо быть самый, про котораго товарищи въ тюрьмѣ сказывали и велѣли бояться. „А увидите-де его, причѣтесь скорѣй, человекъ этотъ сердца не имѣетъ и лошади не вѣдаетъ“. Да и сами мы знаемъ

повадку буряты, коли встрѣтитъ нашего брата безъ ружей, а самъ сидитъ на конѣ: либо захочетъ живыми взять и такихъ представить, тогда велитъ перевязать другъ дружку, третьяго спугаетъ самъ; либо велитъ сѣсть на колоду рядомъ, отъѣхать въ сторону да пулей изъ винтовки пронизеть всѣхъ троихъ разомъ и труны на возковъ покинетъ въ полѣ. Въ его это волѣ. Тамъ у насъ въ тюрьмѣ всѣ объ этомъ сказываютъ.

„Вспомнили про это про самое, какъ встрѣтились съ нимъ глазъ на глазъ; успѣли только другъ на дружку взглянуть да перемигнуться. Всѣ одно разомъ надумали: удирать-де надо, нечего тутъ артель плотить. Всякъ самъ по себѣ нищи спасеныя. И прыснули мы въ разныя стороны, сколько силы хватило. Вѣжимъ.

„Я бѣгу безъ оглядки, кажись лучше всѣхъ; золь я былъ бѣгать-то и на каторгѣ за то большія похвалы получалъ. Вижу я это и чувствую, бѣгу. Слышу: выстрѣлъ шелкнулъ, одного, молъ, товарища порѣшилъ окаянный, да котораго?... Сдумалъ я это, а самъ все бѣгу и не распозналъ съ горяча-то, что хлѣсъ пошелъ. Опять выстрѣлъ слышу: послѣдняго, молъ, товарища съѣлъ проклятый буряты (даромъ этотъ народъ ни одного выстрѣла не тераетъ, къ тому наповажентъ). За мной теперь, значить, чередъ состоятъ.

„Глянулъ я въ сторону, а тутъ буря, надо быть, дерево вырвала съ корнемъ и яма обозначилась. Шмыгнуть я туда и сталъ прятаться, ноги подбирать, всего себя въ комозъ укладывать такъ, чтобы и на мѣстѣ меня не знать было. И все мнѣ кажется, что нога на свѣту; я тутъ и духъ пританхъ, молчу и не дышу, и думаю. Разное думаю, а уши держу на самой макушкѣ и, кажись, весь животь-отъ свой въ себя забралъ, чуть не замеръ я тутъ на этомъ дѣлѣ. Опомнюсь — топоръ лошадиннй слышу, словно вотъ въ самое-то ухо лошадь ѣдетъ. У меня и свѣтъ помутится и дрожь проберетъ, я опять приду въ себя и опять думаю: вотъ-вотъ хватить онъ меня на арканъ и въ торока вскинетъ, а вскинетъ онъ меня, надо быть, потому, что на товарищакъ-де кровяную пасть свою натѣшилъ. Вспомню я все это, опять у меня подпретъ въ груди, опять не переведу духу. Глаза не видать, въ ухахъ зазвенитъ, такъ что тошнить даже стало. Приду въ себя, стребусь за шею, вѣту веревки, стану опять прислушиваться, уши надрывать — опять топотъ слышу. Ишь, думаю, разлакомился чертовъ сынъ! ищетъ! Мало, молъ, тебѣ двухъ-то, и моя лопатина понадобилась. Глянулъ я на себя, смѣхъ подступать сталъ: лопатина-то рваная, заплатата заплатата ищетъ, дыра на дырѣ. Смѣхъ меня взялъ — и чего смѣшно стало — самъ не знаю. Отъ смѣху-то этого, что ли, ка-быть легче стало и страхъ прошелъ. Сталъ озираться, въ

*) Карымы — забайкальскіе кресты, образовавшіеся отъ помеси русскихъ съ бурятами, монголами и тунгусами. Таковы почти всѣ жители Приваргунскаго края. На р. Чикой нѣкоторые карымы успѣли уже сдѣлаться осѣдлыми. На р. Аргуни они почти исключительно занимаются контрабандою, отчего во всемъ Забайкальѣ иривичный чай носятъ еще придаточное названіе карымскаго.

какое, молъ, такое мѣсто угодило: корешки встать и яма способная. Медвѣдъ, молъ, тутъ безпрѣменно жаль всю зиму и лапу сосалъ. Служалъ я это и опять смѣхъ меня пробралъ!.. Прислушался опять—замеръ топотъ. Вадохнулъ я тутъ отъ самаго донушка и крестъ на себя положилъ. Теперь, молъ, я полежу тутъ, пушай уѣдетъ, раздѣнусь.... Такъ я и сдѣлалъ.

„Дождался я въ ямѣ ночи, переспалъ. Проснулся на утрѣ, свѣтло ужъ было; ѣсть захотѣлъ, такъ ѣсть захотѣлъ, что въ ямѣ лежать кабыть стыдно стало, вылезъ. Пойду молъ, дальше—что будетъ! Поднялся на хребетъ, все лѣсомъ иду. Первая мнѣ на глаза метнулась березка молоденькая, стоитъ передо мной съ очей на очи. Дай-ко, попробую на ней свою силу, сколь отощалъ? Вадумалъ—рванулъ, съ корнями вырвалъ, обрадовался. Значить, во мнѣ еще есть сила и идти могу и подражаться могу, коли доведется мнѣ такой случай.

„Иду я дальше, обламываю на ходу съ березки вѣтки, корни у ней оборвалъ—стала палка съ комлемъ, здоровая такая. Сталъ упираться на эту палку, идти легко и приятно. Дорога вывела меня на самой хребетъ, на вершину. Оправосъ кругомъ: лѣсъ вижу, деревья рѣденько растутъ, а внизу все голый камень и березникъ тамъ совсѣмъ изнылъ, такъ все и видно черезъ него. Вижу, въ одной нади дымокъ закурился, винтовку такимъ стоитъ далеко отъ меня. И какъ увидѣлъ я этотъ дымокъ, словно меня въ спину-то толкнулъ кто и по ногамъ урѣзалъ. Присѣлъ я на корточки, ползти началъ, за деревьями прятаться, выползъ изъ-за деревьевъ, камни пошел; межъ камнями на брюхо легъ и поползъ ближе къ дымочку, подъ гору. Поглядѣть мнѣ захотѣлось, кто тамъ. Долго ползу, тихо ползу. Сталъ подползать—различаю: огонь развелъ бурять, а не варкаки наши. На огнѣ бурять пищу себѣ варить, коня на арканѣ привязалъ къ дереву, винтовку прислонилъ къ огню. Я припалъ за камень, думалъ завалиться тутъ и не ползти дальше, ну ихъ къ черту! Да глянулъ я изъ-за камня-то, а бурять-отъ повернулся на тотъ разъ рожею, я такъ и сѣлъ назадъ. Вадрогнуло сердце и застучало, въ ушахъ опять зазвенѣло, въ рукахъ и ногахъ дрожь забяла: тотъ самый карымъ, котораго надо, и лошадь его! Радость такъ и разлилась по всему по мнѣ и въ косточки мозгъ занялъ; я глаза какъ уперъ въ него, такъ и не сводилъ съ него. Онъ самый! Теперь ты въ моихъ рукахъ, только бы вотъ спрятаться-то мнѣ поладитъ, постой уже! Знаю я вашу бурятскую повадку: теперь вотъ ты нажрешься падали-то своей, спать ляжешь безпрѣменно и сѣдло себѣ подъ голову подложишь. Всѣ вы такковы!

„Вадумалъ я такъ-то, прилегъ за камень, большой такой камень выбралъ; подожду, молъ,

когда ты спать ляжешь. Пусталъ я на него глазами: такъ точно, поѣлъ, свернулся; подъ голову, можетъ, и одежду-то моихъ товарищей подложилъ, мягко ему; зубъ даже у меня на тотъ разъ скрипнулъ. Легъ братской и винтовку положилъ себѣ въ боку, меня вспомнилъ. Помни!...

„Раза три порывался я къ нему, да все на умъ приходило: не крѣпко заснуть, пробудится. Пусть заберетъ сна побольше, расшастаетъ сугавы-то, захраптитъ. Рванулъ я въ четвертыи и лѣзъ на него недолго: тутъ онъ весь передо мной, какъ на блюдѣ, обозначился. Оторвалъ я винтовку къ себѣ, схватился самъ я на ноги. рѣзнулъ его, что было силы во мнѣ, палкой по головѣ, да за арканъ его. Попробовалъ арканъ, не крѣпко что-то показался мнѣ; снялъ свой кушакъ, закрутилъ назадъ руки, ноги связалъ, подтащилъ его къ дереву, привязалъ его поперекъ. Отошелъ отъ него—и люблюсь!

„Братской въ себя пришелъ, заговорилъ, просить, общается:

„— Отпусти, сдѣлай милость! Хлѣбъ возьми, винтовку возьми, лошадь!

„— Я, молъ, и безъ твоего спросу возьму все это.

„— Денегъ возьми съ меня!

„— И это возьму (думаю), если есть у тебя, а иѣтъ, такъ и денегъ твоихъ не надо.

„Онъ говоритъ, а я не слушаю.

„— Отпусти, слышь, меня, ловить васъ не стану и зарокъ такой на себя наложу.

„— Не шути, молъ, чертовъ сынъ, не обманешь. Гдѣ тутъ хлѣбъ у тебя? показывая, бурятская рожа.

„На торока показалъ.

„— Круна гдѣ?

„И круну показалъ.

„Сталъ я кашницу себѣ варить. Онъ меня молить, а я и слушать его не хочу, радуюсь. Сварилъ я кашни, ѣсть ее сталъ, а онъ все воетъ. Поѣлъ я, котелокъ выпросталъ до суза, взялъ да еще полой его вытеръ сузо на сузо. Наломалъ иворосту, огонь поджигилъ, затрещало, дымъ такой пошелъ. Далъ я этому дыму прочиститься. Пустой котелокъ подвѣсилъ на огонь, сталъ его калить. А товарищи съ ума неидутъ, а братская противная рожа смотреть тутъ.

„Раскалчилъ мой котелокъ до краснаго цвѣта. Снялъ я его съ огня, какъ онъ былъ, красный-раскрасный, да и надѣлъ я его братскому за мѣсто шапки на голову, по самымъ плечамъ пришлося“...

По другому варианту разсказа дѣло было такъ. Въглаго поймали трое бурять (огнь хоти и спрятался, но его примѣтили), привязали къ дереву. Сами стали ѣсть и разговаривать по своему. Изъ разговора ихъ бѣглымъ хорошо понялъ, что они хотять пожизниться его лошатью, а его убить. Затѣмъ поѣли, выпились араки (рисовой китайской водки), спать легли. При-

вязанный ссыльный, замѣтивъ ножъ, забытый ими, сталъ намысливать какъ бы высвободиться, достать ножъ. Ловкими поворотами и напряженіями мышцъ ему удалось оцутиться по дереву ниже, ближе къ корню, къ землѣ и ножу. Здѣсь ему удалось высвободить одну ногу и доткнуться ею до ножа и послѣ мучительныхъ усилій придвинуть ножъ къ себѣ, ногою поднять его съ земли и перерѣзать имъ веревки такъ, чтобы освободилась рука одна, а тамъ стало быть и весь онъ всталъ на ноги, развязался. Первымъ дѣломъ его было зарѣзать этихъ ножемъ одного спавшаго бурата, затѣмъ второго. Надъ третьимъ, рѣшившимъ его смерть, возникла потѣнница: въ свою очередь привязавъ его къ дереву и продѣлавъ все то, что рассказано выше и съ тѣми же самыми подробностями въ основной легендѣ.

Таковы забайкальскія легенды, рассказываемыя вслѣдъ за нѣкоторыми мелкими добавленіями. Но вотъ и официальное дѣло, до сихъ поръ памятное всѣмъ старожиламъ и взятое нами цѣлкомъ изъ архива Нерчинскаго завода.

„Крестьянинъ Бурцовъ жнеть въ Козловской надѣ рожь.

„Въ десятомъ часу вечера къ нему скачутъ на лошадяхъ трое ссыльныхъ изъ Кутомарскаго завода и строго приказываютъ Бурцову варить имъ ѣсть.

„— При мнѣ котла не имѣется, — отвѣчалъ Бурцовъ: — онъ въ юртѣ *), гдѣ почую.

„— Вотъ тебѣ конь, скачи!

„Бурцовъ сѣлъ и ускакалъ. Не проѣхавъ десятины, онъ увидѣлъ сосѣда, боронившаго пашню, подовалъ его къ себѣ и успѣлъ вымолвить:

„— Ко мнѣ пріѣхали три челоѣка гостей изъ Зосидѣевъ. Какъ бы съ ними поправиться?

„Сосѣдъ совѣтовалъ:

„— Ты поѣжай назадъ къ нимъ и какъ можно, мѣшкай, а поѣду повѣду нашихъ.

„Бурцовъ возвратился „къ своимъ вожирамъ“ съ котломъ и началъ варить имъ картофель. Одинъ изъ ссыльныхъ послѣднимъ спросилъ его:

„— А кто къ тебѣ подходитъ?

„— Ко мнѣ подходитъ крестьянинъ Чирковъ и спрашивалъ: „Кто къ тебѣ пріѣхали трое на коняхъ“? И я сказалъ, какъ вы приказали, что казенные люди у меня въ гостяхъ, просятъ ѣсть.

„Ссыльные повѣрили.

„Потомъ Бурцовъ, прося у нихъ позволенія идти молотить, съ тѣми мыслями, когда его гости увидятъ себѣ облаву отъ повѣстителей, не прекратили бы его, Бурцова, жнеть.

„Черезъ часъ времени прискакалъ Чирковъ съ тремя крестьянами, которые и кричали бродягамъ:

*) Собственно не юрта, а обыкновенный балаганъ или шалашь.

„— Вставайте и раздѣвайтесь до нага! Ножи бросайте!

„Но отъ такого внезапнаго нападенія оныя ссыльные, не оробѣвши, схватились за свое оружіе: за топоръ, косу и за жердь, кинулись стремглавъ на оныхъ, и при первомъ боѣ ссыльный Никифоровъ замалудился косою на крестьянина Чиркова. Чирковъ, имѣвши въ рукахъ стягъ, отвелъ поразительный замакъ косою онымъ стягомъ и, отъ пересѣченія косы на двое оный стягъ переломился и въ горячести не помнитъ Чирковъ, кто ему проломилъ въ то время голову и чѣмъ, не знаетъ.

„Увидя упавшаго на землю Чиркова, двое крестьянъ ускакали въ деревню. Ссыльные Никифоровъ и Коурый бросились на третьяго крестьянина Бурцова: одинъ съ топоромъ, а другою съ косою. Но въ это время приходившій въ себя Чирковъ схватился съ земли, на которой лежалъ ошеломленъ, осколкомъ стяга ударилъ Коураго въ голову такъ сильно, что тотъ сунулся лицомъ въ землю и выронилъ изъ рукъ отнятое отъ крестьянъ оружіе. Ружье это подхватилъ третій крестьянинъ (Обуховъ).

„Пользуясь суматохой, третій ссыльный (известный Забайкалью разбойникъ и пѣсенникъ) Горкинъ скрылся, а Никифоровъ успѣлъ вскочить на лошадь въ то время, когда Коурый пришелъ въ себя, поднялся съ земли, ухватился за полушубокъ сидѣвшаго на лошади товарища и сажень пять тащился за нимъ. Стащавши такимъ способомъ Никифорова съ лошади, Коурый, вмѣстѣ съ нимъ, повалился на земь. Первымъ опомнился Никифоровъ, вскочилъ на ноги, выронилъ косу и мгновенно выхватилъ ножъ. То же, въ свою очередь, сдѣлалъ и крестьянинъ Обуховъ. Лошадь очутилась между ними. Тотъ и другой, стараясь черезъ нее достать другъ друга ножами, наносили взаимныя раны. Больше другихъ пришлося Никифорову, который въ азартѣ закричалъ Коуруму: „Не выдавай! руби топоромъ!“ Въ это время Коурый успѣлъ уже схватиться съ Чирковымъ, который отбивалъ его удары. Тогда же Бурцовъ успѣлъ зарядить ружье, вывученное у Чиркова, и пулей, попавшей въ правый бокъ на вылетъ, положилъ на мѣстѣ Никифорова. Коурый, воспользовавшись минутой, „видя неустойку“, сѣлъ на лошадь и ускакалъ.

„Обуховъ остался при мертвомъ, а Чирковъ „паль на коня“ и пустился въ погоню за Коурымъ хребтами до такъ называемой горы Убіенной *). Потерявши слѣдъ и истощивши свои

*) Убіенныя горы и хребтовъ въ Сибири немало. За тѣми же Байкаломъ, подѣль Селенгинска, одна такая гора названа такъ потому, что у подошвы ея бураты напали на конвой, сопровождавшій посольство Головина, въ 1689 году, ѣхавшаго въ Китай. Произошла сильная стычка. Головинскихъ солдатъ бураты сильно тѣснили. На подкрѣпленіе ихъ вышолъ изъ Селенгинска гарнизонъ подъ начальствомъ ссыльнаго мало-

и лошади силы, Чирковъ принужденъ былъ вернуться назадъ въ деревню, которая находилась верстахъ въ пяти отъ мѣста побойща. Туда же Обуховъ привезъ убитаго и „положилъ въ яму въ дабниной ветхой рубашкѣ и порткахъ“. На полѣ битвы слѣдственная коммиссія нашла трофеи и записала въ дѣло такъ: „Бѣлая даха, голубой конь, правое ухо повернуто трубкой; сѣдло — некрашенная деревяга безъ стремянъ, потникъ ветхій, сивая волова вдовы Дружнихъ, уведенная изъ Кутомарскаго завода въ ночное время, съ худымъ сѣдломъ и потникомъ, худой кушакъ съ маленькимъ ножомъ“. Всѣ эти вещи принадлежали ссыльнымъ. У крестьянина Чиркова, при осмотрѣ, оказались три раны“.

Если прибавить къ этому еще три-четыре дѣла, сопровождавшихся также убійствами (не менѣе ожесточенными) и также грабежами (не менѣе смѣлыми), то на этотъ и завершатся всѣ рѣзки алчдѣйства бродягъ въ Забайкальскомъ край *)).

Въ остальной Сибири дѣванія бѣглыхъ становились опасными во всѣхъ тѣхъ безлюдныхъ и голодныхъ мѣстахъ, гдѣ имѣли неосторожность увязывать каторжнымъ какія либо работы. Всѣмъ памятна разбойничья шайка, собравшаяся изъ тѣхъ каторжныхъ, которые посланы были на закладку соляной варницы (теперь уже не дѣйствующей) на пустынномъ пространствѣ за Леномъ. Жестокое обращеніе, при всевозможныхъ физическихъ и матеріальныхъ лишенияхъ, вызвали частые побѣги. Убійства и поджоги вскорѣ наполнили весь край тревогою и страхомъ. Въ лѣсахъ приленскихъ бѣглецы собрались въ грозную нарку разбойниковъ, хорошо вооруженную и потому имѣвшую возможность долгое время держаться на Ленѣ. На лодкѣ съ двумя пушками бродяги гуляли по широкому раздолью рѣки, богатой извѣдками и заливками, защищенными древесными корнями и подручною непроходимою лѣсною трещею. Изъ этихъ притоковъ они нечаянно нападали на деревушки, не обезпеченныя и не приготовленныя къ отпору, и на жителей, давно уже обвинявшихъ военныхъ орудія на земледѣльческія. Приленскія деревни представляли для разбойниковъ вѣрную и безопасную добычу. Страхъ обуялъ весь приленскій край. Разбойники начали нападать уже на остроги и города. Въ одномъ острогѣ успѣли даже выдержать отчаянную свалку съ мѣщанами, но побѣдили:

російскаго гетмана Многогрѣшнаго, который и разбилъ бураты. Съ тѣхъ поръ селенганскіе братскіе — настоящіе братскіе, мирные осѣды города.

*) Между прочими ссыльно-каторжными Егоръ Григорьевичъ разбойничалъ съ шайкою изъ 7-ми человекъ; братскихъ клали на огонь и жгли, допытывалъ денегъ. Въ дѣлѣ его были сильно замѣшаны семейскіе раскольники.

дома сожгли, имущество разграбили. Начальство спохватилось, стало принимать возможные мѣры: выслали солдатъ, собрали облавы. Шайка была разбита и разбѣяна, разбойники переловлены, отданы подъ судъ и въ 1801 году наказаны кнутомъ и посажены на цѣпь въ тюрьмахъ нерчинскихъ рудниковъ. Между ними попался смельный (не за политическое, а за уголовное преступленіе) полякъ Левицкій, дожившій до 50 годовъ нынѣшняго столѣтія. Человекъ этотъ въ послѣдующей жизни успѣлъ представить собою такой характерный типъ неутомимаго и неосѣдливаго бродяги, что мы рѣшаемся остановиться на немъ и рассказать со словъ знавшихъ его и бесѣдовавшихъ съ нимъ.

„Левицкій, посланный на работы въ нерчинскихъ рудникахъ, снова урвался въ бѣга; независимый характеръ его не долго могъ носить каторжное ярмо. Послѣ различныхъ приключеній, руководимый счастьемъ и удачами, то пресмыкался, какъ дикій звѣрь, въ лѣсу, то снова прокрадывался, какъ разбойникъ на дорогу, Левицкій добрался до Каспія, здѣсь былъ схваченъ, снова битъ кнутомъ и посланъ въ рудники. Изъ рудниковъ онъ учинилъ третій побѣгъ, на этотъ разъ въ Китай, черезъ Монголію, гдѣ нѣсколько грабежей его вызвали облаву. Облава замкнула его въ подвижную колонну и, измученнаго и проголодавашагося, взяла безъ сопротивленія и представила въ пограничный караулъ. Такъ какъ побѣги за китайскую границу сильно отягощали нашихъ властей большими хлопотами и длинною перепискою, а еще больше платежами за покраденное вдесятеро (согласно мирному трактату), то и раздраженіе начальства на таковыхъ бѣглыхъ выразалось наибольшою строгостію наказанія. Левицкій не посмотрѣлъ и на это: въ четвертый разъ онъ убѣжалъ изъ рудниковъ и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока отъ кнута и палокъ не согнулась его маленькая фигурка, а изодранное тѣло не представлялось спитымъ изъ различныхъ доскутковъ кожи. Въ 1832 г. польскіе изгнанники 1831 года узнали своего оригинальнаго земляка уже сѣдымъ старикомъ, уволеннымъ отъ работъ, но продолжавшимъ непосѣдиво таскаться по всему Забайкалью за кускомъ хлѣба, зарабатываемомъ различными способами. Вѣчный бродяга таскался по горамъ и лѣсамъ съ мѣшкомъ за плечами и бубномъ. Въ мѣшокъ онъ складывалъ куски руды, либо шеры, которые потомъ и продавалъ. Бубномъ подыгрывалъ гѣсени и гѣсенями подспирялъ работу, пронзительно-тонкимъ голосомъ вызывая воспоминанія о роднѣ въ полузабытыхъ польскихъ гѣсеняхъ. Мѣшекъ и бубень были съ нимъ неразлучны. Разъ натолкнувшись на земляковъ своихъ, на вопросъ ихъ о томъ, чѣмъ содержитъ себя, отвѣчалъ: милостынею людей, о которой не просить. На предложенную милостыню

стыню согласился, получалъ хорошее обезпеченіе, но благодѣяніями не воспользовался. Черезъ нѣсколько недѣль пребыванія въ домѣ изгнанниковъ, Левицкій выскочилъ, какъ обваренный кипяткомъ, собралъ рвань свою, взялъ иѣшокъ съ рудюю и бубень, и скаазавши: „*Wadzie mi tu zgotowi, wezse ojszuzno!*“! пустился на старую дорогу бродяжества. Остановившись въ какой-нибудь деревнѣ, заводилъ школу и нѣсколько недѣль училъ крестьянскихъ ребятъ, но, разсердившись и поворачывая на ребятишекъ, бралъ иѣшокъ съ рудюю, разогналъ свою школу и, ударяя въ бубень маршъ на погребеніе, покидалъ деревню. Крестьяне, по звуку въ бубень, узнавали, что учитель опять почувалъ въ себѣ волка. Ходя, такимъ образомъ, отъ деревни до деревни, вездѣ училъ, но вездѣ жгъ недолго. Однажды въ Култуминскій заводъ прѣѣхалъ горный начальникъ Татаринновъ. Все селеніе торжественно настроилось къ приему его и когда онъ спалъ самымъ приятнымъ образомъ, раздакъ стукъ въ бубень; Левицкій выдвинулъ генеральный маршъ. Безпокойство, причиненное имъ, привело его къ отвѣту. Ему грозили разбить бубень. Левицкій отвѣчалъ: „Вы начальникъ людей, а не бубновъ. Меня накажите и расшибите, но бубна не трогайте. Если хватить совѣсти бить старика, бейте, но берегитесь моего бубна“. Левицкаго рекомендовали чудакомъ и гнѣвъ начальства смягчился; начальникъ далъ ему рубль и отпустилъ безъ наказанія. Получая деньги, бродяга сѣвшилъ напиться пьянымъ. Разъ, не имѣя на себѣ ничего, кромѣ своихъ рваныхъ тряпокъ, свалился на морозѣ въ 25°, но не замерзъ, а отморозилъ только пальцы, которые, придя домой, самъ же и посвѣшилъ отрубить топоромъ. Добравшись изъ Шилкинскаго завода до Апатя, познакомился такъ съ арестантомъ изъ Московской губерніи, богатыремъ по росту и силѣ и къ тому же хвастливымъ. Богатырь приглашалъ на поединокъ, обѣщая полштофа тому, кто поборетъ, но никто не являлся. Левицкій, остановившись въ это время на площади, принялъ вызовъ и, какъ Давидъ, пошелъ на Голиаа. Молодой арестантъ сбросилъ съ себя армякъ и, засучивъ рукава рубахи, гордо ожидалъ противника. Левицкій, тѣмъ временемъ, сѣлся и подшучивая, неожиданно перевернулся и всталъ на рукахъ, поднявъ ноги къверху. Перевернувшись во второй разъ, онъ стрѣлой бросился на противника, ударилъ его каблукомъ въ переносье, потомъ схватился за ноги и быстро повалилъ подъ себя озадаченнаго и испуганнаго силача. Такова-то была старость этого человѣка, истаскавшаго свою жизнь въ бродяжествѣ! Къ прочимъ свойствамъ его должно отнести рѣзко проявившееся въ глаза безвѣріе, релігіозный индифферентизмъ. Онъ любилъ спорить со священниками и показывалъ глубоко

испорченную душу. Превословилъ всякому, священниковъ и церковниковъ хваталъ за ряссы и говорилъ: „Нѣтъ Бога!“! Кто готовъ былъ войти съ нимъ въ споръ, тѣхъ охотно подбивалъ и ублажалъ тѣмъ могъ этотъ Вальтеръ въ лохмотьяхъ. При такомъ паденіи онъ, однако, сумѣлъ уберечь съ давнихъ временъ неуступчивость, гордость и уваженіе къ собственному достоинству. На свои лохмотья онъ смотрѣлъ, какъ король на пурпуръ. Злодѣйствъ своихъ совѣстѣ не стыдился. Въ началѣ 60-хъ годовъ объ немъ уже не было слышно, вѣрнѣе онъ умеръ гдѣ-нибудь въ лѣсу, либо на пути къ какому-нибудь новому Хазаану, которые во всю жизнь казались ему не тѣми, все не по немъ, всё безъ соблаговъ на осѣдность. Неволя не сломала и не перемѣнила характера, но сдѣлала то, что въ зловонной ея атмосферѣ человѣкъ потерялъ внутреннія достоинства, достигъ до совершеннаго униженія и только на лучшей концѣ сталъ чудакомъ и не разучился гнѣть пѣсни отчаянія“.

За Байкаломъ, большею частью, дѣянія бѣглыхъ оканчиваются мелкимъ воровствомъ, на которое идутъ они, по силѣ обстоятельствъ, вынуждаемые голодомъ первопутя и предусмотрительностью для успѣха и облегченія дальнѣйшихъ странствій. Впрочемъ, на этотъ случай въ тюрьмахъ сложилась и выговорилась такая притча:

— Что же, батяка (спрашиваетъ сынъ у отца), ты меня посылаешь на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковницу нашель.

— Дуракъ! луковница, анъ копейка. Сто дунгъ, сто луковницъ, воть-те и рубль!..

Кстати: въ Сибири бродяжество до того за обычай, что даже въ сказкахъ (разумѣется, заимствованныхъ изъ Россіи) положенія сказочныхъ героевъ переводены на бродягъ и въ этомъ отношеніи сибирскія сказки являются съ значительными вариантами. Вотъ почему архивныя дѣла съ примѣчательною подробностью повѣствуютъ о похищеніяхъ бѣглыми лошадей. Похищеніе крестьянскихъ лошадей—самое обыкновенное и частое преступленіе бродягъ, идущихъ мелкими партіями, свидѣтельствующихъ этимъ о томъ, что они не на шутку собрались въ дальнюю дорогу, а вовсе не для легкой поѣтки пошалаить, покататься и развлечь скуку одиночнаго тоскливаго сидѣнія взаперти. Сибирь переполнена рассказами проѣзжихъ, которые сводятся почти всё на одно: на проселкахъ, въ угрюмой окрестности, натолкнулись на шайку бродягъ. Разбойничьи лица, осаяки, наружность показывали смѣлость и отвагу. Здѣсь она у себя, въ дѣсу, на волѣ, оборваные, съ топорами и ножами за поясомъ, нападутъ, ограбятъ и убьютъ. Бродяги робкими голосами попросили подаянія; такъ дѣлають зашедшіе далеко. Не такъ поступаютъ начинаю-

шіе свой путь. Хорошо обдумавшая побѣгъ, бывшая партія съ того начинается первые шаги на пути, что подстережетъ какогонибудь ротозѣя или просто одинокаго человѣка и ограбить. То и дѣло заводскіе слѣдователи записываютъ такіа показанія:

„Находились мы при шурфовкѣ въ Акатувскомъ рудникѣ, въ зимовѣ бѣжали оттуда. Пошли лѣсами къ Алгачинскому руднику, ночью скрывались въ чащадѣ. Не доходя рудника, увидѣли въ колѣхъ человѣка, собирающаго таловое лыко для приготовления въ казну ужичевъ; отняли у него ружье съ пороховъ и пулями. Зашли въ пады, называемую Талмакъ. Тутъ, при жженіи угля, находился отставной служитель; подождали мы, пріѣхалъ товарищъ на лошади, мы лошадь украли. Когда оба заснули, украли мы хлѣба 4 коврига, картузъ, шинель, кушакъ и кофевые чарки (родъ сапоговъ). Пошли на пашню, выпрыгнувъ двухъ лошадей изъ сохъ; на одной пади „Янки“ отняли у крестьянина сѣдо. Въ лѣсу встрѣтились съ 4 человѣками, бѣжавшими изъ Кутомарскаго завода. Отъ него пошли въ Доинской хребетъ и у деревни того же имени остановились. Я съ дружицею товарищемъ отправленъ былъ въ деревню для воровства коровы, но, увидѣвъ вѣдущихъ съ рудой конвойщиковъ, мы ударилась въ другую сторону хребта, гдѣ у встрѣтившагося крестьянина выпросили хлѣба. Отъ намъ далъ хлѣба и мы его не трогали“, и проч.

А то и такъ (по архиву Петровскаго завода): „Вѣгле съ Кары на р. Шилкѣ выстроили избу и зимовали въ ней. Весной согласились бѣжать дальше; въ ближайшей деревнѣ украли лошадей, одну лошадь отняли у встрѣтившагося имъ на дорогѣ братскаго. Въ одной пади жили съ недѣлю; товарищи по-знати слодили въ Петровскій заводъ и привели оттуда, для пропитанія своего, корову“, и проч.

Съ другою партіею встрѣтились конные бугаты. Вѣгле бросились на нихъ и всѣхъ съ лошадей поснимали, а сами сѣли и ускакали. Слѣшленные братскіе пришли въ заводскую петровскую контору жаловаться и, между прочимъ, рассказывали о томъ, что бродяги, взмостившись на братскіе коней, кричали имъ велѣдъ: „Можно васъ, братскихъ, легко намъ убить, такъ какъ мы-де уже каторжлага званія люди“.

— Безъ воровства и не пройдеши.— толкують сами бѣгле:— что украдеши, тѣмъ и проживеши; вшь прошенное, носишь брошенное, живешь краденнымъ. Какимъ бы способомъ нашъ братъ могъ такіа большія дороги дѣлать и такіе подвиги совершать? Отъ Нерчинска до Москвы дойти—не мутовку обливать.

Показанія эти находятъ себѣ оправданіе и въ архивныхъ вкладовыхъ, въ формальныхъ дѣлахъ. Вотъ, между прочимъ, изъ множества другихъ случаевъ, одинъ образчикъ (найденный на-

ми въ Калтѣ), образчикъ признанія, сдѣланнаго бѣглымъ, задавшимся одною изъ труднѣйшихъ задачъ бродяжества: изъ Охотскаго порта въ Якуту.

Являетъ признаніе мѣщанинъ якутскаго общества, наказанный за преступленіе кнутомъ и сосланный въ ссылку въ Охотскій портъ, а въ чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

„По конфирмаціи главной команды въ 1800 г. сосланъ я быть въ ссылку и препроводенъ подъ карауломъ, черезъ земскія правительства, и по приводѣ въ городъ Якутскъ сданъ былъ дворинскому засѣдателю и со онымъ былъ отправленъ, въ числѣ прочихъ преступниковъ 350 человѣкъ, для чищенія дороги къ рѣкѣ Маѣ, за присмотромъ казаковъ безъ всякихъ крѣпей. Слѣдуя къ рѣкѣ Маѣ, въ іюль мѣсяцѣ укравъ у якутовъ ружье и пять вотивовъ, изъ партіи бѣжалъ одинъ и въ хребтахъ сошелся съ таковыми же смыслными, всего шестью человѣками, и съ ними шель хребтами и лѣсами 45 дней, пытался украденнымъ въ разныхъ мѣстахъ у промышленныгъ тунгусовъ зафривить мясомъ. Вверхъ по р. Алдану напалъ мы на бѣглыхъ тунгусовъ 4 человѣкъ. Здѣсь товарищи отъ меня отстали, а съ тунгусами согласился, которые и вели меня на Амурь-рѣку къ устью, впадавшему въ море, называемому рааливу, гдѣ жительства орочены, и сами остались въ томъ мѣстѣ, а я оттолъ пошелъ одинъ по жалью, а гдѣ есть орочены, то, зайдя ко онымъ, вытребуя пищи, называлъ себя промышленнымъ и заблудшимъ человѣкомъ которые мнѣ показывали путь, какиимъ образомъ можно выдти къ р. Горбицѣ. По словамъ ихъ вышелъ къ оной, покралъ тутъ со стени лошадь; доѣхалъ на оной до г. Нерчинска ночью, переночевалъ у отставнаго солдата Семена (а чьяго прозывается—не знаю). А оттолъ ѣхалъ братскими улусами и мелкими деревнями, и, отѣхавъ отъ Нерчинска верстъ съ 200, переѣхалъ за границу; промѣнялъ тамъ мунгаламъ имѣвшіеся при мнѣ 5 котиковъ и винтовку, покраденные у якутовъ, за которые вымѣнялъ серебра съ 16 ланъ и чунчу (дешовую шелковую китайскую матерію). По вымѣнѣ оныхъ вещей слѣдовалъ до здѣшней крѣпости (Селенгинска) извѣстными мнѣ мѣстами, а укрывался въ домѣ матери. Сверхъ того воровства чинилъ: въ-1-хъ, толмача Анжикка быка шерстью бураго и безхвостаго; во-2-хъ, четырехъ лошадей; въ-3-хъ, двѣ лошади; въ-4-хъ, двѣ же лошади и всѣ оныя, также и прежнюю лошадь, на которой ѣхалъ, провелъ я за границу потаенными мѣстами и продалъ за валачныя деньги мунгаламъ (монголамъ) за сто руб., съ которыми прежде до ссылки имѣлъ дѣло. Вчерашняго числа примѣрно пополудни, часу въ 8-мъ, пришелъ въ здѣшнюю крѣпость и въ стоящемъ за выѣзжемъ рогаткою кабакѣ подѣ

ожинокъ выпить вина за три раза по 10 коп., а унагалъ ли сидѣлецъ, аять не могу. И оттолъ, мимо рогатки и гобвахты, прошелъ къ дому тетки подь окно и просилъ у нее хлѣба. На вызовъ мой выпелъ изъ избу какой-то служивый и отъ онаго я бѣжалъ, а гдѣ служивый остался, я уже не знаю. Потомъ уже, въ другой или третій разъ пришедъ въ дому тетки, вызвалъ ее на дворъ и въ то время выбѣжали изъ двора, а сколько человекъ, не упомяну, втащили меня въ избу, а оттолъ взять на гобвахты. А имѣвшій на мнѣ лабашекъ (полушубокъ), камзолъ и котомку съ деньгами, кто съ меня снялъ или я самъ сбросилъ, того за пьянствомъ не упомяну“. Прозваніе это Карпъ Патюковъ учинилъ „чрезъ посаженіе въ деревянную колодку и устраиваніе посаженіемъ же въ большую колодку и желѣза“ (добавилъ къ дѣлу писарь).

Равсчитывающіе на дальнюю дорогу бывалые бродяги весьма нерѣдко запасаются фальшивыми паспортами. Мастерять ихъ сами въ тюрьмахъ, покупать и на сторонѣ у знающихъ это мастерство людей, крадутъ по ночамъ и у тѣхъ счастливыхъ товарищей, которые успѣли записаться ими. Попадаются иногда на томъ, что полуграмотный писарь выставитъ очень крупный номеръ, длинную цифру, но чаще пропускаютъ ихъ безъ паспорта вездѣ тамъ, гдѣ бродяжьи дѣла за великій обчужай. Съ паспортомъ бродяга, разукрѣтая, всѣми мѣрами уклоняется оттого, чтобы не встрѣтиться съ опасными и гибельными случайностями, которыя могли бы повернуть заработанный путь на обратную. Выгоднѣе для бродяги пробраться безъ задержекъ на широкій просторъ матушки-Сибиря и тамъ уже подвергнуться всѣмъ неожиданностямъ и случайностямъ бродячей жизни. Полегчѣе совершить мелкое воровство, вынужденное голодомъ и крайностью, чѣмъ прежде времени лишитъ себя тѣхъ удобствъ, которыя такъ легко достаются въ предѣлахъ Восточной и Западной Сибири. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что многіе бѣглецы, не доходя еще до Байкала, погибаютъ: кто заблудится въ глухихъ тайговъ мѣстахъ и умретъ тамъ съ голода, кто, дерзко доверившись углой лодкѣ, потонетъ на бурливомъ Байкаль-морѣ, „отправится на дно омулей ловить“.

Кромѣ известной пѣсни, сочиненной какиъ-то опытнымъ стихотворцемъ, существуютъ цѣлыя разсказы неподдѣльные, изъ которыхъ намъ кажется искреннѣе и характернѣе другіхъ нажездующій, а потому мы и приводимъ его со всѣми подробностями.

Вѣдутъ трое и доходятъ до р. Селенги, на берегу которой видятъ готовый плотъ, приспособленный для хягянскаго хлѣбаного транспорта. Плотъ этотъ бѣглецы спускаютъ въ воду и плывутъ на немъ лужкою въ устье, т. е. въ

озеро Байкаль. На Байкаль ихъ встрѣтилъ попутный вѣтеръ, направлявшій ихъ прямо на Николаевское селеніе и Лиственничную стацію. На серединѣ оаера вѣтеръ переимѣнился и плоть поволокло въ противоположную сторону къ Баргузину и грозило затопить въ мертвый и безлюдный уголь Байкала, къ Дущкаману. Для бродягъ наступили третьи сутки голода и холода: вѣтеръ знобилъ ихъ тѣла, истощенныя постомъ, и съ усгѣхомъ боролся съ ихъ обрванною и намызганною одеждою. Пловцы пришли въ крайнее изнеможеніе. Одинъ изыскъ совсѣмъ, мучился, крѣпился и, не выдержавъ напора бѣдствій, на глазахъ товарищей опустился въ воду и потонулъ.

„Мы перекрестились оба. Къ вечеру и другой мой товарищъ опустился слѣдомъ за нимъ. Я опять перекрестился. И мнѣ туда же лежала дорога, да знать здоровъ и крѣпокъ былъ, да на роднѣ, въ деревнѣ, можетъ старуха мать за меня Богу помолиться. Прибыло мой плоть къ берегу. Я выпелъ мокрымъ и пошелъ брести на удачу. Увидалъ дымокъ звѣровщика - русскаго; подошелъ къ нему, спокаялся; накормилъ. „Живи-де у меня въ работникахъ“. Ладно! Жилъ я у него въ сторожкахъ, въ его промысловой избѣ. Да скучно мнѣ стало: онь уйдетъ въ лѣсъ бѣжковать, а мнѣ и говорить не съ кѣмъ, слова перекинуть не съ кѣмъ, козаныи и собакъ всѣхъ уводитъ съ собой. Ушелъ я отъ него: пойдуча, молъ, къ своимъ старымъ товарищамъ на заводу. На дорогѣ мнѣ бурята попались, связали меня и привели на Бару. Тамъ мнѣ, дѣло извѣстное, розогъ надавали, сколько втѣло, и указали жить не по своей, а по ихней вогѣ“.

Иного бѣглеца назомаютъ мѣдвѣдь въ лѣсу, отоцавшаго и вмяченнаго, тѣмъ болѣе, что горы и отроги Яблоноваго хребта такъ многочисленны, переваты и перепутаны, такъ много въ нихъ фальшивыхъ падей, обманчивыхъ колковъ, что и самый опытный бродяга имѣетъ полное право растеряться, придти въ отчаяніе, потерять рѣшимость и твердость духа и заблудиться или провалиться. Нѣкоторые бродяги, счастливо одолевшіе лабиринтъ лѣсовъ и горъ, сейчасъ же за ними попадаютъ въ новыя опасныя мѣста съ правомъ умереть съ голоду на обширной Братской степи, гдѣ самъ буратъ ѣсть нлохо, живеть разбросано и все стремится встать жильемъ по окраинамъ степи, поближе къ жильямъ русскимъ и къ лѣсамъ, а стало быть и къ водѣ. Не лучше и дальше, если попадетъ онь на такъ называемую кругобайкальскую дорогу или „кругоморскій путь“, идущій безлюдными мѣстами, съ которыми воть уже сколько лѣтъ не можетъ сладить искусство сибирскихъ нижеверовъ и старанія подрядчиковъ. О многіхъ бродягахъ высылаются только глухіе рапорты многіхъ уѣздныхъ полицейскихъ

властей, что вот найденъ въ такомъ-то „зимовъи неизвестный бродяга замерзшии“, на такой-то „заикъ, въ банѣ, столько-то умершихъ, вѣроятно отъ угара“. Великое множество бродягъ представляется въ заводы и на судъ въ саняхъ и телѣгахъ съ отмороженными руками и ногами, окочевѣвшими на морозѣ до смертельной агоніи. Серьезныхъ ушибовъ и разныхъ вывиховъ бродяги уже въ счетъ не ставятъ, дѣло обыкновенное, каждому набѣжать приводится. Рѣдкій изъ вернувшихся не вывихнулъ либо руки, либо ноги, не зашибъ спины, либо боковъ и груди.

Какъ ни значительно число погибшихъ въ Забайкальѣ, все-таки еще очень много изъ является за Байкаломъ на безконечныя хлопоты земскихъ властей, на безпокойство мирныхъ и честныхъ обитателей изъ сибирскихъ старожиловъ по деревнямъ и селамъ, по городамъ уѣзднымъ и губернскимъ. Трудно одолѣвать бѣглымъ забайкальскимъ пустынямъ. Бродяги по сю сторону Байкала, въ мѣстахъ, по гущи населенныхъ, считаютъ себя почти внѣ всякой опасности: уже на югѣ Иркутской губерніи и даже вблизи губернскаго города они становятся смѣлѣе и развязнѣе. Въ окрестностяхъ города Иркутска у нихъ какъ бы первая станція съ продолжительнымъ отдыхомъ; здѣсь они набираются и новыми силами и новыми свѣдѣніями и паспортами, а смѣлы и развязны становятся на столько, что даже пошалаиваютъ. У самаго города Иркутска, на такъ называемомъ „Островѣ Любви“ (противъ московскаго перевоза черезъ Ангару), найдены были дѣлатели фальшивыхъ видовъ, материалами для которыхъ служили аттестаты и прочіе документа, выкраденные изъ присутственныхъ мѣстъ. У пойманныхъ отобраны были паспортные бланки, указы объ отставкѣ нижнихъ чиновъ и печать конторы иркутскаго военнаго госпиталя. У подгородныхъ крестьянъ то и дѣло случается такого рода горе. Приходятъ къ нимъ наняться въ работу неизвестные люди. Рабочій дорожъ, крѣпко нуженъ такъ, что уже и такой обычай установился, чтобы приручить его къ себѣ крупнымъ задаткомъ (безъ задатку въ Сибири никто шагу не дѣлаетъ). Даютъ задатки большіе, пойдутъ предъавлять видъ въ полиціи, а виды такъ, сплосъ и рядомъ, оказываются фальшивыми, но при этомъ зачастую только опытный полицейскій глазъ различаетъ поддѣлку отъ настоящаго. Получившіе задатки, само собою разумѣется, богаты. Мы помнимъ два случая, изъ которыхъ въ одномъ полиціи посланецъ 26 руб. задатка, въ другомъ крестьянинъ 10 р., представившій въ полицію оставленные имъ въ обезпеченіе документы, написанные одкою рукою и завѣренные одинаковыми печатами. Вросаясь по горячимъ слѣдамъ и, на 19-ой верстѣ отъ Иркутска (на московскомъ трактѣ), настигли

виновныхъ, сознавшихся въ составленіи фальшивыхъ видовъ, въ поддѣлкѣ печатей, въ перемѣнѣхъ именъ, побѣгѣ съ золотыхъ промысловъ и въ совершеніи различныхъ кражъ въ Иркутскѣ. Кражи въ Иркутскѣ—явленіе обычное и притомъ совершаются съ поразительною ловкостью и изобрѣтательностью.

Прибрежные жители Ангары каждымъ весною, тотчасъ же по проходѣ льда въ рѣкѣ, видали плывущіе мимо маленькіе, на скоро сплоченные плотыки, шириню бревна въ три-четыре, связанные ветлами и на нихъ груды ветоши (прошлогодней травы), какую нибудь носильную рвань и по два по три человекъ рабочихъ. Это—бродяги, пустившіеся искать себѣ счастья на бойкой водѣ этой замѣчательно быстрой и оригинальной рѣкѣ; пороги они обходятъ пѣшкомъ и ниже ихъ дѣлаютъ новые плоты. Выстрота теченія, усиленная еще, сверхъ того, весеннею водою, позволяетъ бродягамъ доходить до такой смѣлости, чтобы шлыть подъ самыя окнами каторги (каковъ былъ иркутскій солеваренный заводъ) и даже отдыхать на заимкахъ въ са мой близкой окольности ея. Начальство заводовъ, обремененное опекою и надзоромъ за собственными каторжными, равнодушно смотрѣло на проѣзжихъ съ чужой каторги и, страдая недостаткомъ людей въ собственныхъ заводскихъ командахъ, находилось даже въ невозможности преслѣдовать прибылыхъ и новыхъ. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда губернское начальство, напр., казенная палата, задастъ большой заказъ на вино или соль, а рабочихъ рукъ не достаетъ (своихъ заводскихъ рабочихъ много въ бѣгахъ), заводское начальство командировало солдатъ для осмотра сосѣднихъ заимокъ и отъ этого маневра было всегда въ барышахъ. Солдаты въ одинъ разъ приводили человекъ по 12—15 бѣглыхъ, изъ которыхъ обыкновенно цѣлая половина просила одной только милости: задержать ихъ на заводѣ и не пересылать на перчинскую каторгу, откуда сбѣжали они и куда не хотѣли бы возвращаться. Немалая часть бѣглыхъ уходила дальше и, добравшись до золотыхъ приисковъ частныхъ людей, живутъ тамъ лѣтъ по 8—10, получая денежную плату, хотя и ничтожную.

Въ глузое время бродягъ обыкновенно ловить не часто, а потому рѣдкій проѣзжій по сибирскому тракту, въ любомъ мѣстѣ до Урала, не встрѣтитъ артедей бродягъ человекъ 5—6 (а иногда и до 30-ти виѣстѣ), скромно пробирающихся по направленію къ Россіи, съ котомками за плечами, съ сагогами про запасъ. Такими рекомендовали намъ понимать тѣхъ нашихъ встрѣчныхъ, которые пять разъ перерѣзали намъ дорогу отъ Екатеринбургѣ до Иркутска и которые, по туземнымъ примѣтамъ, тѣмъ отличаются отъ невнятныхъ путниковъ, что виѣютъ про всякій случай, на дневную пору,

робкій, запуганный видъ и рѣдко находчивы до того, чтобы снять пробѣжну шапку, какъ дѣлають это поголовно всѣ сибиряки не изъ бѣглыхъ. Туеъ (буракъ) у пояса, да топоръ за поясомъ, нищенское одѣяніе (старыя измятыя сермяги), за плечами мѣшки, да блѣдныя, измученныя лица съ синими кругами подъ глазами—считаются также въ числѣ обычныхъ бродяжьиъ признаковъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, если они попадаются вблизи Уральскаго хребта, эти прохожіе все-таки на большую половину бродяги, бѣглецы съ заводовъ, которымъ смирность и кротость помогли одолѣть всѣ соблазны: и Красноярскъ и Томскъ. „Красноярскъ,—говорятъ бѣглецы:—строгий городъ и не мастеръ юзать у себя вольныхъ охотниковъ, свободныхъ путешественниковъ; Томскъ—такой городъ, гдѣ нѣкогда былъ для вольнаго житія бродягъ широкій просторъ при помощи разныхъ случайно сложившихся обстоятельствъ“. Томскъ, и въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ такихъ городовъ, гдѣ дѣятельность полиціи больше всѣхъ сибирскихъ городовъ находится въ затрудненіяхъ и гдѣ меньше всего частная собственность находилась въ безопасности. Хроника полицейской практики, по поводу убійствъ, кражъ, грабежей и мошенничествъ всякаго рода въ городѣ Томскѣ обильно испещрена весьма крупными и яркими чертами. Судя по хроникѣ этой, Томскъ какъ будто центральное мѣсто для отдохновенія ссыльныхъ, вродѣ огромнаго постоялаго двора, а городскія задворья нѣчто даже вродѣ базара или даже ярмарки *). Зашалившись, нанграившись и отдохнувъ здѣсь, счастливые изъ бѣглыхъ идутъ дальше съ тѣмъ же смущеннымъ видомъ и кроткимъ сердцемъ, мало обращающаго вниманія на бѣдующихъ на встрѣчу, не поднимая даже глазъ на нихъ, какъ бы появленію ихъ отъ давней привычки не придають въ этихъ мѣстахъ никакого значенія. Въ крайнихъ случаяхъ они приближаются къ коневѣ, просятъ милостыни и только въ самыхъ крайнихъ и очень рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются грабить и убивать. Да къ этому и большой нужды не предвидится: бродяга въ этихъ мѣстахъ уже сытъ, да и весьма близокъ къ цѣли странствій. Бараба живетъ доживито и по ней на каждыхъ 20 верстахъ вытянулись людныя деревни, которыя и сыто ѣдятъ и въ работѣ, при богатствѣ удобій, нуждаются. Къ тому же нѣгнѣшіе жильцы этого коммерческаго тракта сами либо дѣти, либо внуки и правнуки такихъ же несчастныхъ и

ссылныхъ людей. Въ таковыя мѣстахъ бродяги не задумываются безобязательно входить въ самыя деревни и подъ видомъ нищихъ и богомольцевъ выпрашивать подъ окнами плаксивымъ голосомъ, на шагѣвъ „Милосердной“: „Милостивые наши отцы и матушки, не оставьте несчастныхъ прохожихъ! Христа ради, подайте милостынку“. Если прежніе крестьяне не ловили бродягъ изъ состраданія къ нимъ: „пушай-де идутъ себѣ съ Богомъ, зачѣмъ мы ставемъ обижать несчастныхъ, на что у нихъ свое начальство есть“, то барабинскіе жители и тѣ, которые живутъ благодушно и богато по Иртышу и дальше, угнѣють издавна обращать слово въ дѣло. Въ этихъ деревняхъ и селахъ милостынею несчастному обязываетъ себя всякая доживитая и сердобольная хозяйка, выставляя за окно на улицу на особой полочкѣ первый подвернувшийся подъ руку харчъ и хлѣбъ въ достаткѣ. Пропадеть этотъ хлѣбъ и харчъ съ окна и полочки—хозяйка сотворитъ благодарственную молитву, крестъ на себя положитъ и опять поищетъ остатковъ и выставитъ за окно новую и овѣжью провизію. Такъ ведется дѣло искони и по всѣмъ сполучнымъ для бродягъ деревнямъ не только въ Сибири, но даже и кое-гдѣ въ Россіи. Прежде обычай этотъ былъ повсемѣстенъ, теперь онъ ослабѣлъ отъ преслѣдованій и внушеній, а полочку съ хлѣбомъ велеть искать теперь прямо и безъ церемоній въ самой избѣ на красномъ столѣ, а ночное ложе въ подизбицѣ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію то, что, поселившись въ хѣсныхъ землянкахъ, бродяги зачастую выходятъ въ деревни просить милостыню на правахъ нищихъ либо погорѣльцевъ. Сбившіеся въ большія артели бѣглецы рѣшались даже затѣвать по деревнямъ пѣніе пѣсни „Милосердной“, по образцу этапныхъ партій. Давно практикуемый въ Россіи обычай съять горохъ и рѣпу около дороги на помощь и лакомство для прохожихъ, въ Сибири сталъ обязательнымъ въ такой степени, что продукты эти уже и не съють иначе, какъ у самаго полотна пробѣжней дороги, у самыхъ пѣшеходныхъ тропъ про нужду бродягъ и въ отвращеніе вѣроятныхъ бѣдъ отъ голодамыхъ. Сибирская рѣпа вкусна и крупна, а потому у дороги всегда выщипана, во имя закона соединять пріятное съ полезнымъ.

Оправданіе этому явленію можно искать въ такой же живой самцати простолудиновъ средней и южной Италіи къ бандитамъ—этимъ изгнанникамъ, поставленнымъ виѣ закона и ушедшимъ въ горы разбойничать, въ недовѣрїи къ правосудію судебной власти, во многомъ не согласной съ юридическими понятіями и обычаями самого народа. Находите ее въ чувствѣ народнаго самосохраненія, желающаго предупредительную дачею отвратить вѣроятный фактъ сурдятаго и смѣлаго нападенія голодающаго и, въ

*) Но и для Томска бывали строгія времена и бродяги, говорятъ, подходя къ городу, стали о-вѣдомляться, «кто правитъ полиціей, и если-де все еще Петька Любимовъ—то ну, его къ черту!»—и ходитъ нечего, не рука!». Однако, послѣ него въ 1863 году, въ первые три дня Свѣтой недѣли полиція нашла семь труповъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть лежала подлѣ разграбленныхъ лавокъ.

случае отпора, мести его за неудачу; находите причину таковой благотворительности въ христіанскомъ чувствѣ сѣрдолобія къ несчастной братіи, которую незапамятный народъ нашъ переставъ считать преступною, коль скоро преступленіе выкулено карою и очищено возмездіемъ, хотя и заслуженнымъ, но все-таки обращающимъ вора и душегубца въ жертву, возбуждающую состраданіе. Можетъ быть, и вѣрнѣе всего, главная причина покровительства и защиты бродягъ въ путешествіи—во всѣхъ этихъ чувствахъ вмѣстѣ вятыхъ, но не въ нынѣшней любви къ удалымъ добрымъ молодцамъ, а именно въ той тоскѣ о памяти времени „штанья“, тоскѣ, которая до сихъ поръ громко сказывается и сильно заявляется въ безчисленномъ множествѣ видовъ бродячества. Значительная часть ихъ обусловлена даже кореннымъ законнымъ дозволеніемъ и самая большая половина обезсилила законъ и живетъ помимо его прочно и крѣпко. Бродяжествомъ жила Русь далеко послѣ тѣхъ временъ, когда плотили ее въ государство; бродягами расширила она свои предѣлы и ими же отстояла свою независимость отъ дикихъ кочевыхъ ордъ, направившихъ на нее съ востока и юга. Бродяги колонизировали сѣверъ, завоевали Сибирь, населили Донъ и Уралъ, когда еще это слово не получило настоящаго своего значенія и нынѣшніе бродяги носили названіе „гулящихъ, пришлыхъ, вольныхъ людей“. Не умалило этого народнаго коренного свойства искать способныхъ и выгодныхъ мѣстъ на свободномъ и широкомъ раздольѣ земли своей и Московское государство, когда ослаблено было экономическое и государственное значеніе Финшова заговѣнья и уличтоженъ крестьянскій выходъ на Юрьевъ день. Бродяжество, какъ вольный переходъ съ однихъ земель на другія, и теперь живетъ въ народѣ, какъ одно изъ коренныхъ началъ его быта, и движетъ народомъ на всѣхъ путяхъ, хотя и подъ другими именами, съ иными оттѣнками. Проявилось въ немъ и святое религіозное чувство; почувствовали въ аelementахъ его нужду для себя и торговля, и ремесла и промыслы, и самая общественная жизнь успѣла уже вырождать настоящихъ бродягъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и на нихъ поба затворилась. Бродячеству еще долго придется жить на Руси и въ народѣ.

Замѣчено, что большая часть бѣглыхъ не заходитъ дальше предѣловъ Западной Сибири. Чаще другихъ посылаютъ иркутскій, нижеудинскій, канскій и канскій земскіе суды, но всѣхъ чаще ялutorовскій (Тобольской губерніи), хотя сюда-то по преимуществу и направляются бродяги, желающіе попасть на Волгу и въ южную Россію. Бѣглецъ изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобольской губерніи) наладили и завоевали себѣ путь въ Россію по направленію

на гор. Челябину, а оттуда уже на Уфу и дальше, куда кому вѣдуается. Этапной дороги по Россіи боятся, ходятъ дорогами малоторенными, но по Сибири зачастую, говорятъ, почуютъ на этапахъ, въ самыхъ полустанныхъ зданіяхъ, пользуясь прежнимъ знакомствомъ и побратимствомъ съ солдатами.

Весною 1866 г., по поводу одного убійства, сдѣлали тщательные розыски около Омска и въ недѣлю наловили 180 бродягъ. Замѣчено, что особеннымъ усердіемъ и настоячивостью на побѣги отягчаются мусульмане (татары и горцы), съ тупымъ равнодушіемъ выживающіе каторжные сроки, но бѣгущіе тотчасъ на родину, лишь только выпустятъ ихъ на прощтаніе или на поселеніе. Такое явленіе подгнѣно было начальствами и вызвало сенатскій указъ, который установилъ: вслѣдствіе безпрестанныхъ побѣговъ изъ Сибири сосланныхъ на каторгу магометанъ, такихъ преступниковъ изъ губерній Казанской, Сибирской, Пермской и Оренбургской отправлять на будущее время въ финляндскія крѣпости. Впрочемъ, судя по цифрамъ сосланныхъ мусульманъ послѣ изданія этого указа, послѣдній не привѣнялся въ полной силѣ: мусульмане ближайшихъ къ Сибири губерній бѣгали навадъ, пользуясь близостью мѣста и удобствомъ прикрытій. Бѣгали и черкесы, безсильные совладать съ острыми принадлежками опасной болѣзни „тоска по родинѣ“. Извѣстный путешественникъ по Сибири Аткинсонъ въ непроходимыхъ окрестностяхъ Алтынь-Куля и долины Бин встрѣтилъ партію въ 40 человекъ такихъ бѣглыхъ черкесовъ.

„Занимаясь въ россыпяхъ промыскою золота, черкесы съумѣли тайно припрятать небольшое количество золота, на которое добыли себѣ необходимое оружіе и снаряды къ нему. То и другое было спрятано ими въ одной отдаленной пещерѣ, находящейся въ дикой недоступной мѣстности. Въ условленный день они бѣжали всѣ разомъ изъ разныхъ рудниковъ, гдѣ были распределены по работамъ, и довольно удачно соединились въ пещерѣ. Потомъ они успѣли захватить киргизскій табуръ, изъ котораго выбрали себѣ хорошихъ скакуновъ, принудивъ пастуховъ быть ихъ проводниками черезъ Саянскій хребетъ. Лѣсъ служилъ имъ палаткою, лѣсная дачь—пищею. Конечно, голодъ и нужду приходилось имъ терпѣть очень часто, но надежда поддерживала смѣлыхъ горцевъ. Наконецъ, все-таки они достигли такихъ мѣстъ, гдѣ проводники сказали имъ, что дальше не знаютъ, куда вести ихъ. Черкесы отпустили проводниковъ и пустились далѣе на удачу. Ужасныя, крутыя пропасти Алтая и дикіе горные потоки принуждали ихъ къ безконечнымъ обходамъ и переходамъ и до того сбили съ толку, что они, наконецъ, попали въ трущобы Алтынь-Куля. Тутъ-то у нихъ и произошла стычка съ

обитавшими там калмыками. Хотѣли ли послѣдніе захватить ихъ въ плѣвъ и потомъ выдать русскимъ, или черкесы, вынуждаемые крайностью, прибѣгли къ насилію, этого нельзя было узнать: результатъ былъ, однако, тотъ, что нѣсколько калмыковъ было убито, и аулъ ихъ былъ преданъ пламени. Обстоятельство это послужило сигналомъ къ заключительному акту трагедіи. Быстро разнеслась вѣсть о появленіи вооруженныхъ людей и, переходя изъ аула въ аулъ, достигла, наконецъ, съ подобающимъ увеличеніемъ до казачьяго поста Сандикскаго. Случалось, что командовавшій въ форпостѣ офицеръ былъ тогда немного болѣе обыкновеннаго веселъ, по случаю праздника“. Долго не размышляя и не теряя времени на безполезныя думы, онъ тотчасъ же отправилъ въ Барнаулъ нарочнаго съ тревожнымъ извѣстіемъ. Извѣстіе пришло въ то время, когда развеселый Барнаулъ приготавлился къ предстоящимъ баламъ и святочнымъ увеселеніямъ; сказали, что три тысячи азіатовъ идутъ вѣшать этимъ удовольствіемъ и, вмѣсто паркетнаго вальса, могутъ заставить кружиться въ пескѣ на арканѣ. Весь городъ пришелъ въ страшное смущеніе. Новые вѣстники изъ долины Вин говорили, что войска состоятъ изъ семи тысячъ человекъ, а другіе даже увѣряли, что всего десять тысячъ, снабженныхъ ружьями и проч. Между тѣмъ, дѣло кончилось, по словамъ Аткинсона, слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ общества калмыковъ, населявшихъ долину рѣки Вин и окрестности Ахтынь-Куля, соединились и, зная отлично всѣ ущелія и тропинки, сначала преградили черкесамъ пути ко спасенію, а потомъ загнали ихъ въ такую тупую, откуда не было никакого выхода. Когда, наконецъ, черкесы приближились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, между ними и калмыками завязалась отчаянная перестрѣлка. Скрываясь въ засадѣ, калмыки были въ очевидныхъ выгодахъ передъ черкесами и могли стрѣлять въ нихъ почти въ упоръ. Черкесы такъ и падали одинъ за другимъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ своихъ озлобленныхъ враговъ. Къ вечеру того дня число черкесовъ съ 40 уменьшилось до 15, которые, побросавъ своихъ лошадей, пытались было по острымъ камнямъ и утесамъ выползти изъ ущелья. Не перекусивъ за цѣлый день ни крошки и совершенно выбившись изъ силъ, они принуждены были провести ночь на голыхъ камняхъ, подъ открытымъ небомъ. Когда разсвѣло, черкесы пустились карабкаться дальше и уже доползали до маленькаго дѣсочка, какъ вдругъ на встрѣчу имъ раздался ружейный залпъ засѣвшихъ въ дѣсу калмыковъ: трое черкесовъ пали мгновенно, а еще пятеро были подстрѣлены на бѣгахъ. Отчаянная погоня возобновилась опять. Черезъ нѣсколько времени осталось въ живыхъ только четверо черкесовъ, которые успѣли скрыться въ дѣсу. Наконецъ,

кажется, сами стихіи рѣшились принять участіе въ борьбѣ. Небывалая по страшной ярости буря разразилась громомъ, молніею, снѣжною вьюгою и всяческими невзгодами. Калмыки принуждены были поспѣшно отступить, предоставивъ рѣшенію высшихъ силъ конецъ этого печальнаго акта. Четыре дня длилась буря съ буряномъ и ни единая живая душа не слыхала потомъ ничего объ остальныхъ четырехъ черкесахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они вскорѣ потомъ погибли отъ голода, холода и страшно мучившей ихъ жажды“.

Не лучше этой участи и всѣхъ другихъ горцевъ, имѣющихъ обыкновеніе, вопреки общимъ бродяжьиимъ порядкамъ, направляться въ киргизскія степи, а между прочимъ и тѣхъ, о которыхъ существуетъ въ Сибирѣ такая легенда.

Нѣсколько бѣглыхъ горцевъ брели, томимые голодомъ и жаждою, по необитаемой степи киргизовъ. Но судьба была настолько къ нимъ милостива, что указала имъ въ одномъ мѣстѣ верблюда. Приблизившись къ нему, они нашли его живымъ и привязаннымъ къ кургану. На курганѣ лежало все то, что имъ было надо: кусокъ жаренаго мяса, чашка варенаго риса, чашка кумысу и еще кое-что изъ съѣдобнаго, а между прочимъ кошма (войлокъ), халатъ, башмаки и еще что-то носильное. Все это свидѣтельствовало о томъ, что бѣглецы пришли на могилу киргиза, здѣсь погребеннаго съ любимыми вещами и вѣдовымъ верблюдомъ. Бѣглецы потребовали все съѣстное и, замѣтивъ во взглядѣ верблюда что-то умоляющее и печальное и почувствовавъ въ сердцѣ участіе къ нему, безъ сомнѣнія обреченному на голодную смерть, отвязали верблюда и пустили на волю, а сами, въ свою очередь, отправились дальше. Верблюдъ пошелъ за ними. Прибавляя шагъ и рассчитывая въ верблюдѣ найти предателя, бѣглецы прятаясь за песчаные холмы, чтобы скрыться изъ глазъ его, но не достигали цѣли. Припадая къ рытвинамъ, они ложились и отдыхали—преслѣдовавшій ихъ верблюдъ также ложился и отдыхалъ. Но лишь только они поднимались, пускались въ путь дальше, рассчитывая, что верблюдъ спитъ и не видитъ, верблюдъ, вѣроятно, движимый чувствами привязанности за спасеніе, также поднимался съ мѣста своего ночлега, вытягивалъ свою длинную шею и, пользуясь широкимъ кругозоромъ ровной степи, выслѣдывалъ своихъ спасителей и пускался слѣдомъ за ними въ догонку. Разъ даровавъ ему жизнь, бѣглецы изъ личныхъ расчетовъ не рѣшились пресѣчь ее и, такимъ образомъ, сами повали на арканѣ киргизовъ, нашедшихъ могилу соотчужа святотатственно ограбленною и рокового верблюда отвязаннымъ. Бѣглецы были связаны и представлены въ Омскъ для того, чтобы рассказать въ тамошней пересыльной тюрьмѣ эти свои приключенія. Въ Перчинскихъ заводахъ начальники ихъ изъ опыта и многолѣтнихъ наблюде-

ный вывели то замѣчаніе въ добавокъ ко всему, что бѣглецы мусульмане довольствуются тѣмъ, что скрываютъ подышать воздухомъ родныхъ горъ и долинь и снова возвращаются на каторгу, какъ бы считая для себя постыднымъ и грѣховнымъ дѣломъ обходить судьбу и бороться съ нею собственными людскими средствами. Не даромъ же они покорялись ей во все время, назначенное для каторжныхъ работъ, и пустились въ бѣгу только потому, что связали съ ногъ пути и дали достаточно свободы, чтобы ею воспользоваться и подлечиться отъ неизбежной тоски по роди́нѣ.

Конечно, не дѣлаютъ такъ бѣглецы изъ русскихъ преступниковъ. У этихъ свободаго, произвольнаго возвращенія не замѣчено. Напротивъ, бѣглецы русскіе, въ большинствѣ своемъ стараются не только добраться до родного непелица, но и забѣжать дальше я, если возможно, пожить повеселѣе и почуднѣе. По Сибири, въ пятидесятыхъ годахъ, двое осмыленныхъ, подъ видомъ ревизора-генерала, ѣздили по городамъ съ фальшивыми паспортами и наводили на всѣхъ чиновниковъ страхъ и ужасъ. Поссорившіяся между собою, пошли опять въ каторжные тенета. По Тобольску долгое время ходилъ юродивый, бывший у тамошнихъ дамъ въ великомъ почетѣ: его кормили, ублажали, считали святымъ человѣкомъ. Мужья, справившіяся съ карманами, стали подозревать его и слѣдить за нимъ, особенно за длинными, грязными волосами, которые безобразно закрывали все лицо юродиваго. Навели справки, сдѣлали легонькій осмотръ: на лицѣ святоши оказались невытравленные каторжные клейма, а юродивый—бѣгло-каторжникомъ изъ тюменскихъ купеческихъ синовей. Въ 1863 году бѣглый солдатъ пермскаго батальона Софроновъ, подъ видомъ и званіемъ капитана турецкаго флота и полковника де-Северина, напалъ по Сибири: въ Тобольскѣ не совсѣмъ удачно, въ Тарѣ съ пріобрѣтеніемъ значительныхъ суммъ взаимны, въ Томскѣ съ приглашеніемъ на балы и обѣды. Въ Красноярскѣ въ немъ усомнились, заковали въ кандалы, посадили въ секретную чижовку и пригрозили плетями. Съ одного изъ этаповъ за Красноярскомъ Софроновъ опять бѣжалъ, опять надѣлъ гусарскій мундиръ и снова мошенничалъ на право и на лѣво до Иркутска. Въ Иркутскѣ опять его заковали и сослали дальше, преградивъ ему путь къ дальнѣйшимъ обманамъ и самозванству. Ни съ приглашеніемъ, ни безъ приглашенія онъ уже никогда и ни къ кому не ѣздилъ, не бралъ взаимны денегъ и не вымывлялъ ловкихъ и неловкихъ надувательствъ. Словомъ, проказъ бродягъ по Сибири не оберешься.

На этомъ для опытныхъ и терпѣливыхъ бѣглыхъ не конецъ. Нѣкоторымъ удается пошлать и проказничать и въ самой Россіи, которая въ этомъ отношеніи не строже Сибири. Въ Россіи пути каторжныхъ безпредѣльно широки и длинны.

Какъ иѣкогда въ нихъ находили для себя много питательныхъ и готовыхъ началъ всѣ тѣ систематическіе разбои (особенно волжскіе), которые еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія были сильны, такъ и теперь въ этомъ элементѣ заключено еще не мало опасности и онъ самъ въ себѣ представляетъ еще много живучей силы и дѣятельности.

Когда, во время разбоевъ Быкова подъ Казанью и послѣ ареста его въ тамошнемъ тюремномъ замкѣ, потребовалось поисковать и найти бѣжавшаго его товарища и самаго главнаго злодѣя Чайкина, городская полиція сдѣлала повальный по городу обыскъ. Обыска этого не счѣтали сдѣлать внезапно; значительно огласило его само общество, принявшее живое участіе въ розыскахъ товарищей изъ шайки разбойниковъ, и сама полиція рылась по кабакамъ и тайникамъ долгое время, но все-таки успѣла въ самомъ городѣ Казани (съ 10 августа по 15 сентября) найти 17 человѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Одни оказались бродягами, не помнящими родства, другіе отлучившимися безъ дозволенія начальствъ и шатавшимися по городу безъ опредѣленной цѣли. Между ними третья часть, девять человѣкъ, оказалась бѣжавшими изъ Сибири съ каторжныхъ работъ. Таковыми же были и сами Дмитрій Ивановичъ Быковъ и Севастьянъ Васильевъ Чайкинъ, бѣжавшіе въ 1845 году вѣстѣ изъ Иркутскаго солевареннаго завода, а Федоровъ изъ Нерчинскаго.

Въ 1849 году, 23 іюня, дано имъ было по тысячѣ пятьсотъ ударовъ шпиртутенами, съ наѣреніемъ отправить въ каторжную работу безъ срока, но, бывъ отправлены въ лазаретъ, оба 25 числа умерли отъ воспаления легкихъ.

Извѣстный Гусевъ, нѣсколько разъ бѣгавшій изъ Сибири, разбойничалъ подъ Саратовымъ и въ самомъ городѣ святотатственно ограбилъ соборъ. Такой же веселый итсенникъ и несомнѣнный поэтъ Кармелюкъ разбойничалъ на Волгѣ и только измѣнѣ и подкупу обязанъ былъ тѣмъ, что его убили въ татѣ его возлюбленной.

Когда въ Астрахани, на волжскихъ рыбныхъ промыслахъ, велѣно было привести въ извѣстность количество рыбаковъ, не имѣющихъ паспортовъ, и земскими властями произведенъ былъ учетъ всѣмъ людямъ на всѣхъ ватагахъ, число бѣглыхъ выяснилось въ громадную цифру пятнадцати тысячъ. Близъ той же цифры полагаютъ число безпаспортныхъ на рыбныхъ ловляхъ Азовскаго и Чернаго морей. Полиція городовъ приморскихъ находится во всегданныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ при стремленіи охранять частную собственность гражданъ среди такого наплыва всякаго сброда людей, гдѣ почасту кто съ борка, кто съ сосенки, кто прямо-таки съ нерчинской каторги. Всегда подобный фактъ становится явнымъ, лишь только полиція, по какому либо возбужденію, усилить

свою дѣятельность, направляет свое вниманіе и старательнѣе осматриваетъ кругомъ себя. Въ Астрахани до сихъ поръ памятенъ человѣкъ, вѣсколько недѣль свободно ходившій по тамошнимъ рынкамъ (рынкамъ) съ подвязанными щемами, которыя потомъ оказались клеиными штемпелевыми точеными знаками, и видимо мирный обыватель былъ бѣгло-каторжникомъ. И едва ли гдѣ частная собственность наименѣе находится въ опасности, какъ именно въ тѣхъ городахъ, гдѣ безработье въ извѣстное время обуславливаетъ возростаніе многолюдія въ извѣстныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые города въ этомъ отношеніи получили даже крупную общественную извѣстность читателямъ нашихъ газетъ, обращающимъ вниманіе на болѣе характерныя иногороднія корреспонденціи. Не мудро такіе города распознать и выдѣлать.

Вообще, путь сибирскихъ бѣглыхъ по Россіи замѣчательно великъ, безконечно разнообразенъ подробностями и обстановкою и въ разнообразіи своемъ и тягучести какъ будто даже и кон-

ца не имѣеть. Обрываясь для однихъ, менѣе счастливыхъ и смѣлыхъ, онъ идетъ для другихъ, взысканнымъ слѣпымъ счастьемъ. Для ссыльно-каторжнаго Выкова онъ былъ черезъ кабакъ, два года тянулся по деревнямъ оренбургскаго тракта, оборвался на разбойнѣ въ Спасскомъ и Лашневскомъ уѣздахъ Казанской губерніи и подъ городомъ Казанью, и повернулъ было снова туда же, назадъ, на каторгу, но вдругъ пересѣлся по причинамъ, отъ самого Выкова не зависящимъ. Для бѣгло-каторжнаго Попова путь этотъ вышелъ на ветлужскія помѣстья, вывелъ этого смѣлаго искателя приключеній въ Петербургъ въ честь и славу, гдѣ то же счастье дало ему во владѣніе чинъ большой, два дома большихъ и большія кучи денегъ; оборвался этотъ путь на сенатѣ и опять повернулъ съ нимъ же, невоздержнымъ и заввавшимся на удачу счастливецомъ, на каторгу, снова туда же, откуда проходилъ онъ за этими предательскими податками слѣпому счастью.

Г Л А В А IV. НА ПРОПИТАНІИ.

Испытующіеся.—Воздержные.—Невоздержные.—Казенные порядки и степени облегченія.—Прикованіе къ гачкамъ.—Прикованіе на стѣнную цѣпь.—Колоколь.—Сумасшествіе.—Акатуй.—Тамошніе цѣпные.—Секретные.—Каторжныя селенія и жители.—Юрдовки.—Терсбиловки.—Фабрика фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными инструментами.—Желтая пшеничка.—Кармы.—Фабрикантъ черволицевъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажныя фальшивыя деньги.—Каторжныя болѣзни.—Пропитаніе.—Исправившіеся каторжники.—Шатаніе и воровство.—Увольненіе отъ работъ.—Каторжныя дѣти.—Пѣсня.

Прежде, чѣмъ смѣлый пріобрѣтетъ себѣ право выйти на пропитаніе, поступить въ разрядъ такъ называемыхъ пропитанныхъ, ему предстоитъ еще много степеней и разрядовъ. Вотъ этотъ порядокъ по официальнымъ бумагамъ, правиламъ и предписаніямъ. Начинаемъ съ каторги на заводахъ.

Всѣ ссыльно-работіе, по прибытіи на заводъ, поступаютъ въ разрядъ испытующихся. Они живутъ въ казармахъ, свободные отъ оковъ, подъ ближайшимъ надзоромъ надирателя и непосредственнымъ наблюденіемъ смотрителя, довольствуются пищею въ артели; лѣтомъ лучше увольняются для обработыванія огородовъ, правомъ отдыха пользуются только въ табельные дни. Поступившимъ изъ партій дозволяется жить въ квартирахъ воздержныхъ. Эти воздержные пользуются слѣдующими правами и преимуществами: могутъ строить для себя дома, могутъ пользоваться землею для лѣбопашества, сѣнокосовъ, огородовъ, заниматься скотоводствомъ. Не имѣющіе собственныхъ домовъ могутъ пускаться въ казенныя работы, за установленную плату. Для отдыха и поправленія своего быта

пользуются всѣми воскресными и табельными днями. „Но если бы кто изъ употребленныхъ по мастерствамъ въ цехахъ принадлежалъ е и дни отдыха посвящать, по назначенію начальства казенной работѣ, таковой за эти дни имѣеть право на двойной плакатъ и въ обоихъ случаяхъ пользуется отпускомъ провіанта сплозна опредѣленнымъ пайкомъ“. Изъ этого разряда воздержныхъ назначаются надиратели по разнымъ цехамъ. Ссыльно-работіе этого разряда, какъ пріобрѣвшіе право на сведительное вниманіе начальства къ лучшему устройству ихъ быта, увольняются въ страдное (работное) время для полевыхъ работъ, смотря по мѣрѣ надобности, для заготовленія корма скоту и уборки лѣса. Сверхъ того, дабы болѣе исправить ихъ нравственность и укоренить благонравіе тѣхъ изъ этого разряда, которые отличаются своимъ поведеніемъ, будутъ подавать привѣтъ своимъ товарищамъ, предоставляется управляющему право (на основаніи утвержденной для него инструкции и высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 10-й день октября 1821 г.) исключать изъ ссыльныхъ и помѣщать

въ мастерские, производя въ подмастерья и мастера, если искусство своимъ сдѣлаются того достойными, съ распространеніемъ на нихъ и дѣтей ихъ всѣхъ правъ, мастерскимъ присвоенныхъ. И чтобы отличать этотъ разрядъ самымъ наружнымъ видомъ, то некогдамъ изъ нихъ дозволяютъ носить бороды. „За прожитіе на заводѣ совершенно безпорочно, съ должнымъ прилежаніемъ къ работѣ и покорностью къ начальству, ссыльно-рабочимъ прибавляется, сверхъ положеннаго плаката, по роду работъ, ежемѣсячно: проведеннымъ пять лѣтъ—по 50 коп., проведеннымъ 10 лѣтъ—по 1 руб. и за 15 лѣтъ выпущать ихъ на собственное пропитаніе. Воздержные получаютъ плакатъ на руки, другая же половина поступаетъ въ сохраненный артельный капиталъ, которому ведется отчетная книга“.

Тѣ рабочіе, которые въ разрядѣ испытующихся окажутся „нравственности неблагонадежной, поведеніе недобропорядочнаго и сомнительнаго, склонны къ побѣгу и замѣчены въ нерадѣніи къ устройству своего быта“, образуютъ третій разрядъ, которому официальное предписаніе даетъ названіе **невоздержныхъ**. Невоздержными называются всѣ тѣ рабочіе, которые выпущены послѣ наказанія за побѣги, воровства, драки и прочія не уголовныя преступленія, оказываемыя наказаніемъ по полицейскому разбирательству. Въ разрядѣ невоздержныхъ поступаютъ и тѣ, которые исключены изъ разряда воздержныхъ за проступки, „замѣченные неоднократно въ невоздержности отъ пьянства, ссоръ, дракъ и грабежей“, и тѣ ссыльно-каторжные, которые присылаются въ заводы впродъ до полученія справокъ, и тѣ, наконецъ, ссыльные, которые сдѣлали въ Сибири преступленія, какъ изъ поселенцевъ, такъ и изъ рабочихъ, находящихся въ другихъ заводахъ. Невоздержные содержатся въ казармахъ скотовыми и также получаютъ содержаніе въ артели. Право отдыха имѣютъ они только въ высокопраздничные табельные дни. Тѣ изъ нихъ, которые „совершенно погасили послѣднюю искру совѣсти, истребили не только желаніе, но даже и намѣреніе къ исправленію, дѣлали вторичные изъ заводовъ побѣги, замѣчены неоднократно въ воровствѣхъ, мошенничествѣхъ, обманѣхъ, въ подговариваньи другихъ къ побѣгамъ и подобнымъ пакостямъ, — словомъ, по расцѣтству своему не подающе никакой надежды къ обузданію“, образуютъ четвертый разрядъ заводскихъ ссыльно-рабочихъ, разрядъ **неисправныхъ**.

Неисправные содержатся также въ казармѣ и въ особой артели и также, наравнѣ съ невоздержными, скотованы, но съ тою разницею, что, для предупрежденія побѣговъ, ихъ обязали замыкать на ночь. Головы этихъ ссыльныхъ на половину должны быть выбритыми; на работу выводятся они не иначе, какъ за военнымъ ка-

рауломъ. Мѣрою исправленія для нихъ полагаются кандалы, которыя они должны носить полгода (тогда какъ невоздержные носятъ ихъ только два мѣсяца).

Оба эти разряда, невоздержныхъ и неисправныхъ, не получаютъ въ собственное распоряженіе изъ плаката ни копейки; заработки ихъ записываются въ особую шнуровую книгу и истрачиваются смотрителемъ на одежду для нихъ. Неисправные только черезъ годъ, при хорошемъ поведеніи, имѣютъ право поступать въ разрядъ испытующихся; въ противномъ случаѣ, управляющіе заводами имѣютъ право (не испрашивая даже позволенія губернскаго начальства) отсылать неисправныхъ въ нерчинскіе горные заводы.

Время содержанія въ нерчинскихъ рудникахъ (а стало быть и въ тамошнихъ заводахъ) постановлено сводомъ законовъ въ слѣдующей подробности. Безсрочные арестанты (перваго разряда) должны пробить въ тюрьмѣ 8 лѣтъ; приговоренные къ работамъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ (1-го разряда) живутъ въ тюрьмѣ четыре года; назначенные на срокъ отъ 12 до 15 лѣтъ (2-го разряда)—въ тюрьмѣ два года; каторжные третьяго разряда (отъ 6 до 8 лѣтъ) живутъ въ тюрьмѣ полтора года; осужденные на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ—въ тюрьмѣ живутъ годъ. Подающіе въ теченіе этого времени надежду на исправленіе поведеніемъ своимъ и трудолюбіемъ, переимѣняются въ разрядъ исправляющихся и находятся уже подъ полицейскимъ присмотромъ. Ссыльно-каторжные перваго разряда черезъ три года, а третьяго разряда черезъ годъ послѣ поступленія въ разрядъ исправляющихся, могутъ, съ разрѣшенія горнаго начальства или казенной палаты, получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатѣ заводскихъ мастеровыхъ. Могутъ даже построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу и вступить въ бракъ (но оба эти дозволенія касаются только на бумагѣ, но не на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ впоследствии).

Тюремный надзоръ обусловленъ также особыми правилами и предписаніями, которыя, въ главныхъ своихъ чертахъ, сопровождаются слѣдующими подробностями на бумагѣ и отчасти на дѣлѣ:

„По прибытіи на заводъ, ссыльные, подлежащіе поступить въ извѣстные разряды и содержаться въ острожныхъ казармахъ, принимаются во всякое время, какъ днемъ, такъ и ночью, не исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней“. То же самое, разумѣется, и о тѣхъ ссыльныхъ, которые, прожывая на заводѣ, внѣ острога, по распоряженію заводскаго начальства должны поступить въ острогъ. Приемъ производится при караульномъ офицерѣ или унтеръ-офицерѣ смотрителемъ острога, который записываетъ въ шнуровую книгу

число и время поступления, имя и прозвание ссыльного, разряд его, отъ кого присланъ и по какому преступленію или изъ партіи, примѣты его, собственныя вещи и деньги, отбирая ихъ отъ ссыльнаго, буде найдутся. По приѣмѣ врачъ свидѣтельствуетъ тогда же или непремѣнно на другой день. Въ случаѣ болѣзни, ссыльный отсылается въ больницу. Свидѣтельства врача записываются въ книгу. „Число находящихся въ острогѣ людей, какъ закованныхъ, такъ и безъ оковъ, должно быть вполнѣ извѣстно караульному офицеру. Деньги, отобранныя у арестантовъ, записываются въ книгу; ссыльный, хозяинъ ихъ, если грамотный, подписывается. Принятые деньги запечатываются въ пакетъ, который, вмѣстѣ съ другими, хранится въ заводской кладовой, а прочія вещи— въ кладовой при острогѣ, въ общемъ ларѣ или сундукѣ“. Ключи отъ всего этого, а также припасы и прочее, приготовляемое на счетъ артельной суммы (какъ обувь и одежда) и на счетъ сохраннаго капитала, хранятся у смотрителя острога. „Когда ссыльный долженъ выйти все изъ острога, по переводѣ въ высшій разрядъ или, по заслуженному довѣрію, для житія на квартирѣ, слѣдующія ему по расчету деньги выдаются на руки. Ссыльные въ острогѣ размѣщаются сколько возможно безъ тѣсноты, а подсудимые или присужденные по какому либо наказанію отсылаются изъ острога на заводскую гауптвахту. Часовые въ острогѣ не должны стоять внутри комнатъ, во въ дверяхъ, корридорахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ окажется удобнымъ, и чтобы они всегда имѣли въ виду ссыльных“.

Въ острогѣ „не дозволяется имѣть бумагу, чернила, карандаши и т. п. и писемъ отъ нихъ не принимать, не дозволяя и получать таковыя. Не дозволятъ игры въ карты, въ шашки, кости и никакія другія; также не дозволятъ играть ни на какихъ инструментахъ. Строго запрещается курить табакъ. Всегда запрещаются всякаго рода рѣзвости, произвошеніе проклятій, божбы, укуровъ другъ другу, своевольства, ссоръ, разговоровъ, соблазнительныхъ глупствъ, хохота и т. п. Виновнаго смотритель отдѣляетъ отъ другихъ въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно, на глѣбѣ и воду“.

Рисуя этими подробностями отчасти бытовую сторону тюремной жизни, предписанія и предначертанія начальства дальше идутъ въ сторону отъ предписаній, смыслъ которыхъ истекаетъ изъ закоположеній. Выходя на собственную дорогу, предполагающую практическую подготовку, предначертанія ихъ являются уже самостоятельными, заключаютъ въ себѣ интересъ практическій. При внимательномъ изслѣдованіи мы видимъ совсѣмъ другое. Какъ бы отыскавъ въ своихъ воспоминаніяхъ, наслушавъ въ своихъ представлені-

яхъ знакомые образцы, начальство тюремное не задумалось, по многимъ образцамъ корпуснаго дѣтства, рисовать дальше наивныя картины тѣхъ же порядковъ, какіе введены во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько правила эти ушли отъ практическаго примѣненія, мы знаемъ изъ второй главы этого тома. Насколько они не замисловаты и красиво прилажены на бумагѣ, но безжизненны и недействительны, увидимъ сейчасъ.

Предписывая „ссыльнымъ брить бороды черезъ нивалиднаго цирюльника, также волосъ длинныхъ не заускать, а стричь ихъ, по обыкновенію, пристойно, по солдатски, а подозрительнымъ и склоннымъ къ побѣгамъ брить половину головы“, мѣстное начальство въ дальнѣйшемъ теченіи предначертаній внадеваетъ въ идиллію и пишетъ такія картины: „Ссыльные въ острогѣ встаютъ поутру, лѣтѣмъ и зяномъ, за часъ до пробитія звонка, призывающаго на работу. Караульный офицеръ, вмѣстѣ съ острожнымъ смотрителемъ и нарядчикомъ, идутъ по камерамъ и дѣлаютъ перекличку. Вставшій ссыльный, умывшись и спратавшій койку подъ нары, чешется; комнаты метутся. Когда послѣднія будутъ выметены и вычищены, читается внятно, во всеуслышаніе, утренняя молитва, и всѣ ссыльные должны стоять смиренно, не разговаривать и ни подъ какимъ предлогомъ не лежать при этомъ. По совершеніи молитвы дается завтракъ, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, на первой и на Страстной недѣлѣ и, вообще, въ продолженіи Великаго поста по средамъ и пятницамъ. Какъ колоколъ возвѣститъ время работъ, нарядчикъ объявляетъ нарядъ по работамъ, кто тѣмъ долженъ заниматься во время дня, для чего ссыльные выводятся во дворъ острога, гдѣ вновь производится перекличка при военномъ караулѣ. Скованные отдаются конвоиннымъ, нескованные сдаются на руки десятникамъ и потомъ отправляются на работы мѣрнымъ шагомъ, по три въ рядъ: караульные впереди, позади и по сторонамъ, въ приличномъ разстояніи; военные съ заряженными ружьями, а десятники съ палками“.

Таково начало этой тюремной эпопеи во вкусѣ всяческихъ плацовъ и всякихъ корпусовъ и пансіоновъ. Отступленій почти нѣтъ. Нить повѣствованія порвалась два раза: въ первый для того только, чтобы сказать, что „на дворѣ нельзя терпѣть сору, а нужно выметать оный, выносить и сваливать на отведенное нарочно для сего мѣсто“. Во второй разъ оборвалась повѣствовательная нить ради слѣдующаго: „часто ссыльные, пользуясь ночнымъ временемъ, употребляютъ оное для алыхъ замысловъ. Дабы воспрепятствовать сему, острожный смотритель почасту обязавъ, въ ночное время, по нѣсколькxу разъ осматривать комнаты ссыльных“.

Затѣмъ снова идетъ потокъ порядковъ въ

такихъ выраженій: „Когда звонъ колокола извѣститъ обѣденное время, каждый долженъ сдать приставникамъ инструменты съетою и тѣмъ же порядкомъ (т. е. по три въ рядъ) отправляются въ острогъ, гдѣ строго дѣлается перекличка, и, послѣ молитвы, всѣ садятся за столъ обѣдать, благопрестойно и не разговаривая между собою. Послѣ обѣда читается благодарственная молитва и допускается отдохновеніе. Когда пройдетъ часть отдохновенія, тогда повѣщаются о томъ колоколомъ“. Для вечера тотъ же порядокъ: „По окончаніи ужина, спустя полчаса и когда со столовъ уберется посуда и прочее, караульный офицеръ дѣлаетъ перекличку. Въ камерахъ огонь долженъ быть до тѣхъ поръ, пока не запрутъ всѣхъ по вечерней перекличкѣ, и послѣ зари и по выходѣ изъ комнатъ надзирающихъ за ссыльными ни подъ какимъ видомъ огня въ комнатахъ не оставлять“.

Послѣ всего, уже сказаннаго нами прежде, мы считаемъ необходимымъ для себя и читателей нашихъ говорить о томъ, насколько не похожа картина, нарисованная на бумагѣ, на ту, которая невозможна при существующихъ порядкахъ тюремныхъ на дѣлѣ. Сильно ошибется тотъ, кто найдетъ въ прописанныхъ порядкахъ какое нибудь сходство съ тѣми, которыми хвалятся и славятся тюрьмы улучшенныхъ системъ (пенитенціарной—съ обѣтомъ молчанія, и пенсильванской—одночнаго заключенія). Препозрительно сходство въ началѣ можетъ привести на этотъ разъ развѣ только къ тому заключенію, что и мы не прочь похвастаться тамъ, гдѣ этого желаютъ и требуютъ. На самомъ же дѣлѣ, на всѣхъ затѣяхъ лежитъ печать худо скрытой непрактичности во всѣхъ дѣлахъ, являя безплодность начинаній, способная довести до отчаянія, но доводящая только до равнодушія. Отъ него-то и протекаетъ цѣлый рядъ безплодныхъ мѣръ и дѣлая цѣпь недоразумѣній, крупный ошибокъ и повсемѣстныхъ неудачъ. Послѣдуемъ за рассказчикомъ далѣе.

„Конвойные обязаны наблюдать, чтобы ссыльные не učinили утечки, не просили по улицамъ милостыни, не останавливались для сего противъ домовъ, не заходили ни въ какія публичныя мѣста, не позволять имъ въ пути пить вино, не дозволить принимать ни отъ кого изъ проходящихъ какія бы ни было вещи или оружіе. Въ праздничные дни и въ воскресные, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько человѣкъ, по очереди, должны собираться въ церковь, подъ присмотромъ караула. Ворота острога во всякое время бывають заперты, но когда приходятъ въ острогъ чиновники и другіе имѣющіе на то дозволеніе или же когда приводятся ссыльные, то обо всякомъ приходящемъ дается знать караульному унтеръ-офицеру, который потомъ отпираетъ ворота и выпускаетъ пришедшаго; если посторонній, то осматриваетъ, не имѣетъ

ли при себѣ какихъ вредныхъ орудій. Впрочемъ, послѣ зари отаюдо ворота не отпираются ни для кого, кромѣ острожнаго надирателя. Посѣщеніе посторонними ссыльныхъ въ казармахъ дозволяется не иначе, какъ при острожномъ смотрителѣ и воинскомъ караулѣ, которые должны наблюдать, чтобы, подъ видомъ свиданія, не было проносимо вина, пищи, платья, писемъ, орудій и т. п.“.

Настоящая тюремная жизнь ведетъ свои порядки и выработала особые законы.

Счастливые и углыые ссыльные искали утѣшенія и воли въ бѣгахъ; несчастные и меньше опытные оставались въ рукахъ начальства, подчиняясь различнымъ опытамъ исправленія. Нерчинскія тюрьмы для неисправныхъ предлагали крутыя, рѣшительныя мѣры. Мѣры эти оставлены были тамъ во время нашего посѣщенія, а потому, пользуясь случаемъ, скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ. Прикованъ къ тачкѣ и къ стѣнной цѣпи—вотъ пока тѣ средства исправленія, которыя придуманы были въ самыхъ строгихъ и самыхъ крайнихъ мѣстахъ ссылки и заточенія. Второе наказаніе обусловлено, сверхъ того, необходимостью одиночнаго заключенія, столь ненавидимаго русскими преступниками, по замѣчаніямъ всѣхъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу. Когда пронесся объ этой мѣрѣ слухъ по Сибири, всѣ ссыльные пришли въ ужасъ.

Приковываютъ на цѣпь обыкновенно на пять лѣтъ, но бывали случаи и десятилѣтняго заточенія.

Такъ, напр., по отчетамъ Петровскаго завода, видно, что въ 1851 году тамъ было четверо прикованныхъ на десять лѣтъ, хотя приковывали обыкновенно по положенію на пять лѣтъ. Всѣхъ прикованныхъ тамъ было: въ сентябрѣ 1851 года 15 человѣкъ такихъ, которые успѣли уже посидѣть на цѣпи въ Минускѣ, Енисейскѣ и Красноярскѣ. 30-го ноября 1851 года цѣпныхъ было 12-ть человѣкъ и между ними мужъ съ женою за смертоубійство. Женѣ, не имѣвшей одежды, выдали рубаху и юбку (холщевыя), чарки и платье, хотя азбайкальское областное правленіе и рѣшило выдать имъ только нижнее платье, „ибо-де оно одно только и необходимо“. У нихъ въ Газимурскомъ селеніи жила дочь. Прикованные супруги просили милости перевезти ихъ изъ Петровскаго завода ближе къ дочери, именно въ Акатуй; дозволили. На время пути (9 дней) положили выдать по 63 копейки (3½ копейки въ сутки) на каждого. Акатуй специально предназначался влослѣдствіи для такихъ несчастныхъ. Въ утѣшеніе острадавшимъ участіи ихъ сохранялъ онъ преданіе о первомъ приставѣ этого рудника. Приставъ, возвращая, спускалъ своихъ цѣпныхъ съ цѣпи и гулять нехдѣли на три на четыре и они, возвратившись, аккуратно вносили половину добычи. Кто не исполнялъ заказа, того приставъ са-

жалъ въ подземелье собственной квартиры (и подземелье показывали).

Люди эти въ работу не употребляются. Какъ великой милости, просить они, во время заточенія, награды подымать свѣжикъ воздухомъ, хотя бы и съ приправою самой трудной и тяжелой работы. Освобожденные по истеченіи положеннаго срока отъ содержанія на цѣпи (приколачиваемой къ стѣнѣ) или отъ тачки на всю жизнь затѣмъ содержатся въ острогѣ въ вѣчныхъ ножныхъ кандалахъ. Заключенные въ ножны желѣза, они также не употребляются въ работы. Какъ милость позволяютъ имъ копаться въ огородахъ каземата или дѣлать что нибудь въ камеры, и притомъ въ то время, когда всѣ другіе уведены на работы. Иногда содержаніе на цѣпи пробовали замѣнять заключеніемъ въ темной комнатѣ, но арестованные просились на цѣпь. Статейные списки людей этихъ обыкновенно наполнены всякаго рода преступленіями, гдѣ убійства по нѣскольکو разъ перебитыи съ побѣгами, разбоями, кражами, перемѣною имени и тому подобнымъ. Содержаніе таковыхъ казнѣ обходилось дешевле, чѣмъ содержаніе всѣхъ другихъ арестантовъ, сколько и потому, что имъ выдавали только нижнее платье, столько же и потому, что пища полагалась имъ скуднѣе, въ уменьшенной пропорціи. Такъ, напр., въ Акатуйскомъ положено было выдавать въ сутки каждому по 2½ фунта печенаго хлѣба, раздѣляя его на части: къ завтраку, обѣду и ужину. Цѣлой порціи давать вдругъ не велѣно. вмѣсто приварка и для питья выдавали только одну воду. По расчету, сдѣланному въ 1847 г., каждый такой арестантъ обходился казнѣ въ годъ 48 руб. 68 коп. сер. *), считая въ томъ числѣ цѣпь, освѣщеніе, мыло, мытье бѣлья, дрова, кромѣ расходовъ на военную команду. Содержаніе это производилось, большею частью, за счетъ губернской, а не заводской казны, а заводы принимали ихъ къ себѣ только въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ свободнаго каземата. Часто, впрочемъ, отказывали, а потому рѣдка изъ сибирскихъ тюремъ (и въ особенности тобольская) не имѣла при стѣнахъ своихъ подобнаго рода несчастныхъ. Акатуйская тюрьма (изъ нерчинскихъ), при рудникѣ этого имени, долго имѣла своею исключительною спеціальностью помѣщеніе арестантовъ подобнаго рода. Тамъ замѣченныхъ въ дурныхъ поступкахъ сажали въ отдѣльную комнату. Для исполненія церковнаго обряда исповѣди и св. причастія иногда ихъ отковывали, иногда зѣтъ; а иногда, и весьма нерѣдко, арестантамъ въ этомъ отказывали. Цѣпь обыкновенно дѣлалась въ три аршина длиною, изъ звеньевъ одна-

ковой величини съ ножными кандалами, вѣсомъ вся въ 5½ фунтовъ. Въ Петровскомъ заводѣ арестанты обыкновенно отходили на всю длину цѣпи, которая давала имъ возможность класть шею на порогъ двери и выставлять голову въ корридоръ. А такъ какъ цѣпные помѣщены были въ то время въ опустѣлыхъ казематахъ, выстроенныхъ для декабристовъ, гдѣ нѣсколько комнатъ выходило въ корридоръ, то эти цѣпные придумали на бездѣльѣ развлеченіе. Одинъ рассказывалъ сказки, остальные его слушали; затѣмъ начиналъ другой, третій и т. д., по очереди. Лишенные этого права, особенно содержащіеся въ акатуйской и другихъ нерчинскихъ тюрьмахъ, въ тоскѣ одиночества устремляли обыкновенно главное вниманіе свое на казематъ. Комнаты ихъ поражали необыкновенною опрятностью и поразительною чистотою: нары, стѣны, полы, самая цѣпь были вычищены, вымыты, выскоблены, нерѣдко разрисованы. Одинъ арестантъ всю одежду свою разшилъ кантиками и шнурками трезвучаемо прихотливо и замысловато, на манеръ гусарскихъ мундировъ. Нѣкоторые просили себѣ пѣтуха, кошку и считали для себя самымъ жестокимъ и сильнымъ наказаніемъ, когда за какую нибудь провинность отнимали у нихъ этихъ пернатыхъ и мохнатыхъ товарищей-благодѣтелей. Вообще, замѣчено было при этомъ, что тоска одиночества и безвыходности заточенія поражала въ заключенныхъ небывалою до того способностію: многіе выучивались шить, дѣлались сапожниками, рѣзчиками. Одинъ изъ прикованныхъ къ тачкѣ съумѣлъ такъ ее раскрасить и разукрасить разными фигурами, что приводилъ многихъ въ изумленіе, но затѣмъ, при всякомъ появленіи главнаго заводскаго начальства, съ горькими мольбами, съ непритворными слезами на глазахъ, неотступно и отчаянно просилъ отковать отъ красивой тачки, приготовить:

— До того надоѣла, напротивѣла она мнѣ, что глаза бы мои на нее не глядѣли! Тошнить даже!

Случаи конечныхъ помѣшательствъ были, судя по отчетамъ, рѣдки, а случаевъ самоубійствъ хотя и насчитывается за все время двадцати зѣтъ немного, но за то въ архивѣ нерчинскаго Большаго завода сохранилось много указаній на покушенія: цѣпные доставали острое оружіе, ножи и проч. и порывались зарѣзатьъ. Между прочимъ сохранился слѣдующій актъ.

Прикованнымъ въ Акатуевскомъ рудникѣ на стѣнную цѣпь давали положенные въ сутки 2½ ф. печенаго хлѣба и воду вмѣсто приварка и для питья. При этомъ велѣно наблюдать, какое вліяніе заточеніе это „будетъ имѣть на умственное состояніе (душевныя силы) и на физическое состояніе (тѣлесныя силы)“. Вскорѣ донесено было, что смслыныя, прикованные къ стѣнѣ, въ силахъ и духомъ замѣчательно ослабѣваютъ. „Не имѣя движенія, у нихъ на лицѣ

*) Имъ полагалось два чарка (обуви), 2 аршина холста на онучи, шинель сермажная, двѣ холщевыхъ рубашки, двое портокъ и провіанту по 1½ пуда въ мѣсяцъ.

сдѣлалась блѣдность; по временамъ чувствуютъ во внутренностяхъ одувъ и давленіе, а потомъ колотье; произносятъ слабый органъ голоса (?) и при проодѣ, сколько цѣпь позволяетъ, дѣлается головокруженіе⁴. Опытъ подобнаго рода производимъ былъ въ теченіи двухъ лѣтъ, 1847 и 1848, и въ показаніяхъ врачей слышался все одинъ и тотъ же отзывъ, т. е., что прикованные въ силахъ слабѣютъ.

Лиса—желѣзная полоса въ 1½ пуда вѣсомъ, надѣваемая къ рукамъ для того, чтобы цѣпной не могъ ходить по своей конурѣ, полагається самую вышнюю, конечную и послѣднюю мѣрою наказанія, равносильнаго европейской висѣлицѣ. Люди, подвергшіеся наказаніямъ этого рода, весьма рѣдко выходили на свободу въслѣдствіи, и только нѣкоторымъ удавалось, черезъ долгую и длинную градацію смитченій, доходить до вожделѣннаго званія испытующихся.

Акатуй для цѣпныхъ и секретныхъ выбравъ былъ не даромъ, сосредоточивали ихъ здѣсь не безъ задней мысли: врачѣе этой мѣстности нѣтъ уже другой во всемъ Забайкальѣ. На Аленуѣ кончается долина Газимура, начинается другая, принадлежащая какой-то рѣчкѣ, которой даже и имени не дано. Горы заслоняютъ эту долину съ обѣихъ сторонъ, но горы эти безжизненны и однообразны до тоски. На дорогѣ деревушка Кукуй. При выгздѣ изъ нее дорога въ гору, съ которой чертѣется съ юга и востока цѣлый лабиринтъ черныхъ и синихъ горъ, съ накинутымъ на нихъ могучія плечи черныхъ плащомъ, представляемымъ густыми лѣсами, покрывающими покати и подошвы. Въ долинахъ господствуетъ грубовая тишь и мракъ; на горахъ то и дѣло глазъ встрѣчаетъ мертвые голыши, охотливо являющіеся на смѣну лѣсной растительности. Горы то одиноко водружены въ дно долины, то цѣпляются другъ за друга рядами, очень рѣдко пересѣкаемыми новыми долинами. Вдали ряды горъ кажутся безконечными и видимыя глазу представляются уже бѣлыми облакомъ. Не мелькаетъ птица, не слышатъ звѣринаго голоса, не видать нигдѣ ни креста, ни избы. Съ горы опять спускъ въ долину, похожую на всѣ остальные, затѣмъ въ третью, также не оживленную ни встрѣчнымъ человекомъ, ни случайною избушкою. Опять подъемъ на гору и только уже съ этой горы глазъ встрѣчаетъ селеніе, но не видитъ ни трубъ, ни дыму. Новая гора заслоняетъ видъ, начинающій веселить и радовать, и только съ этой третьей сполупной горы ставовится виднымъ въ глубокой, мрачной и тѣсной долинкѣ кладбище съ деревянными крестами на пригоркѣ - подушечкѣ. За кладбищемъ вытягиваются двѣ длинныя улицы съ почерѣлыми и погнившими избенками и клѣтками. За селеніемъ одиноко стоитъ знаменитая, страшная даже въ Сибири—тюрьма Акатуй.

Акатуйскій рудникъ, первый, открытъ въ 1815 году при кряжѣ, раздѣляющемъ рѣки Газимуру, Унду и Ононь-Борзк въ отрогѣ горъ, отдѣлившемся отъ него и проходящемъ на юго-востокъ, между источниками Акатуемъ и Кунгужемъ. Гора, заключающая мѣсторожденіе, довольно крута, и покрыта лѣсомъ. Въ ней, въ известнякѣ, заключена серебряная жила, весьма убогая свинцомъ. Руды акатуевскія настолько сухи, что для извлеченія металла подспаривались богатыми Култунскими. Въслѣдствіи открыты были поверхностныя руды и въ рудникѣ (первомъ) углублена Златоустовская шахта на 7 сажень и Благодатская на 9½ саж. Во второмъ акатуевскомъ рудникѣ, открытомъ въ 1822 году, углублена была третья шахта—Тимофеевская. При выломкѣ мягкихъ и сидонныхъ рудъ употребляли кайла, во всѣхъ же присккахъ добыча съ жальною породою была кайловая же, но производилась съ помощью пороха. Въ зимнее время сюда присылались ссыльно-работіе люди изъ заводовъ Александровскаго и Газимурскаго: Акатуй нѣкогда подавалъ большія надежды. Онъ лежитъ на той возвышенности, которая составляетъ высочайшую точку рудовосной части Нерчинскаго округа и даетъ начало тремъ рѣкамъ: Ундѣ, Газимуру и Ононь-Борзѣ.

При этомъ рудникѣ въ послѣднее время выстроена новая каторжная тюрьма. Она начата постройкою въ 1882 г., но вскорѣ работа была приостановлена, въ 1886 возобновлена и къ 1889 г., была готова на 250 преступниковъ. Общая стоимость постройки, произведенной хозяйственнымъ способомъ, трудомъ арестантовъ, обошлась въ 39 тыс. руб. (по смѣтѣ исчислено было 89.500 руб.). До серебро-свинцоваго рудника около версты.

Такая же новая тюрьма построена на устьѣ Кари, начата около 12 лѣтъ тому назадъ, но приведенная въ настоящій видъ лишь въ 1882 г. на 240 человекъ (иногда содержится и болѣе). Точно также возстановлены работы и выстроены каторжныя тюрьмы при рудникахъ: Горномъ Зерентуѣ, Савинскомъ, Кадаинскомъ, Агачинскомъ, Мальцевско-Кильгинскомъ, Кличкинскомъ, Трехсвятительскомъ и при Кутомарскомъ сереброплавильномъ заводѣ. Въ Горномъ Зерентуѣ—тюрьма самая обширная (болѣе 300 чел.). Строилась она трудомъ арестантовъ съ 1877 г. по 1889. Урокъ имъ рассчитывался въ 2/3 урочнаго положенія. За выполненіе его мастеровымъ назначается 10% вольнонаемной платы и сверхъ того, въ 4 лѣтніе мѣсяцы, выдается усиленное пищевое довольствіе. При тюрьмѣ лазаретъ на 40 кроватей.

Кромѣ цѣпныхъ, бывали еще такъ называемыя секретныя арестанты. Этихъ содержали въ особыхъ чуланяхъ. Надзоръ за ними былъ не обыкновенно строгъ; случалось кому заблѣтъ-

и приставы отправляли ихъ изъ состраданія въ госпиталь, но высшее начальство давало приставамъ сильнѣйшій выговоръ съ пропискою въ формуляры и приказывало больныхъ возвращать въ чуланъ и лечить ихъ тамъ. Одинъ секретный попробовалъ выдти изъ госпиталя и побродить въ цѣпяхъ по улицамъ, вѣдно за то приволатъ его къ стѣнѣ на цѣпь. Другого выпустили изъ каземата въ казарму служителей поиграть въ кости, виновнаго часового солдата били за пропускъ шпелми и велѣли написать вѣчно въ работу, хотя солдатъ и клятвенно свидѣтельствовалъ, что „выпустить съ простоты, вятки не бралъ и между игравшими никакихъ безпорядковъ не происходило“. Солдатъ былъ наказанъ, не смотря на то, что ближайшее начальство оправдало его тѣмъ, что солдату-де „усмотрѣть за ними хитро, ибо онъ бываетъ больше въ посылкахъ, нежели при заводѣ, отчего ему и невозможно помнить всѣ тюремныя положенія“.

Существованіе круговаго кредита и взаимнаго довѣрія, закрѣпленныхъ такими же неразрывными связями уничиженія и обусловленныхъ одинаковою положенія, какія понятны только въ тюрьмахъ и ссылькѣ, а также дешевизна и обиліе строительныхъ матеріаловъ и, главное, бережливость, умѣющая и въ заточеніи конить деньги, помогаютъ иногда, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, ссыльному, выпущенному изъ тюрьмы, обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, хозяйство это почти только призрачное и возможность житейскаго обезпеченія далека отъ существенности. Тѣмъ не менѣе, всѣ селенія ссыльныхъ пригѣтно настроены, всѣ тюрьмы каторжныя окружены большимъ количествомъ домовъ, множествомъ улицъ. Большой Нерчинскій заводъ—цѣлый городъ, передъ которымъ городъ Нерчинскъ уступаетъ въ величинѣ и населенности. Хорошаго и сильнаго соперника этому городу мы встрѣчаемъ даже въ Петровскомъ, Александровскомъ и Усольскомъ заводахъ. Городъ Селенгинскъ гораздо меньше любого изъ промысловъ карійскихъ. Каждый изъ Нерчинскихъ заводовъ (Кутмарскій, Зерентуйскій, Благодатскій и друг.) представляютъ людныя селенія, съ которыми мудро спорить любой изъ большихъ казачьихъ деревень. Правда, что селенія эти непрочны, жилища ихъ ненадежны и искусственно вызваннаго селенія эти все-таки не прибавляютъ цвѣта сибирской колонизаціи и не увеличиваютъ мѣстнаго населенія въ желаемой степени, какъ увидимъ впоследствии. Но правда, что строенія этихъ казенныхъ мѣстъ ссылки ветхи и печальны наружнымъ видомъ своимъ и, какъ полузабытыя птичьи гнѣзда, полураскрытыя и покинутыя звѣрныя норы, приводятъ всякаго свѣжаго человѣка въ уныніе и наводятъ тоску. Тѣмъ не менѣе, строеній этихъ очень много.

Настойчиво лѣнятся они по окольнымъ горамъ, устойчиво застываются въ падахъ, распадахъ и оврагахъ этихъ каменныхъ, богатыхъ рудами горъ. Нѣтъ между ними пустыхъ; рѣдкій изъ нихъ не набить до возможной тѣсноты жильцами изъ несчастныхъ. Несчастье и круглая бѣдность—неизбѣжные сосѣди этихъ жилищъ и непремѣнные гости каждаго изъ нихъ. Въ рѣдкомъ изъ домовъ не живутъ эти обычные и тяжелые гости и, во всякомъ случаѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ и, по преимуществу, съ тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли обсемениться, сдѣлаться окончательно осѣдлыми, ради дѣтей и собственности. Для людей этихъ окончательно заросла дорога къ побѣгать вдаль; но къ преступленіямъ мелкимъ и проступкамъ невольнымъ остаются на этомъ пути проходы и обходы и бывають иногда лазейки и выходы. „Безнадежная бѣдность,—сказалъ одинъ французскій криминалистъ:—такъ же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезвычайное богатство презирать его“. Примѣняя этотъ выводъ къ тѣмъ изъ ссыльныхъ, которые прошли черезъ тюрьмы, этапы и каторгу и которые выселяются въ дома около заводскихъ и промысловыхъ мѣстъ заточенія, мы не удивимся, если встрѣчаемъ вездѣ особыя кварталы, носящіе названіе Теремилуковъ, Юрдовокъ, Слободокъ, Кукуевъ и проч.

Кварталы эти или слободки такъ же неизбежны и такъ же необходимы для всякаго заводскаго и промысловаго селенія, какъ для каждаго большого города слободы солдатскія, архіерейскія, стрѣлецкія и проч. Здѣсь селится крайняя бѣдность, въ дешевыхъ и старыхъ домахъ; сюда идетъ жильцомъ всякій и всякая, кому незнакомъ прямой и честный трудъ, для которыхъ легкія, хотя и рискованныя работы—самое любимое и анавоемъ средство для пропитанія. Здѣсь поощряется явный развратъ и темный промыселъ, направленный на пріобрѣтеніе чужой собственности. Бродяги и мелкие мошенники—обитатели этихъ подгорныхъ слободъ въ Россіи; арестанты, выпущенные на пропитаніе—жильцы этихъ, на половину врытыхъ въ землю и обмазанныхъ глянью лачугъ, какія во множествѣ группируются на выгзадахъ изъ казенныхъ заводскихъ селеній. Юрдовками называются эти притоны (для игръ въ юрдовку и др.) въ селеніяхъ Карійскихъ заводныхъ промысловъ и въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Теремилуковкою называется такая же слободка въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ.

„Существуетъ и у насъ такое мѣсто,—увѣрали меня въ Иркутскомъ Усольѣ:—сюда всякій житель подбирается ужъ такой“...

Такой житель, обыкновенно, женится при первой возможности, порывисто и безразсчетно, долго надъ этимъ не задумываясь. Если не охотно и почти никогда не пойдетъ за ссыльнаго дочь вольнаго человѣка, т. е. казака или

крестьянина - старожилы, то ссыльно - каторжная женщина, пришедшая въ заводъ, охотно бросается на шею первому, предложившему ей руку и сердце. Она съ большою охотою выходит замужъ за того, который живетъ не въ тюрьмѣ, а на пропитаніи или поселеніи. Становясь женою, ссыльная дѣлаетъ двойную услугу: съ одной стороны, приковывая мужа къ обогрѣтому мѣсту, она, насколько можетъ и умѣетъ, замечаетъ ему путь къ побѣгу и крупному преступленію. Съ другой стороны, сама освобождается отъ оковъ и, поселившись въ теплой до духоты избѣ, забываетъ о побѣгѣ и бродяжничествѣ по морозамъ, дождямъ и грязи *). Вѣрность супружескому ложу не составляетъ для ссыльной женщины добродѣтели, не входитъ въ кругъ ея заветныхъ обязанностей, не вынесена ею изъ прошлой жизни и, въ особенности, изъ недавней на этапамъ и не вошла въ ея убѣжденіе, какъ неизбѣжное и неподкупное начало. Мужу до дѣлъ жены нѣтъ нужды, у мужа свои дѣла, радусы которыхъ все сходится на одномъ пунктѣ—пріобрѣтеніи средствъ къ жизни. Если жена стремится къ той же практической цѣли, то она и права и свободна, и бита бываетъ только подъ пьяную руку, по одному капризу, изъ одного желанія напомнить ей о подчиненности. Понятіе объ этой подчиненности безразлично, безоозначательно и лишнее бремя тамъ, гдѣ существуютъ иные законы, выработывались иные нравы, непонятные для жителей правильно организованныхъ мѣстъ.

Теребиловскій житель, котораго счастье и случай вывели изъ тюрьмы на свое пропитаніе, не задумывается искать средствъ къ этому тамъ, гдѣ ему легче это сдѣлать, гдѣ все пути ему привычны и извѣстны до подноготной. Въ теребиловку идетъ всякій, кому хочется попытаться счастья въ большой игрѣ. Карточная игра, очутившись на большомъ просторѣ и совершенной свободѣ, идетъ крупнѣе, смѣлѣе и безрасчетнѣе. Игра въ юрдовкахъ и теребиловкахъ обставляется всякимъ доступнымъ комфортомъ. Содержатели игорныхъ домовъ держатъ водку въ большомъ обиліи, способны доставить и средства къ исполненію чувственныхъ удовольствій. Все, что подъ сильными страхомъ и за вѣрными надзоромъ творится въ темныхъ и грязныхъ тюрьмахъ, здѣсь въ не менѣе темныхъ и

грязныхъ домахъ совершается на распашку и въ обширныхъ разбѣрахъ.

Въ теребиловку идетъ, для всяческихъ наслажденій, тюремный сидѣлецъ, подкупившій сторожей или за нѣхъ глазами ускользнувшій съ работы. Въ теребиловкахъ группируются въ шайки все тѣ изъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые выпущены на пропитаніе. Находятъ они его въ своихъ небольшихъ артеляхъ, для которыхъ то и занятіе, которое легче, вѣрнѣе даетъ деньги, хотя бы это занятіе и требовало непрямыхъ путей риска, смѣлости и дерзости. Смѣлость города беречь, она же въ заводскихъ юрдовкахъ собираетъ деньги на дневное пропитаніе.

Въ теребиловку идетъ всякій изъ тѣхъ тюремныхъ, которому надобна каторга и соблазняетъ вольная жизнь въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Въ этихъ притонахъ всегда найдется такой мастеръ, который шелъ изъ рѣзчиковъ какой либо столыцы, или изъ Екатеринбургa, гдѣ былъ грабильщикомъ, или изъ нижегородскихъ селъ Павлова и Ворсины, гдѣ выучился слесарному мастерству и искусству рѣзбы на камняхъ и металлахъ. Люди на бездѣлѣ, при нуждѣ и соблазнахъ, не прочь отъ всякаго предложенія, лишь бы только оно обезпечивало имъ насущный день. Мастера эти отъ аляповатыхъ печатей и темныхъ гербовъ доходятъ до Цезика, который осколкомъ перочиннаго ножичка вырѣзалъ на камняхъ замѣчательно красивые мнѣиатурные ландшафты, дѣлалъ фальшивыя бумажки, которые съ трудомъ отличали отъ настоящихъ, и мастерилъ вазы, усыпанные мелкими мушками и другими насѣкомыми, за которыми любители платили большія деньги.

Пріобрѣтая вновь и совершенствуясь въ тюрьмахъ, на досугѣ и при руководствѣ, въ разныхъ знаніяхъ и мастерствахъ, эти люди за тюрьмою, видѣ стѣнъ ея, даютъ художествамъ своимъ практическое приимѣненіе, на свободѣ пускаютъ въ оборотъ и на пользу тѣхъ, которые жаждутъ, ищутъ и просятъ этихъ знаній. Вродяга, задумавшій совершить дальній побѣгъ, по возможности въ Россію, и желающій обезпечить его большимъ успѣхомъ, идетъ въ теребиловку и здѣсь за рубль, за два рубля серебромъ получаетъ такой видъ, который ведетъ его свободно по забайкальскимъ селеніямъ и уводитъ далеко, если набалованные руки не стащатъ чужого, гдѣ янбудъ въ селеніи на воровствѣ и гдѣ янбудъ за селеніемъ на грабѣжѣ.

Въ фальшивыхъ билетахъ ссыльные обыкновенно прописывались поселъщиками или крестьянами, а потому и плата, вслѣдствіе того, была неремѣнная (за поселъщика 3 руб., за крестьянина 5 руб. сер.). Нерѣдко билеты эти мастерились на цѣлую артель вдругъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Вродяга, привыкшій бродить лѣтомъ по заводскимъ окрестностямъ ради страсти къ при-

*) Въ отчетахъ о бѣгахъ чрезвычайно мало видно женщинъ и нѣтъ ни одного показанія на то, чтобы онѣ возвращались обратно. Рассказываютъ, что тѣ изъ бродягъ, съ которыми уяжется какая янбудъ ссыльно-каторжная женщина, непременно когда янбудъ и гдѣ янбудъ убиваютъ ее, чтобы, такимъ образомъ, уничтожить неизбѣжнаго, слабого, склоннаго на соблазнъ доносчика и дозачника темныхъ и нечестныхъ дѣлъ и преступленій бродяжества. Впрочемъ, это только слухи; на самомъ дѣлѣ мало въ бѣгахъ женщинъ потому, что ихъ разбираютъ замужъ нарасхватъ.

ключеніямъ, ради неодолимаго желанія подышать волею, въ тѣхъ же теребиловкахъ и юрдовкахъ, если пожелаешь на всякій случай обезопасить прогулку, можетъ получить билетъ съ погѣткою ему, какъ поселенцу или какъ бы отпущенному на пропитаніе. Малоопытнѣе, не бывалыхъ въ теребиловкахъ сѣмѣютъ зазвать, сѣмѣютъ выучить и направить.

— Не нужно ли тебѣ вида на свободное прожитіе? — спрашиваетъ одиакъ такой мастеръ ссыльно-каторжнаго Денежкина (въ одиакѣ изъ слѣдственныхъ дѣлъ, полавшихъ намъ въ руки въ Петровскомъ заводѣ).

— Какъ бы не надо! — отвѣчаетъ на это ссыльный: — Да гдѣ возьмешь?

— Есть ли у тебя деньги?

— Есть, да немного.

— А если два рубля найдется, то и довольно.

Въ заводскомъ кабакѣ совершена была передача вида и учинены лятки, на которыя ссыльный встратилъ еще 50 копеекъ серебромъ.

Счастливымъ и новымъ бродяга сѣмѣетъ потюжъ во-время наловчиться съ этиакъ видомъ, предусмотрительно показавъ его тому, кто мало видитъ, спрятать отъ опытнаго глаза и ограбить того, кто за собою не смотритъ. Такой бродяга и пограбленное нигдѣ не прячетъ, нигдѣ его не сбываетъ иначе, какъ въ тѣхъ же заводскихъ юрдовкахъ и теребиловкахъ, и вырученныя деньги нигдѣ не пропиваетъ, какъ въ тѣхъ же утиакъ казанкахъ. Водку нигдѣ онъ не беретъ, какъ въ томъ же заводскомъ кабакѣ, и пьетъ ее со своимъ же братомъ, покровителемъ и руководителемъ.

Такъ говорятъ архивныя дѣла, настоящіе житейскіе живые факты. Слѣдствія и обыски скрываютъ потому, что дѣлатели употребляютъ печати чаще свиновыя, рѣже мѣдныя (приготовляемыя на мѣдномъ цытакѣ, у котораго вытирается одна сторона подшикомъ), что печати, вслѣдствіе того, часто бываютъ больше надлежащей величины, что оттискъ такого рода печатей прочтѣе, потому что коптять ихъ на снежной берестѣ. Одинъ мастеръ подобныя мѣдныя, чтобы вѣрнѣе скрыть преступленія, бумагу для видовъ покупалъ не въ лавкахъ у торговцевъ, а у школьниконъ, и покупалъ дешево — за волосяныя колечки, приготовляемыя женою этого ссыльнаго. Другой приготовилъ и выдалъ билетъ, но поставилъ крупный, длинный номеръ и, такимъ образомъ (и можетъ быть безъ всякаго злого умысла), сгубилъ пріятеля. Поисковый обыскъ у третьяго изъ теребиловскихъ открылъ въ углу между поломъ и стѣною, подъ половницею, фунтъ олова, два небольшихъ подпалка, малое зубило, пять готовыхъ печатей и шестую, начатую, на мѣдной двухконечной монетѣ, у которой вытерты были обѣ стороны; на одной уже красовалась надпись „Козмодемьян-

ской градской думы“. Четвертый попался на пути въ мастера фальшивыхъ бумажекъ, а именно съ двумя небольшими деревянными циркулями, съ желѣзными проволоочными шпильками, съ двумя долотцами изъ иголокъ, съ бумажною печатью, срѣзанною съ конверта, „съ роговою костью“ и проч., и проч. Разсматривая подобныя дѣла въ достаточномъ количествѣ, выносишь такое убѣжденіе, что не одиакъ теребиловки занимались мастерствомъ приготовленія фальшивыхъ паспортовъ. Ссылные во множествѣ дѣлаютъ указанія на Тарбогатая и другія селенія такъ называемыя семейскія, гдѣ были мастера, конкурировавшіе съ заводскими, но слабо: билеты, тамъ приготовленные, часто предавали ссыльнымъ въ руки земскихъ, потому что были плохо сдѣланы. Между тѣмъ билетъ, написанный и выданный въ Петровскомъ заводѣ, выкраденъ былъ у бѣлаго изъ рукавицы ссыльнымъ въ Успенскомъ заводѣ (Тобольской губ.) и отнять у послѣдняго и задержать вынѣтъ съ нимъ уже въ Лаишевѣ (Казанской губ.).

Казенныя бумаги, вывода наружу эти грѣхи, въ то же время даютъ намъ свидѣтельства и указанія, что не одни только пропитанные поселенцы, своею семьею или своею шайкою, бываютъ участниками прегрѣшеній. Не ушло бы ихъ дѣло далеко и не много выиграю бы оно само по себѣ, если бы они не находились подъ непосредственнымъ покровительствомъ тѣхъ людей, которые пользуются свободою и ея выгодами.

Вотъ какой случай (болѣе другихъ характерный) рассказываетъ намъ одно архивное дѣло.

Два шмельцера играютъ съ одиакъ ссыльнымъ въ карты. Ссыльный выигрываетъ, требуетъ деньги.

„— Я тебѣ деньги заплатилъ и ты иди вонъ изъ моего дома! — отвѣчалъ одиакъ изъ шмельцеровъ и гонитъ выигравшаго въ шеню.

„Ссыльный закидался по избѣ, схватилъ ножъ, бросился съ нимъ въ сѣни“, но не нашелъ тамъ проитравшихся и убѣжавшихъ партнеровъ.

По поводу покушенія на убійство, завязалось дѣло. Слѣдствіе обнаружило, что у этиакъ шмельцеровъ быть въ квартирѣ открытый и гласный игорный домъ, неизвѣстный только одному начальству, что вольные заводскіе служители эти держали настоящія печатныя, а не дѣланныя карты, что при этой роковой игрѣ водка была обычнымъ угощеніемъ.

„Когда между шмельцеровъ и ссыльнымъ завязалась драка, другой шмельцеръ уговаривалъ товарища:

„— Ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрять“.

Судъ приговорилъ ссыльнаго Исаева, задѣ-

таго за самую щекотливую струну сердца, хорошо известную по чувствительности ее всем горным, наказать 50-ю ударами плетей, а служителей судъ оставилъ безъ всякаго наказанія. Ученье горнаго служителя, облегченная современными намъ положеніемъ, прежде далеко не обезпечивала его быта. 12-ти-лѣтній сынъ служителя поступалъ уже на работы, хотя бы и легкія, хотя бы и въ лѣтнее время; въ 18 лѣтъ его уже впрягали, наравнѣ съ каторжными, въ настоящую службу, каковую онъ обязанъ былъ продолжать 25 лѣтъ, если поступалъ изъ рекрутъ, и 35, если былъ сыномъ заводскаго служителя или родился отъ ссыльно-каторжнаго, во время нахождения отца въ работѣ, или же солдата преждебывшаго батальона. Такимъ образомъ, служитель, получая одинаковое жалованье и содержаніе съ ссыльно-рабочимъ, различался тѣмъ, что работа для него была почти безсрочною, тогда какъ ссыльно-каторжный имѣлъ въ перспективѣ самый долгій срокъ двадцатилѣтній. Тѣ же дѣла и тѣмъ же архивовъ неперполнены разсказами о случаяхъ побѣговъ съ работъ горныхъ служителей. Пойманные на допросахъ показывали единогласно, что „побѣгъ учинили въ единое отбывательство казенныхъ работъ съ тѣмъ предпріятіемъ, сколько возможность позволить, пробывъ отъ оныхъ празднымъ“. Они совершали въ бѣгахъ преступленія для того, чтобы получить наказаніе плетями или шпицрутенами и быть записанными въ разрядъ ссыльно-каторжныхъ, т. е. срочныхъ горныхъ работниковъ. Правда, что мелкія преступленія въ бѣгахъ оцѣнивались, по поимкѣ, уменьшеніемъ жалованья, назначеніемъ на усиленные работы и розгами, но нѣкоторымъ сразу удавалось прямо попадать на каторгу, на срокъ.

Возвращаясь къ теребиловкамъ и юрдовкамъ, а съ ними вѣсть и къ тѣмъ родамъ и видамъ промышленности, которая должна обезпечивать существованіе жителей этихъ свободокъ, мы встрѣчаемъ новые виды торговли и промысла. Промыселъ этотъ ведется въ мелкихъ развѣрахъ и слѣшкомъ исключителенъ по своей специальности, но, тѣмъ не менѣе, находится въ рукахъ пропитанныхъ поселенцевъ и самихъ ссыльно-каторжныхъ. Опять-таки промыселъ этотъ не имѣлъ бы приложения и выхода, если бы не встрѣчалъ на сторонѣ людей покровительствующихъ, рукъ поддерживающихъ. Мы говоримъ о контрабандѣ казенныхъ золота и серебра. Украсть то и другое ссыльному не мудрено, въ особенности золото; спрятать еще легче: самые тщательные обыски тутъ ничего не дѣлаютъ. Крадутъ всего чаще при разработкѣ россыпи, да тогда и легче: усмотрѣть за рабочими, растянутыми на большомъ пространствѣ или спущенными во мракѣ шахты, нѣтъ никакой возможности. Труднѣе красть при промывкѣ, гдѣ и глаза приставниковъ смотрятъ зорче и огъ весь на виду. Здѣсь крадутъ уже сами надзиратели,

а потому арестантъ, лишній человѣкъ, долженъ воспользоваться добычею при первоначальныхъ работахъ: не попадется ли самородокъ. Самородки же попадаются рѣдко и достаются только самымъ счастливымъ; но и въ этомъ случаѣ счастье нашедшаго дальше кабака въ теребиловкѣ не простирается. Не несетъ огъ находки въ контору, хотя и знаетъ, что конторамъ велѣно платить по рублю за золотникъ, но знаетъ также и то, что вѣшаютъ тамъ на вѣскахъ, ему не повѣсятъ, и обчитываютъ. Съ купцомъ слоднѣе дѣло: съ нимъ и торговаться можно, и выпить съ него магарычъ на его же счетъ, и пропить, проиграть полученные деньги тотчасъ же. Куда ихъ беречь и прятать? въ казармѣ товарищи украдутъ. Большія деньги въ тюрьмѣ бѣда: иной злодѣй убьетъ, пожалуй, вымученный соблазномъ и завистью.

Украденныя серебро и золото обыкновеннымъ путемъ ссыльно-работіе, за ничтожную плату, сдають на надежныя руки въ теребиловки. Здѣсь знакомымъ путемъ найдетъ его заводскій служитель и передастъ въ руки казака, выбирая при этомъ (чтобы скрыть слѣды) казака таковаго, который былъ въ заводѣ при промывкѣ провѣдомъ и который знакомъ уже съ этимъ дѣломъ и привыкъ къ нему. Для передачи краденнаго, ссыльные рѣдко казакамъ предпочитаютъ кого другого; часто употребляютъ на это дѣло солдатъ и всегда прибѣгаютъ къ болѣе вѣрному посредству, т. е. служителямъ. Попадая, такимъ образомъ, черезъ третьи въ четвертыя руки, покраденное „лишническое“ золото въ порошокъ и серебро въ слиткахъ *) отвозилось казакомъ изъ завода. Никогда самъ казакъ не пускалъ его дальше въ ходъ; передачею краденнаго занимались исключительно ихъ жены и дочери, для которыхъ передача контрабанды—привилегированный промыселъ и притомъ такой, который женщины (по долгимъ опытамъ, съ незапамятныхъ временъ) производили съ большимъ успѣхомъ, съ большою чистотою отдѣлки. Процессъ этотъ, по разсказамъ, совершался весь такимъ образомъ.

Контрабандное золото везетъ баба обыкновенно завязаннымъ тщательно въ бумажку и тряпочку и зарытымъ въ крупу или муку. Довѣжая до условленнаго, пріятнаго мѣста въ гѣсу, близъ дороги, контрабанда прячется подъ кустомъ, подъ деревомъ. Кустъ и дерево должны отличаться условными, известными всемъ контрабандистамъ примѣтами. Сама баба съ возомъ отправляется къ главному покровителю-капиталисту, къ кушуну или торгующему крестьянину.

*) Не только казакамъ, но и бурятамъ за Байкаломъ и киргизамъ за Алтаемъ хорошо известно способъ плавки, въ особенности серебра. Тѣ и другіе инородцы украшаются сами и украшаютъ женъ кольцами, запястьями, серьгами. На сѣздахъ, на ганзахъ (трубахъ), на огнивахъ серебряныя оправы — ихъ собственнаго издѣлія.

— Желтую пшеничку привезла, не купишь ли?

Купец понимает дѣло, но притворяется, старается замаскировать себя и отправляет продавщицу къ другому.

— Тотъ не возьметъ ли? На него указываютъ слухи, а я такнмъ дѣломъ не занимаюсь! Мнѣ не надо.

Этотъ „тотъ“ всегда агентъ этого главнаго купца, обязанный сбывать съ золота цѣну, но также еще не покушникъ, и онъ отсылаетъ бабу къ третьему.

— У меня денегъ нѣтъ, а тотъ охотился.

Третій обыкновенно платитъ деньги послѣ многихъ проволокъ и притѣсненій, платитъ большею частью такую цѣну, какую захочетъ, и всегда выговариваетъ:

— Мои деньги малыя, да мнѣ благодѣтель поможетъ, а я ему зароблю.

Сказывая при словѣ „благодѣтель“ его имя, третій агентъ даетъ тѣмъ знать, чтобы все-таки я на будущій разъ баба относилась къ нему и шла этиа радомъ мытарствъ, истощая терпѣнне, ослабляя цѣну, и доходила опять до него, до этого третьяго.

Этотъ третій идетъ обыкновенно за бабою вонъ изъ селенія, къ показанному мѣсту, при мѣтѣ котораго общи и общеприняты (нѣкоторыя даже открыты и начальствомъ). Беретъ онъ золото и отвозитъ его къ своему благодѣтелю. Дѣло послѣдняго держатъ около себя такнхъ бѣрныхъ, надежныхъ и опытныхъ казаковъ, у которыхъ нѣгутся бойкія, приспособленныя къ провозу контрабанды лошади. Лошади эти бѣгаютъ безъ дороги, не затрудняются въ гѣсахъ, не задумываются надъ рѣками. Вплывъ черезъ рѣку Аргунь лучшіе забайкальскіе контрабандисты, аргунскіе казаки (русскіе и карымъ), отвоятъ покраденное золото, „желтую пшеничку“, къ монголамъ. Здѣсь, въ степи, въ условномъ мѣстѣ, золото пріятелями-монголами охотно проѣивается на кирпичный и всякій чай. Тѣмъ же путемъ риска, съ торопливостью, ночью ввозятся чай въ большія селенія и сбывается на руки купца-благодѣтеля. Въ крупннхъ выгодахъ были тѣ и другіе. Контрабанда процвѣтала и усиливалась по мѣрѣ обремененія кяхтинской торговли высокими, стѣснительными пошлинами *).

*) Золотникъ золота продавался купцамъ за 1½ руб. иногда за 2 руб. (въ каинѣ онъ стоилъ 3 руб. 57¼ коп.). Монголы давали за этотъ золотникъ десять кирпичей чая (по 70 коп. за кирпичъ), т. е. 7 руб. сер. Въ Нерчинскомъ заводѣ за тотъ же кирпичъ чай давали купцы въ лавкахъ, смотря по величинѣ кирпича, 90 коп. и 1 руб. Стало быть, на каждомъ золотникѣ главный контрабандистъ выигрывалъ до 8 руб. сер., не считая расходовъ на перевозчиковъ. Съ переселеніемъ таможенъ въ послѣднее время въ Иркутскъ, сцена дѣйствій перемѣнилась, но способы дѣйствія—едва ли. Во всякомъ случаѣ, на китайской границѣ стало теиерь посвободнѣе и поспособнѣе.

На мѣстахъ сбыта золота монголамъ совершались обыкновенно шумныя попойки на китайской водкѣ (араки); на мѣстахъ пріобрѣтенія и добычи золота—бывали неудачи и крупныя несчастія.

Одинъ торговецъ выгодно поставилъ въ казну мясо, съ нѣкоторымъ даже убыткомъ для себя. Начальство сѣбло дѣло, но, имѣя въ виду казенную пользу, молчало до времени. Въ одинъ годъ торговецъ этого заведенія контрабандисты обманули, подсунувъ ему второпатъ вѣдній слитокъ, гальванически позолоченный, за само-родокъ. Купецъ купилъ его, отдалъ наличныя деньги, выѣхалъ изъ промысловаго селенія; продавецъ доказалъ на него. На дорогѣ купецъ былъ схваченъ, обысканъ, заплачено штрафъ и на слѣдующій годъ на торги не явился и контрабанду бросилъ.

Не бросили контрабанду другіе. На молодую, ввозъ открытую золотую россыпь Кудюю, прежде всего, потащились ловкіе продавцы съ платочками, ситцами и другими красными товарами для „желтой пшенички“. Это не такъ давно, а очень давно Шилкинскій заводъ былъ центромъ операций, производимыхъ надъ карійскимъ золотомъ (очень высокой пробы). Сюда пріѣзжали покупатели изъ окрестныхъ селеній по временамъ; мѣстные купцы такнмъ дѣломъ не занимались, довольные тѣмъ, что, оберегая нравственность смыльныхъ въ Карѣ,—по обычаю всѣхъ золотыхъ промысловъ и по закону,—не дозволяли торговли. Вся она для карійскихъ сосредоточилась въ Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ купцы, на первыхъ порахъ, наживали на товарахъ своиа рубль на рубль. Дѣль объ золотѣ и серебрѣ въ архивахъ много. Уличали, подозревали и ловили торговцевъ изъ смыльныхъ евреевъ, подозревали и (въ 1848 году) пріѣжавшихъ на заводы венгерцевъ и другихъ иностранцевъ для мелочной разносной торговли, съ заграничными товарами, безъ положенныхъ клеймъ или съ поддѣльными пломбами и штампелами. Торговали они и лекарствами я, пріобрѣтая исключительно одно серебро въ монетѣ и слиткахъ, пускали въ оборотъ фальшивые кредитные билеты. Этиа заграничнмъ гостямъ, не безъ основанія, приписываютъ правильную организацию всего дѣла по части сбыта золотой и серебряной контрабанды.

Въ 1850 году существовала въ Кяхтѣ слѣдственная коммиссія „для раскрытія вкоренившейся беззаконной торговли съ китайцами золотомъ“ *). И въ нашъ пріѣздъ указывала на одного изъ контрабандистовъ, который велъ

*) Сенаторская ревизія, названная потому такъ же, какъ и кяхтинская коммиссія, въ изслѣдованіи контрабанды золотомъ не имѣли успѣховъ, хотя первая и подпускала подъ перевозчиковъ ловкихъ жидковъ. Понадались въ сѣти мелкая рыба съ долами или съ золотниками и прогуливалась за то по зеленой улицѣ (ходила сквозь строй); крупная рыба выскакивала.

осяльную карточную игру, и на другого, о котором у нас имѣлось слѣдственное дѣло.

Контрабандистъ этотъ, вѣкто Соколовъ, въ 1850 году уличенъ былъ въ томъ, что приобрѣтенное золото не сбывалъ за китайскую границу монголамъ, а превращалъ его въ червонцы и червонцы эти лускалъ въ обращеніе за Байкаломъ, черезъ жену свою. Въ кабакѣ Дучарскаго завода, у цѣловальника, найдены были четыре такіа золотыа монеты, которыа отправлены были въ Петербургъ на монетный дворъ для испытанія. Эксперты двора нашли, что золотые не фальшивыя, ибо-де, будучи сдѣланы безъ лигатуры, стоятъ выше существующаго курса,—и писали въ Нерчинскій заводъ, что представленныя имъ золотыа сдѣланы изъ серебрястаго золота, а потому цвѣтомъ желтѣе настоящихъ; въ окружности, также „въ надписи буквъ овальнѣе и менѣе явственны, зубчики крайнаго ободка толще, вмѣсто звѣздочекъ точки“, и проч.

Въ дѣлѣ этомъ участвовали: ссыльно-каторжный Соколовъ при участіи поляка Брановскаго и подсудимаго бродяга Андреева. Соколовъ съ женою, которая передавала монету, объявленъ былъ подъ подозрѣніемъ и переведенъ для жительства въ другой заводъ, Шахтаинскій. Брановскій, разъ уже наказанный кнутомъ за дѣланіе въ тѣхъ же Нерчинскихъ заводахъ фальшивыхъ ассигнацій, былъ наказанъ. Бродяга Андреевъ, разъ уже сужденный за продажу поселенцу Чернову золота около 1½ фута и наказанный за то шипцутенами черезъ 500 человекъ одинъ разъ, наказанъ 30-ю ударами плетей за участие въ дѣлѣ Соколова.

Занятіе контрабандою золотомъ и фальшивою монетою (фальшивыми кредитными билетами) успѣло многихъ обогатить, малую и почти ничтожную только часть обездольтъ.

Указывали на многихъ обывателей въ городахъ, ближайшихъ къ мѣстамъ производствъ и добычи серебра и золота, какъ на людей, основавшихъ свои дѣла на торговлѣ краденнымъ съ разныхъ золотыхъ промысловъ золотомъ или черезъ распространеніе въ народѣ фальшивыхъ ассигнацій. Указанія шли на многіе города въ Западной и Восточной Сибири. Въ Тобольской губерніи также нерѣдко попадалась золотая монета пробю выше казенной монеты, для которой существовалъ открытый путь на Омскую линію, а оттуда съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ.

Помимо приготовленія изъ контрабанднаго золота червонцевъ, ссыльные Нерчинскихъ заводовъ не отставали передъ множествомъ другихъ мѣстъ въ Россіи и Сибири въ приготовленіи другихъ денегъ—бумажныхъ. Фабрикація фальшивыхъ ассигнацій была до того сильно распространена въ Нерчинскомъ и вообще въ Забайкальскомъ краю, что горное нерчинское прав-

леніе пробовало было считать сорты ихъ и записывать, да и счетъ потеряло. Насчитало оно сортовъ до 25-ти и, видя бесполезность работы, вело дальнѣйшій счетъ только для формы по заказу и по привычкѣ. Вейгерцы, приходившіе съ товарами, и другіе иностранцы, появившіеся въ край, распускали фальшивыа деньги заграничнаго дѣла и вывозили краденое русское серебро. Къ тому же и товары развозили безъ таможенныхъ клеймъ и пломбъ, а деньги за нихъ брали все-таки выше сибирскихъ цѣвъ. Водили большими партиями. Не всегда подобное приготовленіе имѣеть безразсчетныа и безразличныа цѣли; были случаи, имѣвшіе политическій характеръ. Такимъ отзывается имѣющееся у насъ въ рукахъ дѣло (1839 года) польскихъ ссыльныхъ 1830 года, затѣянное для освобожденія всего множества сосланныхъ туда поляковъ изъ узъ неволи и тюремнаго заточенія. Дѣлу этому мы даемъ имѣсто въ слѣдующихъ томахъ этого сочиненія.

Въ Западной Сибири указывали на Успенскій винокуренный заводъ (Тобольской губерніи, Тюменскаго округа, въ 326 верстахъ отъ Тобольска и въ 52 отъ Тюмени), какъ на главную фабрику приготовленія ссыльными фальшивыхъ бумажекъ. Рассказываютъ, что наряженное по этому случаю слѣдствіе кончилось тѣмъ, что одному изъ депутатовъ какая-то старука подсунула толстую пачку самодѣльныхъ ассигнацій. Слѣдователь началъ съ того времени богатѣть, оставилъ службу, а дѣло было, по обыкновенію, замято и спрятано. Слѣдственныа дѣла обнаруживаютъ при этомъ, что передатчики часто рискуютъ, попадаютъ въ просакъ, ссыльные часто ихъ надуваютъ, отчего при такомъ рискѣ выигрываютъ больше первые, терпятъ вторые. Случай противоположнаго свойства—большая рѣдкость, ихъ знаютъ въ перечть и рассказываютъ въ похвалу изобрѣтательности ссыльныхъ, основанной, главнымъ образомъ, на томъ, что операція производится въ потьмахъ и попылахъ, торопливо и на вѣру.

Такъ, одному удалось сунуть пачку скверной и мягкой бумаги, обложенную настоящими ассигнаціями только сверху и снизу и связанную веревочкою. Счастливому плуту удалось эту пачку сунуть въ торопяхъ и получить 250 руб. только за 45 руб., образовавшихся изъ снѣгенихъ и красненькихъ, лежавшихъ наверху и снизу. Этотъ пересыльный арестантъ возбуждалъ въ передатчикѣ полную довѣренность къ искусству своему въ приготовленіи „блиновъ“ тѣмъ, что данную имъ на пробу (настоящую вмѣсто фальшивой) бумажку раздѣляли въ кабакѣ; 250 руб. покупщикъ охотно далъ за 500 фальшивыхъ и вмѣсто нихъ нарвался на газетную бумагу.

Выпускаются на пропитаніе или, лучше, на отдыхъ тѣ изъ ссыльныхъ, которымъ не по-

счастливию: казенная работа отняла от них послѣднія, растраченныя по дорогамъ и тюрьмамъ физическія силы. Тяжкія страданія, исключительность работъ дѣлають такихъ рабочихъ совершенно бесполезными, и притомъ большую часть изъ нихъ. Въ рудникахъ — отравленіе свинцомъ (свинцовая колика и удуще, *авѣнша metalurgica*), падающая болѣзнь (*epilepsia*) — какъ слѣдствіе свинцоваго отравленія у мужчинъ, такъ и у женщинъ; грыжи, вслѣдствіе тяжести работъ; ушья (*varices*), какъ слѣдствія работъ, производимыхъ стоя, и питья воды, застающейся въ рудникахъ; воспаленіе глазъ отъ плохого освѣщенія, мерцающаго полусвѣта и чада отъ плохихъ салныхъ свѣчъ; переломы и вывихи такіе же частые гости, какъ удуще. Удушье постигаетъ тѣхъ неосторожныхъ рабочихъ, которые, послѣ 12-часовой напряженной работы, вызывающей испарину, выходятъ на холодный воздухъ, пьютъ и ѣдятъ потомъ безъ осторожности и притомъ очень плохо. Въ тюрьмахъ, какъ сказано выше, неизбѣжно посѣщаютъ арестантовъ также воспаленіе глазъ (*orbitalia catarrhis*), зависящее отъ сѣро-водороднаго газа, какъ продукта собственныхъ испареній и выделеній. Замѣчательны обыкновенно скорбутъ, диссентерія и тифъ, очень часто язвы отъ худосочій скорбутнаго и ревматическаго (части наружныя язвы и отъ трети кандалами); ознобленіе и отмороженіе членовъ отъ недостатка обуви и одежды и какъ слѣдствіе побѣговъ, сифилисъ въ страшныхъ формахъ отъ неправильнаго и безчеловѣчнаго леченія своимъ же братомъ-знахаремъ; чесотка (*scabies*), какъ неизбѣжная, непрѣмная и вѣчная принадлежность всякихъ тѣсныхъ, сырыхъ и грязныхъ артельныхъ помѣщеній *). Чесотка между горнозаводскими жителями, особенно между дѣтьми, распространена такъ, какъ едва ли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Только работающіе на фабрикахъ (въ стѣрныхъ парахъ) освобождены отъ нее.

Выпускають также ссыльных на пропитаніе въ видахъ экономической мѣры, напр., по случаю неурожаевъ хлѣба, когда казна затруднится снабженіемъ этими припасами, и какъ мѣра награды, неизбѣжная и обусловленная закономъ и обычаемъ для тѣхъ ссыльных, которые покойно выжили тюремный срокъ, но не заслужили еще пождѣльнаго званія поселенцевъ или, по сибирски, поселщиковъ. Уходя на пропитаніе, семейные ссыльные уводили съ

*) Въ Кутмарскомъ заводѣ вредное вліяніе мышьяковистыхъ паровъ оказывало свое дѣйствіе на телятъ, а потому заводскія бабы отправляли стальныхъ коровъ въ сосѣднія деревни. На людей эти пары имѣли даже благотворное вліяніе: въ часочномъ запахѣ мышьяковистой кислоты работали ссыльные и въ Александровскомъ заводѣ (Нерчинскаго края). Заболѣвшіе лихорадкою (упорною) ходили на заводскія фабрики работать и здѣсь излечивались мышьяковистыми парамъ во время самыхъ пароконныхъ.

собою и дѣтей, но заводское начальство считало ихъ виновными вмѣстѣ съ отцами, возвращало назадъ, назначало въ работы, хотя потому само же увѣряло въ форменныхъ бумагахъ, что „водворить сбродъ людей этихъ, сдѣлать изъ пропитанныхъ постоянныхъ работниковъ и домохозяевъ нѣтъ никакой возможности“. Ссылные, не семейные, выходя на пропитаніе, бѣгутъ изъ заводовъ при первой открывшейся возможности къ побѣгу, къ которому нѣрѣдко представляются случаи при употребленіи на работу внѣ крѣпости, гдѣ дровосѣкъ и проч.

Поступая для житія къ семейнымъ хозяевамъ, которые охотно принимаютъ къ себѣ ссыльных, пропитанные (т. е. вышедшіе на пропитаніе), за крайнюю ограниченностью казеннаго содержанія, по неволѣ принуждены бывали изыскивать мѣры къ пріобрѣтенію денегъ. На винокуренныхъ заводахъ они, провертывая дыры въ тѣхъ трубахъ, по которымъ идетъ вино, воровали спиртъ и полугаръ, на солеваренныхъ — соль; на золотыхъ промыслахъ — золотой песокъ; на желѣзодѣлательныхъ заводахъ — желѣзо, преимущественно во время работъ въ крячбой фабриктъ и т. п. Мелкія воровства и кражи по заводамъ до того обыкновенны, что послѣ многихъ опытовъ перестали употреблять какія либо опредѣленные и вѣрныя мѣры; подвернется какойнибудь случай, не предусмотрѣнный, не основанный на расчетѣ и поразительный по крайней случайности. Объ немъ рассказываютъ, какъ о чудѣ, и рассказъ превращается въ легенду, которая, однако, изживается въ памяти народа цѣлыя десятки лѣтъ. Такъ, напр., черезъ тридцать лѣтъ мы получили въ Петровскомъ заводѣ изъ вторыхъ рукъ такую повѣсть, рассказанную самимъ авторомъ казуса.

„— Былъ я воръ отпѣтый и каковы ни мастера всѣ наши, а я былъ лучше всѣхъ. Много выпорютъ, онъ и отстають, а мнѣ и розги, что съ гуся вода. Сидѣлъ во мнѣ вороватый чертъ самый сильный и такой притомъ, что никакого мнѣ ладу съ нимъ не было. Увижу что чужое, сейчасъ у меня заболитъ брюхо и такой таскутъ въ немъ нападетъ, что глазъ не сожну, куска не съѣмъ, покуль чужая вещь перестанетъ ѣсть глаза и руки отстають чешаться. А таскалъ я все, что подъ руку подвернется, и не надобна иная вещь, да сильнѣе чертъ внутри сидитъ: что ни видишь изъ чужого, все подавай! Сидишь бывало, задумаешься, о своей судьбѣ перебираешь мысли: дай-ка пойду да стащу чтонибудь, что плохо лежитъ. Разъ пошелъ погулять за заводомъ, поднялся на горку, погулялъ. Свернулъ съ тропинки въ заводъ, къ домигъ (доменной фабриктъ). У домигъ увидѣлъ казенку, гдѣ складываютъ всякія казенныя вещи, у казенки ребятъ увидѣлъ: наши подъ амбаръ этотъ подкапываются. Мнѣ бы и пройти мимо, ужъ будетъ съ меня,

да чертъ-отъ во мнѣ завозился и мои мысли разсѣяли, сталъ толкать меня да подговаривать: „иди, помоги, вдвоемъ мнѣ не сладить“. Пошелъ я къ нимъ: что дѣлаешь? Да такъ-де и такъ, казенныя вещи считать и провѣрять пришли.

„Стать я имъ пособлять, а тропинка за спиной у меня осталась. Копался я вдвоемъ съ чертомъ вътрое сильнѣе товарищей: моя ама глубже всѣхъ и краемъ однимъ совсѣмъ ужъ въ амбарѣ. Сдумалъ я такъ, вскинулъ глаза на товарищей, вѣту ихъ—убѣжали. Я оглянулся назадъ, а сзади меня стоитъ нашъ начальникъ; тоже погулять вышелъ. Стоитъ и молчать и во всѣ глаза на меня смотреть, а луна на ту пору такъ и обошла его всего свѣтомъ, даже страшнѣе онъ сталъ. Увидалъ я Нестерова, да такъ и обмеръ: человекъ онъ былъ суровый, засѣкалъ нашего брата до смерти (за то его и смѣнили начальство). Меня пороло и стѣбало, что я и счетъ потерялъ. Вижу его и смѣяло: такое, молъ, наказаніе придумаетъ мнѣ теперь, о какомъ въ заводѣ наши каторжные еще не слыхивали. Слышу, заговорилъ: „Ну-де, я тебя наказывать не стану, палки не донимаютъ, а пусть-де тебя теперь самъ Богъ накажетъ!“ Словомъ этимъ онъ такъ и пригвоздилъ меня къ тому мѣсту. Какъ я всталъ столбнякомъ, такъ и простоялъ я куда долго. Онъ ушелъ, а я все наказанія себѣ выжидать; думаю: такъ вотъ и разарзаетъ меня на мѣстѣ. Съ той поры какъ рукой съ меня сняло: убилъ онъ моего черта. Съ мѣста я сошелъ, какъ изъ бани вышелъ, легко таково“.

Смыльный этотъ пересталъ воровать и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и честныхъ рабочихъ. Другая арестантская гроза, громившая смыльных на Карѣ въ первое время по открытіи тамъ золотого промысла, напугала палача. Карійскій палачъ торговалъ виномъ и поживлялся около каторжныхъ. За виномъ онъ заходилъ въ Шилкинскій заводъ и привозилъ его тайкомъ на Кару. Разъ онъ наскочилъ со своею контрабандою на самого. Приведенъ былъ къ нему и до того былъ напуганъ свиданіемъ, что затрясся весь какъ въ лихорадкѣ, и не зная, что съ собою дѣлать. Начальникъ былъ доволенъ собою и ограничился короткою сценою. „Боишься ты меня?“—спросилъ онъ палача. „Боюсь очень!“—отвѣчалъ тотъ. „А какъ очень?“ „Больше Бога!“—отрѣзалъ палачъ—и выигралъ: взмсканія не послѣдовало.

Какъ бы то ни было, но это шатаніе по чужимъ дворамъ въ ближнихъ къ заводу селеніяхъ, этотъ мнимый отдыхъ отъ каторги посреди ежечасной заботы о насущномъ хлѣбѣ, этотъ хлѣбъ, горькій и черствый, дѣлаетъ житье на пропитаніи немногимъ лучше самой каторги. Выходить изъ него немного и всѣ неблагопріятные. Уйти за границу назначеннаго округа въ чужой, не найдя въ своемъ средствѣ къ

пропитанію, значить, включить себя въ отдѣль бродягъ, строго преслѣдуемыхъ закономъ. Гдѣ нибудь и когда нибудь поймутъ, посадятъ въ острогъ, станутъ судить, накажутъ и отправятъ туда же или дальше того самаго мѣста, откуда вышли. Бродить по домамъ заводскихъ рабочихъ, такихъ же голышей и такихъ же несчастныхъ, значить не идти дальше мелкой кражи и крупнаго за то наказанія. Чѣмъ долше длится срокъ, назначенный для этого средняго, неопредѣленнаго переходнаго состоянія, тѣмъ невыносимѣе становится нравственная пытка, тѣмъ запуганнѣе житейскія обстоятельства и печальное житейское положеніе свободнаго поселенца кажется уже какимъ-то раемъ и альдorado. Большая часть уходитъ въ бѣга, меньшая хитритъ, скрипитъ и ждетъ своего срока и желаннаго дня. Самая малая часть заутыиваетъ себя женитьбою и за нею кое-какъ привязывается къ семьѣ, дому и хозяйству. На заводахъ пропитанный крадетъ чужую лошадь, чтобы поступить въ разрядъ такъ называемыхъ конныхъ рабочихъ. Лошадь дастъ ему лишній заработокъ, лишнюю кроху за семью, лишній грошъ на себя, всегда почти вѣрный и неизмѣнный. Начальство догадывается о кражѣ, пути ея узнаетъ, но молчитъ объ этомъ актѣ, какъ невозможномъ, давно укоренившемся и живущемъ, въ большей части случаевъ, вѣрнымъ успѣхъ.

У нѣкоторыхъ „пропитанныхъ“ страсть къ воровству доходитъ до ужасающихъ предѣловъ, граничить съ серьезнымъ помѣшательствомъ и имѣетъ форму положительной настоящей болѣзни. Одинъ, напр., воспиталъ въ себѣ страсть раскапывать могилы, вскрывать гробы и сдирать съ мертвыхъ тѣло одежду. Другіе „пропитанные“ на досугѣ дѣлали порохъ и отправляли за китайскую границу (нашли у многихъ порохъ въ плиткахъ). Иные покупали порохъ у китаевцевъ, которые-де „продаютъ его не такъ, а чтобы нашимъ пороху у нихъ не покупать, такого-де запрещенія не слыхали“.

Мудренѣе вести дѣло тѣмъ смыльнымъ, которыхъ забросила судьба въ Нерчинскій край и о которыхъ люди, близко ихъ наблюдавшие, пишутъ такіа строки: „Смыльные, пробывъ большею частью двадцать, а съ добавленіемъ срока работы за побѣги тридцать и болѣе лѣтъ, по истеченіи этого времени освобождаются отъ работы и водворяются на поселеніе. Но люди эти—или воры или пьяницы; благонадежныя изъ нихъ оказываются тѣ, которые просидѣли на цѣли или пробывъ прикованными къ тачкамъ. Иногда бывають добропорядочные люди между женатыми, но пьянство—общій порокъ всякаго рода арестантовъ, а бѣдность—удѣлъ каждого изъ нихъ до той поры, пока не измѣнится къ лучшему настоящая плохая, отжившая свой вѣкъ, тюремная система. По численности преступни-

ковъ, по огромному развитію и разнообразію работъ заводскихъ, улучшеніе быта ссыльныхъ, исправленіе нравовъ преступниковъ въ Сибири—дѣло трудное, на иждѣніе его почти невозможное. Инициатива этого великаго дѣла, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ Россіи, должна начаться и совершаться въ русскихъ тюрьмахъ. Въ Сибири людей нѣтъ свободныхъ и способныхъ для такого человѣколюбивѣйшаго подвига и сильный въ Сибири только обязательный казенный работникъ, механическая сила, рабочая машина, которая по-столько и цѣнится, поскольку она больше зарабатываетъ. Таковыми, по крайней мѣрѣ, это дѣло стояло во время нашихъ наблюденій; не знаемъ, каковыми оно будетъ впоследствии.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, „пропитанный“, даже и тотъ, у котораго отпала охота къ бродячеству и дѣни, котораго называютъ лучшимъ и исправнымъ? И получивъ право на 15 десятинъ удобной земли въ надѣлѣ, равномъ съ крестьянами, онъ все-таки воспитался на специальныхъ работахъ такъ, что отбѣжать отъ нихъ для него нѣтъ расчета, и едва ли не происходитъ оттого все его несчастье. Потому-то, выпущенный на пропитаніе, наприм., на винокуренный заводъ, продолжалъ рубить дрова для печей, топилъ эти самыя печи, чистилъ виничную посуду, приготовлялъ заторы изъ муки, солоды на гонку вина, качалъ машинною водою въ сосуды, спускалъ брагу изъ одного ящика въ другой, качалъ машинною раку изъ нижней десятины въ верхнюю, приготовлялъ гѣсть и дѣлалъ бочки, и проч. и проч. Попадая въ руки контрагентовъ, пропитанные несли еще большую тяжесть. На одномъ заводѣ мы нашли, что положеніе ихъ въ рукахъ казны было гораздо лучше: пропитанные занимали полицейскія должности. У контрагента они поступали въ конные рабочіе, получали лошадей или деньги, которые потомъ вычитались у нихъ изъ плаката, а затѣмъ уже наваливалась на нихъ всякая подходящая тяжесть: вези все, что имъ наложить, а за то ему лишнее количество барды для скота, да и только. Эти и дома строили и всякія починки исправляли, а глѣбъ получали солодѣлый, тотъ самый, который для винокуренъ такъ пригоденъ и который, само собою, контрагентъ покупалъ дешевле обыкновеннаго. Но такъ какъ всякое дѣло тѣсно связано съ сознаниемъ труда чернорабочими, а на сибирскихъ заводахъ былъ принятъ трудъ обязательный, то понятно, что и неудовлетворительность дѣйствій казенныхъ заводовъ явилась неизбежнымъ послѣдствіемъ. „Въ самомъ дѣлѣ, 60 коп. мѣсячнаго плаката на Нерчинскихъ заводахъ и 80 на нѣкоторыхъ солеваренныхъ и 40—20 на винокуренныхъ не удовлетворяютъ простымъ животнымъ, не только человѣческиимъ потребностямъ и вынуждаютъ рабочихъ прибѣгать къ кражамъ и другимъ проступкамъ и преступлениямъ. Они воруютъ пору-

ченные имъ матеріалы, воруютъ производительные предметы заводовъ, крадутъ время и трудъ, принадлежащіе заводамъ, и все это считаютъ позволительнымъ, тогда какъ кражи и обманы между собою (у тѣхъ, которые вышли на волю) и рѣдки и самими рабочими сильно преслѣдуются“.

На Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (Енис. губ., Канскаго округа, въ 193 вер. отъ Канска) на пропитаніе увольнялись отъ работъ только неспособные за старостью дѣти и увѣчьемъ и приписывались вмѣсто богадѣльни къ селеніямъ. На Селенгинскомъ солеваренномъ же заводѣ (въ 40 вер. отъ города и 98 отъ Верхнеудинска), по свидѣтельству одной официальной записки, эти уволенные отъ работъ на пропитаніе, переходя въ мѣста новаго жительства, перепродавали дома свои другимъ рабочимъ, которые, въ свою очередь, дѣлали то же самое. „Отъ этого каждый, зная неокоренѣлость и шаткость жизни своей на заводѣ и существованія самого завода (который и былъ-таки уничтоженъ), не радѣлъ ни о расширеніи усадѣбъ, ни о расчисткѣ земель для пашень. А пашни, какъ вообще въ краю Забайкальскомъ, требуютъ еще устройствъ водопроводныхъ каналовъ для весенней и лѣтней поливки, чему также подвергаются и сѣнокосы, если только они не на лугахъ, поливаемыхъ водою“.

Когда, въ 1838 г., ссыльныхъ раздѣлили на разряды, время пребыванія въ работѣ было ограничено, а дѣтей рабочихъ вѣдѣно приписать въ крестьяне—всѣ молодыя руки постигли воспользоваться свободою. Всѣ дѣти ссыльныхъ изъявили желаніе выбыть изъ заводовъ. Казенныя палаты ходатайствовали оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, но просьба ихъ не была уважена и только кое-гдѣ, „по усиленнымъ убѣжденіямъ“, нѣкоторые пропитанные согласились жить на заводахъ по билетамъ отъ волости, а малолѣтки остались при отцахъ на воспитаніи. Переворотъ 1838 года подалъ только надежды, облегчилъ участь рабочаго, но быта его не улучшилъ. Правда, заведены были артели для улучшенія продовольствія и установленъ экономическій капиталъ на помощь при домообзаводствѣ, а между прочимъ и при женитьбѣ; но капиталъ до половины наличнаго количества тратился, вмѣсто главной цѣли, на поимку бѣглыхъ, на различныя и частныя иллюминаціи, на сложеніе казенныхъ долговъ съ умершихъ и въ награду ссыльнымъ обувью. Артели удержались только при тюрьмахъ, но и тѣ были такъ непрочны, искусственны и легки въ замислѣ, что опытомъ своимъ не умудрили ссыльныхъ и не выучили ихъ придерживаться артельного начала на волѣ, на пропитаніи. Каждый вышедшій на волю дѣйствовалъ уже самъ по себѣ, а всѣ мѣстѣ, дѣйствіями своими, сложили то убѣжденіе въ умахъ заводскаго начальства, что такое

переходное состояніе—самое обильное побѣгами, и время это самое удобное для бродяжества.

Нельзя не прибавить къ тому весьма частога исчезновенія многихъ сибирскихъ заводовъ, которые какъ бы нахвѣренно начинали быстро разрастаться въ одномъ мѣстѣ вопреки всякихъ экономическихъ законовъ, какъ произошло въ Западной Сибири (съ винокуренными заводами), или быстро упраздняться, когда экономическія условія края доводили до сознанія ихъ вреда, какъ случилось въ Восточной Сибири, гдѣ пала два завода винокуренныхъ въ Иркутской губ. (Николаевскій и Ильгинскій), два въ Забайкальской области (Михайловскій винокуренный и Селенгинскій солеваренный), одинъ въ Енис. губ. (Каменскій) и Тельминская суконная фабрика (въ Иркутской губ.). Исторія у всѣхъ одна: либо быстрое возростаніе цѣнъ на хлѣбъ порождаетъ сильныя и повсюдныя жалобы, либо дурное хозяйство превращаетъ заводы эти въ негодныя. Исторія Тельминской фабрики служитъ протипомъ. Вызванная искусственно для приготовленія солдатскихъ суконъ, она щелкала челноками до тѣхъ поръ, пока не стала требовать исправленій. Прорвалась дыра въ одномъ мѣстѣ, надо бы положить заплату—пипнуть, и отвѣта нѣтъ, а въ это время готова уже другая дыра; опять пипнуть или получаютъ разрѣшеніе, но пока на починку первой. Въ концѣ концовъ, пробоявъ и промочивъ накопилось отъ времени такъ много, что ремонтъ сталъ дороже капитальной перестройки за-ново. Надо новую одежду шить. Такъ и сказано о томъ, кому слѣдуетъ. Но тѣ подумали было выворотить сукно на изнанку, стали считать, и оказалось, что выгоднѣе было продать ветошь старьевщику и отступиться. Позвали покупщиковъ. Тѣ осмотрѣли, одумались и нашли, что ветошь нигуда не годится и покупать ее не стоитъ. А между тѣмъ, фабрика присеяла и прикормила много рабочихъ, много народу скончилось. Куда его дѣвать? Смотришь—земли забрали старожилы - крестьяне, разумѣющіе сибирскія дѣла по настоящему, а заводъ изъ ссыльныхъ приготовилъ техникувъ, тотъ знаменитый фабричный народъ, который для поселенческой жизни нигуда не годится. Ткачи такъ и остались со вдавленною грудью отъ постоянного нажиманія ея у стаяка, сухіе какъ жимолость, кашляющіе и притомъ гордые сознаніемъ своего достоинства, не позволяющаго имъ сгибываться съ валаками поселенцами-земледѣльцами.

Ссылные, если сами и уходили на пропитаніе, то дѣтymi своими поступали на пользу заводовъ. Хотя до совершеннолѣтія ихъ не рѣдко принимали въ работу, но начальство, съображая то, что ихъ все-таки въ это время кормило казеннымъ хлѣбомъ, брало для работъ гдѣ съ 14, гдѣ съ 12, а вѣрбудо и съ 10 лѣтъ. Потомъ хвасталось: „сыновья ссыльно-рабочихъ

составляли классъ людей самыхъ способныхъ и употребительныхъ при техническихъ работахъ“. По 8-ой ревизіи (1834 года) всѣхъ ихъ вѣрно было приписать въ крестьяне ближайшихъ селеній и заводы попали на новую бѣду. Они стали жаловаться: „Не смотря на старанія приохотить ссыльныхъ къ мѣсту, заводскія селенія не распространялись; по минованіи срока работъ всѣ, выходящіе на собственное пропитаніе, отчислялись отъ заводскаго вѣдомства“. Уволеннымъ уже „не производилось ни опредѣленной по заводу платы, ни хлѣба даже и въ тѣхъ случаяхъ, если рабочіе отпускались на временное пропитаніе, когда приостанавливались заводскія работы (на винокуренныхъ, напр., глухое время бездѣйствія тянулось съ 1-го ноября по 1-ое марта). А потому отцы, уходившіе на пропитаніе, брали съ собою и дѣтей побираться вѣштѣ съ ними по-міру. Заводскія начальства требовали ихъ возвращенія, но „пропитанные“ старались уходить такъ далеко, что всѣ мѣры оказывались недействительными, и заводы оставались при работахъ изъ вновь присланныхъ ссыльныхъ и кое-какихъ вольнонаемныхъ. Результаты извѣстны: вольнонаемныхъ нѣтъ, кованныхъ рабочихъ очень мало, дрова приходятъ въ истощеніе, ссыльные бѣгутъ цѣлыми толпами и заводъ виситъ на волоскѣ, пока не примутъ услащенныхъ мѣръ. Затѣмъ все-таки отвѣтъ одиетъ: „Водворить изъ сброда этихъ людей постоянными работниками, слѣвать изъ домохозяевами и, наконецъ, коннорабочими не представляется никакой возможности“.

Во всякомъ случаѣ, приготовленіе поселенцевъ изъ каторжныхъ, черезъ переходное и странное состояніе прощтанныхъ, еще до сихъ поръ не достигло желаемой цѣли и не привело къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидали и которые казались такими красивыми на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ, эта мѣра усилила количество бродягъ, увеличила число нищихъ въ Сибири, организовала въ томъ краю цѣлый классъ людей опасныхъ, о которомъ давно пора подумать и позаботиться. Не всегда на пропитаніе уходять люди дряхлые и изувѣченные, но и въ этихъ живуща та язва, которая въ силахъ вліять заразительно на здоровые организмы.

Сами ссыльные, долгимъ путемъ страданій, успѣваютъ выработать себѣ кое-какія надежды, заручаются посильнымъ терпѣніемъ и, на безвыходности тяжелой жизни, умѣютъ еще складывать пѣсни и выпивать въ нихъ свое горе. Въ горѣ этомъ проглядываетъ и надежда, и терпѣніе и вѣра въ будущее. Въ тюрьмахъ каторжныхъ поется, между прочимъ, такая пѣсня:

Сѣдина ль моя, сѣдинушка,
Сѣдина ль моя молодечья!
Ты къ чему рано повзрѣла,
Во черны кудри вселелася?
Ахъ ты, молодость, моя молодость!
Ахъ ты, молодость молодечья!

Я не чаю тебя вымкати.
 Ахъ, вымкати я свою молодость
 Не въ житьё-бытьё, богатствѣ,
 Во проклятомъ одиночествѣ!
 Изомель-то я, добрый молодецъ,
 Съ устья до вершинишки
 Всю сибирскую сторонушку:
 Не нашель-то я, добрый молодецъ,
 Ни батюшки, ни матушки,

Ни братцевъ-то—ясныхъ соколовъ,
 Ни сестрицъ-то—бѣлыхъ лебедушекъ;
 А нашель-то я, добрый молодецъ,
 Позоняночку—красну дѣвицу.

Пѣсня эта собственно должна принадлежать поселенцамъ, въ житьё-бытьё которыхъ и переходимъ теперь.

Г Л А В А V. НА ПОСЕЛЕНИИ.

Сибирское населеніе изъ поселенцевъ.—Худая слава.—Безвыходное положеніе.—Отношенія къ старожиламъ.—Бродяжество и шатаніе.—Пѣсня.—Испорченность поселенцевъ и причины этого явленія.—Прочнаго водворенія сельскихъ не существуетъ.—Безплодность мѣрь.—Первые шаги сельскаго.—Вражда туземцевъ.—Богатѣльни.—Посельщики.—Неспособные.—Смотрители поселенцевъ.—Воровство.—Свободныя самовольныя поселенія.—Киржаки.—Каменьщики.—Сельскія колоніи невѣдомыя и вѣдомыя.—Задичалые поселенцы.—Золотыя промыслы.—Поселенцы на приискахъ въ тайгѣ.—Олганджи и міряки.—Еврей въ Сибирѣ.—Иностранцы въ селкѣ.—Русскіе раскольники на Байкаломъ.—Цѣлѣбныя хозяйства.—Духоборы.—Уральскіе казаки.—Невинно сосланные и возвращенные.—Поручикъ Козлянской.—Монахиня.—Странникъ Иванъ Захаровъ Спасовъ.—Переимѣна именъ.—Неправильность распредѣленія сельскихъ по Сибири.—Шалачи.—Церурьніе къ нимъ и результаты его.—Кнутъ.—Вогачи изъ каторжныхъ.—Чужеземцы въ селкѣ.

„Поселенецъ, что младенецъ,—что видитъ, то и тащить“, говоритъ сибирская поговорка, явившаяся результатомъ двухсотлѣтнихъ наблюденій сибиряковъ-старожиловъ (потомковъ прошлыхъ людей, доброю волею пришедшихъ въ Сибирь на жительство) надъ тѣми русскими людьми, которыхъ увела изъ Россіи чужая воля и преступленія и для которыхъ придумано новое названіе поселенцевъ.

„Хоть того лучше посельщикъ (будь самый лучший поселенецъ) не вѣрь ему!“—выговорилось сибирякомъ другое изреченіе, имѣющее смыслъ пословицы, какъ руководящаго житейскаго правила, съ тѣмъ отбѣнкомъ въ смыслѣ, что поселенецъ, названный такъ въ отличіе отъ переселенца (доброю волею покидающаго родину для новыхъ и счастливыхъ мѣстъ), превратился уже въ посельщика. Слово „посельщикъ“ на языкѣ сибиряковъ-старожиловъ сдѣлалось браннымъ и поселенецъ, слыша его обращеннымъ къ себѣ, глубоко оскорбляется имъ въ равной степени съ другимъ обиднымъ, бьющимъ прямо въ сердце и браннымъ сибирскимъ прозвищемъ—варнакомъ. Сибирякъ, готовый называть бродягу, бѣлаго съ каторги, человѣкомъ гульвымъ, прохожимъ, и даже признавать его на самомъ дѣлѣ таковымъ, сибирякъ, называющій всякаго ссыльнаго, идущаго въ партію по этапамъ, не иначе, какъ несчастнымъ и даже болѣзненнымъ,—того же самага несчастнаго, умудренный опытомъ и короткимъ знакомствомъ съ нимъ, обзываетъ уже посельщикомъ, бранитъ варнакомъ. Слово „варнакъ“ онъ приурочиваетъ именно къ поселенцу, потому что собственно для ссыльно-каторжныхъ

у сибиряка придуманы другія бранныя слова: храль, храль-майоръ, каторжанъ, чалдонъ.

Слову отбѣчаетъ и дѣло. Хорошо извѣстенъ всѣмъ тотъ фактъ, что только такой старожило-сибирякъ не задумается выдать свою дочь за пришельца изъ Россіи, за человѣка изъ поселенческаго сибирскаго люда, только тотъ, который сумѣлъ осилить въ себѣ природное предубѣжденіе и успѣлъ стать внѣ общаго народнаго понятія. Становится поселенецъ зятемъ старожила развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно честнымъ житьемъ сумѣлъ смыть съ себя безъ слѣда пятно и клеймо, принесенныя изъ Россіи, или, на крайній случай, такъ заполонилъ сердце красной дѣвицы, что она рѣшилась выйти изъ воли родительской и отдалась добродушному молодцу обычнымъ сибирскимъ свадебнымъ способомъ убѣга. Въ этомъ отношеніи положеніе поселенца, дѣйствительно, безвыходное и сваты изъ мѣстныхъ властей, съ казеннымъ способомъ принужденія, до сихъ поръ еще явленіе нерѣдкое, когда имъ вздумается считать его политически-обязательнымъ или экономически-выгоднымъ. Взамѣвъ того, мы видимъ совершенно противоположное явленіе: благодаря предубѣжденію сибиряковъ противъ поселенцевъ, оказывается множество помѣсей съ иностранцами, метисовъ. На р. Оби русскіе обостячились, на Енисей—отунгузились, на рѣкѣхъ Ленѣ, Ахдонѣ и Маѣ обаякутились, а за Байкаломъ явилось цѣлое племя карымовъ отъ матерей бурятокъ и монголокъ и отцовъ изъ сибирскихъ казаковъ и русскихъ поселенцевъ. Во второмъ поколѣніи, во внукахъ, во всѣхъ этихъ четырехъ-пяти случаяхъ превращеніе пол-

ное, при недостаткѣ освѣжающихъ русскнхъ началъ, за безлюдіемъ и удаленіемъ въ тайго-вой и пустынной глуши людей славянской расы и русской кости. Всякихъ дикорынокъ въ Сибири не мало, но отчужденіе сибирскаго старожила отъ русскаго пришельца тамъ не диковинка. Въ этомъ отношеніи сибирякъ послѣдователенъ и даже злопамятенъ. Не простилъ онъ шпицамъ стараго грѣха—фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ блинниками (выражаясь ихъ же условнымъ терминомъ, называя фальшивыя бумажки блинцами). Не забылъ сибирякъ, что таровцевъ (жителей г. Тары) когда-то Петръ Великій, за упорство въ расколѣ и за бунтъ 1721 года, велѣлъ сажать на колъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ коловичами, какъ туринцевъ самосадошниками (за тайную садку вина) и курганцевъ—вонокрадами. До сихъ поръ енисейцевъ зовутъ сквозняками (за грѣхи, объясненіе которыхъ не укладывается въ печать) и гроболозами. По поводу послѣдняго охотливо рассказываютъ про нихъ такой случай: плыла-де по Енисею баржа, остановилась у города. На баржѣ этой гробъ стоялъ и лежалъ въ томъ гробу покойникъ. Енисейцы приняли гробъ за ящикъ, покойника—за какіе-нибудь продажные присковные товары и, когда заснулъ ночной караульный, они этотъ гробъ съ покойникомъ украла съ барки. Про сосѣдей ихъ, красноярцевъ, у сибиряковъ для укора придуманъ даже цѣлый стишокъ, извѣстный въ сибирскихъ странахъ малому ребенку:

Краснояры
Сердцемъ лры,
Любятъ очень они честь,
Хоть на нихъ возина шерсть.
Оттого они не сильны,
Что отцы ихъ были смышлы.

Насколько сильно отвращеніе кореннаго сибиряка отъ пришельца—ярко свидѣлствуютъ тѣ факты, что старожилы не только гнушаются принимать и вводить ихъ, посредствомъ браковъ, въ собственныя семейства, но рѣдкій изъ сибирскихъ крестьянъ охотно соглашается взять къ себѣ поселенца даже на простыхъ обязательствахъ работника-казака. Хотя законъ *) и назначаетъ подлжката арестантскаго содержанія старожила, принявшему къ себѣ поселенца, но законъ этотъ болѣе 15 лѣтъ къ дѣлу не приживается. Старожилы гнушаются поселенцемъ и дѣлаютъ для него исключеніе развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда терѣбтъ нужда и поселенецъ стучится къ нему въ лѣтнее время. Тогда на уборку хлѣба не хватаетъ хозяйскихъ средствъ, а всю траву скосить на у одного еще сибиряка-хозяина не доставало собственныхъ, а не наемныхъ силъ. Лѣтомъ сибирякъ посе-

ленца беретъ, зимою гонитъ, но, и принявъ его въ рабочую страдную пору, стѣсняетъ во всемъ и облагаетъ тѣмъ ни пошло. Старожилы-сибирякъ за грѣхъ этого не считаетъ, зная и тотъ коренной законъ, что „посельщику нѣтъ вѣрн и давать ему ее не велѣно“. Условную заработанную плату хозяинъ охотнѣе даетъ поселенцу передъ праздникомъ и на кабакъ, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы и водку-то нанмнть выпилъ выѣсть съ хозяиномъ. На необходимое и полезное для работника хозяинъ давать не любитъ, но у него достаетъ соображенія, что если задавать деньги хорошему работнику изъ поселенцевъ исключительно на выпивку и задавать впередъ этихъ денегъ больше, поселенецъ запутается въ тебетахъ неоплаченныхъ долговъ. Онъ долго удержится на одномъ мѣстѣ при тѣхъ условіяхъ, которыя ему, разумѣется, весьма не по вкусу, но для сибирскаго сельскаго хозяина весьма на руку.

Въ притѣсненіяхъ подобнаго рода сибиряки-старожилы послѣдовательны и форма эксплуатаціи чужого труда, посредствомъ чрезвѣрныхъ и неправильныхъ задатковъ, является въ Сибири своего рода закономъ даже и у золотопромышленниковъ. Доказательства тому мы увидимъ ниже при послѣдовательномъ разборѣ обоюдныхъ отношеній новыхъ людей со старыми, рабочаго съ нанимателемъ. У самихъ же поселенцевъ высказалось это въ цѣлой гнѣсѣ, которую, не смотря на ея искусственность, охотно расцѣвуютъ въ Сибири повсюду:

Воля грознаго монарха—
Мы спѣшимъ въ восточный край.
Мы во рѣчкѣ приходили,
И сѣдлись на песокъ.
Тамъ увидѣли—увидѣли
Слѣпнаго старичка на бережкѣ.
Не подалеку въ песочкѣ
Посошокъ его стоялъ,
Хлѣба чернаго кусочекъ
Въ сумкѣ положенъ лежалъ.
—Ужъ ты, старичекъ любезный!—
(Тутъ одинъ изъ насъ спросилъ)
— Отчего ты такой бѣдный,
Или свѣтъ тебѣ не милъ?
— Ты дѣтя ли мое милое!
(Отвѣчалъ ему старичкъ)
Ужъ я тридцать лѣтъ въ Сибири
И спокою не имѣлъ:
Винокурные заводы
Всѣ состарили меня,
Солеварные заводы
Скрыли бѣднй свѣтъ изъ глазъ.
Отъ крестьянскихъ савотѣекъ *)

*) Савотѣйки въ Сибири—небольшія круглыя булки, сѣренныя на видъ и дурная на вкусъ. Ихъ выкладываютъ на окна для прохожихъ бродягъ, ихъ подаютъ въ окна прохожимъ и ими же кормятъ тѣхъ изъ бродягъ, которые посягаютъ въ работу. Оттого стрѣзять савотѣекъ—выпрашивать ихъ, на арестантскомъ языкѣ значить бродяжить; оттого-то и мозоли на плечахъ, что только ими и умѣютъ расплачиваться сибиряки съ бродягами за тяжелой работы на занбкахъ.

*) Ст. 676 Уст. о смсл., изд. 1857 г.

Все мозоли на плечах;
Отъ нуаастаго начальства
Все здоровье расторгать *).

Эта пьеса едва ли не единственный гласный отзыв самих поселенцев на все обвинения, заводимыя на них, но, во всякомъ случаѣ, она прямо и непосредственно силится стать только за тотъ разрядъ ссыльныхъ, которые вышли на поселение черезъ чистилище, нами уже описанное и для насъ оставшееся теперь вазади. Впередъ и прямо передъ нами тотъ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, котораго не озабочала каторга и не портила въ концѣ безтолковая и безцѣльная бродяжья жизнь. На поселение, какъ известно, идутъ изъ Россіи непосредственно осужденные на этотъ родъ наказанія ссыльные, по судебнымъ приговорамъ русскихъ судовъ. На такихъ-то, по преимуществу, „несчастныхъ“, на ихъ-то житейской судьбѣ и бытовой обстановкѣ мы намерены теперь сосредоточить внимание, въ разчетъ на частныя видоизмѣненія и кое-какія отличія, хотя въ общемъ все наши данныя не даютъ намъ никакой возможности рисовать картину самостоятельную и другую. Сами ближайшіе оцѣнщики такого дѣленія не признаютъ и на тотъ и другой видъ поселенцевъ кладутъ одинаковое подозрѣніе и взводятъ валовое обвиненіе безразлично. Такъ поступаютъ старожилы, которые изъ практики выводятъ даже такое заключеніе, что поселенецъ изъ каторжныхъ, уходявшійся, достаточно понапавшій, „надуровавшійся“ на своемъ вѣку,—сходнѣе и ручнѣе для работъ, чѣмъ поселенецъ, прямо пришедшій изъ Россіи и предназначенный для тѣхъ же цѣлей свободнаго труда и вольнонаемныхъ работъ. Первый трудолюбивѣе, добросовѣстнѣе второго и требуетъ только кое-какихъ рѣшительныхъ уступокъ и особенныхъ пріемовъ въ отношеніяхъ съ нимъ. Второй, какъ необязанный конь, настолько еще дикъ и своеобразенъ, что общепринятыхъ пріемовъ и способовъ дѣйствія никакъ къ нему не приладишь. Какъ въ первомъ замѣчаются задатки къ непремѣнному исправленію, такъ во второмъ—наклонность въ противоположную сторону: нельзя ли и въ Сибирѣ походить по той стезѣ, съ которою свыкъся, но, по несчастью, сорвался въ Россію.

Общественное мнѣніе единогласно остановилось на томъ, что поселенцы, приходящіе изъ Россіи и поступающіе на жительство, люди испорченные, никуда и ни къ чему не годные. Мало того, они—язва молодой страны, жаждущей свѣжихъ силъ и честнаго труда. Испорченность, безнравственность ихъ до такой степени сильны, что вредно и гибельно дѣйствуютъ

на коренное населеніе, заражая его своимъ тлетворнымъ ядомъ. Какъ въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи невозможно найти такого старожла, который не былъ бы глубоко убѣжденъ въ настоятельной необходимости, ради пользы края, въ поголовномъ выселеніи евреевъ изъ какаго угодно трупцы, такъ рѣдкій изъ коренныхъ сибиряковъ не желаетъ прекращенія высылки изъ Россіи ссыльныхъ, въ тѣхъ же разсчетахъ на несомнѣнное и даже близкое пресуспѣяніе своей родины во всѣхъ отношеніяхъ. Съ общественнымъ мнѣніемъ не идутъ въ противорѣчіе и убѣжденія начальственныхъ лицъ, въ отавкахъ которыхъ по этому дѣлу замѣчается замечательное постоянство и слѣдство. Еще въ 1835 году одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ печаталъ въ своемъ сочиненіи *) о ссыльныхъ, между прочимъ, слѣдующее: „Рѣдко случается, въ особенности дѣтвомъ, чтобы ссыльный исполнялъ въ точности обязанность свою противъ хозяина и противъ начальства. Онъ беретъ задатокъ, получаетъ одежду и, не смотря на билетъ, уходитъ въ горы и лѣса, воруетъ, мошенничаетъ и живетъ или едва живетъ. Иногда застагаетъ его глубокая зима и онъ, голодный, замерзаетъ въ пустынѣ. Иногда сталкиваются они вмѣстѣ и составляютъ шайки разбойниковъ, отъ 8 до 10 человекъ; отбиваютъ винтовки у промышленниковъ, лошадей у поселянъ и, подъ начальствомъ атамана, грабятъ крестьянъ, рѣдко пробажающихъ и никогда ничего казеннаго. Такихъ шайекъ бываетъ иной годъ двѣ, три. Они жгутъ дома, пытаютъ на огнѣ хозяевъ и обираютъ все, что можно обобрать. Для нихъ-то учреждены ведеты отъ Ачинска до Красноярска. Большая дорога совершенно спокойна, но глухія мѣста подвержены опасности. Казаки, съ помощью крестьянъ, преслѣдуютъ ихъ, уничтожаютъ, ломятъ. Волѣ трезлѣть не позволяли они въ Енисейской губерніи и рѣшительно съ тѣхъ поръ, когда Высочайшей волѣ угодно было за поимку ихъ награждать одного граблага крестьянина медалью. Иногда большими толпами бѣгутъ ссыльные къ Россіи, но Сибирь есть тюрьма колоссальная, съ безчисленными полисадами, въ которыхъ нибудь изъ нихъ бѣглецовъ ломятъ. Это случается, по большей части, къ зимѣ и воть, пока идетъ слѣдствіе, пока собираютъ справки, ибо они безпрестанно обманываютъ, ихъ жилища квартира есть тюрьма“.

Тридцать лѣтъ позадѣе (уже въ 1861 г.) печаталось въ одномъ изъ московскихъ ученыхъ изданій **) уже про всѣхъ сибирскихъ поселенцевъ то же самое, но въ такомъ видѣ: „Слѣдуя

*) А. П. Степановъ, енисейскій гражданскій губернаторъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ «Енисейская губернія», Спб. 1835, ч. II.

**) Чтенія въ Имп. моск. общест. ист. и древ. российскыхъ.

*) Пьеса эта, говорятъ, сочинена однимъ ссыльнымъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, вскорѣ послѣ учрежденія этаповъ, по проэктамъ и указаніямъ графа Сперанскаго.

общепринятому порядку, ссыльные, по достижении Тобольска, распределяются по губерниям; в губерниях они расписываются по волостям и отправляются на места в сопровождении казаков, которые, по малочисленности своей, служат им больше провожатыми, нежели конюхами. В волостях ссыльные распределяются по деревням и отправляются туда уже по одиночке или нестройными толпами, без всякого полицейского надзора. Получив, таким образом, полную свободу, которую не умѣют пользоваться, они предаются порочным своим наклонностям: пускаются въ воровство, мошенничество и нередко въ грабительства. Тѣ изъ нихъ, которые по необходимости отыскиваютъ работу, по большей части не исполняютъ своихъ обязанностей ни въ отношеніи къ хозяевамъ, у которыхъ нанимаются, ни въ отношеніи къ начальству. Берутъ задатки, получаютъ одежду и, обокравъ часто своего хозяина, бѣгутъ отъ него и дѣлаются бродягами. Обширность и малонаселенность края, лишая мѣстное управленіе всякой возможности преслѣдовать ихъ въ свое время, даютъ имъ все средства къ укрывательству до тѣхъ поръ, пока наступленіе зимы не заставитъ ихъ облизаться съ селеніями и искать въ нихъ убѣжища отъ холода и голода. Въ этомъ-то положеніи многіе изъ нихъ погибаютъ въ пустыняхъ, а остальные попадаютъ въ руки мѣстныхъ властей. Къ зимѣ все тюрьмы наполнены бродягами, начинаются розыски объ ихъ происхожденіи, а между тѣмъ они, обезпеченные челоѣколюбивымъ правительствомъ во всехъ естественныхъ нуждахъ своихъ, ведутъ праздную жизнь и, передавая одинъ другому свои преступныя похождения, еще болѣе укореняются въ безнравственности. Къ веснѣ окончиваются дѣла о бродягахъ. Они, ежели не откроется уголовныхъ преступленій, послѣ легкаго полицейскаго наказанія, отправляются прежнимъ порядкомъ въ волости и деревни, къ которымъ положительно никогда не присоединяются и возобновляютъ прежніе беспорядки“.

„Крайне трудно (свидѣтельствуетъ А. П. Степановъ) изобрѣсть средства, со стороны казны, удерживать ссыльныхъ отъ побѣговъ“. „Въ 1827 г. сентября 15-го (говоритъ онъ дальше) утверждень проэктъ поселенія 5.955 ссыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣющей въ предметъ, черевъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ, удержатъ преступниковъ отъ побѣговъ и праздности. Поселенія сія должны заключаться въ 25 деревняхъ: отвѣдева 15-тидесятинная пропорція прекраснѣйшей земли; изъ сихъ поселеній 6 на большой дорогѣ, остальные по сторонѣ. Въ каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четырехъ поселыщникамъ: тремъ, какъ работникамъ, и четвертому, какъ хозяину или кашевару. Онъ приготовляетъ все нужное для своихъ товарищей по тогдашнему хозяйству“.

Каждый ссыльный получалъ топоръ—и хлѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныя пять селеній оконченными и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, какъ чертежи, лежали на зеленѣющихъ долинахъ по берегамъ Кана“...

„На это дѣло (продолжаетъ другой авторъ) употреблено до 270 тыс. руб. асс. безвозвратно и, сверхъ того, на продовольствіе поселенцевъ до урожая, роздано имъ около 211 тыс. руб. асс., которые они обязаны были возвратить впоследствии, по частямъ. Но благотворительная сія мѣра не достигала цѣли. Поселыщники, едва водворенные, оставили, по большей части, свои дома и устремились къ глупой волѣ, бродяжничеству и преступленіямъ. Это служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что безъ дѣйствительнаго хозяйственнаго быта, т. е. безъ семейства, любви къ собственности и надежды на будущее, никакое свободное поселеніе существовать не можетъ. Но какъ достигнуть этого, гдѣ брать женщинъ для брачныхъ союзовъ, тогда какъ число ихъ въ Сибири вообще составляетъ только около 1/3 противъ числа мужчинъ, а въ числѣ ссыльныхъ бываетъ ихъ обыкновенно не болѣе 1/10 части“?

Между тѣмъ, „большинство поселенцевъ не имѣетъ прочнаго домохозяйства и благосостоянія“, говоритъ одна изъ позавѣвшихъ не впечатанныхъ, но замѣчательныхъ записокъ о поселенцахъ Томской губерніи. „Къ причинамъ этимъ можно отнести: 1) нравственную порчу поселенцевъ и приобретенную ими до поступленія въ Сибирь, привычку жить не своимъ трудомъ; 2) бѣдное и безпомощное положеніе поселенцевъ при первоначальномъ ихъ водвореніи въ Сибирь, и 3) общее нерасположеніе къ нимъ сибиряковъ-старожильцовъ, выражаемое въ бранномъ словѣ: варнакъ, поселыщникъ“! Прислушайтесь къ рассказамъ туземцевъ, провѣрьте ихъ личнымъ внимательнымъ наблюденіемъ, обращайтесь съ запросомъ къ прошедшему и въ официальныхъ и неофициальныхъ сказаніяхъ ищите отвѣта,—вездѣ и неизбежно встрѣчается одинъ непреложный выводъ, что положеніе ссыльнаго поселенца въ Сибири далеко не удовлетворяетъ всѣмъ, даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ челоѣколюбія и цивилизаціи.

Замѣчательная правда объясненій этого факта, приведенныхъ въ запискѣ, обязываетъ насъ къ подробному разбору всѣхъ трехъ, высказанныхъ ею положеній.

На вопросъ, гдѣ происходитъ окончательная нравственная порча ссыльныхъ и приобретается ими привычка жить чужимъ трудомъ, давно уже готовъ отвѣтъ положительный, прочно вкоренившійся въ общественное положеніе и—должно

сказать правду—ответъ, не подлежащій сомнѣнiю. Спрашивайте официальныхъ наблюдателей, спрашивайте самихъ ссыльныхъ о томъ, гдѣ больше и чаще наталкивались они на случаи совращенiя своихъ помысловъ и убѣжденiй съ прямого пути чести и долга,—вамъ единогласно отвѣтять: въ тюрьмѣ!

Вникните въ подробности и глубину смысла этого слова, слѣдите за историческою жизнью этого вида государственныхъ учреждений (по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя кое-гдѣ разбросаны), вездѣ и всегда вы встрѣтите одно, что тюрьма или, по просту, острогъ, была складочнымъ мѣстомъ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ нечистотъ, которыя порождаются разложениемъ кое-какихъ частей общественнаго организма. Складчики и косалычки—это тѣ преступные и порочные люди, которыхъ выдѣляютъ изъ общественной среды, для ея же безопасности, и которые тѣмъ съ большою охотою и рвенiемъ исполняютъ свою обязанность, что находить себѣ слушателей и послѣдователей. Въ этомъ смыслѣ тюрьмы, послѣ воровскихъ притоновъ и домовъ разврата, были самыми благонадежными и прочными резервуарами, куда способнѣе входило и гдѣ легче скоплялись всѣхъ гнилымъ и заразительнымъ миазмамъ, характеризующимъ въ извѣстный моментъ болѣзнь общественнаго организма.

Чего прежде всего не доставало русскимъ тюрьмамъ? въ чемъ главнѣе всего нуждались русскiе тюремные сидѣльцы?—Отвѣтъ теперь отыскать: нашимъ тюрьмамъ не доставало правительнаго рациональнаго устройства и сосредоточеннаго надзора и вниманiя, а заключенные въ нихъ, прежде и главнѣе всего, нуждались въ занятiяхъ, въ работѣ. Трудъ—этотъ основной законъ и главный дѣятель нашего существованiя, и притомъ такой дѣятель, участие котораго въ судьбѣ человѣка настолько сильно и важно, что трудъ возвышенъ въ достоинство добродѣтели,—въ нашихъ мѣстахъ заключенiя преступниковъ возымѣлъ только теперь достаточно практическое прилженiе, въ чемъ могли наглядно убѣдиться посѣтители международной тюремной выставки минувшаго 1890 г. Трудъ, какъ самая добродѣтель, предохраняющей волю человѣка отъ дурныхъ наклонностей, въ тюрьмахъ былъ забытъ, какъ забыто было и то, что если можно что нибудь поставить выше самой добродѣтели, выше встанетъ трудъ, какъ утѣшитель въ нашихъ печаляхъ и какъ всемогущее наслажденiе въ нашихъ несчастiяхъ. Тѣми и другими въ избыткѣ преисполнилась жизнь большей части тѣхъ людей, которые сѣли въ тюрьму, на большую половину такихъ людей эти неудача и несчастiя сложились въ такомъ обилiи, что довели ихъ до преступленiя, а затѣмъ лишили свободы.

Съ увѣренностью, основанною на фактахъ, можно сказать, что большая часть тюремныхъ

сидѣльцевъ, а въ особенности тѣхъ, которые приговорены на поселенiе—не что иное, какъ именно жертвы праздности, бродяги. Презрѣнiе къ труду выработало изъ этихъ людей особый классъ, организовало ихъ въ самостоятельное цѣлое, обрекло на иной бытъ, не имѣющiй ничего сходнаго съ обыкновеннымъ, законнымъ и естественнымъ теченiемъ настоящей жизни. Постоянная жизнь въ праздности привела ихъ къ тому, что они лишились всякой предусмотрительности, основанной на заботахъ и запасахъ на будущее, и всякой энергiи, за отсутствiемъ которой являлось тупое равнодушiе, отнашившее у нихъ даже тѣмъ самостоятельнаго характера. Въ бродягѣ неизбѣжно выяснился первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ. На почвѣ бродячества свободно улеглось и возросло всякое злое сѣмя, вредное и враждебное обществу. Бродяга, въ видѣ дерзкаго вора, смѣлаго мошенника, конокрада, контрабандиста, сѣлъ въ тюрьму, чтобы оставить въ ней слѣды своей науки и своего опыта и потомъ уже ушелъ въ ссылку на поселенiе, еще болѣе изуродованный и испорченный. Бродягами, людьми легкаго промысла, не требующаго честнаго труда, переполнены наши тюрьмы. У бродяги либо совсѣмъ нѣтъ прiюта и онъ (говоря мѣткимъ выраженiемъ изъ ихъ же искусственнаго языка, или на досугѣ придуманнаго)—либо „куклишь четырехугольной губернiи“, либо онъ жидель каменнаго мѣшка, студентъ палочной академiи или попросту обыватель острога. Острогъ достаточно убѣдилъ насъ (даже въ Сибири) въ томъ, что бродяжiй духъ повсюду вѣетъ и цѣлостно живетъ во всемъ составѣ нашихъ тюремъ. Внутреннiй порядокъ обществiя устроенъ по уставу, принесенному непосредственно изъ мошенническихъ ассоциаций, бродяжскихъ товариществъ. Въ условномъ тюремномъ языкѣ ясны слѣды того языка, который навѣстены у столѣтнихъ жуликовъ и мазуриковъ подъ именемъ музыки.

Какое же понятiе о трудѣ и какiя средства къ полезному взаимодействию могли внести въ сибирскiя тюрьмы эти люди безъ правилъ, безпечные и лѣнивые до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможности! Могли ли они не влiять вредно, не развивать на досугѣ своихъ правилъ, когда и въ тюрьмѣ встрѣчали они безграничный досугъ въ длинные сроки при казенномъ обезпеченiи во всемъ томъ, для чего онъ прежде ходилъ, будучи на волѣ, съ легкими орудiями празднаго и порочнаго человѣка? Тюрьмы стремились только къ одной цѣли—удержать заключенныхъ въ своихъ стѣнахъ (а потому и строились предпочтительно каменными и обставлялись вооруженными часовыми), а зрители старались не уморить сидѣльцевъ съ голода (а потому и руководствовались кое-какими подаянiями и жертвами благотворителей). О томъ, чтобы занять сидѣльцевъ дѣломъ и помѣшать испорченной волѣ развиваться

себя на бездѣлья и праздности, въ тюрьмахъ не думали.

Какъ и слѣдуетъ быть жилищамъ бродягъ, людей, подчиняющихъ себя только собственной волѣ, но теперь заключенныхъ, сибирскія тюрьмы ведутъ нескончаемую глѣтопись о различныхъ способахъ въ побѣгахъ, т. е. достиженію того самаго состоянія бродяжества, которое на этотъ разъ дѣлаетъ уже изъ бродяги искателя приключеній и сильныхъ ощущений въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ. До тюрьмы бродяга человѣкъ еще очень терпимый и не всегда опасный; бѣжавшій же изъ тюрьмы бродяга—одно изъ звеньевъ въ цѣпи опасныхъ и вредныхъ классовъ населенія. Между тѣмъ, положительно извѣстно, что ни одна изъ русскихъ внутреннихъ тюремъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что въ ней не было сдѣлано подкоповъ и не учинено побѣговъ. Въ самыхъ счастливыхъ изъ нихъ только что не каждый годъ случались эти несчастія. Но для обезпеченія бродяжества надобится на крайній случай паспортъ, какойнибудь видъ и, хотя на первое время, какаянибудь денежная сума. И вотъ, опять рѣдкая тюрьма не писала въ своихъ ежегодныхъ дневникахъ случаевъ находокъ, при обыскахъ, поддѣльныхъ штемпелей и печатей и ясныхъ слѣдовъ работы фальшивыхъ бумажекъ. Въ этой круговой подчиненности и взаимной зависимости одного преступнаго дѣла отъ другого уже счастливымъ результатомъ должно полагать то явленіе въ нѣкоторыхъ нашихъ тюрьмахъ, когда арестанты начнутъ выпускать на охотниковъ и любителей плоды своихъ работъ въ видѣ голубковъ, искусно сдѣланныхъ изъ лучинокъ, въ видѣ разныхъ бездѣлушекъ точильнаго мастерства, поразительныхъ тщательною и терпѣливою отдѣлкою. Но въ тѣхъ и другихъ, съ одной стороны, нельзя не видѣть большого избытка во времени, истрачиваемомъ на такіе непроизводительные пустяки, а съ другой стороны, нельзя не видѣть и того, что заключенники совсѣмъ не прочь отъ труда, что они все-таки трудятся, хотя трудъ ихъ и не направляетъ въ полезную сторону; кромѣ того, нельзя не видѣть также и того, что руководство и наблюденіе приставниковъ слишкомъ вялы, бездѣльны и непроизводительны и собственно сибирскія тюрьмы, въ этомъ отношеніи, стоятъ по своему уровню очень низко.

Если же дѣло стоитъ за случаями, на которые наталкиваютъ осмотры, то мы можемъ указать на одну такую тюрьму, гдѣ арестанты на досугѣ и ради шалостей устроили въ острожной казармѣ малое подобіе питейному откусу со всѣми его департаментами. Въ разныхъ мѣстахъ обширной казармы найдены были застигнутыми врасплохъ различныя питейная выставки: въ одномъ углу питейный майдагъ назывался ведерною, въ другомъ углу носилъ

прозваніе штофной лавочки, въ третьемъ—распивочной. Конечно, въ ведерной продавали не болѣе козюшки, въ штофной производили торговлю стаканами, въ распивочной рюмками. Такое устройство существовало въ этой тюрьмѣ—по сознанію самихъ арестантовъ—не одну недѣлю, до того „недостаточна была заботливость о томъ завѣдывающихъ тюрьмами“ и до того не „тѣсно помѣщеніе“! Водку доставлялъ въ острогъ тотъ самый сторожъ, который ходилъ съ ящичкомъ въ аптеку за лекарствами для больныхъ арестантовъ. На открытіе такого подвального натолкнулъ также случай. Разъ онъ, проходя мимо начальства, споткнулся и разбилъ стклянки. Начальство, ошеломленное спиртнымъ запахомъ, не менѣе удивлено было тѣмъ, что и сигаретки были поддѣльны, а поддѣлывалъ ихъ, какъ показалъ на допросѣ сторожъ, одинъ изъ тюремныхъ фельдшеровъ. Вотъ когда догадался смотритель, отчего отъ многихъ арестантовъ припахивало, а другіе попадались ему и совсѣмъ пьяными.

„Духовныя назиданія совершаются въ немногихъ тюрьмахъ и весьма рѣдко (свидѣтельствуетъ статья „Сѣв. Почты“, составленная по официальнымъ даннымъ). Даже тамъ, гдѣ есть церкви и особые священники, эти послѣдніе всю свою дѣятельность ограничиваютъ обыкновенно совершеніемъ службъ въ праздничные дни и вовсе не заботятся объ исправленіи арестантовъ, не говоря ни о проповѣдяхъ, ни поученіяхъ, и вообще далеко не выполняютъ той обязанности, которая лежитъ на нихъ въ отношеніи порученныхъ попеченію ихъ арестантовъ. Директоры тюремныхъ комитетовъ, хотя и принимаютъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ на себя обязанность пешихъ о нравственномъ совершенствованіи арестантовъ, но дѣятельность ихъ, какъ одиночная и совершаемая по преимуществу безъ системы, мало плодотворна. Большинство между ними остается совершенно равнодушнымъ къ дѣлу исправленія преступниковъ. Обученія арестантовъ не было до послѣдняго времени и лишь только въ недавніе годы заведены въ немногихъ тюрьмахъ школы или вѣрше, введено обученіе частными лицами изъ благотворительности, безъ всякаго вознагражденія, но и тутъ встрѣчаются затрудненія въ отводѣ помѣщенія. Книжки духовно-нравственнаго содержанія находятся въ немногихъ тюрьмахъ, но ихъ арестанты не читаютъ и не хотятъ читать; другихъ же общепользныхъ книгъ нѣтъ и, по правиламъ, онѣ не допускаются“.

Не только безграмотность заключенниковъ, не только недостатокъ книгъ и отсутствіе духовныхъ назиданій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и равнодушіе тюремныхъ попечителей должно полагать въ числѣ коренныхъ причинъ тюремнаго несовершенства. Причины эти только косвеннымъ образомъ оправдываютъ существованіе зла, ко-

день которого, несомненно, лежит въ дурномъ устройствѣ всего дѣла, въ несправильности и безтолковности отношеній между дозорщиками и дозираемыми и, конечно, главнымъ образомъ, не въ одномъ лѣнивомъ отправленіи своихъ обязанностей первыми, но и въ томъ, что обязанностямъ этимъ не придано надлежащаго направленія, духа единства и духа жизни. Живыя на бумагѣ, правила эти мертвы въ жизни и на практикѣ произвели на противоположной сторонѣ сильный противовѣсъ, выразившійся въ существованіи тюремной общины. Острогъ, существовавшій тѣмъ, что враждебная ему сила, мало дѣйствуя вообще, вооружалась на него урывками, кое-какъ и кое-когда, велъ свою работу систематически и доработался-таки до того, что организовалъ изъ себя отдѣльный міръ, мало похожій на тотъ, который кишитъ за стѣнами его. Въ тюремной общинѣ выдержанность общаго тона поразительна: „онъ составленъ изъ какого-то особеннаго собственного достоинства, какъ будто званіе каторжнаго составляло какой нибудь чинъ, да еще и почетный“ *). Хотя составъ этого міра и не многочисленъ (бываетъ, впрочемъ, въ перѣдкѣхъ случаяхъ не меньше 400 душъ населенія), хотя онъ, повидному, и изолированъ, какъ отдѣльная община, но для людей, обреченныхъ въ ссылку, изъ одной общины перваго острога онъ только начинается. На пути (въ этапѣхъ) онъ только нѣсколько видоизмѣнился, но въ основныхъ чертахъ остался тѣмъ же, а въ сибирскихъ тюрьмахъ достигъ конечнаго своего развитія; „не даромъ,—говорятъ острожные:—чертъ заносилъ трои лаптей, чтобъ сбить насъ въ кучу“. Всѣмъ своимъ составомъ міръ этотъ протавдѣствуетъ всякимъ начинаніямъ, направленнымъ къ благой цѣли исправленія, и въ немъ-то, главнымъ образомъ, надо видѣть основную причину всѣмъ неудачамъ, испытываемымъ и тюремными смотрителями и попечительными комитетами. „Замѣчательно то, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ (говоритъ наблюдатель, сидѣвшій съ арестантами), я не видалъ ни малѣйшаго признака раскаянія, большая часть изъ нихъ внутренно считали себя правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры молодечества, ложный стыдъ во многомъ тому причиной“. Замѣчательно при этомъ также и то, что руководящія жизненныя начала до того выработаны и дѣятельны, что по всѣмъ тюрьмамъ они поражаютъ сходствомъ и въ русскихъ правила тюремной жизни преподаются только новичкамъ. Въ русскихъ тюрьмахъ, однимъ словомъ, начинается та нравственная порча ссылныхъ, отъ которой въ Сибири не знаютъ тѣмъ защититься. Вотъ почему тамъ въ общее сознание прошло то убѣжденіе и желаніе, чтобы исправленіе ссылныхъ начинать во время содержанія въ остро-

гахъ при судѣ, т. е. въ русскихъ тюрьмахъ. По численности преступниковъ, по огромному развѣтлю и разнообразію требованій молодой страны, при недостаткѣ свободныхъ и способныхъ людей на такое дѣло—въ Сибири исправленіе преступниковъ весьма трудно, даже невозможно.

Мы отчасти видѣли прежде, до какой степени бесполезно посылать въ Сибирь преступниковъ, присужденныхъ къ работамъ собственно-каторжными; впоследствии мы увидимъ это еще яснѣе. Теперь остановимся по поводу занимающаго насъ разряда ссылныхъ—на поселенцахъ. Вопросъ о каторжныхъ, по гораздо меньшей численности ихъ въ сравненіи съ количествомъ поселенцевъ, намъ кажется нѣсколько менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о поселенцахъ. Исключительное назначеніе первыхъ на казенныя работы на промыслахъ и въ рудникахъ, самый способъ примѣненія труда ихъ, подробности содержанія и ничтожность вознагражденія за трудъ ясно показываютъ, что ссылка этихъ людей имѣетъ исключительное значеніе карательной мѣры. Ссылкою хотятъ ихъ наказывать, работами бесплатными и принудительными имѣютъ нацѣленіе привести въ чувство и раскаяніе, да кстати и возмѣстятъ тѣмъ на нихъ неудовольствіе и презрѣніе общества. Совсѣмъ противоположное предлагается въ судьбѣ ссылнаго поселенца: его высылаютъ, чтобы очистить испорченное имъ мѣсто и не дать ему возможности еще больше вредить обществу. Въ разлукѣ съ родиною ему предлагается мѣра возмездія и наказанія, но въ актѣ поселенія его въ новой странѣ видится уже желаніе имѣть въ немъ для новой страны жителя, дѣятеля, со временемъ гражданина, впоследствии на честномъ трудѣ сельскаго и семьянина, т. е. честнаго человѣка. Можетъ ли онъ быть такимъ, выйдя изъ русской тюрьмы, пройдя сквозь мытарства этаповъ и сибирскихъ тюремъ, нагловавшійся ихъ смраданаго и заразителнаго духа?

Русская тюрьма (да и всякая), прежде всего, отрицаетъ всякую собственность: денегъ держать при себѣ нельзя, а также ни табаку, ни водки; платье казенное, пища казенная и ремесло и искусство—также чужое достояніе. Тюремная община, сложенная, какъ мы сказали, бродягами, людьми ничего неимущими, и руководимая и направляемая ими же, такъ какъ изъ нихъ состоитъ большинство тюремныхъ сидѣльцевъ,—въ этомъ отрицаніи собственности ушла еще дальше. Воровство вина у собственниковъ его, табаку у товарищей, заручившихся имъ, не считается за грѣхъ и не выливается въ преступленіе. Да и всякое воровство какихъ бы то ни было вещей у заѣзжавшагося соузника до такой степени обычное дѣло, что тюрьма воруетъ поголовно. Вездѣе породило игру, внезапные обскисы денегъ развили пьянство: надо тратить, а то отнимутъ. На пьянство пужны

*) Ф. М. Достоевскій (Мертвый домъ).

деньги, взять негде—надо красть либо эти деньги, либо такую вещь, которая стоит денег и которую охотно покупает свой же брат арестантъ, умиющий выкупить ее за тюремныя стѣны. Обворованный нѣмѣтъ право самъ выслѣдить зазѣвавшагося товарища и на его собственности выместить свою бѣду; въ совѣстномъ житіи такая круговая порука—дѣло понятное. „Я и самъ бы сдѣлалъ такъ“ — думаетъ арестантъ и только слегка ругается для очистки совѣсти. Вотъ почему тюремное воровство безконечно. Эта болѣзнь такъ заразительна, что разъ попавшій на эту стезю, съ нее не срывается; по пословицѣ: „воръ бѣду избудетъ, опять на воровствѣ будетъ“. Если и существуютъ въ тюрьмахъ замкисловатая и остроумныя хоронушки и дозволяются собственные сундуки, воровство тамъ одна изъ сильныхъ и прилипчивыхъ болѣзней, какъ у людей, не нѣмющихъ никакой движимой и недвижимой собственности и у которыхъ всякая трапца въ цѣвѣ. Исключенія въ добрую сторону до такой степени рѣдки, что брать ихъ въ соображеніе мы совершенно не можемъ. Тюрьма есть и школа воровства и первый пробный камень этого незамысловатаго искусства. Воровство въ тюрьмахъ доходить до изумительной степени совершенства, которому не посвященные въ дѣло съ трудомъ могутъ вѣрить *). Отъ легкаго способа пріобрѣтенія немного шаговъ до страсти къ расточительности послѣ удача, а потому въ тюрьмахъ собственникъ пропаваетъ все, потому что одновременно развиваются въ немъ и два другихъ недостатка: непредусмотрительность и вѣра въ случай. Послѣдняя очень пригодна для картежной игры, значительно распространенной въ тюрьмахъ и любимой этими людьми сильныхъ страстей и живыхъ темпераментовъ.

Въ такую-то сферу, подъ влияніе такихъ-то началъ и правилъ поступаетъ тотъ, кому судьба судить потомъ сдѣлаться гражданиномъ Сибири, эксплуататоромъ ея богатствъ и сокровищъ! Поступающій изъ бродягъ, разумѣется, не теряетъ присутствія духа. Тюрьма его не пугаетъ. Время, которое онъ въ ней проведетъ, бродяга сочтетъ за неудачный случай въ его бродяжьей жизни, но векоръ и въ томъ успокоится, встрѣчая въ тюремныхъ правилахъ и житейскихъ пріемахъ много знакомаго, много того, тѣмъ онъ и самъ руководился до сихъ поръ. Но трудно овладѣть тюрьмою человѣку, оторванному отъ честнаго крестьянскаго труда какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ, часто невольнымъ и не во всемъ отъ него зависѣвшимъ. Положеніе этихъ людей въ

такихъ тюрьмахъ должно, преимущественно, возбуждать состраданіе и больше всего требуетъ защиты и участія, каковыя къ тому же и дать имъ легче. Насколько не затрудняютъ тюремныя обычая преступниковъ, порождаемыхъ городами, настолько они исключительно и непрѣменно дѣйствуютъ вредно на ссыльных, вышедшихъ изъ деревень и преимущественно попадающихъ на поселеніе (мы это докажемъ впоследствии фактами и цифрами). Остановимся на нихъ.

Пока человѣкъ упрямъ и крѣпко держался за семейное и общественное право, пока первое обуздывало его примѣрами, а второе — своими учрежденіями, догматами и законами, пока, наконецъ, трудъ увлекалъ его, человѣкъ былъ крѣпокъ обществу и связывался съ нимъ прочно. Но лишь только какое нибудь вѣншее враждебное возбужденіе, каковы, напр., крайняя и безнадежная нищета, чужіе примѣры, испорченная и безнравственная общественная среда, успѣли зародить въ сердцѣ порочную наклонность и ее воспитать—паденіе не далеко. Кто-то давно сказалъ, что въ праздному человѣку уже зародился опасный порокъ, уже гнѣздится въ сердцѣ и преступленіе ждетъ только урѣченнаго часа и поводовъ. Та же общественная среда, которая умѣла до сихъ поръ обуздывать человѣка, съумѣетъ развудздать страсти, давая изъ себя избытка ала едва ли не въ болѣе чемъ количествѣ, тѣмъ сколько давала она добрыхъ примѣровъ и хорошихъ руководствъ. И, терпя въ средѣ своей только порочнаго человѣка, общество уже не терпитъ преступнаго. Преступленіе обязываетъ общество выбросить изъ себя виновнаго и, выбрасывая его вовнѣ, оно уже отрывается отъ него. Съ этой поры перестаютъ дѣйствовать законы общественные, болѣе уступчивые, мягкіе и терпѣливые. Настаетъ время дѣятельности и проявленія силы другихъ законовъ, для которыхъ уступка, смягченіе и кротость не составляютъ уже обязательнаго и ненабѣжнаго качества. Карающая сила, ищущая возмездія, заступаетъ мѣсто силы, много прощавшей и уступчивой.

Преступникъ, взятый не только изъ среды общества, но изъ собственнаго семейства, становится въ новое положеніе, зависящее и несвободное. Личный правъ располагать своею волею, онъ уже заключенникъ, тюремный сидѣлецъ. На первыхъ порахъ эта огромная разница, этотъ крутой жизненный переворотъ для неопытныхъ людей не проходитъ даромъ. Они, прежде всего, теряютъ всякую волю и обязываютъ себя на исключительное подчиненіе всѣмъ новымъ порядкамъ чужого монастыря. Ихъ даже намѣренно и застраиваютъ взятіемъ особой суммы денегъ, такъ называемаго „влазнаго“, поступающаго въ общирный тюремный капиталъ. Отъ нихъ настойчиво требуютъ подчиненія об-

*) Напр., въ одной изъ сибирскихъ тюремъ арестанты украли лошадь, на которой пріѣхалъ подрядчикъ - поставщикъ съѣстныхъ припасовъ. Арестанты на подрядчика были сердиты и украденную лошадь спрятали подъ покомъ банн, такъ что искать ее тамъ и въ голову придти никому не могло.

рядомъ и обычаямъ общины и серьезно преслѣдуютъ и наказываютъ за всякое уклонение жгунами, молчаніемъ, лишеніемъ дорогихъ и завѣтныхъ вещей посредствомъ кражи и проч. Старапіе убить волю до такой степени искусно ведется и приспособляется въ тюрьмахъ, что рѣдкіе изъ новичковъ выстояваютъ, не подчиняясь боевымъ и бывалымъ, каковы бродяги и другіе, не разъ посадившіе въ тюрьмахъ преступники. Угожденіе товарищамъ, желаніе подслужиться имъ и подчиниться имъ—единственный выходъ и въ тюремныхъ общинахъ, какъ дѣйствителенъ онъ же и во всякихъ другихъ товариществахъ, хотя бы даже и въ корпусныхъ, гимназическихъ и семинарскихъ при прежнихъ положеніяхъ. Человѣкъ съ воли и съ широкаго деревенскаго раздолья всегда въ этомъ случаѣ играетъ страдательную роль. Замѣчаютъ, что люди подобнаго закала на первыхъ порахъ безропотно покоряются своей участи, покорны и почитательны къ своимъ начальникамъ и спокойны въ своемъ несчастіи до тѣхъ только поръ, пока пагубные совѣты старыхъ кадетъ, ихъ опасные примѣры и отчаянность не сдѣлаютъ ихъ столько же разаратыми, какъ и тѣ. Какимъ образомъ совершается такая перемена—это тюремная тайна, но фактъ превращенія происходитъ замѣчательно скоро. Посадившій въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ (что сплошь и рядомъ случалось при старухъ судахъ) превратился уже изъ простолюднаго, добродушнаго человѣка въ скрытнаго, уклонливаго, ловкаго и опаснаго плута. Эта опасность можетъ исчезнуть только тогда, когда правительство, обязанное заботиться о благосостояніи и свободѣ своего народа, удалить этого преступника вмѣстѣ съ его товарищами и учителями въ другую и отдаленную страну. Тамъ, имѣя меньше возможности вредить кому либо, они должны будутъ заняться работою, отказаться отъ своихъ порочныхъ наклонностей и принять убѣжденія болѣе общественныя и правила болѣе нравственныя, подходящія къ назначенію человѣка.

Общество въ такомъ удаленіи порочныхъ людей нашло для себя залогъ собственнаго спокойствія и нѣкоторой безопасности. Нравственность много выпрала, потому что ссылка предупреждала преступленія больше, чѣмъ всевозможныя наказанія, внушивъ страхъ остальнымъ людямъ, находящимся на пути къ преступленію. Пусть воображать они себѣ то отчаяніе, которое причинило ушедшимъ разлука съ родною, друзьями и ближними навсегда. Между ними могъ попасться мужъ и отецъ, разлученный съ женою и дѣтьми, не пожелавшимъ слѣдовать въ ссылку. Везъ сомнѣнія, было бы лучше и полезнѣе для человѣчества найти основу преступленій и предупредить ихъ, истребивъ причину въ корнѣ, чѣмъ наказывать преступниковъ; но

какъ бесполезно стараться уничтожить зло, пока человѣческое сердце служитъ мѣстомъ для страстей, то усиліе отвращать зло—пока единственное къ тому средство, а самый удобный способъ—это ссылка.

Человѣкъ можетъ перенести самую тягостную жизнь, потому что, не смотря на всѣ страданія и несчастія, онъ видитъ возможность избавиться отъ нихъ въ будущемъ и эта надежда его утѣшаетъ. Мысль потерять навсегда то, что ему дорого, уже слыше его связь. И какой неоцѣнимый случай застать его въ этихъ размилженіяхъ, развить въ немъ сознаніе преступленія, если бы наши ссыльные находились въ рукахъ людей, разумѣющихъ и оцѣнивающихъ въ нихъ человѣческое достоинство! То ли бываетъ на самомъ дѣлѣ у насъ, въ Россіи, которой сознательно и справедливо завидуютъ европейскія государства, не имѣющія подъ руками такихъ удобныхъ и счастливыхъ мѣстъ для колонизаціи? Наши ссыльные на пути къ раскаянію попадаютъ въ руки, еще сильнѣе удерживающія ихъ къ пороку, а на дорогѣ въ ссылку наталкиваются на новыя искушенія и соблазны, еще болѣе рѣзкіе, грозные и губительные. Не будемъ же удивляться теперь, послѣ знакомства со всею предшествующею ссылкой обстановкою, тому, что опытные старожилы сибирскіе встрѣчаютъ ихъ недоувѣриею и даже презрѣніемъ. Поговорки сибиряковъ потому и сильны своимъ смысломъ, что характеризуютъ одну изъ главныхъ чертъ поселенцевъ, благоприобрѣтенную въ тюрьмахъ и развиваемую въ Сибири, на самыхъ мѣстахъ поселенія. Дѣйствительно, рѣдкій поселенецъ свободенъ отъ страсти къ воровству, потому что онъ утратилъ въ тюрьмахъ уваженіе къ чужой собственности и потерялъ въ дорогѣ по этапамъ, отъ безчисленныхъ вымогательствъ, послѣднюю надежду на личную собственность. Поселенецъ не отстаетъ отъ тюремной привычки и на мѣстѣ водворенія, потому что, какъ извѣстно, онъ въ Сибири, по прибытіи изъ партіи на „мѣсто причисленія“, пособія не получаетъ и самъ ничего не имѣетъ, кромѣ ветхаго рубища и измяганной обуви, прослужившихъ ему на сотняхъ верстѣ. Насколько онъ сохранялъ въ себѣ самоуваженіе, насколько принесъ онъ съ собою сознанія человѣческаго достоинства—это еще вопросъ, подлежащій большому сомнѣнію, послѣ того, какъ привели ссыльныхъ гуртомъ, въ стадѣ, которое и гонять къ тому же такъ, какъ будто это не люди, а что-то подобное скотамъ, вѣчто отличное отъ обычныхъ людей. На этапныхъ и въ тюрьмахъ имѣтъ особыхъ протестовъ противъ униженія человѣческаго достоинства. Арестанты одѣты такъ, что одежу ихъ, не обинывая, можно назвать лохмотьями, хотя лохмотья, на всѣхъ ступеняхъ человѣческихъ состояній, больше всего унижаютъ и со-

честять того, кто покрытъ ими. Пища, которою кормят ссыльныхъ, завершая полноту униженія, въ то же время качествомъ и количествомъ соннигъ немного даетъ задатковъ къ тому, чтобы ссыльный могъ достаточно сберечь въ себѣ силы для предстоящихъ работъ въ Сибири. Вся обстановка подготовительнаго быта какъ бы внутренне стремится къ тому, чтобы унижить, а во возможности и уничтожить въ человѣкѣ чело-вѣка.

Этапное путешествіе производитъ наклонность къ бродячей жизни даже и въ тѣхъ поселенцахъ, которые не были до сихъ поръ бродягами, и подрываетъ охоту къ болѣе порядочной, осадлой жизни. Тюремныя приучили поселенца къ грубой и празднои жизни и, во всякомъ случаѣ, сдѣлали его неспособнымъ къ постоянному усидчивому труду, какого требуетъ и въ правѣ требовать отъ него новая страна, дѣятельная земля и новая и незнакомая бытовая обстановка. Отлученіе отъ семейной и лишнее правильно развѣренной и устроенной жизни въ концѣ довершили ударъ и произвели окончательную порчу надъ этими людьми, которымъ судьба указываетъ быть колонизаторами богатой страны.

Внушаетъ ли кто до ссылки и во время путешествія арестантовъ въ ссылку о тѣхъ обязанностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ на новомъ мѣстѣ? Знакомятъ ли ихъ съ тѣми требованіями, которыя тотчасъ же заявить новая страна, и даютъ ли даже какое либо понятіе о Сибири? Въместо того, чтобы каждый день и каждую минуту внушать о предстоящемъ счастьи для тѣхъ, которые честно исполняютъ свой долгъ, основанный на трудѣ и предусмотрительности, ссыльные остаются въ томъ же убѣжденіи, что ихъ гонятъ въ такую темную безпросвѣтную даль, гдѣ, судя по началу, и ждать лучшаго нечего, и надѣяться на какія либо льготы и уступки никакъ невозможно. По прибытіи ихъ на мѣста ссылки, принимаютъ ли ихъ лица, специально назначенныя для попеченія объ нихъ, долго жившія между преступниками, хорошо изучившія, посредствомъ долгаго и приставлянаго наблюденія, ихъ характеръ, нравы и привычки и, наконецъ, лица, хорошо знакомыя съ требованіями страны, съ сельскимъ хозяйствомъ, съ условіями торговли, съ ходомъ ремеселъ и съ нуждами окольнаго люда?—Напротивъ, дѣятельность и значеніе смотрителей поселенцевъ ослаблены. Люда, косвеннымъ и прямымъ образомъ идѣющіе ссыльныхъ, люда случайные, весьма часто новые и, во всякомъ случаѣ, не имѣющіе никакого понятія о томъ, что требуется положеніемъ поселенцевъ. Внимательное изученіе и наблюденіе приведетъ даже къ тому заключенію, что быть поселенцевъ оставленъ на произволъ судьбы. Люда, которымъ они внутренне, слѣшкомъ равнодушны къ нимъ, даже до того, что въ

отношеніяхъ къ ссыльнымъ показываютъ, при постоянномъ равнодушіи, въ моменты вниманія, болѣе раздражительности и несправедливости, чѣмъ правды и сердечнаго участія. Какъ будто ссыльные—лишнее бремя и посторонняя инстанція, которая отвлекаетъ отъ прямыхъ обязанностей по должности, безъ вознагражденія за труды, безъ ежемѣсячнаго жалованья и безъ надежды на награду и отличія. Скажемъ настоящую правду: на всѣхъ дѣлахъ, по отношенію къ ссыльнымъ, лежитъ печать слѣшкомъ явнаго равнодушія и распущенности. Предупредительныхъ мѣръ никакихъ, карательныхъ очень много, и все дѣло поселенцевъ такъ запутано и въ такомъ заколдованномъ кругѣ, какъ будто изъ него и никакого выхода нѣтъ. Покажемъ все это на фактахъ.

На первыхъ шагахъ въ Сибири, послѣ освобожденія пришельца отъ тюрьмы и этаповъ, къ довершенію бѣды спорченнаго или человѣка, его встрѣчаютъ обязательство податей, наравнѣ съ крестьянами-старожилами, но отъ повинностей поселенцы освобождаются. Такъ установилъ уставъ о ссыльныхъ 1822 года: „Поселенцы должны были по уставу платить подати, по прибытіи въ волость, съ перваго января; не уплатившихъ во-время уставъ велѣтъ отдавать за прѣличную плату и содержаніе въ работу старожиламъ. Вообще, они состоятъ подъ строгимъ надзоромъ, пока не обезвѣдуться. Для обезвѣденія положенъ пятилѣтній срокъ. Если ссыльный въ это время устроится, то причисляется въ крестьяне и поступаетъ подъ обыкновенный земскій надзоръ; причемъ съ перваго по водвореніи года пользуется трехлѣтнею отъ податей и 20-ти-лѣтнею отъ рекрутства льготою и получаетъ собственные деньги, которыя имѣлъ онъ до отправленія въ Сибирь. Если же въ теченіи пяти лѣтъ не обезвѣдится, то платитъ положенную подать, оставаясь въ прежнемъ положеніи“. Вотъ чего желалъ гр. Сперанскій и вотъ что оказалось въ примѣненіи на практикѣ черезъ два-три года, судя по словамъ генераль-губернатора Восточной Сибири, написавшаго 20 марта 1825 года: „Съ 1823 по февраль 1825 поступило въ Енисейскую губернію на поселеніе 5.306 и неспособныхъ 476; всего 5.782. При этомъ найдено, что въ губерніи немного уже остается селеній, къ которымъ можно приселять ссыльныхъ, да и тѣ вскорѣ могутъ наполниться и въ такомъ случаѣ, должно будетъ приступить къ поселеніямъ на счетъ казны. Приселенные ссыльные, бывъ обложены податями, оказываются неспособными къ платежу, потому что немногіе изъ старожиловъ могутъ принимать ихъ въ работу, и оттого ссыльные, не имѣя ни занятій, ни средствъ къ пропитанію, самовольно переходятъ въ другія селенія и волости, въ которыхъ или работаютъ пѣ-за одного хлѣба или прожива-

ить правдою, со вредомъ для старожиловъ, и́ры же обыкновенной полиціи не сильны кому пооставить преграду". Нельзя ожидать скорого водворенія ссыльннхъ, ибо „сверхъ невозможности выдавать имъ деньги векоръ по прибытіи въ волости, они поступаютъ въ мѣста своего назначенія въ ноябрѣ и декабрѣ и, не успѣвъ осмотрѣться, наждаются въ обязанности платить подать, къ приобретенію которой удобнѣе въ Сибири только лѣтное время, прочее же затрудняетъ ихъ даже и въ припитаніи. Почему и остаются они у казны въ долгу и едва ли въ продолжительнѣйшее время будутъ въ состояніи водвориться". То же самое происходило и въ Западной Сибири. Представленія губернатора разрывлены были тѣмъ, что ссыльннхъ, поступающихъ на поселеніе съ сентября до мая, велѣно облагать податями и 50-ти-копеечнымъ сѣромъ съ 1 июля; вступающихъ же съ мая по сентябрь облагать съ 1 января, „дабы они и могли воспользоваться рабочимъ временемъ для приобретенія денегъ на подати". Тогда же разрѣшено выдавать ссыльннмъ собственныя ихъ деньги при началѣ поселенія. Въ отвѣтъ на это двѣсти человекъ ссыльннхъ, поступившихъ на поселеніе къ одной изъ волостей Калыскаго округа, жаловались (и жалоба ихъ дошла до Петербурга) на то, что съ нихъ, едва лишь они начинаютъ помышлять объ обзаведеніи домами и скотомъ для хлѣбопашества, уже требуютъ подати со всею настойчивостію и, при невозможности уплачивать, продаютъ скудное ихъ достояніе за безцѣнокъ, а сами они отдаются за малую плату (по 25 и 30 руб.) въ годъ въ работники въ тѣхъ же самыхъ селеніяхъ, къ которымъ причислены, тогда какъ и въ другихъ селеніяхъ могли бы они получить гораздо большую плату. Сенаторы, ревизовавшіе Западную Сибирь, удостовѣрились на мѣстѣ въ крайней и величайшей трудности поселщикамъ, по освобожденіи ихъ изъ тюремнаго заключенія безо всего, кромѣ полушановеннаго, оставляемаго имъ казеннаго одѣянна, вдругъ найти средства къ пропитанію домохозяйствомъ и къ платежу податей, и что „собственно отъ сего многіе изъ нихъ впадаютъ въ умннѣе и даже отчаяніе, а нѣкоторые дерзостнѣйшіе, съ того самаго времени, какъ освобождаются изъ тюремнаго заключенія, ищутъ случая къ побѣгу назадъ въ Россію или начинаютъ въ Сибири новыя преступленія, покушенія на воровство, грабежи и разбои". Эта жалоба вызвала льготные годы и 9 ноября 1833 года постановлено: тѣхъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые обзаведутся, въ теченіи льготныхъ трехъ лѣтъ, хозяйствомъ, записывать въ крестьяне и освобождать отъ податей и повинностей еще на три года. Не успѣвшихъ обзавестися велѣно облагать поселенческой податью, отдавать за неплатель въ работники и продолжать за ними строгій

надзоръ; по совершенномъ же водвореніи записывать въ крестьяне, но безъ вторичной льготы.

Неопредѣленность положенія ссыльно-поселенцевъ этими мѣрами все-таки не исправлена; какъ приходится убѣдиться въ томъ, что прочнаго водворенія ссыльннхъ не достигнуто. Сибирь, до сихъ поръ, представляетъ страну, гдѣ бродячіе народы мало по малу становятся осѣлыми, но осѣлые люди сдѣлались бродячими. Ссыльное населеніе этой страны представляетъ движущуюся массу, постоянно перемѣляющую свое мѣсто, гдѣ ни одинъ индивидуумъ не сидитъ сповоино на мѣстѣ. Если у кочевннхъ народовъ замѣчается опредѣленный законъ, по которому они совершаютъ свои передвиженія, за то у кочевннковъ изъ осѣлаго племени людей, вѣсто закона, всталъ произволъ и передвиженіями ихъ управляетъ каково-то незримый и непонятный рокъ. Только нѣкоторая часть этнхъ людей обнаруживаетъ опредѣленное стремленіе на западъ, въ Россію, на родину. Остальная часть безразлично и беспощадно бродитъ по всѣмъ сторонамъ Сибири, наполняя ея тюрмы снизу до верку и затрудняя мѣстныя власти до крайней степени. Вотъ что говорить правдивыя цифры въ подтвержденіе нашей первой мысли. Въ 1833 году принято въ Сибирь посланныхъ на поселеніе и на житье 5.011 мужч., 970 женщ. Въ 1838 году возвращено изъ Россіи бѣжавшихъ съ мѣсто поселенія 995 мужч., 41 женщина (слишкомъ пятая часть всего количества *).

Въ 1834 г.	принято посел.	4.919 м.	1.291 ж.
» 1835 »	»	5.455 »	1.538 »
» 1836 »	»	7.251 »	1.357 »
» 1837 »	»	6.550 »	1.260 »
» 1838 »	»	5.221 »	1.117 »
» 1839 »	»	6.057 »	1.135 »
» 1840 »	»	6.284 »	1.256 »
» 1841 »	»	6.203 »	1.129 »
» 1839 »	возвр. бѣжавш.	727 »	14 »
» 1840 »	»	813 »	20 »
» 1841 »	»	1.067 »	41 »
» 1842 »	»	826 »	23 »
» 1843 »	»	564 »	15 »
» 1844 »	»	574 »	10 »
» 1845 »	»	506 »	28 »
» 1846 »	»	328 »	16 »

Такимъ образомъ, изъ 52.651 мужч. и 11.129 женщ., сосланныхъ на житье и на поселеніе, бѣгали въ Россію 5.800 мужч., 208 женщ., или слишкомъ 10-ая часть всего поселенческаго населенія, внѣш собраннаго въ Сибири за тѣ же девять, случайно нами взятыхъ лѣтъ.

*) Года беремъ на выдержку, но въ сопоставленіи ихъ предполагаемъ, что годъ поселенцы жили на новомъ мѣстѣ, годъ добрался до стараго невольнаго, годъ удалосъ имъ прожить подъ угрѣвомъ и защитою родныхъ, два года посадить въ тюрьмѣ за справками и, послѣ долговременныхъ справокъ и старато суда, черезъ пять лѣтъ снова явиться на осмотръ и учетъ въ Тюмень.

Нѣкогда, въ тридцатыхъ годахъ, подобное яркое явленіе объясняли просто тѣмъ, что „смыслымъ не нужно поселеній, ихъ желаніе стремиться къ бродяжеству, глухой волѣ и преступленіямъ“, что „побѣги повторяются нѣсколько разъ сряду, пока бѣглецы, узнавъ по опыту невозможность побѣга въ Россію, не сдѣлаются домохозянами“. Теперь намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ голословнымъ выводамъ, мы достаточно видѣли и причину постоянного скитанія поселенцевъ по чужимъ дворамъ, и доказательства, слышомъ ярыя для того, чтобы считать побѣги въ Россію не только возможными, но и весьма легкими *). Конечно, всему бываетъ конецъ: смыльные поселенцы дѣйствительно дѣлаются, послѣ безчисленныхъ шалостей, преступленій и бродяжества, ослѣдыми. Вызываютъ и такіе случаи, что поселенецъ съ перваго раза садится на мѣсто и сидитъ на немъ, не срывается и не сбѣгаетъ. Но это все частные, отдѣльные случаи; общая картина показывается другое. Такъ, напримѣръ, въ теченіи тридцати пяти лѣтъ **) сослано въ Сибирь на поселеніе и на житье 214.583 человека (181.822 муж. и 32.761 жен.), а между тѣмъ, сибирскій край не заселяется въ такой мѣрѣ, какъ это необходимо для его собственнаго блага и пользы государства вообще. Съ отиѣвою, въ 1753 году, смертной казни въ Россіи, изъ русскія губерній отправляется въ Сибирь ежегодно около 10 тысячъ человекъ, изъ которыхъ до 8 тысячъ назначается на поселеніе. Казалось бы, что народонаселеніе Сибири должно значительно увеличиться, но факты не оправдываютъ этого предположенія. Не смотря на

естественное умноженіе русскихъ старожиловъ, общее народонаселеніе Сибири давно уже остается въ одномъ и томъ же положеніи. Къ числу многихъ причинъ относить также и безправственность поселенцевъ, ихъ распутную жизнь, а вслѣдствіе того и ту порчу отъ нихъ, которая пускаетъ глубокіе корни даже между старожилами. Одинъ изъ старожиловъ выражаетъ такое сѣтованіе: „Исчезло пражнее простодушіе сибиряковъ, которымъ они такъ славятся. Обиліе страны и легкость пріобрѣтенія воиъгъ жизненныхъ потребностей породили лѣность, безпечность, а затѣмъ плутовства всякаго рода сдѣлались главными основаніями ихъ дѣйствій“. Отсюда произошло непогѣрное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты. Все это произошло въ такой странѣ, гдѣ „необыкновенное плодородіе почвы, безъ всякаго удобренія, даже обработанной, даетъ нерѣдко урожаи ржи саизъ 15-ть и болѣе и гдѣ необятныя пространства тучныхъ пастбищъ покрывались прежде многочисленными стадами разнаго рода скота! Лѣность и нерадѣніе—вотъ главные виновники всего зла и нужны сильныя мѣры, чтобы остановить эту нравственную болѣзнь. Для этого необходимо: 1) наизмѣнить въ нѣкоторой степени образъ ссылки и водворенія преступниковъ въ Сибири; 2) изыскать средства къ ихъ занятіямъ, которыя принесли бы большую пользу какъ имъ самимъ, такъ и обществу и государству; 3) принять мѣры къ устраненію, по возможности, безбрачной жизни смыльныхъ; 4) прекратить бродяжничество между смыльными, кимъ въ Сибири находящимися; и 5) устроить всѣ возможные мѣры къ прекращенію плутовства при всѣхъ сдѣлахъ и по всѣмъ отраслямъ промышленности“.

Такова картина, представляемая въ настоящее время бытомъ поселенцевъ, когда взглянемъ на нее попристанкѣ и вникнемъ въ частности.

Ня одинъ еще поселенецъ не уходилъ въ Россію тотчасъ по прибытіи на мѣсто; во всякомъ изъ нихъ довольно еще энергій, чтобы попытаться: не будетъ ли здѣсь лучше, нельзя ли пожить на себя и на семью. Даже въ поселенцахъ, пришедшихъ одиночками, достаточно уберечься покорности судьбѣ и желанія подчиниться своей участи. Надо весьма пожить въ тюрьмахъ и тамъ поучиться, надо много и сильно осмотрѣться и въ самой Сибири, кругомъ себя, чтобы дерзнуть предпринять такое смѣлое и трудное дѣло, каково обратное путешествіе на дальнюю родину. Если, съ одной стороны, чрезвычайно сильно развита и весьма знаменательна въ русскомъ человѣкѣ любовь къ роднымъ мѣстамъ и, при разлукѣ съ ними, желаніе побытать и увидѣть ихъ снова, то, съ другой стороны, понадобится много сильныхъ причинъ,

*) Рассказываютъ за достовѣрное люди, лично знавшие арестанта, бѣгавшаго въ Ярославскую губ. для свиданія съ семействомъ. Три раза онъ уходилъ изъ Сибири и всѣ три раза дальше Пермской губерніи путь его не простарался. Его ловили, близ крутомъ, отсылали въ рудники; онъ бѣжалъ въ четвертый разъ и уже достигъ до цѣли, стоворилъ жену, явился съ нею къ тамошнему начальству, попалъ въ ярославскую тюрьму, получилъ 60 пачетъ и снова сосланъ на долгій срокъ каторги, но пошелъ въ Сибирь уже съ женою.

**) Съ 1823 по 1852 и съ 1854 по 1859 годъ. За два года промежуточныхъ и за всѣ послѣдующіе мы не имѣемъ цифръ подъ руками. Въ этомъ числѣ мы, разумѣется, не считаемъ сосланныхъ на каторжные работы. Число каторжныхъ за вѣдѣстныя намъ года возросло до 44.503 человекъ (40.857 мужчинъ и 4.146 женщинъ). Такимъ образомъ, число всѣхъ пришедшихъ въ Сибирь смыльныхъ (поселенцевъ и каторжныхъ) равняется 259.086 чел. Считая среднимъ счетомъ на недостающіе намъ года только по 8-ми тысячъ на годъ, мы получимъ приблизительную цифру съ 1854 по 1868 годъ всего количества смыльнаго населенія, которое дала Сибирь Россіи, около девятисотъ тысячъ душъ обоего пола. А такъ какъ число каторжныхъ, по отношенію къ поселенцамъ, составляетъ 1/5 часть, то на одно поселеніе во всѣ 113 лѣтъ поступило въ Сибирь больше 750 тысячъ человекъ.

чтобы привести въ исполненіе такое дѣло, которое на глаза самѣмъ же поселенцевъ не всегда удается. Въ рѣдкомъ селеніи нѣтъ такихъ, которые были за то наказаны и, возвращенные опять, водворены съ новыми стѣсненіями при кое-какихъ правахъ и льготахъ (отданы въ работники, записаны въ крестьяне безъ вторичной льготы, съ хорошими мѣстами водворены на гудшія, побывали въ заводскихъ работахъ и проч.). Между тѣмъ, не рѣдкость такіе случаи, что бѣжали въ Россію семейные поселенцы и уводили съ собою женъ, дѣтей и родственниковъ, пришедшихъ за семейными по собственной волѣ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ прочіе сидятъ на мѣстѣ семейный поселенецъ, но опять не диковинка тотъ фактъ, что неудачи и несчастія разбиваютъ семью и члены ея расходятся въ разные стороны искать пищи и заработка. Отецъ-большакъ дѣлается кукушкой въ истинномъ и переносномъ значеніи слова: либо покидаетъ дѣтей въ чужомъ гнѣздѣ, либо бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, на вѣстакъ у генерала Кукушкина. Про одиночекъ изъ поселенцевъ и говорить много нечего. Для нихъ, разумеется, уже нѣтъ крипкихъ путей, привязывающихъ къ мѣсту, даже и такихъ, не совсѣмъ надежныхъ путей, какими, по видимому, пользуются семейные ихъ товарищи. Одиночку, а въ особенности вновь прибываго, старожилъ всегда встрѣчаютъ недружелюбно. Сколько бывало такихъ случаевъ, что поселенецъ, получившій надѣлъ земельного участка, отдавалъ его первому охотнику изъ крестьянъ въ кортону, а самъ брелъ искать счастья въ чужихъ и дальнихъ людяхъ.

Противъ одиночекъ изъ поселенцевъ ставить преграду, какъ мы выше сказали, сибиряки-старожилы, не охотно отдающіе дочерей своихъ за поселенцевъ. Правительство издавна хлопотало объ истребленіи этого предрасудка льготами, острастками, наставленіями и внушеніями синода. Въ 1825 г. женскій вопросъ все-таки остановился на приобрѣтеніи „покупкою или вымѣномъ“ отъ сопредѣльныхъ Сибири кочующихъ народовъ дѣтей женскаго пола для вознагражденія недомки въ Западной Сибири женскаго пола. „Приобрѣтеніе дѣтей, — говоритъ сенатскій указъ отъ 11 февраля 1825 г.: — удобнѣе послать и на будущее время средство сіе упрочиться могло бы съ лучшею удобностью. Довольно употребить для лучшаго усгѣха нужную денежную награду тѣмъ, кои таковыхъ женскаго пола дѣтей приобрѣтать будутъ“. Малолѣтнихъ дѣвочекъ, окрестивъ въ православную вѣру, велѣно размѣщать по семействамъ, въ женскомъ полѣ наиболѣе нуждающимся, а чтобы содержаніе ихъ не было тягостнымъ, опредѣлить для каждой потребное денежное и лѣтнее содержаніе до 15-ти — дѣтняго возраста. При выдачѣ за мужа никогда не принуждать выхо-

дить въ тѣ семейства, гдѣ онѣ воспитывались, а предоставлять каждой въ томъ полнумъ свободу. Расходы по этому предмету дозволено употреблять, по принадлежности, изъ остатковъ сбора на земскую повинность, „яко издержки для общественной пользы потребныя“. Въ 1831 году положено было выдавать 150 руб. казенныхъ денегъ каждому старожилу изъ казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ, который отдастъ за ссыльно-поселенца свою дочь или родственницу и приметъ зятя для женья и работъ въ собственномъ домѣ; въ 1840 году принуждены были придумать новую мѣру, вызванную неудачею первой. Женщинъ свободнаго состоянія, вышедшей въ замужество за поселенца, вступающаго въ Сибири въ первый бракъ, велѣно выдавать 50 руб. Поселенцу, вступающему въ первый же бракъ со ссыльною, выдается отъ казны 15 руб. сер. безвозвратно и 15 руб. сер. въ десятилѣтнюю ссуду заимообразно. Пробовали заинтересовать и семейства, предоставляя имъ награждать деньги, если невѣста выходить изъ дома, и невѣстѣ самой, если она живетъ отдѣльнымъ хозяйствомъ (указъ 3 мая 1843 г., разъясняющій положеніе 5 апрѣля 1837 г.). Но предначертанія не обезсилили предубѣжденій. Бракъ — этотъ легкій и вѣрный способъ для смягченія сердца, даже у людей жесткихъ, злыхъ и сильно огрубѣвшихъ въ порокахъ, не способствуетъ ни переживъ испорченныхъ нравовъ у поселенцевъ, ни служить и основаніемъ надежды, что эти несчастные могутъ воспользоваться благотворными послѣдствіями священнаго союза. Браки поселенцевъ въ Сибири до того большая рѣдкость, что многимъ туземцамъ приходила въ голову мысль исправить это зло посредствомъ переселенія въ Сибирь публичныхъ женщинъ изъ обихъ столицъ и другихъ большихъ городовъ Имперіи, по примѣрамъ, неоднократно повтореннымъ въ царствованіе Екатерины II.

Замѣчательно, что предки вымѣнныхъ сибиряковъ, первые пришельцы русскіе, казаки, воровали себѣ женъ въ Россіи, оправдываясь дозволеніемъ царя Грознаго, выраженнымъ въ грамотѣ атаману Кольцу, подписанной дьякомъ Андреевымъ. На эту грамоту ссылались сибиряки въ 1622 г., когда патриархъ Филаретъ вознамерился прекратить зло и послалъ тобольскому архіерею Кириллу обличительную грамоту. Филаретъ приказалъ выслать въ Москву эту грамоту, какъ несовѣстную съ уставами православной церкви, и поставилъ на видъ: 1) „что въ Сибири не носятъ крестовъ, не хранятъ постовъ, живутъ съ некрещеными женами, кумами и свояченицами, при отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя тѣмъ выкупить, жевятся на другихъ; 2) что духовные вѣнчаютъ безъ оглашенія и потворствуютъ воеводамъ, которые крещенныхъ въ Россіи дѣвицъ

продать въ замужество и заоставляютъ при себѣ ихъ вѣчать. Монахии угодить изъ обязанности и живутъ въ мирѣ“. Въ 1637 году прислано было въ Тобольскъ 500 семей и 150 дѣвицъ, для женитьбы казаковъ, изъ Вологды, Тотмы, Устюга и Сольвычегодска. Въ 1728 году сибиряки начали женъ уже покупать; такъ, въ этомъ году дѣлается извѣстнымъ, что русскіе березовцы покупали у остроговъ дѣвочекъ и платили за семейную остатку 20 коп. мѣдью. Покупали они и мальчиковъ, которые, того же возраста, стоили 25 копеекъ.

Пособія, выдаваемые поселенцамъ и ихъ женамъ (по 766 ст. Уст. о ссмы.) для поощренія къ семейной жизни и „для улучшенія домообзаводства“, не достигаютъ своего назначенія. Деньги иногда выдаются совершенно бездомнымъ, живущимъ на золотыхъ приискахъ или въ чужихъ домахъ. Надзора за правильнымъ употребленіемъ денегъ никакого нѣтъ. Деньги выдаютъ исправники, которымъ нѣтъ финансовой возможности наблюдать за тѣмъ, куда истрачены онѣ, даже и волостными правленіями не поставлены ими въ подобныя обязательства надзора. Волостными правленіями знаютъ отъ экспедиціи о суммѣ, что деньги назначены къ выдачѣ такому-то, а когда и сколько получить онѣ ихъ—правленіямъ неизвѣстно. Смотрители поселенцевъ не знали даже и того, кому, когда, сколько назначено пособія, и сами губернскаго правленія, сообщая въ казенныя палаты о выдачѣ денегъ, не имѣли свѣдѣній ни о времени, ни о количествѣ выдаваемаго. Само собою разумѣется, что и деньги эти, переходя изъ рукъ въ руки, значительно сокращаются, мельчаютъ и доходятъ по принадлежности въ уменьшенномъ размѣрѣ (волостные писари въ Сибири наживаютъ большіе капиталы). Мы знаемъ случай въ Томской губ. (Кавынского округа), гдѣ, вышло 50 р. сер., получено тремя поселенцами только по 112 р. ассигнаціями, т. е. всего 32 р. сер.; 54 р. завязали въ карманахъ передатчиковъ. Вотъ какова процедура выдачи денежнаго пособія на вступленіе въ бракъ: назначаетъ деньги губернскаго правленіе и сообщаетъ казенной палатѣ; эта предписываетъ казначейству, казначейство выдаетъ исправнику, исправникъ, если не можетъ выдать поселенцу самъ, отправляетъ деньги въ волость. Не лучше ли было бы поступать такъ (во избѣжаніе бездомной переноски и великой проволокѣ времени): ассигновать на этотъ предметъ ежегодно извѣстную сумму и тогда назначенныя губернскимъ правленіемъ деньги изъ экспедиціи отсылать прямо въ волостное правленіе, возложивъ на обязанность послѣдняго наблюденіе, а на смотрителей поселенцевъ повѣрку на мѣстѣ, что именно сдѣлано на выданныя деньги, и доносить о томъ экспедиціи? Къ чему былъ припущенъ исправникъ, когда специально для суммныхъ учре-

жденныя экспедиціи, а смотрители поселенцевъ были ни что иное, какъ члены экспедиціи?

Богѣ действительными мѣрами по усилению женскаго населенія въ Сибири оказались слѣдующія мѣры: 1) жены крѣпостныхъ людей, переослабшихъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, обязаны были слѣдовать за мужьями, хотя бы, по рожденію своему, онѣ принадлежали къ состоянію свободному съ дѣтми (указъ 22 марта 1832); 2) воспрещено евреямъ слѣдовать въ Сибирь за женами ихъ, ослабшими туда на поселеніе (указъ 1 окт. 1827); 3) дозволено евреямъ слѣдовать за мужьями только съ дѣтми женскаго пола (указъ 1836 г.); 4) позволенъ бракъ поселянокъ съ каторжанинми.

Если, такимъ образомъ, угодъ поселенцевъ съ мѣстѣ водворенія въ русскую сторону вызывается, въ одно время, и тоскою по родитѣ и негостеприимствомъ новаго мѣста и новыхъ соотѣй, то вообще тасканье по чужимъ людямъ и въ сосѣдствѣ вынуждаютъ другими причинами, въ которыхъ поселенцы также мало повинны и являются отрадательными участниками. Въ число бродягъ и въ это званіе, поставляемое въ укоръ поселенцамъ, попадаютъ въ Сибирь сплошь и рядомъ даже тѣ изъ нихъ, которыхъ, собственно, этия именуютъ и называютъ несправедливо. Такъ, напр., губернскіе остроги и острога тѣхъ городовъ, въ которыхъ бываетъ торговые и промышленные съезды (въ видѣ ярмарокъ, базаровъ и съездовъ для найма на золотыя промыслы), часто пережолняются, подъ видомъ бродягъ, тѣми изъ поселенцевъ, которые перешли за предѣлы района, дозволеннаго закономъ. Какъ извѣстно, по распоряженію высшаго начальства, поселенцы, по прибытіи на мѣсто, не имѣютъ права отлучаться изъ своей волости въ продолженіи двухъ лѣтъ, полагаемыхъ достаточными для обзаведенія хозяйствомъ. Мѣра эта, благотворительная по принципну, когда сопровождается правильнымъ надзоромъ, безъ матеріальнаго пособія въ неблагопріятномъ положеніи поселенцевъ не принесетъ пользы даже и на половину. Для хозяйства нужны деньги и упорный трудъ; у большей части поселенцевъ нѣтъ гроша мѣднаго, а новоприбылымъ и собственнымъ денегъ ихъ не выдаютъ до окончательнаго изъ водворенія; къ тому же стапы и тюрьмы вынуждаютъ враждебнымъ трудъ начальствъ. Сильнымъ влечетъ въ другую волость, гдѣ оканчиве требованіе на работника, идетъ въ городъ, гдѣ всегда вѣряте заработокъ — и попадаетъ въ тюрьму. Въ тюрьму попадаетъ безъ разбора даже и такой, который легъ по приглашенію и съ наѣтрениемъ непремѣнно заработать деньги для платежа податей и собственной надобности. Въ томскомъ острогѣ, въ концѣ іюля 1858 г., сидѣло такихъ поселенцевъ 20 человекъ; и такіе мнимые бродяги содержатся вездѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года и болѣе, всѣ—изъ

водворенныхъ въ ближайшую къ Томску волостъ, всё—прѣказаніе на базаръ и взятіе „за безпасленность“. Эти люди, просидѣвшіе въ тюрьмѣ лѣтніе мѣсяцы, необходимые для крестьянина, нерѣдко приходятъ въ крайнее раззореніе, особенно, если таковой поселенецъ одинокій человекъ. Пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ, у него растащатъ и послѣднее достояніе, и только лишь вынетъ изъ нее—отъ уже прелетарій насквозь и не плательщика никакихъ податей. Въ томъ же томскомъ острогѣ пишущій эти строки, въ числѣ этого сорта бродягъ, видѣлъ и такого, который при нашемъ появленіи, вслѣдъ за другими, снова всталъ съ наръ, хотѣлъ встать на ноги и тотчасъ же, противъ собственной воли, опрокинулся снова на наръ. Этотъ несчастный былъ дряхлый старикъ, сутормый, съ одышкою, весь искалеченный и до невозможности слабый, какъ можетъ быть слабъ сибирскій поселенецъ въ 76 лѣтъ и уже давно записанный въ разрядъ неспособныхъ. Сидѣлъ этотъ безногіи старикъ, этотъ живой жертвецъ, также за бродяжничество и отвѣтъ его о причинѣ ареста, сказанный громко и съ кашлемъ, вызвалъ неудержимый хохотъ всей серьезной казармы. Несчастный, вмѣсто богадѣльни, попалъ въ тюрьму.

Изъ богадѣльнъ, назначенныхъ для ссыльныхъ поселенцевъ, намъ извѣстны двѣ, обѣ въ Томской губерніи. Выстроеныя въ г. Маріинскѣ (недавнѣе селѣ Кибъ—бойкомъ и достоянствомъ вѣкогда пунктъ найма рабочихъ на золотые промыслы) содержалась опратно и даже злоголевато, но въ ней помѣщалось только 20 чел. На 20 же человекъ устроена и другая новѣ извѣстная богадѣльня въ Боготаѣ (селеніи Маріинскаго округа). Про третью (и послѣднюю для всей Томской губерніи) богадѣльню въ селѣ Покровскомъ (Канскаго округа) мы знаемъ то, что она занимала два ветилъ дома, надѣленныхъ огромнымъ дворомъ, который обнесетъ полуразвалившіеся плетнемъ. Но въ этой помѣщались набранные счастливыя, тогда какъ сотни другихъ „неспособныхъ“ терпѣли голодъ и голодъ въ полнѣйшемъ значеніи этихъ словъ. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся волостныя правленія, существуютъ такъ называемыя частныя богадѣльни или, вѣрнѣе сказать, „полуразвалившіеся лачужки, гдѣ лежатъ на клочкахъ соломы полунагіе, въ изорванныхъ рубашкахъ, дряхлыя и совершенно безпріютныя поселенныя безъ всякаго приврѣнія. Кто изъ нихъ можетъ передвигать ноги и бродитъ по-шуръ, тотъ собираетъ малые куски для своихъ товарищей, лишешныхъ силъ просить даже милостыню. Здѣсь, такимъ образомъ, бѣдность и нищета являются въ самомъ грязномъ и отвратительномъ видѣ“ *).

* Состраданію и участію благороднаго человека, написавшаго эти строки, вызвали до нѣкоторой степени облегченіе ихъ участи: 18 по-

Тобольская и Томская, по силѣ указа сената (15 іюля 1858 г.), предписывающаго отсылать всѣхъ поселенцевъ въ Восточную Сибирь, оставались, преимущественно, при прежнихъ поселенцахъ, дряхлыхъ и слабыхъ старикахъ, которые не только не могли обзавестись домами, но и прокормить себя трудомъ рукъ своихъ.

Разрядъ „неспособныхъ“, какъ извѣстно, опредѣляется тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ, который распредѣляетъ всѣхъ ссыльныхъ поселенцевъ по четыремъ губерніямъ и по пяти категоріямъ (во временныя заводскіе рабочіе, въ ремесленники, въ цехъ слугъ, на поселеніе и на житы и въ неспособные). При этомъ, судя по табели тобольскаго приказа за 29 лѣтъ (1828 по 1852 г.), замѣчательно то, что во временныя заводскіе рабочіе изъ всего числа поступило всего больше въ бывшую Омскую область; ремесленниками обильнѣе заручилась Тобольская губернія, слугами она же (своя рука—владыка). На поселеніе и житы больше ушло въ Енисейскую губернію, а на Томскую, въ утѣшеніе, всего больше досталось неспособнаго люда. При этомъ особенно замѣчательно, что на Томскую губернію во всѣ 29 лѣтъ попало только четыре ремесленника. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ уходить въ дробныя частности, представляемыя табелями приказа (смыслъ которыхъ мы разъясняемъ въ отдѣльномъ трактатѣ). Возвращаемся снова къ поселенцамъ, которые уводятся насъ снова въ сторону и опять на торную дорогу изъ бездомнаго скитанія и безконечнаго бродяжества. На этотъ разъ, вмѣстѣ съ самими поселенцами, мы радуемся тому счастливному случаю, что нѣкоторымъ удастся срязаться со всѣми трудностями и препятствіями перваго обезвѣденія, и они заводятся хозяйствомъ и попадаютъ въ число бродягъ только по ошибкѣ, вслѣдствіе недоразумѣній. Другіе, достаточно пошатавшись, находятъ пріютъ, но тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ, и такъ, что въ Сибири ихъ за то не одобряютъ. Но первыя хуже, вторыя счастливыѣ; докончимъ о первыхъ, намъ остается сказать немногое.

поселенцевъ, проживавшихъ въ частныхъ лачужкахъ, получили одежду, обувь, бѣлье и дневное пропитаніе. Хлопотами того же люда составлены были проекты о постройкѣ въ волостяхъ домовъ для приврѣнія поселенцевъ. По даннымъ главнаго тюремнаго управленія, представленнымъ международному тюремному конгрессу, видно, что въ 1890 г. существовали: богадѣльня для ссыльнокаторжныхъ при Александровскомъ заводѣ; дѣтскій пріютъ при Нижне-Кавіиловскомъ промыслѣ; въ 56 верстахъ отъ послѣдняго промысла устроено, въ видѣ опыта, въ 1884 г. селеніе изъ ссыльнокаторжныхъ, освобожденныхъ на житы и видѣ тюрьмы и нѣсколькихъ семей; въ немъ теперь 14 домохозяевъ, занятыхъ преимущественно земледѣліемъ. Въ 1883 г. такое же поселеніе организовано въ 7 верстахъ отъ Покровскаго рудника, гдѣ живетъ 10 домохозяевъ.

Если благоразумному и предусмотрительному поселенцу удается как-нибудь образовать выстроить себе домъ и обзавестись маленькимъ хозяйствомъ, онъ и тогда не набѣгаетъ разныхъ притѣсненій. Между прочимъ, ему не даютъ въ достаточномъ количествѣ ни земли, ни луговъ. Поселенцы единогласно и повсюду жалуются, что лучшія земли и покосы остаются въ пользованіи старожиловъ, что старожилы постоянно ихъ окапываютъ и опахиваютъ. Во многихъ мѣстахъ на притѣсненія, дѣлаемая въ земляныхъ угодьяхъ, жалуются не только поселенцы, но и бѣдные крестьяне-старожилы. На это зло въ Сибири давно сложился крупный типъ міроѣда — богатѣя. Ерофей Хабаровъ, знаменитый герой Амура, былъ однимъ изъ первыхъ, положившихъ начало и корень такимъ алчнымъ приобретателямъ и обидчикамъ. Знаменитый богатъ Кацдинскій, воровавшій въ недавнія (уже въ наши) времена всѣми торговыми и промышленными дѣлами дѣловой половины Забайкалья, т. е. всего Нерчинскаго края, былъ не послѣднимъ. Простодушие сибирскаго люда привыкло видѣть въ такихъ ловкихъ капиталистахъ не только первыхъ и коренныхъ дѣловиковъ ихъ труда, но и соотѣнниковъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и политическихъ вопросахъ. Если время и ослабляло ихъ деспотическую дѣятельность и грозный образъ Хабарова, — отнявшего у поселенца жену и поволоктаваго и искалѣчившаго якутскихъ поселенцевъ, присланныхъ въ Каренскъ на его займку для поселенія, — значительно поблѣднѣлъ теперь. Онъ измѣлчалъ, но все-таки идея его живуща и способы эксплуатаціи чужого труда все тѣ же. Не такъ крупны, грубы и жестоки сдѣлались припадки, но болѣзнь все еще гнѣздится въ организмѣ. Больнымъ такимъ числомъ стало еще больше и гнѣтъ въ Сибири околотка, гдѣ бы какойнибудь міроѣдъ не путалъ въ своихъ крѣпкихъ теменахъ и простодушныхъ старожиловъ и беззащитныхъ поселенцевъ. Въ Россіи такіе люди уже не такъ сильны, въ Сибири они еще поражаютъ силой своего вліянія, прочностью положенія, не смотря на то, что со стороны властей дѣлались на нихъ энергическія вылазки и насканивала коса на камень, но не вездѣ. Западной Сибири въ этомъ отношеніи счастливѣе было меньше Восточной. Міроѣды эти, ивѣстные каждый въ своемъ околоткѣ подъ путливымъ прозвищемъ „губернаторовъ“, во многихъ мѣстахъ поражаютъ до сихъ поръ крупными дикими чертами, какъ почти все въ этой сильной и дикой странѣ, называемой Сибирью. Обидчики, вродѣ купцовъ Л..., П... и другихъ, и для Западной Сибири настолько сильны, что быть поселенцевъ, успѣвшихъ водвориться, значительно утѣсненъ и обездоленъ.

Присяжные защитники поселенцевъ, такъ называемые смотрители, настолько слабы значеніемъ своимъ передъ богатыми тузами, умѣю-

щими хорошо кормить и угощать, и настолько ничтожны вліяніемъ, парализованнымъ вѣщательствомъ болѣе крупныхъ властей, что на нихъ даже и крестьяне смотрятъ съ пренебреженіемъ, только за то, что они, хотя и чиновники, но все-таки предстатели посельщиковъ. Общее, вкоренившееся недоброжелательство къ поселенцамъ до того сильно въ сибирскихъ крестьянахъ, что они, всегда считая ихъ чуждыми своего общества въ дѣлахъ ни интереса, ни пользы, какъ на парій. Отсюда передъ крестьянскимъ поселенцемъ всегда виновать. Смотрители, вмѣсто того, чтобы быть адвокатами и посредниками въ дѣлахъ поселенцевъ, имѣть строгое наблюденіе за сборомъ съ нихъ податей, принимать должныя мѣры къ устройству ихъ быта, — на самомъ дѣлѣ остаются безъ правъ (которыя имъ не дано). Въ своихъ дѣйствіяхъ они постоянно встрѣчали оппозицію со стороны земскаго и волостного начальства. Оттого положеніе смотрителей было пассивнымъ. Сибирскій крестьянинъ, привыкшій передъ всякимъ новымъ человѣкомъ снимать шапку, передъ поселенческими смотрителями этого не дѣлалъ, сибѣ оправдываясь тѣмъ, что онъ-де крестьянинъ, а не поселенецъ. Волостныя правленія не исполняли никакихъ смотрительскихъ требованій, какъ бы желая, чтобы права смотрителей были болѣе укрѣплены, чтобы административныя и хозяйственныя дѣла поселенцевъ, для пользы и блага послѣднихъ, исключительно были переданы въ ихъ вѣденіе и проч. Сюда находили необходимымъ отнести слѣдующія обязанности: увольненіе поселенцевъ на работы и золотые промыслы, выдача билетовъ, сборъ податей, всю отчетность въ денежныхъ суммахъ, заботы о бытовыхъ нуждахъ въ качествѣ депутата при исковыхъ дѣлахъ между поселенцемъ и крестьянами. И тогда на смотрителей возлагали обязанности, подобныя заведенію алфавитовъ, приведенію въ порядокъ всегда сильно запущенныхъ дѣлъ по поселенческой части, но все это въ формѣ временныхъ правилъ и частныхъ распоряженій. Права и обязанности смотрителей закономъ совершенно не были опредѣлены, а съ 1841 г. поселенцы и всѣ дѣла объ нихъ переданы были въ земскія полиціи. Между тѣмъ, уже въ 1852 году замѣчено было, что незаконный поборъ за выдачу билетовъ на золотые промыслы началъ, въ особенности, возвышаться съ тѣхъ поръ, какъ выдача билетовъ перешла изъ вѣденія смотрителей въ вѣденіе волостныхъ правленій. До 1841 года злоупотребленій было меньше, сборъ податей шелъ успѣшнѣе и недоимка на поселенцахъ начала значительно накапливаться съ 1842 года.

Когда, подъ вѣденіемъ земской полиціи, поселенческія недоимки стали значительно возрастать и возбудили серьезную заботу и когда изслѣдованы были ближайшія причины (не во мно-

изъ отъ самихъ поселенцевъ завѣщанія), то дѣчена была одна любознательная. Подати съ поселенцевъ, какъ извѣстно, собирають особые юрники изъ крестьянъ, отличающіеся добровѣстнымъ исполненіемъ обязанностей относительно земляковъ — односельцевъ. По отношенію къ поселенческимъ деньгамъ, въ силу общезнаемаго положенія поселенцевъ и обыкновеннаго взгляда на нихъ, сборщики податей нѣдко высканнныя деньги совсѣмъ не представляли, или сдавали въ уменьшенномъ количествѣ или, наконецъ, дѣлали такіе образцы, въ высканнныя съ поселенцевъ подати вносили крестьянъ — своихъ родственниковъ или друзей. Если крестьяне улачивали, то сборщики юсали за поселенцевъ, въ противномъ случаѣ ставили такъ, какъ было дѣло, и на плательникахъ считалась недомыка увеличенною. Къ тому же волостное начальство, по укоренившемуся съ давнихъ временъ обычаю, собирало почти съ однихъ наличныхъ поселенцевъ, нанимающихся на присіски, при выдачѣ имъ билетовъ, и то не всегда, за гдѣшній годъ, а только половину слѣдующаго. Недомыка росла на вѣсть поселенцевъ и на валовое обвиненіе съ, а между тѣмъ волостныя правленія сами исключали изъ списковъ умершихъ, бѣжавшихъ и вымысливъ разными случаями или оказавшихся по медицинскому свидѣтельству, неспособными къ работамъ (при чемъ крупнѣе цифра недомыки за умершими, потомъ за несоборными и, наконецъ, за бѣжавшими). Казначейства считали недомыки также неправильно, напѣивали большія цифры. Исправный платежъ податей падалъ не на общество, а на личную вѣтственность каждаго поселенца. Между тѣмъ, поселенцы, уличенные въ новыхъ преступленіяхъ, рѣшенія дѣла сядѣли въ тюрьмахъ иногда въскольцо лѣтъ, податей въ это время не платили, а недомыка росла. Между тѣмъ, экономическій капиталъ сельскихъ, нарастающій отъ швовъ поселенцевъ и не идущій на нихъ, — значительный. Изъ этого капитала весьма малая часть тратилась на лечение сельскихъ въ мѣнницахъ, а добрая доля его прилаживалась обыкновенно къ какому нибудь крупному предмѣтію, совершенно стороннему и ничего общаго имѣло съ сельскими не имѣющему (вродѣ шпр., пріобрѣтенія Амура, яму котораго долѣе время хороненько завалить не могли). Каторжникамъ увольять отъ обязанностей, причислять къ какой нибудь волости, на томъ всѣмъ и заимъ покончатъ, а тамъ хотя трава не растетъ, гни что нибудь, или въ кабаки и онытъ ступай на прежнюю дорогу, въ каторгу или на задѣмъ, смотря по преступленію или проступку, личившему тебя, горемыка!

Преступленія, за которыя судятся поселенцы въ Сибирь, группируются болѣе крупною цифрою около такъ называемаго преступленія „по-

бѣга изъ Сибири“; затѣмъ слѣдуетъ воровство со валомомъ, — преступленіе, которое служитъ обыкновенно коренною причиною ссылки поселенца, а въ Сибири является слѣдствіемъ безвыходности положенія. Затѣмъ поселенцы дѣлаются убійцами, потому виновными въ развратномъ поведеніи (въ особенности поселенки), въ побѣгахъ изъ — подѣ стражи, во валомѣ тюремъ и въ дѣланіи фальшивыхъ билетовъ *). Число другихъ поселенческихъ преступленій, по количеству и сравнительно съ предыдущими, довольно незначительно, чтобы дѣлать какіе либо серьезные выводы. Во всякомъ случаѣ, они не такъ многочисленны, какъ можно бы было ожидать при условіяхъ бродячьей жизни, при сильно развитомъ въ людяхъ этихъ цѣлствѣхъ и по тому доголовному обвиненію, которое возводятъ на нихъ люди, судящіе не по цифрѣ и скрытому въ ней смыслу, а изъ своезорнаго расчета оправдать свою неправильную дѣятельность или совершенное бездѣйствіе. Исканіе одной дикой воли и совершеннаго бездѣйствія, въ которыхъ эти люди находятъ оправданіе себѣ и обвиненіе поселенцамъ, — аргументы крупныя и сильныя на бумагѣ, но на дѣлѣ не выдерживаютъ критики. Всякій человекъ ищетъ для себя лучшаго — таково свойство людской природы. Вообще, всѣмъ давно признано, что человекъ остается охотно тамъ, гдѣ ему хорошо, охотно работаетъ и трудится, когда его положеніе кажется ему сносимымъ и когда постоянныя неудачи и препятствія не доводятъ его до утраты вѣры въ себя и не уничтожаютъ его бодрости. Не забудемъ, что поселенцы довольно часто приходятъ съ семействами: въ 29 лѣтъ двѣсти тысячъ сосланныхъ на поселеніе лицъ обоюга пола увлекли за собою семнадцать тысячъ пришедшихъ по собственной волѣ женъ, дѣтей и родственниковъ. Въ той же Сибири имѣются доказательства обратнаго, слишкомъ определенныя, но достаточно не изслѣдованныя. Въ Сибири нѣтъ того мѣста, гдѣ бы не жали старовѣры или, по тамошнему, киржаки и гдѣ бы не рассказывали за вѣрное, что рѣдкій изъ этихъ богачей не имѣетъ собственной деревушки, куда онъ ѣдетъ, какъ помѣщикъ, и встрѣчается, какъ аріерей. Сюда, по завѣту отцовъ, богатые киржаки за удовольствіе полагаютъ для своей души принять всякаго странника и тщательно уберечь его отъ грядущаго напастей и

* Въ теченіи 9 лѣтъ (съ 1838 по 1847 годъ) всѣхъ поселенцевъ присуждено въ Сибирь 6.329 мужчинъ, 301 женщинъ, — цифра, уступающая, однако, преступникамъ изъ бродягъ, которыхъ за тѣ же годы присуждено 14.861 мужчинъ, 3.785 женщинъ, и проступникамъ изъ каторжниковъ; по числовому отношенію общаго количества тѣхъ и другихъ, число каторжниковъ въ 6 разъ меньше общаго числа поселенцевъ, но всѣхъ каторжниковъ, за тѣ же годы, осуждено 2.689 мужчинъ, 30 женщинъ.

золь. Говорят, что въ некоторыхъ приходилось прятать и бѣглыхъ каторжннхъ и натаившихся поселенцевъ. При обыскахъ они ушли откупаться по древнему способу, котораго не чуждался и самъ де-Гейвнингъ—основатель города Екатеринбурга, угнанный на бранговать бѣглымъ ссыльнымъ и за крупныя подкупы прислаанный къ новому городу даже бѣглымъ съ каторги. Около Екатеринбурга и около Тюмени исповѣннѣкъ бывали притоки для бродягъ назъ раскольннковъ.

Въ Сибири повсюду рассказывается недавннй случай находки однимъ изъ земскихъ чиновниковъ дѣлаго селення, ннгда въ книгахъ не записаннаго, ннгда на картахъ не нанесеннаго, о которомъ ближайшнй становой приставъ (по снбирскн засѣдатель) ничего не зналъ и нн отъ кого не слышалъ.

Для кого же теперь тайна организацн свободныхъ или, какъ привыкли выражаться, самовольныхъ поселеннй, не говоря о еменнхъ снчныхъ прселеннхъ каторжнхъ къ поселенцамъ и наоборотъ? Кому не ясно, что болѣе счастливыми плодороднмъ и болѣе защищеннымъ природою и безопаснымъ мѣстамъ въ Сибири охотнѣе избираются самовольными поселенцами для свободныхъ поселеннй и что между ними Алтай, по преимуществу, облюбованное мѣсто? Въ томъ обширномъ клннѣ благодатной земли, который врѣзался между рѣками Бнєю и Катунью, стремнннхн слнтся въ Обь, давно уже велась эта опасная игра въ ставки новыхъ деревень по народнымъ образцамъ до-петровскихъ временъ, еще очень живучнхъ и хорошо прилаживаемымъ въ Снбирь. Для Снбири вопросъ о свободной народной колонизацн не кончился, хотя, правда, и въ Россн онъ совершенно убитъ только въ середннхъ нннѣшняго столѣтня. Въ Снбири мы сами видѣли, въ 1861 году, десятковъ малороссовъ, прншедшихъ изъ Киевской губернн къ названенную ннѣ Снбирь нескать хорошихъ земель, подъ Омскомъ схваченныхъ за бродягъ и въ Омской тюрьмѣ откровенно и простосердечно высказавшихъ намъ то же самое показанне, какое дали они и по начальству. А сколько снбирскнхъ экспедицн о ссыльныхъ записали подъ именемъ поселенцевъ,—также въ недавннхъ и нашихъ времена,—дворовыхъ людей (преимущественно губернн Исѣвской и Пензенской), бнжавшихъ отъ господъ, и крупнстныхъ крестьянъ, прншедшихъ изъ густо населенныхъ губерннй на золотыя прнски, поблнвшихъ Снбирь больше родины и пожелавшихъ въ ней остаться. Схваченные за бродягъ, посаженые въ тюрьму и выученные тамъ по дешевому способу показывать себя непомннннхн родства—они достигали дѣян: наказанные при полицн, они записывались въ званнѣ поселенцевъ. Нѣкоторые, для всякаго удостовѣрення въ показаннхъ своихъ, дѣлывали на лицахъ искус-

ственные шрамы, чтобы походить на поселенца освобожденнаго отъ каторжныхъ работъ. Такихъ же способомъ показання непомнннхн родства остались въ Снбири жены, прнходившн повндаться съ мужьями и также запертые въ остроги. Званнѣ непомнннхъ прикрываются бродяги и ссылаются безъ наказання, но только сдѣлавшихъ ложное показаннѣ съкутъ при этомъ. Требовалось много искусства для того, чтобы званнѣ это оставить за собою: надо хорошо знать увертки и крючки въ уголовныхъ законахъ и, сверхъ того, запастись духомъ упорства, упрямства, устойчивости и скрытности. Бродяги бывають одарены этими качествами въ высокой степени совершенства: они легко и храбро отказываются на очныхъ ставкахъ (если таковыя даютъ имъ) отъ родныхъ, родителей, жены и дѣтей. Неопытные прнобрѣтали эти способности въ тюрьмахъ. Сдѣлавшись арестантомъ, непомнннхн бродяга отонѣ въ опасности въ томъ смыслѣ, что его уже никто нн наказать, нн допрашивать въ тюрьмѣ не имѣють права, кромѣ его непосредственнаго начальства, иковы на этотъ разъ судебна власти. Грубости и дерзости онъ, кромѣ этихъ лицъ, можетъ говорить всѣмъ: оттого-то многне изъ бродягъ пользуются этимъ правомъ охотно и отводить на томъ свою грубовую душу. Вольное количество бѣглыхъ дворовыхъ людей въ поселенцахъ служило также одною изъ причинъ, задерживавшихъ въ Снбири развитнѣ земледѣння и ремесла: бывшая дворня гушалаась сохи и согласна скорѣе идти въ ямнчки, ходить въ гнѣсъ на козуль и сохатыхъ. Нѣкоторыхъ ямнчнкамъ счастливилось: за Байкаломъ были такнѣ, у которыхъ водилось троекъ до 16-ти.

Внутри Алтая, близъ китайской границы, на правомъ берегу Катунн, при устьѣ рѣки Аюлу и на верхней Вугтарнѣ до сихъ поръ живутъ ннородцы, составляющнѣ Обнганскую управу. Это — ойманы бнглопоповнннхн секты, русскаго происхождення; предки ихъ—бѣглые солдаты и заводскнѣ рабочнѣ люди. Прндя въ Алтай, они бродили съ мѣста на мѣсто, отбывались отъ военныхъ отрядовъ, посланныхъ для поимки, и хотѣли уйти за границу. Но ннѣ было объявлено въ 1791 году, по ходатайству губернатора, человека великодушнаго, прнцнпнѣ императрнцы Екатерины Внорой и дозволено прннматься въ какое либо кодатное состоаннѣ. Они выбрали ннородческое и коренные русскнѣ люди славянска крови поселились здѣсь подъ видомъ и именемъ дикарей-ннородцевъ! Люди эти, ннвѣстные подъ именемъ казенннннковъ, живутъ вблизи рудовознаго тракта между Знрянновннхъ рудннкомъ и пристанью Иртыша, на пространствѣ 70 верстъ, не ннблнщемъ ямнчнхъ жнлыхъ мѣстъ. Въ прошлнѣ столѣтнн сюда доступъ былъ затруднителенъ и они довольно долгое время могли

поддерживать свое существование охотой и разбоем. Визжали работё сь женами и дѣтьми, но къ нимъ успѣли присоединиться разные молодцы—ототники до чужого добра. Самы заводскіе не были людьми съ мирными наклонностями: тяжесть работъ, соединенныхъ съ лишениями, голодовками и частыми и суровыми штрамами возмеззія, успѣли ихъ озлобить такъ, что еще до побѣговъ они дѣлали частыя проступки. Заводскія селенія раздѣляли на кварталы, учредили непремѣнные дневные и ночные караулы, построили будки и при въѣздахъ въ селенія разставляли рогатки; предполагали со временемъ окружить всё селенія рванки и обставить тѣми же рогатками. Разные „злумышленные развратники“ продолжали склонять заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ. Устройства и безопасности въ селеніяхъ не было. Начальство, черезъ сторожей стариковъ, сидѣвшихъ у воротъ, стало знать о всякомъ новопрѣвѣжкѣ въ селеніе, но о прихотяхъ соблазнителья все-таки не получало точныхъ и желаемыхъ знаній. Религіозная пропаганда, съ соблазнами на вольную жизнь въ темныхъ лѣсахъ и въ безопасныхъ горахъ, приготовила вполне независимыя селенія, родъ маленькихъ республикъ. Екатерина, прощая ихъ, принуждена была освободить ихъ сначала отъ всякихъ налоговъ и только, какъ съ инородцевъ, указала брать небольшую ясаки шкурами пушныхъ звѣрей. Такая первоначальная осторожность позволила впоследствии обложить ихъ податями наравнѣ съ прочими крестьянами. Къ селеніямъ „каменщиковъ“ мало по малу добровольно присоединялись другіе крестьяне и выселились изъ своихъ деревень правительствомъ тѣ, которыхъ оно считало благонамѣренными и способными благотворно вліять на независимый духъ коренныхъ поселенцевъ рѣки Катуня и сосѣднихъ дикихъ мѣстъ, безплодностью и бездѣіемъ живо напоминающихъ степь.

Раскольники сибирскіе унесли съ собою русскій обычай „брести врозь“, чтобы сбиваться въ подворща, отдѣльныя поселенія на новыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церквей. Для этого Алтай и Чернь представляются имъ самыми удобными. Въ Війсковъ округѣ то и дѣло заводятся новые выселки и созываются новые вольные люди „копнги слободы, рыбу ловити и пазоты заводити“. „Сюда привлекаютъ ихъ (пишетъ одинъ сибирскій священникъ), какъ выгоды нашего мѣста и сосѣдство съ кочевыми инородцами, такъ и пустынная дикая мѣстность, представляющая удобства къ своевольной жизни“. Селятся пришельцы между аулами дикихъ инородцевъ, но, заселившись, все-таки состоятъ причисленными къ другимъ деревнямъ. По лѣвую сторону р. Ви уже готовы три селенія, выродившіяся изъ семи селеній раскольничьихъ, на-

ходящихся въ Війсковъ округѣ. Въ одно изъ новыхъ селеній (Тайгѣ) было тогда уже 20 дворовъ.

Сибирь представляетъ два сильныхъ контраста именно въ томъ отношеніи, насколько разнится свободное поселеніе отъ принужденнаго, руководимое наемными и неопытными руками казенныхъ людей, отъ поселенія, организованнаго самими поселенцами въ всякихъ стороннихъ внѣшательствахъ и независимо отъ теоретическихъ кабинетныхъ соображеній. Въ 1827 г. утверждёнъ былъ проектъ поселенія 5.975 осмыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣвший цѣлю, черезъ уредоточенный надзоръ и занятіе ихъ въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ праздности и побѣговъ. Въ пособіе отъ казны назначено было 479.927 руб., оушна, имѣвшая двѣ цѣли: первое—обзаведеіе и продовольствіе съ засѣвомъ; 269.091 руб. истрачены были на покупку хозяйственныхъ и земледѣльческихъ орудій, лошадей, коровъ и овецъ,—сумма, не подлежащая возврату. 210.835 руб. назначены были на пособіе осмыльныхъ для двухгодичнаго предводительствія и закупы сѣмянъ и подлежала возврату. Въ мартѣ 1829 г. назначены по близости усадебъ лѣса, указаны сборные пункты для своа провіанта, опредѣлены лица для надзора, отчислено количество осмыльныхъ, нужное для водворенія (за исключеніемъ обзаведенныхъ хозяйствомъ или принятыхъ старостами). Вся масса отобранныхъ новыхъ хозяевъ разбита была на отдѣленія для каждой деревни. Деревни были уже готовы: большая часть на большой дорогѣ, меньшая въ сторонѣ; двумъ поселеніямъ на р. Улугъ въ Ачинскомъ округѣ, 6-ти въ Минусинскомъ, 10-ти въ Казанскомъ (на р. Вирюсѣ) по р. Кану, Объ, Рибинской (на ключѣ Медвѣдескомъ). Всѣ 22 непропорціонныя деревни надѣлены 15-ти-десятинною пропорціею лучшихъ земель. На каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четырехъ поселенцамъ; трое опредѣлены были въ работники, четвертому выговорилось прозваніе каменара и предназначалась обаванность хозяина. Товарищи его должны работать, каменаръ заготавливать для нихъ все нужное. Арачьевскіе планы осуществлялись въ Сибирі: военные поселенія воскресали въ новыхъ средствахъ приспособленія въ отдаленныхъ странахъ Сибиря. „Въ мартѣ 1829 года,—говоритъ свидѣтель этого дѣла енисейскій губернаторъ А. П. Степановъ (въ своемъ известномъ сочиненіи: „Енисейская губернія“):—всѣмъ отдѣленіямъ осмыльныхъ сообщено движеніе къ мѣстамъ, для ихъ деревень опредѣленнымъ. Каждый осмыльный получалъ топоръ—и лѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Отъ сего времени каждое поселеніе должно было черезъ два года кончиться и черезъ четыре наполниться“. Въ

33 году А. П. Степановъ писалъ слѣдующее: | видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрас- | ные вѣтъ селенія оконченными и не могъ | и наблюдать. Я видѣлъ семь, достигающихъ | его конца; а видѣлъ четыре, которыя, какъ | ртежи, лежали на зеленѣющихъ долинахъ по | реганъ Кава“.

Въ 1835 году видѣлъ эти селенія начавшими | ю жизнь генералъ-губернаторъ С. В. Бро- | зский и писалъ нижеслѣдующее: „Жители раз- | малась за неимѣемъ силы расчистить лѣсъ | къ пашни. Много домовъ въ жалкомъ за- | тѣннн отъ водворенія малосильныхъ семействъ, | снаружи дома, крытые досками или дранницами | бревенчатыми или досчатыми заборами. Избы | пирины въ 5 оконъ на улицу на четыре | сь, раздѣленныя корридормъ съ обширнымъ | зромъ; съ амбарами и сараями съ навѣсами, | впущены холостяки; содержаніе одной чи- | ты въ такихъ обширныхъ заведеніяхъ и | овтированы поврежденія въ окнахъ, печахъ | проч. не подъ силу бѣдякамъ, ничего не | вощимъ, обезоцочиваетъ къ прочному водо- | нн въ слишкомъ затѣнныхъ для нихъ жили- | хъ и постояльцы бѣгутъ, замѣняясь новыми | овными же, почему трудно ожидать чего ни- | хъ безъ новыхъ пожертвованій. Я посѣщалъ | мѣе изъ этихъ домовъ, находя тамъ невыра- | гую скудость въ первѣйшихъ потребностяхъ | ам. Странно было видѣть въ домѣ одну жен- | ну и четырехъ мужчинъ. При вопросѣ: котораго | жена?—указывала на одного изъ четырехъ, | являя, что они, однако же, не вѣнчаны, а | цко, по своему желанію, обречены одинъ дру- | гу начальствомъ, ибо сыльныхъ прежде двухъ | гъ нахождения въ Сибири, по закону, вѣн- | гь нельзя. Меня крайне удивилъ такой пред- | зительный союзъ!“ Не удивительно то, что боль- | а часть такихъ поселенцевъ бросила новые | на и разбѣжалась по старымъ лѣсамъ. За Байкаломъ „семейскіе“ старообръ съ око- | о рассказываютъ всѣмъ такое преданіе, за- | щанное отцами, о временахъ и способахъ ихъ | зворенія послѣ Вѣтки и Стародубскихъ сло- | гъ. „Казна дѣдаетъ нашимъ не помогала. При- | гъ ихъ на мѣсто (на р. Иро) чиновникъ *). | ли его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ | нахъ (дѣйствительно, всѣ три волости, словно | овались съвою землю: кругомъ высокія лѣ- | тля горы). Стали пытаться: чѣмъ жить? Чинов- | къ сказалъ: а вотъ станете лѣсъ рубить, по- | гать щепки, щепы эти и ѣшьте! Поблаго- | мли его, стали лѣсъ рубить. На другой годъ | юдоль другъ около друга начинали кое-чѣмъ | моваться, запасаться нужнымъ. На восемь | ровъ одна лошадь приводилась. Поселились. | ли оказалась благодатной. Ожили и повесе- | ли. Приѣхалъ знакомый чиновникъ и руками | *). По Иркутскому лѣтописцу, подполковникъ | згъ Ивановъ.

развелъ: „Вы-де еще не подошли? Жаль, | очень жаль, а васъ — чу! затѣвъ и послали, | чтобы вы всѣ перекопали“. О подробностяхъ | переселенія рассказываютъ слѣдующее: народъ | собирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки за го- | родомъ стояли нарочно-выстроенные амбары (ба- | раки). Въ баракахъ этихъ много перенермо на- | роду. По Окѣ въ Волгу везли на судахъ до Ка- | зани. Въ Казани много ваяли въ рекруты: цѣ- | лый полкъ потомъ былъ сформированъ изъ се- | мейскихъ въ Тобольскѣ. За Байкалъ пришли | уже малыми частями. Первая партія шла на | Чикой въ 1755 г.; вторая, вышедшая съ марта | 1756, пришла на Иро въ 1758 и оттуда, за не- | годностью мѣста, на Бичуру въ 1780 г. Третья | ушла за хребты, гдѣ теперь двѣ волости: Тара- | богатая и Мухоръ-Шибирь. На Иро прошло | только 26 семей: Пересычины (6 душъ), Разу- | ваевы (3), Афанасьевы (6), Савичевы (3), | Просвириковы (2), Терюхановы (4), Петровы | (4), Павловы (2), Нестеровы (4), Куриановы | (3), Ивановы (4), Пантелѣевы (1), Гавриловъ | (1), Юдиль (1), Олейниковъ (1), Авдѣевы (2), | Турковы (2), Ткачовыхъ (2), Гладкихъ (2), | Вѣлтыхъ (2), Головановыхъ (2), Кочневъ (1), | Родионовъ (1), Утенковыхъ (4), Холловыхъ (2), | Алексѣевыхъ (4)—всего 70 душъ. Теперь изъ | 70 душъ стало 1.600, отъ которыхъ слышатся | уже жалобы на тѣсноту житья въ одномъ се- | денн, хотя Бичура протянулась на 4 версты | вдлну (старожилы, т. е. первые пришедшіе, живутъ | на горѣ).

Въ 1830 году декабристы, шедшіе изъ Читы | въ Петровскій заводъ, получили такіа впечатлѣ- | нія: „Помѣшали насъ въ крестьянскія избы. | Избы имѣли по нѣскольку комнатъ съ обоями, | большими окнами и досчатыми крышами. Съ | одной стороны сѣней была просторная комната | для работниковъ съ могущественной русской | печкой, по другую сторону отъ 2 до 5 ком- | нать съ голландскими печами; полы были устланы | коврами туземнаго издѣлія. Столы и стулья были | чисто выструганы и даже не было недостатка | въ зеркалахъ, кулленныхъ на Ирбитской яр- | маркѣ. Хозяйки гостеприимно угощали насъ ве- | чной, осетриной и разными пирогами. На дво- | рахъ мы видѣли окованныя желѣзомъ телеги, | хорошую сбрую, сильныхъ и сытыхъ лошадей и | здоровыхъ осанистыхъ людей, производившихъ | на насъ удивительно хорошее впечатлѣніе. Было | воскресенье: всѣ шли въ кошельную, мужчины | въ длинныхъ армякахъ синяго сукна и въ хо- | рошихъ собольихъ шапкахъ, женщины въ шел- | ковыхъ съ собольимъ воротникомъ душегрѣ- | кахъ, на головахъ шелковые платки, вышитые | золотомъ и серебромъ. Многие изъ нихъ капита- | листы; у нѣкоторыхъ — тысячъ до ста“. Съ | 1857 года, въ теченіи девяти лѣтъ, семейскіе | неустанно, безпрекословно и безъ особыхъ ущер- | бовъ для себя, своимъ лѣбомъ кормили Амуръ

и не только отдавали зерно или муку даромъ, но приплачивали еще 10—20 коп. на пудъ за доставку хлѣба до Четы вольнымъ возчикамъ (казна давала за пудъ 60 коп., доставка изъ Тарабогатай, напр., стояла 70—80 коп.).

— Отчего ваши сосѣди такъ бѣдны?—спрашивалъ одинъ изъ декабристовъ.

— Какъ же имъ не быть бѣдными, — отвѣчалъ нашъ хозяинъ: — мы идемъ на работу въ поле съ гѣтулами, а сибирякъ варитъ себѣ кирпичный чай и пока соберется на работу, солнце уже успеетъ высоко подняться. Мы уже первую работу сдѣлаемъ и отдыхаемъ, а сибирякъ въ самую жару мучитъ и лошадей и себя. Кроме того, поселенцы предаются пьянству, они тратятъ каждую копейку и не могутъ скопить капитала.

Въ нашей дорожной книжкѣ по горячимъ словамъ записались слѣдующія строки (16 янв. 1861 года): „Сибирскимъ народомъ недовольны, какъ бичурскіе семейскіе, такъ и музуръ-шибирскіе. Встанетъ сибирякъ — чай пить, въ поле идетъ — глядишь, опять домой тащится ѣсть; къ вечеру опять дома чай пить. Хозяйство для нихъ второе дѣло. Опять же у насъ молодикъ до 20-ти гѣтъ водки не смѣетъ пить, а у гѣтъ ему и въ этомъ воля. Казаки же народъ совсѣмъ гиблый и не домотный, ян въ чемъ они на насъ не похожи“.

Декабристы видѣли старика 110 гѣтъ, помнѣвшаго перваго времена поселенія, когда стремились не къ водворенію ихъ, а имѣли въ виду наказаніе. Старикъ жилъ въ домѣ четвертаго младшаго сына, которому было 70 гѣтъ. Хотя самъ дѣдъ и не работалъ, но, по привычкѣ, постоянно носилъ топоръ за поясомъ. Рано встаетъ будитъ своихъ сыновей и вичутъ на работу. Каждый изъ сыновей имѣлъ по отдѣльной избѣ со дворомъ и амбаромъ и по отдѣльной водяной мельницѣ. „Завѣтъ тебѣ, дѣдушка, такъ много мельницъ?“ — спросилъ его. Отвѣчалъ: „Видите, какія у насъ поля!“ и указала на окрестныя горы, повсюду расѣяныя. По богатству и довольству этихъ крестьянъ намъ казалось, что передъ нами русскіе въ Америкѣ, а не въ Сибири. Въ этой области Сибирь никакъ не хуже Америки. Тѣ же старообрядцы, живущіе на основаніи общиннаго труда (прибавимъ мы отъ себя), счастливы результатами обезпеченной и сытой жизни именно потому, что во многомъ сходствуютъ съ заатлантическими сектаторами: квакерами, мормонами и друг. Семейскіе имѣютъ собственное общественное управленіе, при помощи котораго поставили себя, до извѣстной степени, въ независимое положеніе. Они поняли секретъ обходиться съ чужовинками, готовые всегда въ платѣжу податей и способные платить даже сверхкомплектные въ видѣ поставокъ хлѣба на полугодный и ненасытный Амуръ. Когда Амуръ легъ на семейскій неожиданныю чужестыю, долговременные урожаи облегчили

возможность борьбы съ неурожаемъ; общинная справедливая раскладка по семействамъ довершила удачу борьбы и доставила имъ полную побѣду, не смотря на то, что на хозяевъ средней руки приводилось ежегоднаго взноса до 40 пудовъ (на богатыхъ больше, на бѣдныхъ меньше). Бѣднымъ, сверхъ того, предоставлено было право воспользоваться платомъ за доставку въ Читу на сплавыя лодки и баржи. Богачами огуемъ сдѣлались тарабогатайскіе, бичурскіе и музуръ-шибирскіе старовѣры отъ торговли съ китайцами, отъ казенныхъ подрядовъ и доставокъ, въ силу той находчивости и изворотливости великорусскаго человѣка, которыя въ равной степени и неизмѣнно сохранены, какъ этими выселенцами изъ Бѣлоруссін въ концѣ прошлаго вѣка, такъ и живущими тамъ же въ наши дни. Такии же живыми, трудолюбивыми и предприимчивыми людьми старовѣры являются и за Байкаломъ между ненаходчивыми сибиряками, какими представляются ихъ единомышленники и родичи между забытыми и полудикими бѣлоруссами големельскіе, вѣтковскіе и стародубскіе старовѣры *).

Въ томскомъ острогѣ мы видѣли арестанта, весьма почтеннаго, начитаннаго и солиднаго старика, очень богатаго раскольника — томскаго жбщанина, который судился за образованіе селенія изъ бѣглыхъ въ Томскомъ округѣ на собственный счетъ и за совращеніе этихъ бѣглыхъ въ старую вѣру. Слодцы завели было отличное хозяйство, жили, не завлекая на себя пресѣдованія преступленіями и никого не обижая. Засѣдатель зналъ, бралъ поклонное и покорное — и не трогалъ. Кто-то сдѣлалъ доносъ: вольныхъ людей схватили, рассажали по тюрьмамъ, завели судъ и дѣло. А селеніе было совсѣмъ готово: большое-пребольшое въ привольномъ и дикомъ мѣстѣ, и гѣсъ — глушь, по требованіямъ людей древняго благочестія и староотеческаго преданія. Стремленія ссыльных старообрядцевъ къ организаціи отдѣльныхъ хозяйствъ въ видѣ скитовъ восходятъ до первыхъ временъ ихъ ссылки. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ сосланные въ Якутскій край устроивали скиты даже на рѣчныхъ островахъ. Но суровость климата и невозможность доставать жизненные припасы послужили причиною скорого исчезновенія этихъ

* Замѣчательно, что, превращаясь въ сибиряковъ, семейскіе постарались забыть, между прочимъ, великорусскія пѣсни. При всѣхъ нашихъ стараніяхъ мы не могли записать у нихъ ни одной былинки, на каковыя рассчитывали. Намъ говорили въ оправданіе: «Старикъ напѣвалъ еще кое-какія старины и былинки, разговаривая о роднѣ: намъ не завѣщали никакихъ. Изъ нашихъ молодыхъ ихъ и не слышали. Поемъ только тѣ стихи, которые записаны въ прѣтѣникахъ». Устояла пѣсня свадебнаго обрядоваго, ибо-де обряды завѣщали блжести хрѣнко. Класка нищихъ не выработалась среди достатковъ и при общинной взаимной помощи, а потому бродячить гѣвцовъ нѣтъ и въ помнѣнъ, а съ нами и пѣсенъ.

колоний. Скиты, образовавшиеся около Анадыр-ска и уже значительно увеличившиеся, уничтожили сидачие корки, напавъ на скиты и перебивавъ всѣхъ жителей.

Къ числу очень распространенныхъ сибирскихъ народныхъ преданій принадлежатъ повсюдные рассказы о томъ, что тамъ заблудившійся авѣровщикъ, слышавъ звонъ колокола и соблазнившись имъ, нашелъ никому неизвѣдное селеніе. Въ другомъ мѣстѣ такое же образъ застателъ, который, не догадавшись скрыть своего званія, былъ убитъ жителями никому неизвѣстнаго и вполнѣ независимаго селенія. Подобные рассказы слышали мы и въ Западной и въ Восточной Сибири (за исключеніемъ одного Забайкалья). „Въ Якутскѣ мнѣ передали (говоритъ г. Сельскій въ статьѣ „Смысла въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ“), на Колымѣ и Индигиркѣ тамошніе жители до сихъ поръ рассказываютъ о существованіи създавна какихъ-то жителей, прежде османныхъ, потомъ бѣжанныхъ и поселившихся на неизвѣстныхъ островахъ Ледовитаго моря. Въ давніе годы какой-то промышленникъ около колымскаго устья осматривалъ на островахъ авѣровыя снасти. Тамъ застала его буря и онъ заблудился. Долго блуждалъ онъ по окрестнымъ пустынямъ и, наконецъ, собаки привезли его въ незнакомое селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ, которые всѣ были срублены въ уголь. Заблудившагося приняла женщина, но она ничего съ нимъ не говорила. Повсюду вечеромъ пришли съ промысловъ мужики и стали разспрашивать прибывшаго къ нимъ: кто онъ, откуда, по какому случаю и зачѣмъ заблалъ къ нимъ, не слышалъ ли онъ объ нихъ чего прежде и, наконецъ, не подосланъ ли къ имъ? Промышленника этого они содержали подъ присмотромъ шесть недѣль, похитили его въ отдѣльное доми и не дозволяли отлучаться ни на шагъ и ни съ кѣмъ не разговаривать. Заключенный во время пребывания своего тамъ часто слышалъ звонъ колокола и обитатели этого заповѣднаго селенія собирались въ молельню, изъ чего онъ и заключилъ, что это былъ расколыничій скитъ. Наконецъ, жители этого дикаго селенія согласились отпустить промышленника, но взяли съ него при этомъ клятву молчать обо всемъ, имъ видѣнномъ и слышанномъ. Затѣмъ они завязали ему глаза, вывели изъ селенія и проводили очень далеко. При разставаніи подарили ему большое количество бѣлыхъ песчозъ, красныхъ лисицъ и сидовушекъ“.

Къ такимъ вольнымъ селеніямъ, на выгодныхъ и соблазнительныхъ условіяхъ свободнаго выбора, охотно лезутъ и бѣжавшіе съ каторги и оставившіе мѣста поселенія; деньги, подкупъ и волостные писаря тутъ играютъ существенную и главную роль. Лѣтъ десять тому назадъ волостное начальство открыло въ Иркутскомъ округѣ поселенца, жившаго въ селеніи болѣе 20-ти

лѣтъ. Знаяше его думали, что онъ принесетъ начальству, а потому и не преслѣдовали, да на бѣду, черезъ двадцать лѣтъ мирнаго его житія, узнали, что въ сосѣднемъ селѣ живете другой поселенецъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ, съ одинаковыми именемъ и прозвищемъ (что случается между поселенцами сикомъ и рядомъ). Этому второму несчастному вздумалось бѣжать. Побѣгъ его открылъ и первого счастливаго. Стали допрашивать: онъ показавъ фамилю бѣжавшаго и всю его подбудность, а когда слычили прикѣты его съ бѣжавшимъ, не то вышло. Сколько ни бились, настоящей фамиліи своей поселенецъ не показавъ; такъ и оставили его, благо, что раньше наказанъ былъ за бродяжество. Поблагодѣвалъ ему сельскій писарь, превращившійся въ такой шутки: этого поселенца 20 лѣтъ тому назадъ поймали въ Минусѣ (Минусинскѣ), гдѣ онъ сказавъ, что бѣжалъ изъ-подъ Иркутска. Земскій судъ и послалъ его въ волость показавъ крестьянамъ, тотъ ли-де этотъ; оказалось, что не тотъ. Старшина обратилъ его въ волость съ пакетомъ. Поселенецъ, смѣянувшись, что дѣло недоброе, бѣжалъ отъ анищава съ дороги, прихвативъ съ собою и пакетъ. Съ пакетомъ онъ явился въ другомъ селѣ къ писарю; писарь пакетъ вскрывалъ, а поселенцу велѣлъ жить тутъ и сообщая такъ рассказавъ, что прислакъ-де съ пакетомъ. А сколько подобныхъ дѣлъ не насѣженыхъ, а сколько селеній выросшихъ и окрѣпшихъ не по законнымъ предписаніямъ и обычнымъ программамъ!..

На сколько осмысленны готовы сами вести осѣдлую жизнь, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій недавній случай. Къ осени 1862 года по бродяжничью притонамъ пронелъ глухой слухъ о манифестѣ, въ которомъ будто бы сказано, чтобы всѣхъ бродягъ каторжныхъ приписывать на поселеніе, если только они добровольно явятся къ начальству. Слухъ этотъ расшевелилъ и поднималъ бродягъ, многіе изъ нихъ и въ разныхъ мѣстахъ объявились и, конечно, попали въ хлѣпущку, т. е. получили плети и опять каторгу. Особенно много, говорить, явилось такихъ охотниковъ по Томской губерніи.

Идя слѣдомъ за поселенцами по всѣмъ ихъ мытарствамъ, мы приходимъ, наконецъ, къ той важной отрасли государственнаго хозяйства, которая доставила столько денегъ Россіи и причинила столько горя и бѣды Сибири. Мы говоримъ о золотыхъ промыслахъ, которые нѣкогда разрабатывались исключительно руками сильно-поселенцевъ. Мѣщане изъ амбиціи, а крестьяне отъ доносѣдливости на эти работы не ходили *).

*) Въ 1840 году, изъ всего наличнаго числа осмысленныхъ 134.630 человекъ (64.240 въ Западной и 70.290 въ Восточной Сибири), работало на золотыхъ промыслахъ одиннадцать тысячъ, т. е. почти двѣнадцатая часть всего наличнаго осмысленнаго населенія Сибири.

Старая времена миновали. Золотопромышленность кончила свою безобразную историю и начала, но новыми образами, другую, во слѣды стараго еще не совсѣмь остыли и отъ прошлаго еще кое-что осталось на бѣду поселенцевъ. Нѣтъ теперь той сильной борьбы между партіями золотоискателей, которая нѣкогда принимала и грозную, и безчестную, а временами и до вѣдѣнности смѣшную форму. Давно не удивляютъ дорогу гестажи отъ города до заимки шампанскихъ сами хозяева, не задаютъ ихъ довѣренныю но унизать на бабаль изъ враждебнаго промыслового лагеря. Пригнали хозяева, присмирѣли рабочіе. Не ходятъ послѣдніе по улицамъ города въ парчевыхъ курткахъ и парчевыхъ шароварахъ, не ступаютъ по грязи на кредитныя бумажки, подбрасываемыя воль саногы, испробовавшіе тальковой грязи на разрывахъ, чтобы, при переходѣ черезъ улицу изъ кабака, не загрязниться. Кончалось поголовное безобразіе, ужасавшее своихъ калрышмики и неокончанными формами. Кончалось, однако, не все.

Меурожан и развитіе золотопромышленности, подымавъ нѣкимъ на жизненные привычки, обращаютъ на этотъ промыселъ и мѣщанъ, и крестьянъ и даже припавцевъ изъ Россіи *). Осталось еще вербовка рабочихъ, перебой, необходимость выдачи задатковъ, тяжелыя, на первобытныхъ приемлахъ основанныя работы; осталось, словомъ, то, отъ чего и прежде поселенцу бывало скверно и теперь не одѣлалось лучше. Отъ дурной экономической разработки россыпей золотой промыселъ упадетъ; открытій новыхъ стало меньше по невозможности отыскать богатыхъ. Самая охота къ новекамъ оттого замѣтно ослабѣла, время же прииски постепенно вырабатываются. Содержание золотоносныхъ несконъ видимо уменьшается и добыча по частнымъ промысламъ Сибири, особенно Завадной, ощутительно упала. На поселенцевъ надвигается гроза и съ этой стороны. Къ тому же, надо сказать правду, безусловный наездъ поселенцевъ въ работы на золотые прииски мало приноситъ имъ пользы.

До работъ ожидалъ поселенца наездъ съ задаткомъ. Задатокъ (рублей въ 40, 50, 60 вѣдѣго дозволеннаго закономъ не свыше 7 руб. 50 коп.) находилъ его послѣ долгаго поста и безденежья, а на глазахъ торчать кабаки со всякимъ соблазномъ и господствуетъ старый приемъ вербовщикомъ нанимать рабочихъ съ подсаожкою нѣяншии, умнченными и створчывыми. А тамъ дѣло извѣстное: обольстить, обмануть, подкупить гнилой товаръ — московскую

заказъ; цѣною повыше, добротой хуже всякой возможности; придумать выгнать изъ заработка помудреніе и лозауталинѣ, подвернуть условіе, на которое трезвый человѣкъ не ходитъ, но голодный и нѣяный идетъ. Тутъ является и обязательство, вопреки законному смыслу вслчскихъ контрактовъ, считать рабочіе дни не се дня сдѣлки, а во приходѣ на приискъ. Тутъ и обязательствѣ объ одеждѣ нѣтъ, и орудія записаны въ разчетной, какитъ не дано, и самая работа не приведена въ условію ясности—словомъ, цѣлая цѣль стѣсненій всякаго рода. По этой причинѣ рабочіи, обманнныи иногда идти мѣсяца полтора и два до прииска, даромъ тратитъ время и идетъ рваный и голодный, пытался милостынею, а при случаѣ и воровствомъ. На приискѣ, сверхъ обязательной, рабочіи получаетъ работу всякую, какая придетъ въ голову дѣврителю и прикаачикамъ. Жаловаться некому, жаловался тотъ, кто не звалъ, въ какитъ отношеніяхъ стояли сабѣдатели къ довѣренныи.

Извѣстно, что сами золотопромышленники рѣдко въ Сибири живутъ, дѣйствуютъ откущики по старымъ образцамъ и вавуль: изводятъ много хозяйскихъ денегъ на карты, на игры, на вечера, на смазку сложить колесъ золотопромышленной машины, чтобы она не скригла. Траты большыя — надо ихъ возмѣстить. Другой крикко зарвется, а выходу нѣтъ; но отчеты и у нихъ спрашиваютъ. Тутъ и волостной писарь не малая подмога, чтобы показать хозяину выдачу задатковъ большому числу людей, чѣмъ сколько принято на самомъ дѣлѣ. Писарь бумажу такую и казенною печатью припечатать можетъ, а хозяину одишь отвѣтъ: каки рабочіе задатки, на приискъ не приняи, извѣстное дѣло, поселнички, варьяки. Кто заглядывалъ въ сибирскіе остроги, тотъ знаетъ, что много работа схватили съ домашней печи и по этиамъ высылали на приискъ для отработки стараго долга; что другіе бѣжали съ самыхъ работъ, на дорогѣ пойманы, сиратаны въ тюрьму, потому что подлежатъ отправкѣ назадъ на счетъ нанимателя, да ждутъ отъ него присылки казачьяго повода для путешествія по тѣснымъ дорогамъ. Послѣдніи существуютъ только по имени, но не въ самомъ дѣлѣ, хотя на нихъ истрачено столько, что можно бы итѣть теперь уже желѣзную дорогу.

На самыхъ работахъ, т. е. на приискахъ, поселенцы-рабочіе живутъ въ дрянныхъ вабушкахъ, помогающихъ развитію цинги. Здѣсь они уже кабалныи въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Пасты не утратили своего внушительнаго значенія и, вообще, тѣлесное наказаніе всегда на готовѣ. Напускать страхъ, вымоганіе исполненіе всякихъ требованій, считалось тамъ педагогическимъ приемомъ. Сверхъ того, на приискахъ для рабочихъ большіе уроки, которыхъ они никогда не вырабатываютъ по невозмож-

*) Нижегородскіе рабочіе, да и всѣ русскіе приходятъ артелями (что и законъ требуетъ). Но артелима правила съ силой общаго голога за каждаго члена и собственной расправы и-которымъ довѣренныи не нравятся; ихъ стараются стѣснить и ослабить. Между тѣмъ, артели работаютъ отлично и требуютъ только хорошей ищи и побольше.

ности, а задается на авось; вѣдъ и расходъ по приску не маленькій: рабочіи просятъ рукавицы, чирки, табакъ курить, въ кирпичному чаю привыкъ, да къ тому же и задатокъ камиль большой. Надо навестать и то и другое и себя не обидѣть. И вотъ, въ праздничные и торжественные дни вводятся такъ называемыя старательскія работы, которыя, вмѣстѣ съ усиленными уроками, крайне истощаютъ силы поселенцевъ. Между тѣмъ, „старанія“ съ платежей съ золотника золота, самая справедливая форма вознагражденія, теперь вывелись и „старанія“ теперь ни что иное, какъ спекуляція на отдыхъ, на истребленіе праздничныхъ дней у рабочихъ. Урокъ становится не подь силу, и благо еще, что хозяевъ обвязываютъ лекарами и лазаретами, хотя и туда иногда не принимаютъ. Вмѣсто лекарства — казачья команда съ извѣстными военными медикаментами, потому что болѣвъ можно иногда по ошибкѣ принять и за дѣнь *). Впереди рабочему предстоить дней сто кинѣтъ какъ въ котлѣ; урокъ не подь силу, а между тѣмъ магазинный долгъ нарастаетъ. Что дѣлать? Уступчивые и смиренные машутъ рукою и въ работѣ валяютъ черезъ пень въ колоду; рѣшительные и бывалые бѣгутъ съ промысловъ, бѣгутъ въ такомъ множествѣ, что хозяева сильно на это жалуются и просятъ въ свою пользу кое-какихъ уступокъ и новыхъ привилегій.

Въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ каждый рабочій дорогъ. Другой найдетъ и придетъ на приску, поработаетъ немного, заберется въ магазинъ, да и объявитъ, что онъ неспособенъ. Станетъ докторъ свидѣтельствовать: либо грыжу найдеть, либо рука вывихнута, либо другая хворь, закономъ предусмотрѣнная. Съ горяча нанимаютъ и совсѣмъ старыхъ людей, въ расчетѣ на ихъ совѣсть, авось поработаютъ и не скажутъ. Надо такихъ рассчитать, долгъ ихъ, разумеется, смарать со счетовъ. Такимъ образомъ, большіе задатки, на перебой совѣтниковъ, и хозяину невыгоды и рабочему идутъ на баловство и порчу. Одно хорошо — кормятъ не дурно, но на южной системѣ лучше, чѣмъ на сѣверной.

Порчи для рабочихъ не мало и въ прихѣрахъ приказчиковъ; воровство золота — укоренившійся обычай. Для этого въ окрестности промысловыхъ „резиденцій“ и евреи навязываютъ изъ достославныхъ городовъ Каинска, Томска, Красноярска, Варгузина и другихъ. Немного правды и въ расчетахъ: либо за добровольное стараніе выдаютъ тѣмъ, которые не старались, либо старавшихся обчитываютъ. За выданныя вещи всегда берется двойная цѣна. Противъ воровства самородковъ, съ давнихъ временъ, употребляется система взаимнаго шпионства. Нѣкоторые хозяева нечестными расчетами воз-

буждаютъ противъ себя всѣхъ рабочихъ до того, что никто въ нихъ не идетъ: надо употребить хитрость, пробывать нечестными трюки, а для такого дѣла опять употребляютъ такъ же поселенцевъ половчѣе и пошмыслѣе. Теперь уже не рѣдкость такіе случаи, что, послѣ восьмидесятидневнаго тяжелаго труда, рабочіе выходятъ съ промысловъ только съ долгомъ. Нѣкоторые ходятъ въ отропьяхъ, чтобы выгадать на одеждѣ. Тутъ, если не поворуешь, не поплутуешь по образцу приказчиковъ, то и не поживешь. Теперь уже рабочіе бѣгутъ домой съ промысловъ (послѣ 12 сентября, когда кончается расчетъ, производимый съ 8 числа) человекъ по двѣнадцати на одной тройкѣ и въ кабакахъ не скупаютъ цѣлой полки полуштофовъ и шкаликновъ для того, чтобы разбить ихъ въ дребезги со всѣмъ содержимымъ. Выходъ рабочихъ все еще, однако, важная кабаканъ и мелкий торговданъ.

Вообще, современное устройство промысловъ и обстановка ихъ дѣла не производятъ такой громады вреднаго вліянія на поселенцевъ, какъ это было нѣкогда, въ тѣ времена, когда промысловая работа считалась безчестною и позорною. Но многое еще продолжаетъ разрабатывать нравы и вредитъ краю. Во многихъ золотые промыслы послужили тому несчастному явленію, что смыльные не ищутъ прочнаго домашняго хозяйства и вѣрному труду предпочитаютъ легкую наживу, являющуюся и до сихъ поръ съ наружнымъ обманомъ и обманомъ въ началѣ и горькимъ разочарованіемъ въ концѣ. И теперь, по окончаніи работъ, обчитанные и задолжавшіе, праздно скитаются они въ ближайшихъ къ промысламъ селеніяхъ, въ надеждѣ на то призрачно-счастливое время, когда вновь получить новый задатокъ и вновь обманутся. Золотые приску, въ этомъ смыслѣ, не мало виноваты въ томъ, что поселенцы забываютъ о домѣ, еще больше укрѣпляются въ бродячей жизни, тянутся къ мѣстамъ вербовокъ и держатся около нихъ всегда наготовѣ: голодные и оборванные, а потому и дешевые, избаловавшіеся на бездѣльѣ и плутняхъ всякаго рода, а потому и не годные для всякаго дѣла. Если и худъ поселенецъ въ дѣлахъ золотыхъ промысловъ, то на этотъ разъ по словицѣ: „сама себя раба бьетъ, колы нечисто жетъ“. Какія были ремесла — золотопромышленность почти совсѣмъ убила; земледѣіе и скотоводство уменьшилось; „народъ развратился и пошелъ въ кабаки“, говорятъ многіе изъ тѣхъ, кто любитъ говорить правду. Въ Сибири тайга съумѣла изъ лучшихъ людей, изъ образованнаго и болѣе устойчиваго класса создать тотъ несимпатичный типъ, который извѣстенъ тамъ подъ именемъ „таежнаго волка“. Золотая лихорадка успѣвала искалѣчить ихъ до того, что весь міръ переставалъ для нихъ существо-

*) Поселенцевъ, сдѣлавшихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ преступленіе, вѣдно было судить военнымъ судомъ.

вать, золото дѣлалось у нихъ богомъ и отыскать новый пріискъ было задачей всей жизни. Тяжелый вѣкъ имъ минути не задумывался завладѣть чужимъ пріискомъ. Пустить по-міру благодѣтели у такихъ людей за грѣхъ не считалось. Сибирскіе суды были переполнены тяжбыми дѣлами по такимъ вопіющей несправедливости захватамъ. Штука дѣлалась просто. Довѣренныя, дѣйствующіе на деньги капиталисты и сами игнорирующие право на разысканіе золота, найдя пріискъ, заявляли его на свое имя. Они брали козьяское жалованье, но, въ то же время, захватъ считали собственностью и творили зло въ расчетѣ на то, что законъ преслѣдовать ихъ не въ силахъ. Презрѣнный металлъ отягчал совѣсть у многихъ людей не должными, подававшими большія надежды. Что мудренаго, если подъ влияніемъ его уродуется менѣе стойкая натура рабочихъ изъ простого люда, и тѣмъ болѣе поселенцевъ. Самъ себя рабочий прозвалъ „обаяннымъ ташенникомъ“ и уже мало обижался, получая въ глава это бранное прозвище отъ другихъ.

На пріискѣ рабочий смиренъ, переносивъ въ груди, терпѣливо до мѣсяца вездѣ, гдѣ труду его умѣютъ дать надлежащее направленіе. Не тотъ рабочий въ деревнѣ послѣ расчета, когда онъ прогуливаетъ все, что такъ тяжело ему досталось. Двѣ недѣли онъ совсѣмъ другой человекъ и находится въ какомъ-то бѣшенствѣ, какъ будто былая горячка постигла его. Онъ, съ твердымъ намѣреніемъ и убѣжденіемъ въ законности своихъ поступковъ, старается истребить все, что есть у него, и какъ будто намѣренно заботится о томъ, чтобы изломать и изуродовать свою крѣпкую природу. Если это ему не удастся, онъ опять отправляется въ тайгу „быгать“, какъ говорятъ они сами. Въ первой же деревнѣ по дорогѣ онъ снова такой же безотвѣтный труженникъ-горемыка, какими былъ до расчета. Въ январѣ и февралѣ опять время наемки, опять пьяному дадутъ деньги впередъ за „окаинную“ работу въ потъ лица, въ теченіи пяти мѣсяцевъ, въ золотоносной слякоти и болотахъ. Нѣкоторымъ удается принести рублей 200—300, которые пропиваются либо проигрываются засѣдательскимъ же казакамъ и волостнымъ чинамъ. Существующій порядокъ выдачи билетовъ поселенцамъ требовалъ коренной перемѣны и на этой мысли, не безъ основанія, остановились сибирскія власти.

Между тѣмъ, промышленные богатые люди обижались и такихъ поселенцевъ, каковы, напр., якутскіе, заоросенные въ болѣе негостеприимныя страны Сибири. Живутъ они въ юртахъ или, лучше, въ ямахъ и роютъ ихъ, по возможности, въ сухой землѣ; но и тогда имъ необходимо поддерживать безпрестанный огонь, чтобы просушивать юрту и просушиваться самимъ. Жилища этихъ осѣдлыхъ людей все-

таки похожи на звѣриныя догояща. Устройство немудрое и очень незавидное: на вертикально утвержденныхъ столбахъ (вѣлообразныхъ сверху) кладется въ распорки или въ эти вѣлы поперечный брусъ, отъ котораго до боковыхъ положейки мелкія бревна. Послѣднія открыты вѣтками ельника, а сверху его обложены дерномъ. Среди юрты—очагъ изъ толстыхъ жердей конусомъ, выходящимъ изъ ямы, обмазанной глиною внутри и снаружи. Тутъ и телата и ребята. Лѣтомъ юрты берестяныя. Свѣтъ стоитъ на вѣтру, хлѣбовъ во всей Лентѣ нѣтъ и въ заводѣ.

Въ якутскихъ странахъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ сырой мѣстности и гигиеническихъ правилъ, среди поселенцевъ существуетъ особый видъ оригинальной болѣзни, однородной кликушеству лѣсныхъ губерній и нѣкоть тундрныхъ сѣверныхъ, обладающей признаками сильного нервнаго расстройствя. Проявленіе въ большую часть испуганные по Лентѣ называются „миряками“ и „мирячками“. Припадки выражаются обезьяннимъ свойствомъ безотчетнаго подражанія тѣмъ дѣйствіямъ и явленіямъ, которыя печально попадаютъ на глаза больному во время болѣзненныхъ кризисовъ. Стоитъ крикнуть несущему въ рукахъ вещь „бросай!“ — онъ немедленно броситъ. Одна мирячка встрѣтила на мосту въ Якутскѣ спутника, поднявшаго щелку и бросившаго ее на ея глазахъ черезъ перила въ рѣку; большая въ мгновеніе ока вскочила на перила, прыгнула въ воду и утонула. Такіе же спутники, встрѣченные больнымъ, заставляли поднимать подошвы только тѣмъ, что передъ глазами бросывали собственные шапки на землю и тотчасъ же ихъ поднимали; тѣ бросали хрупкія и ломкія вещи при видѣ другого, бросившаго что нибудь, причѣмъ предварительно вскрикивали, судорожно икали и рыдали. Одна мирячка, видя ящичка, гнѣвшаго надъ угольями руки, не задумалась положить свои на горячіе уголья и навѣрное продержала бы до безвозвратнаго автонова огня, если бы во-время ихъ не спали. Одинъ поселенецъ вѣзалъ дорогою и, видя хворостъ, сложенный кучкою, захотѣлъ воспользоваться готовымъ матеріаломъ, чтобы развести огонь. Хворостъ занялся огнемъ, но изъ-подъ него неожиданно выгѣлъ человекъ, спавшій и укрывшійся имъ отъ мороза и снѣга. Поселенецъ испугался, сталъ мирячить; припадки съ годами усилились. Замѣчено, что лишь только завелась правильная доставка по Лентѣ хлѣба и уничтожился кредитъ сосновой коры—миряковъ стало меньше. Водятся они кое-гдѣ и за Байкаломъ и называется тамъ олганджи. Это—тѣ же великорусскіе дурачки, казенники, вродивые (съ монгольскаго—пусливый), бовалавый; а мирякъ съ якутскаго, собственно имерехъ, имерахъ — вздрагивать, бѣсноваться).

Кроме естественных причин и главной — искута, болезнь появляется от жалости, состоящей в подражании больным огаджамъ, а потому от злоупотребления половыми удовольствиями и зланыемъ.

Живетъ поселенный народъ такъ бѣдно, что вызываетъ слезы. Во всякъ другіяхъ мѣстахъ Сибири есть съ кѣмъ слово перекинуть и, пожалуй, у своего же брата-поселенца найти на первый случай и пищу, и пріять и состраданіе; живуть тамъ поселенцы въ селеніяхъ. Въ Якутской области совсѣмъ не то. Тамъ поселенцевъ, въ видахъ развитія хлѣбопашества и распространенія прочнаго хозяйства по обычаямъ осѣдлыхъ людей, селятъ между инородцами. Якуты живутъ разбросанно и больше скотоводы. Противъ смыльныхъ они предубѣждены еще сильнѣе, чѣмъ сабираки русскіе. Приходящій сюда смыльный живетъ, нитаясь кислымъ молокомъ съ тарою (древесною корою) и нарѣдка рыбою; работы себѣ не находятъ и, дойдя до мѣста назначенія, беретъ билетъ, чтобы идти въ городъ на заработокъ или на золотые прииски. Тамъ онъ, если нажаль пливовыя шаровары, красную рубаху, кушгурскіе салоты и суконный картузь — значить, богатъ сталъ. Если перекинуть черезъ плечо красную шаль и ваилъ-гармоникку — значить, веселъ и счастливъ, а если пляшетъ около кабака — стало быть денегъ вѣтъ, всѣ пропалъ. Близать онъ отсюда рѣже, но зато и якутовъ хозяйству не выучилъ и еще больше возстановилъ дикаря противъ себя и противъ будущаго товарищей, потому что лѣнивъ и ничего дѣлать не хочетъ: двора якут-хозяину отъ не почистить, дровъ не нарубить, за скотомъ не присмотреть...

Впрочемъ, въ Якутской области есть и богатые поселенцы и изворотливые люди. Это — переселенные изъ Туруханскаго края (съ Енисея на Лену) оюпцы, человекъ до 500, поселенные верстахъ въ 15-ти отъ Якутска около Олекмы и по рѣкѣ Адаману. Эти не погибнуть, потому что принесли съ собою деньги и потому что знаютъ секретъ и искусство торгашества. Зато они и безполезны и ссылка относительно скопцовъ, отрясъ къ одной только дѣли наказанія, не достигала никакой. Эти забѣе и драблне, слабодушные и хитрые люди — настолько отчаянные фаталисты, что съ твердостью и стойкостью и безъ ропота покорялись своей участи и не сознавали разницы ни между Аляндскими островами и Закавказьемъ, ни между Туруханскимъ краемъ и Якутскимъ. Смылка въ Сибирь для нихъ имѣетъ еще тотъ религіозно-мистическій смыслъ, что Сибирь для нихъ обѣтованная земля, а Иркутскъ — Иерусалимъ, ибо сюда былъ сосланъ ихъ живой богъ, Кондратій Селвановъ. Оттуда, съ Иркутской горы, придетъ онъ, батюшка живой богъ, чтобы соединиться съ своими дѣтками. „Они ждутъ его всяко времячко,

по суду-глаголу небесному, обогрѣтъ сердца ихъ внутренка“. Прішествіе это они вымаливаютъ и вырываютъ на своихъ радѣицахъ, а между тѣмъ, въ ожиданіи, накопачиваютъ монешку въ Туруханскомъ край на Енисей нзвозомъ, да и на рѣкахъ Охотскаго края (Алданъ и Маѣ), куда переселили ихъ съ весны 1860 года, они гроша своего не терли, но для края ничего не дѣлали. Географическое переимѣненіе могло только еще болѣе ожесточить ихъ противъ остальныхъ людей. Извѣстно, что они на помощь погибавшимъ въ мятель и снѣжкамъ пустынягъ Туруханскаго края никогда не являлись и тѣмъ извѣстны были всякъ старожиламъ. Большая часть этихъ скопцовъ была изъ лютеранъ-чужоцъ, сосланныхъ изъ Петербургской губерніи. Но въ томъ же Туруханскомъ край, вдоль того же Енисея, двумя селеніями (Мирный и Икуты) поселены были дубоборцы и жили богато. Эти въ другомъ мѣстѣ могли бы принести большую пользу, какъ это доказываютъ молоколане, поселенные на Амурѣ.

Вообще, смыльные, судя по природѣ и по благопріобрѣтеному дѣлу, кладутъ на картину поселенческаго быта своеобразные и новые отбѣнки. Если въ Якутской области высылаемы въ административномъ порядкѣ лица, исключенныя изъ духовнаго званія, сѣмѣли сдѣлать изъ Кыренска и Якутска города, невѣстные своимъ клузакъ и абадами въ дѣлю Сибири, но все-таки несутъ бѣдственную участь, за то кладутъ на ссылку не менѣе яркія краски, но живутъ, не бѣдствуютъ. Мѣста, гдѣ сучили татаръ, славятся конокрадствомъ; гдѣ поселились евреи, тамъ коммерческая суетня и толкотня. Въ Сибирь также думали было превратить евреевъ въ хлѣбопашцевъ, но и здѣсь, какъ и въ западной Россіи, народъ этотъ сѣмѣлъ разбитъ всяки надежды и упорно остался при своихъ качествахъ. Изъ города Каниска евреи устѣян сдѣлать такой же городъ, какихъ невеличкое множество во всей западномъ край Россіи. Канискъ сибиряки справедливо прозвали „жидовскимъ Иерусалимомъ“ (евреи составляютъ $\frac{1}{4}$ части всего городского населенія). Изъ города, не имѣющаго никакого промышленнаго и торговаго движенія и, какъ всѣ города Сибири, вообще углубленнаго въ себя и мертвенно молчаливаго, евреи сдѣлали крикливый, живой и торговый. На площадкѣ приладился рынокъ, выросли какъ грибы, лавченки, въ лавченкахъ засѣли еврейки. Евреи, сбиваясь въ многообразныя и многочисленныя кучки, машутъ руками; бѣгал по улицамъ, машутъ фалдами длиннополохъ кашкетовыхъ сюртуковъ и пейсами, которые здѣсь, въ Сибирь, они-таки отстояли. Словомъ, въ Канискѣ все, какъ въ любомъ изъ городовъ и мѣстечекъ Вѣлоруссіи: удивляешься тому, съ кѣмъ торгуютъ грудями трапья и всякой рвани еврейки. Евреи же до-

был бы того, что в Камискѣ теперь одно из главных мѣстъ салада всего пушного товара (особенно бѣлнчнхъ хвостовъ), отправляемаго за границу, на Лейпцигскую ярмарку. Потому-то на такой пестрый и уютнй городокъ съ 700-нн жителей насчитывается до 70 купцовъ; на десять русскихъ мѣщанъ одинъ еврей наладитъ комиссіонерствомъ и факторствомъ по закупкѣ мѣховъ, а въ вознагражденіе за хлопоты получаетъ всякую разнокалиберную мелочь-галятерю. Съ мѣю онъ таскается потомъ, въ урѣченное время, по торжкамъ и ярмаркамъ, по селамъ, городамъ и деревнямъ Западной Сибири. Такъ какъ въ Камискѣ мѣстѣ съ евреями поселены и цыгане, т. е. худшее изъ худшихъ, то полиція бываетъ довольно работы доходить до правды въ плутовской путаницѣ этихъ народовъ.

Въ Восточной Сибири евреи устраиваютъ такой же кипучій оборотливый городокъ въ Баргузинѣ и тамъ еврей не лжяется и не затерявается. Придетъ онъ на каторгу ницъ какъ Ювъ, бось, голодець и оборваецъ; мѣсяца черезъ три-четыре, при своей яркости, втерся въ уютные работнички: дровосѣки, рудовозы, валягъ годовой урокъ, наваль за себя охотниковъ изъ заводскихъ крестьянъ, кончилъ ихъ руками и своею суетнею этотъ годовой урокъ въ медѣлю; сбѣжалъ по закону на весь годъ свободнымъ. Смотритъ, ужда уже повисла на рукахъ изъ мѣховъ вооруженный ннхъ инструментъ — коробочка, на которой онъ и играетъ угѣлыми руками такъ, что коробочка превращается въ коробку, коробка въ лавчечку и лавку. Премнй, совсѣмъ истрепанный еврей преобразуется уже въ торговца, угѣюнаго убаглатворять миломъ, табаконъ, желѣзомъ, чаемъ и омуляи. Мило варитъ самъ повенюжку, льетъ свѣчи, напирасы крутитъ. На омуляхъ онъ обсчиталъ, желѣзо у него ворованное изъ казны, чай онъ держитъ только контрабанднмъ; онъ и самъ пришелъ сюда „за тайный ввозъ заграничныхъ товаровъ“. Тѣмъ не менѣе, гдѣ зашевелились евреи, тамъ мелочная торговля процвѣтаетъ: еврей дѣлается образцомъ и примѣромъ для неподвижнаго сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться. Для Сибири еврей яргодеецъ и полезнее. Въ Сибири для ннхъ — широкое поле вѣсто то, на которомъ они живутъ теперь и гдѣ такъ надоѣли всѣмъ туземцамъ. Если не мало возни съ ними въ Сибири по поводу участія въ перепродажѣ хищническаго волота и въ продажѣ заграничныхъ европейскихъ контрабандныхъ товаровъ, то, по словицѣ, на то я жука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Евреи слагаиваются въ ассоціаціи, чтобы ссыла не могла нарушить единства, и, черезъ живую и непрерывную сѣтъ изъ ловкихъ евреевъ черезъ города сибирскіе, не обрывалась связь Нерчинска съ Верхоболовомъ, Раданвилло-

вилъ и Лейпцигомъ, и напримѣръ, камискіе евреи, принадлежаніе къ ассоціаціи „Новаго Иерусалима“, не утрачивали симпатій и связей съ сотоварищами, живущими въ Минскѣ *). Впрочемъ, съ евреямъ въ Сибири, по дѣламъ золотымъ и чайнымъ и по ихъ тайному ввозу и торговлѣ, съ успѣхомъ совершаютъ туземные казаки и русскіе поселенцы. За то, гдѣ бы ни открылась золотая россыпь и ни начались работы на ней — еврей-торговцы не медлятъ отправиться туда на границу дозволенной законами дистанціи съ ситцами, платками, пуговцами и иглоками, съ винами и водкою, чтобы съ достоинствомъ и выгодой принять на свое попеченіе „желтую пшеничку“ или краденный золотой песокъ. Если попадаютъ евреи на каторгу, приходятъ туда за убійство, то злодѣи эти бываютъ настоящие и на каторгѣ остаются непримиримыми.

Относительно перевоспитанія еврея въ сибиряка замѣчено, что торговая изворотливость, давая возможность пріобрѣтенія небольшихъ капиталовъ и обезпеченія добраго быта (который для сибиряковъ-евреевъ можно назвать погѣстнымъ), торговля, требующая ежечасныхъ сношеній — значительно пособила евреямъ обезличить собственную національность. Евреи въ Сибири одѣваются по русски, женщины ихъ въ чемъ не отличаются отъ сибирскихъ мѣщанокъ; по костюму, въ средѣ мѣстнаго населенія, они не представляютъ особенной группы. Только фивіонкія обособляютъ ихъ. Старики говорятъ по польски и по русски; поколѣніе, народившееся въ Сибири, не знаетъ польскаго и довольно смѣло въ русскомъ. Третье поколѣніе забываетъ и еврейскій языкъ и даже дома со своими непремѣнно говоритъ по русски. Прежде, изъ боязни кнута и всегда изъ интересовъ денежныхъ, евреи принимали православіе, хотя и убеждали въ сердцѣ любовь въ тамуду. Дѣти неопитовъ еще носили еврейскія имена, но для свѣта ннѣли уже русскія. Обычаяи отцовской вѣры таковыя охотно пренебрегаютъ и мало подсмѣиваются надъ ними. Въ четвертомъ, третьемъ поколѣніи неопита всѣ слѣды еврейства совершенно сглаживаются по тому же способу, какъ и въ дѣтяхъ перекрестей-солдатъ. Мѣры, принятія законодательствомъ для сибирскихъ евреевъ, принявшихъ христіанство, и состояща въ ослабленіи 8-нн-лѣтнаго срока пребыванія въ цѣхѣ слугъ до четырехъ лѣтъ, не произвели на евреевъ, поселившихся въ городахъ, благотворнаго дѣйствія относительно ихъ водворенія, но произвели его въ томъ отношеніи, что евреи спѣшили креститься. Крещеные не уживались у хозяевъ и вызвали новую мѣру, по силѣ кото-

*) Недавно (тридцать лѣтъ назадъ) въ Минскѣ дако было знать каинскою полиціею, что тамошніе евреи послали слятокъ золота, но что этотъ слятокъ — краденный.

ой всё таковые названы виновными въ разратномъ и непослушномъ поведеніи. Остававшіеся безъ пристанища должны быть отпращены изъ поселеніе.

Судя по архивнымъ дѣламъ и по наблюденіямъ сторожидловъ и начальства, смыльные изъ породцевъ финскаго племени, отличающіеся гримимъ характеромъ и крайнею неспособностью (въ особенности ослабные изъ Финляндіи), амѣтательны тѣмъ, что безропотно покоряются всей участи, какъ бы она ни была тяжела, и съ мѣсто водворенія никогда не бѣгутъ. За о инородцы болѣе жгучей крови и болѣе жного темперамента (каковы, напр., кавказскіе орцы) признають волю судьбы только до тѣхъ поръ, пока не истекъ каторжный срокъ. Но лишь только слыли съ нигъ кандалы, принявъ оски по родинѣ становится такъ силенъ, что жные инородцы бѣгутъ тотчасъ же. Насколько прочны и усидчивы на мѣстахъ поселенія рыкіе и блюкурные люди сѣвера, настолько мало поются къ поселенцамъ черноволосяе и статные йгуны съ южныхъ горъ *). Кочевниковъ (врогъ киргизъ, калмыковъ и татаръ) никакія яны не удерживаютъ на осѣдлыхъ поселеніяхъ и стремленіе въ степь, на свою волю, у нигъ двамъ ли не сильнѣе горской тоски. Поселенцы стъ поляковъ, по множеству крупныхъ архивныхъ дѣлъ, часто замѣшываются въ дѣланыя радминныхъ ассигнацій, приготовленіе которыхъ всегда оправдываютъ тѣмъ, что намѣревались возвратиться на родину и помочь въ той же дѣлѣ остальнымъ своимъ товарищамъ. Въ настреніи къ побѣгу шляхтичи и дворяне западныхъ губерній и царства Польскаго не оставались ни передъ какими препятствіями: бѣгутъ, напригѣръ, за китайскую границу, саую опасную и несадежду, но убѣгаютъ и въ йрону по сѣвернымъ тундрамъ, черезъ Швецію и Норвегію, а большая часть, заурядъ со воими, юндается въ опасное положеніе искателей прислуженій, во главѣ которыхъ стоить знаменитый своимъ походомъ охотскій герой Веньевскій, убитый въ Африкѣ, на островѣ Мадагаскарѣ (см. въ 3-мъ томѣ).

Русскіе раскольники отличаются на мѣстахъ поселеній стремленіемъ къ пропагандѣ своего членія (и не безъ принятнаго успѣха, блестящаго въ старыя времена, замѣтательнаго и въ новѣйшія). Даже и скопцы уловляли въ свои лѣти (судя по архивнымъ дѣламъ Нерчинскихъ саководовъ), и колоколы и дуборбцы находили жобъ слушателей и послѣдователей даже между таими въѣздившимися и холодными людьми, каковы

наши каторжные. Такъ по одному архивному дѣлу, намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ каторжныхъ „не шли къ священнику, говоря, что они дѣлають рукъ человеческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотять; работы же, какія по службѣ съ нигъ требованы будутъ, исполнять не отрекаются, и что они присягу игнють внутреннюю, а дѣлами рукъ человеческихъ называть св. евангеліе и животворящій крестъ, что они дѣланы руками“. По другому дѣлу видно, что нѣкто Ярошенко совратялъ многихъ служителей и смыльныхъ, „вольуясь Библию—книгою, дозволенною для чтенія смыльныхъ“. Одинъ изъ уклонившихся служителей Кухтинъ, когда тамошнія духовныя власти позвали его для увѣщанія, простеръ свою дерзость до того, что, не уважая святости мѣста, прошель по паперти собора, не снимая съ головы шапки и съ рукъ рукавиць. Въ томъ же самоъ видѣ явился и въ присутствіи духовнаго правленія передъ аерцою. На спросъ священника: почему онъ такъ поступаетъ? отвѣчалъ: „Вѣдь это есть писанное руками человека, а потому и не хочу снять предъ нимъ шапки и рукавиць“. Этого Кухтина судили военнымъ судомъ и велѣли прогнать два раза черезъ 500 человекъ. Въ пользу молоканства и дуборбчества замѣтна между вообще холодными въ вѣрѣ смыльными большая симпатія. На этикъ примѣратъ дѣло не останавливалось, а шло дальше. Нѣкто Кудрявцевъ подвелъ подъ судъ еще 8 человекъ служителей. Судъ обратилъ ихъ всѣхъ въ солдаты; служителя Суходолкина сослали въ Турухавскъ и велѣли поселить между некрещенными инородцами, какъ негоднаго къ службѣ по лѣтамъ (41 годъ). Одинъ изъ обращенныхъ въ молоканство смыльныхъ (Нероновъ) оторвалъ иконы „въ небытность никого въ церква“ и бросилъ ихъ на полъ; вошедшему дякону говорилъ: „Вотъ ваши боги идолы, которыхъ а побросалъ; поди, молись и, если они святые, то пусть встануть“. На судѣ показалъ, что все это говорилъ въ здоровомъ разсудкѣ. Наказаніе не вразумило. Нерчинскому начальству удалось уличить еще новыхъ совраченныхъ, изъ которыхъ одинъ расколотовъ на-двое икону носилъ въ сапогахъ подъ пятою. И снова судили одного, увѣрявшаго, что „въ церкви нѣтъ надобности“. Дуборбцевъ начали смсать въ Сибирь вскорѣ послѣ того, какъ эта секта сдѣлалась извѣстною властямъ. Въ 1799 году состоялся указъ, повелѣвающій смсать въ вѣчную каторжную работу изобличенныхъ въ дуборбческой ереси, „отвергающихъ высшую власть на землѣ“. Въ 1805 г. участь сосланныхъ была облегчена, въ одно время съ облегченіемъ такой же участи дуборбцевъ, находившихся въ Россіи. „Дуборбцамъ, сосланнымъ въ Сибирь, предоставляены были тѣ же права, которые даемъ поселеннымъ на Молочныхъ-Водахъ (Мелито-

*) Исключая армявъ, которые, подобно евреямъ, снмать украинтъ себя въ Сибири посредствомъ коммерческихъ путей и разносную жельскую торговлю вредпочитають сидячей; но главѣ 1828 года (28 декабря) остановилъ ихъ снмательность въ предѣлахъ той губерніи, въ которой они поселены.

польскаго уѣзда Таврической губ.), но не возвращая ихъ изъ Сибири въ Россію. До 1847 г. всѣхъ сектаторовъ ссылали, между прочимъ, и въ Минусинскій округъ, но, по донесеніи сенатора Толстого о томъ, что этотъ округъ лучший во всей Восточной Сибири и притомъ пограничный съ китайскимъ государствомъ, постановили (указомъ 18 апрѣля) ссылатъ скопцовъ въ Туруханскій край, а послѣдователей всѣхъ прочихъ сектъ въ Якутскую область.

Рыные изъ старообрядцевъ, приверженцевъ до-иконовскихъ книгъ и обычаевъ, поддѣлывая исторію ссылки весьма нерѣдкими случаями крайняго отшельничества, начинавшагося исканіемъ одиночества и сосредоточеннаго созерцанія гдѣ нибудь въ дѣсной пещерѣ и кончавшагося въ нерѣдкихъ случаяхъ собираніемъ маленькой слободки. Указанный нами примѣръ Гурія Васильева — въ Сибири не послѣдній. Политическіе и религіозныя убѣжденія ссыла не мѣняютъ; образъ поселенія и приемы, при этомъ употребляемые, не мѣняютъ оставаться при томъ же, что принесено въ замаскахъ изъ Россіи. Каторга на время тушитъ огонь, но пепелъ скопится. Впослѣдствіи, на поселеніи, огонь опять разгорается, а тушить его тамъ не умѣютъ.

Въ архивѣ нерчинскаго Волышкаго завода сохранился рассказъ о приключеніи 20-ти старообрядцевъ изъ уральскихъ казаковъ, сосланныхъ въ 1809 году на Нерчинскіе заводы. Казаки упрочно не соглашались получать казенное довольствіе и находиться на казенныхъ работахъ. Нѣкоторые изъ нихъ довели себя, такимъ образомъ, до крайней нищеты и, отказываясь отъ казеннаго пайка, предпочитали питаться милостынею. Принятые противъ этого строгія мѣры были не действительны. Сибирскій губернаторъ велѣлъ, при всякомъ случаѣ упроста, давать имъ по десяти ударовъ кнутомъ; но казаки все-таки продолжали говорить свое: „Мы требуемъ Государя Императора именнаго повелѣнія, почему мы безвинно посланы, но оно намъ не показывается; ваша воля, что хотите надъ нашими тѣлами, то и дѣлайте, однако же работать не будемъ до конца жизни“. Одинъ, истощенный голодомъ и „принеся съ собою малое количество хлѣба“, приговаривалъ: „Вудучи сосланы невинно, непремѣнно имѣю намѣреніе, хотя и лишиться жизни, но въ работѣ не быть“. Одного изъ казаковъ (Якова Красятова) за такое упрорство успѣли уже разъ наказывать плетью и два раза выбить кнутомъ; послѣдній разъ съ вырѣзаніемъ поздрей *) и постановленіемъ знаковъ. Точно также четыре раза наказаны были другой казакъ (Данило Лифановъ), а пя-

теро по два раза. Нѣкоторые подчинились, другіе упорствовали. Не зная, что съ ними дѣлать, остановились на той мѣрѣ, чтобы выдавать имъ провіантъ въ ограниченной дачѣ, достаточной только для поддержанія жизни, и учрежденъ былъ строжайшій надзоръ за тѣмъ, чтобы казаки ни отъ того со стороны не получали. Успѣха не было: казаки продолжали стоять на своемъ (какъ доносила нерчинская горная экспедиція Иркутскому гражданскому губернатору). Чѣмъ кончилось все это дѣло, по дѣламъ архива не видно.

Случай невинно сосланныхъ и гласно признаваемыхъ таковыми, конечно, большая рѣдкость въ сравненіи со всею массою осужденныхъ и мы не входимъ въ разборъ этого темнаго вопроса за неимѣніемъ данныхъ. Данные же тщательно скрываются, какъ особенный и величайшій секретъ. Кое-что, однако, извѣстно. Спераскій нашелъ въ Томскѣ поручика Козленскаго, который, лечась отъ ранъ или болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ въ ссылку. Другого сосланы подлячій изъ какой-то Шенгурской губерніи; нѣкую Крестину Яковлеву гнали уже въ ссылку за рижскую урожденку Редоко-Янъ. Н. О. Лаба, ревиловскій забайкальскій поселеніи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нашелъ, между прочимъ, такой беспорядокъ: иркутскій нижній земскій судъ заслалъ назначенныхъ на поселеніе въ Нерчинскіе заводы на каторгу. Между прочимъ изъ таковыхъ показана „женка Настасья Фалѣева въ 1802 году изъ дворянокъ, въ замужествѣ была за поручикомъ Имамаловскаго полка Кашниковымъ и, по смерти мужа, принята была Новгорода въ Духовъ монастырь бѣлицею и за самовольную отлучку изъ онаго на ночь въ гости, по гнѣву игумена того монастыря, отправлена въ здѣшніе заводы безъ наказанія“. Изъ 20 тому назадъ совершенно было какое-то важное преступленіе. Виновныхъ не нашли: по однимъ слухамъ они задобрили слѣдователя, по другимъ не отысканы по бездарности слѣдователей. Виновныхъ велѣно было разыскать во что бы то ни стало. Усердіе, возбужденное приказаніемъ, выразилось въ томъ, что схватили, судили, выбили кнутомъ и сослали въ Сибирь первыхъ встрѣчныхъ. Впослѣдствіи обнаружались настоящіе преступники: невинно-сосланныхъ возвратили. Тѣмъ, которые остались въ живыхъ, выдали за каждый удар кнута по сколько-то рублей; умершіе же такъ и отошли не расчитанными. Извѣстель лейтенантъ Боржсовъ, сосланный за разбитіе датскаго корвета якоремъ и за мужеложство, по протевціи прощенный потомъ; однако, не возвратился, говоря: „Законъ прислалъ въ Иркутскъ меня, зачѣмъ стану возвращаться въ другой какой либо городъ“. Въ Красноарскѣ въ кабакѣ убитъ былъ сидѣлецъ; его поднос-

*) Рвали поздри до костей особыми щипцами. На Нерчинскомъ заводѣ разъ щипцы эти оказались узки и коротки: налечь только съ трехъ приемовъ могъ кончить операцию. Старые щипцы велѣно замѣнить новыми и указано кое-какъ не бросать, а прятать.

чикъ мальчикъ въ ту ночь не вѣтевалъ дома. Его заподозривъ, онъ указалъ на дождь дяди, какъ на мѣсто своего ночлега; справка не подтвердила показанія, его били кнутомъ и переплавали черезъ Висей; онъ обернулся къ городу и выкричалъ клятву, что ни въ чемъ не повиненъ. Прошло довольно времени; въ Красноярскѣ поймали бродягъ-поджигателей и двое показали на себя убійство цѣловальника. Подносчика простыли, вернули, стали спрашивать, послѣ расчета по пяти руб. асс. за каждый напрасный ударъ кнутомъ, и узнали, что подносчикъ не указывалъ ночлега потому, что ночлегъ этотъ былъ въ домѣ купеческой дочки, на которую не указывалъ онъ, не желая ее срамить. Въ Оренбургѣ извѣстенъ былъ такой случай противоположнаго характера. Всѣмъ извѣстенъ былъ и у всѣхъ на почетѣ богатый купецъ, приговоренный въ каторгу и посланный туда вмѣсто себя другого. Въ Онегѣ имъ лично знали другого, считавшагося умершимъ. Въ Тобольскѣ живъ въ памяти случай възда въ тюремныя ворота, за партію ссыльнымъ, кареты и въ статейныхъ спискахъ указаніе на княгиню, ссылаемую за дѣтубійство; изъ кареты вышла на перекличку самая отчаянная неуклюжая баба. Княгиня, говорятъ, стала жить въ изгнаніи, но въ Швейцаріи.

Довольно извѣстна исторія одного такъ называемаго „Странника“. 28 августа 1835 года въ Твери взятъ былъ полиціею неизвѣстный человекъ, имѣвшій видъ богомольца. На вопросы онъ не отвѣчалъ ни слова, а только послѣ многихъ настояній рѣшился объявить, что три года назадъ получилъ благословеніе отъ родителей на странническую жизнь и вотъ съ тѣхъ поръ онъ ходитъ по разнымъ мѣстамъ на богомолье. Когда потребовали отъ него рукоприкладства, онъ такого дать не согласился и заявилъ, что даль обѣтъ Богу никому не открывать своей родины, имени и отчества, и потому отвѣчать будетъ только Богу, а не присутствію полиціи и уѣзднаго суда. Сенатъ, признавъ странника бродягою, умышленно скрывающимъ свое имя, происхожденіе и вѣдомство, опредѣлялъ наказать его, на точномъ основаніи 242, 243 и 399 ст. XV т. Св. Угол. Зак., при полиціи плетями 30-ю ударами и потомъ сослать въ Сибирь на поселеніе. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 12 марта 1836 года. Странникъ безмольный безпропитно и безотвѣтно перенесъ наказаніе и былъ водворенъ на жительство въ Висейской губерніи Ачинскаго уѣзда.

Восемнадцать лѣтъ прожилъ онъ тамъ забытымъ, глadioкровно перенося незаслуженное имъ наказаніе и именую себя странствующимъ въ мірѣ, идущимъ не здѣ предаваемаго града, но взыскающій грядущаго, во всякомъ случаѣ не ближе горняго Иерусалима. Теперь ему, из-

гнанию правды ради, и царство небесное не далече отстоитъ, какъ будто и дорога стала легче и пріятнѣе, по крайней мѣрѣ, вѣсто тумана впереди, обозначился просвѣтъ, явилась надежда увидѣть то, чего ищетъ. Онъ, по приходѣ на мѣсто поселенія, такъ и называлъ себя „Странникомъ“, не объявляя ни имени, ни отчества. Но такъ какъ, по понятію волостного правленія, безъ имени и овца баранъ, то, прислушавшись во мнѣнію сосѣдей, назвали его такъ, какъ назвали его эти сосѣди: Ивановъ Захаровичъ Спасовичъ, во имя пророка Іоанна Крестителя, сына Захаріина. Странникъ просившу такому не противорѣчить, шлгъ, молясь этому угоднику и стараясь подражать его страннической и постыической жизни. Нѣкоторыя некупленія, однако, показались ему не подъ силу; онъ долго боролся, боролся семь лѣтъ, но духъ не выдержалъ, терпѣніе его истощилось и онъ рѣшился открыть мѣсто своего пребыванія родной сестрѣ своей, коллежской ассесоршѣ В., которая не замедлила подать прошеніе московскому гражданскому губернатору въ февралѣ 1854. Изъ прошенія этого видно, что Странникъ—бывшій подпоручикъ А. 2-го Егерскаго полка, гдѣ занималъ должность квартирмейстера, казначея и адъютанта. Вышелъ въ отставку въ 1824 г., двадцати лѣтъ, проживалъ при родителяхъ въ мѣстнѣхъ Серпуховскаго и Мценскаго уѣздовъ. Онъ былъ довольно образованъ и зналъ хорошо языки нѣмецкій и французскій. Возникъ твердое намѣреніе оставить свѣтъ для странствій, пошелъ по монастырямъ и другимъ св. мѣстамъ Россіи. Странствуя въ 1832 и 1833 году, онъ былъ уже на пути въ Иерусалимъ, но, безмольствуя, въ г. Кашкинѣ навлекъ на себя подозрѣніе и былъ задержанъ. Однако, губернатору Аверину могъ еще представить указъ объ отставкѣ и согласился написать адресъ родителей. Его проводили во Мценскъ. Здѣшняя полиція немедленно освободила его, но почему-то сочла нужнымъ удержать нѣкоторыя изъ его бумагъ. Онъ вновь отправился странствовать уже безъ нихъ. Въ 1835 г. зашелъ на моленіе въ Тверь въ соборъ. Отсюда, какъ странникъ, былъ приглашенъ купцомъ Кудеровымъ въ его домъ пообѣдать. Придя туда, продолжалъ безмольствовать, чѣмъ разсердилъ купца и Кудеровъ не замедлилъ представить его въ полицію. Отсюда начались тѣ преслѣдованія, о прекращеніи которыхъ просила сестра. Московскій губернаторъ отнесся къ тверскому; тверское губернское правленіе, въ ноябрѣ 1855 г., черезъ уjurское волостное правленіе отобрало показаніе отъ Ивана Захарина Спасова, вытребовало документы изъ мценскаго земскаго суда, копію съ формуляра изъ инспекторскаго департамента военнаго министерства, отъ губернскихъ предводителей дворянства Московской и Орлов-

ской губернии свидения о родѣ дворянъ А., отъ сестры его черезъ серпуховскаго городничаго подробныя свиденія о братѣ. 17 опытныхъ чиновниковъ слыхали потеркъ А. по письмамъ отъ 1822 года съ потеркою на показаніи, данною въ Ужурской волости въ 1854 г. Получены были вконецъ удовлетворительныя свиденія изъ войскъ этихъ мѣстъ и отъ войскъ затронутыхъ лицъ. Дѣло въ апрѣлѣ 1856 года поступило въ сенатъ; въ февралѣ 1859 г. сенатъ рѣшилъ: отоставному подпоручику А., находившемуся подъ именемъ Ивана Захарова Спасова въ Енисейской губернии, предоставить возвратиться изъ Сибири. Но — по выраженію законодательницы Екатерины — лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного певняка казнить. При современныхъ гласныхъ и открытыхъ судахъ такія крупныя несчастія случаться не могутъ и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и сами сосыльные перестанутъ прибѣгать къ извѣстнымъ проповѣдямъ о томъ, что они совершенно неправду сосланы *).

Въ Сибири сосыльные еще продолжали проваживать такого рода операціи: осужденные на поселеніе мѣнялись именами съ каторжными за какое нибудь ничтожное вознагражденіе. Настоящій каторжникъ оставался на поселеніи, настоящій поселенецъ, по прибытіи на чужое мѣсто, открывалъ свое званіе. Точно также и поселенцы мѣнялись именами и провищанми между собою, когда одному приходилось идти не туда, куда было сподручѣе, а другому, безавѣтному бродягѣ, куда ни идти было все равно. Постановили: всякаго сосыльнаго, давшаго на прокатъ свое имя каторжному, оставить въ каторжной работѣ пять лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами розъ, прибавлять еще пять лѣтъ сверхъ срочныхъ. Объявившимся между собою именами поселенцевъ указано назначать на два года въ каторжныя заводскія работы. Относительно переѣзны именъ и происходящей оттого путаницы рассказы сибирскіе безчисленны. Что же касается до того, что весьма многіе поселенцы и каторжные и безъ переѣзны именъ въ былую недавнюю пору попадали туда, куда было имъ сподручѣе и желательнѣе, то это тоже не секретъ. Прежде въ приказѣ тобольскій (въ особенности въ первое время его существованія) откомандировывали для занятій тѣмъ же грамотныхъ каторжныхъ и за цѣлый мѣсяць усидчиваго писанія отдѣлывались гривною, двумя. За ту же гривну этотъ писарь съ удовольствіемъ отчислялъ собратіевъ туда, куда оны просятся; какого нибудь тюменскаго купца, угодившаго въ каторгу, писалъ на Успенскій винокуренный заводъ, находящійся

въ Тюменскомъ округѣ, и проч. Въ 1861 г. шелъ на заводы Енис. губ. каторжникъ изъ бродягъ Черниковъ. Дорогою переговарилъ онъ съ поселенцемъ Федоровымъ, шедшимъ на золотые прииски Рязановыхъ; стало такъ, что Черниковъ очутился на приискахъ, а Федоровъ на каторгѣ. Каторжники въ поселенческомъ званіи на работѣ не были; очень тяжело стало, сказавъ своимъ званіемъ. Подобнаго рода слухами полнится сибирская земля.

Съумѣли ли развѣшать сосыльныхъ поселенцевъ такъ, чтобы лѣсной житель не попадалъ въ степь (и наоборотъ) и, снуганный такою независимостью отъ него ошибкою, уходилъ въ лѣсъ съ волчьимъ паспортомъ по чужой вѣтѣ? Изучилъ ли приказъ вѣренную его дозору и попеченію Сибирь, чтобы ахать, гдѣ ей надобится больше всего люди такія-то аванія, такого-то ремесла? Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что цѣль распорядженія приказа меньше всего карательная и значеніе поселеній, столь существенно важныхъ для Сибири въ другихъ случаяхъ, должно пониматься такъ, какъ желаетъ Сибирь и указываютъ различными способами сами сосыльные поселенцы. Сколько ушло въ Сибирь всякаго рода ремесленниковъ и порядко мастеровъ замѣчательныхъ. Приказъ знаетъ, по фальшивымъ монетамъ, бумажкамъ и печатямъ, какіе искусные граверы попадають въ число сосыльныхъ и часто въ тѣ мѣста, гдѣ и безъ нихъ этому промыслу дано нѣкоторое развитіе. Мы видѣли въ цифрѣ, составляющей самизъ приказомъ, какъ много поставлено имъ ремесленниковъ въ Тобольскую губ., находящуюся въ этомъ отношеніи гораздо въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ, наприм., Томская. Тобольская ближе къ Россіи и ее захватываетъ огромная дуга отхожихъ промысловъ, издавна и до нашего времени направляющихъ сюда свою дѣятельность изъ лѣсной Россіи (напр., губ. Костромской, Ярославской, Вятской и даже Тверской). Если сосыльный бонята объявить при спросѣ за собою ремесло и искусство, то изъ собственныхъ расчетовъ; если самъ приказъ недостаточно опытенъ, чтобы самому открывать секреты аванія каждаго изъ сосыльныхъ, если онъ удовлетворялся такими глупыми показаніями въ статейныхъ спискахъ, что въ такой-то къ такому-то сословию принадлежалъ (и только) и имѣетъ такіа-то примѣты (по которымъ ни одного не отличишь отъ другого)—то кто виноватъ во всѣхъ этихъ неясностяхъ, невѣрностяхъ, неточностяхъ и путаницахъ? Сибирь ощущаетъ сильнѣйшій недостатокъ въ опытныхъ рабочихъ и, напр., въ дѣлѣ плотничества руководится мастерами изъ солдатъ и приходичино изъ далекой Россіи (какова, между прочими, Костромская губ.). Ремесленниковъ вовсе нѣтъ и крестьяне самыя необходимыя вещи въ хозяйствѣ, не выучившись приготавливать дома, полу-

*) Между тѣмъ тобольскій приказъ въ партияхъ, приходившихъ изъ Россіи на поселеніе, находилъ очень нерѣдко рѣшительныхъ дураковъ, идіотовъ.

платить готовыми. Изъ Куягура привозят сапоги; съ Нижегородской и Ирбитской армяковъ готовое платье въ видѣ армяковъ и тѣхъ же сибирокъ; модное платье—изъ Москвы; сибирскіе мѣха, выдѣланные въ Москвѣ, везутъ обратно въ Сибирь на продажу. Даже желѣзные и мѣдные и стеклянные товары — преимущественный сибирскій продуктъ — привозятся съ заводовъ около Нижняго и отчасти съ уральскихъ. Голландскою саженою, санидаромъ, сѣрною и соляною кислотами Сибирь, богатая гѣсомъ и ископаемыми химическими матеріалами, довольствуется изъ Россіи, и проч. и проч. При этихъ условіяхъ, смыслный ремесленникъ и русскій промышленникъ безслѣдно гложутъ и исчезаютъ въ Сибирь, со всѣмъ своимъ досужествомъ и аніаніи, только потому, что ихъ распределяютъ зря, одиночками, не группируя въ артели въ необходимыхъ мѣстахъ и утѣшаясь только какими-то приврачными цехомъ какихъ-то слугъ, который только и оставался на бумагѣ. Между тѣмъ, сибирскіе сторожилы видятъ одесскаго матроса въ Кургагѣ, а не на Байкагѣ, повара въ Березовѣ, а не въ Томскѣ, Красноарскѣ, Енисейскѣ или Варнаулѣ, гдѣ испововъ-вѣку задавались роскошныя лукулловскіе пиры. Херсонскій стеникъ ума не приложить въ дремучей туринской тайгѣ. Вятскій отличный хозяинъ, всю жизнь отбивавшій у гѣса поля и луга, сидитъ на Барабинской степи, гдѣ такъ хорошо было ископаннымъ ямцикамъ и извозчикамъ. Лакей бродитъ безъ дѣла по Пелыму, пока послѣ долгихъ исканій не выучился торговать и обманывать остиковъ, вогуловъ и самоѣдовъ. Тѣ самые смыслные, которыхъ самъ приказъ назначалъ въ дѣхъ слугъ, бродили изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, отъ одного хозяина къ другому, и при этомъ искусственно создаваемые слуги—самые невѣрные, самые неспособные и самые несчастные люди.

Отъ всей этой путаницы возрастаетъ, постепенно увеличиваясь, та громадная масса движущагося вдоль и поперекъ всей Сибири кочевого населенія бродягъ, которая, какъ саранча, временами поѣдаетъ, временами глушитъ свѣжіе всходы молодой страны, достойной лучшей участи. Въдъ въ Сибирь не даромъ тянутся и до сихъ поръ вольные переселенцы и поселенцы съ доволительными свидѣтельствами. Не даромъ люди, обязанные распечатывать и читать поселенческія письма, говорятъ про безконечныя похвалы этой странѣ, расточаемыя на соблазнъ и на уговоръ родныхъ, оставшихся въ Россіи, чтобы шли сюда, въ эту страну, гдѣ рѣдко урожай не бываетъ самъ—15 и поля не отдыхаютъ года по 3, по 4 даже въ Енисейскомъ округѣ (не говоря о странахъ прѣ—врытскихъ, мивусинскихъ, забайкальскихъ и иркутскихъ, гдѣ даже коренные инородцы стали превращаться въ земледѣльцевъ). Не даромъ же сторожилы,

питающіе зло противъ бѣглыхъ и каторжннхъ, на вопросъ бродяги: „Нѣтъ ли работы?“—отвѣчаютъ коротко и ясно: „Иди въ кладовую—и выбирай по рукѣ либо серги, либо литовку“. Такимъ образомъ, бѣглые, смѣло укрывшіеся и ловко спрятанные, платятъ гѣсъ въ городахъ и селлахъ, правятъ всякую поденщину на заплатахъ, окашиваютъ роскошныя сибирскія степи, помогаютъ сибирскимъ крестьянамъ убираться съ пашнями и сѣнокосомъ. За одно только укрывательство, за парную баньку, кирпичный чай, за объѣды отъ стола и обноски изъ стараго платья, работаетъ не только поселенецъ, но и каторжннхъ. Между тѣмъ, страна все-таки отъ поселенцевъ несчастна. Несчастны въ ней и сами поселенцы, но несчастіе всѣхъ изъ нихъ тотъ небольшой разрядъ, который пользуется у всѣхъ сибиряковъ и даже у самихъ поселенцевъ полнѣйшимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Это—палачи. Преступники, которымъ судъ и судья судили поселенецъ, но которые, по доброй волѣ и по вызову, рѣшились на извѣстное мастерство, въ расчетѣ на лучшую участь. Согласіе ихъ избавило отъ плетей, служба освободила отъ тѣлеснаго наказанія; особая школа выучила владѣть орудіемъ наказанія. Такое искусство у нѣкоторыхъ мастеровъ доведено было нѣкогда до такого совершенства, что они могли по произволу и разрѣзать, какъ острою бритвою, листъ бумаги и такъ подхватить кнутъ, пушенный со всего размаха, что подставленный листъ бумаги оставался невредимымъ. По закону, если кто изъ поселенцевъ не соглашался идти въ палачи, то губерскимъ правленіемъ предоставлено право опредѣлять въ эту должность: или жредей, приговоренныхъ къ отдачѣ въ арестантскія роты, но ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ. Впрочемъ, послѣдніе случаи представляють значительную рѣдкость и въ законахъ можно считать это дозволеніе остаткомъ стариннаго законодательства, внесеннымъ въ новое лишь про всякой случай. Въ Удоеминъ велѣно въ палачи на Москвѣ прибирать изъ вольныхъ людей за поруками, а жалованье общими давать изъ государевой казны; въ городахъ выбирать палачей указано съ посадовъ и съ уѣздовъ съ сохъ, съ дворцовыхъ и черныхъ волостей и со всякихъ сошныхъ людей. Избиратели давали подписки (но неохотно). Палачи присагать должны; сошныя люди отъ выборовъ отказались; ихъ принуждали штрафами. Охотниковъ явилось мало. Царь Федоръ (въ 1680 г.) соблазнялъ жалованьемъ по 4 руб. челобѣку, но въ слѣдующемъ же году принуждены были бояре приговорить: послать грамоты къ воеводамъ, чтобы они въ заплечные мастера брали изъ посадскихъ людей (не насильно), а тѣхъ, которые „волею своею въ тое службу быти похотятъ“. Советовали посадскихъ и сошныхъ людей заставить выбрать изъ самыхъ молод-

ить или изъ глумящихъ людей, чтобы во всякомъ городѣ безъ палачей не были. Воеводы и дѣло жаквались, что въ палачи охочихъ людей не находится или выбранные принуждены убѣгаютъ. Въ прошломъ вѣкѣ жалобы эти стали. Сенатскіе указы (вродѣ указа 10 мая 1749 г.) стали настолько требовательнымъ, что на каждую губернскую канцелярію потребовали уже по два палача. Съ 1788 года истребленіе и жалованья не полагалось, а потому давалось солдатское (за платье и за хлѣбъ по руб. 95 коп. въ годъ). Въ этотъ вѣкъ на нихъ объявилось большое требованіе и крупный спросъ. Въ первую половину его заплечные мастера ишли большіе заработки и получали мучные заказы, когда—по народному, сильно распространенному преданію—в воду съкам гудомъ, если деревца она отъ вѣтровъ затѣмъ возмущеніе. По свидѣтельству знаменитаго писателя Мордвинова, когда „для 20 ударовъ тутъ потребенъ былъ дѣльный часъ, а при множественности ударовъ наказанія продолжалось съ восходящаго до заходящаго солнца“,—платили по десяти тысячъ рублей, чтобы не мучить или менѣе мучительнымъ сдѣлать наказание“. (См. Чтеніе Общ. Ист. и Древн. Росс. 869 г. книга четвертая). Становился въ заплечные мастера какойнибудь забудыга, безалабная голова, замалавишійся либо до казни, либо до ссылки. Вѣдомому вору оставался одинъ ходъ—„встать въ палачи за свои вѣны“. Раніе это патнало позоромъ передъ лицомъ народа, но оправдало передъ властями.

Палачъ, находящійся на службѣ и живущій обыкновенно въ острогѣ при гаунтвахтѣ (въ жобѣ помѣщеніи), пользуется полнѣйшимъ уваженіемъ всѣхъ арестантовъ. При встрѣчѣ съ нимъ съхватываются съ бритыхъ головъ шанки; то зовутъ не иначе, какъ по имени и по отчеству. Изъ фамиліи, какъ историческія имена, ходятъ въ потомство. Въ честь московскаго князя Варламова всѣ послѣдующіе заплечные мастера, поступившіе въ это званіе изъ непомощныхъ родства, предпочитаютъ выбрать себѣ ту фамилію (по Сибири большая часть палачей Варламовы, гдѣкогда всѣ палачи были Варламовы). Если про себя позволяютъ еще себѣ мастерамъ обмывать мастеровъ полуименемъ Широшка, извѣстный палачъ петербургскій, отсюда и кривошанка кобыла—мѣсто казни на нихъ современнымъ мазуриковъ, Изоська—сибирскій, Криворотый и проч.), то въ глаза палачу оказывается такое почтеніе отъ всѣхъ арестантовъ, что люди эти успѣваютъ забаловаться до высокаго мѣрннн о себѣ, на манеръ сподожки кучеровъ и столичныхъ швейцарей. Палачъ передъ начальствомъ всегда чѣмъ-то недоволенъ, всегда на чтонибудь жалуется чегонибудь просить, какъ обязательной лоты. Между тѣмъ, на палача удѣляется арестантская артель изъ пожертвованнаго и благопріобрѣтеннаго все: булки, чай, сахаръ, вино и проч. Сверхъ того, въ хорошо организованной тюрьмѣ на палача отъ арестантской общины полагается по полтиннику въ мѣсяцъ за каждаго наказуемаго. Часть тѣхъ денегъ, которые бросаетъ народъ на одежду наказуемому, удѣляется также палачу подъ особымъ именемъ „рогожки, полурогожки“ и проч. Сердечный сердцемъ палачъ (каковыми, по опыту ссыльныхъ, бывають солдаты и пововичи: „кромать и ломать безъ зазубннн совѣсти“), сверхъ обусловленнаго обычаемъ, старается вымогать.

Вообще, палачамъ деньги доставались легко; палачу стоило пройти по базару, напрямѣръ, на пути къ мѣсту наказанія, чтобы всякій крестьянинъ далъ ему грошъ или пятакъ, какъ бы въ видѣ задатка и по приказу пословицы, повелѣвающей отъ тюрьмы и отъ сумы не отказываться, и по требованію самого палача, сказывавшаго у каждаго вога: „Давайте кату плату“!

Если приходится наказывать коголибо изъ почетныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, изъ артельныхъ любимцевъ, тотъ же староста или самъ приговоренный шелъ по казармамъ съ „нижнимъ кружкомъ“ (первою подвернувшимся подъ руку посудинамъ) и собиралъ. Сборъ такой называется „подаркомъ почетнымъ старожилонъ“. Вообще, отъ этихъ подарковъ палачамъ жалось хорошо: люди эти на большую половину свою хорошо откормленные, сытые, жирные, толсто-рожіе; хорошо высыпаются, хорошо отгуливаются, хотя и подъ конвоемъ, и вообще, пользуются хорошимъ здоровьемъ. Единственная болѣзнь, на которую они чаще всего жалуются,—полнокровіе, приливъ крови; единственный недугъ, который они испытываютъ—тоска и скука.

Многіе серьезно жалуются на то, что имъ не даютъ работы. Бережливые успѣвають даже накопить достаточное количество денегъ. Во всякомъ случаѣ, по окончаніи срока службы, если палачей, вообще очень наклонныхъ къ побѣгу, успѣли удержать и не выпустить на волю, они выходятъ на волю и деньгами могли бы начинать тамъ болѣе обезпеченную жизнь; но дѣло въ томъ, что отливается волку овечьи слезы.

Поселенные въ волостяхъ на правахъ государственныхъ крестьянъ, палачи—самые несчастные люди не только въ мѣстѣхъ Тобольской губерніи, гдѣ выдумали было селить ихъ кучкою, но и повсюду. Изъ волости не дозволяютъ имъ выходить. Взрослые сосѣди-крестьяне глумились раздѣлать съ ними кусокъ хлѣба, посадить ихъ за столъ; женщинамъ болелись подѣлаться съ ними хозяйственнымъ запасомъ, считая прискорбленіе ихъ руки оскверненіемъ, взглядъ, брошенный на нихъ, несчастнымъ, требующимъ особаго очищенія и молитвы Ивану

Вонну *). Мальчишки не упустили на улицах случая, чтобы не отравить проходящего прохожего из палачей. Ни купить, ни продать бывшие палачи ничего не могли, и самая жизнь их на воле являлась хуже каторжной. Некоторые сознательно бьются и въ бѣгъ дѣлали преступленія исключительно и намеренно для того только, чтобы попасть именно на каторгу. Только тамъ они еще могли избѣгать крайней степени позора **). Уставали немного, но ни одинъ еще изъ палачей не женился на сибирячкѣ. Члены экспедицій, въ концѣ 60-хъ годовъ снаряженной сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества въ Туруханскій край, нашли тамъ русскихъ поселенцевъ отунгузинскими. Отцы этихъ метисовъ были русскіе люди, матери — тулунгаки. Большая часть потомковъ носятъ фамилію Вархатовыхъ; все это потомки палачей, приходящихъ изъ бѣговъ съ волчьимъ именемъ и называющихся фамилією знаменитаго московскаго кѣта.

Случаются, впрочемъ, въ Сибири и другого рода явленія. Въ Сибири указываютъ на множество смышленыхъ, которые успѣли сдѣлаться крупными богачами ***). Самый рѣзкій образецъ тому представляетъ Петръ Кандиискій, крестьянинъ, сосланный въ каторжную работу на Нерчинскіе рудники, успѣвшій жениться и тамъ, выйдя на пропитаніе, начать маленькую торговлю офенскимъ способомъ коробейника. Поселился онъ на Шилкѣ въ страшныхъ трущобахъ и близъ большаго горъ, наз. Ворцовскихъ хребтомъ. Семейство его очень разбогатѣло: въ 50 лѣтъ дѣтми и внуками его, до 60-ти человекъ, населилась цѣлая слобода Вякина, съ церковью каменныхъ и благогошно украшенною. Петръ Кандиискій началъ наживать значительное состояніе, послѣ офенства, хлѣбомъ торговлею въ этомъ въ то время скудномъ краѣ, жители котораго постоянно звѣрвали и полей не пахали; хлѣбъ имѣлъ постоянную цѣну. Выигнѣ его у крестьянъ на звѣриныя шкуры позволило Кандиискому заняться торговлею пушнымъ товаромъ и завести дѣла въ г. Нерчинскѣ по 2 галдін, а потомъ записаться и въ Катѣ по первой. Солныные казенные подряды увеличили еще болѣе состояніе его; хлѣбопашество производилось на добрыхъ лошадей хорошиими работниками и слугами, да-

вало сильныя и вѣрныя угрозы, когда у дѣтми были постоянныя неудачи. Кандиискіе (успѣхомъ развели посѣвы гималайскаго ячменя игнѣли непосредственное вліяніе на цѣнность хлѣба во всемъ заводскомъ округѣ и, при надежѣ къ сословію заводскихъ крестьянъ отбывали легко и свободно повинности по к. печеству и крестьянству. Губернаторовъ и успѣли встрѣчать на рѣкѣ Шилкѣ, на противъ положенномъ берегу противъ Вякина на огромныхъ лодкахъ, украшенныхъ коврами, самъ убѣленные сѣдинами, въ длинныхъ кафтаны и съ медалями. Принимали въ домѣ вродъ старинныхъ барскихъ палатъ, пралѣпленныи въ цокаль отъѣсной горы, съ балкономъ и террасою, утвержденною на столбахъ и высаясь надъ водою рѣки Шилки. Лѣтъ 50 тому назадъ не было хозяина, который не былъ бы долженъ Кандиискимъ, не было товара, который бы выходилъ изъ этихъ складовъ. Когда заводскіе крестьяне перенесовали въ казаконъ и, д. восполненія ихъ новому быту, развѣрили и не платить старыхъ долговъ, домъ Кандиискии былъ сильно потрясенъ и быстро пошелъ и паденію на мѣстѣ. Однако, они совершенно и обанкрутились. Правнуки Петра продолжали вести торговлю не только за Байкаломъ и в Амурѣ, но и въ Россіи (въ Москвѣ), и продолжаютъ пользоваться честнымъ именемъ и коммерческимъ довѣріемъ. Конечно, теперь далеко не то, потому что и сыновьямъ Петра, Хра санфу и Алемсію, досталось до 5-ти миллионъ оборотнаго капитала, приобрѣтеніе, которое ждетъ своего историка и пролетѣтъ много характерна свѣта на состояніе всего Забайкальскаго края. Въ первой половинѣ XIX столѣтія Кандиискии были царями всего обширнаго края.

Образецъ подобнаго рода не послѣдній: почти на каждомъ рудникѣ, почти при каждомъ и водѣ найдется не одинъ каторжный, торгующій съ мордочнымъ капиталомъ. Дѣти ихъ пользуются уже всѣми правами людей свободнаго и стоянія. Не возвращаясь въ Россію, они служатъ прочнымъ фундаментомъ для основанія мѣстнаго купеческаго сословія, у котораго впереди такъ блестящая будущность и отъ котораго страши въ правѣ ожидать большого подспорья и дѣятельной помощи на промышленное шествіе вперед. Этихъ людей гнѣтъ отдовъ и дѣловъ даже отпущены и сосѣдями не вспоминаются. Свободнымъ и прямымъ путемъ покезанныхъ дѣятелей они становятся безразличными въ массѣ и в второмъ поколѣніи уже являются звеньями в той цѣпи, которую образуютъ коренные жители такъ называемые сибирскіе старожилы.

Изъ европейскихъ путешественниковъ Смирновъ посѣтилъ около Каяска смышленаго, который сынъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, нашелъ въ дѣльцемъ богатаго игнѣли и обширнаго хозяйства, для веденія котораго онъ употребилъ

*) Св. Ивана Вонна, какъ известно, чуть и арестанты и изображеніе этого угодника въ рѣдкѣ сибирской тюрьмѣ не висѣтъ въ почетномъ, правомъ отъ входа угла.

**) Тобольскій палачъ, напр., убилъ собственную жену и тогда сдѣлался ссыльно-каторжнымъ. Въ Нерчинскомъ заводѣ, въ квартирѣ должностнаго палача, нашли три трупа, игнѣ приговоренныхъ.

***) Между тѣмъ, поселенцамъ не дозволено производить развѣдокъ золотыхъ приисковъ и люди эти теперь пока участвуютъ въ дѣлахъ на чужое имя.

140 работников. Урманъ знали другого, изъ Новгородской губерши, домъ и хозяйство котораго съ одиннадцатью работниками и работницами представляли кѣто образцовое и заслуживающее изученiя: рогатый скотъ и лошади погнѣвались въ крытыхъ сараяхъ и для сѣна, которое привозилось за 20 верстъ съ нижне-ныткѣ, обильныхъ травой острововъ Лены. Этотъ семейный получалъ превосходный урожай ржи, ячменя, капусты и рѣпы. Превосходный птичникъ находился въ людской. Семейный жилъ богатымъ помѣщикомъ.

Политическiе изгнанники и семейные нерѣдко бывали благодѣтелями кѣтъ странъ, въ которыя приводила ихъ судьба. Французскiе изгнанники при Людовикѣ XIV основали въ Англіи фабрики шелковыхъ нѣдѣй; другая партія научила саксонцевъ выдѣлывать сукна и шпаны, составлявшiя до того времени монополію Франціи; третья на мысѣ Доброй Надежды разреши виноградъ. У насъ, князь В. В. Голицынъ, любимецъ царицы Софіи Алексѣевны, сосланный въ Пинегу, разреши тамъ лошадей, до сихъ поръ извѣстныхъ подъ именемъ „мезенокъ“. Меншиковы устроили въ Березовѣ богадѣльню, первую въ Сибирѣ; баронъ Мендентъ, сосланный въ 1742 году, съ 4 членами своего семейства, завелъ въ дикомъ Нововолынскѣ коровъ и лошадей, снабжалъ тучней различными товарами, приобретаемыми имъ въ Якутскѣ. Тогда же сосланный Ивашкинъ обучалъ дѣтей въ Камчаткѣ, и проч.

Сибирь, отъ ссылки государственныхъ людей, политическiхъ преступниковъ и другого грамотнаго люда, выиграла въ томъ, что въ ней всѣ классы народонаселенiя гораздо развитѣе, свободнѣе, способнѣе и образованнѣе соответствующихъ имъ классовъ во многихъ другихъ частяхъ Россіи. Политическiе семейные пользовались всеми возможными облегченiями; старожилы не встрѣчали ихъ съ недоброуміемъ, а ссылаемые на житье пользовались значительною долею свободы для приобщенiя къ дѣлу своихъ знаний, способностей и плодовъ образованiя. Они имѣли право селиться обществами, изъ которыхъ и распространялась образованность. Начало этому дѣлу положено еще во времена Петра Великаго. Баронъ Страленбергъ, одинъ изъ шведскiхъ офицеровъ, взявъ въ сраженiи подъ Полтавою, въѣхавъ съ товарищами своими, принесъ въ Восточную Сибирь ремесла Европы. Имъ основаны тамъ первыя училища. Фридрихъ фонъ-Врель (изъ секты піетистовъ), адъютантъ Михаэлисъ Шлегель и пасторъ Габерманъ основали, въ 1715 году, въ Tobolskѣ школу для единовѣрцевъ, а потомъ и для дѣтей русскіхъ (въ 1719 году въ школѣ обучалось 96 мальчиковъ). Предпріятіе вызвало сочувствіе въ Кирогѣ и знаменитый профессоръ Франке собралъ за границею по подпискѣ, въ пользу этой школы, до 5.000 рублей изъ тогдашнихъ русскіхъ деньги.

Когда Нантадскій миръ возвратилъ всѣхъ пѣннъ въ отечество, школа прекратилась, но въ это время существовала уже другая школа, основанная ральне пѣмецкой (въ 1707 году) митрополитомъ Филосеемъ Леонидскимъ, которая впоследствии превратилась въ семинарію. Изъ нее до сихъ поръ выходятъ не только духовныя лица, но и чиновники.

Приѣзды шведовъ были для Сибири только первыми по счету, но громадную услугу привнесло оказаніе странѣ поддѣйными дѣятелями, труды которыхъ и въ наши дни продолжаютъ быть благотворными. Сибирь знаетъ и благославляетъ имена своихъ учителей, особенно много подвинувшихъ страну на пути образованiя во второй четверти текущаго столѣтія. По Сибири слишкомъ живы и ясны слѣды этихъ дѣятелей и они настолько значительны, что не можетъ быть въ томъ и тѣни сомнѣнiя.

Возвращаемся назадъ для нѣсколькихъ заключительныхъ словъ.

Всѣхъ сибирскихъ поселенцевъ не обеспечено въ достаточной и надлежащей степени: поселенцы, неправильно и непрочно водворяемые, оставляютъ мѣста и бродятъ. Въ бродяжествѣ, увлекаемые нуждою и случайностями, зачастую добиваются тѣхъ правъ: дѣлаются каторжными. Въ то же время каторжные, прикрываясь оригинальнымъ званіемъ непопавшихъ родства, становятся поселенцами. Когда, такимъ образомъ, уловки доставляютъ случаи къ частной и полевой жизни, истинное право остается таковымъ только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ является въ формѣ самаго грустнаго и очевиднаго обмана. Дѣйствительныя, живыя силы сибирскаго люда въ надежной мѣрѣ не вызваны и значеніе карательныхъ мѣръ не опредѣлено въ той степени, чтобы выисканіе уже не мѣшало другой задачѣ ссылки, существовавшей для молодой и мало-развитой страны, именно—колониализація ея. Экономическiй капиталъ настолько великъ, что могъ бы залечить многія раны, а теперь, представляя только крупное казенное сбереженіе коренной переработкѣ тюремнаго и сибирскаго дѣла, становится далеко недостаточнымъ. Способъ надзора не приведенъ въ правильную систему и при постоянной апатіи дѣятельности возобудается только порывами и строгостями, а потому и не произойшо желанныхъ плодовъ. Выросшія племена продолжаютъ расти подъ защитою равнодушія. Словомъ, исправленiя производятся на поверхности, тогда какъ середина и корень продолжаютъ гнить и болѣть серьезными болѣзнями. Между тѣмъ, наука ушла впередъ и даже теперь, когда еще не произведено внимательнаго и надлежащаго діагноза, новыя приемы лекарствъ успѣли показать ихъ состоятельность и нѣкоторую близость къ настоящимъ специфическимъ средствамъ. Заботы объ улучшенiи тюремъ, вызванныя измѣненіемъ

судопроизводства, получили фактическое начало, выразившееся в устройстве тюрем по европейским образцам, в изыскании способов препровождения ссыльных в Сибирь. Теперь на очереди вопрос о самой ссылке и способе ее применения.

В Сибирь условия хозяйственного быта находятся именно в тех отношениях, которые наиболее всего благоприятствуют коренной и прочной осёдлости, сильно способствуют наилучшему водворению. Оно нигде не отстало бы от образцов, представляемых Америкой, если бы давались уступки народным требованиям и не затрудняли бюрократическая толкостя и многочисленными формальностями, излишняя подозрительность и боязнь присутствия опасностей там, где отъ всего наименее влияют мѣсто.

Уроки прошлого не проходят даромъ, разъ затѣянные преобразования не могли остаться на полпути. Этакий способ препровождения ссыльных, возбуждивший справедливое негодование и вызвавший стремления къ отмене и улучшениямъ, не перестаетъ поддерживать самое сосредоточенное внимание со стороны министерства, которому вѣрено поначалу о ссыльных. Съ каждымъ годомъ мы наталкиваемся на измѣненія и улучшения, сумма которыхъ наводила за нами обязательство добавить въ заключение еще слѣдующія строки.

Десятокъ лѣтъ, которыя въ эпоху преобразований не проходятъ даромъ, на этотъ разъ въ специальномъ вопросѣ, насъ занимающемъ, не остались безъ пригѣтнаго слѣда. Гуманныя стремления, вызываемыя сознаниемъ собственныхъ недостатковъ, успѣли на практикѣ отразиться крупными задатками надеждъ на дальнейшій усовершенствованіи вперед и объявиться въ крупныхъ чертахъ благоприятныхъ результатовъ. Разчеты, вытекшіе изъ частаго и вѣрнаго источника и подчиненные строгой повѣркѣ, оправдались съ такимъ успѣхомъ, что заявление объ нихъ мы считаемъ для себя прямымъ и приятнымъ долгомъ.

Сѣти желѣзныхъ дорогъ, прорѣзающія Россію въ различныхъ направленіяхъ, успѣли облегчить движеніе пересыльных и ссыльныхъ партій внутри имперіи. Южными дорогами министерство внутреннихъ дѣлъ успѣло уже обезпечиться, чтобы доставлять ссыльныхъ въ Одессу на пароходахъ Добровольнаго флота для доставки ихъ на островъ Сахалинъ.

Отъ Нижняго до Ачинска еще въ 1865 г. установлена была перевозка зимою на подводахъ, а весной и лѣтомъ на пароходахъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, по желѣзной дорогѣ отъ Перми до Тюмени, а дальѣ опять на пароходахъ по рѣкамъ сибирскимъ до Томска и снова на подводахъ до Ачинска. Когда онѣ

показалъ дороговизну перевозки подводами и огромные расходы при заготовкѣ зимней одежды—зимній способъ бытъ оставленъ. Осужденныхъ стали оставлять до лѣтнаго времени въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они приговорены въ ссылку, или сгруппировывали въ болѣе центральныхъ мѣстностяхъ по главному ссыльному тракту. Пунктами этими назначены: Орелъ, Москва, Нижній, Казань, Пермь, Тюмень, Томскъ и проч. Здѣсь устроены были центральныя тюрьмы экономическимъ способомъ изъ готовыхъ зданій, за исключеніемъ Томска, гдѣ введено было новое тюремное зданіе. Въ остальныхъ городахъ послужили для этой цѣли зданія арестантскихъ ротъ. Въ Москвѣ и Тюмени построены новыя тюрьмы. Сбереженія отъ различныхъ денежныхъ сокращеній обезпечили возможность для министерства постройки этихъ зданій круговымъ возвратомъ суммъ, истрачивавшихся прежде на ненужные вылишки. Сократилось путевое довольствіе, прекратилась выдача прогоновъ на пространство между Нижнимъ и Пермью, уменьшились издержки на заготовку зимней одежды*), отъ сокращенія конвойныхъ командъ съ 40 на 8 на пространство отъ Нижняго до Томска и отъ упраздненія этапныхъ зданій на этомъ пространстве**). Солидная цифра 800 тысячъ руб. сбереженія перваго года предупредила и отвратила, сверхъ того, издержки цѣлаго милліона на этапъ, если бы они существовали здѣсь въ томъ же числѣ и въ такомъ же разрушенномъ видѣ.

Въ настоящее время эти гуманныя цѣли преслѣдуются среди такой обстановки: передвиженіе по рѣкамъ на баржахъ обезпечено обязательствомъ пароходовладельцевъ.

Устройство этихъ баржъ вызвало справедливую похвалу, какъ соблюденію условий гигиены, такъ и способу безопаснаго препровожденія.

Въ Тюмени арестантскія партіи садятся на баржи, бурсирующія пароходами, по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Тами обыкновенно въ теченіи 20 дней.

Въ настоящее время опытъ указалъ на удобство внутренняго устройства при тѣхъ условіяхъ, которыми и въ настоящее время строго соблюдаются. Внутри баржъ устроены три отдѣленія съ нарами въ два яруса, на которыхъ свободно помѣщается человѣкъ высокаго роста. Для каждаго назначено отъ 5¼—2½ аршинъ въ длину и не менѣе одного аршина въ ширину. Свѣтъ и воздухъ проникаютъ въ отверстія, въ ненастную погоду закрываемыя стеклянными ра-

*) Выдавали мужчинамъ рукавицы съ варежками, полушубки, шаровары и теплую шапку; женщинамъ—суконныя юбки, шубы, тѣ же рукавицы съ варежками и теплый картузъ на голову. Тѣмъ и другимъ, взаимѣнъ котомъ и портянокъ, валенокъ и суконныя ошуби.

***) Оставлены только тѣ части этапныхъ зданій, которыя оказались удобными для помѣщенія арестантовъ; прочія проданы съ торговъ.

мамя. Вентиляція провадиться через деревянныя трубы, выведенныя на палубу. На палубѣ каюты для офицера, гражданского чиновника и врача, соотвѣствующихъ партіямъ. Тамъ же каюты для конвоя, больнымъ и для кухонь, а внутри баржи—два отдѣльныхъ карцера для одиночнаго заключенія. По бортамъ сдѣланы прочныя рѣшетчатые перила, высокія, равныя верхнимъ каютамъ.

Заботы министерства внутреннѣйшій дѣлъ на этомъ не кончились. Прежде всѣ смыльные тракты соединялись въ Казани, откуда начинался одинъ общій сибирскій трактъ; теперь желѣзныя дороги сосредоточили смыльные пути въ Москвѣ и кончались въ Нижнеѣ, составляющемъ, такимъ образомъ, крайній восточный пунктъ. Поэтому уничтожены всѣ этапы, гдѣ идутъ желѣзнодорожныя линіи. Съ упадкомъ значенія Казани уничтожена въ этомъ городѣ экспедиція о смыльныхъ. Перскаѣ экспедиція образована на новыхъ началахъ съ увеличеніемъ и зміненіемъ ея работъ; тобольскій приказъ о смыльныхъ переведенъ въ Тюмень. Всѣ эти крупныя перестройки, при значительномъ удешевленіи этапнаго пути, сдають въ архивъ исторіи часть изъ того, на что приходилось печалиться намъ при личномъ обзорѣннѣ сибирскихъ этаповъ. Крупныя шаги увѣнчались успѣхомъ и если остановились они на Томскѣ и тянутся этапы еще дальше Кары, до окончанія перевозки всего доставленнаго количества смыльныхъ, то, во всякомъ случаѣ, добрая половина пути пройдена.

Путники не истомлены, сохранивъ свѣжія силы; этапная атмосфера ихъ не заражала. Въ Томскѣ они являлись не съ прежнимъ запахомъ, но съ Томска они могутъ не попадать на старыя правила и стародревнюю порчу, если благодѣтельныя мѣры не будутъ медлить: или приближать каторгу, сокративъ дороги хотя бы до Алтая (что желательнѣе), или, уводя на дальнія, не поведутъ ихъ подъ надзоромъ такихъ конвоировъ, о змыхъ замыслахъ и преступныхъ поповзновеніяхъ которыхъ въ послѣдніе года сами арестанты неоднократно принуждены были доводить до свѣденія начальствъ. За Ачинскомъ, до котораго конная перевозка существуетъ круглый годъ, гѣше-этапный путь еще во всей своей силѣ.

Пусть же нашъ рассказъ объ этапахъ поскорѣе уходитъ въ преданіе, въ качествѣ и значенія историческаго матеріала, какъ ушелъ въ преданіе рассказъ историческаго страдальца Аввакума. Въ виду исчезновенія большей половины утлыхъ этапныхъ эдацій и ослабленія несостоятельной системы медленнаго и дорогаго гѣшаго порядка передвиженій (на каковое щедро, удачно и счастливо искусились мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ), надежды не далеки и ожиданія сбыточны. Надеждами этимъ заключаемъ нашу первую главу и съ ними готовы встрѣтить на счастливый часъ и въ доброе время фактическия доказательства исчезновенія и отгѣны того, что нами сказано въ послѣдующихъ главахъ этого перваго тома нашей работы.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

ТЮРЕМНЫЯ ПѢСНИ.

Сорокъ восемь тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣсенъ (старинныхъ и новыхъ) съ вариантами и объясненіями.—Творцы пѣсенъ: Вавыла Кавицъ.—Разбойникъ Гусовъ.—Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ.—Пѣсни о правсѣ.—Мѣстныя сибирскіе пѣтны.—Ученая пѣсня.—Пѣсня Кармелюка.—Пѣсня Видорты.—Ворожбюкъ.

Подробности быта смыльныхъ, особенно же частности тюремнаго быта, привели насъ къ гѣмъ развлеченіямъ, которыя измышлены заключенными на досугѣ, чтобы поддѣлывать праздное бѣдѣліе и сократить досадное и скучное время. Въ числѣ тюремныхъ развлеченій не послѣднее мѣсто принадлежитъ—какъ и быть слѣдуетъ—пѣснямъ. Не смотря на то, что строгія тюремныя правила, запрещающаго „всякаго рода рѣзости, провазновеніе проклятій, божбы, укоровъ другъ другу, своевольтва, ссоры, брань, разговоры, хохотъ“ и т. п., преслѣдуютъ, между

прочимъ, и пѣсни,—онѣ все-таки не перестаютъ служить свою легкую и веселую службу. Хотя пѣсенниковъ приказано смотрителямъ „отдѣлывать отъ другихъ (не поющихъ) въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно на хлѣбъ и на воду“, все-таки отъ этихъ красивыхъ на бумагѣ и слабыхъ на дѣлѣ предписаній пѣсенники не замолчали. Люди и въ заключеніи продолжаютъ пѣть и веселиться. Пѣсни сбереглись въ тюрьмахъ даже въ томъ самомъ видѣ и формѣ, что мы, не обинуясь,

нѣмъ право назвать ихъ собственно-тюремными, какъ исключительно воспѣвающія положеніе челоука въ той неволѣ, которая называется „каменною тюрьмою“. Скажемъ даже болѣе: тюремныхъ пѣсенъ скопилось такъ много, что какъ представляется возможность составить исключительно изъ нихъ цѣлый сборникъ (смысла сорока номеровъ), при этомъ болышею частью изъ известныхъ только сибирскихъ смысловъ. Впрочемъ, большая часть пѣсенъ принесена изъ Россіи готовыми, въ Сибири онѣ и не улучшились даже, напротивъ, нѣкоторыя, по сравненію съ подобными же русскими, являются въ неполномъ видѣ и нерѣдко искаженными отъ позднѣйшихъ приставокъ и переставокъ. Въ Россіи эти произведенія народнаго творчества являются полныя и законченныя, а въ Сибири случается, что одно цѣльное произведеніе дробится на части и каждая часть является самостоятельною, но при этомъ замаскирована до того, что какъ будто сама по себѣ представляетъ самобытное цѣлое. Вызветъ и такъ, что мотивы одной перенесены въ другую, отчего кажется иногда, что известная пѣсня еще не приняла округленной и законченной формы, а все еще складывается, ищетъ подходящихъ образовъ, иногда удовлетворительныхъ. Нѣкоторые пѣсни людская забывчивость урѣзала и обезличила такъ, что онѣ кажутся и бѣдными по содержанію и несовершенными по формѣ. Въ Сибири уцѣлѣли и такія, которыя или забыты въ Россіи или ушли въ составъ другихъ пѣсенъ, и наоборотъ.

Въ тюремныхъ пѣсняхъ два сорта: старинныя и новѣйшія. Помѣщая послѣднія для сопоставленія и сравненія съ настоящими и неподдѣльными произведеніями самобытнаго народнаго творчества (каковы пѣсни древнѣйшаго происхожденія), изъ новѣйшихъ мы выбрали только нѣкоторыя болѣе распространенныя. Старинныя мы включаемъ въ сборникъ (для нихъ собственно и предпринятый) съ тѣмъ убѣжденіемъ, что онѣ начинаютъ исчезать, настойчиво вытѣсняемыя дѣланными искусственными пѣснями. Мы едва ли не живемъ именно въ то самое время, когда перевѣсъ борьбы и побѣды склоняется на сторону послѣднихъ *).

Лучшія тюремныя пѣсни (тѣмъ пѣсня старше, древнѣе, тѣмъ она свѣжѣе и образнѣе, тѣмъ ближе къ намъ ея происхожденіе, тѣмъ содержаніе ея скуднѣе и форма не представляетъ возможности ждалъ худшей), лучшія тюремныя пѣсни выходятъ изъ цикла пѣсенъ разбойничьихъ. Средство и соотношеніе съ ними настолько же сильно и неразрывно, насколько и самая судьба пѣсеннаго героя тѣсно связана съ „каменною тюрьмою—съ наказаньемъ“. На-

сколько древнѣе похожденія удалыхъ добрыхъ молодцевъ повольничковъ, ушкуйниковъ, воровъ-разбойничковъ, настолько же стародавни и складныя сказанія объ ихъ похожденіяхъ, которыя, въ свою очередь, отзываются такою же старинною, какъ и первоначальная исторія славной Волги, добытой руками этихъ гулящихъ людей и ими же воспитанной и прославленной. Жизнь широкая и вольная, преспокоенная всякаго рода борьбы и безчисленными тревогами, вызвала народное творчество въ томъ поэтическомъ родѣ, подобнаго которому нѣтъ уже ни у одного изъ другихъ племенъ, населяющихъ землю. Отдѣлъ разбойничьихъ пѣсенъ про удалую жизнь и преслѣдованія—одинъ изъ самыхъ поэтическихъ и свѣжихъ. Тамъ, гдѣ кончатся вольныя похожденія и заглазетъ пѣсня о неволѣ и возмездіи за удачу, но незаконные походы, начинается отдѣлъ пѣсенъ, принятыхъ въ тюрьмахъ, въ нихъ воспѣганыя, украшенныя и облюбованныя,—словомъ, отдѣлъ пѣсенъ тюремныхъ. Оттого онѣ и стали таковыми, что въ тюрьмахъ кончатся послѣдніе вѣдоки героевъ и сидятъ поддѣвалы и заглазеты, рядовые пѣсенники—хористы и сами голодные составители или авторы пѣсенъ. Отъ самыхъ древнихъ временъ сибирскихъ тюремъ готовная и сильная передача о дѣлахъ удалцовъ въ послѣдовательномъ своемъ теченіи не прерывалась, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ перестали атамановъ водить ко вѣшалкѣ и рубить ихъ буйныя головы по самымъ могучимъ плечамъ. Непосредственно съ Волги и изъ самыхъ первыхъ рукъ завѣщаны сибирскимъ тюрьмамъ русскія тюремныя пѣсни, изъ которыхъ многія получены нами не изъ первыхъ рукъ (изъ тюремъ), а можетъ быть уже и изъ десятыхъ (изъ старожитныхъ селеній, отъ свободныхъ сибирскихъ людей—старожаловъ). Завѣщаніе, такія образцы, возымѣло широкое приложеніе и отъ примыхъ наслѣдниковъ имущество перешло въ боковыя линіи и, наконецъ, сдѣлалось общимъ достояніемъ, какъ все въ Сибири: гѣса, тайга, луга и степи. Послѣднее укрѣпилось и устояло два столѣтія въ цѣльномъ и несокрушимомъ видѣ. Впрочемъ, время и въ Сибири сдѣлало то же, что и въ Россіи (съ которою первая находится въ непрерывномъ и сильномъ общеніи): между всходами чисто-почвенными и оклиматизированными выросли плеваны и выросли въ такомъ общиѣ, что грозятъ серьезною опасностью заглушить и послѣдніе остатки самостоятельныхъ и отечественныхъ растений.

Связь и послѣдовательность не теряютъ своей силы; иноземное вліаніе, особенно догворемное (какъ сказалъ П. В. Кирѣевскій), необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народный духъ. Царствованіе Петрова можно назвать границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ,

* Въ приложеніи этомъ не повторяемъ тѣхъ пѣсенъ, которыя свободно улеглись въ текстъ нашего сочиненія.

которые, послѣ Петра, продолжали возникать только среди волжскаго и донскаго казачества". Поддѣйшія пѣсни о поддѣйшіихъ походахъ и войнахъ „разительно отличаются отъ всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсней; онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени". Пѣсни, приписываемыя преданіемъ удалымъ товарищамъ Степки Разина и ему самому и, стало быть, пѣтыя до Петра, очевидно свѣжею мыслью и блестяще поэтически колоритомъ; но уже во многомъ лишены того и другого тѣ, которыя составлены дѣтелями въ началѣ прошлаго столѣтія, извѣстными въ народѣ подъ именемъ Вальки Кашна. Въ концѣ же прошлаго столѣтія выросли и появились уже во множествѣ тѣ мотивы, на которыхъ ясны слѣды крутой ломки и крупныхъ народныхъ переворотовъ. На эти произведенія народнаго творчества намело пыль и нахлѣло пѣсеннородства съ изъ фабриками и заводами, тракторами и барками передними. Живой памяти народной подслужились печатные пѣсенники, особенно сильно пущенные въ народъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, богатаго подобнаго рода сборниками даже во многотомныхъ изданіяхъ. Удѣляя коренная народная пѣсня только въ захолустьяхъ, не тронутыхъ городскими чужеземными вліяніемъ, и еще въ 30 годѣ нынѣшняго столѣтія изъ южно-рускаго племени (изъ малороссійскаго народа) вышель авторъ (Кармелюкъ) тюремной пѣсни, въ которой еще не утрачена сила народнаго творчества, хотя уже и видны нѣкоторые слѣды посторонняго вліянія. Само собою разумеется, что потребители изъ осмысленныхъ, съ прекращеніемъ доставки отечественнаго матеріала, по неволѣ должны были довольствоваться издалека привозными продуктами, которые и цѣною ниже и достоинствомъ хуже. Крѣпкія льняная нѣдѣля домотканнаго производства и на этотъ разъ уступили мѣсто гнилымъ или непрочнымъ бумажнымъ товарамъ машиннаго дѣла, набавнымъ слѣдамъ московскаго фабричнаго достужества. Въ этомъ отношеніи законъ послѣдовательности не утрачиваетъ своей живой и дѣятельной силы даже и въ томъ, что творцами пѣсней и въ наши дни остаются тѣ же самые удалые молодцы, разбойники.

Замѣчено близко стоявшими къ тюремнымъ героямъ и жившими съ ними долгое время бокъ о бокъ, что эти угрюмые, обидчивые и завистливые люди, въ то же время, въ высшей степени тщеславные, хвастливые, слишкомъ увѣренныя въ собственныхъ внутреннихъ силахъ и сознательно любующіея личнымъ характеромъ. Черты эти становятся тѣмъ крупнѣе и очевиднѣе, тѣмъ богаче извѣстный герой похождениями и заслугами, приведшими его на каторгу. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ода-

ренный поэтическою натурою старался самъ похвалять своими похождениями и умолилъ изъ въ складномъ пѣсенномъ произведеніи, предоставляя товарищамъ своимъ только два права: добавить забытое и недосказанное и довести сказанное до свѣденія людей темными и несвѣдущими. Вотъ почему, исходя изъ такихъ наблюденій, народъ приписываетъ разбойничьи пѣсни самимъ разбойничьимъ атаманамъ. Такъ, народное преданіе, ни мало не ошибаясь, утверждаетъ въ томъ, что Степана Разина, сидя въ тюрьмѣ и дожидаясь легкой казни, сложилъ пѣсню и теперь повсюду извѣстную въ видѣ завѣщанія его товарищамъ, которыхъ проситъ онъ „скоронить его между третью дорогъ: межъ московской, астраханской, славной кievской". Удалымъ шаббамъ Степана Тимофеевича то же народное преданіе приписываетъ и тѣ пѣсни, которыя унесены въ сибирскія тюрьмы: „Ты воемой, воемой туча грозная" (нынѣшная два начала: „Не разбинушка со березовой совивается" и „Ахъ, туманы, вы туманушки, вы, туманы мои непроглядные"); „Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго, изъ-за горъ, горъ высокихъ").

Валька Каша, въ лицѣ котораго народъ привыкъ почитать оказавшаго грабителя, по которому, по собственному его признанію, былъ и воромъ, и разбойникомъ и сыщикомъ, въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ тщеславныхъ людей этого полета. Въ собственномъ признаніи его, дающемъ въ русской крѣпости Рогервикѣ (теперь Валтійскій портъ), настолько сильно стремленіе его къ хвастовству и неводержимо желаніе покрасоваться и похождениями, и подвигами передъ судьями, и въ крайней бѣдѣ, что Ивана Осипова Кашна можно считать прототипомъ и народное преданіе особенно не грѣшить, приписывая ему десятка четыре пѣсней. Между этими пѣснями „Винилъ по матушкѣ по Волгѣ, отъ крутыхъ красныхъ бережковъ, разигралася погодушка верховая, волновая", извѣстная всей Россіи, приписывается всюду этому разбойнику-пѣсельнику. Изъ Кашновыхъ пѣсней въ сибирскія тюрьмы пробрались двѣ: „Не шумка ты, мать, зеленая дубровушка" и „Усы" **); между русскими тюремными приписываются ему же: „Изъ Кремля-Кремля крѣпка города", „Не былннушка въ чистомъ полѣ зашталася" и проч. ***). Остроумный на словахъ, находчи-

*). Въ Россіи Разиновыми пѣснями называются: 1) «Помутился славный тихій Донъ», 2) «Изъ славнаго изъ устьяца снѣгъ-моря», 3) «У насъ-тобыло, братцы, на тихомъ Дону», 4) «Ужъ какъ по морю снѣгу, по снѣгу по Хвалынскому», 5) «Ужъ вы горы, мои горы! прикажите-ка вы, горы, подѣ собой намъ постоять», 6) «Какъ во славномъ городѣ, во Астрахань, очутился-проказился тутъ незнакомый человекъ» и проч.

**). «Усы» несомнѣнно воспѣваютъ подвиги знаменитаго разбойника Василья Усы.

***). Кашновыми пѣснями, изъ которыхъ большая часть вращается около разбоевъ и тюремъ,

вый и ловкій на дѣлѣ, умѣвшій перенести страсть къ выразительнымъ выраженіямъ и искусственному воровскому языку и въ пѣсни свои, Иванъ Осиповъ Кантъ расказъ о своихъ похожденияхъ изложилъ письменно и пустилъ въ народъ. Изуродованная переносчиками тетрадка попала въ руки нѣкогого „жителя города Москвы Матвѣя Комарова“, который, по своему разумію, передалъ расказъ и надалъ его въ печати три раза (въ 1773, 1778, 1784 годахъ). Въ 1755 году надъ Канномъ наложена была слѣдственная коммиссія при сыскомъ приказѣ и издатель его пѣсенъ и похощеній (Комаровъ) выдалъ тамъ и слышалъ его лично. „Кантъ, по благодѣянію секретарскому, содержался въ сыскомъ приказѣ не такъ, какъ прочіе колодники и, имѣя на ногахъ кандалы, ходилъ по двору и часто прихаживалъ въ передія сыскаго приказа горницы и тутъ съ подъячими и бывшими иногда дворнягами вольно разговаривалъ. Расказывалъ они свои похощенія бывшему тогда въ томъ приказѣ дворнягу Фед. Фомину Левшину“. Будучи сыщкомъ, онъ проворовался на сыскихъ дѣлахъ до того, что уворовалъ даже чужую жену. Его судили и присудили выбить кнутомъ, положить клейма, вырвать ноздри и сослать въ каторжныя работы въ Рогерикъ, а оттуда въ Сибирь.

Сибирь, съ его легкой руки, не переставала, по образцамъ и призракамъ, давать изъ удалыхъ разбойниковъ автору тюремныхъ пѣсенъ. Страшный не такъ давно для дѣлага Забайкальскій разбойникъ Горкинъ не менѣе того извѣстенъ былъ, какъ отличный пѣсельникъ и юморстическій расказчикъ. Живя по окончаніи срока каторжныхъ работъ на поселеніи, онъ ушелъ весь въ страсть къ лошадажъ и на сво-

ихъ рысакать возмилъ откупнымъ повѣреннымъ, потѣшая ихъ своими ладными пѣсенями и необычайно быстрою ѣздой. Съ пишущимъ эти строки онъ охотливо подѣлился расказами о своихъ похожденияхъ. Затѣмъ послѣдніе годы онъ прилаживалъ и пригивалъ на потѣху деревенскихъ ребятъ, шатаясь по Забайкалью въ званіи нищаго. Разбойникъ Гусевъ, бѣжавшій изъ Сибири въ Россію и ограбившій соборъ въ Саратовѣ, въ саратовскомъ тюремномъ замкѣ сложилъ пѣсно: „Мы зночно, братцы, распространились съ блудой каменной тюрьмой“, которая ушла и въ Сибирь. Самъ Гусевъ, нѣсколько разъ бѣжавшій оттуда, вновь, послѣ саратовскаго грабежа, уже не пошелъ: его сгубило то же хвастовство разбойничьяго завала и та же страсть къ остротѣ и красному слову, которыми отличались и предшественники его. Когда онъ привелъ былъ на саратовскую торговую площадь и палачъ хотѣлъ привязывать его ремнями къ кобылѣ, Гусевъ, обращаясь къ сламейкѣ, закричалъ на весь собравшійся народъ: „Эхъ, кобылка, кобылка! вывозла ты меня не одинъ разъ, ну-ка, вывози опять!“ — „Нѣтъ, Изв. Вас.,—замѣтилъ палачъ:—теперь она тебя не вывезетъ!“ И сдержалъ слово: Гусева сбили съ эшафота мертвымъ.

Извѣстный малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ былъ также поэтомъ и авторомъ не разбойничьихъ, но легчаческихъ пѣсенъ, сложившихъ на родномъ ему языкѣ. Онъ „шалалъ“ на Волынѣ, долго не давался въ руки властей и, наконецъ, убитъ былъ своею козачкою, которая подкуплена была сосѣднимъ помещикомъ *).

*) На Волынѣ объ этомъ событіи расказываетъ народная пѣсня:

Ой ты, Кармелюкъ, по свѣту ходишь,
Не одну дѣвчину изъ ума сводишь,
Не одну дѣвчину, не одну вдову
Вѣлолицу, румяну ще-й черноброву!
Ой ты, дѣвчина, ты чорнява,
Ой де-съ ты мнѣ призаду ¹⁾ дала?
Во дай ты такъ знавъ зъ свѣей до хаты,
А якъ знаю чимъ чаровати:
Ой у мене чары оченьки карп,
А въ мене отрута ²⁾ въ городѣ рута!
Пийшовъ Кармелюкъ до куми въ гостѣ,
Поклинувъ платя въ дѣсѣ при мостѣ:
— Ой кумцю, кумцю, посвонмося ³⁾,
— Дай горилочки да напьемося.
• Ой раду, раду, ходишь до саду,
Нарцисо грушоку повень хварушоку ⁴⁾,
Сядемо собі подъ аблоню,
Будемъ пити медъ за горѣлюю,
Прійде чорнява, піддевъ гуляти!
— Слами-жъ, дѣвчино, якъ тебе звати,
— Що бъ а потрадишь ⁵⁾ до твоей хаты?
• А мене звати Магдалиною,
А моя хата надъ долиною,
А моя хата спонками пята ⁶⁾.
Прійди, Кармелюкъ, хочъ буду бита,
Хочъ буду бита—знаю за кого:
Пристоало серденько мое до твого!
Ой само я давса зъ своѣя сгубити

полагаются, между прочимъ, изъ извѣстныхъ слѣд.: «Паль туманъ на синѣ морѣ», «Не бушуйте вы, вѣтры буйные, не шумите вы, дѣса темные», «Ты рабинушка, ты кудрявая», «Скучно, матушка, весной жить одной». Впрочемъ, съ большимъ вѣроятіемъ можно принимать за Канновы пѣсни тѣ, которыя отличаются болѣе несущественнымъ складомъ, отсутствіемъ поэтическаго элемента и стремленіемъ къ тому остроумію, которое составляло его отличительную черту и въ жизни и въ слѣдственныхъ показаніяхъ. Таковы: 1) «Во славномъ было городѣ во Нижнемъ», 2) «Въ Архангельскомъ во градѣ ходятъ дѣвушки въ нарядѣ», 3) «Еще что вы, братцы, призадумались?», 4) «Чарочки по столу похаживаютъ», 5) «Дѣвушки вино курили», 6) «Вѣшевало мое сердце, вѣшевало», 7) «Веселья я, веселья сегодняшній день». Съ фабричнымъ людомъ Кантъ (къ тому же еще самъ бѣглый заковъ) хорошо былъ знакомъ по обязанности сыщика. Для ващаго успѣха по должности онъ получилъ право устроить въ Зарядкѣ въ Москвѣ веселое заведеніе съ бильярдомъ, картами и зернью, получившее въ Москвѣ огромную извѣстность. Къ нему валялъ, по новости дѣла, великій праздный народъ, а особенно суконщики. Фабричные рекомендовали сами себя для услугъ и онъ давалъ имъ пристанище, иногда держалъ чело-
вѣкъ по 30-ти.

Въ сибирскихъ тюрьмахъ также сохранилась одна хорошая пѣсня его, безъ сомнѣнія оставленная самимъ Кармелюкомъ, такъ какъ онъ въ Сибирь былъ и отсюда убѣжалъ рабобичать на Волыни. На Волыни сохранилась о Кармелюкѣ такая пѣсня въ народѣ:

Повернулся а зъ Сибирю

Но ма мнѣ долж.

А адається, не въ кайдангахъ,

Еднакъ же въ неволѣ и т. д. (См. ниже).

Намъ самимъ лично удалось видѣть на Каріевскихъ золотыхъ промыслахъ ссыльно-каторжнаго Мокѣва, сосланнаго за грабежъ и обличавшаго въ себѣ несомнѣнно-поэтическую натуру, высказавшюся и въ жизни на волѣ, и въ жизни на каторгѣ и даже выразившюся въ врывахъ къ стихотворству. Ему заказана была пѣсня на отправление эскадры для приобрутенія Амура и муза Мокѣва, вдохновляемая пидкинскими картинками и руководная аккомпаниментомъ горбана, бубна, тарелокъ и треугольника, высказалась въ большой пѣснѣ, которая начинается такъ:

Какъ за Шилкой за рѣкой,
Въ деревушкѣ гравной,
Собралися народъ простой,
И народъ все разной,

а кончается:

Вдругъ раздался пѣсенъ хоръ,
Пушекъ залпъ раздался.
И по Шилкѣ, между горъ,
Флотъ сибирскій мчался.

Пѣснѣ этой не удалось удержаться у казаковъ (предумавшихъ про Амуръ новую пѣсню, совсѣмъ противоположнаго смысла и настоящаго склада), но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Мокѣву не мудро было соблазнить каторжныхъ тѣмъ своими пѣснями, которыми приладился онъ къ общему настроенію арестантскаго дула, т. е. когда его муза снисходила до сырыхъ казармъ и тяжелыхъ работъ или юта бы даже и до куперосныхъ щей. Арестанты, какъ мы видѣли, не выскатальны и въ ущербъ настоящимъ народнымъ пѣснямъ привыкли къ тѣмъ, которыя

Що я и сказать кулѣ ¹⁾ святити.
Сама-жъ ты дала до двора знати,
Щобъ мене вбѣдал у твоей хатѣ!

¹⁾ Приманку, приворотное; ²⁾ отраву; ³⁾ будемъ свод; ⁴⁾ передникъ; ⁵⁾ намелъ путь; ⁶⁾ обложена связками (обыкновенно коноплями); ⁷⁾ пули. Стихи 6—11 разговоръ съ дѣвушкой; Кармелюкъ идетъ къ кулѣ, у которой были тайныя свиданія его съ дѣвушкой; ст. 14—21—разговоръ съ кумомъ; ст. 22—29—разговоръ съ дѣвушкой въ домѣ; ст. 30—33—пѣсня отъ лица Кармелюка, жившаго, по народному преданію, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По образцамъ прошлыхъ вѣковъ и по обычаямъ времени колѣвщицы, пѣсня эта также намекаетъ на гайдамака-характерника, знавшагося съ нечестноу силою и умѣвшаго зачуровывать направленныхъ на него пули. Ослащать пули въ противодействие чарамъ было въ обычаѣ у казаковъ время колѣвщицы.

нуждаются въ торбанѣ и трескотнѣ тарелокъ; вкусъ давно извращенъ и поэтическое чутье совсѣмъ утрачено.

Вотъ для примѣра пѣсня, пользующаяся особенно любовью тюремныхъ сидѣльцевъ не только въ Россіи, но и въ Сибирь, пѣсня, распространенность которой равносильна самимъ извѣстнымъ и любимымъ стариннымъ русскимъ пѣснямъ. Столичные пѣсельники въ публичныхъ садахъ и на народныхъ гуляньяхъ, извѣстные подъ страннымъ именемъ „русскихъ пѣвцовъ“, виѣстѣ съ цыганами представляютъ тотъ источникъ, изъ котораго истекаетъ вся порча и безвкусіе. Здѣсь же получили образование и авторъ прилагаемой пѣсни и здѣсь же выучились находить вдохновеніе новѣйшіе творцы псевдо-народныхъ русскихъ пѣсенъ. Такова пѣсня въ цѣломъ видѣ и съ болѣе замѣчательными вариантами:

Ни въ Москвѣ, ни за Москвой,
Межъ Бутырской и Тверской,
Тамъ стоятъ четыре башни,
По срединѣ Вожій храмъ.
(Или по московскому и вѣрнѣе:
Въ срединѣ большой домъ),
Гдѣ крестъ на крестъ кайдорн
И народъ сидитъ все воры;
(Или: сидитъ въ тоскѣ).
Сидѣль воронъ на березѣ,
(Или: Рыскалъ воинъ на войнѣ),
Кричитъ воронъ не въ добру: (или на войну)
«Пропадать тебѣ, мальчишкѣ,
Здѣсь въ проклятой сторонѣ.
Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
Въ свою сторону бѣжалъ? *)
Нивого ты не спросился,
Еромѣ сорада своего **).
Прежде жилъ ты, веселился,
Какъ имѣлъ свой капиталъ.
Съ товарищами походишь,
Капиталъ свой прожогать.
Капиталу не сыстало—
Во неволю жить поваль,
Во такую во неволю:
Въ бѣлый каменный острогъ.
Во неволѣ сидѣть трудно.
(Или: Хороша наша неволя, да—)
(Но) кто знаетъ про нее?

*) Въ Россіи поютъ:
Своей родины бѣжалъ.

***) Въ Россіи прибава:
На кого же ты локнулъ
Мать родную и отца?
(Или: Ты спокнулъ, ты оставилъ
Ты старушку свою мать,
Отца свое старика!)
— «Ужо некому мальчишку
Моя было научить,
А телерча мальчишку,
Меня поздно научати!
Ужъ и жилъ я, веселился,
Но имѣлъ свой капиталъ;
Какъ и этотъ капиталъ
Весь я пропиль-прогулялъ
(Дальше «во неволю жить» и проч.)
Или: Жилъ бы, жилъ бы веселился,
Капиталецъ свой имѣлъ;
Капиталецъ миновался,
Во неволю жить поваль.

Посадили насъ на нехлюю—
Мы сидѣли круглый годъ.
За тремя и за стѣнами
Не видали свѣтлый день.
Но не бось: Творецъ-Господь съ нами,
(Или: Богъ-Творецъ одинъ Онъ съ нами),
Части звѣзды намъ въ ночи сила;
Мы и тутъ зарю видали,
Мы и тутъ (или: Лишь мы здѣсь) не про-
падемъ!

Часто звѣзды потухали,
Заря была заналася,
Варабанъ зорю пробилъ,—
Варабанушко яробивалъ,
Ключиницъ двери отпираетъ,
Офицеръ *) съ требой идетъ,
Всѣхъ на имя насъ зоветъ **):
«Одѣвайтесь, ребятаки,
Въ свои сѣры чаланы!
Вы берите сумочки, котомки,
Вы сходите съ веру въ низъ,
Говорите мѣ одну рѣчь». —
Что за шутова коляска
Показалась въ городу?
Коней пару запрягаютъ,
Поддаютъ ее сойчасъ,—
Поддаютъ эту коляску
Ко поратному крыльцу:
Сажаютъ бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачь бѣдыа разбѣжался,
Меня за руку беретъ;
Становитъ меня, мальчишку,
У траурнаго столба.
Велитъ мнѣ, бѣдному мальчишкѣ,
На восходъ солнца молиться,
Со всѣмъ миромъ распроститься.
Палачь бѣдыа разбѣжался—
Рубашонку разорвалъ,
На машинку меня клаан,

*) Вм. офицера—писарь съ требой идетъ, намъ указъ выдаетъ, собираться скоро во походъ.

**) Въ Россіи эта трагическая сцена разна-
слана иначе:

Свѣтъ небесный во сѣняхъ:
Барабаны зорю бьютъ,
Барабанъ зорю пробьетъ
Вундеръ двери отворяетъ:
Писарь съ требой идетъ:
Онъ по требованью влечетъ,
Намъ къ суду ядти велеть.
Взяли сумки, помозились
И отправились себѣ...

Или: Взяли сумки—подхватили
И въ походъ скоро пошли,
Торбанъ, торбанъ покатыся.
Что за чудна за карета!
Сдвигалася весь народъ,
Что кругомъ конной идетъ.
У родныхъ сердца забьются,
Слезно плакали объ насъ,
Слезно плакали объ насъ,
Отправили въ Сибирь насъ.

Здѣсь и конецъ—какъ мы выше сказали—
россійскому надѣлю. Сибирскіе арестанты не
задумались надъ описаніемъ дальнѣйшей кар-
тины и изобразили ее въ послѣднемъ припадкѣ
къ пѣснѣ. По словамъ сибирскихъ арестантовъ,
пѣсня эта сочинена въ концѣ 40-хъ годовъ ны-
нѣшняго столѣтія и основная канва ея припи-
сывается, какъ сказано нами, разбойнику Гусеву.

Руки, ноги привязали
Смротатными ремнемъ.
Вереть бѣдыа кнуты въ руки,
Вакричаль: «братъ, берегись!»
Онъ ударилъ въ первую разъ—
Поднялись слезы изъ глаза.
Онъ ударилъ другой разъ—
Закричаль я: «помогните намъ!»

Вотъ какой пѣснѣ въ наше время удалось
попасть во вкусъ потребителей настолько, что
намъ привелось замѣтить нѣсколько сортовъ ея
съ обыкновенною фабричною набойкою; основа гнѣ-
лая и проклеивая, утокъ линючигъ цвѣтовъ и
красокъ, и въ Москвѣ, и въ Сибири, и въ Ка-
зани и въ Саратовѣ. Пѣсня стала и люби-
мою и распространенною; рѣдкой другой пѣснѣ
доставалась такая счастливая доля, не смотря
на то, что за нею нѣтъ никакихъ достоинствъ,
каковыми красятся старинными, настоящія
народныя пѣсни. Въ этой пародіи на рус-
скую пѣсню нѣтъ уже искренняго чувства и
поэтическихъ образовъ, хотя и замѣчается то-
ническій размахъ и раема. Между тѣмъ, тако-
го склада пѣснями, съ конца прошедшаго сто-
лѣтія, судьба судила занять чужое, не при-
надлежащее имъ мѣсто, какъ бы въ доказа-
тельство того, что народъ уже успѣлъ забыть
старые образы и приемы, самобытные и худо-
жественные, и потянулся къ новымъ, нехудо-
жественнымъ и прозаическимъ. Во всякомъ слу-
чаѣ, нельзя не видѣть въ этомъ явленіи упад-
ка поэтического чутья и художественнаго вку-
са въ силу причинъ, исключительно не зави-
сѣвшихъ отъ народа. Съ такими ли красками
подходили къ своимъ идеаламъ прежніе народ-
ные пѣвцы и такъ ли легко отходили отъ нихъ
прежніе люди? Для образца представляемъ од-
ну старинную пѣсню (записанную въ Саратов-
ской губ.), получившую вдохновеніе и содер-
жаніе свое въ томъ же источникѣ, изъ кото-
раго вытекла и новая тюрежная пѣсня,—близ-
кая свойственница новоюдымъ лажейскимъ,
трактирнымъ и фабричнымъ пѣснямъ.

Еще сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ,
Что не гуливалъ я, добрый молодецъ, не поха-
живалъ,

Такова я чуда-дѣла не нахаживалъ,
Какъ нашеть я чудо-дѣло въ градѣ Киевѣ:
Среди торгу-базару, середѣ площади,
У того было колодечка глубокова,
У того было ключа-то подзмѣльнова,
Что у той было конторушки Румянцевоу,
У того было крыльцоука у перельчата:
Ужъ какъ бытъ-то добра молодца на правезѣ,
Что на правезѣ его бьютъ,
Что нагова бьютъ, босова и безъ поеса,
Въ однихъ гарусныхъ чудочкахъ-то, безъ чобо-
товъ:

Правать съ молодца каану да монастырскую *).

*) У пѣсни вариантъ:
Билъ добраго молодца на правезѣ
На жемчужномъ перехрестичѣ¹⁾
Во морозы во хрещенскіе

¹⁾ Въ Москвѣ урочище: мѣсто старыхъ казней.

Из-за горь-то было горь, из-за высокихъ,
Из-за лѣсу-то было лѣсочку, лѣса темнова,
То не утреннихъ зорюшка знаменуется,
То не праведное красно самушко выкатается:
Выкатался бы тамъ карета красна золота,
Карна золота карета государева.

Ю каретушки сидѣтъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Лучшое ему знать посередѣ торгу;
Жъ какъ спрашивалъ надежа-православный

царь,
Жъ какъ спрашивалъ добра молодца на прав-
вежъ:

Ты слави-скажи, дѣтина, правду-истину:
Ще съ кѣмъ ты казну крадъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?

«Если правду ты мнѣ скажешь—я пожалуй,
Если ложно ты мнѣ скажешь—я скоро сказно.
Пожалую ты, молодець, въ чистомъ полѣ
то двумя тебя столбами да дубовыми,
Жъ какъ третью перекладиной кленовою,
Четвертой тебя петелькой шоловою».

Птичать ему удалый добрый молодець:
— «Я скажу тебѣ, надежа-православный царь,

то два прутика желѣзные.

Они стоить удаленькій, не трянется,
Прусы кудри не шелохнутся,
Только горючи слезы изъ глазъ катятся.
Знавалъ къ нему православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.

«Е золотая трубинька вострубила,
Е серебрена сиповочка возыграла,
Утъ возговорить царь Петръ Алексѣевичъ:

«Вы за што добротного казните?
Казно-казните казны смерткою?»

Утъ возговорять мужики приходскіе:
Ужъ ты гой еси, православный царь,
Царь Петръ Алексѣевичъ!

«М за то его бьенъ-казнить:
Онъ покрадъ у насъ Миколу-то Можайскова
Понесъ казны сорокъ тысячей».

Утъ возговорить добрый молодець:
Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ,

«Е вели меня за слово казнить-вѣшать,
Прикажи мнѣ слово молвить,
Или себя, добра молодца, поправити.

«Е я покрадъ у нихъ Миколу-то Можайсково,
Е не я унесъ у него золоту-казну,
Покрали его мужики-вашины.

«Только случалось мнѣ, доброму молодцу,
То дѣло самому видѣти.

Узналъ я, молодець, по берегу
«А желтомъ песку, при мелкомъ лѣску,
Е увидѣлъ, что они дѣлятъ казну,
Е считаютъ дѣлать—отребовать.

«Меня, у молодца, сердце разгорѣлося,
Молодецкая кровь раскипѣлася,
Омалъ я, молодець, мостовничку дубовую,
Поробилъ я мужиковъ до полу-смерти,
Иныхъ прочихъ чуть живыхъ пустякъ.

«Взялъ я у нихъ золоту казну.
Завяши казну, сталъ пересчитывать:
«Считалъ казны сорокъ тысячей».

Утъ не золота трубинька вострубила,
Е серебрена сиповочка возыграла,
Жкъ возговорить надежа-православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ:

«Ты куда такую казну дѣвалъ?
Утъ возговорять добрый молодець:
Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ,
«Прогулялъ я во кружалъ
«О голытьбою со кабакомъ!»

«Я скажу тебѣ всю правду и всю истину,
«Что не я-то казну крадъ, не я разбой держалъ!
«Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы,
«Добры молодцы, донесе казаки.
«Случилось мнѣ, молодцу, идти чистымъ полемъ,
«Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ сырой дубъ стоить,
«Сырой дубъ стоить въ чистомъ полѣ крико-
«вистый».

«Что пришелъ я, добрый молодець, къ сыру дубу,
«Что похъ тѣмъ подъ дубомъ подъ краковистымъ,
«Что казаки они дѣлать дѣлать,
«Они дѣлать дѣлать, дуванъ дуванили.

«Подомалъ я, добрый молодець, въ сыру дубу,
«Ужъ какъ бралъ-то а сырой дубъ посередѣ его,
«Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
«Какъ отряхивалъ коренья о сыру землю.

«Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугались:
«Со дѣли они, со дувану разбѣжались:
«Одному мнѣ золота казна досталася,
«Что не много-ли не мало—сорокъ тысячей.

«Я не въ кладъ-то казну кладъ, животомъ не
«звалъ,
«Ужъ я клалъ тое казну во большой-отъ домъ,
«Во большой-отъ домъ, во царь въ кабанъ».

«Ужъ я клалъ тое казну во большой-отъ домъ,
«Во большой-отъ домъ, во царь въ кабанъ».

Вотъ тѣ пѣсни, которые намъ удалось слы-
шать въ Сибири отъ ссыльных или собствен-
но тюремныхъ пѣсни:

I.

При долушкѣ выросъ кустъ съ малинушкой
(или съ калинушкой)

На кусточкѣ ли (или на калинушкѣ) сидитъ
кладъ соловеюшко.

Сидитъ, громко свещеть.
А въ неволушкѣ сидитъ добрый молодець,
Сидитъ, слезно плачетъ;

Во слезахъ-то словечушко молвить:
— Растоскуйся ты, моя любезная, разгорюйся!

Ужъ я самъ-то по тебѣ, любезная,
Самъ я по тебѣ сгорѣвался.

Я отъ батюшки, а отъ матушки
Малой смѣть остался

«Кто тебя, свроту, вспоилъ, вскормилъ?
— Вскормилъ, вспоилъ православный мѣръ,
Возлегла меня чужая сторонака,
Воскачала-то меня легкая лодка.

А теперь я, горемычный, во тюрьму попалъ,
Во тюрьму попалъ, тюрьму темную.

II.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горь, горь высокихъ,
Выплывала лодка легкая.

Ничѣмъ лодочка не наукарашена,
Молодцами насажена;

Посередѣ лодки бѣлъ шатеръ стоить;
Подъ шатромъ-то золота казна;

Караульщицей красна дѣвица,
Дѣвка плачетъ, какъ рѣка льется;

У ней слезы, какъ волны бьются.
Атамалъ дѣвку уговариваетъ:

— Не плачь, дѣвка, не плачь, красная!
«Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, не плакати?»

«Атаману быть убитому,
Палачу (всаулу?) быть разстрѣлену!

А мнѣ, дѣвушкѣ, тюрьма вѣрная
И сосланище далекое.

Въ чуждальную сторонушку,
Что въ Сибирь-то неурещенную!»

III.

Ты воспой, воспой,
Жавороночекъ,
На крутой горѣ,
На проталинкѣ.
Ты утѣшь-ко, утѣшь
Меня молодца,
Меня молодца
Во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ
Въ каменной тюрьмѣ,
За тремя дверьми
За дубовыми,
За трети пѣльями
За желѣзными.
Напишу письмо
Къ своему батюшкѣ,—
Не перомъ напишу,
Не чернилами,
Напишу письмо
Горючьи слезыи.
Отецъ съ матерью
Отступилася:
«Какъ у насъ въ роду
Воровъ не было,
Ни воровъ у насъ,
Ни разбойниковъ».

IV.

Ужъ ты, гуленька мой голубочекъ,
Сязокрылый ты мой воркуночекъ!
Отчего ко мнѣ, гуленька, въ гости не летаешь?
Развѣ домишка моего ты не знаешь?
Мой домикъ раскрашенной: ни дверей нѣтъ, ни окошекъ,

Только печка муровая, труба дымовая.
Какъ во трубочку дымокъ повѣваетъ,
А у моей любушки сердце замираетъ.
Ахъ, вы нянюшки-мамушки!

Вы берите ключи золотые,
Отпирайте замки въ витые,
Вывивайте вы уборы дорогіе.
Вы идите къ чиновникамъ съ поклономъ—
Выручайте, дружки, изъ неволи!
Или голоску моего, гулянька, ты не слышишь:
Мой громкой голосъ вѣтеркомъ относитъ?
Или слышишь твой крылья частымъ дождемъ

Холоднымъ осененькимъ сверху подиваетъ?
Какъ не ласточка кругомъ саду летаетъ,
Не касаточка къ землѣ низко припадаетъ,
А про мое несчастіе видно не знаетъ:
Будто я, добрый молодецъ, во тюрьмѣ сижу,
во неволѣ.

Что никто-то, никто ко мнѣ, доброму молодцу,
Не зайдетъ, не зайдетъ, никто не заглаветъ.
Тутъ зашла-зашла къ нему гостюшка дорогая,
Вотъ его-то любушка милая;
Не гостить зашла, а провѣдать.
Ужъ ты, любушка, ты моя радость дорогая,
Выкупай ты меня Бога для изъ неволи!
Не жалѣй ты своихъ цвѣтныхъ уборовъ:
Ты сходи-тея, сходи въ домъ къ прокурору,
Попроси ты его слезно, попрошай-ка:
Не отпустить ли онъ меня, молодца,
На вольной свѣтъ погуляти,
Свое горе лютое разогнати? *)

*) Въ Холмогорскѣ (Арх. г.) мнѣ удалось записать еще вариантъ этой пѣсни древнѣйшаго происхожденія:

Мой сизой голубчикъ,
Ты зачѣмъ, для чего

V.

Соловейко ты мой, соловейко,
Разнесчастный ты мой соловейко!
Ты не вей себя, не вей себя теплаго гизадышка,
Не вей при дорожкѣ,
А совей-ка лучше его при долинѣ:
Тамъ никто его, никто не раззоритъ
И твоихъ малыхъ дѣтушекъ никто не разгонитъ.
Какъ у Троицы было подъ горою,
За каменною было за стѣною,
Тамъ сидитъ, сидитъ добрый молодецъ,
Онъ сидитъ, сидитъ въ каменной тюрьмѣ;
Онъ не годъ сидитъ, онъ не два года.
Что никто къ нему, разудалому,
Никто не зайдетъ, никто не зайдетъ.
Тутъ зашла къ нему гостюшка дорогая,
Къ нему матушка его родная;
Не гостить зашла, а провѣдать:
— «Какое-то тебѣ, сыну милому,
Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ?
Во тюрьмѣ сидѣть за рѣшетками,
За рѣшетками за желѣзными?»
— Ахъ ты матушка, ты родимая!
Ты сходи, сходи къ прокурору въ домъ,
Попроси-ка ты его милости,
Не отпустить ли меня, доброго молодца,
На свѣтъ бѣлый погулять еще?

VI.

Привелось мнѣ, доброму молодцу,
Въхать мимо каменной тюрьмы,
На тюремномъ-то на бѣломъ оконечкѣ
Сидѣлъ добрый молодецъ:
Онъ чесалъ свои русы кудерушки
Частымъ бѣлымъ гребешкомъ.
Расчесавши свои русы кудерушки.
Самъ восплакалъ слезно и сказалъ:
«Вы подуйте-ка, бурны вѣтры,

Въ садикъ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ
Сизова относитъ,
Частымъ дождемъ
Крылья-перья мочить.
Мой миленькой,
Мой милой дружечекъ!
Ты пошто, для чего
Рѣдко въ гости ходишь?
Твой отецъ да мать
Тебя не спускаютъ,
Родъ оны, племя
Тебѣ запрешаютъ?
Сидѣль-посидѣль
Удалой молодчикъ
Въ темной темницѣ.

У той у темной, у темной темницы.
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
Еще въ ней нѣту ни красна крылечка,
Только есть одна труба дымовая,
Изъ той трубы дымъ-отъ повѣваетъ,
Меня молодцу горе разбираетъ.
Пойду я, млада, съ горя въ зеленъ садикъ,
Пойду-возьму я ключи золотые;
Отпирю я сундуки-ларцы кованы,
Возьму денегъ ровно сорокъ тысячъ,
Стану дружка-дружка выкупати,
Изъ неволюшки его выручати,
Грешекъ судья, судья-воевода,
Моей казни - казни не признаетъ.
Меня молодцу горе разбираетъ!
Пойду молодца я съ горя въ чистое поле,
Пойду, нарву я лютого коренья,
Буду, стану я судью опонти.

На родиму сторону!
 Отнесите-ка вы, вѣтры буйные,
 Моему батюшкѣ вивкѣй поклонъ,
 Какъ моей родимой матушкѣ челобитнице!
 А женѣ молодой вотъ двѣ волонки:
 Какъ первая воля—во вдовахъ сиди,
 А вторая воля—замужъ поиди!
 На меня-то, молодца, не надѣйся,
 У меня-то, молодца, есть своя печаль
 непридуманная.

Осужень-то я на смертную казнь,
 Къ наказанью-ль кнутомъ да немилостному *).

VII.

Ты не пой-ка, не пой, младъ жаворончекъ,
 Сидючи весной на проталинкѣ,
 На проталинкѣ—на проталинкѣ.
 А воспой-ка, воспой, младъ жаворончекъ,
 Воспой-ка, воспой при долинѣ.
 Что стоитъ ли тюрьма,
 Тюрьма новая,
 Тюрьма новая, дверь дубовая;
 Что сидятъ ли тамъ, сидятъ добрый молодецъ,
 Онъ не годъ сидеть, онъ не два года,
 Сидятъ ровно семь годовъ.
 Заходила къ нему матушка родная!
 «Что а семь-то разъ, семь разъ выкупала,
 Что и семь-то я, семь тысячъ потеряла,
 Что осмой-то, осмой-то тысяча не достало».

VIII.

Садъ ли мой, садочекъ,
 Садъ зеленый виноградъ!
 Отчего садикъ поблекъ?—
 Въ саду Ванюшка гулялъ,
 Красныхъ дѣвокъ забавлялъ,
 Во побѣдушку попалъ,
 Во побѣду, во нужду:
 Въ крѣпку каменну тюрьму.
 Подъ окномъ Ваня сидѣлъ,
 Съ конемъ рѣчь говорилъ:
 «Ахъ, ты, конь мой вороной,
 Конь, добра лошада мой!
 Ты не выведешь меня
 Изъ побѣды, изъ нужды,
 Изъ крѣпкой каменной тюрьмы».
 Какъ солнце на восходѣ,—
 Ведутъ Ваню на допросъ.
 Попередъ палачъ съ плетьюи,
 Позадѣ жена съ дѣтми
 Уливается слезми.
 «Ахъ, ты, женушка моя!
 Жена, барыня моя!
 Чѣмъ дарила палача?»
 —Со бѣлой шеи платкомъ,
 Со правой руки кольцомъ.—
 Красно солнце на закатѣ,
 Ведутъ Ванюшку назадъ.

Сопоставляя эти пѣсни рядомъ, мы видимъ въ нихъ разительное сходство въ основныхъ мысляхъ: одна служить основаніемъ другой. Если источникъ этихъ пѣсней лежитъ въ думѣхъ заключенниковъ русскихъ тюремъ (гдѣ онѣ, по всему вѣроятію, и придуманы), то, тѣмъ не

менѣе, пѣсни эти любимы и у сибирскихъ арестантовъ. Одна пѣсня (№ IV) даже до такой степени освоилась въ Сибири, что ее тамъ признаютъ всѣ за свою, называютъ сибирскою національною и знаютъ ее и поютъ всѣ, начиная съ тюремныхъ казармъ и крестьянскихъ избъ и кончая богатыми кабинетами и гостиницами богатыхъ кушцовъ и золотопромышленниковъ. Эта—одна изъ самыхъ извѣстныхъ и распространенныхъ пѣсней въ Сибири, не смотря на то, что коренной сибирякъ вообще нѣтъ не охотникъ, мало знаетъ пѣсень и почти ни одной своей не придумать. Сибирскою можно назвать упомянутую пѣсню развѣ потому только, что сибиряки нѣсколько измѣнили напѣвъ, отличающійся отъ русскаго большею тоскливостію (къ тому же онъ и растянутѣе). Творчество въ Сибири, повидимому, не шло дальше того, что завѣщено Россію, и остановилось, удовлетворенное старыми русскими образцами. Взаимѣн того, въ Сибири замѣтно явленіе противоположнаго свойства: тамъ изъ готового материала составляются новыя пѣсни, въ которыхъ начало взято изъ одной, конецъ приставленъ изъ другой. Эта перетасовка и перекройка стиховъ—дѣло обычное у арестантовъ, примѣры мы укажемъ ниже. Вотъ, между прочимъ, одинъ, отвѣчающій сразу тремъ пѣснямъ, помѣщеннымъ нами подъ №№ III, IV и V. Въ Россіи III пѣснѣ отвѣчаетъ слѣдующая очень распространенная:

Ты воспой, воспой, младъ жаворончекъ,
 Сидючи весной на проталинкѣ.
 Сидятъ молодецъ въ темной темницѣ,
 Во темной темницѣ-заключенницѣ;
 Пишетъ онъ граматку къ отцу, къ матери,
 Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ:
 «Охъ ты, матушка, родной батюшка!
 Выкупи, выручи добраго молодца,
 Добраго молодца изъ темной темницы».
 Какъ отецъ-то и мать отказались,
 Всѣ сродники отстужаются *).
 Ты воспой, воспой, младъ жаворончекъ,
 Сидючи весной на проталинкѣ.
 Сидятъ молодецъ въ темной темницѣ,
 Во темной темницѣ, въ заключенницѣ;
 Пишетъ граматку къ красной дѣвицѣ,
 Къ красной дѣвицѣ, прежней полюбвицѣ:
 «Выкупи, выручи добраго молодца,
 Ахъ ты, душечка—красная дѣвица,
 Ты, прежняя моя полюбвица!»
 Красная дѣвица горько всплакнула,
 Горько всплакнула, слово молвила:
 «Охъ, вы нянюшки, мои мамушки!
 Вы берите скорѣй золоты ключи,
 Отпирайте вы кованы ларцы,
 Вы берите казны сколько надобно,
 Выкупайте добраго молодца,
 Добраго молодца изъ темной темницы,
 Изъ темной темницы-заключенница».

Пѣсня подъ № VIII составлена изъ двухъ, изъ которыхъ одна поется въ Россіи такъ:

*) Въ извѣстной русской пѣснѣ: «Ужъ какъ палъ туманъ на синемъ морѣ», мотивъ этотъ повторяется въ концѣ съ такимъ варіантомъ:
 «Молодой женѣ скажите мою волонку—
 На всѣ ли на четыре сторонушки,
 Малымъ дѣтушкамъ благословеннице».

*) Въ Россіи варіантъ:
 Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
 Ни воровъ у насъ, ни разбойничковъ.

Ужъ ты, веснушка наша весна!
 Ты не къ радости, весна, пришла,
 Не къ радости, весна, не въ честь,
 Во великой большой сухотѣ.
 Ужъ ты, садъ ли мой, садикъ,
 Садъ—зеленый виноградъ!
 Отчего ты, садикъ, весь посохъ?
 Въ саду Ванюшка—Ваня гулялъ,
 Всею травинку Ваня помялъ,
 Алм цвѣтики всё Ваня перервалъ,
 Красну дѣвицу терялъ,
 Во тюрьму Ваня попалъ.
 Во тюремшкѣ Ваня сидѣлъ,
 Самъ въ окошечко глядѣлъ,
 На добраго коня смотрѣлъ,
 Съ конемъ рѣчь говорилъ:
 «Ужъ ты, конь ли мой конекъ,
 Конь добра лошадь мой!
 Что не вынешь меня
 Съ бѣлой каменной тюрьмы?»

Вторая однородная русская пѣсня (древнѣйшей формы) такова:

Добры молодцы всё на волюшкѣ живутъ,
 Однѣ Ванюшка въ побѣдникѣ сидятъ:
 Въ каменной, Ваня, государевой Москвѣ,
 Въ земляной тюрьмѣ, за рѣшетками,
 За желѣзными дверями,
 За всякими замками.
 За утра Ваню къ наказанью ведутъ,
 Къ наказанью—ко ременному янту,
 Еъ столу крашенному, дубовому.
 По праву руку отецъ съ матерью идутъ,
 По лѣвую руку молода жена съ дѣтми,
 Молода жена съ дѣтми малыми,
 Позади его православный весь народъ.
 Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
 «Ты сини съ меня шелковой повязь
 Съ позолоченными на немъ ключиками.
 Отопрѣ, жена, оковыя сундукъ,
 Ужъ ты вынь оттодь золотой казны,
 Ты дари, жена, молодого палача,
 Чтобы молодой палачъ меня легче наказывалъ!»

Для пѣсни подъ № IV имѣется въ Россіи такой вариантъ:

Не ласточка ко мнѣ прилетала,
 Касаточка вѣстку приносила:
 Будто бы мой-то миленькой сидитъ во неволѣ,
 Во той тюрьмѣ, въ губернскомъ острогѣ.
 Во той тюрьмѣ нѣтъ ни дверей, ни окошекъ,
 Одна труба и та дымовая;
 Изъ трубочки дымокъ повѣваетъ,
 У дѣвушки сердце замигаетъ.
 Пойду, млада, въ высоки хоромы,
 Возьму, млада, ключи золотые:
 Отопру, млада, ларцы кленовые,
 Пойду, млада, всёхъ судей дарить.
 Судьи денегъ моихъ не принимаютъ
 Любезнаго ко мнѣ не пускаютъ.

Въ Россіи еще извѣстны слѣдующія прекрасныя тюремныя пѣсни:

1.

Изъ-подъ цвѣтика да каменной Москвы,
 Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
 Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ молодца,
 Ведутъ молодца да вѣдь ко вѣшанью.
 Идетъ молодецъ да самъ не качается,
 Его буйная головушка не тряхнется,

Его русые кудерки не шелохнутся.
 Во рукахъ-то онъ несетъ воскову свѣчу,
 Бѣлы рученьки да воскомъ залито.
 Какъ на встрѣчу ему православию царь.
 Еще сталъ государь его распрашивать:
 — «Ты скажи-ка, скажи мнѣ, добрый молодецъ,
 Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой

держалъ?»
 — Ужъ ты, батюшка благосѣрный царь!
 Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
 Воровали твои да донски казаки,
 Донски казаки да казаченьки;
 Все казаченьки дувать дувачки,
 Дувать дувачки, казну дѣлили,
 Казну дѣлили, да казну-денежки;
 Ужъ какъ я ихъ, молодецъ, при томъ случѣи
 былъ,

При томъ случѣи былъ да все намъ просилъ;
 Ужъ какъ мнѣ-то, молодцу, паю не дали..
 Всѣ казаченьки да испугались,
 По низкии мѣстамъ разбѣжались,
 По низкии мѣстамъ по болотычкамъ,
 Одному-то мнѣ казна досталась.

Вариантъ въ 1-мъ приложеніи: «Еще сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ» и проч.)

2.

Ходилъ-то я, добрый молодецъ, по чистому полю:
 Мягкая постелюшка—зеленый песокъ,
 Иголовыще мое—шелкова трава!
 Какъ во селѣ было во Лысковѣ,—
 Тутъ построена крѣпкая темница.
 Какъ во той во крѣпкой темницѣ
 Посажень сидятъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ Чернышевъ, Иванъ

Григорьевичъ.
 Онъ по темницѣ покаживаетъ, самъ слезно
 плачетъ.

Самъ слезно плачетъ, онъ Богу молится:

«Ты возмой, возмой, туча грозная!
 Разбой громомъ крѣпкия тюрьмы,
 Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,
 Невольнички неохотнички.
 Всѣ невольнички разбѣжались,
 Во темномъ лѣсу они собрались,
 Сохотились они на поляночку,
 На поляночку на широкую.
 «Ты взойди, взойди, красное солнышко!
 Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодецъ,
 Добрыхъ молодецъ, сиротъ бѣдныхъ,
 Сиротъ бѣдныхъ, безпашпортныхъ».
 Ниже города, ниже Нижнего
 Протекала тутъ рѣчка быстрая,
 По прозванью рѣчка Волга-матушка.
 Течеть Волга-матушка по дѣлнмъ неслимъ
 камушкамъ,

Какъ по рѣченкѣ плыветъ легка лодочка.
 Эта лодочка изукрашенная,
 Все молодчиками изсаженная.

3.

Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полночи,
 Свѣтилъ въ половину;
 Какъ скакалъ да скакалъ добрый молодецъ
 Безъ кѣрной дружины.
 А гналъ да гналъ за тѣмъ добрымъ
 молодецъ

Вѣтри полевые;
 Ужъ свѣтять да свѣтять въ уши разудану
 Про его разбой.
 А горятъ да горятъ по вѣмъ во дороженькамъ
 Костры страженье;

Ужь слѣдять да слѣдять молодца-разбойника
Царские разбѣды;
А сулятъ да сулятъ ему, разудалому,
Въ Москвѣ бѣлокаменной каменны
палаты.

4.

Ужь ты воля, моя воля, воля дорогая,
Ты воля дорогая, дѣвка молодая!
Дѣвка по торгу (или: во Москвѣ дѣвка) гуляла—
красоту терла;
Красоту дѣвка терла (платочекъ украса), въ
острогъ жить попала
Скучно грустно красной дѣвкѣ въ острогѣ
сидѣти,
Во невозможкѣ сидѣти, въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка ложить путь-дорожка.
Какъ по этой по дорожкѣ много идуть-йдуть.
Моего дружка, Ванюши, его слѣду ибуть.
За быстрою за рѣкою мой Ваня гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ, товаръ
закупаютъ,
Товаръ Ваня закупаетъ купческой дощкѣ.
Ужь я то-то ибѣ досадно, хоть была бы лучше!
Развѣ глѣзъ-то она лучше, что коса длиннѣе,
Что коса у ней длиннѣе и брови чернѣе.

5.

Не рабнущка со березонькой
Совивается,
А не травонька со травонькой
Соплетается.
Какъ не мы ли, добрые молодцы.
Совыкались.
Какъ лѣса ли, въ лѣсочки,
Лѣса наши темны!
Вы кусты ли, наши кусточки,
Кусты наши великіе!
Вы станы ли, наши станочки,
Станы наши теплые!
Вы друзья ли, наши друзья,
Братцы-товарищи!
И еще ли вы, мои лѣсочки,
Исѣ повырубленные!
Всѣ кусты ли, наши кусточки,
Всѣ поломанные!
Вы станы ли, наши станочье,
Всѣ разоренные!
Всѣ друзья ваши, братцы—
Товарищи посажены,
(Остался одинъ товарищъ—
Стенька Разинъ смѣть).
Рѣвы ноженки въ кандалахъ заклеяны.
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи—бравые солдатухи.
Никуда-то намъ, добрымъ молодцамъ,
Ни ходу, ни выпуска,
Ни ходу намъ, ни выпуска
Изъ вѣрковой тюрьмы.
Ты возмой, возмой туча грозная,
Ты разбей-ка, разбей земляны тюрьмы!

6.

Не отъ пламечка, не отъ огнечка
Загорался въ чистомъ полѣ ковыль-трава;
Добирался огонь до блага до камешка.
Что на камешкѣ сидѣлъ младъ асень соколя.
Подпалывало-то у ясна сокола крылья быстрія,
Ужъ какъ пѣшь ходитъ младъ асень соколя по
чисту полю.
Прилетѣли къ ясну соколу черны воронны;
Они граляли, смѣялись ясну соколу,

Называли они ясна сокола вороною:
— Ахъ, ворона ты, ворона, младъ асень соколя
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, заметѣла адѣсь?
Отвѣтъ держитъ младъ асень соколя чернымъ
воронамъ:

— Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны воронны!
Какъ отрушу я свои крылья соколиныя,
Поднимусь я, младъ соколя, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я по поднебесью,
Онушусь я, младъ асень соколя, ко сирой землѣ;
Разобью я ваше стадо, черны воронны,
Что на всѣхъ ли на четыре стороны;
Вашу кровь пролью я въ синю море,
Ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я разбѣю по темнымъ лѣсамъ.
Что когда-то было ясну соколу пора-времячко,
Что леталъ младъ асень соколя по поднебесью;
Убивалъ младъ асень соколя гусей-лебедей,
Убивалъ младъ асень соколя сѣрыхъ утокъ.
Что когда-то было добру молодцу пора-времячко,
Что ходилъ гулялъ добрый молодецъ на во-
лжкѣ,
Что тепоръ добру молодцу пора-время ибѣть.
Засаженъ сидѣть добрый молодецъ во побѣд-
ности;
У злыхъ вороговъ добрый молодецъ въ земляной
тюрьмѣ.
Онъ не годъ-то сидѣть, добрый молодецъ, и не
два года,
Что сидѣть-то добрый молодецъ ровно трид-
цать лѣтъ.
Что головушка у добра молодца стала съде-
шенъка,
Что бородушка у добра молодца стала бѣлешенька.
А все ждѣть-то онъ, поджидаетъ выкупъ—вы-
ручки;
Быль и выкупъ бы, была выручка, своя волюшка,
Да далечева родная сторонушка!

Два послѣднихъ стиха приставлены изъ дру-
гой пѣсни; безъ нихъ она поется вся въ цѣль-
номъ видѣ на Уралѣ. Въ нашѣмъ сборникѣ
пѣсенъ она восполняетъ недостающее и забы-
тое на Пермскихъ заводахъ въ той пѣснѣ,
которая помѣщена нами въ текстѣ 2-й главы
„На каторгѣ“, а записана въ Байкаломѣ.

Въ Россіи сохранилась въ народной памяти
еще слѣдующая пѣсня, отвѣчающая содержа-
ніемъ своимъ многимъ тюремнымъ пѣснямъ:

7.

Изъ Кремля, Кремля вѣрка города,
Отъ двора, двора государева,
Что до самой ли Красной площади
Пролегла тутъ широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца большого боярина,
Что большого боярина—атамана стрѣльцкаго,
За мѣшину противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли, молодецъ, не отступаетъ,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Передъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ,
А за нимъ идуть отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена.
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдають, какъ ручьи шумать,
Въ возрыданьи выговаривають:
— Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,

Принеси свою повинную;
 Авось тебя государь-царь покажет,
 Оставить буйну голову на могучих плечахъ.
 Камнетъ сердце молодецкое,
 Онъ противится царю, упрямятуетъ,
 Отца, матери не слушается,
 Надъ молодой женой не скажется,
 О дѣтяхъ своихъ не боится.
 Привели его на площадь Красную:
 Отрубил буйну голову,
 Что по самы могучи плеча.

Сохранились и пѣсни, завѣщанныя волежскими и другими разбойниками, пѣснюгда наполнявшими сибирскія тюрьмы въ избыткѣ. Ими же занесены и забыты многія пѣсни и въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ, гдѣ успѣли эти пѣсни на наши дни частью намѣнить, частью изуродовать, а частью обмѣнять на другія. Свободное творчество не получило развитія, причину тому ближе искать въ постоянныхъ преслѣдованіяхъ приставниками. Пѣсни въ тюрьмѣ—запрещенный плодъ. Дальнѣйшая же причина, естественнымъ образомъ, зависить отъ тѣхъ общихъ всей Россіи причинъ историческихъ, которыя помѣшали создаваться новой пѣснѣ со время Петра Великаго. Вначалѣ вытѣсняли народныя пѣсни соблазнительныя солдатскія (военныя), въ которыхъ ярко и сильно высказалось въ послѣдній разъ народное самобытное творчество (особенно въ рекрутскихъ). Съ особенною любовью здѣсь приняты и особеннымъ сочувствіемъ воспользовались пѣсни рекрутскія и въ сибирскихъ тюрьмахъ: и „По горамъ, горамъ по высокимъ, младъ свзой орелъ высоко леталъ“, и „Какъ по морю-моречку по Хвалынскому“ и „Не шуми-ка ты, не грѣши, мать зелена дубровушка“ *). Затѣмъ растянули по лицу земли рус-

ской войска въ то время, когда уже познакомились они съ дѣланною, искусственною и заказною пѣсню; потомъ завелись фабричныя и

Зелена груша—
 Молода жена.

II.

Какъ по морю-моречку по Хвалынскому
 Цлмвуть восплывають тридцать кораблей:
 Одинъ-отъ кораблей попередъ бѣжить,
 Онъ бѣжить-бѣжить, соколомъ летитъ.
 На томъ ли на корабляхъ Рыжковъ атаманъ.
 «Гребите вы, молодцы, подгребайте,
 Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте!
 Какъ за нами, за молодцами, три погони:
 Первая погонюшка—то солдаты,
 Вторая погонюшка—то гусары,
 Третья погонюшка—донски казаки.
 Первой погонюшки не боюся,
 Второй-то погонюшки не страуся,
 Третьей же погонюшка я боюся.
 То не пулечка свинцовая пролетаетъ,
 Не калено ядринко прилетаетъ,
 Атамана Рыжкова убиваетъ.

III.

Не шуми-ка ты, не грѣми,
 Мать зелена дубравушка!
 Не мѣшай-ка ты, не мѣшай
 Мнѣ, молодцу, думу думать!
 Ахъ, приходитъ же на дубравушку,
 Приходитъ невзгода.
 Вотъ невагодушка да на дубравушку—
 Зимонья холодна.
 Исповнушить, исповкрутить
 Всѣ листья-коренья.
 Какъ на крутенькомъ и на прекрасенькомъ
 Былъ я на ярочѣ,
 Какъ на желтенькомъ на распычатомъ
 На мелкомъ песочкѣ.
 Что не черне-то въ полѣ
 Вороны слетались,—
 Солетались-собралися
 Молодцы ребятушки.
 Вы солдатухи, вы молодежки,
 Вы новобранны!
 Получили ли вы, ребятушки,
 Царскія присяги?
 Что жъ ты, рѣченька, что жъ ты, бистрая,
 Долго не проходишь?
 Ледождъ тоненькій, ледождъ осененькій
 Долго не проносишь?
 Нашихъ милыхъ голубушекъ
 Долго не проносишь?
 Наши милыя голубушки
 Самы переѣдутъ.
 Извѣстная былина-пѣсня «Собъзаетъ князь Михайло со широкяго подвояра», разсказывающая объ убійствѣ свекровью невестки, въ сибирскихъ тюрьмахъ извѣстна до мельчайшихъ подробностей и даже представляетъ лучшій, полнѣйшій вариантъ. Въ Сибирѣ одно убійство слушать поводомъ къ двумъ новымъ убійствамъ:
 Вынимаетъ князь Михайло
 Изъ ножонъ бузатный ножикъ:
 Онъ пронзаетъ свое сердце,
 Онъ пронзаетъ ретиво.
 Какъ воговорить его матушка родима:
 «Ахъ, злодѣйка я, согрѣшила,
 Три души я погубила:
 Се-де сына, се невестку,
 Се младенца во утробѣ!»

*) Вотъ въ какомъ видѣ являюся эти три пѣсни въ Сибирѣ на каторгѣ:

I.

По горамъ, горамъ
 По высокимъ,
 Младъ свзой орелъ
 Высоко леталъ,
 Высоко леталъ,
 Жалобно кричалъ.
 Во строю солдатъ
 Тяжело вздыхалъ:
 «Мнѣ не жалъ, не жалъ
 Самого себя,
 Только жалко мнѣ
 Зелена сада.
 Во зеленомъ саду
 Есть три деревца:
 Первое деревцо—
 Книпарисово,
 Другое деревцо—
 Сладка яблонька,
 Третье деревцо—
 Зелена груша.
 Книпарисъ древо—
 Родной батюшка;
 Сладка яблонька—
 Родна матушка.

потанцли въ народъ свои доморощенные пѣсни, находящіяся въ близкомъ родствѣ съ казарменными; наконецъ, втиснули въ народъ печатные пѣсенники съ безграмотными московскими и петербургскими виршами, съ романсами и цыганскими бездѣлушками. Но въ солдатскихъ и фабричныхъ пѣсняхъ уже утратилась старая, ловкая грань и появилась новая фальшивая, а потому и не мудрая. Да пусть живетъ и такая, когда нѣтъ другой: на свободѣ пѣсня творится, на волѣ поется, гдѣ и воля, и доля, и доля, а обо всемъ этомъ въ тюрьмахъ нѣтъ и поминя.

Въ сибирскихъ тюрьмахъ есть еще нѣсколько пѣсенъ, общепотребительныхъ и любимыхъ арестантами, не смотря на то, что онѣ, по достоинству, сродни кисло-сладкимъ романсамъ пѣсенниковъ. Рѣшаюсь привести только три въ образчикъ и въ доказательство, что другія, подобныя имъ, и знать не стоить.

П Е Р В А Я.

Сидитъ пташечка во кѣткѣ,
Словно рыбочка во сѣткѣ.
Видитъ птичка кѣтку,
Кѣтку очень рѣдку,
Избавиться не можетъ.
Крылья-перья бѣдна перебила,
Все по кѣточкѣ летала.
Вострый носикъ притупила,
Все по щелочкамъ клевала.
Отчего же у насъ слезы льются,
Словно ельняны быстры рѣки?
Слезы льются со кручинны.
Со великой алой печали.
Вспомню, мальчикъ—сожалѣюсь,
Гдѣ я, маленький, родился.
Приважаю себѣ на память,
Съ кѣмъ когда я веселился.
Имѣлъ я пищу, всяку растворенность,
Вѣлъ я хлѣбъ съ ситкомъ,
Имѣлъ и вровать нову тебовую,
Перинушку перовую.
Я теперь, бѣдный, ничего не имѣю,
Кромѣ худой рогозонки.
Я валаюсь, бѣдный, ною ногами
До такого время-часу:
Ожидая самъ себѣ рѣшенья
Изъ губернскаго правленья.
Неизвѣстно, что намъ, братцы, будетъ,
Чѣмъ дѣла наши рѣшатся.
Перетеръ я свои ножки рѣзны
Желѣзными кандалами;
Перебила я свои ручки бѣлы
Нѣмецкими наручниками;
Приглядѣлъ я свои ясны очи
Саровъ желѣзную рѣсетку:
Вижу, всѣ люди ходятъ по волѣ,
Я одинъ, мальчикъ, во неволѣ.

В Т О Р А Я.

Хорошо въ острогѣ жить,
Только денежкамъ не вѣдь.
По острогамъ, по тюрьмамъ.
Ровно крысы пропадамъ.
Какъ пойдетъ доходъ казашный—
Только брюхо набивая;

Отойдсть доходъ казашный—
Только спину подставляя.. и проч.

Т Р Е Т Ъ Я.

Суждено намъ такъ страдать!
Быть, прелестная, съ тобой
Въ разлукѣ—тяжко для меня.
Охъ! я въ безжалостной странѣ!
Гонимый варварской судьбой,
Я злое счастье испыталь.
Промель мятарства всѣ земниа
На длинной цѣпи въ кандалахъ.
Тому причиной люди злою.
Судья, судья имъ—небеса.
Знакомъ съ ужасной я тюрьмою,
Гдѣ много лѣтъ я пострадалъ.
Но вотъ ужъ, вотъ ужъ—слава Богу!—
Вдохнувъ, я самъ себя сказалъ:
Оковалъ тяжкия дороги
И въ Сибирь я жить попалъ,
Гдѣ часто, какъ ребенокъ, плачу:
Свободы райской я лишень.
Ахъ! я въ безжалостной странѣ.
Въ странѣ, гдѣ коварство рыщетъ,
Гдѣ нѣтъ пощады никому,
Гдѣ пламенная леза пышетъ,
Подобно аду самому.
Лишь утрення заря восходитъ,
Словно въ адѣ закипаетъ,
Приказаніе приходитъ,
Дежурный строго прокричитьъ:
«Вставай живѣе, одѣвайся!
Вѣ къ разводу выходи!»
Но вотъ одно, одно мученье:
Манежно учать ходить нашь.
Я Богу душу оставляю,
Живанью жертвую царю,
Кости себѣ оставляю,
Сердце маменькѣ дарю *).

Несомнѣнно, что сочиненіе этихъ пѣсенъ принадлежитъ какимъ нибудь мѣстнымъ цыганъ, которые пустили ихъ въ толпу арестантовъ и занесли, такимъ образомъ, въ циклъ тюремныхъ пѣсенъ. Не задумались и арестанты принять ихъ въ руководство: благо пѣсни въ нѣкоторыхъ стихахъ близки къ общему настроенію духа, намекають (не удовлетворяя и не раздражая) о нѣкоторыхъ сокровенныхъ думаяхъ и, пожалуй, даже гадательно забѣгаютъ впередъ и кое-что разрѣшаютъ. Не гнушаются этими пѣснями арестанты, потому что требуютъ только склада (ритма) на голосѣ (для напѣва) а, за другими достоинствами не гоняются. Такова, между прочимъ, пѣсня ссыльныхъ, любимая ими:

*) Известны еще длиннѣйшія вирши: «Повольте вспомнить про бывое» и проч. и «На дворѣ шумѣла буря, вѣтеръ форточкой стучалъ»; «Я видѣлъ, какъ въ странѣ чужой моихъ собратьевъ хоронили» и пр., все неудачныя попытки, разсчитывающія на дальнѣйшее развитіе тюремной пѣсни, но пользующіяся нѣкоторымъ успѣхомъ только въ воинскихъ каторжныхъ тюрьмахъ. За ними одно досадное право—вытѣснять мало по малу самобытные перлы народнаго творчества. Изъ известнаго романсовъ пробрался въ тюрьмы между прочимъ Варламовскій: «Что не вѣтеръ вѣтку клонить».

Ужъ ты, матушка Расея,
Выгода насть отцеля (2-жды),
Насть отцеля (отцеля) не хотѣлось (2-жды)
Сударушка не ведала (2-жды),
Любить до вѣку хотѣла (2-жды).
Какъ за рѣчкой за Дунайкой (2-жды),
Красныя дѣвушки тамъ гуляя,
Промежду собой рѣчь говорили,
Все по дѣвушкѣ тужила:
— Что на дѣвушку за горе,
Что на красну за такое?
Съ горя ноженки не носить,
Бѣлы ручки не владеютъ;
Съ плечъ головушка скатилась,
По кроваткѣ раскатилась,
Дружка мнѣго хватилась.

Однако, глѣоторымъ достоинствомъ и даже искусствомъ, отличающимъ опытнаго стихотворца, отличается одна пѣсня, известная въ верхнихъ туркмакъ и предлагаемая, какъ образчикъ туземнаго, сибирскаго творчества. Пѣсню подцѣтили даже мѣстными словами для пушлага колорита: является омулевая бочка—виѣсталище любимой иркутской рыбки омуля, во множествѣ добываемой въ Байкалѣ и, въ соленомъ видѣ, съ достоинствомъ замѣняющей въ Сибири голландскія сельди; слышится баргузинъ, какъ названіе сѣверо-восточнаго вѣтра, названнаго такъ потому, что дуетъ со стороны города Баргузина и замѣчательнаго тѣмъ, что для нерчинскихъ бродягъ всегда благоприятный, потому что попутный. Наталкиваемся въ этой пѣснѣ на Ака-туй—вѣюгда страшное для осмысленныхъ мѣсто, ибо тамъ видѣлись каменные мѣшки и осмысленныхъ сажали на цѣль, Ака-туй—предназначавшіяся для безнадѣжныхъ, отчаянныхъ и почему либо опасныхъ каторжанниковъ. Въ серединѣ пѣсни влѣиваетъ мы и въ рѣчку Карчу—маленькую, одну изъ 224 рѣчекъ, впадающихъ въ замѣчательное и знаменитое озеро-море Байкаль.

Славное море, привольный Байкаль!
Славный корабль—омулевая бочка!
Ну, баргузинъ, попенелживай валь,
Платье можоду недалечко.
Долго я звонкія цѣны носила,
Душно мнѣ было въ горахъ Ака-туя!
Старый товарищъ бѣжать пособилъ:
Ожилъ я, возю мѣчу.
Шила и Нерчинскъ не страшны теперь,
Горная стража меня не видала,
Въ дѣбрѣхъ не тронуть прожораный звѣрь,
Пуля стрѣлка мнѣвала.
Шелъ я и въ ночь и средь бѣлага дня,
Вкругъ городовъ я просматривалъ зорю.
Хлѣбомъ кормили крестьянки мена,
Пари снабжали махоркой.
Весело я на сосновомъ бревнѣ
Платье черезъ глубокія рѣки пускался.
Мелкія рѣчки встрѣчалася мнѣ—
Въ бродѣ и чрезъ нихъ проправлялся.
У моря струсилъ немного бѣглець;
Веревъ крутой, а мнѣ въ на корыта.
Шелъ я Карчой и дошла, наконецъ,
Въ бочкѣ, древною замытой.
Нечего думать—Богъ счастье послалъ:
Въ этой посудѣ и быкъ не потонетъ;
Труса достанетъ и на суднѣ валь,

Смѣлаго въ бочкѣ не тронетъ.
Тѣсно въ ней жить омулямъ—
Мелкія рыбки, утѣштесь словами:
Разъ побывать въ Ака-туѣ бы валь,—
Въ бочку подѣлали бы сами.
Четверо сутокъ пошулъ по волнамъ,
Парусомъ служить армякъ дыроватый,
Близко виднѣются горы и лѣсъ:
Могъ погулять бы и здѣсь, да бѣсъ
Ташеть къ родному селеню (Конца нѣтъ).

Вотъ, стало быть, и баринъ какой-то самошегъ подаркомъ и написалъ арестантамъ стици, на манеръ столичнаго способа, къ которому приобѣгали стихотворцы и водевиллисты, желавшіе приглубить и задобрить трактирныхъ половыхъ, банщиковъ и клубныхъ швейцаровъ.

Около той же темы ходятъ и авторъ слѣдующей, такъ называемой бродяжкѣй пѣсни.

Обойдемъ мы кругомъ моря,
Помовну бросимъ гора;
Какъ придемъ мы во Култукъ,
Подъ окошечко стукъ-стукъ.
Мы развяжемъ торбагѣйки,
Стрѣлять станемъ сапатѣйки.
Нададутъ намъ хлѣба-соли
Нададутъ и бараболы (картофела).
Хлѣба-соли наберемъ,
Въ баньку ночевать пойдемъ.
Туть приходять къ намъ старые
И ребята молодые
Слушать Франца-Венцелана,
Про Бову и Ерусалана;
Проводить ночь съ нами ради,
Хотя потъ течетъ съ нихъ градомъ.
Сибирякъ развѣситъ губы
На полѣ въ бараньей шубѣ...

Арестанты—повторимъ опять—ничѣмъ не брегаютъ: они берутъ въ тюрьму (хотя тамъ и передѣлываютъ по своему), также и пѣсни свободныхъ художниковъ, какими были, напр., поэты Лермонтовъ и Пушкинъ. Берутъ въ тюрьму (и только переменяютъ немного) и пѣсню, сложенную на другомъ русскомъ нарѣчій и тоже поэтомъ и художникомъ, какими были, напр., известный малороссійскій разбойникъ Карелюкъ. Въ то же время поютъ арестанты: „Ударилъ часъ—мѣдъ зазвучала“, „но, разумѣется, съ приличною прибавкою: „Ударилъ часъ—цѣль зазвучала и будто стоны издадала; слеза на грудь мою упала, душа заныла—замерла“. Поютъ арестанты и „Лишь только занялась зара“ и „Просветелъ день моей красы“, „Прощаюсъ, ангелъ мой, съ тобою“ и „Я въ пустыню удаляюсъ“, „Взвейся ласточка—вскружися“, и „Во тѣмъ ночной ярилась буря“, и „Не слышно шуму городского“;—всѣ тѣ, однимъ словомъ, пѣсни, которыя близко подходятъ своимъ смысломъ къ настроенію общаго тюремнаго духа. Въ особенности распространена послѣдняя:

Не слышно шуму городского
Въ занесковой башнѣ ташина,
И на штыкѣ у часоваго
Горятъ полночная звѣзда.

Распространена темъ болѣе эта пѣсня, что въ ней есть и бѣдный юноша—ровесникъ младшимъ цвѣтущимъ деревьямъ, который въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню и отдаетъ тоску воинамъ. Выражено и прощанье съ отчизною, роднымъ домомъ и семьей, отъ которыхъ узникъ за желѣзною рѣшеткою на вѣвь сокрылся, и прощанье съ невестой, женою и тоска о томъ, что не быть узнику ни другомъ—ни отцомъ, что застынетъ на свѣтѣ его мѣсто и сломится его вѣнчальное кольцо. Выражена въ пѣснѣ и надежда: „Есть русскій царь въ алатой коронѣ: горитъ на немъ алмазь алатой“, — и мольба: „Яви ты милость намъ на тронѣ: будь намъ отецъ,—помогуй насъ!“ „Устроилъ я себѣ неволю (поетъ пѣсня дальше), мой жребій—слезы и тоска, и горестную эту долю содѣлала рука моя“, — и заключаетъ такъ: „Прошла ужъ ночь—и на разсвѣтъ алатой лучъ Феба воссиялъ, но бѣдный узникъ въ казематѣ все туже пѣсню заглядывалъ“. Рекомендуютъ арестанты и своимъ авторомъ въ большомъ числѣ (изъ заключенныхъ торбанистовъ), но мы пѣсни ихъ приводить не станемъ за безплодностью содержанія и уродствомъ формы. Но вотъ, для образца, та пѣсня, въ которой извращаетъ Лермонтовъ:

Между горъ то было Енисея
Раздается томный гласъ,
Какъ сидятъ несчастный мальчикъ
Со унылою душой.
Вѣлы ручкию комятъ,
Проклиналъ судьбу свою:
Злосчастная fortuna,
Ты на что родишь меня?
Всѣ товарищи гулають,
Забавляются съ друзьями,
Только я, несчастный мальчикъ,
Удиваюсь слезыма.
Вы подайте мово друга,
Кони вороного мѣя,
Ужъ ты коня, ты лошадей добра!
Ва одно со мной страдавай!
Тамъ звѣри люты возрычали,
Растерзавъ тебя хотая.
Не ходи, несчастный мальчикъ,
Лишь погибель тамъ твоа.
Я ваялъ бы себѣ друга—
Своего добраго коня:
На тюрьмѣ—то тамъ высокой
Дверь тамелая съ замкомъ.
Черноокая далеко
Въ вышномъ теремѣ своемъ.
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вихоръ, улочу.
Лишь красавицу милую
Прежде сладко поцѣлую.

У этой пѣсни есть двойникъ, какъ будто переделка Пушкина:

Сидѣлъ молодецъ въ томницѣ,
Онъ глядѣлъ на блѣдый свѣтъ
На чернобровую дѣвицу,
На сивоогриваго коня.
— Я бѣ на конечка садился,
Словно бѣ пташка полетѣлъ.
Весело бѣ съ милой встрѣчался—

Со полуночной звѣздой.

— Ахъ! до зари бы не сидѣла
Въ новой спальнѣ подъ окномъ,
Я украдкой не дарила-бъ
Золотымъ съ руки кольцомъ.
Я слала бѣ изъ воску яраго
Легки крылышки себѣ:
Я-бъ споркнула, полетѣла,
Гдѣ мой миленькій живетъ.
Живетъ мой въ рѣченькой далеко,
А я, млада, за другою.
— Если любишь ты меня,—
Пережди, радость моя!
— Я бы рада перешла,
Переходечку не нашла;
Переходечку нашла—
Лежать жордочка тонка *).

Третья пѣсня, приписываемая Кармелюку, съ меланхолическимъ оттѣнкомъ въ напѣвѣ, досталась намъ только въ нѣсколькихъ куплетахъ и притомъ въ томъ видѣ, какъ сохранилась она въ сибирскихъ тюрьмахъ. Самъ Кармелюкъ съ сибирскихъ тюрьмахъ, какъ сказано выше, жилъ, будучи сосланъ туда съ Волыни за разбой. До ссылки онъ жилъ у своего пана въ буфетчикахъ, наблюдалъ за посудомъ и серебромъ. Серебро украли, подозрѣние пало на Кармелюка; его билъ панъ почти ежедневно, Кармелюкъ не стерпѣлъ и ушелъ въ бѣга. Его слова преслѣдовали, онъ рѣшился мстить: поджегъ панскій домъ, собралъ головорѣзовъ, началъ разбойничать, былъ пойманъ, наказанъ и сосланъ. Возвращаясь на родину изъ Сибири, черезъ Уралъ, какъ говоритъ преданіе, переплылъ на воротахъ (дощатыхъ отъ казачьей каты). На родинѣ продолжалъ разбойничать, заступаясь за хлопковъ и преслѣдуя пановъ на всякомъ мѣстѣ, по всякому вызову обиды крестьянской. Похожденіями своими онъ наполнилъ всю Волынь; слава о немъ распространилась по всему югу. Разказы о его подвигахъ составляютъ цѣлую эпопею, которая ждетъ своего рассказчика. По рассказамъ этимъ, онъ одинъ изъ героевъ народныхъ (можетъ быть изъ послѣднихъ), отстоявшихъ съ энергіею, послѣдовательностью и благородствомъ казачью волю и долю отъ навскаго произвола. Популярность его доказывается не одними пѣснями, которыя распѣваетъ вся южная Русь. Преданіе утверждаетъ, что онъ не загубилъ ни одной души человѣческой и былъ рыцаремъ въ лучшемъ облагороженномъ смыслѣ. Во время своихъ похоженій

*) Конецъ въ этой пѣснѣ выграденъ изъ извѣстной народной:

Ахъ ты, ночь ли ночь,
Ночка темная,
Осенная бурная,—

съ тою отиѣнокъ, что мѣрный стихъ народной обмѣненъ на искусственный стихотворный. Въ подлинникѣ такъ:
Пережди сударушка, на мою сторсушку.
Рада бы я перешла—переходу не нашла.
Переходечку нашла—лежитъ жердочка тонка,
Жердочка тонка—рѣчка глубока.

на Волыни, представляющих ряд честных поступков, онъ два раза былъ схваченъ. Одинъ разъ спасся тѣмъ, что, идучи подь конвоемъ солдатъ въ тюрьму, встрѣченъ былъ въ лѣсу паномъ, вѣшавшимъ въ каретѣ. Панъ спросилъ, кого ведутъ и, узнавъ, что Кармелюка, ругалъ его, упрекать въ злодѣйствахъ. Когда Кармелюкъ убѣдилъ его, упреками въ битыя лежачаго и несчастнаго, на денежную помощь и панъ отворилъ дверцы, чтобы подать злотку, а Кармелюкъ подошелъ принять милостыню, — дверцы кареты захопнулись послѣ того, какъ Кармелюкъ былъ схваченъ и посаженъ въ зарету, въ виду оторопѣвшихъ конвойныхъ, его переодѣтыми хлопцами — сообщниками. Другой разъ, посаженный въ тюрьму, убѣжалъ изъ нее и увелъ вмѣстѣ съ собою союзниковъ въ темную и бурную осеннюю ночь такимъ образомъ. Тюрьма стояла вблизи ограднаго частокола. Кармелюкъ выломалъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ, связалъ рубашки арестантовъ въ длинную веревку; на концѣ привязалъ камень и конецъ этотъ забросилъ между острыми острожныхъ палей: сдѣлался мостъ. По мосту этому ушли утеклцы въ лѣсъ и на волю. Убить онъ былъ въ хатѣ своей коханой, подкупленной паномъ, въ то время, когда шелъ къ ней на свиданіе черезъ сѣни, въ которыхъ засѣлъ панычъ съ товарищами. Убить былъ — по преданію — изъ ружья, заряженнаго пуговицею, какъ характерникъ (колдунъ). Когда проходилъ черезъ сѣни, въ темнотѣ показались головы преслѣдователей. Почувявъ недоброе, Кармелюкъ спросилъ любовницу и успокоился, что это овцы. Въ это время пуля угодила ему въ лобъ и положила на мѣстѣ. При этомъ народное преданіе прибавляетъ, что панычъ съ товарищами были сосланы въ Сибирь за убійство, такъ какъ на подобное преслѣдованіе никто ихъ не уполномочивалъ, а Кармелюкъ не былъ тѣмъ злодѣемъ, который былъ бы достоинъ смерти. Вотъ его пѣсня:

Вовуть меня разбойникомъ,
Скажутъ: убиваю.
Я никого не убилъ,
Бо самъ душу маю.
Возьму гроши съ богатаго —
Убогому даю;
А такъ гроши подѣлявши, —
Самъ грѣха не маю.
Комисары, исправники
За мною гоняють.
Вольше вони людей губяють,
Чѣмъ я грошей маю.
Маю жинку, маю дѣтокъ,
Да и тѣхъ не бачу;
Якъ загадаю про ихъ участь,
То горько заплачу
А такъ треба стеречиса,
Треба въ лѣсу жити,
Хоть здається — свѣтъ великій:
Негдѣ ся подѣти... *)

И, въ заключеніе, еще четыре пѣсни сибирскихъ тюремъ, изъ которыхъ одна коренная и самобытная, пѣсня собственно тюремная:

Ты, тюрьма ли моя, ты тюрьма-злодѣюшка,
Для кого построена,
Ахъ, для кого построена?
Не для насъ-то ли, добрыхъ молодцевъ,
Все воровъ-разбойничковъ? (2 раза).
Ужъ какъ по двору-то все, двору тюремному,
Ходить злодѣй — староста (дважды).
Онъ въ рукахъ-то ли несетъ,
Несетъ онъ большія ключи.
Отворитъ онъ, злодѣй-староста,
Онъ двери тюремныя, —
И выводитъ насъ, добрыхъ молодцевъ,
Онъ насъ къ наказанію...

Конецъ этой пѣсни я узнать не могъ; сообщавшій мнѣ ее поселенецъ не допѣлъ до конца: „Забылъ-де, живя теперь на волѣ“...

Другая пѣсня — на мѣстномъ тюремномъ языкѣ — известна въ Сибири подъ названіемъ: „Пѣсни несчастнаго“. Она поется на одинъ голосъ съ предыдущею.

Нѣтъ несчастіе молодца меня:
Все несчастія повстрѣчались съ молодцомъ
со мной;

тюрьмахъ, принадлежать слѣдующей пѣснѣ, сохранившейся въ пѣльномъ видѣ на Волынѣ и записанной тамъ Н. И. Костомаровымъ:

Повернулся я въ Сибирю,
Не ма мнѣ доли,
А здається, не въ кайданахъ (въ кандалахъ),
Еднакъ же въ неволѣ.
Слѣдять мене въ день и въ ночи,
На всяку годину:
Негдѣ мене подѣтиса,
Я отъ журбы гину.
Маю жинку, маю дѣти,
Хочъ я ихъ не бачу,
Якъ загадаю про ихъ муку,
То горько заплачу.
Забравъ себѣ жваныхъ (т. е. рѣвныхъ) хлопцевъ,
И що жъ мнѣ зъ того?
Засѣдаю при дорожѣ,
Жду подорожного?
Чи хто иде, чи хто їде —
Часто дурно ждати:
А такъ треба въ лѣсѣ жити,
Во не маю хаты.
Часомъ возьму зъ богатаго —
Убогому даю.
А такъ гроши подѣлявши,
Я грѣха не маю.
Вовуть меня разбойникомъ
Кажуть — разбиваю.
Я жъ никого не забивъ,
Бо самъ душу маю.
Ассесоры, справники
Всѣ меня гоняють,
Бильше вони людей забивають,
Нижъ я грошей маю.
Пшищовъ бы я въ мѣсто, въ село:
Всюду меня знають —
А бы бѣ тилько показався,
То заразъ поймають.
А такъ треба стеречиса,
Треба въ лѣсѣ жити,
Хочъ здається свѣтъ великій —
Негдѣ ся подѣти.

*) Отрывки эти, оставшіеся въ сибирскихъ

жания: веселость искусственна и неискренна, насмѣшка сорвалась въ одно время съ большого и испорченного до уродства сердца. Съ настоящими юмористическими народными пѣснями эти тюремныя имѣють только общаго одно: веселый напѣвъ, такъ какъ и онъ долженъ быть плясовымъ, т. е. заставляеть скованныя ноги, по мѣрѣ возможности, выдѣлывать живыя и ловкія колѣна, такъ какъ и въ тюрьмѣ веселиться, плясать и смѣяться иной разъ хочется больше, чѣмъ даже и на вольной волюжкѣ. Пѣсенъ веселыхъ немного, конечно, и собственно въ смыслѣ настоящихъ тюремныхъ, которыя мы назовемъ плясовыми, изъ извѣстныхъ намъ характернѣе другія двѣ: „Охъ бѣдный ежъ, горемышннй ежъ, ты куда ползешь, куда ежншься“? и „Эй усы—усы проявились на Русѣ“. Первая во многихъ частностяхъ не удобна для печати наравнѣ съ десяткомъ другихъ казарменнаго грязнаго содержания (Фенькой, Мигачемъ, Настей, Кужой и другими).

Вмѣстѣ съ поляками-повстанцами и слѣдомъ за своимъ паномъ княземъ Романомъ Сангушкою присланъ былъ въ Сибирь въ Нерчинскіе рудники Онуфрій Ворожбюкъ, крестьянинъ Подольской губерніи, одинъ изъ многочисленныхъ торбаннстовъ Вацлава Ржевусскаго, эмира золотобродаго, ученикъ торбанниста шляхтича Видорты.

Григорій Видорть (род. 1764 г.), народный украинскій поэтъ, былъ съ Ржевуссами на востокѣ. Въ 1821 году онъ перешелъ къ Евстафію Сангушкѣ и восхвалялъ его на торбанѣ только годъ; въ этомъ же году онъ умеръ, передавъ свое ремесло сыну Казтану (умершему въ 1851 г.). Казтанъ Видорть былъ послѣдній торбаннистъ-художникъ. Сынъ послѣдняго уже утратилъ искусство отца и дѣда, но продолжалъ забавлять Романа Сангушку пѣснями дѣда. Изъ нихъ въ честь Романа Сангушки сохранились многія, сочиненныя на малороссійскомъ языкѣ. Эмиръ, какъ извѣстно, любилъ лошадей и украинскую музыку. Для лошадей имѣлъ конюшню, не уступавшую въ роскоши многимъ дворцамъ. Въ комнатахъ, украшенныхъ съ турецкою роскошью, Ржевусскій любилъ по вечерамъ слушать торбаннстовъ, которые гапшагопетн рапи пѣли пѣсни, сложенныя въ честь его. Эти пѣсни принесъ съ собою Ворожбюкъ на каторгу, познакомилъ съ ними каторжныхъ, а вѣстн выучилъ и другимъ малороссійскимъ пѣснямъ. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, сочиненныхъ Видортомъ и переданныхъ Ворожбюкомъ, помнили смыльные поляки. Вотъ одна изъ нихъ, чествующая эмира съ лошадьми:

Гей? выхавъ нашъ Ревука
Въ частый степъ гуляти,
Перевисевъ черезъ плечи
Сигайдакъ богатый.

Грай море! черное море, біле море, сине море,

гала галу гу-гу-гу-гу, гала-гала гу-гу-гу-гу.

Слыи кони погнали

Гнѣдые и черны.

Тѣште мене, щобъ не тужилъ,

Ревука который.

Грай море! черное море, біле море, и т. д.

Шахтамиръ. Тамира (наши кони)—

Том мой соколи!

Коли вемду, синю иду

Не спаду николи!

(Припѣвокъ).

Ахъ ты, Гульда, моя мила,

Коли на ты сяду.

Носишь мене по втру—

Николи не спаду.

Подай, Саво, кони свою,

Нохай мене знають;

Коли сяду на кони я

Жили мнѣ дргаютъ и проч.

„Мелодія пѣсня (говоритъ Аг. Гиллеръ) скорая, красивая и настоящая украинская, весьма сильно свидѣтельствующая о композиторскомъ талантѣ Видорты. Ворожбюкъ въ Сибирѣ пѣвалъ ее съ энергіей и всегда только подъ вдохновеніемъ любимыхъ и милыхъ воспоминаній. Эти пѣсни оживляли его измученное сердце и разглаживали морщины на нахмуренномъ челѣ. А прекрасно пѣлъ Ворожбюкъ и мастерски игралъ на торбанѣ! Онъ былъ извѣстенъ въ смыслѣ подъ именемъ торбанниста“. Попался онъ въ ссылку такимъ образомъ:

Фантазеръ, эмиръ Zlotobrody, въ 1831 г ушелъ въ повстаніе съ оружіемъ, лошадьми и торбаннистами и погибъ въ битвѣ подъ Даховымъ. Ворожбюкъ былъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ въ Сибирь. Въ толгѣ узниковъ шелъ онъ въ ссылку веселый, пѣвучій, остроумный и болтливый. Достоинствами этими и другими онъ съуглѣлъ въ походѣ располагать конвойныхъ солдатъ въ свою пользу и выбивать у нихъ различныя уступки и льготы для товарищей. Смыльные товарищи дали ему прозвище „шахрая“ (барышника, жидка, торгующаго ветошью). Всѣ шахрая любили, шахрая всѣхъ веселилъ. Шли по Волынѣ и Украинѣ не въ скудости, потому что паны и панны дѣлали для узниковъ различныя складчины изъ денегъ, одежды и вещей, потребныхъ на дальнюю и трудную дорогу. Въ Нерчинскихъ рудникахъ Ворожбюкъ женился на сибирячкѣ, занялся хозяйствомъ, торговалъ водкою, но, главное, работалъ деревянныя курительныя трубки, которыя и раскупались товарищами и сибиряками. Неземкѣй и смуглый, онъ былъ настоящимъ типомъ русина съ черными волосами и яснымъ взоромъ“.

Народныя русскія пѣсни покушались идеализировать преступниковъ и характеризировали, между прочимъ, двухъ преступницъ-убійць въ слѣдующемъ видѣ:

1.

Ю чашу мелку оршничку
Уть ходилъ-гулялъ вороной конь,
Юе сутокъ непоенный былъ,
Юдъшшу, не кормя, стоялъ,
Юераское сѣдло на бокъ сбилъ,
Юолотую гриву взорвалъ,
Юеиковъ поводъ въ грязь вымаралъ.
Юе въ Москвѣ а былъ, не въ Пяторѣ,—
Юо стрѣлцкой славной улицѣ,
Юо стрѣлцкой, во купеческой.

(Или такъ:).

Ю звезда ли моя восхожда,
Юскожая, полуночная!
Юсоко ты, звезда, восходила,
Юше лѣсу, выше темнова,
Юше садку зеленова.
Юалеко звезда просвѣтила
Юальше городу, дальше Саратова,
Юальше купчика богатова.
Ютого ли купца богатова
Юучилось у него несчастьицо,
Юсчастьицо, безвременьицо:
Юакъ жена мужа зарѣзала,
Юлкую грудь она ему зарѣзала
Юе простыми ножомъ—булатнымъ.
Юныкала сердце съ печенью
Юа ножикъ сердце вострепенулося,
Юена-шельма улыбнулася,
Юлибнулася, раслибнулася;
Юа холодный погребъ бросила,
Юубовой доской задвинула,
Югоръ желтымъ пескомъ засыпала,
Юна верхъ того землею черною
Юзвой ноженкой притопнула,
Юравой ручишкой прищелкнула,
Юоронила и не плакала;
Ютъ него пошла—заплакала.
Юама младененька вошла въ горенку,
Юадилася подъ окошечкомъ,
Юодъ окошечкомъ переднимъ.
Юприлетали къ ней двои соколы (или два голуба)

[вон соколы, двои ясные
Юан: двои голуби, двои бѣлы]—
Юсверья оя любимые.
Юни стали се спрашивать:
Ю— Ты, сноха лъ, наша невѣстухка!
Юа гдѣ нашъ братецъ Иванушка?
Ю— Онъ отѣхалъ во путь во дороженьку,
Юо путь во дороженьку, въ лѣсъ за
Юохотушкой,
Юа лютымъ звѣрьемъ левнеку.
Ю— Ты сноха лъ, наша невѣстухка,
Юто у ты въ горенкѣ за кровъ?
Ю— Бѣлу рыбицу а чистала,
Юзла рыбица трепеталася,
Юо стѣнамъ руда металася,
Юо горенкѣ она брыгалася.
Ю— Ахъ ты лъ, сноха наша, невѣстухка!
Юа словахъ ты насъ не обманывай:
Юто добрый конь въ стойлѣ стоять,
Юто сбруя ратная на стѣнѣ висеть.
Ю— Ахъ вы, деверья, вы ясные соколы!
Юы возьмите саблю вострую,
Юы снимите съ меня буйну голову:
Юа слово мужа зарѣзала.
Юныкала сердце съ печенью;
Юожила въ холоденъ погребъ,
Юасыпала тѣло пескомъ желтымъ,
Юа поверхъ того землею черною.

2.

Что не истребъ совмкался съ перепелушкою,
Юолюбился колодець съ красной съ дѣлушкою,
Юроторилъ ояъ путь-дорожку,—пересталъ

ходить,
Юроложилъ ояъ худу славу,—пересталъ любить,
Юасмѣлася жъ ты жной, отсѣюи и я тебѣ:
Юы не думай, простота, что я вовсе сирота.
Юменя ли у младой есть два брата родныхъ,
Юесть два брата родныхъ, два булатныхъ ножа.
Юизъ рукъ твоихъ ногъ короватку смошу,
Юизъ крови твоей пиво пьяно наварю.
Юизъ буйной головы андову сточу,
Юизъ тѣла твоео салымъ свѣчь насучу,
Юа посажй-то тово я гостей назову,
Юа гостей назову я сестричку твою.
Юпосажу же я гостей на кроватишку,
Юагадаю что я имъ да загадоку
Юа загадоку во отгадываю:
Юа и что жъ таково: я—на миломъ сижу,
Юа на миломъ сижу, объ миломъ говорю,
Юизъ милово я пью, миламъ потчую
Юа и милъ предо мною свѣчко горить?
Юоуть тутъ стала сосричка отгадывати:
Юа говаривала, братъ, а часто тебѣ,
Юе ходи ты туда, куда поздно зовутъ,
Юуда поздно зовутъ да гдѣ пьяни живутъ.

Въ заключеніе послѣдняя сибирская пѣсня,
называемая бродяжьемъ:

Вы бродяги, вы бродяги,
Юы бродяженъи жом...
Юто я полно-лъ вамъ, бродяги!
Юолно горе горевать:
Юоуть придетъ зима, морозы:
Юы лишилися гульби.
Юарнизонъ стоять порядкомъ,
Юаравами по бокамъ,
Юарабаншики пробѣли,
Юа прикладъ всѣхъ повели,
Юпечи, спину исчеканять,
Ювъ госпиталь насъ поведутъ.
Юаувають, раздѣвають,
Юнасъ на коечки владутъ,
Юмокрими трапичами облачивають:
Юзнать, насъ вымечить хотять.
Юмы со коечекъ вставали,
Юстановилися въ кружокъ.
Юдругъ на дружку посмотрѣли—
Юстали службу разбирать:
Юоуть кому идти въ Бобруцкой,
Юому въ Нерчинской заводъ.
Юмы Бобруцка не боимся,
Юво Нерчинскѣ не бывать:
Юуть-дороженька туда не близко,
Юсо пути можно удрать.
Юуть деревня въ лѣсу близко,
Юна пути стоять кабакъ,
Юцаловальникъ намъ знакомой;
Ювѣ въ нашихъ, лѣтъ бродягъ.
Юмы возьмемъ вина побольше,
Юиввалдинныхъ поддонимъ,
Юи конвой весь перепьетъ,
Юи въ походъ тогда поидемъ.
Юмы конвой весь переважемъ,
Юкараульныхъ разобьемъ,
Юмы оружье все захватимъ,—
Юсами въ лѣсъ съ нимъ удеремъ.

Въ такомъ видѣ известна эта пѣсня въ
Сибири. Первообразомъ ей, вѣроятно, послужила
пѣсня, сочиненная, по преданію, разбойникомъ

Гусевыхъ, ограбившихъ Саратовскій соборъ. Въ саратовскомъ острогѣ Гусевъ сложилъ такую пѣсню:

Мы вочно, братья, распростелись
 Съ бѣдой каменной тюрьмой,
 Больше въ ней сидѣть не будемъ,
 Скоро въ путь пойдемъ большой.
 Скоро насъ въ Сибирь погонятъ,
 Мы не будемъ умирать—
 Намъ въ Сибиря не бывать,

Въ глаза ее не видать.
 Здѣсь дороженька большая,
 И съ пути можно бѣжать,
 Деревушка стоять въ пути близко.
 На краю Самарь-кабакъ.
 Цѣловальникъ нашъ знакомый:
 Онъ изъ насъ же, изъ бродягъ.
 За полштофъ ему вина
 Только деньги заплатить,
 Кандалы съ насъ снимиваетъ,—
 Можно будетъ намъ бѣжать.

ТЮРЕМНЫЙ СЛОВАРЬ

II

ИСКУСТВЕННЫЕ БАЙКОВЫЕ, ЛАМАНСКІЕ и КАНТЮЖ- НЫЕ ЯЗЫКИ.

Древность искусственныхъ языковъ.—Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударный).—Разговоръ стукомъ (нѣмецкій гакезенъ).—Поляки и Шпаунъ.—Телеграфисты.—Разговоръ стукомъ декабристовъ.—Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Бестужевыми.—Обожженная палочка изъ вѣника.—Тюремный словарь.—Бѣдность его.—Искусственныя слова въ тюрьмахъ.—Древность ихъ происхожденія у насъ.—Ясакъ.—Разбойничій языкъ на Волгѣ.—Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Капна.—Отверянцаалъ рѣчь.—Сравненіе иши дѣланныхъ языковъ.—Офенскій языкъ (словарь разносчиковъ-ходобщиковъ).—Образцы словъ и рѣчи.—Музыка или байковый языкъ карманниковъ.—Образцы словъ и рѣчи.—Образцы языка шерстобитовъ и коноваловъ.—Сочотъ.—Языкъ кантюжный.—Языкъ по херамъ и тарабарская азбука.—Языкъ зубраковъ и проч.

Во всё время и у всѣхъ европейскихъ народовъ глубокія тайны, на которыхъ основывается вся суть преступныхъ замысловъ и, преимущественно, мошенничества, всегда прикрывались многочисленными и разнообразными способами изъясненій. Начало мошенническаго языка уходитъ въ древнѣйшія времена, когда слѣды его являются въ неясномъ видѣ, но съ теченіемъ времени языкъ этотъ, подобно мутному отстою, испытывая постоянное броженіе, обогащался и совершенствовался. Нѣмецкій мошенническій языкъ представляетъ собою даже такое явленіе, которое замѣчательно не только въ лингвистическомъ, но и въ культурно-историческомъ смыслѣ,—явленіе, на которое и такъ до сихъ поръ мало обращалось вниманіе. Одна изъ тактикъ попытокъ показала даже крайнюю необходимость изученія по этому поводу такъ называемаго еврейско-нѣмецкаго и другихъ старыхъ и новыхъ языковъ. Съ такими приѣмами автору удалось доказать сильную степень участія (въ искусственномъ языкѣ мошенниковъ), заявленнаго этнически гонимымъ племенемъ, потерявшимъ родину и полузабывшимъ свой родной языкъ. На исковерканномъ и ситванномъ со многими другими языкѣ этомъ мошенническомъ приѣмѣ удалось значительно поработать и ловко укрываться въ теченіи многихъ лѣтъ даже и до сего дня.

На этотъ разъ, какъ и всегда, языкъ представляется собою лишь высшую степень развитія приѣмовъ и знаній, подлежащихъ вѣденію и руко-

водству, известную степень роскоши, но не отрицаетъ существованія болѣе древнѣйшихъ приѣмовъ, какъ, напр., объясненій посредствомъ знаковъ въ помощь себѣ и на выручку тамъ, гдѣ разговоръ невозможенъ. Знаки эти до такой уже степени разнообразны, что исчислить всѣ способы подобнаго разговора не представляется никакой возможности. Для товарищей мошеннической шайки понятно каждое движеніе глазъ, рта, положеніе ногъ, каждое движеніе пальца. Взявшись рукою за шею, приложивъ руку ко рту, къ уху, къ щецѣ, мошенникъ уже разговариваетъ съ товарищемъ и тотъ его понимаетъ. Посаженные далеко другъ отъ друга, но, по случайности, на виду въ противоположныхъ окнахъ, уличены въ разговорѣ руками по азбуцѣ, придуманной для глухонѣмыхъ, но съ тою разницею, что мошенниками усвоена одноручная, такъ какъ азбукою на двѣ руки (употребляемою глухонѣмыми при оживленномъ разговорѣ) въ тюрьмахъ и на допросахъ говорить нельзя. На допросахъ, даже въ присутствіи третьяго лица, рукою передавали обвиняемые другъ другу такія тайны и такъ ловко, при закрытомъ ртѣ, что не могло быть и тѣни подозрѣнія. Доведенный до сознанія, разбойникъ, назвавшій соучастника, на очной съ нимъ ставкѣ оставался нѣмъ, не смѣя повторить своего показанія только потому, что товарищъ запретила ему это тяжелымъ вздохомъ, ускользнувшимъ отъ слѣдователей при самомъ внимательномъ наблюденіи. У вора каждый свистъ,

крикъ, подражаніе звукамъ различнымъ животнымъ, особенно ночью въ полѣ или въ лѣсу (фалшну, перешелу, собакѣ, курицѣ и т. п.), отхаркиванье, откашливанье, всякій возможный звукъ приобретаетъ смыслъ и значеніе и гѣмъ върѣе оберегаетъ тайны, чѣмъ онъ кажется болѣе произвольнымъ и естественнымъ. Въ цивилизованныхъ странахъ мошенники разговариваютъ другъ съ другомъ, напѣвая условные знаки мѣломъ, углемъ, разноцвѣтными карандашами на стѣнахъ, на пескѣ и пр. Въ настоящее время въ Европѣ, съ развитіемъ различныхъ тюремныхъ системъ съ одиночнымъ заточеніемъ (оборнской) и съ обязательствами молчанія (пенсильванской), разнообразіе тюремныхъ языковъ сдѣлалось еще богаче и приемы въ настоящее время стали даже получать систематическую организацію. Предположеніе, высказанное сто лѣтъ тому назадъ въ Германіи нѣмцами, что у всѣхъ мошенниковъ слѣдуетъ разорвать барабанную перепонку въ ухѣ, въ настоящее время владѣетъ тою силою значенія, что разговоръ, рассчитывающій на слухъ, получилъ наибольшее развитіе и сосредоточилъ на себѣ преимущественное вниманіе заключенныхъ въ послѣднее время. Въ этомъ случаѣ для обогащенія звукового языка посредствомъ постукиванья пущены въ ходъ всевозможныя тонкости; равномерность звука при скорыхъ или продолжительныхъ ударахъ или же очередь ударовъ тихихъ и громкихъ, удары, производимые согнутыми пальцами или мясистою частью ладони и кулака; удары сапогомъ, башмаками, ногою, обуюю въ чулокъ, ковшемъ, ложкою, щеткою, щенкою и т. д. въ безконечность. Способъ этотъ удобенъ тѣмъ, что можетъ подчиняться цѣлой системѣ азбуки, во всемъ ея разнообразіи *). Ключей для пониманія существуетъ довольно много и они ведутъ свое происхожденіе отъ жидовскихъ мошенниковъ, но обыкновенно въ европейскихъ тюрьмахъ нападали только на остатки и слѣды, но никогда на цѣлую систему. Въ королевской тюрьмѣ въ Берлинѣ два поляка разговаривали между собою стукомъ, сидя въ разныхъ номерахъ и этажахъ, такъ, что играли даже въ шахматы. Самые старательныя изслѣдованія показали, что иныхъ способовъ у нихъ не было и даже номера не находились одинъ надъ другимъ, а помѣщены были въ противоположномъ направленіи, наискось. Кромѣ этого примѣра, нѣмцы указываютъ еще на нѣкоего Шпауна, который былъ заключенъ въ 1826 году въ тюрьму въ Купфегавѣ и пробылъ въ ней десять лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ получилъ въ сосѣди товарища, отдѣленнаго отъ него толстою стѣною. У Шпауна родилась счастливая мысль разговаривать съ

нимъ постукиваньемъ и онъ создалъ языкъ, который былъ чрезвычайно остроуменъ. Всего болѣе—само собою разумѣется—затрудняло его сообщеніе ключа лицу, которое, можетъ быть, не умѣло понимать по нѣмецки. Шпаунъ началъ съ того, что простучалъ въ стѣну 24 раза и продолжалъ маневръ до тѣхъ поръ, пока не заставилъ незнакомаго понять, что въ этихъ 24 разахъ подразумеваются буквы, выражающіяся стукомъ. Въ немного недѣль они успѣли въ быстрой и свободной бесѣдѣ рассказать другъ другу свою жизнь. Сосѣдомъ оказался г. М., впоследствии сдѣлавшійся государственнымъ статсъ-секретаремъ и герцогомъ В., и былъ довольно извѣстенъ. На свободѣ онъ не забылъ союзника, выхлопоталъ ему свободу и назначилъ пожизненный пенсіонъ. „C'est Sprach ou le diable“! вскричалъ министръ, спустя 10 лѣтъ, когда его посѣтилъ Шпаунъ въ Мюнхенѣ. Къ сожалѣнію, Шпаунъ, не смотря на всѣ хлопоты, ключа своего не повѣдалъ.

Одиночество замкнутого человѣческаго духа, при отсутствіи всякаго искусственнаго способа къ духовному общенію, вынуждаетъ этотъ тюремный способъ разговора посредствомъ стука, уже давно существовавшаго въ народномъ употребленіи, хотя и не имѣвшаго специальной системы. Ремесленники металлическихъ издѣлій умѣдшаго изъ мастерской мастера, подмастерья и ученика зовутъ каждого особымъ ударомъ молотка. На улицахъ, гдѣ живутъ эти работники, такими способами быстро и ловко распространяются цѣлыя извѣстія по всей улицѣ. Телеграфисты, не глядя на депешы, просто на слухъ по стучу слышатъ и читаютъ депешы. Этимъ людямъ тюремныя системы разговоровъ въ настоящее время обязаны во многомъ своимъ развитіемъ и усовершенствованіями (особенно по морзовскому способу телеграфическихъ знаковъ). Телеграфическому способу удалось теперь обобщить всѣ существовавшія до него системы звуковыхъ разговоровъ. Наше одиночное заточеніе по американскимъ системамъ встрѣтитъ уже готовыя формы и, върѣтно, не замедлитъ ими воспользоваться.

Существованіе языка по стучу извѣстно у насъ въ Россіи изъ книгъ, по неумѣнью приписать его неграмотными тюремными сдѣлками и по тому обстоятельству, что одиночное заключеніе у насъ не практиковалось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ въ Европѣ. Но тамъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, языкъ стучевой не медлил своимъ примѣненіемъ и обнаруживалъ существованіе. Декабристы, сидя въ одиночныхъ камерахъ Петропавловской крѣпости, вели разговоръ черезъ стѣну и въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ тому способствовало устройство помпаты, въ клеткахъ, построенныхъ въ амбразурахъ. Разговоръ этотъ или вовсе не былъ возможенъ черезъ стѣны, идущія сводомъ,

*) У нѣмцевъ этотъ способъ извѣстенъ подъ именемъ гакезена, отъ еврейскаго слова—гакке—стучать, ударять.

или былъ нууженъ черезъ деревянныя перегородки, гдѣ можно было разговаривать прямо въ холголоса. Если кто пѣлъ (другая форма разговора), то было все слышно и въ номерѣ напротивъ. Въ Роченсальгѣ пригнѣялъ стукую азбуку Вестужевъ-Марлинскій, сократившій по возможности безконечное стучанье 30 буквъ отечественнаго алфавита раздѣленіемъ ихъ на три десятка. „Недостатокъ этой азбуки (по словамъ его брата Мих. Алек.) состоялъ въ томъ, что гласныя и согласныя выступивались одинаково медленнымъ стукомъ, которые все-таки надо было считать, что утомляло и ухо и голову и гдѣ слушающій безпрестанно смѣшивалъ гласныя съ согласными и заставлялъ повторять фразу, что было тяжелою пыткой для стучащаго“.

О пригнѣненіи звукового разговора по азбукѣ собственного изобрѣтенія М. А. Вестужевъ въ Петропавловской крѣпости даетъ слѣдующія любопытныя подробности („Русская Старина“, апрѣль 1870 г.):

„Я хотѣлъ узнать: есть ли живая душа въ моемъ сосѣдствѣ. Началъ стучать желѣзами въ одну изъ стѣнъ—и въ отвѣта. Въ другой мнѣ отвѣтили едва слышными звуками слабого стука. А что если мой братъ въ сосѣдствѣ? подумалъ я и засвисталъ мотивъ ари, извѣстный только моему брату Николаю. Слышу, онъ повторяетъ этотъ мотивъ“.

Передъ тѣмъ временемъ, когда вносили ночникъ, М. А. Вестужевъ садился въ уголь и тихо стучалъ пальцами въ стѣну. Въ отвѣтъ получалъ таковой же стукъ отъ брата. Каждый день съ той поры начинался взаимнымъ стукомъ полнаго похода, что означало: здравствуй! здоровъ ли? Когда же надо было прекратить стукъ взяли осторожности отъ наблюдателей, братья били пальцами отбой.

Для постоянного разговора придумана была азбука, улучшенная въ устраненіе различныхъ затрудненій, напр. по поводу буквъ послѣднихъ въ азбукѣ, до которыхъ нужно было доставляться десятками двумя-тремя ударовъ. Воспользовался М. А. при этомъ тѣмъ, что братъ былъ морякомъ „и знакомъ со звономъ часовъ на кораблѣ, гдѣ часы и склянка бьютъ двойнымъ краткимъ звономъ“. На этомъ основаніи онъ составилъ азбуку; гіероглифы ея начертилъ обожженными прутикомъ, случайно выпавшимъ изъ вѣнника, когда подметали комнату, на одной изъ страницъ IX тома исторія Карамзина, полученной для чтенія. „Согласныя были явственно раздѣлены отъ гласныхъ особеннымъ стукомъ *). Эта особенность давала возможность въ разговорѣ, ежели не дослышаны двѣ-три согласныя, новый стукъ одной или двухъ глас-

ныхъ давалъ возможность возстановить цѣлое слово, не требуя повторенія“. Служа, изнуренный напряженностью нервовъ въ такомъ одностороннемъ заключеніи, облегчалъ способы выслушивания. Постукавъ по стѣнѣ письмомъ, полученнымъ отъ матери, М. А. получилъ въ отвѣтъ на слухъ тоже. Этого было довольно, чтобы начать стучать. Стучалъ онъ не пальцами, которые распухли отъ безпрестаннаго стучанія съ невыносимомъ болью въ ногтяхъ, а болтомъ желѣзнымъ наручниковъ, замѣненнымъ потомъ обожженной палочкою. Передавая послѣднюю при свидѣтеляхъ одной изъ сестеръ своихъ, онъ имѣлъ полное право сказать: „*Præter, c'est ma langue!*“

Впослѣдствіи, въ разговорѣ при взаимной привычкѣ, братья изобрѣли такъ, что, прежде говоря фразу на полминуты чтенія съ разсвѣта до полудня, стали разговаривать такъ скоро и свободно, что бесѣда стукую была немногимъ длиннѣе изустной. Потомъ рисковали даже выкинуть изъ согласныхъ 10 и изъ гласныхъ 4 буквы и стали догадываться о смыслѣ фразы по начальнымъ буквамъ.

„Много протекло скучно-томительныхъ дней на усовершенствованіе шифреній, на способы скорѣе передавать буквы, на знаки препинанія и предостереженія, на сигналы для вызова къ разговору, и проч.“. Но люди высшаго развитія въ тяжелыхъ условіяхъ одиночнаго заточенія сумѣли выдти побѣдителями при помощи разговора по стуку. Тамъ же, гдѣ не было келейнаго заточенія, гдѣ заключенникамъ приводилось жить совместно обществомъ и общиною, тамъ, само собою разумѣется, являлся языкъ, искусственно-созданный изъ замаскированныхъ словъ,—образовался тюремный словарь.

Тюремный словарь не великъ. Ничего самобытнаго онъ не имѣетъ, и въ то же время, тою извѣстнаго рода окончательностью и богатствомъ, какія представляются, напр., въ языкѣ „картавыхъ проходимцевъ“ офеней и въ довольно полномъ байковомъ языкѣ мазурниковъ (музыкъ). тюремный языкъ похвалиться не можетъ. Сочинялись или принимались слова съ вѣтру про депешный обходъ тюремнаго быта въ узникъ интересахъ замкнутой жизни настолько, насколько это нужно было противъ приставниковъ, смотрителей и надирателей. Круворъ не великъ и искусственно суженъ такъ, что приводится говорить непонятно для другихъ въ немногихъ случаяхъ и не обо многомъ. Скрыть карточную ягру, а не съ нею кое-какія недовольствыя въ тюрьмахъ удовольствія, предостеречь товарищей, сговориться съ ними,—для этихъ цѣлей съ двумя-тремя десятками словъ теремные сидѣльцы могутъ свободно и легко обходиться. Самые усердные разспросы въ десяткахъ сибирскихъ тюремъ привели насъ въ такой небогатой находкѣ, которою мы и подѣлились съ чп-

*) Въсѣхъ отличіе вестужевской азбуки отъ всѣхъ способовъ разговора стукомъ другихъ товарищей.

тателями, истративъ въ предыдущемъ текстѣ почти весь запасъ нашихъ. Хотя и дошли до насъ глухіе слухи о томъ, что, напр., въ южныхъ русскихъ тюрьмахъ по казематамъ существуетъ другой языкъ, но фактическихъ доказательствъ тому мы не получили *). Очень можетъ быть, что кое-гдѣ и скопились небольшие и особенные словари при содѣйствіи остроумной изобрѣтательности, для которой нельзя опредѣлять предѣла, и при помощи тѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые садились съ готовымъ языкомъ. Товарщеская тюремная община не допускаетъ взаимныхъ секретовъ: какойнибудь конокрадъ или шерстобитъ не долго наскрываетъ со своимъ ламаевскимъ или бродяганищій со своимъ кантюжнымъ языкомъ, когда увидитъ настоящую необходимость его пригнѣнія на всякія вылазки и прикрытія. Извѣстно, напр., что мазурики разболтались и тюремный словарь имъ въ этомъ много обязанъ, потому что они-то по преимуществу частые, можно сказать, обычные тюремные сидѣльцы, составляющіе громадное большинство. По крайней мѣрѣ, новѣйшій словарь крупно основывается на „музыкѣ“. Изъ московскихъ и петербургскихъ тюремъ, напр., другихъ словъ, помимо воровскихъ, еще до сихъ поръ никто изъ наблюдателей не выносилъ и не заявлялъ. Но такъ какъ воровской языкъ „музыки“ ведетъ свое происхожденіе отъ древнихъ воровъ, языкъ которыхъ былъ, въ то же время, и языкомъ волжскихъ и другихъ разбойниковъ, то понятна и еще большая связь тюремныхъ словъ съ языкомъ воровъ древнихъ и новыхъ. Какъ первыми прежде, такъ вторыми теперь тюрьмы переполнены, обити не избѣженъ, взаимное обученіе обязательно. Самостоятельность могла проявиться лишь отъ вліянія большинства и тюремный словарь могъ отразить на себѣ характеръ этого большинства. Мы ниѣмъ случая доказать это тѣми словами, которыя подмѣчены Ф. М. Достоевскимъ въ омской военной тюрьмѣ и которыя не входили въ пополненіе собранныхъ нами и не были считавы. Ихъ также очень немного: мелководъ—обыкновенныя кольчатые кандалы не изъ желѣзныхъ прутьевъ (первыя носятъ снаружи, вторыя надѣваются подъ панталоны); чистаякъ—

хлѣбъ изъ чистой муки безъ примѣси мякины, т. е. обыкновенный хваленый артельный хлѣбъ; суфлера—потаскуха, арестантская любовь; Марья-икотница—обыкновенная арестантская болѣзнь, зависящая отъ обыкновенно дурной и преимущественно сухой, безъ приварка, пищи; Иванъ-такукъ—та же желудочная болѣзнь съ болѣе сильными и острыми припадками, зависящая отъ тѣхъ же причинъ; самъ-панъ-тра—нюхательный и самъ-крашэ—курительный табакъ *), марцовка—обыкновенная тюремная пища—вода съ хлѣбовыми корками, тюря (петерб. тюрьмы), и прочее, судя потому, насколько озабочена и остроумна община тюремныхъ сидѣльцевъ. На этотъ послѣдній разъ въ ней чувствуется вліяніе солдатскаго юмора, присутствіе казарменныхъ остряковъ, потому что и въ самой тюрьмѣ указано сидѣть арестантамъ военныхъ ротъ, послѣ многихъ житейскихъ мытарствъ присужденнымъ на каторгу въ крѣпости Сибири. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ то же казарменное вѣяніе не исчезаетъ тамъ, гдѣ, напр., арестантскія цѣи называются шуримурі, острогъ—палочная академія, лишиться правъ состоянія—слушаться барабанной шкуры, счастье—фартъ, арестанты—бѣдность, обмануть—околпачить. Само собою разумѣется, что сочиненіе новыхъ словъ по вызову и вдохновенію новой обстановки, не останавливалось за обиліемъ готовыхъ формъ, оттого и новыя выраженія: стрѣлять саватѣкъ—бродяжить, простокішки поѣсть—неудачно сбѣгать и пойманнымъ возвратиться обратно въ тюрьму, горбачъ—бѣглый (за котомку за плечами), грязн наѣсться—угодить на каторгу, прохожіи, гульный—бродяга, своеручный—фальшивый паспортъ (самодѣльный), маршрутъ—буракъ съ припасами (сибирскій туезъ), желтая пшеничка—контрабандное золото и проч. тому подобное, по случайнымъ вызовамъ и вдохновенію, которые не имѣютъ предѣла.

Это присутствіе сарказма, эти варывы сердитаго остроумія съ безпощаднымъ самоуниженіемъ составляютъ характерную особенность еякихъ разбойничьихъ пѣсень; оно же слишкомъ примѣтно и знаменательно въ сочиненіи словъ не только новыхъ, но и въ древнихъ тюремныхъ. Вотъ висѣлица—качалка, тюрьма—каменный мѣшокъ; застѣнокъ—немношная баня (гдѣ людей вѣсятъ, сколько кто потанетъ); ступъ желѣзный (орудіе пытокъ)—четки или монастырскія четки, кистень—гостинецъ, тайная канцелярія—стукаловъ монастырь, помойная яма—сухой коло-

*) Въ гражданскихъ тюрьмахъ нюхательный табакъ—пропка, курительный—дымъ; селитра—гарнизонный и этапный солдатъ въ Сибири; они же кисла-шерсть въ русскихъ тюрьмахъ.

*) Замѣчено, напр., что въ Сибири терпимы, употребляемые при игрѣ въ карты, совсѣмъ другіе. Это понятно изъ того, что по Россіи въ городскихъ тюрьмахъ, гдѣ можно доставать карты въ полномъ составѣ листовъ, арестанты играютъ въ три листака. Въ Сибири они начинаютъ играть въ одно, потому что добыча картъ затрудняется, а принесенная изъ Россіи изнашивается, остались посѣдше лишь убоженныя бросовыя отъ двойки до семерки, не нужныя при подкаретной игрѣ. На нихъ-то и основывается сибирская арестантская игра въ одно со всѣми приемами, а стало быть и терминами.

дець, колодець—холодная баня; грабежь—черная работа, воровство—походъ, мошенникъ—хлынь, хлыновець, мошенничество—тихая милостыня, разбойникъ—углецкй выемщикъ, преступникъ—уголовщикъ, пьяный—сырой, тревога—мелкая раструска, огонь—виногоръ, воры—купцы пропавшихъ вещей, вино—товаръ изъ безумнаго ряда, котораго портовая и крѣпостная—холодная воды, угнали вора въ Сибирь—улетѣлъ коршунъ за море („я не воръ, а воронъ-то еще летаеъ”—сказалъ Пугачевъ Суворову). Желѣзная клѣтка (въ которой воели на казни)—камчатка, самоубійство—самосудъ, болтливый на допросахъ (откровенный)—нагой, разбойничьи притоны—волчьи гнѣзда, погоня—волна (волна ходить—погоня послана), дѣлать фальшивую монету—тянуть заповѣдное серебро и проч. Это дешевый и обычный приемъ словосочиненія завѣщанъ и вымѣнивать мелкими ворами, которые составили и составляютъ уже настоящій искусственный языкъ. Въ немъ уберелось немного словъ отъ старины: казъ—атаманъ разбойничей начала прошлаго столѣтія, у мазуриковъ въ значеніи заводчика воровскаго дѣла и стараго опытнаго вора. Старинный же дульясъ (огонь) взятъ изъ языка офеней: дуликъ и дульясъ; дуванить—также, сламъ—оттуда же, яманъ—тоже общее слово. Хавъ разбойничей, въ смыслѣ избу, по падаетъ намъ въ отверничкой рѣчи (Могил. губ.). Въ народной памяти изъ разбойничьяго языка сохранилось лишь только роковое выраженіе, страшное своимъ значеніемъ: „сарынъ на кичку“. При лозунгѣ ясыкъ или ясакъ бурлаки этихъ обязаны были пасть ницъ и не шевелиться, пока разбойники не ограбятъ и не развѣдаются съ хозяиномъ судна. По объясненію В. И. Дала значило: червь на носъ, т. е. иди бурлаки на носъ судна (сарынъ—червь, кичка—носъ судна), хотя можно толковать и такъ: клади деньги на голову, на шапку (сары у разбойниковъ деньги серебряныя, а кичка иносказательно очень легко могла быть съ головного убора перенесена на самую голову), по обычному приему всѣхъ подобныхъ искусственно сочиненныхъ языковъ.

Содѣйствіе остроумія для иносказанія въ новѣйшее время отъ стараго объяснялось лишь тѣмъ, что опытъ и практика умудрили мастеровъ выражать понятіе короткими терминомъ, однимъ словомъ (у мазуриковъ: трясогузка—горничная, мѣховыя вещи—окорока, барышникъ—мѣшокъ, бѣлье на чердакѣ—голуби, кана—кабакъ, граблехи—руки и проч.). Въ старину до этихъ иносказаній доходили не сразу, но рядомъ цѣлыхъ выраженій. Тогда же еще надо было, приводя понятіе, объяснить его и втолковывать: пустить рыбу ловить—утопить, судейское кресло—стулъ, на которомъ собачки и вырваны, палки (орудіе казни)—

лоза, чѣмъ воду носить, воры—кунды пропавшихъ вещей („что не увидать, все купить, а ежели увидать что дешевое, то ночь не спать“, вора за купца современные мазурики приняли уже на слово); часовой—гремѣло, что по ночамъ въ доску гремитъ, вино—товаръ изъ безумнаго ряда и проч. Были, впрочемъ, и готовые слова, изъ которыхъ старинные воры (напр., въ прошломъ столѣтіи) могли составлять цѣлыя темныя фразы, понятныя по языку и современнымъ мазуриковъ. У Ваньки Каина въ собственномъ его сказаніи встрѣчаются двѣ: „когда мазъ на казъ, то и дульясъ погасъ“ (когда атаманъ въ избу, то и огонь погасилъ, выговорилъ онъ, когда забрался въ чужой домъ съ шайкою) и „трека калачъ ѣла, стромикъ сверлюкъ страгирила“—съ волнъ сказалъ товарищъ заключенному, извѣщая его о томъ, что въ калачѣ, который онъ подалъ Христа-ради при сторожахъ-свидѣтеляхъ, положены ключи отпереть замокъ кандалной цѣпи. За то Каиново же сказаніе переполнено такими немудреными блестящими дешаваго площаднаго остроумія, въ которыхъ уже нельзя не видѣть стремленія выработать новыя слова для обхода и въ которыхъ столь обычная тюремнымъ сидѣльцамъ озлобленность обнаруживается уже въ полномъ блескѣ.

Ванька Каинъ, какъ обѣжалъ отъ поповщика на воровской промышлѣ, загубившій его душу, такъ и состригъ, написавъ на господской стѣнѣ: „Пей воду, какъ гусь, ѣшь хлѣбъ, какъ свинья, а работай чертъ, а не я“. Загнѣвъ онъ воровалъ и товарищамъ наказывалъ: „Бей во всѣ (въ оскѣ), колоти во всѣ, в тоу не забудь, что и въ кашу кладутъ“ (забирай все, ничего не оставляя). А уворовалъ, то и выговорилъ: „Тяпъ-да-ляпъ, клѣтка въ уголъ, сѣлъ я печка“. Острилъ онъ, жая и подъ Каменнымъ мостомъ въ Москвѣ (з. „каменный мостъ воршкамъ погостъ: полъ да середъ сами съѣли, петъ да полати въ наекъ отдаемъ; пыль да бопоть, притомъ нечего лопать“). Острилъ онъ, когда жаль и убивалъ на Волгѣ и убитыхъ завертывалъ въ „персидскій коверъ, что соль вѣшаютъ“ (рогожний кулъ). Когда шелъ грабить поповщика Шубина, извѣщалъ его такъ: „Неужели у тебя хлѣвной одежды нѣтъ, а всегда ходишь въ шубѣ? Почему и будутъ въ намъ портные для шитья хлѣвнихъ кафтановъ“. Переѣзжаютъ воры черезъ рѣку, офицеръ попадаетъ и спрашиваетъ: „что за люди“?—молчать. Съѣзжаютъ на берегъ, отвѣчаютъ: „Ты спрашивалъ насъ на водѣ, а мы спрашиваемъ тебя на землѣ; лучше бы ты въ деревнѣ жаль да овны жегъ, а не спрашивалъ пробажить“. Атаманъ отгнать у офицера шарфъ и шагу, но велѣлъ заплатить нѣсколько денегъ и отпустилъ. Ту же сословную озлобленность, вдохновленную лишениями, несъ Каинъ съ товарищами повсюду.

во многиа другія мѣста. Не переставалъ онъ острить и тогда, когда попадался на судѣ: „Обиѣ горить (бѣда нависла), а молотальщички обѣдять просить“ (надо дарить подьячичь). Онъ и подкушаетъ, подьячему шепчетъ: „Вудеть тебѣ муки фунта съ два съ походомъ“, т. е. кафтанъ съ камзоломъ. А ватѣтъ на судѣ: „согнулся дугой, и сталъ какъ другой, будто и не я“. И опять не прочь острить на допросѣ: „Баня здѣсь дешева, стойка по гропу, лежанка по вонейкѣ“; „Какой на господиѣ мундиръ, такой и на холотѣ одиѣ“; „Всѣ вы нашего сукна епанча“, т. е. такіе же вормы. Попавшись въ тюрьму и сѣдя въ ней, „молится Петру, чтобъ сберечь сестру“, т. е. удалось бы убѣжать. Побѣтъ удается, потому что выручаютъ товарищи, которые умѣютъ темно говорить и хитро дѣлать. Они сами являются въ тюрьму подъ видомъ благодѣтелей съ подаваніемъ, сами предлагаютъ услуги и спрашиваютъ: „Не хочешь ли бѣжать изъ-подъ караула? У Ивана въ лавкѣ по два гроша лантъ“. Сказанную фразу, до кого она касалась, понимали и въ сказаніяхъ Ваньки Каина сохранилась такая фраза на отказъ, что онъ объ этомъ думалъ съ товарищами и время къ побѣту самъ хотеть выбрать: „Чай пригѣчай, куда чайки летять“.

Этими иносказаніями, этою игрою словъ пробаивались тюремные сидѣльцы изъ воровскаго рѣда съ большіиѣ успѣхомъ еще въ серединѣ прошлаго столѣтія. Каинъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ на воровскомъ промыслѣ еще въ 1745 году; въ 1764 году онъ уже сидѣлъ въ Рогервикѣ (Валтійскій портъ). До него письменныя свидѣтельства о существованіи искусственныхъ изыковъ слабы, но послѣднее не подлежитъ сомнѣнію по нѣкоторымъ намекамъ разныхъ старинныхъ актовъ. Такъ, напр., въ новгородскихъ памятияхъ сохранился страшнo-картинный рассказъ о томъ, какъ царь Грозный, сѣдя за обѣдомъ у новгородскаго архіепископа Пимена въ его гранитной палатѣ, вдругъ вскочилъ изъ-за стола и вскричалъ грознымъ голосомъ „своимъ обычнымъ царскимъ ясакомъ“, послѣ чего московскіе люди схватили и ограбили архіепископа, немедленно бросились грабить Софію, церкви, монастыри, боярскія имущества, рубить гражданъ, жечь и пепелить славный и древній городъ *).

*) Ясакъ въ значеніи знака, условнаго крика, чаика, отъзна, лозунга встрѣчается въ старинной пѣснѣ про Илью Муромца, которая говоритъ, между прочимъ:

Узнайте вы веселочки
Аравитскимъ краснымъ золотомъ;
Узнайте вы уключонки
Альентарскимъ крупнымъ жемчугомъ;
Чтобъ по ночамъ они не буркали,
Не подавали бы они ясаку,
Что ко злымъ людямъ, ко татарамъ.

По Волгѣ ясакомъ наз. до сихъ поръ всякій незнакомый, непонятный, чужой, иностранный

Точно также на другомъ, противоположномъ краю Россіи въ актахъ бывшаго города Орлова (нынѣшняго Воронежа) сохранился такой рассказъ. 20 мая 1682 года изъ села Большихъ-Студенокъ отправилось 20 человекъ, а въ томъ числѣ пять женщинъ за рѣку Воронежъ на степь для борщю. „И переѣдучи рѣку Воронежъ на степь, на Юшныи поля (гдѣ, вѣроятно, была посяна свекла—борщю), заночевали. На утренней зарѣ напали на нихъ воровскіе люди, человекъ съ 20 и больше, пѣлотою (въ отгѣну отъ калмыковъ и татаръ, которые напали на эти украинныя русскія селенія по неизмѣнному племенному обычаю—на конягъ); напали съ ружьемъ, съ пикальми и съ саблями, а знатно-де, что донскіе воровскіе казаки, а ясакомъ межъ себя говорятъ и называются атаманамъ-молодцами“.

Въ библиотекѣ казанскаго университета мы видѣли рукописную книжку „Описание Кривчесскаго графства или бывшаго старства Гр. Ал. Потемкина, въ ста верстахъ отъ Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губерніею“. Рукопись прошлаго вѣка. Въ ней, между прочимъ, попадаетъ такое мѣсто: „Я думаю, что непротивно будетъ, если я упомяну здѣсь и о томъ нарѣчій, которымъ всѣ кривчесскіе мѣщане, нортные, саложенки и другихъ мастерствъ люди, а особливо живущіе около польской границы корелы (не отъ кореловъ, а отъ грабежей своихъ такъ называемые крестяне) между собою изъясняются. Сіе нарѣчіе, подобно многимъ російскимъ, а особливо судальскому, введено въ употребленіе праздношатавшимися и въ распутствѣ жившими мастеровыми, которые, приемынувъ уже къ лѣни и пьянству, принужденными находились для прокормленія своего оное выдумать и сплестъ, дабы посторонніе ихъ не разумѣли и они всѣмъ тѣмъ удобнѣе обкрадывать и мошенничать могли“. Оно не основано ни на какихъ правилахъ и, кромѣ множества произвольныхъ вымышленныхъ, состоитъ еще изъ переломанныхъ вѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Употребляемая между ними таковая рѣчь называется здѣсь „отвернищкою“ или „отвращенною“. Авторъ „для любопытства“ приза-

языкъ; а ясакъ въ значеніи сигнала у разбойниковъ замѣвался иногда тѣлодвиженіями. Въ орловскихъ (вороножскихъ) актахъ: «на курганѣ видѣли человека на лошади, который, снявъ съ себя шапку мозкомъ, бросилъ вверхъ, и къ нему со стороны наѣхало съ десять, а съ другой стороны съ двадцать». По Ратному уставу ясакъ—сторожевой означательный знакъ: «лиѣтъ всякое береженіе и старости и ясаки». Въ Нижегород. губ. ходячіе купцы не по русски говорятъ, а ясакомъ (то были зыряне-мѣховщики). У востроичей ясакий паренъ—рѣчищій, разговорчивый. При Елизаветѣ Вас. Вас. Голицынъ накарывалъ приелугѣ: «Кругомъ барскаго дома ходить, колотушками громко стучать, въ рожки трубить, въ доску звонить, въ трещотку трещать, въ ясакъ ударять (?), по сторонамъ не звать».

гавтъ несколько словъ, глаголовъ и рѣченій этого языка. Вотъ все имъ приведенное: „Вперъ укаврюка чуху—украдь у господина шубу; хлизъ въ газъ, а то Сергѣй смакшунить—иди въ избу, а то дождикъ замочить; клева кургаеть—хорошо постъ; манскъ хмшаеть—мой братъ хвораетъ; клева капели по лаудѣ—хорошенько ударъ его по головѣ; грамусъ закотаеть—громъ убьетъ; мошеранкъ—саможивикъ, кулганникъ—портной, лохъ—мужикъ, баба—друха (около-де Суздаля гируха *), сестра—ухлыть, пощ—кочеть, еврей—кудлей, церковь—хазбераница, игла—семирка (оттого что итъ на денежку семь купить можно), чулки—теллухи, деньги—кривцы, рубли—кругляк, рожъ—зедька, хлѣбъ—сумѣла, молоко—лапта, масло—текунь, щи—лапуха, хрѣнь—нахрянь, рѣпа—кругалка, морковь—солодуха, чечевица—лескушка, гречиха—кудрявка, овесъ—галбуръ, пшеница—бѣлуха, просо—цикаусъ, ячень—акруша, пиво—милкусъ, вода—делька, вино—ардимаха, корова—цльда, овца—перхутка, голова—лауда или нераумница, дѣвка—шита (а около-де Суздаля карата), мальчикъ—микрець, молодница—куба (а около Суздаля ламоха), продавать—кухторить, бѣжать—ухлывать, ѣсть—транть, напиться—набусаться, сидѣть—сеждонить“. И все. Несомнѣнна связь языка этого и прямое происхождение отъ офенскаго, по слѣдству большей части словъ. Замѣчаемая же немногя различія, вѣроятно, слона того же офенскаго языка, забытыя въ Ковровѣ (а не Суздаль) и сохранившіяся здѣсь. Съ 1700 года, какъ извѣстно, офени разбрелись уже по всему лицу русской земли и даже переходили австрійскую границу, всюду называя себя особымъ народомъ мазыками. Съ ихъ стороны слѣдовали увѣренія, что они—потомки этого исчезнушаго всегда за другими народа и жившаго будто бы въ IX вѣкѣ (что, впрочемъ, не доказано). Дѣйствительно въ IX вѣкѣ кочевалъ по Волгѣ народъ ясы или ясыки, которые, по нѣкоторымъ толкователямъ, у офеней превратились въ мясыки, мазыки, и проч. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи офеней называютъ различно: варягами, торгованами, коробейниками, ходебщиками, разсочиками, суздалями, офенями, мялками и проч. Во времена возвращенія Бѣлоруссін къ Россіи, какъ извѣстно, въ числѣ средствъ закрѣпленія ея употреблены были различныя сильныя мѣры: бѣлорусскія конфискованныя въ казну имѣнія розданы были русскимъ вельможамъ: Голохвостовымъ, Чернышевскимъ, Румянцевымъ и другимъ,

*) По офенски: гирий—старый, гирохъ—старикъ, гируха—старуха (замѣчательно, что у грековъ—вогон; пять—пенда, репте, десять—декамъ, дека; пятнадцать—декапенда, декарепте. Впрочемъ, эта греческая примѣсь идетъ влеть недалеко. Встрѣчается больше словъ новаго образованія и исковерканныхъ польскихъ и другихъ славянскихъ.

а самыя огромныя количества деревень, городовъ и мѣстечекъ—Потемкину-Таврическому. Между ними досталось ему и мѣстечко Кричевъ, лежащій теперь на московско-варшавскомъ шоссе (въ Чериковскомъ уѣздѣ Могил. губ.). Потемкинъ, владѣвшій громадными средствами, болѣе всѣхъ другихъ воспользовался мыслью обрусенія бѣлоруссовъ и привлечь въ свои имѣнія различныхъ ремесленниковъ въ такомъ числѣ, что бывшія его имѣнія (Дубровна, Кричевъ, Усвяты въ Витеб. губ.) представляють наибольшія подобія съ русскими селениями, чѣмъ всѣ другія сосѣднія мѣстности. Въ нить до сихъ поръ сохраняются ремесла и развиты промыслы сильнѣе, не смотря на весь гнетъ евреевъ. Такъ сказалось это при нашемъ посѣщеніи Бѣлоруссін въ 1868 году. Въ этомъ привлеченіи въ край русскихъ людей въ видѣ ремесленниковъ и торговцевъ мы видимъ причину появленія и языка офеней, которые ходили сюда торговать и, при поощреніяхъ владѣльцевъ, осѣдали съ большою охотою на торныхъ дорогахъ и въ такихъ мѣстечкахъ, какъ Дубровна и Кричевъ. Когда ослабѣло поощреніе, они бродили, шатались и, не находя питанія, разбрелись врозь и, вѣроятно, по своимъ старымъ пепелищамъ. Всѣ наши старанія найти слѣды этого языка въ Кричевѣ и Дубровнѣ остались тщетными: отвернувшаяся рѣчь у тамошнихъ мѣщанъ исчезла. По занятіямъ (земледѣльческимъ исключительно), по развитію, которое кричевцевъ и дубровенскихъ едва выдѣляетъ отъ турыхъ и загнанныхъ бѣлоруссовъ, по господствующему дзекующему бѣлорусскому языку, мало остается основанія для предположеній о томъ, что языкъ этотъ живетъ и лишь тщательно сбереженъ и припрятанъ. Къ тому же, на всѣ темныя дѣла въ томъ краю кинулись съ такимъ азартомъ и въ такомъ многолюдствѣ еврей, что, помимо ихъ племени, никто не у дѣлъ и сквозь густую толпу ихъ, тѣсно сплоченную, никому уже теперь не протолкаться. Въ распоряженіи еврея такой замысловатый и темный языкъ изъ смѣси древнихъ еврейскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ словъ, что шутовствамъ всякаго рода неизмѣримое поле. Въ Пруссіи между нѣмцами нашъ еврей говоритъ по польски, между бѣлоруссами и поляками по нѣмецки, но такъ что съ трудомъ понимается коренными нѣмцами. Властѣннѣе, помяте, темнѣе и успѣшнѣе картаваго еврейскаго жаргона едва ли употребляется гдѣ на свѣтѣ другой ему подобный и столько же счастливый. Въ Германіи языкомъ древне-еврейскимъ съ нѣкоторыми лишь измѣненіями воспользовались городскіе менешники и составили, какъ сказано выше, подобно нашимъ, искуственные менешническіе словари.

О происхожденіи отъ древнихъ корней старорусскихъ „языковъ“ (языковъ) новѣйшіе словари свидѣтельствуютъ теперь лишь ничтож-

ными данными. Разбойничій дуванъ (дѣжка), взятый цѣлкою изъ татарскаго, удержался среди всѣхъ превратностей судьбы, бережно пронесъ свое право на существованіе и въ средѣ смиренныхъ, во локтихъ торговцевъ вязниковскихъ и ковровскихъ офеней, московскихъ и петербургскихъ карманниковъ (жуликовъ и мазуриковъ), отъ Ваньки Каина до сего дня, и остался въ нерушимой цѣлости и въ перчинскихъ тюрьмахъ у арестантовъ; пошли послѣдніе дуванъ дуванъ и на островъ Сахалинъ. Разбойничья сара сохранилась въ музыкѣ (сары, рыжакъ сара—полумперіаль золотой) и неизбѣнными съ примѣненіемъ лишь исключительно къ серебрянымъ деньгамъ (мѣдныя—курынча), сохраняются въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ. Отверницкая рѣчь за литовскимъ рубежомъ (въ Кричевѣ, на Сожѣ, Могилевской губ.) сохранила слово хавъ въ значеніи избы, то самое, которое выговорилъ атаманъ шайбы на Волгѣ подъ Макарьевымъ и которое подслушалъ извѣстный проходимецъ Ванька Каинъ. Ему же извѣстенъ былъ дулясъ, какъ имя огня; тогда какъ то же слово и въ томъ же значеніи неизбѣжно обрѣтается въ словарѣ мирныхъ офеней-торговцевъ ходобщиковъ. Разбойничій атаманъ, мазъ по старинѣ, сохранился въ петербургской музыкѣ въ томъ же значеніи, замельчавшемъ лишь до прозванія заводчика воровскаго дѣла или стараго опытнаго вора. Татарскій яманъ (скверный), которымъ распоряжались волжскіе разбойники въ прошломъ столѣтіи по всѣмъ

грамматическимъ правиламъ склоненій родного языка, остается извѣстнымъ и нерушимымъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ наши дни на языкѣ петербургскихъ мазуриковъ *).

По сличеніи всѣхъ этихъ искусственныхъ языковъ одного съ другимъ нельзя не замѣтить общаго всѣмъ стремленія встать въ независимость, отдѣлиться для самостоятельнаго существованія. Цѣль достигнута. Оттого-то не только трудно, но и почти невозможно узнать и доискаться теперь до корня, до тѣхъ прадѣдовъ, отъ которыхъ выродились позднѣйшія многоколѣнные семейства; черты сходства остались неясными и немногочисленными. Вотъ и примѣры: прежде всего натапливаемся на того неизбѣжнаго друга, для котораго у русскихъ людей придуманы цѣлыя десятки словъ и прозваній, отъ пѣжныхъ ласкательныхъ до грубыхъ ругательныхъ, какова водка, вино. У офеней она зовется гамза, гамзыра и дрябка; въ отверницкой рѣчи извѣстна подъ именемъ ардинами, въ мазурицкой музыкѣ зовется канка и кановка, на арестантскомъ языкѣ въ тюрьмахъ—хамло, у скрыпенскихъ коноваловъ—лофейка, старинные разбойники называли ее—товаромъ изъ безумнаго ряда. Роковое мѣсто—тюрьма, прозванная офенями качуха, у специалистов-арестантовъ называется: у сибирскихъ чижовка, у русскихъ—кучумка и въ болѣе строгомъ смыслѣ у каторжныхъ арестантовъ (военныхъ)—палочная академія. Древніе разбойники звали ее „каменный мѣшокъ“.

Русскія слова.	Офенскія.	Отверницкія.	Музыка.	Тюремныя.
Деньги.	хем	кривцы	бабки	сары и курынча **)
Женщина.	куба	зруха	маруха	мазиха и суфлера
Рубль.	хрусть	крутлякъ	царь и деръ	сѣдой (у коноваловъ) бирсъ (у барышниковъ)
Изба и дворъ.	ряха, ринъ	хавъ (тоже у стар. разбойник.)	куреха, дому- ха, домовуха	—
Купецъ.	пулецъ	кухторъ	аршинъ	майданцигъ
Мальчикъ.	ласнй	мигредъ	долото	—
Ща.	чучки	лапуха	—	шурь-мурь
Овца.	моргуша	перехутка	—	басаргула (у шерстобатовъ)
Продать.	протулить	кухторить	тырить	—
Внудъ и плать.	визжакъ и	—	многа и	лыко и адамово лыко
Соддаты.	визжеха	—	манны	—
Опасность.	—	—	бутирь, фара- онъ, паукъ	селятра
			стрема, мок- ро, двадцать	вода
			шесть	—
Хлѣбъ.	сумаръ	сумѣха	—	чистякъ
Шуба.	бурьѣха	чуха	теплуха	—

*) Музыка или словарь карманниковъ, т. е. столичныхъ воровъ, которымъ мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ, составленъ въ 1842 году, проверенъ и дополненъ сообщеніями новыхъ и подтвержденіемъ старыхъ словъ въ 1869 году.

**) Курынча тюремная встрѣчается у офеней въ названіи пятака мѣднаго (куреша).

У офеней гривенникъ—марошникъ, у мазуриковъ—жирманникъ; у офеней полтина—ламита, у конныхъ барышниковъ—деръ; четвертакъ у барышниковъ—секана, секисъ, у мазуриковъ столичныхъ—жирма-бенъ, у коноваловъ—хрусть; цѣлковый у коноваловъ, напр.,

скрипешкиль—сѣдой, у конныхъ ярмаочныхъ и столбичныхъ барышниковъ—бирсь. Сто у офеней—пелаль, по музыкѣ—калчуть; день у офеней—беджотъ, у шерстобитовъ—волгажъ. У офеней пѣтуль—ворыганъ, у шерстобитовъ, напр., кивешемскихъ—гогусъ; кровь у офеней—вохра и кира, у шерстобитовъ—канъ, гривна у офеней—маруха, у мазуриковъ—трешка, у барышниковъ—жирмаха; рука у офеней—хирга, у мазуриковъ—граблота, у шерстобитовъ—бира; штаны у офеней—шпаны, у сибирскихъ шерстобитовъ—чинары, у мазуриковъ—шкеры и проч. Вотъ нѣсколько словъ шерстобитовъ (языкъ такъ называемаго кантожнаго): самоваръ—беззаботный, жеребецъ—агеръ, давать—дикать, ямщикъ—шмлякъ, вѣникъ—било, два—бокуръ, пила—зубила, колоколь—звонарь, зубы—жоры и жоръ, колезить, заколезить—захворать, овца—басаргуля, скоро—башково, кукушка—гадайка, пирогъ—елесякъ и проч. Нѣсколько словъ скрипешкиль коноваловъ: клева, неклева (общее), съмотить—получить доходъ, схвануть—бранить, бакулить—говорить, облобызать—своротить съ дороги для разговора, саль—сюда, ламашникъ—полтинникъ (общее). Счетъ ихъ указавъ дальше *).

Въ этомъ общемъ стремленіи на отдѣлъ, для самостоятельнаго существованія на правахъ полнѣйшей независимости, придумывались слова, прикрывающіи тайну пріемовъ извѣстнаго ремесла и промысла, чтобы скопавшіеся изъ нихъ словарь звалъ не всякій; а смышленный человѣкъ, спознавъ одинъ, могъ бы блуждать и заблудиться, понавъ въ тущобы другого словаря. Выдумка новыхъ словъ въ замѣну истаскавшихся старыхъ въ этихъ случаяхъ, прежде всего, являлась на выручку. Зазнавшій, напр., голову за „неразуминду“ (въ отвертничкой рѣчи) не распознаетъ ее въ поздѣе придуманномъ прозвищѣ „лауда“. Слышали прежде и узнали всѣ часы за веснухи, теперь же въсто нихъ и у тѣхъ же мазуриковъ слышится новое прозвище баян; прежняя музыка предостерегала ходящихъ по ней объ опасности словами: стрема и мокро, теперь говорить неизвѣстно почему „двадцать шесть“. Прежде по музыкѣ мошенникъ назывался, французскимъ словомъ „жоржъ“, теперь откровенно по русски я не безъ нѣкотораго поподозновенія на остроуміе назвался „торговцежъ“. Прежде сицику было званіе „фидарисъ, фига, подлипадо“, — теперь: „двадцать пять“ и придумано всему комплекту

ихъ общее новое названіе „чертова рота“. Кошелекъ съ деньгами назывался шмель, теперь „шшка“; бумажникъ—финаль, шмука, теперь „лопатка“ и „бокочья“. Рубль у мазуриковъ оказывался и „колесомъ“, и „царемъ“, — теперь, по новому, это „дерсъ“; полицейскаго же они звали „капюжникомъ“, теперь согласились называть гуртомъ прежняго фараова и бутыря (буточника) — паукомъ; прежде „начудиль“ теперь набадилъ, если сдѣлалъ неудачную кражу, сдѣлавшуюся открытою, и проч. По вызову различныхъ нововведеній, конечно, явились новые слова уже не для прикрытія, а по необходимости: явилась „хаддыговина“—ковная желѣзная дорога (у петербургскихъ мазуриковъ); про арестованнаго по приговору мирового судья говорятъ, что онъ „на мѣстѣ“.

Въ хорошеиъ, болѣе законченномъ языкѣ (какъ, напр., въ офенскомъ), для лучшаго укрытія отъ любопытнаго и любознательнаго уха, на одинъ предметъ и понятіе существуетъ по нѣсколько иносказательныхъ выраженій: вѣсть—ефить, тронть, брясть; дѣвица—корюжъ, карета, карюжа; водка—гамза, гамзыра, драбка; огонь—дулясъ и дуликъ; работникъ—наешурникъ, прилежь; сынъ—фетякъ и лашина; пирогъ—сидонъ и кундякъ, а такъ какъ по деревнямъ гостепривно кормятъ пирогами всякаго заходящаго человѣка, то, напр., и у шерстобитовъ (волготеповъ) нѣбется для него особое имя—елесникъ; божиться—стодиться (потому что Стодь—Вогъ) и шедиться и проч. Въ музыкѣ, по богатству словъ уступающей только словарю офенскому (торговому), точно также на деньги два слова: сара и бабки, на платокъ три: лешень, шемага, персякъ, на шабу также три: куреха, домуха, домовуха; бѣжать—храть и лататы; ничего, не бѣда—судары! шманалъ! шинель—шельма и накидалище; вунуть въ кармана—выначить и срубить; соединиться въ шайку—стабуниться и скленться; лакей—алешка, Алексѣй Алексѣвичъ, укусъ,—лакъ, хаддей—дешикъ, похороны—галтура и проч.

Многія слова утратили секретъ и, прорвавшись въ обще-народное употребленіе, перестали считаться пригодными для обхода въ темномъ ремеслѣ, въ плуговскихъ изгибахъ его, и не перестали лишь смущать близорукыхъ собирателей словарей этихъ. Въ мазуричской музыкѣ мы находимъ такіа слова: одѣтъ—оболочь, бѣжать и убѣжать—храть и урать; попасться въ преступленія—влопаться; скрыть, заслонить—затылить; для виду—для близору; сдѣлать неудачную кражу—начудить; чертоплешина—плюха по затылку; труба—взоръ, пустыки; жуликъ, который означаетъ по музыкѣ и по офенскимъ ножкамъ, по музыкѣ же и мальчишка-ученика воровскому дѣлу, перенесено въ Москвѣ на самыхъ мастеровъ про-

* На сибирскомъ трактѣ черезъ Арамажъ и Луколювъ въ Ардатскомъ уѣздѣ, между станціями Талычинимъ и Олевкою, находится это село Скрипшино (210 дворовъ) въ сосѣдствѣ съ сѣдями и деревьями: Бязуха, Шамарино, Марьино, Ростяглевка, Ратманово, Назарово, Пасынаевка, Елущемо, Чуварлей, Ямское и друг. Во всѣхъ живутъ коновалы въ количествѣ до тысячи душъ. Ходятъ на востокъ и въ Сибирь.

мысла; пропить, промотать—промордонить *); у офеней паценокъ (дѣтя, ребенокъ), мася (мать), скрипы (двери) и глаза—зѣньки. Всѣ эти слова знаютъ всѣ петербургскіе мастеровые, многіе изъ этихъ словъ употребляютъ люди и повыше полетомъ.

Само собою разумѣется, что богатство словъ сосредоточивается тамъ, гдѣ вращается и самый промыселъ. Темное дѣло, прикрытое темными условными словами и выраженіями, на этотъ разъ обнаруживаетъ свои живые пункты и поле дѣятельности во всей наготѣ.

Въ такихъ случаяхъ и обиліе словъ и хлопотливая изобрѣтательность ихъ являются въ отчетливомъ видѣ; здѣсь на ворѣ и шапка горитъ. А такъ какъ все это творится для денегъ, все это вдохновляется ими, то этотъ предметъ и исчерпанъ всѣми до предѣловъ возможнаго и вѣдомаго, и потому объ нихъ-то и первая рѣчь наша. По таблицѣ, приведенной выше, видимо разнообразіе прозваній самыхъ денегъ и одного изъ крупныхъ и основныхъ представителей ихъ—бумажнаго и серебрянаго рубля. Кто на послѣднія видоизмѣненія рубля и денегъ не ходитъ за недосугомъ, но петербургскіе мазурики различили свои фишапки, фишаги (бумажныя деньги, ассигнаціи), какъ офени свои пельмахи, отъ сары и царей (серебряной монеты) и отъ рыжыхъ, веслушныхъ (денегъ), отъ рыжиковъ—червоцень и рыжей сары—полтинперіаловъ, потому что эти деньги въ рукахъ ихъ бывали зачастую, также онѣ знакомы и офенямъ (подъ не хитро придуманнымъ прозваніемъ кузюта). Послѣдняго сорта монета неизвѣстна ни коннымъ барышнякамъ, ни мелкотѣ промышленникамъ шерстобитамъ и коноваламъ. За то у всѣхъ известны подъ своими именами гривна (маруа у офеней, трепка у мазуриковъ, жирнаа у конныхъ барышниковъ), пятачекъ, — пензякъ у первыхъ, пискаръ (мѣдный), пискарекъ (серебряный) у мазуриковъ; полтина (ламита офен., ламычникъ мазур., деръ барыши.), четвертакъ, исчезнувшій изъ употребленія (жирна-бешъ у карм., секана и семисъ у барыши.); цѣлковый (хрусть офен., круглякъ отверницкій, царъ и деръ по мушкѣ, сѣдой у коноваловъ, бирсъ у барыши.); копейка (трофилъ офенс., канька и канька у мазур.). А такъ какъ на руки офеней чаще и больше другихъ переплаждаютъ деньги, то у нихъ есть слова и на грошъ (башъ), и на денежку (батець), и на трехгривенный (хрусть съ пензякомъ). Умѣютъ считать они и до тысячи, которую зовутъ косухою (значеніе слова этого у мазуриковъ ослаблено переносомъ на сотню—косуля—и эти купцы пропавшихъ вещей дальне сотни рублей не считаютъ и счета не знаютъ). У офеней, обя-

завшихъ себя вѣчными счетами и выкладами, это дѣло затѣмнѣно больше всѣхъ и офенскій счетъ полнѣе всѣхъ и совѣтъ другой, чѣмъ, напр., у лошадиныхъ барышниковъ и у скрипенскихъ и другихъ коноваловъ.

С Ч Е Т Ъ.

Обыкновен.	Офенскій.	Галивонскій (шерстобитовъ) и конныхъ барышниковъ.
одинъ	екон	екон
два	адю, взю	кекуръ
три	стремъ	стема, кумаръ
четыре	кисера	дщера, чиваць
пять	нинда	пенда, вычусъ
шесть	шонда	шонда
семь	сезюмъ	сезюмъ
двугривенный	сезюмаръ	сезюмаръ
восемь	вондера	
девять	девера	кивера
десять	деканъ	деканъ (мартъ у скрип. коноваловъ).
одиннадцать	екодцать	
двѣнадцать	здювдцать	двадцать пять—хрусть у скрип. коноваловъ.
тринадцать	стремдцать	
четырнадцать	кисердцать	
пятнадцать	деканъ-пнда	
пятнадцатый	пенда-берюнды	пенда-куреша — пятачекъ
шестнадцать	шондцать	
семнадцать	сизюмдцать	
восемнадцать	вондардцать	
девятнадцать	девердцать	
двадцать	здю-декановъ	тридцать - трехмартъ (у скрип. коноваловъ).
сорокъ	кивера-декановъ	
пятьдесятъ	пенда-декановъ	
восемьдесятъ	вондера-декановъ	
четвертакъ	вондера-сизюмъ-трофель	
девятисто	деверъ-декановъ	
сто	пешаль	
тысяча	косуха	
полтина	ламита	

Затѣмъ, само собою, по зависимости отъ предметовъ торга и купли, офени-торговцы поспѣшили заручиться своею терминологіею, которая даетъ словарный сборникъ количествомъ словъ больше тысячи. По способу мѣновой торговли, каковая не гнушается вымѣномъ всего, что придется на руку (и вымѣниваетъ, между прочимъ, съ такими несмышленными барышами, болѣе чѣмъ сто на сто проц.): и ялицы (агреваты), и ложки (свербалки), и медъ (ежелъ), лапти (верзень), пшеницу (кундешница), масло (ласо), всякій хлѣбъ (сумаръ), лошадь (ло-

* Юрдовка, какъ мы указали, особая игра въ карты.

вакъ, острякъ), овесъ (щуплякъ), ячмень (сахарь), рожь (зеха) и проч. Мужикъ (доху) и бабѣ (кубѣ) и молодцѣ (ламохѣ) и красной дѣвицѣ (каратѣ, карюхѣ) съ завистливыми и склонными на соблазнить глазами торговецъ-холодежникъ и офеня ѣздовой отдають на обмѣнъ все, что надо, что имъ самимъ навалили въ Москвѣ (въ Ватусѣ) на кредитъ изъ залежнаго и праховаго товара: гребень (дербужникъ), стаканъ и рюмку (бухарникъ, бухарку), ситецъ (лешешникъ), платокъ (лепень), сукао (шерсно, велно), ножикъ и ножницы (жудъ и жульницы), стекло и посуду всякую (звеньеху), рукавицы (нахирети), топоры (машурики), пояса (подбалы), сальные свѣчи (щедреги), а на лакомой вкусъ богатаго мужика и чай бусильникъ (бусильникъ оттого, что люди пьютъ, его бусятъ), и сахаръ сладимъ, и зеркала вершалъницы (загѣмъ, что вершать—глядѣть въ нихъ надо) и другое тому подобное. Для такихъ дѣлъ у офеней и брысы (вѣсы) такіе сдѣланы, что брысать съ походомъ всегда на его сторону. Процуливаетъ пулець—продаетъ купецъ этотъ вяло и рыло (много и скоро), больше шрага, тѣмъ склешево (дороже, а не дешевле) и за то ерчить на громати на своемъ ловакѣ, а не похлитъ на стухахъ (ѣздитъ на телегѣ на собственной лошади, а не ходитъ пѣшкомъ на своихъ ногахъ съ коробомъ на горбѣ), да еще сверхъ того; седмаетъ въ рахъ на дудорѣ, тротъ вителку за стропенезъ, сафаетъ скрѣжами кундешные кундяки и забусываетъ (на худой конецъ) чуномъ, а чаще всего клыгой, а не то и керомъ (т. е. въ избѣ, на лавкѣ ѣсть утку за столомъ, мнетъ зубами пшеничные пироги и запиваетъ квасомъ, брагой, а не то и нивомъ). На крестьянскаго обманщика собаки не даютъ, а мужику голову не даромъ провади на Сожѣ перазумницею: бузу (обѣднаго) отъ стодена (богатаго) лоховой обезьяльчикъ (крестьянскій обманщикъ) не распознаеть. И все-таки „коткры скрыны отвандають, похана севраеть шлякомова въ рымъ, нидонять драбку въ бухарку, гируза филосы мурдаеть, клужаеть и чунаеть (ребята ворота отворяють, хозингъ зоветъ знакомага въ домъ, налиываетъ водку въ рюмку, хозяйка блины печеть, подаетъ и кланяется): „Спасибо еще и за то, что мимо двора не пробѣжалъ“. За мужикомъ силнош и рядомъ у торгована шилку скенъ (долговъ много). Хоть офеня и знаетъ Стода (Бога), но не лучше нефедя и скеса (еврея) бусаеть лочову гиру (пьеть крестьянскую кровь); видку (правду) только по имени знаетъ. Офеня говорить: „Масья! ропа вымать, полумеркотъ, рылко закурещать воруханы“ (мать, пора встать, полночь, скоро запоютъ пѣтухи). „Да, позагорбилъ басвѣ слещить: астана басяниска ухахла дработнирой“ (да, позабылъ тебѣ сказать: жена твоя померла весной).

Точно также въ отвернической рѣчи встрѣчаемъ наибольшее богатство прозваній тѣхъ продуктовъ, которые служили предметомъ торговли и промысла. У офеней мы не видимъ того, у мазуриковъ не мыслима необходимость знанія гречихи (хударяки), чечевичи (лескушки), проса (цикауса). Кричевскіе торговцы, жившіе въ болѣе южныхъ и теплыхъ мѣстахъ, возымѣли въ этомъ отношеніи преимущество даже передъ проходимцами сѣверными офенями. Кричевскіе знаютъ и наиринъ—хрѣтъ, и кругалку—рѣпу, и солодуду—морковь. Все это они могли вымѣнивать и на семирки (иголки), и на теплухи (чулки) и проч.

А вотъ и еще художники, которые вертятся и вращаются также около своего темнаго дѣла и стараются затемнить его больше и такъ, чтобы сторонніе ихъ не узнали. Эти также какою рѣдкою плывутъ—ту и славу кладутъ, и у нихъ, гдѣ дрова—тамъ и щепы. Воруетъ мазурикъ и то, что на глаза попадается, и что легче украсть, и на что онъ большой охотникъ и мастеръ. Оттого у нихъ шубы—теплухи, шѣховыя вещи—окорока бѣлье на чердакахъ (не безъ остроумія)—голуби, посуда—звенья, кафтаны, шинели—шелмы, подушки съ извозчичьихъ саней—мякоть, шапки—камлюхи, и салоги—коньки; все предметы добычи (тырбана) и дѣлечки (слама). Но такъ какъ мазурикъ больше ходитъ около кармановъ, „береть съ верховъ“, т. е. изъ наружныхъ (оттого и карманникъ), то при обширномъ полѣ для дѣятельности и богатство словъ для названія вещей и предметовъ промысла: табакерка—доханка, скуржаная—серебряная, рыжая или веснушная—золотая, часовыя дѣпочки—гопа, не шейныя короткія—пугина и первязъ, длинная шейная—арканъ, бумажники—дождевики и лопатники, кошельки съ деньгами—шмели, лорнеты—камбалы, кольца—обручи, драгоценные камни—сверкальцы, перчатки—грабли, театральныя трубки—двуглазыя, портмоне, —кисы, сакъ-воляжи, чемоданы и мѣшки—пишки. А такъ какъ въ такихъ вещахъ вытаскивались и деньги, то на каждый видъ ихъ и форму существуютъ отдѣльныя названія: деньги—сара (старыя), бабки (новыя), ассигнаціи—фянаги и фишапки, трѣка—трѣхрублевая, синька—пятирублевая, канька и канька—копейка, трешка—трѣхкопеечникъ, пискарекъ—пятачекъ, пискаръ—шѣдный пятакъ, жирмашникъ—гривенникъ, ламышникъ—полтвяникъ, осюшникъ—двугривенный, жиржа-бешъ—четвертакъ, стрѣмчаговый—трѣхрублевникъ, царь—дѣлковый, капчукъ—сторурублевая бумажка, восула—тысяча и проч. Платокъ—лепень, но шемлягъ—носовой обыкновенный, персякъ—шелковый. Часы прежде назывались веснухи и веснушки, но такъ какъ слово это узнали всѣ, то стало новое—бани, а зато, что они чаще служатъ предметомъ добычи

и попадають въ руки всякія, то и зовутся: стубанцами—стѣнные, канарейками — карман-ные, рыжками—золотые, скуржовыми—серебря-ные. По причинѣ же того, что у такихъ ху-дожниковъ бѣда всегда виситъ на вороту, то и выкриваютъ близость опасности (стремя) либо этимъ придуманнымъ слово, либо говорить „мокро“, когда видятъ стрѣлу—казака, мя-хлютку — жандарма, каплюжника или гурть— полицейскаго, фигу, чертову роту, двадцать шесть—сыщика; мухорта—статскаго человѣка, наблюдателя, барчука—фрагта, свидѣтеля, изъ военныхъ—талыга, паука — городского, ден-щика—Алешку, лакея—укусъ, лакъ; хера (пы-наго) не боалсь, жога—нищаго, подбивали въ свою компанію и давали сламъ. „Отначивались“ (откупались) въ старину и отъ „крючка“— писмоводителя въ кварталѣ, и отъ „кармана или выручки“, т. е. самого квартального над-зирателя, и отъ „ключа“ или ключая—слѣдствен-наго пристава, и „скипидарничали“, гуляли на волѣ, находясь въ подозрѣніи. За „ломотю“ (по-боями) не гонялись и „секуюцію“ принимали съ легкимъ сердцемъ.

Такъ какъ на большую часть все это были бродяги, съ фальшивыми паспортами и часто безъ всякихъ видовъ, то мастерили свои и опять обогатили свой языкъ различными но-выми, нягдѣ уже не попадающимися словами. Вышли безглазые, темные, т. е. безпаспортные и слѣпыши (бродяги настоящіе), съ яснымъ глазомъ, темнымъ, яснымъ глазомъ (фальши-вымъ паспортомъ, потому что настоящій по музыкѣ называется просто глазомъ, а иногда биркою и картинкою; торговали „пчелами“—фаль-шивыми бумагами, но, конечно, больше и чаще всего воровали, сбывали стыренное (ворованное) мѣшкамъ (пріемщикамъ) Ходили тырить на клей (воровать на готовое) послѣ подвода (под-готовки) на двое, или „ходили въ одиночку“, воровали особнякомъ или „стабунивались“, склеивались (т. е. соглашались вѣстѣ), сби-вались въ шайку, въ „хороводъ“ (товарище-ство) и „гопали“ (бродяжи по улицамъ, ноче-вали на нихъ). Иногда въ карманахъ ничего не находили, „шманъ, сузаръ“, но, добившись цѣли, дѣйствовали. Въ дѣло употребляли коло-вороты—„вертуны“, для „сережекъ“ (замковъ), пускали въ ходъ „помладу“ (долото), фомку (маленькій ломъ), „крючки“ (небольшія отмыч-ки), „стрижанцы“ (ножницы), „жуляки“ (ножи) и т. д.; хаживали и на шарапъ (грудю, при-ступомъ брали), и на хралокъ (схватывали за горло), и на душець и подъ микитки, „схватывали за дыхало“, т. е. душили, за-жавши ротъ и ноздри *). За то ловкій человѣкъ,

когда трюкнулъ, т. е. попался и садился въ тюрьму, то выходилъ изъ тюрьмы либо „съ на-шимъ почтеніемъ“ (въ подозрѣніи), либо „съ нежайшимъ почтеніемъ“ (въ сильномъ подозрѣ-ніи), либо, наконецъ, „съ нежайшею благодар-ностью“ (въ глубокомъ подозрѣніи). Эти обы-кновенно отдѣлывались только тѣмъ, что „про-брали ихъ дробью“, т. е. (наказывали розгами), а затѣмъ они опять сидѣли по старому въ „капнѣ“ (кабакѣ) или „шатунѣ“ (погребкѣ), опять искали поживы на „задѣлягъ“ (свадь-бахъ), „уборкахъ“ или „халтурахъ“ (похоро-нахъ). Краденное, „тыренное“ перетыривали (пе-репродавали), т. е. спурили, пропуливали въ надежныя руки. Иногда удавалось „ухнуть“— ухвать на подговоренномъ извозчикѣ, иногда удавалось „влопаться“ только, т. е. попасться неопасно, а иногда и „сгорѣтъ“, т. е. попасться до ссылки, до „мантовъ“ (плетей) и до про-гулки „за Бугры“ (т. е. за Уральскій хребетъ), спознавшись и съ кирюшками (начальниками), про-котившись и на „фортунокъ“ (позорной коле-сницѣ), и наѣвшись много (т. е. получивъ наказаніе плетями. „Смѣрляи стекла“, выдавая изъ, намазывая медомъ или патокою сахарную бумагу; тѣмъ же медомъ смазываютъ и стырен-ныя деньги, чтобы не звенѣли. Главныя досто-инства въ этомъ промыслѣ умѣть во время „зе-тить, стремить“, зорко озираться и глядѣть, умѣть „агалчать“—во время предостеречь то-варища, толкнувъ его; во время „трекать“ (оглядываться и вытаскивать изъ кармана), умѣть „заливать“—обходить, заговаривать сы-щика, справедливо „тырбавить“ (добычу дѣ-лать), остерегаться „амбы“ (смертельныхъ уда-ровъ) и „дути“ (невѣрныхъ справокъ при ре-когноспировкѣ), чтобы „не наѣздить“ (новое слово — не сдѣлать неудачной кражи) и не попасть въ „бряковки“ (т. е. чтобы не сва-зали рукъ).

— Ухрать было (печалится мазурикъ мазурику, ходя по музыкѣ, т. е. говоря своимъ байко-вымъ языкомъ), ухрать было вечеръ, съ буты-ремъ справился, да стрѣла подослѣла и обло-пался (казакъ прискакалъ и попался).

Предостерегаютъ другъ друга: „Стрема! стре-нить милютка“! (жандармъ смотритъ, берегись!).

Хвастаются: „Вечоръ я было влопался (по-пался), насили фомкой отбился, да, спасибо, звонокъ (товарищъ-мальчишка), со стороны по-здравилъ каплюжника дождевикомъ“ (бросилъ въ полицейскаго камнемъ). Или: „Срубилъ шмель, выначилъ скурдажную локанку“ (вытащилъ ко-шелекъ съ деньгами да серебряную табакерку).

Крюковъ. Отмычка подходитъ въ большей ча-сти замковъ, а для хорошаго внутреннего замка дѣлается ключъ во всеюкою слѣпку, отъ ключа же или отъ замочной скважины. Камышеву—ломъ прячутъ, подвязывая веревкою, обходящею вокругъ тѣла, и носить въ шароварахъ (въ ней пудъ вѣсу).

* Фомка — короткій желѣзный пруть для свертыванія „сережекъ“ (т. е. всякаго замка). Камышевка—большой въ 1/2 аршина ломъ; имъ очень ловко поднимають двери съ петель или

Разспрашивают друг друга: „Во что кладеть мѣшокъ веснуха“? (во что барышнякъ-перекупецъ цѣлеть часы?) — „Я правлю три рыжка, ось четыре колеса кладеть“ (я прошу три золотыхъ, ось четыре цѣлковыхъ дать).

Печалатся о товарищѣ: „Онъ вѣдь ужъ вѣл много и сироваментъ, не чиста была бирка“ (наказанъ и высланъ, паспортъ былъ фальшивый), в проч. и проч.

На языкѣ офеней переносывались бѣлокриницкіе (австріійскіе) раскольники съ московскими и вообще живущими внутри Имперіи. Положій на офенскій существуетъ языкъ у кинешемскихъ и вообще костромскихъ, макарьевскихъ и колотринскихъ шерстобитовъ, уходящихъ въ Восточную Россію, „въ Сибирь“ (какъ они называютъ), и шерсть битъ, и коновалить и коддовать. Нивется свой языкъ у буевскихъ мелочниковъ-гребенщиковъ, ходящихъ по столичнымъ дворамъ съ козлинымъ выкрикомъ: „щетки-гребенки“ и съ лѣшкомъ за спиною. Подмѣченъ искусственный языкъ у нищихъ, гдѣ нищенство превратилось въ правильно-организованный промыселъ (во Владимирской, Тверской, Рязанской и Московской губерніяхъ). „Картаво“ умѣютъ говорить лошадаые барышняки, руководствуясь нужными для тайны цыганскими словами. Языкѣ эти въ народѣ слывуть подъ разными прозвищами: кантюжваго (собственно нищенскій *), галивоваго (шерстобитовъ), ламанскаго или аломанскаго (тожь же офенскій или офинскій), байвовый или маурипцкій, музыка. Существовалъ еще языкъ тарабарскій и языкъ „по херамъ“ (херовой). Последній основанъ на приставкѣ въ живой языкъ послѣ каждого слога ** слова „херь“. Тарабарскій же придумавъ смѣнувшими грамоту школьниками, переставившими согласныя буквы въ обратную, вмѣсто б-ш, в-ш,

г-ч, д-ц, ж-х, з-ф, к-т, л-с, м-р, н-п. Такъ, напр., выходитъ: „Я унешуъ у Шапта тасачить“, что значить: я унесу у Ваньки калачикъ. Вообще же тарабарщиною привыкли называть всякую цифрованную и шифрованную грамоту, предполагающую знаніе особаго ключа. Языками этими руководились грамотные люди, ихъ придерживались затворники учебнымъ заведеній, въ особенности бурсаки семинарій, откуда вышли эти несомнѣнно и вышли. Въ подобіе тарабарскому съ липини проставками въ живытъ словавъ существуетъ языкъ кубрацкій (кубракъ-сборщикъвъ подающій на церкви, обратившигъ это дѣло въ промыселъ и живущихъ въ городѣ Мстиславѣ и мѣстечкѣ Дубровѣ Могилевской губ.). Проставка раздѣльнымъ словъ, по очереди одно послѣ другого, шайка-шири, употребляется съ такою быстротою и ловкостью (отъ привычки), что затемяемыя ими слова дѣйствительно темнѣютъ такъ, что становится положительно незнакомыми и непонятными. Надо большую споровку и долгую привычку, чтобы выслушивать быстро и во множествѣ мелькающихъ „шайка-шири“, чтобы брать слоги подходящіе и составлять слова настоящаго предлагаемаго смысла. Знаніе, промыселъ кубраковъ - прошаковъ также не совсѣмъ прямое и открытое дѣло: десятки сборниковъ въ десятки лѣтъ собирали подааніе на тѣ церкви, которыя послѣ ихъ видимыхъ хлопотъ найдены разрушенными, съ обруштившимися крышами, съ битыми земляными полами и соломенными наметами, мало чѣмъ отличавшимися отъ бѣдныхъ полуразвалившихся бѣлорусскихъ хатъ. Въ самомъ Мстиславѣ до сихъ поръ стоятъ деревянныя развалины трехъ церквей и четвертая каменная, построенная, какъ извѣстно, на казенныя деньги, переименованная въ соборъ изъ польовой церкви.

*) Кантюжвать—нищенствовать. Наглухо закрываютъ глаза и уходять собирать на мнимо погорѣлое мѣсто множество деревень подъ самою Москвою и почти весь Судогодскій уѣздъ Влад. губ.

***) Существуетъ анекдотъ о братьяхъ семинаристахъ, которые начали стовариваться по херамъ притѣй:—Херь-бръ ть! «Херь-что?»—Херь-пойдемъ. «Херь-куда?»—Херь въ забавк! «А Херь-плетъ!» — возразилъ на исумѣло составлюную рѣчь отецъ, лежавшій на волатахъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВИНОВАТЫЕ И ОБВИНЕННЫЕ.

Злодѣи. Убійцы. Самоубійцы. Бродяги и бѣглецы. Воры и мошенники. Грабители и разбойники. Поджигатели. Преступники противъ казны. Преступленія противъ семейныхъ правъ.

ГЛАВА I.

ЗЛОДѢИ.

Злобная сила судьбы и сдѣлая народная вѣра въ нее.—Знаменитый Коренець—прототипъ злодѣевъ.—Его похождения и злодѣйства; разбойная сторона; нищая братія; Веранло; артель сдѣловыищникъ; варнаки; каторга; Коренець—сезонный герой; палачи; проблемски совѣсти въ злодѣѣ.—Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсенникъ Горюничъ и его превращеніе.—Налъ знакомецъ Дубровинъ.—Понятіе варяковъ о чести.—Сильные убійцы.—Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Хамъ Вульевъ.—Злодѣи Филипповъ.—Минусинскій злодѣи.—Разбойники сибирскіе.—Судьба убійцъ въ Сибири.

Русская народная пословица говоритъ: „отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся“. Этому пословицею вѣковая народная практическая наблюдательность сдѣлала объяснить въ своей жизни существованіе двухъ сильныхъ враговъ. Оба признаны ею неотлужными: оба, въ народномъ представленіи, являются тѣми могучими силами, борьба съ которыми въѣ человеческой возможности и всегда неизбежно кончается побѣдою противной стороны. Одинъ врагъ, и именно тотъ, который умѣетъ надѣваться на людскія шлеи сумы и зовется голодомъ, успѣлъ достаточно ясно заявить себя не только въ предшествовавшіе вѣка народной жизни, но и въ наши времена съ тѣми же самыми подробностями, какія занесены въ древнія лѣтописи. Другого врага, также наталкивающего на несчастья и также забирающего въ тюрьмы, народъ не успѣлъ распознать въ лицо и дать ему определенное и характерное имя. Видитъ онъ въ немъ какого-то злого духа, котораго называетъ и судьбою и несчастьемъ: судьбою—отъ которой не уйдешь и не отчуждаешься, несчастьемъ, котораго не обойдешь и не объѣдешь (даже и на кривыхъ оглобляхъ—по мѣткому выраженію одной изъ пословицъ). Эта безнадежность, отчаяніе отъ неувѣренности въ собственныхъ силы, какъ существа разумнаго и независимаго, до такой степени окрѣпли въ народномъ сознаніи, что самая форма уклоненія испорченной воли въ преступленіе признается и зовется несчастьемъ, приписывается влиянію

злой силы судьбы. Бездѣ они, оба вида увлекающихъ и губительныхъ силъ, являются впередъ и прежде всѣхъ другихъ причинъ, порождающихъ тотъ или другой видъ преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исканіе иныхъ причинъ преступленій увело народъ въ противорѣчія и увлекло въ среду понятій еще болѣе неопредѣленныхъ, какова, между прочимъ, сила влияния на волю человѣка наслѣдственности („благословляетъ отецъ дѣтвѣ до чужихъ вѣтокъ“ и проч.). Въ другихъ случаяхъ, это исканіе причинъ, повидимому, останавливается вблизи настоящихъ основъ, каково, между прочимъ, влияние посторонней порчи, участіе соблазна („не родится воръ, а умираетъ“), и проч. Иногда отыскивается новое противорѣчіе, но несомнѣнно выясняется болѣе вѣрная и близкая причина („нужда лиха и голодъ не тетка, а голодный и архіерей украдетъ“). Въ общемъ же итогѣ преступленіе есть несчастье, преступникъ—несчастный; вотъ конечный выводъ, какой сдѣлалъ нашъ народъ по личной практикѣ и дѣзавъ изъ собственныхъ наблюдений. Воры и бродяги ведутся, а кого чертъ свяжетъ: отъ бѣды и отъ грѣха не уйдешь, ихъ и на конѣ не объѣдешь. А потому: что на словахъ, то и на дѣлѣ, преслѣдуемый закономъ находятъ пріютъ; къ совершившимъ преступленіе—столько долготерпѣнія, сколько позволяетъ крайняя степень возможности и указанія начальствъ. Вѣжавшій отъ наказанія съ каторги получаетъ готовый при-

товъ и готовую хлѣбъ-соль и совершенно свободенъ отъ всякихъ преслѣдованій. По тѣмъ же причинамъ и палачъ, на пути слѣдованія къ мѣсту казни, попавшій на базаръ, съ каждаго воза непремѣнно бралъ грошъ, на дешевое приглашеніе свое: „давайте кату плату“, и потому же, наконецъ, одни изъ самыхъ тяжелыхъ преступниковъ, какъ бы разбойники, облечены въ народныхъ тѣсняхъ въ симпатичныя формы и воспроизведены въ образъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ. А сколько разъ арестуящихъ, по имени преступника (впервые натолкнувшись на злодѣяніе), доводилось слышать во время прощанья его со своими, посреди горькихъ слезъ разлуки, такое утѣшеніе (сорвавшееся непосредственно съ самаго сердца): „Ваклюшко нашъ царь проститъ насъ, слѣпыхъ людей, и помилуетъ“.

Намъ рѣзаясь познакомить читателей съ нашими наблюденіями надъ преступленіями, ведущими въ ссылку, и преступниками, колонизирующими Сибирь, мы въ теченіи нашей работы будемъ имѣть случаи не одинъ десятокъ разъ объяснять то, насколько народная „судьба“ осуществима въ прирожденныхъ физиологическихъ и физическихъ свойствахъ природы человѣка и насколько то, что народъ признаетъ и называетъ „несчастьемъ“, есть ни что иное, какъ политическія и экономическія условія нашего народнаго быта и нашей родины. Выника въ тѣ и другаго, по выводу и указаніямъ различнаго рода людей и разнаго рода преступлений, обязавшихъ насъ изученіемъ того и другого по времени знакомства съ Сибирью,—мы, въ настоящемъ случаѣ, поставлены лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ героевъ каторги, надъ которыми въ особенности подступила эта же самая „судьба“, а около настоящей судьбы этого человѣка въ такомъ множествѣ скопились всякаго рода „несчастій“. Герой этотъ служитъ прототипомъ всѣмъ подобнаго рода несчастнымъ или собственно ссыльнымъ людямъ. Въ немъ счастливо сочетались всѣ тѣ подлинныя несчастья жизни, которыя, въ одно и то же время, успѣли сдѣлать его и закосячившимъ злодѣемъ и любимымъ идеаломъ, возлюбленнымъ образцомъ для всѣхъ современныхъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ сибирскихъ ссыльныхъ. Дѣла его громки во Сибири, разсказами о немъ живутъ каторжные торымы, знаютъ его—съ похвалами, даже и въ тѣ времена, когда онъ сошелъ въ могилу. Имя ему—Кореневъ. По роду занятій и образу жизни онъ принадлежитъ къ тому многочисленному сословію сибирскаго населенія, къ тому классу людей свободнаго званія, которыхъ сибирскіе старожилы называютъ и варнаками и чадонами и которые самихъ себя признаютъ и называютъ бродягами. Кореневъ, однако, представляетъ такой типъ, въ которомъ всѣ свойства сибирскихъ бродягъ совмѣстились въ до-

статочной полнотѣ и своеобразныя краски бродяжяго ремесла на немъ слились такъ густо и въ такомъ избыткѣ, что мѣстами перелились даже черезъ край. Изъ бродяги—непосѣдливаго и неутомимаго искателя воли и доли, надежнѣе обезпечивающихъ жизнь, чѣмъ неволя и бездолье каторжныя, и уже не по своей винѣ превращающагося вмѣсто того въ небезопаснаго искателя приключеній,—изъ бродяги, еще отчасти симпатичнаго и, во всякомъ случаѣ, исправимаго типа,—въ Кореневѣ выразился настоящій „варнакъ“, подлинный злодѣй и убійца. Характеръ его представляетъ ту особенность, что весь онъ сложился подъ вліяніемъ тюремныхъ обычаевъ и каторжныхъ порядковъ. Онъ—воспитанникъ Сибири и дѣлкомъ принадлежитъ ей; онъ—сибирякъ даже по мѣсту рожденія въ одной изъ соедѣнныхъ къ Сибири губерній (Черемской), которую до сихъ поръ великорусскій народъ признаетъ и называетъ Сибирью (не по новымъ граматамъ, но по старымъ памяткамъ, до сихъ поръ не утратившимъ своего правдиваго смысла и значенія).

Вотъ какую игру затѣяла съ нимъ „судьба“, какіе дала ему ходы и, ни разу не сдѣлавъ уступки, на всякую карту требовала рискованныхъ отвѣтовъ и смѣлыхъ выходовъ, потому что ставка была отчаянная. Въ банкъ поставилъ Кореневъ свое человеческое право: жизнь и свободу.

Бытіе свое Кореневъ получилъ въ маленькомъ, наибѣднѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ, обыватели котораго влачили свое углое житейское, плохо-сколоченное суденко между многими опасными подводными рифами: одни крали и давили крестьянскихъ кошекъ и собакъ, а ободранныя шкуры перепродавали на кожевенные заводы богатаго сибирскаго города Тюмени; другіе воровали и перекрашивали крестьянскихъ лошадей и сбывали ихъ въ другую сторону на темныхъ людей по коннымъ торжамъ и на конной ярмаркѣ бѣднаго вятскаго городка Котельничъ. Къ такимъ же занятіямъ приучали они и дѣтей, тѣхъ ребятишекъ, въ общество которыхъ поступилъ Кореневъ—сынъ уѣзднаго чиновника. Конечно, ни кошкодавомъ, ни конокрадомъ, по званію своего отца, ему стать не приводилось. Узнать эти порядки онъ могъ по праву товарищества. Но судьба, помимо его воли, могла натолкнуть ему только ту дорогу, которую проторила она для его отца. Кореневъ непремѣнно сдѣлался бы приказнымъ и—если при рожденіи получилъ онъ, по Галлю, головной мозгъ съ болѣе развитыми передними частями, и, по Штурцгейму, приобрѣлъ бугорокъ „приобрѣтенія богатствъ“ увеличеннымъ на счетъ другихъ и, въ то же время, снабженнымъ также развитымъ бугоркомъ, вѣстившимъ „преступныхъ желаній и стремленій“,—будущность его не заводилась бы туманомъ невѣдственности. Кореневъ, въ незавид-

ножь званіи убаднаго подъячаго, могъ сдѣлаться преступникомъ, а пожалуй и ссыльнымъ субъектомъ на три статьи: неизбежно болѣть бы онъ издомствомъ—этою крайне застарѣлою и спорадически-распространенною болѣзью. Но за этотъ первородный грѣхъ служилаго сословія ссылаютъ въ Сибирь мало и неохотно (около 5—6 человекъ въ годъ; 48 человекъ въ десять лѣтъ, съ 1838 до 1847). Грѣшилъ бы онъ „подлогами по службѣ“, но и за этотъ грѣхъ имѣлъ бы за собою самую ничтожную степень вѣроятія угодить въ ссылку (въ тѣ же десять лѣтъ за такіе грѣхи сосланы въ Сибирь одинъ только подобный мастеръ изъ чиновнаго люда). Затѣмъ Кореневу, въ званіи и при обязанностяхъ чиновника, оставался достаточный просторъ развить въ себѣ наклонности къ служебнымъ преступленіямъ и, слѣдомъ за другими ссыльными подъячима, уйти въ Сибирь за клеветничество или за поддѣлку документовъ. На прегрѣшенія послѣдняго рода онъ обладалъ замѣчательнымъ кощичествомъ способностей, выяснившихся въ ссылкѣ мастерствомъ его приготавливать фальшивыя ассигнаціи и монеты и, вѣроятнѣе обезпечивался правомъ на ссылку именно за этотъ родъ преступныхъ дѣяній по поддѣлкамъ, какъ таковыхъ, за которыя преимущественно ссылались въ Сибирь русскіе чиновники. Но, какъ мы сказали, судьба для азартной игры съ Кореневымъ не такъ стасопала карты и употребила не обычные рутинные приемы.

— Разъ я игралъ въ лапту съ ребятами на улицѣ—разсказывалъ самъ Кореневъ тюремнымъ товарищамъ и всѣмъ желавшимъ слушать его:—ребята не поддали, стали считаться кулаками. Одинъ, посердитѣй другихъ—Гамзой мы его за то звали—со мной сядся. Досадила онъ мнѣ крѣпко. Я ему: „отстань, отвяжись“, а онъ пуще ко мнѣ. Не втерпѣжъ мнѣ это стало: взялъ я да лаптой его и свиснулъ. Скользнула лапта съ шапки на високу—онъ такъ и сѣлъ, оловно спопъ, и захрапѣлъ ка-быть пьяный. Ребятишки всѣ въ брыаги, кто куда. Я надъ нимъ, да и вздумалъ: сгрѣбъ въ охапку, стащилъ въ закоудокъ, сложилъ между бревнами, а самъ и бѣжалъ—не домой, а въ лѣсъ. Дома отецъ сердитѣй, пьяный, со своей лаптой сидѣлъ и со мной безпремѣнно то же бы самое сдѣлалъ. А про лѣсъ мы и въ сказкахъ слышали все такое хорошее. Сказывали хорошее про лѣса наши и мѣщанскіе ребятишки: не гинеть—де въ нашихъ пермскихъ лѣсахъ душа человѣчья, а кипитъ эти лѣса, что монкой, всякимъ сброднымъ, вольнымъ и гуляющимъ людомъ. Тамъ-де очень хорошо.

„Вотъ съ чего я свою жизнь почалъ. Грамотѣ меня батько успѣлъ выучить въ убадномъ училищѣ, стало быть, въ лѣсъ я грамотнымъ пошелъ. Ходилъ я въ лѣсу, неученымъ, не долго; послѣ приловчился такъ, что живалъ въ лѣсахъ

по цѣлымъ годамъ. Въ лѣсу ягодами питался, да онѣ-то меня и провяли; вышелъ я на поляну хлѣбунка поискать, пошелъ къ деревушкѣ. Изъ молодыхъ да ранній, въ деревню иду—потрухиваю: не зазнали бы меня за сбѣглаго. Спасибо, баба какая-то выручила. „Ты, говорить, паревекъ, не коня ли своего ищешь?“—Коя, молъ, ищю.—„Такъ у насъ, слышь, не такія мѣста, чтобы краденныхъ лошадей находить; не ты первой ищешь“. Заввала меня въ избу, но стала распришивать, стала сама разсказывать:

„— У насъ подзаводскій народъ такой злой, такой злой: попадетъ въ нимъ чужая лошадь—за ночь одау перекрасятъ такъ, что самъ хозяинъ, съ какой стороны ни зайдетъ, не признаетъ живота своего. Развели блатовство такое, что удержи нѣтъ никакого. Ставовымъ, слышь, ста по два рубля на годъ кладутъ.

„Вынула изъ печи горшки, стала кормить меня, а языкомъ болтаетъ безъ удержу. Слышу, разсказываетъ:

„— Жить стало невозможно, разбойства завелись. Въ Суксунскихъ заводахъ мастеровой пропалъ. Жена плачетъ и ночи не спитъ. Разъ въ самую полночь, на первыхъ пѣтухахъ, стучатся къ ней въ окно. Она прислушалась. Кто-то тамъ помолитвовался и закричалъ: „Идите-де Алексѣя Воробьева на заводскомъ пруду и прорубякъ, около огорода Михайла Кошлова“. Синовова бросились на дворъ, а темень такая, хоть глазъ коки, никого не наши. Пошли на прудъ, нашли мертвое тѣло—онъ самый. Капотъ былъ на немъ чернаго, слышь, сукна, спять капоть съ рукъ, нимъ обверчена голова и завязана на шеѣ личной веревкой, въ палець толщиной. Руки по кистямъ тоже веревкой связаны. Сняки на спинѣ и на бокахъ...

„Она сказываетъ, а я ужъ смѣкнулъ, что мѣста тутъ и виражъ такіа, что ухондѣ мнѣ надо. Пока я кашу съѣлъ, баба ужъ мнѣ и еще разсказала, что тамъ убили да спрятались, тутъ ограбили середъ бѣлаго дня и опять никого не наши. По сибирскому большому тракту деревни горять, поджигаютъ. Значить, во всѣхъ дѣлахъ этихъ прохожій виноватъ. Сдумалъ я и домой сernуться, во всемъ спокаяться. Въ ту сторону я и лыжи направилъ. Село большое высипалось на дорогѣ. На погостѣ кресты торчатъ и народъ стоитъ кучкой. Дай погляжу, что такое? все старцы и всѣ слѣпые и у всѣхъ котомочки за плечами, въ рукахъ палки; значить, ница братія. Я спросилъ. „Да вотъ, говорятъ, паревекъ у насъ былъ, повардаръ нашъ, зачахъ и померъ, хоронимъ теперь“. Попробую я къ нимъ пристать, что выйдетъ. Да какъ это сдѣлать? Начали они и меня распришивать. „Не тупошный ли?“—„Нѣту“.—„Можеть, съ воли какой?“—„А вамъ что за дѣло?“—„Мы-де не сотскіе, въ ставовую квартиру тебя не вести

намъ; къ тому же теперь и безъ ногъ стали сдѣлать намъ этого не можно“. Я молчу, а они говорятъ таково смиренно: „Самые мы теперь несчастные люди и съ погоста сойти, пожалуй, дороги не найдемъ, проводилъ бы ты насъ на дорогу“. Сдѣлалъ я такъ-то, вывелъ. „Мы, говоритъ, не изъ такихъ, чтобы чужихъ ребятъ стали воровать въ деревняхъ, а кто-де охотой пойдетъ съ нами, тому мы, коли золота ему нужно, и золота дадимъ. Вотъ теперь по заводскимъ праздникамъ пойдемъ, на осень пирогами кормить насъ станутъ, меду надаютъ сотами, виномъ поить будутъ. А какъ-де настанетъ зима, то въ Ирбитѣ ярмарка такая, что больше ея другой и на свѣтѣ нѣту; тогда пойдутъ къ намъ деньги, а съ деньгами по здѣшнимъ мѣстамъ отца родного можно купить и ото всякихъ бѣдъ откупиться“. Пуще всѣхъ приставалъ ко мнѣ низенькій, горбаченный стариченко, Матвѣемъ звали. Я шелъ съ ними и гдѣ лужа, гдѣ мостъ—предостерегаю, сказываю. Иду и слушаю: „Кто-де бы пошелъ съ нами, того бы человекъ мы харчемъ доволествовали и давали бы по рублю деньгами на четыре недѣли. Послѣ Ирбита по пяти давать станемъ. Если-де кто и съ волчьимъ паспортомъ ходитъ, мы и того можемъ оправить: есть у насъ на всякую руку и бумаги такіа“. Думать тутъ мнѣ было нечего, я такъ и не отставалъ ужъ отъ нихъ; сталъ я поводить нищей братіи.

„На отдѣлѣ въ кустанѣ слажево было мое дѣло такъ: парнишку-де похоронили, а паспортъ его на рукахъ остался, будто онъ и не помиралъ. Тутъ меня во второй разъ крестили, дали другое имя и велѣли сказываться Григорьемъ Семеновымъ, а былъ я Иванъ Петровъ Куреневъ.

„Ходилъ я съ нищей братіей долго и всякаго дѣла видывалъ много. Больше доводилось смѣху видать, а кое-когда и кое-какія горя перепадали. Какъ собрали денегъ, такъ и нить и плести, а напхались—сориться да кориться. Этакое алушчаго народа я и на каторгѣ мало видывалъ. Ходили они промежъ себя такъ-то: кто больше стиховъ знаетъ и пѣньемъ заводилъ, что всякое слово знать было—всѣхъ больше тотъ денегъ мѣдныхъ огребалъ себѣ. У одного къ тому же горло широкое было, что у бурлака на Чусовой, — тотъ всѣхъ богаче былъ. Безпмятнаго стариченку Матвѣя всегда обижали. У него и голосъ куринный и человекъ онъ самый алушчій. Какъ дуванъ дуванить и его одѣлать, такъ онъ и драться: „Я-де нонече шибче всѣхъ насъ пѣлъ и меша-де сегодня купецъ приласкалъ; въ мою чашку больше денегъ наклали!“ Задираетъ ихъ, значить. Артель у нихъ была, артелью они звались. Дуванъ въ лѣсу дѣлали, а въ кабакѣ размѣивали: подгоняли только это дѣло всегда къ ночи. Въ кабакалъ это знали, а я не зналъ, да какъ-то послѣ такой-то первой дѣлежки усѣлись они на ба-

зарѣ, меня такой смѣхъ пробралъ, что чуть всю грудь не разомяло. Сѣла моя нищая братья, какъ на иконахъ святахъ пишутъ: сѣпенки да хворенькіе, всякъ ихъ обидитъ. Вы ли, молъ, это, братцы, что вчера въ кабакѣ-то были? Святѣ всѣхъ старецъ Иванъ — Верзилою дравили—выше всѣхъ онъ былъ и ярчай. Какъ на базарѣ выходятъ, такъ ему и надо какое-никакое темное мѣсто. Тамъ онъ сядетъ, подхватитъ подъ себя правую ногу, подниметъ лѣвой рукой съ глазу кожу да по красному мѣсту и начнетъ стрекать иглой. Ему и сведетъ оба глаза, сгнѣбе всѣхъ камоть. Къ вечеру, когда плясать, либо деньги считать надо—отпускало, онъ опять видѣлъ. А былъ онъ за то и старостою артельнымъ и плутомъ большимъ. Какъ старцы ни щупаютъ руками деньги (а щупанье у нихъ какъ бы глазъ здоровый), какъ ни ощупываютъ, а у старосты всегда денегъ больше. Ласкалъ онъ меня пуше всѣхъ. Былъ онъ для меня и заступой, когда другіе старцы ва что нибудь вскакивались шипать, а не то и драться. Въ первый разъ били меня за то, что на базарѣ смѣялся; бивали и еще не одинъ разъ. За тычками и пинками я не гонялся, въ этомъ промыслѣ привычку къ тому возмѣлъ. За большую драку разъ припугнулъ, однако: „убѣгу-де“, — такъ за эту угрозу кинулись на меня всѣ до одного: „Этихъ, молъ, насъ не пужай, а вонъ въ мошкѣ въ Верялахъ нашихъ денегъ съ полсотни будетъ; всѣ за тебя отдадимъ становому, чтобы на козлѣ выпоролъ“. Я испугался.

„Не отставалъ я отъ старцевъ до самой Ирбита. Прибрело туда нищей братіи артелей шесть. Спихались такъ, что либо всѣмъ въ одну слаживаться, либо котормъ уходъ вонъ; всѣмъ будетъ тѣсно. Одну артель такъ и выдавили—ушла. Наша на волоску висѣла, потому сильнѣе насъ деньгами была одна ближняя, тутоминя, сибирская. Пришла она раньше, дала больше, стала ярмаркой заправлять на манеръ старосты. Нашъ Верзила сладился съ ней на ведрѣ вина, и чтобы пѣть не виѣстѣ и сидѣть дальше, имъ обѣднѣ, намъ заутрени очищать. Къ вечерямъ третьихъ и четвертыхъ припускали; пятая на сибирскомъ вывѣдѣ пѣла. Мы въ самой-то гуцѣ и усѣлись представленіи наши дѣлать. Однако, выпѣли мы негусто: старцы считали ста на три, а и одного ста не выпело. Собирались назадъ такіе сердитые, а къ тому одного нашего за то, что въ кабакѣ раму высидѣлъ, въ вчумкѣ держали. Надо было его выкупать. Шли мои старцы назадъ, что мухи къ осени, закусались очень больно. Я изъ синяковъ не выхожу и бока спрыщивалъ; гдѣ кольнеетъ, а гдѣ и заноетъ. Къ тому же и надобли мнѣ эти алушчіе люди, не лучше заныгъ собакъ. Все грызутъ да ворчатъ, а денегъ дали мнѣ немного, да и дали какія, такъ и тѣ съ покорожъ да со

рванью. Черть ли, молъ, мѣ за эти корысти въ ваши слѣпныя очи глядѣть. И глаза-то мѣ нѣмѣ за годъ-отъ надоѣли пуще горькой рѣдки. Вгляну въ нихъ — тошнить. Думагъ я объ этомъ разъ цѣлую ночь на пролетъ, поутру всталъ такимъ, словно оправдали меня и всякую мѣ вину начальство отпустило.

Идти надо было въ село на базаръ, а ужъ весна и мы подъ Шадринскомъ. Они прирадлились въ полный нарядъ: Веранга и глаза свои наколол, сталъ словно слѣпой отъ рождения. Уговоръ такой былъ у насъ: коли вскричу „вода“ — всѣмъ раздѣваться; значить, вбродъ идти. Привелъ я ихъ къ забору. Крапивини тутъ — гдѣсь непролазныи. Ухватился переднѣй за подогъ, а остальные другъ за дружку, что гуси, вбродъ идти приспособились. Я ихъ, вмѣсто рѣки, завелъ къ эту самую крапиву жечься, а самъ палку изъ руки выпустилъ и убѣжалъ. На этомъ я съ ними и покончилъ. И что плохо лежитъ — прибрать и куръ воровать они меня, святые старцы, выучили. Науку эту я съ ними прошегъ. Послѣ нихъ мѣ и въ бѣгахъ стало жить легче. Вояться сталъ я меньше и не вдогать мѣ въ томъ сомнѣваться. Когда жилъ я со слѣпыми и правилъ ихъ дѣломъ, все казалось, что самъ ослѣпну, а кинулъ ихъ да одумался — непремѣнно проверилъ я такъ, что вверхъ ногами ничего ужъ съ той поры не выдалъ. Теперь пойду, молъ, по вѣтру, куда вѣтеръ танеть; все равно оно потому, что я къ шатанью-то этому попривыкъ такъ, что и оно мѣ работой казалось. Съ нищей братіей только ни за что таскаться не стану, развѣ, когда отдохну.

„Думагъ я такъ и дѣлалъ этакъ не долго. Разъ какъ-то на опушкѣ лѣсной мѣ новая находка. Лезать пятеро молодцевъ чудныхъ какихъ-то: у всѣхъ бороды не то подстрижены, не то роста послѣ бритья въ одно время начали, а волосы у всѣхъ, какъ у новопоставленныхъ поповъ бываютъ. У двухъ и рожи пятнашныи. Такихъ я не видывалъ, а такихъ потомъ и самъ сталъ. Вотъ какъ это дѣло случилось.

„Подозналъ я къ нимъ — сгребли меня свяди, связали конскими путами, на землю кинули, а за что про что, не сказываютъ. Я оробѣлъ и струсилъ, да на этотъ разъ въ послѣднѣй разъ. Съ нѣ тяжелой руки я ужъ никого не робѣлъ. Спутали меня такъ-то крѣпко, что хотъ кричать. Стали разговаривать: „Наломайте вѣшниковъ, станемъ палить его, все скажетъ“. Сказалъ я имъ и безъ вѣшниковъ. Повѣрили. Повелъ ихъ знакомой дорогой — полюбили, я не отставалъ, они пуще хастались. Дѣлалъ я съ ними путь въ обратную, надо быть, дней десять, до того самого утра, какъ мы наткнулись на облаву. Не то звѣря травятъ, не то бѣглыхъ ловятъ: народу много, кто на лошадахъ съ веревками, кто пѣшкомъ съ ружьями. „Стои! —

кричать намъ: — это вы у насъ бабу съ ребятами задушили и бабу подожгли“? Бабу задушила и бабу сожгла не наша партія, а видно нашъ отвѣтъ. Мужики такъ и сказываютъ. Дѣло понятное, разбирать не стануть, а стануть битъ: по кулакамъ и по палкамъ это видно. Тутъ либо севозъ землю уходи, либо полѣвай на стѣну. Земля каменная, а люди живые, мы и кинулись на людей. Плоха та бродяжья партія, гдѣ хотъ одного ружья кѣтъ, а палки всегда при себѣ. Стали мы отбиваться. У кого ружье было, тотъ выстрѣлилъ. Выбѣютъ изъ руки твою палку, вырвешь я бьешь тѣми, что мужики принесли съ собой. Однако, не отбились. Посадили насъ въ кѣтъ и спать никакъ не можно, всего домигъ. Веревками такъ закрутили, что словно боишься, чтобы мы не расклеялись. Мы въ кѣтѣ лежимъ, а они гадятъ. Погадятъ да въ стѣну палкой постукаютъ: сторожимъ, молъ, васъ! Поутру стали своимъ міромъ разбирать, кто чего заслужилъ. Сказали намъ, что кто-де съ ружьемъ былъ, тотъ парня убилъ. Приѣхалъ засѣдатель, взялъ насъ. Квартиру намъ переѣхали. Стали мы въ городѣ жить на казенной квартирѣ. Занятіе легкое и работа не мудреная: все больше спали. Когда вина выпьешь, когда въ карты сыграешь. Разъ за что-то выпороли. Своро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, а рассказывали-то намъ сказку про бѣлаго быка. Сказка эта длинная. Однако, кончили. Меня за убійство на каторгу рѣшили. Подводили мѣ дѣло къ кнуту, я такъ и занялъ. Когда еще съ нищей братіей таскался, видѣлъ я это въ селѣ, на базарѣ, такъ, что какъ будто съ самого лыки драли. Затосковалъ я. Тоску мою арестанты переняли. Сталъ я имъ всю свою подготовную рассказывать, они такъ и захохотали. „Кому, говорятъ, бѣжать отъ этого хорошо, а тебѣ и того дѣлать не надо. Скажешься тѣмъ, что ты и впрямъ есть, кнута по закону минуешь“. Приходилъ прокуроръ, я ему и объявился чиновничьимъ сыномъ. Навели справки: такъ точно. Объявилъ мѣ это самое прокуроръ да и обругалъ притомъ. Котораго я зашибъ на роднѣ товарища, тотъ отошелъ, живеть-де теперь, и надо быть, слѣпныхъ лошадей крадетъ. Не оживалъ только послѣднѣй убитый. За него меня кнутомъ не били, а погнали на каторгу несвященнымъ.

„Попалъ я на Кару, на каторгу настоящую. Тамъ нашего брата и на работу иначе не зовутъ: „Эй-де вы, коня!.. подавайте ковей!.. берите кони сбрую!.. впрягайте ковей въ работу“!.. Сталъ я думать: воля, молъ, лучше боли, а спина стала казенная, каждый день зуботычина. Розогъ меньше трехсотъ не даютъ. Уходить въ бѣга товарища, хвастаютъ: въ бѣгахъ-де царство небесное. А ужъ если и попадешься, за всѣ семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Тоска такая подступала, что всѣ стали ка-

заться чертами и албе всѣхъ черги-начальники. Вспоминалъ я слѣпыхъ своихъ такъ и этакъ, одно и то же. Бѣжалъ я оттуда. Лѣсъ, да степи да своя воля, страхи кругомъ. Облavy про тебя, что про звѣря, все въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не ждешь, не чаешь. Сталъ понимать себя выше всѣхъ, давно бы мнѣ такъ-то: всякій о тебѣ заботится, всякому до тебя дѣло, словно ты и великъ человекъ. Кое-гдѣ знаютъ ужъ: Кореневъ — де! Соблазнила жизнь такая! Пуще всего тебя занимаетъ, что вотъ хлопущку наставили, пасти налаживали, человекъ сто у этого дѣла стояло и умомъ ворочало, а ты взялъ да и обошелъ, только слѣдъ оставилъ: мѣсто обогрѣтое, еще тепленькое и траву примялъ, а самъ сквозь землю ушелъ. Смѣшно даже. Меня ни разу не словили.

„Поймали меня, когда сталъ ходить не одинъ. Съ товарищами связался, а промежъ нихъ, что ни трусъ, то ротозѣй: сейчасъ подведутъ и скажешься дома. Разъ сгребли, другой разъ сгребли; однова съ бабой чертъ меня веревочкой связалъ; эта свой подолъ защемила и меня уаолокла. Дальше тюрьмы не сажали, да ужъ ни одна тюрьма въ тѣ времена моя не держала, что проклятаго человека могла. Сталъ занимать меня не побѣгъ самый: мудрено ли бѣжать? — Оглядишься, прислушаешься — сейчасъ слабое мѣсто засвѣтитъ: въ прорѣзу-то эту и выскачешь. Надо бѣжать такъ, чтобы товарищи не знали и чтобы за шутку твою они тебя похвалили, удивлялись бы тебѣ. Объ этомъ надо было думать; мудренѣй это было. Однако доводилось. Такъ-то я разъ до пяти бѣгалъ.

— Пуцай мнѣ печенку отобьютъ совѣтъ, я опять побѣгу пуцай; мнѣ ноги изломаютъ, я на рукахъ побѣгу. Лѣсъ по мнѣ стонать станетъ, пташки не запоютъ. Кореневу быть на волю! — увѣралъ онъ, сидя на стѣнной цѣпи прикованнымъ на всегда, въ секретномъ номерѣ тобольскаго острога.

Сюда попалъ онъ послѣ всѣхъ житейскихъ превратностей на каторгѣ, пойманный на убійствѣ въ Тобольской губерніи. Содержался онъ въ губернскомъ острогѣ сначала какъ подсудимый. Здѣсь запутывалъ слѣдствія, посылалъ въ разныя дальнія мѣста за справками съ указаниемъ на различныя совершенныя имъ и вымышленныя преступленія. Прежде, чѣмъ уголовный судъ успѣлъ выяснитъ для себя всю запутанную совокупность его злодѣяній и, между прочимъ, убѣдиться въ совершенныхъ имъ убійствахъ, его посадили на цѣпь и записали въ разрядъ „заключенныхъ на всегда“. Въ 1850 году онъ былъ одинъ изъ 18-ти, прикованныхъ къ стѣнѣ на цѣпь, и, по случайному значенію цифры, на самомъ дѣлѣ не смѣшивался, но выдавался изъ остальной цѣпной дюжины. На него ходили смотрѣть, какъ на дикаго звѣря. Слава объ его злодѣйствѣхъ наполняла Тобольскъ.

Онъ былъ долгое время сезоннымъ героемъ, во всѣхъ классахъ общества говорили объ немъ. Мнѣнія были различны, взгляды расходились.

Начальство смотрѣло на Коренева, какъ на чудовище, на феноменъ изъ ряду воиъ, на злодѣя, которому хороша одна только петля и, на крайній случай, ружейныя пули. Глубоко убѣжденное еженедѣльно примѣняемыми опытами законныхъ тѣлесныхъ наказаній въ томъ, что настоящіе преступники отъ частаго употребленія плетей и розогъ стали привычны къ нимъ до отуплѣлости, начальство знало также и то, что въ рѣдкихъ случаяхъ наказуемые и нестяжые обнаруживаютъ признаки какой либо робости или боязни. Извѣстно было, что для новичковъ и робкихъ придуманы тюремными общинами различныя облегчающіе способы, предотвратитъ которые не было никакой возможности. Сила товарищескаго участія и состраданія была настолько велика, что выражалась въ многочисленныхъ видахъ, изъ которыхъ одна половина поражала своею неожиданностью и мудреымъ измышлениемъ, другая отзывалась общими мѣстоми. Къ числу послѣднихъ относился извѣстный приемъ арестантовъ избавить рѣшеннаго товарища простымъ способомъ, устройствомъ ему побѣга. При этомъ для общаго любимаго замысла приводился въ исполненіе всѣми членами тюремной общины, вообще хорошо слаженной на законахъ круговой поруки и взаимности, самыя сложныя одоженія, а также вооруженной опытомъ долговременныхъ приспособленій. Большая часть арестантовъ, „вакомавшихъ“ тюрьмы и скрывшихся во мракъ лѣсовъ и темноту ночей, были тѣ, которымъ выходило скорое рѣшеніе. Въ случаѣ неудачи арестанты прибѣгали къ другому способу, также весьма обыкновенному и вѣрно облегчающему боль нестязанія. Способъ этотъ выражается подкупомъ палача. Въ хороши организованныхъ тюрьмахъ (какъ, напримѣръ, въ тобольской, гдѣ число подсудимыхъ ежегодно доходило свыше 200 человекъ и рѣдко бывало меньше 150) палачи пользовались львиною долею изъ купеческихъ праздничныхъ пожертвованій на арестантовъ. Сверхъ того, получали они, вродѣ приватнаго жалованья, нѣкоторую сумму изъ складчины денежной, поголовно собираемой со всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Обыкновенный преступникъ, всегда снабжаемый, по пути къ мѣсту казни, обычно денежною дачею отъ проходящихъ, имѣлъ право отдать ему собственность свою, извѣстную подъ именемъ „рогожки“, именно тому палачу, на очередь и подъ руку котораго попалъ онъ. Для осторожнаго любимаго находилось у товарищей на столько душевнаго участія и сердечнаго состраданія, чтобы, сверхъ того, дѣлать въ его пользу новую денежную складчину, образжаемую въ тюремныхъ стѣнахъ. Поступая такъ, арестанты убѣждены на опытѣ (какъ начальство

а многочисленныхъ разсказать и несомнѣнныхъ свѣдѣній), что чародѣйская сила руки алача получаетъ въ школѣ и на практикѣ вѣстную ловкость. При видимомъ сильномъ змахѣ ослабляетъ онъ силу удара въ такой мѣрѣ, чтобы пускать кровь только для вида и для защиты собственной спины, и на самомъ тѣлѣ преступникъ непускаетъ неистовые крики для той же цѣли. Разсказовъ о ловкости рукъ алачей такъ много ходитъ по сибирскому міру ардному и чиновному, что вѣроятіе ихъ не одолжить оспитію, какъ по отношенію къ шедовымъ замечнымъ мастерамъ, научающимъ искусство на листѣ бумаги, такъ включительно до того палача, который на спинѣ собственного сына хватался искусствомъ и рвалъ кнутомъ листъ бумаги, не касаясь тѣла и кожи.

Злодѣянія Коренева вращали чиновный міръ волю мысли вымыслить такое наказаніе, которое послужило бы въ страхъ и поученіе всѣмъ сибирскимъ бродягамъ и злодѣямъ, чтобы омытъ гадъ ямъ, хотя бы даже и въ формѣ смертной казни, нѣтъ облегчающее значеніе для самого изачальства и проказель бы устрашающее вліяніе на массы бѣлаго и преступнаго люда. Въ такомъ тонѣ заготовлялись, говорить, представленія, а одинъ изъ сильно ревнованныхъ дѣлу, менѣе другихъ увѣренный въ томъ, то Кореневъ побѣгомъ не избѣгнетъ наказанія, предлагалъ испытать старое средство: надѣвать ему петки и насыпать въ раны мелко астриженнаго конского волоса. Словомъ, проивъ Коренева были возбуждены сильно. Это время для него было однимъ изъ тѣхъ, когда онъ вынуждалъ преимущественную заботливость и вниманіе, каковомъ лишенъ былъ въ пренее, болѣе дорогое для него время и каковыя въ настоящее пораазительны были крайнею вою непослѣдовательностью. Не принося никому и никакой пользы, онъ выгодны были для амого Коренева только потому, что самъ онъ съ сдѣлалъ таковыми. Кореневъ послѣдшыл амоситыся на пьедесталъ необыкновеннаго педедового человѣка и завлекалъ изъ этого матеріальную пользу, хорошо зная, что деньгами воспользоваться удастся, что, вмѣсто петки или ямы, ему навѣрное придется нести грѣховное тѣло свое опять-таки на каторгу, по этакому. Въ положеніи спекулятора, угнѣвнаго оспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, Кореневъ остался во все время соержанія на цѣпи и въ одиночномъ заключеніи. Онъ не вышелъ изъ своей роли даже и при тѣхъ условіяхъ, когда высшее тобольское общество (въ то время увеличенное приливомъ новыхъ людей, декабристовъ — присланныхъ на поселеніе и помѣщенныхъ на житье въ самомъ ородѣ), было сильно возбуждено чтеніемъ Сведенборга и наалектранировано мистицизмомъ. Общественное настроеніе, не дошедшее только до

верченія столовъ, выражалось вѣромъ въ кликушъ, покровительствомъ идиотамъ, юродивымъ, вызвало пророковъ. Между юродивыми оказался даже такой, у котораго подъ нависшими на глаза волосами обнаружались потомъ три хорошо навѣстныя въ сибирской азбуцѣ буквы К. А. Т. (каторжный), а подъ засаленною и грязною ряскою на спинѣ знаки кнута.

Этигъ глубоко убѣжденнымъ мистикамъ, бомаутымъ крутыми житейскими неудачами и потрясеннымъ неожиданными и многочисленными ударами судьбы, Кореневъ казался какому-то рововымъ вырожденіемъ, лицомъ избраннымъ, съ одной стороны, для того, чтобы изобразить собою испорченность и негодность человѣческой природы, а съ другой — дать поученіе грѣховному человечеству въ собственному его исправленію. Въ испорченной природѣ Коренева чтители Сведенборга видѣли злого духа и въ шарченіяхъ убійцы и бродяги, вываанныхъ непосредственностью его натуры, желали получать и слышать вдохновеніе этого духа лукавства и злобы.

Кореневъ, въ силу такихъ увлеченій, сдѣлался предметомъ распроовъ и долговременныхъ бесѣдъ. Къ нему, какъ къ Ивану Яковлевичу въ Москвѣ, какъ къ Феклушѣ на Бердовомъ заводѣ въ Петербургѣ, ходили тобольскія дамы за совѣтами. Кореневъ омутилъ переѣмну своего положенія и въ этомъ новомъ также въ грязь лицомъ не ударилъ. Свою циническую откровенность онъ смѣнилъ на такія признанія, въ которыхъ старался выразить въ себѣ игралище судьбы, и, конечно, былъ отчасти справедливъ и въ настоящемъ случаѣ счастливъ только тѣмъ, что получилъ указаніе для выхода на дорогу. Знаяше его близко соузники замѣчали даже, что въ послѣднее время заточенія въ Тобольскѣ онъ самъ сталъ колебаться въ истинномъ значеніи своего званія. Онъ сталъ временами толковать о себѣ, какъ о какомъ-то исключенія изъ человѣческой породы, сталъ вѣрить въ сверхъестественную силу свою, началъ завираться и оправдываться. Кончилось все это на концѣ срока его заточенія, за которымъ послѣдовала высылка его на нерчинскіе рудники.

Прежде чѣмъ совершили надъ нимъ такое чародѣйство и сдѣлали въ немъ превращеніе, Кореневъ успѣлъ въ тобольскомъ острогѣ показать себя въ настоящемъ видѣ, съ одной стороны, какъ злодѣя, съ другой, какъ бродяги.

Когда стувѣрныя дамы, съ замраніемъ сердца, дрожащими, несмѣлыми тонами въ голосахъ спрашивали сдѣвнаго на цѣпи Коренева:

— Не случалось ли тебѣ видать, правда ли это, что изъ раны убитаго начинала сочиться кровь, когда къ трупу подходилъ самъ убійца?
— Нѣтъ! — отвѣтилъ Кореневъ.

И отрубилъ:

— Однажды я нарочно для этого убилъ жидка

въ Канскѣ и черезъ полчаса былъ тутъ, подлѣ. Жиды собралась всѣ. Гвалтъ жиды сдѣлали на цѣлый городъ. Я самъ съ ними по бедрамъ хлопалъ и головой качалъ; давалъ совѣты, какъ ловить убійцу. На убитаго смотрѣлъ, какъ на свою ладонь, крови не показалось.

— Можеть быть оттого,—заключилъ Кореневъ съ усмѣшкою на лицѣ, которую онъ не счелъ даже нужнымъ скрывать:— оттого, можеть быть, что убитый-то былъ некрещеный.

Въ другой разъ одно духовное лицо, увлеченное общимъ примѣромъ почитателей Коренева и на правахъ председателя тюремнаго комитета, возымѣло желаніе вступить съ нимъ въ бесѣду и дать ему кое-какія духовно-правственныя наставленія. Въ видѣ вступленія, лицо это спрашивало влодѣя:

— Чувствуешь ли ты когда угрѣзеніе совѣсти?

— Никогда!—грубилъ Кореневъ.

— Столько ты злодѣяній совершилъ, столько ты убійствъ содѣлалъ!..

— Говорить, восемнадцать, — подтвердилъ Кореневъ.

— Неужели у тебя хотя разъ не вострепело сердце, не дрогнула рука, рука Калнова, проливающая кровь своего брата по Христу?

— Мнѣ тогда о родствѣ не доводилось спрашивать.

— А для чего ты столько невинныхъ душъ загубилъ, для какой цѣли?

— Цѣль, я полагаю, у насъ съ вами одна, батюшка. Вѣдь и по писанію всѣ убитыя мною души въ царствѣ небесномъ. А насъ еще съ вами никто не вѣшалъ, кто больше тянетъ: вы ли молитвой больше отправили туда, али я ножомъ...

Пробовали другіе подходить къ нему съ другой стороны и спрашивали его такимъ способомъ:

— Понимаемъ мы, Кореневъ, что встрѣтятся съ тобою въ дорогѣ одинъ на одинъ невыгодно. Встрѣча съ тобою—твое счастье. Ты голодный, я на станціи поѣлъ и съ собою везу съѣстные запасы; тутъ они у меня подъ бокомъ, захотѣлъ поѣсть, вынулъ. На тебѣ рваный полушубокъ, вымызганный кафтаншко, а я — въ лисьей либо енотовой шубѣ и за пазухою у меня деньги, на которыя, говорятъ, весь свѣтъ покушается.

— Это такъ точно.

— Тебѣ завидно мое счастье. Возьми шубу, возьми деньги, возьми кулечекъ со съѣстными припасами.

— Да вѣдь вы не дадите, стрѣлять, поди, станете, вѣтъ ружья—драться. Начнете прилаживаться, чтобы забить меня до смерти. Все же радостно хоть одного варнака истребить съ корнемъ. А вѣдь и у меня душа та же самая, а къ тому цѣлымъ рублемъ для меня дороже вшей. Вы свою душу на конякъ возите, на полдушки кладете, а я свою, грѣшину, протащаль еक्возь огонь, межъ ножами. Прилаживалъ ее

на сучья, на камни. Вотъ и здѣсь ее прилаживаю на доскахъ. Вонъ откуда вынесъ ее, голову — то свою, изъ самаго Нерчинска. Дѣлать мы станемъ оба одно: вы свою, а свою оборонять.

— Положимъ, я обороняться не стану, мнѣ нечѣмъ. Ружья у меня нѣтъ, саблею не запасся. Вѣду я безвѣчно, какъ большая часть вѣдять, и встрѣчи съ тобою не ожидаю. Эта встрѣча— мое несчастье, моя неудача. Ты и накажи меня за то, что я такъ неостороженъ: возьми то, чего у тебя нѣтъ и чего у меня много.

— Я возьму это и безъ вашего спросу.

— За что же убивать меня, два раза называть за промахъ?

— А за то—не ходи пугато, не носи брѣхо въ пазухѣ. Убиваю, а себя берегу. Опять же голова у меня своя, не покушая. Порѣшился съ ней, другой головы не купишь, на базарѣхъ ее не продавать. Я и самъ сначала такъ же думалъ, по вашему: за что, молъ, я ограбленнаго убивать стану?! Молодымъ человѣкомъ я былъ тогда, несмышленнымъ, первоукомъ. Расскажу я вамъ про этакій случай.

„Шелъ я съ Нерчинской каторги. Шелъ не одинъ, а съ товарищами, изъ Иркутска къ Красноярску. Жилыя тутъ мало, все гдѣсь стоитъ. Заточили мы, хоть въ землю зарывайся, ладо грабить. Заслышали колокольчикъ. Завалились въ канаву, кто направо, кто налѣво. Ждемъ. Позаячмы насторожили уши. Вдѣтъ пара: ямникъ носомъ клюеть, рыбу удить, и оттого рыбу удить, что самъ проѣзжій спитъ. Такъ, молъ, намъ и надо. Слово мы, молъ, сами имъ заказали этакъ-то. Вышли мы на дорогу, лошадей за удины придержали, сжали ямника съ козель, связали по рукамъ и ротъ ему завязали, чтобы не кричалъ. Проѣзжаго мы разбудили. Поступили съ нимъ такъ, какъ и всѣ сказывалъ, какъ бы и малый ребенокъ сдѣлалъ. Стали съ проѣзжимъ разговаривать накороткѣ, чтобы поскорѣ кончить. Вынимай деньги, снимай платокъ—разговоръ извѣстный. Чемоданъ его сами вынули и его вынули. Стоитъ онъ на ногахъ, трясется весь; извѣстно, дѣло такое ему непривичное, въ первый разъ доводится. Со страху онъ сталъ рассказывать: чиновникъ, вѣдетъ въ Россію, казенныя деньги получалъ, мать у него есть и жениться хочетъ. Деньги отдалъ всѣ, повалился на колѣночки, заревѣлъ. Слезы такъ горохомъ и катятся, крупныя такія. Ваала тутъ меня жалость за самое сердце и такъ-то щемить и тербитъ! „Отпустите“, слышь. Клянется, божится: „никому не скажу“. Сталъ я товарищей своихъ уговаривать, они долго не соглашались, уломалъ—таки я ихъ. Сказали: „на тебѣ весь отвѣтъ“. Ладио. Отпустили мы его живымъ и пошли своей дорогой. Идемъ-идемъ да и вдуваемъ: „А ну, братцы, божбу не исполнить! пойдемъ пошлѣе, высмотримъ“. Пошли мы вше-

редь, стали подходить къ деревнѣ, а та—вся на вогадь. Крику развела полоть лѣсъ и сказываетъ тѣмъ, что облаву сдѣлала. Пронеслись мимо насъ верховые съ колымаи: за нами, значитъ. А мы тутъ подь деревней въ лѣсу выждали. Ночь, моль, теперъ наша, пуганный чиновникъ непременно переночуетъ. Ночью мы обошли деревню, перетянулись на ту дорогу, по которой намъ идти, а провѣзему ѣхать. Зашли на конецъ станка. На первомъ свѣту выбрали мѣсто такое способное: мость. Опять завалились въ канаву подь мость, стали чиновника выжидать. Выспится, поведетъ дальше, а на ночь ни за сто рублей не пустится. Выждали мы его на другомъ станкѣ, остановили, да и содрали съ живого лыки“...

Вообще угрюмый и неразговорчивый, Кореневъ на умѣлые разспросы любилъ отвѣчать. Иногда хвасталъ, агадь, но пойманный съ поличнымъ, не медлялъ выходить на путь правды и откровенности.

Разъ удалось услышать отъ него такую формулу идеи бродяжества:

— Для бродягъ одинъ законъ и все тотъ же. На дорогу въ заводѣ запасъ возьмешь, безъ того не пускаешься, развѣ когда въ сосѣдяхъ обзавелся знакомымъ человѣкомъ. Запасъ съешь, а брѣхо-алодѣй никогда стараго добра не помнитъ: опять слому сунуть, ѣсть просить. Къ жильцамъ подтягиваешься. У знакомага человѣка милосердно просишь—дасть, а то на уру и у встрѣчнаго клячичня, тоже дають. Въ незнакомыхъ деревняхъ, гдѣ бродяги шалили, сердятся; на ласку тѣ мужики не даются, надо самому брать, значитъ, грабить. Ограбилъ кого, слѣды корони, кошка тому дѣлу примѣръ дасть. Не оставяя своего хвоста на дорогѣ, заметай слѣдъ: ограбленнаго убивай. Не убьешь, язмыгъ за собой вывѣшь. По немъ дойдуть до тебя. Пригнру не было такого, чтобы грабленный не истяилъ и по слѣдамъ звѣря не натравлявали. Такой ужъ законъ. Я какъ одинъ разъ оступался, такъ съ той поры другу и недругу заказалъ итти ограбленнаго. Такъ вотъ и всѣмъ товарищамъ рассказываю, учу ихъ. Что разъ потеряешь, того долго не найдешь. На божбу людямъ не вѣрь и честное илие слово они для плутовства себѣ придумали, чтобы лучше обманывать. Воръ слезливъ, а плугъ богомоленъ—давно это сказано. И я скажу: у бродяги только два клина, поле и лѣсъ, больше ему никакыхъ нѣтъ воротъ и ходить не стоитъ, чтобы отыскивать лазы.

Кореневъ былъ настоящій бродяга и сколько слова и показанія его нѣтъ значенія неотразимой правды, столько бродяжьи свойства выступали въ немъ рѣзче всѣхъ другихъ. За ними товарищи его не видѣли (или не хотѣли видѣть) настоящаго алодѣя. Тобольскій простой людъ видѣлъ въ немъ колдуна и тамошнѣя тор-

говья бабы рассказывали на базарѣ, что стоитъ Кореневу только начертить вокругъ себя мѣлюжъ или углемъ кругъ, чтобы сдѣлалась лодка. И „не давай ему при этомъ только воды, только воды не давай ему ни въ ротъ, ни въ руки“, чтобы лодка, сдѣлавшаяся изъ круга, не вынесла его изъ тюрьмы на волюную волю. Каплю воды особымъ, ему одному вѣдомымъ наговоромъ онъ умѣетъ превращать въ рѣку и выплываетъ по ней на свободу съ пѣсвами и любимыми товарищами. Не дѣлаетъ онъ такъ потому, что не хочетъ. Онъ и разрыть-траву умѣетъ отыскивать по крупнымъ росамъ, по яркимъ звѣздамъ. Съ нею ему никакія кандалы не страшны; передъ нимъ ни одинъ замокъ не стоитъ, всякія двери и ворота отпираются. Знаетъ Кореневъ, какъ въ холодной банѣ изъ черной кошки выварить и изъ множества другихъ передъ зеркаломъ выбрать восточку-невиданку, передъ которою не выставляють тюремныя стѣны. Подставивъ противъ зеркала передъ собою—и исчезнешъ.

Товарищи понимали Коренева иначе, видѣли дѣло другою стороною. Въ тюрьмѣ Коренева любили, ему угождали наперерывъ другъ передъ другомъ. Арестанты считали его рыцаремъ чести и благородства, видѣли въ немъ прямую, открытую душу, у которой не было ничего завѣтнаго и запретнаго. Они забывали, что сердце онъ давно истаскалъ, что въ немъ сидѣтъ самый страшный чертъ изъ всѣхъ, отъ какихъ только ни приходилось оттуровываться русскому человѣку. Чертъ у него это сердце совсѣмъ вынулъ и только пустое мѣсто оставилъ.

Всего видѣе была въ немъ крупная опытность, около которой всегда такъ тепло несмышленныиъ. Замѣчательная даровитость его доходила до изобрѣтательности, всегда основанной на одолженіяхъ заточенному люду и направленной на возможное преуспѣяніе быта среди вслеческихъ стѣсненій въ неволяхъ. Отъ него шли и юридическіе и практическіе софиты. Подсудимый учился у него судебной практикѣ, молодые бродяги—географіи и этнографіи. Когда одинъ изъ совопросниковъ выразилъ, между прочимъ, сомнѣніе въ возможности бродягамъ враждовать съ зимними палачами морозами, среди лѣсной трещи, когда и олень уходитъ съ самую глушь лѣсовъ и, уткнувшись морду въ снѣгъ, стоитъ окаменѣлымъ, Кореневъ отвѣчалъ:

— Кто промакнулся и попалъ на дорогу, гдѣ крошѣ зайцевъ никого не встрѣчаетъ, тому на зиму такое правило: разгрести снѣгъ до самой земли, выложить договяще еловыми либо сосновыми лапками. Такая ямба не обманетъ. Живъ изъ сотни разъ ни одного не доводилось худого. Спать тутъ лучше, чѣмъ въ каменномъ домѣ. Самый первый законъ: раздѣться до рубашки, все снять, а ее оставить. Я снималъ и въ яму кидался; въ ногахъ огонь разводилъ

и закрывался наглухо полушубком; лежишь, что купецъ въ кошевѣ. А если припадетъ надъ мной изъ тѣхъ же лапокъ шалашикъ, то и умирать не надо. Съ запасомъ можно пересидѣть и перехвастать всю пору лютыхъ морозовъ. Отсѣживались мы. Днем я ходилъ, а ночью спалъ опять этакъ. Спичь какъ убитый, словно дома. Поутру только вставать очень скверно: лучше бы, кажется, не ложиться, а встанешь, одѣнешься — и забудешь. Холодно вставать, а здорово. Тунгусы меня этому выучили“.

Собственнымъ опытомъ изъ общепотребительной тюремной игры въ петлю, гдѣ надобится снять веревку съ двухъ пальцевъ, связанныхъ ея, Кореневъ дошелъ до практическаго результатовъ, пригодныхъ и благотѣльныхъ для кандалныхъ арестантовъ. На тюремномъ досугѣ, сидя на цѣпи, онъ изобрѣлъ секретъ снимать съ себя въ банѣ нижнее платье, нѣтъ на ногахъ кандалы, при которыхъ эта операція являлась невозможной. Досужеству своему, не требующему особенной сноровки, но вызывающему нѣкоторую долю терпѣнія, онъ охотно, даромъ, изъ одного участія и состраданія, выучилъ тѣхъ осмысленныхъ петербургскихъ дворянъ, которыхъ черезъ Тобольскъ провели на каторгу, въ 1849 году, осужденными по дѣлу Петрашевскаго.

Въ числѣ прочихъ знанийъ Кореневъ обладалъ въ совершенствѣ искусствомъ приготовить фальшивую (изъ олова) серебряную монету. Живя въ тобольскомъ острогѣ и безъ цѣпи и на цѣпи, этому мастерству онъ отдавалъ все свободное время, подъ руками въ острожныхъ стѣнахъ передатчиковъ (изъ солдатъ), платившихъ за рубль фальшивый 30 копеекъ серебромъ настоящихъ. За острожными стѣнами онъ полагался на слѣное царство темныхъ остатковъ, татаръ и киргизовъ, охотно принимавшихъ фальшивую монету по настоящей цѣнѣ. Говорятъ, что около этого самаго времени прошелъ по сибирскимъ тюрьмамъ слухъ объ указѣ омекому казначейству, которому предписывалось (изъ политическихъ видовъ привлеченія въ нашу сторону вочевниковъ) принимать отъ киргизовъ фальшивыя бумажки и монеты и размѣнивать ихъ на настоящія. Фабрикація фальшиваго серебра по всѣмъ сибирскимъ тюрьмамъ аначительно усилилась. Кореневъ, въ числѣ первыхъ, призналъ это и первымъ, какъ купецъ, воспользовался; онъ съ одинаковымъ искусствомъ умѣлъ дѣлать и старинные екатерининскіе и нѣмѣнныя дѣлковые и полтинники. Медной монеты онъ не дѣлалъ, ассигнацій не любилъ, нѣтъ въ этомъ искусствѣ неподражаемаго соперника въ Цезикѣ, за которымъ полуграмотному Кореневу нельзя было гоняться. Кореневъ предпочиталъ придерживатьяся зубрила, подналокъ, деревянныхъ маленькихъ цнр-

кулей съ ножками изъ игловокъ и долотцовъ изъ тѣхъ же игловокъ. Онъ доставалъ олово, покупалъ ртуть, алебастръ, добывалъ солдатское сукно; алебастръ разбивалъ и просѣивалъ на формы, ртуть смѣшивалъ съ „тѣмъ-то“ (sic). Натиснутый деревянный кружокъ, чтобы удалить мелшечекъ окиси, клалъ на ночь въ ротъ и на другой день заводилъ амальгаму такъ плотно и искусно, что ртуть держалась на его надѣляхъ дольше, тѣмъ на надѣляхъ его товарищей. Послѣднихъ лопили и хоропушки находили,—его никогда. Всѣ знали объ этомъ, дѣлали обыски—и печальные и поваральные—и ничего не находили. У Коренева были и золотыя руки, и глубокіе секретные карманы и какія-то какъ бы и впрямь заколдованныя и зачурованныя хоропушки.

Одинъ смотритель возгорѣлъ желаніемъ поимать его и уличить еще въ то время, когда Кореневъ не сидѣлъ на цѣпи, а жалъ съ другими въ общей казармѣ. Выискался и унтеръ-офицеръ, который рѣшился помогать смотрителю и хвастливо обѣщавъ поимать Коренева съ полчинымъ. Пришелъ онъ къ нему и сдѣлалъ заказъ на киргизовъ. Кореневъ заказъ принять и выпросилъ задатку двадцать пять рублей серебромъ, обзавившись поставить за это сто цѣлковыхъ. Унтеръ следилъ къ начальнику, задатокъ принесть и вручилъ, а черезъ два дня получилъ отъ Коренева сто цѣлковыхъ новенькихъ, чистенькихъ, свѣтлыхъ. Монеты эти должны были рекомендовать мастера, какъ образчики его искусства. Цѣлковые унтеръ одобрялъ и не могъ иначе сдѣлать, потому что они были настоящей работы петербургскаго монетнаго двора. На этотъ разъ все искусство мастера состояло лишь въ дешевомъ терпѣніи, съ которымъ онъ ихъ высвѣтлялъ и охорашивалъ. По окончаніи условленнаго срока, заказчикъ является къ монетчику за получениемъ работы.

Кореневъ удивленъ; спрашиваетъ, что надо, приглашаетъ унтера говорить пошибче. Искусно поднимаетъ тонъ его голоса, самъ начинаетъ говорить громко и достигаетъ желаемой цѣли, т. е. возбуждаетъ вниманіе всей казармы. Дѣлаетъ онъ изъ товарищей свидѣтелей, разсчитывая за нихъ и спинами ихъ на несомнѣнное внимательство и защиту прокурора. Когда повзалося ему, что зрители всѣ собрались и насторожили глаза и уши, онъ неожиданно поразилъ слухъ затрепичиоу, отпущенною унтеру, и доставилъ товарищамъ несказанное удовольствіе видѣть и любоваться, какъ онъ ногомъ, поддавая киселя и пинками въ шею и спину, выталкивалъ унтера за дверь. Всѣ хорошо помнятъ его обиженное лицо, его жалобы на несправедливыя подозрѣнія и обвиненіе. Если онъ и игралъ на этотъ разъ роль, то игралъ ее съ такимъ искусствомъ, что всѣ арестанты обидѣ его цовѣрили и за оскорбленіе

товарища рѣшились постоять горою. Начали арестанты шумѣть, требовать смотрителя.

— Въ чемъ дѣло?—приходить тотъ.

— Просить у меня утѣрь фальшиваго серебра,—отвѣчалъ за всѣхъ самъ Кореневъ еще дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ оскорбленномъ и глубоко-объиженнымъ тономъ:—Что у меня для него монетный дворъ, что ли?

— Запишите это въ журналъ,—требовали арестанты:—Доложите губернатору. За что насъ обязать?

— Значить, утѣрь переводчикъ денегъ,—подкрѣпляя и посылая Кореневъ:—Онъ знаетъ дворы такіе, дѣло уголовное! А мы въ старыхъ грѣхахъ точно что повинны, а на новыя никакъ не согласны.

Смотритель покачалъ головою, усмѣхнулся:

— Дуракъ, дуракъ солдатъ! Гдѣ ужъ такому дураку братья за такое мудреное дѣло, а еще хвалцался!

Кореневъ, и на нарахъ лежа, все ворчалъ и сѣтовалъ, но на законномъ преслѣдованіи утѣры не настаивалъ. Однако, на своемъ онъ устоялъ и подмастерства этого не покидалъ даже и на стѣнной цѣпи вплоть до того времени, когда выкричали его за сверхъестественнаго человѣка и едва не признали въ злодѣйствѣхъ его святаго юродства. Товарища, впрочемъ, и въ это время знали одно (и убѣждены въ этомъ до сихъ поръ), что, попавшись на хорошія, опытные руки—онъ бы исправился. „Не толкая его судьба въ опасности бродяжеской жизни, онъ былъ бы другимъ человѣкомъ и, можетъ быть, очень хорошимъ“. Какая-то беззаветная доброта, исключительно, впрочемъ, направленная въ пользу обиженныхъ и обездоленныхъ товарищей; всегдашнее желаніе подѣлиться съ ними всѣмъ, что онъ имѣлъ, до послѣдней полушки, и готовность постоять за ихъ право съ рискомъ для себя и не принимая въ расчетъ и для соображеній никакихъ опасностей (и все это въ такихъ яркихъ чертахъ, въ такихъ крупныхъ формахъ!),—вотъ тѣ основы симпатій, которыми пользовался Кореневъ отъ товарищей въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ ему предшествовавшіе и за нимъ послѣдовавшіе тобольскіе заключенники.

Когда на его глазахъ одинъ изъ ссыльныхъ московскихъ дворянъ (извѣстный Москвѣ Зыковъ—убійца княгини Голицыной) злоупотребилъ довѣріемъ и воспользовался увлеченіемъ ханжлившей дѣвушки для того, чтобы довести ее до паденія, Кореневъ первый поднялъ недозволительный голосъ. Онъ пригласилъ своихъ товарищей къ гласному и фактическому протесту и, вызвавъ необходимость самосуда, явился въ званіи исполнителя приговора, первымъ жестоко билъ растлителя, билъ въ кровь при свидѣлѣхъ, каковыми была вся общинная казарма. (См. слѣд. главу).

Свернулася его жизнь на одно и, безъ опекуновъ и руководителей, пошла тою кривою колеєю, которая и сильно тянетъ и безвозвратно затягивается. Въ торжественномъ болотѣ, на котораго трясины не устоятъ и онъ, вслѣдъ за другими, какъ ни сильна была его натура, какъ ни крѣпки были его нервы. Валилось на него сверху, давило съ боковъ, да и свой братъ, слуганный съ нимъ по рукамъ и по ногамъ, тануль его куда же—въ этотъ омутъ, гдѣ нѣтъ ни дна, ни покрышки. Кореневъ оказался тяжеле другихъ, а потому и загравъ глубже и крѣпче всѣхъ. Погвѣз ли онъ дальше въ тину и трясину—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, да и доставать до самаго дна ему уже недалеко.

Вотъ онъ, снушенный съ цѣпи, идетъ изъ Тобольска по знакомой дорожкѣ, опять на дальнюю и темную каторгу. Идетъ онъ въ партію, вмѣстѣ съ другими. На дорогѣ подъ Иркутскомъ попадаютъ ему двѣ каторги и обѣ хорошія, обѣ знакомыя: одна при винокуренномъ заводѣ, другая при солеваренномъ. Но не тѣ судила ему судьба-злодѣйка. Эти для простыхъ, а для него, важнаго человѣка, за Байкаломъ-моремъ, жестокая и самая дальняя—верчанская.

На большой почтовой дорогѣ къ Иркутску, на одномъ перекресткѣ, „разстаня“, вышла на столбовую дорогу слѣва маленькая, но также каторжная. Ведетъ она въ Иркутское-Усолъе и называется у народа воровскою дорогою съ давнихъ временъ. Съ недавняго времени, а въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стали ссылать въ это Усолъе преступниковъ изъ азіатовъ и мусульманъ, всѣхъ въ одно мѣсто: татаръ, киргизовъ, персіанъ и кавказскихъ горцевъ (въ томъ числѣ, между прочимъ, помѣстали и Шамилевыхъ мюридовъ), за перекресткомъ дорогъ оставили право разстани, мѣста отдыха. Не показанъ онъ въ законныхъ расписаніяхъ, ибо находится между двумя близкими этапами, но завоевано это мѣсто остановки обычаемъ, который могущіе не даютъ и оставляютъ въ несокрушимой цѣлости, потому что, кромѣ симпатичныхъ сторонъ, обычай этотъ ничего уже въ себѣ и не заключаетъ. Мусульмане, слѣдуя за вѣту пророка, имѣли обыкновеніе выходить на эту разстаню дорогъ и искать не только родичей, но и всякихъ правобѣрныхъ чтилелей пророка, но и различая земляка отъ чужеземца, знакомаго отъ незнакомаго. Заводскіе мусульмане выносили сюда путешествующимъ все, что могли принести во славу имени Магомета: хлѣбъ и табакъ, лукъ и черемшу, и даже русскаго дѣла квасъ.

Остановилась на этой разстани и та партія, въ которой шелъ Кореневъ. Остановились съ цѣлью послужить мусульманамъ, изъ которыхъ кое-кого также сдавали сюда на каторгу. Кореневъ ходилъ по партіи, торопливо искалъ

бумаги клочекъ, карандаша обгрызочекъ; находилъ то и другое.

На бумажкѣ нацарапалъ онъ, какъ умѣлъ, скоро и коротко: „Навѣсти, братъ, Ипполитъ Васильевичъ, стараго бродягу Коренева“. Записку взялся доставить первый же, попавшійся ему на глаза изъ заводскихъ татаръ и доставилъ. Старый знакомый Коренева, соизнѣвъ его по тобольской тюрьмѣ, жившій въ Усолѣ на провитаніи—Кашкадамовъ—получилъ эту записку и ни минутой не медля.

Зная порядки, захватилъ онъ съ собою, что успѣлъ и что могъ, и побѣжалъ на рыскахъ къ мѣсту растанія, которое дѣлается на это время мѣстомъ довольно продолжительнаго отдыха. Вскорѣ онъ былъ тамъ.

— Видѣлъ я Коренева черезъ нѣсколько лѣтъ, — рассказывалъ мнѣ Ипполитъ Васильевичъ: — узналъ онъ меня, обрадовался, сколько могъ я судить по веселой улыбкѣ, которая долго не пропадала съ его страдальческаго старческаго лица. Говорилъ онъ мнѣ:

„— Голъ, братъ, я, какъ соколъ.

„Вижу: шапка какъ блинъ — свою ему отдалъ. Сапоги съ ногъ сползли, свои сапоги сталъ я снимать. Придержалъ было онъ меня за плечо, да раздумалъ, ваялъ мои сапоги. Я его опметки надѣлъ на свои ноги.

„— Денегъ, поди, нѣту? всѣ, чай, въ карты проигралъ либо, того хуже, пропилъ? — спросилъ я его.

„— Отъ самаго Красноярска шальной копейки не видалъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ.

„Нашелся у меня рубль горячій, самому крѣпко нужный, да въ этихъ дѣлахъ не считаться, зачѣмъ и пришелъ я сюда?! Говорю:

„— Возьми себѣ рубль.

„— Не надо бы братъ, самому тебѣ нужно.

„Подумалъ, поглядѣлъ въ землю, протянулъ руку и говорить:

„— Давай! Сочтемся мы съ тобой на другомъ.

„Рубль спряталъ за щеку.

„Сталъ я заговаривать съ нимъ, отвѣчаетъ неохотно, говорить тихо и вяло. Да и о чемъ бесѣдовать, про что разспрашивать? Били его; вновь перековали; новую шинель получилъ; новые чарки получилъ; голлицы выдали. Вотъ илеть, по сторонамъ смотреть; опять пойдеть, и еще пойдеть и еще пойдеть до самой каторги...

„Договорились мы, однако, до того, что и рубашка у Коренева съ плечъ сползла, со всѣмъ ея нѣту. Держить онъ казенную овчину, какъ тунгусъ, прямо на тѣлѣ. На мнѣ ситцевая рубашка была, да и домъ недалеко, въ сундукѣ нашлась бы другая-третья, да время заморозковъ, скидать неудобно, холодно.

„— Возьми, Коренева, рубашку!

„И руками замахалъ: не надо! Замоталъ головой. Отъ рубахи отказывается.

„— Балуетъ ты меня, зазнаюсь, погордѣю, не сладить! — и усмѣхнулся.

„Я тѣмъ временемъ рубашку успѣлъ сваять и принять скюртушкою своею на голое тѣло. Свернулъ я рубашенку, сунулъ ему; отталкиваетъ. Запихнулъ я ему за пазуху, а онъ все головой машетъ. Слышимъ, забилъ барабанъ походъ; смотримъ, всѣ стали подбирать котомки, кряхтѣть и подниматься съ насыженныхъ мѣстъ. Раздался грубый крикъ команды: „по мѣстамъ!“

„Заавѣтили цѣпи, забрякали кандалы. Стали и мы съ Кореневинымъ прощаться.

„— Прощай!

„Положилъ онъ мнѣ обѣ тяжелыя руки свои на плечи. Долгимъ пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Думалъ о чемъ-то, тяжело вздохнулъ:

„— Прощай, Ипполитъ Васильевичъ!

„Смотрю и глазамъ не вѣрю: изъ глазъ слеза выкатилась, но поймалъ онъ ее, спрятавъ въ кулакъ и кулакъ унесъ за спину. Еще разъ посмотрѣлъ на меня, еще разъ вздохнулъ, обнялъ меня, поцѣловалъ крѣпко, выговорилъ:

„— Прощай!.. Навсегда прощай!.. Теперь ужъ больше не увидимся.

„— Такъ ли, полно? не зарекайся, Коренева!

„— И впрямь нѣту! Не на всегда прощай!..

„Между тѣмъ, барабанъ нылъ у насъ подъ самыми ушами, отбивая послѣднія трели. Нечего было больше пролаждать. Коренева снялъ съ моихъ плечъ свои руки.

„Опусти голову, пошегъ онъ отъ меня своимъ тяжелымъ развалистымъ шагомъ, но шелъ недолго. Еще разъ вскоса, черезъ плечо, поглядѣлъ на меня, остановился, опять подошелъ:

„— Спасибо тебѣ за все. Рязанъ приведется тебя — не зарѣжу!..

„Сильно и размахисто махнулъ онъ всгѣлъ затѣмъ правой рукой, порывисто и везгланно завѣявъ на ногахъ его цѣпи и хорошо знакомый мнѣ звукъ кандаловъ смѣшался съ подобными же, производящими въ гуртѣ только одинъ глухой гулъ. Звукъ этотъ исчезъ, а вскорѣ исчезъ съ толпой и самъ Коренева, но слова его и теперь еще, черезъ много лѣтъ, жьквы въ моей памяти, какъ бы сейчасъ выговоренныя. Слова и слезы мнѣ не попричтились, въ этомъ я могу поручиться за Коренева. Зналъ я его хорошо, жьвалъ съ нимъ въ Тобольскѣ подъ одной кровлей. Меня его характеръ не обманеть. Сорвется съ цѣпи — другихъ убьеть, для меня исключеніе сдѣлаетъ, слово дасть. Впрочемъ, кажется, уходился, ававиветь. Вѣроятное станетъ теперь на старости лѣтъ пробовать свой характеръ, а если и не выдержитъ, убьютъ, то, во всякомъ случаѣ, перестанетъ выгибаться на оглобляхъ, поднимать хвостъ колышомъ я, по способу необъязательныхъ лошадей, красоваться и хвастаться. Гдѣ набудь да долженъ быть копецъ. Горючить, впрочемъ, лошадей держитъ, на

лица сжались. Наши каторжные знамениты хороши тѣмъ, что до тѣхъ поръ я знаешь, юка сами напоминаютъ; замолчали—и забыли! онъ самъ сквозь землю провалился. Прощай ты совѣтъ, давайте новаго!“

Героемъ на нашъ прїездъ былъ Иванъ Вяльевичъ Дубровинъ, также злодѣй и убійца. (за раза онъ бѣжалъ изъ Карійскихъ тюремъ. Юскѣ перваго побѣга съ шайкою грабилъ по Шикѣ, но былъ пойманъ. Убѣжалъ во второй разъ—напустилъ на всѣхъ паняческій стражъ, съ непокойю стали спать. Стражу услыхи, съ набать бьютъ, патрули ходятъ, всѣ объ емъ говорятъ. Уши у всѣхъ на макушкѣ. Онъ не объявляется, всѣ успокоились, но сонъ въ уку. Въ одну ночь Дубровинъ дакъ о себѣ нать, расписавшись кровью. На Нижнемъ прощелъ убилъ женщину съ двумя малютками, съ которую даже и знакомъ вовсе не былъ, былъ, чтобы похвастаться: перестали ждать, ютъ и я. Приходилъ онъ втроемъ, но вскорѣ съ были открыты, посажены въ тюрьму. По мношности стражи, Дубровинъ опять убѣжалъ и снова привелъ всѣхъ въ ужасъ. По слѣдамъ го погнались казаки, въ разныхъ падахъ и менадкахъ заблудились, не нашли. Голодный, ютощенный разбойникъ найденъ былъ въ лѣсу ежашимъ безъ силъ и почти полумертвымъ. Южаннаго приковали къ стѣнной дѣни и, тобы обезопасить себя отъ его злодѣйства и юбѣговъ, на руки надѣли лѣсу — желѣзную юлосу въ полтора пуда вѣсомъ. Съ лѣсою онъ ходить не могъ и началъ, съ нею и на дѣни сидя, смиряться духомъ. На дѣни скверно юрмятъ: пища крутая, безъ приварка. Въ постѣ и въ водержаніи Дубровинъ умалился духомъ и начальству это доказалъ. Его отковали отъ тѣни, свали лѣсу, выпустили въ общую арятскую казарму, нарядили въ кандалы. Стали съ надеяться и разсчитывать на то, что Дубровинъ пообломался, уходился и сталъ неопасенъ. Выбрали его старостомъ. Вскорѣ послѣ ого понадобилось начальству новую каторгу аводить на Амурѣ подъ Николаевскомъ на акъ называемомъ Чинирахѣ. Свободныхъ рукъ юило мало. Вездѣ и во всегъ чувствовался неюстатокъ. Сколько ни было оберъ и унтеръ-фицеровъ, всѣхъ послали на Амуръ съ лѣбными баркаки и лѣсными плотами. Попробовали мскованцы, но довольно извѣстнымъ въ Сибири способомъ, довѣрить отобранную на Карѣ юартію каторжныхъ надежному человеку изъ аловыхъ же. Выборъ палъ на Дубровина. Далъ онъ начальнику сплава честное варнацкое юво, съ товарищами съѣлъ на баржу и поплылъ по Шикѣ и Амuru посреди соблазновъ съ побѣгамъ на цѣлыхъ трехъ тысячачъ верстѣ. Съ баржи зерна не пропало, соленой росники не исчезло. Вѣдали каторжные веселѣе всѣхъ, съ пѣснями. По дорогѣ, въ Албаннѣ, одинъ

изъ каторжныхъ кукушка заслушался, убѣжалъ; Дубровинъ его розыскалъ, жестоко выморолъ и никому не велѣлъ сказывать. На мѣстѣ всѣ сланы были Дубровинымъ въ томъ же счетѣ, какъ были приняты, и въ томъ же числѣ, сколько ихъ на Амурѣ пѣло. Помѣстили ихъ въ новыхъ сырыхъ казармахъ. Самъ Дубровинъ, разумѣется, съѣлъ вмѣстѣ съ ними, но сидѣлъ тутъ не долго. Черезъ недѣлю онъ убѣжалъ и увелъ съ собою еще трехъ товарищей. По Амuru предостерегали пишущаго эти строки охато осторожно, по всѣмъ станциямъ дали о Дубровинѣ знать, но нигдѣ его не выдали. Только съ одной изъ нихъ дошли до начальства вѣсти, что приходили ночью трое, съ ними Дубровинъ, увели съ собою бродяги бабу изъ приселенныхъ каторжныхъ женщинъ. Дальше по Амuru Дубровинъ не пошелъ, а ударилъ черезъ хребты, на Лену. Что съ нимъ случилось? тоже неизвѣстно, можетъ быть также провалился сквозь землю.

Изъ этого мрака неизвѣстности выводить нашь третье лицо, также знаменитое въ исторіи злодѣйствъ и также извѣстное цѣлой Сибири. Онъ—современникъ обонхъ и всею дѣятельностью своею, какъ Дубровинъ, принадлежить краямъ верчинскимъ и, какъ Кореневъ, по воспитанію своему сибирякъ. Всѣ злодѣйства его совершились также въ предѣлахъ Сибири. Вышелъ онъ также изъ бродягъ и на этомъ пути безмѣстнаго шатанія полуголоднымъ и разсерженнымъ доработался до крайней степени озлобленія, задичалъ въ бѣгахъ до звѣря и сдѣлался разбойникомъ и убійцею, нѣкогда страшнымъ для всего Забайкалья, а теперь извѣстнымъ въ цѣлой Сибири. Это—Горкинъ. Все, что въ судьбѣ Коренева было скрыто, въ судьбѣ Горкина отчасти проявляется, въ особенности по отношенію къ тому періоду времени, которое легко между первоначальнымъ побѣгомъ изъ каторжной тюрьмы и окончательнымъ приговоромъ къ наказанію за вся тяжкая и во вся тяжкая. Кореневъ объ убійствахъ своихъ не разсказывалъ, Горкинъ также старательно умалчивалъ объ нихъ, но за послѣдняго говорятъ преданія и официальные дѣла.

Этотъ съ разсчетомъ на всевозможныя приключенія и безрасчетно на преступления ушелъ изъ тюрьмы Кутюмарскаго завода втроемъ съ товарищами *). Въ Коаловской надѣ (долинѣ) встрѣтили они на живнѣ крестьянина, велѣли варить себѣ ѣсть. Крестьянинъ Бурцовъ отвѣчалъ, что у него котла не имѣется. Ему дали лошадь. Онъ повѣзъ за котломъ, на пути повѣстия другого крестьянина, что приници къ нему недобрые люди: „Съзвездилъ бы ты въ деревню, дакъ тамъ знатъ“. Самъ воротился, сталъ кормить бѣглыхъ, оттягивать время. При-

*) См. Томъ I: Въ бѣгахъ, глава III.

скакали крестьяне, кричали бродягамъ: „Вставайте и раздвайтесь до нага, ножи бросайте“. Бѣглецы не послушались, стали отбиваться, схватившись за свое оружїе: топоръ, косу и жердь. Свалка произошла отчаянная. Одинъ бѣглый (Никифоровъ) былъ пронизанъ пулею на вылетъ, другой (Кожурый) былъ жестоко избитъ, во многихъ мѣстахъ раненъ, но успѣлъ вскочить на лошадь и ускакать. Третій бѣглый, Горкинъ, успѣлъ бѣжать раньше, выскользнувъ во время общей свалки такъ, что никто того не замѣтилъ.

Первый дебютъ былъ удаченъ. Горкинъ обстрѣлявъ, получивъ урокъ осторожности, видѣлъ кровь, потерявъ товарища, созналъ на опытѣ, что прогулка каторжнаго не безопасна; сталъ навѣстевъ по мѣрѣ того, какъ слухъ о побойщѣ началъ расходиться. Отбившись отъ товарищей на одиночное скитанье и въ полное отчаяніе голодовки (съ правомъ на самую тяжкую смерть), Горкинъ сталъ ходить хотя также окольными путями, но уже болѣе вѣрными.

Гдѣ-то поймали они слухъ о богатствѣ бурята, Горкинъ и отправился прямо на него. „Перевочевавши на гривѣ (разсказываетъ другое архивное дѣло), онъ на дорогѣ встрѣчаетъ проѣзжаго бурята. Этотъ спрашиваетъ:

„— Кто ты таковъ?

„— Бѣглый. А гдѣ стоитъ братскій Кубухонъ? (набѣреваясь у него чѣмъ нибудь поживиться).

„— Нѣтъ, другъ, у Кубухона шибко строго, къ нему не попадешь; а поди воягъ, этта (указавъ на правую сторону) стоитъ крайняя юрта. Тутъ живеть одна братская (бурятская) баба. У ней деньги есть, ищи въ ошкурѣ у штановъ.

„И увѣалъ.

„Я пролежалъ въ тотъ день въ кустикахъ. Дождавшись ночи, примѣрно, часу въ одиннадцатомъ, пришелъ къ юртамъ близъ деревни Харауза. Зашелъ въ крайнюю юрту, гдѣ огня не было. Я ошупалъ въ потьмахъ соннаго человѣка, схватилъ его за горло и, по косамъ на головѣ, узналъ, что это женщина. Спрашивалъ ее:

„— Гдѣ у тебя деньги?

„Она по русски отвѣчала:

„— Нѣтъ, другъ, денегъ нѣту.

„Потомъ я, обыскавъ у нее въ ошкурѣ у штановъ, денегъ не нашель. Спрашивалъ опять: гдѣ деньги? — она говорила, что нѣту. Оборотаясь, чѣмъ-то задѣла меня въ щеку. Я осердился и, взявъ въ руки триплицу для того, чтобы не нанести ногтями парашинъ, за горло ту братскую бабу задушилъ до смерти, оставя ее на постели. Потомъ разломалъ всѣ ея ящички, но денегъ не нашель и изъ платья, по ненадобности, ничего не ваялъ. Взялъ только четверку кирпичнаго чая“.

Таково было первое признаніе Горкина въ первомъ преступленіи по поимкѣ изъ бѣговъ. Послѣ второго побѣга онъ уже является атаманомъ шайки и съ нею грабить и разбойничаетъ тамъ и сямъ по Забайкалью. Является тамъ, гдѣ его не ожидаютъ, не боится „мзлатить“ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его стерегутъ. Удачные подвиги и ловкость успѣвають вызвать сочувствіе. Онъ приобретаетъ друзей между тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли выйти на поселеніе и живутъ своими домами. Чѣмъ сильнѣе опасность отъ преслѣдователей, тѣмъ друзья эти находчивѣе. Чѣмъ меньше поживы, тѣмъ друзья эти дѣятельнѣе. Они наводятъ на проѣзжихъ, указываютъ на богатыхъ; не даются набѣги—ловко прячутъ. Сочувствіе отъ поселенцевъ переходитъ и на кое-кого изъ крестьянъ и отсюда получается помощь и содѣйствіе. Разбойники разгулялись, закружились въ вихрѣ приключеній и положеній, и чѣмъ больше осталось походовъ назади, тѣмъ большій запасъ осторожности сдѣлавъ на будущее время. Товарищи дѣлають промахи, вываливаются и гибнутъ, самъ атаманъ остается цѣль и невредимъ. Когда и онъ попадается прямо подъ кнутъ и на цѣпь, за нимъ уже цѣлая эпохея походовъ и злодѣяній въ такомъ случайномъ, безтолковомъ и безсвязномъ порядкѣ.

„Вродуть въ семеромъ; вотъ и большая шайка. По деревнямъ про случай ходятъ, не разбиваясь. По ночамъ получаютъ подаваніе. Въ рабочую пору на пашняхъ собирають милостыню, ходя порованъ. За деревнями встрѣчуются, сходятся вмѣстѣ. Разъ двое товарищей не пришли, дальше пустились только въ пятеромъ. Около Верхнеудинска, въ такъ называемой Воровской нади (оврагѣ), встрѣтили три повозки купеческія и напали: приказчикамъ связали руки, возы ограбили, наши все букажные товары, вино, тафту; въ гѣсу вино выпили, товары спрятали въ „удобное мѣсто“. „Надобно скрыть слухи“ — пошли къ морю (Байкалу). Попадались рѣчки, строили плоты и переправлялись. На Селенгѣ въ гѣсу наткнулись на верховыхъ русскихъ и братскаго. Встрѣчные спрашиваютъ:

„— Что вы за люди и есть ли билеты? Если нѣтъ, идите къ городничему.

„— Какая тебѣ до того надобность? — спрашиваютъ они съ укоромъ.

„— Я городничаго человѣкъ.

„— А вотъ мы тебѣ дадимъ знать, что мы за люди?

„Верховые испугались и бросились прочь. Опять надо слѣды хоронить, переправлялись за Селенгу на плоту. Въ слѣдующей деревнѣ снова разбрелся за милостыней, опять сошлись за околицей. Еще двое товарищей не вернулись, также отшиблись. Оставшись не долго таскались въ горахъ, двое рѣшились идти въ Иркутскъ и

ушли. Атаманъ не согласился и остался одинъ. По дорогѣ украли онъ у братскаго винтовку въ денное время, а въ ночное наткнулся на саврасую кобылу, сѣлъ на нее и поскакалъ прямо на каторгу, по направлению къ заводу. Зачѣмъ? показаться, скрыться?

„— Итъ, стало холодно (конецъ октября), одежда измыгалась. Надо потопкаться по юрдовкамъ (тайнымъ притонамъ у живущихъ на пропитаніи), не выиграю ли? Погляжу встаети, гдѣ что плохо лежатъ“.

„На юрдовкѣ встрѣтилъ онъ двухъ товарищей; одинъ пришелъ съ женой повидаться. Атаманъ обогрѣлся, запасся теплой одеждой. Поспалъ въ подпольяхъ, поигралъ въ карты и опять пошелъ на вольный свѣтъ и опять съ товарищами, изъ которыхъ двое старыхъ, три новыхъ.“

„Подъ заводомъ въ лѣсу слышали они гнилой запахъ. Искали слѣды на досугъ и увидѣли трупъ товарища (тоже погрѣться шелъ). Осмотрѣли—застрѣлеть.“

„Въ ближайшемъ селеніи отъ завода (въ Хонколоу) у крестьянина пристань. Съ нимъ сведено знакомство еще въ заводѣ на юрдовкѣ: попить, поиграть прѣзжалъ и самъ сидѣвалъ въ тюрьмѣ съ каторжными, стрѣляныи звѣрь.“

„— Идите,—говорить:—въ падь. Тамъ меня дожидайте!“

„Привезъ онъ лѣмба. Живутъ двѣ недѣли, а онъ все лѣмбѣ возитъ. Разъ привезъ задохъ бараннимъ туеъ волока, полсотни яицъ. Другой разъ притащилъ омулей соленыхъ, киселя въ мѣшкѣ, пшеничныхъ булокъ и такой же муки. На третій разъ привезъ четверть вина и азъ виномъ, въ разговоралъ, указалъ на богатого мужика въ деревнѣ Заганъ.“

„— Теперь время хорошее, способное, идите грабить того мужика.“

„Лошадей привезъ самъ добротный датель, самъ онъ и домъ указалъ, когда и какъ пойти и скрылся. Побѣлая, лошадей привезали въ лѣсу, сами влѣзли въ баню, выжидая утра, когда хозяинъ уйдетъ съ работниками на покось. Онъ и уѣхалъ, да скоро вернулся, было большое ненастье.“

„День и ночь лежатъ бѣглые въ банѣ, ждутся. Хозяинъ отправился въ поле; бѣглые вбѣжали въ избу, трехъ бабъ—въ чуланъ. Пришли съ рѣкъ съ бѣльемъ еще двѣ дѣвки и къ туа же запрятали. Пошли въ чуланъ къ бабамъ и дѣвкамъ пытать правды. Старшая баба дала 8 руб. и больше-де нѣтъ. Не повѣрили. Взяли ключи и нашли 60 р., разное платье и разный товаръ.“

„Бабъ перевели въ другое мѣсто, заперли въ казенкѣ, сами ушли въ лѣсъ, оттуда прѣзжали на „станъ“. Вещи раздували на три пая. Другъ прибылъ, вина и шанегъ привезъ.“

„— Вдъ,—говорить:—въ заводъ, что вамъ надо?“

„— Вина надо! Вотъ деньги за вино и за хлопоты.“

„— Привезу вамъ за это ружье еще.“

„Вскорѣ другъ все привезъ, что обѣщаль, да сверхъ того новыя вѣсти:“

„— Вдѣтъ приказчикъ-татаринъ съ товаромъ, можно хорошо поживиться.“

„— А куда мы дѣвнемъ поживу?“

„— Отвезу вашимъ женамъ.“

„Ладно. Пошли на трактовую дорогу, круца не дождался, а попалъ на сыщиковъ; вкунулся въ лѣсъ, переночевали, а когда пришли на свой станъ, то увидѣли огнище разрытымъ: погоня, азать, близко, надо утекать. Зашли въ деревню къ другу. Этотъ сварилъ нѣтъ ужинъ. Дали ему 10 руб., вина привезъ, а за хлопоты синей дабы (бумажную матерію) подарилъ. Другъ опять послалъ въ лѣсъ, привозилъ къ нимъ туда вино и разныя извѣстия. На богатого братскаго указалъ. Трегъ связали, четвертый не давался. Рѣзали его ножамъ, конечно, отчего онъ обезсилѣлъ“. Обискали, ничего не нашли. Стали спрашивать, не сказываютъ, начали палеть огнемъ, добились 21 руб. 75 коп. серебряною монетою и разной ружьяди. Попробовали сходить на заводъ, тамъ украли корову. У проходившей по дорогѣ бабы отняли деньги, полученныя ею за проданныя ягоды и огородные овощи. Въ заводѣ достали фальшивыя паспорта и опять ушли на старый станъ, куда снова приходилъ старый другъ навѣщать съ виномъ и вѣстиями.“

„Разъ онъ извѣстилъ, что одного изъ товарищей поймали, рѣшились отбить отъ конвойныхъ, вышли на дорогу, но, увидѣвъ сильный конвой, не рѣшились. На пути украли трѣхъ лошадей и согласились ограбить крестьянина. Зажгли восковую свѣчу, поставили ее въ туеъ, влѣзли на крышу, разобрали ее. Пришли въ сѣни, вошли въ избу, хозяинъ огонь потасилъ и закричалъ. „Если больше будешь кричать, то тутъ тебѣ и смерть“. Дѣтей прогнали въ подвизбицу, засвѣтили лучину. Хозяинъ послалъ жену за деньгами. Стали дѣлать. На каждого пришлось по 180 р. серебряною монетою и по 3 р. 15 коп. мѣдными. Забрали ружьядъ и къ старому, испытанному другу похвастаться, да и поплакаться, а если не согласится, то и припугнуть.“

„— Стосковались по избѣ, какъ ни какъ, пусть почевать, давно въ теплѣ не сидѣвали. Просто не въ моготу стало!“

„Вли въ избѣ баранье стегно, брюшинную похлебку, пили нѣтъ туеъа вино, хвалили хозяина, дали ему 30 руб. и, какъ начало на дворѣ зориться, отправились къ заводу, чтобы въ сосѣдствѣ приладить землянку, удобную къ прожитію въ зимнее время. Самому атаману этого не удалось сдѣлать. Онъ такъ былъ пьянъ, что дорогою свалился съ лошади (а та-

кие же пьяные товарищи того не замѣтили). Около поскотины напелъ атамана хараузскій крестьянинъ крѣпко спавшимъ, узнать. На первомъ поразѣ онъ испугался, подозвалъ товарищей и общими силами связали его и представили къ заводскому начальству. Изъ остальныхъ товарищей его одинъ попалъ на двухъ сыщиковъ да и спрятался въ засаду, въ пустую избу. Сюда казаки ходятъ не любятъ, опасаются. Начали вытраивывать по своему: одинъ засѣлъ за уголь, другой кричалъ „выходи“! Его не послушались онъ, влѣзъ на крышу, въ трубу просунулъ жердь, „выходи-де“! Вышелъ: „Я не здѣшній, я изъ-за Камня (верхинскій)“ — и побѣжалъ въ дѣсь. Погнались за нимъ, не нашли“.

Самъ Горкинъ посаженъ былъ на цѣпь; валяясь на нарахъ, онъ смирялся.

Пока рассказы о немъ росли въ гору, зацѣпляли небывалое, мѣшала съ былинами — Горкинъ пѣлъ пѣсни, заученныя въ Россіи, выдумывалъ, говорятъ, и свои. Когда спустился его съ цѣпи въ казарму, умѣнье пѣть пѣсни и хватать ими прямо за сердце развилося въ Горкинѣ въ неподдѣльный, настоящій талантъ. Онъ нимъ хорошо прожилось ему по окончаніи каторжнаго срока на пропитаніи, въ разрядѣ исправляющихся. Такимъ же мастеромъ-пѣсенникомъ узнали его мы въ четвертомъ разрядѣ смыслимъ, куда переехала его судьба по окончаніи долгихъ мытарствъ. Здѣсь объявилась въ немъ новая страсть, подвернувшаяся кота на выручку. Полюбилъ удалой пѣсенникъ бойкиѣ лошадовъ; ходилъ и глядягъ ить и выходилъ тавою лиую тройку, о которой стали ходить хвастливые слухи даже и въ этой (восточной) сторонѣ Забайкалья, гдѣ сартольская лошадка стоитъ въ большой славіи. Принаилъ къ себѣ Горкинъ молодецкою тадою и придержалъ на своей тройкѣ удаюю пѣснеею, острою присказкою и веселыми прибаутками слабаго съ этого боку сибирскаго кушца. Горкинъ и другую тройку подобралъ, и третью обзавелся и возилъ въ нашь проѣздъ по каторгамъ откупимъ повѣренныхъ, какъ подрядчикъ и какъ кровный любитель, прямо изъ села Кабанскаго черезъ все озеро Байкаль въ Лиственничу *). О старикъ злодѣйствахъ онъ забылъ, но любилъ рассказывать въ оправданіе себя такой казусъ:

— Толковали про меня много всякаго вадору. Съ этимъ и по сю пору всякій дѣаетъ ко мнѣ, чтобы я ему сознавался. Одно сказать могу: ни одной я души человѣческой не тронулъ. А вотъ это разъ было. Ушелъ я отъ сыщи-

*) По позднѣйшимъ полученнымъ мною свѣденіямъ, Горкинъ сдѣалъ хозяйство сину, а самъ ударился въ нашенство. Ходя по доревьямъ и вѣсамъ, любилъ забавлять малыхъ ребятъ сказками и шутками. Умеръ любимцемъ всего окрестнаго молодого поколѣнія лѣтъ 40 тому назадъ.

ковъ да и умялся, спать заогтѣлъ. Известное дѣло, всякій бродяга всякое мѣсто оглядываетъ. Хорошо просыпаться не въ петлѣ. Такое правило. Оглядѣлся и я: поправилась мнѣ ама, легъ я въ нее и заснулъ. Спать, надо быть, такъ, какъ убитый; проснулся, сталъ въ себя приходите, пѣснеею заслышалъ. Чудесно, могъ, такъ-то поеть кто-то. Знать, не сибирякъ, потому народъ этотъ пѣть, что рыба омуль, не умѣетъ, а нашъ-де братъ росскій и, можетъ, такой же бродяга. Однако, посмотрю. Правило наше блюду, смотрю во всѣ стороны, пѣть никого, а кто-то мурлычить. Глянулъ поближе, а тутъ на залокѣ (огородѣ) мухортый казачишко сидитъ, ко мнѣ сплюю, а изъ стороны въ сторону покачивается. Сталъ я прислушиваться: по нашему, по росскійски, ничего не выходитъ, по сибирски значить пѣсня; что ему на глаза попалось, то онъ и на голосъ поднимается, про корову, про собаку вытягиваетъ. Мурлычить и этотъ казачишко. Я поближе, а у него въ пѣснѣ выходило стало, что ему-де на залокѣ-то теперь очень хорошо и никого-де онъ теперь въ цѣломъ свѣтѣ не боится. „Медвѣдя, — говоритъ: не боюсь, — волка приближить, — не боюсь я волка, и Горкинъ придетъ, и Горкина, слышь, не боюсь! Ахъ! и валяла же меня тутъ обидя поперекъ самаго живота! Подкрался а къ нему сзади на цмпочкалъ. Правой-то по спинѣ бачиной (прутомъ) хлестнулъ, лѣвой за плечо повернулъ его рожей къ себѣ, да и спрашиваю: „Какъ, могъ, такъ, и меня не боишься“?! Онъ на меня ваглянулъ, взвизгнулъ, да какъ спопъ и свалился на землю. Какъ я его ни трогалъ, какъ ни пхалъ, не шевелится, ухо приложилъ — не дышетъ. Померъ онъ такъ, словно я ему всадилъ ножъ въ самое сердце. Вотъ въ этой душѣ камсь. Отъ нее и отрекаться не стану. Да разнѣ а тутъ въ чемъ причина? — любилъ вопрошать ямщикъ и пѣсенникъ Горкинъ, кончая любимымъ свой рассказъ, который онъ успѣлъ рассказать чуть ли не всему Забайкалью.

Примѣровъ довольно (за Горкинумъ ходятъ, повторятъ сказанное). Грабежи на каторгѣ — болѣзнь хроническая, не подчиненная тѣмъ законамъ, до которыхъ многосложными вычисленіями дошелъ Гарри, увѣряющій, что убійства и грабежи на общественныхъ дорогахъ производятся преимущественно въ періодъ времени съ октября по январь. Для каторжннхъ мѣсть это время — время затишья.

Оголодавшіе и иззябшіе бѣглецы, съ приближеніемъ зимнихъ морозовъ, начинаютъ тѣмъ или другимъ способомъ добываться угрѣвы, искать тепла и обезпеченія на зимніе мѣсяцы. Большею частью являются они на тѣ же казенные заводы съ каторжными работами, предпочитая легчайшія тяжкимъ. Карійскій бѣглый старается помѣститься на желѣзномъ заводѣ,

бѣглый съ солевареннаго—на винокуренномъ, а бѣглый съ послѣдняго сорта работъ ищетъ работъ вольныхъ либо на частныхъ золотыхъ промыслахъ, либо на купеческихъ и крестьянскихъ фермахъ (займакахъ). Такихъ добровольно пришедшихъ начальство, считая виновными, наказываетъ домашнимъ вѣгласнымъ судомъ и въ годовыхъ отчетахъ своихъ хвастливо представляетъ ихъ пойманными и пишетъ наказанными въ двухъ разрядахъ: „за побѣги“ и за „самовольныя отлучки“. Противъ общаго числа ссыльныхъ количество возвращенныхъ бѣглыхъ составляетъ немного больше поковины; добровольно явившимся принадлежитъ значительно большая часть *). Весна, съ соблазномъ тепла и вѣроятіемъ вольныхъ работъ у глѣбопашцевъ, увеличиваетъ по всѣмъ казеннымъ заводамъ количество побѣговъ и число голоднаго люда—дешевыхъ работниковъ для крестьянскихъ, по сибирскому обычаю, большихъ хозяйствъ. Весеннее время теряетъ значеніе (по Герри) времени, соответствующаго, по количеству преступленій, осени. Сибирская осень представляется тою порою, когда число преступленій, направленныхъ противъ собственности (кражи и грабежи), идетъ въ соответствующей пропорціи съ тѣми, которыя направлены покушеніями противъ лицъ (разбой и убійства). Августъ и сентябрь представляются тѣми мѣсяцами, когда наибольшее сибирскимъ судамъ доводится встрѣчаться съ виновными въ разбояхъ, сопряженныхъ съ убійствами. При этомъ убійства, противъ всякаго ожиданія, не составляютъ вблизи каторжныхъ мѣстъ такого явленія, которое можно было бы назвать частымъ, и этотъ родъ преступныхъ злодѣяній является здѣсь съ особенными характеристичными признаками и представляется, сравнительно съ Россією, въ самостоятельной формѣ и совершено въ другой обстановкѣ.

Всѣхъ убійцъ изъ Россіи, въ теченіи десяти лѣтъ, сослано 2.179 человекъ на нерчинскіе заводы. Всѣ убійцы, по характеру этихъ казенныхъ учрежденій и по экономическому значенію тѣловыхъ, поставлены въ исключительное положеніе рабочей силы, „стали конями“, по выраженію каторжнаго бывальца и проходивца Коренева. Насколько велика, пригодна и привѣтна ихъ сила, на столько готовы распѣивать ихъ болѣе самостоятельныя и человѣколюбивыя руководители работъ, но не блюстители нравственности. Послѣдняя не входитъ въ обязательства, для которыхъ не оставлено мѣста и рѣшительно не достаетъ времени. Ссылные предоставлены самимъ себѣ и при томъ въ совѣтскомъ жителствѣ и ежедневно пѣвють все противъ себя.

Оборванная „сбруя“, въ видѣ форменныхъ одежныхъ вещей, въ одно и то же время и затягивается въ безконечныя и неоплатныя казенныя долги и вѣрвѣйшимъ образомъ унижаетъ чело-вѣческое достоинство тѣхъ, кого эти лохмотья прикрываютъ. Нигдѣ, кромя каторги, всѣ данныя не складываются въ такомъ обиліи и согласномъ сочетаніи для того, чтобы оскорбить и унижить привилегированное и приращенное чело-вѣку чувство собственной гордости и разумнаго личнаго достоинства. Въ способѣ обращенія, распредѣленія работъ и ихъ примѣненія, въ условія быта и взаимныхъ отношеній, все направлено къ тому, чтобы низвести людскую породу до крайней степени униженія и презрѣнія къ самой себѣ. За то нигдѣ уже эта цѣль не достигается съ такимъ успѣхомъ, какъ на этотъ разъ.

У людей, лишенныхъ всякой собственности, потерявшихъ законное право на владѣніе движимою и недвижимою, отрицаніе собственности является на первомъ мѣстѣ въ видѣ коренного каторжнаго закона. Ссылные воровства за грѣхъ не считаютъ и воруютъ всѣ поголовно не только у стороннихъ, свободныхъ и счастливыхъ людей, но и въ своей средѣ, у такихъ же голышей и оборвышей. Сюда, въ эту сторону, направляются преступныя покушенія всякаго сорта ссыльныхъ подъ вліаніемъ благопріятнаго вѣтра, по быстрому теченію рѣки, которая на каторгѣ торопливо течетъ и гуще пѣнится. На каторгѣ не тѣ только воры, которые совершили разбой и кражи или обвинены въ святотатствѣ, но воруютъ и наталкиваемые голодомъ поджигатели и ищущіе спасенія въ побѣгѣ убійцы. Нѣтъ на каторгѣ разницы. Въ этомъ смыслѣ она умѣетъ уравнивать, подъ одну краску окрашивать и варожать во всѣхъ одинаковыя желанія. Большинство послѣднихъ сходится на глухомъ протестѣ противъ обязательныхъ и безплатныхъ трудовъ и противъ всей каторжной тяжести, выражается стремленіями на волю, безчисленными побѣгами. На каторгѣ считаютъ возвращенными только тѣхъ, которые, по малой опытности, были неосторожны и несчастливы, но и эти ходили въ бѣгѣ съ дурными зачатками. Отъ постояннаго озлобленія, отъ дурной пищи и сырыхъ жилищъ, развивающихъ бршныя болѣзни, цыглотное худосочіе и меланхолю, бѣглецы уносятъ съ собою крайнюю раздражительность. Таковая болѣзненно возрастаетъ отъ пьянства и молчитъ только до времени. Съ набалованными на воровствѣ руками, они на волѣ являются посреди тысячъ соблазновъ и подъ безвыходнымъ гнетомъ нужды и голода. Простое воровство, хорошо приспособляющее себя тамъ, гдѣ плохо берегутъ себя и живутъ неосторожно—распущенно, но въ средѣ населенія, постоянно находящагося въ осадномъ положеніи отъ бѣглыхъ и потому осторожнаго,

*) Съ 1 янв. 1847 по 1 янв. 1857 г. число всѣхъ ссыльныхъ рабочихъ на Нерчинскихъ заводахъ составляло 6.213 человекъ; въ тотъ же періодъ названо за побѣги и самовольныя отлучки 2.923 (2.741 за побѣги, 182 за отлучки).

воровство обязательно переходить въ грабежъ и разбой. Нерчинское горное начальство только потому мало судить за грабежъ (въ 10 лѣтъ 8 случаевъ) и за воровство (64 человекъ), что уходятъ его пациенты дальше, вонъ изъ предѣловъ округа, и уходятъ съ должными предосторожностями, на которыя обязываетъ желаніе уйти отъ рудниковъ дальше, по возможности въ Россію или, по крайней мѣрѣ, въ мѣста Сибири, болѣе гостепримныя для бѣглыхъ. По близости дѣйствуютъ только отчаянные и живутъ, подчиняясь всѣмъ случайностямъ судьбы, которая такъ характерно отразилась на судьбѣ Горкина, представляя въ немъ лицо до очевидности страдательное, лишенное всякой изобрѣтательности. Для того, чтобы его преступной и испорченной волѣ дѣйствовать, надобно внѣшнее возбужденіе; чтобы надѣлать преступлений, необходимо было умалиться до человекъ, не обладающаго ни энергіею, ни изобрѣтательностью. Весь результатъ похотѣній, все счастье удачъ послѣ многотрудныхъ опасностей—ведро вина и право быть въ томъ состояніи, въ которомъ такъ легко забывается на время весь сумракъ и тяжесть безповоротно испорченной жизни. Забловавшись удачами и закружившись во всѣхъ запутанныхъ похожденияхъ, онъ, такимъ образомъ, понесъ на себѣ всю тяжесть значенія, какъ разбойника, переначался въ людской крови послѣ того, какъ вышелъ только отдохнуть и погулять.

Конечно, такіе субъекты—явленіе далеко не ежегодное, но, тѣмъ не менѣе, періодическое и почетельное тѣмъ, что въ такихъ людяхъ какъ бы совмѣщается все недовольство людей „каторжнаго званія, которымъ и законъ не защитникъ“ (какъ говорятъ они сами). Такіе, временами показывающіеся злодѣи, какъ бы набранные изъ среды своей мстители за товарищей, выходящіе на поле дѣятельности тогда, когда мѣра каторжнаго терпѣнія переполнилась и неармия наблюдающимъ взорамъ внутренніи причины сложились именно такъ, что появленіе злодѣя кажется неизбежнымъ и законнымъ. Онъ для того и не уходитъ далеко, а мститъ, злодѣйствуя тутъ же. Мститъ онъ, поощряемый и поддерживаемый товарищами, испытавшими тяжесть ссылки, и злодѣйствуетъ на ихъ имя, на свою спину. Вѣрно, по крайней мѣрѣ, одно, что періоды появленія въ Нерчинскомъ краѣ злодѣевъ довольно приятны и имена рѣзче другихъ выдающихся личностей хорошо извѣстны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія заботиль горныя власти разбойникъ Егоръ Григорьевъ и наводитъ страхъ и обызываетъ разсказами о своихъ похожденияхъ мѣстное забайкальское населеніе долгое время. Слава его стала тускнеть и рассказы мельчать въ 30-ти годахъ нынѣшняго же столѣтія, когда на сцену выступилъ пѣсенникъ Горкинъ, а вотъ въ

концѣ пятидесятихъ годовъ загорѣлась звѣзда третьяго — Дубровина. Разъ случилось такъ, что въ то время, когда въ этой половинѣ Забайкалья злодѣйствовалъ Григорьевъ, въ восточной половинѣ, въ самомъ центрѣ нерчинскихъ рудниковъ, разбойничалъ Морозовъ, подѣ Иркутскомъ — Гондюкинъ, въ окрестностяхъ Якутска на Ленѣ—Левинскій съ товарищами. Люди эти, поставляя главною своею цѣлью грабежъ на проѣзжихъ дорогахъ и устремляя свои нападѣнія, преимущественно, на купеческіе обозы и казенные транспорты, совершали убійства иногда въ такомъ числѣ, которое поражало своею необычайностью; нѣкоторые винились въ 10, 18 душамъ. Этими людямъ доводилось быстро поднимать цифру совершенныхъ злодѣйствъ въ предѣлахъ каторжныхъ мѣстъ. Безъ нити злодѣйства не отличаются рѣзко выдающимися особенностями и растутъ, подчиняясь уже, какъ мы сказали, другимъ вызовамъ и особымъ законамъ.

Такъ, изъ числа 2.197 убійцъ, присланныхъ изъ Россіи въ тотъ же періодъ десяти лѣтъ, во всемъ Нерчинскомъ краѣ (жившемъ все это время разсказами о недавнихъ злодѣйствахъ Горкина) суждено за убійства (съ 1847 по 1857 г.) всего одиннадцать человекъ. Стало быть, изъ 200 убійцъ только одинъ (и то повидимому) подтвердилъ народное повѣріе, что разъ обогрившись чужою кровью заражается каждою ея и, по роковому влеченію злобой судьбы, уже не останавливается передъ новыми поводами къ подобнымъ злодѣйствамъ. Только одинъ на 565 ссыльныхъ (изъ всего числа присланныхъ на каторгу) напелся такой, который поддержать укореившееся въ образованныхъ классахъ русскаго общества убѣжденіе въ томъ, что въ ссылкѣ находятся тѣ порочные люди, для которыхъ нѣтъ ничего святого и завѣтнаго и, стало быть, пролить кровь ничего не значить.

Въ самомъ же дѣлѣ изъ Россіи являютя сюда убійцами люди, отдавшіеся тому непосредственному чувству звѣрскаго раздраженія по вдохновенію кровной тяжелой обиды, которая ищетъ помощи на томъ же мѣстѣ, гдѣ прислѣлъ часъ мщенія, и содѣйствія въ тѣхъ орудіяхъ, которыя являются подѣ руками и первыми являются на глаза: скалки, полѣнья, топоры и проч. Присутствіе предварительной подготовки, преднамѣренной рѣшимости совершить преступленіе убійства у большей части ссыльныхъ изъ простаго необразованнаго люда замѣчательно слабо и участіе развращенной воли подозрительно. Каторга даетъ многочисленныя доказательства тому, что эти люди, не умѣвшіе совладать съ приливомъ звѣрскихъ чувствъ на моментъ рѣшительнаго жизненнаго вопроса и строгаго испытанія, живущіе подѣ непосредственнымъ влияніемъ природы, вовсе не тѣ, которыхъ нельзя

было бы исправить въ Россіи, и именно тѣ, для которыхъ на каторгѣ представляется масса поводовъ натолкнуться снова и на новые случаи, дозволяющіе выразить присутствие злой воли. Изъ ближайшихъ мѣстныхъ наблюденій оказывается, что поводы эти, становясь равнозначущими для всѣхъ живущихъ на каторгѣ, успѣшнѣе обходятся съмыслими, врасплохъ застегнутыми несчастнѣй каторжной ссылки за убійство, и поддаются соблазну этого злодѣйства на мѣстахъ ссылки безразлично всѣ, соотвѣстныя за другіе роды преступленій. Мелшннство убійцъ въ этомъ случаѣ уступаетъ доле и мѣсто большинству другихъ преступниковъ, присланныхъ на каторгу.

Здѣшнія убійства начинаютъ свою исторію, вызываемыя новыми причинами и сказываются въ другой обстановкѣ. Убійства сибирскія являются послѣдствіемъ неудавшагося грабежа въ замѣчательномъ большинствѣ случаевъ. Убійцемъ становится тотъ, кто пошелъ въ бѣга изъ мѣста заточенія, не успѣвъ примириться съ каторжною системою возмездія за преступленіе. Онъ дѣлается снова преступникомъ на этотъ разъ во время крайней опасности отъ голодной смерти и въ тотъ моментъ, когда послѣднія надежды его встрѣчаютъ сильный отпоръ и вооруженное противодѣйствіе. Орудіями злодѣйства, всего чаще, служатъ сами преступныя руки, схватывающія за горло для задушенія, и оный такъ ножъ—орудіе для всякаго бѣлаго необходимое и всегда готовое къ услугамъ на поясу или за пазухою. Случаевъ убійствъ по любви къ искусству, подобно Дубровину (натолкнутому, впрочемъ, особымъ родомъ удалства и хвастовства передъ ослабѣвшею бдительностью начальства и всѣми испуганными его побѣгомъ изъ тюрьмы), случаевъ такихъ съмыслими мѣста дадутъ такъ мало, что они блекнутъ передъ громаднымъ большинствомъ убійствъ, вызванныхъ случайнымъ моментомъ *).

Человѣкъ, осужденный на каторгу, понесъ въ ссылку уже съ родного мѣста зачатки той нравственной болѣзни, которая имѣетъ основу въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія, развивается въ нѣчто серьезное по мѣрѣ того, какъ этапы начинаютъ, а сибирскія тюрьмы продолжаютъ представлять и осуществлять, на опытѣ въ тяжелыхъ и настоячивыхъ формахъ, практическое значеніе того несчастія, которое называется лишеніемъ всякихъ правъ. На мѣстахъ ссылки

достаточно развившаяся болѣзнь, подъ впечатлѣніями общаго прерывія, выражаемаго словами и дѣломъ, складывается въ окончательныя формы. Если съмыслимый, въ отчаяніи отъ боли, не прекратитъ жизни самоубійствомъ, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ готовъ внутренній, невещественный парывъ, который сказывается потому при всякомъ случаѣ, при малѣйшемъ вызовѣ, при ничтожномъ уколѣ. На этотъ разъ только случайность, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предугадываемая, основанная на разумномъ опытѣ, способны не вызывать болѣзненнаго раздраженія до опасныхъ и злодѣйскихъ примѣненій, часто даже характеризующихся убійствомъ. Въ съмыслимыхъ мѣстахъ практическіе и умные люди, по опытамъ людей неосторожныхъ и злыхъ, хорошо знаютъ, насколько опасно, въ сношеніяхъ съ этими больными, примѣненіе средствъ ѣдкихъ и раздражительныхъ и до какой степени действительны, необходимы и способны творить чудеса успокоительныя средства. Въ то время, когда неосторожные и неопытные падали жизнью, практическіе и осмотрительные достигали блестящихъ результатовъ, только умѣя доказать самимъ дѣломъ одно, что и въ лишенномъ человѣческихъ правъ они видятъ и признаютъ человѣка. Возвращеніемъ обратно нѣкоторыхъ правъ, прибавкою этимъ больнымъ даже самыхъ незначительныхъ льготъ, достигаются тѣ неожиданныя результаты, которые свидѣтельствуютъ о живучести въ самыхъ тяжелыхъ преступникахъ чувства чести и сознанія человѣческаго достоинства. Самый закоренѣлый злодѣй Дубровинъ доказалъ это тѣмъ, что довелъ довѣренныхъ ему каторжныхъ съ Кары до Николаевска, не упустивъ ни одного. Тѣмъ же способомъ довѣрія сумѣлъ достичь болѣе блестящихъ результатовъ тульскій этапный командиръ, которому поручено было перевезти изъ перчннскаго Большаго завода (по уничтоженіи тамъ тюрьмы) всѣхъ каторжныхъ на Кару—въ новыя тюрьмы и новыя работы на золотыхъ промыслахъ. На этой системѣ до половины зиждется утлое аданіе всей этапной системы. Большую часть деревянныхъ частныхъ домовъ въ г. Томскѣ выстроили рабочія артели изъ каторжныхъ, подъ надзоромъ радчиковъ изъ своихъ же и пользовавшихся полною свободою, вѣдъ всякаго начальническаго дозора. Лишь только успѣхъ замѣшаться посторонній наблюдатель (по поводу одного побѣга, о которомъ тосковала и кручинилась каторжная артель больше всѣхъ), дѣло было испорчено, рабочіе начали бѣгать. Большое мѣсто получало уколъ и уколъ произвелъ раздраженіе. Оно на этотъ разъ не сообразилось ни со временемъ, ни съ мѣстомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вызова раздраженіе не умѣетъ уже раздражать и лицъ. Оно высказывается иценіемъ за обиду не только въ тѣхъ

*) Какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, мусульмане отличаются наибольшою наклонностью къ убійствамъ, и не смотря на то, что надъ ихъ головы бритыми головами разразился ударъ тяжелаго молота каторги, Иркутское—Усолье представляло не совсѣмъ безопасное мѣсто. Семьдесятъ летъ сюда кавказскіе горцы (до Шамилевыхъ мюридовъ включительно) очень часто пронаводили убійства: то рвали, то душили. За то в дорогу съ этого завода старожилы прозвали «воровскою».

случаяхъ, гдѣ вызовъ производится со стороны могущаго и сильнаго, но и тамъ, гдѣ является стороною бѣда слабою, какъ горные рабочіе, и совсѣмъ слабую, какъ свой братъ-арестантъ. Убіиства своихъ, убійства въ тюремныхъ стѣнахъ являются новымъ видомъ этихъ преступлений на самой каторгѣ.

Два шмельцера играютъ въ карты съ каторжникомъ Исаевымъ. Исаевъ выигралъ, но выигрыша ему не отдаютъ. Онъ спорить, рѣшается въ крайнемъ случаѣ идти для разбирательства въ полицію. При немъ говоритъ одинъ шмельцеръ другому:

— Ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссыльно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ вѣрять.

Исаевъ закидался по набѣ, схватилъ ножъ, побѣждалъ за обидчиками и когонибудь изъ нихъ непременно былъ зарѣзалъ, но въ потьмахъ не нашелъ ни одного.

Въ Петровскомъ заводѣ былъ извѣстенъ всѣмъ декабристамъ горбунъ, ходившій постоянно съ палочкою—еврей, сосланный съ австрийской границы за контрабанду въ Енисейскъ. Оттуда горбунъ, за воровство со взломомъ, былъ присланъ въ Петровскій заводъ. Здѣсь рассказывалъ онъ про себя, что сдѣлалъ его горбатымъ кнутъ, и между прочимъ откровенно передавалъ такую пощель.

Дали ему за преступленіе 101 ударъ кнутомъ, стали налагать извѣстныя клейма: В. О. Р. Онъ неладно съѣлъ. Квартальный разсердился, выхватилъ у палача кнутъ, сталъ бить по головѣ сверхъ законныхъ ударовъ.

„Постой же, думаю. Снесли меня въ больницу. Здѣсь я притворился, что умираю, и сказываю: пусть-де возьметъ у меня квартальный пощель, а въ пощель, молю, деньги. Пришелъ онъ. Я свалился съ койки на полъ, началъ стонать, рукою на пощель показываю. Наклонился квартальный за деньгами. Я изловчилъ руку, сгрѣбъ припасенный ножъ, распоролъ квартальному брюхо и грудь ему подпаль“.

На нашихъ глазахъ въ Верхнеудинскѣ окончилось послѣднее дѣйствіе драмы, которую затѣвалъ другой еврей, Хаймъ Аврумовъ Вульевъ. Кончилось оно тѣмъ, что его прогнали сквозъ строй за побѣгъ съ каторги Кутомарскаго завода, за нанесеніе по пощелѣ изъ этого побѣга тюремному смотрителю Верхнекарийскаго промысла ножомъ раны и за убійство ссыльно-каторжнаго Николая Семенова *). Послѣднее

*) Гоняли его сквозъ строй черезъ тысячу человекъ одинъ разъ и указали, сверхъ прежняго срока, приковать къ тележкѣ на два года, а во всемъ лѣтъ потомъ содержать въ отрядѣ испытускихъ. Вульевъ всю тысячу сразу не прошелъ, упалъ въ обморокъ. Когда фельдшеръ приволокъ его въ чувство, Вульевъ первымъ дѣломъ ударилъ благодѣтеля по щекамъ; вторымъ—пригрозилъ

убійство обставилось для Вульева таинки подробностями.

Работалъ онъ съ товарищами на тюремномъ арестантскомъ огородѣ подъ наблюдениемъ часовыхъ, стоявшихъ у тюремнаго помѣщенія. Захотѣлось ему отдохнуть и онъ вошелъ въ кухню въ то время, когда староста Семеновъ вынулъ изъ котла мясо и хотѣлъ рѣзать его на пайки. Для этого получилъ и ножъ, сохраняющійся всегда у военнаго караула. Пока товарищъ Семенова ходилъ за комнатнымъ надзирателемъ, чтобы пригласить его раздѣлить на пайки вареное мясо, Семеновъ лежалъ уже на нарахъ близъ двери зарѣзаннымъ. У Семенова съ Вульевымъ были какіе-то счеты, ничтожныя до того, что слышавшій споръ нѣтъ изъ сосѣдней комнаты не считалъ за нужное войти и мирить. Но Семеновъ успѣлъ выговорить: „Ты злодѣй не только мнѣ, но и всему міру“.

Вульевъ, тотчасъ подскочивъ къ Семенову, ударилъ его по лицу и съ азартомъ требовалъ отъ него доказательства, почему онъ злодѣй, и притомъ ткнулъ въ лѣвый бокъ Семенова тѣмъ ножомъ, который вырвалъ изъ его рукъ. Семеновъ застоналъ и легъ на нары. Вульевъ—по собственному сознанию и по свидѣтельству очевидцевъ—видя Семенова въ отчаянномъ положеніи, бросилъ ножъ и пошелъ въ казарму заказовъ объявить, что онъ зарѣзалъ старосту. Рану убитаго пробовали присыпать табакомъ и прикладывать тряпку „для удержанія кровоизліянія“, но Семеновъ черезъ нѣсколько минутъ умеръ, не объяснивъ причины ссоры.

Вульевъ растолковалъ ее такимъ образомъ: „18 дней не выходилъ я на работу и занимался шитьемъ одеждымъ вещей: починкою штановъ и шитьемъ сюртука. Пришелъ на кухню по просьбѣ товарища-арестанта портного же Янкеля Трусселя, отъ котораго получилъ 1 руб. сер. для того, чтобы прибить Семенова, а Труссель былъ въ ссорѣ съ Семеновымъ „за непродажу ему сапоговъ“.

Изъ медицинскаго свидѣтельства видно, что Вульевъ „тѣлосложенія слабаго, страдаетъ хроническимъ разстройствомъ сердца съ сильнымъ біениемъ оного, имѣетъ изломанную головную кость, на лѣвое ухо глухъ и боленъ лопаточный ногъ, изъ которыхъ правая одеревенѣла и не чувствительна“. По статейному списку узнаемъ, что ему 44 года, изъ мѣсяцевъ, что онъ присланъ въ каторжную работу на заводы за грабежъ, наказанъ кнутомъ съ постановленіемъ знаковъ.

По самому дѣлу и допросамъ подсудимыхъ ясно, что драки и ссоры—обыкновенный тюремный способъ препровожденія времени, что

убить судью и стрипчаго, лишь только удастся ему бѣжать изъ тюрьмы. То же самое настойчиво повторилъ онъ и на койкѣ въ лазаретѣ, излечиваясь, чтобы доходить остальную тысячу.

затѣваются онъ на этотъ разъ не впервые, по вызову самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ поводовъ, и навѣрное на этихъ невинныхъ ваянтіяхъ многимъ удается срывать свое сердце и облегчать душу, не догрызаясь до ножа, не раздражаясь до убійства. Граница лежитъ тамъ, гдѣ уколы бьютъ по сосѣдству и не попадаютъ въ жгучую рану, снабженную наболѣвшими и раздраженными нервами. Такихъ, у которыхъ разбереженная рана никогда не заживала и постоянно ныла, однимъ словомъ такихъ, о которыхъ любятъ повѣствовать французскіе писатели (какъ, напр., Arpent), на нашихъ галерахъ почти нѣтъ совсѣмъ. Сживали они всѣ когда-то въ одномъ мѣстѣ: въ Акатуйской тюрьмѣ на цѣпляхъ, но передъ французскими злодѣями, вроде Бенуа, Шоффрана, Полипиела, Режеса, Ласенера и Аврила наши убійцы—грубая мелкота, далеко не такъ тонко выдѣланная и замѣчательно простоватая. Попрочиѣ и подковитѣ другіе выдался нѣкто Филипповъ. Придетъ припадокъ, онъ и ногти припрятаетъ, приладитъ оружіе—ногти выпуститъ. Освобожденный отъ кандаловъ, онъ купилъ себѣ въ Акатуй домикъ. Разъ подступилъ къ нему приливъ злыхъ мыслей: посадилъ онъ въ печь имениный пирогъ и пошелъ къ надзирателю рудника кланяться, просить ошастливить посѣщеніемъ. Тѣмъ же упросилъ содержателя и смотрителя. Всѣ любилъ выпить (онъ это звалъ). Наполилъ онъ ихъ до безчувствія водкою съ дурманомъ, разорвалъ на нихъ платье, подбилъ глаза, наломалъ бока, перебилъ собственные горшки и оконныя стекла, переломалъ мебель. Являсь къ главному начальнику, онъ жаловался, что гости его крѣпко изубытчили. Представилъ тому наглазныя доказательства: вотъ валяются на полу. Успокоился онъ, когда гости заплатили ему большія деньги, по приказанію главнаго начальника. Его нѣсколько разъ приковывали на цѣпи и увольняли.

Разъ, когда онъ сидѣлъ на цѣпи, услышалъ сторовою разговоръ о собственной женѣ, которая будто бы завязала связь съ выпущеннымъ недавно на волю арестантомъ. Ревность заставила его притвориться больнымъ и лечь въ лазаретъ. Въ лазаретѣ прикинулся онъ умирающимъ, просилъ жену навѣстить его передъ смертью. Эта пришла съ калачаи. Филипповъ притиснулъ ее къ окну, схватилъ за горло и уже поднималъ на воздухъ, чтобы совсѣмъ задушить, но на выручку приближали арестанты съ солдатами. Сидѣлъ онъ въ послѣдній разъ на цѣпи рядомъ съ Безногимъ, убійцею и бродягою, лихившимся ногъ въ глѣсу на морозѣ. Оба жили дружно и дожили до того, что у нихъ могла слѣдиться игра въ карты. Разъ за игрою повздорили и подрался. Безногий схватилъ Филиппова за горло и такъ сильно ударилъ его лоловою о желѣзную рѣшетку, что раскололся

черепъ и Филипповъ исчезъ изъ списка злодѣевъ.

Восточная Сибирь, какъ преимущественное сладочное мѣсто всѣхъ убійцъ и злодѣевъ, сохраняетъ между прочимъ объ одномъ такое преданіе (въ Минусѣ). У мѣщанина живетъ бѣглый и ходитъ съ нимъ на охоту. Разъ въ одну изъ такихъ прогулокъ замѣтилъ онъ звѣровщика, доставшаго съ дерева подстрѣленную бѣлку. Бродяга гладкокровно прицѣлился и удюпалъ на повагу этого незнакомаго и перваго встрѣчнаго. Содравъ одежду, онъ пошелъ домой. Натолкнувшись на другою, съ нимъ поступилъ также. Мѣщанинъ-спутникъ сталъ его упрекать. Бродяга скрутилъ ему руки и ноги, ограбилъ, потомъ началъ отрывать ему члены одна за другою съ наслажденіемъ, не торопясь. Жена мѣщанина, не дождавшись мужа, объявила о пропажѣ его. Полиція нашла трупъ и поймала бродягу. На допросѣ онъ повинился еще въ 15 убійствахъ и охотливо рассказалъ, что съ убитыми не разставался равною, а находилъ большое удовольствіе въ томъ, чтобы полежать воатъ него и даже поспать цѣлую ночь рядомъ съ трупомъ.

При условіяхъ возбужденій, подобныхъ тѣмъ, которыя натолкнули на убійство даже евреевъ Горбуна и Вудьева (народа наиболѣе осторожнаго и наименѣе причастнаго смертному грѣху смертоубійства), не мудрено возрости въ десять лѣтъ цифрѣ до 11 (представить по одному случаю на годъ) и затѣмъ оставить такое слабое вѣроятіе для убійства всѣмъ ссыльнымъ, такъ что собственно старымъ убійцамъ для новыхъ убійствъ остается ничтожное мѣсто. Не потому это такъ, что злодѣйской рукѣ мало простора въ слабо населенныхъ забайкальскихъ и сибирскихъ краяхъ, обладающихъ всѣми средствами раздраженія, но потому, что и здѣсь убійство—явленіе необычайное, будучи взято не во времена народныхъ бѣдствій, когда усиляются кражи, возвращаются грабежи и появляются разбой, обливающие слѣды свои человѣческаю кровью.

Такія времена для Сибири мнновали съ тѣми тяжелыми для новой страны дѣями, когда неправильныя, насильственныя заселенія ея всякимъ обродомъ вызывали разбой и убійства повременю; во времена Петра на Иртышской линіи; въ половинѣ прошлаго столѣтія въ юго-западной Сибири, въ алтайскихъ странахъ (разбойникъ Аванасій Селезневъ), въ концѣ прошлаго столѣтія между Красноярскомъ и Иркутскомъ (Гондохинъ), въ началѣ нынѣшняго за Байкаломъ (Григорьевъ и Горкинъ). Разбой и убійства перекочевывали туда, куда направляли и гдѣ сосредоточивали искусственныя заселенія. Не имело это явленіе и при болѣе неблагопріятныхъ географическихъ и экономическихъ обстоятельствахъ: разбойничалъ бывшій князь Баратаевъ за Леною, когда прокладывали дорогу изъ Охотска на рѣку Адангъ; нарожда-

лись разбой и производились убійства и тогда, когда заселили пустынную Камчатку. Кемчугскія горы и дремучіе тайговые лѣса за Ачинскомъ къ Красноярску считались долгое время страшными для путешественниковъ. Мѣста придорожныя окружены природными вертепами, обезпеченными непроницаемыми лѣсными трущобами. Разбой были сильны и прочны въ силу принудительныхъ поселеній, устроенныхъ такъ, что всѣ жители разбѣжались въ наимѣнѣемъ силы расширять лѣса подъ шапши.

Сибирскія современные убійства, отчасти подчиненныя вліянію возмездія каторгою, но въ такой мѣрѣ, что каторга дѣйствуетъ оглушающимъ способомъ острастки и вовсе не владѣетъ способами исправленія. Свидѣтели злодѣйствъ, опираясь на предварительную порчу преступниковъ въ Россіи, не имѣютъ средствъ и времени опредѣлять свое мѣсто и вѣсѣить тѣ благопріятныя для преступленій причины, которыми обильно снабжены мѣста, довременныя итѣ надзору и попеченіямъ. Какъ самъ убійца, раскаиваясь на судѣ въ собственномъ злодѣяннѣ, ищетъ для опредѣленія своего нравственнаго раздраженія и иступленія въ словахъ и говоритъ „разсвирѣпѣвъ и какъ бы окаменѣвъ, я бросился на него и проч.“, такъ въ тѣхъ же словахъ ищутъ оправданія себѣ пристаивая сомнительнаго люда, находяще свое оправданіе въ предварительной и безвозвратной порчѣ сомнительнаго. Между тѣмъ, на ихъ же глазахъ происходятъ изумительные факты исправленій амыгъ людей, конечно, помимо ихъ участія и вовсе независимо отъ каторжнаго вліянія. Превращеніе контрабандистовъ въ убійцъ и исчезновеніе въ убійцахъ убійцъ—слишкомъ извѣстныя на каторгѣ факты и слишкомъ осязательныя явленія для того, чтобы можно было въ нихъ сомнѣваться.

У пристава одного изъ каторжныхъ мѣстъ мы нашли разбойника, ограбившаго почту и убившаго ямщика съ почтальономъ—въ водовозахъ, живущимъ и ночующимъ на кулѣхъ; у начальника промысловъ женщину, зарѣзавшую собственного ребенка—въ кормилцахъ, отягчающуюся неуспѣшнымъ надзоромъ, необычайною любовью въ вскармленнику и прочимъ дѣтямъ, братьямъ и сестрамъ ея питомца. Извѣстный всему Забайкалью, ловкій и весьма опасный разбойникъ и знаменитый пѣсенникъ Горенитъ кончилъ тѣмъ, что въ наше время возитъ, темными ночами, по пустынному и пятидесятиверстному перегону, черезъ замерзшій Байкаль, откупныхъ повѣренныхъ послѣ того, какъ они успѣли обобрать во всѣхъ забайкальскихъ кабакахъ всѣ деньги, натасканныя богатѣлю торговую - казацкою и голытьбою каторжною-кабацкою, и совсѣмъ кончилъ уличнымъ шуткомъ—скоморохомъ съ пляскою подъ веселый и шаловливый притѣвокъ на потѣху деревенскихъ ребятшекъ.

Таковы, на выдержку, первые попавшіеся подъ перо частные случаи изъ каторжной практики. Но и на этотъ разъ частные случаи предшествуютъ общимъ и пополняются ими. Милліоны возовъ съ чаемъ изъ Кяхты въ Москву, тысячи троекъ съ серебромъ, предвѣщаемыхъ на выгнѣвъ этихъ чаевъ, въ Москву въ Кяхту прошия и пробѣжали по тому же Забайкалью, населенному предпочтительно самыми опасными и новороченными людьми, выброшенными за негодностью изъ оласливой и трусливой Россіи. Подъ самыми воротами и стѣнами каторжныхъ жилищъ казна провозитъ огромныя суммы, назначаемыя въ два свои, самыя отдаленныя казначейства. Трехмилліонная торговая компанія провезла свои милліоны и, не истерявъ въ дорогѣ, всѣ безслѣдно и безвозвратно сама утонула въ Амурѣ до послѣдняго рубля и копейки. Ежегодно изъ самаго нутра каторжнаго пекла въ концѣ зимы, на почтовыхъ тройкахъ, та же казна возитъ на многія сотни тысячъ золота и серебра въ слиткахъ, подъ охраною самаго ничтожнаго тѣла забайкальскихъ казаковъ, носившихъ удалое званіе только по преданію. Туземецъ-сибирякъ вовсе не видитъ въ этомъ рискованнаго дѣла, но даже ждетъ таковаго времени съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, суевѣрно вѣруя, что когда „пробѣжитъ золотуха“ (транспортъ съ золотомъ), въ воздухѣ полетчатъ, морозы съ этой поры стануть сдавать и слабѣть, а пробѣжитъ „серебрянка“—придорожный сибирякъ набожно крестится и приговариваетъ: „Слава Богу и Инокентію, чудотворцу крутскому! увезли мірскую кровь и людскія слезы! надо телѣгу чинить, своро кукушка закукуетъ“.

Во всю длину битой дороги, идущей черезъ Сибирь, добротные люди изъ старожиловъ даютъ проѣзжимъ легкіе совѣты быть осторожными на ночное время въ двухъ-трехъ мѣстахъ на всѣхъ четырехъ тысячахъ верстъ всего пути въ самыя дальнія мѣста самой строгой каторги. Тамъ же, гдѣ сама каторга считаетъ собственныя сотни верстъ, предостереженій таковыхъ проѣзжій не получаетъ. Затѣмъ уже нигдѣ не испытываетъ онъ большихъ неприятностей отъ дорожной встрѣчи съ обозами, беззаботно растянувшимися по всему полотну битой зимней дороги. Слово и дѣлать здѣсь эти извозчики круче и даля ихъ телѣге, а потому и спятъ они на возахъ крѣпче.

Что въ виду, то и на самомъ дѣлѣ. Не скрываемому, насмѣшливо-хвастливому улыбкаю встрѣчаютъ настоящіе знатоки каторжныхъ порядковъ и ближайшіе пристаивники и блюстители ссыльныхъ людей всякое сомнѣніе въ безопасности ихъ положенія среди испорченнаго на родинѣ и озлобленнаго на чужбинѣ ссыльнаго люда. Какомъ нибудь сотнею казаковъ, гдѣ старый зачастую путается на службѣ съ малымъ—

эти, увѣренные въ себѣ люди защищаются сами и защищают казенное и свое имущество отъ огромнаго сброда настоящихъ порченныхъ преступниковъ, у которыхъ утратилось все завитное и святое, у которыхъ даже собственная одежда, въ зимніе холода, на плечахъ не держится, и либо пропирывается въ карты, либо обитывается на вино. Наблюдатели, официально обязанные должностію и службою, увѣряютъ, по личному опыту, что большая часть преступленій вѣренныхъ нѣтъ людей выродилась изъ нужды, доведенной до крайности, и сопряжена съ захватомъ чужой собственности, что только незначительная часть совершена подъ влияніемъ страстей, что это такъ и должно быть, потому что большинство пришедшаго на каторгу народа—люди простые, необразованные, либо крестьяне, либо мѣшане. Другіе наблюдатели (не присяжные, но сторонніе), которыхъ судьба привела въ каторжную жизнь изъ среды образованнаго и даже высшаго круга, рядомъ опытовъ и долговременнаго изученія, пришли къ тому же основному выводу, что всѣ эти каторжные люди пали подъ влияніемъ какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Въ дѣлѣ паденія нѣтъ всего меньше завитно участіе сердца. Оно, это сердце, во всякомъ случаѣ не злое, а испорченнаго является уже потому и именно здѣсь, на каторгѣ. Все это—именно несчастные люди, какъ совершенно вѣрно и достаточно мѣтко опредѣлилъ нѣтъ самъ же простой народъ, выдѣлявшій изъ себя этихъ преступниковъ. Вотъ почему (говорятъ намъ) и среди этого народа, не вооруженная револьверами и ружьями, не защищенная заборами и стѣнами, красуется такая сельская жизнь съ тою же прелестью совершенно обезпеченнаго и защищеннаго труда на Шилкѣ, и на Аргуні, на Хилкѣ и Газимурѣ, какъ бы и на матушкѣ Волгѣ, и что едва ли даже не въ большей распущенности проводится и не съ большою безпечною устрояется и семейная жизнь здѣсь, чѣмъ, напримѣръ, въ большихъ городахъ русскихъ, оберегаемыхъ полиціею.

М. М. Сперанскій, побывъ генералъ-губернаторомъ Сибири, писалъ къ своей дочери (1819 г.): „Число ссыльныхъ, какъ капля въ морѣ; нѣтъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число нѣтъ маловажно. По самымъ достовернымъ свѣдѣніямъ они едва составляютъ до двухъ тысячъ въ годъ и въ томъ числѣ никогда нѣтъ и десятой части женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу! Они докажутъ, что у насъ въ 20 тысячахъ едва можно найти одного преступника, да и то ворышку маловажнаго; важныя нѣтъ и на сто тысячъ одного. Я самъ не повѣрилъ бы сему прежде и считаю это великимъ въ моральномъ мірѣ открытіемъ“.

Онъ же говорилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, Сем. Богд. Вроневскому: „Мнѣніе, будто бы въ Сибирь есылаютъ людей самыхъ порочныхъ, не точно. Объясню притчей. Многие переходили ровъ, одинъ за другимъ, по узкой владкѣ. Осторожные всѣ перешли, а одинъ упалъ, взглянувъ на сторону, замарался и утонулъ! Затѣмъ этотъ же Вроневскій писалъ въ посмертныхъ запискахъ: „Притча Сперанскаго объясняетъ нѣкоторымъ образомъ, что, дѣйствительно, большая часть зѣвакъ туда попадаетъ. Бѣдность, вино, любовь, солдатство и несносные господа либо управители влекутъ народъ на заселеніе Сибири. Многие говорятъ, что преступники, перейдя границу европейскую, т. е. Уральскій хребетъ, совершенно перерождаются къ лучшему,—и не мудрено! — широкое раздолье угодьевъ, довольство въ первыхъ потребностяхъ и свободное состояніе, выгнѣнное на рабство, при разныхъ облегченіяхъ, даруемыхъ правительствомъ ссыльнo-поселенцамъ, хотя какого заблудшаго образумитъ. Но должно впадать въ заблужденіе, считая и варяковъ людьми опасными и безнадежными. Разбойникъ-татъ, по внушенію ловкаго соблазнителя, при нуждѣ и бѣдности огуленный виномъ, впадъ въ преступленіе, вдругъ видитъ пропасть, въ которую себя ввергъ. Совѣсть начинаетъ его со всею силою мучить и онъ, чтобы освободиться отъ этого страданія, часто добровольно отдаетъ себя на другое: въ руки правосудія, и съ сильнымъ раскаяніемъ терпѣливо влечетъ свою жизнь въ работѣ и изгнаніи. Есть много сосланыхъ за политическія и противорелигіозныя преступленія и по завитательствамъ, происходящимъ въ городахъ, селеніяхъ и полкахъ, увлеченныхъ общимъ движеніемъ или повѣрившихъ, по невѣжеству своему, нелѣпымъ внушеніямъ злокозненныхъ лицъ. Я знаю, что въ заводахъ и рудникахъ многие каторжные исполняютъ, со всею вѣрностію, интересныя должности. Зародышъ добра въ такихъ до того силенъ, что худые примѣры и разные рассказы въ сонмѣ закоренѣлыхъ преступниковъ не производятъ на нихъ ни малѣйшаго влияния. Въ Сибири почти у всѣхъ чиновниковъ и купцовъ прислуга изъ класса ссыльныхъ. Однако, примѣры побѣговъ съ воровствомъ, тѣмъ болѣе злодѣянствъ, довольно рѣдки“.

Короче Сперанскаго и Вроневскаго, но согласно съ ними, выразился Кетле (въ своей *Physique sociale*), что преступленіе есть нѣмой, въ большей части случаевъ, бессознательный протестъ человѣческой природы противъ несовершенства общественнаго устройства. „*Chaque criminel est le martyr de l'ordre sociale*. Крупныя преступленія—исключенія въ общественной жизни, они не нарушаютъ обычнаго, заведеннаго порядка. Важность ихъ заключается въ ихъ необычайности, преступленія жъ мелкія со-

вершаются ежедневно и всего болѣе колютъ глаза заведенному порядку, хотя вниманіе публики къ нимъ равнодушно". Къ тому же (какъ сказалъ Фурье) „безнадежная бѣдность такъ же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство его презирать“.

Нерчинское горное начальство приняло на свои каторжныя работы изгнанныхъ изъ Россіи, за негодностью и признанныхъ опасными для нее, въ теченіи одного десятка лѣтъ (съ 1-го января 1847 г. по 1-ое января 1857 г.), шесть тысячъ двѣсти тринадцать человекъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Въ этомъ числѣ, въ расчетѣ на большее преуспѣваніе края и на пушю опасность для бессмысленнаго и непроступнаго населенія изъ старожиловъ, авидось изъ Россіи однихъ убійцъ 2.179 человекъ, болѣе чѣмъ третья часть всего числа убійцъ, приговоренныхъ на каторгу въ Россіи и высланныхъ въ Сибирь въ предыдущій десятокъ лѣтъ (съ 1837 по 1847 г.). Кромѣ того, съ единственнымъ, но призрочнымъ выигрышемъ для себя, Россія выслала въ нерчинскіе рудники, въ тотъ же десятокъ лѣтъ (конечно, не для исправленія), разбойниковъ и грабителей (воровъ со валомомъ) 1.136 человекъ; фальшивыхъ монетчиковъ и покушниковъ краденаго 191, поджигателей 174, святотатцевъ — 72, прозведенныхъ растлѣніе—54, возмущеніе 12 и оскотленіе—7,—и 2.256 человекъ „завиненныхъ въ неоднократныхъ побѣгахъ“, сопряженныхъ съ другими преступленіями и, вообще, не даромъ скрывшихъ свои настоящія имена и объявлявшихся на судѣ „непомятими родства“ *). Если, можетъ быть, и не всѣ провинившіеся въ этихъ преступленіяхъ въ Россіи, за періодъ предшествовавшаго десятка лѣтъ, а только пойманные и уличенные явились на нерчинскую каторгу, если даже и изъ завиненныхъ и приговоренныхъ въ ссылку въкоторая часть (и довольно, впрочемъ, значительная) оставлена для работъ по сю сторону Байкала (на сибирскихъ казенныхъ заводахъ и фабрикахъ **), тѣмъ не менѣе предлагаемая цифра сосчитана вѣрно и закрѣплена поголовно перепискою и повѣр-

кою. Не вся она на лицо (это также вѣрно), не только въ первые мѣсяцы по приходѣ, но даже и въ первые недѣли, и измѣнилась эта цифра побѣгами, однако, въ ней достаточно есть грязной, враждебной и опасной силы для туземнаго населенія, имѣющаго несчастье жить въ сосѣдствѣ съ каторгою, владѣющаго отъ труда нажитою собственностью, нерѣдко именно въ такомъ размѣрѣ, чтобы порождать соблазнъ и возбуждать зависть въ немущемъ своей и потерявшемъ все, даже доброе имя.

Мы видѣли, насколько не крѣпки багдалы, какъ скованныя въ Россіи, такъ и замѣнявшія ихъ въ Сибири. Всѣ знаютъ, до какой степени застоялись тюрьмы Россіи, хотя онѣ построены за дорогія деньги изъ каменнаго матеріала по системѣ подряднаго соперничества. Въ Сибири даже и тюрьмы не всѣ каменные, а тѣ, въ которыхъ скопляется наибольшее число опасныхъ людей (каковы тюрьмы каторжныя), какъ бы намѣренно деревянныя, но съ тѣмъ же разрывомъ желѣзомъ въ окнахъ и на дверяхъ, съ такими же подкупными сторожами и, вообще, съ ненадежными затворами и запорами. Къ тому же на каторгѣ цѣнится рабочая сила, которая возила бы руду и разгребала бы песокъ; для педагогическаго заведенія на каторгѣ вѣтъ мѣста, ни времени. Какъ творится то чудо, что опасное для Россіи населеніе, безъ видимыхъ внутреннихъ причинъ и безъ всякаго старанія и попеченія извнѣ, становится безопаснымъ для Сибири,—возбуждаетъ недоумѣніе и порождаетъ обязательство повѣрки такого знаменательнаго и замѣчательнаго факта. Мы старались произвести ее при содѣйствіи лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, распросами самихъ преступниковъ и личными нашими наблюденіями надъ тою частью Россіи, которая такъ грозно, своеобразно и самостоятельно отгнѣнилась отъ всѣхъ другихъ частей Россіи, не имѣющей съ Забайкальемъ, въ этомъ отношеніи, никакого сходства.

Мы останавливались на убійцахъ и на самомъ преступленіи смертоубійства, какъ на такомъ, которое не есть слѣдствіе разбоя или грабежа и не вытекло изъ бродячества—этого богатого источника многихъ злодѣяній, но то смертоубійство, которое и нерчинское статистическое таблицею выдѣлено въ отдѣльную графу и на самомъ дѣлѣ, въ общественномъ значеніи этого слова, стоитъ отдѣльно и одиноко. Убійство, какъ болѣзненный наростъ на общественномъ организмѣ, не оправдываемое никакими законами, но, тѣмъ не менѣе, подчиненное своимъ, служить, въ одно и то же время, и мѣриломъ для выясненія большей или меньшей степени развитія нравственнаго состоянія извѣстныхъ классовъ общества въ данную эпоху и характеризуетъ цѣлый народъ, объясняя ступень, на которой стоитъ его цивилизація. Это обыквен-

*) Общее число ссыльныхъ въ нашу десятилѣтнюю сложность дополняется, сверхъ того, еще 2-мя сосланными за престонодержательство (то есть притонщиковъ, державшихъ притонъ для преступниковъ), 77-ью сосланными за „дедаость противъ начальства“, 19-ью за утрату казенныхъ вещей и поврежденію у себя членомъ (за членовредительство, какъ привыкли выражаться наши законники по вѣмецкому способу словонаименій) и 54-мя, присланными за Байкаль за политическія дѣла (то есть поляками).

**) Такъ, напримѣръ, большая часть ссыльныхъ женщинъ оставалась, не доходя Иркутска, на Тельминской суконной фабрикѣ, въ слуху указа 1798 г. (26 марта). Только на короткое время эта фабрика уступала ссыльныхъ женщинъ для отправки на Александровскую фабрику въ Тифлисъ.

еть насъ оглянуться назадъ, припоминая одну тыщъ въ Москвѣ, и съ убійцею, выходящимъ случайную встрѣчу съ убійствомъ, надѣлавшимъ изъ ряда обыкновенныхъ, на мѣстѣ его изнумъ на всю Россію и до сихъ поръ не забывшимъ.

ГЛАВА II.

У Б І Й Ц Ы.

Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ.—Мѣста, наиболѣе богатая убійствами.—Монгольскія племена.—Прочіе инородцы.—Ураль.—Заводскіе люди.—Дѣтоубійства.—Убійства женъ и мужей.—Вратоубійства.—Убійства родственниковъ.—Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворовыми.—Крестьянскіе бунты.

Въ Россіи ежегодная цифра убійствъ принадлежитъ по разрадамъ преступленій къ самымъ крупнымъ. Въ средѣ ихъ, по количеству преступниковъ, она занимаетъ третье мѣсто. Преступленіе этого рода уступаетъ числомъ жертвъ лишь бродячеству и разнаго вида воровству (кражѣ и мошенничеству). Раздѣляясь на смертоубійство умышленное и случайное („неосторожное“), оно даетъ число смыльныхъ по первому виду почти въ семнадцать разъ больше, чѣмъ по второму. Въ года, ближайшіе къ годамъ нерчинской таблицы, въ теченіи девяти лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.), всякаго рода убійцъ прошло въ Сибирь 4.952 мужчины и 1.451 женщина *). Изъ этого числа крупныя цифры принадлежатъ тѣмъ губерніямъ, которыя по преимуществу населены инородческими племенами, стоящими на самой низшей ступени гражданскаго развитія, не отставшими отъ кочевой жизни и тѣмъ привычекъ и вѣрованій, которыя являются ея слѣдствіемъ. Монгольскія племена, составляющія большинство населенія восточныхъ русскихъ губерній, за долгое историческое существованіе въ средѣ вліянія славянской расы, оказали большое упорство и крайнюю устойчивость въ коренныхъ народныхъ началахъ и неподатливость вліянію чуждыхъ. Упрямо и медленно поддаваясь успѣхамъ и условіямъ гражданственности чужого племени, монгольскія, въ большинствѣ, сумѣли остаться при тѣхъ же первобытныхъ грубыхъ нравахъ, которые характеризировали ихъ и въ отдаленную эпоху ихъ политическаго существованія. Если замѣтѣа между нѣкоторыми изъ нихъ большая мягкость нравовъ, уступившихъ духу времени и нѣкоторымъ правительственнымъ настояніямъ, то за то другая и большая часть отстаиваетъ упорно свои племенные особенности. Если лихой татаринъ успѣлъ

измельчиться въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ въ торгаша-бухарца и буряты начали мирно расплывать поля подъ Иркутскомъ, то, съ другой стороны, киргизы не отстаютъ еще отъ грабежей и хищническихъ наѣздовъ, обливая слѣды баранты человѣческой кровью, а татары и буряты берегутъ на крайній случай и на благоприятный вызовъ неудержимую дикую вспышку. Они не потеряли понятія о мести кровью за кровь, этой характерной черты азиатскихъ народовъ, еще не осѣдлыхъ и не гражданственныхъ,—черты, выразившейся съ большею опредѣленностью и послѣдовательностью въ жизни кавказскихъ и закавказскихъ горцевъ. Вотъ почему и тобольская табелъ о смыльныхъ доляна была выразиться въ такомъ видѣ: убійцъ-татаръ 67, башкиръ 44, киргизовъ (только изъ Оренбургской губ.) 8, черкесовъ (только мирныхъ) 7 (между прочимъ, грузинъ 62). Наклонность къ убійствамъ въ магометанахъ выразилась такъ, что составляетъ самую видную и крупную черту ихъ нравовъ.

Точно также и въ тѣхъ инородческихъ племенахъ, происхождение которыхъ этнографы и филологи приписываютъ чуди, коренныя народныя свойства крайне живучи и дѣятельны. Не такъ давно начали рѣдѣть слухи о такъ называемой „сухой бѣдѣ“—особенномъ видѣ самоубійства, требующемъ отъ обиженнаго вояка, чуваши и черемиса веревки и петли, чтобы повиснуть на ней надъ воротами обидчика. До сихъ еще поръ на нашихъ глазахъ воровство всякаго рода не считаютъ грѣхомъ ни вогулы, ни пыгане, ни дальнее сибирское племя якутовъ; за то у тунгусовъ оно—поразительная случайность, преслѣдуемая и нетерпимая дѣлымъ племенемъ. Нигдѣ въ Европѣ законодательство не стоитъ въ такой крайней зависимости отъ требованій разноплеменности и нигдѣ оно не находится въ такихъ крайностяхъ и трудностяхъ и въ большей отвѣтственности передъ законами человечества, какъ у насъ въ Россіи. Нигдѣ также нѣтъ большей трудности рѣшать о степени нравственнаго развитія народа по ста-

* Въ это число тобольскія табелы о смыльныхъ включили, вмѣстѣ съ самыми убійцами, и количество тѣхъ преступниковъ, которые знали о преступленіи и не объявляли начальству, и тѣ, которые суждени по подозрѣнію и, наконецъ, тѣ, которые нанесли тѣлесныя поврежденія другимъ лицамъ съ намѣреніемъ къ убійству.

статистическимъ числамъ его преступленій; до сихъ поръ мало извѣданы и выяснены всякія дружины, руководяція духомъ извѣстнаго племени, мало изслѣдованы и изучены самыя племена, населяющія Россію. Тѣмъ не менѣе, въ спискѣ губерній, объявившихся съ болѣе крупною цифрою убійствъ, первое мѣсто заняли губерніи, населенныя инородческими племенами, преимущественно магометова закона: Оренбургская, Тобольская, Пермская, Казанская, Вятская, Грузино-Имеретинская (нынѣшняя Тифлисская), Симбирская и Кавказская область (нынѣшняя Ставропольская губернія). Хотя, въ то же время, почти всѣ эти губерніи принадлежатъ къ однѣмъ изъ самыхъ населенныхъ (въ особенности Вятская) и, повидимому, таковое отношеніе преступниковъ къ общему числу жителей должно уравновѣшиваться въ одинаковой мѣрѣ съ другими столько же населенными губерніями, но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Столько же и даже болѣе населенныя губерніи (каковы всѣ южныя степныя) уходятъ на второй и третій планъ, составляя вторую и третью количественную категорію. Только здѣсь, въ этихъ губерніяхъ, свободныхъ отъ инородцевъ-мусульманъ, число убійцъ встало въ соответственныя отношенія къ числу жителей, уравнивая, такимъ образомъ, преступность ихъ населенія *). Раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не представляетъ мѣрилы, достаточно законнаго и опредѣленнаго; нигдѣ произвольное раздѣленіе Россіи на губерніи, не объясняющее ясныхъ и правильныхъ основаній, не является съ болѣе поразительною очевидностью, какъ на этотъ разъ, и не представляетъ болѣе запутанности и затрудненій, какъ именно въ стремленіяхъ, подобныхъ нашимъ **). Если принять въ соображеніе, что,

*) За 20 лѣтъ.	Убийцъ.	Число жителей.
Курская	540	1.900.000
Харьковская	478	1.600.000
Черниговская	480	1.500.000
Полтавская	379	1.900.000
Пензенская	339	1.900.000

**) Будущая работа въ этомъ родѣ потребуетъ отдѣленія преступниковъ городскихъ отъ сельскихъ, ибо города вездѣ грѣховнѣе селеній. Также немалая трудность и большая осмотрительность понадобится въ томъ случаѣ, когда придется счуметь и успѣть отдѣлить пришельцевъ отъ туземцевъ. Въ кочующемъ населеніи торговаго и промышленнаго русскаго люда, мѣняющаго свои мѣста, какъ мѣняются цѣта въ калойдоскопѣ, и теперь лежитъ много причинъ тому, что раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не имѣетъ достаточнаго основанія и права. Барышники изъ касимовскихъ татаръ и вѣз дыганъ, не имѣющихъ опредѣленнаго мѣста, вѣрнѣе попадутся въ конкратствѣ вблизи конныхъ армарокъ и пойдутъ въ Сибирь изъ Лебедяни и Котельничъ за рязанца и вяткаго. Убийца-буракъ изъ тверскихъ уйдетъ изъ Астраханской губ., гдѣ ему больше вѣроятія голода, грабежей и убійства, а пензенскій крестьянинъ, обреченный на постоянное изнѣтство на касимовскихъ рыбныхъ ватагахъ, уйдетъ въ Сибирь оттуда же за грабежъ подѣ

напримѣръ, губерніи Московская имѣетъ болѣе число жителей, чѣмъ Казанская, а Пермская и Оренбургская, отдѣльно взятыя, меньше Вятской, то вопросъ о тайныхъ дружинахъ, руководящихъ народными инстинктами и наталкивающихъ на извѣстный родъ преступленія, не теряя своей важности, все-таки остается не разрѣшимымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ существовать у насъ уголовной хроники и юридической характеристикки мѣстностей. Теперь для нихъ самое важное и необходимое время, но ни тѣхъ, ни другихъ до сихъ поръ литература наша не имѣетъ; тѣ и другія являются пока дѣломъ случайностей. Со временемъ опредѣлится, съ цифровымъ подтвержденіемъ, та несомнѣнная истина, что, напримѣръ, губерніи Оренбургская и Пермская (меньшія) преступнѣе болѣе населенной губерніи Вятской въ грѣхахъ убійствъ и оттого, что въ этихъ губерніяхъ происходятъ наибольшее скопленіе бѣглыхъ преступниковъ изъ Сибири, и потому что болѣеизнѣтство населенія ихъ, помимо инородцевъ, принадлежитъ заводскому люду, истощенному до крайней бѣдности и отчаянной нужды недавними порядками посессионнаго и владѣльческаго права. Теперь уже довольно ясно можно видѣть изъ отчетовъ горныхъ начальниковъ о происшествіяхъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ, насколько убійства были тамъ не рѣдкостью и сколько безправственно рабоче населеніе вдоль всего богатаго и рудоноснаго Уральскаго хребта.

Изъ просмотра уголовныхъ дѣлъ видно, что большое количество преступленій совершается по Уралу на частныхъ заводахъ; на казенныхъ сравнительно меньше. Грабежи отличаются удалствомъ и смѣлостью и не обходятъ даже главнаго заводскаго города Екатеринбурга, который рѣдко выдается въ этомъ отношеніи изъ ряда другихъ русскихъ городовъ. По дѣламъ 1858, 59 и 60 годовъ, наибольшее количество преступленій группируется около частныхъ заводовъ; Кыштымскихъ (9 убійствъ), Невьянскихъ (6 случаевъ), Нижнетагильскихъ (6 случаевъ), Алапаевскихъ и Уфалейскихъ (по 5). Изъ казенныхъ преступнѣе другихъ Богословскіе, причѣмъ на одинъ городъ Екатеринбургъ и при этомъ на одинъ только годъ (1859) выпало семь случаевъ убійствъ. Грабежи идутъ въ соответствующей пропорціи и самоубійства также явленія нередкія. Убиваютъ довольно часто мужа любовниковъ своихъ женъ; убиваетъ сына отца, съ участіемъ матери и товарищей, заставъ его на мѣстѣ прелюбодѣвія; своихъ удавилъ свояка,

призрачнымъ именемъ астраханца и проч. и проч. Такъ, между прочимъ, Петербургская губ., со столичнымъ городомъ по населенію равная Костромской, по количеству убійствъ встала въ ней въ такія отношенія: въ 20 лѣтъ съ 1827—по 1846 убійствъ Спб. 398 муж. и жен., Костромск. 254. Все вышешекъ дополненъ съ избыткомъ г. С.-Петербурга.

по просьбѣ жены послѣдняго, и вмѣстѣ съ нею вывезъ трупъ за селеніе, положивъ въ сани съ бандурою и полуштофомъ водки. Сестра зарѣзала ночью сестру за то, что та доносила матери о распутной жизни убійцы, и созналась въ томъ, что сначала собиралась зарубить ее топоромъ, потомъ хотѣла устукать пестомъ. Мужъ задушилъ беременную жену за то, что она не дала ему на свадьбу рубахи и обругала варнакомъ, а чтобы скрыть преступленіе, по собѣту бабки, взявъ къ священнику съ просьбою растворить въ церкви царскія врата, а въ домѣ отперъ всѣ замки: мучилась-де родами, отъ мукъ померла. Мертвый младенецъ плаваетъ въ озерѣ; маленькій мальчикъ, посланный за милостынею, лежитъ зарѣзаннымъ въ холостой набѣ. Одинъ кововакъ въ кабакѣ далъ заводскому вмѣсто молотаго табаку пережженного купоросу; обиженный вышелъ было вонъ, да вернулся, и говоря про себя себѣ подъ носъ: „Кто смѣлъ меня ударить?“ пырнулъ, вмѣсто кововала, ножемъ въ бокъ заводскаго. Одного убитаго сожгли въ печи въ банѣ; другой, услышавъ ночью шумъ, выскочилъ на дворъ съ двернымъ запоромъ и не возвращался; онъ найденъ разбитымъ, окровавленнымъ и уже бездыханнымъ. Третій заводскій крестьянинъ ѣдетъ по дорогѣ и слышитъ, какъ впереди его кричитъ одинъ голосъ: „Начинай!“ а другой: „Не робѣйте!“ Затѣмъ „караулъ!“ раза четыре и просьба: „Васенька, заступись!“ И опять „Не шевелись, Васенька, и тебѣ тоже самое будетъ.“ И снова просьба: „Ребята, пожаляйте, перестаньте!“ И снова крикъ: „Ну, ребята, въ которой крови я плаваю теперь, въ той же крови будете плавать и вы“. Въ итогѣ опять трупъ убитаго и новые преступники-настухи, которые выпросили убитаго подвезти ихъ на лошадей, и проч.

Конечно, и на этогъ разѣ большинство случаевъ убійствъ являются слѣдствіемъ грабежа, меньшинство вызвано ничтожными и пустыми поводами, драками и ссорами въ пьяномъ видѣ. Орудія на половину обычныя: сверкаетъ топоръ, бьетъ кулакъ въ високъ, силится мускулистая рука сократить жизнь, сдавливая горло или причинное мѣсто. За то уже въ большемъ ходу яды, долговременная подготовка къ преступленію. Между убійцами мало людей невѣстныхъ, нѣзъ бродягъ, все свои—заводские и фабричные люди. Бродяги „шажатъ“ отчасти въ Екатеринбургѣ и вольныѣ косяничаютъ за городомъ, въ предѣлахъ ближайшихъ къ Сибири и настоящихъ сибирскихъ. Раздраженные каторгою, а за тѣмъ всякими неудачами во время побѣга, сибирскіе бѣглецы, вмѣстѣ съ поселенцами, успѣваютъ установить такое рѣзкое явленіе, что Тобольская губернія соперничаетъ съ Пермскою и также на всѣ роды преступленій умѣетъ отвѣчать самыми крупными цифрами. Одинъ убійца въ 9 лѣтъ, намъ извѣстныхъ, губерній эта дала

176 муж., 23 жен.; Пермская 171 муж., 26 жен. Въ 20 лѣтъ Пермская успѣла дать уже 538 муж. и 144 жен. — 682 убійцы и превзошла и Оренбургскую (617 убійцевъ), и Курскую (540), и Вятскую (447) и С.-Петербургскую (398). Надвигая Тобольская губернія населялась преступнымъ и дурно обозначеннымъ на поселеніи людемъ и притокомъ въ такой снѣтежъ, которую не давалось правильной оцѣды, не указывались работы и не направлялся трудъ—это самое вѣрное исправительное нравственное начало. Съ давнихъ временъ Тобольская губернія представляетъ до сихъ поръ такое мѣсто, гдѣ скучивается наибольшее количество бродягъ—бѣглецъ съ каторги и мѣсть поселенія, жаждущихъ проскользнуть въ Россію. Какъ у дверей кассы, въ ожиданіи очереди, они производятъ тѣсноту и на беднѣвѣ и досугѣ пошалаиваютъ, а въ грабежахъ натапливаются на убійства.

Къ болѣе вѣроятнымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ ведутъ другія дѣленія людей, пойманныхъ на убійствѣ. Разбивая общее число убійцъ всякаго рода на отдѣльныя категоріи, мы приходимъ къ тому выводу, что въ этомъ числѣ большая цифра принадлежитъ матерямъ, убившимъ своихъ дѣтей. Въ теченіи шести лѣтъ (съ 1838 до 1844) ушло въ Сибирь 317, тогда какъ мужичья за тоже преступленіе осуждено было 23 человѣка. Чаще также убиваютъ жены своихъ мужей и рѣже жены мужья, но за то, естественнымъ образомъ, чаще братъ брата, чѣмъ сестра брата, и примѣчательно рѣже умерщвляютъ своихъ родителей дочери, чѣмъ сыновья *).

*) Убійства этихъ видовъ находятся между собою въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ (по годамъ, въ общей сложности):

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	1838	1839	1840	1841	1842	1843	Всего.
Убійство мужей.	30	26	23	16	27	19	148
„ „ „ женъ.	26	20	9	11	21	36	123
Дѣтоубійство:							
Матерями.	39	53	67	43	59	56	317
Отцами.	3	6	3	6	3	4	23
Братоубійство:							
Братьями.	3	5	1	3	3	5	20
Сестрами.	—	1	—	1	—	—	2
Убійство родителей:							
Сыновьями.	3	3	3	7	6	5	28
Дочерьми.	2	2	—	1	3	—	8

Остатываясь на этихъ жертвахъ столько же семейнаго деспотизма, самаго мучительнаго и опаснаго изъ всевозможныхъ деспотизмовъ на свѣтѣ, сколько и личнаго животво-звѣрскаго проявленія чувствъ въ испытуемомъ, мы снова должны сожалѣть о томъ, что послѣдующія табели тобольскаго приказа о ссыльныхъ, по какому-то непонятному соображенію, назвали плачь сортировки преступниковъ и разнородныхъ сблалъ въ одну кучу, подчинивъ ихъ общей таинственной рубрицѣ, какова, напримѣръ, „оскорбленіе родительской власти“. Надо замѣтить, что приведенныя цифры до того устойчивы, что еще въ

Убийство дѣтей для женщины есть одно изъ тѣхъ преступлений, которое прежде другихъ обрекается ее на несчастіе ссылки и становится для нее обязательнымъ въ силу тяжелыхъ бытовыхъ условій, зависящихъ въ одно время и отъ неправильныхъ деспотическихъ отношеній мужей и семьи и отъ того позора, каковымъ ея встрѣчаетъ общественная среда. Насильственные браки для увеличенія тяготъ при крѣпостномъ состояніи, принудительныя супружества въ средѣ болѣе свободныхъ земледѣльцевъ (каковыми были прежде крестьяне государственные и удѣльные, а теперь всѣ), супружества, основанна на волѣ большаковъ семей для пріобрѣтенія дешевой рабочей силы, а не на взаимной любви и согласіи створенныхъ, обидѣ разнаго рода откожныхъ промысловъ, требующихъ продолжительныхъ отлучекъ, а также и раннихъ браковъ для замѣны себя женою въ семьѣ; при этомъ земліи стоянки громаднаго количества солдатъ, холостыхъ и одинокихъ, изъ которыхъ значительная часть, въ свою очередь, покидаетъ на мѣстахъ родины и въ постоянныхъ городахъ, на правахъ вдовъ, собственныхъ женъ-солдатокъ, — вотъ гдѣ находятъ себѣ оправданіе этотъ видъ убійства, убійство дѣтей. Оно для женщинъ является тогчасъ роковымъ, какъ только вступаетъ она въ періодъ дѣторожденія; встаетъ на первое мѣсто въ возрастѣ свыше двадцати и затѣмъ, до 40 лѣтъ, не уступаетъ его ни одному изъ другихъ родовъ женскихъ преступлений. Въ періодъ ранній (отъ 15 до 20 лѣтъ) женщина производитъ еще расчеты съ мужемъ, пробуетъ силы собственнаго терпѣнія и покорности и, при недостаткѣ таковыхъ и при безсиліи, выставляетъ на первое мѣсто убійство мужей, каковое преступленіе въ послѣдующіе два десятка лѣтъ женскаго возраста (до 40)

1769 году, когда вознамѣрились всѣхъ преступныхъ женщинъ выслать для браковъ къ холостякамъ на Иртышскую линію, изъ 77 женщинъ, преданныхъ туда черезъ Омскъ, 54 оказались сосланными за убійство мужей, 10 за дѣтоубійство, 1 за отцеубійство, 1 за блудъ съ отцомъ, а прочія съ тою же несокрушимою послѣдовательностью, какъ и въ наши дни: за поджоги въ помещичьихъ имѣніяхъ, за брань, побѣгъ и порчу волшебными травами и словами.

Замѣчательно то, что Сибирь начинала свою исторію нѣрѣдкими случаями дѣтоубійствъ. Это преступленіе до такой степени было усвоено женскимъ населеніемъ молодой страны, что вызвало сильныя сокрушенія и жалобы, однообразныя и взаимно-подкрѣпляющія другъ друга съ обѣихъ сторонъ. Объ огромномъ количествѣ часто повторившихся случаевъ этого тяжкаго преступленія свидѣтельствуютъ: тобольскій митрополитъ Филофей, находившій причину его въ сильномъ развратѣ сельскихъ женщинъ, и Иннокентій Нероновичъ (епископъ Иркутскій), говорившій, что убитыхъ и вытравленныхъ младенцевъ хоронили матери въ ямахъ откожныхъ мѣстъ.

отходить на задній планъ и уступаетъ участію женщинъ въ поджогахъ и виновности ихъ въ убійствѣ чужихъ. По сравненіи процентныхъ отношеній, съ этой стороны женщинъ замѣчается даже особенная склонность къ убійству мужей. При этомъ жены болѣею частью прибѣгаютъ къ помощи ядовъ. Въ 4 года (1843 по 1847) изъ 128 убійцъ собственныхъ женъ было только 5 отравителей, изъ 190 женщинъ, за тотъ же періодъ времени, 67 отравительницъ. Въ періодъ улаженнаго семейнаго быта ненависть къ мужу женщины продолжаетъ вымещать на дѣтяхъ и выражать страхъ преслѣдованія убійствомъ даже до конца своихъ дней, даже за 60-ые годы жизни. Для солдатокъ убійство дѣтей вѣроятнѣе, чѣмъ для крестьянокъ, а преступность дѣтоубійства у мѣщановъ слабѣе обонхъ видовъ этихъ русскихъ сословій, болѣе другихъ виновныхъ въ отнятіи жизни у собственныхъ созданий. По различнымъ мѣстностямъ Россіи преступленіе этого вида распредѣлилось въ соотвѣтствіи съ количествомъ населенія: съ большимъ числомъ случаевъ исключеній (въ 9 лѣтъ) въ губерніяхъ малороссійскихъ и съ меньшою цифрою на тѣ губерніи, гдѣ преобладаетъ мужское населеніе въ силу еще продолжающагося заселенія ихъ бродягами-одиночками (губ. Астраханская, напримѣръ, не дала ни одного случая убійства дѣтей во всѣ десять лѣтъ).

Убийство родителей (безъ раздѣленія въ тобольскихъ табеляхъ отцовъ отъ матерей), по примѣтной исключительности, вовсе несвойственно обитателямъ большей части степныхъ губерній, организующимся при участіи отбившихся отъ семейныхъ молодыхъ паръ или бобылей, и губерній сѣверныхъ, гдѣ патриархальная частота правовъ сохранилась во всей цѣлости такъ же, какъ и во всѣхъ пяти бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ болѣеи виновности по убійству родителей оказываются двѣ губерніи заводскія (Пермская и Оренбургская) — готовые участники во всѣхъ родахъ злодѣйствъ и преступленій. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ другихъ, перевѣсъ убійствъ обращается на сторону сыновей; соотвѣтствуетъ у нихъ и у дочерей въ болѣеи степени возрасту зрѣлому (у сыновей отъ 20-ти до 40 лѣтъ, у дочерей отъ 16-ти до 30-ти). Разбирая убійцъ родителей по сословіямъ, увидимъ, что процентное отношеніе сильнѣе въ дворянствѣ и у казаковъ. Въ купечествѣ, духовенствѣ и у дворянскихъ преступленія этого не существуетъ вовсе *).

*) Въ Сибири убійцы отцовъ и матерей никогда не переводились въ разрядъ испытуемыхъ и не освобождались отъ заключенія въ въ тюрьмахъ даже за дряхлостью. Въ Восточной Сибири, именно въ Минусинскомъ округѣ, въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія назвѣтана была одна замѣчательная убійца жъ женщинъ. Она памятна всѣмъ страстью къ шегольству, которую не покинула и въ острогѣ, сохраняя при этомъ всѣ признаки душевнаго спокойствія. Сидѣла

Убийство родственниковъ, а также сестеръ и братьевъ, не представляеть никакихъ характерныхъ особенностей, оставаясь въ незначительныхъ цифрахъ даже и для густо-населенныхъ губерній. Мужчины, естественно, виновны въ этомъ отношеніи женщинъ, не по праву исключительности отношеній въ общественномъ (не семейномъ) смыслѣ, а въ силу того закона, что, вообще, мужская натура несравненно грубѣе и преступнѣе женской.

И жертвы вслѣдъ за жертвами обивываютъ насъ перейти къ тѣмъ изъ нихъ, которыя пали, какъ очистительныя, за тяжкій грѣхъ, нѣкогда исповѣдуемый всѣмъ, населяющимъ земной шаръ человечествомъ и не такъ давно присущій всему нашему государству. У насъ, въ Россіи, эта упорная и застарѣлая болѣзнь государственнаго организма въ наши времена разрѣшилась подъ вліяніемъ хирургическаго ножа. Мы говоримъ о крѣпостномъ правѣ и, по плану нашего разсказа, переходимъ къ тѣмъ преступникамъ, которые совершили убійство помѣщиковъ. Возвращаемся къ прошлому аду, чтобы быть послѣдовательными при дальнѣйшемъ объясненіи цифры убійцъ, присланныхъ вообще въ Сибирь и въ частности на нерчинскую каторгу. Эти преступники на меньшую половину крестьяне, отбывавшіе на помѣщиковъ повинности деньгами и задѣлемъ, на большую—дворовые люди, т. е. тотъ непроводительный классъ русскаго населенія, который въ послѣдніи сто лѣтъ возросъ до громаднаго количества, способнаго привести всякое другое государство, заключенное въ тѣсныхъ географическихъ границахъ и не богатое свободными землями, до отчаянія и на край погибели. Усиленными побѣгами въ разныя стороны (и преимущественно въ Сибирь) и усиленными стремленіями откупаться на волю посредствомъ чрезвычайныхъ услугъ и денегъ дворовое сословіе отчасти предотвратило опасность само собою, отчасти земельными надѣлами по силѣ узаконеній. Во всякомъ же случаѣ, оно сумѣло, за долгое время существованія, образоваться въ особую касту, совершенно отличную отъ того сословія, которое легло въ его основу, а равно не прератилось и въ то, которое его вызвало и приближало къ себѣ. Тяжесть своего положенія оно выражало въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя послѣдовательно истекали изъ ложныхъ бытовыхъ отношеній и направлялись къ она въ острогѣ за то, что удружила четырехъ сиреевъ виѣстѣ съ каторжнымъ своимъ супругомъ. Супругъ этотъ былъ у нее послѣдній, третій. Перваго она зарѣзала въ Россіи и за это пошла на каторгу; второго, приобретеннаго въ Сибири, она задавила пьянымъ. Нѣсколько разъ была бита кнутомъ; судъ обличалъ да и сама она призналась въ убійствѣ евреевъ, за что получила 35 ударовъ кнута и сослана въ нерчинскіе рудники. Женщина эта была пригожая лепошь, румяная, полная собою, съ заманчиво-кокетливыми глазами.

сознательнымъ цѣлямъ выхода изъ принужденныхъ обязательствъ. Обезземельные и обдѣленные собственностью, они воровали до такой степени несправимости, что, помимо всѣхъ системъ наказанія, употребляемыхъ въ Россіи и послѣ нихъ, въ большинствѣ случаевъ уходили въ Сибирь. Они выражали личную месть въ поджогахъ представительствомъ женской половины своего сословія, поднимали и участвовали въ возмущеніяхъ, на счастливые случаи прибѣгали къ поддѣлкамъ документовъ съ цѣлью денежныхъ приобретеній или для побѣга и—на крайние и несчастные случаи—производили убійства, направляя ихъ противъ своихъ господъ. Какъ поджигатель и какъ воръ, дворовый преступнѣе всѣхъ, какъ поддѣлыватель фальшивыхъ актовъ, онъ слабѣе только дворянъ, какъ убійца, дворовый уступалъ одному только солдату. Дворовыя женщины, въ видѣ поджигательницъ, преступнѣе всѣхъ мужчинъ, изъ какого бы сословія эти послѣдніе ни были нами взяты.

Вглядываясь въ цифру убійцъ помѣщиковъ, мы видимъ то поразительное и важное явленіе, что не было губерній въ Великой Россіи, населенной крѣпостными людьми, которая не дала бы нѣсколькихъ преступниковъ, осужденныхъ уголовными законами на ссылку въ Сибирь, если не ежегодно, то по нѣсколько разъ въ теченіи нашихъ восьми лѣтъ. Большинство убійцъ принадлежатъ мужчинамъ въ зрѣломъ возрастѣ. Сопровождалось преступленіе истязаніями. Въ женщинахъ общее число убійцъ помѣщиковъ въ четыре раза меньше противъ количества мужчинъ. Убійцы-женщины выходили на преступленіе съ ядомъ в ходили при этомъ въ самую нѣжную пору жизни (отъ 10 до 20 лѣтъ). При этомъ охотливѣе поднимали онѣ руку на владѣльцевъ, чѣмъ на своихъ родственниковъ и мужей (больше убивали крѣпостными женщинами только дѣтей и постороннихъ). Всего чаще убивали помѣщиковъ въ губерніяхъ: Саратов. (34 м., 3 ж.), Сибир. (33 м.), Владим. (22 м., 3 ж.), Полтавск. (14 м., 11 ж.), Костром. (18 м., 4 ж.), Витебск. (9 м., 10 ж.), Екатер. (10 м., 8 ж.), Курск. (13 м., 4 ж.), Воронежск. (15 м., 2 ж.), Пена. (9 м., 7 ж.), Харьк. (8 ж., 12 ж.), Дон. зем. (6 м., 8 ж.), Тульск. (9 м., 4 ж.), Херс. (8 м., 4 ж.), Рязан. (8 м., 4 ж.), Казанск. (11 м.), Псковск. (5 м., 6 ж.). Рѣже убійства въ губ.: Могил. (10 м.), Нижегород. (9 м.), Тверск. (4 м., 4 ж.), Подол. (8 м.), Орлов. (6 м., 1 ж.), Смол. (2 м., 5 ж.), Оренб. (4 м., 2 ж.), Ярослав. (3 м., 2 ж.), Спб. (3 м., 2 ж.), Тамб. (2 м., 2 ж.), Гродн. (4 м.), въ Вятской, Виленской, Грузино-Имеретинской, Минской и Московской (по 3 м.), въ Новгородской, Вологодской и Черниговской (по 2 м.), въ Оренбургской, Пермской и Таврической (по 1 м.). Не было выслано, само собою, убійцъ помѣщиковъ только изъ тѣхъ губерній, которыя рас-

положены по окраинам Имперіи (въ упомянутыхъ таковыхъ же самое наименьшее число) и, волею историческихъ судеб, освобождены были отъ вліяній крѣпостного права, каковы: Арханг., Астрах., Олоонец. (отчасти Волог. и Вятск.) *). Не видимъ также убійцъ изъ трехъ губерній остзейскихъ; также не выслано изъ Кіевской ни одного во всё восемь лѣтъ. Тобольскія табели секретовъ этихъ объяснить не могли, потому что на этотъ разъ слиски составлялись по какому-то неизвѣстному плану. Между тѣмъ, извѣстно, въ что 1845 г. убійствъ помѣщиковъ было произведено 12, въ 1848 г — 18 **).

Убійство по процентному отношенію и по разнымъ родамъ сословій, выясняется на первомъ планѣ изъ дворянъ: для служащихъ и служившихъ въ военной службѣ. Въ равной же степени семейные солдаты за убійство идутъ чаще дворовыхъ и заводскихъ крестьянъ съ фабричными. Дворовые количествомъ убійствъ превосходятъ владѣльческихъ крестьянъ; не уступаютъ этимъ послѣднимъ и заводскіе, потому что и самыя условія ихъ жизни складывались неблагоприятнѣе условій крѣпостного быта собственно помѣщичьихъ крестьянъ (приписныхъ къ землѣ, а не къ заводамъ и фабрикамъ). По сравненію крестьянъ съ мѣщанами,

*) Впрочемъ, изъ Архангельской высланъ былъ одинъ, завезенный туда дворовый, убившій своего господина.

**) По годамъ, намъ извѣстнымъ, количество этихъ преступленій расположилось въ такомъ порядкѣ:

	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1859	1860
Муж.	43	49	78	14	16	4	14	10
Жен.	14	10	6	8	5	12	неизвѣстно.	

Конечно, по тобольскимъ табелямъ, семейные извѣстнаго года не всегда преступники прошлаго года. Вотъ тому доказательство: изъ Владимирской губ. сосланы въ 1859 годъ два такихъ, которые совершили преступленіе еще въ 1841 году, два изъ Саратовской, убившіе господъ своихъ въ 1842 году, и т. д. Точно также въ 1860 году изъ 10 убійцъ 9 считались таковыми съ 1842 г., а остальной одинъ съ 1843 года. Въ 1859 году сослано было двѣ женщины, учинившія убійство въ 1858 году (1 Саратовской губ. и 1 по рѣшенію правительствующаго сената, не указавшаго тобольскому приказу губерніи), обѣ «за приговореніе яда на отравленіе помѣщиковъ», и въ 1860 изъ Тамбовской губ. 1 женщина 1858 года за «отравленіе госпожи ядомъ». Изъ разбора преступленія, названнаго «нарушеніемъ предѣловъ повиновенія въ крѣпостномъ состояніи», мы увидимъ, что тамъ, гдѣ это неповиновеніе обнаружилось массами — участіе женщинъ почти равносильно участію мужчинъ. Это обстоятельство замѣтно приближаетъ цифру преступленій этого рода, совершенныхъ женщинами, къ таковой же цифрѣ мужчинъ. Въ тѣхъ мѣстахъ работы нашей, гдѣ того или другого рода преступленія увеличиваются или уменьшаются въ количествѣ, мы будемъ объяснять соотвѣтственно причинамъ, вызывающимъ эти явленія: будутъ ли онѣ экономическія или произойдутъ какъ слѣдствіе измѣненія или отміянія некоторыхъ существующихъ у насъ узаконеній.

у первыхъ случаевъ убійствъ чаще, а по сравненію крестьянъ двухъ видовъ (владѣльческихъ и государственныхъ), за исключеніемъ изъ владѣльческихъ дворовыхъ и заводскихъ, степенъ вѣроятія и убійство усиливается въ крестьянахъ государственныхъ (вмѣстѣ съ удѣльными и однодворцами). Однодворцы по убійствамъ сейчасъ слѣдовали за заводскими, какъ за однодворцами или непосредственно военныя поселяне. Съ самою слабою степенью виновности въ убійствѣ, какъ и во всёхъ родахъ преступленій, является сословіе купеческое. Изъ внутреннихъ губерній Россіи, кромѣ Пермской, наибольшій процентъ убійцъ принадлежалъ (тогда же) губ. Симбирской, затѣмъ Казанской, Харьковской и Курской. Самыя слабыя проценты отличались губ. Курляндская и Астраханская.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что тобольскія табели не представляли собою такого источника, который давалъ бы возможный просторъ для болѣе любопытныхъ и поучительныхъ выводовъ. Временами облегчая работу болѣе или менѣе искуснымъ распредѣленіемъ ссыльныхъ и объясненіемъ родовъ преступленій въ дробныхъ категоріяхъ, въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ со времени своего основанія, приказъ на послѣдующія времена измѣнилъ систему къ худшему. Не владѣвъ задачами, вестниками изъ требованій науки, онъ сумѣлъ усложнить работу до того, что теперь вести ее далеко невозможно. Приказъ сначала выдѣлялъ, потомъ сумѣлъ сбить безразлично крестьянъ всѣхъ родовъ и наименованій, не различивъ тѣхъ существенныхъ и весьма серьезныхъ различій, каковыя лежали между владѣльческими и удѣльными, государственными и заводскими. Не отдѣлялись войсковые обитатели, палатные солдаты, мучившіеся въ военныхъ поселеніяхъ, какъ, въ свою очередь, не остались потомъ эти табели отличать помѣщичьихъ крестьянъ отъ дворовыхъ людей. Мы не говоримъ уже о болѣе дробномъ дѣленіи, имѣющемъ весьма серьезное значеніе при оцѣнкѣ убійствъ и другихъ тяжкихъ и необычайныхъ преступленій. Приказъ не владѣлъ, напримѣръ, средствами отдѣлять изъ общей массы владѣльческихъ крестьянъ тѣхъ, которые принадлежали мелкопомѣщичьимъ, отъ крестьянъ крупныхъ собственниковъ. Не умѣлъ также выдѣлять приказъ крестьянъ, пользовавшихся въ Россіи различными льготами (лоцмановъ, вольныхъ матросовъ, половниковъ, бѣлопашцевъ). Льготы эти, какъ оказало время и опытъ, не улучшили крестьянъ этихъ въ нравственномъ отношеніи настолько, чтобы не подозрѣвать въ нихъ значительной доли участія во многихъ и весьма важныхъ преступленіяхъ *).

*) Сусанвицкіе бѣлопашцы, напримѣръ, поступились въ недавнее время многими изъ своихъ.

Все эти обстоятельства несомненно должны облегчить степень виновности в одном из самых тяжких преступлений крестьян, сидящих на землях без всяких льгот и преимуществ и платящих подати. Даже и теперь крестьяне, по проценту тяжких преступлений, стоят в задних рядах других сословий и званий, или искусственно созданных или неудачно вызванных на русскую почву (солдаты, дворовые, фабричные, бѣглецы, бывшие тюремные сидельцы или освобожденные и поселенцы). На этот раз те же крестьяне, но поставленные в другие бытовые условия, сдѣлались преступае во всех родах преступлений и многія изъ признаваемыхъ тяжкими, цѣликомъ ваали на себя, облегчивъ тѣмъ тяжесть упрека, лежащаго на тѣхъ называемыхъ простыхъ русскихъ людяхъ. Мѣщане и солдаты—эти два чужеземныхъ растения, пересаженныхъ съ нѣмецкой почвы въ томъ видѣ, какъ они росли тамъ,—повинуясь естественнымъ законамъ, на нашей почвѣ, въ полтора года, успѣли прорости глубоко, но, въ то же время, приняли иной видъ и оттѣнокъ. Новая свойства почвы и климата изъ возлюбленнаго всѣмъ нѣмецкимъ народомъ цвѣтка на новомъ и неприготовленномъ мѣстѣ выродили волченцы, у которыхъ внѣшніе признаки однородны, но внутри оказалась гниль и червоточина.

Одно изъ этихъ растений начинаетъ въ наше время принимать иной видъ и оживляться, но за то другое все еще ждетъ, когда и у него начнутъ подрѣзывать сухія вѣтки, срывать дикіе наросты и дадутъ растенію иную поливку, свѣтъ и теплоту. Тутъ и тамъ со временемъ

перетрясутъ и провѣтрятъ землю, комокъ накинѣвшую около самыхъ корней и задержанную, такимъ образомъ, правильный ростъ. Солдаты и мѣщане, отсаженные отъ корня растения и не привитые къ другому живому тѣлу, продолжали существованіе, въ которомъ пригнѣты были и зачатки агоніи, съ одной стороны, и избытокъ заразительнаго яда—съ другой. Мѣщанинъ безъ земли, солдатъ безъ собственности; одинъ, обманувшійся на искусственной почвѣ города, другой—обманутый жизнью въ казармѣ и оба стояли на покатои дорогѣ къ пороку. Причина известна: трудъ есть одно изъ началъ морализаціи, работа и занятія—сильное испытанное противодіе дурнымъ стремленіямъ и привычкамъ. Рѣдко порокъ остается одинъ; онъ соединяется, обыкновенно, съ безнравственностью, за которую неизбежно слѣдуетъ преступленіе. Крестьяне—люди труда земледѣльческаго, промысловаго и торговаго, оттого и преступность ихъ не такая тяжкая, какова она у солдатъ, мѣщанъ и тѣхъ людей, которые, сумѣвъ разъ впасть въ преступленіе, успѣли пожить совмѣстно съ другими преступниками по тюрьмамъ, рабочимъ домамъ и арестантскимъ ротамъ. Учрежденія же эти или существовали на старыхъ, суровыхъ и озлобляющихъ порядкахъ, или—и вновь основанныя—не руководствовались настоящими образцами и челоуѣколюбивыми правилами.

За то, съ другой стороны, владѣльческіе крестьяне отличаются отъ многихъ другихъ сословій наибольшою пропорціею ссыльныхъ за тотъ родъ убійства, который называется самоубійствомъ.

Г Л А В А III. САМОУБІЙЦЫ.

Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири.—Самоубійства въ городахъ и деревняхъ.—Орудія и способы этого преступленія.—Утопленіе.—Петля.—Яды.—Огнестрѣльные орудія.—Неволя.—Рожовыя мѣста.—Сухая бѣда.—Ямки.—Самосожигатели.—Морельщики.—Огромное количество жертвъ.—Причины этого явленія.—Особый видъ сибирскаго раскола.

Отъ судей, какъ и отъ общества, обыкновенно скрыты тѣ тайныя пружины, какія направляютъ челоуѣка на стезю преступныхъ дѣяній. Имъ неизвѣстны тѣ благородныя усилія, какія дѣлаетъ челоуѣкъ передъ преступленіемъ, противъ наплыва черныхъ мыслей и для умягченія раздраженныхъ чувствъ. Они не знаютъ всей внутренней борьбы, которую выдерживаетъ бѣднякъ для того, чтобы сохранить твердость противъ слѣпыхъ внушеній судьбы. высланныя за воровство (конокрадство), корчемство и содержаніе пристаней для бѣглыхъ.

Кромѣ его самого, нѣтъ другихъ свидѣтелей этой скрытой и великой драмы, гдѣ виновный является главнымъ актеромъ. Сила нравственнаго чувства у нѣкоторыхъ субъектовъ направляетъ эту борьбу на тотъ пунктъ, на которомъ они предпочитаютъ скорѣе расквитаться съ жизнью, чѣмъ покинуть стезю долга. Причина этого самоотверженія, какъ послѣдней жертвы, на которую идетъ челоуѣкъ отъ гнета нужды, также скрыта отъ судей и общества; они также не знаютъ, что вѣра въ дѣйствительную силу чести, чувство собственнаго до-

стоинства успокоиваютъ актера незримой драмы и онъ отдается въ руки смерти, не желая, можетъ быть, разстаться съ жизнью, но до-вольный и счастливый тѣмъ, что провелъ ее безъ пятна. Вотъ причина большей части самоубійствъ.

Покушенія на этотъ видъ убійствъ возрастаютъ по мѣрѣ разныхъ случайностей, каковы болѣе или менѣе продолжительные кризисы, которыми подчинена и подвержена всякая промышленность и которые неблагоприятно дѣйствуютъ не только на существованіе самого работника, но и на существованіе его семейства. Въ той же мѣрѣ сильно дѣйствуютъ и гражданскіе безпорядки (къ счастью, очень рѣдкіе), которые сопровождаются тѣмъ же исходомъ, вредящимъ общественному спокойствію мирно налаженной жизни и ослабляющимъ даже источники заработковъ. Остановка, крупныя затрудненія въ работѣ—тѣ бѣдствія, которыя равно тягостны для всѣхъ, но тягочущія преимущественно надъ рабочимъ людомъ. Неурожаи и зараза одинаково страшны, но они, болѣею частью, не такъ опасны для работниковъ, какъ сальные промышленныя и политическія кризисы. Эти-то времена въ ту же силу, по преимуществу, пора самоубійствъ.

Неурожаи и народныя бѣдствія въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія выработали болѣе значительную цифру сосланныхъ въ Сибирь за покушеніе къ самоубійству. На всѣ другіе года она выразилась въ болѣе равной цифрѣ, подчиненной вліанію на самоубійство того тяжелаго ярма безвыходнаго положенія, которое усложнилось отъ гнета рабства. Наиболѣе покушались на самоубійство (предпочтительно передъ всѣми другими сословіями) крестьяне владѣльческіе (въ 12 лѣтъ 63 случая) и въ особенности дворовые люди (въ 9 лѣтъ 11). Слабѣе замѣтна эта наклонность (по процентному отношенію) у государственныхъ крестьянъ (въ 12 лѣтъ 36), въ военномъ сословіи (12), у мѣщанъ (4). Въ сословіяхъ, матеріально обезпеченныхъ въ жизни, имѣющихъ въ рукахъ несравненно большее количество способовъ для противодѣйствія,—покушеній на самоубійство въ тобольскихъ табеляхъ вовсе не замѣтно (у духовенства, купечества, у военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, у неслужащихъ и отставныхъ). Обладали ли они большимъ искусствомъ довести свои намѣренія до конца, которому не удалось выразиться покушеніемъ; избѣжали ли они ссылки при помощи средствъ, имъ болѣе доступныхъ, подвергшись, напримѣръ, церковному покаянію и тюремному заключенію въ предѣлахъ своей родины,—по Сибирь судить о томъ невозможно. Тобольскія табели и тѣ случаи, о какихъ дано имъ вѣденіе, ссылали за-путать такъ, что во весь періодъ лѣтъ веденія табелей также нельзя составить опредѣленнаго

понятія. За ними закрыты тѣ остроумные выходы, къ которымъ пришелъ, напримѣръ, Кетла въ своей книгѣ „Sur l'homme“.

Тобольскія табели, въ отношеніи къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, съ нѣкоторою ясностью указываютъ на большее число покушеній къ самоубійству въ губерніяхъ западнаго края, гдѣ, такимъ образомъ, этотъ видъ убійствъ сталъ на мѣсто тѣхъ преступленій, которыя въ другихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ высказались въ отчаянной формѣ убійствъ помѣщиковъ. Губерніи эти съ большимъ постоянствомъ ежегодно преслѣдовали этотъ видъ преступленій, выражавшихся въ великорусскихъ губерніяхъ порывами въ одинъ годъ. Такъ, въ одинъ 1843 годъ крупнѣе другихъ дали цифры губерніи: Орловская (14 мужчинъ и 2 женщины), Саратовская (9), Санктпетербургская 6—3), Харьковская (4 мужчинъ и 5 женщинъ), Рязанская (6 мужчинъ и 2 женщины), Московская (4—3), Полтавская (6 мужчинъ и 1 женщина), Черниговская (7 мужчинъ), Могилевская (6 мужчинъ). Въ тотъ же годъ по 5 самоубійствъ выпало на губерніи: Виленскую, Витебскую, Подольскую и Минскую *). Порывы женщинъ (особенно въ сословіи дворовыхъ людей) къ прекращенію собственной жизни тѣмъ или другимъ способомъ выражаются въ одинаковой пропорціи по отношенію къ мужчинамъ; вообще же, наклонность къ самоубійствамъ, по отношенію ко всѣмъ родамъ другихъ преступленій, слаба до исключительности. Меньше совершаются уже немногія преступленія. Самоубійству, на большинство случаевъ, предшествуетъ долгое время злоупотребленіе спиртными напитками и покушеніе на себя является послѣдствіемъ страшной тоски, происходящей отъ пьянства. Такъ—въ Россіи.

Полнѣе и разнообразнѣе представляются самоубійства въ большихъ городахъ, преимущественно въ столицахъ. По отношеніямъ къ поламъ, это—по ученію церкви—тройное преступленіе выражается тѣмъ, что трусъ-мужчина и робкая женщина такъ же убиваютъ себя, какъ и человекъ, привыкшій пренебрегать всевозможными опасностями. Какъ для мужчинъ самоубійство является бредомъ самолюбія, заставляющимъ забывать самыя священныя обязанности, даже чувство самосохраненія, такъ и для женщинъ преступленіе этого вида не представляется исклю-

* Все число покушавшихся на самоубійство (за 9 лѣтъ) равняется 347 м. и 134 ж. По годамъ распредѣляясь такъ: въ 1838—6 м., 8 ж.; 1839—6 м., 4 ж.; 1840—9 м., 1 ж.; 1841 году 64 м., 35 ж.; 1842—78 м., 27 ж.; 1843—154 м., 40 ж.; 1844—14 м., 8 ж.; 1845—7 м., 9 ж.; 1846—9 м., 2 ж. Самое меньшее число выпало на губ.: Пермск., Сиб., Тоб., Смолен., Симб. и Казанск. Заводскіе съ фабричными привычательно рѣдко прибѣгаютъ къ этому способу освобожденія себя изъ-подъ гнета тяжелой жизни, но за то финскіе инородцы долгое время практиковали сухую бѣду, вѣшаясь на воротахъ обидчика.

ченіемъ, не смотря на слабость физическаго темперамента, на мягкость характера и на врожденную боязливость. Въ столицахъ покушенія на собственную жизнь кажутся въ размѣрахъ ежегоднаго возрастанія, какъ бы въ подтвержденіе повсюду распространеннаго мнѣнія, что самоубійства всего чаще встрѣчаются въ тѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ наиболее распространено образованіе.

Въ большихъ городахъ самоубійства случаются чаще во время молодости и зрѣлаго возраста (отъ 25 до 40 лѣтъ), когда люди больше всего подвергаются борьбѣ честолюбивыхъ и эротическихъ страстей. Старость менѣе всего подвержена отчаянію, а во время сильнаго наплыва всякихъ страстей, самоубійства являются лишь тогда, когда случается какой либо непредвидѣнный и неожиданный вызовъ. Побудительными вызовами считаются: злоупотребленіе спиртными напитками, породными болѣзнями психодри, обманутая любовь, вызванная вѣжностью которой либо изъ двухъ любящихъ сторонъ. Чрезмѣрная ревность, нераздѣляемая любовь сводить въ преждевременную могилу нерeligioзныхъ людей прежде всѣхъ другихъ; подобная склонность сильнѣе развита у безбрачныхъ, чѣмъ у семейныхъ, какъ болѣе привязанныхъ къ жизни.

Обращаясь къ способамъ, къ которымъ прибегаютъ самоубійцы, нельзя не замѣтить, что наиболѣе употребителенъ и у насъ, въ Россіи, какъ и во всемъ свѣтѣ, способъ самоутопленія. Бросаются въ воду чаще, чѣмъ испытываютъ другіе способы. За водою слѣдуютъ петли, вѣшаются и давятся въ столицахъ и большихъ городахъ съ тою же охотливостью, какъ и въ деревняхъ и селахъ. Затѣмъ рѣжутся острыми орудіями, причѣмъ тѣми, которыми сводручивае: цирюльникомъ бритвою, сапожники ножами; прачки вѣрнѣе поспѣшатъ отравить себя угаромъ, прусскою синькою и проч. Отравленіе ядами охотливѣе и чаще производятъ съ собою женщины, чѣмъ мужчины, и первая въ наши времена изъ ядовъ предпочитаютъ фосфоръ. Женщины же готовы бросаться въ окна. За то военные мужчины вѣрнѣе спѣшатъ достигать цѣли расчета съ жизнью при помощи огнестрѣльныхъ снарядовъ. Этотъ способъ наиболѣе достигаетъ цѣли въ противоположномъ смыслѣ; изъ всѣхъ, прибѣгающихъ къ последнему способу, значительная часть оказалась виновною лишь въ покушеніи. Изъ таковыхъ наибольшая часть и попала въ ссылку. Вообще, должно сказать, что это общественное преступленіе равно присуще людямъ всякаго рода занятій и общественныхъ положеній отъ высшихъ до низшихъ. Русскіе не подтверждаютъ собою того наблюденія, которое сдѣлано въ Европѣ, что зажиточные классы наиболѣе наклонны къ самоубійству. Оно всего вѣрнѣе зависаетъ отъ ослабленія религіозныхъ

вѣрованій или, какъ сказала одна изъ наблюдатель, „когда общественная нравственность и страхъ Божій не обуздываютъ страстей, то въ самоубійствѣ находятъ вѣрное прибѣжище отъ страданій нравственныхъ и физическихъ“.

Сибирь представляется тою страной, гдѣ самоубійства и покушенія на такое преступленіе—теперь явленіе не только перѣдко, но и бросающееся въ глаза. Распространено самоубійство преимущественно между ссыльнымъ людемъ (въ большей степени между поселенцами, чѣмъ между каторжными), какъ будто для пришлаго въ Россію (со скрытыми наклонностями къ тому) не доставало еще одного лишенія, еще лишней тяжести, одной только капли, чтобы сосудъ перелился черезъ край. Человѣкъ въ неволѣ не имѣетъ глубокой вѣры, чувствуетъ тяжесть жизни, неволя отняла надежду и счастье. Съ надеждою утратилась и свѣжесть чувствованій, и сила воли и готовность на борьбу съ препятствіями. Отнявъ счастье, неволя отняла и охоту къ жизни и поставила на ея мѣсто отвращеніе ко всему. Присоединя къ этому какое либо несчастье, даже просто обычный матеріальный недостатокъ, неволя погружаетъ своего пациента въ отчаянную глухоту равнодушія. Въ такомъ состояніи, при томъ же обычномъ недостаткѣ вѣры и религіозной холодности, раскаяніе и жалобы на себя, или страхъ наказанія, или капля водки прямо вызываютъ покушеніе на собственную жизнь. Самоубійство такъ и выражается въ самой простой формѣ. Убійца долго не думаетъ, кончаетъ съ собою тамъ же, гдѣ часть приспѣтъ. Дальше надворныхъ строеній (обыкновенно клѣтѣй и хлѣбовъ) и подволокъ (то есть чердаковъ) самоубійцы рѣдко ходятъ. Способовъ и орудій другихъ, кромѣ веревки съ петлею, они мало знаютъ. Въ 1866 году за Байкаломъ, въ девяти случаяхъ самоубійствъ, только двое зарѣзались, но семь человѣкъ задавились. За Байкаломъ, между Малкинскимъ зав. и Екатерининскимъ рудникомъ, указываютъ на гору Павловку, какъ на роковую. Въ Россіи, даже подъ Петербургомъ, имѣются таковыя же облюбленныя самоубійцами мѣста. Тутъ повѣсился нѣкто Соколовъ, измученный за связь съ любовницею офицера всякими преслѣдованіями со стороны послѣдняго. Въ томъ же году и тутъ же повѣсился писарь Смагинъ, говорятъ, отъ запоевъ. Въ Иркутской губерніи въ 1867 году семнадцать человѣкъ, подвергнувшихъ себя насильственной смерти, были на большую часть поселенцы. На большую часть избрали они мѣстомъ для расчета съ неудавшеюся жизнью хлѣвы и всѣ задавились, надѣвъ на шею петлю изъ собственной опояски и закинувъ шнурокъ за брусъ или строшла хлѣбовъ.

Въ первые времена сибирской исторіи самоубійства составляли какъ бы исключительное свойство молодой страны. Едва ли гдѣ можно

встрѣтить роковую силу наибольшую той, которая вынуждала людей так не дорожить жизнью и съ такою готовностью и легкостью разставаться съ нею. Если этотъ родъ самоубійствъ, выразившійся самосожженіемъ и убіеніемъ себя посредствомъ голода, въ силу мистическихъ увлеченій, перешелъ сюда непосредственно изъ Россіи въ формѣ какъ бы особаго религіознаго толка, то, во всякомъ случаѣ, въ Сибири выразился онъ наибольшимъ фанатизмомъ и погубилъ гораздо большее количество жертвъ. Молодая страна, богатая силами и сильная восприимчивостью, съужила и увлеченія свои показавъ въ болѣе грандіозныхъ формахъ. Все въ ней развивалось быстрее, все принималось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ подъ впечатлѣніемъ экономическаго простора и географической ширя. Съ 1679 по 1823 годъ сожглось въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, по свидѣтельству лѣтописей, народныхъ преданій и официальныхъ документовъ, въ одной Тобольской губ. до двухъ тысячъ человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самоубійцы увлекались ученіемъ, обмывавшимъ для душевнаго спасенія умерщвленіе себя голодомъ и огнемъ. Этотъ фанатизмъ сильнѣе заражалъ филионовъ, ученіе которыхъ велитъ бѣжать изъ своей страны, отъ родныхъ и своего племени, удалиться въ пустыню, въ особенности отъ ревнзій и платежа податей. Секта эта, выродившая въ позднѣйшія времена секту странниковъ или скитальцевъ, грядущаго ванскуущихъ, до того времени возбуждала самоубійства, позволявшія предполагать прежде особую секту самосожигателей. Въ Сибири слѣдованіе этому толку выражалось терминномъ „уходить въ ямки“ и, дѣйствительно, въ нѣрѣдкихъ случаяхъ обнаруживалось тѣмъ, что ревнующіе душевному спасенію и предавшіе себя „тебѣ ради Господи“ выкапывали глубокую яму такъ, чтобы можно было въ ней свободно двигаться, и помѣщались тутъ на постоянную молитву. Къ такимъ являлись фанатики-учителя (приходившіе въ Сибирь большею частью съ уральскихъ заводовъ), нѣрѣдко закладывали яму хворостомъ и подвижники умирали съ голоду. Во многихъ случаяхъ самоубійства выражались самосожженіемъ и вызывали крутыя мѣры правительства, руководившагося желаніемъ истребленія секты и отдавашаго дѣло въ жествія и неумѣлыя руки. Какъ въ Россіи съужили сгорѣть старовѣры въ избахъ и разъ даже сожгли вмѣстѣ съ собою цѣлые монастыри (Шалеостровскій, Олонец. губ., и Зеленецкій, Новгород. губ. Тихв. уѣзда), такъ и въ Сибири сгорали въ одиночку, сгорали семьями, большими толпами, цѣлыми деревнями. Сжигали себя по причинѣ записи въ двойной окладъ. Сожглось много народу тотчасъ, какъ объявленъ былъ указъ исетской провинціальной канцеляріи (въ январѣ 1751 года), предписывавшій ловить волочащихся съ паспортами и

безъ паспортовъ раскольниковъ и доставлять подѣ крѣпкимъ карауломъ въ консисторію. Въ отвѣтъ на записи въ двойной окладъ сожглось 189 человѣкъ, осенью и зимою 1751 г. (въ разныхъ деревняхъ 61 чел., близъ Челдыбинской крѣпости 12; въ деревнѣ Смолиной Вуткинскаго прихода Окуневскаго дистрикта 64, въ Тутомыскомъ приходѣ 25, въ дер. Вуржистровой, прихода Орлова-городнища Ишимскаго округа). На январскій указъ исетской канцеляріи, въ мартѣ 1757 (12, 13 и 14 ч.) сгорѣло немалое число въ дер. Окуневой (Куртоминской слободы) и, въ то же время того же марта и года, сгорѣло 72 чел. въ дер. Коноваловой. Изъ присланныхъ въ консисторію нѣкоторые обратились, другіе бѣжали въ Исетъ и тамъ въ пашенныхъ избушкахъ (на занимахъ) сгорѣли муж. и жен. пола 64 чел. 15, 16, 17 и 22 марта того же года сожгли изъ деревни Гусевой (Тюм. окр.) 39, въ деревнѣ Кулижной (Камнецаго прихода) 6, въ деревнѣ Галеевой (Кармеецаго прихода) 25 (всего 70). Въ апрѣлѣ того же года въ Вуткинской слободѣ собравшіеся въ дома и готовые сгорѣть объявили дозорщикамъ, что если не будетъ притѣсненій, горѣть не стануть и будутъ платить подати бездожнично. Въ апрѣлѣ 1751 г. въ пашенной избушкѣ дер. Березовой (вѣдомства рафайновскаго духовнаго правленія) сгорѣли 38. Въ дер. Дворцахъ (Шатровскаго прихода) собрался горѣть многие, но увѣщатели умѣли уговорить и сгорѣлъ только домъ крестьянина Чикишова съ нимъ, его семействомъ и съ вое кѣмъ изъ постороннихъ; еще сгорѣла крестьянка Епанчицова съ двумя дѣтьми. Изъ деревни Журавлевой и Барсукиной неизвестно куда бѣжали крестьяне съ семьями, всего 29 человѣкъ. Въ Куртаминскомъ приходѣ въ пашенной избушкѣ сжегъ себя крестьянинъ Жерновниковъ съ двумя малолѣтками (жена съ сыномъ успѣли выскочить изъ пламени). Въ февралѣ и мартѣ все того же несчастнаго (1751) года воскресенскій заказчикъ Протасовъ потребовалъ раскольниковъ на увѣщаніе, но окуневская управительская канцелярія отказала, боясь самосожженій. Однако, отъ притѣсненій дѣлача и пономара села Кислянскаго крестьянская жена Кудрявцева (въ апрѣлѣ 1752 г.) утопила въ дер. Курьей 7 человѣкъ своихъ дѣтей и восьмью сама бросилась въ прорубь. Довели сеноду и сенату, но оттуда получили строгіе указы ловить подговорщиковъ и совратителей. Въ 1756 г. въ Чаускомъ приходѣ, въ деревнѣ Мальцевой, сгорѣло 175 человѣкъ. Долго они не рѣшались, выжидали. Явились, прознать про то, увѣщатели; сидѣвшіе въ ямкахъ предложили ультиматумъ: уговорить пона не брать поборовъ, начальство смѣнить, ибо отбывало отъ земли, мучило на работахъ, раззорало; чиновникамъ не вѣрять. Увѣщанія не подѣйствовали—они подожились. Однако, выхватили изъ

огня обгорѣлымъ, выгнали, посадили въ острогъ въ кандалахъ и отдали свѣтской власти. Въ 1759 г. сгорѣло нѣсколько человекъ въ с. Шатровскомъ, на 14 февраля 1761 г. нѣсколько крестьянъ въ дер. Самсоновой (Кузинной) нынѣшней Соломатовской волости. Императрица Екатерина II простила вернувшихся изъ бѣговъ, сняла срамное платье и велѣла указомъ оставить раскольниковъ въ покои и прекратить преслѣдованія въ 1762 году. Острахъ къ самоубійству ослабѣла, но, разъ возбужденная, продолжала обнаруживаться кое-гдѣ. Екатерининскія шфы были помумѣрами, давали много крючковъ приказнымъ. Начались поборы, хотя Екатеринаю и назначены были мѣста поселенія. Въ 1763 на 18 февраля сгорѣли 35 чел. въ избѣ крестьянина Агапитова, въ деревнѣ Кулаковой Линчнскаго (теперь Луговскаго) прихода. Вывали случаи самоубійствъ въ смежныхъ волостяхъ округовъ Ишимск., Курган. и Ялутор. Лѣтъ 80 тому назадъ сгорѣло около 30 чел. въ дер. Шушаринской (Ермолиной) подлѣ Уваровскаго (единовѣрческаго) села. Вывали случаи единичные въ дер. Бабаковой (Утечьей вол. Курган. округа) по убѣжденію крестьянина Мензелина, въ дер. Курганѣ (той же волости) и въ Инглинской вол. въ дер. Лепехиной. Послѣдній случай самоубійства замѣченъ въ Утечьей волости послѣ 1823 года. Крестьянинъ Тихонъ Мятлевъ (поморскаго толка), отравившій многихъ на тотъ свѣтъ огнемъ, наконецъ и самъ рѣшился на самоубійство въ погребѣ своего дома. Сюда завелъ онъ всѣхъ своихъ дѣтей и внуковъ обманомъ и подпустилъ огонь. На дѣтскій крикъ и на дымъ собрались сосѣди и спасли погибавшихъ. Народъ до сихъ поръ зоветъ потомковъ этого семейства Горѣлками; нѣкоторые изъ нихъ приняли (въ 1846 г.) единовѣріе. Надо замѣтить, что поповцы (по сибирскія стариковщина) этихъ самоубійцъ оправдываютъ, но за упокой ихъ не молятся и именъ ихъ не упоминаютъ, не смотря на то, что молятся и упоминаютъ всѣхъ, замученныхъ на пыткахъ или казненныхъ, и вообще всѣхъ, пострадавшихъ отъ суда въ острогахъ и ссылкъ *).

Приходящія съ уральскихъ заводовъ привносили также и другіе способы душевнаго спасенія. По всему Ялуторовскому округу въ 1782 году, по предложенію губернатора Осипова, разыскивали крестьянина Мензелина (по народному Мензелинца), который утопилъ 10 душъ крестьянъ муж. и жен. пола изъ дер. Шадринной (Суерской вол.) въ озерѣ Сазыкутѣ. Но и этотъ родъ смерти былъ не принудительный, а добровольный, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ многихъ. Подговорщиками, кромѣ Мензелинца, явились: Грамотѣвъ, Матвѣевъ, Каминичъ (Фоминцовъ), Зайцевъ, Плюснинъ. Они опускали въ яму ревнителѣй и черезъ 12 дней приходили и вынимали; если находили въ живыхъ, то вывозили на середину озера (Сазыкула, Осетроваго, Сладкаго, Сухменя и друг.) и бросали въ воду. Выпавшіе трупы хоронили подъ лабы. Всѣ совратители не избѣгли наказания, кромѣ Фоминцова, который, будучи пойманъ, распоролъ себя животъ пожегъ и черезъ три дня умеръ (въ 1828 г.). Нѣкоторые уходили изъ ямокъ и умирали въ православіи. Остался нераскаиннымъ одинъ только Грамотѣвъ; вышедъ изъ ямы, онъ принялся съ неистовствомъ умерщвлять товарищей. Пойманный — зарѣзался. Эти случаи 1828 года были послѣдними уходами въ ямки. Съ тѣхъ поръ о подобныхъ способахъ самоубійства и самоубійства не слышно. Въ Тюмени теперь спорятъ и расходятся только въ догматахъ о крещеніи и бракѣ.

Прямымъ противоядіемъ злу самоубійства на каторгахъ и на мѣстахъ поселенія служатъ, какъ извѣстно, побѣги. Въ бѣгахъ ссыльные умѣютъ, съ прѣвѣтнымъ успѣхомъ, изнанивать накопившую на сердцѣ тоску. Бродяжество, такимъ образомъ, является новымъ видомъ болѣзней ссыльныхъ и включается въ число преступленій, наиболее господствующихъ между ними.

Въ эту-то массу искателей приключеній мы и углубимся теперь, придерживаясь сначала дѣсной опушки, каковою на этотъ разъ представляется Россія.

Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обреченная прикрывать грѣхи Россіи, достаточно приглядывшаяся къ нимъ и проверяющая себя съ похвальной точностью и откровенностью, обладаетъ въ настоящее время возможностью опредѣлить господствующія болѣзни, указать болѣзныя мѣста и нѣкоторые другіе признаки, характеризующіе страданія организма своей мѣрой. Въ 1724 за Пышмою 146 душъ; въ 1743 и 1745 неизвѣстное число изъ записанныхъ въ росписяхъ священниковъ православныхъ; на 1 авг. 1750 близъ Тюмени 14 чел. въ дер. Зайцовой; въ Песчаномъ ямочкѣ, въ дер. Шушаринной, въ селѣ Уваровскомъ (гдѣ и мѣсто показываютъ), въ дер. Ерѣность, Межеуной, Потаниной, Тетерей, Вольшомъ - Песьяномъ, дер. Утечьей, Вѣлазовкѣ, Орловой и друг.

* До вызововъ самоубійствъ указами, самоубійство по фанатическому увлеченію религиозными принципами произошло впервые, по свидѣтельству тобольскаго дѣтонисца, въ 1679 году: «270 душъ изъ разныхъ мѣстъ Сибири собрались на Березовкѣ при Тоболѣ и сожглись». Въ 1682 г. сгорѣло съ женами и дѣтьми 150 чел. на р. Пышневкѣ Куларовской слободы дер. Боровицкой; въ томъ же году въ дер. на Юрмычѣ 50 чел. (также съ женами и дѣтьми). По Дмитрію Ростовскому въ это же время сжигались въ Енисейскѣ и Томскѣ. Въ 1722 г. близъ слободы Коркиной (на Ишимѣ) — неизвѣстное число въ устьяхъ Смирнова; также близъ Абатска въ дер.

трополиа. Само собою разумѣется, что средствъ врачеванія она сама, зараженная приноснымъ ядомъ и страдающая отъ собственныхъ эпидемій, представить не можетъ. За то, съ другой стороны, съ тою точностью, каковой, къ несчастью, не можетъ похвалиться Россія, Сибирь указываетъ на постоянные и временные недуги, подтверждаетъ цифрами количество заболѣвшихъ, объясняетъ полъ и возрастъ, сословіе и мѣсто жительства ихъ по крайней мѣрѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее увѣряютъ. Не можетъ Сибирь поручиться за то, что заболѣвшіе всѣ присланы въ ея госпитали; это уже не ея отвѣтъ, но, съ нѣкоторою увѣренностью въ собственный авторитетъ, заслуживающій уваженія при ея долговременной практикѣ, Сибирь свидѣтельствуетъ о томъ, что опредѣленіе многихъ болѣзней произведено неправильно, что въ другихъ присутствіе заразительнаго и опаснаго яда слишкомъ ничтожно, въ третьихъ послѣдній не выразился вовсе и здоровый ошибочно признанъ за больного, и проч.

Прислушавшись къ общимъ сибирскимъ наблюденіямъ и приглядѣвшись къ частнымъ ея выводамъ, требовавшимъ повѣрки, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Самая обыкновенная болѣзнь, господствующая въ Россіи и поставяющая наибольшее число

страдающихъ въ сибирскіе госпитали, носитъ названіе бродячества. По этому виду цифра самая крупная. Ей уступаетъ даже такая значительная цифра, которая принадлежитъ присланнымъ за воровство (третье мѣсто, по цифровой величинѣ, занято сосланными за убійство). Величина этихъ трехъ цифръ, ежегодно выражающихся крупными сотнями (по первому виду) и большими десятками (по двумъ другимъ), настолько поразительна и настойчива, что у Сибири есть достаточно оснований умозаключать, что метрополиа ея, судя по количеству бродягъ, далеко еще не представляетъ собою такого государства, въ которомъ исчезли неблагоприятныя причины, заставляющія населеніе руководиться старыми историческими приемами „брести врозь“. Съ одной стороны—въ Россіи замѣчаются тѣ же наклонности къ переѣвѣ старыя пожеланія на новыя, какія проявляются сильнѣе всего въ германскихъ гнѣздахъ, а съ другой—примѣтны очевидные признаки сходства со вновь организующеюся стравою по ту сторону Атлантическаго океана.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Видимое сходство и непримѣтная различія объясняются для насъ изъ разбора различныхъ формъ бродячества въ отдѣльномъ видѣ и изъ сопоставленія ихъ въ зависимость одного отъ другого.

ГЛАВА IV.

БРОДЯГИ И БѢГЛЫЕ.

Страна изгнанія.—Бродяжество въ современномъ видѣ.—Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти.—Гулящіе люди. Побѣги солдатъ отъ военной службы (дезертеры).—Покіянувшіе отечество (эмигранты).—Престанодержательство.—Притонщики.—Хлѣбосоольство.—Сибирскіе занки.—Варнаки и чаддоны.—Опасности отъ бродягъ и бѣглыхъ.—Причины народныхъ бѣдствій.—Псевдонимы каторжнхъ (принатіе чужой фамиліи).—Городскіе бродяги.—Бродяжество, какъ самобытное явленіе русской народной жизни.—Историческій очеркъ русскаго бродячества.—Колонизація Россіи.—Многочисленные остатки древняго народнаго скитанія: безпаспортныя, богомольцы, нящіе, заирочки, кубраки и лабори, бѣгуны, офеня-ходещици и проч.

Огромныя толпы людей этого своеобразнаго званія и исключительныхъ свойствъ ежегодно съ неизмѣннымъ постоянствомъ очищаютъ Россію и расходятся по Сибири. Здѣсь составляютъ они болѣе $\frac{2}{3}$ частей всего количества ссыльныхъ преступниковъ, свидѣтельствуя о постоянномъ, твердомъ и настойчивомъ желаніи Россіи избавиться отъ этихъ людей, повидимому, признаваемыхъ самими опасными. Въ то же время появленіе бродягъ на той сторонѣ Уральскаго хребта служитъ доказательствомъ, что бродяжество по сю сторону хребта, въ Россіи, одно изъ тѣхъ явленій, противоѣдѣствіе которому ведется съ неизмѣннымъ постоянствомъ, но и съ таковою же неудачею; каждый годъ приходятъ новыя толпы, столько же густыя и

почти равныя одна другой своимъ количествомъ. Сибирь выигрываетъ въ населеніи своемъ, Россія не выгадываетъ на своемъ, черезъ ежегодную высылку этихъ людей, называемыхъ ею бродягами и признаваемыхъ преступными. Освободившись отъ полторы тысячи этого народа на прошлый годъ, Россія имѣетъ надобность и возможность выкидывать въ будущіе годы еще по двѣ новыя тысячи. Воровьѣ, давно начатой и практикуемой при посредствѣ старыхъ орудій, и конца не видать. Сибирь, принимая и усчитывая военно-лигѣнныхъ, глубоко убѣждается въ томъ ежедневными осязательными фактами и имѣетъ основательныя данныя заключать, что старыя формы быта въ Россіи и живущи и дѣятельны. Сама Сибирь, оглядываясь на прои-

лое и проверяя свое настоящее, имѣть полнѣйшее право думать, что въ этомъ отношеніи у нее съ метрополіею одні и тѣ же основы и поразительное сходство.

Правильной и опредѣленной характеристики бродяжества мертвая цифра дать намъ не можетъ. Отсутствие у насъ уголовныхъ хроникъ и въ литературѣ характеристикъ преступленій оставляетъ бродяжество подъ непроглядною завѣсою тайны, какою вообще любилъ прикрываться всѣ канцеляріи и судебныя мѣста. Гадательныя представленія уводить въ область предположеній, порождаютъ теорію вѣроятностей, а подобная теорія не можетъ служить руководствомъ въ области статистики. Вотъ почему мы съ большою подробностью останавливаемся на общихъ положеніяхъ и развиваемъ только ихъ одинъ. Къ этимъ же общимъ выводамъ мы станемъ прибѣгать и въ дальнѣйшемъ теченіи нашего разсказа, будемъ слѣдовать указаніямъ и сказаніямъ цифръ, одушевляя ихъ, по мѣрѣ нашихъ силъ и средствъ, наглядными наблюденіями надъ бытомъ простаго народа, преимущественно идущаго въ ссылку.

Цифра бродягъ представляетъ естественное и простое явленіе — ежегодное колебаніе, повременное уменьшеніе и возрастаніе ея, какъ будто чья-то невидимая, но сильная рука, скрытая за мертвою и пестрою декорациею цифръ, какъ фокусникъ, разставляетъ ихъ именно въ такія, а не другія размѣрахъ. На этотъ разъ фокусникъ спрятавъ не одинъ и фокусы показываются, въ одно время, и по хорошо выработанной программѣ и по капризу, основанному на произволѣ. Переставляютъ цифры временныя, народныя движенія, временныя правительственныя распоряженія. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ и другихъ.

Въ 1826 году въ предѣлахъ Уральскаго войска появились во множествѣ помѣщичьи крестьяне по ложнымъ разглашеніямъ о новомъ поселеніи и вольности. Губернское начальство, руководясь указомъ 23-го февраля 1824 г., распорядилось всѣхъ таковыхъ крестьянъ, какъ бродягъ, отправить въ Сибирь на поселеніе, но сенатъ рѣшилъ возвращать ихъ на прежнія мѣста жительства, „признавая за бродягъ только тѣхъ безпаспортныхъ людей, кои отъ лѣности и по распутному поведенію, избѣгая повиновенія поставленнымъ властямъ и уклоняясь отъ исполненія повинностей, удаляются отъ жительства своихъ для праздношатательства и, не желая имѣть постоянного мѣстопребыванія, вдаются въ разныя распутства, нерѣдко вовлекающія ихъ въ весьма важныя преступленія“. И вотъ, увеличилась, сверхъ обычной, годичная цифра сосланныхъ за бродяжество. Увеличилась она также въ 1831 году во время кровавыхъ возстаній въ Старой-Руссѣ. Увеличилась во время картофельныхъ бунтовъ въ Вятской и Казан-

ской губерніяхъ и въ 1846 году на то время, когда остзейскіе нѣмцы въ прибалтійскихъ губерніяхъ начали принищать европейскую систему частной собственности въ раздѣленіи земель на участки и возмутили все населеніе тѣхъ краевъ. Въ 1847 году Витебская губернія платилась сосланными за бродяжество изъ числа тѣхъ, которые двинулись толпами къ Петербургу и сѣансваны были уже подъ Порховымъ, и проч.

Вотъ причины, которыя уменьшали цифру бродягъ, шедшихъ въ Сибирь. Сенатскій указъ 4-го августа 1827 г. запретилъ отправлять въ Сибирь за бродяжество престарѣлыхъ, глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ, признанныхъ сибирскими властями совершенно бесполезными для тамошняго края. Въ слѣдующемъ году рѣшено бродягъ, неспособныхъ по лѣтамъ, слабому сложенію или увѣчью въ исправительные рабочіе дома, равно всѣхъ женщинъ, занятыхъ за бродяжество,сылать въ Сибирь. Бродягъ южныхъ степныхъ губерній (новороссійскихъ и малорусскихъ, изъ войска Донскаго и губ. Ворон., Тамб., Саратов. и Астрах.) нѣкоторое время ссылали на Кавказъ; мусульманъ за безпрестанные побѣги изъ Сибири даже изъ тяжкихъ преступниковъ—въ финляндскія крѣпости. Неспособныхъ къ слѣдованію бродягъ предписано обрабатывать въ вѣденіе приказовъ общественного призрѣнія, но престарѣлыхъ ссылали, „не взирая на ихъ лѣта, если не будутъ они драхмы“. Видно увеличеніе цифры на то время, когда бродяги, сбиваясь въ шайки, производятъ и въ народѣ какія либо бѣдствія (такъ, напримѣръ, пожары отъ поджоговъ, періодически повторяющіеся и часто повторявшіеся въ 1846 годахъ). Уличенные въ преступленія, при разслѣдованіи причинъ этихъ бѣдствій, бродяги уходили массами въ Сибирь на слѣдующіе годы и затѣмъ, ослабѣвшіе числомъ внутри государства, ослабили цифры ссыльныхъ въ Сибирь на послѣдующіе годы. Періодическое скопленіе бродяжничьихъ массъ въ ссылкѣ естественно слѣдовало за скопленіемъ ихъ внутри Имперіи въ шайкахъ; уменьшеніе—отъ перемѣны ссылки на Кавказъ для бродягъ изъ степныхъ губерній и отъ поглощенія многихъ другихъ губернскими арестантскими ротами гражданскаго вѣдомства, и проч.

Большими постоянствомъ, при ничтожныхъ колебаніяхъ, отличается цифра бродягъ-дезертировъ, бѣгавшихъ отъ тяжести военной службы и всѣхъ крупныхъ, иногда подневольныхъ и не въ пору вынуждаемыхъ обязательствъ этого рода государственной повинности. Въ Сибирь прошли самые упорные и несправимые, поплатившіеся еще, сверхъ того, за такія преступленія, которыя являлись прямымъ послѣдствіемъ голода и несчастій, сопряженныхъ съ бродяжествомъ. Солдаты-дезертиры, по сибирскимъ пригнѣтамъ, успѣваютъ запутываться чаще другихъ въ

самых тяжких преступлений, каковы убийства, грабежи и разбои *), хотя Суворовъ и говаривалъ про нихъ такъ: „Овечка отстала отъ стада; ну, пусть ее погуляетъ! рано ли, поздно ли—придетъ“. Овечка гулять не умѣетъ, гуляла вольнымъ обычаемъ и назадъ доброю волею не приходила. Въ дезертирахъ Россіи находила и враговъ отечества **), становившихся въ

*) Въ раду другихъ арестантскихъ преступленій (изъ остаткаго числа 254 согласныхъ) на первомъ мѣстѣ стоятъ убійства (99), на второмъ—тоже видъ преступленій, который названъ „тѣлесныя поврежденія съ наитрениемъ къ убійству“ (41), затѣмъ воровство (30), побѣгъ изъ-подъ стражи и вломъ тюремъ (29), возмущеніе противъ властей (20) и, наконецъ, грабежъ (10 случаевъ).

**) „Оставленіе отечества“ хотя и представляется въ тобольскихъ табеляхъ отдѣльнымъ рубрикою, но рубрика эта замѣщена цифрами очень слабо; не такъ покидаютъ родину, чтобы оставить за собою возможность возврата и право смѣны. Не Сибиря ссылаютъ этихъ людей, и если она проставляетъ цифру, то цифры эти представляютъ полковокъ, а преступниками, оставившими отечество, табели считаютъ польскихъ эмиссаровъ, появлявшихся изъ-за границы время отъ времени. Перепадалъ кое какой и кое когда сбѣжавшій за границу раскольникъ и прѣхавшій въ Россію или со сборною памятью или на соборныя дѣланія. Временами выдавали бѣглецовъ сосѣднія правительства, рѣшавшіяся быть исполнителями въ отношеніи трактатовъ. Вообще же, эмиграція для русскаго человѣка стѣснявшаяся въѣздомъ за предѣлы родины и покупавшаго паспортъ высокими цѣнами, прежде была затруднена; для среднихъ и низшихъ сословій она представлялась немисланнымъ и невозможнымъ явленіемъ, но не въ силу отвлеченнаго чувства патриотизма. Въ 20 лѣтъ съ 1827 по 1847 г. сослано въ Сибирь за побѣги за границу 174 мужч. и 10 женщ., преимущественно изъ губ. пограничныхъ: Бессар. обл. 29, Волынской 29 мужч. и 4 женщ.; Оренб. 15 мужч. и 1 женщ., Подол. 14 м., Вилен. 17 мужч. и 3 женщ. и проч. Эти убѣжали недалеко, если уже попались въ Сибирь, но нижегородецъ Иванъ Степановъ Сюзомовъ (дѣловальникъ), промотавшійся въ Астрахани, бѣжалъ въ Азовъ, въ Константинополь, отсюда моремъ во Францію и Голландію, гдѣ обманомъ взялъ его въ матросы на корабль сеть-индской компаніи; 7 лѣтъ бродилъ онъ въ морѣ, былъ въ Индіи, Японіи и, наконецъ, остался на мнѣхъ Добрая Надежда. Здѣсь выучился онъ кузнечному мастерству, нажилъ деньги и поселился въ готтентоской Голландіи, гдѣ женился, имѣлъ трехъ дѣтей и извѣстенъ былъ подъ названіемъ „сантъ-русскъ“ (настоящій русскій). Не былъ бы онъ извѣстенъ своимъ соотечественникамъ и считался бы безвѣстно погибшимъ, если бы не встрѣтилъ его знаменитый мореплаватель В. П. Головнинъ, проходившій въ тѣхъ мѣстахъ на шлюпѣ „Диана“. Архангельскіе промышленники провадомъ въ Норвегію ссыпавъ чистую русскую рѣчь въ привѣтствіяхъ и ругательствахъ отъ промышленниковъ на норвежскіе острова около Гаммерфеста, Ваде и Вардугуа; это—пропавшіе безъ вѣсти промышленники. На персидскихъ берегахъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю, въ городахъ и селеніяхъ на островахъ Мешелесера, Энзели и особенно въ деревняхъ около устьевъ

чужіе вражескіе полки (преимущественно у азіатскихъ деспотовъ, вродѣ бухарскаго, эмира ташкентскаго хана, персидскаго шаха) и прусскіе и австрійскіе негодянты находили въ нихъ людей, готовыхъ наносить ущербы казнѣ перевозомъ контрабанды черезъ западную границу. Въ мѣстечкѣ Котычевѣ, неподалеку отъ Тильзита, у шуглера Тирбаха, постоянно находилась цѣлая шайка нашихъ дезертировъ, которые вообще покровительствовали самогитскіе помыслики. Подъ видомъ и званіемъ арестантскихъ работъ, исключая изъ военныхъ арестантскихъ работъ, они поступаютъ въ такомъ количествѣ, которое примѣтно ослабляетъ цифру всѣхъ другого рода преступниковъ. Они, на примѣръ (взбѣгъ съ товарищами, исключенными изъ тѣхъ же ротъ гражданскаго вѣдомства), успѣваютъ убѣгать изъ Сибири почти всѣмъ наличнымъ количествомъ своимъ (изъ 3.761 мужчины и 15 женщинъ въ девять лѣтъ сослано было обратно за побѣги изъ Сибири 3.509 мужчинъ и 13 женщинъ). По отношенію къ ежегодному колебанію цифры дезертировъ, и именно на повременное ослабленіе ея, и здѣсь во многомъ дѣйствуютъ временныя вѣтры, ослабляющія, съ одной стороны, строгость взысканій по службѣ, и съ другой—

богатымъ рыбою персидской рѣки Сифудъ-Руды, значительными группами живутъ русскіе промышленники изъ черноземныхъ губерній, зѣтъ по 15—20 не освѣжавшіе своихъ паспортовъ и не бывшие на родинахъ. Въ Тегеранѣ, въ войскахъ шаха, и во многихъ пограничныхъ городахъ въ военной службѣ и въ офицерскихъ чинахъ живутъ и служатъ русскіе эмигранты—бѣглецы солдаты кавказской арміи (изъ числа которыхъ значительная часть, болѣе тысячи человѣкъ, недавно возвращена въ Тифлисъ). Въ Турціи—цѣлыя деревушки русскихъ раскольниковъ, эмигрировавшихъ во время преслѣдованій и гоненій за вѣру, и притомъ одно селеніе расколожилось въ Азіатской Турціи. Не говоря о раскольникахъ, забившихъ родину и поселившихся въ Австріи и Пруссіи; нѣкогда нужда эмиграціи для людей, придерживавшихся стараго креста и вѣры, была явленіемъ законнымъ и необходимымъ. Народъ бѣжалъ во всѣ стороны безъ разбору и, во времена самостоятельности Польши, поселялся за литовскимъ рубежемъ огромными деревнями и селами, вродѣ Вѣтки. Новозыбкова, Мглина и проч.; при этомъ мало въ Литвѣ и Вѣлоруссіи городовъ, гдѣ бы не было подгородныхъ раскольниковыхъ слободокъ; не исключаемъ изъ этого числа и большихъ городовъ остзейскихъ: Риги, Дерпта, Митавы и Ревеля. Эмиграція дворовыхъ людей не авала также предѣловъ и русскіхъ людей изъ этого класса встрѣчаютъ современные путешественники наши и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ и въ Неаполѣ,—нѣкоторыхъ даже хозяевами торговыхъ заведеній, содержателями гостинницъ и ресторановъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе эмиграціи становится свѣздые и острѣе и готовилась перейти какъ бы въ форму хроническую. По Сибири ходятъ въ народѣ довольно опредѣлившіеся слухи, что бѣглецы съ мѣста заключенія эмигрировали за китайскіе

уменьшающія сроки этой службы, облегченной въ то же время частыми и болѣе или менѣе продолжительными отпусками. Сибирь, конечно, не можетъ быть судеею въ томъ, насколько силенъ и характеренъ этотъ родъ преступленій въ Россіи, потому что дезертиры умѣютъ прибѣгать къ другимъ средствамъ побѣговъ. Матросы покидаютъ службу тамъ, гдѣ приводится случай и много соблазновъ, предлагаемыхъ вербовщиками во время кругосвѣтныхъ плаваній. Америка и, въ особенности, порты Калифорніи (каковъ, между прочимъ, С.-Франциско) увеличиваютъ цифру дезертировъ. Солдаты убѣгаютъ и за австрійскую и за турецкую границу, а въ войскахъ персидскаго шаха они составляли цѣлые отряды и занимали высшія и низшія офицерскія должности и проч. Сибирь несомнѣнно убѣждена лишь въ томъ, что причины, вынуждающія дезертирство, въ Россіи достаточно дѣятельны: она, между прочимъ, знакомится съ тѣмъ видомъ преступниковъ, которые высылаются изъ Россіи за членовредительство (за поврежденіе членовъ) для набѣжанія военной службы. Преступленіе это, характеризующее стремленіе народа избавиться отъ тяжести службы, въ случаѣ неудачи или недостатка самостоятельности въ желающихъ избавленія, переходитъ въ тотъ видъ преступленія, которое назъ остановило. Притомъ, число ищущихъ средствъ спасенія въ побѣгѣ принятно превосходить число причиняющихъ себѣ для той же цѣли уродства всякаго вида *).

Какъ рядомъ съ дезертирствомъ, такъ и непосредственно въ тѣсной связи вообще съ бродяжествомъ, является новый видъ народнаго преступленія, обрекающаго народъ въ ссылку. Преступленіе это является пособникомъ двухъ первыхъ и покровителемъ обоихъ: оно, съ одной стороны, выводитъ изъ народнаго обычая гостеприимства, хлѣбосоольства и радушія, не спрашивающихъ отъосающихся къ нимъ съ просьбою о пріютѣ, кто они и откуда, а приглаша- границы и поселились тамъ деревняки. Нѣсколько глуше слухи и менѣе вѣроятны рассказы о бѣглецахъ въ Ташкентѣ, Самаркандѣ, Бухару и Хиву и не имѣютъ никакого вѣроятія и ничѣмъ не доказанъ рассказъ объ эмигрантахъ-раскольниковцахъ, убѣжавшихъ въ Лионю, какъ увѣряетъ о томъ распространенное между старовѣрами сказаніе объ Оловескомъ царствѣ. Много русскихъ поселилось навсегда въ Америкѣ и особенно счастливѣе таковымъ изъ матросовъ съ военныхъ судовъ въ Калифорніи; въ Санъ-Франциско существуетъ даже цѣлая система соблазновъ и цѣлая кошианія соблазнительей для золотыхъ промысловъ.

*) За поврежденіе членовъ 442 человекъ, за дезертирство 751 въ девять лѣтъ, съ тѣмъ свидѣніемъ, что разъ уличена женщина, способствовавшая «къ набѣжанію военной службы другому». Замѣчательно то, что во всѣ девять лѣтъ за обычное явленіе подлога въ отправленіи рекрутской повинности сослано только двое и оба въ одинъ годъ..

ющихъ садятся и ѣсть. Съ другой стороны, это преступленіе опирается на ту же преступную корысть, ужасную превращающую дѣло гостеприимства въ промисель, специально и завѣдомо направленный на пользу тѣхъ, которыхъ ищеть и преслѣдуетъ законъ. Русское слово на нѣмецкій ладъ, „пристанодержательство“ или „передержательство бѣглыхъ съ укрывательствомъ оныхъ“, выражаетъ этотъ родъ народныхъ преступленій и прикрываетъ въ числѣ ссыльныхъ и тѣхъ, которые дѣйствовали намѣренно или по принужденію, и тѣхъ, которые совершили по негнѣденію закона, по безграмотству, мѣшающему разуть хотя бы единую букву, и по необразованности, которая понятіе о законѣ переноситъ и на палача („законъ бьетъ“—палачъ съчетъ) и спутываетъ его съ законникомъ—крючкотворцемъ и вятчинникомъ („законъ—что дышло: куда хочешь, туда и воротись“).

Въ сибирской цифрѣ нѣтъ возможности отдѣлить различные виды становщичковъ, державшихъ притоны, отъ тѣхъ, которые дали пріютъ и сдѣлались поновщиками, но несомнѣнно, что пришли сюда и тѣ, которые подслужились самымъ сердечнымъ и невиннымъ гостеприимствомъ, укрывшимъ подъ своимъ теплымъ кровомъ того, кого законъ признаетъ за бродягу, и усадившимъ къ готовому хлѣбу-солн, за столъ и въ красной уголъ тѣхъ, кого ищутъ, какъ преступниковъ - дезертировъ *). Пришли и тѣ, которые подслужились кабакомъ съ подпольями для воровъ и грабителей, тепломъ избою для преслѣдуемыхъ за разбой и побѣги отъ службы, но и въ послѣднемъ случаѣ тѣ же сердечныя побужденія имѣютъ немалое значеніе. Такъ, напримѣръ, въ укрывательствѣ военныхъ дезертировъ играютъ роль, равносильную мужчинамъ, женщины (жены, родственницы и любовницы) въ пропорціи 8 женщинъ и 10 мужчинъ. Трудно это послѣднее выдѣленіе и потому, что намѣренно держащіе станы или притоны обла- даютъ болѣею степенью осторожности и мастерства, чѣмъ тѣ, для которыхъ укрываніе преслѣдуемаго влудитъ въ христіанскія обязательства и весьма часто вынуждается экономическими причинами, превратившимися въ обычай и особый своего рода законъ. Изъ распределенія цифръ сосланныхъ за притоны по губерніямъ, мы видимъ, что крупнѣе становится оя тамъ, гдѣ бродяжество — явленіе обычное, а нужда въ пришлыхъ людяхъ, въ качествѣ работниковъ на земляхъ хлѣбородныхъ и богатыхъ, является во всей безвыходности. Всего чаще, такимъ образомъ, укрываютъ бѣглыхъ въ губерніяхъ предкавказской (Ставропольской), въ закавказскихъ, гдѣ поселились русскіе сектанты, въ Елатеріинославской и Таврической; укрываютъ мѣщане чаще крестьяны,

*) Въ 9 лѣтъ за укрывательство бѣглыхъ сослано 247 муж., 161 жен.

а мѣшанки немногимъ меньше солдатскъ *). Въ Сибири подобныя дѣянія до такой степени ярки и знаменательны, что укрывательство бѣглыхъ представляетъ одну изъ коренныхъ основъ, на которыхъ видится сибирское хозяйство, въ особенности, въ тѣхъ отдѣльныхъ формахъ его, которыя выражаются въ тамошнихъ фермахъ, называемыхъ займками. Здѣсь бѣглымъ съ каторги является рабочимъ, выгоднымъ по необыкновенной дешевизнѣ и по тѣмъ требованіямъ, которыя ограничиваются работою изъ-за одного хлѣба и угрѣвы и не простираются дальше скромнаго желанія не выдавать въ руки властей, чтобы не возвращаться снова на каторжныя бесплатныя и подневольныя работы. При помощи этихъ людей удавалось въ Сибири не только расширять одиночныя хозяйства, расположенныя большею частью въ отдаленныхъ и уединенныхъ лѣсныхъ мѣстахъ, но и собирать цѣлыя селенія и деревушки (какъ сплошь и рядомъ случалось это въсюду, а особенно ярко въ Алтайскомъ краѣ). Подобныя явленія настолько въ Сибири за обычай, что начальники нѣкоторыхъ заводовъ при казенномъ заказѣ, не исполнимомъ наличнымъ числомъ каторжныхъ, прибѣгаютъ къ осмотру займокъ вооруженною командою, какъ къ такой мѣрѣ, которая всегда вѣнчается полнымъ и желаемымъ успѣхомъ. Въ Сибири содержаніе притоновъ является неизбежнымъ и непобѣдимымъ зломъ во всѣхъ околныхъ селеніяхъ, ближайшихъ къ казеннымъ заводамъ, промысламъ и рудникамъ. Хотя по временамъ и возбуждается бдительность надзора и возрождается энергія преслѣдованій, но опытъ указываетъ, въ равной мѣрѣ, и на государственныхъ крестьянъ - старообрядцевъ и на такъ называемыхъ семейскихъ (старообрядцевъ), какъ на содержателей притоновъ и укрывателей бѣглыхъ.

Бѣглецы представляютъ особый, только Россіи свойственный, видъ бродягъ и въ Сибири, подъ именемъ „варяковъ“ и „чадоновъ“, являются многочисленнымъ и какъ бы особымъ сословіемъ людей. Бродяги эти соответствуютъ вполне тѣмъ требованіямъ, которыя понятны въ этомъ опасномъ сортѣ людей для Европы. Эти люди неопасны въ одинаковой степени съ голодными прозябаніями европейскихъ городовъ потому только, что руки ихъ всегда свободны и способны находить трудъ и видъ законнаго покровительства и защиты и еще не нуждаются въ Шульце-Деличгахъ. Другія теоріи они вызываютъ и другія начала къ нимъ приложимы. Грозная опасность, представляемая имъ поразительнымъ многолюдствомъ, ослаблена значительно

*) Между крестьянами наибольшіе покровители бѣглыхъ встрѣчаются между заводскими, но столь распространенное обвиненіе въ этомъ грѣхѣ старообрядцевъ цифрами не подтверждается и виновность старообрядцевъ не выдается впередъ другихъ сословій и вѣроисповѣданій.

на самомъ дѣлѣ, на практикѣ, въ бытовой средѣ ихъ. Они увеличиваютъ количество преступленій, но еще не висятъ домокловымъ мечемъ надъ лѣнливыми и недогадливыми. Хлѣбосолюство сибиряковъ и готовность ихъ давать работу бѣглымъ значительно сдерживаетъ враждебныя силы этихъ испорченныхъ и одоленныхъ людей и Сибирь, дѣлаясь виновною въ престоупительствѣ, во всякомъ случаѣ служитъ не малую службу Россіи.

Вотъ что говорятъ факты: въ десять лѣтъ (къ 1852 году) въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ считали бѣжавшими 771 мужчину, 5 женщинъ, а пойманными только 19; исключено за десятилѣтнюю давностью 31. Изъ Александровскаго завода (винокуреннаго) въ 14 лѣтъ сорвалось въ лѣса и на волю (съ 1-го янв. 1846 по 1 нояб. 1859) 1013 муж. и 19 женщ., а схвачено 277 муж., 4 женщ. Всѣ остальные успѣли устроить себя по своимъ соображеніямъ и нѣча полной своей волѣ по той же Сибири. Бѣгали они и въ Россію, попадались тамъ и подъ прозвищемъ „оборотней“ возвращались въ Сибирь, но съ такимъ же подозрительнымъ успѣхомъ. Въ семь лѣтъ (съ 1854 по 1860) возвращено изъ Россіи въ Сибирь обратно всего 354 человекъ обоего пола; между тѣмъ, какъ только съ четырехъ заводовъ (не считая рудниковъ и многихъ другихъ заводовъ), только въ теченіи пяти лѣтъ бѣжало всего 2704 чел. *). При этомъ на одномъ Успенскомъ винокурениомъ, ближайшемъ къ Россіи, людской утечки насчитывается среднимъ числомъ въ годъ 94 (или въ семь лѣтъ на 354 возвращенныхъ — 358 бѣжавшихъ).

Тяжести казенныхъ работъ, при неправильномъ распредѣленіи труда и занятій, стремящемся къ тому, чтобы устроить по возможности тѣ работы, которыя усвоено названіе каторжныхъ, служатъ основнымъ причиною побѣговъ. Онѣ заключаются, главнымъ образомъ, въ дурномъ содержаніи въ сырыхъ, грязныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, превосходящихъ всякую мѣру вѣроятія. За тяжелыя работы днемъ они ложатся усталыми на жесткія вѣры; голодными получаютъ несчастный приварокъ и въ достаточномъ количествѣ только кругую и сухую пищу, поражаютъ арестантскую болѣзнь „иванъ-таскушъ“ (колотье). Поставленный въ исключительное положеніе каторжнаго, лишеннаго всякихъ средствъ приобретать какую либо собственность, осмысленный не имѣетъ ее даже и въ томъ призрачномъ видѣ, какой могъ бы явиться въ платѣ за трудъ и работу, не полагающихъ мѣры и не при-

*) Изъ Иркутскаго солевар. завода 1344, г.з. Троицкаго винокуреннаго завода 801, изъ (селенгискаго солевар. 203, изъ Николаев. винокур. 356 ч. (съ 1836 по 1841 г.). Между тѣмъ, съ одного Александровскаго винокуреннаго въ такой же періодъ семи лѣтъ (съ 1835 по 1841) бѣжало 1837 чел. об. пола.

знающих праздничных дней. Его собственность—только та рвань, которая унижает его человеческое достоинство и которую, к тому же, онъ получилъ въ счетъ ничтожной годовой платы своей, носящей громкое имя жалованья. На заводскихъ, а въ особенности на промышленныхъ работахъ одежныя вещи, подвергаясь великимъ испытаніямъ, сроковъ не выдерживаютъ и смотрители принуждены давать новую одежду, а во избѣжаніе личной ответственности за казенное имущество, обязаны вычитать на этотъ разъ у каторжнаго не половину, а все жалованье и съ кормовыми. Оттого за казеннымъ долгомъ слышимый всегда въ неоплатныхъ долгахъ и той крайней нищетѣ, изъ которой единственный выходъ— побѣгъ. Желаніе отдыха и стремленіе на волю, будучи естественными правами всякаго человѣка, на этотъ разъ могутъ быть приведены въ исполненіе только посредствомъ этого же пути—„самовольной отлучки“ или рѣшительнаго побѣга. У однихъ тоска по родинѣ, у другихъ старая привычка къ бродяжеству, у третьихъ соблазны на путешествіе шайкою съ товарищами, у четвертыхъ дѣйствительно безвыходное положеніе, которое немного не довело до самоубійства,—все это достаточныя поводы къ побѣгамъ, рѣже по направленію къ заводнымъ цѣлямъ, чаще въ невѣдѣнность, въ темную среду приключеній.

Въ самой обстановкѣ каторжныхъ работъ для побѣговъ, сверхъ тяжести каторжнаго сверла, неустанно нажимающаго при помощи безчисленныхъ болѣзней собственно рудниковыхъ и заводскихъ,—представляется много соблазновъ и возбуждающихъ средствъ. Тамъ, гдѣ работы скучены и надзоръ силенъ, выручаютъ долговременный опытъ бывальцевъ, высижившихъ въ тюрьмѣ и примѣнившихъ къ дѣлу многочисленныя остроумныя средства, иногда заманчивыя по находчивости, иногда поразительныя по той отчаянной смѣлости, съ какою приводятся они въ исполненіе. Тамъ, гдѣ работы раскидываются на значительныхъ пространствахъ, недоступныхъ равномерному наблюденію, средства къ побѣгу упрощаются до того, что не бѣжитъ только безногий, или совсѣмъ хилый или дождающій на дыяхъ законнаго освобожденія отъ казенныхъ работъ. Въ послѣднемъ случаѣ побѣги многочисленнѣе и чаще; въ первомъ они являются въ сообществѣ съ самими сторожами, которые на большую часть простоватые казаки, вовсе не знакомые со своими воинскими обязанностями и на значительную часть штрафные солдаты, сами бывавшіе дезертирами и не лишенные способности вкусить снова этого запрещеннаго воину плода. Бѣглецы сплошь и рядомъ уходили вмѣстѣ съ ними и даже подъ защитою ихъ ружья и форменнаго вида. Какіе средства ни выдумывали сибирскія власти, начиная съ особыхъ командъ для поимокъ, вы-

дачи денежныхъ наградъ тѣмъ, которые, имѣя случай бѣжать, не убѣжали *), и кончая измышленіемъ одного начальника засыпать въ надрѣзанныя пятки измелеченный конскій волосъ,— побѣги являются столь частымъ явленіемъ, что его снѣло можно полагать обыкновеннымъ и можно считать неизбежнымъ. Укрываются всего чаще каторжные и поселенцы заводскими крестьянами по Уралу (въ 20 лѣтъ изъ этого края выслано 7.275 чел. бѣглыхъ изъ всего числа бродягъ, 13.769). Слѣдовательно, такъ называемые варнаки между бродягами составляли около 53% (въ южныхъ степяхъ Новороссіи бѣглыми изъ Сибири принадлежитъ только 4 1/2%) **).

Такимъ образомъ, въ Сибири не только тѣ, которые замѣчены съ бродяжками наклонностями въ Россіи, но безразлично бѣгутъ и бродяжатъ преступники всякаго рода и званія. Сибирь въ этомъ отношеніи самобытна и исторію бродяжества начинаетъ вновь и ведетъ ее по собственнымъ даннымъ и образцамъ, но съ неизмѣннымъ рѣзкимъ постоянствомъ и съ нескрываемыми признаками долготѣтя. На каторгѣ размеры побѣговъ необычайно широки и число одержанныхъ этою трудно излечимою болѣзью бродяжества поразительно: въ перчянскихъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857) подверглось наказанію 3.045 человѣкъ за прямыя побѣги и за тотъ видъ ихъ, который тамъ называется „самовольными отлучками“ (въ этомъ числѣ сбѣжало 22 женщины). Къ 1-му января 1859 г. за десять лѣтъ считалось въ бѣгахъ тамъ же 24% всего населенія слыльныхъ (3.104 чел.), да сверхъ того 508 человѣкъ вольныхъ людей, называемыхъ горными служителями. Одинъ Александровскій винный заводъ (по сую сторону Байсала) подарилъ Сибирь въ 25-ти-лѣтній періодъ 6.899 бѣглими, готовыми ко всякимъ услугамъ, но на сторонѣ вѣдъ постылающъ мѣстѣ и невыносимыхъ каторжныхъ заведеній. Эти послѣдніе остаются все-таки при созерцаніи вѣчнаго regretтнш mobile и съ правомъ любоваться на круговое вращеніе, при которомъ обихъ матеріи новыми элементами великъ, но возстановленіе стараго матеріала незначительно. Число сбѣжавшихъ и пойманныхъ относилось во многихъ заводахъ, какъ 1 : 15. Пятнадцатая часть уходила за Уральскій хребетъ и разгуливала по огромнымъ и безлюднымъ пространствамъ Сибири, гдѣ всякій надзоръ находится вѣдъ человеческихъ

*) Одному слыльному за поимку 5-ти бѣглыхъ назначена была награда въ 25 руб. «въ примѣръ и поощреніе прочимъ».

***) Въ этомъ числѣ мы не считали пойманныхъ, но принимали въ расчетъ тѣхъ, которые сбѣжали, въ такихъ цифровыхъ отношеніяхъ:
 Въ 1833 по 1837 2.728
 » 1837 » 1843 3.420
 » 1846 » 1859 751

силъ. Съ нѣкоторыхъ заводовъ бѣжала по часту цѣлая половина всего количества ссыльныхъ рабочихъ *).

Тѣмъ же безконечными и многочисленными побѣгами отвѣчаютъ и поселенцы (въ сословіе которыхъ, преимущественно, поступаютъ русскіе ссыльные бродяги), отвѣчаютъ за ошибочную и несовершенную систему водворенія. Поселенцы не получаютъ достаточнаго пособія на первыхъ шагахъ своей новой жизни, встрѣчаютъ общее нерасположеніе къ себѣ стариковъ - старожилковъ и сами являютъ въ среду ихъ достаточно испорченными нравственно въ тюрьмахъ и на этапгахъ. Большинство ихъ находится въ крайне бѣдномъ положеніи. Видимая помощь, предполагаемая въ поселенческой привилегіи работъ на частныхъ волостныхъ промыслахъ, ведетъ къ тѣмъ же побѣгамъ отъ тяжести уроковъ и къ безпримѣрному пьянству отъ неправильнаго способа денежныя вознагражденія. Большинство поселенцевъ, такимъ образомъ, не имѣетъ прочнаго домохозяйства и лишено даже тѣмъ какого либо признака благосостоянія. Побѣги поселенцевъ также многочисленны **) и также имѣютъ двѣ болѣе характерныя стороны: заурядъ съ каторжными они вынуждены на бродяжество исканіемъ лучшей участи и бѣгутъ, стороною отъ бѣдокопателей, прямо въ Россію на родину. Здѣсь эти люди, которымъ выпала жестокая доля изгнанія за менѣе важныя и тяжкія преступленія, ищутъ только того, чего не нашли они на мѣстахъ водворенія. Имъ дорого съ бою добытое право свиданія съ родными людьми и мѣстами. У нихъ настолько не истратилось сердце, чтобы возможный покой, тайное укрывательство и невинный процессъ простаго бродяжества предпочитать исканіямъ заключеній, которыя бѣглымъ каторжникамъ ведутъ къ грабежамъ, убійствамъ и всякаго рода злодѣйствамъ. Если у нихъ уже развилась ненависть къ закону и пошатнулась вѣра въ общественное благосостояніе, то все-таки поселенецъ охотнѣе принимается за такіа дѣла, гдѣ менше отвѣта и короче обратная дорога въ Сибирь. Такъ говорятъ изъ Россіи. Въ Сибири поселенцы всего больше осуждаются за побѣги изъ Сибири, за побѣги изъ-подъ стражи и за валомъ тюремъ, за развратное поведеніе и, наконецъ, за убійство.

Бѣглые съ каторги, достигшіе Россіи, отли-

*) Такъ, напримѣръ, на Николаевскомъ винокуренномъ заводѣ (въ Нижнеудинскомъ окр. Иркутской губ.) общее число рабочихъ было 442 человека, изъ нихъ бѣжало 215 (въ 1857 г.). Въ 1858 г. всѣхъ было 347, изъ этого числа бѣжало 248, а въ 1859 году изъ 462 человекъ пустились въ бѣга 291 человекъ.

**) Въ Енисейской губерніи, напримѣръ, съ ея немногихъ каторжныхъ и съ многочисленныхъ поселенческихъ мѣстъ водворенія въ три года бѣжало 6,572 человекъ, а поймано и возвращено 1,850, около 25% въ общей пропорціи.

чаются тамъ болѣею готовностью на разбой и какъ люди, горькими и тернистыми путемъ выбравшіеся на Русь между множествомъ страховъ и опасностей, устремляются на скрытыя и тайныя преступленія, обусловливаемые заговоромъ, предполагающимъ шайки (воруютъ, дѣлаютъ фальшивыя монеты, ассигнаціи и виды, цукаются въ поджогахъ). Въ шайкѣ Выкова, съ которою онъ производилъ разбой въ Спаскомъ и Ланшевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, слѣдствіе обнаружало шесть человекъ бѣглыхъ съ каторжныхъ работъ. Самъ атаманъ пришелъ съ есауломъ, свирѣлымъ Чайкиннымъ, изъ Иркутскаго соллевареннаго завода, а одинъ изъ товарищей (Федоровъ) даже изъ перчинскихъ рудниковъ. Такіе же бѣглые производили грабежи въ Смоленскѣ, разбой въ Кіевской губерніи и большая часть хотя и сказывалась—по обычаю и съ повадки—неповиющимися родства, но въ Сибири оказывались старыми знакомыми, снова здоровыми. Бѣглые изъ Сибири, во всякомъ случаѣ, принимаютъ на себя значительную долю тяжчайшихъ преступленій и бѣглые съ каторги сильнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ тѣ, которые бѣжали съ мѣстъ поселенія. Имъ несомнѣнно обязаны ближайшія къ Сибири губерніи (Периска и Оренбургская) тѣмъ, что, при всякомъ видѣ преступленій, красна на нихъ лежатъ гуще, чѣмъ на всѣхъ другихъ русскихъ губерніахъ. Губернія же Тобольская, еще сверхъ того, ко всякому роду преступленій успиваетъ сама прибавить примѣчательныя цифры виновныхъ, въ чемъ немного отстаетъ отъ нее и сосѣдняя ей Томская губернія. Лѣтъ десять тому назадъ „Восточное Обзораніе“ сообщало слѣдующее:

„Бѣглыхъ каторжниковъ разгуливаетъ толпа по Сибири; когда они соединяются вмѣстѣ, то держатъ въ осадѣ населеніе обширнаго района, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ въ Енисейской губерніи. Здѣсь разбойники плавали на лодкахъ по Ангарѣ и Енисею и наводили ужасъ на прибрежныя села и деревни. Удержатъ каторжниковъ въ тюрьмахъ почти нѣтъ возможности; они бѣгутъ оттуда каждую весну, толкаемые страстью къ бродяжеству. Не всѣ они, конечно, готовы вновь совершать убійства, но среди нихъ значительный процентъ смѣлыхъ и почти дикихъ людей, которые не останавливаются передъ убійствомъ. Грабежи и убійства встрѣчаются на каждомъ шагѣ, какъ вдоль большого тракта, такъ и въ сторонѣ отъ него, и огромное большинство изъ нихъ проходитъ безнаказанно“.

Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что пришедшіе изъ Сибири преступники (во всякомъ случаѣ люди испорченные, опасные и всегда озлобленные) находятъ себѣ безопасный пріютъ въ Россіи; пока экономическія средства ея достаточно удовлетворяютъ ихъ насущнымъ жи-

тесными потребностями, они непримѣтны, до известной степени поглощены струею правильно и спокойно налаженного быта. Укрываясь от преслѣдованій и соблюдая свою безопасность, они обязательно прилаживаются, по старымъ знакомымъ и не забытымъ въ ссылкѣ приемамъ, къ общему строю народной жизни. Въ этомъ ихъ ихъ основное желаніе и коренное право на безопасность въ мѣстахъ, до которыхъ достигли они такимъ тяжелымъ путемъ бѣгства, такими опасными средствами и орудіями долговременнаго и голоднаго скитальчества. Разумѣя цѣну и важность побѣды, пришельцы изъ новыхъ мѣстъ, чужихъ и дальнихъ, на родныя и знакомыя настолько не слышны тамъ, гдѣ имъ даютъ притонъ, что и самыя обычныя роды преступленій по Россіи идутъ, не возрастая и въ подчиненіи вѣчнымъ человѣческимъ законамъ нравственныхъ паденій и прегрѣшеній, какъ будто экономическія условія страны, по отношенію къ избытку вновь появившихся потребителей, устанавливаются въ ту норму, при которой лишній человѣкъ не затрудняетъ задачей работъ и не тяготитъ излишнимъ потребленіемъ. Не тяготитъ онъ другихъ прокормомъ и постоемъ, не нуждается и самъ въ изысканіи средствъ къ существованію теми же преступными путями кражи, грабежей и разбоевъ; равновѣсіе сохраняется и въ обыденной жизни изъ рѣзкихъ крайностей, по которымъ можно было бы судить о скопленіи враждебныхъ и опасныхъ силъ, порождающихъ эти крайности уклоненія отъ обычаевъ и эти противорѣчія строгому и послѣдовательному складу жизни.

На высокой горѣ лежатъ вѣчный снѣгъ. Къ нему наметаютъ вѣтры новыя сугробы, но гора способна удержать на себѣ еще многія крупныя и новыя массы снѣга. Ледники на горѣ—дѣло привычное и селеніе у подошвы ведетъ свою обычную жизнь въ беззаботности, спокойствіи и не боится обвала, который несомнѣнно долженъ нанести вредъ, спутать всѣ соображенія и порядки, напугать близостью опасности и наказанъ за излишнее довѣріе и презрѣніе къ мѣрамъ предосторожности. Равновѣсіе подчиняется вѣчнымъ законамъ и нарушается тотчасъ, какъ скопленіе противодѣствующихъ силъ перейдетъ законную границу: обвалъ сползаетъ съ горы или всею своею массою быстро рушится на подгорную окольность. Онъ не измѣняетъ своимъ законамъ, не противорѣчатъ сроку появленія и ошибаются тѣ, которые принимаютъ его за явленіе неожиданное.

Такимъ образомъ, пока вновь прибывающіе въ данную мѣстность налѣбники (изъ сибирскихъ бродягъ), не прошенные по работамъ, восполняютъ недостатокъ рукъ, больше плясуютъ, чѣмъ злодѣйствуютъ, пока худшіе изъ

нихъ, совершающіе преступленія, кражи и разнаго рода подѣлки отъ фальшивыхъ ассигнацій до паспортовъ, являются неосторожными выскочками, безопасность бѣглыхъ обезпечена, они не бросаются въ глаза начальству и не будятъ обычно дремлющихъ силъ его и силъ общественныхъ. Безопасность такая становится соблазнами для новыхъ охотниковъ, потому что въ гостеприимныхъ мѣстахъ долговременная практика готовила тѣ приемы и способы, которые обезпечиваютъ для бѣглыхъ безопасность. Между тѣмъ, со стороны сибирской не перестаютъ дѣйствовать тѣ же несокрушимыя вѣчныя законы, по вліянію которыхъ прибываютъ новыя толпы и—опасная снѣжная лавина растетъ отъ наметовъ сибирскаго снѣга. Она рухнетъ, когда придетъ часъ и нарушится равновѣсіе.

Предвозвѣстниками этого опаснаго явленія, по отношенію къ скопленію бѣглыхъ, полагаются увеличеніе количества кражъ; значить, объявился избытокъ рабочихъ силъ и новыхъ не нужно. Новымъ пришельцамъ дорога на лѣсъ, съ обширнымъ правомъ самимъ промышлять насущный хлѣбъ. Одинъ на такомъ дѣлѣ не воинъ, „одному страшно, а всѣмъ не страшно“, на міру смерть красна! собираются бѣглые въ шайки, образуютъ товарищества. Даромъ не кормятъ, стало много бѣдаковъ, надо кормъ силою брать. Бѣглые послѣ воровства грабятъ стада; разбудили дремлющее око, свели козанина съ полатей: онъ обулся, одѣлся, взялъ веревку, пошелъ искать и ловить грабителей. Съ сосѣдами онъ сдѣлалъ облаву. Облава имѣла успѣхъ: въ тѣста много волковъ поналось. Шайку ослабили, но оставшіеся сбились плотнѣе: всякій товарищъ въ артелѣ сталъ рублемъ дороже. Вырвать одного—у всѣхъ шерсть щетиною: надо мстить обычнымъ, дешевымъ, съ испоконъ вѣку народнымъ средствомъ поджоговъ. Количество пожаровъ примѣтно увеличилось именно отъ того, что бѣглыхъ ловятъ и выдаютъ; пожаровъ стало такъ много и зарево отъ нихъ такъ велико, что и въ Петербургѣ стало видно, хоть и непонятно. Пожары расплодятъ погорѣльцевъ нищихъ, новыхъ бродягъ, но на этотъ разъ неопасныхъ. Опасны дѣлаются тѣ, которыхъ обозначили преслѣдованіями. Шайки, избѣгнушія отъ преслѣдованій, ладятъ уже такъ, что онѣ имѣютъ всю форму разбойничьихъ. Найдется не одинъ такой удалой добрый молодецъ, для котораго и жизнь копейка и море по колыно, въ природѣ его столько ала, что на многихъ хватаетъ, а въ характерѣ столько силы и воли, что идутъ за нимъ товарищи, какъ послушное стадо, какъ гуси за вожакомъ, какъ кони за передовымъ табуннымъ жеребцомъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за пожарами и грабительствами, объявился и разбой: грабежъ, характеризующій себя только однимъ

насиліемъ, стать разбоємъ, взявъ въ руки оружіе. И, хотя безъ оружія, онъ сталъ все-таки грозить опасностью жизни, здоровью и свободѣ людей; съ разбоємъ въ тѣсной связи оказалась разнообразныя убійства.

Здѣсь мы видимъ причину періодическаго появленія злодѣяствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно укрываются бѣглецы каторжные и поселенцы. Таковы въ особенности губерніи, ближайшія къ Сибири: Пермская и Оренбургская, Казанская и Симбирская, угнѣвшія сильно отвѣчать на всѣ виды поименованныхъ преступленій. Тобольская губернія, населенная преимущественно арестантами, выбывшими изъ арестантскихъ ротъ и смирительныхъ домовъ и не принятыхъ обществами, и наибольшее скопляющая въ себѣ бѣглыхъ со всѣхъ концовъ Сибири,—является самою преступною изъ всѣхъ губерній *). Отсюда же изъ этихъ слѣдуетъ и наибольшее количество бродягъ, путешествующихъ въ глубь Сибири, не потому больше, что здѣсь владѣютъ лучшими утильемъ и искусствомъ ловить ихъ (или прилагаютъ къ этому дѣлу энергію), а потому, что въ этихъ лѣсахъ грибовъ много: сами валятся въ кузовъ. Въ Сибири хорошо всѣмъ извѣстно, что бродяги, съ отчаянія голодовки и по мѣрѣ приближенія зимнихъ палашигъ морозовъ, отъ которыхъ и птицы на землю валятся, являются изъ бѣговъ добровольно. Добровольное возвращеніе вмѣняется въ добродѣтель, ослабляющую степень взысканія и мѣру наказанія; такого бродягу выскуютъ и водворятъ на прежнее мѣсто до новой весны въ кукучки, съ каковой поры онъ снова пациентъ на леченіе „березовою настойкою“, предметъ практики для палача и полицейскихъ секаторовъ. Сибирскіе опыты выучили разумѣть, что minimum побѣговъ для одного человѣка изъ опытныхъ бродягъ 6, среднее количество 11 и maximum 18 побѣговъ. Количество же бѣжавшихъ изъ Сибири въ Россію и возвращенныхъ назадъ далеко не соответствуетъ другъ другу во взаимныхъ между собою от-

*) Вотъ сравнительно преступленія такихъ арестантовъ и бѣглыхъ (за 9 лѣтъ):

	Бродяги:		Арестанты:	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Побѣгъ изъ Сибири	—	—	3.509	31
Бродяжество	13.788	3.528	34	—
Воровство	434	86	32	—
Грабежи	36	4	10	—
Разбои	10	1	—	—
Самоубійства	120	6	99	—
Тѣлесныя поврежденія съ наѣр. убійства	28	1	39	2
Имѣніе въ составъ фальшивыхъ выдѣловъ	345	134	—	—
Поддѣлка ассигнацій и монеты	39	1	7	—
Принятіе чужой фамиліи	10	3	—	—
Возмущеніе противъ властей	13	—	20	—
Оставленіе отечества	5	—	—	—

ношеніяхъ; если возьмемъ количество бѣглыхъ только съ солеваренныхъ заводовъ Восточной Сибири, то и тогда число ихъ больше чѣмъ вдвое превосходить число пойманныхъ въ Россіи каторжныхъ *).

Какъ сибирскому бродячеству бѣглымъ в скитанію русскихъ бродягъ въ равной степени предшествуетъ преступленіе, наказываемое ссылкой и называемое „валомомъ тюремъ“, такъ точно тутъ и тамъ бродяжество неизбежно сопрягается съ особыми родами преступленій „имѣнія и приготовленія фальшивыхъ паспортовъ“ и порождаетъ третій родъ—„принятіе чужой фамиліи“. Между этими тремя содѣянными бродяжествомъ считается себя въ большей безопасности. Фальшивые виды заказываются грамотными людямъ съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ Руси паспорта. Ломаютъ тюрьмы съ тѣхъ самыхъ древнихъ временъ, когда земляныя тюрьмы замѣнены были срубными, выведенными на поверхность земли и прикрытыми дыривою крышею, а стало бродяжество защищать себя вседонними съ тѣхъ поръ, когда установился правильный образъ ссылки и водворенія по методѣ Сперанскаго.

Ломаютъ тюрьмы или, собственно, подкапываются подъ нихъ, или—еще проще—подкупаютъ сторожей такъ часто, что трудно представить себѣ хотя одну такую тюрьму въ Россіи и Сибири, надъ которою не было бы произведено опытовъ этого рода. Исторія этого дѣла пахнетъ затхлою стариною, когда бѣглецы назывались „утеклецами“. Способы и количество опытовъ безконечны и безчисленны. Цифра можетъ сказать, что чаще производятъ „валомы“ такъ называемые арестанты; за ними чаще поселенцы, чѣмъ бродяги и каторжные (потому что и количество людей первого званія несравненно больше количества людей остальныхъ обоеихъ, взятыхъ вмѣстѣ). Цифра и говорить это, свидѣтельствуя еще сверхъ того о томъ, что женщины весьма рѣдко прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ освобожденія отъ заточенія, предоставляя исполненіе ея сильными руками тюремныхъ сидѣльцевъ мужского пола; женщины не ломаютъ тюремъ, а бѣгутъ просто съ работъ на волю, въ остроговъ. Цифра прашенныхъ изъ Россіи за это преступленіе изъ мужчинъ и женщинъ не характеризуетъ его, какъ мѣстное явленіе, въ достаточной степени уже потому, что судъ гонитъ въ изгнаніе только такихъ, которые или не угнѣли хорошо произ-

*) Minimum ежегодно высланныхъ каторжныхъ 94, maximum—210; minimum поселенцевъ—223 и maximum—688. Число ссылки, судившихся за побѣгъ въ каторги (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1846), равнялось 1.564 м. и 7 ж. Число поселенцевъ, судившихся за побѣгъ съ мѣст. водворенія, 4.462 м. и 91 ж. Намъ придется еще не одинъ разъ обращаться въ разборъ, объясненію и пополненію этихъ краснорѣчныхъ цифръ.

вести операцию, или, произведя ее, не умѣя хорошо спрятаться. Счастливые гуляютъ на волѣ и виновные въ старомъ грѣхѣ идутъ уже за какойнибудь изъ новыхъ. Несчастливыхъ и мелочливыхъ усчитываетъ Сибирь въ такомъ количествѣ, которое уже возбуждаетъ справедливое подозрѣніе *). Тюрьмы портятъ тюремные сидѣльцы всевозможными способами и только не жгутъ ихъ (что весьма, впрочемъ, знаменательно).

Въ тѣхъ же тюрьмахъ идетъ дѣло приготовления подложныхъ штемпелей и печатей и приготовленіе паспортовъ и другихъ видовъ за цѣны весьма невысокія, на каковыя въ Сибири въ хорошихъ тюрьмахъ установлена даже такса. Трудно и въ этомъ отношеніи представить себѣ такую сибирскую и изъ русскихъ маломальски жалую тюрьму, гдѣ бы при тщательныхъ обыскахъ не найдено было и готовыхъ и начатыхъ паспортовъ, и орудій дѣла въ видѣ кусковъ свинцу, мѣдныхъ монетъ (обыкновенно пятаковъ), истертыхъ съ обѣихъ сторонъ и отмѣченныхъ новыми наръзками, указывающими на невѣроятно далекія отъ Сибири городскія думы и волостныя правленія. Печати обыкновенно крупнѣе общепринятыхъ формъ, нумера такой величины, что писавшій ихъ иногда и самъ выговорить не сумѣетъ, но попадаютъ и отдѣланные по всѣмъ правиламъ искусства; въ тюрьмахъ не мало мастеровъ настоящихъ изъ тѣхъ же рѣзчиковъ печатей, изъ поддѣлывателей фальшивыхъ монетъ и ассигнацій отъ извѣстнаго Цезяра изъ Польши до знаменитаго Коренева изъ Перми). Тюремные паспорта такъ уже и пишутся по приказу собравшихся въ путь: на поселенцевъ, ввозамѣрившихся погулять и отдохнуть въ окрестностяхъ; на мѣщанъ, крестьянъ и купцовъ, желающихъ прогуляться въ Россію. При этомъ обыкновенно избираются тѣ города, которые стоятъ на Руса двойными, тройными и четверными! Петровски, Николаевски, Александровски, Макарьевы, Яры, Суражи и Спасскіе въ этомъ случаѣ занимаютъ самыя видныя и почетныя мѣста. Смыльные изъ Россіи—первые пособники въ этомъ, они не покидаютъ въ Сибири того ремесла, за которое потерпѣли наказаніе

и впали въ несчастіе. Ловятъ въ такомъ преступленіи въ равной мѣрѣ каторжники и поселенцевъ. Изъ Россіи приходятъ и дворяне (служащіе и не служащіе), и купцы (торгующіе и не торгующіе), для которыхъ, впрочемъ, поддѣлка фальшивыхъ паспортовъ исчезла въ итогѣ преступленій, называемыхъ „поддѣлкою актовъ и другихъ бумагъ“ (однако, нижніе канцелярскіе чины, ссылаемые чаще за поддѣлку актовъ и за воровство, выясняются для насъ въ числѣ смыльныхъ, какъ поддѣлыватели паспортовъ). За фальшивые паспорта изъ Россіи идутъ въ одинаковой степени солдаты и мѣщане, но примѣтно чаще—само собою разумѣется—тотъ классъ людей, который названъ бродягами *). При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что бродяги особенно не считали для себя нужнымъ прикрываться какими бы то ни было видами на жительство и прибѣгать къ фальшивымъ, бродили же просто съ такъ называемыми волчьими паспортами; изъ пятнадцати тысячъ присланныхъ въ Сибирь въ теченіи девяти лѣтъ уличены съ фальшивыми паспортами только почти 32-ая часть, т. е. 479 челов. (345 муж. и 134 жен.). Главныхъ пунктовъ этого рода поддѣлокъ (между которыми принадлежатъ самыя видныя мѣста обѣимъ столицамъ) Сибирь не указываетъ, привыкнувъ различать получаемыхъ изъ Россіи преступниковъ въ валовомъ счетѣ по губерніямъ. По этой системѣ подозрительнѣе другихъ ей кажутся: 1-ая Тобольская, 2-ая Пермская, 3-ья Оренбургская, 4-ая Кіевская, 5-ая Казанская, 6-ая Московская, 7-ая Петербургская, а прочія губерніи въ полномъ безразличіи.

„Принятіе и итѣніе чужой фамиліи“ или псевдонимы, употребляемые для подспорья бродячеству и для лучшей легкости и возможности скрывать старые грѣхи, — въ Сибири и Россіи дѣла обычныя. Польза такія выдумокъ несомнѣнна и въ этомъ отношеніи неизмѣримо практичѣе и прочѣе литературныхъ псевдонимовъ; ничто не вѣнчается такимъ полнымъ успѣхомъ, какъ этотъ видъ преступныхъ измышлений на пользу каторжныхъ, поселенцевъ и бродягъ, исключительно пользующихся ими. Отсутствіе шлетни и существованіе круговаго заступничества, вставшаго на ея мѣсто у зтихъ со всѣхъ сторонъ и всѣми преслѣдуемыхъ, дѣлаетъ то, что разоблаченіе псевдонимовъ—находка въ Сибири равносильная, напр., откры-

*) Однако и въ 9 лѣтъ «за валомъ тюремъ» сослано было 75 человекъ (32 поселенца, 29 арестантовъ, 8 бродягъ и 7 каторжниковъ). Въ 1388 году въ Россіи бѣжало изъ-подъ стражи 57 м., 1 ж.; въ 1839 за побѣгъ отъ службы и изъ-подъ стражи сослано 84 м., 2 ж.; въ томъ числѣ 19 изъ одной Перм., 5 Тул., 6 Грод., 6 Минск., въ 1840—118 м., 4 ж. (18 изъ Перм., 12 Минск., 6 Яросл., 8 Весс.); 1841—108 мужч. (17 изъ Мин.), 1842—86 м., 1 ж. (17 изъ Херс., 9 Перм., 4 Вят.), въ 1843—132 м., 14 ж. (27 Перм., 7 Кіевск.), въ 1845—7 м. (изъ нихъ: 3 Ряз., 3 Волын., 1 Яросл.). Въ 1844 г. не показано число, съ этого года замаскированное иными темными рубриками.

*) Въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ: Солдаты 17, солдатки 11, мѣщане 82, мѣщанки 7, бродяги муж. 345, жен. 134. Торопливая и странная система составленія тобольскихъ табелей о смыльныхъ, зачастую сбивающая разнаго рода преступниковъ въ одну общую каторгію, на многіе года мѣшаетъ отдѣлать поддѣлывателей паспортовъ отъ итѣвшихъ и пользовавшихся ими. Общая же цифра (за 9 лѣтъ) «итѣвшихъ подложные паспорта» для мужчинъ 1.408, для женщинъ 328.

тію въ самоцвѣтныхъ камняхъ розоваго топаза. Смотрители тюремъ такіе случаи записываютъ въ шууровыя книги подъ именемъ „чрезвычайныхъ“ происшествій. Такъ, смотритель тобольскаго острога хвастался (въ 1850 г.): „Вѣгло-каторжанный Федоръ Ивановъ, отправленный изъ Тобольска въ Томскъ, съ дороги ѡбжалъ, въ Тюмени пойманъ, приведенъ въ тобольской острогъ, снова отправленъ въ Томскъ и снова съ дороги ѡбжалъ. Въ 1850 г. пришелъ въ Тобольскъ въ третій разъ въ партіи каторжниковъ уже изъ Россіи (но Екимомъ Звѣревымъ)“.

За принятіе чужой фамиліи изъ Россіи ушло всего 21 человекъ въ 9 лѣтъ *). По Сибири едва ли не половина ссыльнаго люда ходитъ подъ прозваніями, взятыми на прокатъ и, смотря по количеству побѣговъ, подъ пятою и десятою фамиліею. Въ сыскныхъ статьяхъ сибирскихъ губерскихъ и областныхъ правленій то и дѣло поручаютъ искать тако-го (который, какъ зацѣ въ похѣ, два раза на годъ мѣняется цвѣтъ своей шерсти): „Дезертира Путьлова Палладій Васильева, онъ же Александръ Лебедевъ и Одицовъ“. Одицовъ онъ, вѣроятно, потому, что любилъ быть въ бѣгахъ безъ товарищей, ходилъ по лѣсамъ, какъ лось-однаецъ, какъ олень-однаецъ, а вѣроятно это оттого, что псевдонимы каторжниковъ всегда выражаютъ поповловненіе на своего рода остроуміе. Въ бѣгахъ, кто какою рѣкою плыветъ, тою и славою слыветъ: углѣтъ угождать бѣглымъ товарищамъ мастерствомъ доставать пропитаніе—Доставаловъ сталъ; любилъ встрѣчать прохожихъ и, ограбивъ, отпускалъ ихъ живыми—Разувалевымъ прозвался. По лѣсамъ граблѣ, въ лѣсахъ скитался—Дубровинъ, еще тоньше—Смолкинъ, Кореневъ; въ горахъ разбойничалъ—Горкинъ, на островѣ Ангары пойманъ—Островскимъ назвался. Очень сердитаго Варваровымъ прозываютъ, очень угрюмаго—Несмѣяновымъ, очень веселыхъ—Балагуровыми, Сказочниковыми, Пѣсенинковыми, Потѣхиными. Также часто встрѣчаются: Ложечки, Новоженовы, Новограбленные, Монетчиковы, Денежкины, Перешлетяны, просто Гришкинъ и просто Солдатовъ, Неспособный, Тайновъ и проч. и проч. Однако, здѣсь то различіе отъ общепринятыхъ русскихъ и сибирскихъ народомъ прозваній, что такковыя чаще берутъ на себя сами бѣглецы (а не даютъ сосѣди), берутъ по первому вдохновенію, но не безъ скрытаго желанія насмѣшки надъ допросчиками и сыщиками. Приходятъ и съ заранѣе надуманными прозвищами, но опять-таки не безъ скрытаго хвастовства своими доблестями, хотя бы на этотъ разъ и злодѣйскими; арестанты, какъ извѣстно, народъ странно тщеславный и въ высшей степени хвастливый. Высветъ, впрочемъ, и такъ, что пойманные со-

*) Изъ бродягъ 10 м., 3 ж.; изъ поселенцевъ 6 м.; изъ каторжниковъ 2 мужч.

всѣмъ врасположѣ и не находчивые сказываютъ и просятъ писать себя просто „непомнящими“ (такими фамиліями испещрены сыскныя статьи и слѣдственные бумаги). Нѣкоторымъ (и это также въ большомъ употребленіи) прозываются именами, получившими на каторгѣ своего рода извѣстность. Такъ, прозываются они по фамиліямъ знаменитыхъ сибирскихъ бродягъ и разбойниковъ: Горкинскими, Апулковскими, Дубровинскими. Палачи, напр., выбираемые преимущественно изъ бродягъ, на большую часть Бархатовы, ибо былъ-де такой знаменитый криворотый палачъ въ Москвѣ Бархатовъ, человекъ суровый и домытый (словно просоленный былъ), самъ въ свою очередь, вѣроятно, придумавшій себѣ фамилію также ради остраго слова, хотя и не совсѣмъ удачно (ибо-де „глядѣлъ не бархатовъ, а чтобъ ему, криворотому черту, икать на томъ свѣтѣ всю жистъ“).

О подобныхъ переимѣнахъ именъ и фамилій неукоснительно доводили до свѣденія высшаго правительства и оно неоднократно принимало въ этомъ отношеніи строгія мѣры: осужденные на поселеніе и обвинявшіеся съ каторжниками, обязаны были идти туда, куда указала имъ добрая воля за какое нибудь ничтожное вознагражденіе. Такого ссыльнаго вѣдно было держать въ каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжнаго, по наказаніи на мѣстѣ рогами (ста ударами), держать лишній 5 лѣтъ сверхъ узаконеннаго срока. Поселенцевъ, обвинявшихся именами же, вѣдно отсылать въ заводскія работы на два года, а потомъ обращать на поселеніе. Строгости не пособили: ссыльные продолжаютъ мѣняться именами до нашихъ дней.

Коренные бродяги, занашивающіе свои прирожденные прозвища и отеческія имена, для насъ поучительны и въ томъ отношеніи, что прикрываютъ своимъ званіемъ многія изъ тѣхъ преступленій, которыхъ нѣтъ возможности не только въ Сибири, но и въ Россіи опредѣлить по сословіямъ съ нѣмецкою аккуратностью и, вообще, съ европейскою точностью. Но по бродягамъ и по главнымъ свойствамъ ихъ ремесла и званія не предстоитъ большого труда выдѣлать тѣхъ изъ нихъ, которые вырабатываются уже совершенно по европейскимъ образцамъ и начинаютъ увеличиваться въ количествѣ по мѣрѣ развитія городовъ со всѣми привилегіями и недостатками этихъ многолюдныхъ слободницъ и стойбищъ людей различныхъ свойствъ, требованій и воспитанія.

Передъ нами бродяги—люди безъ призванія, не имѣющіе ни извѣстнаго жилища, ни средствъ къ существованію, которые не заняты ни ремесломъ, ни промысломъ. Этотъ первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ, встрѣчающійся, какъ неизбежное явленіе, вездѣ, гдѣ производится невольничья и запрещенная закономъ торговля, гдѣ существуетъ преступная промышлен-

ность,—то прозябаніе, которое получает матеріалъ для питанія въ большихъ городахъ. Такого сорта бродяги и рождаются неизбежно въ той части населенія, которая растетъ и прозябаетъ въ этихъ большихъ городахъ и, по причинѣ непрочныхъ средствъ къ существованію, впадаетъ въ крайнюю нищету. Сюда входятъ и взрослые и оборванные дѣти, которые, лишены родителей или покинуты ими,—дѣти, которые, оставаясь безъ отцовскаго крова, вернутся на бойкихъ мѣстахъ главныхъ улицъ, на площадяхъ и бульварахъ Парижа и Лондона, стали появляться и въ нашихъ Москвѣ и Петербургѣ въ увеличивающейся прогрессіи. Они живутъ плодами своей навязчивости, милостыней или мелкимъ воровствомъ, и у насъ въ столицахъ начинаютъ зарѣдка собираться въ воревскіи шайки или приставать къ таковымъ же взрослымъ воровъ.

У настоящихъ городскихъ бродягъ нѣтъ ни очага, ни угла, но они—обычные и всегдашніе хозяева тѣхъ зловинныхъ и злочастныхъ вертеповъ, которые открыты для всѣхъ приходящихъ и помѣщены, по большей части, во всѣхъ большихъ домахъ, окружающихъ самые большіе рынки (каковы: Овчинная съ домомъ Вяземскаго въ Петербургѣ и Лубянка съ домомъ Шинова въ Москвѣ). Отсюда эти бродяги—гиблыя прозябанія большихъ городовъ, люди, занятые исключительно настоящимъ днемъ, стекаются и толпятся на толчучкахъ, чтобы тамъ легкимъ промысломъ (въ Европѣ легкою и ничтожною послугою) добыть себѣ хлѣбъ и мѣдную монету на приварокъ или горячее и горячительное,—и то только на будущій день. Беда въ, гдѣ частная благотворительность раздаетъ милостыню, бродяги эти, въ видѣ нищихъ, являются въ полномъ составѣ: будутъ ли то церковныя паперти въ торжественные дни, или крыльца и дворы купеческихъ и барскихъ домовъ во время похоронъ или поминковъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что частная благотворительность старается выбрать иногда для своихъ подавій такія мѣста, гдѣ, по преимуществу, привыкли собираться бродяги, и, желая быть тароватою и искреннею, благотворительность умѣетъ сдѣлаться, такимъ образомъ, вредною и даже преступною. Бродяжество рѣдко остается въ собственнѣхъ своихъ границахъ, но всегда свято съ нищенствомъ и воровствомъ—его неизбѣжными спутниками и естественными помощниками. Мелкое воровство—единственный выходъ для бродягъ и прямая опора для бродячества. На средства, добытыя этимъ ремесломъ, бродяги умѣютъ поддерживать новобращенцевъ и трусливыхъ, закрѣпляя, такимъ образомъ, артельныя связи и подкрѣпляя общій законъ, въ силу котораго легкость добычи уничтожается въ бродягахъ повятіе о цѣнности важности въ городской жизни денегъ. Бродяги тратятъ ихъ съ

необузданною расточительностью и поразительною быстротою; безграничное пьянство становится ихъ прямымъ наслажденіемъ и, при благопріятныхъ поводахъ, превращается въ жизненную цѣль, для которой предѣлы заключаются въ смерти. Всѣ мѣста общественныхъ собраний, народныхъ сходокъ—для нихъ мѣста пожимы. Взапорядочная жизнь ихъ составлена изъ двухъ половинъ: одна часть принадлежитъ занятію ремесломъ (дневная), а другая—игрѣ и пьянству (ночная). Игра и пьянство—двѣ страсти, соперничающія между собою въ жизни этого погубительнаго класса людей. Онѣ обѣ творятъ съ ними изумительныя превращенія: изъ легко одѣтыхъ, большаго частью оборванныхъ, они въ нѣсколько часовъ становятся почти совершенно голыми и только это послѣднее обстоятельство способно останавливать отъ выхода на промыселъ, страсть къ которому превращается въ нѣкоторый родъ иронической болѣзни. Лѣтомъ они живутъ подъ открытымъ небомъ, зимою—въ самыхъ грязныхъ притонахъ подозрительныхъ домовъ. Они, впрочемъ, привыкли спать и на голыхъ камняхъ, когда не стаскивать добыча; привыкли и голодать и умѣютъ приравливать ко всякаго рода нуждамъ и лишениямъ. Бродяжество, соединенное съ воровствомъ, до такой степени сильно затягивающее въ себя болото, что люди, понавшие въ него, рѣдко бывають способны освободиться. Возвращаемые къ осѣдлости тѣми или другими случайными способами, они десять—двадцать разъ покидаютъ родительскія семьи и хозяевъ, чтобы снова удариться въ бродяжество и пуститься на воровство. Они снова шарятъ въ чужихъ карманахъ, высматривають слабыя мѣста въ чужихъ квартирахъ, снова истрачивають добытое и собственныя силы только на наслажденія, ради ихъ продавая и носильное платье и все, что продать можно. Таково самопроизвольное, свободное бродяжество взрослыхъ, но существуетъ и вынужденное—для дѣтей. Отецъ-ремесленникъ ищетъ работу своего сына, хозяинъ—мастеръ, принявшій изъ деревни мальчика, не кормитъ его до тѣхъ поръ, пока ученикъ не исполнитъ заданнаго урока, тяжелого и для взрослого работника, сурово наказываетъ, больно бьетъ, общается прогнать назадъ свиной пасти; измученный мальчишка бѣжитъ и въ родительскаго дома и съ хозяйской квартиры, какъ съ каторги.

Разумѣется, бродяжество, нищенство, даже воровство—только печальныя послѣдствія, вынуждаемая законами необходимости.

Совершенно особакомъ отъ всѣхъ указанныхъ нами видовъ бродячества, въ подчиненіи собственнымъ законамъ, стоитъ другое явленіе въ народной жизни, на которое указываютъ сибирскія табели, учитывающія сосланныхъ за бродяжество. Въ группѣ настоящихъ бродягъ

большая половина принадлежить тѣмъ, которые сказались непомятими родства, но, въ сущности, вовсе не таковы, чтобы можно было оставить за ними прованіе бродягъ и считать ихъ опасными и тѣмъ болѣе преступными людьми. Это — самовольные переселенцы, ушедшіе обвинить неблагодарныя мѣста родины на лучшія, безъ дозволенія начальствъ, но по принужденію многочисленныхъ обстоятельствъ, неблагоприятныхъ осѣлости. Они упорно отказывались объявить свое званіе и имя, чтобы отнять возможность пересылки, этапнымъ способомъ, туда, гдѣ все для нихъ кончено, но, подѣ охраною закона, получать право на осѣлость тамъ, гдѣ и по слухамъ и по пословицѣ: „хотя и не растутъ яблоки, но люди не мрутъ съ голода“. Большія толпы людей, высылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество, тѣ переселенцы, у которыхъ отнято право добровольнаго выбора мѣстъ внутри Россіи и замѣнено способомъ принудительнаго переселенія и казенныхъ приемовъ подѣ видомъ ссылки на поселеніе въ Сибирь. Имъ не удалось довести своего предпріятія до конца (они пойманы во время самой работы) и, вмѣсто того, чтобы воспользоваться плодами своихъ исканій, на этотъ разъ принуждены видѣть свое дѣло испорченнымъ. Имъ указано вести его сначала при всѣхъ неудобствахъ ссылки и невыгодахъ принудительнаго поселенія. Имъ признали за виноватыхъ и назвали преступными. Имъ высылаютъ въ Сибирь за бродяжество, но за ними историческое право, не допускающее преступности въ этомъ характерномъ явленіи нашего отечества.

Въ Россіи извѣстныя формы народныхъ передвиженій, называемыхъ въ наши времена бродяжествомъ, прошли черезъ всю историческую жизнь народа, подѣ благоприятнымъ влияніемъ времени удѣльно-вѣчевого періода. Оно сохранилось какъ живое и необходимое начало даже и на то время, когда ковалось Московское государство, медленно и ощупью добираясь до началъ государственныхъ, неблагоприятныхъ этому безконечному и непрерывному шатанію изъ края въ край, изъ одной области въ другую. Когда изъ Москвы начали высылать ограниченію этому народному передвиженію и думали остановить народныя стремленія „брести врозь“ — явилась русская Сибирь, обязанная своимъ бытіемъ именно этому стѣсняемому свойству, неразрывно слитому со всѣми другими свойствами, и тѣмъ людямъ, которые назывались сначала вольными, потомъ получили прованіе гулящихъ и, наконецъ, названы бродягами. Вольные люди до Ивановъ московскихъ, гулящіе при нихъ до Петра, бѣглые при немъ и бродяги послѣ него до нашихъ дней — все одни и тѣ же представители кореннаго народнаго свойства, стремившагося оселить и оживить обширныя равнинныя пространства, на которыя набреть

русскій народъ и которыя легли неодолимымъ соблазномъ передѣ нимъ, усѣвшимъ сознавать самого себя и собственныя силы. Бродяжество несло государству громадыя выгоды и было однимъ изъ правильныхъ и законныхъ явленій.

Новгородскіе бродяги — вольные люди, ушедшіе изъ Новгорода и его волостей въ силу общаго народнаго настроенія на торговлю и промыселъ или выгоняемые смутами и неурядицею, — эти вольные люди населили весь сѣверъ Россіи. Въ странствіяхъ, придерживаясь рѣкъ, этимъ бродяжествомъ своимъ стужбли они оживить самыя отдаленныя страны, каковы закавказскія и сибирскія. Избравъ привольное любое мѣсто, эти вольные люди копями на св. Софію (а потомъ и на государя московскаго) слободы изъ такихъ же вольныхъ людей, бродягъ, извѣстныхъ на старинномъ языкѣ подѣ именемъ прибылыхъ людей. Въ предѣлахъ Россіи они устояли подѣ защитою частныхъ собственниковъ, сильныхъ капиталомъ и влияніемъ и явившихся на помощь къ нимъ или въ видѣ частныхъ лицъ — служилыхъ людей, или въ формѣ общинъ, каковы монастыри. Въ предѣлахъ Сибири тѣ же промышленныя поселенія устояли подѣ защитою остроговъ и подѣ охраною тѣхъ бродягъ, которые назывались въ старой Россіи казаками.

Далеко потомъ, когда уже окончательно установилось Московское государство, когда тотъ элементъ, который породилъ на Руси кавачество, быстро и свободно заселилъ украинны, приобрѣлъ государству много новыхъ земель и землицъ, покорилъ много непокорныхъ народовъ и уступчивыхъ народовъ, когда этотъ древній элементъ народнаго духа вѣнченъ былъ народомъ въ преступленіе, прежніе вольные люди названы были гулящими людьми, — бродяжество еще продолжало руководить народнымъ инстинктомъ. Инстинктъ этотъ сказывался отысканіемъ новыхъ мѣстъ, лучшихъ, прибыльныхъ и привольныхъ. Это исканіе какой-то обѣтованной земли руководило народомъ долгіе годы потомъ. Живеть оно въ немъ и теперь, даже и послѣ полурастагбтннго существованія законовъ, вмѣняющихъ народу „бродяжество“ въ преступленіе. Оно, подѣ разными формами и именами, пережило въ послѣднія полтора столѣтія самыя трудныя для его жизни, но представляющія тѣ же питательныя средства, казкимъ богата была древняя Русь и не бѣдна новая. Теперь, когда казилось, такъ проченъ и надеженъ государственный строй, добровольный переходъ съ худыхъ мѣстъ на лучшія, не кончая своей исторіи, ведетъ ея повѣсть съ такими же подробностями, хотя уже не такъ смѣло и открыто, но также примѣтно и настоячиво.

Однѣмъ личтожнмъ, неопредѣленнымъ слухъ, распущеннымъ какими нибудь бродягами (обыкновенно солдатами-дезертирами, нерѣдко бѣглыми

помѣщичьими людьми и крестьянами), достаточно сжаны были для того, чтобы, и во время крѣпостного права, поднимать съ мѣста сотни и тысячи ослѣдлага населенія и вести ихъ въ неизвѣстность, въ какую-то призрачную, дальнюю обѣтованную землю. Такъ было это въ 1825 году съ помѣщичьими крестьянами 20 губерній, между которыми Пензенская, Сибирская и Саратовская поступились значительнымъ количествомъ своего населенія, выступившаго на „новую линію“ и дошедшаго уже до предѣловъ Уральскаго войска съ цѣлью разыскать раскваленную и благодатную рѣку Дарью. Волновался народъ слухомъ о какомъ-то сенатскомъ указѣ и, называя его указомъ 23 февр. 1823, вѣривъ въ то, что господскимъ крестьянамъ дозволено селиться на казенныхъ земляхъ за рѣкою Ураломъ, что для этого имъ объявлена полная воля, и кто захочетъ, тотъ и можетъ селиться. Народъ шелъ пѣшкомъ безъ денегъ и безъ хлѣбныхъ припасовъ, питаея подаеміемъ; шелъ безъ женъ, безъ дѣтей, оставляя семейства и хозяйства на произволъ судьбы. Идя дорогою, не только ни одинъ не совершилъ преступленія, но даже и маловажнаго проступка, оставивъ лишь на мѣстахъ подъема слѣды не только неповиновенія и ослушанія помѣщикамъ и управляющимъ, но и слѣды мятежей и своеволия. Всѣмъ хотѣлось добыть безъ препятствій до счастливыхъ мѣстъ, гдѣ на осетрахъ бабы колотятъ выколосканное бѣлье, гдѣ на всякую избу тотчасъ по приходѣ даютъ всякаго скота а птицъ вдоволь и гдѣ всякій, придя въ готовую избу, на дубовомъ столѣ найдетъ 500 руб. на обзаведеніе всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ. Женщины оставались дома дожидаться подкрѣпленія слухомъ, а зимошедшихъ снабжали холстами, пряжею, деньгами, хлѣбомъ, прося записать ихъ на „новой линіи“. Въ подкрѣпленіе слуховъ рассказывали, что самъ императоръ Александръ I и великій князь Константинъ Павловичъ объявили крестьянамъ свободу и сами побѣдали выбрать имъ мѣста, что киргизскій данъ, по просьбѣ своихъ, изъявилъ желаніе населить свои земли русскими людьми, что государю это понравилось и онъ ужъ совѣтовался съ Аракчеевымъ и велѣлъ сенату писать указы; къ сенату присталъ и сиводу, и проч. Разглашали слухи и просяняли ихъ прежде всѣхъ, разуиѣтся, бывалые люди—отставные солдаты (уличено 6 человекъ: Николаевъ, Фроловъ, Шлыковъ, Бѣлоглазовъ и друг.); затѣмъ купеческія дѣти (2) и сами сбѣжавшіе крестьяне другихъ губерній. Лицо духовнаго званія—какъ и быть надо—пономарь, открытъ на пути канцелярію для снабженія желающихъ фальшивыми паспортами. Все число сбѣжавшихъ крестьянъ только изъ трехъ сосѣднихъ къ линіи губерній (Пензенской, Сибирской и Саратовской) простирается до 2.084 чел. Изъ этого

числа наибольшую часть успѣли задержать на мѣстахъ; другую возвратили изъ Оренбурга и Уральска (802) въ ножныя кандалы и за карауломъ отъ внутренней стражи. Кромѣ того, въ Сибирской губ. поймано бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ другихъ губерній 203 чел. (Пенз. 86, Саратов. 48, Нижегород. 49, Казан. 15, Тамб. 1, Рязан. 18, Вологод. 1; въ Курмышскомъ уездѣ поймано 35 чел. изъ Нижегород. губ.). Однако, изъ всего числа сбѣжавшихъ 27 пропало безъ вѣсти, 20 умерло въ дорогѣ, 8 чел. товарищи отбили изъ-подъ караула; многіе успѣли ускользнуть отъ учета. Какъ великъ былъ приливъ народа въ Оренбургскую губ., можно отчасти судить по тому, что изъ одного уфимскаго казначейства парасходовано на отправку бѣглыхъ крестьянъ 15.332 руб. 70¹/₂ коп. Очень многіхъ мѣстныхъ начальства, подъ видомъ бродягъ и цѣлыми семьями, отослали въ Сибирь на поселеніе. По наслѣдованіямъ сенатора князя А. А. Долгорукаго, главнѣйшею причиною побѣговъ было нелѣпное толкованіе распоряженій, предписанныхъ указомъ 23 февраля 1823 года относительно бродягъ.

Въ 1847 году большая часть Витебской губерніи двинулась къ Петербургу и уже подъ Порховымъ оставлена была вооруженною силою. Сколько разъ подобныя же слухи шевелили и поднимали большія массы народа во многіхъ другихъ губерніяхъ, какъ случилось, напримѣръ, въ Псковской, Новгородской, Воронежской, Курской, Киевской, Могилевской, Подольской и проч. Старательно преслѣдуя всѣ подобнаго рода движенія и народныя заявленія и сурово устрояя ближайшія причины,—преслѣдователи оставляли въ почвѣ корни, изъ которыхъ одинъ вырванъ великимъ актомъ освобожденія отъ крѣпостного сословія; другіе корни остались въ почвѣ. Малоземелье въ хлѣбородныхъ южныхъ мѣстахъ, неурожаи, нерѣдко преслѣдующіе изъ года въ годъ въ мѣстахъ гѣсныхъ и болотистыхъ, до сихъ поръ, вмѣстѣ съ другими причинами, даютъ этимъ скрытымъ корнямъ штателъные соки въ достаточной мѣрѣ.

Съ поразительною очевидностью Сибирь ежегодно убѣждается въ томъ, что наибольшее количество высылаемыхъ за „бродяжество“ является изъ южныхъ губерній степной полосы Россіи. Средняя цифра принадлежитъ внутреннимъ губерніямъ средней полосы (въ большей мѣрѣ подмосковнымъ, въ меньшей—западнымъ). Самая малая, сравнительно ячточная цифра падаетъ на сѣверныя губерніи и остзейскія. Сильное на югѣ народное переселеніе слабѣетъ въ центръ и уничтожается на сѣверѣ. Оно, какъ бы небалованное условіями теплаго климата и продолжительностью благоприятныхъ временъ года, ослабѣваетъ, истощаясь въ своихъ силахъ при близости полярныхъ холодовъ и пропадаетъ въ

непроходимыхъ, темныхъ и ненаселенныхъ лѣсахъ сѣвера, на топкихъ и скудныхъ тундрахъ и болотахъ его. Приволье степей увеличиваетъ его разбѣры и, расширяя пути, даетъ готовые тропы. Непривѣтливость сѣверныхъ лѣсовъ заслоняетъ эти пути, теряющіеся въ непроходимыхъ чащахъ, и замечаетъ снѣжными сугробами тѣ дороги, которыя легко укладываются въ ложбѣ мѣстѣ въ степи. Условія народной жизни измѣнились. Примѣненіе труда и народныхъ силъ приняло другое направленіе, противоположное тому, за которымъ до сихъ поръ слѣдила исторія.

Во времена отъ насъ далекія, когда южныя степи оберегались воинственными кочевниками восьми наименованій, разбивавшими и разрушавшими жизнь русскихъ славянъ на югѣ, вся сила движенія направлена была въ противоположную сторону, на сѣверъ. Въ первобытныхъ, непочатыхъ лѣсахъ его видѣлись два богатыря: Москва и Новгородъ. Когда первой удалось притянуть къ себѣ всѣ разрозненные, но однородныя части и составить сильное цѣлое, второй уже успѣлъ осилить новыя препоны и далъ народному движенію новое направленіе на востокъ—въ Сибирь. На сѣверѣ отъ стеной продолжала укрѣпляться и сосредоточиваться русская жизнь, поразительная своею самобытностью и невнимательная по необычайнымъ успѣхамъ колонизаціи. Вольные люди искали новыхъ земель и оживляли трудомъ своихъ тѣ, которыя удалось занять при содѣйствіи собственныхъ общинъ или по призыву богатыхъ собственниковъ, между которыми въ ряду колонизаторовъ очутились даже монастырскія общины и, притомъ, оказались самыми способными и опытными, къ которымъ охотнѣе приставали прежніе вольные люди. Частное право перехода отъ одного владѣльца къ другому, болѣе выгодному, съ безплодныхъ земель на плодородныя, стало на сѣверѣ изъ обычнаго права народнымъ, вошло въ послѣдующія узаконенія, служило народу выходомъ на несчастные случаи, неблагоприятные для осѣдности. Суровый климатъ и неблагоприятная почва, встрѣтившіе припелецъ невзгодами повальныхъ болѣзней и частыхъ голодовъ отъ неурожаевъ, закрѣпили за народомъ право перемѣнять мѣсто, какъ естественное. Къ негостеприимной странѣ и неблагоприятнымъ займищамъ и урочищамъ народъ могъ прибѣгать на время, но не былъ въ состояніи прикрѣпиться навсегда. Побѣжденные природою и желавшіе пользоваться естественнымъ человѣческимъ правомъ свободы уходили на призывъ хвастливаго и тароватаго. Равнымъ образомъ, снимались и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ земля не давала надежныхъ выходовъ и гдѣ прошла война, сопровождавшаяся, по обычаю тѣхъ временъ, страшными опустошеніями и грабежами. Населеніе, оживлявшее лѣса и борющееся со всѣми пре-

пятствіями, встрѣченными въ нихъ, продолжало находиться въ постоянномъ движеніи и кочевало по тому же способу, какъ и тѣ аборигены страны, которыхъ вытѣсняли они съ лучшихъ мѣстъ. При отсутствіи границъ въ русской землѣ, это скитаніе по лѣсамъ было безконечнымъ и вело народъ къ какому-то осѣдлому кочевью. „гдѣ“ — по словамъ одного изъ историковъ нашихъ— „всякая осѣдность казалась временною, а всякій переходъ совершался осѣдности ради“. Такимъ образомъ, самое завоеваніе такъ же кочевало, какъ и племена; но завоеваніе на этотъ разъ увѣчалось тѣмъ успѣхомъ, что вся громадная лѣсная равнина осталась за восточнымъ славянскимъ племенемъ. Здѣсь, въ предѣлахъ этой равнины, главнымъ образомъ сосредоточивалось это кочевье осѣдлаго народа и находилось въ полномъ разгарѣ, являлось безконечнымъ даже и на то время, когда Московскому царству показало оно и несвоевременнымъ и вреднымъ. Годуновскій указъ о прикрѣпленіи народа къ той землѣ, на которой кого засталъ указъ, оказался только сильнымъ попыткою остановить народныя стремленія перемѣнять мѣста подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ, отъ той или другой причины, которыя на времена первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ оставались тѣ же. Число принявшихъ людей на первое время уменьшилось, но предѣлы расширились приобрѣтеніемъ новыхъ странъ и очисткою лѣбородныхъ и соблазнительныхъ степей отъ элементовъ, до сихъ поръ сдерживавшихъ стремленіе русскаго народа въ эту сторону. Не сильное въ началѣ, но такое же устойчивое и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, такое же неуступчивое ко всякимъ препонамъ, народное передвиженіе заручилось новыми поводами, выравнившимися въ крутыхъ и суровыхъ преслѣдованіяхъ за старую вѣру и новые религіозные толки. При второмъ изъ Романовыхъ, царѣ Алексѣѣ, народное движеніе, вызванное новыми невзгодами, стремилось и по старымъ тропамъ на востокъ, въ Сибирь, бросалось и въ обратную, на сѣверъ, къ шведскимъ рубежамъ, кидалось въ отчаяніи и по новымъ сиротскимъ дорогамъ на донскія и приволжскія степи, искало помощи и защиты и на западѣ, за рубежомъ литовскимъ. Какъ до сихъ поръ Новгородъ стремился на востокъ, такъ теперь Москва устремилась и на югъ и на западъ, куда ни пошло.

Въ такомъ народномъ броженіи принялъ Россію Петръ, думавшій установить государственный строй по опытамъ и образцамъ Европы, но въ этихъ стремленіяхъ сумѣвшій дать народу новые поводы къ протесту противъ нововведеній. Тѣмъ же бѣгствомъ въ разныя и дальнія стороны отвѣтилъ народъ на указъ Петра о ревизіи, на послѣдующіе указы его о рекрутствѣ, преслѣдованія за старую вѣру, на прикрѣпленіе къ заводамъ и тяжелыя непривычныя ра-

боты и проч. Расширение владѣльческихъ правъ подъ именемъ крѣпостного, сурово выразившееся при Аннѣ и достигшее своего полного апогея при Екатеринѣ II, дало новые питательные соки народному стремленію къ переменѣ мѣста. Народъ бѣжалъ и отъ второй ревизіи при Елизаветѣ, и отъ рекрутства, обратившагося въ государственныя приницы и затрогивавшаго чувствительныя семейныя узы въ самыхъ здоровыхъ звеньяхъ и улахъ. Отъ нерѣдкихъ и всегда неожиданныхъ козвѣственныхъ кризисовъ народъ также попрежнему снѣшилъ подниматься съ насиженнаго мѣста и шелъ искать приволья и счастья тамъ, гдѣ указать ему старинныя преданія или сегодняшній заманчивый слухъ, пущенный какииъ нибудь доброхотомъ.

Какъ нѣкогда Сибирь была для народа тою обитованною страной, гдѣ бабы бьютъ соболей вороньими, такъ потомъ, когда народъ распозналъ, что и въ Сибири то же солнышко свѣтитъ, Ханаятъ его сталъ въ степяхъ, сначала оренбургскихъ, потомъ новороссійскихъ. Въ настоящее время онъ ждетъ новыхъ указаній, но частями не остановилъ своихъ стремленій по знакомымъ и старымъ тропамъ. Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что съ половины прошлаго вѣка опредѣлительно высказался переливъ населенія съ сѣвера на югъ, и им, во всякомъ случаѣ, переживаемъ то время, когда эта народная работа еще не доведена до конца. Народъ еще не кончилъ своей роли и не выигралъ своему призванію, какъ колонизатора. Какъ прежде ни запретныя указы царей и сената потомъ, ни напряженныя усилія прежнихъ сыскныхъ и послѣдующихъ воинскихъ командъ не клани препонъ, такъ и теперь не сильны ручательства тому, чтобы народъ отказался отъ миссіи, которую онъ выдержалъ съ такимъ успѣхомъ и которую осазательно выразилъ въ стремленіяхъ къ обладанію Азією. Временныя кровавыя уроки народъ скоро забывалъ, но наболѣвшее мѣсто продолжало по прежнему жить въ народномъ организмѣ и сказываться при первомъ, даже легкомъ уколѣ. Способъ леченія посредствомъ такъ называемой паспортной системы — какъ всѣмъ и давно извѣстно — не имѣлъ никакого успѣха, а огромная корпорація старообрядцевъ приняла паспортъ за печать аятыхриста.

Къ концу этой борьбы за право существованія на возлюбленномъ и сытномъ мѣстѣ, съ одной стороны, и за право виманія податей и разнаго рода сборовъ — съ другой, стало ясно теперь, что народныя переселенія устремились въ противоположную сторону. Сѣверъ, нѣкогда сильный огромными городами и богатыми селами, громкій торговлю въ далекихъ заморскихъ странахъ, затихъ, обдѣлѣнъ и пустыетъ. Оставшіяся на немъ и послѣдннѣ достались въ наследство кое-какіе слѣды богатства предковъ, которое любилъ, между прочимъ, выражаться въ большихъ

и богатыхъ церквахъ, выравилось во множествѣ ихъ и въ томъ, что при обиліи лѣсного матеріала, церкви эти выстроены изъ дорогого матеріала каменнаго. Стоять еще и до сихъ поръ: нѣкогда великій Новгородъ, при 6.095 жителей, съ 12 монастырями и 50-ю церквами; Вологда, куда Грозный царь думалъ перенести свою столицу изъ Москвы, — теперь съ двумя монастырями и 50 церквами на 27.822 жителей, Кострома съ 35 церквами и 2 монастырями на 41.266 жителей, Ростовъ Ярославскій съ 24 церквами и 4 монастырями на 18.016, Угличъ съ такимъ же числомъ церквей и 2 монастырями на 9.698, Владимиръ (Залѣвскій) съ 30 церквами на 28.315 жителей, Костромской Галичь съ 16 на 6.182, Устюжна съ 17 на 5.109, Юрьевецъ съ 17-ю церквами на 4.778. Въ Новгородѣ тѣ монастыри, которые находились въ чертѣ самаго города, лежатъ теперь въ 3 и 7 в. отъ него. Въ Холмогорѣхъ тѣ Матигоры, на которыхъ жила воевода, отстоятъ на 5 версты отъ этого города, и теперь протянушагося на три версты и собою обладающаго 6 церквей на 1.112 жит. самаго бѣднаго люда. 24 церкви, большія, каменные и старинныя, сохраняютъ другой древній и торговый городъ Каргополь, съ населеніемъ теперь въ 2.952 жит., въ которомъ, такимъ образомъ, на 80-ти человекѣхъ лежитъ обязательство поддержки бѣлаго причта и церкви. Какъ новгородчина (колонизаціонное вліяніе которой ограничивается на югъ Волгомъ) поступилась своимъ народомъ для Сибири, гдѣ два города выросли до двадцатитысячнаго населенія, а селенія стали похожи величиною на города, такъ точно московскіе люди выстроили такіе большіе города, какъ Воронежъ (84.146), Саратовъ (137.109), Харьковъ (174.846) и Астрахань (118.001) на югъ, и разбрелись въ такомъ количествѣ, что у себя дома оставали воспоминаніе о многихъ городахъ только въ бѣдныхъ селлахъ и пустыхъ урочищахъ. Когда понадобились Екатеринѣ города въ селлахъ, почти ни одно изъ нихъ не дошло и до нѣкотораго подобія этихъ твореній нѣмецкаго изобрѣтенія, но не русскаго дѣла. Между тѣмъ, во времена этой же императрицы, опирающейся на завоеванія Потемкина, новороссійскія степи открылись для русскіхъ людей и стремленіе нашего народа на югъ выразилось въ самыхъ очевидныхъ и крупныхъ формахъ. Населеніе съужло здѣсь сосредоточиться въ городахъ съ такою быстротою, которая по истинѣ поразительна: Волжскъ съ 1781 года выросъ въ городъ съ 27.039 жителей, Екатеринбургъ, заложенный въ 1786 г., имѣетъ теперь 121.216 жителей, Херсонъ съ 1778 г. возросъ до 69.219. Изъ крѣпости св. Дмитрія (1749 г.) выросъ на Дону городъ Ростовъ съ 119.889 населенія; изъ бѣдныхъ татарскихъ деревушекъ стали такіе города, какъ Таганрогъ (1770 г.) съ 51.965, Николаевъ (1791 г.)

сть 92.060 в Одесса съ 405.041. Въ 1837 году деревушка, превратившаяся въ город Бердянскъ, имѣетъ теперь 27.247 жителей. Воронцовъ принималъ бѣглецъ за припелцовъ и, подобно де-Геннингу (основателю Екатеринобурга), умѣлъ дѣлать изъ опасныхъ людей безопасныхъ и полезныхъ, вѣдряя ихъ на пустопорожныхъ благодатныхъ черноземныхъ земляхъ юга.

Такой обмѣнъ и переливъ народныхъ силъ, устремившихся изъ лѣсовъ въ степи, съ сѣвера на югъ, случился до нѣкоторой степени послужить причиною, что многія цивилизующія начала, прилагаемыя по европейскимъ образцамъ, до сихъ поръ не имѣютъ успѣха, въ особенности по отношенію ко введенію такъ называемой паспортной системы. По самому существу колонизація, та же причина выразилась въ неправильномъ распредѣленіи народныхъ силъ, которыя успѣли во многихъ мѣстахъ расположиться такъ, что перемали черезъ край, выяснились же тѣмъ закономъ малоземелья и высказались прежнимъ желаніемъ народа переселиться дальше на новыя мѣста. Въ наше время на призывъ на вновь прибрѣтенныя земли, наравнѣ съ нѣкоторыми изъ лѣсныхъ губерній (каковы Вятская, Пермская, Московская и Владимирская), вызываются охотники изъ степныхъ (каковы Орловская, Тамбовская, Воронежская и Киевская). Такъ сказалося это при заселеніи Амура и сказывается въ призывѣ въ Крымъ и на Кавказъ и въ нынѣшнія времена на Уссури, Аму-Дарью, въ южныя сибирскія страны, въ Ташкентъ. Въ то же время не перестаетъ народное передвиженіе въ прежнемъ направленіи на черноземныя степи и черезъ нихъ: подъ названіемъ „самовольно зашедшихъ“ изъ губерній, бѣдныхъ поземельныхъ надѣломъ, являются въ русскія степныя и южныя губерніи эти остаточные служители древняго русскаго начала и представители отживающей, но еще живой силы народнаго духа. Менѣе находчивые изъ нихъ возвращаются по этапамъ на родину; болѣе твердые въ своихъ намѣреніяхъ, для которыхъ опостылѣла родина, закрываютъ себѣ на всегда обратный путь въ нее, сказываясь „ничего не знающими“ и прикрываясь именемъ „непомятыхъ родства“. Эти люди терпятъ заточеніе, подвергаются суду, получаютъ наказаніе. Зная, что за упорное заирательство въ показаніяхъ законъ сулитъ имъ замѣну добровольно набранныхъ мѣстъ на ссылку на поселеніе, эти люди, настойчиво увѣряя въ томъ, что ничего не знаютъ и не помнятъ, идутъ въ Сибирь только для того, чтобы не возвращаться назадъ на немилую родину, съ которою успѣли окончательно разсчитаться. Въ Сибири не придется имъ установиться на мѣстѣ, тамъ снова начнутъ они бродить, но уже отъ другихъ причинъ, порождаемыхъ самою страшною

и способами сибирскаго поселенія (объ этомъ дальше).

Не смотря на то, что многіе, „самовольно зашедшихъ“ на югъ и по нѣсколько лѣтъ не переменяющимъ паспортовъ, удастся до несчастныхъ случаевъ укрываться на дальнихъ морскихъ рыболовныхъ ватагахъ *) (не по одному десятку лѣтъ жить со старыми видами и по званію на персидскихъ и турецкихъ водахъ), не смотря на это, число пойманныхъ и выразившихъ желаніе идти на поселеніе въ Сибирь, каждый десятокъ лѣтъ, весьма значительно. Съ соразмернымъ постоянствомъ цифра ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество ежегодно повторалась въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ губерніяхъ южныхъ и при этомъ арео выяснялся тотъ законъ, что такое переселеніе производится семьями: количество женщинъ немного уступаетъ количеству мужчинъ. Слѣдовательно, предпринимаемая она не ради бѣднѣлаго скитанія съ мѣста на мѣсто, чтобы, на правахъ бродягъ, считаться людьми безъ призванія, лишенными предусмотрительности и энергіи и пришедшими въ то нравственное состояніе, при которомъ исчезаетъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Тянулись на югъ, при крѣпостномъ правѣ, дворовые охотливѣе и чаще всѣхъ другихъ сословій; брели въ большомъ числѣ болѣе свободные государственные крестьяне. Оказалось, что теперь сравнялись съ ними въ этихъ стремленіяхъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне, облегченные отъ пути крѣпостного права. Идутъ на югъ и бѣглецы изъ Сибири (въ 20 лѣтъ выслано отсюда пошавшихся и уличенныхъ 430 человекъ **).

Какъ на волжскихъ, каспійскихъ и азовскихъ водахъ еще многіе охотникамъ сказываются непомятыми родства удалось скорониться отъ ссылки подъ прикрытіемъ экономической необходимости и безвыходнаго положенія блуждающей закона ***) , такъ и въ Россіи удастся от-

*) Известно, что когда приводили въ ясность число безпаспортныхъ, занимающихся рыболовствомъ на астраханскихъ водахъ, цифра изумила величиною: насчитано было такихъ людей около пятинадцати тысячъ! Нисколько не меньше ихъ на водахъ Азовскаго моря; не считаны они на Куринскихъ рыбныхъ (Божьихъ) промыслахъ. На южномъ берегу Персидскаго залива, въ особенности на водахъ богатой рыбной рѣки Сифудъ-руды, русскіе рыбаки живутъ по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ, не принимая персидскаго подданства, но и не поддерживая особенныхъ связей съ отечествомъ.

**) Изъ Астр. губ. выслано за бродяжество 333 муж. и 55 жен., изъ земли войска Донскаго 1.245 муж. и 214 жен. въ 20 лѣтъ (съ 1827 по 1847 годъ).

***) Въ известія намъ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846 г.) число сосланныхъ въ Сибирь за бродячество распредѣлялось въ такомъ отношеніи по южнымъ и степнымъ губерніямъ (считая мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ: 1) Ставро. 947; 2) Екатер. 730; 3) Херс. 642; 4) Полт. 642; 5) Черн.

бывать много изъ тѣхъ, которыхъ, по всѣмъ признакамъ, можно считать истинными бродягами въ болѣе близкомъ къ настоящему смыслу, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы рассказывали сейчасъ. При всѣхъ усиліяхъ и частныхъ и упорныхъ преслѣдованіяхъ, въ народѣ не могли искоренить живучаго начала бродячества и оно съумѣло проявиться въ такихъ формахъ, при которыхъ стало терпимо, очутилось вѣдъ преслѣдованій. Прихотливо развѣтываясь на многія отрасли, русское бродяжество, въ каждомъ изъ видовъ своихъ, успѣло прикрыться благодѣльнымъ покровомъ и встать подъ защиту того самаго общества, которое изъ породило, воспитало и въ отживающей и одрагившей формѣ охотливо покровительствуетъ приюту, питаетъ и грѣетъ. Общественная оборона явилась для многихъ изъ этихъ родовъ бродячества въ такомъ крупномъ видѣ, что для преслѣдователей нѣтъ ни правъ, ни возможности одолѣть ловко прикрытые остатки наслѣдія отцовъ и пращуровъ.

Всматриваясь съ большимъ подробностью въ различные виды скитальцевъ, мы видимъ, что многіе изъ нихъ, по разнообразнымъ вызовамъ, основали свое право на экономическія условія страны и представляются тѣмъ законнымъ явленіемъ, безъ котораго не полна народная жизнь. Для нихъ скитальчество — наружная форма: одни изъ скитальцевъ стоятъ подъ защитою коренного народнаго свойства — всеобщаго стремленія къ такъ называему благодѣланію; другіе прикрылись ремесломъ; для третьихъ оказался удобнымъ промыселъ; четвертые бродятъ подъ видомъ торговцевъ, и проч.

Нѣтъ тѣхъ саятъ, которыя могли бы остановить цѣлыя массы народа, движимыя принципомъ религіозности и увлекаемыя къ мѣстамъ, почему бы то ни было признаннымъ народомъ за священныя. Нѣтъ тѣхъ знаій, которыя были бы способны разграничить искреннія религіозныя побужденія съ меркантильными, чисто-коммерческими предпріятіями, только снаружи прикрытыми маскою неподдѣльнаго религіознаго чувства. Нѣтъ тѣхъ средствъ, которыя могли бы противостоять напыву массъ шарлатановъ и обманщиковъ, которые, подъ видомъ духовнаго дѣла, ведутъ мелочную торговлю, спекулируютъ

на религіозныя вѣрованія такимъ же нечистымъ промысломъ и, устроивая на той и на другомъ свое личное благосостояніе, въ то же время поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія, питаютъ въ немъ крупныя и многочисленныя остатки язычества. Для такихъ обѣтныхъ хожденій по святымъ мѣстамъ русскимъ, ближнимъ и отдаленнымъ, сдѣлались цѣлью существованія, превратились въ вѣчное движеніе, безконечное скитаніе, въ хроническую болѣзнь, въ промыселъ. Люди эти понятныя народу и любезны ему: нѣтъ того мѣста въ Россіи, для котораго не было бы своего Іерусалима, каковаго нибудь города или села, или родника съ чудотворною мѣстною-чтимой иконою, съ подспудными мощами святого подвижника и цѣлителя тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ. Обѣтное хожденіе къ такимъ мѣстамъ съ молитвою нѣбывается въ обязанность всякому, желающему получить облегченіе и отъ грѣховъ и отъ недуговъ. Восходя мыслію объ обрядномъ обязательствѣ хожденія по святымъ мѣстамъ, народъ нашъ особенно чтитъ дальнія святыя мѣста. Въ мучительно-трудномъ пути къ этимъ мѣстамъ овъ видитъ одинъ изъ путей къ облегченію душевныхъ скорбей и вѣроятіе достиженія блаженства въ райской загробной жизни. Вотъ почему Соловецкій монастырь, удаленный за гѣсами и болотами и поставленный среди моря „на отокѣ океана“, считается ежегодно богомольцевъ и рубли, оставленные имъ, тысячами, и путешествіе въ Сирійскій Іерусалимъ, черезъ землю невѣрныхъ и зловѣрныхъ, считается верхомъ торжества для души, ищущей земного спокойствія. Лавры Троицко-Сергіевская и Києво-Печерская, непремѣнно достигаемая пѣшнымъ способомъ со вкушеніемъ всяческихъ невгодъ, для жителя сѣверныхъ гѣсныхъ губерній (вторая) и для жителей степныхъ южныхъ (первая) приближаютъ радость утѣшенія, всецѣло доставляемую собственно лишь однимъ Іерусалимомъ.

Видя въ самомъ процессѣ труднаго пѣшаго путешествія богоугодный подвигъ, задавшись мыслію и твердо стоя на положеніи, что только та молитва скорѣе идетъ къ небу, которая у самыхъ негнѣвныхъ тѣхъ препоручена заступникамъ и угодицамъ Возжинымъ, народъ видитъ затѣвъ во всѣхъ странникахъ подобнаго рода счастливицевъ, божьихъ людей. Препоручая себя молить этихъ людей, народъ вездѣ, на всѣхъ пунктахъ (даже и на большихъ торныхъ дорогахъ), даетъ этимъ странникамъ бесплатный приютъ, даровой прокормъ и деньги въ натурѣ на дальнюю путь-дорогу и на задравную и заупокойную просфоры. Главнѣе всего, съ этими странниковъ берутъ обѣщаніе, приправленное усердною просьбою, не оставлять ихъ святыми подарками на обратномъ пути и не обходять ихъ изъбы окольной дорогою, не принеся или тѣхъ освященныхъ памятокъ, какими съ из-

(21; 6) земли войска Донск. 566; 7) Киевской 528; 8) Таврич. 437; 9) Курской 410; 10) Бессараб. 402; 11) Харьк. 368.

Изъ сѣверныхъ гѣсныхъ губерній за тоже время выслано бродягъ: изъ Вологод. 43 (36 м., 7 ж.), Арханг. 27 (22 м., 5 ж.), Олон. 24 (21 м., 3 ж.). Эти цифры самыя меньшія. Изъ Финляндіи и царства Польскаго за бродяжничество не выслали; изъ Остзейскихъ губ. очень мало (изъ Курл. 48, изъ Эстляндской 12). Самая крупная цифра по этому роду семейныхъ принадлежатъ губерніямъ Тобольской, Оренбургской и Пермской по причинамъ, которыя мы объяснимъ дальше (въ первой собрано 2.553, изъ второй выслано 957; изъ третьей—953 человека).

быткомъ запасаются монахи святыхъ мѣстъ и какими въ обиліи снабжаютъ они богомольцевъ. Не знаютъ того и не хотятъ знать простые и довѣрчивые деревенскіе люди, что почасту мимо нихъ проходятъ въ Соловки такіа артели, которыя въ прошломъ году бродили около Москвы, года черезъ два очутятся въ Кіевѣ, еще черезъ нѣсколько лѣтъ попадутъ на Афонъ и въ Іерусалимъ. Не знаютъ они, что вся жизнь артелей यहां проходитъ въ постоянномъ, неутомимомъ бродяжествѣ, что бродяжество успѣло опутать ихъ соблазнами и тенетами легкаго промысла такъ, что многіе странники сами не видятъ во мнимомъ спасеніи своемъ необходимаго грѣха противъ личной совѣсти и противъ общества. Нѣтъ простому человѣку дѣла до того, что это—тунецады, что артели ихъ сбиваются грѣховно и большею частью на самыхъ корыстныхъ расчетахъ и служатъ одному изъ семи неутомимыхъ и смертныхъ грѣховъ. Нѣтъ нужды рѣшать такіа дѣла, гдѣ замѣшалось дѣло совѣсти—самыя темныя дѣла, судить которыми народъ нашъ, по многовѣковой привычкѣ, не умѣетъ и не любитъ. Охотно слушаетъ онъ потомъ рассказы о всѣхъ необычайныхъ явленіяхъ вроде стона грѣшныхъ душъ, слышимыхъ во адѣ черезъ отверстіе въ іерусалимскомъ храмѣ, и вѣрить имъ всею свѣтотою своего ума, всею восприимчивостію своего сердца, боясь не довѣрить имъ изъ страха смерти. Вѣрить народъ въ обихъ случаяхъ и тому рассказчику, который самъ воспринялъ все слышанное и видѣнное на свою свѣтлую вѣру, и тому, который живо-привычною и медово-сладкою рѣчью хитро прикрываетъ личное безвѣріе и, выкладывая съ языка рассказы о чудесахъ, въ умѣ своемъ раскладываетъ счеы и грѣшныя соображенія о количествѣ и качествѣ денежныхъ и другихъ наградъ за повѣствованія *).

Насколько слѣпо въ народѣ довѣріе, производимое религіозными возбужденіями, и насколько простосердечна вѣра, преданная разумѣнію одной вишней обрядности, настолько часты въ жизни народа такіа заключенія, которыя происходятъ отъ обмановъ и подлоговъ, употребляемыхъ людьми хитрыми и злонамѣренными. Сколько разъ ловила въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи наша неумудрая земская полиція цѣлыя шайки бродягъ съ перламутровыми образами и крестами, съ поддѣльными частицами мощей и отломковъ отъ креста Христова, бродягъ, переодѣтыхъ въ монашеское платье и выдававшихъ себя за грековъ изъ Іерусалима или съ Афонской горы. Нахичеванскіе армяне такіе подлоги обратили въ особый видъ промысла и коммерческаго предпріятія,

основаннаго на запасѣ вещей, хорошо идущихъ въ торговлѣ: камешками разнаго вида, образами, четками, евангеліями, кусочками разнаго рода и даже пескомъ, удобрѣмъ, что все это изъ Іерусалима и что деньги собираютъ на гробъ Господень. И сколько еще ходитъ по большимъ и столичнымъ городамъ такихъ странниковъ въ полумонашескомъ платьѣ, которые, со смиреніемъ на лицахъ, повѣствуютъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ, но сбиваются на географическихъ и другихъ показаніяхъ и потомъ доходятъ въ кабакахъ въ пьяномъ и безобразномъ видѣ и безъ всякихъ видовъ.

Замѣчательно, что любилъ спекулировать этихъ большею частью армяне деревень Нахичеванскаго уѣзда, запасавшіеся передъ уходомъ заграничными паспортами на Джульфинской таможенной заставѣ въ персидскихъ предѣлахъ. Здѣсь разрѣшена персидскимъ властямъ выдача билетовъ персіанамъ, идущимъ на заработки въ Россію. За условленную плату закавказскимъ (русскимъ) армянамъ здѣсь же выдавали билеты съ пропискою, что они—греческіе священники. Нѣкоторые запасались заграничными паспортами и отъ тѣхъ армянъ, которые приходятъ изъ Турціи. Опытные и бывалые умѣли накалывать на рукахъ татуированные знаки, изображающіе распятіе, или святыхъ или просто кресты. По деревнямъ русскимъ они удобрѣютъ, что эти знаки накалоты самимъ іерусалимскимъ патриархомъ. Эти плуты не бреютъ бородъ, носятъ священническія рясы и шляпы, вроде невмыскаго монашескаго клобука; службою молебновъ наживаютъ большія деньги, особенно на ярмаркахъ въ Нижнемѣ, Харьковѣ и Полтавѣ. Въ опасныхъ мѣстахъ они рясы снимаютъ и ходятъ они купцами съ коробками, предъявляя уже нахичеванскіе паспорта. По многимъ мѣстамъ и нихъ заведены притоны и передатчики награбленныхъ обманомъ денегъ. Черезъ притонщиковъ этихъ ведется переписка съ родными; въ домахъ у нихъ производятся и переодѣванія. Нѣкоторые изъ мошенниковъ-армянъ успѣвали сдѣлаться кое у кого по кучечеству духовниками, помимо которыхъ въ настоящемъ уже и не ходили, а у этихъ пришлецовъ крестили младенцевъ и проч. Наслѣжены такіе мошенническіе притоны на Волгѣ, на Дону (въ землѣ казачьей), въ Харьковѣ, Сибирскѣ, Новочеркасскѣ,—по большей части у армянъ же *).

* О бродяжествѣ этого характера и разныхъ видовъ авторъ говоритъ въ отдѣльномъ сочиненіи, изд. въ 1877 году подъ названіемъ «Бродячая Русь Христа-ради».

*) 7-го іюня 1890 г. московскій окружной судъ приговорилъ въ восьмилѣтнюю тюремную заключенію перса Якова-Боба Ибрагимова, выдававшего себя за священника православной константинопольской патриархіи и присвоившаго крупныя пожертвованія на Афонскіе монастыри. На судѣ выяснилось, что въ Москвѣ существуетъ правильно организованная партія поросовъ-христіанъ, занимающихся тѣмъ же. Одѣтые въ священническія рясы, они по подлож-

Огромныя толпы нищих покрываютъ всё церковныя паперты въ городахъ и селахъ, площади на базарахъ и площади на ярмаркахъ. У одиночно-просащитъ милостыню нищихъ кругъ скитальчества не широкъ, ограниченный своимъ околоткомъ. У каждаго во всѣхъ деревняхъ по сосѣдству имѣются такія избы и семейства, которыя во всякое время готовно отпираютъ нищей братіи ворота и двери, открываютъ печь, припасаютъ теплое и уготованное мѣсто для ночлега и красный уголъ для разказовъ о сонныхъ видѣніяхъ и приключеніяхъ въ сосѣдствѣ. Носить эта нищая братія худыя вѣсти съ чужого двора, не видя и не чуя въ нихъ грѣха сплетни, не предполагая въ своемъ лицѣ ясныя и опредѣленные черты неумытнаго ремесла вѣстовщицы, межидворницы, готовой подслужиться и семейному раздору и общественной неурядицѣ. Смирненіе, обязательное для молитвенницы, переходитъ въ грѣхъ пересуда и осужденія въ чужомъ глазу спиды; изъ легкаго ремесла становится привычкою и промысломъ, у котораго опять—таки одинъ исходъ—бродяжество, безмѣстное шатаніе, безночное вочевье. Если по смыслу пословицы: „отъ поваженнаго, что и отъ наряженнаго, отбою не бываетъ“, то и нищенство, подпадая подъ форму бродячества, не имѣетъ на Руси конца и мѣры и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи доходитъ до страннаго, неожиданнаго и крайняго предѣловъ. Вездѣ, гдѣ только какое нибудь случайное возбужденіе—во имя молитвы, а кстаті тутъ же и ради торговли—собираетъ толпы народа, сбиваетъ торгъ, базаръ, ярмарку, вездѣ во всѣхъ такихъ мѣстахъ нищая братія является съ неизмѣннымъ и несокрушимымъ своимъ правомъ, столько же древнимъ, какъ сама Русь. На большую часть въ бойкіе торговые пункты нищие приходятъ въ плотно слаженныхъ артеляхъ. У этихъ артелей нѣтъ уже нынѣ цѣлей, кромѣ разчитанныхъ коммерческихъ соображеній на промыслѣ горломъ и смиреннымъ видомъ. Часть заработаннаго капитала поступаетъ въ руки того слѣпца-подрядчика, который сблизъ эту кучу попронаекъ въ артель и подобралъ голоса по давней привычкѣ и личнымъ соображеніямъ: громкому голосу, при хорошей памяти, положить большую плату, слабый голосъ, при маломъ знаніи стиховъ и старая, оцѣнилъ меньшимъ паемъ. Смирненное сидѣніе надъ деревянною чашечкою, съ опущенными долу слѣпыми очами, поддѣвано и наведено только для базара и народа. За глазами базара оно скидается, какъ тяжелое, гнетущее бремя, и видимо благочестивая и смиренная артель въ заговоренныхъ кабакахъ развертываетъ сдержанный базаромъ и корыстью страсти: многіе слѣпые оказываются

зрячими, многіе хромые и безногіе пляшутъ трепача подъ вліяніемъ разжигающей влаги. У цѣловальниковъ до сихъ поръ свято правило называть самую лучшую воду нищимъ. Ни одна артель не живетъ такимъ обиліемъ всяческихъ дрягъ и сваръ, ни въ одной не бываетъ такихъ ожесточенныхъ кровопролитій и темныхъ нечестныхъ дѣлъ, вродѣ умыканія (похищенія) чужихъ дѣтей, нерѣдко сопряженнаго съ искалченіемъ членовъ и, во всякомъ случаѣ, съ неизбежною порчею ихъ нравственности на полномъ просторѣ и раздолѣй этого вида бродячества. Большая часть бродягъ деревенскихъ нищихъ живетъ въ постоянныхъ круговыхъ переходахъ изъ мѣста на мѣсто, съ базаровъ на ярмарки, съ харьковской на полтавскую, съ Коренной на кіевскіе Контракты и проч. Живетъ этотъ родъ бродячества-промысла съ самымъ отдаленнымъ и темнымъ временемъ нашей исторіи до настоящаго дня, надежно пристроившись къ тому народному свойству, которое истекаетъ изъ религіи. Во многихъ губерніяхъ, въ особенности во Владимирской (Судогодскаго уѣзда), изъ-подъ Москвы, въ Пензенск. губ. Сараянскаго уѣзда, цѣлыя волости заколачиваютъ избы и уходятъ нищенствовать. При этомъ побираніе Христовымъ яменемъ принимаетъ форму настоящаго, правильно организованнаго промысла, вызваннаго либо замѣчательнымъ бесплодіемъ почвы (какъ въ окрестностяхъ Судогды), либо вѣковыми обычаями, не только ничѣмъ не сдержаннымъ, но даже находившимъ покровительство при крѣпостномъ правѣ (какъ въ деревняхъ подмосковныхъ и въ Калужской губерніи *).

На всегдашней готовности русскаго народа къ благотворенію немощныхъ, несчастныхъ и страдающихъ основатель расколъ самую живую и дѣятельную сторону своего дѣла—дѣло пропаганды, и разчитанно достигъ богатыхъ и счастливыхъ результатовъ. Такъ называемые „запросники“, въ постоянныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, полагали свое общественное служеніе, какъ долгъ, радніе и священное обязательство общинѣ. Семень Укленгъ всю жизнь свою не имѣлъ, гдѣ главу преклонить, но въ итогѣ увидѣлъ то, что молочанство изъ тамбовскихъ деревень перекинулось на Хоперь

*) Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго вѣхъ странствующихъ нищихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ и убогихъ, приходившихъ изъ сосѣднихъ губерній, хотя бы и по собственнымъ дѣламъ, а не только для испрошенія милостыни, принимали за бродягъ и высылали въ Сибирь. Указъ 23-го февраля 1823 года дозволялъ даже вѣхъ не предъявившихъ паспортовъ, не наводя никакихъ справокъ, сылать въ Сибирь. По почину калужскаго губернатора точнѣе опредѣлено закономъ значеніе бродяги, дозволено пошлникамъ возвращать крѣпостныхъ людей изъ бродягъ на пути слѣдованія въ Сибирь. а убогихъ и нищихъ отдавать, по принадлежности, на призрѣе самого народа, оставлять на родныхъ мѣстахъ и на родной почвѣ.

нимъ свидѣтельствамъ собираютъ на восточныя православныя святини и добытыя деньги дѣлятъ между собою.

и съ Дону перебралось за Волгу, далеко въ Самарскую степь. Кондратій Селдяновъ, съ тѣмъ же странническимъ посохомъ и въ видѣ бродяги, прошелъ по черноземной полосѣ глубоко съ юга до Петербурга, посѣщая хлыстовскіе „корабли“ и устраивая сіонскія „горницы“ скопцовъ. Наконецъ изъ того же принципа бродяжничества возникъ особый видъ раскольниковъ или такъ называемаго сопѣлковскаго согласия, ревнители котораго уже въ истинномъ смыслѣ люди, не имѣющіе гдѣ главу преклонить, по религиозному принципу уходящіе въ глубь лѣсовъ и во мракъ подпольевъ (подробности въ томъ же сочиненіи „Бродячая Русь“).

На разнообразномъ пространствѣ огромной русской земли народныя передвиженія съ мѣста на мѣсто для отысканія средствъ въ существованію на сторонѣ, когда ихъ вѣтъ на мѣстѣ, между прочимъ, разительно высказались въ существованіи такъ называемыхъ отхожихъ промысловъ. Изъ нихъ нѣкоторые многозначительны до того, что выводятъ населеніе многихъ мѣстностей поголовно (по крайней мѣрѣ на лучшую и здоровую часть его). Какъ промыселъ и ремесло, такъ и торговля искала привѣненія и путей для себя въ тѣхъ же переходахъ и скитаніяхъ по лицу земли русской. Эта разовидная подвижность населенія также глубоко скрыла начальные основныя корни свои въ давниихъ временахъ народной исторіи и также не стѣснялась пространствами и разстояніями. Какъ плотники и печники, шерстобиты и шубники уходятъ въ глубь Сибири, такъ нѣкогда ковровскаго и вязнизовскаго кодебщика-офеню видали за австрійскою границею и считали сотнями за Кавказомъ и за Ураломъ, десятками на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ государства, каковы побережья Вѣлаго моря и ссыльные мѣста Забайкальскаго края. Съ коробкомъ за плечами, съ аршинномъ въ рукахъ, офеня-разносчикъ почти круглый годъ (отъ середины одной макарьевской ярмарки до начала ея въ слѣдующемъ году), бродитъ изъ села въ село, съ люднаго базара и малаго торжка на большую и бойкую ярмарку. Шерстобиты ходятъ съ мѣста на мѣсто всю зиму, коновалы половину зимы и весну и проч.

Хотя кое-какія частныя распоряженія и, наконецъ, самое время и привѣненія экономическаго быта, съ проведеніемъ шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ, ослабили это скитальчество торговли, тѣмъ не менѣе оно производится еще и теперь, хотя и принятно въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Офени прикрѣпились къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сосредоточивали, они, главнымъ образомъ, свою торговлю, и бродятъ уже только по околицамъ средняго пункта, но за то ярославскіе салфеточники бродятъ еще по петербургскимъ и московскимъ домамъ, разнося полотна и полотенцы, а тверскіе и бѣевскіе гребенщики подають еще свой коалитный голосъ на столичныхъ дворахъ и улицахъ. Отхожіи промыслы въ столицы имѣютъ, сверхъ невыгодъ долговременныхъ отлучекъ для нравственности семей, еще ту особенность, что приучаетъ сельскаго жителя къ городской холостой жизни, несомнѣнно влияющей прямымъ и косвеннымъ образомъ на развитіе преступленій „протявъ нравъ семейственнаго состоянія“.

Не видать уже теперь въ такомъ множествѣ тѣхъ цыганскихъ таборовъ, которые, съ разломанными кибитками, со рваными и одѣтыми въ лохмотья женщинами, съ полуголыми ребятишками и съ краденными лошадьми, во множествѣ становились въ окрестностяхъ уѣздныхъ городовъ и большихъ торговыхъ селъ. Рѣже (и то только въ сѣверныхъ и среднихъ мѣстахъ Россіи) видится теперь эти бродяги изъ индусскаго племени, женская половина которыхъ занималась воровствою и кражею куръ и бабьяго тряпья въ то время, когда мужская пускалась на плутовской обитѣ краденныхъ лошадей. Тѣ и другіе отслужили свою достославную службу палочковому бездѣлію помѣщиковъ и чиновниковъ, умѣвшихъ тратиться и пьянствовать подъ обаяніемъ дикихъ гѣбенъ и удалыхъ плясокъ. На пятьдесятъ лѣтъ назадъ ушли для бессарабскихъ цыганъ тѣ времена, когда они, своими таборами, какъ бы татарскими ордами, осаждали молодые города Новороссіи (напримѣръ, херсонскій Елизаветградъ) и высылали изъ лагеря въ городъ пословъ съ требованіями денегъ и имущества и съ угрозами смерти и пожара на случай отказовъ. Тамъ, по всему югу и даже на западѣ (по Вѣлороссіи), цыгане — еще при старыхъ нравахъ бездомныхъ скитальцевъ.

ГЛАВА V. ВОРЫ И МОШЕННИКИ.

Народныя понятія о собственности.—Вѣдомый большой воръ.—Воровскія мѣста въ Россіи.—Причины воровства.—Столичные жулики и мазурики.—Карманники.—Музыка (воровской замятъ).—Мѣшки (барышники-пріемщики).—Честный человекъ въ воровствѣ.—Мошенники высшихъ слоевъ общества: карточные шулера.—Словія и мѣста, наиболѣе видныя по воровскому промыслу.—Воровство—повальная тюремная и поселенческая болѣзнь.

Древняя Русь придавала это прованіе „ворами“ всѣмъ вообще лихимъ и алымъ людямъ, тѣмъ недобротамъ и злодѣямъ, отъ которыхъ народъ ожидалъ для себя несчастій и получалъ всякаго рода невзгоды и бѣдствія. Ворами были и литовскіе люди, опустошавшіе московскія страны, и казаки, пользовавшіеся смутными временами и народными неурядицами. Ворами назывались и тѣ русскіе, которые, не имѣя отбѣдлости, бродили по московской землѣ, наживались плодами чужого труда и прозваны въ наши времена бродягами. Ворами прозвалъ народъ и царьковъ-самозванцевъ, которыхъ соблазнялъ московскій престолъ въ смутное безгосударное время государства. Воромъ въ тѣ времена не былъ тотъ, кто посягалъ на мелкую собственность; недоброты подобнаго свойства назывались татемъ, а ремесло его — татьбою. „Теперь,—по пословицѣ:—люди таковы стали: унеси что съ чужого двора—воромъ назовутъ“ и „кто разъ украсть—на вѣкъ воромъ сталъ“. Такимъ образомъ, съ исчезновеніемъ стараго настоящаго слова, другое старое же вступило во всѣ его гражданскія права и приняло на себя всѣ его обязательства. Съ перемѣною словъ не измѣнились самыя свойства преступнаго промысла. Онъ въ нетронутомъ видѣ достался въ наслѣдіе и нашимъ временамъ, только съ тѣмъ различіемъ, что несомнѣнно развился въ примѣненіи и развѣтвился на новыя виды, болѣе утопченныя и весьма разнообразныя. Современный законъ признавалъ въ воровствѣ два вида, изъ которыхъ за однимъ оставилъ прованіе кражи, какъ такого способа похищенія, каковое не сопровождалось нападеніемъ съ открытою силою (съ оружіемъ или безъ оружія), какъ разбой, или съ насиліемъ же, но безъ опасности жизни, здоровью и свободѣ человѣка, какъ грабежъ. Воровствомъ-кражею называлъ законъ всякое преступное посягательство на чужую собственность, произведенное втайнѣ, и называлъ воровствомъ-мошенничествомъ тотъ видъ кражи, которая произведена посредствомъ обмана. Но сколько ни были подобныя опредѣленія, сколько ни точно опредѣлены и предусмотрѣны частныя виды обоихъ родовъ воровства, народныя понятія съ этими объясненіями во многомъ расходятся: Народъ не во всемъ согласенъ со

своими законодателями, потому что не во всемъ прилагалъ жизнь къ тѣмъ образцамъ, изъ которыхъ выбраны руководящія правила для нравственной жизни и заимствованы вѣсы, вызнающіе степень виновности его въ случаѣ отклоненій отъ общественныхъ правилъ и паденій въ противоположную сторону.

Ни въ чемъ до такой степени не разлообразны (и, повидимому, даже разнорѣчивы) народныя понятія, какъ именно по отношенію къ понятію о собственности. Не смотря на то, что воровство одно изъ тѣхъ преступленій, въ которомъ всего чаще обвиняются люди и всего болѣе подвергаются наказанію ссылкой, Россія представляетъ поразительныя крайности. Не говоря уже о томъ, что въ пестромъ калейдоскопѣ племенъ, населяющихъ русскую землю, понятія о чужой собственности замѣчательно! разнообразны, въ самомъ русскомъ племени это право совсѣмъ не въ тѣхъ рамкахъ, которыя можно считать опредѣленными и оконченными. Въ густо населенныхъ пунктахъ, гдѣ нужда, лишенія и житейскія неудачи дѣлаютъ свое законное дѣло, воровство является неизбывнымъ послѣдствіемъ; количество жертвъ велико: имъ въ ссылкѣ принадлежить второе, а за исключеніемъ бродяжества первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ родовъ преступленій. При этомъ самыми становятся тѣ лица, на которыхъ испытано значительное количество всякаго рода возмездій, произведено много цѣлительныхъ операцій, но въ ссылкѣ являются неисправныя, отбившіеся отъ рукъ преступники; стало быть, воровство представляется въ болѣе отчаянномъ видѣ, безнадежнымъ и сильно-распространеннымъ въ народѣ преступленіемъ. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ, менѣе населенныхъ, уваженіе въ чужой собственности сильнѣе, при меньшемъ числѣ соблазновъ количество сильныхъ жертвъ поразительно слабѣ. Являются такія мѣста, изъ болѣе глухихъ и менѣе оживленныхъ, гдѣ воровство еще одно изъ тягчайшихъ и самыхъ нетерпимыхъ преступленій. Народныя понятія складываются въ совершенно противоположномъ направленіи и нравы народныя представляются во всей чистотѣ патриархальности. Употребленіе орудій, оберегающихъ собственность, слабо, а во многихъ мѣстахъ

еще даже и неизвестно. Деревянные замки замѣняютъ желѣзные. На Терскомъ берегу Вѣлаго моря и на Печерѣ употребленіе таковыхъ оправдываютъ необходимостью обороны противъ блудливой рогатой скотины. Въ жѣныгъ мѣстностяхъ Вологодской, Костромской и Вятской губерній еще живъ обычай заявлять о пропажѣ въ церкви и, въ крайнемъ случаѣ, на базарѣ, обращая на себя вниманіе шапкою, приподнятою на длинной палкѣ. Старинная форма самосуда по всей Сибири и сѣверной Россіи еще продолжается отличаясь своимъ простодушіемъ и не встрѣчается насмѣшками, не возбуждаетъ удивленія, не покидается въ силу несостоятельности. Съ несознательнаго упрямаго вора снимаютъ на базарѣ шапку, съ бабы—платокъ; въ Шадринскомъ уѣздѣ (Пермск. губ.) на пойманнаго съ полчинымъ надѣваютъ украденную вещь и водятъ по базару. Противъ упорныхъ и забаловавшихся употребляютъ крутыя мѣры, которыя, съ одной стороны, свѣдѣтельствуютъ о грубости первобытныхъ нравовъ, съ другой—показываютъ, до какой степени щеколиво чувство уваженія къ чужой собственности и обидно и невыносимо даже мелкое нарушение правъ ея *).

Особенною строгостью въ этомъ отношеніи отличалась Запорожская сѣчь: за воровство и грабежъ одного отвѣчалъ весь курень, къ которому воръ-казакъ принадлежалъ, если онъ не имѣлъ у себя достатка. Во всякомъ случаѣ, воръ и грабитель отвѣчалъ, при несостоятельности, синою: преступника привязывали или приковывали къ столбу на базарѣ и клали подлѣ нѣсколько кѣвъ, подобныхъ бичамъ и нарѣзаннымъ изъ дубоваго дерева. Тутъ же ставили разные наптки: горляку, медъ, пиво, брагу. Всякій казакъ, проходящій мимо, ѣлъ и пилъ сколько хотѣлъ, но за даровое угощеніе обязанъ былъ ударить привязаннаго, по чему заочетъ (по головъ или ребрамъ) съ приговоромъ: „Отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравь и не раз-

*) Не сознающагося въ воровствѣ кормятъ, между прочимъ, селенныя пирогами и не даютъ пить. Между родными—судъ Волий, т. е. снми након со стѣны и слаки: «Порази мена Царь небесный, если я втому дѣлу виновенъ». По дрожанію рукъ, ногъ, губъ судятъ о виѣ; добиваются сознанія солоннымъ пирогами, которымъ накормятъ и пить не дадутъ. Въ такихъ мѣстахъ еще кладутъ надежды на домашнія средства исправленія и нерѣдко достигаютъ цѣли. Простодушныя конокоряды въ степныхъ губерніяхъ узнаютъ въ церкви по восковой свѣчѣ, поставленной низомъ вверхъ перелъ образомъ Ивана Воина. Чохъ (чуханіе кставъ) идетъ на правду. Вѣрять и бояться, что за воровство придется возить на томъ свѣтѣ попа въ рѣшетѣ. У старца (нищата) взять—огонь въ домѣ. Пугаютъ должника прощеніемъ: съ бирки ерѣжу. Наказываютъ (въ Вѣлоруссіи) за развратъ виновницу битьемъ веревки отъ звонницы (колокольни), а загулявшую покрѣпче тѣмъ же концомъ веревки на самой звонницѣ, и проч.

бывавъ, мы всё за тебя куренемъ платили“. Вывали случаи, что забивали до смерти. За убійство платились убійствомъ: вѣшали, подвозя верхомъ на лошади подъ шибницу (вистѣлицу) и накинувъ на голову сальцо (петлю), лошадь ударали плетью; вѣшали на горѣ за ноги, за ребро желѣзнымъ крюкомъ и оставляли висѣть, пока не разсыплются кости. Сажали на колъ, т. е. деревянный столбъ вродѣ острожной пали вышиною въ два аршина, съ желѣзнымъ шпилемъ на верху. Посаженный на колъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не высыхалъ и крутился кругомъ шпала, какъ мельница, и тортила его кости, пока не спадали на землю. Придорожныхъ грабителей забивали до смерти палками. Освобождали преступниковъ отъ смерти только въ такомъ случаѣ, когда дѣвушка изъявила желаніе выдти за него замужъ. Въ Запорожѣ существовали уже правильные суды—„паланки“, съ тремя членами—судьями, панами: полковникомъ, эсауломъ и писаремъ, набранными на три года. Къ нимъ въ помощь опредѣляли трехъ помощниковъ изъ казаковъ—подпанковъ. Сотворилъ казакъ шкodu какукъ: потраву, драку, обиду, оба берутъ на базарѣ по калачу и идутъ судиться; подпанки промазываютъ слѣдствіе, паны мирятъ. Помирились—по домамъ, не помирились—въ Сѣчь.

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ свѣту стало побольше, за воровство велятъ три раза простить, въ четвертый прохвостить; говорятъ (и дѣлаютъ): хлѣбъ за хлѣбъ, а за пересторожку ведро вина; не пойманъ—не воръ, не уличена—не гулява. Права собственности уже достаточно ясны, имъ положенъ предѣлъ: чей берегъ, того и рыба, чья земля, того сѣно. Воръ еще не бываетъ богатъ, бываетъ горбатъ; для него еще больше накладу, чѣмъ барыша; у воровъ не бываетъ каменныхъ домовъ. Но по мѣрѣ того, какъ рѣдѣетъ хлѣбъ, палатныя земли дѣлаются богаче, населеніе гуще, города людѣе, селенія чаще,—повятія о воровствѣ и ворѣ, поднимаясь таковыми явленіямъ, становятся на ту настоящую почву, на которой уже воръ да мотъ до вѣку не переводятся, гдѣ по словица „грѣхъ воровать, да нельзя миловать“ представляется во всей наготѣ и неострашимой правдѣ. Здѣсь уже грѣхъ заспать можно, здѣсь десятая вина виновата. Кругозоръ разувѣнія шире, усугубность грѣху сальгѣе и самый грѣхъ не вызываетъ тѣмъ негодоваанія и отвращенія, которыя могли бы высказываться со старинною нетерпимостью и съ древними формами возмездія, на этотъ разъ уже и непригодными на практикѣ. Здѣсь уже распознали, что не воуретъ мальчишкѣ, а сами люди носить; здѣсь самъ отецъ благословляетъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ: воръ воуретъ, а самъ горюетъ. Пошуская оставаться суху и обчичъ и портного на ножницахъ, по тому же синскожденію и спо-

собоу, въ силу каковыхъ у развитыхъ людей и образованныхъ сословій зачитываются книги, умудренный житейскимъ опытомъ народъ кое-гдѣ продолжаетъ еще соблюдать правила старины и понятія о воровствѣ имѣть по прежнему своеобразныя. Они бросаются въ глаза по своей исключительности, но, въ то же время, въ массѣ понятій видится система, выработался общій законъ. Все, къ чему не приложенъ трудъ и что, такимъ образомъ, не представляетъ благопріобрѣтеннаго капитала—воровать не грѣхъ. Все барское съ тѣхъ самыхъ поръ, когда оно узаконено въ отдѣльную собственность, возбуждаетъ самый крѣпкій соблазнъ, подвергается преимущественнымъ нападеніямъ, наводитъ на грѣхъ кражи, какъ придорожный горохъ и рѣпа, съ крайнимъ подозрѣніемъ виновности и отвѣтственности передъ совѣстью. Все добытое трудомъ, береженное уходомъ, выработанное умѣньемъ и искусствомъ становится неприкосновеннымъ до границы подозрительной собственности, вродѣ господской и поповской. За этою границею способность распознавать чужое отъ своего значительно слабѣетъ, виновность въ грѣхѣ возрастаетъ; количество наказуемыхъ осмысленныхъ жертвъ укладывается въ опредѣленную систему, выражается ежегодными, непрерывными и непобѣдимыми цифрами. Цифры приходятъ въ обязательную подчиненность отъ законовъ, которые для всего народа становятся однообразными. Они однаково всѣмъ исповѣдуются по той мѣрѣ, какъ цѣлостно сохраняется въ народѣ общинный складъ его жизни; народный смыслъ наталкивается на распознаваніе и разуміе, что создано Богомъ на службу и потребу людямъ, каковы земля, вода и воздухъ, словомъ, все, чего люди не могутъ создать сами. Народъ не расходится въ этомъ отношеніи съ тѣмъ, что вѣками укрѣплялось въ сознаніи съ самыхъ древнихъ временъ, когда Богъ устами законодателя Моисея сказалъ всѣмъ людямъ: „Земля бо Моя есть, вы же на ней пришельщцы есте“ и что подтверждено Батеріемъ II въ земскихъ постановленіяхъ Россіи. Считаая землю за средство къ работѣ и не сомнѣваясь въ правахъ на нее, народъ (испытавшій на себѣ, что и съ правомъ на работу можно умереть съ голоду безъ средствъ) счужѣлъ достаточно укрѣпиться въ мысли, что тамъ, гдѣ не приложено силъ, не выказалось прилежаніе—слабо право собственности, подозрительна грѣховность въ нарушеніи его. Рубка чужого лѣсу представляется такимъ образомъ, самымъ законнымъ способомъ пользованія на домашнюю потребу и повсемѣстно въ цѣлой Россіи выразилась фактомъ, для уничтоженія котораго еще до сихъ поръ не придумано не только вѣрныхъ, но и приблизительныхъ средствъ. Самовольная порубка — грѣхъ повсюдный, развитіе его не остановили и такіа мѣры, каковы ссылка за ва-

повѣдныя казенныя лѣса, которая, такимъ образомъ, остается при одномъ правѣ ежегодно повторять старую истину и ежегодно не достигать никакихъ полезныхъ результатовъ *). Неосторожные и чаще другія попадавшіеся, глубже в сильнѣ другія убѣжденные въ безсиліи грѣха, эти жертвы общаго всей Россіи прегрѣшенія значительно дополняютъ и оправдываютъ цифру осмысленныхъ въ Сибирь за воровство-кражу.

На тѣхъ же основахъ древняго быта, при мало измѣненной обстановкѣ старинныхъ примемовъ и вѣрованій, выродился и уберегся до нашихъ дней въ сельскомъ быту живучій и алобный типъ недоброхота чужого имущества, извѣстный подъ именемъ вѣдомаго вора. Рѣдкая мѣстность Россіи (изъ людныхъ и бойкихъ) не испытываетъ всѣхъ неблагоприятныхъ послѣдствій отъ такого явленія, не находится въ страхѣ и опасости отъ злыхъ дѣяній и воровскихъ прегрѣшеній этого рокового и злого духа. Онъ, благодаря почти непрерывному вліянію благоприятныхъ обстоятельствъ, умѣлъ продлить историческое существованіе и уберечь себя на текущее время въ замѣчательной неприкосновенности. Вся тайна его живучести заключалась въ наглости и дерзости, съ которыми производить онъ свой промыселъ и которыми доводитъ своихъ жертвъ до страха покорности, причѣмъ всякое противодѣйствіе не способно выразиться достаткомъ силъ и не умѣетъ заручиться из-

* Въ тѣхъ же лѣсахъ, подъ охраною неписаннаго закона, но домашняго обычая, стоять въ неприкосновенной цѣлости, какъ въ зачурованные заговоромъ, борты для ичоль, елпки по луткамъ для зѣбрей, въ рѣдкихъ случаяхъ охраняемые какою нибудь тамтою (штемелемъ), свидѣтельствующею объ имени владѣльца. Ничто съ такою строгостью не наказывается деревенскимъ самосудомъ, какъ именно воровство этой зашувѣдной добычи и продуктовъ промысла: рѣчной рыбы, уловенной сѣтями и вынудой хищнической рукою, ичелныхъ росей, переманенныхъ изъ чужого улья въ свой, или медовыхъ сотель, подрѣзанныхъ безъ спроса и въ недоброе время, и проч. Уличеннымъ и пойманнымъ на такихъ необычныхъ дѣлахъ не было еще дано ни разу прощенія или смилосерденія ни въ сѣверной Россіи, ни въ Бѣлороссіи, ни въ Сибири. Особенно ненавистно и нетерпимо воровство общиннаго имущества тамъ, гдѣ еще не умершлены основы общиннаго владѣнія землею и водомъ. На Уралѣ, у казаконъ уральскихъ, о такихъ прегрѣшеніяхъ и слуховъ нѣтъ. Въ Сибири, при слияніи р. Иссти и Течи, по наволокамъ, т. е. по прирѣчнымъ кустарникамъ, въ обиліи растетъ хмель—общественная собственность. Его миромъ отдають на откупъ. До назначеннаго дня никто не смѣетъ рвать его, иначе виновному привязываютъ руки назадъ къ колесу, затѣмъ ругаютъ, плюютъ въ глаза и, ошутавъ хмельными клещами, водятъ по толпѣ любопытныхъ. Помѣшничьяхъ крестьянъ за порубку лѣсовъ, въ случаѣ негодности ихъ въ военную службу, начали систематически смсылать въ Сибирь въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

лишком смѣлости и рѣшимости. Набыткомъ добычи, приобретенной воровскимъ промысломъ, вѣдомый воръ умѣетъ прикрывать свои сады и заслонить себя отъ предстоящихъ опасностей. Онъ становится вѣдъ всякихъ преслѣдованій, когда имѣетъ право сказать: „Что мнѣ законы, когда судьи анакомы“!. Онъ, въ званіи и съ именемъ большого вора (когда опирается въ промыслѣ на товарищей и вполнѣ зависящихъ отъ него соучастниковъ), становится тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ счастливѣе на походахъ и въ добычѣ. За что ворешекъ быють, то ему съ рукъ сходять. „Когда малый воръ бѣжитъ, этотъ большой воръ лежитъ“, лежитъ, оберегаемый людскою оплошностью и нерѣшительностью, лежитъ до тѣхъ поръ, пока самъ не зарвется, пока съ другой стороны не переполнится чаша терпѣнія. До тѣхъ поръ онъ—вѣдъ всякой опасности, потому что всѣ убѣжденія жертвъ его преслѣдованій сводятся на одно: „съ сильнымъ воровомъ тягаться не подь силу“; вѣнами дозвано и многими тысячами опытовъ и припрѣтовъ доказано, „что воръ пональ, а мѣръ прональ (полплатился), одинъ въ грѣхѣ—всѣ въ отвѣтѣ“. Безнадежность эта тѣмъ сильнѣе и вѣрнѣе, что воръ вора терпитъ, воръ на вора не доказчикъ.

Вѣдомый и большой воръ, начиная практику съ приема краденаго, съ потачки и понаровки мелкимъ ворешкамъ, самъ выходитъ на дѣло, придерживаясь сначала деревенскихъ околицъ и кѣлтей, и не задумывается потомъ встать на дорогу, чтобы здѣсь воровски разбивать, шапки снимать и встрѣчать изъ-подъ мосту проѣзжихъ. Обычные приемы защиты — поклепы на людей неповинныхъ и подкупы людей сильныхъ; наиболѣе легкій предметъ для промысла и практики—крестьянскія лошади, и самая частая виновность—конокрадство. Этотъ видъ воровства—наиболѣе распространенное въ народѣ преступленіе, противъ котораго еще до сихъ поръ, какъ всѣмъ досконально извѣстно, не придумано еще никакихъ средствъ. Передъ неодолимою силою зла пали всѣ учрежденія и дѣатели сошли со сцены побѣжденными, проживъ свой недолгій вѣкъ съ прозваніемъ отъ самого народа конокрадами. И при нихъ, какъ и до нихъ, послѣ уцѣлѣли такія мѣста, гдѣ „что ни дворъ, то воръ“, и что ни годъ, то огромныя толпы несправленныхъ воровъ и мошенниковъ, которые сумѣли осилить всякое возможное терпѣніе, перейти всѣ степени и рубежи и добиться до тѣхъ печальныхъ результатовъ, которые оканчиваются лишеніемъ правъ состоянія, дальнею ссылкой и всякаго рода заключеніями. Сибирскія табели ссылныхъ не умѣютъ распознавать воровъ по родамъ ихъ промысла и по степени ихъ преступности, но, принимая воровъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, несомнѣнно вносятъ въ эту графу большое число конокрадовъ. Воры въ тѣсномъ смыслѣ, похитители безъ разбора

всего, что попадаетъ подъ руку и что плохо лежитъ,—составляютъ исключительную особенность городовъ. Конокрады—прозябаніе деревень и преимущественные обитатели тѣхъ мѣстностей, гдѣ группируются конные торжки и въ большомъ множествѣ гнѣздятся въ мѣсталахъ, ближайшихъ къ спеціальнымъ (коннымъ) ярмаркамъ. Нѣкоторыя мѣстности успѣли сдѣлаться привилегированными и ремесло, за долгое существованіе, умѣло приготовить такихъ ловкихъ мастеровъ, что „изъ-подъ себя кобылу украдутъ“, — говоря словами народной поговорки. Тѣ жѣ поговорки отчасти указываютъ и на этихъ мастеровъ, рекомендуя сыскать у татарина кобылу и говоря про торолчавина, что онъ лошадь купилъ, а цѣну забылъ. Цыганъ давно уже выговорилъ, что краденая кобыла не въ припрѣтъ дешевле кушанной обходится. Между русскими конокрадами наиболѣе вслѣдъ другихъ выдавалось, между прочимъ, одно изъ пермскихъ вѣтнѣй гр. Строгоновой, въ которомъ конокрады пользовались наибольшою славой и самое воровство этого рода приводилось въ изумительныхъ размѣрахъ (особенно въ теченіи 1844, 45 и 46 годовъ). Въ Уфимскомъ уѣздѣ, въ томъ уголкѣ, который смеженъ съ Белебеевскимъ, деревня Каргала, густо населенная князьями и мурзами (1.200 душъ), долгое время представляла гнѣздо конокрадовъ, наводившихъ страхъ и трепетъ на всѣ окрестныя деревни. Башкиры воруютъ безъ разбора и у своихъ единовѣрцевъ кочевыхъ, безбожно разворуютъ и русскихъ крестьянъ: таскають лошадей, коровъ и овецъ. Лошадей крадутъ десятками у кочевыхъ и единицами у осѣдлыхъ, угоняя добычу въ далекія страны. Выкупъ лошадей хозяевами за высокую цѣну — одинъ изъ тѣхъ обычаевъ, который полагается ненавѣстнымъ и обязательнымъ (за одну голову руб. 30 — 40). Отдается лошадь въ какомъ либо мѣсту или въ глухомъ оврагѣ. Лошадь приводится 4 — 5-ю вооруженными людьми съ кинжалами и пистолетами; обворованный, сверхъ денегъ, приносить вино. Одинъ даетъ ему оплеуху, другой стрѣляетъ надъ его головою и выговариваетъ угрозы, если тотъ вдумаетъ хлопотать и жаловаться. Угрозы превращаются въ дѣло немедленно и панической страхъ поддерживается въ народѣ. Прекращенное въ одномъ мѣстѣ, конокрадство перекочевывало, цыганскимъ и татарскимъ способомъ, въ другое, и на практикѣ конокрадовъ изъ русскаго племени производится шаками, гдѣ два вора въ одну руку играютъ и гдѣ каждый мастеръ—по словамъ народнаго приговора—изъ плута кроеть, мошенникомъ подбитъ, каждый еще сверхъ плута на два фута, каждый умѣетъ свинью продать за бобра, каждый обуетъ и разуетъ. Иногда прикрываются они какому нибудь благовиднымъ а

железными ремеслами и, шатаясь, например, по деревянным шпестам, в сущности те самые опасные мастера, которые (по словам поговорки) „днем сидят съ иглой, а ночью съ оборотью“ (т. е. удаю или недоудажою), и во всяком случае та опасная корпорация людей, которой боится народъ, какъ огня, зная, что здѣсь „воръ по ворѣ и каблукъ кроетъ“. На конныхъ торжкахъ и ярмаркахъ воръ является подъ охраною и защитою барышниковъ и перекупней, такихъ же плутовъ. Если конокрадъ смѣло и ловко крадетъ, то барышникъ еще лучше концы хоронитъ и на этотъ разъ дѣйствуютъ также стачкою.

На такихъ рукахъ и при такихъ условіяхъ конокрадство есть одно изъ золъ, трудно поправимыхъ, потому что въ самомъ народѣ находятъ много питательныхъ материаловъ, а служители зла, столько многочисленные, потому и сильны, что не всякій обиженный рѣшается доказать на нихъ. Изъ боязни ищениа и преслѣдованія, въ расчетѣ на горшее зло, народъ подошелъ къ прямому и неизбежному заключенію: „Привадай собака и съ лыкомъ, лишь бы не судиться“. Воровство такого рода продолжаетъ собирать шайки вездѣ тамъ, гдѣ не существуетъ обычая содержать пастуховъ, сколько за недостаткомъ свободныхъ рукъ (въ мѣстностяхъ, существующихъ отхожими промыслами), столько же и по отдаленности пастбищъ (какъ, напр., во всѣхъ нашихъ гдѣсахъ губерніяхъ). Придерживаясь торговыхъ конныхъ центровъ, конокрады потому и прочны, что ведется повсемѣстный на Руси обычай мѣняться лошадами и, стало быть, представляется полная возможность быстрого перехода краденной лошади черезъ многія руки, тѣмъ болѣе, что народъ продаетъ лошадей безъ всякаго свидѣтельства. Въ такихъ случаяхъ даже и перекраски и подтасовки не нужно, а равно и тѣхъ многосложныхъ аптекъ, какими обычно обставляются столичные барышники — дѣятели тамошнихъ конныхъ площадей. Здѣсь на мѣсто воровства самаго грубаго вида является легкое и утонченное мошенничество. Въ степяхъ, у кочевыхъ народовъ, конокрадство принимаетъ форму грабежа, даже равнойничяго набѣга: киргизская баранта является уже характерною особенностью племени, ищущаго показать свою удачу во славу отцевъ, въ отмщеніе за обиду или, по степному вдохновенію, надъ зазѣвавшимися и оплошавшимъ или болѣе слабымъ кочевымъ родомъ.

Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за оба вида воровства (кражу и мошенничество) сослано въ Сибирь изъ Россіи 13.180 мужч. и 2.186 женщ. *). Въ этой цифрѣ, по проценту

*) Съ предыдущими 11-ью годами (съ 1827 г.), т. е. за 20 лѣтъ, цифра эта возрастаетъ до 41.666 чел. (35.416 мужч. и 5.250 женщ.). До

сосланныхъ наибольшее количество сосланныхъ принадлежитъ губерніямъ новороссійскимъ, молодой странѣ, еще не установившейся, еще организуемой новыми пришельцами въ видѣ бездомныхъ бродягъ, бѣглыхъ голышей, явившихся искать здѣсь счастья; за ними слѣдуютъ изъ губерній, уже искушенныхъ въ житейскомъ опытѣ, а между прочимъ, изъ населенныхъ татарскимъ племенемъ, склоннымъ къ конокрадству (Казанская и Сибирская). Нѣсколько меньше первой и больше второй пло воровъ изъ Бессарабской области—преимущественнаго гнѣздылища цыганскаго племени, откуда народъ этотъ, какъ саранча, не такъ давно выходилъ на промыселъ съ грабемъ по сосѣдству и съ обманомъ на всякую руку по цѣлой Россіи вплоть до отдаленной Вятки. Между ними съ высокимъ процентомъ воровства встали обѣ губерніи столичныя (С.-Петербургская и Московская), виновность которыхъ, прямымъ образомъ, зависитъ отъ самихъ столичныхъ городовъ. Губерніи Пермская и Оренбургская, само собою, не могли встать дальше другить по исключительности своего ввородческаго населенія (въ особенности башкиръ) и русскаго, дурно обезпеченнаго (заводскіе и фабричныя). Наименше запутались въ воровствѣ губерніи бѣлорусскія и сѣверныя, между которыми Олонецкая—наиболѣе другить добродѣтельна *).

1781 г. высылка воровъ была обильна. Ссылали всякаго рода безъ различія степеней и видовъ воровства, присуждая къ кнуту и плетямъ. Екатерининскій наказъ разобралъ дѣло съ большимъ вниманіемъ и нашелъ болѣе удобными и справедливыми населять Сибирь тѣми ворами, которые пожизненно ииуществомъ, превосходящимъ стоимость ста руб. ассиг., и всими, которые повторили кражу и ниже ста руб., начиная съ 2^й руб. ассиг. Но и на этотъ разъ дѣлъ Петра I, стремившагося къ пополненію арміи ворами и бродягами, не утратила своей силы: въ Сибирь шли еще неисправившіе вору, не пригодившіеся въ военную службу. Жалобы главнокомандующихъ арміями на деморализацію войска вызвали указъ 1821 года (11 июля), по которому такихъ воровъ стали прямо направлять въ Сибирь. Въ 1823 году запрещеніе приема въ военную службу воровъ ограничено было тѣмъ, что стали принимать не наказанныхъ рукою палача. Словомъ, теперь пошла въ Сибирь за кражи, превосходящихъ дѣнство 30 руб., и за кражи меньшей дѣнности, но повторенныхъ нѣсколько разъ. При этомъ лица до 35 лѣтъ, годныя, отданы въ солдаты либо помѣщены въ арестантскія роты.

*) Губерніи встали въ такомъ порядкѣ (за 20 лѣтъ):

	мужч.	женщ.
Пермская	1.427	193
Казанская	1.354	187
Оренбургская	1.272	92
Сибирская	1.261	78
Кіевская	1.218	212
Саратовская	1.137	111
Московская	1.170	93
С.-Петербургская	866	170
Херсонская	735	184

По отношенію ко всѣмъ другимъ губерніямъ Россіи, гдѣ потребности шире, а средства къ удовлетворенію ихъ ограниченнѣе, количество ссылаемыхъ за воровство возрастаетъ заурядъ съ большею или меньшею количественностью общаго числа жителей. Какъ удалось выдѣлиться изъ общаго числа другимъ двумъ столицамъ, такъ наиболѣе выдаются также и тѣ, гдѣ крѣпостная жизнь поддерживалась наибольшимъ количествомъ владѣльцевъ (Пензен., Рязан., Калуж., Смолен., Ярослав., Черниг.). Въ малороссійскихъ преобладало наибольшее число ссыльныхъ женщинъ. Явленіе это, естественнымъ образомъ, вызывалось общими законами всего человѣчества, по которому исторія воровства становится, въ то же время, исторіею пороковъ и другихъ страстей человѣка, служа одинаково и исторіею его несчастій и слабостей. Нужда, лишенія, житейскія неудачи, если не оправдываютъ кражи, учиненной съ ущербомъ для другого, то, во всякомъ случаѣ, объясняютъ и ослабляютъ значеніе этого рода преступленій. Случается зачастую, что сами судьи оправдываютъ въ душѣ это преступленіе. Особенно это важно по отношенію къ столицамъ, какъ пунктамъ, наиболѣе привлекающимъ къ себѣ оковниковъ улучшить свое состояніе.

Обстоятельства, порождающія воровство, много и хотя чрезвычайно рѣдки случаи, чтобы честныхъ людей наталкивали на этотъ грѣхъ нищета и лишенія, но, тѣмъ не менѣе, въ послѣднихъ бѣдахъ—десятки, сотни причинъ, самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ. Неожиданности эти тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе становится безвыходность и безнадежность житейскаго положенія. Не только люди, не разъ обманутые въ жизни, потерявшіе всякую вѣру на улучшеніе своего положенія, дѣлаются жертвами этого порока, но даже и тѣ, для которыхъ не померкъ лучъ надежды, которымъ дорога и въ которыхъ сильна еще вѣра, и такіе люди поддаются соблазну и для нихъ не закрыты пути къ гибели. Большіе города, въ особенности, много порождаютъ жертвъ подобнаго рода, привлекая массы искателей работъ. Всякій надѣется имѣть успѣхъ, а надежда, столь свойственная человѣческому сердцу, заставляетъ эти массы покидать семейства для торговли, промысла, для государственной службы. Пришедшіи искать протекціи, проводятъ время въ поискахъ влиятельныхъ людей, въ хожденіяхъ за справками. Между тѣмъ, маленькія средства, привнесенныя изъ дому, мало по малу истощаются. Подежная работа за скудную плату на нѣкоторое время удаляетъ опасность. Временная помощь только

обманываетъ: лишенія становятся одутительнѣе по мѣрѣ того, какъ заработокъ удовлетворяетъ только сегодняшнимъ нуждамъ и не позволяетъ произвести сбереженій на будущія. Бѣднякъ испытываетъ голодъ, закладываетъ необходимые вещи, онъ еще при надеждѣ и далекъ отъ паденія, но часть его приближается. Какъ только препятствія и злосчастія преодолѣли чувство гордости и самоуваженія, бѣднякъ превозмогаетъ стыдъ и обращается за помощью къ частной благотворительности. Но эта помощь, нѣтъ узкіе предѣлы, скоро прекращается. Домой возвращается—не зачѣмъ, тамъ не лучше. Впередѣ только лишенія, препятствія, несчастія и, въ то же время, какъ бы на зло, передъ глазами тысячи людей, пользующихся богатствомъ и всеми благами жизни. Бѣднякъ задается сравненіемъ—и сравненіе это унижаетъ его, оскорбляетъ, приводитъ въ отчаяніе. Въ умѣ зарождаются пагубные замыслы, желаніе мстить обществу. Бѣднякъ, подъ гнетомъ такихъ мыслей, дрожать, отступаетъ при мысли о безчестіи, но, преслѣдуемъ нуждою и увлекаемъ ея непобѣдимую силою, онъ, наконецъ, уступаетъ и становится преступникомъ. „Голодный,—по пословицѣ:—и архіерей крадетъ“.

Большіе города, и въ особенности столицы, отогрѣваютъ еще новый видъ воровства, называемый мошенничествомъ, которое также совершается съ умысломъ съ признаками несомнѣннаго обмана. На высшей ступени стоятъ тѣ изъ мошенниковъ, искусство которыхъ состоитъ въ ловкости и гибкости рукъ. По отношенію къ людямъ они безукоризненны и пользуются только тѣми вещами, которыя носятъ люди, а потому ихъ обыкновенно называютъ карманниками (жудиками въ Москвѣ, мазуриками въ Петербургѣ). Шайки ихъ небольшія, но они съ изумительною ловкостью умѣютъ свовать въ толгѣ и дни воскресные и праздничные—днѣ ихъ рабочіе. Гдѣ вѣтъ тѣсноты, тамъ они нарочно производятъ ее, бросаютъ въ толпу разныя запугивающія объявленія, чтобы, пользуясь смятеніемъ и напоромъ, легче очищать карманы. Вещи срываютъ или вытаскиваютъ, производя встрѣчный толчокъ, за который вѣжливо извиняются. Дѣятельность ихъ хотя и мала, но чрезвычайно разнообразна. Процедура расправы и суда была извѣстна: обвинителемъ безпокойли разспросами и показаніями, вору позволяли играть всевозможными способами увертокъ, а потому вору въ ссылкѣ нисколько не характеризуютъ этого промысла во всемъ его широкомъ развитіи. Сибирская цифра не служитъ мѣриломъ. Мошенника, по недостатку уликъ, либо освобождали, либо, послѣ полицейскаго наказанія, снова оставляли на свободѣ принимать опять за старое ремесло. Въ лучшихъ случаяхъ мошенника, судя по цѣнности уворованнаго, предавали суду, гдѣ зачастую

Бессарабская	791	58
Екатеринославская	765	96

Изъ Архангельской воровъ выслало: 80 мужч., 32 женщ.; изъ Олонекской 32 мужч., 8 женщинъ.

онъ отдѣлялся заперательствомъ или бѣжалъ. По приговору его иногда оставляли въ сильнѣйшемъ подозрѣнн, но выпускали на волю; въ худшемъ случаѣ высылали на родину. Здѣсь мошенникъ бралъ новый паспортъ и радовалъ столичную братію—товарищей по ремеслу—своимъ внезапнымъ возвращеніемъ. Снова вынималъ платокъ, часы, попадался съ полчинымъ, хозяинъ вещи хваталъ за руку, хотѣлъ передать въ руки правосудія, но някого нѣтъ волягъ, арестанты не пособляютъ и свидѣтели не объявляются изъ боязни таскаться по чужому дѣлу. При такихъ условіяхъ воровство быстро возростало: въ 1842 г. серьезная опасность отъ мошенниковъ въ Петербургѣ вызвала особую комиссію, желавшую обозрѣть это дѣло во всей подробности. Комиссія получила оффиціальную цифру: узнала, что на три первые мѣсяца 1842 года случилось по 5 и 6 кражъ, въ теченіи слѣдующихъ отъ 12 до 14, а въ теченіи трехъ послѣднихъ отъ 30 до 40, но увѣрилась, что эта цифра не давала не только истиннаго, но и приблизительнаго понятія. Изъ числа 326 кражъ, о которыхъ донесла полиція, только по 50 сдѣлано кое какое открытіе и возвращена весьма незначительная часть украденнаго. Изъ украденныхъ у одной мѣщанинн 2.178 руб. отыскано не болѣе 137; изъ украденныхъ у одного купца слишкомъ 22 тыс. найдено было только билетовъ на 700 р., а послѣ третьей покражи у втораго купца 19 тыс. возвращена была одна только пустая шкатулка. Изъ всѣхъ покражъ на 357 т. отыскано было только на 18 тыс. При такихъ поощреніяхъ, упущеніяхъ и просторахъ воровство развиралось, но слѣдствіе дало возможность узнать кое-что объ этомъ ремеслѣ. Вотъ нѣскольکو болѣе характеристическихъ чертъ.

Столичные воры являются въ трехъ видахъ: карманниками, уличными и барышниками. Карманники—на сборищахъ, начиная отъ театровъ и маскарардовъ до церквей въ праздничные дни; временами (говоря ихъ же байковымъ языкомъ) на задѣлахъ (свадьбахъ) и уборкахъ (похоронахъ). Мѣста наибольшей поживы—площади на масляницѣ и насть и церкви въ великомъ посту. 9 недѣль въ году—время особенно обильной жатвы (шубы и салоны причастниковъ, деньги и карманная вещь гуляющихъ). Въ тѣснотѣ густой толпы они налегаютъ сзади, невинно уставивъ глаза впередъ и жалуются на тѣсноту. Часы отрѣзываютъ, въ тѣснотѣ ихъ отрываютъ, ловко свертывая колечко часовъ съ тоненькаго и слабаго шпичечка. У военныхъ, наглухо застегнутыхъ, приподнимаютъ кончикъ полы и, подставивъ руку, вытягиваютъ карманна вещь; подобная ловкость помогаетъ и при операціяхъ надъ людьми во фракахъ. Иногда, кромѣ ловкости, въ этихъ случаяхъ требуются и хлопоты: нерѣдко вырѣ-

зуютъ карманъ снаружи во всю длину его. У женщинъ вырываютъ серьги, у мужчинъ срываютъ цѣпочки съ такою быстротою, что рука только мелькаетъ, но взглядъ на подозрѣваемаго всегда встрѣчаетъ благопримичнаго человека, котораго и заподозрить опасно. Такие никогда и не ходятъ безъ товарищей. Выслѣдивъ добычу, воръ тихо скажетъ: „трекай“!—и начнется толкотня локтями, за нею въ разныхъ мѣстахъ счеы и ссоры за толчки. Вода замутилась и рыба клевать начала. Главное искусство здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы во-время замѣтить слѣдующихъ и сказать: „стрема“ (берегись) и успѣть и умѣть „перетырить“, т. е. украденную вещь передать. Оттого-то пойманный воръ на мѣстѣ и шумливъ, и трезвателенъ и обидчивъ („общите“!), хотя, въ сущности, онъ только ленокъ и обладаетъ изумительною сноровкою, какъ привиллегіемъ ремесла. Случается, что воры кидаются на обворованнаго, хватаютъ за воротъ, тащутъ въ полицію и отстаютъ, получивъ отступное за безчестіе. Наглость мошенниковъ доходитъ до того, что приемщикъ самъ шепчетъ на ухо обворованному, что у него украли вещь и указываетъ на вора, завязываетъ шумное объясненіе, а самъ тѣмъ временемъ скрывается. Иные плачивали потомъ нѣсколько рублей, чтобы только отбѣгаться отъ вора. Эти воры-приемщики всегда отличаются замысловатыми карманами, занимающими все пространство между верхомъ и подкладкою платья и способными вмѣстить дюжины платковъ и фуражекъ. Искусству своему мошенники-карманники также учатся съ малолѣтства. Бывали примѣры, что мальчики 12—13 лѣтъ содержали рещескомъ своимъ цѣлымъ семействомъ. Мальчикамъ воровать легче: что съ него ваятъ? выдерутъ за уши и отпустятъ. Жулики (т. е. мальчишки), во правилахъ воровскаго товарищества, не сѣютъ работать сами по себѣ, а обязаны отчетомъ старшимъ и получаютъ отъ нихъ извѣстную долю. Для рекогносцировокъ нерѣдко употребляются дѣвочки. Комнатные воры подкупаютъ слугъ, являются въ видѣ посланныхъ отъ знакомыхъ; оставленные въ дверяхъ ключи вынимаютъ вертуномъ (особымъ инструментомъ). Простымъ крѣпкимъ долотомъ отпираютъ почти всякую дверь такъ, что никто даже даже не услышитъ. Пойманные за дверями умѣютъ притворяться безчувственно-пьяными. Опытные изъ этихъ воровъ, прежде чѣмъ забраться въ комнату, старательно узнаютъ привычки хозяевъ, часы, когда они не бываютъ дома, и предметы кражи, которые могутъ быть наиболѣе выгодны. Въ подражаніе почти всѣмъ ворами, они дѣйствуютъ группами отъ 3 до 5 человекъ, и проч.

Уличные воры кидаются внезапно, ищутъ случая, гѣвваю захватываютъ врасплохъ, ста-

раются оглушить его сильным ударом по голове или по затылку, а потом быстро обыскать и поспешно раздѣть. Выходят вдвоем и втроемъ, рассчитывая на пустыя мѣста и на отсутствие свидѣтелей, которые, впрочемъ, поражаютъ больше равнодушіемъ, чѣмъ готовностью на помощь. Дворникъ боится волокиты, звончикъ спѣшитъ ускорить, лавочникъ рискуетъ потерять мѣсто за оговоръ ворожъ въ томъ, что покупалъ краденное. Эти воры опасаются дурманомъ; подъ видомъ земляковъ предлагаютъ лошадей деревенскимъ простакамъ, и проч.

Барышникъ (по музыкѣ мѣшочекъ) иногда даетъ мошенникамъ впередъ задатки и потомъ наблюдаетъ, стоя или расхаживая на условныхъ мѣстахъ. Добычу, выносимую ими, подхватываютъ и часто вырываютъ ее другъ у друга изъ рукъ, ломая часы и театральныя трубки, разрывая пополамъ платя. Украденныя вещи, въ особенности шубы, продаютъ по частямъ (отдѣльно рукава, воротники, верхъ и мѣлк; бѣлье—поштучно (это называется „перевячать“). Сбываютъ частью здѣсь, частью въ другихъ городахъ.

Укрыватели—это одинъ изъ самыхъ опасныхъ классовъ преступнаго населенія, совершающій свои преступныя дѣянія при условіяхъ, до крайности затрудняющихъ ихъ преслѣдованіе. Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обуславливаютъ свою дѣятельностью возможность совершения многихъ преступленій. Высказываемое мнѣніе, что не будь укрывателей, не было бы и преступленій, не лишено значительной доли истины. Преслѣдованіе укрывателей затруднено, между прочимъ, и тѣмъ, что дѣятельность ихъ нерѣдко заходитъ за предѣлы территоріи. Между тѣмъ, укрывателей по справедливости можно назвать капиталистами преступленія.

Продажа воровскихъ вещей въ 1842 г. была распространена на улицахъ до изумительной степени. Она породила даже особенный видъ мошенничества: подъ видомъ и предлогомъ ворованныхъ (т. е. хорошихъ) отдавали поддѣльныя. Ворами пособляли лхачи-лавочники, получая отъ 25 до 100 руб. за ночь. Полиція потворствовала, медлила розысками и бездѣйствовала наблюдениями; пойманнаго или приведеннаго вора отпускали; отдѣльвались замѣчаніями и выговорами. Воры продолжали весело жить въ притонахъ—грязныхъ ямахъ, по гривенѣ мѣди за ночлегъ, и отличались общими свойствомъ всѣхъ промышленниковъ легкаго заработка—расточительностью. Все свободное время они проводятъ въ трактирахъ. Никогда не богатѣли (богатѣютъ пріемщики), хотя нѣкоторымъ удавалось прозаводить кражи на нѣсколько тысячъ и хотя нѣкоторые организовались въ общества, которыя вели доходами и расходами счеты. При дѣлежѣ добычи въ ор-

ганизованнымъ шайкамъ существовали слѣдующія правила: жуликъ (ученикъ) отъ малоцѣнной вещи пользуется половиною, отъ цѣнной—третью; всякій помощникъ или товарищъ—половиною, простой зритель— $\frac{1}{4}$, а иногда $\frac{1}{2}$. Гдѣ есть атаманы, тамъ и они получаютъ свою часть. Кроме того, по разнымъ случаямъ, дѣлали раскладку, напр., выкупать понавагасаго товарища. Кто прежде участвовалъ съ ними, жертвовалъ всѣмъ, что могъ достать.

На высшей ступени дѣятельности мошенничества стоятъ тѣ ловкіе и искусные мошенники, которые, благодаря приличной одеждѣ и яснымъ манерамъ, обращаются съ людьми высшихъ слоевъ общества. Эти посѣщаютъ балы по подпискѣ, спектакли, концерты, кабинеты и салоны. Они смѣются надъ тѣми ворами, которые ломаютъ замки и рискуютъ шумомъ. Безъ ломовъ, напорьевъ и поддѣльныхъ ключей они отправляютъ свое ремесло въ такомъ видѣ, что слѣдить за ними чрезвычайно трудно. Самое происхожденіе ихъ представляеть оригинальныя особенности: если воровство преимущественно вербуетъ своихъ агентовъ въ низшихъ классахъ, то мошенничество зачастую отыскиваетъ дѣятелей въ высшихъ сферахъ общества. Известнаго рода утонченность, ловкость, сноровка и прочія качества, несомнѣнные съ воровствомъ—грубымъ видомъ преступленій противъ собственности—всегда обязательны для мошенничества, которое тѣмъ неожиданнѣе, находчивѣе и поразительнѣе, чѣмъ чище вымыты руки, чѣмъ болѣе развита и завита голова. Если администрація меньше обращаетъ вниманія на порочные классы, чѣмъ на тѣ, въ которыхъ пороки соединены съ развратомъ и нищетой, то это только потому, что порочный богатъ, расточающій свой избытокъ или даже часть своего состоянія на предосудительныя удовольствія, внушаетъ лишь жалость и отвращеніе. Опытныя администраціи знаютъ, что лишь только подобные люди остаются безъ средствъ къ существованію и съ отвращеніемъ къ труду, воспитаннымъ прежнимъ обезпеченіемъ, они становятся опасными по наклонностямъ къ добыванію средствъ къ жизни легкими способами обманомъ, поддѣлокъ и разныхъ видовъ мошенничества. Наиболѣе благоприятными временами ихъ дѣятельности и появленія считаютъ времена финансовыхъ кризисовъ, мѣстами дѣятельности—большіе города. Здѣсь большая часть мошенниковъ происходитъ отъ богатыхъ и честныхъ родителей. Они получили хорошее воспитаніе, но не умѣли имъ воспользоваться. Съ малыхъ лѣтъ они погрязали въ порокахъ и, послѣ многихъ приключеній, обыкновенно отбиваются отъ родительскихъ домовъ, чтобы смѣшаться съ толпою негоднѣвъ, организоваться въ шайку, по пригласію известной Москвѣ и Петербургу шайки такъ назы-

вашихъ „труболетовъ“. Въ шайкѣ у нихъ происходятъ встрѣчи, производятся собранія, на сходкахъ они вооружаютъ другъ друга противъ общества. На счастливые случаи помощи они оказываются людьми, принадлежащими къ различнымъ сословіямъ безъ разбора, лишь бы только предполагалась известная доля достатка и вѣроятіе утонченной и разносторонней порчи. Самые симпатіи ихъ и мѣста дѣятельности сосредоточиваются на богатыхъ классахъ и въ той средѣ, гдѣ они родились и воспитались. Ниже того они и не сподыт и тамъ едва ли были бы состоятельны. Самый распространенный классъ, постоянно существующій и рекрутирующійся, является въ видѣ карточныхъ шуллеровъ, поддѣльвателей дуловыхъ завѣщаний и цѣнныхъ документовъ. Въ видѣ исключенія и болѣе рѣдкаго явленія, мошенники организируются въ шайки для дневного грабежа, преимущественно, у лицъ торгующихъ и богатыхъ и тогда мошенничества ихъ отличаются поразительною изобрѣтательностью. Во всѣхъ случаяхъ женщины являются пособницами и участницами, либо какъ приманка неопытныхъ и простодушныхъ людей, отягчающихся слабостью къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, либо въ видѣ прямыхъ пособницъ, гдѣ женская хитрость имѣетъ наилучшее представительство, а наименьшая законная ответственность является воспособляющею причиною. Не исключая того, что и этотъ классъ преступниковъ отличается расточительностью и самое пріобрѣтеніе добычи основывается ради ея, — во всѣхъ остальныхъ своихъ приемахъ они мало чѣмъ отличаются отъ воровъ. Все преимущество ихъ заключается въ томъ, что они рѣже попадаютъ, хотѣе хоронять концы и избѣгаютъ судебныхъ преслѣдованій.

Болѣе ясныя признаки продолжаютъ обставляться преступленіе воровства въ широкомъ значеніи этого слова *).

Такъ наиболѣе развито воровство въ мѣщанскомъ сословіи. По общему проценту сызмныхъ оно занимаетъ самое видное мѣсто и обнаруживаетъ наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности замѣтно сильнѣе, чѣмъ крестьяне.

*) Конечно, сибирскія табели точно такимъ же образомъ не способны подкрѣпить подробными характеристиками воровства въ зависимости, на примѣръ, отъ времени года. Оно, какъ известно, усиливается на осеннее время: многочисленныя случаи воровства въ началѣ зимы слабѣютъ, на весенніе мѣсяцы и на лѣтнее время значительно упадаютъ. На это обстоятельство, главнымъ образомъ, дѣйствуютъ увеличеніе и уменьшеніе дней и ночей: большая или меньшая продолжительность ночей усиливаетъ или ослабляетъ количество кражъ. Осень—когда люди горюхъ молотятъ, а вора замки колотятъ — самое благоприятное время, исключая, можетъ быть, одного только мошенничества, которое дѣйствуетъ, по слову законовъ и въ сферѣ собственной обстановки, во всякое время года.

Причина очевидна изъ простаго сопоставленія городской жизни съ соблазнами и деревенской съ условіями, болѣе благоприятствующими честному труду и непрерывной правильной работѣ. Мѣщанамъ уступали въ воровствѣ даже солдаты, для которыхъ вѣроятіе стать преступниками подобнаго рода также было довольно сильно, до введенія закона о всеобщей воинской повинности, вслѣдствіе крутого перехода изъ собственника въ казеннаго человѣка, у котораго стороннія заботы о снабженіи ослабляли понятіе о своей и уваженіе къ чужой собственности. Не смотря на то, что солдаты только въ ограниченнхъ и рѣдкихъ случаяхъ наказывались за воровство ссылкой (а потому, по сравненію съ ними, въ сибирской цифрѣ перевѣсь на сторону солдатокъ), воровство въ солдатскомъ сословіи было однимъ изъ господствующихъ и рѣзко выдававшихся на глаза преступленій *). Для доказательства у народа имѣлся значительный запасъ пословицъ, притчей, сказокъ и прісказокъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что солдаты и добрый человѣкъ, да плащъ его хитунъ: шинель постель, шинель кошель, а руки—крюки (что залѣпилъ, то и потащилъ). Здѣсь воровство выразилось также повѣрьемъ (съ постою хоть ложку деревянную, а украсть чтонибудь надо; солдата за все бьютъ, только за воровство не бьютъ), и солдатскіе проступки этого рода также нашли въ народѣ оправданіе (солдаты не украли — просто ваялъ; ему не грѣхъ поживиться: не украсть, такъ и ваять ему негдѣ). Теперь все это уже ушло въ преданіе и пословицы становятся анахронизмомъ.

Такимъ образомъ, по русскимъ сословіямъ и по общему количеству приговоренныхъ въ ссылку за воровство — этотъ видъ преступленія занимаетъ вездѣ первое мѣсто (съ тою разницей для духовенства, что въ этомъ сословіи на первое мѣсто всталъ тотъ спеціальнй видъ воровства, который называется святотатствомъ). По процентному отношенію, наибольшая наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности выразилась въ сословіяхъ, слабѣе другихъ упрочившихся и обезпеченныхъ условіями быта: на первомъ мѣстѣ встали дворовые, за ними жители городовъ или мѣщане съ тою неопредѣленною послѣдовательностью фактовъ, что и вѣрнее — исключительные жители городовъ и мѣстечекъ и непрѣмѣнные мѣщане — на воровствѣ представляютъ главнѣйшую особенность, самую характерную черту и сильнѣйшую наклонность **).

*) Вслѣдствіе особенностей уложенія о наказанияхъ для военныхъ, процентъ сибирскихъ сызмныхъ воровъ изъ солдатъ былъ очень малъ.

**) Изъ различныхъ видовъ крестьянскаго сословія однодворцы, по проценту высланныхъ въ Сибирь за кражу, превышаютъ всѣ другія сословія. Между женщинами, какъ воровки, примѣтны были на первомъ мѣстѣ дворовыя, на

На мѣстах ссылки всё эти условія измѣняются, отношенія спутываются и результаты болѣе характерныя примѣтны только въ томъ, что у ссылныхъ воровъ не только не отнято право увлекаться новыми соблазнами на кражу, но заданы еще и другія мудренныя житейскія задачи. На первыхъ шагахъ — долговременная и послѣдовательная порка по тюрьмамъ, какъ такимъ заведеніямъ, гдѣ отбирается нажитая собственность, замѣняемая скудною казенною, и затѣмъ постоянно и настойчиво внушаются увѣренія въ безправности ссылныхъ на всякую собственность. Для присужденныхъ на каторгу увѣренія эти преслѣдуются во всю жизнь ихъ на работахъ, а потому пересыльные тюрьмы въ частности, а каторжныя въ особенности, такія общины, гдѣ воровство уже не проступокъ, гдѣ воруютъ всё поголовно, не распознавая товарищески вѣщей отъ своихъ. По словамъ сибирской поговорки, измышленной въ самихъ тюрьмахъ: „арестантъ вѣтъ прошенное, носитъ брошенное, живетъ краденнымъ“. Для поселенцевъ, куда наибольше поступаютъ сосланные за воровство, бытовыя условія представляють болѣе смягченную форму, но запутываютъ ихъ въ новыя условія, неблагоприятныя для честнаго жителя, благоприятныя для безчестнаго промысла воровствомъ. Вотъ причина, почему сибирскими старожилками произведенъ безапелляціонный судъ надъ поселенцами, выразившійся въ такой несокрушимой правдѣ-пословицѣ: „поселенецъ, что младенецъ, что видать, то и тащить!“ и „хоть того лучше поселщикъ — не вѣрь ему!“ Въ бѣгахъ и на волѣ ссылный только тѣмъ и живетъ, что украдетъ: „не украдешь — не проживешь“. Въ Сибири укрѣпилось даже такое повсюдное, всенародное убѣжденіе, что болѣзнь воровства въ Россіи хроническая: сколько десятковъ лѣтъ въ пришлыхъ новыхъ людяхъ Сибирь не видать людей путныхъ. Въ недавніе годы еще сильнѣе она укрѣпилась въ своемъ убѣжденіи, когда новые поселенцы на Амуръ (штрафные солдаты) прошли во всю длину страны, какъ бы голодное Мамаево войско, со всѣми явленіями опустошен-

второмъ солдатахъ. Между ссылными за всѣ роды преступленій, сосланными за воровство женщины составляли $\frac{1}{3}$ часть всего числа (воружичины, противъ общаго числа ссылныхъ мужчинъ, составляли $\frac{1}{4}$ часть).

Въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ каторжныхъ заводовъ воровство укрѣплялось обычаемъ и возбуждало соблазнъ даже въ тѣхъ ссылныхъ, которые не хотѣли идти на воровство въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Чтобы сдѣлаться коннымъ рабочимъ, т. е. получать болѣе широкій плакатъ, ссылные крадя чужихъ лошадей и съ ними являлись къ начальству, хорошему знавшему пути и средства добычи, но равнодушному къ этому злу, какъ къ неизбывному и издавна укоренившемуся. Воровство золота на промыслахъ, вина, соли, желѣза на заводахъ до такой степени было обыкновеннымъ преступленіемъ между ссылными рабочими, что вмѣнялось въ обычай и преслѣдовалось развѣ настолько, насколько позволяли скудныя средства и ловкая изворотливость самихъ преступниковъ. Словомъ, воровство не изъ тѣхъ болѣзней, которыя лечатъ ссылка, имѣющая въ данныхъ противоположнаго, еще болѣе заразнаго свойства (доказательства общія и частныя мы имѣли случай представить прежде, имѣемъ множество таковыхъ и впереди). Если перчинскіе заводы и увѣряли въ томъ, что въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857 г.) вновь наказано на нихъ за грабежъ 8, за кражи 64, за утрату казенныхъ вещей 129, то, во первыхъ, всё наказанное въ Россіи ворами не было; во вторыхъ, большая часть совершившихъ кражи ускользнула изъ рукъ (въ тѣ же 10 лѣтъ бѣжало и поймано 2.841 человекъ голодавшихъ и оборвавшихся одеждою); въ третьихъ, опытные бродяги уходять съ предосторожностями; они кражами не смущаютъ покоя, чтобы вѣрнѣе скрыться, и, въ четвертыхъ, скрываются такъ, что въ воровствѣ попадаютъ уже далеко за Байкаломъ. Тобольская, Томская и Иркутская губерніи соперничаютъ между собою въ количествѣ жертвъ, осужденныхъ за грабежи и кражи. Въ Якутской издавна живетъ племя (якутовъ), у котораго рѣзче другить выдается склонность къ мелкому воровству, каковое и производится тамъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, ловкостью и опытностью: За то у тунгусовъ (якутскихъ и забайкальскихъ) воровство — одинъ изъ смертныхъ грѣховъ и до сихъ поръ еще не только не одна изъ городскихъ тюремъ, но и ни одна изъ полицейскихъ сибирокъ и кучунокъ не выдала тунгуса, посаженнаго за кражу.

ГЛАВА VI.

ГРАБИТЕЛИ и РАЗБОЙНИКИ.

Причины и корни грабежей.—Происхождение и связь грабежа съ воровствомъ. — Варанта.—Сибирскіе и російскіе грабители и разбойники.—Связь разбоя съ грабежомъ.—Характеръ русскаго разбойника.—Разбойники вообще и въ частности.—Выковъ.—Чайкингъ.—Дуванъ.—Кабакъ.—Цадовальники.—Разбойничьи атаманъ и ихъ любовники.—Приюты и проч.

Старые наши законы и самъ народъ понятіе о грабителяхъ смѣшиваетъ съ понятіемъ о ворахъ и называетъ ихъ этимъ послѣднимъ именемъ, хотя между грабежомъ и воровствомъ лежитъ пропасть. Какъ воровство, по преимуществу, гнѣздится въ городахъ и самый частый посѣтитель населенныхъ и людныхъ пунктовъ, грабежь выбираетъ для дѣятельности мѣста поглубже, любитъ поле и лѣсъ. Грабежь сильнѣе, энергичнѣе воровства. Онъ тѣмъ и отличается отъ него, что дѣйствуетъ открытою силою. Безъ смѣлости и дерзости онъ невозможенъ. Воровство бережетъ себя для завтрашняго дня и ходитъ весьма осторожными шагами, босыми ногами; грабежь меньше бережетъ себя и не боится опасностей. Забывая объ нихъ, онъ бѣжитъ на пропалую а потому его не страшитъ и торная пробѣжная дорога, а потому онъ примѣчательно часто пристраивается, какъ бы на правахъ арендатора, по близости торговыхъ пунктовъ, даже большихъ городовъ. Грабежь беретъ съ собою про всякій случай кистень и ножъ, а потому верѣдко переходитъ въ разбой. Границы его съ разбоемъ близко сходятся и верѣдко съ трудомъ различаются. Онъ любитъ также горючить концы, замечать свой слѣдъ, прикрываться тайною, а потому, подъ мракомъ ночи, онъ прячется въ укромныхъ и скрытыхъ мѣстахъ. Какъ и воровству, ему темная воченька родна матушка, и грабитель точно также день въ растажку, а ночь на распянку, или день кольцомъ, а ночь молодцомъ.

Точно такъ же, какъ и воровство и разбой, грабежь основываетъ свои успѣхи на преимущественномъ правѣ товарищества, слаживается въ шайку. Рѣдко, въ крайне исключительныхъ случаяхъ, онъ ходитъ въ одиночку или въ разбивку. Но и въ такомъ видѣ пойманный, онъ почти всегда скрываетъ какой нибудь изъ слѣдовъ своихъ въ шайкѣ и въ заговорѣ. Почасту свободная отъ законныхъ преслѣдованій, шайка эта бываетъ виновна, если не въ прямомъ и непосредственномъ участіи въ грабежѣ, то косвенный путь укрывательства грабителей, приема или сбыта награбленныхъ вещей является и сегодняшнимъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ этого грубаго вида воровства. Если воры на большую часть трусъ, то товарищества грабителей,

съ самыхъ древнихъ временъ, отличаются смѣлостью до дерзости свойствами. Близость опасности, возможность скорыхъ и сильныхъ преслѣдованій закаляютъ ихъ буйный характеръ. Въ этой-то борьбѣ со страхомъ и въ тревожномъ положеніи между двухъ огней, они находятъ запасы энергіи и, въ силу удачъ и счастья, выходятъ на разбой въ томъ же товарищескомъ союзѣ.

Нѣкогда грабежь и разбой такъ и ходили вмѣстѣ, въ особенности въ тѣ времена, когда слаживалось русское государству изъ разноплеменныхъ враждебныхъ элементовъ. Съ самыхъ древнихъ временъ явленіе это повторялось съ одинаковымъ постоянствомъ и немедленно обнаруживалось вездѣ, гдѣ развивался процессъ водворенія русскаго элемента. Грабежи и разбой не выдавались рѣзко изъ ряду обычныхъ явленій до тѣхъ только поръ, пока приливъ пришлаго населенія уравнивался съ туземнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда колонизація опиралась на мирныя средства торговли и промышленности. Грабежи и разбой неизбежно обнаруживались тотчасъ, когда появленіе чуждаго и опаснаго элемента дѣлалось привѣтнымъ и опаснымъ, возбуждало и вызывало опасенія я туземцы. въ виду грядущихъ бѣдъ, въ отчаяніи несостоятельности, брались за оружіе, прибѣгали къ послѣдному средству защиты, которое, однако, имъ уже не задавалось. Пришлецы восторжествовали вездѣ: съ большимъ успѣхомъ и съ меньшимъ количествомъ жертвъ въ столкновеніи съ кроткими финскими племенами всего сѣвера, плодили грабежи и разбой, въ замѣчательномъ числѣ поступаая первыми пионерами въ степныхъ и горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ русскія пріобрѣтенія покупались дорогою цѣною крови и всяческихъ бѣдствій. Особенно рѣзко выдается подобное явленіе во времена, когда русское племя, ослабивъ стремленіе на востокъ за Каму и за Камень, устремилось на югъ, стало пріобрѣтать земли за Окою, по Дому и Дѣбру.

На сѣверѣ въ лѣсахъ дешезовна пріобрѣтеній мѣсть жительства съ достаточною ясностью выразилась въ народныхъ преданіяхъ, утѣрявшихъ въ томъ, что бѣлоглазая чуждъ, испуганная появленіемъ въ лѣсахъ бѣлой березы (она чавшей грядущее владычество блага царя),

строила стойки, запыралась въ нихъ или сожигалась живою, или уходила сквозь землю, проваливаясь безъ слѣда. Это преданіе, однаково общее для всей сѣверной Россіи и для всей Сибири, подтверждается и тѣми мѣстными легендами, изъ которыхъ, по одной, русскимъ людямъ стоило только прорубить ледъ на одномъ мѣстѣ рѣки и загнать всѣхъ чужаковъ въ эту прорубь, а на память объ нихъ прозвать эти мѣста нехитрыхъ побойацъ „кровяными плесами“. Рѣдко являлась здѣсь вооруженная оборона. Только въ житіяхъ самыхъ первыхъ святыхъ вологодскихъ, олонечскихъ и архангельскихъ разсказываются отдѣльные случаи сопротивленія туземцевъ, выражавшіеся оскорбленіями уединившемуся въ лѣсъ подвижнику: жгли его келью, сгоняли съ обогрѣтаго мѣста, приходили съ угрозами и только въ двухъ-трехъ случаяхъ изъ цѣлыхъ сотенъ прибѣгали къ убійству, сдѣлавъ изъ подвижниковъ мучениковъ. То же самое повторилось и на сѣверѣ Сибири, гдѣ сожженіе юраками города Мангазеи (на Енисей) оказывается серьезнымъ случаемъ вооруженнаго и серьезнаго сопротивленія пришельцамъ. На всей картинѣ этихъ пріобрѣтеній лежитъ болѣе мягкой колоритъ на сторонѣ туземцевъ, во здѣсь грабежи и разбои, при всей исключительности своего явленія, производятся уже самими пришельцами. Насилія надъ туземными племенами столь же древнія, какъ и самые акты пріобрѣтеній, начиная отъ походовъ удалой новгородской молодежи для завоеванія верховьевъ Волги и кончая пріобрѣтеніями земель за Волгою: на Камѣ, Чусовой и Вѣлой. Здѣсь открытыя противоборства, вооруженныя возстанія туземцевъ, называемыя въ послѣднія времена бунтами, дѣлались замѣчательно частыми и грозными, потому что и самые пріобрѣтатели изъ мирнаго купца и промышленника превращались въ завоевателей, намѣренно ходившихъ съ оружіемъ, въ видѣ казаковъ, стрѣльцовъ и наконецъ, солдатъ. Особенно дороги Россіи пріобрѣтенія прибрежьевъ Волги отъ истоковъ, гдѣ дѣйствовали ушкуйники, до середины устьевъ, гдѣ выказывали удалство и молодечество вольные люди, разбойники, и дѣйствовали стрѣльцы и казаки. Грабежами и разбоями усыпаны берега этой рѣки, столь дорогой для Россіи. Нѣтъ ни одного города, ни одного урочища, которые не вели бы безконечныхъ разсказовъ о разбойничьихъ подвигахъ и похищеніяхъ. Здѣсь родилась и разбойничья пѣсня, здѣсь поддерживалъ свой начальный заказъ воинственный духъ народа, устремившагося на завоеванія съ ликорадоюю посѣвшностью и съ неудержаюю энергіею.

Тѣми же грабежами и разбоями началась и съ ними продолжалась свое теченіе исторія пріобрѣтенія на рубежахъ южныхъ степей, въ низовыхъ степяхъ, начиная съ орловскихъ и окая-

чивая придонскими (въ воронежскихъ верховьяхъ рѣки Дона и ея притоковъ). Здѣсь нападенія туземцевъ и набѣгамъ татарь, калмыковъ и черкесъ отвѣчали пришельцы таковыми же набѣгами, сопровождавшимися грабежами и разбоями по всей долинѣ передовыхъ линій отъ ближайшихъ до отдаленныхъ. Долговременному неустойчивому, кровопролитному распрямъ и всякаго рода насиліямъ и смутамъ здѣсь способствовало такъ же и то, что украинцы эти произвольно и насильственно заселялись бѣглыми и преступными людомъ (бѣглыми холопами и изуродованными каторжниками). Тѣ и другіе, скитаясь по странѣ и покидая ветхія и векрынікія тюрьмы, несли пожары и опустошенія и обливали свои слѣды кровью. О дѣяніяхъ ихъ до нашихъ временъ сохранилась память во множествѣ присловій и бранныхъ прозвищъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько измѣнился народный духъ вслѣдствіе противодѣйствій и въ контрастѣ мирнымъ завоеваніямъ на сѣверѣ. Здѣшнія пріобрѣтенія Россіи куплены дорогою цѣною неволи и крови, посреди ежедневныхъ тревогъ отъ опасностей и при помощи и содѣйствіи людей, не лучшихъ какъ было на сѣверѣ, а тѣхъ, которыхъ сочло отечество негодными и ненужными, выгнало или выселило вонъ. Хотя они и выместили потому за это въ смутное безгосударное время лихолѣтій опустошеніемъ родны до отдаленныхъ предѣловъ тундры, за то имъ упрочилось пріобрѣтеніе всѣхъ благодатныхъ земель по Дону, по Волгѣ, до Десны на западъ, до Оки на сѣверъ, до Маныча на югъ *).

Словомъ, во время строенія русской земли, грабежи и разбои были однимъ изъ послѣдственныхъ и неизбежныхъ явленій, народившихся вслѣдствіе самой системы завоеваній, неправильныхъ способовъ водворенія поселенцевъ и направленія ихъ силъ и колонизаторскихъ способностей. Разбои въ низовыхъ странахъ и таковыя же по Волгѣ слѣдовали одни за другими по вызову времени и по закону обстоятельствъ, отдѣльно и независимо другъ отъ друга, но дѣйствовали сообща и за одно подъ руководствомъ сильныхъ и талантливыхъ натуръ, вродѣ Булавинныхъ, Клопковъ, Разинныхъ, Пугачевыхъ и безконечнаго числа другихъ многихъ.

* На сколько бранныя прозвища и присловья согласно характеризуютъ духъ населенія низовыхъ украинъ, служитъ доказательствомъ, между прочимъ, Орловская, гдѣ нѣтъ города, который бы похвалила народная память: «Хорошъ заццъ да тулякъ, хорошъ малый да тумакъ»; орловцы—проломанныя головы; Орель да Кромы—первые воры, да и Барачевъ на поддачу; Аженина бы тебѣ во дворъ, городъ Ажонскъ (Мценскъ) пугане есмь вереть обидели; Лавин—вѣжъ ворахъ дивны; Елецъ—вѣжъ ворахъ отецъ. Крестись, Андронъ (курано) Здутъ. Нѣтъ у бѣлаго царя вора супротивъ куранина, и проч.

Грабежи и разбой въ Россіи кочевали вмѣстѣ съ ея необъятнымъ населеніемъ и взумляли количествомъ и размѣрами. Изумляютъ они теперь богатствомъ присловій (особенно по Волгѣ), заклеивавшихъ обитателей многихъ мѣстностей неслышимъ прозвищемъ воровъ и разбойниковъ. То же самое повторилось и въ Сибири во времена столкновеній съ туземцами на югѣ; вызывались открытыя возстанія и изъ путаницы взаимныхъ отношеній и неурядицъ выходили разбойники изъ племени пришельцевъ, порожденные воинственнымъ настроеніемъ духа, разъ возбужденнымъ и постоянно раздражаемымъ. Такъ, користовались отъ грабежей и разбоевъ и въ мутной водѣ ловили рыбу выродки общественнаго неурядства: въ серединѣ прошлаго столѣтія (около 1765 г.) казакъ Федоръ при заселеніи иртышской линіи (нѣвшій притомъ въ селеніи Масляномъ Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи и шайку въ 400 человекъ). Такъ, около того же времени, когда заселяли омскую линію и населяли Алтай, вышелъ на удалые подвиги разбой Аванасій Селезневъ, руководившій изъ Вухтармы нѣсколькими шайками, разбивавшими русскіе и бузарскіе караваны и провазводившими баранты, т. е. уголавшими табуны лошадей и гурты скота и овецъ. Многія урочища и рѣчка, до сихъ поръ нося его имя, сохраняютъ память объ немъ. Такъ, при заселеніи лѣсной пустыни, между городами Красноярскомъ и Иркутскомъ, злодѣйствовалъ разбойникъ Говдюхитъ, покровительствуемый самимъ иркутскимъ губернаторомъ Нѣмцовымъ, ограбившій, по его же заказу, губернаторскихъ гостей, собравшихся для гулянки на Аггарь. Въ 1805 году ночью, за 50 верстъ отъ Иркутска, ограбленъ былъ камеръ-юнкеръ Гурьевъ, принадлежавшій къ свитѣ китайскаго посольства Головинна, шайкою изъ тѣхъ поселенцевъ, которые по указу Павла сдѣловали для водворенія за Байкаломъ. За Байкаломъ водворенія эти послѣдовательно вызвали Григорьева, Горкина и другихъ *).

Точно такъ же, какъ и въ Россіи, разъ возбужденный разбойничій духъ долго не поддавался укрощенію и разбой нашелъ себѣ привилегированныя, заусловенныя мѣстности внутри Россіи и по Волгѣ **), въ Сибири наклон-

ность къ грабежамъ (и на крайній случай къ разбоямъ) также сохранилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримеръ, у Алтая и во многихъ селеніяхъ, лежащихъ на почтовыхъ и кулеческихъ трактахъ. До тридцатыхъ годовъ нѣвшняго столѣтія и тамъ также убереглись остатки грабежнаго духа и выходили удалцы на разбойничьи походы. Съ тридцатыхъ годовъ, съ наибольшаго развитія золотыхъ промысловъ, на больномъ тѣлѣ открыта фонтанель и разбойники ушли въ тайгу промывать золото. Такъ случилось въ Сибиря.

Въ Россіи, по мѣрѣ того, какъ развивалась промышленность и заводились фабрики и заводы внутри территоріи, укрѣплявшее мирное направленіе и силу народнаго труда, по той степени усиленія надзора и систематическихъ преслѣдованій, до которыхъ додумались черезъ рядъ косвенныхъ и невѣрныхъ путей административнаго распоряженія—разбой пропалъ на Волгѣ. Пароходы окончательно ихъ добились и явленіе въ послѣдней четверти XIX вѣка Рузавина (около Нижняго), со всѣми признаками стараго волжскаго разбойника, героя нѣсенъ—явленіе исключительное, послѣдній видокъ героевъ. Теперь разбой сталъ случайнымъ явленіемъ, зависящимъ отъ предвѣреннаго соединенія или стачки вышедшихъ на грабежъ, при благоприятныхъ условіяхъ мѣста и времени,—явленіе всегда неожиданное, рѣдко предугадываемое. Причину уо народъ скрылъ въ себѣ и до сихъ поръ опредѣлительно не повѣдалъ. Видимыя, наслѣженныя причины слишкомъ еще неопредѣленны и малочисленны, чтобы по нимъ можно было составить общее, а тѣмъ болѣе конечное заключеніе. Между прочимъ, одинъ изъ поводовъ заключается въ уничтоженіи крѣпостнаго права, нѣвшнаго тѣ особенности, что при немъ, какъ село Воронье (Костр. губ. Галицк. уѣзд.), по народному присловью „бывшее днемъ семидесяти господъ, а ночью—одного“ (зсѣ на грабежъ выходили) и что, по вызову его, ходили на преступный промыселъ и дворяне и крестьяне, а по свидѣтельству древнихъ актовъ и новѣвшихъ документовъ—сами помѣшники, и притомъ не въ однихъ только мелкопомѣстныхъ, каковы однодворцы и шляхта. Теперь тоны на вартѣхъ грабежей и разбоевъ измѣлялись, пресѣченіе преступленій стало удобнѣе для полицейской администраціи, по частямъ и по мѣстамъ труднѣе для внимательнаго и подробнаго изученія въ общемъ видѣ. Но многое и сохранилось и все находить оправданіе въ прошедшемъ.

Рѣдка изъ губерній нашихъ не имѣетъ хотя одного заповѣднаго мѣста, гдѣ бы по времени не производился преступный промыселъ грабежа, гдѣ бы, говоря общепривычнымъ и бывшей суконной фабрики), подъ Томскомъ (деревни Воронова и Вемлаужнал).

*) Объ этомъ мы уже говорили, какъ равно о разбойникѣ—князѣ Варатаевѣ, вызванномъ неурядицею заселенія охотскихъ краевъ, когда, по проекту вице-адмирала Фомина, замыслили перенести Охотскій портъ на р. Алданъ. Прокладывалъ туда дорогу; каторжные стали бѣгать и вмѣстѣ съ Варатаевымъ разграбили городъ Жиганскъ. Варатаевъ этотъ пойманъ (мѣлъ во льдахъ уже на устьяхъ Лены и взятъ въ плѣнъ преступленнымъ всеюмо пудимъ).

**) На нихъ съ достаточною ясностью указываютъ уже народныя присловья и рассказы. Въ Сибири указываютъ на подобныя пункты подъ Иркутскомъ (окрестныя селенія Тельминской

бимымъ народнымъ выраженіемъ, не „пошаливали“. Грабежамъ въ особенности покровительствуютъ мѣстности, гдѣ, по административному или политическому дѣленію, приходится границы съ чужими землями (какъ въ Бессарабіи и Подольской губерніи), или такой внутренней клинъ, гдѣ сходятся границы трехъ губерній. Въ особенности послѣднее условіе ярко выясняется тамъ, гдѣ одна изъ губерній пользуется привилегированными правами и благоприятными условіями такого рода, что не представляеть трудностей для перехода въ третью губернію (каковы малоземельная градоначальства). Определеннѣе другихъ выясняются количествомъ грабежей и удобствомъ для нихъ мѣстности на Дону и Западной Двинѣ, вродѣ окрестностей Таганрога, Ростова съ Аксаемъ и Нахичевани или окрестностей Динабурга. Подъ гнетомъ и удаленіемъ соблазна, въ послѣдней мѣстности и свей становится грабителемъ и на раскольниковъ надееть до половины справедливое подозрѣніе въ грабежахъ *). Затѣмъ, и послѣ такой исключительности, грабежи въ остальной Россіи подчиняются приемамъ, которые имѣютъ уже много чертъ общаго и свои заповѣдныя мѣста. Мѣста эти, по большей части, большія дороги и преимущественно торговые тракты, а цѣль грабежей—купеческіе обозы. Въ нерѣдкихъ случаяхъ грабежъ выбираетъ для своей дѣятельности почтовые дороги и тогда устремляетъ нападеніе безразлично и безрасчетно, на удачу, на пробажаго и на казенную почту. Первый видъ грабежей встрѣчается чаще. Его можно назвать хроническимъ за тѣмъ, что у него есть и опредѣленные пункты, и приемы и опредѣленное время, именно, предшествующее большимъ ярмаркамъ. Второй видъ грабежей, на почтовыхъ дорогахъ, имѣетъ форму періодическую и этотъ грабежъ, какъ случайность, выжидаетъ совокупности многихъ, также случайныхъ, но благоприятныхъ причинъ, не всегда готовыхъ и дѣятельныхъ. Мѣстами онъ не стѣсняется и загорается безразлично, и въ степяхъ саратовскихъ, пензенскихъ, подъ Самарою (близъ известной дуги Волги), и въ лѣсахъ Виленской губ., въ лѣсахъ костромскихъ. И этотъ грабежъ любитъ лѣсъ, особенно, когда дорога

тянется длинными волоками (известнымъ „шестидесятымъ“ въ Велужскомъ и Мазарьевскомъ уѣздахъ Костр. губ.). Грабежъ, направленный на купеческіе транспорты, не испугался пробѣжкихъ дорогъ, ведущихъ въ Нижній, вывывая на эти мѣста ежегодные сторожевые пункты, пикеты—особый видъ земской повинности для окольныхъ жителей и казаковъ. Тѣми же пикетами предупреждаются (но не всегда предотвращаются) грабежи по болѣе глухимъ и дальнимъ дорогамъ, какова перская, гдѣ грабежи направлялись на чайные транспорты и являлись въ систематическомъ видѣ между городами Пермью и Кунгуромъ, Кунгуромъ и Екатеринбургомъ. Такими же грабежами славятся нѣкоторые изъ оренбургскихъ дорогъ. Здѣсь башкиры и кечеряки умѣютъ выказывать присутствие въ ягъ натурѣ остатковъ степного хищничества (очевидное и по тобольскимъ табелямъ ссыльныхъ). Предостерегаютъ взростіе прдорожнаго грабежа слабѣніемъ конвойными по весьма многимъ мѣстностямъ Кавказа. Здѣсь грабежъ, изъ общаго политическаго принципа горцевъ, смѣнился въ наши дни на особенный видъ ищенія покровителямъ, продолжаетъ выражаться и по старымъ образцамъ племенныхъ расчетовъ за обиду, за уголь скота (и по тобольскимъ табелямъ горцы, преимущественно, ссылаются за грабежи и разбой). Не говоря уже о киргизахъ, гдѣ грабежъ барантою—одна изъ политическихъ основъ кочеваго племени, и о татарахъ, въ которыхъ сильная склонность къ грабежамъ находитъ объясненіе въ старыхъ привычкахъ, вырожденный и доказанный исторіею, а оправданіе въ религиозныхъ принципахъ, завѣщанныхъ кораномъ (татаринъ, по русской пословицѣ, либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошеникъ). На Кавказѣ мусульманство съумѣло выродить мордеизмъ: истребленіе людей неправовѣрныхъ (гауровъ) возведено было въ догматъ и настоятельно требовалось обѣими главами секты (Шахилемъ и Махметъ-Аминемъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ грабежахъ мы видимъ прочное существованіе и упорную устойчивость. Наслѣдственная болѣзнь тѣмъ и опасна, что корни ея крѣпко и глубоко уходятъ въ испорченную почву и, какъ у всякаго подобнаго явленія, имѣющаго основаніемъ племенные особенности, болѣзнь не предстоить внезапнаго или скорого исчезновенія. Внутри Россіи, въ русскомъ племени, болѣзнь эта представляется въ другой обстановкѣ, но и въ болѣе смутныхъ и спутанныхъ явленіяхъ.

Остановившаяся на русскомъ племени и слѣдя за цифрами ссыльныхъ въ Сибирь, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ о грабежахъ.

Цифра, не отличаясь постоянствомъ, не принадлежитъ къ крупнымъ: грабежъ не изъ тѣхъ преступленій, которыя можно считать на ряду

*) Двинскъ (бывшій Динабургъ) стоитъ при такихъ условіяхъ, что тотчасъ за Двиною начинается Курляндская губернія съ ея вліямъ и медленнымъ вѣмечамъ судовоизводствомъ среднепѣковаго дѣла и съ презрѣніемъ къ русскимъ интересамъ. Въ 20-ти верстахъ отъ города губ. Ковенская и нѣсколько подальше Виленская (самъ Динабургъ губ. Витебской). Опасность жителей увеличивается тѣмъ, что чрезвычайно распространено мелкое воронство нерѣдко доходять до дерзости грабежа. Полиція стоитъ въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ при желаніи поймать, принудить и застрашать воровъ и грабителей силою вліянія гнѣсного и самостоятельностью образа дѣйствій.

съ крупными цифрами другихъ преступленій и, въ особенности, по сравненію съ ближайшимъ видомъ его—воровствомъ. Грабители, при недостаткѣ благоприятныхъ причинъ, мельчаютъ числомъ и пропадаютъ въ разрядъ воровъ или, при противоположныхъ дѣяніяхъ, уходятъ въ Сибирь въ разрядъ ссылкиемыхъ за разбой. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, при усмиреніи административнаго вниманія и надзора и увеличеніи преслѣдованій грабителей вслѣдствіе какихъ либо случайныхъ, сильно изгалкаивающихъ обстоятельство, цифра грабителей увеличивается и при противоположныхъ условіяхъ упадаетъ *). Уменьшеніе этой цифры въ особенности пригодно по отношенію къ женщинамъ. Возрастаніе цифры доказываетъ, что виновность въ грабежахъ женщинъ совершилась подъ защитою мужчинъ, при участіи которыхъ только и мыслимъ для женщинъ грабежъ, какъ преступленіе, наиболѣе требующее тѣхъ силъ душевныхъ, каковыя недостаетъ этому слабую и забытому полу. Грабежъ и разбой—не женскія преступленія, они уступаютъ мѣсто воровству и поджогамъ. На серьезныя кражи съ грабежемъ и въ расчетѣ на разбой женщины не берутъ. При этомъ вѣроятіе это преступленіе для нихъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ; въ ранній возрастъ это—самое рѣдкое явленіе изъ всѣхъ преступныхъ жевскихъ дѣяній.

По количеству смыльныхъ по сословіямъ, у крестьянъ, солдатъ и мѣщанъ грабежъ занимаетъ первое мѣсто послѣ воровства, стоящаго у всѣхъ на первомъ планѣ. По процентному отношенію самый высокій стоятъ за военными поселенцами, заводскими крестьянами, однодворцами и солдатами, а у мѣщанъ сильнѣе развита склонность къ грабежу, чѣмъ у крестьянъ. По различнымъ мѣстностямъ Россіи грабежъ выразился сильнѣе въ странѣ сходцевъ (въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи). Въ Бессарабіи процентъ, по общему отношенію смыльныхъ къ бессмысленнымъ обитателямъ,

настоятельно великъ, что подобаго ему нѣтъ во всей Россіи. Вдвое меньшая населеніемъ Пермской губерніи, Бессарабская превосходитъ ее числомъ грабежей, не смотря на то, что Пермская вмѣстѣ съ Тобольскою въ одно время и заводская и случайно заполняемая большимъ количествомъ бѣглыхъ, а вмѣстѣ съ Казанскою и Симбирскою съ избыткомъ населена инородческими племенами, исповѣдующими исламъ *).

Разбой—это послѣднее и крайнее звено въ цѣпи преступленій, вытекающихъ послѣдовательно изъ бродяжничества и непосредственно изъ грабежа, какъ неизбежное слѣдствіе послѣдняго, по крайней исключительности своей,—стать принадлежать къ явленіямъ случайнымъ, но, въ то же время, и къ такимъ, гдѣ всѣхъ запутаннѣе основныя причины и вызывающіе поводы. Съ другой стороны, внѣшній видъ разбоевъ сжигаль и успѣхъ принять кое-какія опредѣленныя формы, которыя можно типировать такимъ образомъ.

Нѣкогда на разбой выходили казаки, въ числѣ которыхъ бродяга, въ видѣ бѣглаго холопа и солдата, игралъ первую роль. Теперь разбоемъ охотнѣе занимаются заводскіе люди и опять тѣ же солдаты. Иногда съ крайней голодовки пускается на такое дѣло мѣщанинъ, обыкновенно прямо изъ цѣловальниковъ или тѣмъ же пригороднымъ воровъ. Бываютъ и такіе годы, когда путается въ разбойничать мелкопомѣстный дворянинъ, избаловавшійся до конца въ званіи однодворца (сословіи, какъ извѣстно, не отличающіеся нравственностью и не свободномъ отъ тяжелой преступности). Каживали на разбой и капитаны Колыванки (имѣющіе, впрочемъ, основаніемъ историческую почву, бывалое событіе). Но—повторяемъ опять—и этотъ типъ измѣлялъ и только временами,

*) По губерніямъ число грабителей распредѣлилось такъ (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1847 годъ):

	мужч.	женщ.
Пермская	55	11
Тобольская	64	5
Грузія	56	6
Бессарабія	61	—
Симбирская	60	—
Подольская	56	2
Казанская	49	5
Курская	50	1
Кавказская область	40	2
Кіевская	38	— и проч.

Губернія Олонеккая во всѣ 9 лѣтъ выслала только двухъ; Архангельская, Псковская, Вологодская, Лифляндская и Астраханская по пяти. Въ Финляндіи и Польшѣ грабежи также исключительное явленіе. Въ 20 лѣтъ для Олонеккой поднялась цифра до 10, Архангельской до 21, Вологодской до 23, Лифляндской до 34, Астраханской до 20. Наибышій процентъ для грабежа остался за Новороссійскимъ краемъ съ ногайскими татарами на востокъ, съ крымскими на югъ и цыганами на западъ и кое-гдѣ въ сѣродніи.

*) Вотъ доказательство въ цифрахъ, по годамъ:

Въ 1838 сослано за грабежъ	139	мужч.
» 1839 » » »	127	»
» 1840 » » »	142	»
» 1841 » » »	105	»
» 1842 » » »	143	»
» 1843 » » »	241	»
» 1844 » » »	210	»
» 1845 » » »	146	»
» 1846 » » »	111	»
Въ 1838 сослано за грабежъ	9	женщ.
» 1839 » » »	4	»
» 1840 » » »	11	»
» 1841 » » »	10	»
» 1842 » » »	10	»
» 1843 » » »	6	»
» 1844 » » »	4	»
» 1845 » » »	4	»
» 1846 » » »	8	»

Такимъ образомъ, количество сосланныхъ женщинъ въ 18 разъ меньше числа мужчинъ.

въ представительствѣ крупный злодѣевъ, обнаруживаетъ нѣкоторые признаки отжившихъ свой вѣкъ удалыхъ молодежь, въ средѣ которыхъ разгоряченное народное воображеніе сумѣло поставить даже страшный образъ женщины-разбойника. Вотъ какими образомъ складываются эти остатки въ цѣломъ видѣ злодѣя-разбойника.

Онъ, по большей части, дезертиръ изъ солдатъ, озлобленный неудачами жизни, строгостью и невзгодами службы; всѣмъ былъ битъ, и о печку битъ, развѣ только печкою не битъ. Чаще—это бѣглый съ каторги, опять-таки тертый калачъ, мытые бока, но въ этихъ случаяхъ нерѣдко выясняется въ немъ бѣглый солдатъ и непремѣнно сосланный за убійство. Убійства у этихъ героевъ въ аттестатахъ (статейныхъ сибирскихъ спискахъ) повторяются иногда по нѣсколько разъ. Преступникъ подобнаго рода забрызганъ чужою кровью, на на которой онъ какъ будто приобретаетъ званіе и повадку.

Прежде, чѣмъ пуститься въ разбой, онъ обыкновенно бродяжничаетъ долгое время и, въ занятіи этомъ отыскивая потерянной воли и доли, находить то, чего не даетъ людская семья и жилие мѣсто, но чѣмъ богата лѣсная дичь и постоянное отчужденіе. Въ лѣсу бродяга дичаетъ, отвыкая отъ людей, теряя къ нимъ любовь и всякую вѣру, додумывается до равнодушія къ чужой и собственной жизни и выноситъ невѣріе ко всему. Выходя изъ лѣсу только въ кабаки для развѣна легкой добычи на вино, онъ получаетъ ту внутреннюю болѣзнь, которая характеризуется хандрой въ самомъ сердитомъ значеніи этого слова. Ипохондрикъ онъ самаго крупнаго и опаснаго свойства. Дальнѣйшія неудачи и преслѣдованія—неразлучные спутники бродячей жизни—при крайнемъ недостаткѣ началъ успокоительныхъ и примирительныхъ, развиваютъ въ сердцѣ бродяги озлобленность и зависть къ свободѣ и счастью другихъ до болѣзни. Озлобленію не долго перейти въ непримиримую злобу: ненависть честныхъ людей раздражаетъ народившееся чувство, а отсутствіе средствъ къ жизни довершаетъ гибель, когда, и по словицѣ, „голый разбой не боится, голому разбой не страшнѣ“. Переходитъ же эта непосредственная озлобленность въ прямую и открытую злобу всегда, когда бродяга-пустыжникъ каталкивается на такихъ же горюновъ, заготовившихъ одинаковый образъ возрѣнія на жизнь и поставленныхъ въ одинаковыя бытовыя условія. Это, большею частью, тѣ же бродяги, бѣглокаторжные голыши.

Встрѣча происходитъ, обыкновенно, въ лѣсахъ и знакомство сводится въ скрытыхъ и укромныхъ станкахъ и притонахъ, дорога къ которымъ указывается на каторгѣ и хорошо из-

вѣстна всякому желающему про то знать и этого искать. Затѣмъ—кабакъ: мѣсто приближенія для честнаго работника и пьяницы по профессіи, въ то же время, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, притонъ и для недовольныхъ, для всякаго названнаго и непрошеннаго. Цѣловальникъ и по тюремнымъ пѣсямъ далеко не доносчикъ, не полицейскій агентъ, тѣмъ болѣе, когда знаменитый казанскій разбойникъ Дмитрій Выковъ изъ этого званія ушелъ въ Сибирь и вернулся назадъ на старыя мѣста сильно злодѣйствовать. Выпивки не всегда на чистыя деньги сумѣли выучить этого сорта промышленниковъ и торговцевъ пріему подъ закладъ вещей, въ которыхъ составляютъ избытокъ и берутъ перевѣсъ надъ собственными краденными, приобретенными воровствомъ, грабежемъ и разбоемъ. Такіе и скрывать негдѣ, таковыя и приобретаются предпочтительно для обіива на цѣльное земье, умѣющее укладывать тоску по прошлому и развивать веселыя мысли и свѣтлые взгляды на будущее. Цѣловальникъ непремѣнно, косвеннымъ или прямымъ путемъ, впадаетъ въ биографію разбойника, попадетъ въ пайку и попадетъ суду и наказанію (отъ которыхъ откупъ въ былую пору умѣлъ откупать большими деньгами). Главнымъ же образомъ, бродяги, рѣшившіеся на правильныя вылазки и на отчаянный походъ, приобретаютъ дружбу и участіе, помощь и содѣйствіе въ мѣстномъ „зазнамомъ“ ворѣ, который только потому не попалъ въ Сибирь, что откупился. Нужденъ и тюрьмою выученъ онъ ловкости изворотовъ на слѣдственныхъ показаніяхъ и на самомъ судѣ, а потому приладитъ жилище на бродяжьемъ тропѣ и пріотворитъ дверь для бродягъ, потому что звонки и судьи, за неясностью уликъ и доказательствъ, оставили его на родинѣ, хотя и въ сильнѣйшемъ подозрѣніи.

„Видомый воръ“ теперь—соумышленникъ и соучастникъ пришлыхъ недобрыхъ людей. Створенъ онъ ими въ томъ же кабацѣ, при помощи развязывающей языкъ и окрыляющей помыслы влаги. Онъ указываетъ имъ на цѣль нападенія, на тѣ бреши, гдѣ шире проломъ и крѣпче спитъ стража, даетъ онъ имъ софиты, мѣсто-пригодные и имъ, старымъ вору, самимъ нащупанные и не разъ испытанные. Товарищи молодцы—ночныя дѣльми, идутъ сначала мастерить, „заугольничать“ по постоялымъ дворамъ, а потомъ „съ дубовой иглой портняжить по большимъ дорогамъ“. Они грабятъ обозъ, грабятъ домъ богатаго мужика или пола, грабятъ церковь, грабятъ все и у всѣхъ, гдѣ только вѣрна и прибыльна добыча и по мѣрѣ накопленія храбрости и дерзости. Угльные вору „вовъ расшпылютъ—два нагребутъ“, угльные вору, съ помощью добраго знакомаго, и концы спрячутъ чисто, хотя слѣды воровокіе и не

идутъ дальше кабака или дома подговореннаго благодѣтеля. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ откуда ни возьмется на помощь вдова-солдатка или баба-солдатка, 25 лѣтъ выжидающая своего мужа и на досугѣ привыкшая прятать чужое и поваженная соблюдать грабленное. Является въ пособникахъ и другая женщина (но рѣже), полюбившая какогонибудь изъ удамыхъ добрыхъ молодцовъ, плѣненная не ростомъ и дородствомъ и сильною бороδοю (какъ бы солдатка какая, вѣдающая по опыту, въ чемъ больше сласть), а плѣненная удалствомъ, заболѣвшая кручиною къ его горькой долѣ, не позволяющей ему и головушку подклонить на невертлявую подушку. Защемляетъ она больше сердце, чѣмъ разумъ. На атамана обыкновенно налетаетъ хватившая опыта въ жизни солдатка, которая перестала вѣрить въ суженыхъ и призраки и привыкла любоваться въ очи смѣлчачу и педюжнину, не уминоу да смѣлому, не богатому да тароватому. Съ рожи ей не воду пить, а изъ кармана вмѣстѣ водку пить. Та или другая любовница поить и кормить и пристань держать, а участье и сочувствіе даетъ разбойникамъ силу, которая наталкиваетъ на новые замыслы, и свѣжую бодрость, съ которою такъ легко ходится на всякія самыя трудныя предпріятія.

Безъ „соприкосновенности въ преступленіи“ женщины разбой не бываетъ, безъ ея „сопричастности злодѣніямъ“ мало найдется даже официальныхъ хроникъ и слѣдственныхъ дѣлъ по грабежамъ и разбоямъ. Какъ бы то ни было, разбой ходитъ всегда снабженный и закрѣпленный многоразличными пружинами. Пружины эти крѣпнутъ въ упругости по мѣрѣ того, какъ усиливаются неудачи и ослабѣваютъ надзоръ и преслѣдованія, и становятся злымъ и лихорадочно-дѣятельнымъ, когда погода и поиски начнутъ ходить по пятамъ и попадать на горячіе слѣды. Тогда чувство самосохраненія начинается послѣднюю борьбу и обѣ силы затѣваютъ ожесточенный споръ, нерѣдко кровавую битву. Сторона слабѣйшая пускаетъ въ ходъ послѣднія свои средства и все разомъ: ловкость и хитрость, бѣшеную храбрость и замысловатую изворотливость. Сколько становыхъ и исправниковъ улетѣло подъ судъ за то, что не умѣли поймать атамана подъ самымъ носомъ! Вотъ ояъ, истомленный бессонными ночами, напившійся до безпамятства и безсилія, валялся на самой торной дорогѣ у огорода и принять былъ въ лохмотьяхъ за нищаго. Какъ бы то ни было, но послѣдніе вздохи героя громки и чрезвычайны слышны и чувствительны! убійства становятся чаще, производятся безразсчитнѣе и ожесточеннѣе. Грабежъ и разбой додумываются до такого ужаснаго правила, по которому: грабъ того, кто первый попадется, людская оплошность за тѣмъ и на свѣтъ создана, чтобы доб-

рый воръ не дремалъ. Ограбленнаго убивай — слѣды хороши. Не убьешь — самъ пропадешь, оставишь на слѣдахъ своихъ языкъ, который непремѣнно докажетъ.

Привыкая правило на опытѣ къ дѣлу, разбойничья шайка тутъ напала на обозъ и убила возозчиковъ, а тѣла ихъ зарыла въ болотѣ; тамъ накинули на провѣзную торговку съ товаромъ платокъ и задушили до смерти, а лошадей увели съ собою въ гѣсъ. Здѣсь ограбили избу, а самого хозяина зарѣзали и трупъ сожгли въ печи. Тамъ ограбили проѣзжаго купца и тѣло его бросили въ рѣку, которая принесетъ потомъ въ руки земской или городской полиціи „трупъ неизвестно кому принадлежащій, по анакаму на тѣлѣ коего видны знаки насильственной смерти“. Надоумленная такимъ газусомъ, ревнивая къ милостямъ и вниманію начальства, поджигаемая рассказами въ обществѣ о злодѣйствахъ и угрозами знакомыхъ въ бездѣйствіи, принуждаемая частными просьбами, обязательными въ официальную форму, а всего болѣе предписаніями и понужденіями начальства, — земская полиція приходитъ въ сознаніе своихъ служебныхъ обязанностей и начинаетъ дѣйствовать.

Находятся, въ расчетъ на денежную награду, сыщики и доносчики, каковыя и расклинаются по завѣдомымъ кабакамъ. Изъ околныхъ людей собирается облава. Само начальство выѣзжаетъ на мѣсто скорбей и обидъ временнымъ отдѣленіемъ. Все подтаютъ о разбояхъ. Все наперерывъ другъ передъ другомъ стараются пособить и, съ растерянными головами, сначала только путаютъ. Завязывается изъ рассказовъ цѣлый романъ въ домасовскомъ вкусѣ, гдѣ бывалое съ необычнымъ путается до громадныхъ размѣровъ, такъ что нерѣдко случалось первымъ слѣдователямъ уѣзжать безъ успѣха и просить на помощь себѣ изъ губерніи свѣжихъ и опытныхъ людей. Ктонибудь изъ трехъ или пяти, и всегда случайно, нападаетъ на первый слѣдъ. Если сумѣютъ не дать остыть этому слѣду, то схватятъ, прежде всего, мелкихъ ворышекъ, которые, по словицѣ, любятъ вѣвать. Но это не всегда правые дѣатели, болѣею частью они соучастники тѣхъ, которые держатъ пристани и даютъ притонъ. Эти только тѣмъ запачкались, что пользовались крохами отъ добычи, да и то безпугно, да и то неосторожно; у нихъ и остатки дувана найдены; пойманные съ полицыми, они зачастую уходятъ въ ссылку за большихъ и главныхъ. Сплошь и рядомъ на нихъ возмѣщаются успѣхи и торжество побѣды. При умѣнн и ловкости, а всего чаще при помощи угрозы и легионскихъ пытокъ, страдами и запугиваньемъ, у этихъ понавшихъ въ силки добываются языки, который и ведетъ начальство на первыхъ разбойниковъ, но не главныхъ. Атамана съ близкими друзьями ищутъ долго, его берегутъ пуще вѣшки, да и сами

онъ, стрѣлянный звѣрь, хитрѣе и ловчѣе всѣхъ. Находить его съ помощью той же случайности, иногда далеко въ другой губернии или въ дальнемъ уѣздѣ. Его либо предасть, напоить и связать подкупленная полиціею полюбовница, либо онъ самъ, чтобы не мрачить своей славы, нащется-нагуляется въ кабацкѣ въ послѣдній разъ и свалится снопомъ подъ лавку. Цѣлительникъ, которому при этомъ надо и себя защищать и выслуживаться на подручномъ и легкомъ случаѣ, удалого молодца связать и представить начальству. Такъ поступаютъ смѣлые и рѣшительные. Опасливые, но также опытные, выводятъ одурѣлаго и зачумѣлаго гуляку на горную дорогу и бросаютъ тутъ. Сюда-то сыщикъ и приводитъ начальство, обыкновенно руководимый тѣмъ же штейнымъ сидѣльцемъ, дѣйствующимъ за его спиною и осторожно, съ цѣлью застоять кабацкѣ отъ поджога. Берите теперь и казнителю! вотъ главный воротило, докучливый звѣрь лежитъ, растянувшись пластомъ, словно убитый, и руки раскидалъ и ноги выставилъ; отяжелѣлыми глазами ничего не увидитъ, сквозь стиснутые зубы ни словечка не вымолвить и похмѣлья не дастъ влить. Связанный веревками, заклепанный въ кандалы, со включенными головою и бороною и опушенымъ отъ пьянства лицомъ, онъ приходитъ въ себя въ секретномъ казематѣ острога (если крупнѣе звѣрь, то въ губернскомъ). Теперь онъ сытъ и готовъ на всякую казнь, затѣмъ что покнуть всѣми друзьями-товарищами. Пойманный раньше ихъ непременно станетъ стараться убѣжать и рѣдко не настаиваетъ на своемъ. На выручку атамана Быкова, наводившаго въ 1848 году ужасъ на Казанскую губернію и городъ Казань, пришелъ товарищъ и другъ его Чайкинъ, такой же бѣглый съ каторги молодецъ. Пришелъ Чайкинъ самъ, зная, что его усиленно ищутъ и что за его голову (слыхалъ въ народѣ) какія-то деньги положили, онъ пришелъ въ городъ, зашелъ въ трактиръ, поигралъ на бильярдѣ, сталъ водку пить въ общей комнатѣ, гдѣ сидѣлъ и частный приставъ за чаемъ послѣ бани. Богатырь Чайкинъ былъ неладно кроенъ и нехорошо шитъ: рѣзко бросался въ глаза своимъ угловатымъ лицомъ, на которомъ (судя по слѣпку маски и скелету его, хранившимся въ казанскомъ университетѣ, верхнія скулы сильно были развиты и орбита глазъ глубока. Бросился онъ въ глаза и всею своею фигурою, и манерами тому полицейскому лицу, которое, вмѣстѣ съ другими, на то время думало объ одномъ только Чайкинѣ и готово было принять за него всякаго встрѣчнаго. Къ тому же и принѣты злодѣя были повѣданы; не доставало рѣшимости. Но вотъ и она, на крайній случай явившаяся вдохновеніемъ. Смѣлость города беретъ. Ея удалось взять и Чайкина, ошеломленнаго смѣлымъ приступомъ и словами:

— Вѣдь ты Чайкинъ?

— Такъ точно.

— Зачѣмъ пришелъ сюда?

— Попытать счастья повидаться съ Быковымъ, нельзя ли какъ его изъ острога спасти (а на то время, вслѣдствіе городскихъ слуховъ, острогъ былъ оцѣпленъ сторожами).

— Я тебя долженъ буду взять.

— Вамъ ничего больше не остается дѣлать. Самъ я это теперь вижу, видите!

Очуввшись въ острогѣ, разбойникъ зналъ, что дѣлать. На слѣдствіи постарался показать невозмутимое спокойствіе. Въ теченіи начатаго объ немъ дѣла пускался путать и запутывать другихъ, чтобы было дольше и труднѣе распутывать. Нашлеталъ онъ столько ложныхъ показаній и на себя и на стороннихъ, что дѣла о злодѣйствахъ копилась огромными томами. Обызвались больше неприятели люди—богатые мужики, на которыхъ обрывались надежды на добычу (какъ дѣлать это оравскій—Малозархангельскаго уѣзда—разбойникъ изъ кантонистовъ „Сирота“). Попадали подъ словоохотливый и расхлывшійся языкъ и настоящіе пособники: „за одно отвѣчать“. Процессъ слѣдствія и суда тянулся мѣсяцы и отъ самого героя романа завсѣло протануть его дольше дѣлаго года, если не получится предписанія судить его по полемому уголовному положенію, такъ называемымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Такъ поступили и съ шайкою Быкова и Чайкина.

Дальнѣйшая судьба преступника известна: дадутъ ему прогуляться по зеленой улицѣ и пройдетъ онъ ее, если не ослабѣли на злодѣйской безудтной жизни силы и если не было помѣчено количество ударовъ шпирцетелами особымъ злодѣйскимъ придаткомъ. Быковъ ходитъ, Чайкинъ глядитъ: попроситъ полшубокъ святы и кваску испить, пожелаетъ, чтобы опять взяли и застегнули полшубокъ и опять проситъ квасу. Возвращенный въ тюрьму окровавленнымъ и раздутымъ отъ ударовъ тысячу человекъ, онъ или пойдетъ на вылетку, чтобы выходить положенное, или добитый сразу (какъ Быковъ одинадцать разъ) въ тотъ же самый день (и, во всякомъ случаѣ, не дальше другого дня) умретъ въ острожномъ лазаретѣ отъ острога воспаления въ легкихъ. Нѣкоторые, увѣренные въ то, что любопытная толпа любитъ эффектъ и охотно ходитъ на различныя блестя, расчитанно бросаютъ въ толпу блестя остроумія, тяжелаго краснаго слова. Выговорились этимъ Пугачевъ, Чука, Разинъ. Не высказался Быковъ, а Чайкинъ совсѣмъ изаялъ, но саратовскій злодѣй Гусевъ, ограбившій соборъ, убившій сторожа, совершившій кощунство и святотатство, не удержался. Когда его поставили на эшафотъ, онъ самъ снялъ рубаху и надѣлъ на шею ремешъ. Когда всѣ сняли шапки и прочитана была сентенція суда, Гусевъ, при видѣ наклонной

знакомой скамейки кобылы съ одною большою дырою для головы и съ двумя маленькими для рукъ, закричалъ на весь народъ громкимъ голосомъ:

— Эхъ, кобылка, кобылка! Выхажь я на тебѣ, вывожила ты меня! ну-ка, выводи опять!

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ!—отвѣчалъ ему не тише его саратовскій палачъ.—нѣтъ, она тебя теперь не вывезетъ.

Положилъ онъ его на пологую скамейку, прикрутилъ голову на исподней сторонѣ машинны къ рукамъ, просунувъ въ дыры, укрѣпивъ ноги на кольца внизу кобылы и снаружи ея (причемъ сильно выгнулась спина и невозможно стало ни шевельнуться, ни перевернуться), отошелъ на нѣсколько шаговъ и съ промежутками секунды въ 6 началъ съ прыскокомъ давать удары. Послѣ 15-ти обязательно перебивъ кнутъ, сдѣлавшійся слишкомъ мягкимъ отъ крови. Счетъ былъ съ подлиннымъ вѣрнѣе, а удары такъ сильны, что общаеіе свое палачъ исполнилъ. Когда свали Гусева съ кобылы, чтобы приложить во лбу и щекамъ машинку съ желѣзными иглами, рисующими слово К. А. Т. (казорный) и ударить по ней нѣсколько разъ ладонью руки, Гусева уже не было въ живыхъ. Не зачѣмъ было и порохомъ притирать заклеенныя части лица.

Отвернувъ глаза отъ ужаснаго зрѣлища (къ счастью человѣчества и славы Россіи давно уже не существующаго), народъ, расходясь по домамъ, станеть рассказывать дѣтямъ и внукамъ обо всемъ, но по другому, а не то, что видѣлъ онъ и видѣли другіе. Рѣдкій изъ разбойниковъ не останется въ народной памяти и преданіяхъ не колдуномъ и чародѣемъ, спознавшимся съ нечистою силою и отъ нее надѣлавшимъ столько злодѣйствъ. Половину злодѣйскихъ подвиговъ разбойника народъ забудетъ и, рассказывая о паматныхъ, сгубить умнѣе изъ жестокость, приписать ищению, гдѣ кровь за кровь и жертва за жертву идутъ, цѣпляясь и не прерываясь. Повѣдаетъ народъ потомству, что казенный разбойникъ отличался красотой лица, окладистою черною бородою, живыми глазами, широкими плечами и такимъ высокимъ складнымъ ростомъ, что такъ всѣ и ахнули, увидя его на эшафотѣ, и всѣ поклялись объ немъ. Въ этомъ народная память не ошибается: таковъ былъ и Гусевъ, и Рузавигъ, и Васяка Торняской (костромской), и Митька Выковъ (казанскій), скелетъ котораго въ музеѣ университета поражаетъ пропорціональностью костей, общія красавца и въ анатомическомъ значеніи этого слова. Полагаютъ даже (не безъ серьезнаго основанія), что красивый и дородный молодецъ оттого и сталъ разбойникомъ, что забаловался на женскихъ ласкахъ и требованій отъ нихъ похвалы и бахвальства. Забаловавшись, онъ запыль, закутилъ, закружился въ вихрѣ удо-

вольствій до того, что сталъ нигуда не годенъ; началъ останавливать на себѣ и общее и бабье вниманіе и другими удалыми подвигами, не отличая за недосугомъ грабежа отъ разбоя. Расскажутъ про разбойника, что онъ такъ пѣлъ пѣсни, что сыр-боръ прислушивался и птицы приподняли, и самъ угнѣлъ складывать такія пѣсни, что рѣдкаго челоуѣка не прошибала слеза и у рѣдкаго не заземливало сердце. И въ этомъ много правды: начиная со Стеньки Разина въ XVII вѣкѣ, зачѣмъ первообраза всѣхъ остраковъ изъ воровскаго рода—Ваньки Кайна въ прошломъ и въ вышнемъ того же Гусева, малороссійскаго разбойника Кармелюка и проч. Всѣ они были авторами пѣсенъ.

Переносъ дѣянія съ одного на другого, народная память какъ одному, такъ и всѣмъ, припишетъ однородное: всѣ разбойники были милостивы къ несчастнымъ и угнетеннымъ и, разбойничая, только истиня обидчивамъ: богатыхъ грабили, казну грабили, купцовъ обижали, на чиновниковъ и господъ нападали, но бѣднымъ и нужнымъ людямъ давали милостыню щедрою рукою. И здѣсь народная память не противорѣчитъ дѣйствительности: отпускакая въ дорогу невредимыми и цѣлыми, дѣйствительно не скупились на дачу бѣднымъ и обиженнымъ эти люди по тому обстоятельству, которое имѣетъ оправданіе въ характерѣ всѣхъ грабителей изъ бродягъ. Вродятъ еще въ тюрьмахъ выработываютъ презрѣніе къ деньгамъ и привыкаютъ къ безразчетнымъ тратамъ. Скопидомы въ бѣга не ходятъ, а ушедшіе тратятъ прахомъ нажитое съ расточительностью, составляющею одну изъ самыхъ главныхъ чертъ ихъ характера. Великодушіе также въ свойствахъ людей съ сильною волею; къ тому же, на виду и при случаѣ, можно имъ поблажались, похвастаться: ограбивъ помѣщика, высѣчь и отпустить; чиновниковъ перевязать синнами и прикрѣпить къ дереву; нападать исключительно на казенные транспорты и не трогать обозовъ купеческихъ, а крестьянскіе провозать своимъ конвоемъ въ цѣлости и сохранности, и проч. Все это ловко понадеетъ въ цѣль и въ началѣ поисковъ и гонокъ за разбойниками непомерно затрудняетъ искателей. Въ околномъ народѣ встрѣчается нерѣшимость, отсутствие всякой энергіи: у кого отъ страха, у кого отъ тайныхъ причинъ. Большая часть другихъ безтолковою хлопотливостью, не скрывающею равнодушія къ успѣху, раздражаютъ искателей и помѣщиковъ такъ, что они обыкновенно рѣшаются просить помощи у военной силы, на околую перестаютъ надѣяться. Ловятъ милосердныхъ разбойниковъ всего чаще солдатами. Хвастливость и желаніе красоваться и въ тюрьмѣ ихъ не покидаетъ, съ одной стороны, чтобы съ особеннымъ тщаніемъ въ время казни приготовить для толпы хвастливия изрѣченія и острыя слова, а съ другой — чтобы

не памятовали объ нихъ иначе, какъ объ уда-
лыхъ добрыхъ молодцахъ, и—достигаютъ цѣли.
Подъ прикрытіемъ идеаломъ народъ уже не
видитъ въ разбойникѣ потеряннаго жестокаго
человѣка, у котораго все на выворотъ, который
запачкался во всевозможныхъ порокахъ и нрав-
ственно развращенъ до самаго корня. Чайкинъ
разрываетъ людей на двѣ части, привязавъ къ
двумъ наклоненнымъ вершинамъ гибкаго дерева
за ноги, а Выковъ стоитъ вдали и любуется
и на слѣдствіи кланется и божится, что онъ
неповиненъ, ибо своими руками не дѣйствовалъ,
а только придумывалъ и заказывалъ своему
эсаулу. Чайкинъ рѣжетъ бѣдную попавшуюся
на дорогѣ беременную женщину, а Выковъ под-
ходитъ и смотритъ, оправдывая потомъ пре-
ступленіе и приказъ свой тѣмъ, что хотѣлъ
полюбопытствовать, какъ лежитъ въ утробѣ
матери еще не родившійся ребенокъ; затѣмъ и
приказалъ убить ее.

Всматриваясь затѣмъ въ уголовныя хроники,
мы встрѣчаемъ еще немногія дополнительныя
черты, въ которыхъ если мало общаго, то много
характернаго. Большою нетерпимостью отлича-
ются разбой, производимые бѣглецами съ каторги
(въ шайкѣ Выкова такихъ было 9, въ томъ
числѣ самъ атаманъ и эсаулъ были изъ тако-
выхъ же, бѣжавшихъ съ Иркутскаго солеварен-
наго завода). Большую ловкость и изворотли-
вость обнаруживали бѣглецы кантонисты и боль-
шую жестокость — бѣглецы солдаты. Какою-то
дикую силою, нерасчетливостью и непредусмо-
трительностью отличаются тѣ грабежи и разбой,
которые производятся татарами, и неизменно
и жестоко тотъ разбойникъ, который вырождается
къ кочевымъ племенамъ и въ башкирахъ. За-
тѣмъ племенные особенности выступаютъ на
видъ и берутъ свои права во всѣхъ случаяхъ:
замѣшался татаринъ въ шайкѣ Выкова—послѣ
разбоя, при дуванѣ, онъ выговариваетъ себѣ
лошадь, сѣблю, телѣгу. Телѣгу сжигаетъ, ко-
лесный накатъ катить домой. Вышелъ въ дѣло
цыганъ — при грабежахъ указываетъ на ко-
нюшину, самъ уводитъ, подъ защитою товари-
щей, лошадей мастерски и осторожно и еще съ
большимъ искусствомъ загоняетъ ихъ въ скры-
тыя мѣста, гдѣ вытравляетъ клеюма, перекра-
шиваетъ масти, выгодно перепродаетъ. При
дѣлѣжѣ дувана ограбленныхъ и убитыхъ кра-
сильщиковъ онъ не беретъ деньги натурою, бер-
етъ выпивкою, но, отказавшись отъ золота, съ
охотою бросается и выговариваетъ себѣ кубо-
вую краску и опять тѣмъ же лошадей.

И нѣтъ худа безъ добра: разбой, какъ и
всякое другое преступленіе, наводящее ужасъ,
выходящее изъ ряду обыкновенныхъ, грозное
многочисленностью участниковъ, пробуждаютъ
общество изъ временной апатіи, будятъ въ немъ
ослабшую осторожность и въ дѣятелей адми-
нистративныхъ возбуждаютъ энергію и усердіе.

Энергія сказывается въ усиленіи надзора и
вниманія, дѣятельность, черезъ это удвоенная,
наталкивается на множество скрытыхъ престу-
пленій. Застагнутыя въ расплохъ и выведен-
ныя наружу, преступленія эти освѣщаютъ для
судей много такихъ дѣлъ, которыя, за неясно-
стью уликъ и видимыхъ доказательствъ, преданы
были суду и волѣ Божіей. Дѣло о Выковѣ от-
крыло въ Казани цѣлую толпу въ 27 чело-
вѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, изъ которыхъ
одни оказались преступниками, бѣжавшими изъ
Сибири съ каторжныхъ работъ, другіе бродя-
гами, „отлучившимися отъ своихъ жительство-
въ безъ дозволенія ихъ начальствъ и мотающимися
по городу безъ опредѣленной цѣли“. Побѣги
разбойниковъ изъ тюремъ наводятъ мысль на
тщательный осмотръ острожныхъ помѣщеній.
Осмотръ наталкиваетъ на существованіе въ
тюрьмахъ дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій и
монеты. Продолжительные и усиленные поиски,
внезапные похвальные обыски разбойничьихъ
притоновъ обнаруживаютъ мастерскія дѣлатели
тѣхъ же фальшивыхъ денегъ, канцеляріи для
фальшивыхъ паспортовъ, притонщиковъ и мѣста
складовъ краденныхъ вещей. Искатели попада-
ютъ на слѣды конокрадства и на тѣ пути и
дороги, по которымъ проводятся краденныя
лошади и проч.

Возвращаясь къ сибирскимъ цифрамъ пре-
ступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за разбой, мы
видимъ, что количество женщинъ, осужденныхъ
за это преступленіе, несравненно меньше коли-
чества мужчинъ, и участіе ихъ въ разбояхъ
даже несравненно слабѣе, чѣмъ въ грабежахъ.
Разбойницы остались только въ пѣсенной па-
мяти и такія дѣла имъ совѣтъ не по природѣ
и не по характеру (на 341 муж., ушедшихъ
за разбой въ девять лѣтъ, 17 разбойницъ, съ
исключительнымъ перебѣгомъ на губ. Виленскую
(6 чел.), и съ преобладаніемъ мужчинъ въ той
же губерніи и въ Бессарабіи, Грузіи, губ. Яро-
славской, Сибирской, Киевской, Воронежской,
Подольской, Каспійской области— словомъ, чаще
на рубежахъ, чѣмъ внутри государства; пред-
почтительнѣе въ мусульманской средѣ (въ Ка-
вказскихъ и Казанской губ.); въ Приволжьи
больше, чѣмъ по системамъ другихъ рѣкъ, у
заводскихъ крестьянъ чаще, чѣмъ у помѣщичьи-
хъ и государственныя. Между солдатками
сильнѣе особачество въ видѣ содержанія при-
тоновъ, чѣмъ между всѣми другими женщинами
изъ прочияхъ сословій.

На мѣстахъ ссылки и на каторгѣ за разбой
приводится судить рѣдко (въ нерчинскихъ за-
водахъ въ 10 лѣтъ ни одного случая изъ 1.136
человѣкъ, сосланныхъ за грабежи и разбой).
Въ Тобольской губ. въ 9 лѣтъ предидущаго
(съ 38-го по 46) шесть, изъ поселенцевъ ни
одного; за то за грабежъ каторжныхъ въ это
же время 13, поселенцевъ 23 (20 м., 3 ж.);

назвали тюрьмы 7 каторж., 32 посел. Вѣжало изъ Сибири и возвращено 8.246 муж. (каторжннхъ и поселенцевъ) и 235 жен. Вотъ тотъ источникъ, изъ котораго предоставляется Россіи право почерпнуть для себя всё невзгоды, происходящія отъ воровства, грабежей, разбоевъ и поджоговъ. Вродягъ поймано въ 9 лѣтъ на разбояхъ 10' муж., 1 жен. Дома эти люди не такъ скоро рѣшаются на обиду, но разбойникъ выходитъ на злодѣйства, вдохновляемый на большую часть одинаковыми съ Россією причинами. Скопление опасныхъ и голодныхъ людей въ одной мѣстности, затрудняющейся ослабить вражью силу проворомъ и пріютомъ, порождаетъ

грабежи и разбои, теперь временно, периодически. Объ этомъ рассказано подробно въ своемъ мѣстѣ. Въ Сибири опасныхъ разбойниковъ и злодѣевъ сажали на цѣпь, а для этого, кромѣ всѣхъ каторжннхъ, существовала особенная тюрьма въ Акатуй — одномъ изъ перчинскихъ рудниковъ.

Переходимъ къ поджогамъ, какъ къ такому преступленію, которое часто имѣетъ отпошеніе и къ смутнымъ временамъ извѣстныхъ мѣстностей, наводнившихъ сибирскихъ бѣглыхъ, и нѣкоторыми корнями своими укреплено въ той же почвѣ бродяжества и изъ нее вырастаетъ.

ГЛАВА VII.

ПОДЖИГАТЕЛИ.

Причины поджоговъ.—Проявленіе ихъ.—Пожары городовъ и деревень.—Гдѣ нѣтъ поджоговъ?—Поджоги—дѣтское и женское преступленіе.—Поджоги въ Россіи.—Красный пѣтухъ.—Мшенице.

Поджоги или (какъ привыкли выражаться казенныя бумаги и лица, а за ними и сибирскія табели) зажигательство — одно изъ тѣхъ преступленій, причина которыхъ всего меньше опредѣлена. Ни при одномъ изъ всѣхъ другихъ не выразились до такой степени несостоятельность слѣдствій и безсиліе слѣдователей недавнихъ временъ, смутанныхъ и затрудненныхъ тѣмъ особеннымъ явленіемъ, что поджоги являются периодически и въ нѣкоторые годы разомъ, массою случаевъ, приносятъ несчастье цѣлымъ мѣстностямъ, чаще всего въ одинъ и тотъ же годъ, и при этомъ значительно одна отъ другой удаленныя. Подозрѣвая въ такомъ явленіи обыкновенно результаты сильно возбужденнаго неудовольствія партій и политическихъ движеній, руководящіяся поджогами, какъ средствомъ для возбужденія народа, — слѣдователи, въ своихъ исканіяхъ, наталкивались на цѣлый рядъ неодолимыхъ препятствій. Запутавшись въ нихъ, они обыкновенно нигуда не выходили и, послѣ тщетныхъ исканій, являлись съ тѣмъ же, съ тѣмъ и ушли. Подозрѣніе какъ будто стало яснѣе; свѣдѣны и виновныя, но, на большую часть это — дѣти, которые опредѣленно ничего не говорятъ (и сказать не могутъ): дали имъ деньги, поджигательные снаряды и указали, гдѣ начинать. Кто эти заказчики, они не знаютъ, въ первый разъ видятъ. Эти дѣти въ большихъ городахъ, по большей части, кинутыя родителями, вкусившія плодовъ бродяжьей жизни или отбившіяся отъ мастеровъ-хозяевъ ученики, начавшія изучать пріемы и правила увлекательнаго ремесла бродягъ. Въ деревняхъ — это ни-

щѣ, проводники слѣпыхъ старцевъ, тоже подкупленные и тоже никого не знающіе. Поджигали они потому только, что ихъ юное, неопытное сердце не привыкло правильно различать добро отъ зла; пошли на преступленіе поджога, не давая себѣ въ томъ отчета; пошли потому, что ихъ приласкали, соблазнили, дали денегъ и пообѣщали всего, чего они захотятъ и чего ни попросятъ. Иногда ихъ ловятъ обитыми въ шайкакъ (въ которыхъ безразлично попадаются и мальчики и дѣвочки), но при этомъ показанія ихъ еще запутаннѣе. Каждый противорѣчить одинъ другому и такъ, что представляется обширное поле для предположеній о томъ, на сколько подстрекатели и руководители тонко обдумывали каждый свой шагъ и ловко припрятали всѣ концы, по которымъ можно было бы доходить до нихъ. До нихъ и не дошли, ни во время ближайшее къ намъ, ни во время отдаленное (какъ, напримѣръ, въ 1848 году), когда сгорѣли цѣлые города (какъ Кострома, Орель и проч.). Сгорѣли они столько же и отъ несомнѣнныхъ и настоячивыхъ поджоговъ, столько же и потому, что всѣ, по стариннымъ пріемамъ, стоятъ на горахъ, надъ водою, но далеко отъ воды (какъ, напр., всѣ, а Сибирскъ въ особенности). Не найдя виновниковъ по задачѣ — не ходили искать внѣ ея и въ скопленія опасныхъ людей, прибѣжавшихъ изъ Сибири, причинъ поджоговъ по вызову ищевія за прѣслѣдованія не искали. Народъ, знакомый съ такими дѣлами по опыту, заказалъ себѣ одно правило гостепримства и укрываніемъ бродягъ и потворствомъ опаснымъ людямъ предотвра-

цают на время бѣды поджоговъ. Въ городахъ для этого меньше средствъ и охотниковъ и больше готоваго люда для исполненія, а потому здѣсь жгутъ тѣ шайки воровъ, которыя идутъ на суматоху пожаровъ, какъ на выдвое средство къ легкой, но богатой поживѣ. Въ деревняхъ причиною поджоговъ выясняются юнкере и самое преступленіе вооростаетъ на то время, когда ко многимъ народнымъ бѣдствіямъ присоединяются частые и многочисленныя грабежи и когда чинятся разбои.

Поджигаютъ деревни всего чаще женщины. Поджоги являются такими преступленіемъ, которыми какъ будто гнушается мужское населеніе, и не будь тутъ мальчиговъ (значительно возмужавшаго количество сосланныхъ за поджоги мужчинъ), этотъ видъ преступленій можно было бы назвать исключительно женскимъ. По сибирскимъ табелямъ смыслимъ такъ и выходить, что въ общахъ цифрахъ самая группа принадлежитъ женщинамъ, осужденнымъ за поджоги; нигдѣ уже цифра женщинъ такъ не приближается къ цифрѣ мужчинъ за девять лѣтъ 528 мужчинъ и 434 женщины). По процентному отношенію женщины также характеризуются въ ряду поджигателей со всею очевидностью правъ на подозрѣніе въ сильнѣйшей склонности вымещать житейскія недачи охотливѣе этимъ, чѣмъ, напримѣръ, даже дѣйствителъ мужей. При этомъ наибольшая пропорція принадлежитъ раннему возрасту (отъ 14 до 20 лѣтъ), когда преступная воля охотливѣе гускается на мщеніе путями болѣе легкими, секъ, напримѣръ, на этотъ разъ подбросить огонь и высмотрѣть къ тому болѣе удобное время и болѣе скрытое мѣсто. Даже и въ рѣломъ возрастѣ простая русская женщина, влекаясь порывами непосредственныхъ чувствъ и руководимая грубыми природными инстинктами, старается поджогомъ вылить накопившую на сердцѣ злобу, высказать мщеніе за невѣрность шовбника, за жестокое обращеніе мужа. Поджигаетъ она домъ соперницы, поджигаетъ домъ мужа, невѣста у жениха, измѣнившаго слову, обманутая створена у счастливой суженой и проч. Сибирскія табели высокимъ процентомъ поджигательницъ изъ дворовыхъ людей указываютъ на новую причину, переставшую въ настоящее время дѣйствовать, но прежде выдвинувшую это сословіе на первый планъ впередъ: крестьянъ, однодворцевъ и солдатъ (или собственно солдатокъ).

По отношенію къ различнымъ мѣстностямъ Россіи число поджигательницъ преобладаетъ въ губерніяхъ, гдѣ и по отношенію къ поджигателямъ цифра эта велика. Таковы прежде всего двѣ: одна малороссійская—Полтавская, другая полуналорусская—Черниговская. За ними непосредственно слѣдуютъ: Сибирская, ярко выдвинувшая себя богатою по поджогамъ и въ

последнее время (въ девять лѣтъ съ 183 по 1847 г. изъ Сибирской сослано 28 мужчинъ, 18 женщинъ; изъ Черниговской 24 мужчинъ, 14 женщинъ; изъ Полтавской 11 мужчинъ, 21 женщина). Изъ остальныхъ губерніи чаще другія случались поджоги въ таинствъ, которыя по преимуществу и гуще другія на селены были крѣпостными людьми и могли бы названы помѣщичьи. Не было поджоговъ и всѣ наши девять лѣтъ ни въ одной изъ губерній сѣверныхъ (каковы: Архангельская, Олонецкая и Вологодская) и, вообще, во всѣхъ тѣхъ гдѣ избытокъ народонаселенія принадлежалъ или казеннымъ крестьянамъ, или казаламъ, или инородцамъ. Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ оказалось наибольшее количество бродягъ, значителъная степень участія въ воровствѣ всякаго рода, грабежахъ и даже убійствахъ—самая слабая степень виновности въ поджогахъ: гости принство тамъ еще въ той степени радужна настроенія, при которой нѣтъ мѣста для злобы и мщенія, и отношеніе женскаго пола къ мужскому, слабое по количеству, находится въ благопріятныхъ (мирныхъ и уступчивыхъ) границахъ. Рѣзче выясняется преобладаніе поджигательницъ въ Остзейскомъ краѣ, а въ преступномъ населеніи Закавказья (губерніяхъ Оренбургской и Пермской) процентъ поджигателей самый низкій.

Въ Сибири хотя и существуетъ обычай у бродягъ мстить отказавшимъ въ приюти краснымъ пѣтухомъ или поджогомъ, но случаются эти настолько не выдаются, по сравненію съ таковыми въ Россіи, что, напримѣръ, въ нечисленныхъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 184 по 1857 г.) на 174 человекъ, присланныхъ: поджоги, не было ни одного такого, который оказался бы большимъ пироманіемъ или высланъ бы вновь за такое тяжелое для сельскаго населенія злодѣяніе. Стало быть, страхъ поджоговъ тенею только тотъ призракъ, высматривающій изъ мрака далекихъ временъ, который для бродяги становится духомъ-защитникомъ, а для туземцевъ покровителемъ, оправдывающимъ отвѣтственность передъ судомъ за укрывательство бѣглыхъ съ каторги и мѣсть поселенія. Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.) не было замѣчено ни одного поджигателя ни между арестантами, выпущенными въ Сибирь изъ Россіи, ни между каторжными, являющимися въ средъ поселенцевъ. Поджоги въ Сибири такая временная болѣзнь, какъ разбой и грабежи шайками, и въ такомъ случаѣ немедленное непремѣнное послѣдствіе этихъ двухъ родовъ злодѣянія. Между тѣмъ, и смыслимъ женщины бѣгутъ въ дѣса и на волю, не справляясь съ силою, испрашивая только согласія и позволенія у мужчинъ каторжныхъ; бѣгутъ немногія (но три на годъ), но, охотяся-таки на новосвоей родинѣ поджогамъ заниматься не любятъ

Въ новомъ крѣпостномъ положеніи ихъ все согласно направляетъ къ дѣятельности противоположныхъ свойствъ. Рѣдкой изъ нихъ не удастся сдѣлаться матерью еще на дорогѣ; ни одной не привелось еще, за недостаткомъ

женщинъ, остаться въ безбрачїи. За мужемъ и надъ дѣтьми для каторжной женщины преуспѣваютъ все пути къ крупнымъ преступленїямъ и остаются торныя дороги только для воровства и прелюбодѣянїя.

Г Л А В А VIII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ ВѢРЫ.

(вототатцы.—Преступность духовенства.—Гробовопатели.—Колдуны.—Богохуленїя.—Отступленїе и отвлеченїе отъ вѣры.—Ересь и расколъ.—Сквонцы.—Церковныя воровъ въ Сибирѣ и Россїи.—Боградскїй-гробовопатель.—Распявшїеся на крестѣ фанатики.—Сквонцы въ Сибирѣ.—Хлысты.—Хлыстовщина въ монастырѣ.—Субботники.—Духоборцы.—Шельники.—Охохонцы.—Молокане.—Старовѣры.—Масляниковъ.—Отшельникъ.—Алтайскїе старовѣры.—Семейскїе старовѣры за Байкаломъ.—Виты за попомъ.—Часовенная Сибирь.—Духовенство въ Сибирѣ.—Заводское духовенство.—Филлиповъ.—Расколъ въ Сибирѣ.—Причины его и развитїе.

Сибирь, какъ громадная тюрьма, вмѣщающая все наличное количество пойманныхъ и осужденныхъ преступниковъ, могла бы, повидимому, давать данныя для повѣрки нравственнаго уровня Россїи, но на самомъ дѣлѣ этого не только нѣтъ, но и предположить какую либо возможность подобной повѣрки не представляется въ настоящее время никакихъ данныхъ. Въ Сибирѣ записываютъ наличное число приходящихъ преступниковъ по такой же системѣ, по какой ведутъ счеты принятому товару въ пакгаузахъ, ограничиваясь отбѣткой времени прїема, количества мѣстъ, и заботливо заносятъ въ книгу только нумера тюковъ. О содержанїи принятаго и о другихъ любопытныхъ подробностяхъ не заботятся. Составляютъ образцы для книгъ старымъ подъячїи, посѣдѣвшїи на рутинныхъ прїемахъ и высидѣвшїи примѣтное равнодушіе и нескрываемую ненависть ко всему живому. Ко всему тому, что возбуждаетъ интересъ науки и служитъ ея достояніемъ, у этого писца полнѣйшее неуваженїе и предвзятое недоброѣ. Временами онъ уступалъ настойчивымъ требованїямъ и начиналъ записывать потолковѣе, но вскорѣ затѣмъ опять сводилъ на свое и снова писалъ зря, придерживаясь прїемовъ старой рутинѣ и образцовъ, заимствованныхъ его свѣтлыи и описывавшими свой вѣкъ предшественниками.

На этотъ разъ, такъ же какъ и въ тысячахъ другихъ случаевъ, въ столкновенїи интереса въ науку съ казенною практикою замѣчается обоюдный разладъ и огромное отчужденїе. Старый подъячїи, разумѣется, не догадался самъ и не былъ возбужденъ другими въ тому, чтобы остановиться и подумать, насколько примѣнны къ дѣлу и пригодны для практическихъ и поучительныхъ выводовъ его длинныя и скучныя записи. Отсюда произошло то, что прежде онъ писалъ даже какъ будто толковѣе и, напри- мѣръ, въ убійствахъ умѣлъ отдѣлять отчуждѣ-

ства, дѣтоубійства, убійства мужей женами, жель мужьями,—затѣмъ все это сбѣгъ въ одну кучу подъ фирмою умышеннаго убійства и успокоился, придумавъ отдѣлы убійства случайнаго. Точно также писалъ онъ, для ускоренїя акта писанїя и для лучшей темноты разумїя, всѣхъ преступниковъ противъ вѣры въ одну графу. Прежде отдѣлялъ онъ всѣ роды этого преступленїя и зналъ число отступниковъ отъ господствующей вѣры и число отвлечавшихъ отъ нее, аналъ и различалъ святотатцевъ, колдуновъ и принявшихъ ложную присягу; отдѣлялъ богохуленїе и порицанїе вѣры и велъ отдѣльнымъ счетъ разрывшимъ могилы. Перемудрило ли тутъ новое начальство, какъ не додумрило старое, оба, повидимому, руководившія высшими взглядами,—и теперь, за давностью, опредѣлять трудно и излишне. Результаты невыгодны тѣмъ, что къ такимъ уголовнымъ хроникамъ и статистическимъ выводамъ, къ какимъ пришли европейскїе криминалисты, у насъ легко и скоро не подойдешь. Ученныя общества съ одной стороны, а съ другой, казенныя учрежденїя—это два незнакомца, случайно встрѣчающїеся на улицахъ и безучастно проходящіе мимо другъ друга, каждый своею дорогою. Въ Тобольскѣ, гдѣ принимали смѣшныя и записывали ихъ преступленїя, не могли указать, напри- мѣръ, на то, какія начтше употребляются орудїя для убійствъ, какое время предпочитали для кражъ, какїе способы мошенничества правили господствующую форму, чтобы при случаѣ можно было обществу встать въ оборонительное и охранное положенїе. Не объяснять и въ Тюмени, что грабежи совершаются товариществами въ извѣстныхъ мѣстностяхъ начтше всего, что разбой находятъ мѣсто и пишу себѣ при такихъ-то общественныхъ и экономическихъ условїяхъ и проч. Не говоримъ уже о мелкыхъ, повидимому, частво-

стать, однако, серьезны настолько, что, например, Кетле сумѣлъ изъ нихъ выработать вѣские и поучительные выводы, о которыхъ мы нѣднократно случаи говорить.

Впрочемъ, Сибирь не въ состояніи представить мѣрку для нравственной оцѣнки Россіи и потому еще, что существующій тамъ приказъ о ссыльныхъ ведетъ счетъ только тѣмъ преступникамъ, которые приговорены къ ссылке въ Сибирь. Многие остаются въ Россіи по особеннымъ соображеніямъ судовъ и администраціи. Останавливаясь на преступникахъ противъ вѣры, мы должны помнить, что для таковыхъ нѣются мѣста заточеній и въ Россіи, каковы монастыри, между которыми торымъ при Спасо-Евфиміевомъ въ Суздальѣ и Соловецкомъ монастыряхъ занимали главное мѣсто. Известную хлыстовскую богородицу Ульяну Васильеву, послѣднюю отрасль знаменитаго Даниила Филиппова, первого хлыстовскаго бога*), лица полумонашескаго, смирилъ монастыремъ (дѣвичьимъ) Пермской губерніи; известнаго пропагандиста старообрядцевъ Папулина — Соловецкимъ заточеніемъ и т. д.

Въ расчетѣ на то, чтобы, до нѣкоторой степени, объяснить степень вліянія каторги и ссылки на нравственныя и религиозныя убѣжденія сосланныхъ въ Сибирь, мы останавливаемся на известной намъ таблицѣ тобольскаго приказа, нѣющей важное значеніе потому, что она, во первыхъ, считаетъ сосланныхъ въ Сибирь, а во вторыхъ, считаетъ ихъ вѣрно, нѣсколько разъ пересчитываетъ и провѣряетъ. По этой таблицѣ, наказанные ссылкой грѣшники опредѣлились въ слѣдующихъ числовыхъ отношеніяхъ.

Самая крупная цифра принадлежитъ святотатцамъ, вторая—сосланнымъ за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры и третья—ссыльнымъ за богоугодіе и порицаніе вѣры.

Святотатцы въ большомъ числѣ завязались въ Северо-Западномъ краѣ, гдѣ православіе, обезличенное униєю, но не побѣжденное католичествомъ, должно было вести борьбу съ тою массою религиозныхъ предрасудковъ и суевѣрій, которые достались тамошнему русскому народу въ наслѣдіе отъ предковъ. Здѣсь, въ этой странѣ, во время давней борьбы о преимуществѣ господствующихъ исповѣданій, въ которой народъ высказался (по сравненію съ малороссійскимъ) полнымъ равнодушіемъ, суевѣрія уберогались въ такой массѣ, въ какой они уже не являются нигдѣ въ русскомъ народѣ, населяющемъ громадную равнину Русскаго царства. У русскихъ въ Северо-Западномъ краѣ остатки народныхъ вѣрованій настолько крупны и серьезны, что несомнѣнно обличаютъ древнее происхожденіе отъ языческаго славян-

скаго культа, и до того многочисленны, что представляютъ вѣроятіе восстановить эту древнюю славянскую языческую вѣру въ цѣльномъ видѣ. Когда въ Великой Россіи тому же наслѣдію предстояло великое испытаніе въ пропагандѣ монастырей и обезсилылось, сверхъ того, оно отъ пріятельной подвижности племени, дававшей возможность обѣйна вмѣстѣ съ продуктами и мыслями,—въ Вѣлой Россіи задринрованное положеніе народа и его неподвижность на то же наслѣдіе произвели противоположное вліяніе. Вѣлорусскій народъ лучше сохранялся въ прародительскомъ видѣ и бережно донесъ до нашего времени стародавній до-христіанскій законъ предковъ. Вѣлорусскій народъ утѣлъ отъ общенія съ инокорядцами смѣшать наслѣдство съ новыми пріобретеніями и обезличить то, что у вѣлоруссовъ является почти въ неприимѣномъ и цѣльномъ видѣ. Вѣлорусскій успѣлъ за вѣру и въ тѣса разбѣжаться, и въ ту же Вѣлорусію кинулся, и Сибирью, и Новорусскимъ краемъ, и Предкавказьемъ и Закавказьемъ былъ наказанъ. Утѣлъ онъ броситься по дѣламъ вѣры и въ крайность мистицизма (духоборцы), и въ крайность особаго и болѣе строгаго вида аскетства (хлысты и скопцы). Попытка смѣнить вѣру отцовъ на обрядовую ветхозавѣтную (суботники) и на безобразную вѣру послѣднихъ трехъ вѣковъ (молokane). Вѣлорусскій оставался неподвиженъ. Вѣтъ его произошла борьба православнаго и римско-католическаго исповѣданій, коснувшись его только въ той мѣрѣ, что, обезличивъ и мало обезсиливъ старую славянщину, является передъ нами законный и правильный результатъ безразличія и холодности. За отступленіе отъ вѣры и совращеніе, за ересь и расколъ—нѣтъ ни одного ссыльнаго; за святотатство—самое большое число. За это преступленіе шли именно изъ тѣхъ губерній, гдѣ больше всего, въ послѣднее время, велась католическая пропаганда, успѣвшая охладить въ глазахъ нетвердаго въ христіанскихъ догматахъ народа все то, что дорого истинно вѣрующему вообще на Руси, отъ храмовъ и церковнаго имущества до могилъ умершихъ и изъ погребальныхъ савановъ. Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за святотатство сослано было изъ западныхъ губерній 124 муж., 24 жен., т.-е. почти $\frac{1}{4}$ часть количества всѣхъ сосланныхъ изъ всей Россіи по отношенію къ мужчинамъ (124 на 389 чел.) и почти $\frac{1}{3}$ по отношенію къ женщинамъ (24 на 53). При этомъ Виленская губернія дала 29 м., 12 ж., Минская 24 м., 6 ж., Витебская 22 м., 4 ж., Подольская 26 м., съ тѣмъ, можетъ быть, „облабляющимъ вину обстоятельствомъ“, что на этотъ разъ святотатство обезличивается до нѣвѣстной степени въ простое воровство и тѣмъ болѣе въ этой странѣ, гдѣ безчеловѣчныя дѣ-

*) Существованіе его, помимо хлыстовскихъ преданій, не доказано никакими историческими документами.

шения и повсюдная бѣдность разлиты въ примѣчательномъ обиліи среди загнаннаго и угнетеннаго народа. Неурожаи—ежегодное явленіе въ той или другой мѣстности лѣсного и мокраго края. Урожай, кромѣ немногихъ счастливыхъ оазисовъ, даютъ такое количество сбора, который всегда недостаточенъ для прокормленія мѣстнаго населенія, съ давнихъ временъ знакомаго со множествомъ лѣсныхъ суррогатовъ *).

Странный родъ преступленія, каково разрытіе могилъ, явившееся въ немногихъ случаяхъ съ объясненіемъ („ограбленіемъ мертвыхъ тѣлъ“), увело жертвъ народнаго суевѣрія, жертвъ ничтожныхъ по общей численности (12 человекъ въ 9 лѣтъ), также въ большинствѣ изъ западныхъ губерній (по 3 человекъ изъ Гродненской и Киевской, 2 изъ Витебской и 1 изъ Волынской). Цифры эти, указывая, такимъ образомъ, на существованіе особаго промысла воровъ, имѣющаго въ понятіи великорусскаго народа значеніе святотатства, въ то же время свидѣтельствуютъ и о крайней его исключительности, а во отношеніи къ Сѣверо-Западному краю приписываетъ онъ особый характеръ, тѣмъ въ Великой Россіи, неизмѣнный до нашихъ дней.

Уголовныя характеристики сѣмьи указать на основной принципъ, руководящій этимъ преступленіемъ, и отдѣлили изъ общаго числа преступниковъ тѣхъ, которыхъ побудила корысть и стяжаніе одежды и украшеній, полагаемыхъ во гробѣ по прагматовскимъ обычаямъ, отъ тѣхъ, которыхъ увлекало къ преступленію странное и печальное суевѣріе. Тогда въ понятіяхъ опредѣлялись оба вида. Въ Россіи тогда выяснялся на этомъ преступномъ промыслѣ солдатъ-дезертиръ, испортившихся въ казармѣ и оголодавшихъ въ бѣгахъ, дѣйствовавшихъ преступно въ тѣхъ губерніяхъ (казовы, по нашимъ даннымъ, Казанская, Пермская и Пензенская, гдѣ инородцы, а особенно татары, любилъ съжигать трупы и гробы умершихъ самыми дорогими одеждами и украшениями. Такъ точно, и тогда же, приметъ это преступленіе другой видъ по отношенію къ губерніямъ сѣверо-западнымъ, гдѣ поводомъ къ преступному дѣйствію служатъ суевѣрія, основанное либо на мистической необходимости,

*) Сибирскія табели и въ послѣдующіе годы продолжаютъ увеличивать число святотатцевъ на сторону тѣхъ же губерній. Возьмемъ на выдержку: въ 1854 году сослано 10 изъ Гродн., 9 Минск., 6 Весс. обл., 5 Киевск.; въ 1855—8 Вит., 10 Минск.; то же самое открывается и по сравненіи цифръ за 20 лѣтъ (съ 1827—46 гг.), которое приводитъ къ тому главному выводу, что по всей Россіи нигдѣ святотатство не развито такъ сильно, какъ въ губ. Минской (58 м. и ж.) и Витебской (42+7), Московск. дала 53+2, Владим. 41+7, Киевск. 46+4, Костр. 28+2, Новгор. 29+2. За то, какъ во всѣхъ этихъ губерніяхъ западнаго края, такъ равно и малороссійскихъ, процентъ сосланныхъ за чисто-религіозныя преступленія замѣчательно слабъ, даже ничтоженъ.

выкопавъ трупъ, отнять голову, чтобы обнести ее кругомъ селенія для прекращенія скотскаго падежа на тотъ случай, если не рѣшится какая нибудь женщина голою объѣзжать верхомъ на лошади вокругъ деревни. Либо суевѣріе основывается на приготовленіи свѣчи-невидимки, которая дѣлаетъ лицо, приготовившее свѣчу, невидимымъ для тѣхъ, кого оно задумаетъ обворовать, и которую необходимо готовить именно изъ жира умершаго колдуна, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ сложныхъ, но исполнимыхъ, мистическихъ приготовленій и обрядовъ.

Взаимное недоразумѣніе, обоюдный обманъ (суевѣрнаго грѣшника) сѣмьи выгородитъ этихъ преступниковъ, ожидающихъ лекарства отъ церкви и, на худшій конецъ, отъ больницы психіатра, чтобы сослать въ Сибирь вмѣстѣ съ ними и такихъ людей, на судьбу которыхъ снова встрѣтились обманъ и вѣра въ черта и всякую нечистую силу. Въ сибирскихъ табеляхъ явились колдуны.

Колдовство признано за преступленіе, обрекающее на изгнаніе и предполагающее въ ссылкѣ исцѣленіе. Въ этомъ случаѣ что нибудь изъ двухъ: или мы настолько просвѣтились, что стали различать врача-шарлатана отъ настоящаго мастера своего дѣла, или вѣрнемъ черту, съ которой спознался чародѣй-колдунъ. Конечно, такъ называемый колдунъ не имѣетъ возможности украшать свою пріемную предметами вовсе ненужными, но возбуждающими уваженіе и довѣріе въ пациентѣ. Тѣмъ не менѣе, не можемъ отрицать, что въ большинствѣ этого рода шарлатановъ живетъ глубокая вѣра въ собственную силу, исходящую изъ личнаго убѣжденія и укрупленному постояннымъ довѣріемъ массы. Едва ли подобный человекъ больше шарлатанъ и обманщикъ, тѣмъ тѣ, которые нарѣдка налетаютъ къ намъ изъ Европы; едва ли онъ не настолько же убѣжденъ въ себя, какъ и всѣ остальные убѣжденные и убѣждаемые въ своемъ врачебномъ знаніи. На самомъ дѣлѣ, колдунъ—представитель той мѣдицины, которая извѣстна была древнимъ и перешла къ русскимъ отъ шамановъ, называвшихся въ старину „волхвами“ и „кудесниками“. „Колдунъ“—лекаръ, у котораго большая часть лекарствъ дѣйствуютъ какъ симпатическія средства и ни одно изъ нихъ не крушитъ болѣзнь безъ таинственной обстановки и многосложныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Понятно, что попалъ онъ въ Сибирь потому, что плель на себя въ судѣ напраслину, которую самъ не считалъ таковою, и не жалѣлъ себя, щадя прежнюю славу и будущую славу послѣдователей и товарищей. Попался онъ потому, что не былъ такъ ловокъ, какъ другіе, и подвернулся подъ ударъ судьбы на время случайныхъ народныхъ бѣдствій, когда народъ его околота, озлобленный несчастными неурожаевъ и повальныхъ болѣзней и растерян-

пійся отъ насъ, вышель изъ себя, измѣнилъ себя до того, что предалъ нужнаго человѣка въ руки казенныхъ судей и на судъ уголовныхъ законовъ. Впрочемъ, такихъ случаевъ было немного и колдуновъ все-таки берегаетъ народъ про себя.

По приговорамъ прежнихъ судей, въ числѣ другихъ преступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за преступленія противъ вѣры, меньшее количество палокъ выпало за богохульство и порицаніе вѣры (въ 9 лѣтъ 21 чел.), нѣсколько больше (31) за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры, и всего больше (59) сослано за ересь и расколъ. По первому роду самое большее число шло изъ губерніи Пермской. По второму виду религиозныхъ преступленій (отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры) цифра представляется большою на сторонѣ мужчинъ и ничтожною на сторонѣ женщинъ (хотя, на самомъ дѣлѣ, бываетъ наоборотъ), а въ общемъ цифра явилась одною изъ самыхъ малыхъ по сравненію съ иными по всѣмъ другимъ родамъ. Повсюдные факты говорятъ противное и сибирскую цифру можно объяснить тѣмъ, что изъ отступниковъ шли сюда только тѣ, которые жили въ мѣстностяхъ, издавна пользующихся какъ бы привилегіею, по дѣламъ вѣры, на ссылку въ Сибирь. Оттого крупнѣе цифра явилась на губерніяхъ Тифлисской и Ставропольской, какъ таковыхъ, которыя предназначены были правительствомъ для поселенія всякаго рода сектаторовъ. Объясняется величина цифры (хотя, сравнительно, меньшая) въ губ. Тамбовской (въ которой, прежде другихъ, обнаружился молокане) и Таврической (куда переведено правительствомъ всѣхъ замолочанившихся, дубоборцевъ и суботниковъ, поселивъ ихъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, на урочищѣ „Молочныя Воды“). Пойманы вѣроотступники и въ землѣ черноморскихъ казаковъ, гдѣ сильно бродитъ религиозная пропаганда. Сосланы увлеченные и увлекавшіе изъ губ. Сибирской, куда устремилось молоканство, до сихъ поръ путешествовавшее по степямъ, и изъ Тобольской, гдѣ на всякое увлеченіе и на всякое преступленіе всегда находятся не одинъ отвѣтчикъ.

Третій родъ религиозныхъ преступленій, расколъ и ересь, отвѣчаетъ цифрами тому же обязательству, какъ и предъидущій видъ: больше шло изъ губерніи, населенныхъ сосланными изъ Россіи за измѣну господствующей вѣрѣ (казовы губерніи Таврическая, Казанская и закавказскія) и, разумѣется, на большей свободѣ и при исполнѣ очищенной выгнаніемъ совѣсти, не переставшихъ выяснять себя и разсказывать другимъ любопытныя истины новой вѣры. Явились въ Сибирь по такимъ дѣламъ люди болѣе арѣлыхъ лѣтъ, пріобрѣвшіе большую сосредоточенность и самоглубленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательную стойкость и крѣпость въ

тѣхъ нравственныхъ убѣжденіяхъ, которыя, ба утѣшеніе старости, выработались въ началѣ, очищающія совѣсть и поддерживающія духъ. Большая часть людей, поплатившихся за свои религиозныя вѣрованія и убѣжденія лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь, принадлежали по возрасту къ людямъ свыше шестидесяти лѣтъ, который рѣдко уже замѣчается виновнымъ въ другихъ, болѣе важныхъ и дѣйствительныхъ преступленіяхъ, а по сословію къ купцамъ—сословію, занимающему по всѣмъ другимъ родамъ преступленій самое отдаленное мѣсто съ примѣчательно некрупою цифрою. Ересь и расколъ, совращеніе и отступленіе отъ вѣры—какъ будто привилегированныя купеческія преступленія. Процентъ сосланныхъ за вѣру купцовъ значительно превосходить всѣ другія сословія *).

Оскопленіе, какъ крайній результатъ извѣстныхъ религиозныхъ убѣжденій скоческой секты, по самой исключительности своей не можетъ быть объясненъ сибирскими цифрами. Ссылали этихъ „божьихъ людей“ и на Аландскіе острова, и за Кавказъ и въ Сибирь одновременно. Шли въ Сибирь тѣ прозелиты, которымъ удалось оскопить другихъ, повѣрившихъ живому Богу, живущему въ городѣ Иркутскѣ, въ сибирской сторонѣ, а шли, разумѣется, оттуда больше, куда были высланы скопцы изъ Россіи. Такъ и по нашимъ табелямъ, наибольшее число „оскопившихъ себя“ и „оскопленныхъ другими“ вышли изъ Закавказскаго края и Новороссійскаго (губ. Херсонской и Таврической **). Всѣ эти прозелиты ушли либо на рѣку Енисей въ Туруханскій край, либо на Лену въ Якутскій. Скопился чаще солдатъ и мѣщанинъ и всего меньше—крестьянъ; большое число оскопившихся людей ушло въ холодныя

*) Сибирскія табели собственно по дѣламъ старобратства—плохой судья. Съ 1831 года, по случаю увеличенія раскола, перестали ссылать преступниковъ этого рода. Въ послѣдніе годы передъ этимъ запрещеніемъ по цифрамъ табелей замѣтно было сильное распространеніе раскола въ Воронежской губ., Рязанской, Пензенской, Тамбовской и Орловской. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это увеличеніе произошло не въ сторону старовѣровъ, ужинающихся преимущественно въ лѣсныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, а въ сторону нововѣровъ (секты рационалистовъ), которые наиболѣе облюбили степныя и южныя губерніи. Въ этомъ отношеніи враждебныя вѣроисповѣданія приняли противоположное географическое направленіе другъ другу, какъ бы преднамѣренно условившись между собою въ отмежеваніи мѣстностей.

**) Въ концѣ 20-хъ гг. нынѣшняго столѣтія изъ великорусскихъ губерній сильнѣе скопцами губ. Орловск. (съ 1823 по 1831—55); Тамб. (50), Курскія (46) и Калужскія (35)—къста преимущественнаго религиознаго движенія хлыстовщины до скопчества, отъ дубоборства до молоканства. Самый основной и древній пунктъ хлыстовщины... Костронская губ., выразилась также и скопцами (20).

тундры и самыя неудобныя сибирскія мѣста, изъ инородческихъ племенъ—изъ племени финны (или, попросту, хушонцевъ) по преимуществу. Множество скопцовъ убѣжало изъ Россіи и за австрійскую границу. Однаково оскопляли бо младенцевъ, скопились и въ молодые и въ зрѣлыя годы, мужчины и женщины безразлично и почти въ такихъ же взаимныхъ числовыхъ отношеніяхъ *).

Совсѣмъ другими свойствами отличается тотъ видъ преступленій противъ вѣры, который велъ грѣшниковъ прямо на каторгу, въ нерчинскіе рудники и который называется святотатствомъ. Церковные воры, за исключеніемъ губерній сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, въ русскихъ губерніяхъ попадались въ большомъ числѣ, конечно, тамъ, гдѣ древняя Русь настронила большее количество церквей и монастырей, богаче украсила ихъ отъ избытка собственныхъ денежныхъ богатствъ и гдѣ, такимъ образомъ, при обиліи соблазна для голодной голтыбы укрѣпился грѣхъ святотатства. Онъ, въ сибирскихъ табеляхъ смыльныхъ, сдѣлался судьбою, какимы-то видомъ неизлечимой и постоянной болѣзни; послѣдовательно и настойчиво повторялся въ губерніяхъ: Владимирской, Киевской, Черниговской, Московской, Костромской, Нижегородской и Новгородской. Не выразились только Ярославская и Тверская, поступающіяся значительнымъ числомъ своего населенія для дальнихъ отхожихъ промысловъ **).

Шли въ Сибирь за воровство церковнаго имущества изъ всего множества русскихъ сословій, преимущественно и почти исключительно три: одно, ближе стоящее къ церкви, и два, ставшія отъ нее примѣтательно дальше другихъ. Такъ, наипривѣр, лица духовнаго аванія, причастныя въ примѣтной степени преступленію воровства-кражи и рѣже воровства-грабежа, упорно отстаиваютъ за собою въ ежегодной цифрѣ

*) Между преступленіями противъ вѣры указана въ табеляхъ графа для сосланныхъ за «ложную присягу», но графа эта только разъ оживлена была преступниками этого рода (съ 1846 г. сосланы были изъ Ковенской губ. 1 муж. и 1 жен.), не смотря на то, что подобное преступленіе, въ прежней судебной практикѣ, являлось дѣломъ обычнымъ. Всѣмъ памятенъ обычай очислительной присяги, всенародно, при звонѣ колоколовъ. Цѣлой Москвѣ памятенъ тотъ случай, когда завѣдомо всѣмъ виноватый, сходилъ подъ колокола и не устыдился, а за это—какъ извѣстно по народнымъ примѣтамъ—до седьмого колѣна не смывается съ потомкомъ грѣхъ «ложной присяги».

**) Женщины по отношенію къ мужчинамъ, въ общемъ числѣ святотатцевъ, составляютъ 1/4 часть. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, послѣдовательно за всѣ годы, высланы были одни только мужчины (изъ Моск., Новгор., Воронежск., Перм., Подол., Изфл. и Оренб.). Западные губерніи отличаются также довольно значительнымъ процентомъ церковныхъ воровъ; губерніи Витебская и Минская сильно выдаются впередъ всѣхъ другихъ.

тотъ видъ этого рода преступленій, который извѣстенъ на юридическомъ языкѣ подъ именемъ святотатства. Въ равной степени падаетъ этотъ грѣхъ и на священнослужителей и на церковнослужителей, если принять въ расчетъ то, что число причетниковъ въ общей сложности превышаетъ вдвое количество священниковъ и дьяконовъ *).

Изъ двухъ остальныхъ сословій оба, искусственно водворены на русской почвѣ и оба не обезпечены въ экономическомъ отношеніи: одинъ пролетарій безъ земли, другой безъ всякой собственности, раздѣлиши съ духовенствомъ преступленіе церковнаго воровства между собою. Снявъ такимъ образомъ, всю вину обвиненія въ преступленіи съ русскаго простого народа, они оказались между собою въ тѣхъ количественныхъ отношеніяхъ, по которымъ ясно, что цифра святотатцевъ, послѣ духовенства, всею тяжестью своею точно такъ падаетъ на солдатъ, а ватѣмъ на мѣщанъ. Вѣроятіе святотатства для крестьянъ въ 40 разъ слабѣе, чѣмъ для духовенства. Въ числахъ эти отношенія, за наши 9 лѣтъ, выражаются такъ:

Лицъ духовнаго аванія. 104 муж.

Солдатъ служащихъ и

отставныхъ 87 „ 2 женщ.

Мѣщанъ 51 „ 5 „

Для духовенства вѣроятіе тяжкаго грѣха церковныхъ кражъ составляетъ исключительную особенность наравнѣ съ преступленіями по службѣ чиновниковъ.

По отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, совершенныхъ этими тремя сословіями—святотатству у духовныхъ и мѣщанъ принадлежитъ третье мѣсто, у солдатъ же оно занимаетъ пятое (убійства, побѣги, воровство, грабежи и — святотатство). Само же духовенство, по проценту для тяжкихъ преступленій, занимаетъ самое видное мѣсто; за исключеніемъ его, по другимъ родамъ, духовенство встаетъ на самое дальнее, превосходя только купеческое сословіе. Попаданъ и поповны тутъ ни въ чемъ не повинны, точно такъ же какъ и всякая другая преступность въ нихъ замѣчательно слаба.

Въ періодъ послѣдующаго десятка лѣтъ (съ 1 янв. 1841 по 1 янв. 1857) въ нерчинскіе заводы поступило рабочихъ, сосланныхъ за святотатство—72 и за оскопленіе—7. Послѣднемъ сюда за ними по нашей задачѣ и ради вопроса о томъ, что происходитъ съ этими смыльными тамъ, на каторгѣ: остаются ли они при своемъ, исправляются или больше портятся?

Самъ собою разувѣется, что, съ уничтоженіемъ основныхъ поводовъ и вызывающихъ причинъ

*) Такъ, въ 1846 г. сослано за святотатство священнослужителей 9, церковнослужителей 11, въ 1844 г. священниковъ и дьяконовъ—7, причетниковъ—15, и т. д.

или съ ослабленіемъ питательныхъ соковъ, — преступленіе уничтожается вовсе или ослабляется количествомъ жертвъ. Вѣрно также и то, что ссылка, со своими рѣзкими, рѣшительными и грозными послѣдствіями, производить съ преступниками то, что она или, оглушенные и озадаченные крутымъ бытовымъ переворотомъ и крупнымъ житейскимъ несчастьемъ, зарекаются на новыя преступленія, или, въ крайнемъ случаѣ испорченности и забалованности, дѣлаются болѣе осторожными и опытными. Въ смыслѣ, какъ извѣстно, существуетъ признанная законами и весьма возлюбленная смыслими форма, нравственное значеніе которой состоитъ въ томъ, что совершившій преступленіе и угнѣвшій сиротать его, можетъ высказаться потомъ подъ видомъ бродяги, не помнящаго родства. На огромную массу людей этого званія, не безъ нѣкотораго практическаго основанія, возлагается участіе въ не объясненныхъ и не открытыхъ преступленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ смыслиныхъ, завняемыхъ въ Сибири за новыя и различныя преступленія, исчезаетъ видъ богототупниковъ, еретиковъ и раскольниковъ, какъ бы въ силу того, что разъ содѣянный фактъ подобнаго рода не имѣетъ возможности повториться. За преступленія противъ вѣры и даже за такой видъ ихъ, какъ святотатство, въ нерчинскихъ заводахъ, въ числѣ вновь осужденныхъ, не указано ни одного въ теченіи десяти лѣтъ (1847 по 1857 гг.), а въ теченія предъидущихъ девяти (съ 1837 по 1846) на всю Сибирь, изъ всего числа каторжныхъ, указанъ виновнымъ въ святотатствѣ только одинъ, изъ числа поселенцевъ 5, изъ арестантовъ, исключенныхъ изъ арестантскихъ ротъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, только 2. Конечно, на этотъ фактъ должно было имѣть значительное вліяніе то обстоятельство, что Сибирь примѣчательно скудно надѣлена церквами. Въ часовой Сибири святотатцами, конечно, лежала болѣе торная дорога къ другимъ преступленіямъ и полнѣйшая возможность (по силѣ народной пословицы, гласящей, что „разъ украсть — на вѣки воровомъ стать“) уйти на воровство съ болѣе широкими (а не специальными) примѣненіями и исчезнуть въ цифрѣ осужденныхъ вообще за похищеніе чужой собственности. Таковыми въ тѣ же десять лѣтъ въ одномъ нерчинскихъ заводахъ только уличено и осуждено 201 человекъ, а по всей Сибири за 9 лѣтъ предыдущихъ суждено за явное воровство изъ каторжныхъ 34, изъ бродягъ 476, изъ поселенцевъ 144 и изъ арестантовъ 30, всего 684 человекъ. По другимъ родамъ вѣропреступныхъ дѣйствій, исчезнувшихъ сами собою на каторгѣ, за неизмѣнимъ яши и поводовъ, — живая присяга потеряла свою силу, конечно, потому только, что законъ воспрещаетъ смыслими всякое формальное клятвенное обѣщаніе

и не допускаетъ ихъ ни до какой присяги. Точно также всѣ русскіе колдуны отсутствовали бы въ Сибири не у дѣлъ уже потому, что тамъ и своихъ довольно, въ видѣ шамановъ съ одной стороны и бурятскихъ ламъ — съ другой, изъ которыхъ послѣдніе готовы колечить, а первые подлечь и покуситься. За то нерчинскіи архивныя и казенныя хроника сохранили слѣдующій случай въ отвѣтъ на вопросъ объ исправленіи сосланныхъ за разрытіе могилъ и воровство положенной въ гробы съ мертвыми тѣлами одежды.

Нѣкто Боградскій (судя по фамиліи, уроженецъ тѣхъ мѣстъ, на которыя мы указали въ началѣ статьи и которыя, по преимуществу, усвоили себѣ этотъ видъ страннаго воровства) сосланъ былъ на каторгу и помѣщенъ въ работу на Селенгинскій солеваренный заводъ (давно не существующій). Здѣсь онъ заваялся грабежомъ мертвыхъ въ могилы и за то былъ наказанъ кнутомъ и переведенъ на нерчинскій заводъ, на глаза духовнаго и гражданскаго начальства, такъ какъ въ заводѣ этомъ — центральномъ пунктѣ мѣстнаго административнаго управленія — гражданскія и военныя власти организовались въ цѣлое правленіе, а духовныя — въ соборъ. При нерчинскомъ заводѣ Боградскій сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ онъ снова задумалъ тотъ же промыселъ и на помощь себѣ и въ участники напавъ успѣлъ подговорить товарищей. Для успѣха предпріятія онъ днемъ часто посѣщалъ тюремный госпиталь и тщательно осматривалъ всѣхъ умершихъ; ночью, „бѣгая скрытно изъ тюрьмы“, выходилъ на промыселъ, т. е. разрывалъ могилы и обиралъ съ покойниковъ все до послѣдней нитки. Въ могилы иногда ошибался по причинѣ ночной темноты. Разъ рассчитывалъ понасть на могилу горнаго служителя, а попалъ на могилу смыслинаго: „ободравши рубаху — видѣлъ заки за синіи отъ наказанія“. Успѣлъ разграбить пять могилъ. На послѣдней попался и указалъ на товарища Полещука (необлизнаго белоруса и вѣроитнаго земляка), „который ужъ събивать краденныя вещи заводскому служителю, дѣбившему принимать все краденное и платившему за то наличными деньгами“. Деньгами Боградскій и Полещуку користовались; вотъ единственнаго цѣль преступленія и единственное объясненіе его, которое дали виновные на судѣ въ заводѣ.

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ замѣшались фанатизмъ, проявилась болѣзнь своего рода, номавія, гдѣ, словомъ, замѣшалась твердая и настойчивая воля, желающая дѣйствовать по личнымъ убѣжденіямъ, хотя бы и ошибочнымъ, — тамъ каторга въ полной несостоятельности, и она уже не только не лекарство, но даже еще одна изъ предрасполагающихъ причинъ.

Когда-то (впрочемъ, не такъ давно) во Владимирской губ. фанатикъ съелъ свой догъ

и въ немъ собственныхъ малютокъ, предварительно зарѣзанныхъ иль ножомъ на горѣ за селеніемъ. На допросахъ оны хладнокровно показывали, что поступилъ такъ, начитавшись Вѣблин, и совершалъ дѣтубійство по образцу Авраама, приносящаго въ жертву Богу сына своего Исаака. Въ то время, когда оны кололъ ножомъ, жена его, мать малютокъ, говорила слова, молитвенно объяснявшія цѣль закланія. Дѣтубійца этотъ былъ нѣкто Никитинъ. И вотъ, въ Средней Борѣ на Аргуні живеть старичекъ у тамошнихъ казаковъ въ работникахъ, осемни- ный изъ Россіи и то же Никитинъ; поживаетъ у одного, поработаетъ у другого, вскорѣ непосѣдливо бредеть работать на третьяго, по праву и званію выпущеннаго на пропитаніе. Вопреки всѣмъ аргунскимъ казакамъ, оны былъ человекъ трезвый, вопреки всѣмъ поселенцамъ—послушливымъ и не сварливымъ; въ отиѣну ото всѣхъ сибиряковъ—человѣкомъ набожнымъ и начитаннымъ. Начитанъ оны былъ такъ, что всѣ дивились тому и оказывали почетъ и уваженіе. Всѣ свободные дни отдавалъ оны чтенію Вѣблин и при всякомъ случаѣ и со всякимъ любилъ говорить о божественномъ. Не въ мѣру былъ оны этикъ докучливъ, не въ мѣру во все другое время былъ угрюмъ и задумчивъ. Думали, что оны человекъ какой нибудь русской секты: все хулилъ церква, все говорилъ о злѣ, въ нихъ царствующемъ. Между тѣмъ, тѣмъ больше читалъ оны, тѣмъ угрюмѣе становился: пересталъ ходить въ компаніи, избѣгалъ шумныхъ и людныхъ собраній, началъ дичать и уединяться. Все это было всѣмъ видно, но всѣмъ непонятно, отчего сталъ чаще уходить въ лѣсъ чуждой старичекъ и подолгу тамъ оставаться. Вскорѣ объяснилось дѣло, а объяснили его пастухи-ребятишки, привлеченные стономъ къ часовнѣ и натолкнувшіеся въ ней на невиданное диво. На томъ крестѣ, который самъ Никитинъ вкопалъ въ землю и въ которомъ видѣвшіе его не видѣли ничего страннаго, такъ какъ дѣло это въ Сибири за обычай,—на крестѣ этомъ, подъ навѣсомъ въ часовенкѣ, висѣлъ человекъ. Голова въ терновомъ вѣнцѣ склонена была на бокъ, въ крѣпкой морозъ висѣлъ оны голымъ, только подпоясавъ нить живота бѣлымъ платкомъ. Въ боку была рана, все тѣло было облыто и забрызгано кровью. Подъ крестомъ лежало копье и валялись орудія Христовыхъ страстей. Когда сбѣжавшіеся люди сняли распятаго съ креста, оны былъ еще живъ. Когда въ нерчинскомъ заводскомъ лазаретѣ его вычленили и приваляли къ допросу, Никитинъ отвѣчалъ что жертвовалъ собою за грѣхи людскіе и выбралъ для того вечеръ великой пятницы. Распиналъ себя самъ, хотя и трудно ему было, но передъ тѣмъ оны долго молился. Сначала оны прилягъ къ кресту ноги правою рукою, придерживаясь лѣвою за поше-

речное древко креста, потомъ лѣвую руку насадилъ на большой гвоздь, вбитый предварительно съ задней стороны поперечной доски. То же самое хотѣлъ сдѣлать и съ правою рукою, да совсѣмъ измѣнили силы: оны ослабъ и повисъ. Такъ съ опущенною рукою оны и найдены былъ пастухами. „Захотѣлось умереть, какъ умеръ Христосъ за людей, и тѣмъ уго- дить Богу“ *).

На этомъ стремленіи угождать Богу по собственнымъ способамъ (въ самыхъ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ) и по тѣмъ образцамъ, которые завѣщаны и указаны св. отцами (и это всегда), остановились всѣ тѣ смыслные, которые сосланы сюда за „расколъ и ересь“. Начнемъ съ сектаторовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь съ большою готовностію и постоянствомъ.

Говорить про скопцовъ много не приходится; разумеется, въ смыслѣ они остались тѣми же самыми фанатиками. Для нихъ возврата не можетъ быть никакого. Крупный и рѣшительный актъ совершенъ—остается исполнять обязательные при немъ обряды, чтобы не утратить сочувствія единовѣрцевъ, умѣющаго высказываться въ замѣчательно единодушной денежной помощи, которою не забываютъ и въ енисейскихъ деревняхъ, вблизи Туруханска, и въ приенскихъ за Якутскомъ. Несомнѣнно пользовались тѣми же самыми денежными присылками и тѣ, которыхъ судьба отдала отъ прочихъ и послала въ Байкаль. Мы лично были свидѣтелями (въ петергофской тюрьмѣ) того холоднаго равнодушія и поразительнаго безстрастія, съ какими наши мы скопцовъ (въ 1861 году) наканунѣ того дня, когда имъ приходилось идти изъ тюрьмы въ холодныя и суровыя мѣста дальней Сибири. Ни сожалѣнія, высказанныя нами, ни свѣденія, какими мы готовно дѣлились съ ними, ни совѣты на дорогу, имѣвшіе цѣлью руководить ихъ первыми шагами на чужбинѣ,—ничто не озабочивало и не трогало ихъ. Они какъ будто въ какомъ-то отупѣніи готовились на предстоящую борьбу со ссылкой, и притомъ видно было, что ей не сломать ихъ характера и не поколебать ихъ рѣшимости. Намъ казалось тогда, что это люди, выступающіе на битву съ огромнымъ запасомъ силъ, что передъ этими героями самое тяжелое изъ наказаній (какова ссылка) объявится въ политѣйшемъ ничтожествѣ и крайней непрямѣности: все равно, жили здѣсь, поживемъ и тамъ. Они тяготились однимъ и жаловались и просили объ одномъ—чтобы ихъ скорѣе отправляли: затѣмъ жить въ теплой, свѣтлой и чистой тюрьмѣ и подъ бокомъ богатыхъ благодѣтелей, когда судьба судила идти въ негосте-

*) Никитина сослали въ Инокентьевскій монастырь, подъ Иркутскомъ, на покаяніе, откуда снова возвратили за Байкаль и поселили въ Нерчинскѣ, гдѣ оны еще живъ былъ въ 50-хъ годахъ.

принимая, мералы пустыни, въ соседство полуиди-
ковъ, полуголодныхъ тулгузовъ и юракковъ? Зато во
время путешествія по русскимъ и сибирскимъ
этапамъ вездѣ готовится ихъ встрѣча отъ такихъ
же драбныхъ, съ морщинастыми лицами, съ писк-
ливымъ птячьимъ голосомъ почитателей Петра III
и Селиванова. Всякую арестантскую партію не-
избычно встрѣчаютъ скопцы въ городахъ и се-
леніяхъ, выходящіе посмотреть: нѣтъ ли кого
нибудь изъ „голубей“, чтобы надѣлать ихъ
деньгами.

Отправляются туда скопцы не безъ запасовъ
настоящихъ, не безъ надеждъ на будущее и, во
всякомъ случаѣ, съ вѣрою въ свое призваніе
и съ твердою увѣренностью, что именно въ
этихъ-то страданіяхъ выражается для нихъ,
подъ видомъ мученичества, одинъ изъ путейъ
къ блаженству, къ тому же, на этотъ счастли-
вый случай, ведетъ ихъ въ соседство той страны
и горы того города (Иркутска), откуда явится
ихъ живой богъ (Кондратій Селивановъ)*. Другой
путь къ довершенію религиозныхъ стремленій
и одно изъ средствъ къ духовному совершен-
ству, достигаемыя посредствомъ привлеченія въ
секту новыхъ прозелитовъ, для ссылки въ
Сибирь дѣло не особенной трудности. Удачная
скопческая практика въ Сибири не рѣдкость.
Въ Сибири, какъ и за Кавказомъ, на Енисей,
какъ и на Ріонѣ, поразительны они тѣмъ не-
злобнымъ характеромъ, которымъ отличаются
въ сношеніяхъ между собою, и тѣмъ отсут-
ствиемъ распрей или ссоръ, которое они пола-
гаютъ для себя какъ бы за обязательный ре-
лигиозный догматъ въ отношеніяхъ къ прочимъ
туземцамъ. Нельзя не замѣчать и не чувство-
вать того удивленія и уваженія, которымъ поль-
зуются они у сосѣдей, умѣющихъ обнаруживать
эти чувства, помимо недовольства ихъ грѣхомъ
оскопленія. Скопцовъ никто и никогда не оби-
жаетъ, нѣтъ глубокого состраданія къ тѣмъ
затрудненіямъ, которыя встрѣчаютъ ихъ слабыя
силы при исполненіи различныхъ многотрудныхъ
работъ, задаваемыхъ дьяками и дѣвственными
мѣстами поселенія. Работаютъ они усердно и
безропотно, гдѣ требуется примѣненіе ихъ силъ
и способностей, или по указаніямъ доброй воли,

*) До Иркутска шелъ Селивановъ въ пере-
смѣльной партіи на канатѣ и успѣлъ совершить
надъ собою вторичное полное оскопленіе. Въ
Иркутскѣ, со смиреніемъ искренняго православно-
наго (въ примѣръ и поученіе своимъ послѣдова-
телямъ), живя на свободѣ, онъ ходилъ по городу
съ чашечкою и собиралъ на цервкв. Около два-
дцати лѣтъ пробылъ онъ въ ссылкѣ, не склонив-
шись на подговоры двухъ скопцовъ, явившихся
къ Россіи предложить ему услуги къ добѣгу
и укрывательству. Въ 1796 году императоръ
Павелъ освободилъ его и позволилъ возвра-
титься въ Петербургъ. Въ 1832 году Селивановъ
умеръ въ Суздальѣ въ Спасо-Евфиміевомъ мо-
настырѣ, но скопцы думаютъ, что онъ до сихъ
поръ скрывается въ окрестностяхъ Иркутска,
откуда и ждутъ его для начала новаго царствія.

или по выводу различныхъ начальствъ. На Ріонѣ
въ нихъ составили рабочую роту, въѣзденію
военному офицеру; на Енисей они занимаютъ
легкимъ промысловъ извоза и сплаванн. Оско-
пленіе ссыльными ссыльныхъ въ перчянскихъ
заводахъ не обнаруживается въ надлежащей
силѣ оттого, что это дѣло находится въ ру-
кахъ самихъ острожниковъ и уже достаточно
наловчившихся, но, обнаруженное въ одной
мѣстѣ, всегда указываетъ на многіе другіе
случаи. Такъ замѣчено было сильное распро-
страненіе секты скопцовъ въ Петровскомъ за-
водѣ (одномъ изъ перчянскихъ), въ 30-хъ го-
дахъ, въ такой степени, что генералъ-майоръ
Депарскій (приставникъ декабристовъ) рѣшился
не принимать скопцовъ въ Петровский заводъ,
а отправлять ихъ въ перчянскіе рудники. При
этомъ обнаружено было, что скопцы уловляли
въ свои сѣти и соблазняли осмысленныя де-
ньгами, въ большомъ количествѣ получаемыя
изъ Россіи. Точно также секта эта, умѣющая
скрываться и периодически обнаруживаться во
время самыхъ крайнихъ увлеченій прозелитизма,
въ 1854 г. замѣтно распространялась въ То-
больской губерніи между старожилами Юргин-
ской волости (Ялуторовскаго округа). Виновные
и уличенные были суждены и высланы дальше
въ Сибирь. Этимъ приостановлено было даль-
нѣйшее распространеніе секты, которой въ той
странѣ не благопріятствуетъ то, что адепты ея,
сосланные по судебнымъ рѣшеніямъ, живутъ
разсѣянно и ихъ по губерніямъ очень немного.

Хлыстовъ Сибирь также не угомонилъ: самыя
первые хлысты на Русь — ученики стрѣльца
Проконія Лупкина, не прерывали сношеній съ
оставшимися въ Россіи: ни тѣ трое, которые
были сосланы въ Тару, ни сестра известной
хлыстовской богородицы Акулины Ивановны (за-
точенной въ перискомъ Далматовскомъ мо-
настырѣ), Александра Ивановна, увезенная въ
г. Илимскъ. Сношенія эти были очевидны еще
въ то время, когда уличенъ былъ въ ереси
сынъ Лупкина, Серафимъ, іеродиаконъ Самонова
монастыря въ Москвѣ. Его разстригли, повзвали
къ суду, въ 1735 году за его важныя вины
были кнутомъ и сосланы въ Охотскій портъ.
За Байкаломъ найдены были тѣ же погребя,
которые замѣняли сектаторамъ церкви, и за-
мѣчены были такіе же успѣхи въ пропагандѣ,
съ рѣзкимъ отличіемъ отъ скопцовъ въ томъ,
что хлыстовская проповѣдь нѣмѣла поразительный
успѣхъ. Въ деревнѣ, пристроившейся къ стѣ-
намъ Троицкаго монастыря, нашли многихъ
новыхъ хлыстовъ, сдѣлавшихся таковыми вслѣд-
ствіе соблазновъ отъ сосланныхъ въ монастырь
изъ Россіи. Ссыльные хлысты совратили мно-
гихъ монаховъ, нѣкоторыхъ крестьянъ и куп-
цовъ. Отступничество соблюдалось въ самой
строгой тайнѣ, пропаганда проведена была
весьма осторожно, не сразу узнали о томъ.

Узнали сначала сосѣди-крестьяне и сказали властямъ; власти, по троицкимъ крестьянскимъ избамъ, добрались до монастырскихъ келій и разрѣшили вопросъ тѣмъ, что скакавшихъ и хлеставшихъ монаховъ, для исправленія, разослали по русскимъ монастырямъ, другихъ же хлыстовъ сослали въ Туртуанскій край. На мѣсто старыхъ монаховъ изъ Россіи присланы были новые; хлыстовщина въ монастырѣ исчезла.

Сила религіознаго увлеченія, доводимаго до крайностей мистическаго, не могла обойти и Забайкальскаго купечества, въ особенности кяхтинскаго и верхнеудинскаго. Незадолго до описываемаго нами событія общественное вниманіе было возбуждено появленіемъ подвижника изъ Россіи, успѣвшаго дать сильный нравственно-религіозный толчокъ дремлющему равнодушію и индифферентизму. Возбужденіе это фактически выразилось въ постройкѣ Чикойскаго монастыря на скалѣ, въ мѣстѣ дикомъ, но картинномъ, на берегу рѣки Чикой. Сюда удалился для созерцательнаго уединенія извѣстный всей Кяхтѣ Василій Надеждинъ—человѣкъ свѣтлаго ума и замѣчательной религіозности, родной братъ извѣстнаго ученаго Н. И. Надеждина. Въ Россіи онъ страствовалъ по монастырямъ и святымъ мѣстамъ русскимъ; пришелъ и въ Сибирь, увлеченный подвижничествомъ къ уединенію. Въ Кяхтѣ, при соборѣ, исполнялъ онъ должность пономаря. Благочестивая и добродѣтельная жизнь и тогда уже привлекала общее вниманіе и уваженіе, а когда черезъ нѣсколько лѣтъ открытъ былъ его центральный скитъ, въ кяхтинскомъ купечествѣ нашлось довольно лицъ, пожелавшихъ оставить въ потомствѣ память о подвижничествѣ знакомаго отшельника, и довольно денегъ, чтобы, уговоривъ его, выстроить на мѣстѣ скита монастырь. Самъ Надеждинъ остался въ немъ монахомъ, подъ именемъ Варлаама, и умеръ тамъ въ 1840 году. Религіозное настроеніе кяхтинскихъ купцовъ, сильно возбужденное этимъ человѣкомъ, послѣ его смерти не охладѣвало до новаго кризиса въ скромномъ быту Забайкалья.

Вскорѣ послѣ смерти Варлаама прибылъ въ ту же Кяхту монахъ Израиль, посланный изъ Россіи въ Сибирь на исправленіе, на житье, человѣкъ лѣтъ около сорока, статной осанки. До сихъ поръ помяты въ Кяхтѣ его вдохновенные глаза, выраженіе смиренія и святости на лицѣ, тонкія руки, его краснорѣчивыя, глубоко западающія въ душу бесѣды и его образованность. Въ обществѣ много толковалъ онъ о портѣ православія, раздражался противъ корыстолюбія священниковъ, указывалъ на отступленія ихъ отъ истинъ Христова ученія; онъ говорилъ, что возвышенное ученіе Спасителя затуманено обрядами. Видя ослабленіе вѣры, а въ силу того и умноженіе грѣховъ между людьми, милосердный Богъ, для исправленія

того, что испорчено, во второй разъ прислалъ на землю Единороднаго Своего Сына и онъ-то, дескать, Израиль, и есть тотъ сынъ Божій. Евангельскія сказанія старался онъ уподобить и приравнять къ своей личности и событіямъ изъ собственной жизни. Одну молодую особу называлъ богородицею, другую Марією Магдалиною, одного старца называлъ спасителемъ. Израиль нашелъ послѣдователей не только между монастырскими учеными (какъ было сдѣлано имъ въ Россіи), но и между купцами (какъ случилось въ Кяхтѣ и Верхнеудинскѣ). Собирались онъ ихъ и въ Кяхтѣ для религіозныхъ обрядовъ, въ домѣ одного купца, во всего чаще въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ его въ санѣ архимандрита успѣли сдѣлать настоятелемъ. При немъ монастырь быстро обстроился, какъ бы невидимою десницею. Прекрасныя зданія встали на мѣсто старыхъ лачугъ. Здѣсь-то онъ давалъ полнѣйшія толкованія о второмъ явленіи Христа и о новомъ заковѣ. Здѣсь-то, говорить, онъ велъ немонашескую, вѣщомудренную жизнь; все это обратило на него вниманіе правительства и Израиль, за связь съ купчихою и за ересь, сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь (гдѣ и умеръ въ 1863 году). Секта распалась; теперь нѣтъ ея и слѣда. Въ 1836 году С. В. Броневскій, генераль-губернаторъ Восточной Сибири, объѣзжая вѣтренный ему край, въ Верхнеудинскомъ острогѣ видѣлъ „еретикомъ Израилемъ произведенныхъ изъ смѣльныхъ святыхъ, облеченныхъ въ бѣлые стихари, съ голубыми поясами и въ волосахъ на подобіе Иисуса. Онъ самъ и послѣдователи его имъ благоговѣнно поклонялись въ ноги. Многочисленные ожидали въ острогѣ рѣшенія участи“.

Въ Западной Сибири (въ Тобол. губ.) распространялъ хлыстовщину (лугинскую вѣру) крестьянинъ Частозерской волости, деревни Денисовой, Лугининъ. Онъ долго бѣгалъ на Уралѣ и, вернувшись, выучился собираться въ одинъ домъ, чествовать мужика за Христа, дѣвку—за Богородицу. Ее пеленали и сажали въ сторону къ востоку, сами бѣгали кругомъ кадки и на голосѣ гѣлы; „По водѣ хлещу, Христа пишу; встань Христось, растанись Христось, выйди Христось наружу—дай денегъ на нуку“. Со смертію Лугинина вѣра пала въ деревнѣ Щетниковой (въ 1824 г.), а началась въ Курганскомъ округѣ (д. Межеумная), Ялуторовск. (д. Семенова и Менщикова) и Омскомъ (Русина, Черновая, Шипицына).

Суботники также не дѣлаются здѣсь, на каторгѣ, православными и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нерчинское начальство принуждено было запрещать сношеніе суботниковъ съ евреями и не дозволить браковъ суботницъ - поселенковъ съ евреями - поселенцами (какъ, напр., судя по архивнымъ дѣламъ, запретило таковой поселеннѣ Худеировой, желав-

шей сочетаться бракомъ съ еврейк Юсиповичемъ). Въ селѣ Удырь (по почтовому Читинскому тракту) субботники молятся по русски, но въ Христа не вѣрятъ, ожидаютъ Мессію; на молитвахъ прикрываются саваномъ и называютъ его по еврейски талесомъ; привязываютъ также во время молитвъ скривали съ заповѣдями на лобъ и также носятъ на плечахъ, вмѣсто жилета, цыписъ. Женщины бреютъ головы и обрѣзание привязается за обычай и за символъ примиренія. Жидовскія почитаютъ братьями и не гнушаются ѣсть съ ними изъ одной чашекъ. По Сибири они живутъ разсѣянно, по кое-гдѣ и группами (какъ, напр., въ Томской губерніи и въ окрестностяхъ Иркутска). Пропаганда ихъ не сильна; вѣра, рекомендующая жидовскую молитву и жидовскіе обычай и пищу, и въ Россіи не пользуется особыми успѣхами, а въ Сибири объ ней даже рѣдко слышались *). Въ Сибири, и то преимущественно въ каторжныхъ мѣстахъ, сильнѣе выразилась пропаганда духоборцевъ; впервые появились они на каторгѣ въ 1800 г., послѣ указа, повелѣвающагосылать въ вѣчную каторжную работу изобличенныхъ въ духоборческой ереси и отвергающихъ высшую власть на землѣ.

Нѣкогда пропаганда духоборцевъ была сильно развита по ссыльному Нерчинскому краю. Теперь, напуганная, она ослабилась, но несравненно сильнѣе пропаганды субботниковъ и усилѣннѣе таковой же сконцовъ. Обязательства взаимной помощи и содѣйствія, выражающіяся въ денежныхъ пособіяхъ и братской любви—достаточныя приманья для людей, совершенно безпомощныхъ и обнищавшихъ. Милосердіе къ несчастнымъ и обязательное участіе ко всѣмъ изъ своихъ дѣлаютъ изъ секты молоканской и духоборческой привлекательный пріютъ и надежную утѣху, на манеръ нѣмецкой канки, столь сильно и мощно распространенной по цѣлой Россіи. Какъ всѣ чужеземцы на чужбинѣ и какъ иностранцы въ Россіи, духоборы въ Сибири стараются жить общинами, группами и не тяготеютъ даже житьемъ на дальнемъ Енисей въ сосѣдствѣ сконцовъ и по близости Туруханска, потому что община помогаетъ жить съ достаткомъ. Немного опечалились и потеряли тѣ изъ духоборцевъ, которые разсѣянно жили по Нерчинскимъ руд-

*) Въ Западной Сибири, именно въ Петропавловскѣ, уличены были нѣкоторые изъ солдатъ (Аристовъ и Соловьевъ), «праздновавшие сврейскую пасху». Въ субботу не работали, во Христа не вѣрили, постовъ не соблюдали. Причастившись въ полковой церкви, выбросили причастіе. Изъ арестовали, произвели слѣдствіе и сослали въ дальніе батальоны. Сына Аристова опредѣлили въ Омскій полубатальонъ кантонистовъ, дочь—на тамошнюю казенную суконную фабрику. Закѣченъ былъ также въ Солтараиской волости одинъ изъ сосланныхъ чиновниковъ, дочитавшійся по книгамъ Ветхаго Завета до сожительства этого же рода.

никамъ и, послѣ наказанія за усилѣнную пропаганду между каторжными и между вольными крестьянами и купцами, были сосланы изъ Чабучей съ Аргуни на Енисей въ Туруханск (Мивигиновъ съ нѣкоторыми товарищами). Подвліяніемъ ихъ, а еще больше при ловкости четырехъ главныхъ (Хабарова, Ярошенко, Кудрявцева и Алексѣева), община духоборцевъ въ Забайкальѣ росла. Одинъ Кудрявцевъ съужилъ подвести подъ военный судъ за ересь 8 чело-вѣкъ служителей, превращенныхъ потомъ въ солдатъ. Нѣкто Ярошенко умѣлъ совратить и многихъ каторжныхъ—людей холодныхъ и совершенно извѣрившихся. Убѣжденія влагались до того глубоко и твердо, что когда уличенныхъ призывали на церковный судъ, они со смѣлостью и рѣшимостью говорили за свою вѣру и дѣйствовали по ея принципамъ.

Каторжные не шли къ священнику на исповѣдь и говорили, что „они дѣлаютъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требуютъ будутъ, исполнять не откажутся и они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называютъ Евангеліе и крестъ, потому что они дѣлаютъ руками“.

Служителя горные говорили подобное же, но дѣйствовали еще рѣшительнѣе; одинъ изъ служителей (Кутинъ), позванный на судъ въ соборъ, прошелъ по церковной паперти въ шанкѣ и рукавшахъ, которыхъ не слылъ и въ то время, когда былъ позванъ въ духовное правленіе передъ зеркаломъ, говоря, что „все это есть писано руками чело-вѣка“.

Это были духоборцы, сосланные въ нерчинскій заводъ. Здѣсь они упорно не соглашались трудиться, не входили въ обязательства работы, какъ въ Россіи отданные въ солдаты не принимали ни амуниціи, ни провіанта. За упорство изъ нерч. зав. велѣно было сослать на Селенгинскій солеваренный заводъ. Когда въ Астраханской губерніи, въ 1802 г., духоборцы попробовали цѣлыми толпами съ шумомъ выступить на торжище и явно говорить о своей вѣрѣ, главныхъ изъ нихъ сослали въ Кому.

Одинъ изъ обращенныхъ въ секту духовныхъ христіанъ смыльнымъ, а именно Нероновъ, когда никого не было въ церкви, сорвалъ со стѣны иконы и бросилъ на полъ. Подождавшему дьякону онъ говорилъ: „Вотъ ваши боги, идолы! идя—молись, а если они святые, то пусть-ка встанутъ“ (на судѣ онъ самъ подтвердилъ показаніе дьякона и свидѣтельство-валъ о томъ, что сказалъ такіа слова съ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти).

Въ Лоншаковѣ (старомъ, близъ Шилкинскаго завода) на Шилкѣ, нѣсколько новообращенныхъ изуродовали образъ Богоматери и выкололи ей глаза. Въ нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ таковыхъ же расколотый на двое обра-

зобъ (обѣ половинки) положили въ сапоги вмѣсто стелекъ и ходили такъ. Наказали этого, были кнутами и лошаковскихъ отступниковъ: Кухтина прогнали сквозь строй два раза черезъ 500 человекъ; служителя Суходолина, наказаннаго кнутомъ и признаннаго негоднымъ къ военной службѣ по годамъ (41), велѣли поселить далеко на сѣверѣ между некрещеными инородцами; Кудрявцева, Алексѣева и Хабарова гоняли сквозь строй и также угнали въ тундру. Такія рѣшительныя мѣры пріостановили пропаганду; проповѣдники замолчали, новообращенные притаились по деревнямъ и рудникамъ. На время стало духоборство какъ будто поменьше, но за дѣйствительное уменьшеніе числа ихъ ни одно изъ нерчинскихъ начальствъ въ будущемъ поручиться не могло.

Въ предѣлахъ Западной Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя смежны съ Россією и отличались всегда сильною воспримчивостью ко всевозможнымъ ученіямъ, духоборчество также нашло себѣ пріютъ и послѣдователей. Въ прошломъ вѣкѣ 11 дошовъ въ дер. Гилевой и Петелиной (около Ялуторовска въ волости Томиловской) перестали молиться иконамъ и за то прозваны были народомъ немолыками, духовенствомъ — нежертвенными, правительствомъ — иконоборцами, смелниками чиновными и щельяниками — охохонцами. Эти исповѣдники стали толковать и вѣрять, что вѣшняя молитва не нужна, она даже запрещена св. писаніемъ; съ 8-ой тысячи лѣтъ бывшая наружная молитва пропала, потеряла силу; Богъ не требуетъ ни свѣтъ, ни ладону, ни другихъ приношеній, не нужно и крестнаго знаменія, а съ нимъ и за нимъ и церковей; молитва престанно должна быть въ сердцѣ, а сердце — храмъ, украшеніе его — доброе житіе. Молиться надо непрестанно, а потому на работѣ, въ дорогѣ всегда твердятъ про себя какое либо мѣсто св. писанія. На молитву собираются въ ябѣ, садятся въ кружокъ, одинъ читаетъ книгу (Виблю, Маргаритъ, Ефрема Сирина, Златоустаго, Псалтырь), всѣ другіе слушаютъ и вздыхаютъ: „Охъ-охъ-охъ!“ Въ 1821 году въ деревнѣ Гилевой завялились настоящіе духоборцы: свадебѣ не дѣлали, дѣтей не крестили, иконы занавѣсили и перестали ихъ молиться. Въ 1850 годахъ въ д. Кушовой Ишимскаго окр. въ шести домахъ и въ дер. Кривошековой въ двухъ домахъ иконы вынесли совсѣмъ; стали побранивать молokane; стали толковать, что если-де у кого разумъ, тотъ и самъ исправится безъ всякихъ таинствъ; читать не нужно. Стала наблюдаться чистота и опрятность, какъ религиозное обязательство; грязными руками конша не возьмутъ и даже не прикасаться его фарукомъ, а позвать другого съ

чистыми руками, если не успеютъ сами вымыть свои. Праздники перестали чтить, стали работать, а слѣдомъ затѣмъ начали ихъ соуды рассказывать, что и въ день Христова Воскресенія считаютъ необходимымъ хотя топоромъ три раза ударить въ уголъ избы, чтобы доказать свое мѣвнѣе. Вдохновляли поселенецъ, котораго засадили въ острогъ и сослали по суду, духоборство прекратилось, но слѣдомъ за тѣмъ въ дер. Гагарей почти всѣ жители выбросили иконы и перестали принимать поповъ.

Количество молokane въ Сибири увеличилось по поводу поселения ихъ въ такомъ отдаленномъ краю, какъ Амуръ (близь г. Благовѣщенска, на рѣкѣ Зеѣ) и по причинѣ сознательнаго и фактическаго стремленія оставшихся въ Россіи приселяться доброю волею къ тѣмъ, которые высланы были въ Сибирь по выбору и назначеніямъ мѣстнаго начальства. Въ среду молokaneскихъ общинъ присылались, по временамъ, даже и такіе ловкіе ловцы въ челоуѣцѣхъ, какимъ являлся, напримѣръ, между мнусинскими молokaneами знаменитый основатель секты „общихъ“, Михайло Акинфѣевъ Поповъ. Челоуѣкъ этотъ разъ уже роздалъ все богатое имущество свое, еще живя въ Самарской губерніи, и надѣлалъ имъ своихъ бѣдныхъ шабровъ (сосѣдей), чтобы, по слову писанія, гласящаго, что „все вѣрныя живаку вкупѣ и имѣху вся обща“, возстановить древнюю христіанскую гонимую общину и такимъ путемъ очистить молokaneство, блуждавшее, по смерти Уклена, во тѣмъ сомнѣній и съ крупными задатками разложенія. Этотъ же Михайло Акинфѣевичъ, сосланный на Кавказъ, съужблѣ и тамъ, не умудренный наказаніемъ и ссылкой, сладить такую же оригинальную общину на общемъ трудѣ по способу всевозможныхъ религіозныхъ и экономическихъ коммулъ. Вторая ссылка (въ Шушу — волость Мнусинскаго округа Енисейской губерніи), при большемъ просторѣ пропаганды, не съужблѣ сойти его съ пути апостольства и не оставила его безъ слушателей, а стало быть и послѣдователей *).

Въ Акатуй, въ торьжѣ, жилъ прикованнымъ на цѣпь нѣкто Маскениковъ, новая жертва собственныхъ религіозныхъ убѣжденій. Въ рудникахъ онъ отутлился за проповѣданіе старой вѣры до-иконоискскихъ обрядомъ, каковую втолковывалъ и здѣсь товарищамъ осмыленнымъ. Онъ успѣлъ совратить такъ много, что начальство обратило на это вниманіе, посадило проповѣдника на цѣпь, приковало къ стѣнѣ въ одиночномъ казематѣ, давало ограниченную дачу воды и лѣбба и только по праздникамъ при-

* Въ западной Сибири извѣстны духоборцы въ Поповской волости Омскаго округа (деревня Мотарова и Ватенинская), а молokane въ томъ же округѣ въ волостяхъ Барасутской, Кобырдатской и Юдинской (почти всѣ жители).

варокъ. Масленниковъ и на цѣли продолжалъ возставать на господствующую вѣру. На судѣ велъ себя со смѣлостью, какъ глубоко убѣжденный, и цѣлымъ протрокотъ наполнилъ такими данными, что и слѣдователю пришлось надъ нимъ задуматься и смотрѣть на подсудимаго, какъ на человѣка изъ ряду вонъ. Погубили его только нѣкоторые дерзкія словесныя выходы.

Старовѣръ Гурій Васильевъ, посланный за расколъ изъ Екатеринбургa и поселенный въ Удинскомъ округѣ, сговорилъ двухъ товарищей и вмѣстѣ съ ними бѣжалъ на Амуръ, который тогда еще не былъ русскимъ. Въ пещерѣ на р. Урсѣ онъ провелъ цѣлую зиму, какъ въ молитвенномъ скитѣ, но былъ схваченъ манчжурами и выданъ въ пограничной крѣпости нашей на Аргуня; въ нерчинскомъ заводѣ его наказали и опять водворили въ томъ же Забайкальскомъ округѣ. Оттуда Гурьевъ опять убѣжалъ на Амуръ, опять лѣтомъ схваченъ и опять выданъ. На этотъ разъ въ нерчинскомъ заводѣ его били плетью и написали въ каторжныя работы. Черезъ четыре года послѣ того, при первыхъ признакахъ возможности, онъ въ третій разъ бѣжалъ на Амуръ и въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Питаясь кореньями, дичью и рыбою, онъ жилъ въ скитѣ еще одну зиму, но, боясь старыхъ исторій, попылъ искать большаго уединенія дальше по Амуру. Это сразу ему не удалось; удалось потомъ позже попасть черезъ весь Амуръ въ Охотское море, по нещъ, на маленькой лодочкѣ, къ устью рѣки Тугура и оттуда, черезъ шесть лѣтъ послѣ послѣдняго бѣства, явиться въ Удскій островъ, въ мѣсто истиннаго уединенія. Только такими острыми средствами и притомъ принятыми съ твердостью и настойчивостью, этотъ старовѣръ исцѣплялъ самъ себя отъ жестокой болѣзни и уже больше не бѣгалъ и уединенія не искалъ.

Вотъ два пациента собственно каторжной больницы душевныхъ болѣзней, взятые какъ образцы, рисующіе болѣзнь въ специальномъ видѣ въ одиночно-взятыхъ субъектахъ. Но вотъ эти болѣзненныя и цѣлыми массами и также не исцѣленные.

Въ Алтайскій горахъ, какъ извѣстно, въ 1765 году разселена была часть тѣхъ старообрядцевъ, которые присланы были въ Сибирь изъ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободъ, лежавшихъ тогда за литовскимъ рубежемъ. Живутъ они на югѣ Кузнецкаго округа къ сторонѣ Бійскаго округа. Народъ зажиточный, отличающийся замѣчательными хозяйственными способностями, но для насъ на этотъ разъ поучительный въ томъ отношеніи, что за старую вѣру стоятъ крѣпко и притомъ съ такою замѣчательною ревностью, каковой немного приимѣровъ и въ Россіи. Селами ихъ не безъ

стѣсненій; дальнѣйшую жизнь не возмogli проводить безъ прѣжимокъ, преслѣдованій и вымогательствъ всякаго рода. Выстрадать привелось многое, немало повидать и соблазновъ на случай обращенія въ православіе. Но не смутили люди, не смутили и льготы: алтайскіе старообрядцы стужили и въ жизни сохраняли приемы древле-русскихъ обычаевъ, хотя и зовутъ себя поляками. Такъ, напримѣръ, они еще до сихъ поръ бредутъ врозь со старинному и оживляютъ дикія и глухія алтайскія мѣста новыми выселками. Село Алтайское уже отличается многолюдствомъ. Сюда пожелалъ пріѣхать къ нимъ для поученія тобольскій архіерей Аванасій, а потому послалъ впередъ священника провѣдать о томъ, насколько они согласны будутъ послушать его и какъ его примутъ съ походною церковью. Передовой вернулся и сообщалъ такіе отвѣты.

— Христосъ висѣлъ на крестѣ не со щепотью, (одни говорили), а съ нашимъ двуверстнымъ крестомъ и всему міру показавъ свой истинный крестъ и апостоловъ благословилъ этихъ креститься до конца вѣка, съ тѣмъ и на небо вознесся, а Никонъ патриархъ переимѣну сдѣлалъ.

— Никонъ (говорили другіе) помучилъ и порудилъ вѣру Христову и Христовъ крестъ переимѣнилъ, ввелъ щепоть, бритоусіе и проч., а потому-де архіерее слышать не хотимъ.

— Мы отъ священства не отбѣжны (отвѣчали третьи), а мощеть, кого дома не случится... Опять другого силой молиться не заставимъ. Куда пойдеть отецъ-владыка, мы повеземъ; гдѣ будетъ служить, мы посмотримъ; будетъ учить, послушаемъ! Для чего не послушаемъ?!

Четвертые велили отвѣчать такъ:

— Мы надобности не имѣемъ видѣть его просвященство, а если ему угодно пріѣхать, мы встрѣтимъ и проводимъ; мы и корчменныхъ встрѣчаемъ и провожаемъ. Кто хочетъ смотрѣть, смотри, а мы видали.

Вторая партія (и самая значительная), также выгнанная изъ бѣлорусскихъ лѣсовъ Могилевской и Черниговской губерній, прошла дальше, на юго-востокъ Сибири, и теперь въ людныхъ, веселыхъ и богатыхъ селеніяхъ живетъ въ западной половинѣ Забайкалья, въ горахъ, тремя волостями. Самъ себя эти старообрядцы называютъ также поляками, но у русскихъ сибиряковъ извѣстны болѣе подъ именемъ „семейскихъ“, такъ какъ пришли сюда семьями въ разные годы (первая партія въ 1755 году, вторая въ 1768 году, третья въ 1780 г.). При сытой и обезпеченной жизни и при нѣкоторой свободѣ ея (въ послѣднее время), эти семейскіе выродили въ людей замѣчательно крѣпкаго и красиваго телосложенія, а женщины поражаютъ красотой лица и чародействомъ. Сибиряки, хотя и прозвали ихъ „двурогими“

выми сынами“ (за довольно вѣрную и примѣтную особенность), далеко уступаютъ имъ въ дородствѣ и силѣ. Женщины вольны на словахъ и на дѣлѣ, мужчины отличаются всё до одинаго бойкостью языка и свободою въ разговорахъ. Про Россію и про своихъ тамъ единовѣрцевъ знаютъ всю подноготную, не теряя общеній и сближеній. Сами по себѣ остались вѣрны старой вѣры и старымъ обычаямъ; въ единовѣріе успѣли перейти изъ нихъ только тѣ, которые поселены на р. Чикой, небольшое число въ селеніи Тарабагатаѣ, а больше нигдѣ. Иконы получаютъ изъ Екатеринбурга и тамъ писанныя; въ церковныхъ книгахъ чувствуютъ недостатокъ. „Въ Иркутскѣ хвастаются, что тамъ-де у архіерея напихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свежешъ; все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали попы и всякій, кому и не надо“. Издавна отнимали все завѣтное и наговаривали на нихъ всякія непоходошія злодѣянія. При всемъ этомъ семейскіе устояли на своемъ съ примѣтною твердостью и цѣльностью.

Въ 1812 году отняли у нихъ бѣлаго попа (Ивана Петрова, въ Куналейскомъ селеніи) и они руководились безъ него бабами и начетчицами, но безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Ходоки съѣздили въ Москву, добыли тамъ попа, охотливого и рѣшительнаго, въ 1840 году. Попъ этотъ крестилъ младенцевъ, благословлялъ новоженоевъ и погребалъ умершихъ. Совершить онъ обрядъ и спрчется. Начальство прознало, стало слѣдить, искать, нашло уже и мѣсто его пребыванія, но семейскіе успѣли спрятать его въ горахъ и рѣшились не выдавать. Пришелъ генералъ Безопасиковъ съ войскомъ и съ приказаніемъ взять попа силою. Старообрядцы сначала не испугались, но когда главнѣйшихъ изъ нихъ, окруженныхъ толпою, солдаты вывели въ поле и какъ въ бунтовщиковъ прицѣлились изъ ружей и направили дула, всё упали на колѣни и обѣщали выдать попа. Увели генерала въ въ горы. Въ горахъ попа отдали, но опять заболѣла таю же болѣзнью: опять безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Снова семейскіе послали ходоковъ въ Россію и снова получили въ 1850 году новаго попа, но на этотъ разъ изъ Калуги. Начальство опять узнало о томъ и опять пустилось на поиски. Засѣдатель, узнавъ отъ шпіоновъ, что попъ такого-то дня пойдетъ тайною и скрытою дорогою, засѣлъ въ кустахъ и попа выждалъ, схватилъ, связалъ, отдалъ своимъ провожатымъ, а самъ поѣхалъ въ Вичуру, куда впередъ его поспекалъ верховой (говорятъ, одинъ изъ его провожатыхъ), который и разсказалъ въ селѣ бывальщину о попѣ и засѣдателѣ. Когда самъ засѣдатель показался въ гарантасѣ на улицѣ, нѣсколько сотенъ народа броси-

лось на него, вытащили изъ экипажа и, влача по улицѣ, били, мучили, насмѣлялись надъ нимъ разными способами. Приведа засѣдателя въ избу и угрожая ему смертию, они вымогли у него приказъ отпустить попа. Сторожъ, видя приказъ написаннымъ дрожащею рукою, не хотѣлъ попа отдать. Послѣ того опять всё накинулись на засѣдателя, но на этотъ разъ одинъ изъ стариковъ оборонилъ его. Засѣдатель написалъ второй приказъ, по которому попа освободили, но самого засѣдателя старо-вѣры заперли въ склепъ. Эстафета, извѣщающая о событіи, убѣжала въ Иркутскъ, самъ Муравьевъ-Амурскій пріѣхалъ въ Вичуру, ласково поговорилъ со старо-вѣрами, склонилъ на отпускъ засѣдателя и на выдачу попа; самыхъ виновныхъ строго наказалъ. Попа посадили въ иркутскій монастырь, но въ 1860 году старо-вѣры эти говорили намъ: „Намъ безъ попа стало опять жить не можно; опять попа надо выискивать, а надъ прежнимъ помошь твори Богъ волю Свою“...

Вичурское дѣло на нашей памяти завершаетъ цѣлый рядъ такихъ дѣлъ, въ которыхъ, съ одной стороны, высказывается, на сколько смысла не повліяла на дѣла вѣры сосланныхъ, а съ другой стороны, выясняется взглядъ на то же начальство и способы, нимъ употребляемые, изъ которыхъ, можетъ быть, только послѣдній былъ всёгъ ближе къ цѣли. Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; тѣмъ глубже въ прошедшее, тѣмъ неопровержимѣе та истина, что сосланные по дѣламъ вѣры ссылкой не только не исправлялись, но даже приводимы были еще въ большее ожесточеніе и упорство. Въ этомъ отношеніи даже замѣчательно, что смыслные люди были первыми проповѣдниками раскола и насадителями ученія, которое велитъ держаться всего стараго, начиная съ креста и книги и кончая бородою *).

Въ то же время, когда начался въ Россіи расколъ, началась и ссылка въ Сибирь раскольниковъ и, разумеется, самыхъ упорныхъ изъ нихъ. Сибирь нашли они безъ церквей и священниковъ, населеніе разбросаннымъ по причинѣ той быстроты, съ которою разлилось оно по обширной странѣ и разселилось по ея широкимъ, многоводнымъ и привольнымъ рѣкамъ**).

*) Старую икону смыслные старо-вѣры старались внести между нераскольниками и, судя по архивнымъ памяткамъ, нанчаще записывались въ цѣхъ иконописцевъ. Указомъ 1845 г. это было запрещено.

***) Быстрота, дѣйствительно, изумительная: въ 1686 г. основанъ Тобольскъ и Тюмень, черезъ 6 лѣтъ (1692) Целимъ, въ слѣдующемъ году Верезонъ и Сургутъ, въ слѣдующемъ (1694) Тара, затѣтъ (1695) Нарымъ и Кетскъ, черезъ три года (1698) Верхотурье, 1600 Обдорскъ и Мангазея, Туринскъ въ 1601. Черезъ 18 лѣтъ русскіе были за Барабинскою степью: въ 1604 основанъ Томскъ, въ 1609 году они уже на устьяхъ

Во сто лѣтъ, предшествовавшихъ появленію въ Сибири старообрядцевъ, занята была вся обширная сѣверная пустыня. Когда жилъ въ Тобольскѣ передовой изъ нихъ и самый ревностный проповѣдникъ, протопопъ Аввакумъ, передовые казаки съ Хабаровымъ пробрались на Амуръ и строили на его берегу Албазинъ. Во сто лѣтъ русское племя успѣло уже достаточно укрѣпиться, освоиться и завести свои порядки. Расселилось оно съ тѣми пріемами, какъ населился и сѣверъ Россіи, тѣми же людьми новгородскаго происхожденія, но съ тѣмъ отличіемъ, что на этотъ разъ промышленные люди и казаки шли одни, безъ существенной помощи и поддержки, которая на сѣверѣ Россіи выразилась въ содѣйствіи монастырей и отшельниковъ, благочестивыхъ людей, которые умѣли закрѣплять пріобрѣтенныя мѣста новыми поселеніями, едва ли не болѣе прочными, чѣмъ поселенія промышленныя. На сѣверѣ Россіи едва скоплялась слобода, какъ уже являлась въ числѣ первыхъ сооруженія и церкви, а при ней поль. Въ Сибири прежде слободы сооружался острогъ въ дикихъ и непроходимыхъ лѣсахъ, окруженный ровомъ въ сажень глубиною, въ двѣ шириною, затѣмъ землянымъ валомъ и защищенный частоколомъ изъ заостренныхъ бревенъ по угламъ съ 4-мя бойницами. Около рва, на осадное время, насыпался рядъ чеснока (погулекъ о 3 и 4 снцахъ) сначала деревяннago, а за нимъ желѣзнаго, сдѣланнаго изъ коньцовъ со стрѣлъ. Брошенный на землю чеснокъ становился на двѣ ножки, двумя другими торчалъ вверхъ, затрудняя приступъ. На частоколѣ становились колья, куда клали смоловую лучину для освѣщенія ночью. Палисадъ защищалъ нѣсколько деревянныхъ избушекъ, нерѣдко землянокъ, нѣсколько лавокъ и высокой раскатъ, срубленный посреди острога, изъ котораго стрѣляли изъ пушекъ; тутъ же былъ и колодезь, отъ котораго на четыре стороны шли желоба, чтобы, на случай пожара, у каждой стѣны была вода. Здѣсь надо было, среди непріязненныхъ сосѣдей, отстаивать сначала свою жизнь отъ стрѣлъ и голодной смерти, упрочивать за собою занятое мѣсто, чтобы вскорѣ потомъ, по указу разгнѣвавшихся воеводъ и атамановъ, уходить искать новые земли и строить новые остроги. Въ нихъ, вѣсто церкви, являлась часовня и нерѣдко далеко послѣ всѣхъ другихъ сооруженій. О поспѣ на первыхъ порахъ и помину не было. Казаки и промышленные люди, вооруженные ружьями, ножами и топорами, по временамъ гада на себѣ ржавую пушку, продавались сквозъ трещи мрачныхъ и густыхъ Енисея основали Туруханскъ, въ 1619 на Енисей Енисейскъ, въ 1632 на Локъ Якутскъ, вскорѣ на Ангарѣ въ 1652 Иркутскъ, въ 1696 русскіе были уже въ Камчаткѣ. Съ небольшимъ во сто лѣтъ занята одна изъ громаднѣйшихъ странъ въ свѣтѣ.

тайговыхъ лѣсовъ или, доверившись утлой ладѣ, неслись по рѣкамъ, пытались проникнуть въ невѣдомыя страны. Пораженные видомъ русскихъ людей съ бородами, которые не боятся смерти, лѣзутъ на коня и стрѣлы, горсть нападаетъ на силу втрое большую, — туземцы или добровольно сносили мѣха и всагъ всякаго рода, или на встрѣчу чужеземцевъ высылали стрѣлы и выходили сами съ боемъ. Но и тогда, какъ казаки остававались острогомъ, дикари не переставали выснаживать наѣдами и всякою хитростью, какая только могла быть доступна неразвитому, но озлобленному уму. Стрѣлы не вредили людямъ въ дослѣдствѣ, а казачьи пули клали на смерть дикарей, которыхъ оставалось одно: назвать пришельцевъ „лоча“ (гѣшшии). Безъ огнестрѣльнаго оружія, безъ всякой организаціи, дикари, однако же, уступили и наконецъ передъ ничтожною горстью казаковъ, шедшихъ шайками изъ сотни либо полусотни человекъ, и видѣли, какъ рубятъ атамановъ, сѣкутъ и рубятъ остальныхъ и бѣгутъ къ князья и владыкѣмъ. Эти сотни и полусотни, вращались волками промежду туземныхъ жилищъ и пробирался лѣсами, утоптали первые слѣды историческаго грунта Сибири и проблаги тропы для цивилизаціи. Гдѣ можно было удержаться отъ боя, пришельцы брали лѣстою и уговоромъ. Черезъ толмачей, которыхъ всегда брали съ собою, говорили сибирскимъ туземцамъ: „Нашъ государь-царь силенъ, и великъ и страшенъ, но милостивъ и праведенъ, кровей не искатель. А у государя въ одномъ сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей много множество, къ ратному дѣлу навмачныхъ, а бьются они, не щадя головъ своихъ“. Обросшій волосами и зачерствѣлый отъ трудовъ и необычныхъ походовъ, сибирскій казакъ горѣлъ одною страстью грабежей и завоеваній, привыкъ къ приключеніямъ въ лѣсахъ, степяхъ и льдахъ; закаленный морозами, онъ уже былъ безразличенъ ко всему, кромѣ жажды стяжаній. Изнашивая наслѣдственныя свойства, пріобрѣтенныя на родинѣ, сибирскіе пришельцы изъ Россіи поступались ими, въ силу обстоятельствъ и ради корысти, въ виду новыхъ туземныхъ, вліявшихъ неотразимо и настойчиво. Износили казакъ одежду, сталъ наряжаться по сибирски; оладѣлъ къ вѣрѣ, сталъ заражаться азыческою туземною, къ восприятію каковой и безъ того мягкая почва, сверхъ того, была еще сильнѣе разрылена и еще болѣе приспособлена.

Когда, черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ построения Тобольска, въ немъ была открыта епископская кафедра (30-го мая 1621 г. прибылъ первый сибирскій архіерей), когда, такимъ образомъ, представилась возможность повѣрки тѣхъ религіозныхъ убѣжденій, при какыхъ оказались въ Сибири прошедшіе изъ Россіи люди, — много представилось въ ужасномъ видѣ. Казаки,

увлеченные завоеваниями и промысламъ, успѣвшіе ознакомиться съ туземцами и войти съ ними въ ближайшія сношенія, оказались задичавшими почти до уровня тѣхъ же дикарей-язычниковъ. Уже въ 1622 г. извѣстно было на Москвѣ, что сибиряки не носятъ крестовъ, не соблюдаютъ постовъ, ѣдятъ всякую скверну, живутъ съ некрещеными женами, кумами и сестрами своихъ жемъ (своиченицами). При отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя тѣмъ выкупить, женятся на другихъ. Какіе успѣхи завести монастыри, въ тѣхъ обителяхъ монахи и монахини живутъ вѣстовъ или, уходя изъ монастырей, опять живутъ въ мирѣ. Сами духовные потворствуютъ всѣмъ новостямъ порицаемъ, какіе завели русскіе люди въ новой странѣ: умыканіе (воровство) невѣсть, многоженство, отчужденіе отъ церкви. Уже отъ простыхъ служивыхъ людей начинали слышаться дерзкія рѣчи противъ уставовъ церкви (одного Сургутова думали даже смеять за то живымъ въ самомъ Тобольскѣ), уже многіе и въ самомъ епископскомъ городѣ (по свѣденіямъ 1649 г.), вмѣсто духовныхъ лицъ, стали обращаться къ „чародѣямъ и волхвамъ и богомерзкимъ бабамъ“. „Въ дома пуцають и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія вонкихъ православныхъ христіанъ отлучаютъ“. Между тѣмъ, наличное духовенство о себѣ своей не заботилось, думая больше о пастѣ и усаждадая себя „грѣховнымъ и вельнымъ пьянствомъ“, такъ что митрополитъ сибирскій Павелъ (въ 1681 г.) принужденъ былъ отбирать въ архіерейскую кладовую всѣ церковныя суммы въ опасенія, чтобы иконы и церковники, бражничая вмѣстѣ со старостами и раздавая казну въ частныя долги, не растратили ее вовсе.

Не останавливаясь пока на объясненіи тѣхъ безчисленныхъ причинъ, которыя заключены въ самомъ духовенствѣ и въ силу которыхъ расколъ имѣлъ такой успѣхъ въ Сибири, снѣзюшедшей до замѣства, мы не станемъ, изъ боязни повториться, рыскалыватъ объ успѣхахъ такихъ толковниковъ, какъ Аввакумъ, который, живя долгое время въ Тобольскѣ, увлекалъ массы. Все это происходило въ то время, когда самъ архіепископъ сибирскій Савоитъ цѣлый годъ выходилъ подъ запрещеніемъ, не имѣя права служить даже литургію. Не меньшимъ успѣхомъ пользовался сосланный въ 1660 году монахъ Юсифъ Истомина, 24 года странствовавшій съ проповѣдью по сибирскимъ городамъ: Верхотурью, Туринску и Тюмени, гдѣ и теперь значительное число старообрядцевъ. На помощь имъ бѣжали въ Сибирь гонимые тамъ старообрядцы значительнымъ многолюдствомъ. Успѣхъ раскола казался настолько опаснымъ, что стали прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. За тарскими жителями до сихъ поръ со-

храняется отъ старины прозваніе „коловничей“ за то, что прадедовъ изъ искоренителей сильно развившагося раскола за упорство сажали на колъ. Успѣхъ проповѣдниковъ былъ настолько великъ и почва народная до того воспримчива, что когда, за невѣжіемъ дѣйствительныхъ средствъ къ враждебному, прибѣгли къ помощи и содѣйствию вооруженныхъ командъ, раскольники отвѣчали самоубійствами въ формѣ неоднократныхъ самоожженій большими толпами въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Томскомъ и другихъ округахъ. Испуганный успѣхами пропаганды, Петръ I, указомъ 1722 г., принужденъ былъ воспретить ссылку въ Сибирь раскольниковъ и обратилъ ихъ для заточенія въ крѣпость Рогервикъ (нынѣшній Валгійскій-Портъ). Въ итогѣ осталось одно: расколъ усамилъ въ сибирскомъ населеніи подвижность, бродячество и этимъ способствовалъ тому, что, уходя въ лѣса за учителями, сибирскій народъ ладилъ селенія тамъ, гдѣ не могли бы они имѣть мѣста по обычнымъ и заветнымъ приемамъ промышленныхъ людей держаться береговъ главныхъ рѣкъ. Продолжимъ наше наблюденіе за Байкаломъ въ мѣстахъ каторжныхъ, а потомъ обратимся къ мѣстамъ селеній поселеній.

Удержался расколъ старообрядства и до нашихъ дней за Байкаломъ и прибрѣтаетъ новыхъ прозелитовъ, благодаря тому главному обстоятельству, что сибирское духовенство было безсильно бороться съ нимъ—бѣдное нравственными средствами (недавно еще или необразованное или совсѣмъ безграмотное), но богатое средствами матеріальными, на прибрѣтеніе которыхъ, въ ущербъ прямому долгу, тратило и тратило много времени и много силъ *). Значительная часть духовныхъ лицъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи достигла того матеріальнаго довольства, что изъ справедливо называлось богачами, и встала въ то положеніе, когда народъ, и ближній и дальній, начиналъ смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ, какъ на замѣчательныхъ хозяевъ, умѣвшихъ забрать въ свои руки всю окольную торговлю. Въ купцѣ-монополистѣ, вродѣ Кандинскаго, въ хозяинѣ-счастливцѣ, у котораго и лошади и рогатый скотъ ведутся въ великомъ множествѣ, а клѣти трещать отъ избытка сыпного лѣбѣа, въ кладовыхъ сложены сорочки пушного драгоцѣннаго товара—въ такихъ чудодѣяхъ для сибирскаго народа нерѣдко совсѣмъ исчезаетъ безъ слѣда образъ друга, болѣе необходимаго и дорогаго. Не съ желаніемъ руководства и поученій, ради душевнаго спасенія и объясненія грѣховныхъ

*) Какъ образчикъ слабости духовнаго вліянія, представляются, между прочимъ, финны изъ секты скакуновъ, сосланные на поселеніе изъ Ингерманландіи и разбѣянные по Иркутской области:—съ 1859 года они не выдали ни одного пастора. Живущему въ Иркутскѣ приходится объѣзжать 6 тысячъ верстъ, чтобы попасть въ Якутскъ.

сомнѣній, а для того же грѣховнаго дѣла, со шкурами соболой и бѣлокъ для продажи или съ просьбою о денежной судѣ подъ залогъ имущественный, ходять свободные сибиряки къ своимъ духовнымъ отцамъ, не только по многимъ мѣстамъ Сибири, но и за Байкаломъ. За Байкаломъ еще больше, чѣмъ гдѣ либо, духовенство слабо численностью и духовнымъ вліяніемъ на окрестный народъ, во всякомъ случаѣ нѣтъ больше вѣнющей право на духовную помощь и руководство. Здѣсь злодѣи, бродяги и всякій испорченный людъ всего чаще нуждаются въ объясненіи нравственныхъ истинъ, а между тѣмъ, на всѣхъ 1.200 человекъ (въ числѣ еще работавшихъ въ кандалахъ на Карійскіе золотыя промыслахъ) полагался одинъ священникъ и одна церковь, но и тѣ подѣ наметомъ.

Если казна открывала рудное богатство, на этомъ мѣстѣ очень скоро она успѣвала собирать скороспѣлое населеніе и въ числѣ заботъ полагала, между прочимъ, сооруженіе церкви; но или церкви эти являлись настолько малыми, что далеко не вмѣщали въ себѣ всего числа молебщиковъ, либо храмъ освящался тогда, когда рудникъ уже выработался или заводъ оказался невыгоднымъ и непроезжимымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появленіе церкви прямо свидѣтельствовало о томъ, что забота объ исправленіи смысловъ вовсе не входила въ число нравственныхъ обязанностей попечителей. Это мѣсто вѣроятнаго и временнаго успокоенія духа и совѣсти являлось, какъ обязательная и неизбежная принадлежность при селеніи и при священникѣ, который получалъ командировку сюда вмѣстѣ съ причтомъ и ассигновкою жалованья *). Если рабочіе немного родятъ, не часто брачуются, то все же они и умираютъ, а начальство требуетъ отъ нихъ ежегодной исповѣди и причащенія св. тайнъ.

Такимъ образомъ, арстантъ на которѣ только рабочая сила, а въ жизни и быту преступный спитъ на одной койкѣ съ невиннымъ, молодой со старымъ, опытный бродяга со вчера пришедшимъ, и для всѣхъ равно жизнь безъ услады, сомнѣнія безъ разрѣшенія, тоска безъ утѣшенія. Обязательныхъ утѣшителей видятъ

*) Такъ, напримѣръ, Александровскій винокурный заводъ (подъ Иркутскомъ) основанъ былъ въ 1787 году—церковь освящена въ немъ въ 1835. Въ Илгинскомъ заводѣ, въ 1842 году, построена была (разумѣется, деревянная) церковь; въ 1844 году она сгорѣла, а вскорѣ и самый заводъ былъ уничтоженъ. Петровскій желѣзный заводъ построенъ въ 1790 г., а дѣло о церкви въ горномъ правленіи началось въ 1801 году; въ 1760 построенъ Дучарскій серебряный заводъ, въ 1783 началось дѣло о постройкѣ въ немъ церкви въ одно время съ таковою же для Бутомарскаго завода, построеннаго въ 1764 г., и проч.

только при случаѣ смерти товарища и, издали, при проходѣ на работы. Суровое обращеніе постоянно раздражаетъ, беспросвѣтная жизнь становится ташелымъ бременемъ, а безконечныя работы доводятъ до отчаянія. Гдѣ же тотъ человекъ, который умѣлъ бы заглянуть въ прошлое и узнать изъ него о вѣрныхъ способахъ къ исправленію и сокращенію о старыхъ грѣхахъ, гдѣ этотъ человекъ, который внушалъ бы нравственность и все то, что должно служить цѣлью и средствомъ карательныхъ учрежденій? Таковыхъ на которѣ не полагаются вовсе. Вызываютъ зачастую только такіе, для которыхъ эти высокія цѣли совсѣмъ не понятны или вовсе не доступны, особенно, если остановились на дальнихъ мѣстахъ заточенія, каковы интересующіе насъ верхніе рудники и заводы. Вызвали тамъ и совсѣмъ безнадежные люди, о которыхъ аривныя дѣла и народная память сохранили такіе факты.

Вотъ два аривныхъ и судебныхъ факта, которые нарочно мы беремъ изъ двухъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другого заводовъ. Между обоими событіями легло разстояніе 20-ти лѣтъ.

Въ Дучарскомъ заводскомъ госпиталѣ умираетъ казакъ Ослоповъ и желаетъ видѣть священника. Горный унтеръ-офицеръ побѣжалъ за послѣднимъ. Священникъ находился въ домѣ рудовоза Московскаго и былъ пьянъ.

Унтеръ-офицеръ Калашиниковъ подошелъ подъ благословеніе и сказалъ:

— Ступай, батюшка, я за тобой пришелъ! у насъ больной есть и умираетъ, а ты пьянствуешь.

— Я и самъ боленъ, — отвѣчалъ батюшка:— и не иду. Ты ступай за гндыбойскіе попопомъ, а я еще не явился въ команду и идти надобности не имѣю.

— Какъ не идишь, я и за волосья поташу, такъ какъ въ нашемъ мѣстѣ вашу братью, поповъ, бьютъ, не спрашиваютъ.

Священникъ, вставъ съ мѣста „непріятно, чтобы былъ довольно пьянъ“, говоритъ Калашиникову:

— Когда имѣешь волю бить, такъ бей же! И легъ на лавку, говоря:

— Вишь, я боленъ, у меня душа выходитъ.

Священникъ, однако, въ госпиталѣ былъ и больного исповѣдывалъ, но, прознавъ три раза слова: „прощаю и разрѣшаю“, три раза ударялъ больного палкою.

Вольной умеръ, а дѣло было переислѣдовано подѣ присягою.

Въ Петровскомъ заводѣ, въ праздничный день, приходитъ священникъ служить заутреню, шатаясь во всѣ стороны. Причетники старались его отклонить отъ служенія, „однако, отвратитъ отъ того никакъ не могли“. Понавъ въ алтарь и возложилъ на себя эпитрахиль и самъ

лучшую рясу, онъ растворилъ царскія врата, съблалъ начало, но „заснулъ, въ виду довольнаго числа предстоящихъ мужского и женскаго пола мирянъ, не могъ сказывать эктении, потому что былъ въ измѣльномъ положеніи. За всѣмъ снѣтъ, при неоднократныхъ выходахъ изъ алтаря, въ бышемъ на немъ облаченіи, валялся по полу церкви, такъ что мы неоднократно оного поднимали и вводили въ алтарь, упрямивая, дабы онъ оставилъ дѣйствіе служенія“. Священникъ не согласился и вслѣдъ всѣхъ предстоящихъ дьячковъ ругалъ „площадными ругательствами“, затѣмъ снялъ рясу, вышелъ изъ алтаря въ церковь „къ мирянамъ и погналъ всѣхъ вонъ; между тѣмъ, бывшая пожимать губы старушка Московчица, по описанной старости нѣсколько отъ прочихъ при-остановилась въ церкви; упоминаемый же священникъ, замѣтивши оную, бросясь къ ней, выгонялъ изъ церкви съ причиненіемъ ей удара. Послѣ же всего оного, упавши на амвонъ, уснулъ. Почему мы, тогда распорядясь, послали въ квартиру его за лошадью; по приводѣ же оной, мы, взявши того священника подъ руки, вывели изъ церкви, положи въ пошевни и отпразднили въ его квартиру“.

А вотъ и тотъ фактъ, который сохраненъ народною памятью.

Въ Акатувъ жилъ опущенный съ цѣпи извѣстный бродяга и большой злодѣй Филипповъ—человѣкъ невысокаго роста, худощавый, сугорбый, но обладавшій необыкновенною силою. Выраженіе лица его отличалось чрезвычайною скромностью. Говорилъ онъ всегда тихимъ, вкрадчивымъ, богомольнымъ голосомъ. Самъ себя называлъ неумнымъ грѣшникомъ, молился всегда горячо, обливаясь слезами. Когда усиливался его набожность, знаяше и при-выкшіе къ нему базилно присматривали за нимъ съ вѣрнымъ расчетомъ на то, что Филипповъ таитъ на умѣ что нибудь недоброе, прячетъ какое нибудь звѣрское или злодѣйское намѣреніе. Разъ, въ такомъ настроеніи, онъ пошелъ на испытаніе и соблазнъ священника, такъ какъ по званію „пропитаннаго“ гулялъ уже на свободѣ послѣ акатуевской стѣнной цѣпи.

Явился онъ съ низкими поклонами и, сложивъ на груди преступныя руки, своимъ обычнымъ набожнымъ голосомъ выразилъ раскаяніе, желаніе исправленія и поученія. Священникъ обратилъ на него вниманіе, сталъ говорить и слушать.

— Одно,—говорилъ ему Филипповъ:—одно мѣшаетъ моему примиренію съ Богомъ, я знаю дьявольскій секретъ удвоить всѣ твои деньги, какія имѣешь. И забыть его не могу и жажу онъ мнѣ и мозги и внутренности.

Секретъ этотъ Филипповъ повѣдалъ. Исполненіе секрета требовало кое какихъ рѣшитель-

ныхъ мѣръ: надо было на цѣлую ночь положить на себя заклятіе, лечь спать, не молившись Богу, и снѣтъ съ шею крестъ; деньги положить подъ подушку и въ постели лежать не шевелиться. По утру деньги найдены удвоенными.

Священникъ, рассказываетъ народная молва, соблазнился; легъ попытать счастья и поутру вынулъ вмѣсто пяти рублей десять. Филипповъ одѣлся другомъ. О нравственныхъ поученіяхъ пересталъ и думать и говорить. На деньги охотился еще раза два: чертъ хорошо служилъ свою службу, производя по ночамъ свои коммерческія операціи. Рѣшился положить подъ подушку всѣ триста рублей. Филипповъ, по обыкновенію, сунулъ бумажку съ заклятіемъ подъ подушку, но на этотъ разъ деньги прилипли къ его рукамъ и онъ пересталъ показываться въ домѣ священника. При встрѣчѣ на улицѣ отговаривался тѣмъ, что рано-де всталъ и погѣшалъ черту, а при угрозахъ и самъ притрогивалъ зрѣею. Чиновники, въ свою очередь, посоветовали махнуть рукою на мошенника и никогда съ нимъ больше не связываться.

Эта недавняя и, въ то же время, свѣжая легенда, еще владѣвшая возможностью и правомъ указывать на лица, называть имена и мѣста дѣйствія, заключаетъ собою весь рядъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ къ ссыльнымъ, отношеніяхъ, въ которыхъ много матеріальнаго, но мало духовнаго. О другихъ мы не рассказываемъ теперь по недостатку мѣста и неудобству, но еще не слыжать было ни объ одномъ такомъ случаѣ, гдѣ бы участіе священниковъ благотворно поддѣйствовало на обращеніе и исправленіе ссыльныхъ. Вмѣсто того, въ архивныхъ дѣлахъ то и дѣло получались свѣденія о томъ, что въ такомъ-то заводѣ двое ссыльно-каторжныхъ духоворцевъ обратили въ свою вѣру ссыльно-каторжнаго православнаго; тамъ скопцы оскотили нѣсколько человекъ изъ прихожанъ несмысленныхъ; здѣсь замѣчено, что многіе изъ православныхъ, чтобы избѣжать говѣнія и исповѣди, нарочно связывались старообрядцами. Столь обычное дѣло въ Россіи здѣсь выразилось тѣмъ же исходомъ: уличенные охотно платили денежные штрафы, но отъ церковныхъ обрядовъ уклонялись, не будучи вовсе старообрядцами. Не способные оправдаться при помощи вѣтки, по русскому обычаю, за Байкаломъ подвергались наказанію строгою аштитиемъ: ихъ ставили на колѣни въ церкви, держали ихъ въ приторѣ, на панерти; въ случаѣ упорства ссылали въ монастыри на сроки. Дѣла живыя не поправлялись, потому что и архивныя съ поразительною ясностью продолжали указывать на то, что вотъ надзоръ за отступниками вступилъ въ обычную и привычную колею

равнодушія, а между тѣмъ, смыслный под-
рукою крестить бурята и становится субъек-
томъ цѣлаго судебнаго разсказа, подъ за-
главіемъ: „О ложномъ крещеніи смыльнымъ
Орловымъ братскаго Даршмова“. Въ силу по-
пущеній, адресованныхъ издалека и под-
твержденныхъ вблизи, началась усердная сте-
сегатическая дѣятельность на пользу право-
славія; горное начальство рѣшилось показать
образцы и способы пропаганды своему духо-
венству, само принялось за страницю—и, вотъ,
въ архивѣ слѣды этого дѣла въ жалобѣ на
крутыя ибры и въ рапортѣ разсказъ одного
пристава о томъ, что такая-то женщина, изъ
раскольницъ, съ сыномъ перерѣзала себѣ горло.
Когда возникаетъ вопросъ о томъ, что это за
ибра, за которую смыльные рѣшаются на само-
убійство?—истинное духовное начальство, по со-
браннымъ справкамъ у знающихъ людей, сви-
дѣтельствовало своимъ знаніемъ и рекомендовало
имя передъ горнымъ начальствомъ и передъ
нотариусомъ такую краткую историческую за-
писку (сохранившеюся въ архивѣ нерчинскаго
Вольскаго завода):

„Содержащаяся ини секта равняется отъ
греко-россійской церкви въ сложеніи креста,
съ маюю переиъною въ словахъ при церков-
номъ служеніи. Въ житіи же происходитъ
такъ, что у нихъ, по неимѣнію въ этой сектѣ
священниковъ, рождающимся младенцамъ имена
нарезаютъ и погруженіе, подобно крещенію,
дѣлаютъ иногда бабки, а иногда и грамоту
разувѣющіе старики, а когда случаются той
секты священники, то оны дѣлаютъ миро-
помазаніе“. И только!

Если удивлять такіе невѣдомые, словно изъ-
подъ земли вышедшіе люди (какъ поступили,
напр., казаки, сосланные изъ уральскаго войска),
удивять и обидать болѣе рѣзкимъ и крайнимъ
упорствомъ (не дозволяютъ стричь волосы и
бороды, не пойдутъ на работу)—ихъ исправляя
кнутомъ, давали удары десятками. На этомъ же
кнутѣ вѣдали и дальше: одинъ и послѣ нака-
занія готовъ „лишиться жвани, но въ работѣ
не быть“, его снова подвергали наказанію:
два раза плетью и два раза кнутомъ. Кто
упорствовалъ и послѣ того, тѣмъ полагали
„ограниченную дачу провіанта, достаточную
только для поддержанія жизни“, и удержали
надзоръ, чтобы ни отъ кого пособій со стороны
ни получали“. „Успѣху не было“—сокруша-
лась нерчинская горная экспедиція *).

*) Въ 1775 году ялцкіе казаки, приверженцы
Пугачева, рассеяны были по разнымъ мѣстамъ
Забайкалья: наиболѣе виновные и упорные при-
неодахъ и рудникахъ на каторгѣ, остальные
на поселеніи въ деревняхъ. Такъ, между прочимъ,
въ Гашиурской сотнѣ (въ деревнѣ Кал-
гинской) поселены были 82 человѣка. Каждому
выдано было отъ казны на покупку лошадей по
5 руб., а начальникамъ велѣно наблюдать, чтобы

За Байкаломъ существовала на англійскія
денеги великобританская миссія, направленная
противъ язычниковъ и жившая въ Селенгинскѣ.
Существуетъ тамъ же, въ Посольскомъ кон-
стырѣ, на русскія деньги православная миссія
для обращенія въ христіанство мѣстныхъ бу-
ратъ; но миссія, направленной на помощь и
оудѣствіе смыльнымъ, для поученія и исправ-
ленія заключенныхъ, еще не было и въ проектѣ.
До тѣхъ поръ тѣ, которые претрѣпнны противъ
ибры и за эти преступленія сосланы въ Си-
бирь, продолжали жить тамъ предоставленными
самимъ себѣ и если оставались и здѣсь при
старомъ—при полной возможности пуститься
на другія и новыя преступленія, то затѣмъ
они адѣсь? Затѣмъ въ Россіи всѣ разнородные
виды противорелигіозныхъ дѣяній сведены бе-
различно въ одну категорію?

На каторжныхъ работать, само собою ра-
зугвется, преступниковъ противъ ибры не раз-
личали отъ убійцъ и грабителей, не имѣли на
то никакого права, а затѣмъ, сообразно съ
такимъ взглядомъ, и трактовали этихъ людей.

Для полноты картины, перенесемся изъ Во-
сточной Сибири въ Западную и, для характе-
ристики отношеній старообрядцевъ къ истин-
ному духовенству и наоборотъ, остановимся на
тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно рас-
пространена старая ибра въ близкомъ сосѣд-
ствѣ съ уральскими заводами и Россією. Эта
мѣстность, ограниченная на востокѣ Вараби-
нскою степью, на югѣ Киргизскою и терриона-
ми границы на западѣ въ пространствахъ Россіи,
представляетъ собою непрерывную цѣпь насе-
ленія, придерживавшагося стараго креста и до-
никоновскихъ церковныхъ обрядовъ. Въ ней
расколъ почти столько же древнѣе, какъ и въ
самой Москвѣ. Въ деревнѣ Лепехиной, Ялу-
торовскаго округа (Ингалннской вол.), до сихъ
поръ молитвенный домъ старовѣровъ въ рукахъ
потомковъ извѣстнаго въ исторіи смыльнаго
стрѣльца Якова Лепехина. Церковь эта была
небольшая ветхая набушка, возбуждавшая силь-
ное археологическое подозрѣніе на ту, въ ко-
торой находились древніе стрѣльцы. Стояла она
въ глубокой, съ трудомъ проникаемой тѣсни-
нѣ обывательскихъ домовъ. Внутренность ея
представляла вѣчто необыкновенное по богат-
ству окладовъ образовъ, которыми устлана
была набушка сверху до низу въ два яруса,
вредъ иконостаса. Иконостасъ этотъ, по обшлю
иконъ древняго пошиба, въ глазахъ старовѣ-
ровъ представлялся громаднымъ сокровищемъ,
не имѣвшимъ даже цѣны. Деревушка, сохра-
нившая за собою имя своего древняго основа-
теля, населена крестьянами-поповцами, косящи-
ми въ Сибири у своихъ названіе „стариков-
цѣнны“, у постороннихъ извѣстныхъ подъ об-
казаки лошадей непременно купили (дѣло Нерч.
Вол. Зав. 25 мая 1776 года).

щизнъ прозваніемъ „кержаковъ“, — прозваніемъ, приписываемымъ всѣмъ старообрядцѣмъ за то, что, большею частью, они имѣли сношенія со скитами рѣки Керженца (съ керженецкими поповцами Нижегород. губ., Семеновскаго уѣзда). Приняли они сюда съ Урала, изъ тамошнихъ заводовъ, какъ бѣглецы отъ тяжелыхъ работъ, а здѣсь и сейчасъ всѣхъ старообрядцевъ зовутъ также „кержаками“, уже по прямому указанію на извѣстныя притоки Волги.

Во всей западной половинѣ Сибири, по рѣкамъ Иртышу, Ишиму и Тоболу, гуще другихъ населенной, общественное мнѣніе и свидѣтельства крестьянъ указываютъ на поселенцевъ, сосланныхъ за религиозныя мнѣнія, какъ на совратителей. Хотя еще до сихъ поръ не изобрѣтены средства узнавать, кто кого совратить, и хотя, само собою разумеется, прямой путь — навадать на невинныхъ (путь, которымъ привыкли ходить и въ Сибири), тѣмъ не менѣе, поселенцы завываются первыми. Въ особенности пользуются успѣхомъ, говорить, тѣ изъ нихъ, которые перечислемъ изъ Восточной Сибири въ Западную, а между ними наибольшую склонностью къ пронагадѣ отличаются филиппоны и еедосеевцы. Увѣренно наслѣженныя оказалось немного: извѣстенъ Плотниковъ, вѣнчавшій сводные браки. Его приговорили въ ссылку и сослали въ Кайскскъ; онъ не унялся — услили дальше. Онъ дѣлалъ своды священническимъ вѣнчаніемъ. Послѣ него стали сводить родительскимъ благословеніемъ съ прочтеніемъ молитвъ и съ волеженіемъ на главы иконы. Другой передъ смертью завѣщалъ раздать своимъ единоверцамъ 25 тыс. руб. сер. Изъ другихъ совратителей извѣстны: солдаты Кайгородовъ и Колмаковъ, влияние которыхъ выразилось въ молитвенныхъ приемахъ. На молитвѣ стали становиться правыми рядами или шеренгами, поклонъ начинали класть не врозь, но желанію, а всѣ разомъ по уставу и по образу „полета птицъ, дѣлающихъ взами крыльями передъ небеснымъ Царемъ вдругъ, или, подобно метанью ружья солдатами, передъ царемъ земнымъ“. Кромя архіерея, жившаго въ 15 верстахъ отъ Оренбурга, старообрядцы пользовались влияніемъ даже одного изъ сильныхъ поповъ, увѣнчавшаго разыгрывать роль старообрядскаго наставника и попа, называемаго такъ способомъ большія деньги. Этотъ поповъ (старообрядскій попъ) былъ сосланъ въ сибирскіе батальоны за участие въ революціи 1831 г. и такъ ловко поддѣлался къ старообрядцѣмъ, что они деньгами купили для него увольненіе отъ военной службы. Въ странѣ, гдѣ издревле религиозный фанатизмъ былъ такъ великъ, что вель къ самоожженіямъ (по Тобольской губ. извѣстны 33 случая, изъ которыхъ первый принадлежитъ 1682 году, а послѣдній 1828), въ странѣ, гдѣ всѣ мѣстныя условія благопрі-

ятны свободѣ ученія, старообрядство воспользовалось значительными успѣхами (см. статью „Самоубійства“). Успѣхи до того были примѣтны, развитіе въ Сибири раскола такъ сильно, что съ 1831 г. прекратили туда осылку преступниковъ противъ вѣры и обиды стѣты. Участіе духовенства въ этомъ отношеніи, именно здѣсь, выразилось чертами характерными и доказанными.

Прежде всего, положеніе ореди двухъ оней, изъ которыхъ одна было жегса, другой приятно грѣтъ, всегда ставило и сибирское духовенство въ тѣ ложныя условія, при которыхъ вытодило одно изъ двухъ: или мало пишешь бывшихъ на исповѣди — значить, нерадивъ, небрежешь объ овцахъ, не миссіонерствуешь, а за это — архіерейскій выговоръ, замѣчаніе, штрафъ, вызовъ въ консисторію для личныхъ объясненій; или пишешь не бывшихъ бывшими, некрещенныхъ крещенными — стало быть усердіе есть; виновные доноски не умиють и, на мѣсто доносовъ, привыкли платить привосами, т. е. хлѣбомъ и деньгами; практика извѣстная, освященная вѣковымъ опытомъ. Въ 1751 году въ селѣ Кармезкомъ сожглась 25 человекъ крайнихъ фанатиковъ еедосеевскаго толка, которые оказались въ приходскихъ книгахъ всѣ записанными въ православіе, бывшими на исповѣди и у св. причастія. Не такъ давно умеръ священникъ, отправившій въ банкъ 36 т. р. асс., и крестьяне объясняютъ гласно оба эти яркія явленія тѣмъ, что за дозволеніе не быть у исповѣди платять по 1 руб. за душу и что бывали примѣры, когда священники продавали право перехода изъ православія въ расколъ за такое ничтожное вознагражденіе, какъ, напр., фунтъ чая. Процедура въ послѣднемъ случаѣ была обычная: православный крестьянинъ пересталъ ходить въ церковь и на исповѣди — священникъ доносилъ объ этомъ. Назначалось сѣдствіе. Отступника вызывали на увѣщаніе или улажаніе (какъ крестьяне привыкли выражаться); въ духовномъ правленіи онъ устоявалъ на своемъ. Совѣщательный комитетъ, по закону, отдавалъ его затѣмъ на увѣщаніе мѣстному священнику, тому самому, съ которымъ уже сдѣлана сдѣлка. Увѣщатель писалъ начальству своему: „непреклоненъ“. Число остальныхъ древняго благочестія увеличивалось. Новоприбылые самодовольно говорили всѣмъ: „Хоть и дорого встало, да за то ужъ теперь спокоенъ“. Православному священнику оставалось наблюдать только за тѣмъ, чтобы отбившася отъ стада овца не сдѣлала „вѣнчавшаго оказательства“. Конечно, она этого не дѣлала, никогда и ни за что этого не дѣлала.

Лѣтъ 40—45 тому назадъ, въ этомъ краю, гдѣ, по народному выраженію, „попять много, но поповъ мало“, гдѣ народъ давно выговаривалъ, что „не бѣнжить церкви, а бѣнжить свя-

щенниковъ", извѣстенъ былъ между послѣдними одинъ такой, который никогда не служилъ обѣднѣ, а развѣ только отъ скуки часы или вечерню и за котораго все правили причетники. Бывало и спросить прихожане: „Будетъ ли обѣдня?“ и довольствуются такимъ отвѣтомъ: „Обѣдня не будетъ, мы старенькую разограли и ужъ кончили“. Этотъ пошъ продалъ или, лучше сказать, пропилъ весь свой приходъ и отписывалъ въ расколъ за полуштофъ. Другого разжаловали въ причетники за то, что онъ, ходя на Пасху мимо раскольниковъхъ избѣ, бросалъ къ нимъ на дворъ черезъ заборъ крестъ, заводилъ ссоры, грозилъ доносами, бралъ отступное. Крестьяне, какъ извѣстно, не оправдывающіе въ своихъ пастыряхъ только заповѣи, охотно прощаютъ подлуги. „Почему я пошамъ не подгулять, человекъ есть, напился, надурялъ—приди, извинись передъ старшими и младшими, попроси молитвы, ала не попомнимъ“. Но гдѣ же у крестьянина силы примириться съ тѣми, которые, вося въ глаза бревна, ищутъ у другихъ спицы, и выносятъ тѣхъ, которые являются въ тѣсномъ деревенскомъ кругу присяжными врагами, доносчиками и вымогателями? Одинъ, напр., единовѣрческій священникъ больше ничего и не дѣлалъ, какъ только подсматривалъ: не тайнодѣйствуютъ ли? Загнѣвъ, онъ вторгался въ избѣ, вымогалъ отступное. Гдѣ не смогалъ самъ, туда приглашалъ засѣдателя, обѣщалъ ему 300 руб. сер. наживы. Другой (православный) служилъ только разъ въ году на Пасху. Къ третьему, который едва 5 разъ въ году правилъ службу (утреню, часы и вечерню), въ 1860 г. собрались на любимыя сибирскыя народомъ „водокрещи“ (въ крещенье), а попа и дома нѣтъ, ухлалъ въ дальнія деревни за поборомъ; на перваго Слеса въ 1861 г. сдѣлалъ то же. Собравшіеся подождали и ухлалъ съ ропотомъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, что вообще сибирскіе люди на церковную молитву не охотливы, а считаютъ важными и серьезными только молебны: Богородицѣ, Николѣ, Власію и Модесту, Ильѣ пророку, а въ особенности любятъ молебствія на поляхъ и привятіе въ дома иконъ на Пасху. На такіа непріязательныя народныя требованія не такъ давно ивѣлись такіе священники, которые вовсе не были грамотными: либо не доучившись, живя въ глуши, переабыли все, либо прямо изъ причетниковъ посвящены были въ пасторскій санъ. Люди эти стараго закала стали переводиться, но, тѣмъ не менѣе, являются еще противниками и недоброжелателями молодого поколѣнія и новыхъ священниковъ. Эти выразились для крестьянъ, хотя и въ новыхъ формахъ, но, тѣмъ не менѣе, не въ идеальныхъ. Крестьяне жаловались на ихъ грубое обращеніе, на гордость, „чехвальство“, на то примѣненіе высшихъ семинарскихъ взглядовъ, которое выражается презрѣніемъ

къ неграмотному люду. Крестьяне предпочитали имъ стариковъ уже по тому одному, что старые были обходительны, привычны и, стало быть, уступчивы. Молодые пошъ на первыхъ же порахъ оказывались бранчивыми и крутыми. Отъ тоски ли по городѣ стали они раздражительными, отъ униженія ли средою стали обидчивыми, прихожане этого не разбирали; о старыхъ попахъ тосковали, о новыхъ рассказывали, что одинъ во время крестнаго хода курилъ папиросы; другой, при всякой встрѣчѣ, ругался, при всякомъ дѣлѣ и заказѣ капризничалъ; третій за исправу требъ, чтобы слишкомъ не беспокоиться, положилъ большую плату. По этой самой причинѣ отъ этого послѣдняго прихожане стали бѣжать къ единовѣрческому попу, который за свадьбу бралъ довольно дешево, нестѣснительно, всего три рубля, а не красную. Другой (съ neodолжимою привычкою къ табаку) какъ разъ очутился въ гнѣздѣ раскольниковъ, гдѣ, съ подстриженными усами, казался человѣкомъ и безъ того немилымъ, да кстаи мѣсто принялъ отъ такого, который во время службы нюхалъ табакъ на всю церковь. Молодые пошъ сердились на мужичье невѣжество, презирали крестьянъ, а сами, въ то же время, исполняли только обряды (и, надо сказать, аккуратное старыхъ): окрестить, похоронить, исповѣдуетъ, повѣнчаетъ, а о назиданіи нѣтъ и помину (и сами никакимъ книжъ не читали). Подъ носомъ у такихъ издавна приладился наставникъ, начетчикъ—старообрядцы. У раскольниковъхъ стариковъ первое дѣло, какъ извѣстно, назиданіе, публичное чтеніе книгъ: Маргаритъ, Ефремъ Сиринъ, псалтырь старопечатная и проч. живое и широкое толкованіе; „въ моленной избѣ посидѣть либо, и навадыхаешься до самаго донушка сердца, и вслакнешь не одинъ разъ у хорошаго и дотошнаго наставника“. Сводили молодые пошъ дружбу съ засѣдателями, съ этими вѣдомыми охотниками на раскольниковъ, какъ бы на какую вкусную птицу либо жирную рыбу *). Многие изъ молодыхъ по старому за ними погнались: при обыскахъ ходили съ полатыми и положили уже на себя въ народѣ худую славу. Многие убереглись отъ преслѣдованія потому только, что засѣдатели умѣли прикрывать дѣла. Старые порядки остались на томъ же положеніи: старовѣрцы женятся и „сводятся“ (свободнымъ, гражданскимъ бракомъ) съ православ-

*) Въ 1852 году ген.-губ. Западной Сибири вынужденъ былъ формально запретить чиновникамъ ходить по старовѣрскимъ домамъ облавою ночью или вѣщиваться въ дѣла раскольниковъ: отбирать книги и проч. Но это не остановило чиновники продолжали впутываться и исправники, напримѣръ, по прежнему получали 500 р. за каждый молитвенный домъ. Одну начетчикъ довели до истерической неоправданной болѣзни заточеніемъ за то, что въ стариковской (поволицинамъ) читала каноны за едино-умершаго и за умершихъ.

ными, и если расколыница попала въ домъ къ православнымъ, въ семьѣ рѣдко кто устамвалъ.

Угодили въ расколъ, между прочимъ, отъ тяжести общественныхъ должностей: смоленскимъ выселенцамъ велѣно было участвовать въ постройкѣ церкви,—они объявились раскольниками. Псковскіе переселенцы (изъ Великолукскаго уѣзда), съ начала водворенія, будучи раскольниками на роднѣхъ, объявились въ Курганскомъ округѣ православными всѣ, за малыми исключеніями; когда въ 15 лѣтъ успѣли приглядѣться къ сибирскимъ порядкамъ, они сказались старообрѣрами, отстали отъ церкви и всѣ ушли въ расколъ. Когда въ деревнѣ Мальцевой (1756 г.) приготовившіеся къ самоожженію (ушедшіе въ ямки—по туземному выраженію) долго раздумывали и успѣли явиться увѣщатели, крестьяне требовали: уговорить священника не брать поборовъ, смѣнить начальство за то, что отрывало отъ земли и мучило на работахъ, заставляя строить дощаники и возить хлѣбъ въ дальнія мѣста. Они говорили, что раззорены такъ, что не мила жизнь, что словамъ чиновниковъ не вѣрять и боятся расположиться на нихъ. Какъ ихъ ни увѣщевали потому, они все-таки подождлись; одного обгорѣлаго успѣли выхватить изъ огня, вылечить, посадить въ острогъ, заковать въ кандалы и отдать на судъ свѣтской власти. Въ то же время 600 человѣкъ изъ Верхъ-Исетскаго завода и 300 изъ Екатеринбургскаго вѣдомства бѣжали въ Польшу. При 9-ой ревизіи съумѣли схватить уважаемыхъ миромъ, зажиточныхъ людей 12 человѣкъ, отправить въ этапный казематъ, тамъ желѣзными цѣпями приковать къ столбамъ, оттуда отправить въ Тюмень на увѣщаніе; при этомъ вели по городу съ обритыми половинами головъ, въ домахъ оставлены были только малыя дѣти. Этотъ казусъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что многіе православные поспѣшили обратиться въ расколъ. Въ 1860 году изъ разныхъ волостей Тюменскаго округа крестьяне съ семействами, въ количествѣ 519 душъ, подали просьбу по начальству объ отпискѣ ихъ въ расколъ; до того времени всѣ они числились православными. Тюмень застроилась было каменными церквами, свидѣтельницами усердія жителей къ православію, но иконостасы почернѣли, церковныхъ капиталовъ не стало, все обвѣтшало. Народъ ушелъ въ расколъ и причетники не такъ давно ставвали въ рубищахъ на перекресткахъ. Появились новые священники—все стало поправляться и умѣнья и усердія авилось больше.

Сводные браки, вообще, не прочны: кто вѣбудь изъ сведенцевъ непременно нарушитъ контрактъ и потребуетъ новаго свода, а съ нимъ калыма и новыхъ расходовъ. Теперь многіе стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ и, разумѣется, чаще всего въ единообрѣтческихъ цер-

квахъ. Послѣ того немудреная несправда: нѣскольکو лѣтосвоѣ (лѣтосвока—сто поклоновѣ), очистительныя молитвы и—дѣлу конецъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не велѣло считать такихъ браковъ законными, но сведенцы отвѣчали: „Пожалуй, не считай; мы и такъ живемъ и проживемъ“, а своды уехали до высшей ступени.

Архіерей Георгій велѣлъ цвѣтать раскольниками всѣхъ, не бывшихъ на исповѣди. Столоначальникъ конвенторинъ показалъ эту резолюцію раскольникамъ и слугѣ проиникъ глубоко. Захотѣли отпиться и православные, придерживавшіеся раскола, и для того рѣшились подать о себѣ особыя ревизскія сказки. Въ 10-ти волостяхъ заварилась каша: писаря помогали, а земское начальство поощряло. Нарядили слѣдствіе: виновныхъ посадили въ острогъ, тѣ-которые тамъ умерли; другихъ лишили правъ состоянія и сослали въ Восточную Сибирь; остальнымъ съ рукъ сошло.

По отношенію къ высшимъ духовнымъ властямъ, у старообрѣровъ остались въ воспоминаніи только мимолегныя проѣзды владыкъ и ихъ поѣзды со свитою, напоминающіе древніе воеводскіе поѣзды съ челядью, которая хватала по дорогѣ серебряныя ложки, скатерти со стола и все, что ни попадало подъ руку. „Да и становь ли владыка (говорили крестьяне) привѣрять священника къ мужику, а тѣмъ нуще кѣпать его на старообрѣра“? Такимъ образомъ, обязательныя „вѣдать вся да всяко вѣкия спасутъ“ не вѣдали и не хотѣли вѣрять, между прочимъ, такимъ несомнѣннымъ даннымъ.

Въ бытописаніяхъ тобольскаго лѣтописца сохранился, между прочимъ такой оригинальный тиць. Въ началѣ прошедшаго вѣка въ Тобольскѣ, въ Знаменскомъ монастырѣ, жель архимандритъ Порфирій, происхожденіемъ ихъ подъячичъ. При монастырѣ состояли крестьяне, платившіе вѣсто сдѣлокъ (задѣлы) денгами. Порфирій уговорилъ ихъ дать подписку въ томъ, что они, за скудостью денегъ, пришли въ изнеможеніе и что, вѣсто денегъ, желаютъ производить платежъ сдѣлками. „Недомышленный народъ пережѣмалъ свою бѣду на напастъ“, замѣчаетъ нашъ лѣтописецъ. Архимандритъ накладывалъ сдѣлки дровами, бревнами, сѣномъ, круглымъ лѣсомъ и тесомъ. Монастырь началъ богатѣть. Для вѣнчанія Порфирій приказывалъ, и одаривалъ подъячичъ, а черезъ ихъ кланузы достигъ до того, что выбылыхъ по указамъ крестьянъ и бобылей, какъ изъ крестьянства, такъ и изъ ямщиковъ, многихъ людей, по прежнему обратилъ въ монастырскіе служители и, конечно, раззорилъ. „Самъ же жилъ въ монастырѣ роскошнымъ и полноправнымъ номѣщикомъ, мало того—сибаритомъ: умывался кипиченою и прорѣженною сквозъ полотною водою; отъ кельи до церкви, внутри монастырской ограды, и до другихъ покоевъ бѣдиль на лошади въ эки-

нажѣ, хотя бы то было и въ лѣтнее время. Подражая древнихъ отецъ, въ кушанье пекли ему хлѣбъ ячменный, а ячмень ему чредили, по его приказу, крестьянскія жены и кѣхъ дочери, такъ что у всякаго зернушка ячменнаго оскабливали скорлупу ножичками и такъ чищенныя зерна мололи на нарочно на то построенныхъ мельницахъ и всякій день готовили ему хлѣбцы и булки новыя и свѣжіе; варили ему рыбу живую, дѣлали лапшу изъ топленаго молока со сняжанными пѣнками*. Разоренные имъ до тла крестьяне подали на него челобиты въ губерскую канцелярію. Канцелярія рѣшила: главныхъ челобитчиковъ выбить кнутомъ, вырвать имъ ноздри и 50 человекъ послать на каторгу, изъ остальныхъ 300 старшихъ десятого наказати кнутомъ, а прочихъ, по состоянію ихъ дѣтъ, битъ плетью и батожемъ. Вятые крестьяне вырыли для монастыря пруды и построили мельницы. Въ пруды архимандритъ напустилъ рыбы и кормилъ ее печеными хлѣбцями, но рыба вся поколѣла и выплыла на поверхность воды. Въ Тобольскѣ отгородилъ онъ себѣ большое мѣсто, стѣснивъ сосѣдей, и еще больше стѣснилъ крестьянъ, вытребовавъ ихъ вновь на житье въ монастырь. Такія дѣла дошли до вѣденія синода. Порфирія перевели въ Тюмень, въ Троицкій монастырь. Здѣсь онъ началъ творить то же, „но“ — говоритъ гѣтописецъ: — „умножившаяся въ немъ болѣзнь и скорбь, отъ печали и стыда бываемая, не допустила его до дальнихъ предприятий и тягостью своею ввергнула во изступленіе ума, да къ тому и смерть не преминула употребить свои наблюденія. Притомъ она, опасаясь столь хитраго политика и приказанаго происка, чтобъ какими нибудь приказными крючками не могъ ее довести до дальнихъ волокиты, не опускала времени, изъ знатной себѣ такой добычи, изъ своихъ рукъ сей жизни лишила его“. Про другого трюпаго архимандрита, управлявшаго духовенствомъ до 1835 г. (Амвросія), рассказываютъ рядъ разныхъ анекдотовъ, дебошей; нѣтъ онъ мертвую*). Съ третьимъ архимандритомъ (Иоакимомъ, въ Пыскорскомъ монастырѣ) раздѣлялись самосудомъ — убили. Въ убійствѣ оказались виновными, въ одинаковой степени, и монахи и монастырскіе крестьяне, не любившіе его за строгость. Дѣло произошло въ 1839 году. Курьезны при этомъ допросы.

*) Этого Амвросія разъ посылали увѣщевать со священниками, въ 1828 г., въ дер. Гилену, гдѣ явились дуборыцъ (толковавшіе, что истинные поклонники поклоняются Богу духомъ и истиною). Амвросій, какъ пріѣхалъ, такъ и вышелъ, какъ вышелъ, такъ и началъ страшать острогомъ; когда острогу посылалъ, онъ обѣщаль разстрѣлять изъ пушекъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ, захвативъ съ собою крестьянина Хохлова; 13 мѣсяцевъ прожилъ Хохловъ въ острогѣ и приговоренъ къ ссылкѣ, но синодъ оставилъ его на мѣстѣ жительства.

доводившіе до сознанія: „Исправникъ принужденъ былъ употребить при томъ послѣднія средства, хотя было то съ закономъ и не согласно; не давъ ему, Фотіеву (богѣ другимъ подозрѣваемому), одуматься, толкнувъ его изъ присутствія въ прихожую по ватылку и въ оной принужденъ былъ употребить его нѣсколько по зубамъ, повторяя одинъ за другимъ удары, тѣмъ приведетъ будучи въ разстройку и не имѣя случая оправиться — сознался“.

Старовѣры всего края, примыкающаго къ Уральскимъ горамъ и прилежащаго къ Иртышу, Ишиму, Тоболу и прочимъ рѣкамъ — люди грамотные, начитанные, вообще трезвы, любятъ молиться, бесѣдовать и читать священныя книги; не любятъ общественныхъ забавъ, гулянокъ, масляничныхъ катушекъ, пасхальныхъ калачей и, особенно, игрищъ въ праздники. Молодежь хотя и любитъ выпить, но въ большіе праздники въ кабаки не ходитъ, пьетъ мало праздниковъ. Въ праздники даже помочей не дѣлаютъ и, вообще, стараются не работать, а больше молиться, бесѣдовать и слушать писаніе. За пьянство и другіе грѣхи старики накладываютъ нѣсколько лѣстовокъ, отлучаютъ къ нищѣ, въ молитвѣ: ѡшь одинъ, молюсь послѣ всѣхъ. Раскольники люди богатые, они первые плательщики податей, первые помощники бѣдныхъ, помогаютъ милостынею и православнымъ (этими меньше, своимъ бѣднымъ больше). На слѣдствіяхъ, и безъ присяги, не кривятъ душою. Гостеприимны, какъ всѣ сибиряки, но честны и справедливы, какъ пріятное исключеніе. Всѣ старовѣры очень набожны, особенно старики: всякое домашнее дѣло начинаютъ молитвою. За обѣдомъ всякое блюдо встрѣчаютъ большимъ крестомъ и безъ креста не ѣдятъ ничего. Вставъ съ постели, кладутъ большой или малый началъ (судя по досугу); также вступаютъ и вечеромъ. На праздники и въ праздники молитвы неизбежны отъ стараго до малаго; праздничная служба совершается по книгамъ, а у кого ихъ нѣтъ, по лѣстовкамъ съ подручниками. Памятуя и уважая старину, въ праздники мужичны, обыкновенно, надеваютъ кафтаны, женщинамъ большіе платки и непременно сарафаны одного цвѣта, либо синіа, либо чернаго, но не пестраго (только салвиская поповщина позволяетъ дѣвкамъ ходить въ молитвенные дома цегольски одѣтыми). Отъ православныхъ крестьянъ старовѣры, въ этомъ отношеніи, значительно отличаются и стоятъ далеко выше; во всѣхъ* толкахъ строгое обязательство грамотности по часослову и всатирю. Если нельзя выучить грамотѣ, непременно выучать молитвамъ. Нѣтъ православныхъ рѣдкихъ читаетъ молитвы, у старовѣровъ всякій мальчикъ и дѣвочка знаютъ наизусть такъ называемый малый началъ, другіе знаютъ и большой и много молитвъ. Поимъ у стариковъ

щины почти уже дряхлые старики, но трезвые и набожные. Начетчики у поморцев представляют собою класс людей высоконравственных, внимающих къ себѣ полнѣйшее уваженіе; все это люди трезвые, разумные, утѣшшіе найтись всюду, гдѣ нуженъ ихъ совѣтъ, и не медлящіе идти на помощь всюду, гдѣ въ ней нуждаются. Они—тѣ общественные избранники, народные друзья, тотъ идеалъ, къ которому непремѣнно должны стремиться священники, желающіе дѣйствовать на старообрѣзовъ и руководить ими.

Когда, въ 1762 году, Екатерина воспретила преслѣдованія, обложивъ старообрѣзовъ двойнымъ окладомъ, въ „старой Сибири“ многіе прибѣгали къ церкви по чистому сознанию, что безъ церкви нельзя и безъ таинства спасеніе невозможно. Они стали вѣнчаться, крестить, иногда исповѣдываться и даже погребать умершихъ близь церкви. Потомки ихъ остались въ чистомъ православіи. Теперь, когда колебаніе старообрѣзовъ сдѣлалось примѣтнѣе, не утрачиваются надежды на то, чтобы способомъ постепенныхъ уступокъ поставить дѣло въ лучшее положеніе, чѣмъ нынѣшнее. Крутыя жѣры и рѣзкія требованія не только останавливали дѣло, но и поворачивали назадъ. Прямо и разомъ превратить старообрѣзовъ въ православныхъ еще никому до сихъ поръ не удалось, опыты постепеннаго обращенія въ Сибирѣ вѣнчались кое-гдѣ успѣхомъ даже и въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ идетъ наша рѣчь. Тамъ сами старообрѣвы дѣлаютъ такое удоболеніе: „Разомъ въ церковь войти—это какъ бы на морозѣ раздѣться, искупаться и рубаху переменить!“ А потому нѣкоторые окрестить у попа

не прочь, но муропомананіе уже затруднить ихъ; исповѣдаться у хорошаго охотятся (и зачастую дѣлаютъ это тайно по ночамъ), но причаститься даже изъ рукъ трезваго, не курящаго, усовъ не подстригающаго священника очень трудно; разомъ всего не поднимаешь. На православноиъ кладбищѣ умершаго положить очень трудно, на своемъ, среди родичей, пріятно во все удовольствіе сердца. Крещеннаго и вѣнчаннаго помомъ, пожалуй, и поправлять не станутъ, если бы священникамъ, при погруженіи, позволено было держать младенца силою къ востоку. При вѣнчаніи кожденіе кругомъ аваломъ супротивъ омица—тоже крупное препятствіе: ноги не ходятъ. Двуверстное сложеніе, столь обширно распространенное, почти всеобщее по Сибири и въ сѣверной Россіи, желательное имъ видѣтъ и у православныхъ священниковъ. Одинъ священникъ сшилъ эпитрахиль съ семью крестами и придѣлалъ къ требнику мѣдное распатіе,—стали ходить къ нему все старообрѣвы и прикладываться къ требнику, хотя и звали, что онъ недавняго синодальнаго наданія. Нѣкоторыми уступками одинъ достигъ того, что въ десять лѣтъ исправилъ дѣло, испорченное его нетрезвыми и корыстолюбивыми предѣстниками: старообрѣвы стали снова православными. Выборъ священниковъ, излюбленныхъ широкъ, является однимъ изъ вѣрныхъ и прямыхъ путей для выхода изъ запущенныхъ и замутанныхъ отношеній. Тогда не будетъ нужды прибѣгать къ оставленію фальшивыхъ мирскихъ приговоромъ, какъ сдѣлалъ это, въ 1860 г. въ Тобольской губерніи, недостойный служитель алтара, ссавившій съ мѣста того, которымъ все прихожане были довольны.

Г Л А В А IX.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ КАЗНЫ.

Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ.—Мѣста и способы приготовленія.—Деньги въ шубахъ.—Венгерцы.—Лабань.—Знаменитый Цезикъ.—Его замѣчательное шестерство.—Политическія дѣян въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ.—Фабрикація фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица.—Корчемники; корчемство виномъ и солью.—Контрабандисты.—Кража золота и серебра.—Кяхтинская, свбирская и русская контрабанда.

Покушенія на интересы казны (преступленія противъ имущества и доходовъ ея) выразились абсолютнымъ числомъ сосланныхъ въ Сибирь въ такія отношенія: самое большое количество жертвъ ушло за поддѣлку и переводъ ассигнацій и монеты, затѣмъ за корчемство виномъ и солью, потомъ за нарушеніе таможенныхъ постановленій (контрабанду) и, наконецъ, за похищеніе драгоценныхъ металловъ

на заводахъ и промыслахъ (за кражу золота). Похищеніе и истребленіе казенныхъ лѣсовъ явленіемъ своимъ отдѣльною рубрикою въ свбирскихъ табеляхъ осподало, а кража казеннаго имущества (облагороженнаго прозваніемъ „присвоенія и утраты вѣреннаго по службѣ имущества“) отнесена, вмѣстѣ съ подлогами по службѣ (мздоимствомъ и лихоимствомъ), въ отдѣлъ преступленій должностныхъ лицъ по

службъ государственной и общественной. Подчиняясь этому порядку, представляемъ задачу нашу прочитать списки ссыльныхъ преступниковъ до конца.

1. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ денегъ.

Прежде всего, не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что сибирскія табели, путая производителей съ потребителями, слѣплого созрѣвшихъ, фабрикантовъ и заказчиковъ, передатчиковъ и обманутыхъ (всѣхъ четырехъ) въ одну кучу, лишаютъ насъ желаемой возможности отдѣлать тѣхъ, которые фабриковали бумажныя деньги, отъ мастеровъ, повывшихся на поддѣлкѣ монеты. На практикѣ, по обычаю и закону всякаго ремесла (требующаго и раздѣленія труда и служенія каковой нибудь одной спеціальности), оба вида преступныхъ дѣланій выражались ясными признаками отдѣльнаго и самостоятельнаго проявленія. Съ перегибномъ способомъ записей ссыльныхъ табели этой разницы не признавали, но, по нѣкоторымъ старымъ признакамъ (по таблицамъ за 9 лѣтъ съ 1838 по 1846 г.), можно видѣть и убѣждаться на цифрахъ, что монетчиковъ попалось больше, чѣмъ фабрикантовъ бумажныхъ денегъ (слишкомъ въ 4 раза), хотя настоящее время, во всему вѣроятію, переставляетъ картину въ обратномъ видѣ. Съ уменьшеніемъ количества ходячей монеты и съ перегибомъ ея внутренняго достоинства, древнѣйшій способъ денежныхъ поддѣлокъ, требующій меньшихъ подготовительныхъ средствъ отъ безграмотнаго, но опытнаго техника, естественно долженъ былъ уступить новому способу поддѣлокъ, практикующему во время развитія техническихъ производствъ (въ особенности фотографій, литографій и т. п.). Хотя для монетчиковъ дѣланы столѣтія опыта, а для фабрикантовъ только съ небольшимъ сто лѣтъ практики (со времени манифеста Екатерины II, вводившаго ассигнаціи съ цѣлью „подать способъ къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависитъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли“), тѣмъ не менѣе, развитіе поддѣлки фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, въ настоящее время, одно изъ яркихъ и модныхъ явленій. Поддѣлыватели ассигнацій, уступая монетчикамъ *) въ первую половину текущаго столѣтія, въ теченіи второй заняли, конечно, болѣе почетное и видное мѣсто по необычайному распространенію кредитныхъ бумагъ всякаго рода. Прошлое время даетъ настоящему слѣдующія указанія и предостереженія.

Поддѣлка фальшивыхъ денегъ нисколько не

останавливалась при измѣненіи формы денежныхъ знаковъ и поддѣлыватели не затруднялись имъ въ 1817 году, когда ассигнаціи, дойдя до громадной цифры 836 миллионовъ, ушли въ цѣвѣ (и приняты были мѣры къ изытію ихъ изъ обращенія), ни въ 1849 г., когда онѣ замѣнены были кредитными билетами. Напротивъ, даже перегибъ ассигнаціоннаго курса (въ 1837 г.) на серебро усилила поддѣлку и увеличила число ссыльныхъ (въ 1841, 1842, 1844 и 1845 гг.). Въ наши дни не задумывались поддѣлыватели надъ болѣе трудными сериями и въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ не совладали лишь съ радужными (высшаго достоинства) и рѣже снисходили до фабрикаціи бумажекъ желтаго цвѣта и самаго низшаго достоинства (рублевыхъ). Наибольшее количество ссыльныхъ по дѣламъ фальшивыхъ бумажекъ, въ извѣстные намъ годы, замѣчалось въ сѣверныхъ съ границей губерніяхъ, свидѣтельствуя сильнѣе о перемѣщеніи, чѣмъ о фабрикантахъ, и издавна указывая на заграничныхъ дѣлателей, подрывающихъ нашу кредитъ съ помощью жадныхъ въ денежныхъ богатствахъ и необыкновенно ловкихъ и опытныхъ въ такого рода операціяхъ евреевъ *). Этими явленіемъ и выразилась первоначальная исторія нашихъ фальшивыхъ бумажекъ на то время, когда свои мастера практиковались еще на древнемъ способѣ чеканки фальшивой монеты и къ способамъ поддѣлки бумажныхъ денегъ только присматривались и приловчились.

Наибольшее число покушеній обогащаться фальшивой монетою внутри Россіи объявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ городская жизнь скупѣла пригрѣтъ тѣ техническія мастерства и ремесла, которыя облегчаютъ фабрикацію запрещенныхъ продуктовъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе развито заводское и фабричное дѣло. Процентныя сравненія въ ряду многочисленныхъ русскихъ сословій указывала на большую виновность въ этомъ преступленіи именно людей, приписанныхъ къ заводамъ или работавшимъ на фабрикахъ. Имъ уступало даже купечество, наиболѣе въ томъ виновное (по отношенію къ ссыльнымъ за уголовныя преступленія), и замѣчательно далеко остались назадъ крестьяне другихъ наименованій и духовенство (сословія, наименѣе виновныя въ этого рода поддѣлкахъ). Такимъ образомъ, губерніи: Пермская, Нижегородская, Оренбургская, Казанская, Владимирская и Московская обнаружались въ числѣ первыхъ, съ одной сто-

*) Бывшая Вѣлоостокская область отличается самымъ высокимъ процентомъ лѣо всѣхъ. При этомъ евреи, по процентнымъ отношеніямъ во всѣхъ другихъ инородцахъ, занимаютъ самое первое мѣсто. Раскъ обогащаться фальшивыми деньгами въ этомъ народѣ уступаетъ только риску въ попопозновеніяхъ на контрабанду. Такъ увѣряютъ сибирскія цифры.

*) За поддѣлку и переводъ монеты сослано 368 чел. (350 мужч. и 18 ж.), а поддѣлывателей и переводчиковъ фальшивыхъ ассигнацій за то же время сослано только 86 (82 м. и 4 ж.).

роны, по количеству угльных рудъ, съ другою—по обилію слѣпыхъ глазъ въ русскихъ заолустьяхъ смежныхъ губерній и въ средѣ инородческаго населенія, обильно населяющаго всё четыре первые губерніи. Московской и Владимірской пришлось выдвигаться дальше другія внутреннія губерніи по тому счастливому географическому положенію, которое поставило ихъ посреди двухъ самыхъ живыхъ торговыхъ центровъ и на пути къ нимъ, каковы Москва (круглый годъ) и Нижній-Новгородъ (на время двухмѣсячнаго ярмарки). Тутъ и тамъ, въ обоихъ пунктахъ, руководящихъ всѣмъ торговымъ движеніемъ цѣлой Россіи, при слабости нашего торговаго кредита (вызывающей сильнѣйшую потребность въ денежныхъ знакахъ), преступный промыселъ издавна устроился на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Оправдываясь помощью и содѣйствіемъ при тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ товарный обмѣнъ на нижегородской ярмаркѣ и на которыя часто слышатся тамъ жалобы, промыселъ фальшивыхъ денегъ имѣлъ наибольшій успѣхъ въ практическихъ приспособленіяхъ въ то время, когда одна крупная операція, вызывая одновременно вторую, продолжала дѣйствовать въ цѣломъ ряду другихъ, самыхъ крупныхъ и сильныхъ оборотовъ. Когда начинали чай и желѣзо и тотчасъ же шевелили мануфактурные товары, послѣдовательно вызвавшіе движеніе товарами москательными, фальшивыя деньги съ успѣхомъ втирались въ груды разнѣжныхъ знаковъ, которыя быстро переходили изъ однихъ хлопотливыхъ рукъ въ другія, слѣдившія не терять момента, не задерживать хода и успѣха операцій. Подъ видомъ „красноарокъ“ и „гуслицкихъ блявовъ“, фальшивыя бумажки появлялись на свѣтъ Божій, по окончаніи ярмарки, въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ Россіи и, въ шубахъ и безъ шубъ, т. е. въ бумажныхъ рамкахъ, свободно расходились въ болѣе темныхъ и глухихъ заколустяхъ. Тѣ же оптовые приемы торговли и отчасти тотъ же недостатокъ разнѣжныхъ знаковъ въ отдаленныхъ пунктахъ Россіи, при общей слѣпотѣ мнѣошниковъ собственныхъ сырыхъ продуктовъ, омолодившихъ руки и заглубившихъ правы до противоборства грамотности, указали для фабрикаціи фальшивыхъ денегъ такая же видная мѣста подъ Казанью, ведущую сильнѣйшій оптовый торгъ съ Сибирью и Россією, и въ Пермской губерніи, ради Ирбита, ярмарка котораго уступала одной только Нижегородской. Поименно фальшивыхъ бумажекъ, здѣсь въ сильнѣйшей степени укрѣплялась поддѣлка монеты, въ расчетѣ на близость и сосѣдство самыхъ темныхъ людей изъ инородческихъ племенъ, которые въ одно время любятъ задерживать обращеніе монеты; и черезъ приспособленіе ее къ украшеніямъ своихъ нарядовъ и черезъ сохраненіе ее въ землѣ за-

рытою въ кубышкахъ и горшкахъ, какъ древнѣйшій, доисторическій способъ сбереженія капиталовъ.

Насколько силенъ вызовъ фальшивой монеты, обезпеченный и руководимый обычаями и невѣжествомъ инородцевъ, служили доказательствомъ наши тюрьмы—учрежденія наиболѣе неблагоприятныя (по видимому) существованію въ стѣнахъ ихъ фабрикъ подобнаго опаснаго товара. Въ ближайшихъ къ Сибири и въ сибирскихъ тюрьмахъ не было почти ни одной, тщательнаго розыскавія въ которой не навели бы на слѣды этого преступнаго промысла. Промыселъ фальшивою монетою въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ (напримѣръ, тобольской) и въ нѣкоторыхъ заводахъ каторжныхъ (напримѣръ Успенскій заводъ Тобольской губерніи) издавна считался привилегированнымъ *). По временамъ ослабѣвалъ онъ, по временамъ возрасталъ, въ силу большей или меньшей бдительности и преслѣдованій, но, вообще, подчинялся тѣмъ же законамъ, по которымъ, напримѣръ, въ Россіи Воронежская губернія, въ ряду русскихъ, заняла первое мѣсто безъ всякихъ разумныхъ образцовъ объяснимыхъ основаній. Оставаясь подъ прикрытіемъ тайны въ обычное время, промыселъ выбивался наружу при усиленномъ надзорѣ, начинавшемъ устремляться въ одну и ту же точку, но продолжалъ оставаться въ постоянной виновности всё русскія губерніи (съ меньшею виновностью для бѣлорусскихъ и сѣверныхъ и съ большею—на правлѣхъ передатчицъ и проводницъ поддѣловъ—для приволжскихъ и новороссійскихъ; а изъ малороссійскихъ для тѣхъ, гдѣ существуютъ огромныя ярмарки: для Курской, Полтавской и Харьковской).

Насколько распространенъ этотъ промыселъ и широко его примѣненіе въ Россіи, доказываютъ тѣ же тюрьмы, изъ каковыхъ, по дѣлу о разбойникѣ Выковѣ, оказалась виновною даже такая немногочисленная, какъ ланшевская (Казанской губерніи), а равно и глазь народный, сознательно указывающій на многія села и деревни, занятія приготовленіемъ монеты и бумажекъ, на многіе города и въ нихъ на купеческіе дома, застроенные каменными домами улицы и украсившіе ихъ богатыми церквами, съ цѣлью прикрыть и замолить грѣхъ, пособившій первоначальному обогащенію. Въ особенности часты, сильны и убѣдительно подобныя указанія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе скопился въ согласное цѣлое упомянутыя нами причины, каковы, между прочимъ, губерніи Ка-

* Отсюда Тобольской губ., по сравненію съ русскими, принадлежитъ самое видное и почетное мѣсто: въ 9 лѣтъ въ ней накопилось пойманныхъ монетчиковъ 20 (тогда какъ изъ русскихъ, въ тѣ же годы: въ Саратов. 15, въ Симб. 12, въ Перм. 4 и проч.) и дѣлателей ассигнацій 26 (въ Пермск. 6, въ Херс., Волын., Сиб. по 4 и проч.).

занская, Пермская и Тобольская *). Сибирь является страной, наиболее страдающей от разнаго рода поддѣлокъ. Въ ней долгое время, во всей неприкосновенной цѣлости, сохранялся первобытный способъ обмѣна товара на товаръ: пушного звѣря на порохъ, свинець, муку и соль, а въ раздѣльную единицу, на одинаковыхъ правахъ съ серебромъ, золотомъ, мѣдью и бумажными деньгами, допущены даба (особая бумажная матерія кинешемскаго дѣла), кирпичный чай (разбиваемый на куски до цѣнности 5 и 3 копейки) и клубныя марки (въ губернскихъ городахъ до Перми включительно). Въ то же время фальшивая монета и ассигнаціи разгуливали тѣмъ свободнѣе, чѣмъ больше высылалось изъ Россіи мастеровъ, чѣмъ сильнѣе приучали тамошнихъ аборигеновъ къ вѣрѣ въ кредитные билеты и металлическія знаки и чѣмъ чаще являлись затрудненія въ мелкихъ раздѣльныхъ единицахъ. Последнее обстоятельство особенно замѣчательно; участіе сомнѣнныя въ денежныхъ поддѣлкахъ несомнѣнно и мѣста временныхъ и постоянныхъ заключеній безразлично служили мѣстами фабрикаціи. Разница заключалась въ томъ, что на востокѣ Сибири промышленность эта слабѣе, а на западѣ она является во всеоружіи давняго опыта и искусства. За Байкаломъ (около 1848 года), венгерцы и другіе иностранцы, занимавшіеся мелочною разнакою торговлею и фальшивыми большими партіями съ заграничными товарами безъ таможенныхъ клеймъ, но съ поддѣльными пломбами и штампелями, уличены были въ томъ, что приобрѣтали преимущественно серебро и серебряную монету и пускали въ обращеніе фальшивыя ассигнаціи. Тамъ же считали различныя сорты поддѣльныхъ ассигнацій домашняго дѣла: насчитали 25 видовъ и съ отчаянія прекратили счетъ, оставивъ заведенную книгу для любопытныхъ въ архивѣ. Поддѣливали татары, поддѣливали и евреи, но особеннымъ искусствомъ передъ всѣми отличались — по наблюденіямъ начальствъ — тѣ изъ русскихъ, которые были присланы сюда изъ Пермской губерніи за то же самое искусство. Нѣкто Соколовъ дѣлалъ изъ контрабанднаго золота, украденнаго на казенныхъ промыслахъ, такіе червонцы, которые, при осмотрѣ въ Петербургѣ на монетномъ дворѣ, оказались преступными лишь въ томъ, что сдѣланы были изъ чистаго золота (серебристаго золота) безъ лгатуры; „цѣвтомъ пожекатѣ, въ окружности больше настоящихъ, буквы поовальнѣе и не такъ явственны, зубчики крайняго ободка потолще и вмѣсто вѣдочекъ точки“. Подъ Иркутскомъ нашла фальшивыхъ монетчи-

*) Следственными дѣла указывали наичае въ Пермской губ. на заводъ Богословскій и въ Вятской на Камско-Воткинскій. Народныя преданія, преимущественно, сосредоточиваютъ свои указанія на городахъ, лежащихъ на перевалахъ Сибири в Россіи.

ковъ на одноиъ изъ острововъ Ангары (наз. островомъ Любви), а затѣмъ натапливались во всѣхъ тюрьмахъ непрерывно. Въ Западной Сибири промыселъ этотъ разсчитывалъ на омскую линію, черезъ которую продукты выдѣла свободно уходили съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ: и золотые, пробомъ выше казенныхъ, и оловянные цѣлковые, пригодные на киргизскую руку. Ходитъ преданіе, что съ того времени, какъ прошелъ слухъ о предписаніи омскому казначейству раздѣливать фальшивую монету на ходячую, приготовленіе оловянныхъ цѣлковыхъ въ тобольскомъ острогѣ и бумажныхъ денегъ въ Успенскомъ заводѣ производилось въ огромныхъ размѣрахъ. Подъ Тюменью называютъ цѣлыя деревни, указываютъ на заимки, на многіе купеческіе дома, разбогатѣвшіе отъ этого промысла. Нѣкоторые мастера, какъ ссыльно-каторжный Игнатій Поповъ (онъ же Голодаевъ) въ Троицкомъ заводѣ, бѣгло-каторжный Корень въ тобольскомъ острогѣ и Игнатій Цезикъ вездѣ, куда имъ приводила его судьба, приобрѣли повсюдную извѣстность, перешедшую въ потомство. Для нихъ солдаты-сторожа и бабы-торговки являлись на помощь, какъ передатчики; кабаки были мѣстами хранилищъ и казначейскими, а базары — раздѣльными кассами. Тобольскій острогъ напрактиковался въ этомъ занятіи до того, что дѣтъ 80 назадъ пользовался далекою извѣстностью, потомъ началъ ослабѣвать, но въ пятидесятыхъ годахъ обшруживалъ ежегодно, среднимъ числомъ, не менѣе трехъ слѣдовъ монетной и ассигнаціонной фабрикаціи. Тобольская губернія одна давала ровню $\frac{1}{3}$ часть всего количества преступниковъ, сужденныхъ за поддѣлку ассигнацій, и почти $\frac{1}{16}$ часть изъ всего числа людей, ушедшихъ въ Сибирь за поддѣлку и переводъ монеты. Кромя надежды поправить свое отчаянное состояніе при помощи спекуляціи на тенныхъ людей, кромя рокового влеченія забавлявшихся рукъ въ Россіи, не сдерживаемыхъ, но поощряемыхъ каторгою и поселеніемъ, стремленіе къ поддѣлкамъ ассигнацій прикрывалось и политическою цѣлью, но тутъ оно не имѣло особеннаго успѣха. Фальшивыхъ бумажекъ, говорятъ, ссыльные поляки выпустили въ народное обращеніе очень небольшое число. Смыслныя за поддѣлку ассигнацій и монеты и въ ссылкѣ оказались несправными: восемь человекъ, учениковъ тверскаго купца Лабзина, и въ нерчинскихъ заводахъ объявились такими же ловкими и искусными монетчиками, когда привелось отвѣчать отсюда на запросъ изъ Россіи по новоя поддѣлкѣ Лабзина. Не оставалъ отъ нихъ и Францъ Карговскій, торговавшій на каторгѣ виномъ, спиртомъ и водкою, „подъ названіемъ вѣтенберской“, и скачавшій укрѣпленъ свиней, теревей и рибчиговъ, не смотря на то, что нигуда и ни подѣ

какимъ видошъ изъ перчатнаго завода его не отпускали и не позволяли ѣздить по аргунскимъ деревнямъ съ лекарственнымъ ящичкомъ. Игнатій Цезикъ, въ особенности, оставался цѣлныиъ и несправнымъ, подчинившись влеченію несокрушимаго жазненнаго духа.

Цезикъ выучился въ Вильнѣ рисованію и глиннымъ работамъ и долго прожилъ тамъ, показавъ большую страсть и способность. Изъ Вильны онъ переехалъ на родину, въ окрестности Слуцка, и въ родной деревнѣ, вмѣстѣ съ братомъ (отставнымъ военнымъ), занялся хозяйствомъ. Мастерство совершенно бросилъ. Ничто имъ до поры до времени не благопріятствовало, но подвернулся случай: Игнатій поступилъ въ число членовъ какого-то масонскаго общества и, въ увлеченіи его задачами, остановился на мысли приспособить свои знанія и полузабытое искусство къ приготовленію фальшивыхъ денегъ. Кромѣ личныхъ интересовъ поправить свое разстроенное состояніе, онъ руководился и тою задачею, чтобы ослабить кредитъ правительства, и открылъ фабрику фальшивыхъ бумажекъ. Братъ его, Феликсъ, фабрикованную бумагу проводилъ въ обращеніе и, вмѣстѣ съ Игнатіемъ, разсчитывалъ оказать услугу вольности и свободѣ народа. Искусство Игнатія до нѣкотораго времени обезпечивало успѣхъ, но повалился кувшинъ по воду ходить, преступленіе было открыто и оба брата посажены въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ, во время процесса, ни Игнатій, ни Феликсъ не терпѣли времени даромъ. По обычаю многихъ заключенниковъ, и они принялись глинить фигурки изъ гѣста и гѣбба, но съ тою разницею, что на надѣлѣхъ Цезика лежала уже печать даровитости и работы его тотчасъ же обратили на себя вниманіе надзирателей и престоавниковъ. Ему облегчили оковы, доставали глину и по Вобруйску стали расходиться изящные глиняные сосуды, отличающіеся отъ общихъ арестантскихъ пѣтушковъ и корбачекъ, крестовъ и голубковъ изъ лучшимъ, красотою и изяществомъ отдѣлки. Цезикъ и самъ удивленъ былъ не меньше другихъ.

Вобруйское заточеніе возмѣнилось для Цезиковъ тѣмъ, что ивѣнне ихъ было конфисковано, сами они лишены дворянства и приговорены въ Сибирь на каторгу. Въ Тобольскѣ братьевъ разлучили: мѣнѣ искусный Феликсъ ушелъ по назначенію, таллитъ Игнатія обратилъ вниманіе начальства и онъ оставленъ былъ въ самомъ Тобольскѣ въ тюрьмѣ. Здѣсь слава его выросла уже настолько, что глинныя работы его оплачивались хорошими деньгами и отправлялись въ Москву и Петербургъ для подарковъ и на удивленіе. „Подѣлки, выходявшія изъ его рукъ (говорить одинъ изъ знавшихъ его уже восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, не встававшимъ съ постели), красотою фигуръ равнялись гречес-

кимъ зятникамъ; орнаменты кружекъ, кубковъ и вазъ полны были прелести и готической фантазіи; картины же изъ глины были артистическими соваданіями ваятеля. Если бы Цезикъ не бросалъ послѣ Вильны полезнаго ремесла, если бы совершенствовался и учился дальше и больше, въ немъ получили бы необыкновеннаго скульптора“. Судьба распорядилась иначе. Нуждами неволи натолкнутый на трудъ, онъ потомъ прибѣгалъ къ нему ради гѣбба. Личныя лишеныя вынуждали у него ремесленную горючность, работу на спѣхъ и на срокъ, а потому не всѣ надѣлѣи имѣють артистическую цѣнность. Въ старости работы его были даже неудачны. Сдѣлавъ модель, онъ оттискивалъ въ ней кусокъ обыкновенной глины и, пока она сохла, выглаживалъ, выравнивалъ, ображалъ и украшалъ свои надѣлѣи. Неблагодарный матеріалъ не позволялъ ему придавать работамъ своимъ надлежащую окончательность: ломкая, хрупкая глина и трескалась, и коробилась, и, во всякомъ случаѣ, отнимала красоту первоначальнаго рисунка, который потомъ уже нельзя было исправить. Въ Сибири мудро было Цезику искуситься на болѣе твердомъ и лучшемъ матеріалѣ: мраморныя надѣлѣи, по высокой цѣнѣ своей, не имѣли бы тамъ сбыта, да притомъ онъ долженъ былъ думать о самоскорѣннемъ сбытѣ товара. „По матеріалу, которымъ пользовался онъ, мы назовемъ его гончаромъ, но гончаромъ-артистомъ настолько же, насколько Бенвенуто Челлини былъ золотымъ дѣлѣмъ артистомъ“.

Въ Тобольскѣ Цезику жилось хорошо. Начальство покровительствовало, заказы непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ съ перебоемъ. У него были уже домики и садъ, наполненный цвѣтами; въ домѣ жена-сибирячка, полюбившая его всѣмъ сердцемъ и помогавшая ему въ работахъ, и двое сыновей на услуду грядущей старости. Завелъ пріятеля, имѣлись и доброжелатели, изъ которыхъ одинъ (Петръ Мощинскій) назначилъ ему даже пенсію, ежегодную и пожизненную, въ 800 рублей. Кажется, благопріятно соединились всѣ данныя для того, чтобы на томъ ему и покончить жизнь въ изгнаніи, но локвая рука невѣжила и съ глины перешла на бумагу, стала выходить рисунки немудреныхъ старухъ ассигнацій. Одну полицейскій не затруднился принять и спрятать, какъ вятку; поощренный успѣхомъ, Цезикъ приладилъ цѣлую фабрику, былъ уличенъ, опять посаженъ въ тюрьму, снова сужденъ и наказанъ ссылкой въ перчатнскіе заводы въ Акатуйскій рудникъ. Врата тамъ онъ не нашелъ (умеръ въ Олочатъ на Аргуни), стараго ремесла не покинулъ, но и здѣсь дѣлалъ фальшивыя бумажки, за что сажали его на цѣпь и приковывали къ тачкѣ. Онъ выгнѣлъ свою фигуру въ этомъ видѣ—и на томъ успокоился. Уволенный отъ работъ

через несколько лѣтъ, онъ поселился подъ Верхнеудинскомъ, а въ 1357 году переѣхалъ въ Иркутскъ (сосланъ былъ въ 1328 году).

Здѣсь узнали Цезика старикомъ, съ морщинистымъ и блѣднымъ лицомъ, которое нѣкогда было красиво, теперь стало серьезнымъ и украшалось сѣдыми волосами и бородою. Печальная и тревожная жизнь отразилась на немъ во всей своей цѣлости. Работалъ онъ тутъ только для поддержания себя и семейства. Жена и сынъ ему помогали, выгнѣлая по старымъ моделямъ, но эти работы не нѣбли уже души и не красовались прелестями артистической отдѣлки; хотя и носить онъ имя Цезика, но не могутъ почитаться за дѣла рукъ его. За Байкаломъ онъ породагъ подражателей, но эти ремесленники, хотя и съ успѣхомъ спекулировали на его имя, только неизмѣримо далеко остались назадъ. Даже неопытный глазъ въ состояніи отличить его подѣлки отъ поддѣлокъ. Изъ нѣтъ замѣчательны слѣдующія.

Акатуйскій рудникъ (плоская рѣзба): въ долинѣ знаменатая тюрьма, въ отдаленіи—горное селеніе, пристроившееся къ руднику, на горизонтѣ опускающееся за гору солнце, на небѣ нѣсколько облачковъ. На переднемъ планѣ видна игольня и около нее нѣсколько смыльныхъ съ тачками, веаушихъ серебряную руду; впереди, на самомъ первомъ планѣ, онъ, Цезикъ, прикованный по рукамъ и по ногамъ къ тачкѣ, наполненной рудою. Одежда на немъ изорванная и заплатанная. Видны голое плечо, протертое колѣно, сквозять помочи, поддерживающія кандалы. Узникъ отдыхаетъ, подхватившись локтемъ и опершись на правое колѣно; у лѣваго боку легла рука съ молоткомъ; на лицѣ грустная, тяжелая задумчивость и спокойствіе отдыха (статуетка нѣбется на столѣ у пишущаго эти строки).

Лучше законченъ нѣкоторые образа (какъ, напр., св. Варвары), Аристотель съ книгою, стоящій подъ деревомъ (статуетка), и Христосъ, благословляющій дѣтей (плоская рѣзба). А вотъ и онъ самъ въ заточеніи: голова, богатая по мысли, оперлась на руку и обращена къ распятію, стоящему на столѣ. Подъ столѣ играютъ мыши, в, увлеченныя тишиною, приблизились къ ногамъ сидящаго. И опять онъ (плоская рѣзба), съ выходящимъ взглядомъ, смотритъ сквозь рѣшетку окна, къ которому приближается женщина съ двумя дѣтьми на рукахъ—несчастная жена счастливаго на этотъ моментъ мужа. И снова онъ (плоская рѣзба) незримымъ въ отсутствіи жилищъ его семейства: изба, на потолкѣ которой прикрѣпленъ однимъ концомъ шестъ съ корзинкою на другомъ концѣ, замѣвляющей зыбку; на постелѣ подлѣ сидѣть его жена и кормитъ грудью ребенка; у стѣны кудель съ прялкою, горшки и другая мелочь, отдѣланная съ фламандскимъ терпѣніемъ и чистотою.

Сохранилась плоская рѣзба, изображающая мыльные пузыри, которые пускаетъ мнелогическій геній, а сонмъ вѣстныхъ въ исторіи великихъ людей нѣтъ ловить. Степенный и надъ всѣмъ господствующій Часъ злобно усмѣхается подъ наятіемъ думы о томъ, что вотъ я слава такая же, какъ эти мыльные пузыри. Вторая: птица пеліканъ, какъ символъ материнской любви, кормящій дѣтей кровью, добытою изъ собственнаго сердца. Третья (плоская же рѣзба), въ силу впечатлѣній тюремной неволи и подъ вліаніемъ классическаго воспитанія, полученнаго имъ въ Вильнѣ: римлянка, дочь селатора, обреченнаго на голодную смерть въ темницѣ, кормитъ отца собственною грудью. Четвертая: карикатура пѣвниды верхошь на селтиѣ. Дѣлалъ онъ и портреты изъ глины: Мошинскаго благодѣтеля, ссыльнаго въ Тобольскѣ, и Муравьева-Амурскаго, и статуя того же Мошинскаго, Вудды и другихъ божковъ (для продажи буратагъ). Самое большое количество работы вынуждено имъ на продажу въ видѣ бездѣлушекъ для украшенія бударныхъ этажерокъ (трубки курительныя съ мельчайшими ландшафтами или въ видѣ мертвыхъ головокъ, распутившихся цвѣтковъ, фигуры греческой мнелогіи, сахарницы изъ коричневой глины, усаженныя мелкими мушками, вазы, обгнѣпленныя разнообразными листьями), на иной ползеть ракъ, по другой разлетѣлся птичка, расцвѣтъ цвѣтокъ и на немъ усѣлась отягощенная медомъ пчела. Изъ этого сорта особенно замѣчательны дѣт: сигарочница (смыльный, прикованный къ тачкѣ, отдыхаетъ подъ душистымъ деревомъ; тачка для спичекъ, душко для сигаръ) и охотничья кружка. Последняя сдѣлана изъ черной глины и украшена принадлежностями охоты, гдѣ полублещетъ, гдѣ полумракъ, гдѣ наведетъ цѣлый матъ: заяцъ, кабанъ, болотная птица и собака сдѣланы какъ бы тончайшимъ рѣзцомъ. Многие сибиряки утверждаютъ, что нѣкоторыя работы, какъ, напримѣръ, мелкіе ландшафты на курительныхъ трубкахъ, дѣлывалъ онъ въ одиночномъ тюремномъ заточеніи, куда не дають ничего остраго, дѣлывалъ тѣмъ же Шопало: рыбьею косточкою, осколочкомъ тарелки, стакана, оконнаго стекла, но всегда съ одинаковою ловкостью и неизмѣннымъ искусствомъ.

Вотъ на какого человѣка пала зараза обогащенія посредствомъ фальшивыхъ денегъ въ Россіи и Сибири! Если въ Россіи удается отливать монеты такимъ мастерамъ, какъ московскіе пастухи, то понятно, что въ Сибири, въ нѣстѣ сбора неосторожныхъ, но опытныхъ мастеровъ и художниковъ, дѣло подѣлки денежныхъ знаковъ идетъ съ большимъ успѣхомъ и совершенствомъ, тѣмъ въ Россіи. Соперничаетъ съ этимъ ремесломъ тутъ и тамъ одна только преступность поддѣлки фальшивыхъ документовъ.

2. Фабриканты фальшивых документовъ.

Въ Сибири эти попятнозвенія исходятъ изъ необходимости обставить бродяжество болѣе законными атрибутами и преступленіе практикуется съмыслими въ равной степени съ тѣми, которые сочувствуютъ изъ бездолю и горю или подкушены ими. Виновы больше всѣхъ съмыслими (грамотные и письменные люди), но помогаютъ имъ и вольные люди: государственные крестьяне и исключенные изъ службы чиновники. Нельзя удивляться тому, что и на этотъ разъ нѣтъ той тюрьмы въ Сибири, которая, при обыскахъ, не сказала бы бѣ виновницею и не указала бы на ясныя и неопровержимыя слѣды этого рода преступленій. Можно удивляться развѣ тѣмъ требованіямъ и заявленіямъ заключенныхъ арестантовъ, которыя обнаруживаются на слѣдахъ находокъ. Не только въ тюменской тюрьмѣ, но и въ далекихъ тюрьмахъ перчинскихъ, на стертыхъ пятакахъ и десятикопеечникахъ попадаются самыя разнообразныя указанія на волостныя правленія, городскія думы, полицейскія управленія иногда до того отдаленныя, что на курьерскихъ тройкахъ раньше двухъ мѣсяцевъ до нихъ не доѣдешь. Останавливаешься передъ запутанностью комбинацій, недоумѣваешь передъ нахѣреніями и планами заказчиковъ или самихъ мастеровъ и авторовъ, какъ бы передъ задачами многосложнаго и многотомнаго романа, но съ тою разницею, что на этотъ разъ романъ—не вымыселъ, а сама дѣйствительность. Въ тобольскомъ острогѣ оставилъ по себѣ живую память одинъ изъ такихъ мастеровъ—нѣкто Петръ Вѣтвениція (чиновникъ). При обыскѣ камеры въ январѣ 1851 г. нашли въ щеляхъ и углахъ и отобрали у него орудія мастерства и самыя продукты надѣлій. Въ мартѣ опять подобная же находка въ кошелькѣ, вмѣстѣ съ деньгами; въ апрѣлѣ перевели его въ новый номеръ, но и въ этомъ тѣ же находки въ тузѣхъ; въ ноябрѣ уже въ войлочныхъ пимахъ, обшитыхъ холстомъ, въ голенищѣ между холстомъ и войлокомъ. По мѣрѣ того, какъ изловчался мастеръ на изобрѣтеніе болѣе скрытныхъ и потайныхъ хоровушекъ, самое ремесло оставалось въ той же спеціальности. Орудія бывали незамѣтными, мѣнялись лишь заказы и разнообразились задачи: циркуль, деревенный съ желѣзными проволочными шпильками, долотца изъ иголокъ, маленькіе ножики изъ стараго желѣза, роговая кость, куски желѣзной проволоки и пемзы, шпильца изъ иголокъ въ деревянныхъ черешкахъ, истертые съ одной или двухъ сторонъ пятаки и гроши. Въ первый разъ найдены готовыя печати на мѣдномъ пятакѣ: съ одной стороны тобольскаго губернскаго правленія, съ другой—петрозаводскаго

земскаго суда; во второй: бумажная печать, срубанная съ конверта и истинная и опять пятакъ съ поддѣльными: на одной—алатырскаго духовнаго правленія, съ другой—сибирской духовной консисторіи; при третьемъ обыскѣ: печать Илимскаго округа гагарьевскаго волостного правленія, и при четвертомъ—готовая печать на пятакѣ: съ одной стороны саратовской градокой думы, а съ другой—градской же думы, но уже сибирской. Въ предыдущемъ году и въ томъ же острогѣ такихъ печатей наложено восемь съ не менѣе замысловатыми указаніями (между прочими на одномъ мѣдномъ кружкѣ и на красноярскую и на черномырскую градскія думы). Подозрѣвались и прикованные къ стѣнѣ и ходившіе по волѣ. Надѣлія находили и въ подушкахъ, и закладенными подъ полость, и въ стѣнѣ, гдѣ нибудь за печью. Вездѣ было мѣсто и по всѣмъ тюрьмамъ широкое приспособленіе этого рода поддѣлкамъ, предшествующимъ побѣгамъ и вызываемымъ бродяжествомъ.

Въ Россіи наибольшее число такого рода фабрикантовъ объявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сильнѣе развито бродяжество (въ Новороссійскомъ краѣ) и гдѣ этотъ промыселъ столько же древень, какъ сама паспортная система (губернія Саратовская съ землею войска Донскаго и сосѣдними приволжскими, Сибирскою и Астраханскою). Въ поддѣлывателяхъ первое мѣсто въ ряду сословій принадлежитъ дворянству (по процентному отношенію); затѣмъ второе солдатамъ, а дальше: дворовымъ, мѣщанамъ, духовнымъ; между съмыслими: бродягамъ (въ 9 лѣтъ 345 муж., 134 жен.), поселенцамъ (31 чел.) и каторжнмъ (11 чел.). Между съмыслими, виновными противъ интересовъ казны, уличенные въ поддѣлкѣ фальшивыхъ документовъ, составляютъ въ общемъ числѣ дѣлаую половину.

Народная молва и стѣдственные показанія пойманныхъ съ фальшивыми видами умѣютъ указывать, и въ Сибири и въ Россіи, не только на отдѣльныя лица и семейства, но на цѣлыя города и селенія, гдѣ приготовленіе поддѣльныхъ актовъ (и преимущественно паспортовъ) составляетъ спеціальныя, привилегированныя промыслы. Для нѣкоторыхъ городовъ (вродѣ Казани, Нахичевани и Ростова-на-Дону, Кунгура и Тюмени въ Сибири) и для многихъ селеній (вродѣ семейскихъ за Вайкаломъ и села Алексѣевского въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи) воровской промыселъ, сосредоточенный на ущербахъ казны, покрытъ сѣднми древности. Поддѣлки другого вида документовъ и актовъ, входя въ исключительное занятіе служилаго дворянства, сосредоточиваются, естественнымъ образомъ, въ городахъ и усиливаются количествомъ сообразно съ числомъ тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ власть и

силу и влаждуют искусствомъ и знаніемъ. Сибирскія табели, дѣлая крупныя намеки и рѣзкія указанія на Москву и Петербургъ, для сравнительной преступности городовъ не давали никакихъ данныхъ. Вообще, по дѣламъ этого сословія табели оказались въ крайней несогласности. Такъ, напр., табели сводили вмѣстѣ цифры сосланныхъ за „мздоимство и лихоимство“, обѣщающія обиліе жертвъ этого первороднаго грѣха и подъ двумя наименованіями скрывающаго одинъ в тотъ же видъ крайне застарѣлой и сильно распространенной болѣзни—и оставались при полнѣйшей несогласности суда и приговора. Считаешь излишнимъ входить въ разбирательство причинъ, ослабляющихъ цифру больныхъ, превратившигъ хроническую болѣзнь въ поразительное ничтожество. Возвращаясь снова къ тѣмъ, которые говорятъ о себѣ съ большою откровенностью, но лишены возможности быть судимы самимъ себя и находить защиту въ адвокатѣхъ изъ своего же рода и той же кости (не бѣлой, а черной). Вотъ снова два вида крестьянскихъ преступленій, изъ которыхъ одно отжило свой вѣкъ и почти исчезло. Это корчемство виномъ и корчемство солью.

3. Корчемники и контрабандисты.

Искусственно созданный властелинъ, заручившійся быстро нарастающими денежными богатствами, убитый наповалъ нмѣйшею системою питейнаго сбора, питейный откупъ, нѣкогда державшій въ своихъ рукахъ почти всю Россію, въ Сибири служилъ выразителемъ своею могуществомъ тѣмъ жертвами, которыхъ онъ услалъ за преступленіе, называемое корчемствомъ вина. Преступленіе, искусственно вызванное и проявившее свой долгій вѣкъ, опираясь на всемогущую силу денегъ и подкупа, имѣло для народа то значеніе, что, уловляло падкое на соблазнъ челоѣчество именно тамъ, гдѣ прилажены были ловецкія сѣти и обильно разсыпаны соблазнительными приманки. Мѣстами этии полагались тѣ пункты, на которыхъ встрѣчалась задурманенная и некрѣпкая водка съ настоящимъ и добротнымъ продуктомъ вольнаго промысла. съ такъ называемомъ „вольною“. Мѣста эти были, по преимуществу, мѣстами ловли для корыстнаго промысла, не желавшаго ходить прямыми путями и искавшаго себѣ оправданія въ карательной силѣ временныхъ постановленій. Задавалась откупъ охота и ловля съ наименьшимъ успѣхомъ въ средѣ народа, слышавшаго о вольной продажѣ и добротной водкѣ только по рассказамъ проѣзжихъ купцовъ съ украинскими армярокъ и проѣзжихъ солдатъ, возвращавшихся отъ холмовъ или изъ польской стороны на родину. Въ мѣстахъ, ближайшихъ и смежныхъ съ Украиною и Вѣлоруссіею, сила соблазна разрѣшилась

тяжестью ссылки для тѣхъ, которымъ судьба довела послаться вблизи самыхъ границъ, на пунктахъ встрѣчи обоимъ враждебныхъ лагерей. Какъ очистительныя жертвы за „вольную“ и напрасныя за откупъ, ушли въ Сибирь преимущественно крестьяне и въ наибольшемъ числѣ изъ губерній, прилегающихъ къ тѣмъ, гдѣ узаконена была вольная продажа вина. Въ 20 лѣтъ 366 чел. изъ Смоленской (съ границъ Могилевской и Черняговской), 364 изъ Курской, 181 изъ Псковской, 158 изъ Орловской, 54 изъ Харьковской, 44 изъ С.-Петербургской и 23 изъ Воронежской явно и сильно высказались протестомъ противъ тяжелаго и неодолимаго запрета. 1.227 муж. и 20 жен. ушли въ Сибирь избранными изъ неосторожныхъ и неужтлихъ, оставивъ позади себя массы ловко спрятавшихся или откупившихся высокою цѣною домашнихъ сдѣлокъ. Образованный и полицейный силой предоставленной власти, откупъ, на первый же поразъ, воспользовался ею со всею неводержимостью баловня, съ расчетомъ на острастку и съ безразсчетными порывами на собственное безславіе въ потомствѣ. Съ 1832 года въ немъ обнаружались неводержимыя поползновенія на кару нерадѣвшихъ его интересамъ и, въ первые годы, по его ходатайству и указаніямъ выслано было въ Сибирь 805 челоѣвъ (мужчинъ и женщинъ). Когда время охолодѣло первый шылъ и жаръ опыта благо навадника, число подятыхъ изъ подъ ноги и раздавленныхъ уменьшилось (съ 1840 года) почти на половину (въ семь слѣдующихъ лѣтъ сослано было 442 челоѣва).

Таковы орнаменты (въ числѣ другихъ весьма многихъ), которые Сибирь посылаетъ отъ своего избытка на украшеніе памятника умершаго врага народной жизни, одного изъ сильныхъ противниковъ благосостоянія рабочихъ классовъ, для которыхъ гроза ссылки за корчемство прошла теперь мимо. Въ наши дни она виситъ только надъ тѣми изъ представителей русскихъ сословій, которые развели пары и пустили воду подъ выкуренные заводы, но, говорятъ, эта туча тихо разридилась и до силъ поръ не дала громовыхъ оглушающихъ раскатовъ. Въ Сибири, въ старыя времена, корчемство виномъ (само-садка) представлялось явленіемъ нововду распространеннымъ. Причина его междѣ была слѣдствіемъ изобилія глѣба (25 коп. ас. за пудъ), какъ по Иртышу въ Западной Сибири, такъ и въ Минусинскомъ округѣ Восточной Сибири. Тутъ и тамъ выкуренное дома вино отапливалось въ 15 разъ дешевле кабацкаго. Противъ само-садовничковъ устраивалось вѣчное осадное положеніе и, временами, при поминкахъ затѣвались кровопролитные баталіи. Нерѣдко сыщики откупщика злонамеренно подбрасывали крестьянамъ тугезы (бураки) и кубы и при помощи застѣделей срывали вѣзтки съ невнятныхъ или за-

ивали дѣло. Въ Минусѣ ревизовавшій свою юрнню ген.-губер. Броневскій наткнулся, къ прочимъ, на такое дѣло, которое было главнею такъ: „Дѣло о найденномъ у кстьянина тувѣ съ западомъ яко бы коршаго вина“.

Второй видъ корчемства, котораго казна не зала на откупъ въ частныя руки алчныхъ мысленниковъ и не организовала въ отшную комиссионерскую систему, было корчество солью. Оно выразилось въ Сибири гбчательно слабымъ проявленіемъ своего существованія. Неправильная, воровская торговля съ продуктомъ, на который крестьянныи всегда знали быть приготовить наличныя деньги и орый составляетъ для него самое большое рущеніе и предметъ первѣйшей необходимости, къ счастью, не преслѣдовалась съ азартъ, озлобленіемъ и постоянствомъ. Сибирская бр, ничего не доказывала, въ то же время же не свидѣтельствовала о томъ, что тайный мыслель былъ слабъ, что казенная соль, коая для однихъ мать (напр., для казаковъ ьскихъ), для другихъ мачиха (каковы всѣ альные ея потребители)—не представляетъ дукта, способнаго окрылить смѣльчака и азвить его взять, сколько можно, на потребу, съ продуктъ торговли и промысла. Въ числѣ тить русскихъ мѣстностей та же Сибирь дставляла примѣры удачной практики, съ гь различіемъ, что корчемная (коряковская), по туземному, амшевская) соль въ Заюой Сибири отличается отъ таковой же каюой торопливою отдѣлкою: она грязна на гь, горьковата на вкусъ, неустойна въ разъ. Но и при этихъ недостаткахъ соль авивается въ употребленіи по вызову безленныи потребностей въ грибной, рыбной югадой мясомъ Сибири и подтверждаетъ поеніе Либиха, что расходъ соли показываетъ пень благосостоянія народа и развитія его ьскаго хозяйства. Пониженіе цѣвъ на каюую соль обезсилило ворчемство, которое и казо теперь въ силу новаго закона о соли торгавт. Тѣмъ же опасностямъ и тамъ же шергалось и казенное вино, но съ тою разцелью, что оно вохищалось есылыными исплюельно на собственную потребу и усладу, а ь—преимущественно для продажи на гроши, съ продуктъ, посредствующій для вымѣна ъ же вина на ту же усладу и потребу. За кражи на мѣстахъ ссылки расплачивались то чаще домашними наказаніями; сильнѣе груби и большѣ были за другія кражи, изъ торыхъ одинъ родъ виныяють въ крупную ступность. Между прочимъ, воровство азга, подъ строгимъ именемъ „похищенія драцѣнныхъ металловъ съ промысловъ“, виею въ особую графу для табелей о осмыльныхъ Россіи.

Въ Россіи кража золота (не предьявленнаго въ казну и пошлиною не оплаченнаго) выражалась наименшею цифрою въ общемъ ряду всѣхъ другихъ преступленій, потому что соблазнъ предлагается только въ одной богатой всякими металлами мѣстности. Только одно солловіе заводскихъ крестьянъ отличалось исключительно виновностью. Только три губерніи въ этой кражѣ участвовали (Перискаая, Оренбургская и Вятская) по роковому влеченію соблазномъ драгоцѣннаго металла, который лежать, быстро истощаясь, въ почвѣ земли рудоноснаго Урала, въ богатыхъ песчаныхъ пластахъ восточнаго склона хребта. Со времени Петра началась промывка золота, а стало быть и его кража, но съ 1835 г. Сибирь получила возможность (въ одно время съ контрабандистами иностранныхъ товаровъ) пронаводить учетъ виновнымъ въ кражѣ золота. На первые годы цифра была велика. Затѣмъ политители стали осторожнѣе. Цифра примѣтно упала и на практикѣ выразилась тѣмъ, что гдѣ больше существовало соблазновъ, тамъ и большее количество искушенныхъ грѣшниковъ; на югѣ Урала некушенія чаще и изъ Миасскихъ и Златоустовскихъ округовъ, поэтому, высылка сильнѣе и вѣрнѣе (и все тѣхъ же заводскихъ крестьянъ, съ добавкою самаго незначительнаго числа солдатъ и башкиръ, какъ передатчиковъ). Въ Сибири это преступленіе вступаетъ въ болѣе широкія права не столько потому, что Россія успѣла уже снабдить ее людьми умѣлыми и дозукими (которые, можетъ быть, стали тамъ, умудренныи опытомъ, осторожнѣими), сколько по тѣмъ предрасполагающимъ причинамъ, что производство казенныхъ и частныхъ работъ находится въ рукахъ каторжныхъ и поселенцевъ. Большинство послѣднихъ, какъ извѣстно, принадлежать къ сосланнымъ за воровство и, на самомъ дѣлѣ, сибирскую кражу золота можно назвать преступленіемъ поселенческимъ. Людская молва на частныхъ золотыхъ промыслахъ указываетъ, какъ на пособниковъ и передатчиковъ, на тѣхъ, которые ѣздятъ въ хвостѣ рабочихъ съ водкою и ситцами и останавливаются отъ мѣста работъ и резиденцій въ почтительномъ, установленномъ законами отдаленіи. Здѣсь способности евреевъ и живучести въ нихъ страсти къ драгоцѣннымъ металламъ отдають всѣ и всегда предпочтеніе. Въ Сибири на евреевъ выпало сильное подозрѣніе (особенно въ Западной) въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Хотя, по сибирскому учрежденію 1822 года, и принято въ основаніе не допускать поселенія евреевъ на сибирской линіи (южной границѣ), тѣмъ не менѣе 40 еврейскихъ семействъ водворены тамъ „попущеніемъ мѣстнаго начальства“ (какъ сказано въ сенатскомъ указѣ 5 апр. 1828 г.). Такія злоупотребленія вызвали по-

ложительныя мѣры обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губернію, далѣе отъ горныхъ заводовъ Колывано-Воскресенскаго округа. Оставили только тѣхъ, которые, причислившись къ крестьянамъ, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ, и, разумеется, послѣ этого распоряженія не перестали контрабандировать. Не мало еврей охотки на руку и на казенныхъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго горнаго округа, хотя здѣсь приобретателями являлись безразлично всѣ, отъ казенныхъ подрядчиковъ и вольныхъ торговцевъ до крестьянъ, солдатъ и казаковъ. Рабочіе смелые воруютъ, вышедшіе на пропитаніе и исправленіе прикрываютъ, свободные люди покупаютъ, а казаки передаютъ за китайскую границу съ тою же ловкостью, съ какою принимали отсюда контрабандный чай всякаго сорта. Женщины и здѣсь охотливѣе ходили на такое дѣло, требующее крайней осторожности, таинственности и ловкости, при помощи каковыхъ въ итогѣ являлся тотъ фактъ, что самая преступность гораздо сильнѣе, чѣмъ доказывающія это цифры пойманныхъ и уличенныхъ; женщина, во всякомъ случаѣ, продавщица, какъ тюремные надзиратели, то есть солдаты, первые приемщики *). Вѣсть съ золотомъ, извѣстнымъ подъ именемъ „желтой пшенички“, на нерчинскихъ заводахъ шла кража серебра и контрабандная продажа его за китайскую границу, по той же процедурѣ таинственныхъ приемовъ и почти съ такимъ же успѣхомъ и выгодой въ предпріятіяхъ. Около серебра воровство хитрѣе; при пестраномъ зо-

*) На Барѣ золотникъ краденнаго золота продавался за 1½ руб. и не дороже 2 руб. (въ жазнѣ стоить 3 р. 57¼ к.). Если обмануть у монголоу на кирпичный чай, то цѣна поднималась на золотникъ до 7 руб. и выше (даютъ 10 кирпичей, а по 70 коп. кирпичъ—въ первыхъ рукахъ; въ нерчинскомъ заводѣ давали за него 90 коп. и 3 руб.). Характерное дѣло объ убійцѣ изъ евреевъ Ханѣ Вудевѣе обожали слѣдующія подробности промысла хищническимъ золотомъ: арстанты разъ подрались между собою по тому поводу, что выпили не по равному количеству водки, принесенной покупателями золота, а въ кражѣ участвовали всѣ въ равной степени. Вудевѣе указывалъ при этомъ на самого зрителя замка. Въ доказательство своихъ словъ, онъ представилъ три свѣтка, которые перекупилъ у товарища на вѣсѣ. Вѣшали золото на тѣхъ же вѣскахъ, на которыхъ развѣшиваются въ арстантской кухнѣ порціи мяса и хлѣба. Тюремный староста (Козобаевъ) ввѣлъ золото по 1 руб. золотникъ и, сверхъ того, обязался угостить виномъ. Купленное золото староста перепродалъ урчинкамъ, а вино принесъ на развѣсъ, откуда оно было доставлено на тюремную кухню въ опростанной посудѣ и потомъ, подъ видомъ нища, принесено въ тюремную казарму. Другой разъ этотъ же представитель золотлюбиваго племени продалъ горному служителю 2 золотника золота за нудъ орѣховъ, которыми и услаждалъ тюремную тоску, сокращая довѣчное время каторжнаго бездѣля сибирскимъ женскимъ способомъ.

лотъ рыскачей воровской трудъ облегченъ былъ до крайней степени простоты и возможности. Шелкинский заводъ, съ самаго начала разработки золотыхъ приисковъ на Карѣ, былъ такимъ мѣстомъ, гдѣ покупка краденнаго золота производилась въ значительныхъ размѣрахъ. Сколько разъ ни пытались ловить, ничего не выходило: попадалась мелкота съ золотниками и долами, пуды и фунты сквозь разставленные сѣти прорывались наружу. Во время одной сенаторской ревизіи выискались жадки-щейки, нахвастались, наговорили, наобѣщали съ три короба, подложили золото къ одному польскому изгнаннику, но строгое слѣдствіе показало лишь то, что и здѣсь еврей ходили на обманъ, а во 2-хъ, отысканное золото вовсе не карійское, потому что было очень высокой пробы, по всему вѣроятію оноалось сюда съ частныхъ промысловъ и, вѣроятно, изъ Западной Сибири или даже съ Урала. Въ Западной Сибири тѣ же контрабандисты еврей съумѣли обнаружить прежнія наклонности и не смиренное смысломъ досужество въ такой степени, что сенатъ въ 1826 г. (указомъ 5 апр.) предписалъ переселить ихъ въ другія мѣста Сибири. Еврей объявился въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Способствовало къ тому житье по линіи 40 семействъ, водворенныхъ поупущеніемъ мѣстнаго начальства, не смотря на то, что сибирское уложеніе 1822 г. подобнаго поселенія не дозволяеть. Предполагалось оставлять впродъ только тѣхъ, которые, причислившись въ крестьяне и мѣщане, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ. Приказу вѣжливо обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губернію, далѣе отъ горныхъ заводовъ Колывано-Воскресенскаго округа. Мѣра эта, ослабивъ временное зло, не служила препоною для прекращенія основнаго зла и переселенные стали породачниками. Уральское золото ѣзжало въ челодачникъ съ евреями, привѣзавшимъ за нимъ по нѣскольку разъ въ годъ, въ условное время, изъ г. Гродны даже въ самое ближайшее къ намъ время.

Перехода отъ этого, преимущественно сибирскаго, преступленія къ контрабандѣ, мы на этотъ разъ снова имѣемъ дѣло съ такимъ преступленіемъ, которое составляетъ принадлежность отдѣльныхъ мѣстностей и можетъ быть названо въ Россіи исключительно пограничнымъ. На всѣхъ нашихъ границахъ контрабанда является господствующимъ, сильнымъ и неизлечимымъ зломъ, не исключая сѣверныхъ холодныхъ и южныхъ степныхъ и пустынныхъ, на всемъ протяженіи отъ Прута на Закавказье, по пограничной линіи со средне-азиатскими владѣніями до Иркутска, забайкальскихъ и амурскихъ предѣловъ, пользующихся правомъ ростапса. Тамъ, гдѣ граница встрѣчается съ наиболѣе промышленными и торговыми странами,

каковы государства европейскія, преступленіе это является во всемі блестящѣ, со всею несокрушимую настойчивостью и давнишнею послѣдовательностью. Пѣшкомъ, въ видѣ ящика за плечами или на бойкихъ, приспособленныхъ къ этому дѣлу лошадакъ врывається къ намъ контрабандный, безпошлинный товаръ, соблазная всѣмъ безразлично, отъ бессарабскихъ цыганъ и польскихъ евреевъ до малороссовъ Юго-Западнаго, литвиновъ и бѣлоруссовъ Сѣверо-Западнаго края и кончая чуками за Петербургомъ и подъ самымъ Петербургомъ. Еще уголовная статистика не рѣшила, кто ловче: петербургскій ли чуконецъ или сибирскій кизакъ, закавказскій армянинъ или волиньскій малоросъ, или же и въ самомъ дѣлѣ еврей (какъ подсказываютъ сибирскія табели) взялъ надо всѣми перевѣсъ, объявился съ большею склонностью (по процентному отношенію чиселъ) и съ большимъ искусствомъ (по повсюдному обществуному мѣрнію)*). Сибирскія табели говорятъ, что мѣщане преступнѣе въ этомъ промыслѣ крестьянъ. Смыслныя за контрабанду стали считать въ Сибири съ 1835 года и во второмъ десяткѣ лѣтъ насчитали ихъ почти въ 7 разъ больше, чѣмъ въ первомъ, и контрабандисты противъ общаго числа сосланныхъ за покушеніе на интересы казны составляютъ $\frac{1}{40}$ часть. По абсолютной цифрѣ жертвъ, или всѣхъ пограничныхъ и ближайшихъ къ границѣ, выдѣлились губерніи: Волинская (52 муж., 8 жен.), Виленская (34 муж., 5 жен.), Гродненская (15 муж.), Курляндская (11 муж.), Подольская (9 муж.), въ тѣ 12 лѣтъ, которыя слѣдовали первыми послѣ учета въ Тобольскѣ**). Не забудемъ при этомъ, что на мѣстахъ соблазновъ для тайнаго ввоза иностранныхъ товаровъ, при встрѣчѣ дорогихъ таможенныхъ съ болѣе дешевыми непломбированными товарами, для пресѣченія преступленій организована вооруженная стража. По вызову ея и для собственной защиты, контрабанда, въ свою очередь, вооружилась огнестрѣльными снарядами, съ ружьями, заряженными обыкновенно картечью, и въ цѣлыхъ отрядахъ. Отряды эти, во время пути, спереди и сзади прикрываются заводомъ вооруженныхъ людей и, сверхъ того, обезпечиваются, гдѣ нужно, боковыми патрулями и даже разбѣздами. По переходѣ за границу, шайка находить подставу, приготовленныхъ верховыхъ

крестьянскихъ лошадей. На нихъ контрабанда доходитъ до еврейскихъ мѣстечекъ и въѣзжаетъ въ нихъ уже среди бѣлаго дня съ пѣсками. Здѣсь товаръ немедленно разбирается по рукамъ и поступаетъ либо въ экипажи шляхты, либо въ коробки евреевъ для разноски. Оттого-то всего чаще запрещенный товаръ попадаетъ мелочами. Подъ именемъ контрабандистовъ уходятъ въ Сибирь передатчики, а главные оптовые воротилы за пятою спиною подставныхъ остаются на мѣстахъ въ полной безопасности. Границы, по обѣ стороны, усажены комиссионерами. Ближайшіе города населены оптовыми торговцами; частныя мѣры (а не общія) состоятъ только въ понижѣ нѣсколькихъ тюковъ и не приносятъ никакой пользы. Главныя воротилы въ Сибирь не сосламо, а германскіе города, и между прочими Лейпцигъ (во время армарки), выработали особый родъ промышленности, состоящей въ заготовленіи огромнаго количества деревянныхъ ящиковъ для товара, идущаго въ Россію тайными путями. Такимъ образомъ, контрабанда, выходя на тайныя дороги свои, иногда обливаецъ свои слѣды кровью, идя на проломъ малочисленной стражи или отстрѣливаясь при неудачѣ и при отступленіи за границу, не падаетъ собственныхъ и чужихъ жертвъ, словомъ—является въ формѣ разбоя. Тогда и контрабандисты, въ видѣ убійцъ, пропадають въ общія и темныя сибирскія цифрахи. Контрабанда или безпошлинный провозъ заграничныхъ товаровъ, какъ настоящій промыселъ, выработала свои спеціальныя приемы, какъ промыселъ тайный, стоящій среди всякихъ опасностей, потребовалъ условной искусственной терминологіи, непонятной профанамъ. Главныя заводчики дѣла—приказчики заграничныхъ конторъ (для Петербурга гамбургскіе), ежегодно развозящіе образчики полотна, шелковыхъ матерій, муара, саттевъ, холстинокъ. Заказы даютъ обыкновенно люди, искусившіеся въ опытѣ передать, и получаютъ товаръ, всего чаще, на девятимѣсячный кредитъ. Такихъ заказчиковъ у каждой конторы бываетъ по 30—50, въ числѣ которыхъ несостоятельныя оправдываются аккуратными плательщиками. Запроданные товары имѣютъ свои депо, между которыми предпочитаютъ морскіе острова (вродъ балтійскихъ Нарвега и Голланда) и ближайшіе къ границамъ города и мѣстечки, между которыми наибольшую опытностью отличался Грудскъ (въ Подол. губ., на австрійской границѣ) и Копичевъ (около Тильзита). Впрочемъ, вся прусская и австрійская граница усыпана стрѣвами и жилими избами разныхъ наименованій и населенными именно такими жителями, которые, подъ видомъ хозяйственныхъ нуждъ, имѣютъ право свободнаго подхода къ границѣ и переезда ея въ любомъ пунктѣ, хотя до ста разъ въ день. Сосѣди ихъ, живущіе на русской тер-

* Изъ 26 мѣшанъ всѣхъ городовъ Имперіи выдѣлялось 14 евреевъ.

** Въ 1819 году отправлена въ Сибирь цѣлая колонія иѣмцевъ и иѣмокъ, сосланныхъ по громкому и извѣстному въ то время ревельскому дѣлу о контрабандѣ. Всѣ они заручились рекомендательными письмами къ тогдашнему губернатору Ш. М. Сперанскому. «Привезли мнѣ много рекомендательныхъ писемъ (писалъ онъ къ дочери), но много пособить имъ я не могу. Сколько можно, однако же, пособлю».

ратории цѣлыми деревнями, ни что иное, какъ переводчики, анжикки. Между ними крестьяне графа Зубова, Огинскаго и друг. особенно пользовались извѣстностью, сколько по ловкости, смѣлости, наглости, столько же и потому, что дѣйствовали артелями, принимали товаръ на свой страхъ, обезпечивая его за границею значительными залогоми звонкой монеты. Продолжительная игра съ большими ставками и большимъ рискомъ переродила этихъ крестьянъ въ рублистельныхъ, азартныхъ игроковъ, со всеми свойствами и послѣдствіями. Если товаръ благополучно доставляетъ, залогъ возвращается, барыши раздѣлены соответственно величинѣ залога — часть ташится въ корчмы и тамъ рачительно пропиваетъ заработокъ. Если товаръ захватывается, то и залогомъ пропадаютъ, а крестьянинъ разворонъ до тла, залогомъ и заны у жиды или шляхты за высокіе проценты. Деморализация нравовъ въ такихъ мѣстахъ такова, что эти селенія невинные сосѣди считали притонами и гнѣздыми разбойничьими. Успѣхи контрабанды основывались, между прочимъ, и на томъ, что: во 1-хъ, такъ называемый аршинный товаръ отличался лучшею добротой, потому что не было нужды дѣлать его, легче для таможенъ, которыя берутъ пошлины съ вѣсу, во 2-хъ, подобный товаръ находился въ третьихъ рукахъ въ небольшихъ количествахъ, пошлина только затрудняла, не вела къ цѣли, выскла неурядности осмотра и свидѣтельства лавокъ; въ 3-хъ, являлось облегченіе на товаръ, не подлежащій клеюму.

Товаръ, не подлежащій клеюму и извѣстный у контрабандистовъ подъ именемъ короткаго, немедленно имѣлъ право занять мѣсто въ магазинѣхъ и глазъ не колетъ, а потому немедленно выставляли на показъ наптки, часы, фарфоръ, хрусталь. Доказавъ его незаконность не было особенной возможности, законъ ст. 1347 св. зак. т. VI ему даже покровительствовагъ. А потому, напр., карандаши съ пошлиною 20 коп. за дюжину, продавались (лучшіе кипарисные) не дороже 15 коп.; въ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній за 12 приборовъ бронзовыхъ пуговицъ платили пошлины 18 руб., продавали контрабандныя отъ 4—15 руб.; лучшая фарфоровая трубка съ живописью и въ оправѣ требовала 1 р. 15 к. пошлины, продавалась за 30 коп. и проч. Наибольшія соблавы возбуждаютъ, разумеется, прежде всего товары первой необходимости и, по мѣрѣ того, какъ вырастаетъ потребность, съ тою же силою укряпляется контрабанда, напр. кофею, собирающагося большими складами гнѣвныи временемъ и вывозимаго обыкновенно зимою. Сахаръ на западныхъ границахъ стоитъ подъ защитою свекловичнаго и врывался въ оборотной бумагѣ съ этикетами свеклосахарныхъ заводчиковъ, заготовленными въ городахъ

близъ границъ. Богатство выработаннымъ средствомъ и способомъ ввоза позволяло во многихъ мѣстахъ составиться цѣлымъ товариществамъ, которые брали доставку товаровъ въ Россію на свой страхъ (таковыя существовали во Львовѣ, Гамбургѣ, Любечѣ и, особенно, въ Лейпцигѣ), брали 10% надатка и, только по доставкѣ товара, получали остальные 90% и 30% за доставку. Приемъ всегда у нихъ одинаковъ, производился гласно; въ русскіе предѣлы товаръ отправлялся раздробленнымъ; бронзовыя вещи, посуда и прочее разбирались по частямъ и въ одну бочку кладывались крышки и подоны, въ другую — постанты, въ одну перчатки съ одной руки, въ другую — всѣ съ другой руки. На аукціонѣ могъ купать и покупалъ только тотъ, кому довели недостающія вещи. Впрочемъ, гуртоваая отправка — рѣдкость и требуетъ различныхъ хитростей, изъ которыхъ уже большая часть извѣстна и предусмотрѣна. Всего чаще товаръ перевозился безпрестанно по малымъ частямъ. Попытка въ этихъ случаяхъ вѣнчалась ничтожнымъ успѣхомъ, не поддерживала энергій наблюдателей, нимо которыхъ проѣзжалъ пароходный шкиперъ, угнѣвший очень искусно прятать запрещенный товаръ, путешественникъ, залочившійся прятать около себя и нескучающій нѣсколько разъ путешествовать съ судна на берегъ и обратно. Проскользали консулы, курьеры, равные членамъ посольства и послышки на нихъ имя, наши собственные чиновники и проч. Товаръ подлежащій клеюму и опасный тѣмъ, что могъ быть признанъ безъ штемпеля и внутри имперіи за контрабандный, во вторыхъ и третьихъ рукахъ поступалъ подъ особое покровительство шляхты, пановъ, портныхъ, модистокъ и тѣхъ же чиновниковъ. Но и въ этомъ случаѣ, будучи контрабандомъ, онъ могъ быть проданъ за кушанный послѣ конфискации. Внѣр иной товаръ не любятъ и у себя не держать, предоставляя путь другимъ сословіямъ замѣшаться въ тотъ грѣхъ, за который закупаютъ ихъ исключительно. Замѣшивались въ контрабандисты еще и солдаты пограничныхъ войскъ. Способъ этотъ назывался машиннымъ и состоялъ въ томъ, что солдаты таскали товаръ по частямъ и передавали при облодахъ, объѣздахъ и при смѣнахъ. Пошлянные врасплохъ извозчики бросали товаръ и лошадей, облегчая таможеннымъ счетъ конфискацій. Товаровъ, уловленныхъ такими и иными способами въ 1843 году, по официальнымъ даннымъ, считалось по всѣмъ таможеннымъ государствамъ почти на 300 тысячъ. Если принять расчетъ контрабандистовъ, кои считаютъ въ сложности не болѣе двухъ со ста на переизвеченный товаръ, выйдеть, что контрабанды должно быть ввезено на 10 мил. руб. сер., а вся привозная торговля составляетъ 75 мил. (см. „Чте-

ніе общ. ист. и древн. рос.“ 1861 г.). Частныя мѣры, такимъ образомъ, бессильны, общія преобразовательныя общали успѣхъ; кабинетныя правила деморализировали нравственность пограничнаго купечества и выучили всякаго рода уловкамъ и обманамъ. Въ особенности, въ этомъ отношеніи, поучительна была кяхтинская торговля въ то время, когда потребление чая (цѣлѣбнаго) немовѣрно возросло, а кирпичный сдѣлался продуктомъ основнаго потребления и первой необходимости у сибирскаго простаго народа.

При различіи нашихъ товаровъ на Кяхтѣ, наши купцы вовсе не старались выказывать лучшее или настоящее достоинство товара, а напротивъ, прибѣгали къ такимъ споривкамъ, чтобы товаръ казался, по возможности, худшаго сорта, такъ, напр., заглаживали сукно противъ ворса, чтобы оцѣнка была ниже. Высшей оцѣнки на Кяхтѣ боялись потому, что тогда товаръ могъ залежаться, особенно, если у купца не было для придачи опіума или преимущественно золота и серебра. Одинъ изъ богатыхъ московскихъ фабрикантовъ, торговавшій на большую сумму съ Китаемъ, наработалъ разъ плану почти всю пропорцію для Кяхты, сдѣлавъ ее противъ устава и общеприятной мѣры полувершкомъ шире. Последняго никто не замѣтилъ. Назначили цѣны. Китайцы тотчасъ увидѣли разницу и весь товаръ разошелся, а у прочихъ его не тронули. Обиженные подали жалобы, но дѣло было сдѣлано. Нѣкоторое время господствовалъ въ кяхтинской торговлѣ извѣстный и любимый въ Китаѣ корень жинь-шенъ. Съ перваго раза казалось странною цѣль этого вымѣна, потому что, какъ аптекарскій матеріалъ, корень этотъ вовсе не требовался въ Россію, а между тѣмъ вывозъ его доходилъ въ иной годъ до милліона руб. Но не долго скрывалось настоящее значеніе корня: купцы, вредя другъ другу, чтобы болѣе вымѣнять чаю и поскорѣе сбыть товаръ, отдавали его по дешевымъ цѣнамъ. Но какъ этикъ нарушалось строгое положеніе, то на бумагѣ показывали товары промѣненными по настоящимъ цѣнамъ на драгоцѣнный корень, который въ Майнаничѣ заготовлялся пудами за нѣсколько рублей. Съ изданіемъ закона 1857 года, по которому отпускъ metalloвъ дозволялся въ половинномъ количествѣ при пушнымъ товарахъ и при мануфактурнымъ только одна третья часть,—представлялось выгоднымъ сбывать мягкую рудлядь (особенно соболей, лисья лапы темныхъ цвѣтовъ и т. п.). Но какъ нельзя же было принудить китайцевъ къ роскоши, собственно для боль-

шаго отпуска metalloвъ, то какая нибудь сотня собольихъ шкуръ странствовала, какъ вѣчный жидъ, изъ Троицкосавска въ Кяхту и оттуда опять обратно. Такіе переходы на бумагѣ давали цифру промѣна дорогихъ пушныхъ товаровъ до такого числа, что вывозъ ихъ въ послѣдніе три года былъ сравнительно больше, тѣмъ въ цѣлое шестидѣтиѣ. Чтобы болѣе промѣнять серебра, купцы истолковали количество отпуска metalloвъ по своему: брали общій итогъ цѣнности промѣняемыхъ товаровъ и metalloвъ и раздѣляли на двѣ или на три части, смотря потому, какіе отпускались товары: пушные или мануфактурные. Такъ что если общій итогъ былъ, напр., въ 12 т. руб. (на 6 т. товаровъ и на 6 т. metalloвъ), то metalloвъ отпускалась половина на 6 т. руб., тогда какъ дѣйствительно, по закону 1855 г., слѣдовало отдать ихъ только на половину цѣнности однихъ пушныхъ товаровъ (а не общаго итога товаровъ и metalloвъ), т. е. на три тыс. руб. Нарушеніе закона обнаружилось, заговорили строгіе блюстители ограничительныхъ правилъ, поднялась многотомная переписка; съ своей стороны и купцы представили правоту своихъ дѣйствій. Дѣло кончилось тѣмъ, что велѣно соблюдать Высочайшее повелѣніе 1855 г. Привезаніе исполнили: дѣйствительно расчитать по отпуску metalloвъ введень было тотчасъ же, не смотря на то, что прежній учетъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, былъ въ виду начальства, контролирующаго торговля дѣйствія. Но не прошло и дня, какъ купцы нашли способъ отпускать металлы въ такомъ количествѣ, какое нужно,—возвысивъ цѣны на всѣ товары на 20 и 30%. Самолюбіе блюстителей закона было удовлетворено, а Высочайшее повелѣніе на дѣлѣ оставалось одною формою, безъ дѣйствительнаго значенія. Такъ дѣйствовало кяхтинское купечество. Троицкосавское мѣщанство противопоставило стѣсненію обычную форму контрабанды во всѣхъ ея видахъ, даже и по доставкѣ для подспорья сбыту русскихъ мануфактурныхъ товаровъ контрабанднаго казеннаго золота. Безъ контрабанды самый худшій кирпичный чай стагъ у насъ дороже самаго послѣдняго англійскаго и американскаго чая; самыя высокіе сорта чаевъ приближались цѣнами на Кяхтѣ къ цѣнамъ въ Гамбургѣ и Лондонѣ; самыя обыкновенныя сорта чернаго за границею были дешевле кирпичнаго кяхтинскаго и проч. Съ разрѣшеніемъ въ настоящее время, доставки чая кругосвѣтнымъ путемъ, конечно, сибирская чайная контрабанда въ сильной степени ослабла.

ГЛАВА X.

СТАРОВЪРЪ ПАПУЛИНЪ.

Тайнственные дома.—Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора.—Совратитель.—Вороба — нимъ.—Успѣхи пропаганды.—Истинный товаръ.—Успѣхи безоповщины.—Женскій вопросъ.—Вѣстующая церковь.—Параллель между двумя расколами.—Необычайный успѣхъ едосѣвщины.—Гоненія и уворство.—Посадъ Судиславль.—Свѣтопреставленіе.—Папулинская община.—Священія.—Торжественныя моленія.—Старая книга и старая икона.—Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ драговъ и самое знаменитое изъ нихъ.—Иконографическія рѣдкости и драгоцѣнности.—Торговля иконами.—Семень Кузьминъ.—Соловецкая тюрьма.—Гдѣ правда?

Мало найдется въ сѣверной гѣсной Россіи такихъ городовъ, въ которыхъ не было бы таинственныхъ деревянныхъ домовъ, окруженныхъ высокими бревенчатыми заборами и построенныхъ отступя отъ жилищъ на версту и мѣсте. Лишь только городъ старинный, знакомый мѣтописцамъ и, въ особенности, надрекле торговый и теперь не въ особомъ упадкѣ, бывало, ищи въ немъ по близкимъ околицамъ, гдѣ полагается быть кладбищамъ, эти застоявшіеся, почернѣлыя зданія съ обрѣшетиившеюся крышею и окруженныя обросшими мохомъ и пещелѣлыми заборами. Казались эти крѣпостцы совершенно забытыми и давно покинутыми; видимо, въ нихъ никто не живетъ и онѣ какъ будто ждали хорошей бури съ вьюгомъ, чтобы совершенно разсыпаться. Въ окрестномъ народѣ объ этихъ зданіяхъ, обыкновенно, рассказывались невѣроятныя басни, порождаемыя именно ихъ таинственнымъ видомъ, всегда крѣпко запертыми воротами и вѣчнымъ меланхолическимъ безмолвіемъ. Всѣ рассказы плелись, обыкновенно, какъ лапотъ, на одну колодку и также съ подковыркой. Въ такомъ живомъ видѣ переходили они и въ оффиціальныя бумаги и въ печать. Ревнивъ и безпокоенъ открыто живущій человекъ къ тѣмъ, которые уединяются и прячутся за заборомъ. Любопытство мучится желаніемъ проникнуть въ сокровенное, стучится въ дверь и, въ досадѣ на крѣпкіе запоры, спѣшитъ утѣшиться всякою формою фантастическихъ рассказовъ. Ночью такъ видятся невидимыя огни, слышится топанье босыхъ ногъ и хлопанье пласокъ; затѣмъ предполагается мгновенно наступакшая темнота и начинающееся содомское бѣсовское дѣйство.

На самомъ дѣлѣ, старикъ съ бородою по чресла, одинокій и никогда не скучающій, зажегъ лучину или огарокъ и, при вспыханіи слабо мерцающаго свѣта, точаетъ кривымъ пломъ настоящій лапотъ. Надоѣсть ему работа, выведетъ онъ провѣтриться и прислушаться, съ какой стороны дуетъ непогода, не собирается ли дождь (пояснцу что-то поламываеть). Вотъ взвыли волки; долетѣлъ изъ города звукъ соборнаго колокола, въ который ударилъ другой

такой же сторожъ; крикнулъ на лошадь, подъ самымъ заборомъ, проѣзжающій на базаръ хужичекъ изъ ближнихъ деревень и т. п. Воробъ боится дрялому старику итъ нужды: ищи тутъ взять нечего! Лежать безмолвно и неисходно въ землѣ покойнички и стоять надъ ихъ могилками также погуравалившіеся голубцы, въ видѣ бревенчатыхъ срубовъ съ двускатными кровельками и крестикомъ. Итъ пробовали было запрещать закономъ, но старовѣры отбили себѣ это право и продолжали держаться и въ этомъ, какъ и во всемъ, стариннаго русскаго обычая.

Тайнственные подгородныя избы были, въ самомъ дѣлѣ, ни что иное, какъ старовѣрскія кладбища, а если стояли за высокими заборами, то почти навѣрное — безоповщинскіе молитвенныя дома, но большей части весьма распространеннаго едосѣвскаго согласія. Изъ многихъ десятковъ такихъ безмолвныхъ, какъ страшная могила, зданій итъ ясѣе и знакомѣе прочіе помнятся два, со времянъ далекаго дѣтства. Оба примыкали къ выгонамъ и стояли за обывательскими огородами, подобно знаменитымъ столичнымъ кладбищамъ: Преображенскому въ Москвѣ и Волкову въ Петербургѣ, кровнородственнымъ по единомыслию и находившимся, не смотря на разстоянія, въ тѣснѣйшей дружественной связи. Оба знакомыя итъ также примыкали къ выгонамъ древнѣйшихъ сѣверныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ, какъ Галичъ, былъ славеиъ и гремѣлъ на всю Нижегородскую и Суздальскую земли еще во времена Дмитрія Шемяки, а другой, Судиславль, сохранившій почтенное древнее имя, абылъ, за давностью времени, даже годъ своего основанія и давно утерять всѣ документы, свидѣтельствующіе объ его аристократическомъ происхожденіи.

Въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ подобныя загородныя строенія мало по малу стали дѣлаться рѣдкостью; они или слесены, или переведены въ самые города или же замѣнены новыми зданіями. Въ сороковыхъ годахъ они были еще дѣлы и по нимъ можно было наблюдать за явленіемъ итъ котораго чуда и повѣрять нравственныя качества мѣстныхъ правящихъ

властей. Чудо заключалось въ томъ, что углы здания, казавшіяся сложеными изъ гнилушенъ и покрытыми ободранными крышами, продолжали себѣ стоять неизменно и несокрушимо. Строго заказано было не только строить новыя здания, но и подновлять старыя. Всякая свѣжая заплатка на кровлѣ, всякая новая доска на обшивкѣ, даже колы, приставленный къ пошатнушемуся забору, порождали цѣлыя судебныя дѣла, вызывая навады временныхъ отдѣленій съ помыслами, производили народные толки между православными и волненія съ опасливымъ страхомъ среди старообрядцевъ. Умные и осторожные изъ нихъ замѣняли совершенно стгнившія бревна и доски, пропускавшія течь, поддержанными, но крѣпкими, чтобы не было бросающихся въ глаза оказательствъ. Смѣлые и рѣшительные испрашивали разрѣшенія властей (при помощи денежнаго взноса, сообразно со степенью опасности для самого начальства) и подводили подъ аданіе новыя вѣнды изъ крѣпкихъ мелкослойныхъ и смолистыхъ сосновыхъ бревенъ. Вліятельные и богатые дерзали сооружать совершенно новыя молитвенныя дома, лишь оберегая ихъ назначеніе какъ либо отводомъ и прикрывая ссылкой на одинъ изъ видовъ заводскихъ, ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство надо считать большою рѣдкостью, весьма исключительнымъ явленіемъ, такъ сказать, знаменательнымъ историческимъ фактомъ въ жизни недосѣвщины, по чрезвычайной трудности осуществленія дерзостной мысли.

Одно изъ подобныхъ сооруженій красовалось (по почтовой дорогѣ въ г. Макарьевъ изъ Костромы) всего въ одной верстѣ отъ этого заштатнаго города Судиславля. Пріѣзжая гимназистами на вакацію, мы могли любоваться не только дерзко красвою крышею, но и внушительными размѣрами новыхъ зданий, очень похожихъ на фабрику. Строенія эти, кажется, такъ и назывались. Строилъ и владѣлъ ими судиславскій купецъ Папуля, безпопонецъ едосѣвскаго толка, „батюшко-отецъ“, „батюшко Николай Андреевичъ“, какъ звалъ его весь окольный сѣрый народъ и городское мѣщанство, щеголявшее въ синихъ сабиркахъ по милости его же, батюшки-отца Николая Андреевича.

Я какъ сейчасъ вижу эту бороду, которая вошла въ залу мѣстнаго вліятельнаго чиновника, не кланяясь глубоко въ поясъ, а какъ будто бы даже приподнявшись повыше, чѣмъ была до тѣхъ поръ. Какъ вошелъ твердо и рѣшительною поступью этотъ старый человѣкъ, такъ и заговорилъ, обращаясь къ хозяину и, конечно, не обращая никакого вниманія на молоденькаго гимназиста.

— Хлѣбъ-соль про меня нынче будетъ?

— Какую велишь; про тебя всякая есть.

— Такъ вотъ я на подстилочку скатертку маленькую принесъ тебѣ.

И вынулъ онъ, развернувъ, на предъзаный столъ огромную камчатную скатерть.

— Привыкъ, вѣдь, ты послѣ чѣмъ-то и обтираться, дворянскимъ дѣломъ, не полотенцемъ, а, чай, салфетками, — продолжалъ онъ и выкрикнувъ своего молодца, который стоялъ за дверями. Худой и длинный, какъ шесть, паренъ явился съ узломъ.

— Вотъ, пока, на джюнку, а, можетъ, и двѣ твои барынька выкроить.

Солидный человѣкъ во все время не терялъ шутиваго, веселаго тона, но, сѣвъ на диванъ и опершись обѣими руками на колѣни раздвинутыхъ ногъ, выдохнувъ, покачалъ головою и пристально взглянулъ на хозяина.

— Больно что-то крѣпко холодомъ потануло отъ Костромы. Слыхалъ, чай?

— Было повторительное секретное предписаніе...

— Все меня соблюдаютъ. Слыхалъ, что протопопъ на-дняхъ туда ѣдиль и красавецъ-отъ вапъ въ походъ собирается. Готовишь подводы-то?

— Четверку подъ его карету, тройку подъ протодьякона, три пары подъ пѣвчихъ и одну подъ прислугу.

— Многолько. Тяжеленько мужикамъ-то будетъ въ эту рабочую пору... Больно ужъ сильно воинство, не испугаться ли мнѣ?

— Можетъ быть, и на этотъ разъ мнѣ придется.

— Не захочетъ, думаешь, окверкаться? Ладно бы такъ-то!.. Изъ Москвы худыя вѣсти привезли. Хромой графъ, что вотъ надъ этими ребятами самый большой начальникъ, взялъ, слышно, костью своей и пошелъ прямо на насъ. Мнѣ отъ него первая петля. И красавецъ-отъ въ Ипатьевскомъ развоевался: доносъ за доносомъ пишетъ въ Питеръ. Меня клянетъ и грозитъ большимъ судомъ. Сдается мнѣ, что подходятъ мнѣ послѣдніе часы и, можетъ быть, я въ послѣдній разъ говорю съ тобой!

Какъ ни старался Папуля говорить обычными старообрядцамъ вносказаніями, мнѣ в тогдѣ повятно было, что намеки шли на архіерея Владимира (Аляудина) и графа С. Г. Строганова, бывшаго тогда попечителемъ московскаго учебнаго округа. Ходили слухи, — всякій ящикъ рассказывалъ намъ объ этомъ, — что Папуля отвѣдалъ всѣхъ судиславскихъ жителей отъ обонихъ православныхъ городскихъ приходовъ. Толковали даже такъ, что видѣли соборнаго дьякона, какъ онъ выбѣгалъ на мостъ и протягивалъ къ проѣзжающимъ руку за милостынею. Церковь въ слободѣ уже давно стояла безъ звону и мѣстный священникъ вызвавъ былъ въ Кострому и нанялся служить разніи обѣды по четвертаку за службу, да чтобы

покоряли обѣдомъ. Сосчитали также, что всего въ два-три года произвелъ Папулянь это плѣненіе, что жалобы на него посылались куда слѣдовало, а онъ продолжалъ дѣло безъ помѣхи и даже съ возрастающимъ успѣхомъ. Подъ влияніемъ его состояли не только всѣ едосѣвскія общины въ Костромской губерніи, но, по вѣрнымъ слухамъ, даже и тѣ, которыя были разбросаны по Ярославской и Таерской. Хорошо извѣстно было намъ также и то, что, главнымъ образомъ, онъ производилъ торговлю не полотнами и скатертями, а такимъ товаромъ, которымъ нигдѣ за границею не торгуютъ, а прозавишіе тамъ о подобной статьѣ вѣсѣлись бы и не повѣрили. Николай Андреевичъ производилъ оптовую торговлю грибами во всѣхъ ихъ ботаническихъ и кулпнарныхъ видахъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ, конечно, сушеный бѣлый грибъ со съѣжкимъ отливомъ медры или бухтармы, названный на суровыя вѣтки, въ вязкахъ. За нимъ, дѣлою гораздо подешевле и достоинствомъ ниже, также сушеные, названные въ вязки, слѣдовали черные грибы (масленки съ зеленою бухтармою), красные (боровики, подосиновки). На мѣстахъ сборовъ солеными и здѣсь, въ оптовомъ складѣ, сортированными поступали въ грибной товаръ: рыжники, грузди, свиная и т. д. Эти сорта обывались въ кадлушкѣ, котормъ, на этотъ разъ, изготовлялись въ ближнемъ лѣсномъ городѣ Кадмѣ. Тщательнымъ дѣломъ Папулянь занялся лишь въ послѣднее время, соблазнившись близостью (всего 50 верстъ) кинешемскаго или, вѣрнѣе, вичужскаго фабричнаго округа, но велъ его въ исключеніе, а, по слухамъ, просто для прикрытія (да и велъ ли еще?). Подъ видомъ рабочихъ у него жили подъ попеченіемъ и на прокормѣ тѣ ревнители едосѣвщины, которымъ угрожала опасность въ другихъ мѣстахъ и надо было скрываться. Для укрытія у него находилась подъ рукою тотъ дремучій лѣсъ, въ которомъ самъ чертъ искалъ три года этотъ городъ Кадмь, износилъ три пары лапотьковъ и все-таки не нашелъ. Въ 15-ти верстахъ отъ Судиславля Папулянь владѣлъ двумя мельницами: одна называлась „Калишкою“, а другая „Шемякиною“. Когда въ 1845 году уничтожила его едосѣвскую общину, ютившуюся на самомъ виду городскихъ церквей, онъ перевелъ ее сюда, построилъ избы для жилья и отдѣльную мельницу. Изъ Москвы прислали къ нему на поддержку твердаго, какъ адамантъ, наставника, который и помогалъ въ устройствѣ общецитія и въ отиравленіяхъ молитвенной службы. Имъ же приняты были и всѣ мѣры къ тому, чтобы укрыть дѣла новой общины и уберечь ее такъ, чтобы она казалась провалившейся и сгниушею въ болотныхъ трясилахъ. Это, однако, не удалось и покровительство общинамъ своего толка признано было преступленіемъ и названо

пристанодержательствомъ. Это-то обстоятельство и послужило вскорѣ начальнымъ и главнѣйшимъ поводомъ къ тому, что Папуляня, замоченъ, обвиненъ, скватанъ и заточенъ на вѣчно въ Соловецкомъ монастырѣ.

Главнымъ и самымъ надежнымъ потребителемъ „добраго товара“, конечно, былъ первопрестольный градъ, неизмѣнно вѣрный старотеческимъ обычаямъ. Съ Москвою непосредственно и велъ Папулянь торговыя сношенія съ своими товаромъ, который, въ грузѣ прочтѣхъ, не особенно былъ примѣтенъ, однако, по слухамъ, съ годовымъ оборотомъ на сто тысячъ рублей. На первой недѣлѣ Великаго поста товаръ этотъ выставлялся наружу, изумлялъ своимъ обиліемъ. Выставка его занимала огромное пространство московской набережной и привлекала поразительное множество. Въ Москвѣ, издавна привыкшей жить годовыми запасами, сюда сходились козяпки и бродяки между ними голодная бѣдность, которой дозволялось пробовать съѣстной товаръ и она даромъ наѣдалась и соленымъ грибомъ, и соленому въ корень рыбою, и сладкимъ медомъ въ теченіи цѣлой недѣли.

Впрочемъ, не эта сторона скучнаго дѣла грибной торговли занимаетъ насъ въ настоящее время. Судиславскіе грибы важуются съ другою стороною народнаго быта и подсказываютъ данныя, не лишеныя глубокаго интереса, какъ матеріалъ для исторіи русскаго раскола, въ значеніи новаго эпизода.

Въ то время, когда пеновщина истощалась матеріальными средствами и общинными силами, распалась на толки по поводу исканія истиннаго древлеправославнаго священства до архіереяства включительно, — безпоповщина рѣшительно отказалась отъ поповъ и успокоилась на выборныхъ и изблбленныхъ наставникахъ съ попечителями. Она ширилась и крѣпла, благодаря практическому разуму первыхъ и богатству вторыхъ. Поповцы, нуждаясь въ главномъ священномъ чинѣ и не имѣя его, привуждены были обходиться лишенными сана бѣглецами изъ православной іерархіи, попадали на строптивыхъ и кляузныхъ, терпѣли отъ пынешельствъ и гулящихъ, принимали едосѣвщичье и благословенныя церкви и т. д. Безпоповцы, заручившись опытными старцами и умудренными въ княжной премудрости уставщиками, могли находиться въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ относительно этого труднаго вопроса. Первые едва добились въ полтораста лѣтъ до бѣнокриницкой митрополіи, вторые давнымъ-давно успокоились на выборныхъ и изблбленныхъ по образцу выговскаго общецитія, т. е. по правламъ поморскаго согласія. Веда борбу съ господствующимъ иновѣданіемъ въ первые времена старообрядства подъ однимъ знаменемъ,

сами старовѣры распались, такимъ образомъ, на два раскола, существенно не согласные, а потому немедленно объявились явными врагами другъ друга. Они перестали общаться не только въ молитвѣ, но и въ лицѣ, впали въ полемическій задоръ и повели открытую борьбу, которая довела, наконецъ, до смѣшныхъ крайностей и, во всякомъ случаѣ, до полной невозможности примиренія.

Въ средѣ безпоповцевъ, въ свою очередь, вѣтвильныя давленія могущественной власти послужили также причиной внутреннихъ расколовъ. Смущая, прежде всего, женскій вопросъ и сдѣлался предметомъ несогласій и пререканій, тѣмъ болѣе серьезнымъ и оживленнымъ, что въ уставщики и наставники, какъ главы общинъ, попадали, конечно, пожилые люди съ сильно пробившеюся сѣдиною, но не остывшею кровью. Додумались до того, что начали отрицать бракъ, говорить: „Какое же это таинство, когда нѣтъ христородажательныхъ священниковъ, освещенныхъ благодатю Св. Духа“? Одни встали за бракъ (секта поморская), другіе отказались признавать его святость (и это—еодосѣвщина). Женщина, однако, возобладала крупными правами, дотогѣ не слышанными: она могла также замѣнять попа при освященіи молитвами браковъ, при перекрещиваньи, при исповѣди. На покоронахъ она уже не разводила языческихъ „плачекъ“, а читала молитвы по старопечатнымъ отеческимъ требникамъ. Не всегда была она орудіемъ приманки и поддержкою сластолюбія, но управляла не женскими только, но и мужскими общинами съ такою же самостоятельностью и искусствомъ, какъ мужчины. Вообще, въ дѣлахъ еодосѣвщины женскія услуги чрезвычайны и если мало извѣстны, то потому лишь, что не изслѣдованы ни по вопросамъ о воспитаніи ребятъ въ духѣ толка и обученія ихъ грамотѣ, ни по отношеніямъ ихъ къ толкованію правды и распространенію въ народѣ еодосѣвщины.

Всѣ секты согласились на томъ, что съ оскуднѣніемъ благочестія въ правящей церкви наступило предрѣченное антихристово царство и что гонительная власть—его слуги. И вотъ, изъ поморскаго согласія выдѣлилась филипповщина (они же и филиппоны), учившая бѣжать изъ міра и гнущаяся всѣмъ прелестей его. Ослобленность этой самой мрачной и непримиримой секты дошла до того, что послѣдователи ея начали носить за пазухою свои иконы, перестали ѣсть изъ одной чашки, одною ложкою даже съ поморцами и еодосѣвцами, а завершилось все это тѣмъ, что выродилась скрытническая секта (бѣгунцы). Послѣдователи ея, совершенно покинувъ осѣдлую жизнь поморцевъ и еодосѣвцевъ, рѣшились скитаться изъ мѣста въ мѣсто, охотѣе жить въ непроходимыхъ дебряхъ лѣсовъ или въ темныхъ подпольяхъ дѣсовыхъ

деревушекъ. И всѣ вѣтви—поморцы, филиппоны, еодосѣвцы и скрытники—до того отчуждились отъ православной церкви, что не только вошли въ нее, но и встать подъ тѣнь вещественной начали считать тягчайшимъ грѣхомъ. Последнюю замѣнили молитвенныя избы, которыя, по случаю гонительнаго времени, въ самомъ дѣлѣ скрыты были на задахъ и выѣздахъ, за высокими заборами, даже въ городахъ, находящихся въ Вѣлоруссіи, и даже въ тѣ времена, когда послѣднее владѣла католическая Польша. Здѣсь были и кладбища и разрушенныя при нихъ богадѣльни, которыя полагались обязательными и для каждой, гдѣ бы то ни было устраниваемой моленной. Богатый человѣкъ строилъ зданія, подыскивалъ начетчива. Изъ всего множества знающихъ и опытныхъ, какимъ вообще владѣть еодосѣвщина, отъбиралъ самаго лучшаго и собиралъ у себя вѣрное стадо избранныхъ. Богадѣльни принявъ видъ монастырей и были таковыми въ силу тѣхъ строгихъ правилъ жизни и твердыхъ догматовъ вѣрованій, какими руководится все наше старовѣріе и въ средѣ его, главнымъ образомъ, безпоповщанскіе толки. Последнимъ отшельническая жизнь въ особенности полюбилась и тамъ, гдѣ заводился мужской монастырь, непременно выростала и женская обитель. Обои не привелось укрѣпиться на избранныхъ мѣстахъ по причинѣ безпрестанныхъ преслѣдованій и потому, что самые крѣпкіе и многолюдные были въ конецъ разорены. Отъ этихъ обитателей на память нынѣшнимъ временамъ и для наблюденія любопытнымъ остались лишь гнилушки, какъ остатки двухъ-этажныхъ келій и обширныхъ скотныхъ дворовъ, да ямы, какъ признаки засыпанныхъ погребовъ и разметанныхъ каменныхъ фундаментовъ. И такая-то судьба постигла тѣ жительствова, которыя древнѣе свободнымъ способомъ, любовнымъ народомъ, устроивались въ обширныя слободы и въ такіе мѣстакъ, гдѣ, по многимъ даннымъ, не могло быть особаго приволья людскому труду, какъ бы ни былъ онъ всеяденъ и многоопытенъ. Таковыя поселенія безпоповцевъ на крайнемъ сѣверѣ, вродѣ выгорѣцкихъ и лесонскихъ, мезенскихъ и даже такихъ, которыя искали убѣжища на негостеприимной Новой-Землѣ и на гранитныхъ бѣломорскихъ островахъ.

Разсказъ нашъ относится именно къ тому времени, когда гоненія достигли крайнихъ предѣловъ и, стало быть, давали возможность и право усидывать энергія до упорства со стороны преслѣдуемыхъ. Прогнанные съ одного мѣста разсѣивались въ разныя стороны, чтобы собраться вновь на болѣе безопасномъ. Выходило, съ большою осторожностью, они скучивались, а при усилении материальныхъ пособій богатыхъ покровителей плотнѣе осѣда-

ли, потому что дороже стоили, как гонимые и страдальцы. Замѣчательна при этомъ та быстрота, съ какою организовались едосѣвскія общины, однако, снова для того, чтобы быть въ свое время открытыми, разбитыми и разбросанными на мелкія и ослабленныя кучки. Вѣрующіе, обходившіеся безъ поповъ, продолжали попрежнему кочевать и, представляя въ полномъ смыслѣ слова „бѣгствующую церковь“, не поддавались ни точному учету нѣхъ количества, ни надлежащему наблюденію за ними со стороны властей. Въ этомъ заключается существенная разниа нѣхъ поповщины и старообрѣвъ, т. е. тѣхъ, которые собственно не уклонились въ догматы отъ православія, но привязаны лишь къ старымъ церковнымъ книгамъ и обрядамъ. Эти надежно уживались рядомъ съ православными, являя изъ себя сплошныя поселенія, и свободно вѣровали, живя бокъ о бокъ, при благословенныхъ церквяхъ, единообрѣтскими приходами. Кочевала только поповщинская іерархія, улекая за собою въ надежныя мѣста особенно гонимыхъ и искренно вѣрующихъ.

Стоекъ и славенъ былъ въ чернораменныхъ заводскихъ дѣсахъ Керженецъ, но ослабѣлъ и онъ, когда возросла Вѣтка въ далекой Вѣлоруссіи и возродилась въ черниговскихъ предѣлахъ разомъ 14 большихъ слободъ. Прощѣтала здѣсь старая вѣра съ церквами и обѣднями и съ монастырями для обоего пола огшельниковъ, но появился въ Поголожѣ Иргязъ—и снова пришлось дѣлить славу и первенство, поза не выродилась старообрядская іерархія въ пущей силѣ и значеніи уже за предѣлами государства—въ австрійской Буковинѣ. „Исправленные“ дома, поны изъ бѣглыхъ замѣнены были рукоположенными безмѣтнымъ греческимъ митрополитомъ и послѣдующими его преемниками въ архіерействѣ. Москва, которая не перестаетъ служить въ мніаторѣ полнымъ подобіемъ Россіи и, какъ въ зеркалѣ, отражать въ себѣ всякія движенія народной мысли и быта, представляетъ собою наглядныя доказательства тому, насколько поповщина казалась безопасною и веда жизнь поспокойнѣе. Иногородная поповщина не требовала отъ Москвы чрезвычайныхъ усилій въ поддержкѣ матеріальными средствами и исключительныхъ заботъ въ укрѣпленіи ослабѣвшаго среди преслѣдованій религіознаго духа. Въ дѣлахъ этого толка ей не привелось занять первенствующаго мѣста и сдѣлаться руководящимъ центромъ. Предвосхищало у нее славу любое мѣсто и всякій счастливый и находчивый человѣкъ. Скитокъ „Смоляны“ въ дѣсахъ Заволожы, на рѣчущкѣ Вѣлмашѣ, сдѣлался митрополіею и некаяжый старецъ Денисъ (Шуйскій)—главою поповщины только потому, что сберегъ довольный запасъ св. мвра и даровъ,

освященныхъ еще при патриархѣ Іосифѣ. Преемникъ его, Теодосій, ухитрившійся разыскать въ Калугѣ старую церковь и отслужившій въ ней обѣдню, сталъ вліятелемъ и силенъ лишь потому, что приготовилъ новый запасъ даровъ. Когда поселился онъ за литовскіи рубежомъ въ Вѣткѣ, самый Керженецъ принужденъ былъ преклониться передъ этою новою митрополіею. Теодосій сталъ во главѣ всего старообрѣія лишь за то, что началъ варить и муръ и снабжать имъ всѣ общины. Не понадобились и денежныя капиталы: въ нѣсколько дней изъ дубоваго дѣса, сотнями топоромъ, срубилъ вѣтковцы большую церковь съ высочайшею, въ пять пролетовъ, колокольнею.

Безпоповщина, напротивъ, всегда нуждалась въ покровительствѣ и становилась подъ защиту сильныхъ капиталами богачей. Если вообще замѣчается въ ней наклонность искать послѣдователей въ средѣ фабричнаго и заводскаго населенія, то этимъ объясняется и самое существованіе этого старообрѣтскаго толка тамъ, гдѣ угнѣждался рабочій народъ, закрѣпощенный на всѣ 24 часа въ сутки, отбившійся отъ сохи и ставшій полукочевымъ и бродячимъ по безнадѣжности въ жизненныхъ средствахъ и по исключительной зависимости отъ личныхъ капризовъ и денежныхъ сумдуговъ хозяевъ. Этимъ объясняется и то выдающееся явленіе, что для безпоповщины богатая Москва стала дѣйствительною главою, а Преображенское кладбище—митрополіею. Она временами лишь раздѣляла нѣкоторую долю вліянія и силы своей съ кое-какими иногородными общинами. Многочисленные (до 50-ти) мелкіе толки безпоповщины были разсыпаны и раздѣлены,—Москва умѣла сплотить многіе изъ нитъ и выучала дѣйствовать за одно, согласно своей волѣ и благодаря обстоятельствамъ, благоприятно сложившимся для нее одной, въ исключеніи. На сколько умѣло велось это дѣло именно въ тяжкія времена усиленныхъ преслѣдованій, доказываютъ краснорѣчивыя цифры. До 1826 года во всей Москвѣ едва насчитывалось 30 молельствъ, къ началу же сороковыхъ годовъ ихъ было уже до 150. При этомъ и здѣсь, какъ и въ остальной Россіи, безпоповцы силились скучиваться въ сплошное населеніе, но, подъ давленіемъ вѣвшихъ преслѣдствій и обѣдъ, снова разбивались на отдѣльныя мелкія общины и укрывались гдѣ ни попаде, лишь бы только объявился тамъ богатый и охотливый покровитель. До указаннаго года они гнѣдались около Преображенскаго кладбища, въ Лефортолѣ и по Васманнымъ, послѣ того разсыпались во всей Москвѣ и зашли гнѣздами безъ разбора и безбоязненно въ городскіи центръ и въ Замоскворѣчье. Сила этого толка возростала и отъ умѣлаго веденія дѣла искусными, опытными книжниками, и отъ поддержки фабри-

качанами съ тѣми известными фамиліями, которыя гремѣли не только по Россіи, но и по всей Сибири до китайскихъ предѣловъ и Кяхты. Фабриканты, какъ бы по влеченію особенной мистической силой, готовно шли на помощь именно этой наиболее гонимой сектѣ едосѣвщины, опиравшейся, съ другой стороны, на энергію и большія нравственныя силы масгавниковъ. Такой-то угнѣтости послѣдникъ и готовной щедрости первыхъ Москва объява была тѣмъ, что временами принуждена была уступать силу вліянія иногороднимъ общинамъ, въ которыхъ случайно сочетались оба условія: нравственное и матеріальное.

Въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ нежданно-негаданно для богомольной столицы обнаружился соперникъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно было его подозревать. Въ Москвѣ принуждены были вступать съ нимъ въ сдѣлку, стараться установить живыя и прочныя связи и дѣлать самую власть пополамъ.

На большомъ сибирскомъ трактѣ изъ Петербурга, шедшемъ черезъ Кострому на Вятку, расположился тотъ маленькій и ничтожный городокъ Судиславль, который Екатериною II оставленъ былъ за штатомъ. Онъ близко примыкалъ къ тому непочатому, но недоступнаму, дремучему лѣсу, который въ 1839 году устрашилъ всю сѣверную Русь необычайнымъ и страшнымъ явленіемъ лѣсного пожара. Пожаръ длился весь августъ мѣсяць. Отъ сгустившагося дыма солнце нѣсколько недѣль не давало лучей и казалось вырѣзаннымъ изъ фольги кругомъ; природныя цвѣта отъ смирады видоизмѣнились: зелень на поляхъ и огородахъ казалась голубою, красныя крыши отливали желтымъ цвѣтомъ. Въ самый полдень становилось такъ темно, что въ изобѣ по деревьямъ начали зажигать огни и работать при лучинѣ. Отъ раскаленнаго лѣсного воздуха вѣтеръ превратился въ ураганъ. Буря съ вихрями разбрасывала пепелъ вмѣстѣ съ перегорѣлыми листьями, не долѣвшими запчатымъ мохомъ, еловую и сосновою хвоею, какъ пухъ, за сотню верстъ отъ пожараща и мчала пламя съ усиленною быстротою въ сѣверо-восточномъ направленіи. Она перекинула огонь черезъ рѣку Ужу, загнала въ лѣса по Ветлугѣ и, перебросившись черезъ Волгу, опоясала огненною неодолимою стѣною всё тѣ лѣса, которые были смѣжны, тянулись по уздамъ трехъ губерній и по рѣкамъ Ветлугѣ и Керженцу и которые, въ особенности, были любезны и дороги всему нашему старовѣрью. Народомъ обугалъ небывалый сиречь: въ теченіи всего лѣта почти не было дождя и выпавшій одинъ разъ въ теченіи пяти недѣль лишь только вспрыснуть сильно потрескавшуюся жаждую землю, словно испарившись еще на ходу изъ облаковъ. Къ тому же,

дождевыя капли, пробиваясь сквозь вѣдуть, наполненный пеломъ, принимала красноватый отбѣнокъ.

Идетъ кровавый дождь! — съ замирающаго сердца толковать народъ и въ усиленной молитвѣ искалъ успокоенія, ожидая страшнаго суда и конца свѣта. Поднимали православныя изъ церквей иконы и служили безпрестанныя молебны. Старые люди принялись говѣть, исповѣдываться и причащаться.

— Наступаетъ свѣтопредставленіе! — увѣренно повторяли въ каждой деревнѣ. Надѣвали чистыя рубахи, вынимали изъ сундуковъ спрятанные на смертный случай саваны съ длинными рукавами и широкими подолами. Приготовлялись къ кончягѣ. Ждали пришествія антихриста и даже выходили къ нему на встрѣчу, вовсе покаяная жилища. По крайней мѣрѣ, когда наступала ночь, рѣдкій рѣшался оставить часовенныя и церковныя площадки и идти спать на печи или на полати. Цѣлые дни проводились подъ открытымъ небомъ въ сосѣдскомъ сообществѣ и на міру, гдѣ и смерть считается красною. На всѣхъ лицахъ написана была ужась. Рѣдкій рѣшался вымолвить слово и въ деревьяхъ не замѣчалось обычнаго суетливаго движенія. На бѣду, пришлые слѣпыя старцы, усѣвшись въ кружокъ гдѣнибудь на задахъ селенія, истова разводили тоскливыми, кришлыми голосами:

А и мѣсяць-солнце померкнули:

Не видать луча свѣта блага,—

Словно мать-сыра земля погибается,

Погибается мать-сыра земля, разстужается...

— Топшехонько! — мучительно выговаривалъ каждый отъ мала до велика, когда вѣдуть до того уже наполнился дымомъ и смирадомъ, что нечѣмъ было дышать, тупѣло зрѣніе, утрачивался вкусъ, ощущалась во рту горечь и захватывало горло до кашля.

Это было время того страшнаго народнаго отчаянія, когда каждый ищетъ утѣшенія въ любви ободряющаго словѣ и прислушивается къ первому указанію, гдѣ искать спасенія. Это время народнаго бѣдствія, въ особенности, почастиливо судиславскимъ начетчикамъ и покровителемъ ихъ Панулину. Число послѣдователей быстро увеличилось, сколько по ненаходчивости и равнодушію мѣстнаго духовенства, привычнаго сплнаться облеженій и лишь исполнять однѣ заказныя требы, столько же въ виду мощи тароватаго богача, угнѣвшаго пріютить погорѣлый народъ, спасшійся отъ пламени. Погорѣли въ это время не только деревни и села, но и цѣлый городокъ — историческій Кадый, ободенный и пощаженный татарами и литовскими людьми, но сгорѣвшій весь дотла; уцѣлѣла какимъ-то случаемъ одна лишь кладбищенская деревянная церковь, соборная же Никольская каменная сгорѣла.

Приютить Папулинь весь этот обездоленный безнадежно народъ въ своихъ обширныхъ поляхъ и другихъ строеиныхъ; начинать на свои средства и частные дома въ судиславской слободкѣ и на посадѣ. Поилъ и кормилъ, навѣщалъ съ ласковою улыбкою и привѣтливымъ словомъ весь этотъ напуганный людъ, видѣвшій самодично всё ужасы лѣсного пожара: горячимъ дождемъ сыпалась на него расплавленная смола съ вѣковыхъ деревьевъ и негдѣ было укрыться; въ одной сторонѣ бѣшеный огонь зажигалъ тѣ сухари, тѣ старыя душлистыя деревья, которыя, по ветхости, едва отставались на борю, а охваченныя пламенемъ, они валялись на молодые и здоровыя сосны пылающими головешками; съ выгономъ и свистомъ свертывались въ комки молодые вѣтки и, склубившись отъ жара въ огненные шары, отрывались вѣтры и уносились въ невидимую даль зажигать попутные и еще удѣлѣвшіе боры. Кругомъ и около шли неудержимо, наступая съ двухъ другихъ сторонъ, двѣ другія огненные стѣны, уже наладившіяся на полное разрушеніе всего, что попадалось имъ на дорогѣ, съ выстрѣлами, съ пушечною пальбою, со злѣннымъ шипѣніемъ и звѣринымъ воемъ. На время та и другая примолкали, но обманывали: не стало слышно шуму и треску, значить, разгорается. Вообще, къ ночи пожаръ, видимо, стихалъ, но слова лукавили: налеталъ вѣтеръ бѣшеннымъ порывомъ и снова раздувалъ пламя, и снова разливалось огненное море тамъ, гдѣ рассчитывали найти мѣсто для ночлега и укрытія. Всё выбивались изъ силъ, прорубая простѣки, разрывая каналы и пуская встречный пожаръ. Всё опускали руки въ полномъ отчаяніи при видѣ, какъ были собаки, какъ отрывались отъ коновязей лошади, выскакивали съ выгономъ коровы и ошалѣлыми бросались въ пламя и обгорали, какъ медвѣди скучивались на полянахъ и лѣсныхъ прогалинахъ въ томъ же беззащитномъ до очумѣнія ужасѣ.

Все это живьемъ возставало въ памяти обогрѣтыхъ, успокоенныхъ и накормленныхъ, твердо вѣровавшихъ, что стряслась бѣда—ясное дѣло—за великіе людскіе грѣхи и беззаконія, но за какіе же изъ прочиты? Не замедлил Папулинь объяснить напрямикъ сомнѣнія церковниковъ и ежедневно показывалъ ту силу вѣры своей, которая наглядно выражалась невозмутимымъ хладнокровіемъ, хлопотами о сегодняшнемъ днѣ. Испо видѣлась твердая вѣра и образно оказывалась въ земныхъ поклонахъ передъ образами, въ продолжительныхъ службахъ въ часовнѣ, благолѣпно по вѣсѣ четыремъ стѣнамъ украшенной дорогами иконами. Мрачно съ темныхъ фоновъ смотрѣли изможденные лики и толщя фигуры святыхъ, писанныхъ стариннымъ пошибомъ, рассчитаннымъ именно на устрашеніе напуганнаго воображенія. Войти туда и уни-

ляться, искать утѣшенія въ молитвѣ и сладости созерцанія божественныхъ ликовъ можно было не иначе, какъ принявъ повторительное крещеніе—мужчинамъ отъ мужчинъ, женщинамъ отъ наставницъ или же пола—и послѣ многихъ отреченій отъ привычнаго. Здѣсь все необычно и самая молитва требуетъ особыхъ приемовъ и совершается съ такимъ отгнаннымъ благочиніемъ, какого не видывали пригрѣтые новики ни у деревенскихъ часовенъ своихъ, ни въ сельскихъ церквяхъ.

Къ этимъ новоприбылымъ, наиболее дорогимъ и желаннымъ гостямъ, привычно называемымъ „свораченными“, раньше уже причислили себя всё тѣ изъ мѣщанъ городка, которые измалелась на скудости житія и въ безвременья. Одинъ сѣялъ на огородѣ лукъ, да самъ его и ѣлъ; другой поторговывалъ грибами, да и на этомъ разорился; третій точалъ сапожники, почивая башмаки, а самъ ходилъ отъ такого промысла круглый годъ босикомъ. Этотъ пробовалъ торговать солью въ развѣтъ, рыбою въ разрѣзъ, соленымъ судакомъ на вѣсъ, да иррѣшилъ, что ему въ родномъ мѣстѣ выгоднѣе попытаться торговать лаптями, а потомъ ужъ съ прибылями шататься промежду дворовъ, занимаясь у сосѣдей либо огородецъ вскопать, либо сѣно перетрусить, либо баньку истопить. Кто совсѣмъ обрелъ отъ бѣдности, а къ оставшихся многие словно очумѣли, принявши печь калачи, которыхъ, помимо базарныхъ деѣ, и покупать здѣсь было никому. Всѣмъ извѣстно это мѣщанское счастье, готовое всегда продать себя во всякую вѣру: было бы утѣже предложеніе съ утѣшительнымъ нужду приложивіемъ. Конечно, умный сосѣдъ хорошо зналъ, съ какой стороны подойти къ оскудѣлому и въ какой день и часъ обмотать телетани. При этомъ, какая же вѣра безъ проповѣди? не въ этомъ ли главная суть для всякаго, кто назвался почитателемъ или кого выбрали уставщикомъ и въ наставника?

Продвѣтанію Папулинской общины помогало, сверхъ прочаго, также и то, что въ нее присылали изъ Москвы всёхъ людей, за которыхъ тамъ боялись и которыми, въ то же время, дорожали. Безъ людей, не имѣвшихъ паспортовъ или, облыжно за подкупъ, присписанныхъ неправильно къ московскому и всякому любому мѣщанству, конечно, но силѣ вещей, тутъ не могли обходиться. И затѣмъ, разуверивъ, въ пригрѣтыхъ и спрятанныхъ попадали и тѣ ловцы въ человѣцѣхъ, для которыхъ труднѣе было заманить новика, чѣмъ закружить его. Если полиція хватала таковыхъ, Москва успѣвала находить новыхъ и присылать свѣжаты: извѣстный большимъ подворьемъ Чижовъ угнѣ на своихъ лошадахъ провозить и вывозить, наживая деньги и славу и оставаясь у начальства десятки лѣтъ лишь въ сильномъ подозрѣніи.

Къ этому-то живому и дѣтельному пріюту пожарное время привлекло новыя силы, увеличивъ чистенность и прибавивъ славы и вліянія судиславскому старцу.

Вырядится, бывало, Папулинъ въ однорядку-кафтаны, на которомъ по спинѣ у тали сдѣланы сборки, а на нихъ справа и слѣва вшиты треугольные маленькіе лоскутки; по воротнику и по бортамъ идетъ красный шнурокъ и рядъ серебряныхъ пуговицъ съ чернью, вышесанныхъ прямо изъ Устюга, гдѣ только и умѣли выдѣлывать въ тѣ времена таковыя. Волоса на теменн у него гладко выстрижены. Пойдетъ бывало онъ въ этомъ молитвенномъ нарядѣ въ часовню слушать всенощную. Тамъ, вмѣстѣ съ прочими, онъ присядетъ на своемъ мѣстѣ прямо на полъ и станетъ ожидать выхода наставника. Появится тотъ самый, что прибылъ изъ Москвы. Тамъ онъ дѣлалъ карды для суконъ и торговалъ въ маломъ свободномъ ряду, а до того въ Тулѣ съ тремя архіереями имѣлъ состязаніе, защищая едосѣвищину, и отъ всѣхъ съ упрямствомъ и дерзостью отбился. Черезъ это самое онъ прославился на всемъ пространствѣ безпоповщины отъ топозерскихъ скитовъ, вблизи Бѣлаго моря, до земли кубанскихъ казаковъ, прилегающей уже къ Черному морю.

Кадить наставникъ указнымъ способомъ изъ ручной кадильницы, крестообразно; кадить Папулину и всѣмъ предстоящимъ, хранившимъ гробовое молчаніе. Восходящій онъ затѣмъ на амвонъ, провозглашаетъ: „возстаните!“ и ведетъ всенощную службу долго, безъ пропусковъ и отчетливо. На ясно провозносимые возгласы бойкимъ и громкимъ пѣніемъ отвѣчаютъ ему пѣвчіе изъ дѣвушекъ и молодыхъ мужчинъ, занимающіе боковые клиросы. Сквозь открытыя окна выносятся наружу это пѣніе отлично слаженного хора, одноголосное, по крокамъ и съ обычнаго пригласуемо. Какъ нельзя лучше отвѣчаетъ оно настроенію напуганныхъ и тоскующихъ душъ тѣхъ, которые еще не были, послѣ строгой исповѣди и поученія, исправлены, т. е. перекрещены и разрѣшены къ общей молитвѣ. Они лишь издали могли видѣть богато украшенный серебряными ризами съ золочеными вѣнчиками и богато освѣщенный восковыми свѣчами и хрустальнымъ лампадами иконостасъ. Могли все это видѣть и умиляться тому, чего они никогда не знавали прежде, какъ всё согласно и разомъ, какъ бы по командѣ, бросаю на полъ коврикъ и становились на колѣни или перебирали въ рукахъ кожаныя лестовки съ кистями кожаныхъ же лещетковъ.

Особенною торжественностью обставлялъ Папулинъ свои моленія и съ особеннымъ усердіемъ клалъ земные поклоны и неустанно перебирала лестовку въ это время потому еще, что восходящаго его звѣзда не надъ одними лишь киевскими и галицкими предѣлами. Она начи-

нала ослаблять свѣтъ всѣхъ тѣхъ звѣздъ, которая сіяли по стогнамъ Москвы, и даже той, которая давно уже играла яркимъ блескомъ надъ самимъ Преображенскимъ кладбищемъ еще со времени Ильи Ковылина. Пусть на Филахѣ, въ Москвѣ, кичатся немаскаемыми денежными капиталами, онъ, Папулинъ, овладѣлъ такимъ сокровищемъ, на которое едва ли хватить этихъ капиталовъ. Самъ великій московскій наставникъ Семенъ Кузьмичъ, со всѣмъ соборомъ попечителей и со всѣмъ Преображенскимъ кладбищемъ, явился теперь къ нему и поклонится до самой земли. За совершенный имъ подвигъ въ прославленіи своей вѣры онъ уже предугадывалъ свое мѣсто въ сонмѣ отошедшихъ къ праотцамъ праведниковъ: Ильи Алексѣевича (Ковылина), доставившаго Преображенскому кладбищу уваженіе и покровительство высшаго правительства, и Луки Терентьевича, не только установившаго порядокъ на кладбищѣ, но и учредившаго болѣе десятка единобѣрныхъ общинъ въ различныхъ мѣстахъ. Папулинъ имѣлъ уже право воображать себя сидящимъ рядомъ съ съ обонимъ въ мѣстѣ „полюстомъ и прекрасномъ, въ одеждѣ апостольской“. „На главѣ его вѣнецъ изъ цвѣтовъ райскихъ, сплетенный весьма дивно, на ногахъ сандалии апостольскія. Триста младенцевъ предстоятъ ему и дивно и прекрасно поютъ ему по старонарѣчному: Днесъ благодать Святаго Духа настъ собралъ! И то пѣніе превосходитъ умъ человѣскій!“

Въ безпоповщинѣ, гдѣ привязанность къ старой обрядности, почитаемой древнею, доведена до крайнихъ предѣловъ нетерпимости, наибольшая любовь и усиленное исканіе обращены на старую книгу и старую икону. Въ средѣ едосѣвцевъ послѣднія въ особенности живы и дѣятельны. Это очевидное явленіе объясняется тѣмъ, что (по свидѣтельству даже несомнѣнныхъ враговъ) самый низшій классъ едосѣвцевъ столь свѣдущъ въ знаніяхъ священнаго писанія, какъ рѣдко можно найти исповѣдниковъ православія въ средѣ образованнаго общества. Съ малолѣтства, какъ только ребенокъ укрѣпится на ногахъ и начнетъ ходить, его заставляютъ три раза въ день класть „началь“ по семи поклоновъ. Съ первымъ лепетомъ онъ начинаетъ уже затверживать молитвы; въ школѣ, для всѣхъ обязательной, онъ поступаетъ въ руки самыхъ искусныхъ и немилосердно строгихъ мастеровъ, изъ которыхъ каждый въ любой изъ обихъ книжныхъ премудростей—писанья и чтенія—является доточникомъ и во всѣхъ едосѣвскихъ общинахъ на виду и на счету. Одинъ съ такимъ искусствомъ переписываетъ сказанія съ книги, что хорошій алатокъ съ трудомъ разбираетъ поддѣлку; другой настолько начетливъ, что не выставляють въ спорахъ съ нимъ церковники-никониане. На обычныхъ всѣмъ старовѣрамъ начаткахъ премудрости въ едосѣвщинѣ

не останавливаются, а идут гораздо дальше: часословъ смѣняется трюдами, псалтырь—писаниями ветхозавѣтныхъ пророковъ и т. п. Во всемъ множествѣ апокрифическихъ книгъ разбирается потомъ каждый мѣзъ юношей, вернувшись мѣзъ лавки и отъ дневныхъ работъ, и списываетъ полууставомъ для себя интересное изъ книги, полученной на поддержаніе и для прочтенія. Всегда суровая и строгая домашняя жизнь, которую отчуждаютъ правила секты отъ всѣхъ развлеченій, представляетъ единственный выходъ въ постоянное теплое, размышленія и бесѣды. Въ семьѣ изгнано всякое попомшвеніе къ расточительности и во всемъ установлены границы самаго строгаго, вѣтвенно-монашескаго воздержанія. Ни одинъ едосѣвецъ, даже очень богатый, не позволяетъ себѣ осверниться одною кашлею постнаго масла, одною ложкою горчицы пиши въ обѣ великія недѣли Великаго поста и т. под. Поразительное безмолвіе, темнота во грѣбѣ покояхъ, давящее уныніе—дарствуютъ въ домѣхъ этихъ людей, которые бережливы до скарденности, скупы до ачлности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лицемѣрны до крайностей пусто-святства. Въ этихъ условіяхъ закаляется едосѣвецъ, дѣйствительно, въ такого книжника, съ которымъ споръ становится не только невозможнымъ, въ виду его упорнаго самоубіенія, но и досадно-оскорбительнымъ по причинѣ непреодолимаго упрямства начитавшихся до пресыщенія. Нѣтъ ничего удивительнаго также и въ томъ, если мѣзъ подобной среды, силою и рядомъ, выдвѣляются и стойкіе оберегатели вѣрованной секты и практичные руководители дѣлами всей общины, умѣлые приобрѣсти и сберечь, и дальнѣйшіе знатоки по иконографіи, по оцѣнкѣ пошибовъ писемъ старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Ни въ одной сектѣ не поставлено это дѣло на такую прочную почву и не идетъ такимъ правильно намѣченнымъ путемъ. Здѣсь нарождались и тѣ знатоки-самоучки, въ которыхъ бывало нуждались и отъ которыхъ многому научились наши историки, археологи, археографы, нумизматы и т. д.

Для прочихъ старовѣровъ съ удобствомъ служить и вполне удовлетворяетъ живую потребность село Палѣхъ, гдѣ пишутся иконы по стариннымъ подлинникамъ, в село Мстера, не только притворяющееся новымъ, но и починающее старая иконы. Для нихъ же, владѣющихъ менѣе опытнымъ глазомъ, сходятъ съ рукъ и многочисленныя поддѣлки, выражающіяся въ искусственныхъ трещинахъ, въ скоробленныхъ доскахъ въ мѣстахъ, отставшихъ отъ грунта, въ краскахъ и т. д. Для нихъ же на сырую глину оттискивается рельефъ истоиво-старога мѣднаго образа (столь любимаго старовѣрми *), въ полученную форму заливается

*) Любими металлическіе образа собственно по той причинѣ, что сдѣланы не поганими ру-

расплавленная мѣдъ; остывшій образъ держится надъ дарами напатыра, зеленая мѣдъ превращается въ красную и образъ принимаетъ закончѣный старинный видъ. Теперь надо уже звать именно едосѣвца, чтобы онъ разобрался въ искусной поддѣлкѣ и тонко доказалъ всѣ погрѣшности и отступленія. Въ иконахъ, рукописяхъ и книгахъ доброй самоучка-знатокъ разбирается, намѣчая цѣну, съ такимъ же искусствомъ и легкостью, какъ иной торговый приказчикъ, посѣдѣмый на производствѣ въ теченіи многихъ лѣтъ все однихъ и тѣхъ же сортовъ товара.

Вниманіе едосѣвцевъ обращено совсѣмъ въ другую сторону: на подлинные и живые предметы. Нѣкоторые изъ едосѣвцевъ были сосланы въ Соловецкій монастырь, и вскорѣ богатыя московскія молеельни украсились иконами изъ тамошняго Спаскаго собора, писанными еще въ то время, когда св. митрополитъ московскій Филиппъ былъ тамъ плуникомъ. Сводя знакомство съ монахами и бѣдниками московскихъ монастырей, едосѣвцы научили ихъ снимать во время очередныхъ дежурствъ въ церквахъ указываемыя ими старинныя иконы и поддѣлывать ихъ поддѣлками. Такимъ способомъ, изъ верхняго яруса въ большомъ соборѣ Ново-дѣвичьяго монастыря вынуты были и поддѣнены иконы письма знаменитаго рускаго иконописца Андрея Рублева. Навѣстный знатокъ и любитель подкупилъ сторожа кремлевской церкви Двухнадесяти Апостоловъ и за недорогую цѣну выпросилъ дозволеніе взять къ себѣ на домъ створчатый образъ 12-ти празниковъ; онъ возвратилъ копію, а драгоценный подлинникъ оставилъ у себя. Онъ же, черезъ подкупленнаго служителя, находившагося неотлучно при продажѣ свѣчей, покупалъ иконы и изъ Успенскаго Вольскаго собора. Торговецъ мѣдною посудкою въ Колокольномъ ряду разсмѣялъ съ хохотками церковную утварь вмѣстѣ съ шелковыми и шерстяными товарами и изъ губерній Новгородской, Тверской и Псковской получалъ старопечатныя книги и рукописи, вымѣненныя на шерстяныя платки и разныя безцѣнныя бездѣлушки. Одинъ изъ такихъ же ходоушниковъ, продѣлывавшій подходящія торговныя операциі по мелочи въ деревняхъ около Саввы Сторожескаго и Кирилла Вѣловерскаго, привезъ къ воротамъ Преображенскаго кладбища цѣлый возъ старинныхъ иконъ безъ окладовъ (которые были проданы у Сухаревой башни отдѣльно); ходоушникъ сдалъ порученную кладь и исчезъ.

Вотъ тѣ видныя и вѣдомыя источники, изъ ками, а прошли черезъ огонь. Старинныя складки чтуть даже такъ, что въ владѣльцамъ ихъ ходить на поклоненіе, какъ бы въ какое святое мѣсто. При этомъ старую икону стараются обмывать, поливая на нее воду рукою. Эту воду стоняютъ съ ликовъ въ чистую посуду и, послѣ молитвы, пьютъ, а недопитую выливаютъ въ печь.

которыя заручалась богатая едосѣвщина религиозными сокровищами въ такомъ количествѣ, что съ избыткомъ могла снабжать единоименными общинами даже въ Сибири и на Дону. Приобрѣтенія эти тѣмъ быстрѣе исчезали, что самыя моленные требовали иконнаго обилія не только въ таблатѣ, замѣняющей иконостасъ, но и сплошь по стѣнамъ. Ту моленную и прославляли, въ той часовнѣ и молились охотнѣе, гдѣ не видно было стѣнныхъ просвѣтовъ и всѣ любимыя и требуемыя обычаетъ изображенія были на лицо и стояли на своихъ мѣстахъ. Московскіе богачи находили случаи, по присущему пороку и природѣ ихъ тщеславію, искать удовольствія не только въ дорогихъ окладахъ, но и въ изяществѣ и рѣдкости письма. Они-то, приобретая иконы не щадя средствъ, уменьшили ихъ количество на рынкѣ и подымали цѣны до недоступной высоты. Специальная лавка у Варварскихъ воротъ превратилась въ археологическій музей, куда можно было лишь приходить любоваться кортунскими или строгановскими письмомъ и изучаться тѣмъ высокими цѣнамъ, за которыя приобретались рѣдкости едосѣвцами-цѣнителями. За „Воскресеніе Христово съ Возстаніемъ“ письма Някифорова заплачено было 1.700 руб. Серебряные оклады, густо вызолоченные, древней свайной работы, оцѣнивались каждый въ три и болѣе тысячъ. Все это происходило въ виду того обстоятельства, что простые иконы новѣйшаго письма, но по стариннымъ подлинникамъ, поступаютъ въ руки офенягъ отъ 2 р. до 25 р. за сотню. Только заказныя палѣтовскія, сработанныя тщательно на маслѣ и въ томъ миниатюрномъ видѣ, гдѣ правильность и отчетливость изумительны, возрастаютъ въ цѣнѣ отъ 50 коп. до 1 руб. за каждый листъ на иконѣ.

Съ усиленіемъ къ сороковымъ годамъ текущаго столѣтія количества едосѣвскихъ моленъ, изъ которыхъ каждая стремилась заручиться какою либо подлинною старинною рѣдкостью, чтобы, украсивъ богатымъ окладомъ, сдѣлать ее драгоцѣнностью,—требованія на подобныя изображенія сильно увеличились. Въ это-то самое время Папулинъ изловчился приобрести цѣлую древнюю церковь со всѣмъ ея иконостаснымъ и стѣннымъ украшеніемъ. Изумленная до восхищенія едосѣвщина даже смутилась отъ такого отчаяннаго и крупнаго подвига, который неизбежно долженъ былъ загремѣть, не могъ укрыться и не повлечь за собою роковыхъ послѣдствій. Только привычка жить и дѣйствовать подъ постояннымъ страхомъ преслѣдованій, научившихъ не бояться опасностей и искать приключеній, изловчаться на скользкомъ пути и обгѣять разверстыя пропасти,—привычка помогла осилить тяжелыя впечатлѣнія отъ дерзкаго, но, очевидно, удачнаго и тонко проведеннаго предпріятія Па-

пулина. Преображенское кладбище и, въ особенности, настоятель его, Семенъ Кузьмичъ, приняли самое дѣятельное участіе и поспѣшили оказать надлежащую помощь, когда она потребовалась рѣшительнымъ и смѣлымъ приобретателемъ. Такой случай повторился въ первый разъ послѣ едва памятнаго подобнаго же и, во всякомъ случаѣ, черезъ полтора ста лѣтъ.

Въ городѣ Сольвычегодскѣ, Вологодской губерніи, гдѣ, во времена Грознаго царя именитые люди братья Строгановы на вываркѣ соли наживали основы послѣдующихъ несмѣтныхъ родовыхъ богатствъ, ими построены богатая церковь. Соборная Введенскаго монастыря, испещренная фронтонами и колоннами, высѣченными изъ бѣлаго камня и разнообразными кафельными украшениями по всѣмъ наружнымъ стѣнамъ, уступаетъ въ изяществѣ одному лишь Василию Блаженному. Всеградская соборная Благовѣщенская церковь, огромнѣйшее готическое зданіе, издана славилась древностью иконъ, богатствомъ одеждъ и утвари. Отъ двухъ пожаровъ уцѣлѣли соборныя драгоцѣнности и между ними такая, какъ холстинный саккосъ, покрытый живописными образами и приписываемый св. Стефану Пермскому. Строгановы, очевидно, не щадилъ средствъ на приобретение именно рѣдкостей и драгоцѣнностей, а заботу о церковномъ благолѣпнѣ простерли даже до того, что выписали изъ Италіи мастеровъ и поселили ихъ у себя съ семьями. Этими зодчими, кромѣ храмовъ, построены были и жилища каменные и деревянные палаты, также наполненныя дорогими и рѣдкими иконами. Заведена была особенная школа иконописцевъ, слава которой дошла до нашихъ временъ. Позднѣйшіе потомки ихъ, увлеченные государственною службою и громадныя дѣлами на Уралѣ, забыли о сольвычегодскихъ сокровищахъ. Ихъ-то и замѣтилъ тотъ проницательный глазъ, который до тѣхъ поръ высматривалъ лишь боровыя грибныя мѣста. Съ помощью галицкихъ единовѣрцевъ, закупавшихъ въ тѣхъ лѣсистыхъ мѣстахъ сырыя лѣха на выдѣлку въ селеніи Шокшѣ, доискался онъ до этихъ забытыхъ сокровищъ. Съѣздить туда самъ, осмотрѣвъ, залюбовался и, найдя покладливаго челоуѣка въ протополѣ, повелъ съ нимъ тайныя рѣчи. Рѣшено было большое дѣло легкимъ способомъ на томъ, чтобъ испросить у синода разрѣшеніе продать обветшавшія и яко бы уже совсѣмъ облупившіяся старыя иконы и на вырученныя деньги, приблизительно въ тысячу рублей ассигн., починить и подновить разрушающіеся графскіе терема и дворецъ, какъ историческіе памятники. Синодъ не замедлилъ заочнымъ благословеніемъ, а Папулинъ—выдачею настоятелю собора условленной суммы, сверхъ смѣтной тысячъ, другую за хлопоты и легкую сговорчивость. Первою „ты-

счаею умядязь рудѣ протопресвитера Ник. Анд. Папулинъ“, какъ задаткомъ,—говоритъ народное преданіе,—и обѣдалъ остальные шесть тысячъ вручить, когда окончено будетъ все предпріятіе и иконы положены будутъ на воза. Съ пустыми возами прѣѣхалъ Папулинъ обратно, съѣздивъ домой за условленною, крупною по тому времени платежною суммою. Онъ остановился въ ближайшей деревнѣ, приказавъ извозчикамъ покормить тутъ лошадей, и, какъ тать въ нощи, сходилъ навѣдаться о томъ, не раздумали ли. На другой день иконы въ соборѣ составили съ мѣсто еще засвѣтло и пригото- вили къ отпавкѣ. Деньги вручены были немедленно и, поздною ночью, тронулся обозъ на 12-ти лошадаяхъ и на шести паряхъ подводъ со всѣми предосторожностями отъ недобрыхъ людей и съ иконами количествомъ до 1.350. Тутъ были и мѣстные, мѣроу въ 3 аршина, и складни изъ 5 и 3 иконъ, и походныя полковыя, „писанныя выѣшнему свѣту на удивленіе (продолжаетъ записанное свидѣтельство само- видца), въ полномъ видѣ какъ въ рисовѣхъ, такъ и въ прочности заготовки; и въ изображеніи красокъ, свѣтлости и прочности удивленіемъ состоятъ для выѣшнихъ изографовъ, какіе у князей были писцы и какъ занимались искусно и не жалѣли времени“ и т. д. *).

„Въ настатіи лѣта того года (продолжаетъ писать откровенный свидѣтель), гдѣ иконы стояли, на стѣнахъ по краскѣ раскинуты разныя цвѣты и травы, съ отличкою разныхъ красокъ по древнему вкусу, а болѣе, чтобы ихъ плутовство не оказалось“.

У Папулина, во всякомъ случаѣ, на возахъ оказались иконы, писанныя св. Петромъ митрополитомъ, навѣстнымъ изографомъ,—именно Петровская Умиленія и копія Владимирской (Широгищи). Этими иконами благословляли московскіе патриархи именитыхъ людей Строгановыхъ (и свидѣтельствовади о томъ собственноручными надписями на оборотной сторонѣ до- сокъ), когда братья, сыновья или племянники прѣѣзжали въ Москву и являлись въ дни св. Пасхи христосоваться съ царемъ и патриархомъ,

*) Пользуюсь здѣсь тѣми данными, которыя нашелъ въ Дневныхъ дозорныхъ запискахъ о московскихъ раскольникахъ, отысканныхъ явнымъ навѣстнымъ археологомъ, неутомимымъ искателемъ слѣдовъ родной старины и ея возстановителемъ въ Ростовѣ, А. А. Титовымъ. Эти записки, очевидно, писанныя для г. Липранди, тайно слѣдившаго за движеніями въ средѣ раскольниковъ, напечатаны г. Титовымъ въ 1885 г. въ Читеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (кн. II). Впрочемъ, это ученое общество не замедляетъ обнародованіемъ и второй части, какъ продолженіи этихъ записокъ, представляющихъ такой живой матеріалъ, совершенно заново оживляющій темное дѣло нашего раскола и, въ особенности, едосѣвщины. Къ изданному же надѣюсь возвратиться еще разъ.

поднося тому и другому золотыя монеты на серебряныхъ блюдахъ. Тутъ же, съ прочими иконами купленною оказалась и икона „Годъ святыхъ“, подлинно писанная известнымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ.

Привезенныя иконы Папулинъ исправлялъ и подновлялъ, а для этого у него въ Судиславлѣ жили три года восемь человекъ мастеровъ. Подновленными онъ украсилъ двѣ свои каменные молебни: мужскую и женскую; другими торговалъ въ Москвѣ при помощи тѣхъ же мастеровъ, а при участіи своего приказчика Николая Семенова, постоянно жившаго въ Петербургѣ, и въ этой столицѣ. Здѣсь этотъ добрый челоуѣкъ торговалъ грибами, салфетками и холстомъ. Въ обозѣ этого товара и въ перекладку съ нимъ онъ возилъ сольвычегодскія иконы и на потребу петербургскихъ едосѣвцевъ для домашнихъ молебенъ и общественной на Волковомъ кладбищѣ. „Денсусъ“ въ трехъ иконахъ продалъ Папулинъ въ Москвѣ за 700 р. Іоанна Преподтечу съ крыльями, приютачный на трехъ иконахъ—за 500 руб. Самому Папулину обошлась каждая икона, мелкая и большая, круглымъ счетомъ по 5 рублей, а онъ бралъ за иныя по 250 и выручилъ отъ продажи въ разныхъ губерніи до 13 тысячъ и, сверхъ того, 7 тыс. отъ одного Преображенскаго кладбища *).

Этотъ второй случай въ исторіи раскола—случай похищенія священныхъ украшеній полнаго храма—для главнаго виновника не увѣчался, однако, тѣмъ же успѣхомъ, какъ случилось въ подобный первый разъ. То было въ 1695 году, когда уже упомянутый нами черныи попъ Θεодосій, по разореніи Керженца и послѣ сожженія живымъ товарища его, помехонскаго дворянина Токмачева, ѣхалъ къ московскимъ рубежамъ и по пути очутился въ Калугѣ. Здѣсь онъ въ ветхой церкви Покрова, стоявшей безъ звона и пѣнія много лѣтъ, купилъ иконостасъ, сооруженный также во времена Ивана Грознаго. Съ нимъ онъ перебрался въ Вѣтку и установилъ его на вѣчныя времена во вновь отстроенной церкви.

Про Папулина весной 1846 года стали доходить въ Москву на Преображенское недобрыя слухи. Писали изъ общины его на мельницѣ Калишки, что всѣ иконы, бывшія въ тамошней молебнѣ, ваяты земскою полиціей, что забравъ даже имущество проживавшихъ тамъ людей, и все это отправлено куда-то на 20 возахъ.

*) Здѣсь эти иконы вносѣдствіемъ, по настоянію гр. С. П. Строганова, розыскивали, но квартальный надзиратель, получившій отъ Семена Кузмина двѣ тысячи рублей, отозвался по начальству, что отыскиваемыхъ иконъ на кладбищѣ не нѣтается. Между тѣмъ, Семенъ Кузминъ сольвычегодскими иконами переторговывалъ такъ, напр., за „Распліте Христа“ получалъ 200 руб. и столько же за „Нерукотворенный Образъ“. Продавалъ не только своимъ едосѣвцамъ, но и воюпцамъ на Рогажскомъ кладбищѣ.

Груды этихъ иконъ видѣлъ пишущій эти строки въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ, по порученію попечителя учебнаго округа, переписывалъ солнычегородскій учитель гимназій. Известно также было, что много иконъ небрежно хранилось въ губерискомъ правленіи (какая судьба постигла тѣ и другія, осталось неизвѣстнымъ). Известно лишь то, что много иконъ успѣли изъ Судиславля препроводить въ разныя мѣста и тамъ припрятать. Такъ, между прочимъ, изъ другой папулинской общины привезены были воспитанникомъ Папулина въ Москву, на Преображенское кладбище, иконы въ количествѣ тридцати, между которыми были три дорогія строгановскаго письма и изъ нихъ одна, офиненная въ 200 рублей.

Вскорѣ за этимъ транспортомъ съ иконами, уже лѣтомъ, прибыли на Преображенское кладбище два подручныхъ уставщика изъ судиславскихъ мѣщанъ съ извѣстіемъ, что управленіе общинами Папулина и устройство быта проживавшихъ тамъ еодосѣвцевъ поручено тому самому Николаю Семенову, который торговалъ въ Петербургѣ грибами и иконами. Начали прѣзжать отсюда же ихъ монахи и монахини, которыхъ преображенскій наставникъ, въ видахъ безопасности и въ расчетъ на преслѣдованія, отправлялъ въ Судиславль, какъ въ безопасное мѣсто. У него они снова благословлялись теперь, на старомъ мѣстѣ въ Москвѣ, чтобы совершать службы въ молельняхъ ради пропитанія, а двѣ монахини приняты Семеновъ Кузьминичъ въ число сестеръ въ женскую кладбищенскую палату. Еще весной того года Папулинъ надѣялся „угодить мѣстному начальству“ и писалъ о томъ этими словами въ Москву, но посланнаго отсюда для устройства каликинского общежитія московскаго мѣщанина Ипата Карпова Папулинъ отправилъ назадъ, чтобы не нанести неприятностей самому Преображенскому кладбищу. Писалъ Папулинъ въ апрѣлѣ, что община его весьма стѣснена надзоромъ тамшняго начальства, а затѣмъ вскорѣ достигъ до Москвы вѣрный слугъ о томъ, что онъ задержанъ полиціею, — слухъ, породившій большія безпокойства въ московскомъ богатыленномъ домѣ не унывавшихъ доселѣ еодосѣвцевъ. Купленные въ Судиславль иконы, находившіяся въ часовняхъ кладбища, рѣшено было пережѣстать въ безопасное мѣсто, каковымъ оказалась молельня на фабрикѣ одного изъ преображенскихъ радѣтелей, известнаго въ торговомъ мірѣ фабриканта купца Гучкова.

Въ не менѣе надежное мѣсто помѣщенъ былъ и самъ Папулинъ.

Въ одномъ изъ промежутковъ между циклопическими стѣнами Соловецкаго монастыря, складенными изъ громадныхъ дикихъ камней, и стѣнами живыхъ монастырскихъ строеній, въ

сѣверо-западномъ углу, пріютилась отдѣльная палата каменная и двухъ-этажная. Часть ея занята казармами караульныхъ солдатъ, присылаемыхъ на определенное время изъ Архангельска съ офицеромъ; другая часть—арестантскими. 12 чулановъ существовали издавна въ нижнемъ этажѣ очень стариннаго зданія, построеннаго еще въ 1615 году. 16 новыхъ чулановъ прилажены были и въ верхнемъ этажѣ въ 1828 году. Тогда уже наступило строгое время преслѣдованія за всяческія убѣжденія, въ томъ числѣ и за релігіозныя, въ виду развитія сектъ молоканской и духоборческой. Основателями этихъ сектъ нашихъ рационалистовъ и были впервые оживлены маленькіе соловецкіе чуланы, похожіе болѣе на собачьи конуры. Соловки стали второю по счету живою могилею послѣ таковой же, приспособленной въ городѣ Суздали, въ тамошнемъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Мнѣ не разрѣшили попасть туда, не смотря на то, что я былъ снабженъ официальной бумагою, предлагавшею оказывать въ монѣхъ работахъ возможное содѣйствіе. Готовно показывали мнѣ все, что относилось до монастырскаго хозяйства, столь замѣчательнаго своимъ благоустройствомъ и предусмотрительною обеспеченностью. Я видѣлъ даже и ту палатку въ связи съ Преподобническою церковью, въ два этажа, въ которой сложена была разная церковная ветхая утварь, и тѣ иконы, которыя отбирала кемская полиція въ Поморьѣ и доставляла изъ разрушенныхъ еодосѣвскихъ скитовъ на Топь-озеръ и р. Мятригѣ. Приходилось довольствоваться чужими сѣбденіями и, безъ личной провѣрки, на нихъ полагаться.

Проѣзжая прелестнымъ чистеннымъ лѣсомъ поперегъ острова изъ главнаго монастыря въ Анзерскій скитъ, я слышалъ отъ своего возницы-монаха:

— Не выдерживаютъ они у насъ, въ умѣ мѣшаются.

Вотъ и прифѣръ.

— Одиъ достигъ до того, что возмнилъ о себѣ, яко бы звѣрь въ него вселился и самъ онъ сталъ звѣрѣть. Встанетъ на четвереньки и сбоку на бокъ качается и хрюкаетъ. Положить его на постель и отвернуться не успѣють, какъ онъ опять на томъ же мѣстѣ мотается. Тамъ, гдѣ колъбиками упирался, большіи ямки вывертѣтъ, гдѣ руками—поменьше; полъ-отъ въ тѣхъ покоятъ мягкій, кирпичный.

— Не спрашивайте: ни имена, ни фамиліи здѣсь нѣтъ, знаемъ только нумера. Вотъ и вашъ полъ 13-мъ, какъ разъ полъ чертовой дожиной,—поучалъ меня инвалидннй капитанъ, и другой день возвращавшійся съ командою въ Архангельскъ и успѣвшій уже на прощанье съ знакомыми монахами подгулять, „ваторопить-ся“, какъ выразился онъ самъ.

Добровольно явился онъ въ мой номеръ монастырской гостиницы въ той же походной формѣ, въ которой сидѣлъ поутру за общей трапезою. Разговаривая со мною, онъ все оглядывался по сторонамъ и, оглядываясь, оправдывался:

— Стѣны здѣсь слышать, вотъ какое строгое мѣсто!.. А землякъ вашъ добрый старикъ и ласковый! Да вотъ какой добрый: когда ни придешь, онъ всякій разъ начинаетъ обою себя обыскиваться, шарить на столѣ, заглядываетъ подъ кровать. „Подарилъ бы, говорить: что, да взять нечего, все отвалили монахи. А селадка моей вѣтъ не станешь самъ не ѣмъ, гнилая“.

Офицеръ при этихъ словахъ не только оглянулся и приподнял надъ ухомъ настороженный палецъ, но на цыпочкахъ подерался къ двери и, быстро отворивъ ее съ видимымъ расчетомъ ударить въ лобъ того, кто тамъ подслушивается, заглянулъ въ длинный и немелкий корридоръ. Возвратившись, онъ съ большею смѣлостью говорилъ:

— Доводить до бѣды, потому что исправляютъ. Я готовъ въ рапортъ написать, что нельзя повѣрять монахамъ такихъ людей, которые съ ними переругались. Помилуйте, скажите: я—офицеръ, а къ архимандриту каждое утро долженъ ходить, какъ къ генералу или коменданту, вытягиваться и рапортовать. Онъ выслушаетъ, а чашки чаю не дастъ, гордится предо мною.

Сквозь слегка нескладную болтовню я узналъ отъ этого офицера, что землякъ мой лѣтнею порою сидитъ въ чуланѣ безвыходно, надѣваетъ на носъ большія круглыя очки и безпрестанно читаетъ толстыя книги въ кожаномъ переплетѣ.

— Кроткому человѣку архимандритъ попускаетъ дать книги, а зимой выпускаетъ съ солдатомъ въ старый соборъ помолиться. Конечно, это дѣло его, онъ здѣсь полный хозяинъ, на комендантскихъ правахъ. Онъ каждого монаха можетъ высѣчь.

— Конечно, безъ солдата и ему я не могу дозволить!—хвастался офицеръ:— Положимъ, что льды обкладываютъ монастырь такъ, что не вырвешься. Да, здѣсь держи ухо востро! Вдругъ онъ скрылся: можетъ быть, съ берега прибылъ сюда его сообщникъ. Островъ—отъ очень великъ, есть гдѣ спрятаться. Выждалъ время, посадилъ въ карбасъ и увезъ; здѣшній народъ льдовъ не боится. Да по моему лучше морская пучина, чѣмъ эти чуланы. Я къ тому это говорю, что изъ богомольцевъ много народу припранивалось поведаться съ нимъ, давали мнѣ хорошія деньги. Я не соглашался, я помню прыскагу...

Слѣдовала затѣмъ похвалябса личными достоинствами, къ которой обычно прибѣгаетъ подъ хмѣлькомъ всякій приближенный человѣкъ. Но-

ваго онъ уже ничего не говорилъ и становился просто докучнымъ. Ставъ онъ просить и отъ меня угощенія, для того совѣтовалъ послать къ самому архимандриту:

— Пришлетъ, хорошаго рому пришлетъ. Хорошо бы пуштыку на дорожку. Давно не пилъ. Твоему приѣзду они не рады. Не поутру итъ. Говорилъ мнѣ, что писать будешь, грѣхи итъ переписывать. Постарайся, сдѣлай одождженіе!

Дальше пошло уже такое все нескладное, настоящій бредъ, что я и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, какъ развязаться съ нимъ. Онъ помогъ мнѣ тѣмъ, что пообѣщавъ самъ пойти просить рому, и ушелъ.

За него договаривалъ самъ архимандритъ, пожелавшій дополнить мои скудныя свѣденія о Папулинѣ, какъ бы въ утѣшеніе за отказаніе личное свиданіе.

— Глубоко огорченъ я былъ, когда, принявъ настоятельство, посѣтилъ тюрьму, неся туда слабое слово утѣшенія,—разсказывалъ мнѣ о. Александръ, прославившійся защитникъ Соловецкаго монастыря во время блокады его англичанами въ Крымскую войну; разсказывалъ онъ тѣмъ говоромъ, который отличалъ въ немъ малоросса и который не служило затуманить и обезличить даже столь богатое и типическое архангельское нарѣчіе и, притомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ:—Получилъ я оскорбленіе, откуда не ожидалъ, отъ своего же, такъ сказать, брата духовнаго. Вросился онъ на меня съ зубовнымъ скрежетомъ, нагнѣвался ударить, круто обругалъ. Я уже не давалъ ему наступившей, ушелъ отъ грѣха. То былъ атеистъ, профессоръ одной изъ духовныхъ семинарій. Номеръ второй обратился ко мнѣ съ крикомъ и словными жалобами на отца, по просьбѣ котораго онъ и приславъ къ намъ за непочтеніе родительской власти. Я ходатайствовалъ черезъ синодъ и испрошено было повелѣніе, чтобы несчастному отцу его обязательно высылалъ благопотребную сумму въ приварокъ къ монастырскому продовольствію. Видѣлъ и тринадцатый номеръ и ожидалъ новыя оскорбленія; полагалъ— отвернется или приблизится, чтобы сказать укоризненное слово. Взглянулъ онъ на меня изъ подлобыя и нависшихъ бровей кроткими глазами, поклонился очень низко, ничего не сказалъ, ничего не просилъ, расположилъ меня къ себѣ своею покорностью и смиреніемъ. Черезъ караульныхъ послѣ выпросилъ книги,—велѣлъ я снабдить. Зимомъ попросился посѣтить старый соборъ, чтобы тамъ помолиться, я благословилъ. Видѣли вы сами, сколь благодѣиствъ иконостасъ нашего древняго храма постройки московскаго святителя и чудотворца Филиппа. Поклонились и явленнои ему иконѣ Богоматери, именуемой Хлѣбницею, по явленію ея въ пе карнѣ. Сказывали мнѣ монахи, что передъ ею съ особеннымъ усердіемъ молился тотъ № 13 и въ

хотѣлъ отрываться. Повторялъ онъ и затѣмъ свои просьбы и я благословлялъ ему таковыя утѣшенія. Не разрушилъ я только приносить коврикъ и лестовку, ибо нахожу неблаговиднымъ. Да оно и соблазнъ производить: зачѣмъ? При предшествованіяхъ моихъ были случаи обращенія монаховъ въ едосѣвщину отъ проживавшихъ въ обители на волѣ ссыльныхъ. Не удивляйтесь! большинство иноковъ народъ простой и легкомысленный, очень много изъ простыхъ мужиковъ. Когда вступилъ предшественникъ мой Дмитрій, мало напелъ онъ монаховъ, умѣвшихъ пѣть и читать; изъ мѣстныхъ штатныхъ служителей принужденъ онъ былъ собрать хоръ и сопровождать службу чтеніемъ по полному положенному уставомъ чину. И еще: предлагалъ я № 13-му посѣщать наши богослуженія; онъ отказался рѣшительнымъ образомъ, безъ всякихъ, однако, объясненій. И еще: изъ докладовъ по командѣ замѣчается въ немъ въ послѣднее время какъ бы какое-то внутреннее безпокойство. Пересталъ старецъ разговаривать, какъ бы наложили на себя добровольный обѣтъ молчанія. Нарушаетъ его, чтобы говорить все одинъ и тѣ же слова: „Раззорили, совсѣмъ раззорили!“ Начнетъ ходить по кельѣ взадъ и впередъ, начнетъ рукой махать. Я послѣ того посѣтилъ его; всталъ онъ передо мною, воззрился мутными глазами и спросилъ: „Гдѣ правда?“ Я не отвѣтилъ. Онъ помолчалъ немного, потомъ крѣпко топнулъ ногою и крикнулъ: „Нѣту правды на землѣ, въ небесахъ она!“ Я распорядился, чтобы не беспокоили его вопросами и не вступали съ нимъ въ подобныя разговоры и подробныя объясненія. Не знаю, исполняютъ ли. А я уже очень давно его не видалъ...

Въ самомъ дѣлѣ, я позволю себѣ въ заключеніе задаться не празднымъ вопросомъ: „Гдѣ правда?“ а сопоставленіемъ, въ видахъ сравненія, этихъ двухъ пустосватовъ, т. е. Зыкова и Папулина.

Очевидно, велика между ними разница уже въ томъ, что одинъ воспользовался монастыремъ въ личныхъ эгоистическихъ видахъ, бралъ его, такъ сказать, на прокатъ за дешевую цѣну. Другой тратилъ капиталы на созиданіе своихъ обителей, хлопоталъ объ ихъ прочности, держалъ подъ руками и на глазахъ, но полагалъ въ чужую и самую отдаленную, дѣйствительно уже прочно и безъ возврата. Здѣсь только и получалъ онъ темный и грязный чулавъ въ вѣчное владѣніе. Сдружается ли здѣсь мысль карающаго возмездія съ нравственнымъ исправленіемъ?

Вотъ что говорятъ послѣдующіе факты.

Зыковъ, какъ прѣхалъ за Байкалъ, такъ и началъ получать отъ своихъ московскихъ пріятельницъ и извѣстныхъ благотворительницъ

нѣкоторыя денежныя суммы. Посылали ихъ ему на дѣла милосердія среди каторжнаго люда, а онъ завелъ лошадей, чтобы подрядомъ содержать почту между Карійскими золотыми промыслами, гдѣ именно и стоятъ каторжныя тюрьмы. Умѣвшій ѣздить въ чужихъ экипажахъ, не счѣталъ возить въ своихъ — и получилъ отказъ отъ подряда. Началъ опять перебиваться и на получаемыя изъ Москвы деньги запасаться всякими ненужными бездѣлушками, выписывалъ французскіе духи. За темнотою въ комнатѣ при моемъ посѣщеніи, онъ намѣренно, говорить, не показавъ, сколько кабинетныхъ пустяковъ накопилъ онъ здѣсь, отъ шерловъ и аквармариновъ до пилочекъ для ногтей и ухвертокъ. Когда главный начальникъ заводовъ не разрѣшилъ ему права преподаванія дѣтямъ науки и вовсе не ходатайствовалъ о разрѣшеніи путешествія, онъ жилъ себѣ, не мыкая горя, благодаря московской помощи. Поношенный сюртучекъ, который получилъ онъ въ подарокъ отъ добродѣтельныхъ дателей, умѣлъ обрывать такъ, что старенькій сходилъ за совершенно новый и франтоватый. Не смѣшно и не стыдно ему было въ такомъ по вѣщности улучшенномъ видѣ разсмѣять комплименты и подводить турусы на колесахъ даже и послѣ того, какъ въ этомъ же нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ обиженныхъ родителей въ третій разъ поколотилъ его также довольно больно. Среди повсюднаго нищеты и скандальнаго перебиванья изъ куска въ рожокъ, онъ, все-таки, остался прежнимъ. Когда разрѣшили выѣздъ въ Иркутскъ, Зыковъ успѣшилъ обзавестись собственнымъ возкомъ и, приобрѣта рваный и ломаный, ухитрилъ и обрядилъ такъ, что хотя бы снова поѣхать въ немъ черезъ Москву въ Донской монастырь торжествующимъ побѣдителемъ. Встрѣтивъ по дорогѣ добрыхъ знакомыхъ, онъ нашелъ возможность угостить ихъ пожарскими котлетами. Изъ Иркутска Зыковъ передвинулся потомъ въ Ялutorовскъ, ближе къ Россіи. Его перетащили бы и черезъ Уральскій хребетъ и сюда, если бы не постигла его вскорѣ нѣсколько запоздалая смерть.

Только бы не гнилая селедка для Папулина въ монастырѣ, прославившемся этою рыбою, которая посѣщаетъ здѣшнія морскія губы въ такомъ множествѣ, что онѣ превращаются въ густую рыбную кашу. Все это, впрочемъ, въ отношеніи самой простой справедливости. Этотъ изъ заточенія проситъ только одной милости — смиренно помолиться передъ ликомъ древняго начертанія и искренно признаетъ его чудотворнымъ, хотя бы онъ и находился въ никоіанскомъ соборѣ. Этому надо немного, хотя онъ также не исправился. Но за то Папулинъ смирился, смирился онъ, очевидно, до того личнаго права, чтобы не оставаться въ рукахъ несомнѣнныхъ и доказанныхъ враговъ своихъ.

Въ первомъ случаѣ—безповоротная утрата въ концѣ испорченнаго человѣка. Во второмъ—именно то, что только теперь сознано справедливимъ, когда уничтожены монастырскія тюрьмы. Не погибъ бы Папулинъ, виновный въ пристанодержательствѣ по влеченію фанатизма и правилъ секты и виноватый въ преступленіи святотатства, при облегчающихъ вину

обстоятельствахъ. Здѣсь два пустосвята, но не два брата: одинъ поставлялъ сущность благочестія во внѣшнихъ обрядахъ и суетно успокоивалъ свою совѣсть, домашнимъ способомъ и про себя, мнимымъ богопочитаніемъ. Другой, принявшій на себя подлинную личную ханжа, дерзко и публично, передъ дѣлою Москвою, носившимъ заявить себя преступнымъ лицеизромъ.

ГЛАВА XI.

УБИЙЦА ИЗЪ ПУСТОСВЯТОВЪ.

Публичная казнь.—Голоса изъ толпы.—Молодость и воспитаніе преступника.—Выстрый успѣхъ въ большомъ свѣтѣ.—Разнообразная походженія.—Таинственная келья.—Монастырскія послушанія.—Злодѣйскіе пріемы.—Убийство и способомъ самооправданія.—Смысла и новизны приключенія въ странѣ илганія.—Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе.—Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ.—Бореневъ и сопоставленіе съ нимъ Зыкова.—Мнѣніе о послѣднемъ союзниковъ.

«На пути по этапамъ я того слышалъ и наблюдалъ, что теперь неохотно читаю романы». (Изъ записокъ декабриста барона Штейнгеля).

Въ первыхъ числахъ августа 1850 г. (какого именно, не упомяну) площадь Охотнаго ряда въ Москвѣ была необычно запружена народомъ. Тамъ, гдѣ пересѣкается Тверская и предполагается начало Моховой, толпа до того загустѣла въ плотную стѣну, что въ самомъ дѣлѣ нельзя было пробить ее ядромъ. Проходящихъ пришлось остановиться и созерцать.

Въ этомъ народномъ множествѣ преобладали молодцы съ поддернутыми фартуками изъ приказчиковъ мясныхъ и курятныхъ лавокъ, обладающіе извѣстною грубостью въ обхожденіи и препрославленной силой, и ношатые-разносчики, оглашающіе Москву сотнями выкриковъ и распѣвокъ, которые, за ихъ разнообразіе и оригинальность, давно слѣдовало бы переложить на ноты и записать въ сборникъ пѣсенъ. Были въ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ трактирные половые съ распущенными бородами и тщательно, съ очевиднымъ кокетствомъ, причесанными на голову волосами. Толпились тутъ же и всякій тотъ праздный сбродъ, который въ любое время готовъ съ неостывающимъ любопытствомъ подолгу съмотрѣть, какъ плыветъ на Москвѣ-рѣкѣ полѣно. По разнокалиберности звъака и по ихъ чрезвычайному многолюдству, возможному только въ Москвѣ, слѣдовало предполагать о предстоящемъ какомъ либо необыкновенномъ зрѣлищѣ; при крестныхъ ходахъ такого собранія не бываетъ.

Жандармы въ каскахъ, съ сердито торчащею щетиною въ гребнѣхъ изъ конскихъ волосъ, и казаки на кучихъ лошадакахъ, съ дерзко сдвинутыми на-бекрень киверами, успѣли уже сдѣлать свое предопредѣленное дѣло. Толпа крупными огромныхъ жандармскихъ лошадей и при

помощи тяжелыхъ сабель разбита была на двѣ строгія и послушныя стѣнки. Между ними образовался тотъ широкій корридоръ, который и представлялъ собою теперь очевидное и живое продолженіе Тверской до того мѣста, гдѣ ключокъ ея мимо Лоскутнаго ряда выходитъ на Иверскую площадку. Тамъ, вѣроятно, тоже мѣсиво изъ живыхъ людей толклось и переругивалось, стонало и гудѣло, высаживая локтями задорныхъ, а само, все-таки, направило впередъ, прямо подъ казакія нагайки и тяжелое холодное оружіе жандармовъ. У насъ толпа, сбившаяся вплотную плечо о плечо, колыхалась, какъ морскія волны, подаваясь вправо и влево и назадъ, кажется, отъ одного лишь того, что вотъ этотъ вздумалъ переступить съ ноги на ногу, а тотъ вотъ вздохнулъ полною грудью и нарушить напряженное равновѣсіе вытянутой въ струну стѣнки. Казакъ уже не одинъ разъ успѣлъ достать назадъ концомъ нагайки и „смѣрять“ того бунтовщика изъ фабричныхъ ребятъ, который ретиво работалъ плечами, раздражая и надавливая толпу, и который за тычкомъ никогда не гонится, а еще потомъ передъ товарищами хвастается:

— Онъ меня крѣпко ожогъ черезъ правое плечо подъ лѣвое подвздошье, да я ему не покорился.

— У него, надо быть, на концѣ-то пуля влетѣла; слѣдовало тебѣ въ баню сходить, отпарить. Вспузнеть—погрѣшь; настагаешь вѣникомъ съ мыломъ—отпустить.

Зубоскальства въ толпѣ, по обычаю, много. Виноватыхъ и обиженныхъ не щадятъ. Московскій рядскій законъ таковъ, что если и по-

скользнулся человекъ на слеснутыхъ выбро-
санъ чай, надо того человекъ осмѣять, празд-
нымъ дѣломъ, съ головы до ногъ. Лакеевъ,
напримѣръ, въ тѣ времена вдоль Ножевой
линіи Гостинянаго двора пропускали не иначе,
какъ сквозь строй насмѣшекъ, самыхъ ядови-
тыхъ и очень обидныхъ. Впрочемъ, знамени-
таго и въ полную мѣру еще не оцѣненнаго
московскаго балагурства, срывающагося прямо
съ кончика языка острыми, какъ шило, не
переслушаешь. Не затѣвъ мы пришли и оста-
новились здѣсь.

— Стой прямо, смотри направо, слушай,
какъ трель бьютъ!—совѣтовали мои сосѣди
другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, слышались
рѣдкіе, нескладные, какъ-то въ перебой, удары
барабана. Стукнуть по телячьей шкурѣ бере-
зовыми палками—посылается дробь; начнешь
вслушиваться—она и перестала, оборвалась.
„Тузъ!“—скажетъ барабанъ еще одинъ разъ
и замолчитъ. Гдѣ эти барабаны идутъ, намъ
изъ-за плечъ и головъ совсѣмъ не видно. При-
ходится принимать на вѣру невидимое, какъ бы
видимое, и невѣдомое, какъ бы настоящее.

Видимъ, однако, вскорѣ, какъ на пригоркѣ
Тверской улицы, надъ головами многотысячной
толпы, заколыхалось что-то чрезвычайно не-
опредѣленное, странное и Богъ вѣсть почему-то
вдругъ показавшееся страшнымъ. Пословица
говоритъ: хорошъ барабанъ въ полѣ, а не въ
городѣ, потому-то, должно быть, онъ и на-
строилъ на подобную неожиданную мысль. Иному,
въ самомъ дѣлѣ, громъ не громъ, а страшнѣе
барабанъ. Онъ-то и поддержалъ испуганныя
мысли, не смотря на подружныя развлечения:
жандармъ, нагнувшись на лошади, таскалъ въ
рукавицахъ съ широкими раструбами холлатую
голову мальчика изъ-подъ кухоннаго трактир-
наго куба, а этотъ молча, старался вырваться.
Казакъ оный успѣлъ кого-то схватить. Участи-
лись крики: „осаживай, осаживай!“—потому
что толпа пришла въ сильное возбужденіе,
именно то самое, когда еще невозможно, еще
одно оскорбленіе, какъ капля, переполняющая
сосудъ,—и толпа взреветъ, ожесточится и на-
рушитъ весь налаженный строй. Этого почему-то
не случилось и народная волна начала при-
нимать другое направленіе—кверху и внизъ. Всѣ
становились на цыпочки и каждый старался
приподняться, опираясь самымъ рѣшительнымъ
образомъ на плечи сосѣда, тараща глаза и
разъвая ротъ, а чужія плечи не медлили сбрас-
ывать чужія руки. Всѣ отхвѣнно переругивались.

Мимо насъ медленно, пошатываясь изъ сто-
роны въ сторону, промелькнула темная фигура
привязаннаго къ черному столбу человекъ. Мы
слышали за чужими спинами, какъ сфыркивали
лошади, громыкали по мостовой тяжелыя ко-
леса; мы видѣли, что привязанная къ столбу
сѣрая фигура имѣла блѣдное лицо, опущенныя

внизъ и полузакрытыя глаза. Мы успѣли про-
читать на свѣсившейся на грудь доскѣ страш-
ное слово: „убійца“, и одновременно и мимо-
ходомъ незлоиво нѣсколько замѣчаній нашихъ
сосѣдей.

Какимъ-то плаксивымъ голосомъ спрашивала
женщина въ косынкѣ, съ узелкомъ на дбу,
какъ бы внезапно пораженная или что-то по-
терявшая и вдругъ спохватившаяся:

— Да гдѣ же у него каблукъ-отъ?

— А на сапогѣ, должно помогать, — отвѣ-
тилъ тотъ, который былъ доволенъ тѣмъ, что
видѣлъ, хотя чувствовалъ въ сердцахъ, что у него
изрядно намяты бока и надавлена грудь.

Женщина, однако, не отвязывалась:

— Да, вѣдь, онъ монахъ. Я, вѣдь, про тотъ
каблукъ-отъ спрашиваю, что они на головахъ
носятъ.

— А тотъ каблукъ онъ, должно быть доро-
гою потерялъ. Далеко, вѣдь; вишь съ самымъ
Вутырокъ везутъ, —острилъ все тотъ же.

— По закону, матушка, передъ торговую
казню извергаютъ духовныхъ лицъ изъ сана, —
благодарно успокаивала ее тономъ довольнаго
человѣка, по видимому чиновникъ. Онъ успѣлъ,
вѣроятно, при содѣйствіи своихъ свѣтлыхъ пу-
говицъ и замѣченныхъ нами вразумительныхъ и
вкрадчиво-кроткихъ объясненій съ разными по-
лицейскими чинами удержать свое мѣсто въ
стѣнкѣ, далеко впередъ всѣхъ насъ.

Не скоро толпа разошлась и прочистился
проходъ на Моховую. Всякій старался подѣ-
литься своими впечатлѣніями я, какъ всегда
бываетъ въ этихъ случаяхъ, выводы и заклю-
ченія оказывались не похожими и не только
не согласными въ общемъ, но и совершенно
противными въ частности. Кто говорилъ, что
видѣлъ слезы на глазахъ у преступника, а кто
увѣрялъ, что, напротивъ, замѣтилъ усмѣшку и
весьма даже злую. На одного такъ страшно
глянуль онъ, что тотъ даже взмахнулъ на лобъ
и спустилъ съ плечъ на поясъ большой исто-
вый старовѣрскій крестъ. Иной поймалъ у пре-
ступника такой вадохъ, что у него, у свидѣ-
теля, даже подъ сердцемъ колынуло. Одинъ ви-
дѣлъ сзади преступника на эшафотѣ палача,
котораго совсѣмъ тутъ не было. Двое взяли
спорить до ругани и косыхъ взглядовъ другъ
на друга о томъ, носилъ ли преступникъ по-
ный образъ, или былъ только послушникомъ.
Виѣшавшійся въ споръ третій настойчиво увѣ-
рялъ, что онъ и послушникомъ-то не былъ, а
только жилъ въ Донскомъ монастырѣ и надѣ-
валъ рясу, а отъ міра вовсе никогда не отрекался.
Всѣ согласны были на одно, что жертвою
преступленія была дѣйствительно княгиня и,
притомъ, извѣстнаго стариннаго рода, издревле
любимаго городу Москвѣ. Говорили, что съ
раннаго утра сегодня на мѣсто казни скакали
не только извозчики, но того больше—кареты

коляски, ландо, фазтоны; вся Москва вела и бѣжала на мѣсто казни еще до разсвѣта. Только недосужные, запоздалые и немощные разсыпались по дорогѣ, какъ брызги отъ смынувшей волны, и установились сплошными рядами по уличнымъ тротуарамъ, на всемъ протяженіи длинѣйшаго пути слѣдованія печальной колесницы. Самовольный чиновникъ утѣшалъ себя и успокоивалъ, вразумляя всѣхъ насъ, что на мѣстѣ казни и смотрѣть, собственно, нечего: тамъ надломить надъ головою шпагу, ибо преступникъ былъ доподлинно дворянинъ и чиновникъ, не успѣвшій еще постричься въ расоформные монахи.

— И все тутъ, ничего интереснаго, — старался онъ увѣрить себя и насъ: — Шпага, — увѣрялъ чиновникъ: — должна быть заранѣе наднядена такъ, чтобы падать могъ ее легко и скоро разломить надъ головою преступника.

Немощъ онъ, однако, утверждать, ударить ли началъ надломленною шпагою по головѣ преступника или разломить ее на воздухѣ. Здѣсь онъ самъ запутался, говорилъ свое, но соглашался и съ противоположнымъ мнѣніемъ сосѣда.

— Опять какъ же, вѣдь, и ударить по головѣ? Вѣдь, она не горшокъ! — замѣтилъ вовсе не удовлетворенный рассказомъ торговецъ.

— Ударъ удару рознь! — рѣшительно успокоивалъ онъ себя и пошелъ вѣстѣ со мною на Моховую. Я видѣлъ, какъ онъ встряхивалъ головою и слышалъ при этомъ его глубокіе вздохи съ приговоромъ про себя: „Охъ, грѣхи наши тяжкіе, немощи наши человѣческія! Подишь ты“!.. и т. п.

Эти глубоко вѣзавшіяся въ моей памяти впечатлѣнія, буквально на первыхъ шагахъ знакомства съ Москвою, вызваны событіемъ, весьма памятнымъ тамъ, кажется, до сихъ поръ. Въ свое время оно переположило весь городъ до самаго донышка. Замѣчательно и поразительно было не столько само преступленіе, сколько участники и жертва, въ самоѣмъ дѣлѣ (по времени совершенія злодѣйства) вечерняя. Участіе духовнаго лица въ преступленіи не казалось особенно выдающимся въ городѣ, гдѣ такъ преобладаетъ духовенство, что въ средѣ населенія его, ревностно охраняющаго старинные обычаи, даже тотъ древнѣйшій — отругиваться и отплеиваться при встрѣчѣ — значительно ослабѣлъ и даже покинутъ. Участіе же монаха казалось чрезвычайъ неожиданнымъ и оскорбительнымъ, хотя бы въ церковномъ и богомольномъ городѣ этомъ было монастырей и монаховъ ровно столько, сколько полагается ихъ на цѣлую губернію, и, притомъ, также издрекле населенную и по толку же благочестную. Но, главное, съ одной стороны — монахъ, а съ другой — княгиня: зачѣмъ они вѣстѣ и при чемъ они оба? Объясняли все это въ то время всѣ вдругъ и каждый по своему, а потому и выхо-

дило что-то такое темное и трудное, гдѣ мудрено было разобраться. Въ официальныхъ документахъ уголовной палаты еще мудренѣе было добраться до сути. Постановленія и протоколы писались тогда такимъ языкомъ, о достоинствахъ котораго обычно говорили такъ: „писано — прописано отъ села Борисова, отъ Макара Денисова“. Послѣ того, какъ разберемся въ уличныхъ и гостинныхъ слухахъ и смалехѣхъ съ архивныхъ документовъ 50-ти-лѣтнюю пыль, передъ нами возникаетъ нижеслѣдующая внушительная личность.

Съ чердачка на Зацѣвѣ, гдѣ жила семья чиновничья отца Николая Семеновича, послѣдній поступилъ въ науку и выучился ровно настолько, чтобы быть писцомъ. Москва таковыхъ мастеровъ не бахуетъ и, за немнѣннѣе средствъ, не даетъ имъ пріюта и хода. Какъ губернскаго городъ, она владѣетъ только уѣздными и губернскими присутственными мѣстами съ нѣкоторою надбавкою канцелярій временныхъ, кромѣ безсрочныхъ комиссій и кое-какихъ комитетовъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ, завѣдующихъ дѣлами самаго сильнаго и привилегированнаго благотворительнаго общества, онъ и попалъ на легкую службу. Проставивъ нетвердую ногу, онъ, благодаря своей природной юркости и услужливости, сумѣлъ укрѣпиться настолько, что, пересаживаясь отъ стола къ столу, отучился и затѣмъ изъ нихъ, который вѣдалъ дѣла по части дамской благотворительности и попечительствъ. Представилась необходимость личнымъ докладомъ титулованнымъ баловницамъ и возможность проявить передъ ними свои скрытые таланты и придавленную силу. Женское безсиліе, постоянно нуждающееся въ мужской помощи и поддержкѣ, тотчасъ же предъявило требованіе на услуги этого угодливаго и ловкаго молодого человѣка и нашло въ немъ аккуратнаго и толковаго исполнителя. Къ побѣгункамъ онъ пріученъ былъ еще въ родной семьѣ, на посылки сдѣлался способнымъ подъ руководствомъ своего хромого, алого и ворсистаго начальника; въ дамскія ручки онъ попалъ уже совершенно-приготовленнымъ. Сдѣлался же опытнымъ, сообразно съ капризами заказчицъ, ему было уже не мудрено въ то время, когда пріобрѣтена была извѣстная гибкость разсудка, при настойчивости природнаго характера. Не даромъ же его закаляла чердачная жизнь въ ежесмыхъ рукавицахъ раздраженнаго бѣдностью, служебною неудачею и неподвижнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ родного отца. Всего оказалось въ достаточномъ запасѣ: хитрость и осторожность бѣтой собаки, ея же лѣстивость съ поджатымъ хвостомъ и другое все въ надлежащей дѣльности, въ порядкѣ и на мѣстѣ.

Стоитъ Николай Семеновичъ съ докладомъ передъ любою благотворительною дамою все та-

книгъ же неизвѣнныи: тотъ же дружескій, улыбающийся взглядъ, когда читаетъ докладъ; та же живая игра наостренныхъ ушей, когда выслушиваетъ приказанія, точь въ точь, какъ у любимой болонки, когда ее заставляютъ служить. Даже какъ будто и хвостъ вытянуть такъ, какъ у ищейки, которой приказано отыскать запрятанную вещь и принести сейчасъ же и во что бы то ни стало. Все въ немъ мило: и эта пестрая шерстка, худощавое длинное тѣло, чисто вымытая, выщеленная длинная мордочка, а, главное, ласка и готовность ринуться по первому слову со всѣхъ ногъ, котъ бы и не за дѣломъ, а ради одной праздной забавы. Дамская любовь со скучнаго и флегматичнаго мопса, съ извѣннаго шарло перенесена была съ полною готовностью и на этого человѣка. Онъ такой услужливый, онъ такой ласковый, безропотно покорливый и очень умный. Надо было клягнѣтъ разузнать секретъ у портнихи пи-ше Anette, какаго фасона и цвѣта платье ишить она на балъ дворянскаго собранія для графини, — и ш-гъ Зуконъ въ тотъ же день сообщалъ съ подробностями. Онъ дѣлаетъ и не такія крупныя одолженія, онъ оказался способнымъ на величайшя: онъ умѣетъ передать на словахъ ту тайну, которую нельзя выразить на письмѣ даже по французски. Ему одному можно поручить разузнать, кому раньше и кому лучше высланы будутъ на Кузнецкій - Мостъ французскія модныя матеріи. У него десять рукъ на тѣ случаи, когда разгуляется дамскій капризъ и разомъ разохотится на множество порученій. Только и скажетъ онъ какъ-то по своему и странно: „Одна моя нога здѣсь, а другая — тамъ“, — и сдѣлаетъ съ изумительною поспѣшностью. Изъ-за груды покупокъ, привезенныхъ по порученію, самого и не видать, а онъ, однако, всегда привезетъ ихъ въ срокъ и даже гораздо раньше. Незавѣнныи человѣкъ, очаровательный молодой человѣкъ! И въ манерахъ сталъ улучшаться, оставилъ кое какія дурныя привычки. Тонкими платками обзавелся и духами опрыскивается. Можно его кое къ чему и допустить, напримѣръ, дать ему подцѣловать ручку и этикъ не погнушаться, посадить его за чайный вечерній столъ съ серебрянымъ самоваромъ и посудю вье-саксъ. Не надо заботиться и волноваться о томъ, что онъ возьметъ нирожное прямо голыми руками, что онъ вздумаетъ опрокинуть чашку вверхъ донышкомъ, чтобы, въ знакъ благодарности, положить туда обсушенный кусокъ сахару.

Наступила, въ самое дѣлѣ, для Николая Семеновича Зыкова пора полнаго блаженства. Вотъ онъ въ надушенномъ будуарѣ докладываетъ, сидя, а товарищи, тѣмъ временемъ, въ сторожевской, пропятаиной насквозь маторкою, стоя и торопливо, затягиваются изъ одной трубки черезъ перышко мусатовскимъ вакшта-

фомъ. Онъ сидитъ и за обѣденнымъ столомъ, — положить, на кончикъ крайняго и дальнаго стула, — однако, бѣтъ кушанья, изготовленнаго настоящимъ французомъ-поваромъ. А небритые и невытые сослуживцы его, забравшись въ нивокъ Егоровскаго трактира, требуютъ передъ 2—3 парами чая даровую закуску изъ кусочка ветчины, огурчика и пеклеванника на основаніи обычая, давно вынужденнаго отъ хозяина чиновничьемъ бѣдностью и неизбежно установленнаго. Или, еще хуже того, товарищи сытаго Зыкова снять и выдать и усиленно ницуть такого просителя, который угостилъ бы ихъ солянкою въ кастролькѣ. Или, какъ консисторскіе нахалы, всею оравомъ накидываются на пришедшаго сельскаго попа и грабительскя вытаскиваютъ у него изъ-за пазухи широкъ съ лишню круую.

Николай Семеновичъ превознесемъ и отличенъ даже тѣмъ, что освобожденъ быть отъ примыхъ служебныхъ обязанностей, отъ ежедневнаго посѣщенія комитета на Маросейкѣ. Онъ весь отдался дамскимъ особымъ порученіямъ и, съ волн и вѣдома прамого и хромого начальства, былъ совершенно откомандированъ къ патронессамъ. Ему у нихъ привольно. Его всѣ онѣ до единой знаютъ, цѣнятъ; большая часть считаетъ его не только полезнымъ, но и необходимымъ человѣкомъ. Отъ него зависѣло обстоятельство, что для нѣкоторыхъ благотворительницъ онъ сдѣлался правою рукою и ногою: ступитъ безъ него не умѣли, ваяться ни за что не могли даже по домашнему хозяйству. А онъ, тѣмъ временемъ, подучился болтать по французски цѣлыми фразами и еще болѣе округилъ манеры: бралъ у Югели уроки танцевъ и перемѣнилъ походку, способы кланяться и садиться. Его начали считать своимъ и наружно оказывать ему чрезвычайныя знаки вниманія, любезности и откровенной привѣтливости. Вотъ въ это-то время и произошло то крупное недоразумѣніе, которое повело къ роковому исходу. Недоразумѣніе это порождено было грубою ошибкою во взаимномъ пониманіи обѣихъ сблизившихся сторонъ.

Дешевый приѣмъ сужденія по наружности, при непривычкѣ гннвытъ и сытыхъ людей къ анализу и какому либо тонкому разбору, послужилъ главнымъ основаніемъ къ заблужденію: сходственныя черты милыхъ домашнихъ животныхъ, въ сущности, не оправдывались и въ данномъ субъектѣ даже совершенно отсутствовали. Если уже идти тѣмъ же путемъ сравненія, то окажется, что все было понятно въ обратномъ смыслѣ и извращенномъ видѣ. Это худощавое, длинное и гибкое тѣло доказывало способность ко всякимъ изворотамъ, подсказывало, что этотъ человѣкъ способенъ пролѣзть во всякую щель, не задѣлываясь. Не замѣтили тѣ, кому это надлежало вѣдать, что эта лести-

вая ласка, усмиляющее мурлыканье, даже эта постоянно вычищенная, вымытая и выбритая мордочка, характеризовали животное совсемъ другой породы: лукавое и вороватое, полное вкрадчивой хитрости и ужасающей изворотливости. Оно одарено рѣдкою остротою чувствъ именно для того, чтобы въ своей кровожадности быть ненасытнымъ. Нѣтъ нужды, что онъ не бралъ никакихъ вещественныхъ знаковъ благодарности за оказываемыя услуги, а довольствовался казеннымъ содержаніемъ. Онъ искренно увѣрялъ, что помощь, оказываемая имъ дамамъ и самому благотворенію до того ничтожна, что о ней и говорить не стоитъ, ему самому совѣстно слушать о приписываемыхъ ему заслугахъ, — смиреніе невиданное, неслышанное и столь очаровательное.

А затѣмъ у него свѣтящіеся глаза, маленькое ухо, короткая и почти круглая голова, какъ у самыхъ свирѣпыхъ хищныхъ животныхъ. У него и походка неслышная, какъ у этихъ, гдѣ подъ густою шерстью на изогнутыхъ ногахъ спрятаны смертоносные, быстро выскальзывающіе наружу когти. Нѣтъ, это — не шарло, у котораго всегда открытыя когти менѣе опасны, потому что вѣчно бываютъ намочены. Какъ настоящій лютый звѣрь, дамскій баловень и угодиликъ въ лицѣ комитетскаго чиновника пряталъ свои, чтобы показать ихъ въ то время, когда накопятся силы и подойдетъ случай. Онъ трудился, хлопоталъ, не досыпалъ, подвергался униженіямъ и не сирота проходилъ не разъ сквозь строй оскорбительныхъ, презрительныхъ насмѣшекъ. Онъ вознамерился за всѣ испытанныя страданія и очевидныя заслуги получить плату, награду и отступное, однако, не мелочью, а какими нибудь внушительнымъ кушемъ. Если тѣ ошиблись валишкомъ ласки и привѣтливости, онъ ошибся тѣмъ, что, относя ихъ прямо къ своей личности, не сообразилъ и не догадался, что это — прямое обязательство вѣжливости, деликатнаго обращенія, какъ заурадная привычка людей, воспитанныхъ въ толѣ и нѣгѣ до пресыщенія, въ спокойной средѣ самодовольства, гдѣ нѣтъ мѣста отчаянію или постояннымъ раздраженіямъ. Отъ мягкаго стула и постели улыбающіяся привѣты дается на рубль цѣною съ твердою увѣренностью, что этотъ низкій и нищій, получающій, одѣвннть даръ въ полную тысячу. Если онъ, отъ чужой, обласканной, вздумаетъ торговаться и запрашивать больше, — значитъ, перешелъ предѣлы. Необходимость преграды становится настолькоъ ясною, что ее сейчасъ же съ досадою, лобко скрытою и затаенною, начнутъ быстро сооружать тѣ же самыя лица, которыя, шутя и отъ бездѣльи, ее разстроили. Строили же ее изъ гнилыхъ стоекъ и, прятаясь, торопились. Этого-то и не замѣтивъ нашъ слѣпой счастливецъ, а когда на сильный скачекъ свой получилъ такой же отпорный тол-

чекъ, то и выпустилъ свои смертоносныя когти. Теперь пока имъ только намѣчена была самая жертва, но уже производилась страшная скрытая работа истинной души, соображая подходящее время и соразвѣряя для прыжка разстояніе. У настоящаго звѣря промаха не бываетъ, онъ не скользнетъ лапами мимо чужой шкуры и не разобьетъ своего крупнаго мѣднаго лба. Такъ поступилъ и Зыковъ, притупившійся, какъ звѣрь, въ ямѣ за камнями и тщательно припрятавшій когти.

Веселый, шаловливый и беззаботный кружокъ московскихъ дамъ-благотворительницъ какъ-то одинъ разъ вздумалъ осмотрѣться, побуждаемый неопредѣленнымъ инстинктивнымъ чувствомъ. На него какъ будто нахнуло откуда-то легонькимъ холодкомъ; не то ему чего-то стало недоставать, не то кого-то изъ своихъ онъ нечаянно потерялъ, да не сразу успѣлъ спохватиться.

— Да гдѣ же Зыковъ. Куда пропалъ Николай Семеновичъ?

Одна не видала его больше мѣсяца, по ея довольно приблизительному счету.

— У княгини Вѣры онъ даже очень давно не былъ.

Отъ одной онъ увезъ брабантскія кружева въ чистку и не возвратилъ и записки не оставилъ.

— Конечно, возвратитъ, если не самъ, то черезъ родныхъ своихъ. У него есть такіе. Самъ онъ про нихъ никогда не говорилъ, а стороною было слышно, что у него они есть, эти родные. Онъ такой честный!

Многихъ занималъ также серьезный вопросъ, съ кѣмъ теперь играть въ карты, въ фанты, въ маленькія игры и т. п.

— Онъ такъ милъ и находчивъ, такъ весело смѣшнть и мило шутить. Я всегда имъ въ это время люблюсь.

Рѣшено было навести справки на мѣстѣ службъ, а если уже это не удастся, то и въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ и куда ходилъ ночевать. Оказалось теперь по справкѣ, что нѣкоторыя дамы настолько не гнушались Зыковымъ, что бывали у него, не боясь подозрѣній и превратныхъ толковъ. Зыковъ былъ весьма дурень, вытянутая фязіономія его походила на лошадиную; комулайте, кто пѣнннтся такимъ уродомъ среди щеголеватата офицерства? „Вотъ бажу къ нему, бажу въ квартиру его, чтобы ускорить одно благотвореніе и осчастливить имъ десять человекъ“.

Легкое безпокойство весело настроеннаго кружка весьма легко и скоро удовлетворено было самымъ точнымъ свѣденіемъ, что Зыковъ ушелъ въ монастырь.

— Но въ какой? Ихъ здѣсь такъ много!

Новая справка прямо указала на Донской.

— Если онъ сдѣлался настоящимъ монахомъ,

то это очень любопытно; вѣдь онъ отпустилъ волосы, отпустилъ бороду, какъ дѣлають этипопы.

Видели Зыкова въ чистенькомъ фракѣ и въ тапачахъ, какъ не посмотреть на него въ расѣ и на молитвѣ.

— Вѣдь онъ будетъ ходить по церкви и дышать этимъ кадиломъ.

Побѣла въ Донской не одна карета и не одна коляска, къ полному изумленію монаховъ, которые гуляли праздно около церкви, когда шла въ главный соборъ обѣда. Отъ нихъ уехали дамы, что Зыковъ въ затворахъ.

— Что же онъ тамъ дѣлаеть?

— Спасается. Никуда не выходитъ, даже въ храмъ Божій. Никого, кромѣ отца архимандрита, къ себѣ не допускаеть.

— Когда же онъ выйдетъ и покажется? Намъ его надо видѣть, очень надо видѣть.

— Когда найдеть къ тому благопотребное время. А теперь втай молится, сокрушается о грѣхахъ, что содѣлалъ тамъ, въ мірѣ.

Вотъ это слово „спасается“ доказалось столь неожиданнымъ и острымъ, что кое-кого кольнуло прямо въ сердце. Рѣшили навѣдываться. Развѣ не все равно, въ какую церковь ѣздить молиться, если уже заведенъ у всѣхъ такой обычай по преданію отъ родителей? Каждое воскресенье заведено и фамильную печать припечатано приказаніе по большимъ праздникамъ бывать въ какой либо изъ модныхъ церквей—въ университетской, на Остоженкѣ, въ Шереметьевскомъ домѣ у Сухаревой башни и въ другихъ.

— Все еще въ затворѣ!—продолжаетъ говорить справка въ Донскомъ монастырѣ отъ слоняющихся по аллеямъ и владѣнцу монаховъ.

— Да какіе же это грѣхи? И зачѣмъ ему понадобилось отъ насъ скрываться и отпалываться и такъ строго и такъ даже страшно?—думали посѣтительницы, проходя мимо этихъ двухъ оконъ подъ архимандричьими кельями, которыя занавѣшаны были густыми зелеными шторами.

— Зачѣмъ этого маленькаго человѣка мы допускали столь близко? пусть бы онъ тамъ...—раскаивались другія.

— Начнетъ исповѣдываться на всю церковь—кажется, это бываетъ у монаховъ—надо, во всякомъ случаѣ, постараться заласкать его, поладиться съ нимъ. Ну, просто попросить его, чтобы каялся какънибудь по другому.

— Какъ же это сдѣлать, когда заперты двери и наглухо спущены шторы?

За этими шторами, дѣйствительно, въ задумчивости сидѣлъ этотъ паучъ и плелъ паутину. Плелъ онъ ее, конечно, съ искусствомъ и опытомъ стараго и зоркаго рыбака и притомъ еще подъ надзоромъ не менѣе опытныхъ глазъ самаго настоятеля. Онъ уже и привыкать сталъ

къ легкой работѣ затвора, да наставникъ сказалъ:

— Довольно. Теперь закрѣпи. Длинная сѣть тоже не всегда полезна бываетъ. Она одну рыбу ловить, а другую пугаетъ,—какъ бы всѣхъ не распугала? Я вотъ пришлю церковнаго старосту; пусть онъ скажетъ, до чего оскудѣло кружечное и кошельковое приращеніе.

Послѣ того встрѣтившіе дамы монахи, обрадовали ихъ неожиданною радостною вѣстью:

— На-дняхъ доброхотню вышеть. И какъ свѣча передъ образомъ, бдѣть на молитвѣ. Даже удивляемся.

— Вотъ и Зыковъ!.. Кажется, онъ?—по крайней мѣрѣ, въ эту сторону указывалъ рукою провожатый монахъ, да и теперь туда же киваетъ головою съ клироса и подмигиваетъ. Не узнать Зыкова въ темномъ углу между большою печкою и церковною стѣною и не разглядѣть его: все стоять опусти голову, часто молится и еще того чаще становится на колѣни. Нѣкоторымъ удалось уловить его тяжкіе вздохи.

Это уже очень страшно. Это уже что-то такое невѣроятное, но очень, очень любопытное. Вотъ, даже духъ замираеть, такъ это прекрасно и удивительно.

Въ слѣдующее воскресенье въ Донской монастырь наѣхало каретъ вдвое больше, на слѣдующее втрое. Зыковъ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, смиренно понуривъ голову и не поднимая глазъ; няня такъ бы вотъ и пошла приказывать ему поднять голову и хотя разъ взглянуть на грѣшницу. Онъ все еще закрѣпляетъ на сѣтѣ петли; залестнулъ крѣпкимъ концомъ и послѣднюю.

— Приемлетъ нынѣ малое послушаніе, „благоугождать“, говорятъ. И отъ священно-архимандрита получилъ благословеніе на церковный сборъ во дни богослуженія.

Ловедикъ ударъ былъ рассчитанъ вѣрно. Въ развернутую сѣть стала попадать сначала мелкая рыба съ серебряною чешуею, добывалась и съ золотомъ. Вязю, которое носилъ по церкви съ опущенными долу очами Зыковъ, наполнялось даяніемъ до верху, все изъ-за того одного, что интересный молодой отшельникъ въ колпачкѣ, сдвинутомъ на самыя брови, углѣ, остановившись, поклонится вкладчицѣ по монашески, во всю спину, а не по старому и по свѣтски, какъ въ кадрили, одною головою.

Любопытство заразительно среди праздныхъ людей, а потому вѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и рогатые и комолые супруги потащились за женами посмотреть на столь рѣдкостнаго монаха.

— Вчера былъ онъ среди насъ, а теперь легъ живымъ въ гробъ, и вотъ, говорятъ, по временамъ встаетъ и тѣнью шатается по церкви. Надо взглянуть!..

Совершилась я въ монастырѣ переѣзна: изъ начальника настоятель сдѣлался истиннымъ другомъ (переименованнымъ впоследствии въ сучастника). Объ одномъ только и была его просьба:

— Порадѣй святой обители вѣрнымъ и благимъ послушаніемъ. Токмо не передергивай петлей сѣти. Дѣйствуй косно, не бораяся.

Когда вскорѣ потребовалось поученіе изъ того, о чемъ было надумано въ глубокомыслии затвора, разрѣшеніе дало было на посѣщеніе убогой кельи рыбака одной лишь той, которая могла больше выѣздить и много вѣровала. То была княгиня Вѣра, не пропустившая ни одного воскресенья, больше другихъ клавшая на блюдо, слыгѣе и настойчивѣе другихъ стучавшая въ затворенную дверь.

Тамъ въ это время за нею услѣлъ уже побывать самъ святой владыка, умѣвѣшій и прозорливѣйшій святитель Филаретъ, привлеченный слухомъ о подвигахъ новаго затворника. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ. Владыка самъ видѣлъ и рассказывалъ потомъ всѣмъ, что у новаго подвижника на простой деревянной кровати дѣйствительно лежали въ возглавіи два березовыя полѣна и стояли въ кельѣ лишь два простыхъ рыночныхъ стула.

Таинственная келья стала еще святѣе и еще любопытнѣе, въ особенности для такихъ вѣрующихъ, какою была молодая и красивая княгиня Вѣра. У нее былъ старый мужъ, разбитый параличемъ и давно лежавшій въ постели. Врачи обрекли его на смерть и княгиня прибѣгала къ молитвамъ, посѣщала монастыри, дѣлала вклады. Донской монастырь, въ особенности, привлекъ ея вниманіе и полюбился не потому лишь, что былъ близко. Въ кельѣ затворника, умѣвшаго выбрать именно эту обитель, нашла она и то кресло, на которомъ сидѣлъ святитель, и тотъ образокъ въ серебряной оправѣ, которымъ онъ благословилъ таинственнаго монаха. Видѣла она келью изъ трехъ конурокъ, а не комнату; но лишь въ одной стояла та убогая мебель, которую похвалилъ Филаретъ, да шкапчикъ съ образами; въ другой, задней, не было ничего, кромѣ стѣнъ и священно-таинственнаго безмолвія. Когда посѣтила келейный сумракъ новая посѣтительница, затворникъ и остальныхъ желающаго вскорѣ рѣшился дать разрѣшеніе. Да и пора наступила: богомольныя жены испытали продолжительный искусь. Посѣщенія участились, келейное безмолвіе нарушилось; затворникъ впалъ въ искушеніе, падалъ, надумывался, тосковалъ и оправдывался тѣмъ, что самъ архимандритъ пѣнился тѣми же удобствами для бесѣдъ и тихихъ поученій. Затѣмъ всякій, кто хочетъ, пусть то и говорить. Да и что кому за дѣло, что когда умеръ мужъ княгини Вѣры, Зыковъ читалъ псалтырь по немъ, по давнему знаком-

ству? Пусть говорятъ, что у нихъ съ настоятелемъ заведены очередные обѣды черезъ день и у каждого изъ нихъ имѣется свой поварь. Пусть говорятъ!.. главная задача, во всякомъ случаѣ, теперь рѣшена съ побѣдительнымъ усилкомъ: попала рыбаку въ сѣти та самая вкусная и большая рыба, на которую и рассчитъ былъ сдѣланъ.

Сквозь монастырскія стѣны нельзя намъ было видѣть, что происходило за синими занавѣсками, а слухамъ и слетаньямъ мы не смѣемъ довѣряться. Именно въ Москвѣ съ Замоскворѣчьемъ онъ особенно злоязыченъ, всѣкіе слухи перепутаны кривью и вкось и подозрительны, какъ всякая клевета и диффамация. Вѣроу тому лишь, что вышло прямо на Вошіи свѣтъ и городскія стогны и показалось вѣянь.

Въ одномъ изъ московскихъ, по большей части либо косыхъ, либо кривыхъ, переулковъ (на этотъ разъ именно въ такомъ, который также затѣмъ-то изгибается, исхода изъ большой улицы) случилось такое событіе. Въ сумерки шелъ по этому переулку къ Каменному мосту одѣтый въ черную раску вѣкоторый человекъ. Ему на встрѣчу вышли изъ подозрительной „Ямка“ три молодца. Изъ нихъ одинъ несъ большую бутылъ. Поравнявшись съ чернымъ человекомъ, этотъ толкаетъ его плечомъ своимъ въ бокъ и роляетъ бутылъ, изъ которой льется деревянное масло. Поднижается крикъ. заявывается перебранка, послѣ которой пукаются въ дѣло кулаки. Чернаго сшибли, повалили и били, какъ могутъ бить только графскіе крѣпостные кучера и колюги, да мясники Охотнаго рада. Избитаго, еле дышавшаго, втащили на извозчика и свезли въ часть, гдѣ помѣстили съ ворами и мошенниками на нѣскольکو дней (его изъ монастыря исключили, архимандрита удалили). Знать „спозналъ князь да довѣдался (какъ поется въ пѣснѣ о Валушѣ-ключенкѣ) что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣвной горничной, когда уже довольно было попито и поѣдено, въ красѣ-хорошѣ положено, про его ли, княжю милость, много было ругано“.

Оправлялся Зыковъ очень долго и медленно, ровно столько времени, чтобы монашескимъ обѣтомъ смиренія уврачевать душевныя и тѣлесныя раны, или и въ самомъ дѣлѣ, по мірскому обычаю, растравить язвы до новой боли уже отъ кровавой обиды, которая толкаетъ на ищеніе. Оправившись, онъ и въ самомъ дѣлѣ взялъ съ собою оба орудія и слово примиренія, да кстати прихватилъ и ножъ. Княгиня собралась къ Троицѣ говѣть и зашла къ Зыкову попросить, христіанскимъ обычаемъ, прощенія. Онъ готовъ былъ примириться, если поворъ его будетъ смѣтъ честнымъ бракомъ, въ большой церкви, всенародно. Согласія не было дано, отвѣтъ сказанъ рѣшительный, такъ какъ и самый вопросъ по-

ставленъ былъ въ упоръ. Сверкнуло лезвіе кнѣжала, кулевнаго на Кузнецкомъ-Мосту, и бездыханный трупъ упалъ къ ногамъ „убійцы“. Онъ быстро схватилъ молитвенникъ, припалъ на колѣнѣ къ трупу и истово началъ читать отходныя молитвы, поза изъ зіяющей раны, нанесенной какъ бы волчьими зубами, хлестала фонтаномъ алая кровь. Въ такомъ видѣ и панія убійцу, когда, и въ переносномъ смыслѣ, свалилась, наконецъ, съ его плечъ овечья шкурка и объявился подлинный волкъ, какъ высказался о немъ самъ митрополитъ, когда довелъ до его свѣденія о содѣянномъ злодѣяніи. „Важите, заточайте, судите и казните!“ говорили Зыковъ, а на первый случай и оправданіе было приготовлено въ простыхъ и краткихъ словахъ, такого смысла и значенія:

— Такъ угодно Богу! Я, видимо, избралъ орудіемъ для того, чтобъ изъ этого грѣховнаго міра праведную и святую душу чистой голубицы — княгини Вѣры — препроводить въ горнія селенія. Тамъ, а не здѣсь, подобаетъ ей быть.

Я былъ личнымъ свидѣтелемъ для казни Зыкова, но, по случайностямъ скитальческой жизни, полагъ и въ мѣста уголовныхъ возмездій, въ самое ядро и пекло каторги и ссылки, куда посматривать подобныя грѣшниковъ. Въ административномъ центрѣ каторжныхъ заводовъ и промысловъ, — именно въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, — я встрѣтился съ этимъ человѣкомъ, начавшимъ свое житейское поприще въ роли Молчалива и кончившимъ его на гражданской свободѣ въ роли Ваньки-клячвика и Ваньки-Канна. На этотъ разъ, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ казни, въ 1860 году, я нашелъ его тамъ въ казенномъ званіи „пропитаннаго“, т. е. передъ поселеніемъ, въ разрядѣ „исправляющаго“.

— Исправился ли онъ? — спросить иной читатель.

— Зайдите къ Зыкову, — совѣтовалъ мнѣ одинъ изъ начальниковъ нерчинскихъ заводовъ. — Онъ васъ ждетъ, онъ намѣренъ поѣхать по Забайкалью для собиранія пѣсенъ и записи обычаевъ. Разрѣшенія изъ Иркутска ждать. Теперь онъ нуждается въ совѣтахъ и указаніяхъ, не откажите ему въ нихъ. Узнавши о вашемъ пріѣздѣ, онъ снова умоляетъ въ смыслѣ уговорить васъ не погнущаться имъ. Конечно, онъ и самъ бы пришелъ, да тяжело боленъ: у него и подагра и хирагра разыгрались на это время. Зыковъ молить о свиданіи, говоря, что если не удастся мнѣ уговорить васъ, онъ найметъ людей доставить его на носилкахъ. Вы исполните истинно-христіанскій долгъ.

Благоволеніе начальства — видный первый знакъ въ пользу ссыльнаго.

По узенькой тропѣ, едва прямой въ глубокіхъ сѣнѣхъ сугробахъ оврага, я поднялся

на ту горунку, на которой стоялъ домикъ въ два окна, — въ два по своеобразному сибирскому обычаю, не признающему нечетнаго числа оконъ, какъ указано узаконенными нормальными чертежами. Съ горунки открылись еще лучшіе виды на эти горы, обступавшія селеніе, какъ застывшія волны разсерженнаго океана, — горы, богатые настоящими серебромъ и другими минеральными сокровищами. И этотъ выборъ жилища — добрый знакъ въ пользу ссыльнаго.

Единственная комната въ этомъ домикѣ средя бѣлаго дня поразила меня темнотою и, вопреки сибирскаго обычая, въ ней было очень тепло. Во мракѣ мнѣ, прежде всего, бросились въ глаза ширмы на право. Съ тѣхъ поръ первое впечатлѣніе не покидало меня. Ширмы были центромъ всего жилища, изъ-за нихъ ватшевывалось все остальное. За ними тотчасъ слышался кашель, ошаривающей голосъ и показавшаяся фигура живого мертвеца, совершеннаго скелета, у котораго только что не стучали кости, какъ у настоящаго. Эта худоба скрывала и черты лица и ихъ выраженіе. Я съ трудомъ успѣлъ разобраться и въ томъ и въ другомъ, когда услышалъ высказанное глухимъ, гробовымъ голосомъ пріѣтствіе. Мертвецъ вкрадчиво говорилъ:

— Вамъ уже, вѣроятно, извѣстна исторія моего несчастья?

— Роковой день вашей жизни былъ однимъ изъ счастливыхъ въ моей: я шелъ предъявлять своей гимназической аттестатъ, освобождавшій меня отъ риска экзамена въ университетѣ.

— Я и Альфонскимъ былъ обласканъ, Овері лечилъ меня, вѣдь я въ большахъ домахъ былъ привѣтъ. На меня возлагались серьезные порученія, доходившія даже до графа Арсенія Андреевича. А живъ ли Грановскій, Рулье — ваши звѣзды?

Началась извѣстная пѣсня униженнаго и ссыльнаго, стремящагося приподнять свое прежнее значеніе хотя бы на одну пядень. Я далъ ему волю вспоминать. Видимо, онъ перенесся мыслями на родину и виталъ воображеніемъ по Москвѣ, съ точною вспоминая адреса милыхъ домовъ и мимоходомъ останавливаясь на сплутныхъ зданіяхъ, на соприкосновенныхъ къ главному разсказу лицахъ. О своемъ преступленіи, конечно, ни слова, какъ всѣ прочіе ссыльные. Да и никто въ Сибири не нуждается въ этихъ свѣденіяхъ изъ деликатности и убѣжденія, что, конечно, всѣ волки сѣры. Разузнется, всякое признаніе интересно. Случалось, что вотъ иной сталъ подходить къ интересному мѣсту, но на самомъ же дѣлѣ онъ ушелъ отъ этихъ воспоминаній еще дальше, даже гораздо дальше, чѣмъ отвелъ меня Зыковъ въ самомъ началѣ бесѣды, прямо въ университетъ, изъ Донскаго монастыря на Мокую.

Во все время, пока длилась бесѣда, его

ширмы не давали мнѣ покоя: стоить себя, за-слоняя все, даже интересное лицо хозяйна, и кричать, требуя особеннаго къ себѣ вниманія. Точно какая новгородная реклама. Онъ это замѣтилъ.

— Эту святыню я уберегъ отъ недобраго про-шлаго въ полной дѣлости и для нее нанялъ во всю дорогу особую подводу. Вотъ моя глав-ная святыня.

Онъ показалъ мнѣ тотъ образъ, которымъ благословилъ его Филаретъ. Приложившись къ лику, онъ повернулъ ко мнѣ исподку доски. На ней нѣтъ собственноручная надпись митрополита, изображенная тѣмъ почеркомъ, который такъ разительна похожа у всѣхъ духов-ныхъ лицъ, подобно русскому почерку нѣмцевъ, занимающихся въ коммерческихъ конторахъ.

— У меня есть частица камня отъ Гроба Господня. Мнѣ ее подарилъ добрый князь...

Слѣдовала подробная исторія о характерѣ отношеній его къ этому князю и о причинахъ, заставившихъ послѣдняго обязательно сдѣлать ему этотъ подарокъ; все пока о Москвѣ по поводу своего униженія.

Я замѣтилъ у него подвѣшенными на шир-махъ, узгнанныхъ крестиками и образками различныхъ цвѣтовъ и какабровъ, между про-чимъ, и хорошо всѣмъ извѣстныя: шапочку отъ мощей Митрофанія, рукавичку отъ Геннадія Люблинскаго, поясокъ изъ Кіева отъ Вар-вары великомученицы. Не ширмы, а цѣлый иконостасъ отдѣлялъ отъ меня его постель и столикъ. На постели уже лежали двѣ пуховыя подушки, на столикѣ Евангеліе въ серебряной оправѣ.

„Вотъ онъ и не измѣнился, — охотливо по-думалось мнѣ: — И что онъ въ самомъ дѣлѣ: ханжа или истинно вѣрующій?“

И эту мою мысль онъ отгадалъ.

— Я вѣрую, я слѣпо вѣрую. Это одно утѣ-шеніе въ моемъ несчастьи. Судьба погнѣшала мнѣ сдѣлаться монахомъ...

Вотъ, кажется, самъ наскочилъ на большое мѣсто, а настороженные мои уши слышать о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы Господь сподобилъ его внушить такую же вѣру другимъ, какую живетъ и дышетъ онъ самъ.

— Одна эта вѣра и спасаетъ меня.

И съ этого пункта крутой переходъ совер-шенно въ противоположную сторону, по край-ней мѣрѣ, прямо къ цѣли, которая вызвала наше свиданіе,

— Здѣсь борется съ христіанствомъ силь-ный врагъ—ламайство. Не по моимъ немощ-нымъ силамъ борьба эта. Не подумайте, что я съ этимъ намѣреніемъ прошу себя дозволеніе путешествовать. Расскажите мнѣ, какъ вы это дѣлаете.

Поставленные мнѣ вопросы всѣ ограничива-лись практическою почвою, доказывая, что онъ

уже раньше присмотрѣлся къ дѣлу и искренно желаетъ ему послужить. Онъ показался мнѣ весьма начитаннымъ человѣкомъ. Онъ скупѣе сдѣлать бесѣду довольно приятною и поддер-жалъ ее такъ, что у насъ вышло какъ бы ли-тературное утро. Онъ все обнаружилъ: иску-ство хорошо слушать и тонкую осторожность въ возраженіяхъ. Рѣзко бросалась въ глаза и мягкость въ манерахъ, его деликатность въ обращеніи,—все это мнѣ по дорогѣ въ Сибиря не растеряно. Привезъ онъ сюда и уберегъ и ловкую лѣтливость въ приемахъ съ легкимъ пересоломъ въ complimentax, и удѣлилъ мнѣ въ малой дозѣ на мой счетъ и по скорости все то, что съ избыткомъ расточалъ во дни оны въ Москвѣ и что послужило началомъ современнаго печальнаго его положенія. Ни одною чертою настоящаго своего внутренняго міра онъ не подѣлился со мною. Можно было уловить лишь только тѣ моменты, когда онъ изверты-вался, и не шутя любоваться гибкостью и своев-ременностью чрезвычайно ловкихъ изворотовъ. Игралъ онъ точно змѣя и блескомъ глянцева-той шкурки и всѣмъ разнообразіемъ окраши-вающихся ее пестрыхъ цвѣтовъ. Неужели онъ искалъ во мнѣ, въ виду возможности, хотя бы и мимоходомъ, попасть въ печаль, потому что желалъ представиться не иначе какъ въ благо-образномъ видѣ? Правда, онъ крѣпко жалъ мнѣ руку при прощаньи, принималъ ее даже къ сердцу, убѣдительно, умоляющимъ образомъ прося меня еще разъ, хотя одинъ только разъ и на полчаса какіе нибудь навѣститъ его. На бо-лѣзни пожаловался только за то, что она мѣ-шаетъ ему лично навѣститъ меня на отводной квартирѣ. Онъ даже весьма самоудѣленно и увѣренно рисовалъ планы своего путешествія; при такой изможденной фигурѣ и истощенной натурѣ, онъ, видимо, разсчитывалъ жить еще многие годы (чего, впрочемъ, не случилось). Онъ потому вступилъ со мною въ переписку: напи-салъ не одно письмо (я ихъ храню), но всѣ, однако, такія, которыя не требовали отвѣтовъ. Онъ точно погнѣшался на самомъ себѣ и въ письменныхъ строкахъ всегда казалось, что онъ все продолжаетъ чиститься, обшаркивается щет-кою и вѣничкомъ и опрыскивается духами, хотя и дешевенькими.

Самыя милыя впечатлѣнія я вынесъ отъ него изъ дому и съ готовностью постигнулъ навѣ-ститъ во второй разъ, хотя онъ оказался и послѣднимъ. Тогда, прощаясь со мною оконча-тельно и ровная видная мнѣ слезы, онъ уже не выдержалъ и проговорился прямо съ малу, безъ всякаго вызова съ моей стороны и внѣ всякой связи съ предыдущимъ нашимъ разго-воромъ:

— Повѣрьте мнѣ, княгиня Вѣра была та-кая святая душа, что я вовсе не совершилъ надъ нею никакого либо преступленія насильемъ.

Ея душою я лишь только увеличилъ сомнѣе беснѣныхъ ангеловъ.

Обрадовавшись тому, что онъ снѣзшошегъ ко мнѣ и приспустилъ я ослабилъ одну петельку, я догадался ухватиться за нее.

— Вѣроятно, сама книга довела васъ до этой крайности?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ мнѣ и я видѣлъ, какъ мгновенно глаза его вскинулись къ небу и руки повисли, какъ плети:—Книжка была ангель кротости, но, вслѣдствіе независимости отъ нее обстоятельство, она была поставлена въ такое безвыходное положеніе, что для спасенія этой чистой души я рѣшился прекратить жизнь ея.

Въ самомъ дѣлѣ намъ уже больше не о чемъ было разговаривать. Если онъ не говорилъ затверженную фразу, какъ помѣшавшійся на подобномъ выраженіи, то уже во всякомъ случаѣ на каторгѣ онъ не исправился. Онъ все тотъ же и теперь, какимъ былъ и въ то время, когда ткнули его за языкъ, именно въ страшный день безжалостнаго убійства, надъ неостышимъ еще трупомъ его жертвы.

— Я скажу вамъ, какъ онъ исправился или переѣмълся,—говорилъ мнѣ одинъ изъ интеллигентныхъ людей, очутившихся также на каторгѣ и къ которому я обратился за справками.

Это былъ Ипполитъ Васильевичъ Кашкадамовъ, изъ воспитанниковъ московскаго Воспитательнаго дома. Кашкадамовъ довольно долгое время жилъ съ Зыковымъ въ тобольской тюрьмѣ, гдѣ всѣ оставались подолгу, особенно ссыльные изъ привилегированныхъ сословій (Кашкадамовъ былъ действительнымъ студентомъ московскаго университета и попалъ въ Сибирь за поддѣлку монеты). Подъ прикрытіемъ того обстоятельства, что приказъ, распредѣлявшій ссыльныхъ по областямъ, уздамъ, волостямъ и городамъ, находился въ то время въ Тобольскѣ (теперь онъ въ Тюмени), несчастные люди отъ этапнаго пути отдыхали здѣсь и передъ каторгою запасались кое-какою силою. Въ тѣ времена было попроще и тобольская тюрьма представляла собою вѣкоторое подобіе гостиницы.

Зыкову позволяли, за большую тюремную общеою камерою, устроиться такъ, какъ было ему неспособіе, чтобы уединиться и помолиться, не вызывая соблазна и насмѣшекъ (ссыльный народъ—большой охальникъ и злой шутникъ).

— Вотъ эти-то ширмы, что вы видѣли у него въ черчанскомъ заводѣ, видѣли и мы въ тобольскомъ острогѣ. Онъ ихъ возилъ на особой подводѣ, какъ настоящій фокусникъ, который показываетъ, какъ Петрушка всѣхъ колотить, а самъ невоздержно при этомъ хохотъ. Это—не вконецъ-ся, а, такъ сказать, забортъ,

который въ здѣшнихъ мѣстахъ строятъ въ рѣкѣ для прославленной сибирской рыбы — максуновъ. Иной изъ нихъ придетъ къ кольцамъ, стукнется головой, очумѣетъ и не знаетъ дальше, что ему дѣлать. Надо бы повернуть назадъ и утекать, а онъ этого не смыслитъ, и все стоять и все ждать, когда же его возьмутъ голыми руками? Охъ, эти ширмы! Много онъ бѣдъ натворилъ, да и не бѣдъ только, а настоящихъ преступленій. Правда, что, по его словамъ, тутъ изъ многихъ святыхъ мѣстъ получены ему подарки. И не столько это, сколько онъ самъ святъ и величественъ изъ-за этихъ самыхъ ширмъ. Такъ онъ благодѣиель и медоточивъ, что беря да и пиши его ликъ на икону и ставь ту икону въ славну церковь.

„Вотъ я что хочу рассказать вамъ, — продолжалъ Н. В. Кашкадамовъ:—Содержался въ одно время и въ одномъ этомъ же танцевальномъ залѣ бродяжяго и воровскаго російскаго собранія Кореньевъ — злодѣй высокой пробы. Онъ 18-тѣ убійствъ совершилъ и владѣлъ непомерною силою духа еще настолько да на полстолька убійствъ. Когда его вотомъ приковали на цѣпи и посадили въ одиночную камеру, онъ такъ отрѣзалъ въ отвѣтъ архіерею Феоносту, что того отшатнуло на нѣсколько шаговъ отъ одного только слова злодѣйскаго (ибо окровавленные руки были прикованы къ собачьей цѣпи).

„Въ то время, по которое я рассказываю, Кореньевъ лежалъ съ нами на одиѣхъ нарахъ. Полеживалъ себѣ да восвистывалъ. Иногда въ карты игралъ, а чаще по сторонамъ поглядывалъ. Съ Зыкова онъ не спускалъ глазъ. Разъ и толкаетъ меня Кореньевъ подъ бокъ локтемъ: „Гляди, Политъ Васильичъ, у московскаго-то чудотворца рыба ужъ начала знатно клевать“. Я лично не придавалъ до той поры большаго значенія тому обстоятельству, что къ Зыкову дозволено было доступъ всякому; ходило къ нему народу много, особенно бабы. Известно, ихъ это дѣло—сначала святошей рожать, а потомъ ханжей воскармливать. Къ тому же вѣдомо мнѣ было, что барыни декабристовъ и въ городѣ Тобольскѣ, на досугѣ и бездѣльѣ, придумываютъ какую-то новую вѣру и что больше всѣхъ беспокоится объ этомъ Фонвизина. Архіерей Владиславъ и ласкалъ ее и доносилъ объ ней въ синодъ посылая, а она, однако, успѣла натворить то, что на купеческихъ женъ и дочерей нашло самое мистическое настроеніе, замѣсто роднаго язычества. И то не былъ Сведенборгъ настоящій, а что-то около него, только немощко позволюшко мозги туманомъ, — словомъ, одурѣли бабы. На что имъ лучше Зыкова, когда его привезли сюда да прочитали его статейный списокъ, да вѣтеръ кое-что нанесъ, да его самого послушали? Важное кушанье! Чего, помилуйте, лучше? Пернотайную

княгиню убила, въ монастырѣ жила, архимандрита загубила, въ благотворителяхъ состояла, а самъ образованнѣйшій человѣкъ, въ какомъ-то институтѣ курса не кончила. Роману тутъ такъ много, что и не выгребешь и не переслушаешь. И въ самомъ дѣлѣ, слушали его очень долго; нина каждый день, какъ одна рыбевная купеческая вдова съ двумя пузленькими дочками. Все, бывало, видимъ — проходить онѣ втроемъ за эти ширмы и бесѣдуютъ. А то вдругъ пришла къ нему одна дочка, самая пузленькая, безъ сестры и маменьки. Въ это-то время меня Кореневъ и толкнулъ въ бокъ, да — чертовъ онъ сытъ — такъ-то больно пихнулъ, что я насили отругался.

„Сталь Кореневъ помаленьку и предсказывать: „Смотри, — говоритъ: — Полить Васильичъ, завтра она опять придетъ одна и сидѣть будетъ дольше“. Почему, молъ, ты, дурова голова, знаешь? — „Да ужъ не сумлѣвайся! я икну сестру только что не убивалъ, а хороводы съ ними жививалъ и любилъ это дѣло, когда на волѣ жилъ и ножныхъ бруснетовъ еще не надѣвывалъ. Онъ въ монастырѣ не даромъ привидъ пѣвки снимать“. И предсказалъ проклятый варнакъ: пришла въ самомъ дѣлѣ одна. Намъ изъ-за косяка въ ту маленькую комнатку все было видно, потому что двери, по закону, были сняты съ петель. Очень хорошо мы видимъ, какъ она порскнула за ширмочку и даже какъ будто еще и каблучкомъ ее задѣла и покачнула. Кореневъ, лежа на полатахъ, приподнялся даже, оперся на локотки и воззрился, какъ коршунъ. Охъ, воркѣй у него былъ глазъ и строгій! Когда, бывало, разсердится, зрачки такъ и забѣгаютъ, какъ мыши, которыя не найдутъ, въ какую щель безопасно сунуться. Я уже вижу этотъ самый взглядъ и думаю, что и онъ видитъ что-то недоброе. Ну, молъ, худо тому, кто у этого глаза на смотру и на линіи. Меня даже морозомъ по спинѣ прoderнуло. Однако, Кореневъ меня немного успокоилъ тѣмъ, что, смотря, опять опрокинулся на спину и смотреть къ потолокъ и даже дѣсно мурлыкаетъ. Дай-ка, молъ, взглянуть я въ него; ой, худо! онъ рыжую свою бороду закусилъ, пріемъ тоже знакомый мнѣ и знакъ весьма внушительный!

„Вышли они парочкою. Зыковъ, какъ вѣжливый кавалеръ, подъ ручку ведетъ барышню. Проводилъ ее за дверь, возвращается. Я и не замѣтилъ, какъ успѣлъ Кореневъ очутиться съ нимъ лицомъ къ лицу, должно быть, однимъ прыжкомъ, какъ тигры это дѣлаютъ. Понесся по казармѣ его зычный голосъ, неприятно-сильный, какъ у всѣхъ бродягъ, подмоченный и застуженный.

„— Скажи ты мнѣ, дворянскій сытъ, кто изо всѣхъ...“

„Рукомъ... сгребъ его за горло и шагу ему не дастъ. Самъ оретъ, на свою голову, во всю силу, что было се въ груди у него и въ горлѣ.

„— Скажи, говорить, кто изъ насъ лучше: ты или я? Не пушу, пока не дашь ты мнѣ отвѣтъ.

„Казарма вся гогочетъ. Кто залихается съехомъ, а молодые ребята начали усякать. Я подумалъ: это, молъ, ему будетъ вторая публичная трепка, да послѣдняя ли? Вотъ сторожа показались въ дверяхъ. Мелькнули солдатскіе штаны. Кореневъ, должно быть, это скоро замѣтилъ и началъ накладывать, да такъ быстро, что только кулакъ сверкалъ. Тутъ его и связали ремнемъ и оторвали отъ лежакаго; онъ и не прекословилъ, даже ногой не брыкнулъ. Когда подняли Зыкова, то уже понесли на рукахъ, не могъ идти.

„Долго лежалъ онъ въ тюремной больницѣ. Коренева за это за самое на дѣнь приковали: не самоуправничай и не озорничай! Про Зыкова мнѣ сказывалъ докторъ налтъ, что у него сильно повреждено легкое и вѣроятно-де приростетъ оно къ спинному хребту. Однако, вотъ вы его въ перчинскомъ заводѣ живымъ видѣли и онъ еще и валь успѣлъ обмануть. А не спрашивали вы тамъ про дочку Калининскаго, не рассказывали вамъ про вдовую попадейку? Жаль! Тогда не пришлось бы вамъ сдаваться на его слова и приняли бы вы ширмы за шарманку, слезы — за наскоржъ, воздыханія — за привычку дурного воспитанія, а ученое путешествіе — за подвохъ. Ему надо теперь чѣмъ нибудь отличиться и выдвинуться, чтобы попасть сначала хотя въ волостные писаря, а потомъ поискать и высокій чинъ коллежскаго регистратора, который онъ такъ неосторожно оборонилъ въ Москвѣ, на Каменномъ мосту. Вотъ онъ и погулялъ бы кстатѣ и пѣсенокъ по Забайкальи-то послушалъ бы. Засѣдатели ему въ этомъ дѣлѣ помогли бы: дѣвокъ бы къ нему нагнали, а у семейскихъ онъ такія породистыя и такія гулявныя. Пособралъ бы онъ кое-что изъ веселенькаго и къ печать послалъ, ну, хотя бы въ газету „Амуръ“, что лѣ. Узнало бы объ этомъ сильное начальство, стало бы объ немъ хлопотать новыше и кричать по всѣмъ землямъ, по всѣмъ странамъ: „Исправился, совсѣмъ исправился нашими стараніями. Нашею помощью вернулся блудный сынъ въ домъ отца своего. Заколетъ на радости теленка или ягненка“, или что иное на тотъ разъ подъ руку попадетъ.

„Не бывать плѣшивому кудреватымъ! Такъ я понимаю это дѣло по пристальнымъ и давнимъ моимъ личнымъ наблюденіямъ. Припоминаю послѣднее объясненіе ваше съ нимъ, которое я уже разъ отъ него самъ слышалъ, когда онъ въ тобольскомъ острогѣ отвѣчалъ на вопросы генералъ-губернатора. Онъ тоже тогда игралъ зрачками. Я какъ сейчасъ помню слова его: „Я — великій грѣшникъ!“ и слышу его задокъ. Онъ былъ даже настолько неостороженъ въ то время, что стукнулъ кулакомъ себя въ грудь, по актерскя. Припомятая рассказъ вамъ о свиданіи, мнѣ хочется задать послѣдній вопросъ:

что лучше: динимъ ли бродяги Коренева или мистифициръ горожанина Зыкова? Лично я надъ этими вопросомъ никогда не задумывался, можетъ быть потому, что привыкъ на которѣ дѣлать все тотчасъ же, какъ только задумалъ. Повѣрять себя никогда, — сейчасъ въ барабанъ забьютъ, — и оглянуться не успѣешь. Я всегда

былъ твердо убѣжденъ, что изъ Коренева, при благопріятныхъ условіяхъ жизни, всегда могъ выйти человекъ хотя на что нибудь годный; Зыковъ — безнадежно неисправимъ. Счастлива вся наша русская каторга именно тѣмъ, что такихъ отвратительныхъ личностей попадается на ней очень мало*.

Г Л А В А XII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ СЕМЕЙНЫХЪ ПРАВЪ.

Развратъ.—Кровосмѣшеніе.—Слохачи.—Сводные браки.—Прелюбодѣніе.—Расплѣніе и насмѣхание.—Мужеложство и скотоложство.—Развратное и порочное поведеніе дворовыхъ и крестьянъ.—Исбѣжаніе отъ каторги и кляушничество чиновниковъ.—Ложные доносы.—Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибирѣ.

Оскорбленіе родителей и непослушаніе, въ примѣчательномъ большинствѣ случаевъ, оказывали сыновья. Преступленіе это всѣхъ наименше можно считать жестокимъ: въ двадцать лѣтъ на 69 мужчинъ ушло въ Сибирь 2 женщины, мимо монастырей и всякаго рода исправительныхъ заведеній. Слабо высказываясь своими особенными характерными чертами, преступленіе это въ Сибири успѣло опредѣлиться, во весь этотъ длинный періодъ времени, только кое-какими признаками, много не говорящими: шло среднимъ счетомъ по три человека въ годъ. Сильнѣе выразилось это преступленіе абсолютною цифрою у государственныхъ крестьянъ, затѣмъ у мѣщанъ и дворянъ, а наибольшую пропорцію въ купечествѣ; въ общемъ числѣ всѣхъ сосланныхъ ему принадлежатъ самое послѣднее мѣсто во свѣдѣтельство той высокой степени положенія, на которой стоитъ родительская власть, злоупотребившая на этотъ разъ своимъ правомъ и не способная сладить домашними средствами въ этихъ исключительныхъ (70) случаяхъ (въ 20 лѣтъ). Деспотизмъ и несостоятельность самосуда, выразившіеся сильнѣе въ купечествѣ (по процентному отношенію), вызвали наибольшее число сосланныхъ за 20 лѣтъ изъ губерній: Курской (7), Вологодской (6), Ярославской (5), Пензенской и Тамбовской (по 4).

Сюда сибирскія табели до 1844 г. относили еще „принятіе чужой фамиліи“ и „прелюбодѣніе“, какъ преступленія, направленные противъ правъ семейственнаго состоянія; но первое, при широкомъ приспособленіи въ бѣгахъ и сильномъ примѣненіи къ бродячеству, въ табеляхъ выдѣляется слабо, а прелюбодѣніе смѣшивается съ плотскими преступленіями, а потому мы и переходимъ прямо къ нимъ*).

Изъ плотскихъ преступленій по прелюбодѣнію замѣчается сильнѣйшая наклонность въ женщинахъ и, по свѣдѣтельству сибирскихъ цифръ, виновность ихъ (по всѣмъ родамъ преступленій) на этотъ разъ представляется самою характерною на ряду съ преступленіемъ убійства дѣтей (по прелюбодѣнію одинъ мужчина на пять женщинъ, по убійству дѣтей 1 на 19). Почти исключительно усвоенный женщинами (по числу сосланныхъ), тотъ же цоркъ прелюбодѣнія, по житейскому опыту, сильнѣе свѣдѣтельствуетъ не о невинности мужчинъ, а о той ловкости увертокъ, къ какимъ удачнѣе прибѣгаютъ послѣдніе, злоупотребляя своимъ правомъ сильного и счастливо пользуясь бытѣмъ обезпеченнымъ и лучше устроеннымъ общественнымъ положеніемъ. Обвиненія, не одолевая сильного, ложатся всею тяжестью на безсильнаго, страдающаго отъ общественнаго предразсудка. По процентному отношенію наибольшая наклонность замѣчается въ военномъ сословіи (у мѣщанъ больше, чѣмъ у крестьянъ), а солдатики чаще другякъ дѣлаются жертвами обвиненія на судѣ и ссылки. Вместо большаго ушло виновныхъ всякаго пола и возраста (за прелюбодѣніе, кровосмѣшеніе и насмѣханіе) изъ губерній Пермской (въ 20 лѣтъ 60 ж., 15 ж.) и изъ южныхъ: Харьковской (32—5), Полтавской (28—12) и Херсонской (21—7).

1842 г. 12 челов.); подлоги въ отираніи искрутской повинности, сильнѣе выражающіеся въ цифрахъ отбѣга табелей, ознаменованныхъ тѣлесныя поврежденія себя и другимъ съ имѣреніемъ избѣжать службы». Точно также въ одно время выяснилась «живая присяга» и произвольно пропадала вслѣдъ за другими, печальная тамъ, гдѣ этого вовсе и ожидать было нельзя. Принятіе чужой фамиліи или переименіе имени и прозванія въ Россіи преступленіе не такъ частое, въ Сибири—дѣло обычное, съ большимъ успѣхомъ практикуемое поселенцами и каторжными. Въ однихъ нерчинскихъ табеляхъ за десять лѣтъ уличили и засадили табельныхъ 166 человекъ, да за «ложный завѣтъ» одного.

* Также слабо и безхарактерно. временами даже не выдѣляя вовсе, объясняютъ тобольскія цифры: неплатежъ податей (въ 4 г. съ 1838 по

Съ меньшою или большею цифрою осмысленныхъ за плотскія преступленія являются и всѣ до одной другія русскія губерніи.

Дѣйствуя съ большою силою въ большихъ городахъ, развратъ, по рассказамъ путешественниковъ, царствуетъ на всемъ пространствѣ земного шара, существуя подъ двумя главными формами: публичнаго и тайнаго. Нѣкоторые статистики, рассматривая его въ обоихъ видахъ, пришли къ тѣмъ положительнымъ выводамъ, что цифра разврата крупнѣе между 16 и 28 годами человѣческаго возраста, что отъ 14 до 28 лѣтъ она идетъ въ возрастающей прогрессіи, а съ 28 до 40—въ уменьшающейся. Съ послѣдняго термина (40 лѣтъ) прогрессія начинаетъ падать примѣчательно быстро, такъ что въ 50-ти-лѣтній возрастъ доходить до нуля. Замѣчено при этомъ, что развратъ, преимущественно, любитъ гнѣздиться въ семействахъ и между тѣми лицами, которыя соединены кровными узами и, по преимуществу, заражаетъ сестеръ. Чаше предается разврату дочь при матери, показывая, до какой степени развращенія доходятъ члены семейства, гдѣ сама мать подаетъ примѣры распутства собственнымъ дѣтямъ. Особенно примѣтно это въ средѣ бѣдняковъ большихъ городовъ. Въ деревняхъ порокъ этотъ подчиняется отчасти давнему, укоренившемуся за долгое время обычаю, отчасти зависитъ отъ вѣкоторыхъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Къ числу послѣднихъ относятъ стороннія вліянія, зависящія отъ причинъ географическихъ (силнѣе развратъ въ приморскихъ мѣстахъ и городахъ отъ прилива матросовъ весною и лѣтомъ) и экономическихъ (напр., чаще паденія женщинъ совершаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ дальніе и продолжительные отхожіе промыслы). Кое-гдѣ вліяютъ на то же нѣкоторыя предразсудки религиозныхъ сектъ, изъ которыхъ сильнѣе другихъ выясняются безпоповщина и глыстовщина. Существенною же и вѣроятною причиною считается быстрое увеличеніе военнаго сословія съ продолжительными стоянками одинокихъ солдатъ въ губерніяхъ, существующихъ сторонними заработками на отхожихъ промыслахъ. Причина усилена дважды: покинутая мужемъ солдатка грѣшитъ нарушеніемъ вѣрности дома, въ то время, когда солдатъ соблазняетъ чужую жену на чужой сторонѣ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ неиспорченныхъ солдатскими стоянками мѣстахъ, гдѣ наплывъ холостой молодежи не дѣйствителенъ, противъ согрѣшившихъ существуютъ домашнія мѣры взысканія, мірскаго самосуда, такъ же строгій и неуступчивый, какъ и всякій народный самосудъ на разныхъ преступниковъ. Въ Вѣлороссіи и Малороссіи наказываютъ виновныхъ мѣсто того и другого: на мать, отдающую дочь лишенною невѣности въ замужество, на-

дѣвають хомутъ и заставляютъ прыгать черезъ огонь или бѣгать по полю и лаять по собачьи; на дочь надѣвають бабью кичу безъ оборокъ, не въ избѣ, а въ сѣняхъ и на дворѣ; не прицѣпляютъ красной ленты на наметку, не поятъ красною водкою. Съ уличенныхъ въ прелюбодѣянніи женщинъ срываютъ платки на народѣ, простоволосятъ, т. е. позорятъ самымъ тяжкимъ оскорбленіемъ, мажутъ ворота и двери дегтемъ и проч. Евреи заграничъ губерній поступаютъ еще суровѣе. Нарушившую цѣломудріе приводятъ въ школу (синагогу), здѣсь плюютъ на нее, бросаютъ въ лицо тряпки, намоченныя нечистотами; потомъ одѣвають въ оборванную солдатскую шинель, въ высокой кофякъ, даютъ въ руки шесть со равной шапкою (магеркою) наверху, связываютъ назадъ руки и на веревкѣ водятъ по мѣстечку. Проходящіе имѣютъ право бросать тѣмъ на попало и плевать въ лицо сколько угодно.

Къ числу укоренившихся народныхъ обычаевъ, которые, отчасти, можно считать историческими, относится, между прочимъ, обычай нескать не жену сыну, а въ домъ безплатную работницу, приобретаемую одновременнымъ и необременительнымъ взносомъ казны („выводного“). Цѣль достигается женитьбою недоросковъ на взрослыхъ, вошедшихъ въ полную силу дѣвушкахъ,—цѣль, которая и теперь не покинута во многихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ. Обычай этотъ, сверхъ того, обусловленный обыкновеніями уходитъ на дальніе заработки у крестьянъ и на долговременную службу у казаковъ, счумѣлъ породить новый видъ, тотъ видъ преступленія, который называется кровосмѣшеніемъ и слышетъ въ народѣ подъ именемъ „снохачества“. Отецъ, ушедшій сына на службу или на работу, свекоръ, возлагающій основныя работы на жену его, сноху свою, на старости лѣтъ впадаетъ въ грѣхъ любовныхъ связей, включаетъ себя въ число снохачей. Когда походятъ годы и молодому работнику настаетъ надобность и возможность возврата домой (чтобы тамъ и остаться), по смерти отца онъ находитъ жену перестаркомъ, ищетъ любви на сторонѣ, грѣшитъ прелюбодѣяніемъ и, въ свое время и въ свою очередь, становится снохачемъ—типомъ людей, осмѣянныхъ во множествѣ скандальныхъ анекдотовъ, поговорокъ, загадокъ и пѣсенъ. Такими людьми приобретаема усиливается цифра тѣхъ, которые ссылаются въ Сибирь за кровосмѣшеніе. Кровосмѣшенію со снохою и со свекромъ принадлежитъ первое мѣсто; отцу съ дочерью и невѣсткѣ съ деверемъ второе; деверю съ невѣсткою и сестрѣ съ братомъ—третье; вотчину съ падчерицею и племянницѣ съ дядею—четвертое. Остальные случаи очень рѣдки, но большая часть сопрягается насильемъ (въ особенности кровосмѣшеніе отца съ дочерью), и только снохачество

является формой любовной связи, закреплённой на обоюдном (иногда принудительном) соглашении. Мужчине чаще всего попадаетея въ этомъ грѣбѣ въ возрастѣ отъ 50 лѣтъ и не остававшійся, а еще больше грѣховодничаетъ и въ лѣта свыше 60-ти. Для жертвъ соблазна и манаскированія ранній возрастъ женщины становится роковымъ, въ особенности между 20 и 30 годами *). По губерніямъ, кровосмѣшители всего больше понесли наказание въ Тобольской, Вятской, Пермской, землѣ Донскихъ казаковъ, Полтавской и Харьковской; изъ послѣдней, какъ изъ мѣста военныхъ поселеній, изъ первыхъ пяти, какъ таковыхъ, которыя преимущественно живутъ по старозавѣтнымъ обычаямъ; Тобольская, къ тому же и ссыльная, угрюмая отвѣчать на всѣ роды и виды всгческихъ преступленій. Губерніи безъ отхожихъ промысловъ, а въ особенности бѣлорусскія и сѣверныя, свободны въ этомъ отношеніи отъ всякаго упрека.

Во всякомъ случаѣ южныя губерніи по всѣмъ родамъ плотскихъ преступленій усилія подтвердить законъ о наибольшемъ возбужденіи плотскихъ страстей въ силу климатическаго вліянія. Если же онѣ приблизились къ сѣверо-восточнымъ губерніямъ, то въ силу лишь того, что губерніи эти населены исповѣдниками Магометова закона и заводскими рабочими, съ дурно обезпеченнымъ и плохो устроеннымъ семейнымъ бытомъ. Естественныя условія сравнились съ искусственными и въ этомъ отношеніи освариваютъ другъ у друга взаимный перевѣсъ. Кровосмѣшеніе же въ Сибирѣ преступленіе настолько давнее, что объ немъ находимъ свидѣтельство еще въ обязательной грамотѣ патріарха Филарета, присланной сибирскому архіерею Кипріану въ 1622 году. Казаки, первые обитатели Сибирѣ, не носили крестовъ, не хранили постовъ, жили съ кумами и сестрами своихъ женъ, находя себѣ оправданіе въ недостаткѣ женщинъ. Московская грамота, выданная Ермакову послу-атаману Кольцу, при возвратѣ его изъ Москвы, позволяла казакамъ увозить изъ городовъ женъ и дѣвицъ, и Филаретова грамота силлялась воспретить подобное умыканіе дѣвицъ, существовавшее въ его время еще во всей своей силѣ. Филаретъ приказывалъ выслать эту грамоту въ Москву и снатья при-вѣдлегію неумѣстной. Итъ же воспрещалось житье русскихъ съ некрещеными женами, воспрещалось сожитіе монаховъ съ монахинями въ одномъ монастырѣ, воспрещалось тѣмъ и другимъ уходить изъ обителей и жить въ мірѣ, обязались воеводы, продававшіе въ замужество

краденныхъ въ Россіи дѣвицъ и заставлявшіе при себѣ ихъ вѣнчать. Въ 1637 году присланы были изъ Россіи: изъ Вологды, Тотмы, Устюга и Соль-Вычегодска 150 дѣвицъ для женитьбы казаковъ, сверхъ 500 семей, обязанныхъ по-ставать въ послѣдствіи невѣсты; но въ 1725 г. митрополитъ Филофей извѣщаль губернскаго канцелярію, что казаки, посланные за ясакомъ, вмѣсто подводчиковъ берутъ красивенькихъ остяцкихъ дѣвушекъ и дорогою ихъ наслаждаютъ. Въ послѣдствіи узнано было, что русскіе березовцы издавна покупають у остяковъ дѣтей, платя за мальчиковъ по 25 коп. мѣдью и по 20 коп. за дѣвочку. Распущенность нравовъ въ прошломъ столѣтіи была такъ же велика, какъ и въ предшествовавшемъ: воеводы и сильные люди, не исключая амурскаго героя Хабарова, откинали чужихъ женъ и жили съ ними блудно. Мужья, измученные невѣрностью женъ, принуждены были прибѣгать къ чародѣйствамъ и знахарю подслуживались имъ различными, самыми оригинальными способами привораживанья: скоблили съ избѣ стружки, смѣшивали съ колесною грязью, распускали въ банной водѣ и давали пить невѣрнымъ женамъ, шептали на воскъ и на сѣру и прилѣпляли къ кресту; брали съ головы волосы, шептали на нихъ и велѣли носить при себѣ рогоносцамъ; шептали по волшебнымъ книгамъ у бѣлой березы всякіе наговоры и невѣрнымъ женъ привывали къ этимъ березамъ; водили въ баню и кормили тамъ полшебными колобками изъ воску, печеными, соли, волосъ и всякой неподходящей дрянн. Сибирь продолжала устанавать на своемъ и въ 1836 году одинъ изъ губернаторовъ сибирскихъ писалъ: „Не говори о мужикахъ, женщины и дѣвки безъ стыда ходили въ кабакъ пьянствовать“. Легкая нравственность вольная жизнь, выражаемая терминомъ „прелюбодѣланіе“, представляются въ женскомъ населеніи Сибирѣ явленіемъ довольно обыкновеннымъ, причину котораго слѣдуетъ искать въ неравновѣрномъ пропорціалномъ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ, въ портѣ, приносимой поселенцами, и въ обычаяхъ страны, практикуемыхъ съ древнихъ временъ, каковыя сильнѣе всякаго закона. Въ сытой жизни не только въ мѣстѣхъ золотопромышленныхъ, но и во всѣхъ сибирскихъ, найдется много возбуждающихъ причинъ, какъ вызововъ тѣхъ явленій, которыя называются распутствомъ, считаются безнравственностью. У тюменскихъ сытыхъ старовѣровъ издавна при-стронваются займки, на которыя они держатъ вторыхъ женъ и сами наѣзжаютъ туда для развлеченій и удовольствій, въ числѣ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ пьянству и играмъ съ бабами и дѣвками. Въ Алтайскихъ горахъ тамошніе старовѣры извѣстны, между прочимъ, тѣмъ, что нѣтъ дома, гдѣ бы не было извѣстныхъ сибирскому люду и любезныхъ ихъ сердцу

*) Въ 9 лѣтъ общее число кровосмѣшителей равняется 61 мужч. и 43 жен. Чаще другихъ этотъ видъ преступниковъ заимался въ средѣ крестьянъ одинаково, но особенно сильную наклонность обнаружили бывшіе военные поселенцы и казаки (донскіе). Вообще, плотскія преступленія у казаковъ являются на первомъ планѣ.

подворьятъ. Бывшая слобода Кія, теперь городъ Маріинскъ, вѣкогда центръ наймовъ рабочихъ на золотыя промыслы, вела торговлю крѣпкими винами, всякимъ товаромъ и различными сладкими яствами во всевозможныхъ широкихъ приспособленіяхъ. Слава ея не меньше Енисейска, гдѣ не такъ давно на встрѣчу выходившимъ изъ тайги съ золотыхъ промысловъ рабочимъ выходили ищущіе съ женами и дѣвками и съ виномъ. Отцы поляхъ виною, бабы и дѣвки, славящаяся своею красотою, зазывали къ баню, въ дома; тамъ охотъ напивали, обирали до нитки, возбуждали ссоры и драки и безконечныя дѣла, которыми Енисейскъ и Красноярскъ издавна весьма славятся. Про города эти сложились въ народѣ такія поговорки, которыя не годятся для печати. Войки, рослыя, видныя бабы семейскія за Байкаломъ сильно похваляютъ и скоромничаютъ въ разговорахъ и въ средѣ тамошняго населенія нравственностью своею не славятся, въ соотвѣтствіе тѣмъ единовѣрцамъ своимъ, которыми переполнена губ. Тобольская. Тамъ издавна весь отвѣтъ потерявшей невинность дѣвушки состоитъ въ томъ, чтобы прядти и пастъ въ ноги родителямъ: „Простите, я въ упаденіе пала“, и подвергнуться за это эпитиміи. У семейскихъ за Байкаломъ существуютъ на святкахъ кладки—родъ свальнаго грѣха. Своды разрѣшаются просто: баба бросаетъ куклу подъ лавку и объявляетъ, что она дѣвка. Сводные браки тамъ не удержались долго именно по тому, что давали просторъ бабамъ уходить къ другому и отвѣчать начальству, что не были вѣнчаны. Тамъ, по этому случаю, даже самые ярые староверы стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, чтобы закрѣпить за собою жену и не плакаться потомъ надъ потерянными калымомъ. Такъ, подъ влияніемъ такихъ неблагоприятныхъ супружеской жизни бытовыхъ основъ, странникъ и скитаецъ тюменскій, посадскій человекъ Михайлъ Васильевичъ Десятинъ, во второй половинѣ прошлаго вѣка, сумѣлъ организовать особый толкъ, названный по его имени десятинскимъ. Толкъ этотъ не многолюденъ, но, тѣмъ не менѣе, придерживаются его и въ Тюмени, и въ деревняхъ: Першиной, Межборной, Галевой и Сунгуровой. Десятинъ объявился на всегда холостымъ для спасенія души на старости лѣтъ и поселился въ скитѣ въ лѣсу близъ деревни Черепановой (Тебаницкой вол. Курганскаго округа). Деревня эта при ревизіи уничтожена была по случаю неурядицъ, наносимыхъ каторжными казеннаго Бороняйскаго виннаго завода. Здѣсь Десятинъ перекрестилъ себя яко бы по призыву равноапостольной Феклы, препод. Феофана, Дросиды (дщеря царя Траяна) и друг. День и ночь онъ читалъ книги, молился и тѣмъ привлекая поклонниковъ и подражателей, посе-

лившихся около него скитами. Десятинъ ихъ перекрестилъ. Ему наслѣдовалъ крестьянинъ Вас. Матв. Гусевъ (онъ же Садковъ), переселившійся за пустынное озеро, гдѣ былъ потомъ стеклянный заводъ Вархатовыхъ, тоже въ Тебаницкомъ бору (ум. 1805). Десятинцы вѣрили въ то, что ежеминутно надо ожидать второго прішествія, а потому для браковъ прошло время. Свѣнчанную жену считали за блудницу и потому свѣнчанные ихъ тогда всегда подъ эпитимію. Мужу не дозволялось сходиться съ женою,—и этихъ крутыхъ воспрещеніемъ секта достигла противоположныхъ результатовъ—развратъ усилится, хотя въ согласіи и поступали больше старики. Къ своей жани мужъ могъ ходить не иначе, какъ черезъ окно, въ темную пору. Старики смотрятъ на это сквозь пальцы, пока итъ во чревъ; тогда на обоню волагается строгая эпитимія. Сосѣди заводариваютъ ихъ даже въ кровосмѣшеніи по завѣту: „подобаетъ дѣлать отъ плода своего вкуса“ и ведутъ смирно о правѣ сожителства въ ихъ толкъ отца съ дочерью, брата съ сестрою. Но и на этотъ разъ, какъ и во всѣ прочіе по вопросу о сектаторахъ, отдѣльные частныя случаи ничего не доказываютъ.

Своды или сводные браки у староверовъ принимаются различно: одни бракъ въ православной церкви признаютъ въ гражданскомъ, другіе въ церковномъ смыслѣ и непремѣнно вѣнчались, чтобы жена не обѣжала. Свѣнчавшихся въ церкви одни исправляютъ: налагаютъ эпитимію, иногда очень значительную (нѣсколько лѣстовокъ, т. е. нѣсколько разъ по сту поклоновъ; отлученіе въ молитвѣ, въ нищѣ); другіе не налагаютъ и того. Вѣнчались и съ подписками и безъ подъ подписокъ; вѣнчались и сводятся съ православными, бываетъ и наоборотъ. Когда усилились сводные браки, одни позволяли признавать ихъ законными, какъ Родионовщина тюменская, другіе продолжали вѣнчаться въ церквахъ, разумѣется предпочитая православнымъ церквамъ единовѣрческія, гдѣ все-таки водятъ по солонь. Поддерживники (повницы) вѣнчались въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, но потомъ ихъ исправляютъ. Теперь свои выборные обществомъ старикъ или старуха (но не наставники, которые ни вѣнчаютъ, ни крестятъ) прочитываютъ чинъ вѣнчанія. Прежде это дѣлали бѣглецы помы въ Екатеринбургѣ въ Полетиковой или Рязановской часовнѣ съ наложеніемъ эпитиміи, куда сибиряки нарочно ѣздили. Появленіе сводныхъ браковъ усилилось съ того времени, какъ умеръ (въ 1835 г.) послѣдній похъ ихъ Никола (бѣжавшій въ 1812 году изъ мѣстна Куракина, а потому Куракинскій). До того времени отбывали покойныхъ по канону за единоумершаго, совершали вечерни, повечеряницы, долуночицы, утрени и часы, разъясняя по окрогу, бѣгле

попы изъ Пензенской епархіи Иванъ Грузинскій, Парамонъ Лебедевъ, Петръ Андреевъ и самозванные попы изъ крестьянъ: Аристархъ, Гаврило, Максимъ и болѣе другихъ извѣстный Никола Куракинскій (Парамонъ, во время гоненій, присталъ къ единовѣрью въ 1838 году и поступилъ въ единовѣрческой екатеринбургскій приходъ; другіе всё, кромѣ Никола, бѣжали на Иргизъ и Керженецъ).

Среди заводскаго населенія, въ особенности организовавшагося изъ ссыльнаго люда, нравственность глубоко потрясена. Тамъ оправдываютъ развратъ, какъ промыселъ, вынужденный безвыходною нуждою, и признаютъ за нимъ право, оправданное и отвоеванное цѣлымъ столѣтіемъ. Гмелинъ нашелъ въ Дауриі сифилисъ въ застарѣлыхъ формахъ до elephantiasis'a (слоновой проказы) въ то время, когда о сифилисѣ въ Россіи не имѣли еще никакого понятія. Распутство въ нерчинскихъ заводахъ весьма распространено, почти открытое, и къ тому же нерѣдко весьма раннее. Здѣшнія дѣвочки легко относятся къ своей невинности, зная, что дѣвичьи роды здѣсь грѣхомъ не почитаются, а женихи смотрятъ болѣе на образованіе: руководѣна ли, трудолюбива ли и можетъ ли вести хозяйство. Употребленіе вина дѣвучками и женщинами, обычное по цѣлой Сибири, на ссыльныхъ мѣстахъ Забайкалья кончается только по географическимъ причинамъ. Сифилисъ страшно распространенъ между заводскимъ народомъ, поэтому знахарямъ и знахаркамъ и дамамъ бурятскимъ работы много, на сулему и киноваръ—расходъ большой: сулему нюхаютъ въ винѣ, киноваръ курятъ съ табакомъ въ трубахъ.

Провозвѣщеніе растлѣніе и наслоуванье, смѣшиваясь на самомъ дѣлѣ съ виновными въ соблазнительномъ и развратномъ поведеніи и съ преступными въ кровосмѣшеніи, въ тобольскихъ табеляхъ временами учитывались отдѣльно, но, къ несчастью, и на этотъ разъ спутаны съ тѣми, которые способствовали преступленію. Разсматривая ихъ отдѣльно, нельзя не видѣть, что съ насиліемъ преимущественно пускались въ плотскую любовь люди военнаго званія, съ тою привилегією передъ всѣми ссыльными этого вида, что плотскія насилія военныхъ людей отличаются самою большою пропорцією и уступаютъ только виновности ихъ въ убійствѣхъ. Въ этомъ преступленіи особенно также отличается дворянство. У мѣщанъ наклонность къ насилію и растлѣнію сильнѣе, чѣмъ у крестьянъ, но у послѣднихъ, сравнительно съ первыми, живѣе порывы къ кровосмѣшенію и противоестественному удовлетворенію страстей (мужеложству и скотоложству). Большое число ссыльныхъ по обоимъ видамъ дали тѣ же губерніи: Харьковская, тогда богатая военными поселенцами, Полтавская, противопоставившая пле-

менное свойство цѣломудрія нападеніямъ солдатовъ, и неизмѣнныя Пермская съ Тобольскомъ, умѣющія путаться во всякомъ преступномъ грѣхѣ, и гдѣ изнасилованіе готовы производить и холостые заводскіе работники, и истосковавшіеся бродяги и обрекаемые на монастырское цѣломудріе поселенцы.

Общее число сосланныхъ за противоестественное удовлетвореніе страстей, и именно за тотъ видъ этихъ преступленій, который носитъ названіе скотоложства, въ 9 лѣтъ равнялось 50 мужч. Больше число выслали губерніи Пермская и Вятская; изъ нихъ въ одной (Вятской) это преступленіе находитъ оправданіе въ стародавнемъ суевѣрномъ обычаѣ лечиться отъ лихорадки, когда истощены всѣ вѣдомыя и симптоматическія и самыя вѣдныя средства, неэффективность которыхъ вызываетъ, такимъ образомъ, послѣднее и самое отчаянное, общающее ссылку. Подъ вліяніемъ послѣдней, преступленіе не исчезаетъ и на каторгѣ, очень бѣдной женщинами, и является въ присылаемыхъ на исправленіе субъектахъ такимъ родомъ преступныхъ дѣяній, который всего чаще усвоивается пастухами, бѣглыми, не помнящими родства, и на довольно значительную часть является на каторгѣ дураками—баженниками, т. е. идиотами. Въ этихъ людяхъ, обездоленныхъ нравственными чувствами, съ извращенными вкусами по физиологическому уродству организма, преступности отразилась съ очевидностью, рѣзко бросающеюся въ глаза на мѣстахъ ссылки. Тобольская губ. и самый городъ Тобольскъ выдѣляются по этому роду преступленій впередъ всѣхъ другихъ. Причина очевидна въ примѣтномъ недостаткѣ женщинъ; однако же, по дѣламъ приказа было видно, что вообще число обвиняемыхъ въ скотоложствѣ годъ отъ году уменьшалось.

Мужеложству принадлежитъ самая меньшая цифра: въ 9 лѣтъ только четыре случая выпали на долю государственныхъ крестьянъ Россіи. Въ Сибири, въ каторжныхъ тюрьмахъ, это матросское преступленіе сдѣлалось исключительно арестантскимъ. Здѣсь недерастія, надежно претренившись по вызову кое-какихъ покровительствующихъ причинъ, по свидѣтельству врачей, обнаруживаетъ несомнѣнные и очевидные признаки, при осмотрѣ зараженныхъ сифилитическою болѣзнію. Въ нерчинскихъ тюрьмахъ зачастую находили первичныя язвы не тамъ, гдѣ показано, а *сигса апум* или же *in recto*.

На сколько незначительна общая сумма сосланныхъ за плотскія преступленія сравнительно съ общимъ числомъ наказанныхъ Сибирию, настолько велика другая цифра ссыльныхъ, которымъ приказъ ссылаема названіемъ приравнять къ этимъ и называлъ иногда ссыльными за развратное, иногда только за дурное поведеніе или за дерзкіе поступки. Въ самомъ же дѣлѣ

это—люди, удаленные на житье въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, по ихъ просьбамъ, съ теми и неопредѣленными обозначеніемъ ихъ преступности. Все это — жертвы умершаго въ наши дни произвола и особый разрядъ ссыльныхъ, сосланныхъ не по суду, а по административнымъ распоряженіямъ (объ немъ послѣ). Ни о какой особенной развращенности правотъ эти жертвы не свидѣтельствуютъ и мѣриломъ для объясненія нравственнаго уровня владѣльческихъ крестьянъ служить онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Временное возрастаніе или уменьшеніе цифръ по годамъ зависитъ отъ измѣненія различныхъ постановленій: правилами 1827 г. не велѣно ссылать дражныхъ, увѣчныхъ, женъ безъ мужей и мужей безъ женъ и вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми (мужскаго пола до 5-ти, женскаго до 10-ти лѣтъ), не ссылать людей старше 50 лѣтъ. Съ 1829 г. установлена правильная ссылка мѣщанъ и казенныхъ поселенъ по приговорамъ обществъ, а чрезъ два года запрещено женамъ государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ слѣдовать за мужьями. Иногда цифры доказываютъ, что злоупотребленіямъ силою и властью, по временамъ, полагались предѣлы и произволъ сдерживался въ границахъ возможнаго приличія законными постановленіями. Такъ, напр. (указомъ 8 января 1827 г.), увеличилась сибирская цифра оттого, что дозволено слѣдовать за мужьями женамъ людей, сосланныхъ на поселеніе по просьбамъ помѣщиковъ. Увеличилась цифра сосланныхъ изъ недовольныхъ тѣми способами приспособленія крѣпостнаго труда, какіе задумали пріимать владѣльцы въ черноземныхъ губерніяхъ, заводившіе заводы и фабрики. Въ Пензенской губ. возмутились всѣ мастеровые Сильвинскаго завода, купца Манухина, въ Тамбовской мастеровые Виндревскаго завода г-жи Очкиной. Въ 1827 г. (сенатскимъ указомъ 28 июня), по вызову этихъ случаевъ, на просьбу Манухина зачинщиковъ сослать въ Сибирь, дано позволеніе горнымъ заводчикамъ посылать на поселеніе изъ заводскихъ людей за дурное поведеніе, безъ зачета за рекрутъ. Случай, вызвавшій это постановленіе, разсказать „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“ въ такомъ видѣ: помѣщикъ Рязскаго уѣзда, ротмистръ Батуричъ, привлекалъ жену своего двороваго Трофимова къ предлюбдіанію и, по несогласію ея, дѣлалъ обиды наказанія и притѣсненія, разлучалъ въ разные мѣста и, наконецъ, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли, предложилъ отправить его въ Сибирь за дурное поведеніе (жену же оставить на усадьбѣ). Жена объявила, что не желаетъ разстаться съ мужемъ.

Въ виду этой разницы понятій о развратномъ и дурномъ поведеніи и подъ защитою стариннаго права (*juis primae noctis*), объявляемаго у насъ изъ подражанія и въ западномъ

краѣ практикованнаго въ числѣ прочихъ пріемовъ Польши (оставшейся, по крѣпостнымъ понятіямъ, средневѣковою до нашихъ дней), мы считаемъ излишнимъ входить въ подробности старыя грѣховъ и вспоминаемъ о немъ теперь по поводу учета людей, заселявшихъ Сибирь не по доброму волѣ. Воля и произволъ помѣщиковъ успѣли выслать въ Сибирь 6.886 поселенцевъ только въ 20 лѣтъ и съ тою особенностью на практикѣ, что приговоры частныхъ людей были не милостивѣе и не снисходительнѣе приговоровъ мірскихъ обществъ *). При этомъ помѣщичій произволъ готовѣе раздѣлялся и разлучался съ дворовыми, тѣмъ съ оброчными крестьянами; отличнѣе прогоняли отъ себя владѣльцы уральскихъ и другихъ заводовъ своихъ рабочихъ, и затѣмъ мѣщанскія общества порочныхъ людей своего словія. Солдаты оказались меньше, потому что для нихъ существуютъ дисциплинарныя мѣры взысканій, но въ духовенствѣ выслано въ Сибирь на житье больше, тѣмъ изъ купечества. При этомъ замѣчательно, что съ расширеніемъ полицейскихъ правъ различныхъ обществъ и съ усиленіемъ значенія помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми, невыгоды *status in statu* не замедлили возрасти прогрессивно. Помѣщичья власть постигнута сослать вдвое противъ прежняго. Въ пять лѣтъ, предшествовавшихъ 1836 году, сослано по волѣ помѣщиковъ 882 чел., а въ слѣдующее пятилѣтіе (съ 1837 по 1841 г. уже 1.980, но затѣмъ въ пятилѣтіе съ 1842 по 1846 г. сослано 2.775 чел. Сталося такимъ образомъ то, что за возмущеніе сослано всего больше крестьянъ и при этомъ наибольшая пропорція замѣчается у крестьянъ владѣльческихъ. Высшимъ процентомъ ссылаемыхъ за дурное поведеніе отличаются дворовые (за ними заводскіе, фабричные и мѣщане). Въ числѣ губерній съ наибольшимъ процентомъ высланныхъ за дурное поведеніе стоятъ обѣ столичныя и чрезвычайно характерно выдѣляются остзейскія, стоятъ на первомъ мѣстѣ именно Эстляндская. Сибирскія цифры людей, сосланныхъ за порочное поведеніе, указываютъ на большую силу произвола, не сдержаннаго правильною регла-

*) Между крестьянами больше доставалось женщинамъ и количеству сосланныхъ образуетъ перевѣсъ въ эту сторону. Между государственныхъ крестьянами наибольшій процентъ сосланныхъ за порочное поведеніе принадлежитъ магометанамъ (татарамъ и башкирамъ). Ушло много грузинъ, черемисъ и мордвъ. Чуваши и воттаки всего чаще высказывались непослушаніемъ и неповиновеніемъ властямъ. Развратное же поведеніе можно считать преимущественно инородческимъ, самое большое число сосланныхъ ушло за него (кроме киргизовъ — грабителей, да татары особенно любятъ бѣгать изъ сылки и изъ подлѣ стражи). Мѣстныя начальства и мірскія общества, дѣйствуя вдвоемъ при руководствѣ разнообразными требованіями, выслали 6.129, помѣщичья—6.886.

ментадію и разнузданнаго потворствомъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: изъ остаевскихъ губерній—въ Эстляндской, въ обѣихъ столичныхъ и въ двухъ восточныхъ заводскихъ (Пермской и Вятской). Внутреннія губернія встали въ соперничество съ этими, какъ преимущественно сосредоточившія въ себѣ крѣпостное населеніе и притомъ выяснились такъ, что Московская, напр., уступаетъ въ процентномъ отношеніи первенство свое баронской Эстляндской губерніи. Бѣлорусь, по отношенію къ подобнаго рода ссылкѣ, счастливѣе всѣхъ другихъ и даже малоросса, также счастливо ускользавшаго отъ ссылки въ Сибирь. Рабочая сила ихъ оказалась дѣнше въ глазахъ владѣльцевъ, сильнѣе и энергичнѣе вводившихъ на своихъ земляхъ плантаторское и рациональное хозяйство. Изъ пяти бѣлорусскихъ и 6 малороссійскихъ угнали въ Сибирь всего 415 человекъ, тогда какъ въ тѣ же 20 лѣтъ одна Московская потеряла 627, Орловская 485, Рязанская 512, Тамбовская 452, Тульская 531, Пензенская 354, Нижегородская 367 и проч.

Сибирская цифра не можетъ служить мѣриломъ нравственности еще и потому, что во власти помѣщиковъ оставалось право отдачи неугодныхъ людей въ солдаты съ зачетомъ за рекрута во всякое время, и правомъ этимъ, какъ памятовъ всѣмъ, они пользовались съ замѣтною охотою. Это—одна изъ причинъ, почему, между прочимъ, сибирская цифра (въ процентныхъ отношеніяхъ) получила склоненіе на сторону сосланныхъ на житье женщинъ. На ослабленіе точной цифры дѣйствовали также, въ сильнѣйшей степени, самовольные побѣги въ разное время и въ разныхъ мѣста, каковыми на памятное намъ всѣмъ время, на правахъ Америки для Европы, считались у крестьянъ и дворянъ южная степь, гдѣ городъ Одесса получалъ значеніе Нью-Йорка, Херсонъ уподобился Чикаго. Крѣпостное право было одною изъ причинъ бродяжества и бродяжество предотвращалось тѣмъ преступленіемъ, которое носитъ въ тобольскихъ табеляхъ названіе „возмущенія и неповиновенія помѣщикамъ“.

Неповиновеніе помѣщикамъ въ абсолютной цифрѣ выражалось слабѣ возмущеній противъ власти, но съ тою особенностью, что число неповиновавшихся женщинъ слышкомъ въ 3 раза меньше числа возстававшихъ противъ власти мужчинъ. Годовыя цифры показываютъ, что тамъ, гдѣ неповиновеніе помѣщикамъ обнаруживалось массами, участіе женщинъ почти равносильно участію мужчинъ. Въ одномъ 1846 году всѣхъ случаевъ возмущеній насчитываютъ до 27-ми, но тобольскій приказъ не выдѣлялъ ихъ и, ссылавъ съ неповиновавшихся установленныя власти, отнялъ возможность идти къ опредѣленнымъ выводамъ. Изъ другихъ годовъ крупнѣе выдаются 1837 и 1845. Въ

1837 г. много выслано изъ Пермской и Оренбургской губерній, гдѣ въ это время существовали столь извѣстные башкирскіе бунты; въ 1845 и слѣдующемъ крупныя цифры по преступленіямъ противъ порядка управленія—въ губерніяхъ Пермской и Оренбургской между заводскими крестьянами. Выводовъ можно сдѣлать немного. Крупныя крестьянскіе бунты бывали явленіемъ періодическимъ; въ памяти народной смуты эти сохранились подъ общемъ именемъ „дубинщины“.

Крестьяне сильнѣе другихъ сказались также въ преступленіи, называемомъ членовредительствомъ, сдѣлавшимся равно обязательнымъ для всѣхъ сословій, подлежащихъ рекрутской повинности. Владѣльческіе крестьяне превосходятъ въ этомъ всѣ другія сословія снова въ силу того же обстоятельства, что назначеніе въ рекрута основано было на произволѣ владѣльцевъ, такъ какъ для мѣщанъ и крестьянъ государственныхъ такое назначеніе подчинялось болѣе строгимъ законнымъ уставамъ*). Все число сосланныхъ за поврежденіе членовъ въ 20 лѣтъ равняется 854 человекамъ. Въ тѣхъ сословіяхъ, гдѣ оно вызывалось рекрутскою повинностью, преступленіе не выразилось ни однимъ случаемъ ни въ служиломъ, ни въ вольномъ дворянствѣ, ни въ духовенствѣ и купеческомъ сословіи, ни въ шляхетствѣ, ни у военныхъ поселянъ и только по одному случаю во всѣхъ 12 лѣтъ высказалось въ сословіи однодворцевъ и у казаковъ, отбывающихъ эту повинность по народному и политическому принципу.

Въ средѣ самихъ господъ, дворянъ служащихъ и неслужащихъ, и въ средѣ чиновниковъ, сильнѣе обнаружались преступленія по службѣ, побѣги за границу, лихоимство; при этомъ въ которыхъ, какъ преступленія государственныхыя (возмущеніе и неповиновеніе законной власти, поддѣлка документовъ), отличаются наибольшимъ процентомъ сравнительно съ другими сословіями. Преступленія по службѣ составляютъ исключительную особенность крестьянскихъ владѣльцевъ, представителей привилегированныхъ и счастливыхъ классовъ. По некоторымъ родамъ, какъ, напримѣръ, по наклонности къ убійству родителей, дворяне отличаются больше и при этомъ у дворянъ она сильнѣе не только всѣхъ женщинъ, но и мужчинъ всѣхъ сословій (исключая одного—вѣкогда дворянскаго, а теперь однодворческаго). Сосланные за извасидованіе со-

*) По числу преступниковъ за 12 лѣтъ въ такомъ порядкѣ: мѣщанъ 20 (въ этомъ числѣ евреевъ только 2); государственныхъ крестьянъ 108; помѣщичьихъ крестьянъ 419 мужч.; военныхъ 22 м.; дворянскихъ (за 9 лѣтъ)—13 чел. Преимуществомъ же часто поврежденіе членовъ у заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ. Временами появлялась отдѣльная графа сосланныхъ за подлоги въ отправленія рекрутской повинности, но эта цифра малозначительна.

перичають процентомъ только съ военнымъ сословіемъ. Если государственныя преступленія не особенно часты, то поддѣлка документовъ—самое частое преступленіе, наравнѣ съ преступленіями по службѣ. Послѣдній родъ, вѣсть съ вѣдунничествомъ, сильнѣе высказался на сибирской цифрѣ у чиновниковъ. Дѣла нѣтъ же нѣтъ въ тобольскихъ табеляхъ особая графа: „полищеніе актовъ изъ присутственныхъ мѣстъ, составленіе подложныхъ грамотъ и указовъ, распространеніе вредныхъ слуховъ и составленіе ласквейдъ“. Каждый видъ этихъ преступленій, по своей исключительности, давалъ по небольшому числу жертвъ, которыя потомъ сочли за нужное смѣшать въ общей цифрѣ преступленій по службѣ.

Остановившаяся на послѣднихъ, не разобранныхъ нами преступленіяхъ, и на этотъ разъ собственно дворянскихъ, мы видимъ, между прочимъ, что за вѣды, доносы и лживые поступки сослано всего въ 20 лѣтъ 358 чел. (327 м., 31 ж.), за растрату казеннаго имущества 157 и за побѣги за границу 184 (174 м., 10 ж.) и за государственныя преступленія (по первымъ двумъ пунктамъ) 443 (439 м., 4 ж.). За побѣги за границу всего больше ушло изъ губерній пограничныхъ: Вессарабской (39 м.), Волынской (29 м., 4 ж.), Виленской (17 м., 3 ж.), Оренбургской (15 м., 1 ж.), Подольской (14 м.). Ябедничествомъ и доносами всего больше отличается дворянство служащее и участь этого обвиненія раздѣляетъ только съ мѣщанами. Наибольшее число за эти роды преступныхъ дѣяній изъ губерній: Оренбургской (30 м., 1 ж.), Владимирской (19 м., 5 ж.), Тульской (16 м., 1 ж.), Казанской (16 м.), Пензенской (12 м., 3 ж.), Новгородской (11 м., 1 ж.), Тверской и Вятской (по 11-ти). Сравнительно слабое по отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, мало распространенное и безсмысленное для Россіи, оно является съ замѣчательно серьезнымъ значеніемъ для Сибири, какъ страны, которая съ самыхъ давнихъ временъ считается страной вѣдунъ и подъяческаго ябедничества, а со временъ Екатерины, какъ извѣстно, находилась подъ запрещеніемъ и сильнымъ подозрѣніемъ, въ силу котораго нѣкоторое время не принимались отъ сибиряковъ просьбы. Безчисленныя, разнообразныя и самыя тяжелыя притѣсненія отъ тогдашнихъ властей, пользовавшихся удаленіемъ края отъ высшихъ властей: Пестеля, Трескины, Кохи, Чичерны, Нѣмцевы, Нарышкины, Милекины и множество другихъ, имъ же ния легіонъ, выродили эту особенную черту въ сибирякахъ, какъ послѣдовательное явленіе отъ встрѣчи недостатка, съ одной стороны, и алчности, съ другой. Въ смысловыхъ грамотныхъ приказныхъ Сибирь умѣла находить пособниковъ въ старая времена и не мало тяготится теперь сама отъ поселенія этихъ вѣдунчиковъ преимущественно въ городахъ. Какая-то непосѣдливая и неутомимая докучливость въ сношеніяхъ съ начальствомъ и людьми одинаковаго воспитанія, но свободными, является характерною чертою этихъ людей. Съ одной стороны, черта эта представляется сходною съ тою, которая извѣстна у потеранныхъ, испившихся московскихъ подъячигъ, пристающихъ къ прохожимъ за милостынею и нерѣдко вымывающихъ на обиду, чтобы получить срывку за безчестіе. Съ другой стороны, въ этой чертѣ характера видна та неутомимость и неспособность примириться съ несчастіемъ, которая такъ сильна въ смысловыхъ изъ простого люда. Въ несчастныхъ чиновникахъ смылка умѣетъ обнажить недостатки воспитанія и отсутствіе прочныхъ честныхъ нравовъ во всей ужасной наготѣ. Чиновники въ смыскѣ дѣйствительно становятся несносными, непокойными людьми и не возбуждаютъ никакого уваженія, не пользуются у туземцевъ ни малѣйшимъ сочувствіемъ. У горнаго начальства смысловые изъ дворянъ далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ, да и сами того не заслуживали. Вѣзко стоявшій къ нимъ и знавшій ихъ свидѣтельствуетъ, что худшіе изъ нихъ дѣлались еще большими негодаями. Не приученные воспитаніемъ ни къ какому труду, всѣми способами они старались набавиться отъ работы, употребляли всевозможныя усилія повасть въ лакеи, въ разсылыные при канцеляріяхъ и полиціи. Подлое угодничество являлось въ ихъ быту самою яркою чертою характера. Оставаясь въ средѣ простаковъ, эти люди подстрекали доверчивыхъ людей на разные мерзости, обыгрывали въ карты и т. д. Они базались или очень жалкими или возбуждали къ себѣ презрѣніе. Доносы этихъ людей заставляли начальство не одинъ десятокъ разъ пристрожить содержаніемъ другихъ товарищей, ни въ чемъ неповинныхъ. Между тѣмъ, съ нами старались поступать, по возможности, человѣколюбиво и обращались, вообще, хорошо. Ихъ почти никогда не посылали на работу и если не было особаго предписанія, то даже не содержали и въ тюрьмахъ, а помѣщали на гауптвахтахъ, позволяли заниматься обученіемъ дѣтей и разными ремеслами. Сосланные, хотя и за важныя преступленія, но не владущія пятна на человѣческую честь, положительно не употреблялись ни въ какую черную работу. Не занимая никакой своей работы, смысловые изъ чиновниковъ и дворянъ все время предавались безпредѣльному пьянству, обыкновенно одной изъ застарѣлыхъ привычекъ и причинъ ихъ ссылки. Пьянство рѣдко не имѣло форм запоевъ и положительно всегда вело къ нервному разстройству, которое характеризировалось или неутомимымъ безпокойствомъ или, въ нерѣдкихъ случаяхъ, покушеніями на самоубійство. Въ тобольскомъ острогѣ, на пути въ Нерчинскъ, въ

какихъ нибудь три-пять недѣль отдыха, они успѣвають обнаружить самую богатую и разнообразную серію всевозможныхъ пороковъ. Передъ ними черныи народъ—люди высокой нравственности. Порча послѣднихъ сомнительна, испорченность первыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ тобольскомъ острогѣ, въ 1853 году, караульный офицеръ Путьковский отпустилъ одного чиновника въ городъ, а когда тотъ не во время вернулся въ замокъ — велѣлъ ему 300 ударовъ розгами. Чиновникъ не жаловался, но когда дошло объ этомъ до начальства, то оно имѣло несчастье узнать, что таковъ былъ взаимный уговоръ. Въ тѣхъ камерахъ, гдѣ сидѣли два товарища изъ ссылныхъ чиновниковъ, ссоры и драки являются неизбежными, обыкновенными. Разказами объ нитъ испещрена лѣтопись происшествій въ острогахъ и разбирательствомъ подобныхъ домашнихъ дѣлъ занята большая часть времени зрителей. Хотя Сибирь не представляется теперь странною особенныхъ неурядицъ, вызывающихъ жалобы, но не такъ давно могла указать на такіе пункты,

гдѣ ябедничество наиболее рѣзко выдавалось. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія славился этимъ Иркутскъ, но къ серединѣ столѣтія губернаторъ Трескинъ ослабилъ эту страсть высылкою безпокойныхъ подъячизъ въ Якутскъ. За то съ 40-хъ годовъ и едва ли не до сего дня стала рѣзко бросаться въ глаза эта городская и чиновничья страсть въ этомъ городѣ. Здѣсь эта страсть къ ябедамъ и жалобамъ съумѣла перейти отъ сосланныхъ къ русскимъ туземцамъ и заразить даже якутовъ. Хитрый, коварный, мстительный, но даровитый и перенчивый народъ якутскій сталъ, отъ благопріобрѣтенныхъ наслѣдствъ, докучливымъ въ ябедахъ и клеветахъ до крайней степени невозможности. То же явленіе заразы, вызванное тѣми же самыми причинами, сильно обнаружилось въ Тобольскѣ, такъ что за Сибирью, въ сравненіи съ ея метрополіею, ябедничество и клеветничество остаются какъ одніи изъ характерныхъ чертъ, проявляются и теперь примѣтно чаще и значительно рѣзче. Это даже какъ будто родъ какой-то болѣзни.

ГЛАВА XIII.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ.

Валовое число ссылныхъ.—Распределеніе ихъ по родамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ.—Наиболѣе преступныя сословія.—Слабая преступность владѣльческихъ крестьянъ.—Распределеніе ссылныхъ по наиболее обобщеннымъ категоріямъ преступленій.—Роды преступленій, сильнѣе господствующіе въ сословіяхъ.—Преступность инородцевъ, населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, башкиры и инородцы финскаго племени.—Преступленія евреевъ и евреекъ.—Безрѣчивость мусульманокъ.—Преступленія иѣмцевъ и вообще лютеранъ.—Католики.—Православные.

Постараемся подвести къ предыдущимъ наблюденіямъ слѣдующіе краткіе и заключительные итоги.

Въ теченіи тридцати восьми лѣтъ (съ 1828 по 1861) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоюго пола лицъ 289.514, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая пришедшихъ по волѣ жезъ и дѣтей. Послѣднихъ (за мужьями женъ и дѣтей и за матерями дѣтей) за все это время ушло въ Сибирь 23.764 лица обоюго пола. Въ этомъ числѣ сославо въ каторжныя работы 39.601 мужч. и 4.330 женщ. и на поселеніе 207.604 мужч. и 37,979 женщ. Принимая въ соображеніе однихъ ссылныхъ, мы увидимъ, что ежегодно среднимъ числомъ сослалось по 7.618 человекъ; распредѣляя же ссылку по обонимъ способамъ ея, ясно опредѣляется то обстоятельство, что число сосланныхъ по суду уступаетъ числу сосланныхъ административнымъ порядкомъ; при чемъ волѣ помѣщиковъ принадлежитъ наиболее видное мѣсто.

Главную массу ссылныхъ, по абсолютному

количеству, составляютъ бродяги и бѣглые (т. е. бѣжавшіе съ каторги, иѣсть поселенія, отъ военной службы, отъ помѣщичьей власти) и выключенные за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ. За ними слѣдуютъ владѣльческіе крестьяне съ дворовыми людьми; затѣмъ государственные, удѣльные и другіе казенные крестьяне; потомъ нижніе воинскіе чины всѣхъ вѣдомствъ, иѣщане, отставные и неслужащіе; духовные: духовенства бѣлаго и монахи; дворяне обонихъ видовъ службы (военной и гражданской); шляхтичи и именовавшие себя таковыми, купцы, люди всѣхъ другихъ свободныхъ состояній и—наконецъ, иностранцы.

Для доказательства возьмемъ общую сложность 19-ти извѣстныхъ намъ лѣтъ съ 1838 по 1848 и съ 1852 по 1861.

	мужчинъ	женщ.
Изъ бродягъ и бѣглыхъ . . .	29.333	6.181
„ выключенныхъ за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ .	19.203	1.594

	муж.	женщ.
Изъ владѣльческихъ крестьянъ и дворовыхъ людей	18.320	5.017
„ государственныхъ, удѣльныхъ и вообще казенныхъ крестьянъ	16.582	3.406
„ нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ вѣдомствъ (унтер-офицеровъ, солдатъ, казаковъ, военныхъ поселанъ)	5.214	877
„ мѣщанъ	3.679	559
„ отставныхъ и неслужащихъ.	784	108
„ духовенства бѣлаго и монаховъ	528	35
„ дворянъ военной и гражданской службы	333	—
„ шляхтичей и именовавшихся таковыми	187	56
„ людей свободныхъ состояній.	167	48
„ купцовъ	151	8
„ иностранцевъ	89	5

Распредѣляя смыльныхъ по поламъ, мы увидимъ, что число мужчинъ равняется за всѣ вѣрстыя намъ 38 лѣтъ 247.206, а число женщинъ 42.309, т. е. въ массѣ смыльныхъ женщины составляютъ около шестой части сосланныхъ мужчинъ. Женщины, по наклонности къ разнличнымъ видамъ преступныхъ дѣяній, опредѣляемой сравнительнымъ процентнымъ отношеніемъ, являются впереди мужчинъ по убійству дѣтей и по плотскимъ преступленіямъ. Первое—почти исключительно женское преступленіе. Убійство мужей представляетъ также особенно опредѣляющуюся наклонность въ женской половинѣ смыльнаго люда, наравнѣ съ поджогами. Последніе точно также слѣдуетъ считать преимущественно женскимъ преступленіемъ. При слабой виновности въ убійствахъ вообще и въ остальныхъ преступленіяхъ, собственно мужскихъ, преступность женщинъ становится виднѣе между убійцами помѣщиковъ и родственниковъ при извѣстной облегченности сношеній и поводовъ и въ виду значительной стѣсненной общественной дѣятельности и при перевѣсѣ исключительно замкнутой домашней и семейной жизни. Потому-то виновность женщины и сильнѣе въ преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ, чѣмъ общественныхъ.

Разсматривая преступления по возрастамъ, мы замѣчаемъ, что наибольшая преступность развита въ возрастѣ наиболѣе ранній. Большая часть тяжкихъ преступленій совершается до 40 лѣтъ; причѣмъ ранніе возрасты (отъ 10 до 15 лѣтъ) выясняются для мальчиковъ въ поджогахъ (20 лѣтъ 77 человекъ), святотатствѣ (29), въ убійствѣ постороннихъ (19), въ участіи въ убійствѣ помѣщиковъ (6), въ изнасилованіи (4). Для дѣвочекъ преступленія за 20 лѣтъ высказываются въ поджогахъ же (54 чел.), въ убійствѣ постороннихъ (5), въ

участіи по убійству помѣщиковъ (4). Затѣмъ уже преступность этого возраста ни въ чемъ не проявляется. Съ 16-ти лѣтъ для обоихъ половъ, преступность становится одинаково ярщею по всѣмъ видамъ своимъ и одинаково достигаетъ наибольшей абсолютной цифры, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ. Свыше 60-ти лѣтъ преступными наклонности мужчинъ снискомъ 12,9 разъ сильнѣе таковыхъ же у женщинъ, — за то ранній женскій возрастъ (до 20 лѣтъ) — пора несдержанныхъ инстинктовъ, не установившагося развитія умственного въ противоположность старческому, отличается наклонностями къ наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ. Поджоги составляютъ принадлежность этой женской поры развитія. Убійство мужей чаще въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ; убійство дѣтей въ возрастѣ раньше 30 лѣтъ. До 30-ти же лѣтъ женщины чаще соглались за кровосмѣшеніе, чѣмъ мужчины, тогда какъ это же преступленіе сильнѣе возрастаетъ для мужчинъ съ годами (за 40 лѣтъ) и не ослабѣваетъ въ старческой возрастѣ (свыше 60-ти). Старики за 60 лѣтъ наиболѣе виновны въ воровствѣ, какъ одномъ изъ видовъ стажанія, столь приличнаго старческому возрасту, и въ ереси и расколѣ, т. е. когда избытокъ и крѣпость личнаго убѣжденія требовали выхода на убѣжденія другихъ, т. е. обращения. Люди отъ 50 до 60 лѣтъ, по преимуществу смыслились за лихомство. Возмущенія противъ властей производились также усиленнѣе въ возрастѣ отъ 50 до 60 лѣтъ, тогда какъ возмущенія дворовыхъ людей противъ помѣщиковъ одинаково часты и до 40, какъ и въ лѣта послѣ 50-ти. Разбои и грабежи, т. е. посылные для стариковъ, сильнѣе въ возрастѣ до 40 лѣтъ и въ возрастѣ отъ 40 до 50 лѣтъ особености. У женщинъ во всѣхъ возрастахъ самое частое преступленіе—убійство; въ лучшую пору цвѣтущаго возраста—грабежи, святотатство и поджоги (грабежи до 20 лѣтъ—самое рѣдкое). Общая наклонность къ преступленіямъ у мужчинъ привѣтнѣе ослабѣваетъ послѣ 40 лѣтъ; у женщинъ послѣ 30-ти.

Въ виду того, что самая большая часть тяжкихъ (уголовныхъ) преступленій, по пропорціи, оказывается въ высшихъ сословіяхъ (всего болѣе въ духовенствѣ, затѣмъ въ военномъ сословіи и, наконецъ, у дворянъ), — владѣльческимъ крестьянамъ принадлежитъ четвертое мѣсто, а государственнымъ—шестое (купечеству—пятое, мѣщанамъ—седьмое). Духовенству принадлежитъ высшее мѣсто по общему святотатствѣ, военному сословію по наклонности къ убійствамъ и грабежамъ; дворянамъ—по числу сосланныхъ за поддѣлку документовъ и государственныхъ преступленій. За крестьянами остается крупная виновность по убійствамъ (за государственнымъ убійства ро-

ных и убійства супругов), по самоубійствамъ (у владѣльческихъ и дворовыхъ), по преступленіямъ противъ власти (за дворянство немедленно слѣдуютъ господскіе крестьяне), по возмущеніямъ (у крестьянъ владѣльческихъ), по поврежденію членовъ (у владѣльческихъ), по корчемству виномъ (у владѣльческихъ), по воровству, какъ самой обыкновенной причинѣ ссылки всѣхъ сословій, за исключеніемъ военного и духовнаго, и по виновности въ дурномъ поведеніи. Крестьяне, сосланные административнымъ порядкомъ, составляютъ въ массѣ всѣхъ наказанныхъ: государственные $\frac{1}{4}$ часть, владѣльческіе почти $\frac{1}{4}$, дворовые почти $\frac{1}{3}$. Изъ сосланныхъ за преступленія противъ собственности—крестьяне сослались всего болѣе за грабежи; за грабежами слѣдуютъ поджоги, затѣмъ корчемство, святотатство и поддѣлка асигнацій. При этомъ замѣчается, что вѣроятность ссылки сильнѣе въ крестьянскомъ сословіи для фабричныхъ и заводскихъ. Последніе въ значительной степени принимаютъ на себя виновность въ убійствахъ чужихъ, родныхъ и въ убійствахъ супруговъ. Большую часть покушеній на самоубійство снимаютъ съ крестьянъ на себя дворовые, грабежи и разбои—заводскіе съ фабричными, поджоги—дворовые; въ фальшивыхъ монетчикахъ почти исключительно являются крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и занятые на заводахъ (въ особенности уральскихъ). Возмущеніе и неповиновеніе нѣсколько чаще заявляютъ дворовые и крестьяне заводскіе, чѣмъ прикѣпленные къ землѣ и занятые исключительно земледѣліемъ. Земледѣльцы крѣпостные уступаютъ въ воровствѣ преимуществу также дворовымъ и еще однодворцамъ и военнымъ поселенцамъ. Членовредительство также сильно развито у заводскихъ и фабричныхъ; они же чаще содержатъ притоны для бродягъ и бѣглыхъ и, въ свою очередь, дѣлаются бродягами и бѣглыми. За дурное поведеніе сославно, по процентному отношенію, опять-таки болѣе дворовыхъ и заводскихъ съ фабричными, чѣмъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Последніе, такимъ образомъ, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ общественнаго положенія и быта, представляются болѣе свободными отъ упрека въ преступныхъ наклонностяхъ. Господскіе крестьяне становятся наиболѣе испорченными и преступными только лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они искусственнымъ и насильственнымъ образомъ отрываются отъ земли и превращаются либо въ дворовыхъ, либо когда безземельными пролетаріями становятся къ фабричнымъ станамъ и машинамъ, къ заводскимъ печамъ и горнамъ. Государственнымъ крестьянамъ владѣльческіе крестьяне уступаютъ въ преступности убійствъ и грабежей, дворовымъ же людямъ въ общей наклонности ко всѣмъ преступленіямъ, даже въ дурномъ поведеніи,

въ возмущеніяхъ, въ поддѣлкѣ документовъ и въ воровствѣ. Въ тѣсной рамкѣ деревенскихъ и семейныхъ отношеній, въ сосредоточенности трудового земледѣльческаго быта, въ обмановъ городовъ, владѣльческій крестьянинъ уцѣлѣлъ въ зачѣтной безгріховности. Обременяемый налогами и тяжестью искусственныхъ и произвольныхъ формъ быта, онъ иногда выражаетъ себя жестью, сопротивленіемъ, но чаще отдѣляется мирною формою побѣга и затѣмъ бродяжества. Его ловятъ на поджогахъ чаще, чѣмъ кого либо въ лицѣ другихъ сословій, и на крайній случай ловятъ съ фальшивымъ паспортомъ уже вдалекѣ отъ обогрѣтаго и насѣянаго имъ мѣста, въ видѣ бродяги, который при этомъ не умѣетъ еще такъ искусно скрывать свое происхожденіе, какъ дѣлаютъ это напр., итшане и, въ особенности, дезертиры-солдаты и дворовые люди. Нѣсколько сильнѣе лишь обнаруживается преступная наклонность въ женской половинѣ владѣльческихъ крестьянъ, чѣмъ въ крестьянкахъ государственныхъ, да поврежденіе членовъ—одно изъ наиболѣе мелкихъ преступленій у владѣльческихъ крестьянъ являлось на выручку и помощь при встрѣчѣ и борьбѣ съ однимъ изъ непріятелей тамъ, гдѣ у воина не доставало ни умственнаго развитія, ни достаточной воли, ни силы характера, какъ это зачастую случалось при отбываніи рекрутской повинности, при исполненіи полнаго числа тяжелыхъ урочныхъ работъ и проч. *).

Въ наибольшей степени крестьяне войтъ родовъ и наименованій являются виновными въ преступленіяхъ, направленныхъ противъ собственности частныхъ лицъ; гораздо слабѣе въ преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ и въ наименьшей степени въ преступленіяхъ противъ нравъ семейственныхъ и противъ общественнаго благоустройства и благочинія.

Приводимъ таблицу преступленій, господствующихъ въ сословіяхъ (по расчету 1 на 100 сосланныхъ **).

Дворянство.

Государственныхъ преступленій — $\frac{1}{2}$ всего числа сосланныхъ (9 проц. изъ 100 всѣхъ сосланныхъ: 13 проц. служащихъ по военному вѣдомству, 3 проц. по гражд. вѣд.).

Преступленія служебныя — остальная треть сосланныхъ (3 проц. на сто).

*) Болѣе равнѣя сибирскія табели умѣли членовредительство отчасти освящать тѣмъ, что выдѣляли въ особую графу сосланныхъ за подлоги въ отправленіи рекрутской повинности. Цифра эта, однако, слаба: въ 10 лѣтъ сославо всего трое.

**) Таблица эта составлена по вычисленіямъ г. Анучина въ его изслѣдованіяхъ о процентѣ ссылаемыхъ въ Сибирь.

Поддѣлка документовъ: у чиновниковъ 23,5 проц., у служащихъ военныхъ 17 проц., у отставныхъ 14 проц. (у духовенства 7 проц., у мѣщанъ 3,75 проц., у владѣльч. крест. 3,5 проц., у купцовъ 3,5 проц., у дворовыхъ 3,25 проц., у однодворцевъ около 3 проц., у казаковъ и солдатъ около 2 проц.).

Оскорбленіе родителей: дворяне, служащіе въ гражд. службѣ 1 проц., дворяне не служащіе 0,53 (купечество 0,72, казаки 0,21, мѣщане 0,12).

Кляузничество (ябеды): дворяне, служ. по гражд. вѣдом. 4,5 проц., не служащіе 1,5 проц., (военные 0 проц., мѣщане 0,75, купечество 0,72, государственные крестьяне 0,27, помѣщ. крестьяне 0,21, дворовые 0,18, духов. 0,16, казаки 0,11, солдаты 0,10, однодворцы 0,08).

Мадоиство и лихоимство 0,28 (купечество 0,4).

Духовенство.

Святотатство: 34 проц. на сто сосланныхъ (солдаты 3 проц., купцы около 3 проц., дворяне, не служащіе и отставные, около 2,5 проц., мѣщане около 2 проц., казаки 1,81 проц., дворяне служащіе около 1 $\frac{1}{2}$ проц.).

Дурное (соблазнительное) поведеніе: 91 проц. (у владѣльч. крестьянъ 24,5 проц., т. е. заводск. и фабричн., у мѣщанъ 15 проц., у государственныхъ крестьянъ около 15 проц., у купцовъ 5 проц., у военнаго сословія 3,5 проц., у дворянъ около 3 проц.).

Мѣщане.

Воровство: около 58 проц., за исключеніемъ однодворцевъ (62 проц.), (купечество 53 проц., дворяне 49 проц., государственные крестьяне около 47 проц., казаки 44 проц., дворовые 39 проц., владѣльческіе крестьяне 38 проц., дворяне не служащіе и отставные 36 проц., духовенство 27 проц., солдаты 21 проц., дворяне служащіе 18 проц.).

Контрабанда: 0,61 проц. (казаки 0,53, государственные крест. 0,47 проц., владѣльч. крест. 0,11 проц.).

Купечество.

Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и монетъ: 6 $\frac{1}{2}$ проц.; у солдатъ около 4 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, 2,5 проц., у мѣщанъ 1,76 проц., у казаковъ 1,25 проц., у дворянъ не служащихъ и отставныхъ и у дворянъ, служащихъ по гражданскому вѣдомству, 1 проц., у духовенства около 1 проц., у государственныхъ крестьянъ нѣсколько менѣе, у владѣльческихъ, у однодворцевъ, у дворовыхъ почти равная степень наклонности.

Преступленія религіозныя 2,25 проц.

(у однодворцевъ почти 1,5 проц., у духовенства 1,25 проц.).

Пристанодержательство 2,25 проц. (солдаты 1,5 проц., гражд. чиновники 1,5 проц., однодворцы около 1,5 проц., крестьяне госуд. 1,25 проц., духовные 1,25). Военные поселеня завинялись наименѣе, затѣмъ изъ крестьянъ — заводскіе и фабричныя.

Военное сословіе.

Смертоубійство всѣхъ видовъ: у солдатъ слѣшкомъ 22 проц., у казаковъ около 21 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, 16 проц. (у государственныхъ крестьянъ 15,5 проц., у владѣльческихъ 13,25 проц., у дворянъ не служащихъ 11,75 проц., у купечества 11,5 проц., у дворовыхъ 11,25 проц., у однодворцевъ 11 проц., у духовенства 10,25 проц., у чиновниковъ гражданскаго 7,25 проц.). Убійство (высшій процентъ) у солдатокъ. Убійство мущей у заводскихъ и фабричныхъ, затѣмъ у однодворцевъ, дворянъ и военныхъ поселеня. По убійству родственниковъ у дворянъ процентъ наивысшій. Убійство родныхъ — у фабричныхъ съ заводскими.

Грабежъ: у казаковъ 10,25 проц., у солдатъ около 9 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, около 11,25 проц., (у купцовъ около 6 проц., у госуд. крест. 5,25 проц., у однодворцевъ около 5 проц., у мѣщанъ 4,25 проц., у владѣльческихъ крест. 3,5 проц., у дворянъ не служащихъ около 2 проц., у дворовыхъ 1,5 проц., у духовенства около 1,5 проц.).

Побѣги и бродяжество: у солдатъ 15,5 проц., у казаковъ 2,5 проц. (у владѣльч. крест., фабричн. и завод., около 2,5 проц., у мѣщанъ 2,25 проц., у госуд. крест. 1,5 проц., у дворовыхъ около 1,5 проц., у духовенства болѣе 1,25 проц., у дворянъ военныхъ нѣсколько болѣе 1,25 проц., у однодворцевъ почти 1 проц.).

Поджоги: дворяне военной службы около 5 проц., солдаты 2,25 проц., казаки 2,25 проц. (дворовые 3 проц., владѣльч. крест. около 3 проц., купцы 2,25 проц., госуд. крест. 2,25 проц., однодворцы 1,5 проц., мѣщане 1,25 проц., дворяне не служащіе 1 проц.).

Плотскія преступленія: дворяне военныхъ чиновъ 3,75 проц., казаки 2,75 проц., солдаты 1,75 проц. (граждан. чинов. 1,5 проц., государственные крестьяне 1,25 проц.). Изнасилованіе въ военномъ сословіи имѣетъ высшій процентъ.

Кража золота: солдаты 0,31 (помѣщич. крест. 0,25, госуд. 0,23, дворовые 0,18).

Дворяне.

Возмущеніе и неповиновеніе: 5,5 проц. (чиновники гражд. около 4 проц., владѣльч.

крест. 3,75 проц., солдаты 3,25 проц., государ. крест. 3 проц., купцы 2,25 проц., мѣщане около 1 проц.).

Самоубійство: 0,48. За дворовыми и помѣщ. кр., — солдаты; затѣмъ казаки, государств. крестьяне и мѣщане.

Помѣщичьи крестьяне.

Поврежденіе членовъ (членовредительство) 1,75 проц. преимущественно у заводскихъ, фабричныхъ и пахотныхъ съ навлѣніемъ избѣжать военной службы).

Корчемство виномъ: 2 проц. (государств. крестьяне 1,75 проц. и однодворцы 1,5 проц.; корчемство солью столь ничтожно характеризуется ссылкой, что въ 20 лѣтъ, напр., является сосланными только 5 человекъ).

Разсматривая преступленія по отношенію къ населенію Россіи инородцамъ, мы увидимъ, что татары и евреи (мѣщане) даютъ большую цифру сколько по сравнительной количественности своей, столько же и по многимъ племеннымъ условіямъ. Татаринъ и еврей, если вообще, не на хорошемъ счету у русскаго народа, то, во всякомъ случаѣ, наблюденія убѣждаютъ въ томъ, что на татаръ, по преимуществу, падаютъ преступленія самыя тяжкія, каковы смертоубійства, грабежи и разбои; на евреевъ менѣе тяжкія, каковы преступленія противъ собственности.

Татаринъ — по народной примѣтѣ и пословичному выраженію — либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ. Въ послѣднемъ случаѣ убійства изъ отличаются большою жестокостью, разбои — большою ловкостью и отчаянностью, грабежи — крайнею дерзостью и изворотливостью. Воровство у татаръ, сравнительно, рѣдко и оно, въ большей части, направлено на тотъ пунктъ, на которомъ у нихъ только два соперника: пыганъ и башкиръ; это конокрадство. Такъ, напр., за воровство въ періодъ 6-ти лѣтъ сослано татаръ всего только 20, за то убійствъ сдѣлано 42, грабежей произведено 51, разбоевъ 9 (80 мужчинъ и 3 женщины сосланы въ это же время за такъ называемое развратное поведеніе). Татаринъ часто бѣжитъ отъ службы, бродяжничаешь, не смотря на незнаніе русской грамоты и письменности, не прочь составить фальшивый видъ, поддѣлать монету; онъ вообще не дурной хлѣбосоль, а потому не ускользнулъ и изъ серьезныхъ-пристанодержателей. Татары охотнѣе укрываютъ бѣглыхъ, чѣмъ какіе либо другіе инородцы, исключая, можетъ быть, однихъ только театарей. Татары примѣтно ослабляютъ, своимъ участіемъ и вѣзательствомъ, общія цифры дѣтоубійцъ, воровосѣятелей, отцеубійцъ, святотатцевъ. Въ средѣ братоубійцъ у нихъ только одинъ соперникъ — башкиры. Рѣзко выдѣляется въ татарскомъ населеніи наклонность къ

членовредительству, какъ определенное стремленіе къ избѣжанію отъ военной службы по рекрутской очереди. Татары же вѣдѣтъ отъ башкирами чаще многихъ другихъ успѣвають избѣгать изъ-подъ стражи, не выдерживая пытки неволи. Изъ превосходятъ въ такитѣ дѣлать и пополюновеніяхъ одинъ лишь кавказскіе горы.

Какъ будто еще до сихъ поръ живутъ, сильно дѣйствуютъ и долго не иссякнутъ въ природнымъ свойствахъ всёхъ многочисленныхъ оседлыхъ монгольскихъ племенъ, свобода, воспитанныя дикою жизнью азиатскихъ степей и горъ и широкимъ просторомъ для воли въ глуши гѣшмыхъ и степныхъ губерній восточной Россіи. Здѣсь еще много въ народѣ тѣхъ элементовъ, которые рождаются въ степи и воспитываются ею, оправдываются въ понятіяхъ и законахъ кочевниковъ. Элементы эти, выдвинутые на видъ и поставленные на судъ осѣдлаго народа, оказались проявленіями дикой и необузданной воли, преступленіями. Варанта оказывается самымъ начальнымъ и отчаяннымъ грабежемъ и разбоемъ съ неизбежнымъ послѣдствіемъ смертоубійствъ; упорное отстаиванье степной воли является также преступленіемъ и называется „возмущеніемъ противъ законовъ установленныхъ властей“; народное удалство, степное молодецтво обываюцца разбоемъ или грабежемъ и получали оубнку на торговыхъ площадяхъ подѣ ударамъ сначала кнута, потомъ плетей и палокъ. Вотъ почему безпокойная неуживчивость съ порядками господствующаго народа, не успѣвшая выразиться открытымъ недовольствомъ, но достаточно надѣвшая начальствамъ, по преимуществу вѣдетъ инородцевъ въ ссылку подѣ темнымъ именемъ серьезныхъ „за развратное поведеніе“. Калмыки, киргизы, черкесы, чеченцы, лезгини, куртины преимущественно подаются въ ссылку подѣ названіемъ возмущившихся противъ законовъ установленныхъ властей, за грабежи и убійства исключительно. Вотъ почему ногайцы, наиболѣе другихъ сохранившіе свойства степныхъ кочевниковъ, тотъ и рѣдко появляются въ спискахъ серьезныхъ, но всегда идутъ за грабежъ. Грузины идутъ за убійства, за вспышки своего горячаго южнаго темперамента. Онъ же уходитъ въ виганье и башкиры весьма часто за тѣ же убійства и грабежи. Чуваши, воляки, мордва, черемисы — флегматичи по темпераменту, не угнѣвшіе племенного недовольства довести до открытыхъ бунтовъ и вооруженныхъ возстаній и ограничившіеся лишь ролотомъ, обвиняются въ такъ называемомъ развратномъ поведеніи, которое, по тягучести своего значенія, совсѣмъ не определеннаго атомъ рубрикою таблицъ приказа, вмѣщаетъ въ себя и вольныя и невольныя противоборства закону; и неугнѣные прикиряться съ русскими законоположеніями, и неспособность подчиниться мѣстнымъ административнымъ распоряженіямъ, и

прочее, тому подобное. Все это на темпераментъ монгольскихъ племенъ, разжигаемомъ фанатическимъ ученіемъ корана, выразилось открытыми восстаніями у киргизъ и башкиръ, какъ у кавказскихъ горцовъ убійствами гяуровъ. Рассматриваемые нами года представляютъ одинъ изъ самыхъ беспокойныхъ элементовъ въ племена башкиръ, туго принявшихъ къ законамъ государственной организаціи, въ прошломъ столѣтіи принимавшихъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ народныхъ волненіяхъ по Волгѣ и за Волгой, въ нынѣшнемъ затѣвавшихъ бунты въ доказательство своей неуживчивости и своего недовольства русскими порядками. Теперь они огражданились. На сѣвну ихъ выступилъ очередной вопросъ колонизирующаго начала надъ степными киргизами, которые, въ свою очередь, въ наши дни успѣли дать немалое количество національных консерваторовъ, удивившихъ въ ссылку. Въ шесть только лѣтъ башкиръ за возмущеніе противъ властей выслано 77 мужч. и 4 женщ.

За то же число лѣтъ сосланныхъ за возмущеніе дамъ: 41 казынокъ, 11 чел. киргизовъ, 10 черкесовъ.

Смертоубійство учинено: 42 башкирами, 7 черкесами, 8 киргизами.

Грабежей надѣлано: 11 башкирами, 10 черкесами.

За воровство - кражу сослано: киргизъ 12, башкиръ 20.

За развратное поведеніе башкиръ сослано болѣе всѣхъ инородцевъ — именно: въ 6 лѣтъ 77 мужч. и 4 женщ. (въ этомъ числѣ 5 татаръ).

Татары, при своей абсолютной многочисленности (по сравненію со всѣми другими инородческими племенами), даютъ опредѣленіе себя въ слѣдующей таблицѣ:

За развратное поведеніе	80 мужч.	3 женщ.
„ воровство	191 „	5 „
„ смертоубійство	55 „	3 „
„ грабежъ	46 „	5 „

(въ томъ числѣ 2 погаяца)

За приставодержательство	9 мужч.	5 женщ.
„ разбой	9 „	— „
„ поджогъ	3 „	1 „

При этомъ на инородцахъ монгольской расы лежатъ упрекомъ столь тяжкія и рѣдкія преступленія, какъ отцеубійство, братоубійство. Кровосмѣшеніемъ они также выдаются изъ ряда.

Нельзя не замѣтить, что въ женской половинѣ мусульманскаго населенія Россіи преступная наклонность несравненно слабѣ всѣхъ женщинъ другихъ господствующихъ исповѣданій. Степные обычаи успѣли такъ уединить женщину отъ общественной жизни, а коранъ такъ закрѣпилъ ее у домашняго очага и въ затворѣ,

что она можетъ грѣшить передъ закономъ лишь грѣбосомыствомъ, т. е. приставодержательствомъ, но едва ли и адѣсь не та же алатія, не то же тупое равнодушіе, какъ слѣдствіе пригитательной неразвитости. Продажная вещь, роковымъ образомъ, сама никогда во всѣхъ вѣкахъ не достала до героини, не имѣла средствъ и случаевъ выразиться какимъ либо сильнымъ рельефнымъ порывомъ, хотя бы даже и на какое нибудь преступное дѣланіе.

Женщина у евреевъ, укѣвшая выбиться изъ затвора и завоевать своими дарованіями право на участіе во всѣхъ хлопотливыхъ и меркантильныхъ дѣлахъ мужа, представляетъ собой болѣе видное явленіе. Рѣзкой границей между мужемъ и женою въ еврейскомъ племени не существуетъ. Скажемъ больше: еврейка во всѣхъ дѣлахъ продажи и купли, гдѣ не требуется хлопотливой, нервной дѣятельности факторства и непосѣдливой бѣготни, въ лавочной и домовою торговлѣ—съ достоинствомъ занимаетъ мѣсто мужичинъ и еще не рѣшено, чьи способности опредѣленіе и сильнѣе: хлопотливаго ли, вѣчно бѣгающаго мужа, или сидящей за прилавкомъ жены. Вотъ почему еврейка является уже съ болѣе крупною склонностью къ преступности, чѣмъ мусульманка, хотя и рѣже женщины всѣхъ другихъ исповѣданій. Воровство представляется одною изъ крупныхъ причинъ къ преступленію, за которую являются еврейскія женщины въ ссылку; затѣмъ уже стоитъ ихъ соучастіе въ различныхъ преступныхъ поповзновеніяхъ мужей *).

Еврей и сибирскими цифрами, столько же какъ и общественнымъ мнѣніемъ, завязываются исключительно и самымъ характеристическимъ образомъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя направлены противъ чужой собственности. Прежде и сильнѣе всего еврей заявляютъ наклонность къ воровству-кражѣ. По наклонности къ грабежу, къ поддѣлкѣ ассигнацій, къ контрбандѣ чувствуется въ этомъ племени то же присутствіе хищнической наклонности, хотя бы и въ болѣе широкихъ и уточненныхъ разбѣгахъ. Мы не исключаемъ отсюда и поджоговъ, которые, по сибирскимъ цифрамъ, ложатся пятномъ на еврейское племя, потому что по опыту еврей сожигаетъ самъ тотъ домъ, который заложилъ далеко выше номинальной своей стоимости. Подобные поджоги, вѣрнѣе праструкуемые, хорошо и подлинно извѣстны во всѣхъ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ кипитъ еврейское населеніе и гдѣ

*) По особенному складу еврейской жизни, деспотически руководимой талмудомъ, у евреевъ наклонность къ смертоубійству, довольно распространеному поведению преступленію, на столько слаба, что не можетъ даже идти въ сравненіе съ наклонностью къ тому же злодѣянью, напр. вообще безгрѣбныхъ мусульманокъ. Поддѣлка же ассигнацій и грабежъ не забавляла евреекъ отъ упрека.

оно имѣть недвижимую собственность. Постоянная гонимая, неустанное презрѣніе, какими обставлена несочувственная жизнь еврейскаго племени среди христіанъ, послужили основой къ той сосредоточенности отчаянія, которая выразилась на фактѣ стяжаніемъ богатствъ, завистью къ чужому благосостоянію и къ чужой собственности. Явленіе это стало характернымъ, исканіе чужого добра лихорадочно-усиленнымъ въ виду вѣроятія голодной смерти для племени, которое — по темпераменту не способно въ настояющему устойчивому труду и по политическому положенію — не могло стать вполнѣ осѣдлымъ и гражданственнымъ, не успѣло согласоваться съ общечеловѣческими и народными требованиями и привилегіями. Неумный еврей, весь вѣкъ обязанный закупать свои всѣкія права, устремился на стяжаніе денежныхъ богатствъ какими бы то ни было способами и — потому и въ востаніи, охватившемъ весь край, вмѣстѣ населенный, онъ является въ числѣ политическихъ преступниковъ лишь „за тайный провозъ оружія изъ-за границы“, вдохновленный и поддержанный, во всякомъ случаѣ, коммерческими цѣлями, а не политическимъ увлеченіемъ. Слаба въ евреевѣ склонность къ смертоубійству (и только озабоченный сызкомъ и каторгой еврей нерѣдко становится злодѣемъ). Еврей никогда не уличается въ преступленія противъ власти, которой онъ льститъ и которую подкупаетъ безразлично, смотря лишь на степень силы и стойкости этой власти. Въ политическихъ преступленіяхъ замѣшался одинъ только еврей и то усилившіи воспитаніемъ превратился въ вѣнца. Подъ гнетомъ и силою талмуда еврей, по коммерческимъ соображеніямъ успѣвающій жениться въ раннихъ лѣтахъ и пользующійся широкимъ правомъ развода, рѣдко завиняется въ такъ называемыхъ плотскихъ преступленіяхъ. За то онъ — первый контрабандистъ, недурной дѣлатель фальшивыхъ денегъ и переводчикъ краденныхъ металловъ съ промысловъ, пріисковъ и росышей; За то ни въ одномъ изъ иновѣрцовъ не развиты въ такой степени склонность къ преступленію воровства, какъ въ еврейскомъ населеніи Россіи. Онъ, въ этихъ случаяхъ, готовъ даже измѣнять своей политически-воспитанной трусости характера и нерѣдко попадаетъ на томъ видѣ воровства, которое требуетъ и дерзости и храбрости и которое навязывается грабежомъ, и видоизмѣняется въ глазахъ судей въ тотъ видъ воровства, который для еврея — воровство-кража, а для православныхъ и иныхъ христіанскихъ исповѣданій — святотатство.

Изъ числа другихъ инопорцевъ вѣнцы, при существованіи собственнаго привилегированнаго суда въ остзейскихъ губерніяхъ, не только сами не даютъ возможности судить ихъ по степени склонности къ преступленіямъ, но даже

отнимаютъ возможность производить тѣ же наблюденія надъ безусловно-подчиненными имъ другими инопорческими племенами Россіи (каковы эсты, ливы, латыши). По этой причинѣ въ нѣмецкомъ населеніи, присылающемъ въ Сибирь случайныя жертвы ссылки, можно видѣть слабую склонность ко всѣмъ видамъ преступленій. Исключеніе составляетъ одна только контрабанда. Не видать ни виновницъ въ плотскихъ преступленіяхъ, ни виновницъ въ похищеніи казны и, вообще, во всякихъ многообразныхъ ущербахъ ея интересамъ и другомъ прочемъ. Съ нѣкоторою отчетливостью высвѣтятся въ лютеранскомъ населеніи остзейскаго края, податномъ и земледѣльческомъ, склонность къ поджогамъ, выражающимся наибольшимъ процентомъ для женщинъ. Наибольшій процентъ осланныхъ за дурное поведение лютеранъ (конечно, эстовъ, ливовъ и, въ особенности, латышей) доказываетъ лишь силу домашняго произвола и безконтрольности суда остзейскихъ собственниковъ надъ ихъ вассалами — крѣпостными рабочими. Очень можетъ быть, что въ этомъ проблескѣ правды, отчасти освѣщаемомъ тобольскими табелями, можно подозревать и оправданіе поджоговъ, какъ мщенія за притѣсненія, и тому подоб. Склонность къ поджогамъ у женщинъ лютеранскаго исповѣданія сильнѣе, чѣмъ у женщинъ католическихъ и православныхъ.

Инопорцы финской расы отличаются такою же слабою склонностью къ преступленіямъ, какъ вѣнцы и русскіе поданные лютеранскаго закона, не смотря на то, что обѣ расы стоятъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ умственнаго и нравственнаго развитія *). Чрезвычайно неприятно мелькаютъ самоѣды заурядъ съ другими инопорцами финскаго племени, какъ виновные въ кражѣ. Мордву, черемисъ, чувашей, вогуловъ поддѣлшія тобольскія табели перестали даже выдѣлять изъ общаго числа сельскихъ. Хотя эти племена наиболее успѣли слиться съ сосѣдями и затонуть въ славянскомъ морѣ, тѣмъ не менѣе въ ихъ племенныхъ обычаяхъ, въ темпераментѣ, въ условіяхъ быта, утверждаемаго еще до сихъ поръ на кое-какихъ оскокахъ древнихъ законовъ помянуть — слѣдуетъ искать оправданіе очень многихъ причинъ ссылки. Едва ли въ виду этихъ данныхъ можетъ что либо опредѣлившееся и характерное подсказать вѣроисповѣданіе, за которымъ можетъ спрятаться живой и пылкой темпераментъ рядомъ съ вялымъ и флегматическимъ; рядомъ съ грамотнымъ и развитымъ нѣпмомъ, испорченнымъ городскою жизнью затчется за-

*) Иностранцы завиняются и ссылаются всего чаще за поддѣлки всякаго рода актовъ, за переходъ за границу, за тайный ввозъ иностранныхъ товаровъ. Въ послѣднемъ случаѣ довольно примѣтны между русскими сирями евреи - иностранцы. Женщины-иностранки ссылаются въ Сибирь исключительно за разпутное поведеніе.

битый, задержанный въ развитіи тѣми же нѣмецкими баронами какой нибудь деревенскій эсть или латышъ; съ осыдлымъ и развитымъ касимовскимъ и казанскимъ татаринѣмъ подъ мусульманинѣмъ пройдутъ степные дикари вродѣ ногайца и киргиза, или дикари горные, вродѣ чеченца или лезгина. Этимъ племеннымъ свойствамъ должны уступить свое мѣсто вліянія религіозныя, которыя, при всей тщательной разработкѣ этого вопроса по тобольскимъ табелямъ, подсказываютъ весьма немногое. Онѣ говорятъ, напр., что затворница-мусульманка наименѣе всѣхъ склонна къ преступленіямъ, однако, въ равной же степени процентныхъ отношеній находится въ безгрѣховности домохозяйка православнаго исповѣданія: купчихи и жены лицъ духовнаго званія — попады, дьяковны и дьячки, но наибольшую часть сытыхъ и хорошо обеспеченныхъ. По тобольскимъ табелямъ католикамъ наиболѣе присущи государственныя преступленія, но подъ католикѣмъ попали поляки, потерявшіе свое отечество и въ поискахъ его свободы дѣйствительно увлекшіе своихъ ксендзовъ, — представителей вѣры, и дѣйствительно, въ костелахъ и церковныхъ ивсняхъ сумѣвшіихъ найти наилучшія мѣста и предства къ политическому возбужденію. Правда, сто индифферентны въ вѣрѣ, обезличенные уиіею обитатели западныхъ окраинъ Имперіи виновны въ святотатствѣ, но виновны они столько же, какъ и евреи, для которыхъ преступность свя-

тотатства въ національномъ, религіозномъ смыслѣ исчезаетъ въ преступленіи простого воровства. Если въ преступленіяхъ противъ самой религіи наибольшая виновность остается за православными, то и въ этомъ случаѣ она далеко не въ равной степени распределяется между отъверыми и мирными жителями Россіи: великоруссы, отличающіеся наибольшою пытливостію въ дѣлахъ вѣры, числомъ осмысленныхъ несравненно превосходятъ индифферентныхъ малороссовъ и белоруссовъ, какъ въ преступности по богоуленію и отвлеченію отъ вѣры, такъ и по ересямъ, расколамъ, сектѣству и т. под.

Русскіе подданные православнаго исповѣданія, во всякомъ случаѣ, заглаживаютъ наибольшую склонность лишь къ бродяжеству и тѣсно съ нимъ связанной поддѣлкѣ документовъ (т. е. фальшивыхъ паспортовъ). Сильная виновность православнаго населенія Россіи замѣчается еще въ преступленіяхъ убійства и въ поддѣлкѣ ассигнацій, но въ склонности къ убійствамъ, православные уступаютъ мусульманамъ, у которыхъ она сильнѣе, а по процентнымъ отношеніямъ поддѣльвателей ассигнацій и монеты надъ русскими преобладаютъ евреи. Виновность въ бродяжествѣ ослаблена для русскихъ въ настоящее время совершившимся великимъ фактомъ — освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости. Последняя была основною и несомнѣною причиною этого исключительнаго русскаго преступленія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Политическіе ссыльные. Государственные преступники.
Исторія каторги.

ГЛАВА I.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ.

Ссыла поляковъ въ Сибирь.—Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ.—Крыжановскій.—Ловеласъ—воевода Обуховъ.—Польскіе конфедераты.—Злодѣяства надъ ними.—Состояніе администраціи въ Сибири.—Цестель.—Трескивъ.—Исправникъ Лоскутовъ.—Сперанскій.—Нѣщцовъ и разбойникъ Говдюхинъ.—Собачья оспа.—Кохъ.—Уширванскій полкъ.—Народные притѣснители.—Чудакъ Нарышкинъ.—Горные начальники: Рычковъ, Варботъ-де-Марни, Милекинъ.—Фришъ, Черныцынъ.—Шведскіе лѣвные.—Татищевъ.—Венежскій—завѣстный искатель приключеній.—Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя похиженія вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскарѣ.—Судьба его товарищей.

Переходя теперь къ такъ называемымъ политическимъ и государственнымъ преступникамъ, мы на этотъ разъ останавливаемся на ссыльныхъ за политическія преступленія, т. е. полякахъ, и по задачѣ нашей работы на тѣхъ чертахъ и особенностяхъ, которыми характеризуется ихъ ссылка въ Сибирь. Сосланнымъ за государственный преступленія, по исключительному отношенію къ лицамъ русскаго происхожденія и также къ значенію ихъ на мѣстахъ ссылки въ Сибири, предназначается слѣдующая статья.

Сибирь сдѣлалась мѣстомъ политической ссылки и временнаго пріюта для политическихъ ссыльныхъ, въ значеніи карательной мѣры, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ судьбы Польша тѣснѣе соединились съ судьбами Россіи. Постоянная и притомъ систематическая и ежегодная высылка людей, недовольныхъ этимъ воссоединеніемъ, началась со времени Екатерины, т. е. съ перваго раздѣла Польши. Вѣстѣ съ ними, съ этого же времени, начали появляться въ Сибири поляки, ссылаемые и за всѣ другіе роды преступленій, возмѣщаемыхъ ссылкой. Преступники послѣднихъ видовъ освобождали свою родину въ подчиненіи общимъ законамъ человѣческой преступности, не представляя рѣзкихъ и характерныхъ особенностей. Преступники политическіе, появленіемъ своимъ въ Сибири, стали представлять большую или меньшую степенъ политическаго возбужденія умовъ въ царствѣ, лишенномъ правъ на самостоятельную государственную жизнь. Наибольшее

скопленіе польскихъ патриотовъ въ ссылкѣ, выражаемое значительнымъ возростаніемъ цифры ссыльныхъ, стало указывать на предшествовавшіе государственные кризисы Польши, когда она противъ русскаго владычества въ краѣ поднимала возстанія и платилась затѣмъ изгнанниками „за бунтъ и измѣну, за преступленія по первымъ двумъ пунктамъ, за неповиновеніе и за оставленіе отечества“. Цифры по годамъ стали указывать на историческія эпохи завоеваннаго и побѣжденнаго народа и, группируясь въ числовые итоги, сумѣли выразить въ ссылкѣ три различныхъ періода ссылки поляковъ въ Сибири. Къ первому періоду относится время отъ появленія въ ссылке первой группы поляковъ — барскихъ конфедератовъ, съ послѣдующемъ затѣмъ высылкою поляковъ въ войскъ Костюшка до времени освобожденія тѣхъ и другихъ императоромъ Павломъ. Время отъ 26 года нынѣшняго столѣтія протекло безъ изданныхъ жертвъ для польскаго народа, но послѣ возстанія 1831 года выразилось въ Сибири быстрымъ увеличеніемъ числа изгнанниковъ, которые оставались въ Сибири до восшествія на престолъ Императора Александра Николаевича. Кромѣ замѣшанныхъ въ какія либо новыя преступленія на мѣстахъ ссылки, всѣ, находившіеся въ Сибири, политическіе изгнанники были возвращены на родину; осталась незначительная часть. Въ теченіи шести послѣдующихъ лѣтъ политическихъ ссыльныхъ въ Сибири не было, но съ весны 1863 года стали

прибывать первыя, но новыя и значительныя партіи поляковъ, такъ что въ концѣ 1866 г. общее число ссыльныхъ поляковъ возросло до 18.000 душъ обоаго пола. Для ссыльной Польши наступилъ третій, современный намъ періодъ. Разсмотримъ каждый изъ этихъ періодовъ отдѣльно, для болѣе яснаго представленія исторической картины политической ссылки поляковъ.

Далеко до времени Екатерины, до обнаруженія болѣе яркиа и характерныя чертъ польской ссылки въ тѣ времена, когда русскіе казаки кончали свои завоеванія въ Сибири (выстроивъ остроги на Ленѣ, пробирались въ Камчатку) и промышленные люди забрались уже на Амуръ, въ тѣ времена безразсчетныхъ завоеваній и безконечныхъ походовъ и приключеній, въ сибирскихъ лѣтописяхъ является имя перваго ссыльнаго поляка—Никифора Черниговскаго. Насколько можно вѣрить свидѣтельству лѣтописи о польскомъ происхожденіи этого чело- вѣка, носящаго не польскую фамилію и русское имя, Черниговскій почти единственное лицо, представлявшее поляка въ то темное и мало-изслѣдованное время сибирской исторіи. Личность эта, впрочемъ, характерна тѣмъ, что съ нею соединяется исторія первыхъ нашихъ заселеній на Амурѣ. Если въ немъ не выражался типъ польскаго удалца тѣхъ славныхъ воинственныхъ временъ Польши, время Яна Собѣскаго, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ высклился одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ завоевателей, которыми богата была Сибирь въ тотъ вѣкъ окончательнаго ея покоренія подъ высокую руку московскихъ царей. Имя Черниговскаго встало на ряду съ именами Хабарова, Атласова, Поаркова и проч.

Откуда этотъ полякъ былъ родомъ, какія судьбы привели его въ ссылку и поселили на Ленѣ, былъ ли онъ военнопленнымъ, взятымъ на войнѣ 1658 года, начатой за принятіе Россіею подъ свое покровительство Малороссіи—лѣтописи и преданія не говорятъ. Жилъ онъ въ Устькутскомъ острогѣ и былъ досмотрщикомъ за соляными промыслами. При немъ нѣкто Сорокинъ, успѣвшій собрать въ Вердalenскѣ партію головорѣзовъ въ 300 человекъ, съ эсауломъ Краснояремъ и Петровымъ пробирается на суднѣ вверхъ по Ленѣ на Амуръ. Дорогою шайка грабала купцовъ и промышленныхъ людей; въ острогѣ, на устьѣ Куты, ограбляла казну, била и пытала купцовъ и служилыхъ людей; поджидала вѣдшаго съ рѣки Илимъ воеводу, но, потерявъ терпѣніе, отправилась на устье рѣки Олекмы, чтобы и здѣсь ограбить казенные запасы и именно тѣ, которые снаряжены были для отправки на Амуръ, въ Албазинъ. Въ Тугурскомъ острогѣ Сорокинъ отыскала порошъ, зарытый въ землю, пробрался на Амуръ, ограбилъ тамъ всѣхъ, кого нашелъ, но тѣмъ и покончилъ; часть шайки его истребили амурскіе

жители, другую—голодъ; третья часть разсы- лась по старымъ знаменитымъ мѣстамъ на Ленѣ.

Въ это время (1665 г.) въ Устькутскій острогъ успѣлъ благополучно прибыть илинскій воевода Лаврентій Обуховъ; успѣлъ отдохнуть, оглядѣться; осмотрѣвшись, удалось ему замри- мѣтить, что у солянаго надарателя Черниговскаго жена хороша, да такая, что онъ, не бывавшій въ Польшѣ и притомъ долго голодавшій на сибирскомъ гнѣсномъ безлюдьи, много не думалъ. Кладъ на вѣои свои воеводскія права съ правами ссыльнаго сибирскій воевода считал за грѣхъ и за большое для себя преступленіе. Безчисленные приѣзды были у него передъ глазами: самъ знаменитый завоеватель Амура, Ерофей Павловичъ Хабаровъ, слабый въ эту сторону, не клалъ на себя охотки и владѣлъ чужими женами, никого не спрашивался. Обуховъ отнял жену у Черниговскаго и, кончивъ дѣла на Ленѣ, поплылъ съ красною полкою вверхъ по Кутѣ въ Илинскъ. Но что Хабарову съ рукъ сходило (онъ отломалъ бока якутскимъ крестьянамъ, присланнымъ въ Киревскъ на его замку для поселенія, и ничего съ ними за то сдѣлать не смѣли), что Хабарову удавалось и тѣмъ другимъ воеводамъ счастливо, на томъ Обуховъ оборвался. Черниговскій рѣшился мстить: собралъ товарищей, напалъ на воеводу, убилъ его и прислугу, захватилъ имущество, не разобравъ казеннаго отъ воеводскаго, и такъ какъ въ это время шатались безъ дѣла свободные люди изъ шайки Сорокина и много другихъ удалцовъ, то Черниговскому и не мудрено было сбить большую шайку. Съ нею, само собою разумѣется, отправился онъ обыкновенно въ тѣ времена и торною дорогою съ бывальными и знающими языками на тотъ же Амуръ, о которомъ не переставали ходить баснословные слухи. Пошелъ онъ туда именно въ то несчастное время, когда прешинки и послѣдователи Хабарова успѣли испортить дѣла до того, что русскіе люди стали уходить съ Амура назадъ. Степановъ былъ убитъ, часть казаковъ пустилась черезъ хребты въ Якутскъ, другая по рѣкѣ добралась до Шиняи, тамъ отыскала Пашкова и поступила къ нему на службу. Амуръ опустѣлъ.

Черниговскій вышелъ на Амуръ именно въ тотъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ до тла разворенный китайцами Албазинъ. Наскоро построилъ онъ тутъ же деревянную крѣпость (18 саж. дланы и 13 ширины); на стѣнѣ къ рѣкѣ укрѣпилъ двѣ башенки, на нагорной къ лѣсу—одну, но со вѣдными воротами. Избъ для своихъ удалцовъ внутри крѣпости онъ не строилъ (какъ сдѣлалъ это Хабаровъ и дѣлали прочіе сибирскіе казаки-завоеватели); казачія жилища приладилъ онъ внѣ, въ сторонѣ; внутри крѣпости соорудилъ только одну кладовую. Построилъ острогъ, Черниговскій принялся за обычныя дѣла тѣхъ мѣстъ и того времени: сталъ соби-

ратъ съ тунгусовъ асакъ крупными и пушистыми, амаментными и въ наши дни, албазинскими соборами, но, памятуя объ убійствѣ воеводы и по приговору Ермака, сталъ отсылать асакъ въ Чернышскъ, къ воеводѣ. Потомъ уже онъ прямо отъ себя съ нарочными отправилъ въ Москву и отборный асакъ и повинную. 15-го марта 1672 года, по первому приговору въ Москвѣ, Черниговскаго съ сыновъ приговорили къ смертной казни, а 46 человекъ его первымъ устькутскимъ товарищемъ въ жестокому телесному наказанію, но, по бывалымъ приговорамъ, черезъ два дня приговоръ отменили и вмѣсто казни сказано Черниговскому милостивое государево слово: за вину прощенье и грѣха разрѣшеніе, да сверхъ того положена была награда въ двѣ тысячи рублей. Изъ Чернышска прислали отъ воеводы приказчикъ, въ 1681 году отъ царя изъ Москвы воевода Толбузинъ; товарища Черниговскаго выстроили Покровскую слободу и завладѣли хлѣбопашествомъ. Русская жизнь на берегахъ Амура опять закинула и приладилась уже настолько прочно, что нѣкій старецъ, іеромонахъ Ермогекъ, заложилъ неподалеку отъ города, на Брусавомъ камнѣ, монастырь во имя Спаса. Прибыли крестьяне и Покровская слобода стала походитъ на настоящее дѣловое селеніе. Цоянъ Черниговскаго возмѣтъ блестящій голякъ: Амуръ опять потянулъ на русскую руку (во тянулъ недолго). Самъ Черниговскій сошелъ со сцены и встезъ во мракъ историческихъ временъ: имя его больше не повторилось, что стало съ нимъ, съ этимъ первымъ полякомъ въ Сибирь, покрыто мракомъ неизвѣстности. Говно также и послѣдующіе военно-пѣнные итовцы, вмѣстѣ съ московскими стрельцами, присылаемые изъ Москвы, съ самыхъ древнихъ сибирскихъ временъ, поступали въ казаки и въ этомъ ословии исчезали безслѣдно. Изъ нихъ на сибирскія письменныя памятныя удалось выдѣлаться одному: Юрію Крыжановскому, оказавшемуся въ 1677 году асачнымъ сборщикомъ (тунгусовъ). Сборщикъ этотъ такъ притѣснялъ этихъ мирныхъ инородцевъ, что они вышли изъ терпѣнія, стали кетить: перебили казаковъ и въ войнѣ тысячъ человекъ осадили Охотскъ и пошли валомъ на приступъ острога. Крыжановскій не успѣлъ спрятаться въ острогъ и шлъ осажденъ въ собственномъ домѣ. Тунгусы выломали окно у избы, подѣ стѣну наклали гня, заставъ въ казачьихъ домахъ слободы, тѣряли по острогу. Приказный Ярышкинъ не могъ помочь Крыжановскому, напрасно вопившему о помощи. Приступъ, однако, не повторился. Явились слѣдователи, начался судъ. Оказалось, что Крыжановскій лучшимъ соборомъ избиралъ себя; въ казну складывалъ поплоче, бралъ у инородцевъ женъ и дѣтей на блудное дѣло и проч. Его съ Ярышкинымъ нещадно били кнутомъ и сослали въ даурскіе остроги

съ тѣмъ, чтобы тамъ обонъ имъ къ казни дѣлали не опредѣлять *).

Выходя изъ мрака XVII в. въ ближайшія къ намъ времена прошедшаго (XVIII) столѣтія, мы встрѣчаемъ въ концѣ его слѣдующихъ поляковъ группами, сначала, какъ мы сказали, въ видѣ барскихъ конфедератовъ—выселенцевъ генерала Кречетникова и прусскаго полковника Сюлли (1769 г.), потомъ приверженцевъ Костюшки (1794 г.). По указу 20 июня 1795 г. присланы были поляки «обитатели древнихъ российскыхъ областей, къ Имперіи возвращенныхъ» по одному человѣку въ Пензы, Якутскъ, Тобольскъ, Чернышскъ, Селегинскъ и Березовъ и 9 человекъ въ другіе отдаленные города **). Первыхъ изъ нихъ (конфедератовъ) преданіе приводитъ изъ Польши измученными на роднѣ различными варварскими истязаніями: съ отрубленными носами и ушами ***); сибирскій губернаторъ Шеншинъ встрѣтилъ ихъ, судя по народному же преданію, съ чувствомъ затаенной злобы и непонятнаго мщенія. Онъ, говорить, привязывалъ ихъ къ длиннымъ и толстымъ деревяннымъ круглымъ колодамъ по нѣсколько человекъ вмѣстѣ и приказывалъ, такимъ образомъ, спихивать съ высокой горы тобольскаго кремля. «Обрубокъ, катясь съ крутой горы, разбивалъ несчастныхъ головы и на лучшій конецъ сокрушалъ кости». Несомнѣнно одно, что Сибирь не только въ прошломъ, но и въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка представляла страну, страдающую отъ произвола властей, отъ ихъ жестокаго корыстолюбиваго нрава и дикихъ чертъ характера въ такой степени, что съ трудомъ вѣрится жалобамъ очевидцевъ и сказаніямъ современниковъ. Еще Геннингъ пи-

*) При царѣ Алексѣѣ сосланъ въ Сибирь извѣстный Крыжаничъ, родомъ хорватъ, латинскій попъ за неправославіе, за выходы противъ грековъ и русскихъ. Тамъ написалъ онъ сочиненіе, драгоценное по изображенію въ немъ состоянія Московскаго государства («Русское государство въ половинѣ XVII вѣка»; другое сочиненіе его «О промѣлѣ»). Не былъ ли этотъ хорватъ Юрій Крыжаничъ однимъ и тѣмъ же Юріемъ Крыжановскимъ—рѣшить не беремся, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ.

**) Одною шляхтича (за убійство русскаго драгуна) сослали вѣчно на каторгу; на житье въ отдаленные города между прочими — извѣстнаго воеводы Булгака и бывшаго поручика пиневой бригады Юсифа Коцца, оставшаго записки о своемъ пребываніи въ Сибиріи. Въ слѣдующемъ году Павелъ I всѣхъ освободилъ указомъ 29 ноября.

***) Барскимъ конфедератамъ, подполковнику Реку и майору Дреничу, за нарушеніе реверса, т. е. продолжавшимъ послѣ отреченія участвовать въ конфедераціи, но снова попавшимся въ плѣнъ съ оружіемъ, обрубивали руки и ноги. Замѣчательно сибирские случайныя обетованности: въ Сибирь барскихъ конфедератовъ велъ (молодымъ человѣкомъ) тотъ самый Лепарскій, который впоследствии и уже дряхлымъ старикомъ былъ комендантомъ декабристовъ.

салъ Петру I изъ Екатеринбурга: „А ты, государь, пожалуйста, не слушай, что тебѣ говорятъ о Сибири. Въ она тамъ мошенники и взяточники, вѣрь такъ! Съ чего мнѣ тебѣ обманывать?“ И не обманывалъ: князя Гагарина, властителя Сибири, Петръ принужденъ былъ вызвать въ Петербургъ и повѣсить въ 1721 году „за его неслыханное воровство“. Кому неважнень сибирскій герой Пестель, одиннадцатъ лѣтъ управлявшій Сибирью изъ Петербурга, съ клеветомъ своимъ, иркутскимъ губернаторомъ Трескинмъ; люди начала нынѣшняго столѣтія! Пестель управлявшого тобольскою провіантскою комиссіею, генераль-майора Куткина, за то, что тотъ на званомъ обѣдѣ позволилъ себѣ въ чемъ-то не согласиться съ нимъ, всемогущимъ генераль-губернаторомъ, гналъ до конца жизни: отдавъ подъ военный судъ, девять лѣтъ томилъ подъ строжайшимъ присмотромъ въ его собственномъ домѣ и, разлучивъ съ семействомъ, не позволяя свиданій; дочь отъ снѣж ослѣпла. Самъ отецъ умеръ подъ стражею и оправданъ сенатомъ уже послѣ смерти. Семейство Куткина (жена съ нѣсколькими дочерями) доведено было до крайней степени нищеты; какой-то добрый человекъ, женившійся на одной изъ дочерей больше изъ состраданія, вывезъ несчастное семейство въ Россію уже послѣ смерти страдальца. Въ то же время Трескинъ тѣ же 11 лѣтъ изъ Иркутска управлялъ Пестелемъ въ Петербургѣ, а на мѣстѣ былъ жестокимъ тираномъ и деспотомъ: министерскихъ предписаній не слушался, частныхъ правъ не уважалъ. Зашалившійся на выходкахъ произвола, онъ заставлялъ не только старшихъ чиновниковъ, но и самого вице-губернатора снимать и подавать себѣ шубу и, замѣчая неловкость, бранилъ ихъ тутъ же на чемъ свѣтъ стоитъ. При помощи жены своей, ему невѣрной и жадной взяточницы, онъ сумѣлъ поставить дѣла управленія на ту ногу, что они стали всѣмъ ненавистны и невыносимы. Въмѣстѣ съ Пестелемъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ крѣпокъ и оба вмѣстѣ они были едва побѣдимы. Трескинъ оставилъ отъ службы одного совѣтника казенной палаты и выслалъ его изъ Иркутской губерніи съ требованіемъ ко властямъ не позволять ему жить въ одномъ мѣстѣ больше десяти дней. Пестель прибавилъ къ этому то, чтобы не выпускать гонимаго изъ предѣловъ Сибири: несчастный чиновникъ съ семействомъ, на цыганскихъ и бродяжнхъ правахъ, всю жизнь свою принужденъ былъ странствовать по Сибири. „Народъ стоналъ отъ несправедливостей и поборовъ, но его стенанія заглушались тою же силою, которая ихъ возбуждала“. Жаловаться было невозможно: на сибиряковъ наложена была Екатериню эпитимія, сибиряки признаны были клеветниками, людьми безпокойными, ябедниками. Въ одномъ указѣ ея было

выговорено слѣдующее: „Читано передъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго Якобьевскаго дѣла, изъ котораго мы ничего много не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетень и клеветъ“, и проч. Якобіи былъ извѣстенъ сибирякамъ за безжалостнаго тирана. Положенное на Сибирь клеймо дѣлало послѣдующихъ тирановъ безопасными, способствуя имъ расширять произволъ и встать не только внѣ закона, но и здраваго смысла. За жителей Иркутской губерніи щель обязанностью заступиться даже и тогдашній архіерей Михаилъ. Можно судить, насколько было тяжело ссыльнымъ уже изъ одного того, что судьба ихъ была вѣрена такому человеку, какъ Лоскутовъ (внѣзудинскій исправникъ), которому поручено было устройство дороги между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Дорогу онъ приложилъ превосходную; селенія выстроилъ огромныя; изъ бродягъ сдѣлалъ хлѣбопашцевъ и устроилъ дѣла такъ, что, по преданію, вѣрнѣннаго проѣзжика по дорогѣ комельска никто не смѣлъ уганять. Каковы были прикладныя средства и въ чемъ состоялъ ихъ секретъ, можно понять изъ того, что слухъ объ его жестокостяхъ проникъ даже до Петербурга. На мѣстѣ одно имя Лоскутова обдавало всѣхъ ужасомъ. Суровый и самовластный, какъ и его начальникъ Трескинъ, Лоскутовъ янче не въбжалъ въ селеніе, какъ съ казаками, которые вели возъ роговъ и прутьевъ. Осматривая избы, заглядывая въ печи, въ чуланы, вшутываясь насильно во всякую подробность домашняго быта, онъ безжалостно наказывалъ за всякое уклоненіе отъ предписанныхъ имъ правилъ. Если хлѣбъ былъ дурно выпеченъ, онъ немедленно сѣкъ хозяйку розгами; если квасъ былъ кисель или въ лѣтнее время тепель, сѣкъ и хозяйна. Вотфорты его, которыхъ онъ не снималъ съ себя и ночью, хорошо помнятъ до сихъ поръ. Когда онъ узналъ о приближеніи ревизоровъ, то по всему уѣзду отобралъ бумагу, перья и чернила; однако, два старика осмѣлились написать прошеніе и вручить его Спераскому. Когда Спераскій, въ присутствіи самого Лоскутова, велѣлъ читать секретари своему это прошеніе вслухъ, старики упали ницъ и не вставали, выжидалъ, что громовые слмы разобьютъ ихъ на мѣстѣ. Когда Спераскій тутъ же отрѣшилъ исправника отъ должности и арестовалъ и когда приведенный къ чувству просителямъ объявилъ это рѣшеніе, они, трясаясь всѣмъ тѣломъ и схвативъ револьера за полу, умоляли его шеюкомъ не губить себя: „Что ты дѣлаешь? не было бы тебѣ самому за насъ чего худого. Вѣдь это Лоскутовъ, вѣрно ты его не знаешь“. Тѣмъ не менѣе, имущество исправника, доходившее къ тому до 80.000 руб. (въ деньгахъ, серебръ и мѣхалъ), было заарестовано и самъ онъ отправленъ съ

передовымъ въ Иркутскъ. Союзъ друзей, трети исправниковъ, всёгъ столько же злыхъ и отвязныхъ, какъ и первый изъ нихъ, Лоскутовъ, былъ, такимъ образомъ, разрушенъ.

Сибирь въ это время была свободна отъ политическихъ изгнанниковъ. На нѣе долю выпали тиранническіе порывы и деспотическія выходки людей предшествовавшаго вѣка, столько же жестокихъ и несправедливыхъ отъ недостатка образованія и нравственнаго развитія. Иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ или, какъ онъ самъ подписывался, „со властью губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ“, учреждаетъ какую-то глухую команду, ѣздитъ съ нею по городу и наводитъ страхъ на мирныхъ жителей; находится въ дружбѣ съ известнымъ разбойникомъ Гондолынымъ; разъ зазываетъ гостей на пикникъ за городъ, гдѣ нападаетъ на нихъ этотъ разбойникъ съ шайкою и грабить до послѣдней нитки. Мелкихъ подьяченныхъ Нѣмцовъ бьетъ своими руками. Одного изъ чиновниковъ покруше велитъ привязать къ столбу и держать на привязи долго въ страхъ и поученіе прочимъ. Обѣзды охотскаго коменданта Козлова-Угренна по его области долго вспоминались въ Камчаткѣ подъ именемъ „собачьей оспы“. Другой охотскій начальникъ оставилъ о себѣ память въ известной поговоркѣ: „На небѣ Богъ, а въ Охотскѣ—Кохъ“. Народъ такъ былъ увѣренъ въ несокрушимой истинѣ подобныхъ договоровъ и той, что „до Бога высоко, а до Царя далеко“, что охотно поступалъ по примѣру той сибирской горожанки, у которой воеводша отняла куръ съ цыплятами и обиженная утѣшилась тѣмъ, что поставила въ церкви къ иконамъ свѣчу за обидящихъ. Купцы и порядочные посадскіе, удостоенные чести приглашенія къ столу начальниковъ въ большіе праздники и именины, уходя домой, считали обязанностью своею оставлять хозяинку за угощеніе по полтинѣ и по рублю. За однихъ утѣсаяемыхъ гражданъ попробовалъ заступиться городской голова, пожаловался министру и былъ за то ближайшимъ начальствомъ высланъ въ Нерчинскъ (брать его въ Жыганскъ), гдѣ оба скоро умерли. Другого именитаго купца довели до сумасшествия, посадили въ домъ уменьшеннаго, откуда онъ пропалъ безъ вѣсти. Въ Иркутскѣ не остановились даже надъ самимъ архіереемъ: вызвали его на судъ, судили его судомъ священниковъ, заставляли ѣздить въ маскарадъ и любоваться фарсами масокъ, скакавшихъ и плясавшихъ передъ нимъ. И такъ далѣе—въ безконечность.

Переходя отъ высшихъ къ низшимъ, мы видимъ цѣлый полкъ, расположенный въ западной Сибири, превратившимся въ организованную огромную шайку грабителей: за притѣсненія, грабежи и безчинства надъ обывателями

сибиряки прозываютъ этотъ полкъ—Ширванскій—Уширванскимъ *). „Сибирь,—по выраженію соликамскаго лѣтописца:—была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, комиссарами, приставами, для коней украсть, ограбить, даже убить человѣка изъ-за денегъ, продать душу за алтынъ, считалось ни во что“. Горные начальники, будучи независимыми отъ губернатора, за темными лѣсами, за высокими горами, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ Россіи, пользовались такою обширною властью, что охотно употребляли ее во зло. Они могли производить въ чины до капитана, могли награждать и наказывать чиновниковъ и вотъ, одинъ изъ такихъ, пріѣхавшій въ нерчинскіе заводы въ 1775 году, Вас. Вас. Нарышкинъ, членъ вѣкъ древняго боярскаго рода, крестный сынъ Екатерины II, произвелъ въ офицерскіе чины, на мѣсто исключенныхъ имъ прежнихъ чиновниковъ, новыхъ изъ каторжныхъ. Произвелъ изъ такихъ 120 человѣкъ и, въ томъ числѣ, въ офицеры двухъ барскихъ конфедератовъ, которые сосланы были сюда въ солдаты рабочаго горнаго батальона (Перхуровича и Викентія Касавовскаго). Этотъ Нарышкинъ съ самаго пріѣзда одиннадцать мѣсяцевъ просидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, никуда не выходя, никому не показываясь. Рѣшившись побочить съ затворничествомъ и выйдя на свѣтъ Божій въ Свѣтлое Воскресеніе, началъ цѣлый рядъ чудачествъ и сумасбродныхъ выходокъ: вмѣсто заутрени на Пасху велитъ слу-

*) Кстати нѣсколько словъ объ немъ: полкъ становился на квартирахъ въ наилучшихъ деревняхъ широко и прихотливо, отъѣздалъ д'отвалу; шагу не дѣлалъ вѣшкомъ—всегда на крестьянскихъ подводахъ, съ изобиліемъ съѣстной провизіи, доставленіе которой лежало тяжестью на крестьянахъ. Шестіе полка въ лагерь нескончаемыми обозами уподоблялось походу двухъ цѣлыхъ армій или цѣлой губерніи, идущей на переселеніе въ обѣтованія мѣста. Въ лагерѣ солдаты въ палаткахъ не жили, пристроиваясь въ деревняхъ и только видны были офицеры, перебивавшіе по лагерю въ шафровахъ. Нижніе чины казались исполнителями и красавцами; старика ни одного; ростъ начинался съ 2 арш. 6 вершк. и оканчивался 2 арш. 13 вершк. Сбруя блестящая съ наборомъ, называемая галантерейною лавкою; лошади въ одной масти. Щегольство въ одеждѣ было замѣчательное: перевязи, портупекъ, ратровые ремни и салоги чистились подъ лакъ; пуговицы и пряжки были позлащены. Все это на счетъ сибиряковъ-крестьянъ, все это ради наружнаго блеска. На самомъ дѣлѣ вотъ какъ характеризировалъ это воинство въ 1833 году генералъ съ опытнымъ строевымъ глазомъ. «Выправка и стройка неправильны и некрасивы; маршровка на каблучкахъ (все толстакъ) со вздернутыми носками; шагъ коротокъ и потому качки и стуку много, ружейные приемы сильны, но ловкости и развязки въ рукахъ нѣтъ; стрѣльба залпами хороша, но рядами слаба и шумитъ по фронтѣ, суетается, толкаются».

жить прежде обѣдану, въ церковь ведутъ его двѣ толстыя женщины, онъ идетъ, приплясывая и припѣвая свою любимую пѣсенку („Батюшко богатъ, черевички купишь“); вѣдущіе сзади чиновники ему подбиваютъ. Принявшись за дѣла, онъ приблизилъ къ себѣ пятерыхъ секретныхъ арестантовъ, изъ которыхъ двухъ сдѣлалъ секретарями; за вина билъ батожьемъ и не сказывалъ за что: „известно-де мнѣ одному“; въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся, отчета объ нихъ и самихъ денегъ въ Петербургъ не посылалъ. Когда не хватало казна, онъ взыскъ деньги у богатаго купца Сибирякова, нѣкоторыхъ заводы на арендѣ. Когда въ другой разъ Сибиряковъ отказалъ, Нарышкинъ явился передъ его домомъ съ пушками и угрозою сгрѣбать, если купецъ не выдастъ потребнаго; Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ положены были затребованныя пять тысячъ. Утредилъ какой-то новый праздникъ („Открытие новой благодати“), приказывалъ всѣмъ каяться во грѣхахъ, изстрѣлялъ много пороку, того самаго, который столько необходимъ при горныхъ работахъ. Набралъ войско, присоединилъ къ нему вновь организованный гусарскій полкъ изъ тунгусовъ и двинулся съ пушками и колоколами походомъ изъ Нерчинскаго завода черезъ городъ Нерчинскъ, Вратскую степь и Верхнеудинскъ на Иркутскъ. По дорогѣ останавливалъ купеческіе обозы, отбиралъ товары, выдавая росписки. Хотѣлъ завладѣть Иркутскомъ, но это предпріятіе ему не удалось. Самодуръ, названный въ указѣ шалуномъ, успѣлъ натворить много бѣдъ, оставилъ на слѣдахъ своихъ много всякихъ глупостей, чудачествъ и приключеній. Въ Верхнеудинскѣ его арестовали хитростью, увезли въ Иркутскъ, гдѣ онъ снова еще долгое время чудачилъ, пока не увезенъ въ Петербургъ (см. ниже „Исторію казни“). Последовавшіе за нимъ (исключая Барбота-де-Марин) горные начальники были немногимъ лучше его. Рычковъ хотя и былъ образованнымъ и умѣвшимъ человекомъ, но въ то же время суровымъ до того, что забивалъ людей палками до смерти, хотя смертная казнь и уничтожена была еще Елизаветою. Начальникъ Кутмарскаго завода, Милекинъ, жестоко обращеніемъ своимъ навелъ на всѣхъ такой страхъ, что во время прогулокъ его по улицамъ, дѣти убѣгали прочь и старики прятались за углами домовъ, а когда ходилъ по селенію, живой души не было видно, всякій боялся встрѣчи съ нимъ. Другой изъ приставниковъ, еще меньше знаменъ и медче знаменъ (урядникъ Кулаковъ) ходилъ на рѣшительнаго звѣря: всякій разъ, когда онъ шелъ на мѣсто работъ, за нимъ несли пучки розогъ. Если онъ бывалъ въ неприятомъ расположении духа и кто нибудь не понравился ему на первыхъ шагахъ, приказывалъ съѣвъ розгами, од-

ного за другимъ, всю громаду работниковъ; въ которыхъ уносили прямо въ лазаретъ. Поднимаясь по стѣпамъ обратно выше, мы наталкиваемся на одного изъ такихъ, который изъ дозорщиковъ уральскихъ за то, что забилъ палками одного работника за криво вкопанный въ землю столбъ, былъ присланъ въ начальнику нерчинскаго рудника. Горный начальникъ Теодоръ Фришъ, котораго жена водила за носъ, попускалъ слабостью своею настолько, что злая женщина позволяла себѣ наказывать подчиненныхъ и любила сама присутствовать при наказаніи. Другой горный начальникъ, кривой Черницынъ, былъ настолько жестокъ, что не ходилъ и не ѣздилъ безъ плети. Въ дорогѣ требовалъ, чтобъ его вели не иначе, какъ вскачь, и если ящикъ останавливался, онъ самъ выходилъ изъ экипажа и производилъ собственноручную жестокую расправу. Много лошадей пало подъ нимъ; много страху и всякихъ обидъ натерѣлись отъ него всѣ, надъ кѣмъ ему доводила судьба начальствовать; разъ вскинулся на крестьянина за то, что тотъ во время разговора съ его помощникомъ обратился къ самому Черницыну спиною, и избилъ его такъ, что невинный крестьянинъ черезъ два два умеръ.

Но эти послѣдніе дѣтели увели насъ изъ прошлаго столѣтія въ настоящее (Черницынъ начальствовалъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго); возвращаемся назадъ, въ прошлое, чтобы досказать о судьбѣ первыхъ польскихъ осмысленныхъ въ Сибирь.

Народная почва, къ довершенію несчастій первыхъ политическихъ осмысленныхъ, была еще не готова. Изъ на первыхъ же порахъ привелось столкнуться съ самымъ крупнымъ народнымъ предрасудкомъ, основаннымъ на религіозномъ предубѣжденіи, а потому вдвойнѣ опаснымъ. Для православныхъ сибиряковъ шляки были поганые обливанцы. Когда появились въ Сибирь первые иновѣрцы въ видѣ плѣнныхъ шведовъ изъ войскъ Карла XII, ни одна сибирячка не рѣшалась выходить за нихъ замужъ. Въ 1714 году въ Тобольскѣ ихъ гнали съ квартиръ, выбрасывали на улицу ихъ пожитки, осматривали бранью. У начальства они не находили защиты, получали даже пощечины. Русскіе считали ихъ нехристями, священники не вѣчали. Хотя нѣкоторымъ шведамъ и удалось жениться на православныхъ, но женъ у нихъ отнимали и выдавали за другихъ мужей. В. Н. Татищевъ, известный устроитель уральскихъ заводовъ, принужденъ былъ выговорить себѣ право дозволять на р. Исети (гдѣ теперь Екатеринбургъ и гдѣ онъ полагалъ основать заводъ) селиться желающимъ изъ шведскихъ плѣнниковъ съ тѣмъ, чтобы имъ позволено было жениться на русскіхъ дѣвушкахъ безъ перемены религіи. Это требованіе мнѣла-

до указа сената, разъяснивший, что бракъ съ иноверцами безгрішнъ *). Браки установились, но не было такого высшаго правительственнаго мѣста, которое владѣло бы силою разъяснять и ослаблять другіе общественныя предвзвѣдѣнія. Положеніе первыхъ политическихъ ссыльныхъ было весьма не блестящее.

Изъ группы первыхъ ссыльныхъ поляковъ ярче другихъ выступаетъ одна замѣчательная личность, сумѣвшая своими положеніями значительно оживить вообще однообразную исторію политическихъ ссыльныхъ и наполнить разсказами о себѣ не только Сибирь и Россію, но и Европу. Имя его стало для Сибири настолько историческимъ, что и до сихъ поръ тамъ жива о немъ память, не смотря на то, что сценна дѣйствій—одинъ изъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ уголковъ Сибири. Это Морицъ-Август Беневскій, именовавшій себя въ Камчаткѣ венгерцемъ Вейноксомъ и называвшійся тамошнимъ народомъ „Августъ-Полакъ“. Судьба его такъ интересна, что мы рѣшаемся остановиться здѣсь, чтобы возстановить правду событія по сказаніямъ сибиряковъ—свидѣтелей дѣла въ сопоставленіи съ разсказомъ самого героя, неизбѣжно живаго и не безархетно хвастливаго **).

Беневскій съ прочими конфедератами, въ силу правила, обрекавшаго въ ссылку только тѣхъ поляковъ, которые не сдержали даннаго слова и, будучи выпущены изъ плѣна, вновь пойманы съ оружіемъ, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ русскіхъ ***). На его долю выпала Казань,

куда онъ былъ посланъ на житье вмѣстѣ съ плѣнными шведами и тоже конфедератомъ Адольфомъ Вибладомъ. Здѣсь—по свидѣтельству ген.-прокурора Вяземскаго—онъ дѣлалъ разными униженіями и дерзкими поступками между своими единомышленниками возмущеніе, отъ чего и былъ удержанъ“; но на этомъ не остановился. Съ подложнымъ паспортомъ онъ ушелъ изъ Казани въ Калугу, гдѣ на то время также содержались нѣкоторые „изъ знатнѣйшихъ польскихъ арестантовъ“. Изъ Калуги, тщательно скрывая свое имя, Беневскій отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ Вибладомъ. „Въ семъ столичномъ городѣ переимѣнялъ свое имя и видъ, до тѣхъ поръ скрываясь по трактирамъ, пока, по увѣдомленіи изъ Казани, узнать и взять былъ полиціею подъ караулъ“ въ то время, когда готовъ былъ сѣсть на корабль и плыть за границу. „А какъ изъ его разспросовъ и внѣшняго его страннаго вида усмотрѣлъ онъ челоуѣкъ не только злонамѣренный, но и отчаянный“, то и приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ Сибири для опасныхъ преступниковъ, какими считались въ тѣ времена политическіе и государственные, полагались самыя отдаленныя крѣпости, а самымъ моднымъ мѣстомъ (съ половины прошлаго столѣтія до начала нынѣшняго) считалась Камчатка, а потому Беневскому и указана была эта мѣстность.

Спутниками ему въ дорогѣ и товарищами въ ссылкѣ оказались государственные преступники: майоръ (изъ шведовъ) Вибладъ, гвардіи поручикъ Василій Пановъ, арміи капитанъ Иполитъ Степановъ, бывший артиллерій полковникъ Вагуринъ и сенатскій секретарь Иванъ Сольмановъ. Пановъ и Степановъ, кажется, сосланы за сопротивление наказу о сочиненіи Уложенія при Екатеринѣ II. Съ ними и поехали Беневскаго, въ декабрѣ 1769 г., вдоль Сибири, за 13 тысячъ верстъ отъ Петербурга, черезъ Тобольскъ (гдѣ знаменитый сибирскій администраторъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, хорошо принявъ ихъ и обласкавъ) на Охотскъ. Здѣсь начальникъ порта, полковникъ Плениснеръ также обошелся ласково, а купцы снабдили разными вещами и припасами. На частномъ суднѣ тогемскаго купца Холодилова ссыльные въ іюлѣ 1770 года отплыли въ Камчатку и 1.440 верстъ успѣли проплыть въ девять дней, совершивъ весь путь въ полтора года. На пути по морю до Камчатки Беневскій думалъ запереть стражу вѣзду, захватить судно и направиться въ испанскія владѣнія. Но было поздно и намѣреніе отложено. Судно пристало въ Большерѣцкѣ—столицѣ тогдашней Камчатки, уступившемъ впоследствии старѣйшинство свое Нижнекамчатску, а потомъ Авачѣ или Петропавловску.

Устьемъ широкой рѣки, называемой Большою

*) Татищевъ объявилъ этотъ указъ на заводахъ священникамъ и плѣннымъ и тѣхъ, которые женятся, не велѣлъ считать новольниками. Много шведовъ жило, кромѣ Тобольска и Солнечнска, на казенныхъ уральскихъ заводахъ Уктусскомъ и Алапаевскомъ и на Демидовскихъ (Невьянскомъ, Верхне-Тагильскомъ, Шуралевскомъ и друг.). Иные изъ нихъ занимались ремеслами, другіе мелочною торговлею, многие заводскими работами. Татищевъ нашелъ Шенстрема, который имѣлъ въ Швеціи свои собственные желѣзные заводы и, будучи анатомомъ въ металлургіи, во многомъ помогъ своимъ собѣтамъ первому устроителю уральскихъ заводовъ. Артиллеристъ Шульцъ составилъ ему карту заводскихъ земель и приписанныхъ къ нимъ слободъ и деревень (и получалъ за то 25 рублей, сверхъ прогона и 5 руб. годовыхъ). Миръ со Швеціею освободилъ всѣхъ, кромѣ добровольно пожелавшихъ остаться; такихъ на заводахъ оказалось двое: Берглингъ и Шедаръ (первый въ Кунгурскомъ уѣздѣ завѣдывалъ рудничными работами, второй былъ смотрителемъ Утѣнской пристани).

**) Кромѣ свѣдѣннаго дѣла о Беневскомъ, сохранилась, между прочимъ, записка канцеляриста Рюмина, ходившаго съ нимъ до Китая и представившаго ее русскому резиденту въ Парижѣ Хотинскому.

***) Взять онъ въ плѣнъ въ 1768 году и выпущенъ на честное слово, что въ эту кампанію не станетъ драться, но въ маѣ 1769 г. снова попался въ плѣнъ къ полковнику Бриннину.

и давшее свое имя крепости, мимо небольшого селения, стоящаго у самого устья рѣки со складочными амбарами для казеннаго провіанта, подошли новые ссыльные къ самому городку Большерѣцку, расположенному на краю свѣта въ отдаленномъ и, можно сказать, дикомъ мѣстѣ. На берегу ихъ встрѣтилъ самъ начальникъ Камчатки, арміи капитанъ Ниловъ. Опросивъ прибывшихъ ссыльныхъ, онъ съ тѣми же разспросами обратился и къ Беневскому.

— Кто ты таковъ?—спросилъ онъ его.

— Солдатъ, бывшій нѣкогда генераломъ, а теперь невольникъ,—отвѣчалъ Беневскій *).

Отвѣтъ капитану понравился. Задичалый и безлюдный Ниловъ бойко выдѣлывшагося изъ толпы Беневскаго приблизилъ къ себѣ и, под впечатлѣніями самобитвой и богатой натуры образованнаго, смѣлаго и бывалаго человѣка, очутился вскорѣ въ томъ положеніи, когда простое сближеніе переходитъ въ дружбу и привязанность. Начальникъ съ ссыльнымъ конфедератомъ стали неразлучны: Беневскій обучалъ начальническаго сына иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Насколько былъ искрененъ въ своихъ отношеніяхъ къ ссыльному простодушный и довѣрчивый армейскій капитанъ, настолько была сомнительна къ нему привязанность бывшаго генерала, прошедшаго сквозь огонь и воду. Самую тѣсную и нелицемерную дружбу завязалъ Беневскій съ Петромъ Хрущевымъ, капитаномъ гвардіи, сосланнымъ по указу 6 декабря 1763 года—человѣкомъ отличнаго ума и большихъ познаній. Къ нему Беневскій былъ помѣщенъ на квартиру. Взаимная привязанность съ этой стороны была прочнѣе, такъ какъ

*) Графъ Морицъ-Августъ Беневскій—магнатъ королевствъ польскаго и венгерскаго, сынъ кавалерійскаго генерала имперской службы, родъ въ 1741 г. въ венгерскомъ комитатѣ Нейтра и началъ службу австрійскимъ лейтенантомъ во время семилѣтней войны, причѣмъ участвовалъ въ бояхъ подъ Прагою и Швейдницемъ. Въ 1758 г. его вызвали въ Литву, гдѣ ему пришлось получить значительное наслѣдство; видя въ отставку, Беневскій отправился путешествовать, побывалъ въ Гамбургѣ, Амстердакѣ и Памутѣ, гдѣ ознакомился съ морскимъ дѣломъ. Возвратясь въ Польшу, принялъ участие въ краковской и барской конфедераціяхъ, произведенъ въ кавалерійскіе полковники и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ. Въ 1765 г. получилъ значительное наслѣдство отъ дяди, но узнавъ, что имѣніемъ этимъ завладѣли его двоюродные братья, уѣхалъ въ Венгрію, вооружилъ людей, съ огнемъ и мечемъ завладѣлъ землями (суда не искалъ). Братья счастливо ускользнули изъ плѣна и пожаловались правительству. Поступокъ Беневскаго сочли за бунтъ, приказали отнять имѣніе и предать его суду. Беневскій бѣжалъ изъ Австріи и окончательно поселился въ Польшѣ; въ 1767 г. думалъ отнять въ Индию, но, снова получивъ приглашеніе отъ польскихъ магнатовъ, вступилъ въ конфедерацію съ прежними чинами полковника, а 6 іюля 1768 г. за храбрость получилъ чинъ генерала.

основывалась она, при одинаковомъ уровнѣ образованія, на обоюдной симпатіи, порождаемой сходствомъ участи, страданіями и личными ссылками. Друзья занимались обученіемъ дѣтей, собирались даже завести школу русскаго языка для камчадаловъ, читали книги и, между прочимъ, прочли путешествіе лорда Ансона. Дочитавшись до описанія Мариніанскаго острова Тиніана, они увлеклись до того, что стали задумываться надъ возможностью бѣгства въ ту соблазнительную страну, не боясь всякаго рода приключеній, на которыя столь охотливо ходили въ то время отважные люди всѣхъ націй. Въ томъ же Большерѣцкѣ, пятью-шестью годами поздиѣ, майоръ Бемъ угождалъ спутниковъ знаменитаго Кука (Гора и Кинга) такъ, что заставлялъ ихъ передъ лицомъ всего свѣта превозносить русскія похвалами за ихъ гостеприимство и пособія. Черезъ десять лѣтъ поздиѣ, и сюда же, приходилъ Лаперузъ.

Примѣръ европейцевъ, между которыми Ансонъ былъ не первымъ, укрѣпилъ европейца Беневскаго въ мысли на возможности кругосвѣтнаго плаванія, а Хрущевъ на возможности заговора въ средѣ людей недовольныхъ и озлобленныхъ ссылкою. Хрущевъ сталъ во главѣ, какъ человѣкъ, успѣвшій присмотрѣться къ камчатскимъ дѣламъ и возбудившій къ себѣ общую любовь и довѣріе. Опытнымъ и осторожнымъ камчатскимъ заговорщикомъ все благоприятствовало. Большерѣцкъ только маленькимъ городомъ. На самомъ дѣлѣ это было маленькое селеніе съ деревянною церковью, худшею чѣмъ обыкновенная сельская, съ казеннымъ домикомъ коменданта, казармою, амбарами и десятками кое-гдѣ разбросанныхъ избушекъ. Въ нихъ жили семейства казаковъ, старыя и малыя 70 человѣкъ, но изъ этого числа нѣкоторая часть находилась въ раскомандировкѣ по полуострову за разными казенными дѣлами. Крепость защищалась только ветхими стѣнами самихъ строеній, но Беневскій, оставившій описаніе своихъ походовъ въ книгѣ, изданной въ Парижѣ въ 1791 году *), хвастливо представлялъ мѣсто своихъ камчатскихъ походовъ въ самомъ ложномъ видѣ, называя капитана Нилова—губернаторомъ, казакаго офицера—

*) Voyages et mémoires de Maurice August comte de Benjowsky. Конечу сдѣлалъ изъ этого романа драму, которая переведена на русскій языкъ, три раза напечатана и въ которое время давалась на петербургскомъ иѣмецкомъ театрѣ (но потомъ запрещена). Самое путешествіе переведено было на англійскій, иѣмецкій и другіе языки и пользовалось въ Европѣ огромною извѣстностью. Между прочимъ, Беневскій ввелъ цѣлый романъ о своихъ отношеніяхъ къ Аванасію Ниловымъ, дочери капитана, который ихъ оброчилъ; дѣвушка не захотѣла разставаться со своимъ возлюбленнымъ и приняла участие въ его бѣгствѣ, но въ Макао умерла на рукахъ Беневскаго.

гетманомъ, гнилой палисадъ — крѣпостью, канавку, черезъ которую могъ перепрыгнуть ребенокъ — рвомъ, нѣсколько человекъ престарѣлыхъ казаковъ — сильнымъ гарнизономъ и проч. Заговорщикамъ удалось склонить на свою сторону недовольныхъ изъ осмысленныхъ до 65 человекъ (по другимъ 70, по Бенеvesкому 96) и, кроме того, казенныхъ штурмановъ и подштурмановъ. Заговоръ и намѣренія свои сумѣли удержать они въ величайшей тайнѣ; ждали только случая привести его въ исполненіе. Обстоятельства, между тѣмъ, продолжали слагаться благоприятно.

Изъ Охотска вышелъ купецъ Чулошниковъ на суднѣ въ 150 тоннъ для звѣринаго промысла на Алеутскихъ островахъ, но плылъ неудачно; едва дошелъ онъ до камчатскаго берега, какъ судно его было выброшено на прибрежныя отмели. Пѣшкомъ кое-какъ добрался промышленникъ до Большереѣвца и остановился тутъ на зиму. Команда, тѣмъ временемъ, пришла въ уныніе, упала духомъ и, наконецъ, вышла изъ повиновенія. Чулошниковъ обратился къ начальству, прося помощи и содѣйствія; недовольство возросло. Бенеvesкій успѣлъ въ этой мутной водѣ наслѣдить рыбу: заявивъ о своихъ намѣреніяхъ, подобралъ партію для весьма заманчиваго предпріятія. Недовольные обратились къ нему депутаціею, прося покровительства. Онъ отдѣлался оракульскимъ отвѣтомъ, но такимъ, который всю команду расположилъ въ его пользу.

Для возбужденія сочувствія въ простыхъ людяхъ, заговорщики внушали имъ, что Бенеvesкій и привезенные съ нимъ арестанты страдаютъ невинно за государя великаго князя Павла Петровича. На этотъ случай у Бенеvesкаго вѣлся зеленый конвертъ, каковой онъ неоднократно показывалъ, выдавая печать за царскую и убѣряя, что подъ нею письмо къ римскому императору о желаніи Павла вступить въ бракъ съ его дочерью, съ каковымъ Морницъ и вѣлся, но былъ схваченъ на дорогѣ и сосланъ; драгоценный залогъ высочайшаго довѣрія сохранять онъ до конца жизни и доставить.

Въ январѣ, въ квартирѣ Бенеvesкаго, началась частая сходбища. Новый приказчикъ, смѣнявшій Чулошникова (Ст. Торговкинъ), пришелъ къ Нилову съ жалобою на команду и съ указаніемъ на поляка, какъ на главнаго виновника смуты. Бенеvesкій сдѣлался осторожнымъ. Когда Ниловъ собрался осматривать Авачу, онъ пришелъ къ нему съ просьбою принять планъ колоній на южной оконечности Камчатки, на имѣѣ Лопаткѣ; обезпечивалъ вѣроятіе успѣха, при хорошемъ, благоприятномъ климатѣ, изъ заведеніе хлѣбопашества и говорилъ:

— Мы уже сдѣлали между собою всѣ нужныя приготовления и осмыслились наименовать новое селеніе наше въ честь вашу Ниловокомъ. Теперь остается намъ испробить послѣднюю нилость: позволатъ какое нибудь судно для отвоза вещей.

Простой, добродушный, довѣрчивый и нетрезвый Ниловъ прѣвѣлся предложеніемъ и согласился отпустить Бенеvesкаго для предварительнаго осмотра мѣстности. Бенеvesкій съ шестью товарищами уѣхалъ. Возвратившись черезъ 11 дней, онъ получалъ радостное извѣстіе, что Хрущевъ успѣлъ подговорить штурмана Гурина (командира пакетбота), готоваго идти въ началѣ мая въ море. Согласіе Гурина — безповоротно и надежно въ томъ отношеніи, что другого выхода ему не представлялось: идти въ Охотскъ онъ не могъ, безъ стыда и опасностей, по случаю неоплатныхъ долговъ своихъ; согласіе же свое онъ далъ подъ впечатлѣніями недовольства своего на начальство, предавшее его суду за неповиновеніе и развратное поведеніе.

Въ ожиданіи ледохода заговорщики принялись обезпечивать возможность предпріятія съ другихъ сторонъ. Между прочимъ, сочинили и распространили басню о какомъ-то островѣ близъ Камчатки, до того богатомъ золотомъ, что нѣ легко нагрязить цѣлый ворабль. Говорилъ:

— Мы придемъ туда скоро, нагребемъ на гальотѣ золота. Кто не захочетъ идти съ нами въ Европу, того высадимъ на камчатскій берегъ.

Ниловъ ничего не подозреваетъ, ободенный предложеніемъ устройства Нилочки; доносамъ не вѣритъ, не вѣритъ даже и старику Петру Ивашкину, сосланному Елизаветою въ 1742 г. за дерзкія слова, сказанныя имъ въ трактирѣ *). Ивашкинъ много разъ предупреждалъ командира о грозившей ему опасности и существованіи заговора, совѣтуя содержать Бенеvesкаго и Батурина подъ крѣпкимъ карауломъ. Ниловъ предостереженіемъ не повѣрилъ и совѣтовъ не послушался. Не повѣрилъ и одному изъ чиновниковъ, когда тотъ явился къ нему уже весною (25 апрѣля) вмѣстѣ съ казачьимъ сотникомъ и говорилъ, что число бунтовщиковъ увеличивается съ каждымъ днемъ, что они могутъ завладѣть Камчаткою, что надо принять скорія и крутыя мѣры и проч. Бенеvesкій же къ этому времени успѣлъ разбить свою партію на три части: одну поручилъ шведу Вибладу, другую — Хрущеву, третью часть оставилъ за собою. Едва онъ успѣлъ распорядиться, какъ пришелъ къ нему сержантъ Нилова съ приказаніемъ явиться. Бенеvesкій, оправдавшись болѣзью, не пошелъ. Явился за нимъ казачій сотникъ, опять звалъ къ начальнику, но и этотъ получалъ тотъ же отвѣтъ. Сотникъ задумалъ пристращать:

— Если не пойдеши добровольно, прикажу казакамъ галить тебя.

Два казака уже и вошли было исполнить приказаніе, но товарищи Бенеvesкаго, выскочивъ изъ-за перегородки, всѣхъ троихъ прішедшихъ связали. Вечеромъ Ниловъ прислалъ

*) Объ Ивашкинѣ и Батуринахъ и другихъ государственныхъ преступникахъ — въ слѣдующей главѣ.

приказъ выпустить сотника и придти Беневскому. Получивъ въ отвѣтъ обѣщаніе придти завтра, Ниловъ ждетъ терпѣливо до 11 часовъ утра. Заговорщики всю ночь не спали, опасаясь внезапнаго нападенія, и въ эту ночь успѣли обдумать все.

Ниловъ, не дождавшись, велитъ собраться солдатамъ и идти схватить осадничка. Приходитъ капралъ съ шестью человѣками, требуетъ сдачи; Беневскій зоветъ его выпить чашку чая; капралъ соглашается—входятъ. Беневскій представляетъ къ груди его пистолець и заставляеть вызывать людей съ улицы въ избу поодиночкѣ. Вызвавъ ихъ, связали товарища его веревками и всѣхъ потомъ посадили въ погребъ. Къ тому времени собираются остальные товарищи, Беневскій разбиваетъ ихъ на двѣ партіи: одну посылаетъ овладѣть канцелярією, съ другою идетъ самъ въ крѣпость.

Квартиру Нилова оберегаютъ 8 человѣкъ, но они всѣ спятъ. Заговорщики стучать и не достучатся. Проснувшійся сынъ Нилова даетъ знать отцу о приходѣ многихъ людей, но въ это время крикъ отъ дверей былъ сорванъ, пришедшіе ворвались съ неистовыми криками. Ниловъ успѣлъ было схватить Беневскаго за галстухъ, но самъ палъ съ разбитымъ пулею черепомъ, съ порѣзанною лѣвою рукою и глубокою ранюю въ ногѣ. Трупъ его вытащили въ сѣни и бросили. Подчиненные Нилова, не участвовавшіе въ заговорѣ, поспѣшали броситься вонъ изъ крѣпости. Одинъ казакъ пролежалъ все время подъ столомъ. Наибольшее сопротивление оказалъ сынъ сотника Чернаго, который изъ собственного дома стрѣлялъ въ мятежниковъ изъ ружья. Его обезоружили и посадили подъ караулъ въ крѣпости. Въ крѣпость приходитъ Хрущевъ съ извѣстіемъ, что канцелярія взята безъ всякаго сопротивления. Рѣшено: Панову съ 22 человѣками идти собрать дѣтей и женщинъ въ церковь, обложить ее кругомъ соломою и объявить остальнымъ жителямъ, что, при малѣйшемъ противодействіи съ ихъ стороны, жены и дѣти ихъ будутъ сожжены. Буйные промышленники купца Хомодилова бросились было грабить и хотѣли убить приказчика, но Беневскій далъ ему случай спастись бѣгствомъ и укротилъ буйныхъ. Затѣмъ отправился въ канцелярію, сѣлъ за судейскій столъ и приводилъ народъ къ присягѣ новому императору.

Пановъ и Ватуринъ дѣлають опись деньгамъ въ казначействѣ и всѣмъ казеннымъ вещамъ, отбирають изъ послѣднихъ тѣ, которыя намѣрены взять съ собою *). Когда сосчитаны были деньги, Беневскій сталъ раздавать ихъ едино-

мышленникамъ и разнымъ купцамъ, находившимся въ Вольшерѣцкѣ: одному Кузнецову (котораго назначилъ своимъ адъютантомъ) далъ три тысячи. Въ 9-мъ часу вечера велѣлъ принести привезенное изъ Охотска казенное хлѣбное вино. Выблудъ принесъ двѣ фляги, которыя тутъ же и были распиты; остальнымъ виномъ Беневскій покѣлъ какъ своихъ, такъ и всѣхъ жителей, находившихся подъ карауломъ. Выйдя изъ канцеляріи, поставили около нее заряженные ядрами и картечами пушки и мортиру в значительное число вооруженныхъ людей на всю ночь.

На другой день (27-го апрѣля) Беневскій похоронилъ Нилова самъ, подлѣ Успенской церкви. Затѣмъ тотчасъ же велѣлъ готовиться къ походу: къ 28-му числу были изготовлены паромы и для того собраны боты и лодки (числомъ 11-ть), принадлежавшіе тамошнимъ казакамъ и жителямъ; погружены порохъ и артиллерійскіе снаряды, казенное остаточное вино, провиантъ и ружья (кромя соболей и лисицъ); посажены всѣ люди, какъ аманаты (кромя малолѣтнихъ). Сообщники его, между тѣмъ, грабили кого хотѣли, отчего многіе жители бѣжали и въ некоторое время скрывались въ тундрахъ. 30-го апрѣля Беневскій былъ уже въ Чекавинской гавани, вблизи устья Вольшой рѣки, и занялся приготовленіемъ гальота „Св. Петра“, бывшаго еще во льду. На немъ-то онъ и ушелъ кругомъ свѣта черезъ 12-ть дней (12 мая 1771 г.). Доносчиковъ канцеляристовъ онъ взялъ съ собою и одному изъ нихъ, болѣе другихъ виновному, велѣлъ исправлять тяжелую работу кола. На гальотѣ водружено было знамя императора; вся пустившаяся въ плаваніе шайка назвалась „собранныю компанією для имени его императорскаго величества Павла Петровича“. Всѣ дали присягу защищать знамя до послѣдней капли крови. Затѣмъ они составили объявленіе для отсылки черезъ Вольшерѣцкѣ въ правительствующій сенатъ и подписались всѣ заговорщики, кромя Хрущева. Въ объявленіи кратко излагалось, что законный государь Павелъ Петровичъ незаконно лишаетъ престола, что раззорительная война съ Польшею ведется для одного Понятовскаго, что народная собственность, вино и соль, отданы на откупъ немногимъ; что отъ монастырей взяты крестьяне на воспитаніе незаконныхъ подкидышей, что у депутаціи для составленія законовъ отнято право свободнаго обсужденія; что подати необычайны и оброкъ безразлично собирается съ калѣкъ и младенцевъ, какъ бы со здоровыхъ; что несправедливыя, криводушные судьи наказываются только денежнымъ штрафомъ; что добытымъ золотомъ пользуются только одни царскіе любимцы; что народъ косѣетъ въ невѣжество и страждетъ; что Камчатка раззорена своевольными начальниками.

*) Въ пѣхгаузѣ, вмѣстѣ съ пороховою казною, артиллерійскими припасами и другими военными снарядами, нашли и ясачную казну, собранную съ ясачныхъ камчадаловъ. Беневскій говоритъ, что однакъ соборовъ было 748. въ 248 л. 1.900 соболей.

Какъ до сихъ поръ помогать Беневскому умъ, удержавшій въ толпѣ ненадежныхъ людей тайну заговора въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и постигнувшій возможность достигъ изъ Камчатки въ Китай, такъ теперь начинаетъ дѣйствовать отвага, рассчитывающая совершить опасное морское плаваніе при пособіи кое какой карты, приложенной къ путешествію Авсона. Тѣмъ не менѣе, придерживаясь береговъ, на шестой день плаванія искателя приключеній увидѣли первый островъ (островъ оказался четвертымъ изъ Курильскихъ, Мазанкомъ). На немъ бѣглецы пекли глѣбы, сушили судари, исправляли судно, шили флаги и выпечки и творили судъ надъ тѣми, которые рѣшились „всѣхъ тѣхъ злодѣевъ на судиѣ погубить и, овладѣвъ судномъ, идти обратно въ Вольшерѣцкѣ“. Трехъ изъ нихъ Беневскій выскѣкъ нещадно кошками, но оставилъ на суднѣ. Трое другихъ (штурманскій ученикъ Измайловъ и командачалъ Пароничъ съ женою), выскѣчные кошки, оставлены были на пустомъ островѣ съ нѣкоторымъ запасомъ ржаной муки. Какъ они потомъ ни кричали, сколько ни плакали, Беневскій оставался въ своемъ рѣшеніи непоколебимымъ *). Подъ англійскимъ вымпеломъ гальотъ „Св. Петра“ пошелъ въ море дальше. Свѣжею водою при слѣдующей стоянкѣ наливался гальотъ уже на одномъ изъ японскихъ острововъ, не смотря на то, что жители, стоя на берегу, отмахивали изъ лодки отъ берега. Судари пекли и снова наливались водою, подъ защитою артиллеріи, на берегу новаго японскаго острова Танао-Сима. Слѣдующая стоянка не посчастливила: жители не только не пустили на берегъ, но еще затѣяли перестрѣлку. Островъ этотъ былъ уже Формоза. На немъ изъ прибывшихъ за свѣжею водою туземцы тронѣ убили (и, между прочимъ, Василія Павлова), тронѣ ранили стрѣлами. Беневскій жестоко отомстилъ имъ за то тѣмъ, что изъ первыхъ попавшихся плывшими мимо на лодкѣ тронѣ застрѣлилъ, за другими двумя послалъ погоню, которая и врубилъ ихъ въ куски. Трупы товарищей похоронили, шашки и лодки сожгли и, выбросивъ на островъ 21 ядро, поплыли дальше. Пять дней бродили, не зная своего мѣста. Пристали къ китайскимъ берегамъ и здѣсь, въ городѣ Макао, при содѣйствіи португальцевъ, Беневскому удалось продать гальотъ губернатору за 4.500 пиастровъ. О приставаніи корабля въ Макао пограничное сибирское начальство узнало отъ миссіонера Августина, дало знать въ Иркутскъ уже въ то вре-

мя, когда императрица частнымъ образомъ узнала о камчатскомъ событіи и о возвращеніи Беневскаго въ Европу. Въ Макао русскіе узнали обманъ, до котораго себя допустили. Беневскій, живя у губернатора острова и продавъ гальотъ какъ свою собственность, объявилъ ему, что его отечество Венгрія, почему и всѣмъ русскимъ велѣлъ также называться унграми, запретилъ имъ креститься и молиться образамъ. Випладъ и Степановъ съ нимъ разошлись, но Беневскій успѣлъ оклеветать всѣхъ въ намѣреніи провазвести бунтъ и завладѣть городомъ. Ихъ расадили по тюрьмамъ, всѣ принуждены были смириться, кромѣ Степанова, не хотѣвшаго дать подписки на подданство римскому императору; онъ предпочелъ за лучшее остаться въ заточеніи. Беневскій его съ собою не ваялъ. На дальнѣйшемъ плаваніи его умеръ Вагуринъ и оставлено большими еще семь человекъ; пять человекъ умерли во Франціи. Часть команды (15 человекъ изъ 70) умерла отъ лихорадки и горячки, другая часть помѣстилась на двухъ французскихъ фрегатахъ и немедленно отправилась изъ Кантона въ море. Въ мартѣ 1772 г. бывавшіе изъ Камчатки русскіе пристали къ французскому острову Иль-де-Франсу. Въ концѣ марта слѣдующаго года пробирались они пѣшкомъ въ Парижъ и явились тамъ къ резиденту Хотявскому, который обласкалъ ихъ и удовольствовался. 30-го сентября того же 1773 года кругосвѣтные плаватели приплыли въ Кронштадтъ; 3 октября ихъ отправили въ Сибирь, въ сопровожденіи двухъ сенатскихъ курьеровъ и съ извѣщеніемъ новому камчатскому коменданту о томъ, что „по дошедшимъ ко двору извѣстіямъ, Беневскій (извѣстный въ Камчаткѣ подъ именемъ венгерца Вейснокса) явился во Франціи и нашелъ себѣ покровительство, какъ у державы, къ Россійской имперіи не доброхотствующей“. „Французскій дворецъ (пишетъ далѣе генераль-прокуроръ Ваземскій), вооружа для него фрегатъ и малую флотилію, отправляетъ его съ 1.500 человекъ войска, якобы въ Остъ-Индію для завоеванія тамъ новаго у варваровъ селенія, въ самомъ же дѣлѣ, по прихвтаніямъ, прямое намѣреніе его экспедиціи укрывается. Данное отчаянному оружіе въ руки, сколько ни кажется смѣха и презрѣнія достойнымъ, благородіе однакожъ заставляеть и противъ безумнаго стремленія остерегаться, тѣмъ паче, когда оно отчаяннѣе гомовою въ дѣйство производится. Но какъ притомъ помянутаго Беневскаго во время арестованія въ Петербургѣ самъ я видѣлъ человекомъ, которому жить или умереть все едино, то изъ сего не безъ основанія и подозревать можно, что онъ, зная свободный проѣздъ до Камчатки и имѣя о берегахъ и о жителяхъ ея свѣденія, не покусился бы когда сдѣлать я на нее какіе либо поиски“.

Опасенія были напрасны: Беневскій предла-

*) Судьба сложилась надъ этими нашими Гоблинонами тѣмъ, что во время одного изъ обходовъ ими острова привела на четвертый день къ судну русскихъ промышленниковъ купца Прохорьяконова. Измайловъ во все это время питался одними ракушками, морскою капустою и кореньями.

галъ французскому правительству завести колонию на Формозѣ, но двору хотѣлось завязать Мадагаскаръ. Туда онъ и отправился на счетъ правительства. Полтора года провелъ онъ тамъ въ борьбѣ съ жителями и съ начальникомъ острова Иль-де-Франса, но борьбы и интригъ не выдержалъ и бѣжалъ въ Лондонъ. Здѣсь написалъ мемуары свои, наполненные всакаго рода заманчивыми бисвями; издатель Магелланъ познакомилъ его съ богатымъ торговымъ американскимъ домою въ Балтиморѣ. Въ 1784 году Беневскій былъ тамъ и успѣлъ согласить на завоеваніе Мадагаскара. Дѣя пушки прибытьствовали его, какъ стараго знакомаго на этомъ островѣ съ крѣпости Лунбурга 20 сентября 1784 года. Вступивъ на берегъ, онъ вскорѣ началъ усиливаться до того, что версальскій кабинетъ, при содѣйствіи англичанъ, рѣшился выгнать его оттуда и отправилъ фрегатъ съ ротомъ солдатъ; солдаты Беневскаго затѣяли съ французами свалку. Беневскій не хотѣлъ сдаваться, засѣлъ въ замкѣ, имъ же самимъ построенномъ. Боясь засады, французы четыре дня не рѣшались идти; войдя, увидѣли три трупа и между ними трупа красавца Беневскаго съ орденами св. Духа и Людовика на груди; въ кармазѣ—полнаистра, въ сердцѣ—пуля, пущенная, говорятъ, 23 мая 1786 г. однимъ изъ туземцевъ, не хотѣвшимъ бороться съ французами.

Возвращаемя въ Камчатку на горячіе слѣды бѣглецовъ. 83 человекъ приказанныхъ, военныхъ и кучковъ выбрали начальникомъ, до прибытія командира, штурманскаго ученика Софьина и приняли присягу на вѣрность императрицѣ. Оставшіе безоружными, постѣпшили выпросить помощь изъ Верхнекамчатска, состоящую въ двухъ орудіяхъ и 12-ти солдатахъ. Послѣдніе не должны были входить въ Большерѣцкѣ до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ, что непріятеля тамъ нѣтъ. Двухъ недѣль достаточно было для того, чтобы вся Камчатка пришла въ тревогу. Въ большерѣцкой канцеларіи ежедневно производились допросы. Съ запечатаннымъ конвертомъ Беневскаго на имя сената, съ окровавленною постелью Нилова, съ вѣдомостями о расхищенномъ и уцѣлѣвшемъ казенномъ имуществѣ отправился Софьинъ на гальотѣ въ Охотскъ. Командиръ порта, старикъ Шленксеръ, селъ за нужное дополнить слѣдствіе и опустилъ время: рапортъ, сберегая казенный интересъ, отправилъ съ попутчикомъ, который, вдобавокъ, долго промедлил въ Якутскѣ. Въ Петербургѣ извѣстіе о камчатской катастрофѣ получено черезъ 8 мѣсяцевъ, по сухому пути, когда свѣденія, облетѣвшія кругомъ свѣта, успѣли уже вызвать различныя мѣры: назначено было за каждаго изъ пойманныхъ бунтовщиковъ по сто рублей тому, кто ихъ приведетъ живыми или

мертвыми; приказано промышленнымъ людямъ стараться перевязать бѣглецовъ и проч. Шленксеръ отрѣшенъ отъ должности за слабость надзора за государственными преступниками во время ихъ пребыванія въ Охотскѣ и за медленное донесеніе начальству о произведенномъ ими бунтѣ.

Изъ спутниковъ Беневскаго не вернулись назадъ, кромѣ умиршихъ на пути, четверо: шведъ Винбладе остался въ портѣ Людовика и потомъ возвратился въ Швецію; Хрущевъ вступилъ во французскую службу капитаномъ, Кузнецовъ—поручикомъ, Майдеръ—лекаремъ. Изъ возвратившихся: канцеляристу Судейкину и Рюмину съ женою определено быть въ Тобольскѣ, штурманскому ученику Вочарову въ Иркутскѣ на свободѣ, матросамъ Лапину и Вересневу служить въ Охотскомъ портѣ, матросу Сафронову дать отставку и жить ему пребываніе тамъ же, равно какъ и камчадалу Полову и коряку Брекхову, а прочіимъ 8-ми работникамъ кучна Холодцова поступать въ иркутское кунечество. Священнику Смилову, приведшему къ измѣнительской присягѣ, и прочіимъ 27, не соблюдшимъ своего долга, вѣнчено въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе (они снова были приведены къ присягѣ). „Хотя, —объявлялъ генераль-прокуроръ 31 марта 1774 года:—священникъ Уфтожанниковъ и навлекъ на себя подосрѣние дружескою связью съ измѣнниками, но какъ онъ сдѣлалъ сіе по призыву большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ наученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ ними и тюремнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе *). Роданнымъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать и все дѣло предать забвенію“. Милостивое прощеніе возвратившимся выдано было съ приводомъ всего вновь къ присягѣ на вѣрность, на томъ основаніи, что они „довольно за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и получивъ свой животъ на морѣ и на сухомъ пути; но видно, что русакъ любить свою Русь, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна“. Такъ писала Екатерина генераль-прокурору, препровождая ему письмо резидента Хотяньскаго. Узнавъ, что сосланный въ 1762 году Семегъ Гурьевъ не только не присталъ къ злодѣямъ, но даже потерялъ отъ нихъ побой, императрица возвратила его въ калужскія деревни братьевъ его подъ ихъ присмотръ. Ту же милость она оказала двумъ братьямъ его, поселеннымъ въ Якутскѣ.

* Сынъ священника Уфтожанниковъ остался съ Беневскимъ и ходилъ съ нимъ въ морскую экспедицію, по порученію французскаго правительства.

ГЛАВА II.

ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ.

Обрусение ссыльных поляков.—Три эпохи ссылки.— Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ.— Польскія восстанія и заговоры въ Сибирь, Россіи и Польшѣ.—Участье русскихъ людей въ польскіе дѣла.—Вліяніе поляковъ на страну изгнанія.—Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ.—Встрѣча прибылыхъ и обращеніе съ оставшимися.—Вліяніе декабристовъ.—Польскій огуль.—Венжикъ.—Набоженства.—Кассаполяковъ.—Товарищество.—Кедровое масло.—Пчелы.—Савичевскій.—Братья Далевскіе.—Обученіе дѣтей.—Несчастливая судьба полковника Высоцкаго, ксендза Синопинскаго и доктора Шокальского.—Громадный заговоръ.—Самоубійства.—Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способы этого производства.—Побѣгъ въ гробу.—Альбина Мигурская.—Побѣгъ и похищенія Руфина Пиотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа.

Дѣянія Веневскаго прозвевши на Петербургъ такое сильное впечатлѣніе, что Камчатку съ тѣхъ поръ перестали считать хорошимъ ссыльнымъ мѣстомъ; не только государственныя, но и никакія преступниковъ не стали посылать туда. Слухъ объ его подвигахъ и, особенно, объ удачѣ, быстро облетѣвшей всю Сибирь и съ особеннымъ участіемъ и вниманіемъ принятый въ ссыльныхъ мѣстахъ, произвелъ на его товарищей по польскимъ войнамъ такое впечатлѣніе, что тѣ изъ барскіхъ конфедератовъ, которые находились въ нерчинскихъ рудникахъ, рѣшились послѣдовать его примѣру. Сорокъ человекъ согласились попытать подобнаго счастья ушлыть по Амуру до океана, съ надеждою встрѣтиться тамъ съ европейскими мореплавателями. Не смотря на смѣлость замысла, на сомнительный успѣхъ предпріятія, они, съ величайшими предосторожностями, успѣли выстроить на Шилкѣ судно и заготовить съѣстные припасы. Вълепцы готовы были уже отплыть, какъ въ Даурію пришла вѣсть о смерти Екатерины и вступленіи на престолъ Павла. Время побѣга было отложено; поляки стали расчитывать на помилованіе и въ немъ они не ошиблись; вскорѣ пришло вѣсть польскимъ политическимъ ссыльнымъ дозволеніе возвратиться изъ Сибири на родину, въ Польшу.

Возвратились не всѣ. До сихъ поръ между семействами коренныхъ сибиряковъ—старожиловъ сплошь и рядомъ попадаются фамиліи польскія и при нихъ семейныя преданія, указывающія прямо на происхожденіе отъ ссыльныхъ поляковъ. При этомъ преданія не восходятъ дальше дѣдовъ и въ рѣдкихъ случаяхъ исходятъ ближе къ намъ отъ времени Екатерины II, богатыхъ выслояко шляхти изъ Задвѣярова и Польши, изъ Литвы и Вѣлоруссіи и изъ губ. Смоленской. Не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми группами распоряжалась ссылка въ тѣ времена съ такимъ успѣхомъ, что обрусеніе ссыльныхъ поляковъ представляется въ Сибири явленіемъ осозательнымъ и безспорнымъ. Въ Западной Сибири, около Семицалатинска, въ красивой и богатой мѣстности на плодородной землѣ, укрѣпились двѣ деревни, образованныя изъ польскихъ потомковъ, до сихъ поръ употребляющихъ говорить по польски и существующихъ

любимымъ белорусскимъ промысломъ—пчеловодствомъ. Въ 20 верстахъ отъ Тары (Тоб. губ.), недалеко отъ Екатерининскаго завода, волостной голова (Пановскій), сохраняя польскій типъ лица и молодцоватую осанку, имѣлъ дѣдомъ конфедерата. Въ самой Тарѣ у двухъ братьевъ, торгующихъ мѣшанъ (Грабянскихъ), былъ полякомъ отецъ, но они считали себя коренными сибиряками и вовсе не умѣли говорить по польски; въ Березовѣ—Новицкій, Шеняевскій; въ казакѣ Западной Сибири: Костылецкіе, Яновскіе, Хлыновскіе и проч. Въ Восточной Сибири, за Байкаломъ, на Ингодѣ, гдѣ такъ цѣльно сохранили свою національность малороссы, во многихъ деревняхъ съ польскими фамиліями живутъ коренные сибиряки, а на Ононѣ (между прочимъ въ Усть-Илинскомъ селеніи) цѣлыя семейства (напримѣръ, Барановскіе) происходят отъ барскіхъ конфедератовъ. Иосифъ Копецъ, барскій конфедератъ, ѣхавшій въ ссылку въ Камчатку въ 1794 г., въ Иркутской губ. нашелъ цѣлую колонію, составленную изъ ссыльныхъ поляковъ и русскихъ и наз. Кирьига. Между чиновниками—туземцами попадаются даже съ такими знаменитыми фамиліями, какъ Ходкевичи (по всему вѣроятію, потомки тоже какого нибудь конфедерата). Внуки конфедерата Хлыновскій, кромѣ фамиліи и памяти, что дѣдъ его былъ полякомъ, ничего польскаго въ себѣ не имѣетъ *). Примѣровъ такого рода настолько много, что наблюдавшіе за подобными превращеніями могли придти къ тому выводу, что дѣти, рожденныя отъ отца-поляка и матери-сибирячки, употребляя языкъ матери, только въ чертахъ лица либо въ характерѣ успѣваютъ сохранять слѣды польскаго происхожденія. Но стоить этому метле жениться на сибирячкѣ, чтобы во внукахъ самый пристрастный и увлекающійся полякъ не нашелъ уже ни малѣйшихъ признаковъ польской крови. Какъ бы то ни было, но всѣ поляки, слѣдившіе за такими превращеніями на мѣстѣ, твердо убѣждены въ

*) Слѣдующія фамиліи также совершенно обрусѣли: Юдинскіе, Тарновскіе и Казановскіе—потомки барскіхъ конфедератовъ; Зелинскіе, Войцеховскіе, Венкевичи, Бржозовскіе (Верезовскіе) и Домашевскіе—потомки сосланныхъ за повстаніе Костюшки.

омъ, что главная причина такого явления заключается въ этихъ смѣшанныхъ бракахъ, обусловленныхъ правительственнымъ узаконеніемъ, чтобы дѣти исповѣдывали грекороссійскую вѣру, и черезъ то „обрекались на одно изъ главныхъ (самыхъ дѣйствительныхъ) средствъ къ утратѣ общественной народности, — средствъ постепеннаго (медленнаго) обрусенія людей, надъ которымиладычествуетъ Россія“. „Знали мы (говорить дядя изъ поляковъ, долго прожившій въ Сибири) очень много дѣтей супружествъ, въ которыхъ одна особа была православной вѣры; а малыши исключеніями, всё тѣ дѣти не обладали польскою народностью и часто въ душѣ были русскими“.

Доказанная опытомъ сила вліянія брачныхъ союзовъ на обрусеніе поляковъ въ Сибири, дѣйствительная для холостыхъ и вдовъ изъ желающихъ, отразилась на судьбѣ другихъ ссыльныхъ временъ Екатерины съ подспорьемъ и прачастіи другихъ мѣстныхъ причинъ, которыя были одинаково сильны и не менѣе очевидны. Обрусеніе производилось надъ людьми, не имѣвшими надеждъ къ возвращенію на родину при отсутствіи примѣровъ подобнаго рода въ предшествовавшія времена. Судьба ихъ находилась въ рукахъ людей, видѣвшихъ въ системѣ ссылки одну только сторону карательную, убѣжденныхъ прежними опытами въ томъ, что мятежниковъ (политическихъ ссыльныхъ) слѣдуетъ считать, по преимуществу, людьми опасными и вредными, (убѣждаемыхъ при всякой новой присылкѣ ихъ въ томъ, что они преступники „великоважные“, то и самая Сибирь съ трудомъ можетъ быть принимаема для нихъ за страну полного возмездія и кары. Многие томился въ Пелымѣ; бѣншиковъ и Остерманъ умерли въ Березовѣ. Рика, закованнаго въ тяжелыя ручныя и ножныя кандалы, сослалъ въ самый отдаленный пуктскій острогъ, но вскорѣ перевезли еще дальше на сѣверъ за полторы тысячи верстъ — въ Зашиверскъ. Но и это мѣсто показалось лишкомъ слабымъ для полного мщенія: его перевезли въ Средневилюйское зимовье, имѣвшее три бревенчатыхъ юрты якутовъ и лежавшее въ страшной глуши болотистой тундры. Связя Черкаскаго, смоленскаго губернатора, заточили на вѣчное житье въ Жиганскомъ зимовьѣ и выпускали на воздухъ только днемъ, и то за присмотромъ двухъ солдатъ. Вице-гандцлеръ Головкинъ очутился въ Собачьемъ острогѣ на отдаленной Колымѣ подъ 67° с. ш., съ бревенчатой хатѣ, оберегаемой ночью часовыми. Бенгденъ поселенъ еще дальше его, на самой краинѣ тундры, всего въ 76 верстахъ отъ Ледовитаго океана, на самыхъ устьяхъ Колымы; Івашовъ попалъ въ Камчатку въ Вольшерпѣнскій острогъ. Самыя отдаленныя трупобы съ рудомъ удовлетворяли мщенію, самыя тяжелыя траданія тамъ едва успѣвали успокоивать исте-

телей. Приказывали всеобщро опасаться ихъ не допускать ни до какихъ разговоровъ. Люди, оказавшіе имъ какія либо услуги, жестоко наказывали кнутомъ и замыслили еще дальше: предписывали кормить только въ таинкѣ (дѣлать пята и пиши, чтобы осмыльные не умерли съ голоду); приказывали стараться заблудать даже ихъ имена и, содержа въ вѣчномъ темномъ и сыромъ заточеніи, считали и называли ихъ нумерами.

Подъ такими-то впечатлѣніями воспитывались дозорщики, укрѣпленные и руководимы въ своихъ понятіяхъ и возрѣвннхъ на политическихъ ссыльныхъ тѣми предписаніями, которыя шли отъ Вирона, Шинковскаго, Вяземскаго и другихъ! Подъ вліяніемъ и надзоромъ такихъ-то людей направлялась жизнь первыхъ ссыльныхъ поляковъ, убѣжденныхъ и убѣждаемыхъ въ томъ, что Сибирь для нихъ новая родина, что тѣмъ и другимъ путемъ слѣдуетъ къ ней укрѣпиться въ единственныхъ надеждахъ на ее одну. Средствъ много, большого труда для умѣлыхъ и сильныхъ рукъ не представляется! Въ молодой странѣ почти ничего вѣтъ, кромѣ естественныхъ скрытыхъ богатствъ и жизнь подчиняется законамъ случайностей, болѣе и чаще образцать дикарей-туземцевъ и меньше и рѣже русскихъ примѣамъ, полученныхъ прежними пришельцами на родинѣ; они либо сбѣжались промышленниками и звѣроловами либо, придежавшись рѣкъ, исключительно землепашцами. Ремесла, оставаясь въ пренебреженіи, такъ и не возрождались въ Сибири и въ наши времена представляются въ прежнемъ жалкомъ, отчаянномъ состояніи *); и безъ нихъ богатая страна кормила пришельцевъ здоровою пищею. Предметы ремесла Россіи въ обмѣнъ на сырыя произведенія Сибири развѣли въ новой странѣ огромное количество торговаго люда; торговля раскидывала богатые города на русской украинѣ, у самыхъ воротъ Сибири, и выродила тутъ марку, немного уступающую крупнѣйшимъ маркамъ метрополи. Пришельцы изъ польскихъ городовъ и мѣстечекъ, организовавшихся по образцамъ европейскихъ городовъ, при замѣчательномъ развитіи ремесленныхъ занятій, въ удовлетвореніи насущныхъ и настоятельныхъ потребностей земледѣльческаго и промысловаго сибирскаго люда, нашли и первое дѣло и надежное обезпеченіе на будущую жизнь. То и другое выразилось въ такихъ разнѣрахъ, что большую часть потомковъ барскихъ конфедератовъ и костюшковцевъ мы находимъ въ хорошо обезпеченномъ бытовомъ состояніи. Всѣ вышеупомянутыя нами лица — люди зажиточные, богатые.

*) Въ описываемыя нами времена не только усибирскихъ, но и у казаковъ (на большую часть русскихъ пришельцевъ) не было, наирѣзрѣе, портныхъ и солдатское платье шили киргизскія бабы.

пользующиеся почетомъ и уваженіемъ сосѣдей на столько, что служатъ выборными не ниже званія волостныхъ головъ. Не меньшая часть успѣла проникнуть и укрѣпиться въ словъ туземнаго служилаго, чиновничьяго сословія, не смотря на всю трудность долговременнаго прохожденія всѣхъ разрядовъ ссыльныхъ сословій отъ званія ссыльно-каторжнаго до того свободнаго состоянія, въ которомъ предоставляется возможность обучить сына въ казенномъ учебномъ заведеніи и затѣмъ видѣть во звукѣ полковника. Длинная перспектива къ улучшенію положенія для поляковъ, назначенныхъ на каторгу, кончалась только на дѣтяхъ. Короче былъ путь для поселенцевъ, имѣвшихъ право и возможность поселиться вблизи и внутри сибирскихъ городовъ, сильно нуждающихся въ ремесленникахъ и людяхъ, владѣющихъ иными полезными и прикладными знаніями. Значительному числу изъ трудолюбивыхъ, находчивыхъ и умѣлыхъ удалось настолько воспользоваться своими знаніями къ обезпеченію собственнаго быта, что, по объявленіи имъ права къ возврату на родину, весьма многіе остались въ Сибири жить на всегда. Указъ Павла на значительное число ссыльныхъ поляковъ перваго періода ссылки не произвелъ никакихъ впечатлѣній. То же самое выразилось и черезъ 15 лѣтъ послѣ того весьма многими поляками, изъ числа военнопленныхъ послѣ войны съ Наполеономъ, присланныхъ въ Сибирь на службу: изъ 900 человекъ, служившихъ въ кавалеріи и поступившихъ въ сибирскіе казаки, по объявленіи въ 1815 году имъ высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ отечество, остались добровольно на всегда въ казакахъ 160 человекъ. Значительнымъ соблазномъ для многихъ изъ этихъ поляковъ послужилъ городъ Омскъ, а добрымъ пріютомъ для нихъ оказался организованый въ то время генераломъ Броневскимъ оркестръ казачьей музыки. Чехи, вѣмцы и поляки удивили Омскъ, отъ сложенія міра не слышавшаго музыки. Въ 1815 году нѣкоторые поляки возвратились на родину, но значительную часть удалось уговорить остаться на всегда за нѣкоторую прибавку къ содержанію. Также поступили многіе за Байкаломъ *).

*) Одни изъ таковыхъ сдѣлались въ послѣдствіи офицерами; между ними Квятковскій установилъ шквалъ трубачей, такъ что всѣ казачьи полки въ Сибири стали получать приготовленныхъ трубачей. Известный русскій композиторъ, сосланный въ Сибирь изъ Москвы, Алекс. Алекс. Алябьевъ, авторъ пьесъ, ушедшихъ въ народъ (Соловей, Вечеркомъ румяну зорю и Вечерній звонъ), довелъ омскій оркестръ до замѣчательной степени совершенства. Полякъ Волицкій, бывший офицеръ польской арміи, образовавшій себя въ парижской академіи музыки въ превосходнаго учителя и дирижера, въ значительной степени поддержалъ въ омскомъ оркестрѣ алябьевскую славу, такъ что до сихъ поръ духъ этихъ та-

Конечно, времена зміѣнились; люди Александровскаго времени являлись въ Сибирь съ гуманнымъ образованіемъ, съ болѣе умягченнымъ нравственнымъ настроеніемъ; самая система правленія отличалась терпимостью, желаніями и стремленіями уничтожать неправду и злоупотребленія. Дошла очередь и до Сибири: Сперанскій прислалъ былъ карать сибирскихъ притѣснителей и истреблять многочисленныя и крупныя слѣды произвола, насилій и жестокостей. Появленіе его считается тою эпохою, когда совершился первый переломъ въ сибирской жизни и крутой поворотъ на новую стезю отъ дикой жизни прежнихъ временъ и суровыхъ отношеній ко всякаго рода ссыльнымъ. Сибирь въ администраціи испытала коренныя преобразованія, или задать былъ другой тонъ, а если временами слышались диссонансы, то уже какъ исключенія изъ общаго строя. Люди административныя стали не тѣ; и какъ бы сурово ни высказывались взгляды на политическія ссыльныхъ въ послѣдствіи, какія строгаго утры ни предписывались, и въ новыхъ приставникахъ и въ самомъ сибирскомъ населеніи организовалась противоудѣствующая сила. Если политическимъ ссыльнымъ не сдѣлалось хорошо, то, во всякомъ случаѣ, стало несравненно легче. Между первыми временами, когда сибиряки не хотѣли не только принимать въ семейства и отдавать дочерей за плѣнныхъ шведовъ, присланныхъ Петромъ I изъ-подъ Полтавы, но даже и пускаться къ себѣ въ избы, — между этими временами и послѣдними годами царствованія Александра лежала уже огромная пропасть. Польскимъ людямъ слѣдующаго втораго періода политической ссылки досталась несравненно лучшая доля. Плѣнные изъ войскъ Понятовскаго уже не жили въ изгнаніи больше двухъ лѣтъ; политическая ссылка престаала быть безсрочною и во всемъ ѣла характеръ временной мѣры, стала питать и подкрѣплять страданцевъ надеждами; сдѣлалась привилегированнымъ исключеніемъ въ системѣ всѣхъ другихъ видовъ ссылки. Такими свойствами выразились годы Александровскаго царствованія, благоприятнаго для политической самостоятельности Польши. Даже члены „товарищества патріотовъ“, организованнаго въ послѣдніе годы жизни Александра I при дѣятельномъ участіи Лукасинскаго и въ согласіи съ цѣлью и наміреніями Пестеля, были осуждены и сосланы уже послѣ смерти любимаго лантavianыхъ людей не перестаетъ жить въ омскомъ казачьемъ оркестрѣ. Вотъ имена первыхъ замѣчательныхъ артистовъ въ началѣ омскаго оркестра: Радбольскій, Гиденскій, Голомбетскій, Флекъ, Ганъ. За Байкаломъ обломокъ войскъ польскихъ 1812 года находился въ Кяхтѣ; это былъ высланный солдатъ, носившій знаменитую фамилію Понятовскаго, человекъ, убитый дѣлаться послѣднимъ чертовымъ кускомъ своего хлѣба со всякимъ немнущимъ и нуждающимся.

Польшею императора *). При Александрѣ I значительное большинство поляков, сосланныхъ въ Сибирь, принадлежало обыкновеннымъ преступникамъ, осужденнымъ за уголовныя преступления.

Ссылкою членовъ патриотическаго общества начался новый, второй періодъ польской ссылки.

17-го ноября 1830 года началась польская революція, кончившаяся въ слѣдующемъ году штурмомъ Варшавы (6-го и 7-го сентября); въ 1832 году стали появляться въ предѣлахъ Сибири первые польскіе нагнанники, передніе ряды ссыльныхъ меньшей степени виновности, рядовые люди, изъ царства и трехъ уѣздовъ Виленской губерніи. Въ 1833 году прибыли въ Восточную Сибирь и Петръ Высоцкій, начавшій возстаніе, одинъ изъ дѣятельныхъ начальниковъ его, на 20 лѣтъ каторги. Всѣ суждены были военнымъ судомъ по полемому уголовному положенію. Людей низшаго званія, ваятыхъ съ оружіемъ, слѣдомъ за ушедшими на каторгу и въ крѣпостныя работы, прислали на службу въ сибирскіе линейные батальоны. Въ 1834 г. начали прибывать эмигранты за справу 1833 г., сдѣлавшюся организовать новое возстаніе, а вмѣстѣ съ ними и въ большомъ количествѣ и тѣ, которые оказывали этимъ эмигрантамъ сочувствіе и содѣйствіе, выразившіяся въ томъ, что одна давала притонъ, другіе носили въ лѣсъ пищу и проч. За эмигрантами прибыли въ Сибирь поляки изъ sprawy Симона Конарскаго, разстрѣляннаго въ Вильнѣ въ 1838 году. Въ 1839 г. вмѣстѣ съ руководителями своими (Венжикомъ и Эренбергомъ) явились въ Сибирь члены „товарищеской организаціи польскаго народа“ (Stowarzyszenie ludu polskiego), представлявшей въ Варшавѣ отдѣлъ большого заговора Конарскаго. Вмѣстѣ съ ними пришли въ Сибирь и тѣ, которые вели систематическую пропаганду демократической науки и собирались для бесѣдъ въ соборѣ св. Креста (почему и назывались *zwietokrzyskami*). Въ 1840 году присланы эмигранты, бѣжавшіе въ 1831 году за границу и явившіеся, между прочимъ, изъ Англіи и изъ Турціи; за ними участники заговора Каспера Машковскаго, организовавшаго такъ называемый „союзъ Волынской“; потомъ сообщники „союза пропаганды“ ксенда Сибѣйнаго (1843 г. **); въ 1844 году члены варшавскаго „союза соединенія польскаго

народа“, затѣяннаго Гаевскимъ *), въ 1846—члены варшавскаго демократическаго союза; за ними сѣдлецкіе и галицкіе повстанцы. Въ 1846 г. дѣло извѣстнаго автора Коменскаго; въ томъ же году высылаются въ Сибирь изъ Варшавы студенты гимназій, предложившіе убійство Паскевича и знавшіе о имѣющемъ совершиться въ 1846 г. возстаніи. Тогда же выдаетъ Австрія эмигрантовъ изъ Галиціи, затѣявшихъ тамъ пропаганду освобожденія Польши; выдаетъ и Пруссія, высылающая эмигрантовъ изъ Литвы. Въ 1846 году повстаніе въ повѣтѣ Сѣдлецкомъ, подъ начальствомъ Потоцкаго, и повстаніе въ повѣтѣ Мѣдовскомъ. Въ 1847 году пойманы, суждены и сосланы повстанцы 1831 года, эмигрировавшіе за границу и явившіеся въ роли эмигрантовъ въ Польшу передъ революціями 1848 года. Въ 1848 году вспыхиваетъ возстаніе великопольское, основанное въ надеждѣ на Венгрію, и, въ то же время, независимо отъ варшавскаго, организовалось въ Вильнѣ союзъ литовской молодежи (*Zwiazek mlodziezi litewskiej*), питавшій надежды, что венгерцы и поляки изъ Венгріи придутъ въ Польшу со знаменемъ возстанія, — союзъ, превратившійся вскорѣ въ заговоръ. Заговоръ приготовлялъ повстаніе на великій четвергъ подъ руководствомъ братьевъ Далевскихъ, но былъ открытъ въ 1850 году. Во множествѣ солдатъ, принявшихъ участіе въ мятежѣ, приходили въ Сибирь и такіе, которые суждены были вмѣстѣ съ тѣми и за побѣги изъ русскихъ войскъ въ повстанскія, и за отбитіе рекрутовъ въ дорогѣ, попадались во второй разъ и такіе (какъ Рованскій), которые уже побывали въ сибирской ссылкѣ, и въ первый разъ являлись въ Сибирь изъ тѣхъ, которымъ предстояла иная участь (запринимать солдатская служба на Кавказѣ), но которые съ дороги бѣжали и были пойманы; приходили и такіе, которые увлеклись европейскими суетами 1848 года и бѣжали за границу. Прислали и за оставленіе отечества, и за оборону себя оружіемъ при арестѣ, и за покровительство эмигрантамъ, и въ 1855 году тѣхъ, которые отбили рекрутовъ и нагѣбывались вмѣстѣ съ ними бѣжать къ французамъ въ Крымъ. Нѣкоторые явились въ Сибирь просто за политическіе замыслы; другіе за переводъ корреспондентскій заговорщикамъ. Последніе преступности люди были большею частью (но сравнительно въ ничтожномъ количествѣ) изъ еврейскаго населенія царства Польскаго и западнаго края Россіи **). Вмѣстѣ

*) Въ томъ числѣ, между прочими, графъ Мошинскій (въ 1827 г.), одинъ изъ организаторовъ „общества соединенныхъ славянъ“, отличавшійся въ Сибирь своею благотворительностью. Поляки успѣли такъ ловко повести дѣло и скрыть дѣйствія польскаго революціоннаго общества, что отправлены въ Сибирь только немногіе: кромѣ Мошинскаго—Крыжановскій и Янушкевичъ.

**) Заговоръ имѣлъ цѣлью основать повстаніе на освобожденіе крестьянъ.

*) Этихъ за разговоры о политическаго планахъ всѣхъ обратили въ солдаты сибирскихъ линейныхъ батальоновъ.

**) Изъ числа ссыльныхъ въ Сибирь арестовано только одинъ былъ сосланъ за политическія дѣла—Робертъ Файнбергъ, родомъ изъ Митавы. За дѣятельное участіе въ берлинскихъ событіяхъ въ 1848 году выданъ былъ пруссакамъ и сосланъ на работы въ Елаверинскій заводъ.

съ ними за польскую справу ушелъ одинъ только русскій—прапорщикъ Караваевъ (черезъ нѣсколько лѣтъ пересланный изъ Сибири на Кавказъ, гдѣ ему снова позволено было вступить въ военную службу), одинъ французъ Шарль де-Люсенз, такъ же какъ и Караваевъ, участвовавшій въ заговорѣ Конарскаго въ Вильнѣ, и одинъ латышь (Янна Реке), сосланный за повстаніе 1831 года также въ нерчанскіе рудники. За участіе въ заговорѣ Михайла Воловича изъ Слонима (намѣревавшася подыять народъ, напасть на Слонимъ, отбить арестантовъ и возвѣстити повстаніе) присланы въ Сибирь, между прочимъ, нѣсколько крестьянъ бѣлоруссовъ. Малороссы юго-западнаго края явились въ Сибири за повстаніе въ видѣ дворовыхъ холоповъ и иныхъ чиновъ панскихъ экономій; были даже торбаншты и пѣсенники.

Прапорщикъ Кузьминъ-Караваевъ служилъ въ Новонгерманландскомъ полку, квартировавшемъ въ Вильнѣ. Въ заговорѣ замѣшался онъ по любви къ полькѣ (дѣвнцѣ графинѣ Оливаръ), требовавшей этой жертвы съ его стороны. Руководился онъ тѣми же желаніями и планами, которые внушены ему были послѣдователемъ Конарскаго Гильдебрантомъ. вмѣстѣ съ собою увлекъ Караваевъ офицеровъ Эстляндскаго полка, вступившаго въ караулъ, когда уже Караваевъ сидѣлъ подъ арестомъ: прапорщика Герасимова и де-Люсенз. Всѣ они помогали Гильдебранту и Мошинскому, арестованнымъ въ кляшторѣ Вазилянковъ, выходить по ночамъ въ городъ, давали имъ свои мундиры, сами одѣваясь въ арестантское платье; допускали къ нимъ дамъ, между прочими, Сняденскую—одну изъ пламенныхъ патриотокъ, вступившую послѣдовательно въ пропаганду Конарскаго. Де-Люсенз искалъ даже бумагъ для побѣга Гильдебранта съ Мошинскимъ. Караваевъ, содержась на арсенальной гауптвахтѣ, въ одной тѣсной комнатѣ вмѣстѣ съ каральными офицерами, дѣятельно велъ свою пропаганду и вызвалъ участіе къ своей судьбѣ: прапорщикъ Герасимовъ нѣсколько разъ выпускалъ его ночью въ городъ; Баряницъ велъ по польски переписку. Судъ рѣшилъ смотрѣть на все это вмѣшательство въ дѣла польскія русскихъ людей—вмѣшательство, выразившееся, главнымъ образомъ, въ покровительствѣ арестованнымъ послѣдователямъ Конарскаго, какъ на затѣю сумасшедшихъ. По этой причинѣ положено было заключить ихъ въ домъ умалшенныхъ, нѣмнѣе отобрать въ казну, пока выздоровѣютъ, а потомъ

для испытанія послать ихъ въ Сибирь на поселеніе. Такъ и было поступлено съ Караваевымъ и де-Люсенз. Остальнымъ офицерамъ рѣшено было послать на покаяніе на Кавказъ и не повышать ихъ чиновъ, пока не образуются (поручикъ Огонь-Догановскій, прапорщики Баряницъ и Герасимовъ, потворствовавшіе арестованнымъ и прислушивавшіеся къ уркамъ ихъ пропаганды).

Во всякомъ случаѣ, громадное большинство политическихъ ссыльныхъ принадлежало къ кровнымъ полякамъ, наибольшою частью уроженцамъ царства Польскаго, преимущественно шляхетскому роду и исключительно людямъ римско-католическаго вѣроисповѣданія *).

*) Для примѣра отношеній царства къ другимъ шляхетскимъ окраинамъ его приводимъ нѣсколько цифръ. Изъ 59 случаевъ смѣлы за бунтъ и государственную измѣну въ 1839 г.: 31 принадлежитъ Киевской, 11 Виленской, 1 Гродн., 16 городу Варшавѣ; въ 1846 году изъ 28 случаевъ 23 принадлежатъ г. Варшавѣ; въ 1847 изъ 24—23 г. Варшавѣ (т. е. царству Польскому) и т. д. Точно также за эмиграцію эмигрантовъ (за оставленіе отечества, какъ сказано тобольскими табелями) наибольшее число сослано изъ Варшавы (26 въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1846; 12 изъ Бессарабіи, 7 изъ губ. Виленской, 6 изъ Волынской, 3 изъ Подольской, по 1 изъ Ковенск., Гродн., Витебск.). Наибольшее число эмигрантовъ пришло въ Сибирь въ 1834 г. (34 чел.), въ 1839 (18), въ 1840 (15), въ 1838 (8), въ 1841 только одинъ, въ 1845 и 1846 ни одного. Двадцатилѣтняя цифра убѣждаетъ въ томъ же, что, кромѣ царства Польскаго, наибольшее число эмигрантовъ оказалось въ Бессарабіи и губ. Волынк., Виленск. и Подол. Спосраженія цифръ за 20 лѣтъ въ тѣхъ же семи губерніяхъ западныхъ (Вил., Гродн., Могил., Киевск., Волынк., Подольск. и Бѣлостокск. обл.) убѣждаютъ въ томъ, что число сосланныхъ отсюда въ Сибирь за государственныя преступленія составляетъ почти $\frac{2}{3}$ всего числа остальныхъ 39 губ. русскихъ; что изъ числа послѣднихъ 16 губ. не дали ни одного подобнаго сорта преступника; что послѣ западныхъ губ. наибольшимъ числомъ ссыльныхъ отличалась двѣ губерніи столицы (и въ особенности Петербургск.) и что изъ западныхъ шляхетскихъ губерній всего больше прислано въ Сибирь изъ губ.: Виленск., Гродн., Киевск. и Бѣлостокск. обл. Навысшая наклонность къ государственнымъ преступленіямъ по возрастамъ обнаруживалась въ первомъ періодѣ возмужалости, т. е. послѣ 30-ти лѣтняго возраста. Въ числѣ другихъ Грузія выслала 1 въ 1842 г., 1 въ 1845 и 3 въ 1846 г.

По губерніямъ политическія преступленія и эмиграція въ сибирскихъ цифрахъ выражается такою таблицею.

	Государств. преступл.		Оставленіе отечества.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Виленская	45	4	17	13
Гродненская	39	—	3	—
Кіевская	38	—	2	—
Бѣлостокск. обл.	26	—	2	—
Минская	12	—	—	—
Волынская	11	—	29	4
Подольская	10	—	14	—
Могилевская	9	—	—	—
Витебская	3	—	3	—
Бессарабск. обл.	1	—	39	—

подъ Тарюю. Когда его товарищи были уволены на родину, а онъ итъ, Файнбергъ отъ тоски впалъ въ сумасшествіе и, перевезенный изъ Тары въ Тосольскъ, умеръ тамъ въ 1860 году, въ лазаретѣ. Изъ небольшого числа евреевъ, замѣшавшихся въ послѣднемъ возстаніи, всѣ уличены въ тайномъ провозѣ оружія изъ-за границы, стало быть, увлеклись коммерческими барышамъ, а вовсе не политическими теоріями.

Почти $\frac{2}{3}$ всего числа сосланных за политическія преступленія принадлежатъ дворянству; на нихъ долю приходится 10% изъ всего числа ссыльныхъ этого сословія и большинство всегда остается за шляхою западныхъ губерній (смѣшанною въ сибирскихъ табеляхъ подъ общою и неопредѣленною рубрикою дворянъ неслужащихъ). Послѣ дворянъ сильнѣйшая наклонность къ преступленіямъ этого рода замѣчается у солдатъ, но и здѣсь процентъ ссыльныхъ почти въ 20 разъ меньше процента дворянъ. Такъ говорятъ цифры 20-ти лѣтъ (съ 1827 по 1846 гг.).

Тѣ же двадцатилѣтнія цифры увѣряютъ и въ томъ, что сильная наклонность къ преступленіямъ противъ власти и, въ особенности, политическимъ составляетъ отличительную черту каторжковъ, для которыхъ вѣроятіе ссылки несравненно сильнѣе, чѣмъ для лицъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій (въ этомъ случаѣ католики къ православнымъ, напримѣръ, относятся какъ 29,5: 1).

Въ подчиненіи различнымъ степенямъ наказанія и разрядамъ ссылки политическіе изгнанники второго періода размѣщались въ Сибирь въ такихъ категоріяхъ: одни сосланы были на два, на пять и болѣе лѣтъ подъ надзоръ полиціи безъ потери достоинствъ и имущества, притомъ съ надеждою на возвращеніе по родную стрѣлку или, по крайней мѣрѣ, въ ея сообщество. Такихъ было очень мало; изъ таковыхъ нѣкоторымъ приводилось выѣзжать изъ Сибири, до возврата на родину, въ русскія губерніи менѣе отдаленныя (Владимирская, Калужская, Рязанская и другія).

Вторая категорія изгнанниковъ, сосланныхъ на поселеніе, сравнительно больше первой, не представляла собою наибольшей количественной величины и съ наименьшею надеждою на возвратъ (хотя нѣкоторому числу удалось дослужиться до чиновъ и поступить на государственную службу); эта вторая категорія находилась въ самомъ худшемъ житейскомъ положеніи. Политическіе поселенцы, происшедшіе изъ шляхты и приговоренные къ конфискаціи имущества, получали помощь отъ правительства въ размѣрѣ 57 руб. на годъ; старикамъ и калѣкамъ доставалось ежегодно 114 руб. Тѣ, которые происходили изъ класса мѣщанъ либо крестьянъ и также приговорены были къ конфискаціи имущества, не имѣли права на правительственное вспоможеніе. Въ Западной Сибири имъ не позволяли, по силѣ закона, выѣзжать за предѣлы 10 верстъ отъ деревни или города, въ которыхъ указано ихъ водворить. Въ Восточной Сибири имъ предоставлена была большая свобода; тамъ политическіе поселенцы, съ дозволенія властей, могли разѣзжаться по всей Восточной Сибири. Само собою, тутъ и тамъ дѣли поселенцевъ принадлежали къ со-

словію крестьянскому, до 17 лѣтъ освобождены отъ податей и не отбывали рекрутской повинности. Сами отцы въ первые два года не платили подушнаго, и если въ теченіи 10 лѣтъ не нарушили ничѣмъ благонамѣренности, не провинились передъ начальствомъ, не были штрафованными, они могли черезъ 10 лѣтъ записываться въ крестьяне или купцы. Само собою разумѣется, болѣе счастливый поселенецъ—изъ людей простыхъ и самый несчастный—изъ высшихъ слоевъ общества.

Третья категорія поляковъ была назначена въ арестантскія роты и работала (тоже не въ большомъ количествѣ) въ крѣпостяхъ сибирскихъ, всего чаще по границамъ Западной Сибири. Положеніе ихъ немногимъ рознилось отъ каторжнаго, хотя по степени взыскапія между крѣпостнымъ и каторжнымъ состояніемъ законъ устанавливалъ разницу; кое-кому удавалось освободиться и поступать либо въ псалы при канцеляріяхъ, либо въ домашніе учителя на условіяхъ вольнаго и весьма дешеваго найма.

Четвертый разрядъ ссыльныхъ предназначенъ былъ въ полковую службу, т. е. въ сибирскіе батальоны простыми солдатами, либо на рекогносцировку, либо на 15 и 20 лѣтъ безъ выслуги, но съ надеждою возврата на родину, не иначе какъ на такую же солдатскую службу до самой смерти. Не смотря на то, что солдатскій разрядъ полагался слабѣйшею мѣрою взыскапія изъ всѣхъ видовъ сибирской ссылки, онъ на практикѣ оказался однимъ изъ тягчайшихъ. Наибольшимъ количествомъ побѣговъ (и притомъ большими шайками, скопомъ и заговорами) отличился передъ другими этотъ разрядъ; наибольшую тяжесть наказанія выдержали поляки въ этомъ разрядѣ. При безцѣльной жизни, безъ будущаго и надеждъ, солдаты-поляки предавались въ Сибирь безграничному пьянству. Многие изъ нихъ казались до такой степени деморализованными и потерянными, что утратили какъ чувствованія и впечатлѣнія сердца, такъ благородство вида и игру фязіономіи. Нѣкоторымъ удалось опиваться до смертельныхъ апоплексическихъ ударовъ, не смотря даже на то, что товарищество поляковъ умѣло внимательно слѣдить за таковыми и считало своею обязанностью удерживать ихъ отъ окончательнаго паденія. На бѣду товарищество не всегда доводило свое участіе до конца: трудно исправимыхъ оно исключало изъ своей среды и предоставляло самимъ себѣ и полному вліянію надломленной испорченной воли *).

Самая строгая категорія каторжныхъ, сосланныхъ на 2, 3, 5, 15 лѣтъ, либо на цѣлую жизнь, самымъ учрежденіемъ своимъ показывала всю тяжесть взыскапія, невыносимую для

*) Такъ, между прочимъ, за Байкаломъ поступили съ Марціевскимъ, челоѣкомъ весьма независимаго характера и образа мыслей.

людей развитых и образованных (каковыми оказалась наибольшая часть присужденных к самым тяжким каторжным работам). До Тобольска таких вели еще в кибитках с жандармами *). По Сибири ссылки уже шли в партиях со всеми другими преступниками и в кандалах.

Когда ссылки 1831 года в 38-м году пришли на нерчинские рудники, тогдашний горный начальник велел представить их к себе. Приняв строгий вид, сильным, открытым и повелительным голосом он сказал им:

— Если и здесь будете мыслить против правительства, то ожидает вас не веревка, не палка, которыми прикажу вас заколотить.

Слова эти были произнесены таким тоном, что один из прибывших поляков, не выдержавши от смеха, улыбнулся. Начальник это заметив, пришел еще в больший гнев, толкал ногами, брыгал и кричал:

— Знайте раз навсегда, что вы пришли в страну, где смяться не позволено.

Затем быстро возобладав собою и, не давая в соответствии тону своему хорошенько размыслить пришельцам о тяжести будущей

*) Жандармы обязаны были не давать ссылным в руки ни ножа, ни другой какой либо острей вещи, а потому они на станциях разрезали мясо и отбирали даже кости, обязаны были не отходить от ссыльного ни на шаг, не позволять никому из посторонних подойти и разговаривать; обязаны были смотреть, чтобы не убьезжал, и стараться живым доставить на место назначения. Если ссыльный заболел в дороге, жандармы обязаны стараться всякими средствами довести до ближайшего губернского города, а если болзан острая и сильная, то до ближайшего уездного города. Если болзан продолжается дольше месяца, тогда жандармы отдають арестанта под надзор местных властей, от которых берут письменное свидетельство и возвращаются к месту служения. На паромах, на мостах, при переездах через рѣки не позволялось вытѣзть паз телеги и даже сами жандармы должны были сидѣть в это время по бокам. Одно из этих правил нарушалось въ Сибирѣ, въ некоторых мѣстах, гдѣ для разговоровъ, утѣшній и напутственный усвоения собирались бывало изгнанники съ совѣтами и наставлениями вновь прибывающихъ. Судьба сближаетъ людей у почтовыхъ станцій: на встрѣчу политическимъ ссылнымъ изъ поляковъ собирались не одни только солдаты, повстанцы 1831 г., приняты были дружески тѣми изъ гвардейскихъ солдатъ-семеновцевъ, которые за бунтъ 1825 года сосланы были въ Сибирь и разсортированы по тамошнимъ батальонамъ. Семеновцы и поляки составили двѣ дружескія группы; защищала друг друга, не позволяла, безъ своей воли, ни одного солдата наказывать; негодяевъ исключали изъ своей среды. На первыхъ шагахъ поляковъ въ солдатской неволе семеновцы были истинными благодѣтелями.

жизни въ рудникахъ, горячій начальникъ перешелъ въ тонъ мягкій и спокойный. Онъ кротко спрашивалъ каждого о занятіяхъ и дѣлахъ, о ремеслѣ и знаніяхъ. Узнавъ въ Подгороднянскомъ богатого человѣка и опросивъ уже ученаго Вопра, говорилъ первому, указывая на второго, въ такомъ смыслѣ:

— Если бы ты былъ ученымъ, какъ этотъ, а бы не удивился, что ты принадлежалъ къ союзу. Но чего же ты хотѣлъ? Конечно, при богатствѣ твоемъ тебѣ было и безъ этого хорошо. Вотъ-то глупость, настоящая глупость!

И начальникъ качалъ головою и долго не могъ совмѣстить обѣ мысли въ одну; послѣ различныхъ вопросовъ, снова возвращаясь къ тому же недоумѣнію и удивленію своему.

Между прочимъ, обратилъ онъ вниманіе на европейскій, городской костюмъ ссылныхъ, приказавъ некоторымъ обрить бороды, какъ не присвоенныя людямъ каторжнаго состоянія; велѣлъ оголить бакенбарды и подбородки, замѣтивъ, что такое украшеніе принадлежитъ людямъ честнаго званія. Долго потомъ муштровалъ, осматривалъ, ласкалъ и бранился въ одно время и на одномъ и томъ же мѣстѣ; наконецъ, отпустилъ.

Разославъ ссылныхъ поляковъ по различнымъ нерчинскимъ рудникамъ, начальникъ обязалъ ихъ потомъ. Въ одномъ мѣстѣ кричалъ на чиновниковъ за то, что послабляютъ поляковъ на работы, заставъ многихъ изъ нихъ при разбиваніи руды, и дивился, что подчиненные его не умѣютъ уважать людей съ образованіемъ и отдѣлять ихъ отъ остальныхъ преступниковъ. Ревизуя рудники во второй разъ, призывалъ горныхъ чиновниковъ и сердился на нихъ за то, что послабляютъ столь опаснымъ людямъ, что не назначаютъ ихъ на рудниковыя работы и проч.

Но этотъ начальникъ былъ послѣднимъ изъ могилковъ. Въ немъ уже боролись два направленія, два противоположныхъ взгляда на ссылныхъ въ такомъ разногласіи, что дѣлали изъ него чудака. Въ послѣдующихъ начальникахъ гуманный взглядъ и мягкія отношенія взяли перевѣсъ. Подобному чуду превращенія гнѣва на мягкость всѣ ссылки обязаны вліянію декабристовъ на ихъ коменданта Лепарскаго, который къ тому же былъ самъ полякомъ. Когда поляки начали прибывать за Байкаль, вліяніе декабристовъ на комендантское управленіе было уже настолько сильно, что поляки встрѣтили самый мягкій приемъ и комендантъ не препятствовалъ декабристамъ подать имъ помощь значительными деньгами, вещами и книгами. Такимъ образомъ, первое пособіе поляки получили не отъ своихъ и не изъ Польши, а изъ казны декабристовъ. Не забудемъ, что заводы въ отношеніи ко всѣмъ ссылнымъ, а тѣмъ болѣе относительно „политическихъ“, были подчи-

нены вѣденію Ленарскаго—коменданта нерчинскихъ рудняковъ. „Послѣ стало легче“ (свидѣтельствуеть одинъ изъ поляковъ, жившихъ на каторгѣ, вообще недружелюбный къ Россіи и озлобленный противъ Сибири, сохранившій приведенное нами преданіе о первой встрѣчѣ поляковъ за Байкаломъ *); „Волге человѣчными сдѣлались отношенія (говорить онъ дальше); тиранія и варварство въ тѣхъ руднякахъ стали уменьшаться. Старики, помнящіе старыя времена, говорятъ о тогдашнихъ начальникахъ, какъ о грубыхъ тиранахъ, поступавшихъ съ людьми звѣрски. Нынѣшнее обращеніе—терпѣливое, отношеніе къ польскимъ смыльнымъ милостивое, деликатное и мягкое. По закону ни одна категорія поселенцевъ, даже политическихъ, не освобождена отъ тѣлеснаго наказанія, но не было ни одного примѣра, чтобы наказали политическаго поселенца безъ суда (какъ это дѣлается съ прочими) и чтобы котораго нибудь изъ нихъ записали въ чехъ саугъ“.

Другой полякъ въ Западной Сибири знаетъ и также за границею писалъ, что „сосланныхъ въ Нерчинскъ обыкновенно въ руднякахъ не заставляли работать, т. е. ихъ не опускали во внутрь шахты, но въ рабочіе часы должны они выходить съ тачками и возить въ нихъ землю, либо добытую руду; однако, трудъ ихъ быть не черезъ силу“. „Поляковъ охотно принимали въ избранныя общества, имъ дозволялись слюдки для увеселеній. Совершенно нельзя вѣрять тому, что въ нерчинскихъ заводахъ политическихъ смыльныхъ называютъ только нумерами и что они носятъ только арестантскую форму. Въ самомъ дѣлѣ называютъ ихъ востоящими именами и они носятъ такое платье, какое могутъ“ **).

„Съ смыльными обходятся снисходительно и готовы раздѣлить съ ними послѣднюю копейку и кусокъ (пишетъ бывшій генераль-губернаторъ Восточной Сибири Броневскій, въ 1836 г., служившій до того долгое время и въ Западной) ***). Смыльные и живутъ, такъ сказать, на счетъ обитателей Сибири; никто не хочетъ доискиваться, что былъ смыльный и что онъ за преступникъ, знаютъ всѣ его подъ общимъ именемъ „несчастный“. Ни происхожденіе, ни религія, ни нація не имѣютъ различія въ обхожденіи съ ними, хотя и часто видными были разительныя доказательства неблагодарности нѣкоторыхъ“.

„Съ сосланными изъ дворянъ (говоритъ другой свидѣтель нерчинскихъ порядковъ, выслан-

ный по дѣлу Петрашевскаго) и, вообще, съ политическими преступниками обращались во большей части хорошо. Изъ почти никогда не посылали на работу и, если не было особаго предписанія, не содержали и въ тюрьмахъ (а на гауптвахтахъ). Начальство было съ ними вѣжливо, пріятливо. Наши дворяне далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ начальства (да и того и сами не заслуживали)“. Въ Култумѣ, напримѣръ, поляки жили въ особомъ большомъ домѣ, нарочно для нихъ построенномъ. „Вольшее частью они смылялись на короткіе сроки на каторгу и, выходя на поселеніе, занимались мелкою торговлею, подрядами и хозяйствомъ; большая часть—небогатая шикота, всѣ набожные католики, всѣ мало облекались съ русскими, кромѣ подрядчиковъ. Въ послѣднее время (передъ освобожденіемъ во квинфесту покойнаго Государя) нѣкоторые поляки по подрядамъ нѣсколько зарисковались, но у народа пользовались довѣріемъ. Для всѣхъ политическихъ преступниковъ было общее названіе поляковъ и главною особенностью для распознаванія полагалось не нарѣчіе, а образованіе. Многіе серьезно занялись своимъ развитіемъ и успѣли образовать себя замѣтательно“.

Въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, на злѣпную скадчину всѣхъ смыльныхъ поляковъ, составлена была замѣчательная по составу сличеній и по количеству томовъ (три тысячи) бібліотека, часть которой временами отдѣлялась для пользованія смыльными другія рудняковъ (между прочимъ, одинъ изъ такихъ отдѣловъ бібліотеки существовалъ въ Култумѣ). Основаніе бібліотекъ положили четыре поляка (Вопрэ, Машковскій, Воровскій и Чавскій), сосланные по дѣлу Коварскаго; они составили между собою за Байкаломъ товарищество, произвавшее Ogól. Впослѣдствіи подъ этимъ именемъ долгое время существовала община забайкальскихъ изгнанниковъ, которая владела бібліотекою, выписывала газеты, выдавала цѣльс и была хранительницею классы, составлявшейся изъ добровольныхъ взносовъ инуцки. Сессія для повѣрки отчетовъ и происшедшихъ тратъ и для соображенія будущихъ расходовъ происходила обыкновенно въ Большомъ заводѣ на праздникъ Рождества Христова. Власти знали о сессіяхъ и объ Огулѣ, но не преслѣдовали. Товарищеское согласіе и взаимная помощь, развиваясь подъ самыми благопріятными условіями, сложилось въ нѣчто такое, что достойно уваженія и подражанія. Въ участникахъ дѣла и въ дѣятеляхъ по товариществу успѣли выясниться замѣчательные люди, стоявшие къ товарищамъ самыми замѣтными сторонами прекрасной души и въ дѣлахъ инокости и благовѣренія въ нерѣдкихъ случаяхъ казавшихъ энергію до самопожертвованія и самоотвер-

*) Агатонъ Гиллеръ, написавшій за границею три тома: «Описаніе Забайкальской укранны въ Сибири» (Лейпцигъ, 1867, *Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberji*).

**) Руфинъ Піотровскій: „Pamiętniki z pobytu na Syberji“. Poznan, 1860.

***). Въ недавнихъ рукописныхъ запискахъ о службѣ.

ня. Въ особенности замѣчательнъ былъ въ этомъ отношеніи Александръ Венжикъ, бывшій основатель варшавскаго товарищества Св. Креста. Вотъ что говорить о немъ хорошо знавшій его Гиллеръ:

„Венжикъ былъ сосланъ на легкія работы въ рудникахъ. Посылаемый на луга для уборки сѣна, онъ, сидя въ палаткѣ со своимъ товарищемъ, зачитывался произведеніями Гельвеція и другихъ философовъ XVIII вѣка. Въ нихъ, однако, онъ не нашелъ матеріаловъ для себя въ достаточной мѣрѣ, а между тѣмъ праздность не переставала мучить этого человѣка, нравственный организмъ котораго требовалъ труда и искалъ цѣлей, каковыя бы вмѣнили все его существо. Онъ созданъ былъ для дѣятельности, для высокихъ цѣлей и для крупныхъ предпріятій, а не для полумѣры. Безъ высшихъ занятій, въ недѣтельности, онъ не могъ быть покойнымъ и придти въ себя. Въ такомъ положеніи люди либо падаютъ, либо крѣпнутъ больше прежняго. Венжикъ также находился на пути къ паденію. Во время внутренней борьбы и душевныхъ тревогъ онъ узналъ красивую крестьянскую дѣвушку и, всей душой полюбивши ее, привязался къ ней. Если бы она не была русскою, онъ женился бы на ней, но ея вѣра стала преградой. Долго онъ боролся съ собою, долго колебался въ выборѣ средствъ, но въ концѣ превозмогъ любовь и пожертвовалъ ею для товарищей“. „Мысли и начала свои онъ оторвалъ отъ исключительной, эксцентричной почвы и утвердилъ ихъ на твердомъ основаніи сильныхъ и широкихъ убѣжденій: не сдѣлавшись фанатикомъ, онъ сталъ человѣкомъ религиознымъ“. Съ этой поры всю свою жизнь Венжикъ посвящалъ товарищамъ по ссылкѣ, не раздѣляя политическихъ отъ присланныхъ за гражданскія и уголовныя преступленія, лишь бы только то были поляки. Онъ разыскивалъ крайнихъ бѣдняковъ между ними, поддерживалъ колебавшихся, поднималъ упавшихъ и потерявшихъ. „Не было селенія самаго отдаленнаго, гдѣ бы не являлся онъ, неся матеріальную помощь деньгами и нравственную въ словѣ Христовомъ. Чтобы соединить всѣхъ съ Богомъ, возбудить въ нераскаявшихся раскаяніе и исправленіе, онъ въ главнѣйшихъ селеніяхъ Даури устроилъ общія молитвы между католиками. Передъ алтарикомъ, устроеннымъ въ квартирѣ кого либо изъ товарищей для произнесенія молитвъ и лѣтаній, собирались, подъ предводительствомъ политическаго ссылкиго, всѣ католики изъ рудника *). На Пасху и Рождество собирали

онъ всѣхъ каторжныхъ поляковъ и дѣлился съ каждымъ узникомъ освященнымъ яйцомъ либо оладкою; распрашивалъ о нуждахъ и всегда помогалъ, неизбѣжно имѣя на устахъ слово Божіе, подкрѣпляющее въ несчастныхъ и несущее надежду упавшимъ. Образъ его въ рудникахъ представляется намъ образомъ миссіонера!“ Этотъ видъ богослуженія (особое набоженство), эти молитвы устояли за Байкаломъ и послѣ смерти Венжика въ 1863 году. На могилу его товарищи положили доломитовый камень и, найдя въ имуществѣ 1 тыс. золотыхъ, постановили увеличить эту сумму добровольными взносами для того, чтобы возможно было въ окрестнѣ его родины купить землю, основать колонію и отдать ее во владѣніе родственнику какаго либо заслуженнаго въ бою или отличившагося въ ржондѣ крестьянина. Прожилъ Венжикъ, отказывая себѣ во многомъ и ничего не жалѣя для другихъ; держалъ себя скромно, не хвастливо, бѣгалъ въ убогой одеждѣ, писать не любилъ; дѣятельная жизнь совершенно оторвала его отъ пера. Временами, въ веселомъ настроеніи духа, въ кучѣ пріятелей, импровизировалъ либо писалъ стишковъ, куплетикъ, который потомъ, пропѣтый товарищами, служилъ приправою бесѣдъ и поводомъ къ веселымъ шуткамъ товарищескихъ собраній.

Вольной неречейскій заводъ въ два великихъ праздника (въ Рождество и Пасху) служилъ мѣстомъ обширнаго собранія всѣхъ поляковъ и, вообще, этотъ заводъ можно было считать важнѣйшимъ и главнымъ пунктомъ польскаго изгнанія въ Сибири; его называли „столицею забайкальскихъ польскихъ изгнанниковъ“. Изъ дальнихъ мѣстъ сгѣшши къ этимъ днямъ всѣ осмысленные для свиданія съ товарищами и для исполненія на великіе дни богослужебныхъ и праздничныхъ обрядовъ, указанныхъ религіею и народными обычаями. Это были и времена заявленій каждаго о личныхъ нуждахъ, планамъ и намѣреніяхъ. Тогда начинала свои дѣйствія общественная касса.

Касса польская, образуемая изъ взносовъ самихъ ссылныхъ и отъ присылокъ изъ Польши, всегда владѣла нѣсколькими тысячами рублей *).

даль въ нихъ, о тѣхъ заводились справки; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ строго наказывали. Забайкальскій католическій приходъ заключалъ въ себѣ въ 1860 году 1.635 прихожанъ; за пять лѣтъ до того ихъ было 758 и въ томъ числѣ 150 политическихъ преступниковъ. Приходъ этотъ устроенъ въ 1840 году по желанію и просьбамъ ссылныхъ этого періода; до тѣхъ поръ Забайкалье принадлежало къ Иркутскому приходу.

*) Сооруженію въ заводѣ каплички съ малыми органомъ и снабженію ея всѣми необходимыми способствовала много Прохольская, изъ Подольской губерніи, высланная за то въ Ярославль. Вислѣдствіи на деньги, собранныя ея прихожанъ и на Водный и Украинѣ Раковскомъ, предполагалось было выстроить костелъ въ Читѣ съ тѣмъ, чтобы упразднить существовавшій въ

*) Для уставщиковъ такого «набоженства» Венжикъ написалъ инструкцію подъ названіемъ «Uwagi o potrzebachъ nabozenstwaъ bajkalskiejъ rafałi». Впрочемъ, и само правительство строго требовало исповѣди у ксендзовъ, обязанныхъ составлять списки исповѣдникамъ. Кто не пона-

наблюдалась она особым кассиромъ, ежегодно избираемымъ на эту должность (Венчикъ безсмысленно состоялъ таковымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ). Изъ кассы брали помощь старики, больные, либо оставшіеся безъ занятій; она же давала и займы для устройства быта и различныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. На вспомошествованіе ея имѣлъ право каждый членъ ссыльной колоніи, этой польской общины азъ Байкаломъ; не пользовались же этимъ правомъ только поляки, сосланные не за политическія преступленія, какъ не признаваемые въ составъ общины, не пользовались не платившіе процентовъ (не вносящіе денегъ) и тѣ изъ политическихъ, которые успѣли жениться на сибирячкахъ, какъ добровольно исключившіе себя изъ нее черезъ нарушеніе одного изъ коренныхъ правилъ колоніи. „Община была и есть угѣтою жизни поляковъ въ ссылкѣ. Взаимная помощь и взаимный контроль уладили ссыльныхъ, облегчили имъ жизнь, спасли ихъ достоинство, возвысили помислы и сдѣлали то, что поляки имѣли здѣсь неограниченный кредитъ, довѣріе и уваженіе, какъ выразились по отношенію къ нимъ магнитъ и снисходительнымъ обращеніемъ властей, исканіемъ торговыхъ, товарищескихъ и иныхъ сношеній со стороны тамошняго народа“. Кроме того, въ Вильпомъ заводѣ, черезъ браки поляковъ между своими, образовалось нѣсколько польскихъ семейныхъ домовъ, гдѣ изгнанники не мало встрѣчали угѣшеній и помощи. Гостеприимство, искренность и прелесть приѣма, какими всегда отличаются поляки, умѣли не одного изгнанника перенести воспоминаніями на далекую родину, тѣмъ болѣе, что и народныя обычаи въ этихъ семействахъ свято соблюдались.

Такимъ же пунктомъ для сходакъ товарищескихъ и для общія мыслей служилъ нѣкоторое время Акатуйскій рудникъ, гдѣ ссыльные поляки группировались около Высоцкаго. Подъ влияніемъ этого замѣчательнаго человѣка умѣла также уберечься польская національность, склонная не дружить съ русскою, не смотря на благоприятныя условія, предлагаемая добровольно и безъ принужденія и даже извѣстнаго рода необходимая. Въ Акатуй къ Высоцкому, во время житія его на поселеніи, изъ ближайшихъ странъ нерчинской ссылки собирались товарищи изгнанія и здѣсь, въ его скромномъ жилищѣ, торжественно справляли памятную годовищину 29 ноября. Высоцкій гостеприимно встрѣчалъ всѣхъ званыхъ и незваныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; временами кто нибудь запѣвалъ веселыя народныя пѣсни, всегда въ день св. Сатуринна раздававшіяся въ жилищѣ общаго любимца всѣхъ польскихъ изгнанниковъ*),

нерчинскомъ заводѣ иркутскій костель, построченный гр. Литвою.

*) Нѣкоторые поляки, какъ Петръ Сдѣтън-

Этотъ тѣсною дружбою, этою готовностью ко взаимной помощи и поддержкѣ прославлялся поляки между сибиряками въ видѣ поразительнаго исключенія и замѣчательнаго обраца. Въ Тобольскѣ встрѣчала ихъ помощь Петра Мошанскаго, сосланнаго туда на житье, и князя-богача Романа Сангушки, надѣлавшаго деньгами каждаго изъ проходившихъ въ этанной партіи, и проч. *). Всякій вновь прибывшій въ рудники ссыльный находилъ у старшихъ пріютъ, обязательную помощь и необходимые совѣты на предстоящую жизнь, какъ бы отъ родныхъ братьевъ, кровныхъ друзей. Рѣдкій изъ ссыльныхъ поляковъ не зналъ или не имѣлъ понятія объ остальныхъ товарищахъ по изгнанію: Высоцкій зналъ поименно каждаго и ни одному изъ своихъ соотечественниковъ не отказывалъ въ гостеприимствѣ и совѣтахъ. Въ обязательствахъ такого всевѣденія предполагалась та возможность влияния на упавшихъ духомъ, которая выражалась между прочимъ, въ стремленіяхъ не давать смѣшиваться польской крови съ русскою. Враки съ сибиряками считались важнымъ отягощеніемъ и строгий контроль и наблюденіе всегда являлись съ отговорами, мольбами и запрещеніями вездѣ и тотчасъ тамъ, гдѣ житейскія обстоятельства и сердечныя стремленія завязывали умы Гимнея. „Такихъ общественное мнѣніе сурово карало, однако, старанія товарищій не всегда были успѣшны“. Сохраненіе національнаго чувства и патриотическихъ вѣрованій, съ самыми крайними и странными проявленіями, низведенными до тонкихъ мелочей, было одною изъ характеристическихъ особенностей и однимъ изъ главнѣйшихъ сознательныхъ стремленій всѣхъ политическихъ ссыльныхъ этого втораго періода ссылки. Успѣхъ удался въ такой степени, что изъ всего множества политическихъ ссыльныхъ Восточной Сибири, говорить, только 27 остались доживать здѣсь свой вѣкъ послѣ всеміростаго прощенія. „Община (огуръ) такъ устроила дѣла изгнанниковъ Восточной Сибири, что они вернулись на родину, не словивши духа и не уронивши характера представителей Польши“ свидѣтельствуется Аг. Гиллеръ.

Жизнь поляки, подъ влияніемъ товарищества и при содѣйствіи общественной кассы, различный съ братьями (въ Александровскомъ заводѣ), пробовали жить товарищески на равныхъ, коммунистическихъ правахъ, но попытка ихъ не удержалась на практикѣ.

*) Романъ Сангушко числялся солдатомъ въ тобольскомъ батальонѣ и жилъ на волѣ. Впоследствии, по ходатайству родственниковъ, переведенъ въ казакскія войска съ дозволеніемъ выслуги. Когда дослужился, онъ уже очень мало видѣлъ и оглохъ. Глухимъ онъ встрѣтилъ и глухимъ остался къ послѣдному польскому воеводѣ, явивъ въ своихъ мнѣніяхъ въ Волынской губ. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ въ Тобольскѣ полковникъ Крыжановскій, отличившійся въ малолетнихъ войскахъ въ Испаніи, другъ генерала Хлопонцаго, человѣкъ высокоразумный.

ными способами труда, приспособляемого на большую часть по образцам и требованиям местным: по заказам, подрядам и при содействии купцев, по наймам и под руководством чиновников; поляки искали либо частной службы, либо казенной. Наибольшее число их Сибирь видела мелкими торговцами, купеческими приказчиками, либо станционными смотрителями и писарями; охотливее всего искали они выгодных мест волостных писарей. Привилегия грамотности и умнее писать составляли основную причину польских успехов во всех последних случаях: близкие взаимные связи, вследствие одноплеменности и соучничества, всегда (как и везде на свете) выражались тем, что там, где удалось укрепиться одному, находилась возможность к обезпечению другого поляка. Исключения являлись только в силу неодолимых препятствий, предусмотренных законами физики или запрещениями начальства, временами налагаемыми. В заводских конторах писали обыкновенно трое, но и такому числу бумажных работ приходилось по горло: писали с 8 до 12-ти, потом обѣдали, в два часа опять садились писать и снова писали часов до 10 и 11-ти. Не было работы — ходили в конторы сидеть и снова писали уже от безделья и сверхъ сыта. В некоторых случаях опытные и образованные люди умели вызывать и приспособлять такие новые способы производства, о которых в тех местах до того времени мало разумели или не догадывались. Особенным успехом пользовались знатоки различных технических производств, распространенных в Польшу, а наибольшую пользу сибирской стране оказали те, которые, занявшись земледелием, приспособляли различные способы рационального сельского хозяйства.

Между первыми особенными выгодами в материальном отношении воспользовались те, которые обратили внимание на превосходное дерево сибирского кедра, редко растущего сплошным лесом, но замечательно распространенного по всей Сибири. Плоды его, шишки с орехами, составляли только любимый корм белок и любимое лакомство сибирячек, превративших шелканье кедровых орехов в обязательное и ежедневное препровождение времени. В некоторых случаях, в пределах Западной Сибири, орехи — меда составляли предмет торговли и в сыром виде вывозились за Уральский хребет, продавались на Ирбитской ярмарке. За Байкалом масло кедровых орехов составляло продукт русского приготовления. Масло было лучше, потому что орехи чистились лучше, но зато не могло быть предметом серьезной торговли. Грызли орехи обыкновенно девочки-подростки, но грызли они так искусно, что, раскалывая скорлупу, не

касались зубами орехов. За Байкалом некоторые поляки основали небольшой завод для добывания из орехов масла, для очистки скорлупы и выжимки из мякоти продукта; один из них (Савичевский) занялся усерднее других, устроил даже и мыльный завод *). Кедровое масло из этой маслобойни тотчас обратило на себя внимание не столько как вещество новое, сколько как добротный продукт. Когда такой же опыт произведен был Морачевским в Западной Сибири и масло дошло до Москвы, то, по свежести, цвету и другим качествам, оно найдено было соответствующим тому, на которое существует в православной России такое огромное и повсеместное требование и громадный расход. Издавна, как известно, в этом случае спрос неизмеримо превышает фабрикацию привозного продукта и деревянное или оливковое масло издавна приправляется всякими примесями других масел, между которыми сурепному принадлежит первое место. При всегдашних замечательствах по недостатку суррогатов, кедровое масло, светлое и сладкое и близко подходящее к привозному оливковому, показалось московским оптовым торговцам рентабельным кладом. Замеченный недостаток смолистого вкуса от доставки его в сосновы бочках вскоре устранен был сибирскими заводчиками-поляками тем простым способом, что кедровое масло стали доставлять в кедровых бочках. Дела заводчиков быстро поднялись: продукт их продолжал сдабривать деревянное масло вопреки православному обычаю зажигать в лампадах елей чистый и безпримесный. Успехи увеличивались начиная с большой выгодой для поляков Западной Сибири, хотя с наименьшею для заводчиков Забайкалья, но уже по причинам географическим.

В Сибири, как известно, нет вовсе в лесах вяза, клена и ясени; за Байкалом в озерах и болотах — пиявок, в лугах и лесах — пчелы. На мед, как на продукт, весьма дорого стоющий в православной Сибири, которая соблюдает посты и сильно потребляет чай и пряники, также обращено было внимание в Западной Сибири. Разведение пчел содействовали также сыльные поляки, несколько знатоки и любители этого промысла, сильно

* Савичевского поддержал кяхтинский купец Ив. Як. Спешников. Предприятие было, однако, не совсем удачно. Масло стало горько оттого, что у крупных орехов скорлупа вдавливается в мякоть, а мелкие просекаивала с целую скорлупу между жерновом. Грохоты и жернов придуманы в казенной декабристами. Отсюда и взяты И. Я. Спешниковым. Пчела на масло не уменьшалась, однако; масло ручного производства было так дешево, как никогда не бывало при машинном производстве, потому что избыток шла в кушанье.

развитого въ бѣлорусскихъ и литовскихъ лѣсахъ, содѣйствовали по инициативѣ начальника алтайскихъ заводовъ, полковника Аршеневскаго, богатаго человѣка и любителя оедьскаго хозяйства. Въ 1790 году онъ выписалъ изъ Россіи два улья въ свой полковой штабъ. Съ легкой его руки воспитаны были пчелы около Семипалатинска, въ Устькаменогорскомъ и Бухтарминскомъ краяхъ при содѣйствіи полковъ и литовцевъ, поселенныхъ деревнями или определенныхъ въ казачьи войска. Теперь пчеловодство сильно развилось и вращаетъ сотнями тысячъ рублей на всемъ югѣ Томской губерніи, преимущественно въ Війскомъ округѣ (медъ отсюда везутъ даже въ Иркутскъ); начинаютъ также разводять пчелъ и въ богатыхъ липовыхъ лѣсахъ по р. Тартасу въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи *).

На сибирское огородничество, вообще находящееся въ зачаточномъ состояніи, поляки вліяли главнымъ образомъ тѣмъ, что, выписывая изъ Польши сѣмена, ознакомили съ нѣкоторыми неизвестными и распространили лучшіе сорта овощей и плодовъ. Въ маленькихъ щеголеватыхъ огородахъ, даже у самыхъ бѣдныхъ изгнанниковъ, сибиряки увидѣли макъ, петрушку, сельдерей, порей, двѣтвую капусту, фасоль, арбузы и дыни и имѣли возможность, черезъ подражаніе и при указаніяхъ, распространить возрастаніе ихъ въ болѣе широкія размѣры (макъ, напримѣръ, хотя и хорошо родится на сибирской землѣ, но весьма мало воспитывался). Сибиряки, между прочимъ, глубоко убѣждены были въ томъ, что арбузы и дыни, кромѣ парниковъ и оранжерей, нигдѣ родиться не могутъ. Воспитанные тамъ плоды эти продавались въ Иркутскѣ отъ 5 до 10 р. асс. Но Вл. Фед. Раевскій (декабристъ) сталъ разводить арбузы въ 80 вер. отъ Иркутска въ Олонкахъ на особыхъ грядкахъ и безъ особенныхъ хитростей. Тамошнія бабы выжились, стали подражать, ихъ примѣру послѣдовали бабы въ Александровскомъ заводѣ и теперь на иркутскій рынокъ натаскиваютъ арбузовъ цѣлые воза, такъ что арбузъ стоитъ уже отъ 10 до 50 копеекъ **).

Какъ ссыльные на мысѣ Добрая Надежды

*) Между прочимъ, сибирскій медъ—такого качества, что подобнаго ему трудно найти въ Россіи.

***) Огородничество процвѣтало задолго до полковъ и раскольниковъ Забайкалья и на Алтай и распространено въ лучшихъ видахъ у декабристовъ задолго до прибытія поляковъ, которые вначалѣ даже и сѣменами пользовались изъ каземата. Въ Иркутскѣ задолго до поляковъ былъ у губернатора Цейдлера, а особенно у купца И. И. Баскина образцовыя оранжереи, которыя были бы замѣчательны и вездѣ. Въ Минусѣ разводились арбузы изданна, а въ Западной Сибири славилась ташкентскія огурцы, какъ въ Восточной китайскія, имѣющіе ту выгоду, что можно было ихъ выращивать на окнахъ, на трельяжахъ и т. д.

развели виноградъ, эмигранты-французы основали въ восточныхъ предѣлахъ Лондона шелковая фабрика и научили сакоонцевъ выдѣлывать сукна и шляпы (издѣлія, составившія до того времени монополію Франціи), такъ, между прочимъ, плѣнные шведы въ Орловской губерніи выучили косить пшеницу, а въ Сибири основали первыя школы *). Поляки кое-гдѣ за Байкаломъ и во многихъ мѣстахъ обнѣтъ Сибирей познакомили съ плугомъ. Въ остальной Сибири съ плугомъ и литовками ознакомили туземцевъ добровольные переселенцы Малороссіи, казаки. Поселенцы косили косомъ и горбушею, смотря, кто изъ какого мѣста былъ. Самая лучшая за Байкаломъ пшеница называется полька, а у семейскихъ старовѣровъ—кубанка, выписанная впервые изъ Польши и присланная черезъ почту. Подъ Вольскимъ нерчинскимъ заводомъ у изгнанниковъ былъ образцовый фольваркъ (хозяйнъ его Бульцескулъ). Нѣкоторые разводили лошадей, каковыя сибиряки охотно покупали, утѣренные въ томъ, что лошади, выхощенныя по европейскимъ образцамъ, крѣпки, красивы и быстры, и до сихъ поръ помнятъ, что между поляками Валецкій искусно способствовалъ улучшенію породы туземныхъ лошадей. Шведы и финны въ томъ же Забайкальѣ, какъ и въ остальной Сибири, познакомили крестьянъ съ приготовленіемъ чужонскаго масла и тѣ же поляки основали фабрики сыровъ польскихъ и швейцарскихъ **). Была даже маленькая фабрика, приготовлявшая сы-

*) Въ Тобольскѣ, между прочимъ, жили Дятмакъ, секретаря Карла XII, и полковникъ Стреленбергъ, успѣвшій объѣздить съ ученою цѣлью многія мѣста Сибири. По возвращеніи изъ плѣна въ Стогольмъ, онъ написалъ книгу (на нѣм. яз.): «Сѣверо-восточная часть Европы и Азія, содержащая въ себѣ географическія, этнографическія и историческія свѣденія о Сибири и отчасти объ европейской Россіи, съ картами Сибири». Татищевъ написалъ на эту книгу замѣчанія.

**) На Чикоѣ, въ деревнѣ Шембелки, полякъ Савичевскій имѣлъ два завода: мыльный и масляный (изъ кедровыхъ орѣховъ). Въ 1859 г. выработано имъ было масла на 12 тыс. руб. Савичевскій имѣлъ также чайную торговлю въ Кяхтѣ. Швейцарскіе сыры варилъ въ Петровскомъ заводѣ братья Карпинскіе. По возвращеніи ихъ въ 1857 году на родину, сыроварня эта исчезла безъ слѣдовъ. Сыръ, какъ извѣстно, возятъ за Байкалъ изъ Москвы за 6 тысячъ верстъ; порядочное мыло, пригодное для стирки бѣлья, за 4½—5 тыс. верстъ изъ Казани, даже простыя салыны свѣчи идутъ въ Иркутскъ и далѣе изъ Томска за 1½, 2, 2½ тыс. верстъ. Приготовленіе обыкновеннаго польскаго сыра составляло необходимую принадлежность всякаго хозяйства польскихъ поселенцевъ. Въ Александровскомъ заводѣ Пасербскій и Вогульскій имѣли свѣчной заводъ. Мыло варили задолго до поляковъ. Казанское привозило оттого, что оно было въ славѣ и провозъ за Байкалъ былъ необычайно дешевъ (напр., отъ моря (Байкала) до Читы 45 коп. асс. съ пуда).

гары изъ монгольскаго и перчискаго табаку.

Съ выѣздомъ поляковъ изъ Сибири упала добротность кедроваго масла, вызвавшая теперъ въ Москвѣ сожалѣніе, къ тому же вывозъ масла уменьшился, сверхъ того, вслѣдствіе вздорожанія за Байкаломъ и въ Сибири всѣхъ работъ, въ томъ числѣ и добыванія орѣховъ, а особенно вслѣдствіе вздорожанія въ пять разъ и болѣе провоза. Исчезло безъ слѣда сыровареніе *). Не укрѣпилась секретъ Валепкаго воспитывать лошадей, не пустила глубокихъ корней выдѣлка березовыхъ трубокъ, на которыя особенно охотливы и искусны были забайкальскіе поляки; не распространились по городамъ ремесла, не смотря на то, что сапожниковъ и башмачниковъ прислаано было изъ Польши много, не смотря на то, что между слесарями и кузнецами поляками находились истинные артисты своего дѣла и, вообще, техничскія производства и ремесла на городскую и дворянскую руку нѣшли въ полякахъ замѣчательно хорошихъ представителей. Первая въ томъ краю вѣтряная мельница, построенная въ перчинскомъ Большомъ заводѣ, то же недолго похлонула крыльями и не нашла покровителей: вѣтры не крѣпки. Крупнаго вліянія и сильнаго впечатлѣнія дѣла и затѣи ремесленниковъ изъ поляковъ не произвели на ссыльные страны; не произвели и потому, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ желанія и цѣлей приспособлять свои ремесленныя знанія въ широкаго размѣра къ мастерству и школѣ, и потому, что всякій работалъ изъ-за насущнаго куска хлѣба. Воспользоваться изъ знаніями и обратить ихъ на пользу туземцевъ никому и въ голову не приходило: омская весьма успѣшная и иркутская не совсѣмъ удачная попытка образовывать поляками полковыхъ музыкантовъ, вмѣстѣ съ разведеніемъ пчелъ подъ Семипалатинскомъ, стоятъ одиноко и остались безъ подражателей *). Всякій работалъ самъ для себя и самъ про себя. И Высоцкій варилъ въ Акутѣ мыло, но издѣлія его, въ маленькихъ квадратныхъ выпуклыхъ печаткахъ (съ надписью Р. W. Akutoja), не употреблялись по назначенію, а раскупались для храненія на память обожавшими его земляками. Мыло поляка Хлопицкаго приманило было сначала своимъ бѣлымъ видомъ, но когда оказалось не мыло, то и потеряло скоро кредитъ. И братья Далевскіе лили салныя свѣчи, и на р. Аргуня двое поляковъ основали кожевню, но издѣлія первыхъ вовсе не расходились дальше гатъ Газимурскаго селенія, а издѣлія вторыхъ удовлетворяли только мѣстнымъ ну-

*) Впрочемъ, польскій сыръ былъ очень хорошаго качества.

**) Въ составъ иркутскаго оркестра вмѣстѣ съ поляками поступила, между прочимъ, ссыльные дворовые гр. Аракчеева, сосланные по дѣлу убійства извѣстной графской любовницы Натасьи.

ждамъ контрабандистовъ. Цезиковскія же глиняныя статуэтки, вазы и трубочки весьма мало нашли себѣ подражателей и продолжателей. Съ болѣею охотою пускались поляки на мелкія работы: шили башмаки, дѣлали деревянныя чашки, ложки, ведра, кадучки, глиняные горшки; на Шингѣ и Аргуня занимались рыбною ловлею, охотою; у купцовъ жили въ поваратахъ, въ приказчикахъ, бухгалтерами, учителями при дѣтяхъ (особенно большую помощь нашли поляки у богатыхъ купцовъ Кандицкихъ). Между прочимъ, поляки любили разносную торговлю коробейнымъ товаромъ; нѣкоторымъ при этомъ приходилось, по вывозу и требованіямъ туземнаго населенія (какъ въ Западной Сибири), гадать за яйца для пушлага успѣха на дарѣ Соломонѣ, колдовать, ворожить и лечить всякими вѣдомыми и невѣдомыми снадобьями. Нѣкоторымъ удалось отъ торговли и различнымъ подрадовъ разбогатѣть до забвенія о родитѣхъ, а нѣкоторымъ послѣ того и раззориться (какъ случилось въ Восточной Сибири — именно за Байкаломъ, когда переименовали крестьянъ въ казаковъ и въ вознагражденіе за пожертвованія при этомъ воспретили имъ платить купцамъ долги *).

Несомнѣнно прочтѣе и плодотворнѣе было вліяніе тѣхъ изъ поляковъ, которые посвятили себя обученію дѣтей грамотѣ, тѣмъ болѣе, что это занятіе принадлежало значительному числу ихъ, а притомъ въ такихъ далекихъ мѣстахъ и глухихъ заколустяхъ, гдѣ безъ этихъ случайныхъ гостей дѣло грамотности коснѣло бы при старыхъ порядкахъ. Недовѣрчивость и упорство, высказавшееся на встрѣчу полякамъ на первыхъ шагахъ ихъ, имъ удалось усилить терпѣніемъ и настойчивостью и, во всякомъ случаѣ, при обстоятельствахъ, болѣе благопріятныхъ (въ городахъ, мѣщанскихъ и купеческихъ семействахъ), ссыльнымъ полякамъ удалось значительно предотвратить и восполнить недостатокъ воспитателей. Съ точностью опредѣлить ихъ услугу и найти ея границы невозможно только потому, что параллельно съ ихъ дѣятельностью на поприщѣ обученія шла таковая же готовая, неустанная, правильная и честная дѣятельность декабристовъ **).

*) Богатый домъ Кандицкихъ съ этого времени пошелъ быстро къ падевию и банкротству. Пострадала отъ этой мѣры и два извѣстныхъ поляка: Гжовскій и Грушевскій. Послѣдній жилъ въ Кулзумѣ и велъ обширную торговлю, имѣлъ большое хозяйство; на р. Газимурѣ не было человека, который не состоялъ бы у него въ долгахъ. Самыми выгодными предпріятіями и спекуляціями считались поляки тѣ, которыя правилось имѣть съ казною, по причинамъ, весьма хорошо извѣстнымъ и не требующимъ объясненія.

**) Яснѣе выражалось вліяніе поляковъ въ передачѣ знаній французскаго языка и другихъ иностранныхъ, на преподаваніе которыхъ они охотливѣе соглашались, тѣмъ на преподаваніе

общихъ усилій очевидно: количество грамотныхъ въ казачьемъ сословіи, между заводскими крестьянами и городскими мѣщанами несравненно выше соответствующихъ имъ сословій Россіи. Сибирское кучество вообще отличается наибольшою развитостью въ политическихъ взглядахъ, наибольшимъ такъ называемымъ энциклопедическимъ образованіемъ, чѣмъ, напр., то же кучество, которое покупаетъ у нихъ чай и мѣла и отпускаетъ имъ ситцы, сукна, готовые саногн и готовое платье, заготовляемые Московю. Гостеприимно отворяя двери изгнанникамъ, въ нравственномъ отношеніи сибиряки много выиграли, судя по личнымъ нашимъ наблюденіямъ и по свидѣтельству всѣхъ, имѣвшихъ съ ними дѣла и встрѣчи. Снисходительность и терпимость сибиряковъ, развитыя опытомъ и вызванныя необходимою, даже сильнѣе въ этомъ случаѣ, чѣмъ въ долготерпливой и неаполитанской Россіи. Этими-то свойствами обязаны сибиряки сближеніемъ съ политическими ссыльными и приобретеніемъ отъ нихъ возможныхъ услугъ и помощи. Во всякомъ случаѣ, политическіе изгнанники оставили въ Сибири слѣды глубокіе и пріятныя.

Полякамъ привелось, вслѣдъ за другими, будучи мысль, поднимать самосознаніе и направлять самостоятельность. Общими усиліями всѣ политическіе ссыльные, главнымъ образомъ, достигли до того уваженія и туземцевъ и до той сибирской терпимости, которая имъ же самимъ послужила на пользу, пойдетъ вооруженная готовностью и на будущія времена. Мы не говоримъ уже о той пользѣ странѣ, которую принесли, между прочимъ, поляки, явившіеся съ врачебными знаніями, съ каковыми многіе (какъ Шокальскій), не смотря на запрещеніе имъ практики, шли на безвозмездную и готовую помощь сибирскимъ людямъ, предоставленнымъ судьбою въ пользованіе ламъ и шамановъ **).

русскаго языка. Точно также сибиряки много обязаны полякамъ въ обученіи музыкѣ. Музыкѣ они учили также съ замѣчательною охотою. Въ Кяхтѣ они сильно распространили ястру на фортепіано. Уже въ 1836 году въ Иркутскѣ молодые купцы танцовали французскую кадрили и принимали самое живое участіе на балахъ, входившихъ въ моду, и на музыкальныхъ вечерахъ, начинавшихъ интересоватъ общество. У насъ многоихъ купцовъ, въ то же время, существовали уже значительныя бібліотеки съ хорошими книгами и имѣлись кабинеты съ рѣдкими и изящными вещами. «Жены и купеческія дочери, по свидѣтельству самопидца, блистали богатыми нарядами, выходили на Кузнецкаго-Моста». Въ Кяхтѣ поляки: весьма нерѣдко давали музыкальные концерты; одинъ изъ такихъ артистовъ остался директоромъ оркестра въ иркутскомъ театрѣ.

** Между прочимъ, нѣкоторые поляки по примѣру латын и жмудя, пробовали заводять, на Ленѣ, въ окрестностяхъ Каренска, общества трезвости. Попытка кое-гдѣ привилась. Въ Иркутскѣ подобная же попытка не имѣла успѣха,

Несомнѣнно почувствовала бы Сибирь еще большую помощь и пользу отъ изгнанниковъ и сами они устремились бы въ эту сторону съ большею энергіею и готовностью, если бы не стояли на пути предвзятая сепаративныя національныя стремленія соблюсти и сохранить себя послѣдовательными своимъ идеямъ. Поляки уронили себя въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что сдѣлались участниками всѣхъ злоупотребленій администраціи и увлекли снова на дурной путь евреевъ, которые въ Сибири начали было отставать отъ своихъ прежнихъ привычекъ. Несомнѣнно поляки принесли бы большую пользу странѣ, если бы не замыкались въ свои товарищества, искали, а не сторонились бы отъ сибирскаго общества, если бы въ чужой странѣ между поляками (преимущественно высшихъ слоевъ и образованными) не развивалась жестокая болѣзнь тоски по родинѣ. Не мало силъ, не мало людей утратили политическіе ссыльные въ своей средѣ на борьбу съ чуждыми и сердитыми припадками этой болѣзни, особенно чувствительной въ промышленной и земледѣльческой Сибири для горожанъ и особенно опасной для людей высшаго образованія, показавшихъ столько любви къ родинѣ и пожертвовавшихъ для нее своею свободою. Исканіе этой свободы, стремленіе достичь того положенія, при которомъ вѣроятна помощь и служба отчизнѣ, составляютъ одну изъ яркѣй и существенныхъ особенностей въ ссыльнѣ второго періода, предшествовавшего настоящему, современному намъ. Не смотря на громадные географическія препятствія, не смотря на неудачныя попытки прежнихъ временъ, могущія служить урокомъ, новыя попытки побѣговъ вторились съ замѣчательною настойчивостью: но съ тою же непрактичностью приемовъ, однако, съ тѣмъ же единодушіемъ и въ расчетѣ надеждъ на ту же Францію.

Очутившись въ положеніи сказочнаго богатыря, передъ которымъ протянулись четыре дороги: „право ѣхать, — головы не снести, направо ѣхать—копя сгубить“, ссыльные поляки совѣтовъ бывалыхъ не спрашивались, указанія туземцевъ не доискивались; по волѣ личной фантазіи и по указаніямъ кое какихъ учебныхъ географическихъ картъ, рисовали самыя смѣлыя планы, врачевали свою острую болѣзнь многоразличными призраками. Такъ, одному изъ такихъ богатырей, руководившихъ картою, представлялись различныя средства врачеванія. Пять дорогъ лежитъ передъ глазами, изъ предѣловъ Западной Сибири:

Одна на востокъ, въ глубь Сибири, къ Охотску; тамъ море и корабли, на корабляхъ путь на берега Америки въ Калифорнію и Соединенныя Штаты; другая на западъ, къ Байкалу; третья на югъ, къ Кавказу; четвертая на северъ, къ Арктикѣ; пятая на востокъ, къ Охотску; тамъ море и корабли, на корабляхъ путь на берега Америки въ Калифорнію и Соединенныя Штаты; другая на западъ, къ Байкалу; третья на югъ, къ Кавказу; четвертая на северъ, къ Арктикѣ; пятая на востокъ, къ Охотску; тамъ море и корабли, на корабляхъ путь на берега Америки въ Калифорнію и Соединенныя Штаты.

нежные Штаты, оттуда въ Европу — и во Францію!

Другая дорога на Киргизскую степь въ Вухару; черезъ Персію и Кабуль до английскихъ поселеній въ Индію, либо черезъ Персію въ Турцію, въ Европу—во Францію!

Третья дорога на юго-западъ; дойдя до горъ Уральскихъ, взять на лѣво, дойти до истоковъ рѣки Урала и плыть по ней до Каспійскаго моря (?). Дойдя до черкесовъ, остаться у нихъ, либо черезъ Персію и Турцію—опять въ Европу, во Францію!

Либо, перейдя Уральскія горы, не брать на лѣво а ставъ на высотѣ губернскаго города Уфы, доплыть до Волги рѣкою, въ нее впадающею, потомъ Волгою доплыть до канала, соединяющаго ее съ Дономъ (?), и черезъ Новочеркасскъ до Таганрога, гдѣ сѣсть на корабль и Чернымъ моремъ въ Европу до Франціи. Либо, если это не удастся, изъ Таганрога черезъ донскіе казаки, черезъ губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую, Вессарабскую, Молдавію и Валахію до Турціи, и оттуда—во Францію.

Наконецъ—прямо на западъ до Уральскихъ горъ; съ высоты Тобольска взять вправо на сѣверъ, рѣками Печорою и Вычегдою доплыть до Двины, а этою рѣкою до Архангельска. Тамъ, сѣвъ на какой нибудь европейскій корабль, достигнуть Швеціи либо Англіи, а оттуда—во Францію!

Всѣ эти пути одинаково смѣлы до дерзости, одинаково невѣрны и не безопасны.

Румянъ Потровскому удалось бѣжать послѣднимъ путемъ, самымъ кривымъ и овольнымъ, и рассказать изумительныя подробности на любопытство постороннихъ и холодныхъ слушателей, на страхъ и сомнѣніе желающихъ подражать. Отъ бѣгавшихъ въ южную сторону на монгольскія и киргизскія степи, изъ Восточной и Западной Сибири, рассказы всѣ одни и тѣ же: кочевники, застигнуты идущаго въ степи вооруженнаго человѣка, не нападаютъ на него прямо и вовсе не имѣютъ намѣреній его убивать. Монголы или киргизы въ такомъ случаѣ, изъ боязни потерять кого либо изъ товарищей во время стычки съ бѣглымъ, обыкновенно собираютъ облаву и издали замыкаютъ бродягу въ подвижную колодцу. Страдъ этотъ ни на минуту не спускаетъ глазъ съ идущаго и подвигается слѣдомъ за нимъ въ ту же сторону, въ которую направится онъ. Въ то же время они свой грозный кругъ стягиваютъ все болѣе и болѣе. Нѣсколько дней такая облава имѣетъ терпѣніе мучить бѣлаго, наблюдая за тѣмъ, чтобы онъ не могъ укрѣпиться. Уже совсѣмъ измученнаго и страшно оголодавшаго берутъ кочевники безъ боя и непремѣнно въ ближайшемъ пограничномъ караулѣ выдаютъ живьемъ военному русскому начальству. Начальство при этомъ обра-

меняется значительными хлопотами и большою перепискою съ пограничными китайскими властями, иногда обязывается значительными платежами за все украденное вдесятеро, согласно мирному трактату.

На Киргизскую степь, на вторую невѣроятную дорогу, бросились поляки Западной Сибири по проекту ксендза Сироцискаго и жестоко поплатились за попытку. Она имѣла сильное и неблагоприятное вліяніе на судьбу всѣхъ сибирскихъ поляковъ, уже успѣвшую подчиниться большому гладыжковроію и обычному равнодушію присяжныхъ приставниковъ и бюрократовъ. Вотъ что извѣстно объ этой попыткѣ.

Ксендзъ Сироцискій, бывшій пріоръ базиликаровъ въ Овручѣ (на Волынѣ), за участіе въ ноябрьскомъ возстаніи лишень былъ капелланскаго званія и, сдѣлавшись изъ пріора простымъ казакомъ, очутился въ Омскѣ. Когда образовалось здѣсь казачье училище и понадобился учитель, вспомнили, что Сироцискій былъ профессоромъ и наблюдателемъ за школами. Ему дали мѣсто, а съ нимъ и наибольшую свободу. На свободѣ онъ сдружился съ смышленымъ докторомъ Шокальскимъ и составилъ большое тайное общество въ средѣ поляковъ, сосланныхъ въ линейныя и казачьи войска. Цѣль заговора: постараться оторвать Сибирь отъ Россіи, освободить всѣхъ „несчастныхъ“ отъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ и поднять поселенцевъ на мѣстахъ водворенія. Омскъ съ артиллерійскими запасами, аммунициею, оружіемъ, денежною казною и прочимъ возбуждалъ сильный соблазвъ. Къ этому обществу успѣли прикнудить и татары и русскіе, свободные и невольники. Положено было, въ случаѣ неудачи большого бунта, бѣжать всѣмъ, вооруженною рукою, черезъ Киргизскую степь въ Ташкентъ, гдѣ предпологалось много католиковъ, и въ Вухару. Отсюда, если бы того потребовала окончательная необходимость, направиться въ английскую Индію. Въ Омскѣ и его окрестностяхъ собралось поляковъ тысячъ до двухъ; Киргизская степь, тотчасъ по ту сторону Иртыша, маняла недоимнымъ соблазномъ искателей сильныхъ ощущеній и приключеній.

Въ назначенный день вечеромъ должна была начаться революція. Но нашлось трое поляковъ, солдаты повстанія 1830 года (Княкъ изъ Варшавы и Гаевскіе изъ конгрессовой Польши), которые, явившись къ полковнику Деграве, рассказали все: что заговоръ распространялся по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Сибири, что въ самыхъ глухихъ онъ встрѣтилъ сочувствіе, что если не принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, онъ обхватитъ всю страну и непремѣнно удастся. Они указали на Сироцискаго, какъ на вождя, и на многихъ другихъ сообщниковъ, какъ на имѣвшихъ наибольшую власть, вліяніе и значеніе. Всѣ таковыя,

как жившіе либо въ Омскѣ, либо въ ближайшихъ его окрестностяхъ, были тотчасъ арестованы. Издааны были строжайшія приказанія и разосланы распоряженія по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Западной Сибири съ тѣмъ, чтобы нанскорѣйшимъ образомъ арестовать всѣхъ подозрительныхъ и вліятельныхъ лицъ: русскихъ, поляковъ, сибиряковъ, поселенцевъ и крестьянъ. Названо было сначала до тысячи человекъ. Доктору Шокальскому съ полякомъ Зубчевскимъ и русскимъ Мелодиннымъ удалось ускользнуть на первый день арестовъ и ѣхать на почтовыхъ по тракту въ Оренбургскую губернію. Шокальскій игралъ въ дорогѣ роль войскового доктора, Зубчевскій — фальдшера, Мелодинъ — лакея. Въ Ирѣновской станицѣ ѣзденцы узваны и, подъ сильнымъ конвоемъ, возвращены были въ Омскъ, гдѣ на то время слѣдствие было въ полномъ разгарѣ. Аресты производились и въ концѣ 1834 г. и въ началѣ 1835. Дано было знать въ Петербургъ. Двѣ слѣдственные комиссіи, одна за другой, распутывали дѣло и разошлись, не постановивши никакого рѣшенія. Третья комиссія была прислана изъ Петербурга: она работала три года и довела-таки слѣдствие до конца. Нѣкоторыхъ, по невинности ихъ, выпустили на волю, признанныхъ виновными предали суду. Въ ожиданіи суда главный виновникъ не упалъ духомъ: въ тюрьмѣ писалъ стихи, передъ судомъ ничего не повѣдалъ, на слѣдствіи также ничего не могъ отъ него узнать. „Разъ родила мать—разъ пропадати“, говорилъ Сиродинскій всѣмъ свою украинскую поговорку. Стихи его были распространены между сибирскими поляками: ими онъ оживлялъ энергію, возбуждалъ надежды и укрѣплялъ патріотическій духъ невольниковъ. Дѣло было начато въ широкихъ размѣрахъ и наполнило страхомъ цѣлую Сибирь. Подъ вліяніемъ этого страха и по окончаніи дѣла поляковъ подозрѣвали, преслѣдовали. Между прочимъ, въ Ирѣновской станицѣ заподозрили поляковъ въ поджогахъ и въ умыслахъ на продолженіе замысловъ Сиродинскаго: четверыхъ наказали ссылкой въ Усть-Каменогорскую крѣпость, гдѣ пять лѣтъ заставляли работать въ кандалахъ, а въ 1845 г. послали солдатами въ Нерчинскъ. По окончаніи омскаго дѣла, съ заводовъ Западной Сибири стали переводить на заводы Восточной. Въ Иркутскѣ до такой степени боялись поджоговъ, что польскіе солдаты въ тамошнемъ гарнизонѣ окружены были самыми строгими наблюденіями. Ихъ товарищамъ-солдатамъ приказано было имѣть заряженныя ружья и вязать всѣхъ поляковъ въ казармѣ, лишь только послышится звонъ набатнаго колокола. Многихъ поляковъ, по подозрѣнію, успѣли запереть на гауптвахты; многихъ разослали по забайкальскимъ городамъ: въ Верхнеудинскъ и Кызту. Пирюфобія въ Сибя-

ри никогда не была такъ повсемѣстна и столько опасна, какъ въ это время. Всякій пожаръ приписывался поджогамъ поляковъ; страхъ изъ Сибири успѣлъ даже перейти за Уральскій хребетъ и распространиться по Россіи. Положеніе политическихъ преступниковъ ухудшилось. Въ 1848 году особенно сильное движеніе между всѣми смыслными прозвало запрещеніе имѣть собственность. Если при увольненіи нѣкоторыхъ произошла неформальность, велѣно снова возвращать на каторгу. Такъ всѣ, пробывшіе 10 лѣтъ, по сосланнымъ на 20, успѣвшие жениться и обзавестись хозяйствомъ, обязаны были вернуться снова на каторгу доработывать 10 лѣтъ.

Приговоръ по омскому дѣлу былъ утвержденъ въ такомъ смыслѣ: шестерыхъ присудили къ 7.000 палокъ и затѣмъ велѣно на всю жизнь сослать въ тяжкія работы на нерчинскіе рудники. Остальнымъ присудили къ 3-мъ, 2-мъ и 1-ой тысячамъ палокъ либо розогъ, а потому первыхъ на всю жизнь въ тяжкія работы, либо на ограниченное число лѣтъ, либо прямо на поселеніе. Послѣднихъ велѣно разослать въ разные отдаленныя сибирскіе батальоны и отряды. День, назначенный для экзекуціи, 7 марта 1837 г., былъ морозный: на площади, засыпанной снѣгомъ, поставлены были два тысячныхъ батальона солдатъ, вооруженныхъ наками такой толщины, чтобы три могли войти въ дуло ружья. Батальоны выровнялись, вытянувшись, вопреки устава, въ широко-разставленные шеренги; солдаты должны были стоять вольно въ тѣсныхъ рядахъ; ударяя, они обязаны были недалеко отбивать локоть отъ боку и не выставлять своихъ ногъ изъ рядовъ. Первымъ повелѣн Шокальскаго съ обнаженною по поясъ спиною, съ привязанными къ прикладу ружья руками, за которые держались два унтеръ-офицера. Находившійся при экзекуціи докторъ заступился за собрата и, идя сзади его, шепталъ солдатамъ бить легче, имѣть состраданіе: „безсилентъ и хворъ, не выдержитъ“. Когда послѣ 5 тыс. палокъ Шокальскій упалъ и когда на совѣтъ болдеги отходить послѣднюю тысячу и разомъ кончать экзекуцію не согласился, докторъ настоялъ на томъ, чтобы прекратили наказаніе и отправили больного въ лазаретъ. Послѣднимъ велѣли Сиродинскаго. Подходя къ рядамъ, крѣпительныхъ каплей онъ не принялъ, когда услышалъ приказъ начинать, — сталъ говорить на расгѣвъ покаянный исаломъ: *Miserere mei Deus, secundum misericordiam tuam* и проч. Слабый, исхудалый въ заточеніи, Сиродинскій наказанія не выдержалъ; не выдержали и другіе товарищи. Отдохнувшій въ лазаретѣ Шокальскій отходилъ потомъ послѣднюю тысячу и на другой же день увезенъ былъ въ нерчинскіе рудники.

Здѣсь его не употребляли въ работы. Жилъ

онъ на Каръ, занимался торговлею и отъ нее кормился; лечилъ безвозмездно. Его корявый самодѣльный сапорокъ съ воротникомъ, опущеннымъ собольимъ мѣхомъ, до сихъ поръ помнятъ тамъ, помнятъ потому, что видѣли его и въ ворахъ каторжныхъ жилищъ, и на самохъ промыслѣ, и въ 7 и болѣе верстахъ отъ него (насколько позволялъ законъ). Днемъ и ночью шелъ Шокальскій на помощь и избавленіе къ каторжнымъ и богатымъ и особенно счастливымъ былъ на леченіе ранъ всякаго рода. Радъ онъ былъ, если за практику получалъ отъ бѣдняковъ въ награду чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, но и получая подарки отъ богатыхъ на улучшеніе костюма—никакихъ измѣненій въ немъ не дѣлалъ; любя простоту, жилъ самымъ скромнымъ образомъ *).

„Это была натура крѣпкая (говорить Галлеръ со словъ знавшихъ его), праздность была для него смертию. Ничѣмъ не сокрушенный, и на Карѣ онъ еще успѣлъ составить цѣлый новый планъ побѣга. Всѣмъ товарищамъ сообщивъ онъ планъ общаго поголовнаго спасенія рѣкою Амуромъ до береговъ Великаго океана. Всю свою душу онъ отдалъ на выработку этого плана, но когда планъ оказался невозможнымъ и рухнули всѣ надежды, докторъ впалъ въ такую меланхолію. Сначала онъ заперся въ своей комнатѣ и ходилъ по ней быстрыми шагами, разивая въ мысляхъ какія-то намѣренія. Одинъ изъ его товарищей, возвращавшійся домой и подошедшій къ окну доктора, замѣтилъ его возбужденное состояніе, но, увидавши въ углу ружье, повялъ въ чемъ дѣло. Просилъ доктора отпереть двери, но получилъ отказъ; рѣшившись приподнять окно, слышалъ угрозы; когда побѣгалъ за помощью—докторъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь.

„Ружье заражено было наломаннымъ гвоздемъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ вошла полиція, выломали двери, то нашли Шокальскаго растянувшимся на полу: изъ груди ручьемъ была кровь, а собака его, Фидляръ, положивши морду на грудь въ предчувствіи смерти благодѣтеля, жалобно выла. Полиція хотѣла оттащить собаку, но пришедшій въ себя Шокальскій сказалъ: „не трогайте, прошу васъ, пусть простится со мною мой навѣрнѣйшій товарищъ и другъ“!

„Послѣ выстрѣла онъ жилъ еще съ недѣлю. На вопросы о поводахъ къ самоубійству, отвѣчалъ одно: „я стрѣлялъ въ себя отъ любви“, и ничего больше не хотѣлъ говорить полиціи. Товарищамъ же своимъ сообщалъ, что выстрѣлилъ въ себя отъ тоски по родинѣ“ **).

*) Кромѣ Шокальскаго, пользовались уваженіемъ и извѣстностью и оказывали врачебную помощь за Байкаломъ Левницкій и Вопръ, сосланный по дѣлу Козареваго. По рецептамъ послѣдняго, аптеки выдавали лекарства безъ подписи (на каковую смѣлный не имѣлъ права); больнымъ возили къ нему изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ.

**) Случаи самоубійствъ и сумасшествій ме-

та же тоска неволи вызвала новое происшествіе уже въ предѣлахъ Восточной Сибири. Двумя годами поздне омскаго дѣла (въ 1836 г.), когда еще не былъ провознесенъ приговоръ надъ товарищами Сиродинскаго и еще не началось поголовное перемѣщеніе поляковъ изъ одной Сибири въ другую—задуманъ былъ поголовный побѣгъ тѣхъ поляковъ, которые находились на заводахъ Восточной Сибири. Началось движеніе на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ подѣ Иркутскомъ. Начиналъ его бывшій помковникъ польскаго востанія 29 ноября 1830-года Петръ Высоцкій, сложившій испанскій плащъ бѣгства черезъ Сибирь, Саянскія горы, Джунгарію и Туркестанъ до Индіи, откуда надѣялся онъ на англійскіе корабли достигнуть Европы. Онъ предварительно нарисовалъ карту цѣлой Азіи, продолжалъ по ней дороги черезъ лѣсъ, горы и степи между дикими народами, и рѣшился лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ несбыточнаго плана и долѣе оставаться въ неволѣ. Сдѣлавъ запасъ събытныхъ припасовъ, насколько можно было запасти, Высоцкій всемеромъ выбралъ моментъ для побѣга тотъ, когда заперали изъ тюрьмы. Побѣгъ удался: они выскользнули изъ завода и когда одинъ изъ нихъ заворчалъ, товарищи вели его подѣ руки нѣсколько верстъ до Ан-

жлу поляками рѣдки, не смотря на крутое положеніе сѣмля, порождающей неснижизмъ. Кромѣ Шокальскаго, извѣстенъ еще самоубійца Васильевскій, присланный въ 1831 году польскій крестьянинъ, успѣвшій жениться на сибирячкѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ ходилъ по знакомымъ (чего никогда въ жизни не дѣлалъ) и просилъ: „Дайте милостыню дѣтямъ, просать одежды и пищи“. Вскоръ потомъ нашли его на сѣновалѣ съ перерезаннымъ горломъ. Кромѣ того, замѣчено за Байкаломъ нѣсколько случаевъ упоминательства, характеризовавшихся глубокою меланхоліею, вслѣдствіе тоски по родинѣ. Одинъ, напр., веселѣякъ и скачочникъ промолчалъ все время изгнанія на всѣхъ товарищескихъ бесѣдахъ и такимъ убѣжалъ на родину; другой ничѣмъ и ни у кого не хотѣлъ одолжаться даже пищею, не смотря на крайню бѣдную и голодную жизнь свою, и возвратился изъ изгнанія окончателью помѣшаннымъ. Третья доказанная помѣшательство, въ силу врачевныхъ удостовѣреній, помогло возвратиться по ходатайству жень и семействъ на родину, прежде срока и въ видахъ излеченія.

На оловянно-серебряномъ рудникѣ «Тайна» (близъ галимурскаго завода) въ шахтѣ, два поляка и одинъ русскій разбивали кирками оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрою. Огонь, разведенный на дѣхъ шахты, вскорѣ наполнилъ удушляющими газами атмосферу всѣхъ корридоровъ. Поляки вышли на свѣжій воздухъ, но одинъ изъ нихъ, вспоминая о третьемъ товарищѣ вернулся за нимъ и назадъ не возвращался. Второй полякъ отправился за нимъ и, увидѣвъ въ безпачетствѣ, взявъ на плечи и понесъ вверхъ по лѣстницѣ. На половинѣ пути дурнота заслѣпила ему глаза, слезы оставили его и онъ вибѣтъ съ товарищемъ упалъ внизъ, гдѣ разбилъ себѣ объ камень голову.

гары. За нем, въ Иркутскомъ соленаренномъ заводѣ, они нагбrevались соединиться съ тамошними земляками. Дойдя до рѣки, для переправы на другую ея сторону, они соорудили плотъ изъ лиственницы, но переѣхать не могли, потому что плотъ, сложенный изъ свѣжаго дерева, тонулъ на водѣ. Тогда они одного изъ товарищей послали за лодкою. Явился крестьянинъ, спустилъ лодку на воду и управилъ ее въ самую середину облавы, которая уже успѣла на погибелъ ихъ, по указаніямъ измѣнишаго имъ и нагбrevно вызвавшагося за лодкою товарища. Быстрое течение Ангары давало бѣглецамъ нѣкоторую возможность на спасеніе, но облава изъ команды и каторжннхъ, засѣвшая въ кустахъ на берегу Усольскаго острова, начала стрѣлять. Пуля свистала надъ головами и одна изъ нихъ попала Высоцкому въ руку; лодки отъ берега придвинулись къ нимъ и вблизи острова кругомъ ихъ оцѣнили. „Полаки, крошкѣ оружія, шиблі другое дѣйствительное орудіе, то есть деньги, но ничто не помогло. Каторжные первыми ихъ связали и представили полковнику Злобину, обобравъ ихъ, что называется, какъ лишку“ *). Въ Иркутскѣ приковали ихъ къ тачкамъ и судили цѣлый годъ. Высоцкій получалъ одну тысячу наложъ (не плакалъ, не стоналъ); Вагунскій — 500; остальные были наказаны розгами, а всѣ переведены въ нерчинскіе рудники — въ Акатуй.

Въ Акатуй Высоцкій прикованъ былъ къ тачкѣ, ходилъ съ товарищами въ теченіи двухъ лѣтъ на работу въ горы копать руду и жилъ сначала въ одиночномъ заключеніи. Выпущенный изъ тюрьмы, онъ жилъ при рудникѣ на поселеніи, изъ Акатуя нигуда не выѣзжалъ. Къ концу изгнанія и его сальную натуру постигла болѣзнь меланхоли: онъ часто хворалъ до того, что нерчинское начальство принуждено было ходатайствовать въ Петербургъ объ освобожденіи его изъ тюрьмы, но разрѣшенія не получило. Высоцкій сталъ задумчивъ, избѣгалъ товарищества, не хотѣлъ никого знать, ни съ кѣмъ не говорилъ. Недовѣріе къ людямъ овладѣло его душою до того, что онъ заперлся въ квартирѣ и казалось, что всѣ чувства въ немъ окаменѣли. Одинъ изъ товарищей его (Хлопцкій) преданъ былъ ему до самоотверженія, о себѣ не думалъ, думалъ только о Высоцкомъ, его славю и добродѣтелями жилъ, его страданіями и несчастіями болѣлъ. Въ то время, когда еще Высоцкій содержался въ тюрьмѣ и былъ прикованъ къ тачкѣ, этотъ Хлопцкій съ четырьмя товарищами сплорился отбить Высоцкаго изъ каземата и вмѣстѣ съ нимъ бѣжать черезъ Монгольскую степь и Китай на англійскіе корабли. Такъ какъ всѣ заговорщики были самые бѣдные люди (шли женскіе башмаки

чиновничьиѣ женамъ; кое-кто, запасшись лошадкою, возилъ дрова въ казну), а предприятие требовало денегъ, то и рѣшились они предварительно надѣлать фальшивыхъ бужажныхъ ассигнацій, на нихъ накупить мунгалскихъ товаровъ, запасаемыхъ на монгольскую руку нерчинскими купцами, закупить лошадей, нагбrevать серебра и по возможности золота, покупить сторожей. Затѣмъ, когда все будетъ заготовлено „и денегъ въ массѣ до ста тысячъ рублей, ночнымъ временемъ надобно подрастаться къ часовому во фронтѣ, свѣтять его за горло и отдать нашимъ прочимъ товарищамъ на руки, а самимъ взять съ фронта ружья и подойти тихими стопами къ дверямъ, сбить замокъ и выпустить арестантовъ, а вмѣстѣ свѣтять Высоцкаго, посадить на почтовый и отправиться“ *). При обыскахъ найдено и получено: прессъ, фланелевые доскуты, вымытая бумага, обтянутая кожей колодки, иахляна машинна, квашня съ мятоу бумагоу, отпечатки на кожѣ и бумагѣ ассигнація 25 руб. достоинства. При допросахъ были очевидны допросы одного изъ заговорщиковъ (Вирова) и безопасныя взаимныя оговоры остальнымъ участникамъ. Показанія дѣлались обширныя, разгорѣвыя. Очныя ставки показывали боязливныя и усердныя стремленія одной стороны съ цѣлью выгородить себя, не щадя прочихъ товарищей. Выдавались самыя сокрытныя тайны, обусловленныя страломъ смерти на случай изгнана; но, въ то же время, во время производства самого преступленія, замѣчательное терпѣніе и единодушіе и при этомъ изумительная осторожность съ настойчивостыю дойти до конца, не смотря на громады затрудненія.

Показанія участннковъ и взаимныя оговоры накопили огромный томъ запутаннаго дѣла, въ грущобахъ втораго съ большою ясностыю выясняются слѣдующія обстоятельства (за пункатахъ единогласныхъ показаній, подтвержденныхъ и очными ставками и слѣдствіемъ).

Задуманная цѣль настойчиво преслѣдовалась въ теченіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ, не смотря на всѣ препятствія, зависѣвшія и отъ административнаго надзора и отъ географическихъ причинъ: одинъ жилъ на Благодатскомъ рудникѣ, другой — на Баданскомъ, третій — въ Акатуйскомъ. Для свиданія и дѣйствій отпрашивались то за покупкою хлѣба въ Аргунскій острогъ (на 15 дней), то за покушкоу товаровъ въ г. Нерчинскъ (на цѣлый мѣсяць), то подъ видомъ исполненія казеннаго подряда на покупку дровъ. Двое признались въ томъ, что вступили въ бракъ съ сибирячками для того, чтобы „отклонить подозрѣніе начальства отъ обдуманнаго заранѣе побѣга на родину“. Одинъ, узнавшій во время слѣдованія въ Сибирь по

*) Изъ записокъ современника, С. В. Броневскаго.

*) Дѣло 1839 года, хранящееся въ архивѣ нерчинскаго Вольнаго завода.

этапнѣ, что сѣтка для ассигнацій дѣлается изъ самой тонкой проволоки, каковая бываетъ на капитальныхъ струнахъ или офицерскихъ эполетахъ, жертвуетъ для покупки эполетъ собственнымъ капотомъ, полученнымъ сукномъ отъ купца, для котораго сдѣлалъ планъ мельницы. Другой составляетъ фальшивое письмо отъ ямса польскаго магната, жившаго въ Тобольскѣ — письмо съ обещаніемъ высылки 400 руб. денегъ, и на это письмо беретъ у имущихъ товарищей въ долгъ деньги; „и всё высосалъ, у нихъ теперь ни копейки не осталось“. Третій пользуется лошадыю съ сѣдломъ товарища, прѣдлагающаго повидѣться, и закладываетъ ее цѣловальнику. Сдѣлавъ денежный запасъ на покупку необходимыхъ предметовъ и уговорившись, что „хотя и попадемся трое или четверо, прочіе останутся лишніе жизни доказчика“ — принялся за работу. Александрійскую бумагу купили въ Нерчинскомъ заводѣ въ кабакѣ за простую. Желѣзный винтъ для прессы приобрѣли въ числѣ прочаго желѣзнаго лома; дерево къ прессу, гайки и пунсонъ сдѣлали сами; рѣзцомъ и пилою запаслись еще раньше; лайку (каковая долго задерживала работѣ) купили у татарина, сосланныя за поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій. На покупку лайки употребляли даже такую драгоценность, какъ компасъ, приобретенный для того, чтобы, во время побѣга, не блуждать дорогою. Прежде лайки пускали въ дѣло (хотя и неудачно) лоскутки отъ брочъ и бѣлаго сукна; для приобретенія фланели нѣзвали собственную фуфайку; винтъ „достали съ великою опасностью“. Производилась фабрикація въ Каданскомъ рудникѣ, въ домѣ Хлопницкаго, жемчужнаго передъ тѣмъ на сибирчкѣ. Вещи отъ нее прятали подъ половицу въ чуланѣ, а когда она увидѣла разъ ручную прессу и спросила: „Для чего это?“ мужъ отвѣчалъ: „Для того, чтобы любопытныхъ отвертывать головы“. Работа шла неудачно; измѣнили гитарные баски — потребовались эполеты; печатныя формы нѣсколько разъ принуждены были передѣлывать: „орелъ хорошъ, но нѣтъ возвышеннаго крылья; по отпечатанію другой ассигнаціи маленькій орликъ подъ большимъ орломъ на концѣ скипетра оказался неправильнымъ“. А рѣзалъ опытный и умѣлый рѣзчикъ Бронновскій; и гербъ у штамполя, и украшенія небольшими рѣзцами, а сѣтку съ обѣихъ сторонъ чеканилъ стальнымъ пудомъ. Пробовалъ сначала на свинцѣ, но „какъ оный по мягкости оказался негоднымъ, то послѣ сдѣлали форму изъ мѣди, вырѣзанной изъ стараго мѣдника: наложенный свинцовый штампель подъ прессомъ испортился и никакого оттиска не далъ“. Наконецъ, наладился. Для приготовления бумаги поступили такъ: не найдя почтовой, пустили въ ходъ случайную александрійскую, разбирая

ее очень мелко и размачивая въ горшкѣ, изъ котораго выливали потомъ въ приготовленный боценокъ. Въ немъ „стоячимъ валикомъ съ пальцами разбивали бумажную мякоть до жидкости, похожей на сливки; потомъ растворъ наливали на четверугольные фланелевые лоскуты такъ, чтобы бумажка выходила величиною въ ассигнацію, для чего по краямъ фланели прикладывали мѣдную четверугольную рамку. Когда же вода сквозь фланель процеживалась, то мѣдную рамку накладывали на другой лоскутъ фланели, а тотъ, который съ растворомъ назначался для ассигнаціи, накрывали простою бумагою. Сдѣлавъ 5 или 6 листовъ, сжимали ихъ прессомъ, потомъ сушили и отдѣляли отъ простой бумаги, между которой эти листы были прослоены. Бумага выходила грубою и толстою. Въ прессъ сначала клали штампель, намазавъ краскою изъ сажи, тщательно растертой на олифѣ, потомъ клалась бумага, на нее лайка, наконецъ, комжаная подушка, которая нажималась. Не могли мы никакимъ образомъ подписать руку кассира, хотя на справедливой ассигнаціи по чертамъ подписи проводили чернилами и на чистую бумагу накладывали, гдѣ и оставалась, хотя не правильная, но похожая на подпись кассира. Поправивъ перомъ, прикладывали на фальшивую и увидѣли, что довольно хорошо. Брали трехъ сортовъ чернила, но еще оказались слишкомъ черны и дѣлаютъ большое подозрѣніе. Теперь приготовлено къ другому отпечатанію 10 тыс. руб., въ которыхъ постараемся наблюдать всю правильность при печатаніи. „Хороши ли эти?“ спрашивалъ одинъ у другого. „Довольно хороши и искусно сдѣланы“. При этомъ онъ вынулъ изъ ящика на 6 тыс. руб. бумажекъ 25-ти-рублевого достоинства. Я, увидѣвъ ихъ, началъ присматриваться, хвалить ихъ искусство, не подавая никакого виду и оказывая большую радость“.

Единодушіе ихъ выручало. „Для товарищей тысячи рублей не пожагю“, только и слышалось ото всѣхъ. Докосъ и на этотъ разъ сгубилъ ихъ всѣхъ (женѣ Хлопницкаго удалось, однако, припрятать самыя главныя и опасныя изъ вещественныхъ доказательствъ). Виновные, по суду, были приговорены къ наказанію, которое и приведено въ исполненіе въ Вольпомъ керчинскомъ заводѣ: двое наказаны кнутомъ, одинъ плетью. Впрочемъ, положеніе Высоцкаго вскорѣ было облегчено: онъ выпущенъ на свободу и могъ заняться хозяйствомъ и мыльнымъ заводомъ. Нѣкоторые изъ его товарищей умерли, не дождавшись освобожденія. Высоцкій возвратился на родину въ 1857 г., гдѣ вскорѣ и умеръ.

Неудачная попытка друзей Высоцкаго къ освобожденію себя и товарищей изъ неволи далеко не была врачующимъ средствомъ для

поляковъ, мучившихся тоскою по родинѣ. Въ томъ же Акатуѣ далеко потомъ зародился новый планъ бѣгства, шившій дѣлю воспользоваться временемъ восточной войны 1854 и 1855 годовъ и крейсерствомъ англо-французскихъ кораблей на водахъ Восточнаго океана. Вѣнзцы, руководимые однимъ изъ братьевъ Далевскихъ, предполагали въ солдатскихъ шинеляхъ добраться до Аргуни, чтобы на лодкахъ выплыть по ней на Амуръ до его устьевъ, сжечь тамъ всѣ магазины и казенныя сооружеія, приготовленные противъ непріятеля, а потомъ, на тѣхъ же лодкахъ, дойти до англійскихъ и французскихъ кораблей. Старые и бывалые смыльные старались противодействовать планамъ и отклонить отъ исполненія прозекта увлекавшихся молодыхъ авантюристовъ, но напрасно. Приготовленія производились самымъ дѣлательнымъ образомъ: припасена была лодка, сплетены рыболовныя сѣти, закуплено довольно число солдатскихъ шинелей и изготовлены ружья. Но въ это время пришло извѣстіе о мирномъ парижскомъ трактатѣ, разрушившемъ планы смыльныхъ поляковъ на соединеніе съ англичанами.

Эта попытка была послѣднею по времени въ большомъ скопѣ смыльныхъ, но одиночные побѣги были непрерывны (и также неудачны), а побѣги партіями не останавливались ни передъ какими препятствіями, не отпускаясь изъ виду ни малѣйшихъ поводовъ и случаевъ къ тому, даже безъ предварительной оговорки и подготовки. Такъ, извѣстень случай побѣга (еще изъ первыхъ лѣтъ этого второго періода польской ссылки) съ этапной дороги изъ Томской губерніи. Достаточно было обнадѣженія на успѣхъ предпріятія, выраженнаго хлѣбосольными татарами, довольно было увѣренія со стороны ихъ въ томъ, что Бухара приметъ бѣглецовъ гостепріимно, чтобы 240 поляковъ изъ польской войскъ 1831 года, шедшихъ въ Иркутскъ, повѣрили и серьезно принялись выработать планъ побѣга. Все дѣло остановилось только за тѣмъ, что не нашлось достаточнаго количества оружія.

Не только урочища и разныя мѣстности передаютъ преданія о неудачныхъ попыткахъ поляковъ, даже надробные памятники на польскихъ владѣнцахъ въ Сибири краснорѣчиво и настойчиво говорятъ о томъ, что побѣгами испещрена исторія польскихъ изгнанниковъ, что на нихъ истратено напрасну не мало силъ и времени не только въ Сибири, но и въ Россіи. Въ нерчинскомъ Вольшомъ заводѣ одинъ такой надробный камень прикрываетъ могилу Альбины Мигурской—истинной героини во всей исторіи польской неволи. Эта молодая женщина презрѣла всѣ общественныя связи, богатство родителей и не обратила вниманія на совѣты родныхъ и друзей, на невзгоды дальняго пути,

на грустную будущность—и поѣхала въ городъ Уральскъ къ своему жениху, сосланному въ тамошній линейный батальонъ солдатомъ. Здѣсь она вступила съ нимъ въ бракъ и сдѣлалась для него дѣйствительною услугою и путеводною звѣздою въ сумрачной ночи неволи. Она родила двухъ дѣтей, но дѣти вскорѣ умерли, оставивъ матери старую тоску на сердцѣ и усмѣнное желаніе освобожденія себя и мужа отъ неволи. Однажды казаки принесли къ ней съ берега Урала платье мужа и письмо его, въ которомъ онъ проситъ у нее прощенія за то несчастіе, которому подвергъ ее, бросившись въ воду отъ тоски по отчизнѣ и оставивъ ее на чужой сторонѣ въ нежизнѣнности положенія. Печаль и слезы несчастной женщины были столько искренни и сильны, что въ Мигурской приняли самое сердечное участіе всѣ уральскія дамы и начальство. Выявны были часты, долго-временны и въ концѣ начали уже мучить ее, потому что мужъ, спрятанный въ сосѣдней конвартѣ, могъ ежеминутно выдѣть ее чужакомъ, кашлемъ, какимъ либо безвременнымъ движеніемъ. Аскія пытки переносила она во все время, пока ходила просьба о дозволеніи ей возвратиться на родину. Тайна была сохраниена, даже служанка, привезенная изъ Польши, сгутила свято соблюсти ее. Когда получено было разрѣшеніе на отъѣздъ, Мигурская заявила желаніе вырвать изъ казачьей земли трупы дѣтей и увезти ихъ кости въ польскую землю. Сложила она эти кости въ одинъ гробъ и туда же спрятала мужа. На дорогу ей дали въ проводники казака. Гробъ съ живымъ Мигурскимъ поставленъ былъ подъ колы и, такимъ образомъ, благополучно выѣхалъ изъ предѣловъ уральскаго войска. Въ Саратовской губерніи казаку удалось подслушать разговоръ супруговъ и донести по начальству. Въ Саратовѣ супруги явились уже плѣнными и тамъ еще до сихъ поръ помнятъ тотъ потрясающій моментъ, когда супруги Мигурскіе вошли къ вестелъ и пали на колѣни передъ гробомъ своихъ дѣтей: она—въ траурѣ, онъ—въ кадалахъ. Мигурская сдѣлалась предметомъ разговоровъ; тамошніе поляки смотрули на нее, какъ на святую, на колѣнѣхъ испрашивая у нее благословенія. Манifestъ по поводу бракосочетанія покойнаго Императора Александра II освободилъ Мигурскаго отъ наказанія; его отправили не въ работу, а только въ сибирскія войска и помѣстили въ Нерчинскомъ заводѣ. Здѣсь Мигурская впаала въ чаютку и умерла *).

Большими удачами воспользовался Кюстронскій, бѣжавшій изъ-подъ Тары съ Екатериною—

*) Уральскій побѣгъ подробно описанъ В. Я. Далекъ въ разсказѣ: «Небывалое въ бываломъ» («Отеч. Зап.» 1846. т. ХСѢ).

скаго винокурённаго завода *). Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ ему удалось ускользнуть изъ завода переодѣтымъ, въ парикъ и въ мѣстовной нарядѣ. Пѣшкомъ по льду Иртыша, глубокии снѣгами и въ сильные морозы, добрался онъ до г. Тары. Здѣсь въ первомъ домѣ нанялъ лошадей по тракту на Ирбитъ, сказывался купеческии приказчикомъ изъ Томска, наговоряющии своего хозяина. На дорогѣ, въ одномъ кабацѣ его обокрали; въ другомъ мѣстѣ заблудившійся ямщикъ вывезъ его обратно туда же, гдѣ онъ его нанялъ. Послѣ многихъ страховъ въблизи завода и опасностей въ окрестностяхъ его, Пиотровскому удалось добраться черезъ Ишимъ и Тюмень до Ирбита на бойкихъ сибирскихъ лошадакахъ; въ трое сутокъ сдѣлалъ тысячу верстъ. Въ Ирбитѣ солдатъ у заставы первымъ дѣломъ потребовалъ паспортъ, но удовольствовался вѣсто бумага двугривеннымъ. Изъ Ирбита онъ пошелъ пѣшимъ, съ мѣшкомъ за плечами. Въ попутныхъ деревняхъ паспорта, разузнѣтся, не спрашивали; въ крайнихъ избахъ онъ старался разспрашивать о дорогѣ. На ночь уходилъ онъ съ дороги въ лѣсъ и тамъ, по обычаю остяковъ, выгребая въ снѣгу яму, дѣлалъ постель и ложился спать. Укрывался полушубкомъ, обращая шерсть его наружу; просыпался съ тяжелымъ чувствомъ, на ходу согрѣвался, становился снова веселымъ. Еловыя лапы указывали дорогу прямо на Верхотурье. Въ деревняхъ сказывался рабочимъ, идущимъ на казенные Богословскіе заводы. Имѣя на тѣлѣ три рубашки: двѣ бѣлыхъ и одну красную, и снявъ ихъ на ночь, въ одной деревнѣ возбудилъ подозрѣніе. Мужики потребовали паспортъ и, получивъ фальшивый, успокоились. Помогъ снова пѣшкомъ и воспользовался на ночь тѣмъ улучшеніемъ, что придумалъ ложиться спать не въ снѣжную яму, а въ тѣ, которыя образуются около дресенныхъ пней; въ снѣгъ зарывался совсѣмъ и только пазухою пробивалъ отдушину. Ноги, которыя всего скорѣе забла, стали такъ же зарывать въ снѣгъ; стало тепло и удобно. Чувя въ тѣлѣ оспебъ, вскакивалъ и шелъ, не разбирая ночи. Встрѣчая извощиковъ, возвращавшихся изъ Ирбита съ ярмарки, подсаживался къ нимъ на облучекъ или, иди стороной, разспросами добирался до необходимыхъ ему свѣдѣній: о дорогѣ, о мѣстныхъ обычаяхъ, о городахъ. За Верхотурьемъ встрѣтилъ коноваловъ-мезенцовъ, шедшихъ на заработки въ Сибирь. Встрѣча эта рѣшила ему дорогу на

*) Зато Розанскій, несчастливо бѣжавшій съ дороги въ Минскъ и сосланный въ верчанскіе заводы, снова бѣжалъ оттуда; счастливо прошелъ половину Сибири, но въ Тарѣ былъ узнанъ и схваченъ. Его снова возвратили въ рудники, но, кромѣ ареста, другихъ наказаній не налагали, и Розанскій, никому не вѣдомый, скромно исполнялъ обязанности сторожа кухни кааторжныхъ.

Архангельскъ. Въ одной деревнѣ ночью узналъ онъ, что находится уже въ заводѣ Павдинскомъ, и сказывался, что идетъ въ Солнчанскъ въ работу на солеварню по писему пріятеля. Перешелъ Уралъ. Подѣлъ къ ямщикамъ, вѣшавшимъ изъ Ирбита въ Чердынъ. Отсюда черезъ Солнчанскъ, Каю и Лальскъ, узенькими лѣсными дорогами, гдѣ двонитъ санямъ нельзя развѣхаться, добрался до Великаго-Устюга, въ качествѣ богомольца, идущаго въ Соловки. Отъ Каи шелъ онъ уже въ толпѣ настоящихъ богомольцевъ. По лѣсамъ лѣсныя выбушки, гдѣ всегда остаются много огня, выручали отъ бѣды голодовки и замерзанія. Подъ Устюгомъ нашли рѣки покрытыи льдомъ, но уже вѣло весною. Въ Устюгѣ толпа богомольцевъ увеличилась, наняли локу до Архангельска и поплыли Двиною. Приказчикъ отобралъ паспорта и, взглянувъ на фальшивый и увидѣвъ печать, снѣшалъ его съ сотнею другихъ.

Побывалъ Пиотровскій въ Соловецкомъ, переплылъ въ городъ Онегу и по рѣкѣ Онегѣ пошелъ пѣшкомъ на Каргополь, рекомендуясь солоневскимъ богомольцемъ, возвращающимся черезъ Петербургъ въ Новгородъ съ тѣмъ, чтобы оттуда добраться до Кіева. Плылъ по Вытегрѣ, Онежскому озеру, Свирию, Ладожскимъ каналомъ, Невюю. Вошелъ въ Петербургъ, съ коробкомъ и въ сопровожденіи двухъ корелокъ, прямо на Невскій проспектъ. Надъ корелками проходящіе носмѣлялись; Пиотровскій погулялъ два четыре по Петербургу, поглядѣлъ на него, кое съ чѣмъ ознакомился. На Снѣной приняли безъ паспорта, а когда показали, сказали, что не надо ходить въ полицію: „все равно, черезъ три дня уйдешь“. Доискался онъ судна, уходившаго въ Ригу; опять сунулся предъявить паспортъ и началъ доставать, развязывая платокъ, въ который, по крестьянскому обычаю, паспортъ былъ спрятанъ. Паспорта не смотрѣли, велѣли приходить завтра получать билетъ на пароходъ. Тогда явился на помощь ментору, взялъ деньги, паспортъ, купилъ билетъ и послѣ третьяго звонка пхнулъ на палубу. Поплыли 3-го іюля 1846 года. Въ Ригѣ купилъ бритву, обрился, продалъ полушубокъ, обзавелся одеждою ливонскаго крестьянина и развѣнялъ деньги на иностранныя. Черезъ Митаву и Полагенъ добрался до прусской границы, сталъ выбирать мѣсто для прохода. Купаясь съ таможеннымъ солдатомъ, узналъ о контрабандистахъ, о слабыхъ мѣстахъ границы, о слабостяхъ солдатъ. Зная прусскій обычай вездѣ въ домахъ и корчмахъ первымъ вопросомъ спрашивать: haben Sie Pass?—рѣшился нигдѣ въ домахъ не ночевать; ночевалъ, по сибирски, на поляхъ и въ лѣсахъ. Въ Кролевицѣ (Кенигсбергѣ), выдавая себя за француза, попался. За сѣверный нѣмецкій выговоръ посадили подъ арестъ, допрашивали: гдѣ паспортъ?— Потералъ. Чѣмъ занимаетесь?— Ouvrier en coton

(фабричный съ бумагопрядильной фабрики). Послалъ во Францію за справками, а самого посадили въ тюрьму; упорно отстаивая свое французское происхожденіе, охъ не хотѣлъ указывать на Россію; но, объявившись полякомъ, получилъ совѣтъ поскорѣе выбираться изъ Пруссіи. Случайной снисходительности нѣмецкихъ властей Потровскій обязанъ былъ тѣмъ, что 22-го октября 1846 года онъ былъ уже, черезъ четыре года, снова въ Парижѣ, въ томъ городѣ, изъ котораго выѣзжалъ въ Польшу эмиссаромъ, побывалъ въ Сибири и сталъ въ настоящее время эмигрантомъ, живя гдѣ-то учителемъ.

Вступленіе на престолъ Императора Але-

ксандра II ознаменовано было въ 1855 и 1856 годахъ прощеніемъ и освобожденіемъ всѣхъ политическѣхъ осмыльныхъ второго періода ссылки поляковъ. Кромѣ тѣхъ, которые новыми преступленіями увеличили для себя сроки ссылки, кромѣ тѣхъ, которые поступили на государственную службу или, увлекшись потокомъ сибирской жизни, обзавелись семействами, хозяйствомъ, коммерческими дѣлами и проч., всѣ остальные поляки возвратились на родину. Немногіе вернулись въ Сибирь за участью въ новомъ повстаніи. Нѣкоторые, побывавъ на родинѣ, возвратились въ Сибирь, увлеченные обаяніями промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій.

Г Л А В А Ш.

ВРЕМЕНА АЛЕКСАНДРА II.

Ссылка поляковъ съ 1863 года.—Степень участія различныхъ сословій въ повстаніи.—Участіе иностранцевъ.—Сосланные на житье и для водворенія.—Причины замкнутости семейныхъ и не-обеспеченность изъ водворенія.—Отношенія къ нимъ туземцевъ.—Нравственное состояніе осмыльныхъ поляковъ.—Мастерскія въ Тобольскѣ.—Импровизированные земледѣльцы.—Благопріятныя данныя.—Обрусеніе шведовъ.—Запорожцы.—Шляхта.

Съ весны 1863 года стали направляться въ Сибирь и прибывать въ Тобольскъ передовыя значительныя партіи осмыльныхъ поляковъ. Съ того времени по 20 декабря 1866 года всего поступило въ Сибирь, со включеніемъ и добровольно пришедшихъ за осмыльными женой и дѣтей, 18.623 обоюга пола.

Въ 1863 году	524 чел.
„ 1864 „	10.649 „
„ 1865 „	4.671 „
„ 1866 „	2.829 „

Изъ этого числа ушло на каторгу 8.894, на поселеніе 2.153, прислано на житье 2.254 и для водворенія 8.491 (добровольно пришедшихъ 1.830 чел. *).

Стало быть, присужденные къ тяжкимъ наказаніямъ составляютъ почти $\frac{1}{4}$ ч.; присужденные къ легкимъ (на житье и водвореніе) болѣе $\frac{1}{2}$. Изъ нихъ всего болѣе распределено въ Западной Сибири (10.407), тѣмъ въ Восточной (8.199), съ тою разницею, что въ первую пришли съ легчайшею виновностью, во вторую ушли приговоренные къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ (на каторгу и поселеніе) **).

*) За пять лѣтъ съ 1854 по 1859 г. за государственными преступленіями всего изъ цѣлой Россіи было 88 муж.

***) Въ такомъ числовомъ отношеніи: по Тобол. 4.101, Томск. 6.306, Енис. 3.719, Иркутск. 4.424, по Якутск. обл. 56. При этомъ надо замѣтить, что все это люди, приговоренныя военно-судными комиссиями прямо въ Сибирь. Между ними нѣтъ тѣхъ, которые первоначально водворены

Сосланные на каторгу, поселеніе и житье распределялись по сословіямъ въ такія цифровыя отношенія:

Дворянъ	4.252 чел.
Духовенства	226 „
Горожанъ	1.148 „
Крестьянъ	849 „
Солдатъ	249 „
Иностранцевъ	385 „

Изъ водворенныхъ почти всѣ принадлежать къ низшимъ сословіямъ; дворянство составляетъ $\frac{1}{4}$ ч. (около 25%), не смотря на то, что въ общей массѣ народонаселенія дворяне составляютъ не болѣе $\frac{1}{100}$ ч., т. е. 5%. Такимъ образомъ, ссылка лишила царство и западныхъ губерній (за вычетомъ дѣтей и женщинъ) въ дворянскомъ сословіи $\frac{1}{100}$ ч., въ рабочиѣ силѣхъ $\frac{1}{100}$ ч. и въ духовенствѣ $\frac{1}{100}$ *). Распредѣляя уменьшеніе дворянства по губерніямъ, мы увидимъ, что всего болѣе (почти 3%) своихъ силъ потеряли литовскія губерніи и на 2% уменьшилось дворянство изъ Юго-Западнаго края

были въ Россіи, а потомъ переведены въ Сибирь. Эти послѣдніе присылались въ тобольскій приказъ безъ всякихъ документовъ. Наводитъ же справка о нѣсколькихъ тысячахъ подобнаго люда въ горячее время ссылки не было никакой возможности. И безъ того приказъ едва успѣвалъ принимать, распредѣлять и снаряжать осмыльныхъ.

*) Принимая все населеніе въ 15 $\frac{1}{2}$ милл. и считая количество духовныхъ римско-католич. испов. въ 9 западн. губ. въ 3.952 чел.

въ Волынской губернии. Произошло это уменьшение, стало быть выразилось и участие въ мятежѣ лицъ дворянскаго сословія въ такомъ видѣ:

Въ Ковенской губ. на	$\frac{1}{200}$	ч.
„ Виленской „ „	$\frac{1}{200}$	„
„ Гродненской „ „	$\frac{1}{400}$	„
„ Витебской „ „	$\frac{1}{200}$	„
„ Минской „ „	$\frac{1}{200}$	„
„ Могилевск. „ „	$\frac{1}{200}$	„
„ Волынской „ „	$\frac{1}{400}$	„
„ Киевской „ „	$\frac{1}{200}$	„
„ Подольской „ „	$\frac{1}{400}$	„

На каторгу изъ всего числа сосланныхъ дворянъ (4.252) ушло—1.699 чел., т. е. $\frac{1}{2}$ или 40 проц. Пропорція эта по мѣстностямъ распределяется такимъ образомъ:

Изъ Ц. П. сосл. 1.244; на кат. 506, или 40 0/0
„ Сѣв.-З. кр. с. 2.092; „ 590, „ 28 „
„ Юго-З. кр. с. 916; „ 603, „ 66 „

Стало быть, не смотря на то, что въ Юго-Западномъ краѣ мятежъ не развился шире польскаго и Сѣверо-Западнаго края и при меньшей численности дворянства, сославо лицъ этого сословія въ каторжную работу не только не меньше, но даже больше.

Изъ каждаго ста дворянъ Сѣв.-Западн. края ушло только 28 проц.

Изъ каждаго же ста Юго-Зап. края на ту же каторгу ушло 66 проц.

Слѣдовательно, одно изъ трехъ: либо на югъ приговоры дѣлались строже, либо на сѣверѣ мѣстныя средства возмездія умѣли парализовать число присужденныхъ къ такимъ наказаніямъ въ сибирской каторгѣ, либо, наконецъ, содѣйствіе сельскаго населенія къ арестованію и представленію по начальству своихъ взбунтовавшихся пановъ въ средѣ малороссійскаго народа выразилось фактически сильнѣе и ярче, чѣмъ такое же народное участие къ подавленію мятежа въ средѣ бѣлорусскаго народа. Само собою разумѣется, сибирскія данныя окончательнаго опредѣленія каждой причины и разграниченія всѣхъ трехъ между собою дать намъ не могутъ.

Изъ 3.399 человѣкъ, присужденныхъ къ тяжкимъ работамъ на каторгѣ, сословія встали въ такихъ отношеніяхъ по абсолютнымъ цифрамъ и по пропорціямъ:

Дворянъ	1.699 чел.	или 50 проц.
Духовныхъ	98 „	3 „
Мѣщанъ	676 „	20 „
Крестьянъ	705 „	21 „
Содать	212 „	6 „

Стало быть, городскія сословія принявъ участие въ мятежѣ гораздо сильнѣе обывателей сельскихъ, мѣщанамъ и крестьянамъ принадлежатъ почти равная степень участія, не смотря

на громадное числовое превосходство послѣднихъ передъ первыми. Дворянству между всѣми принадлежатъ половинное число.

По вѣрноподаніямъ изъ сосланныхъ на каторгу, поселеніе и житье, кромѣ католическаго, всѣмъ остальнымъ принадлежитъ только около 3 проц. или 221 чел. въ такихъ отношеніяхъ: православныхъ 124, униатовъ 17, протестантовъ 37, евреевъ 43. Въ 124 православныхъ замѣчалось 47 дворянъ бѣлорусскихъ юго-западныхъ губерній, 4 лица духовнаго сословія, 6 мѣщанъ, 10 крестьянъ и 57 солдатъ (преимущественно изъ девертвровъ).

Всего сославо на каторгу:

Изъ 1.785 ч. царст. Польск.: высшихъ сословій 565 ч., т. е. 32%, низшихъ сословій 1.220 ч., т. е. 68%; изъ 927 ч. Сѣверо-зап. края: высшихъ сословій 625 ч., т. е. 67%, низшихъ сословій 302 ч., т. е. 33%; изъ 687 ч. Югозападн. края: высшихъ сословій 607 ч., т. е. 88%, низшихъ сословій 80 ч., т. е. 12%.

Такимъ образомъ, низшія сословія увлеклись сильнѣе въ царствѣ Польскомъ, чѣмъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а здѣсь гораздо сильнѣе Юго-Западнаго, указывая на разницу литовскаго племени жмудяковъ-католиковъ отъ православныхъ малороссовъ, помнящихъ угнетеніе за свою вѣру отъ того же католичества. Ничтожное количество евреевъ (всего 43 человѣкъ) достаточно свидѣтельствуетъ о той холодности и равнодушіи, съ какими отнеслось къ дѣламъ Польши это многочисленное племя, облѣбившее всѣ деревни, мѣстечки и города всего края, поднявшаго возстаніе. Большая часть изъ всего числа 43 евреевъ, судя по статеинымъ спискамъ ихъ, высланы были въ Сибирь за содѣйствіе мятежу посредствомъ провоза оружія изъ-за границы и другія подобныя преступленія, т. е. скорѣе за увлеченія коммерческими расчетами, чѣмъ политическими планами.

Иностранные подданные, угодившіе въ Сибирь, въ общемъ числѣ 385-ти, распределялись въ такихъ размѣрахъ:

Австрійскихъ (преимущественно изъ Галиціи) поляковъ	259
Прусскихъ (преимущественно изъ Познани) поляковъ	102
Италянцевъ (гарибальдийцевъ)	10
Французскихъ подданныхъ (коренныхъ французовъ).	10
Англійскихъ подданныхъ	2
Гессенъ-дармштадтскихъ вѣнцевъ	1
Саксонскихъ вѣнцевъ	1

Исторія Россіи не представляетъ другаго примѣра административной и судебной высылки по политическимъ преступленіямъ въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь. Поэтому, само собою разумѣется, и въ законодательствѣ остались не предусмотрѣнными и достаточно не разрѣшен-

ними тѣ условія, въ какія должны встать сосланные и переселенныя лица въ новыя мѣстахъ ихъ жительства. Рядъ административныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ въ разное время, казался удовлетворительнымъ и не представлялъ особыхъ затрудненій тогда, когда число лицъ опредѣлялось десятками и едва доходило до сотни. Теперь, когда высланныхъ считаютъ тысячами, прежнія распоряженія являются далеко неполными и недостаточными. Это, естественнымъ образомъ, влечетъ за собою цѣлый рядъ затрудненій и стѣсненій какъ для мѣстной администраціи, такъ и для самихъ сосланныхъ.

Не останавливаясь долѣе на сосланныхъ въ тяжкія работы, отношенія которыхъ къ самимъ сосланнымъ неизбежно должны были выражаться въ старухъ, нисколько не измѣненныхъ рамкахъ, до подробностей тѣмъ же поголовныхъ стремленій къ свободѣ (вродѣ исторіи на Круго-Вайкальской дорогѣ), хорошо извѣстныхъ всѣмъ по сообщеніямъ газетъ. Обратимся къ тѣмъ, которые высланы на житье и для водворенія. Для примѣра беремъ Тобольскую губернію, какъ такую, гдѣ въ разсматриваемые нами года лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія только 50 человекъ, всѣ же остальные лишены только нѣкоторыхъ правъ.

Вотъ тѣмъ выразилось въ этой губерніи положеніе новыя сосланныхъ.

Въ Тобольской губерніи лишенныхъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ оказалось 591; лицъ, находящихся подъ надзоромъ—1.175 чел. Въ числѣ послѣднихъ болѣе 35 проц. (419 чел.) принадлежало молодымъ людямъ отъ 16 до 25 лѣтъ; между ними оказались сосланными даже такіе, которые въ Тобольскѣ съ увлеченіемъ пускали бумажнаго змѣя, играли мячикомъ и, однако, считались и называли себя политическими преступниками. Въ Тобольской губерніи такихъ оказалось 27 человекъ (сверхъ 61 дѣтей при родителяхъ *). Въ числѣ первыхъ 591 чел., присланныхъ для водворенія на казенныхъ земляхъ, оказались, болѣею частью, горожане; между ними находились хорошіе музыканты, живописцы и танцоры. Всѣмъ имъ предстояла одинаковая участь съ польскими крестьянами взять клочекъ земли и заниматься хозяйствомъ.

Общія черты сходства для людей обонхъ этихъ разрядовъ выразились тѣмъ, что въ большинствѣ своемъ они пришли не только безъ приличнаго, но даже и достаточнаго одѣянія (напаче въ томъ самомъ, въ какомъ были взяты къ суду); ницета въ самыхъ крайнихъ ея предѣлахъ возбуждала всеобщее состраданіе. Не имѣя возможности достать глѣба на предстоящій день, безъ дневнаго приюта, безъ азыма, не зная за что при-

*) Между прочимъ 110-ти-лѣтній старикъ-кандзъ.

ваться—люди эти, выпущенные изъ тюрьмы, представлялись на первыхъ порахъ брошенными рѣшительно на произволъ судьбы съ семью копейками суточного пособия, рассчитывающаго за квартиру, пищу, одежду и удовольствія.

Общія черты различія для обонхъ разрядовъ выразились, при практическомъ приженіи, тѣмъ, что судьба слабѣе наказуемыхъ оказалась худшею, тѣмъ судьба лицъ, обреченныхъ на сильнѣйшія мѣры высканія; положеніе сосланныхъ для водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ сдѣлалось сравнительно лучшимъ, тѣмъ положеніе сосланныхъ собственно подъ надзоръ. Этотъ „надзоръ“, при возможности наблюденія только внѣшняго, хлопочетъ лишь о томъ, чтобы такой-то не выѣзжалъ изъ предѣловъ указаннаго района, не производилъ наружныхъ безпорядковъ; полицейскій надзоръ имѣетъ право быть довольнымъ собою, если ему удастся достигнуть только однихъ этихъ цѣлей. Въ практическомъ приженіи къ судьбамъ политическимъ сосланныхъ этотъ надзоръ въ Сибири выразился такимъ явленіемъ: запрещеніе отлучекъ уничтожило почти всякую возможность къ прочному устройству жизни и къ присканію какого либо рода дѣятельности, при 2 р. 10 коп. ежемѣсячнаго казеннаго содержанія. Чтобы сдѣлаться промышленникомъ, нужны кое какія права состоянія, чтобы стать торговцемъ—необходимо, чтобы разбѣдамъ не полагались границы одною мѣстностью; службѣ у частныхъ лицъ суровый контроль мѣшаетъ тѣмъ, что поселить и поддерживать въ послѣднихъ недобѣріе и затрудняетъ имъ входить съ сосланными въ какія либо соглашенія или приглашать ихъ для какихъ либо торговыхъ занятій. Писменные занятія по вольному найму, разрѣшенныя впоследствии, при множествѣ политическихъ сосланныхъ, оказались мѣроу палліативною. Занятія же ремесленныя и земледѣльческія не обеспечены никакими средствами. Отсюда механическая связь пришельцевъ съ туземцами и безнадѣжность полнаго органическаго слитія. Между тѣмъ, общество готово, безъ предрассудковъ, отдѣлять ихъ отъ остальныхъ сосланныхъ и обезпечивать работами. Временныя пособия со стороны правительства (безвозвратныя), дробясь между сотнями лицъ, для каждаго въ отдѣльности настолько ничтожны, что не достигаютъ никакой цѣли. И современные сосланные поляки принуждены дѣлать складчины, не только добровольныя, но и обязательныя, т. е. для богатыхъ взносы имѣли значеніе подати. Та же замкнутость и отдѣленность отъ общей жизни, безпомощное положеніе и невозможность существованія единичными средствами, наконецъ, простое человѣческое сочувствіе естественно выразили это благотворительное дѣло, направленное для поддержки крайне бѣдныхъ товарищей. Эти товарищества составляли продолженіе тѣмъ

которые устанавливались между ссыльными самими начальствами во всей России, во время пути следования полковъ въ Сибирь. Начальства набирали старость и отдавали партіи въ полную ихъ зависимость, внутренне сознавая, при недостаткѣ воинскихъ командъ, невозможность двигать въ порядкѣ эти громадные толпы. На этапахъ и въ тюрьмахъ были сотни примѣровъ наказанія товарищей самими старостами и выборными за малѣйшіе проступки. Этотъ самосуд или собственно контроль удержался и на мѣстахъ водворенія, помогая ссыльнымъ воздерживать преступныя влчлонности и устранять, ослабляя тѣ подовѣрнія туземцевъ, которые, между прочимъ, и на этотъ разъ выразились подарвннми въ поджогахъ. Общнннй надзоръ во многомъ сослужилъ службу полицейскому.

Вотъ какъ типируетъ одинъ изъ мѣстныхъ администраторовъ положеніе ссыльнаго, воспитавшагося подъ надзоромъ и не освобожденнаго отъ него по требованіямъ мѣстныхъ условій быта:

„Политическій ссыльный приноситъ убѣжденіе, что весь итогъ прожитой жизни утраченъ безвозвратно, и потому или кажется совершенно равнодушнымъ ко всему окружающему, или является раздражительнымъ, безпокойно-нервнымъ. Если онъ еще лелѣетъ надежду возврата, то, тѣмъ не менѣе, эта надежда, оживляя его, жѣмаетъ труду, прочной сѣдлости: Сибирь—почтовая станція, мнннтная остановка жизни, не стоитъ и браться ни за что серьезное. Это время для политическихъ ссыльныхъ—время утопій, несбыточныхъ надеждъ и идеаловъ; всѣ уроки, всѣ ошибки прошлаго забыты, утратили свое поучительное значеніе. Съ постепенною потерей практическаго смысла, всякій жизненный вопросъ обобщается до чего-то безусловнаго: прикврненія съ настоящимъ нѣтъ, оттого или всегдашняя болѣзненная раздражительность или невозмутимое равнодушіе. Но, по мѣрѣ того, какъ года идутъ впередъ, ослабляя надежду и силу, эти люди становятся сумрачнѣе; раздражительность, при бездѣйствіи, усиливается, недовольство видѣруется еще глубже и переходитъ въ злобу. Продолжительный надзоръ, ежеминутный страхъ контроля не прошли даромъ, они выучили удивительному умѣнью владѣть собою: ни одно слово не пропадаетъ даромъ, ни одинъ мускулъ своимъ движеніемъ не вымѣняетъ внутреннему сердитому настроенію духа. Сдержанность и замкнутость остаются на всегда характерными чертами этихъ людей во всѣхъ ихъ сношеніяхъ съ остальными.

„Кому изъ политическихъ ссыльныхъ не удалось столкнуться съ практическою жизнью, тѣ казались наблюдателю извощенными, обнаруживали страшную нравственную пустоту, которая, при узкихъ взглядахъ и пониманіи, ха-

рактерна была лишь однимъ упорствомъ въ отстаиваніи своихъ утопій, малкимъ самолюбіемъ и болѣзненною раздражительностью. Тѣ же, которые вталкивались въ промышленную и торговую дѣятельность, отрезывались сразу: теряли свой исключительный отбѣнокъ, понятія постепенно космополитизировались, жизнь со всею мелочностью охватывала ихъ всецѣло. Искаившіе утѣшенія въ прошедшемъ доживали до консервативнаго упорства, выходъ изъ замкнутаго круга считался у нихъ слабостью и даже измѣною. Въ ому такихъ соображеній, главной задачей правительства должна быть забота о томъ, чтобы дать ссыльнымъ занятія, облегчить возможность труда и приспособленія способностей“.

Въ Тобольскѣ за послѣднее время (1864 по 67 гг.), сдѣланы были *) опыты учрежденія мастерскихъ. Не смотря на недоброжелательство и проски рутинны или невѣжества, устроены были прачешная, столярная, сапожная, слесарная, котельная производствъ, кузница, швейная, булочная, открытъ пивоваренный заводъ, заведены мелочныя лавки, общія столовая для стариковъ и хворыхъ на 140 чел. (между ними на 70 полкововъ). Въ этихъ заведеніяхъ, вполнѣ соответствующихъ мѣстнымъ требованіямъ, занято было большинство ссыльныхъ. Городское населеніе привѣтливо встрѣтало ихъ; сосланные начали, мало по малу, заручаться надеждами на будущее, привыкать къ настоящему своему положенію, примиряться съ нимъ и даже выписывать оставленныхъ на родинѣ семействъ. Въ результатѣ изъ всего этого, изъ числа 220 человекъ, 35 человекъ пользовались казеннымъ поособіемъ, всѣмъ остальнымъ доставлена возможность работать и честнымъ трудомъ приобрѣтать себѣ средства для жизни. Изъ Тобольской губ. во все это время бѣжали только одинъ, изъ Томской бѣжали десятками. Конечно, на всю губернію такое вліаніе не могло распространиться; конечно, оно подвержено такимъ же случайностямъ, какъ и самая человѣческая личность и, стало быть, не прочно.

Эти начинанія въ особенности замѣчательны тѣмъ, что они сдержали бесполезный наплывъ на сибирскія деревни польскихъ горожанъ—принужденныхъ, импровизированныхъ земледѣльцевъ; въ то же время эти начинанія служили единственными радикальнымъ средствомъ при безвыходномъ положеніи; въкоторая безтактность репрессивныхъ мѣръ обнаруживалась. Въ этихъ условіяхъ и приѣмовъ, во всей своей наготѣ. Всѣ опыты насильнаго водворенія горожанъ на землѣ, въ доброй воли и правильныхъ экономическихъ комбинацій, всегда приводили къ отрицательнымъ результатамъ. Въ той же Западной Сибири земледѣльцами сдѣлались люди, пришедшіе по волѣ, а за Байкаломъ—порочные

*) Губернаторомъ А. И. Деспотъ-Зеновичемъ.

нижние воинские чины, приписанные въ крестьяне, указали на полную безнадежность мѣръ подобнаго рода. Бродяжество, наймы по городамъ, на суда, на золотые прииски—вотъ результаты подобныхъ начинаній. Къ тому же, и сами польскіе ссыльные наотрѣзъ отказались, въ послѣднее время, принять участки земли, заявивъ категорическій отвѣтъ, что такимъ путемъ они рѣшительно не въ состояніи обеспечивать своего существованія. Конечно, вмѣстѣ съ безнадежностью совладать съ землею, много мѣшала, въ данномъ случаѣ, и боязнь закрѣпить себя на землѣ и потерять, такимъ образомъ, надежду возвратиться на родину. Понудительныя мѣры тутъ безсильны: польскіе крестьяне и безъ того встали въ болѣе или менѣе удовлетворительное положеніе: они почти все нашли заработки у крестьянъ, не смотря на то, что въ Сибири спросъ на личную услугу, во время полевыхъ работъ, не великъ, наемъ рабочей силы невыгоденъ и замѣняется исконн усиленнымъ семейнымъ трудомъ. Для желающихъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, Сибирь представляетъ богатый и неисчерпаемый рудникъ. Страна эта замѣчательна тою своею оригинальностью, что въ ней нѣтъ частной поземельной собственности и общинныя начала сохранились въ цѣлости. Огромныя, пустынные и незаселенныя пространства земель даютъ возможность каждому крестьянину пахать землю тамъ, гдѣ онъ захочетъ и найдетъ болѣе удобныхъ; 15 десятинъ земли—въ правахъ каждаго, даже изъ ссыльныхъ. Пастбища при селеніяхъ для всѣхъ общинъ и лежатъ обширныя огороженныя пространства (поскотина), специально предназначенныя для пастбы скота. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ каждый, безъ всякаго дозволенія, можетъ накосить столько травы, сколько захочетъ. Лѣса также общинная либо казенная собственность, не дѣлятся и никому не принадлежатъ, каждый можетъ рубить деревья безъ контроля, когда ему понадобится (въ казенныхъ только платять попенны). Позволенія на торговлю и промыселъ, производимые мѣстно, никто не спрашиваетъ, за патенты никто не платитъ; въ этомъ отношеніи по Сибири больше свободы, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Человѣкъ нѣмѣтъ тутъ больше свободы, чѣмъ въ Россіи (въ трудѣ и его примѣненіяхъ). Поземельныя податей никто не платитъ, кромѣ мѣшанъ, обязанныхъ земскими повинностями, которыя, къ тому же, общинная свобода значительно ограничила. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этими правами, живутъ права бюрократіи и чиновничьей произволъ и нападенія на слабые мѣста сопровождаются перѣдками и губительными притѣвленіями. Если недостатокъ средствъ и незнакомство съ мѣстными условіями на первый поразъ затрудняютъ польскихъ крестьянъ и замедляютъ улучшеніе ихъ

быта, то, тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ въ сибирскихъ деревняхъ далеко выгоднѣе положенія горожанъ, назначаемыхъ не въ города, а въ селенія *).

Боязнь опасныхъ послѣдствій отъ измѣненія существующихъ формъ напрасна и исторически не оправдывается прикѣрами той же самой Сибири (въ Россіи подобныя прикѣры безчисленны). Не только поляки и малороссы, но и шведы изъ войскъ Карла XII сблизились со славянской народностью Сибири до тождества съ нею и поглощены безъ слѣда. На память о шведахъ остались въ Тобольскѣ только такъ называемый „Прямскій завозъ“ съ каменною аркою и стѣною надъ нимъ; стѣна же кремля, построеннаго плѣнными, давно уже разсыпалась и разобрана; да по дорогѣ въ Якутскъ станція Усть-Ордынская сохранила прозваніе „Шведъ“, можетъ быть, по имени одного, можетъ быть, отъ имени многихъ поселенныхъ тутъ шведовъ. Въ Сибири евреи, въ особенности молодые, измѣнились настолько, что можно ихъ смѣло называть сибирскими, какъ особый типъ, значительно не похожій на тотъ, который господствуетъ въ западной половинѣ имперіи, и весьма близко подходящій къ настоящимъ сибирякамъ: тотъ же языкъ, костюмъ, обычай и даже иногда вѣра.

Тамъ, гдѣ искали безъ слѣда и тѣ 138 запорожскихъ казаковъ, которые присланы были въ 1770 году за причивенныя въ Польшѣ разоренія, свободно и скоро превратились въ сибиряковъ тѣ изъ поляковъ, которымъ удалось личными интересами согласно соединиться съ требованіями страны и ея интересами. Особенно счастливыхъ результатовъ обрусенія достигали съ того времени, когда поляковъ стали присылать къ казачьимъ войскамъ большими группами и одиночьи. Та же участь ожидаетъ и новыхъ пришельцевъ, если удостѣнъ благодушно устранить все то, что до сихъ поръ мѣшало обличенію вслѣдствіе стремленій видѣть въ ссылкѣ одну только карательную сторою. Въ Сибири становится дѣятелемъ только тотъ, кто пересталъ чувствовать себя наказуемымъ. Законъ этотъ неизмѣнно выразился для всѣхъ національностей. Сначала, плѣнившись слогствомъ родного языка съ русскими, забываютъ отечественную рѣчь; потомъ, увлекшись дѣвидено-сибирячкомъ, женятся и подъ вліяніемъ среды и обаяніемъ жены отстаютъ и отъ обычая; въ итогѣ—сынъ поляка уже человѣкъ православной вѣры и коренной сибирякъ, а самъ отецъ

* ВЪ Томской губ. горожанъ - поляковъ старались селить въ деревняхъ, ближайшихъ къ городамъ, чтобы ремесленники и вообще люди, не способные къ земледѣію, не сдѣлавшись настоящими деревенскими пролетаріями, могли обывать въ городахъ произведенія своихъ трудовъ. Тамъ имъ были дозволены и отлучки въ эти города для обезпеченія себя заработка.

на склонах дней человек национально-обезличенный. В особенности искусно действовала на обрусение поляков государственная служба.

Сибирь, со своими крупными особенностями, с исключительными требованиями, умела превращать в сибиряков безразлично инородцев и иноземцев. Так, например, на пространстве между Усть-Каменогорской крепостью и Жезевским рудником—одним из старинных на Алтае—в настоящее время живут высланные времен Екатерины, потомки шляхты из Северо-Западного края, помешичьи люди и крестьяне, выведенные из Польши в 1764 году и определенные в Сибирские войска; они уже не сберегли никаких воспоминаний о прошлом и потомки их только сумели сохранить наряд, резко отбывающийся от обычного сибирского. В особенности, замечательны наряд женщины, умевшие шеголевать и искусно вышивать бумагою и шелком полотенца, нагрудники, оплечья на рубахах; дёвushки до сих пор берегут в их косах старинные пятачки чеканки времен Екатерины—последние остатки их национальных особенностей.

На подобную участь слиты с туземным населением впоследствии, во втором или третьем поколении, обречены были, во время ближайшего к нам польского восстания, те более десяти тысяч обитателей западной части империи, которые присланы в Сибирь.

Пойманные с оружием и за то приговоренные по суду, о которых впереди была речь наша, составляют отдельный контингент от тех, которые присланы не на каторгу и поселение, а на так называемое водворение. Сюда впоследствии поступали многие из тех, которые были судимы и приговорены к арестантским ротам на сроки. По окончании сроков арестантских рот и они включены в число водворяемых, если только не принадлежали к привилегированным сословиям. Это—большую частью земледельцы, обыватели деревень и шляхта западных губерний, обыватели так называемых застѣнков и околиц. Вместе с шляхтичами пришли и восставшие в значительно одинаковых с ними условиях экономического и общественного быта: мещане—исключительно обыватели городов и местечек, оставшие солдаты, однодворцы и так называемые панцирные бояре—потомки родов, в древности принадлежавших России и занятых службою по крепостям, взвсканием податей и развозкою писем, тот класс, из которого свободно выдвигались в шляхетство, мещанство, в класс свободных крестьян и, при особенных подвигах, во дворянство. Причина высылки их безразлично заключалась: либо в косвенном участии в мятеж посредством укрывательства бѣжавших и спасавшихся при разгромѣ банд, либо в том (как случилось

нередко), что в деревнях эти останавивались банды, мимо околиц этих случайно проходили они в лес и из лесу, либо около них скрывались эти банды и искали здесь средств для временной вещественной поддержки своей на стоянках. Система переселения на правах водворенцев имела право свободного и добровольного выбора места и способом передвижения и осёдлости, сумела уравнивать эти толпы высланных из родины, не смотря на несходство проступков. Административный способ смысла на этот раз успел достигнуть более крупных (суровых) последствий, в противоположность требованиям суда и более или менее доказанного обвинения в виновности. Когда присужденным на каторгу и поселение с определением сроков и с правами на милостивое прощение, представлялась и осуществлялась возможность возврата из Сибири,—для этих так называемых водворенцев, через прикрытие к землѣ, на всегда отнималось это право. Переселение, со всеми его нравственными условиями и задачами на вечную утрату родины, приняло, таким образом, значение высшей меры наказания для людей наименьшей виновности. Разница на этот раз заключалась, может быть, лишь только в том, что одни из шляхты водворены были в пределы России, но за то другие уведены за Уральский хребет. Для шляхетских околиц Могилевской губернии Рогачевского уезда (Антуши, Сяножатка, Тертеж), высланных с места в цѣломъ составѣ *), новою родиною оказалась Оренбургская губерния; для других губерний—ближайших к Сибири со свободными казенными землями; для околиц более глубоких местностей западной окраины места для водворения выбраны в Сибири: сначала губернии Енисейская и Томская, а потом, когда кончало в ней водворение и места, назначенные здесь, были заняты, и губерния Тобольская. И сюда, в Сибирь, явился этот живой народ шляхетской природы немного беззаботный, разгульный, задорный до сварливости и хвастливый, но, в то же время, словоохотливый и хлебосольный. Пришел он на свободные земли, к обязательствам усидчивого тяжелого земледельческого труда на первобытной нетронутой почве, и, надо сознаться, пришел не туда, куда влететь людей призвание, где находить люди свое место и прилагать свои способности. Он даже по внешнему виду не

*) На место этих трех околиц—как известно—выстроено новое селение, под названием Парской слободы, из оставших солдат. Правильно распланированное, по нормальным чертежам, с форменным видом, слободка эта замкнула собою прежние неправильно раскиданные околицы, всегда имевшие вид отдельных хозяйств с кривыми улицами, закоулками и переулками.

положь на того, отъ котораго можно требовать исполненія подневольныхъ заказныхъ трудовъ. Въ сибирскихъ деревняхъ долженъ поселиться меньше всего земледѣлецъ, а скорѣе горожанинъ, обрившій бороду и отпущившій классическіе усы, одѣтый въ городской черныи камволь вродѣ однобортнаго длиннаго сюртука, въ широкія шаровары, въ неизмѣнный черныи картузъ во свидѣтельство своихъ наклонностей бѣлоручки, успѣваго отшатнуться отъ роли земледѣльца и, лишь съ сохраненіемъ званія землевладѣльца, сдѣлавшаго и въ деревнѣ жить съ городскими привычками и обстановкою. На родниѣ онъ успѣлъ отбоявить родовитость и гоноръ и оставить за собою стремленіе въ противоположную сторону отъ работъ, которыя награждаютъ мозолями на рукахъ. На родниѣ они бросались на государственную службу, учились грамотѣ, кончали гимназическій курсъ, искали мѣстъ управляющихъ, поступали въ чиновники, иные богатѣли и дѣлались панами; изъ этой шляхты образовалось почти все мѣстное православное и католическое духовенство. Равсчитывать на такихъ семейныхъ хозяевъ у Сибири мало правъ, дожидаться отъ нихъ вѣрнаго и твердаго земледѣльческаго населенія нѣтъ никакихъ основаній. Шляхтичь, и на родниѣ очень часто не владѣвшій собственными угодьями, вѣкъ кочевалъ, переходя съ земли одного владѣльца къ другому. Ему некогда было привыкнуть къ усидчивому труду, сдѣлаться земледѣльцемъ; онъ стоялъ на перепутьѣ между деревенскимъ и городскимъ житеемъ и возмѣлъ наклонность болѣе къ городскому быту. Онъ только потому не дворянинъ, что не доказалъ своихъ правъ, утеравъ документы или, проговорясь подяточю платою съ воеводяннаго нѣтъ уволокъ земли, предпочелъ записаться въ крѣпостные. Есть много достаточныхъ основаній предполагать, что эта шляхта, жившая на наемныхъ земляхъ, въ городахъ элементъ наиболѣе безопасный при облегченномъ надзорѣ и заработкахъ. И проживъ въ деревнѣ, онъ не утратилъ характера горожанина. Земледѣльцы они были плохіе и на мѣстахъ родныи, гдѣ приходилось имъ перемѣнять мѣсто, хозяйство ихъ было скудно, неярливо. Въ мѣсто обыкновенныхъ шляхетскихъ горенокъ они жили въ клѣтупкахъ съ землянымъ поломъ, безъ оконъ, если только можно считать за окна узенькія, продолговатыя щели съ осколками стеколъ; крыша прорвалась, заборъ разсыпался, ворота повосились; нагорожено-наляпано. Въ деревнѣ онъ живетъ (что въ томъ краю величайшая рѣдкость) на деревянныхъ полахъ съ красными окнами, уставленными балъзаминами, геранью и гортевзіями. Настоящіа городскія горенки служили обыкновеннымъ жилищемъ шляхты. Шляхтички наряжаются въ бѣлыя какъ сѣвѣ юбки, щеголяютъ въ перчаткахъ, въ праздничное

время распускають зонтики; онѣ не поють народныхъ пѣсенъ и употребляютъ всѣ силы, чтобы, какъ масло на водѣ, отдѣлаться отъ крестьянокъ всѣмъ и во всемъ. Шляхтичи, въ сношеніяхъ съ сосѣдями-крестьянами, оказывались всегда людьми высшей породы. Шляхтичь въ корчмѣ требуетъ почета, говоритъ громко, не прочь и подрагаться (бѣлорусь ему уступаетъ, старовѣрь спорить), но за то шляхтичь владѣеть всѣмъ тѣмъ искусствомъ выиграть передъ высшимъ городскимъ обществомъ искусствомъ, въ которомъ у него мало соперниковъ. Для сибирскихъ городовъ у него всѣ блестящія задатки. Но не то судила ему безразсчетная и слѣпая судьба. Для Сибири обстоятельства этихъ не взвѣсили и, не смотря на указанія и предостереженія свѣдущихъ и опытныхъ людей, поступили иначе.

Сибирскіе города, находящіеся ни низкомъ промышленномъ уровнѣ, въ виду представляющейся возможности при помощи этихъ людей подаяться въ вопросѣ промышленности обрабатывающей, сибирскіе города не надѣлены этими полевыми классами водворенцевъ, стоящихъ на степеняхъ высшаго развитія. Въ то время, когда эти люди, въ массѣ которыхъ преобладаютъ ремесленники, могли бы найти средства въ два-три года сдѣлаться полевыми гражданами, — ихъ бесполезно и бесслѣдно прикрѣпили къ деревнямъ. Между ними оказались получившіе образованіе въ среднѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и даже воспитавшіеся въ высшихъ и, стало быть, поставленные въ обидную, туждую и безнадѣжную среду крестьянской обстановки и деревенскаго быта. Шляхтичь, сдѣлавшій на приготовленной землѣ, очутился, такимъ образомъ, въ Сибири на новыхъ участкахъ, требующихъ — какъ извѣстно — долговременнаго опыта, громаднаго терпѣнія и необычайныхъ трудовъ, при расчисткѣ вѣковыхъ залежей, такъ называемыхъ новей. Только такіа мѣста, поросшія мелкимъ березнякомъ и осинникомъ сибирскія общества приняли за обычай выдѣлять прибыльнымъ и готовымъ земель для нихъ не отрубываютъ. „Новый пришелецъ долженъ занимать и новый участокъ“ — таково старожилое правило, съ которыми въ Сибири нѣтъ никакой возможности спорить. Два года тяжелымъ усиліемъ для того, чтобы воспользоваться только первымъ плодомъ своихъ трудовъ представляются обязательными даже для того замѣчательнаго меньшинства, которое владѣеть привычкою и угнѣшемъ воздѣлывать землю. Плодоносная земля лежитъ въ Сибири подъ листовыми лѣсами; его надо срубить, оставить пенья сохнуть, чтобы на будущій годъ нѣтъ силы и возможности ихъ выкорчевать, пройтие сохомъ, посеять и лишь на третій годъ получить жатву. Такимъ образомъ, для польскнхъ водворенцевъ судный лѣтъъ на три года (и лишь по малой мѣрѣ на два)

стать для казны обязательнымъ. Прибавилась лишняя тягость.

Переселенцевъ, для услугъ водворенія, казна сочла нужнымъ снабдить пособиями. Эти пособия состояли: въ выдачу 55 руб. на семейство,—суммы, обыкновенно опредѣляемой переселенцамъ изъ государственныхъ крестьянъ, 35 руб. на обзаведеніе домою и 20 на приобретение земледѣльческихъ орудій, въ снабженіи одеждою (въ случаѣ надобности) и подводами до самыхъ мѣстъ водворенія. Въ дорогѣ взрослые получали по 16 коп. въ день, малолѣтніе по 8 (все эти расходы отнесены на 10-проц. сборъ въ западныхъ губерніяхъ и на суммы Царства Польскаго). Для водворенія указаны волости со свободными казенными землями и въ нихъ положено водворять либо образованіемъ изъ переселенцевъ отдѣльныхъ деревень, либо припискою къ существующимъ уже. Въ томъ и другомъ случаѣ сдѣлано обязательнымъ избѣгать сосѣдства городовъ и большихъ трактовъ, но принято водворять въ мѣстностяхъ, изобилующихъ свободными и удобными угодьями, годною для пользованія водою, не ощущающими недостатка въ лѣсѣ для строеній. Такими были распоряженія общія.

Частныя распоряженія по водворенію, каковы сдѣланы были по Тобольской губерніи (судя по напечатанной инструкціи), заключались, между прочимъ, въ заблаговременномъ обезпеченіи продовольствія, въ заготовленіи подводъ, въ стараніяхъ и хлопотахъ установить мирныя и кроткія отношенія между пришельцами и старожилами, въ домахъ которыхъ размѣщались на первое время прибылые водворенцы. По водвореніи уступлено было гуманное право отлучекъ на рынки и торжки а въ другіе округа губерніи для сбыта ремесленныхъ издѣлій или сельскихъ произведеній. Одиночкамъ дозволено соединяться по двое на первое время *), признанные несособными къ устройству самостоятельнаго хозяйства (старики и малолѣтки) назначены для приравнѣнія въ семейства самихъ переселенцевъ или къ старожиламъ, съ выдачею за взрослога 10 руб., за малолѣтняго до десяти-лѣтняго возраста 5 руб. въ годъ съ правомъ занимать посылными работами. Изъ ближайшихъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ выдавался лѣбъ и для продовольствія и для обсыяненія полей; въ первомъ случаѣ за каждые три мѣсяца впередъ. Тотъ и другой лѣбъ выдавался заемобразно. Частныя распоряженія служили облегчить уплату займа на болѣе продолжительные сроки (въ четыре года послѣ первыхъ шести необходимыхъ для знакомства съ требованіями новой страны). Переселенцы-домохозяева, наравнѣ съ прочими крестьянами,

приобрѣтали право участія въ мірскихъ угодьяхъ и оброчныхъ статьяхъ, и проч.

Но не все волости и угодья, назначенныя для водворенія, оказались удобными и соответствующими требованіямъ Западнаго комитета. Томская коммиссія, водворявшая этихъ переселенцевъ, нашла, что пособие, вообще недостаточное и для переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ, для польскихъ выходцевъ еще сильнѣе и безвыходнѣе усложняло затрудненія. Переселенцы внутреннихъ губерній приходили совершенно обезпеченными, приводили скотъ (лошадей) или приносили деньги, вырученныя отъ продажъ его и назначенныя для той же цѣли на новыхъ мѣстахъ; польскіе водворенцы ничего этого не имѣли. Рабочую лошадь — основное подспорье земледѣія—должны они покупать, ястрачивая не менѣе 25 руб. изъ 55, и въ то время, когда приобретение топора, заступа, пилы, телѣги, сажки и для земледѣлія сохи и бороны (непрежнно съ жалѣзными зубами по требованіямъ первобытной сибирской земли), а также и сбруи—по сибирскимъ цѣнамъ на 30 руб. приобрести нѣтъ никакой возможности. Увеличеніе денежнаго пособия, по крайней мѣрѣ на цѣну не предусмотрѣнной лошади, должно было сдѣлаться, при практическомъ осуществленіи проекта, неизбежнымъ и настоятельнымъ. Затѣмъ осуществленіе въ Сибири правды о полныхъ деньгахъ и, вслѣдствіе того, примѣтное уменьшеніе лѣсной промышленности и высокія цѣны на лѣсъ дѣлають невозможномъ покупку готоваго сруба за 15 руб., а черезъ это укрупняютъ необходимость увеличенія пособій еще на лишнія прибавки денегъ до ста рублей на лѣсистыя мѣстности и свыше ста на южныя безлѣсныя.

Подъ такими-то крупными и неблагоприятными условіями приводилось селить польскихъ водворенцевъ по цѣлой Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи. Въ Сибири достигнута только одна цѣль: переселенцы водворены въ округахъ, наиболѣе дающихъ благоприятныя данныя для земледѣльческаго труда, если не принимать въ расчетъ того, что на этотъ благородный, но тяжелый трудъ приглашены люди, не властвующие достаточными способностями, на большую часть безъ призванія, безъ охоты, что называется безъ рукъ. Приведены они въ Сибирь или отдѣльными партиями или въ общихъ арестантскихъ партіяхъ на устройство быта по случайнымъ законамъ, которые обыкновенно на практикѣ говорятъ всегда на-двое. Размѣщались они, до распредѣленія, или въ особые казармакъ, или на правахъ обыкновенныхъ смѣльныхъ, при тѣснотѣ и по невозможности въ самыхъ тюремныхъ замкахъ въ соединеніи съ прочими преступниками. На мѣста водворенія ихъ переправляли также на правахъ пересыльныхъ арестантовъ: подъ багажъ 12

*) Потомъ по устройству хозяйства они обязаны были раздѣляться жить отдѣльными хозяйствами.

человѣкъ полагалась одна одноконная подвода, подъ слабыхъ и дряхлыхъ одна на двухъ, одна же для пяти малолѣтковъ и по одной подводѣ для двухъ женщинъ съ грудными дѣтьми. Пришли они, большею частью, безъ семействъ, оставшихся на родинѣ въ расчетѣ, что высылка ихъ—только временная мѣра наказанія. Не смотря на всѣ внушенія начальствъ, они сначала ни подъ какимъ видомъ не хотѣли выписывать своихъ семей, говоря, что не желаютъ подвергать ихъ тому же невѣстному будущему, какому они сами подвергнуты. У всѣхъ твердо укрѣплена была вѣра, что со временемъ возвратятся на родину и трудиться считали здѣсь лишнимъ. Когда ослабла подобная вѣра и исчезла надежда, они стали выписывать семьи; болѣе другихъ упорные и заглѣбшіеся высланы въ Восточную Сибирь. Однако, на мѣстахъ они получили категорическое заявленіе о томъ, что приведены сюда для водворенія на казенныхъ земляхъ и для занятій земледѣліемъ, что они зачислены въ сословіе государственныхъ крестьянъ, что имъ не только воспрещена приниска въ городскимъ состояніямъ и житье въ городахъ, но даже отлучки даже черты той волости, въ которой водворены. Все это внушало имъ земское начальство съ предвареніемъ, что верадивные и пренебрегающіе земледѣліемъ будутъ безъ всякаго послабленія подвергаться наказаніямъ, какъ-то назначеніямъ въ общественныя работы, арестамъ, тѣлесному наказанію и, наконецъ, удаленію изъ обществъ для неисправныхъ въ отдаленныя мѣста Сибири. Для того, чтобы водворенцы не имѣли возможности распространять здѣсь какія либо вредныя идеи и затѣвать опасныя замыслы, надъ ними установленъ надзоръ. Насколько послѣдній затруднителенъ и мало ведетъ къ цѣли, мы уже имѣли случай объяснить выше по поводу сосланныхъ на поселеніе. На сколько затруднительна система принудительнаго земледѣльческаго труда доказываютъ сами водворенцы стремленіями своими въ ту среду городской жизни, гдѣ не безъ точнаго основанія мечтаютъ для нихъ надежды на вѣрное и практическое пригвненіе ихъ ремесленныхъ и научныхъ знаний. Въ городахъ—наибольшая сумма врачующихъ средствъ противъ той болѣзни, которую на этотъ разъ предположено лечить ссылкой и водвореніемъ, но которую то и другое еще болѣе раздражаетъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ высланныхъ водворенцевъ въ Тобольской губерніи поселены въ семи многоземельныхъ волостяхъ Ишимскаго округа, въ Тарскомъ, какъ не представляющемъ также особенныхъ неудобствъ, въ Омскомъ и Тобольскомъ; въ послѣднемъ на тѣхъ непо-

гихъ удобныхъ земляхъ, которыя остались свободными.

Теперь опытъ указалъ на подобныя неудобства и они мало по малу устраняются.

Къ числу благотворныхъ мѣропріятій, какія были приведены испытать новѣйшей системою политической ссылки, должно отнести, прежде всего, многочисленные случаи прощенія, имѣвшаго послѣдствіемъ значительную сумму облегченій и не остановившагося передъ дарованіемъ полной свободы тамъ, гдѣ это имѣло возможность.

Прежде, всего освобождены всѣ тѣ молодые люди, не достигшіе 20-лѣтняго возраста, для которыхъ облегченіе участи нашло оправданіе въ уступкахъ неопытной молодости, склонной къ увлеченіямъ, но далекой отъ закоренѣлой и опасной преступности. Во вторыхъ, получали свободу всѣ иностранные подданные, заглѣбшіеся въ мятежѣ, всѣ эти искатели приключеній, болѣею частью люди безъ крова и опредѣленныхъ профессій, ненужные и бесполезные въ ссылкѣ; за исключеніемъ тѣхъ, которые успѣли закрѣпить связи, въ одно время, посредствомъ браковъ и при обезпеченіи себя какими либо ремесломъ и занятіемъ. Таковыхъ пригвтное число осталось, по доброй ихъ волѣ, въ Сибири. Болѣе двухъ тысячъ иностранцевъ (считая въ томъ числѣ по тяжелой преступности попавшихъ въ Сибирь) освободили Россію, возвратясь на попоченіе своихъ правительствъ.

Все число приговоренныхъ къ каторжной работѣ, начиная съ 1866 года, постоянно ослабѣвало черезъ уменьшеніе сроковъ, которыми облегчалась участь ихъ сначала на половину, потомъ на $\frac{1}{3}$ до значительно ускореннаго права выхода на поселеніе. Тѣ же неоднократныя распоряженія, и въ то же время, сокращали сроки для приговоренныхъ на поселеніе къ выходу изъ на житье и къ наступленію въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Для другихъ категорій, сосланныхъ съ меньшою виновностью, льготныя послабленія простирались до дозволеній приниска къ городамъ изъ селеній, къ выѣзду изъ Сибири въ Россію и, наконецъ, къ праву житья въ царствѣ Польскомъ. Изъ таковыхъ ссыльныхъ въ Сибирь или отдаленные города Россіи около двухъ тысячъ получили свободу изъ арестантскихъ ротъ и до пяти тысячъ изъ сосланныхъ административныхъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи. Въ послѣднемъ случаѣ можно рассчитывать еще на большія льготы и ожидать новыхъ прощеній, когда кончить свои работы особая коммиссія для лицъ находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ, назначеніи которой было своевременно сообщено въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

ГЛАВА IV.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Древние способы наказания правды.—История ссылки государственных преступников.—В. Н. Романовъ и его страданія.—Матвѣевъ.—Раскопъ Лазарь.—Растрга Федось (Феодосій Лвовскій).—Семьный колоколъ.—Тюрьмы для великодушныхъ преступниковъ.—Остроги.—Монастырскія каюты.—Ссылка во время междуцарствія, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ.—Ссылка малороссовъ.—Гетманы.—Гвизтовка.—Многогрѣшникъ.—Самойловичъ.—Сѣрко.—Войнаровский.—Желѣзнякъ.—Дятльевъ.—Самозванцы 17 и 18 столѣтій.—Громадная ссылка стрѣльцовъ.—Враги Петра I.—Сообщники Талызкаго, царевича Алексѣя.—Ссылка при наследникахъ Петра.—Враги Феофана Прокоповича въ ссылкѣ.—Вироновщина.—Слово и дѣло.—Радищевъ.—Уральскій казакъ пугачевецъ Марушка.—Слово и дѣло въ Сибири и на каторгѣ.—Старецъ Никонъ.—Каурій.—Тверской крестьянинъ Ермолаевъ.—Семьный Артамоновъ.—Грузинскіе дворяне.—Семеновцы.—Экспедиаторъ Степановъ.—Кодебу.—Дамъникъ отечеству.

Древняя Русь, для удовлетворенія законовъ справедливости, считала необходимыми: разбойниковъ и татей бить кнутомъ, а пущихъ заводчиковъ поднимать на висѣлицы по одному человѣку въ городъ; зажигателей также вѣшала; дѣлателямъ фальшивой монеты отсѣкала обѣ ноги и лѣвую руку; женъ, за убійство мужей, закапывала живыми въ землю; бунтовщиковъ въ страхъ прочимъ вѣшала на плотачъ и спускала внизъ по рѣкѣ. Отступниковъ отъ вѣры, религіозныхъ мыслителей, заурядъ съ колдунами, ставили въ деревянные срубы и сжигали живьемъ. Государственныхъ преступниковъ колесовали, четвертовали или клали ихъ буйны головы на плахи липовыя (по словамъ пѣсень), „отрубали буйны головы по могучимъ плечи, или брали лопаты желѣзныя, копали двѣ ямы глубокия, становили два столба дубовыхъ, забивали два хрюка желѣзныхъ, клали жердочку кленовую, накладывали двѣ петели шелковыя; выводили добра-молодца, очи ясныя черной тафтой ему завѣшивали, рѣзвы носенки въ тяжелыя желѣзы заковывали“ и проч. *). Въ большин-

ствѣ же случаевъ къ нимъ прибѣгали ссылку въ самыя глухія и скудныя мѣста, въ разсѣнѣ на медленные муки нравственной тоски и одиночнаго заключенія и на вѣростіе мучительной смерти отъ голода. „Здѣсь вопали погреби глубокия,—по словамъ народныхъ пѣсень:—задерживали рѣшетками желѣзными, желтыя щескомъ призащипывали, обрызгъ драмень-каменемъ призавалявали“. Досаживались же въ земляныхъ тюрьмахъ до того, что проросали тѣлныя кресты во бѣлы груди.

Такиими путями гонились за правдою и полагали ее удовлетворенною во все время, пока неизвѣстна была Сибирь и мѣстами ссылки и заточеній могли служить сѣверныя монастыри и пограничныя остроги, но къ хѣрамъ короткой расправы прибѣгали еще и тотъ московскій царь, который впервые сталъ титуловаться сибирскимъ. Потугающими глазами одрагѣвшаго старика, измучившій въхъ и самого себя до острой и смертельной болѣзни, всглаголуть Иванъ Грозный на соболей, привезеннымъ атаманомъ Кольцомъ отъ Ермака; успѣлъ выговорить казни завоевателямъ цѣлаго татарскаго царства на разбой и грабежи на Волгѣ, за своеволія на Камѣ, но за приращеніе московской земли новымъ громаднымъ косякомъ плодородныхъ земель на Иртышѣ и Тоболѣ усталымъ и изнеможеннымъ царь посылалъ Ермаку съ своихъ надломленныхъ плечъ бархатную шубу и охлобѣло выговорилъ прощеніе на этотъ разъ,—во всю жизнь не терпя никакихъ своеволій. Затѣмъ, едва успѣлъ онъ послать въ Сибирь своихъ воеводъ, годъ одинъ повелѣчался въ московскіхъ соборахъ сибирскимъ царемъ, въ началѣ марта 1584 года, тяжело занемогъ и, едва успѣвъ уже полумертвымъ постричься въ монахи, скончался. Смыу его досталась готовою страна во всекъ собли-

скому Петрову указу 28 окт. 1712 г., четвертовать, т. е. поперебѣнно отрубленн дужк. ноги и наконецъ, голова. Вниъ его всонародно чтали и былъ прибить къ столбу иметь.

*) Во время пребыванія нашего въ Архангелскѣ, мы имѣли случай найти свидѣтельство о слѣдующемъ образѣ стариннаго судопроизводства и наказаній. Елисей, солдатъ гайдукаго полка, пущенный на ночь съсѣдомъ своимъ и сослуживцемъ Костогоровымъ, ночью похитилъ колоду хованна и то же сдѣлалъ съ его женою, прибѣжавшою на помощь. Оправдывалъ себя тѣмъ, что будто бы жена Костогорова изурочила сына его, 13-ти-недѣльнаго младенца; сверхъ того, надѣялся найти деньги, а самого хованна не застать дома. Убоясь крикомъ ирраченнаго Костогорова: «Царевъ (т. е. караулъ), что ты задумалъ, за что рѣжешь?»—Елисей засунулъ раненому руку въ ротъ, а когда тотъ выхватилъ у него изъ рукъ ножъ, выскочилъ въ окно и побѣжалъ въ городъ, а Костогоровы «рѣзные отъ него остались еще живы». Убийца былъ пойманъ въ одной рубашкѣ, окровавленнй, безъ сапогъ. За это произвели пытку (дали 42 удара кнутомъ), да 12 страсокъ и семикратно жень каленныи вѣщами и обливанъ водою горячею, «ставленъ въ прѣстѣновъ и, наконецъ, по цар-

вительныхъ условіяхъ лучшаго ссыльнаго мѣста въ цѣломъ свѣтѣ: въ 1592 г. основанъ одинъ изъ первыхъ сибирскихъ остроговъ Пелымъ и для заселенія его употреблены огуломъ первые ссыльные люди за государскія вѣны—угличане, сосланные по дѣлу царевича Дмитрія. Черезъ десять лѣтъ въ городкѣ этомъ сидѣтъ уже новый сибирскій ссыльный—В. Н. Романовъ, сосланный за государственное преступленіе „за намѣреніе отравить ядомъ царя Бориса“. Съ тѣхъ поръ возмездіе за государственный преступленія стало считаться удовлетвореннымъ съ удаленіемъ виновныхъ людей въ самыя глухія мѣста Сибири въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ. Оставляя преступниковъ за приставами въ тяжелыхъ желѣзахъ, возмездіе находило предѣлъ собственному успокоенію въ лишеніи ссыльныхъ общенія съ людьми, облегченнаго урѣзываньемъ языковъ. Виновные стали получать патенты на ссыльное право съ вырѣзанными ноздрями, ушами и при иныхъ способахъ искалѣченія. Справедливость считалась отысканною и мѣсть удовлетворенною, если ссылка умѣла подвергнуть ея измучить до голодной смерти. Ограниченная дача пищи продолжала входить сюда, какъ непрѣмѣнная принадлежность ссылки, на томъ же основаніи, какъ обязательно было до сихъ поръ это голодное право для всѣхъ, подвергавшихся монастырскому и острожному заточенію еще до предѣловъ Уральскаго хребта.

Молодой юноша Василій Никитичъ Романовъ, сосланный въ 1607 году по доносу холопа, къ утѣшенію тосковавшихъ „объ московскомъ винѣ и табакѣ“ приставовъ, истаялъ отъ голоду въ одинъ годъ и умеръ въ душной землянкѣ въ окопахъ, не смотря на то, что—по преданію—пелымскіе жители выучили дѣтей своихъ, играя воалѣ тюрьмы, носить узнику въ дудочкахъ квасъ, молоко и подобные припасы. Приставъ поступалъ съ нимъ крото: держалъ скованнымъ въ избѣ, мимо которой прохаживалъ дорожки не было. Василій былъ боленъ все время, чуть живой на цѣпи, ноги опухли. „Я цѣпь сваялъ (пишетъ приставъ). Сидѣлъ у него братъ Иванъ и дѣтина (слуга) Сенька. И я ходилъ и поща пускать“. Когда умеръ, похоронилъ, далъ по немъ трѣхъ попавъ да дѣячку да пономарю 20 рублей. Иванъ боленъ старую болѣзью, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ (Ивана Никитича перевели потомъ въ Уфу и поверстали на службу въ Нижній). Старшій братъ его, любимецъ московскаго народа, посаженный въ земляную тюрьму въ селѣ Ныробѣ (въ 70 верстахъ отъ г. Чердыни Пермской губерніи), не прожилъ въ заточеніи и одного года, не смотря на то, что владѣлъ громадною физическою силою, о которой слава шла въ преданіи, обладавъ высокимъ ростомъ и весьма плотнымъ тѣлосложениемъ. Пока копала яму для тюрьмы и ссыльный стоялъ у са-

ней, на которыхъ привезли его (говорить народное преданіе) и когда завалило его снѣгомъ, М. Н. Романовъ схватилъ обѣими руками сани и отбросилъ ихъ шаговъ на десять въ сторону, а сани едва трогали съ мѣста пять человѣкъ. До сихъ поръ въ Ныробской церкви показываютъ одинъ желѣзъ его на два пуда вѣсомъ: такъ называемый стугъ или плечный желѣза въ 39 фун., ручныя желѣза въ 12 фун., кандалы или ножны въ 19 и замокъ въ 10 фунтовъ. Когда крестьяне попробовали подсобить ему своими скудными собственными припасами, пристава не замедлилъ шесть человѣкъ отослать въ Москву за крѣпкимъ карауломъ; при царѣ Шуйскомъ изъ нихъ вернулись домой только двое, остальные, послѣ жестокихъ пытокъ, умерли въ московскомъ заточеніи.

„Не постыдился бы я (пишетъ поддѣвѣншій заключенникъ вълѣви устьевъ Печоры въ Пустозерскѣ, Артамовъ Сергѣевичъ Матвѣевъ), не постыдился бы я—свидѣтель мнѣ Господь Богъ—именемъ Его ходить и просить милостыню, да никто не подастъ и не можетъ подать ради нужды. Жители голодомъ таятъ и умираютъ. Избенка дава мнѣ, а другая червию моему синишкѣ, ей-ей!—обѣ безъ печи и во всю зиму рукъ и ногъ не отогрѣли, а иные дни мало что не замерзаетъ, а отъ угару безпрестанно умирали. А въ подкѣтншкѣ запасенко мой и рухлядишка, а въ другомъ сырты мои да караульщики стерегутъ меня, чтобы не убѣжалъ. Таемъ голодомъ, а хлѣбъ привезли: мука, что отруби, и той не продаютъ“. Сынъ страдалица, подкрѣпляя слова отца, свидѣтельствуетъ, что бывали времена, когда у нихъ оставалось только три сузара; приотавъ (Тулачскій) удѣлилъ имъ изъ своего запаса половину, самъ получалъ всего шесть пудовъ ржаной муки и тѣмъ спасъ ихъ отъ смерти.

„А хлѣба даютъ намъ по полутора фунту на сутки (пишетъ въ посланіи царю Алексѣю другой пустозерскій заточникъ, товарищъ Аввакума, располь Лазарь), да квасу нужно даютъ. Ей ей, и поимъ больши сего пометаютъ, а соли не даютъ, а одежишки нѣтъ же, ходимъ сраму и наго“. Впрочемъ, четыре товарища по ссылкѣ за государственный и религіозныя преступленія отъ голодной смерти избѣгли смертью въ срубѣ и огнѣ, уже въ царствованіе Алексѣева сына—Федора.

„Мучаемъ животь свой (пишетъ В. В. Голицынъ, любимецъ Софіи, изъ ссылки съ Пинеги) и скитаемся Христовымъ именемъ, всею потребою обнищали и послѣднія рубанки съ себя проѣли. И помереть будетъ намъ тоювою и голодною смертью“.

Уходя изъ XVII въ начало промѣнаго столѣтія, мы видимъ, что на той же окраинѣ (на устьяхъ Двины въ Никольскомъ Коралевскомъ монастырѣ) надъ однимъ ссыльнымъ (прогорал-

скимъ архіепископомъ Θεодосіемъ Яновскимъ), разыгрывается продолженіе древней русской драмы, оканчивавшейся въ послѣднемъ актѣ тою же голодною смертію. Этому сопернику и врагу Θεοφана Прокоповича, сосланному за дерзость противъ Екатерины I и за бранныя слова на дворцовый караулъ, удалось прожить въ заточеніи всего 7 мѣсяцевъ и 11 дней. Получать онъ только хлѣбъ и воду. Архангельскій губернаторъ (Измайловъ), навѣстившій „растригу Θεодоса“ черезъ нѣсколько времени, отписывалъ въ Петербургъ, что онъ еще живъ. Ему отвѣчали: „Когда придетъ крайняя нужда къ смерти чернецу Θεодосу“, губернатору отпереть и распечатать двери, духовнику причастить тутъ же въ тюремной кельѣ, двери которой послѣ того „по прежнему запереть и запечатать ему, губернатору, своею печатью и приказать хранить на крѣпко“, а придетъ смерть, похоронить въ томъ же монастырѣ. Когда велѣно было перевести его изъ-подъ перкви въ новую тюрьму и послѣдняя была готова, Θεодосъ уже не имѣлъ силы перейти въ нее, его перенесли на рукахъ. Старецъ успѣлъ проговорить на переводѣ: „Ни я чернецъ, ни я мертвецъ, гдѣ судъ и милость?“ Губернаторъ сказалъ ему „съ сердцемъ, дабы онъ лишняго не говорилъ, а просиялъ бы у Бога душѣ своей милости“. Измайловъ спросилъ: не желаетъ ли онъ духовника? „И на тотъ вопросъ ничего онъ, Θεодосъ, не сказалъ и глазъ своихъ, какъ они у него закрыты были камшлякою, не открылъ“. Съ тѣмъ губернаторъ и уѣхалъ. 3-го февраля получалъ онъ отъ фендрика рапортъ, что „онный Θεодосъ, по многому клику для поданія пищи, отвѣту не отдастъ и пищи не принимаетъ“. Велѣно фендрику „еще покричать въ окно, какъ возможно громко, и смелъ по многому крику отвѣту онъ не дастъ, то на другой день тюрьму, распечатать, отпереть и его, Θεодоса, осмотрѣть“. Фендрикъ покричалъ, отперъ тюрьму, осмотрѣлъ и 5-го февраля съ нарочнымъ солдатомъ прислалъ губернатору объявленіе, что „онный Θεодосъ умеръ“. Не удалось примѣнить первое столичное предписаніе (предусмотрѣть близость смерти и причастить узника), попробовали исполнить второе: похоронили тѣло при деревянной боличной церкви, гдѣ хоронятъ монаховъ; но петербургская тайная канцелярія этимъ не удовольствовалась! Велѣно „учинить анатомію, изъ Θεодосова тѣла внутренности вынуть“, а если искусныхъ людей не обрѣтается (въ Архангельскѣ), то, „положа тѣло въ гробъ, засмолатъ и отправить въ Петербургъ на почтовыхъ лошадахъ отъ гвардіи съ урядникомъ и съ двумя солдатами съ подтвержденіемъ, яко бы ѣдутъ съ нѣкоторыми вещами“. Указъ о томъ послѣдовалъ 20-го февраля; 2-го марта писано: „мертвое тѣло не возить“, но было поздно. Кабинетскій

курьеръ встрѣтилъ тѣло Θεодоса въ 60 верстахъ отъ Каргополя, осмотрѣлъ его въ деревнѣ тайно, „не живитъ ли на томъ тѣлѣ какіе азы, и того не явилось“. 12-го марта 1726 г. тѣло похоронено въ Кирилловомъ Вѣлосерскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ, новый вѣкъ выступалъ только съ тѣмъ новымъ прогрессомъ, что перестали сомнѣть колокола *) и земляныя тюрьмы стали смѣняться надземными. Въ вырбной каменной часовнѣ, подлѣ иконостаса, показывають въ каменномъ полу четырехугольное отверстіе, служившее окномъ для свѣта и мѣстомъ, черезъ которое подавали узнику Романову пищу. На лѣво отъ входа въ часовню по спуску, устроенному подлѣ, и по каменнымъ ступенямъ входить въ яму вышиною въ 2½ аршина. И теперь въ подземельѣ такъ мало свѣта, что глазъ съ трудомъ успѣваетъ разглядѣть мокрыя и мрачныя стѣны, выведенныя сводомъ въ одинъ кирпичъ, на фундаментѣ изъ дикаго камня, и на лѣво чуть примѣтные остатки печи. Печь эту сложили—поясняетъ преданіе—вскорѣ, какъ привезли узника, когда морозы стали крѣпнуть. Народъ чтитъ желѣзныя оковы за святые и надъ землянкою мученика выстроилъ каменную часовню, на мѣсто деревянной и древней, въ 1793 году, по указу Екатерины II. Въ теплой церкви, на мѣстѣ сгорѣвшей вмѣстѣ съ деревянною гробницею, хранится сдѣланная по образцу старой новая гробница. Уже для Аввакума съ товарищами, при благодушномъ царѣ Алексѣѣ, велѣно было рубить лѣсъ на Ижмѣ и сплавать внизъ по Печорѣ въ Шустозерскъ; тамъ срубили четыре избы, пригодныя для человѣческаго жилья (суда по прописаннымъ въ указѣ размѣрамъ). Однако, и послѣ Петра, при заточеніи Θεодосія Яновскаго, еще хлопотали Борисовымъ обмываетъ о томъ, чтобы и надзем-

*) До 3 іюня 1892 г. въ тобольскомъ кремлѣ, подлѣ архіерейскаго дома, въ особенномъ огороженномъ мѣстѣ, висѣлъ смѣльный угличскій колоколъ, въ который били въ набатъ послѣ убіенія царевича Дмитрія. Смѣльный колоколъ висѣлъ въ товариществѣ другихъ четырехъ, подобранныхъ подъ тонъ, но отличался отъ нихъ урѣзанными (отломанными) ушами, хотя съ цѣпями азможъ, за то съ обрызганными краями. Уши его надломлены и края обиты,—по русскому народному преданію:—въ наказаніе за преступленіе: бить въ набатъ, звукъ давалъ. народъ собиралъ, народъ возмущался и владѣство учинилъ—кровь пролилъ въ самоудѣ. На колоколѣ надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Дмитрія въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ семлку во градъ Тобольскъ, въ церковь Всемилостиваго Спаса, что на Торгу (теперь на Яру, на берегу Иртыша), а потомъ на Софійской (соборной) колокольномъ былъ часобитный». На вопросъ нашъ встрѣчаютъ туземцы: за что колоколъ сосланъ?—мы получали въ отвѣтъ: «Пожаръ гдѣ-то былъ, такъ гулку онъ не давалъ, за то и сосланъ». Теперь колоколъ возвращенъ въ Угличъ и помещенъ въ музей.

ная тюрьма походила на подземную. Борисъ выдерживалъ Филарета Никитича Романова въ Антоніевъ-Сѣвскомъ монастырѣ въ подцерковной кельѣ въ 2 1/2 аршина длины и 1 1/2 аршина ширины. Посланный при Екатеринѣ I ревизоръ изъ Петербурга нашелъ, что у Федосовой кельи окно велико. Ревизоръ этотъ велѣлъ окошко закласть кирпичемъ, такъ что новое имѣло 1/4 аршина въ вышину и 1/2 аршина въ ширину. Мостъ (т. е. половицы) изъ той кельи былъ выбранъ, узники покинуть на сырое и холодное полу. Платя при немъ оставлено только что на немъ да постель; денегъ ему ничего не дано. Приобщать его заказано разъ въ годъ въ Великій постъ, не въ церкви, а въ темницѣ. Въ темницѣ сидѣть онъ „за тремя дверями и замками и за печальми и у послѣднихъ дверей поставленъ караулъ—одинъ часовой изъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ съ ружьемъ“. Показалось, что и тутъ близко люди ходятъ, велѣли поискать такое мѣсто, чтобы не ходили мимо люди и тутъ построятъ другую тюрьму, гдѣ сдѣлать печи и наслать деревянный полъ, и печь топить съ надворья „и устье печное чтобъ близъ караула было“.

Въ этомъ же вѣкѣ, и именно въ началѣ его (въ 1724 году), въ Березовѣ былъ выстроенъ изъ аданія Воскресенскаго монастыря острогъ, специально предназначенный для государственныхъ преступниковъ: въ 1727 году вошелъ въ него А. Д. Меньшиковъ съ семействомъ, а тотчасъ по выходѣ его и слѣдомъ за нимъ (въ 1730 году) князья Долгорукіе, потомъ въ 1743 г. графъ Остерманъ. Послѣ него острогъ былъ заброшенъ и снесенъ на другое мѣсто подъ присутственнымъ мѣстомъ; мѣсто Березова полюбилась Камчатка. Уже Петръ не придерживался охранять Западной Сибири и, радѣя о портахъ приморскихъ, сдѣлавшій изъ Рогервика (Балтійскаго-Порта) и Петербурга каторжные мѣста посылалъ государственныхъ преступниковъ въ Охотскій портъ.

До Петра тюрьмами для государственныхъ злодѣевъ служили еще остроги и острожки, одиѣ за другимъ, какъ грибы, выросавшіе въ лѣсныхъ мѣстностяхъ дикой и новой Сибири. Въ остроги эти являлись государственные преступники въ числѣ первыхъ обновлять тюрьмы и исправлять новоселье. Въ 1666 г. основанъ былъ за Байкаломъ Селенгинскій острогъ и, пока укрѣпленія его дубовымъ частоколомъ, пока внутри ограды успѣли построятъ церковь и деревянные избы съ застѣнками—по московскимъ образцамъ—для пытокъ простымъ есылныхъ, послѣдними срубить и избы съ „темными каютами“ для великоважныхъ преступниковъ. Въ селенгинской секретной казѣ въ 1673 г. сидѣлъ уже малороссійскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. Около 1630 года отстроенъ былъ Кузнецкій острогъ и долго подвергался опасности отъ нападеній татаръ и киргизъ,

но лишь смирились послѣдніе и стало безопасно, въ Кузнецкій острогъ привезли вѣнчнскаго полковника Матвѣя Гвантовку, и т. д. Въ началѣ XVII вѣка такихъ остроговъ въ Сибири было уже много: на „великой рѣкѣ Ленѣ“ стоялъ острогъ Якутскій; въ дальнихъ Даурацѣ—Нерчинскій и Селенгинскій и даже „на великой рѣкѣ Амурѣ“—Албазинскій, гдѣ имѣлъ первый молебень государственный есылный—протопопъ Аввакумъ Петровичъ. Сверхъ того, такія же сырыя и темныя тюрьмы стояли готовыми и въ монастыряхъ тургуласскомъ (Троицкомъ), кривескомъ (Троицкомъ), Иркутскомъ (Вознесенскомъ), селенгинскомъ (Троицкомъ, близъ Байкала), нерчинскомъ (Успенскомъ) и даже въ якутскомъ (Спаскомъ). Для женщинъ выстроены были особыя тюрьмы съ желѣзными рѣшетками въ монастыряхъ женскихъ Богородицкихъ (тобольскомъ и енисейскомъ Рождественскихъ, далматовскомъ Успенскомъ и иркутскомъ Знаменскомъ).

Семнадцатый вѣкъ, кончившійся всплшками неудовольствій по поводу присоединенія Малороссіи, распрями съ раскольниками, нашедшими опору въ своевольныхъ стрельцахъ, передалъ новому вѣку много нерѣшенныхъ споровъ государственной важности. Восемнадцатый вѣкъ, къ тому же, начинался для Россіи громадною ломкою всего стараго отечественнаго и народнаго, распадавшася подъ ударами тяжелой руки, направляемой и восполненной иноземцами. Сильно грянувшая волна схватывала отсталыхъ и, ивуродовавъ ихъ тѣла, выкадывала на пустынныхъ далекихъ берегахъ Сибири. Въ числѣ отсталыхъ и погибшихъ первыми и на большую часть оказались лица духовнаго званія, но больше монаховъ, чѣмъ людей изъ благаго духовенства. Второй напоръ волнъ потопилъ людей, стоявшихъ во главѣ правленія и руководившихъ судьбами обновляемаго государства, потопилъ ихъ во время споровъ за престолонаслѣдіе и во время борьбы съ вѣнцами. Волна была неразборчива: съ равнымъ хладнокровіемъ хватала она противниковъ новизны, потащала слѣдомъ за ними и заводчиковъ новыхъ порядковъ. За ними, впоследствии, понесла волна и мелкихъ людей, горожанъ и сельчанъ, людей свободскихъ и черносошныхъ, купцовъ и крестьянъ, злоупотребившихъ государевымъ „словомъ и дѣломъ“, т. е. обявнившихъ ихъ за собою и не доказавшихъ одного изъ слѣдующихъ къ тому пунктовъ. Восемнадцатый вѣкъ можно назвать исключительно такимъ, когда за государственныя преступленія ссылались, преимущественно, люди русскаго происхожденія и ссылались въ такомъ множествѣ, подобное которому можно найти только въ Испаніи и во Франціи. Въ отнѣну отъ текущаго прошедшій вѣкъ въ частностяхъ представлялъ еще ту особенность, что наибольшее количество вѣнцевъ сослано въ

Сибирь въ тѣ времена опредѣленной и энергической борьбы съ ними. Въ нынѣшней вѣкѣ дѣйцы въ смыслѣ—поразительная рѣдкость, и нашъ вѣкъ, по роду государственныхъ преступлений, объявилъ перевѣсъ смыльныхъ поляковъ надъ всѣми національностями, входящими въ составъ разноплеменнаго русскаго царства. Семнадцатый вѣкъ былъ безразличенъ.

Слѣдомъ за уличенными и Романовыми—смыльными Бориса Годунова, въ молодую страну изгнания и пушты страданій стали прибывать тѣ, которыхъ милости царевы избавляли отъ смертной казни. Борисъ прислалъ Богдана Бѣльскаго, предварительно выщипавъ ему по волоску густую длинную бороду. Съ главными заводчиками все-таки продолжали еще разсчитываться въ Россіи. Волотникова съ атаманомъ Нагибомъ Шуйскій утопилъ въ Каргополѣ; же-Петра повѣсили; Заруцкаго посадили на колъ въ Москвѣ; Марина умерла въ тюрьмѣ, но сына Марину повѣсили; Шаховскаго, „всея крови заводчика“, заточили на Кубенскомъ озерѣ въ пустынь. Если Дмитрій Самозванецъ и вызвалъ изъ ссылки всѣхъ Романовыхъ, тѣла умершихъ въ Сибири перевезъ въ Москву и съ почестями похоронилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, то онъ же отправилъ въ Сибирь изъ Галича дядю Отрепьева, гласно объявлявшаго о настоящемъ происхожденіи царя; двоюроднаго Петра Тургенева и калачника Федора, толковавшихъ народу, что царь—обманщикъ и орудіе сатаны, Дмитрія казнилъ въ Москвѣ на той же площади, гдѣ они все это разсказывали. Казнили и дьяка Осипа Тимоеева, дерзнувшаго уличить царя съ очей на очи.

При царѣ Михаилѣ отправили въ Сибирь изъ Казани воеводу Никанора Шульгина, внушавшаго войску, что не надо признавать новаго царя, такъ какъ онъ взбранъ безъ совѣта съ Казанскими царствомъ. Сослали Салтыковыхъ за то, что государевой радости (женитьбѣ) причинили помѣху наивною, когда царь хотѣлъ жениться на Марьѣ Хлоповой и она занемогла, и не смотря на то, что дядя невѣсты Гаврила приписывалъ болѣзнь племянницы неумѣренному употребленію сладкихъ яствъ на радостяхъ. Въ 1634 году услали въ Сибирь остальцевъ отъ казенныхъ смоленскихъ воеводъ, позволившихъ въ городѣ укрѣпиться полякамъ и говорившихъ о смерти Филарета Никитича много непригожихъ воровскихъ словъ, „чего и написать нельзя“: Семена Прозоровскаго и Михайлу Вѣльскаго безъ женъ и дѣтей. Одного сына Измайлова (Василья) простили, другого бликнутомъ и сослали въ сибирскую тюрьму за то, что, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ съ литовскими людьми, съѣзжался и говорилъ многія непригожія слова и литовскихъ людей дарилъ. За то же самое и туда же пошелъ Гаврила Вакинъ и Любимъ Анапьевъ (послѣдній жилъ во

дворѣ у Шеина патъ и подслушивался и ссорилъ воеводу). Въ концѣ царствованія Михаила появленіе двухъ новыхъ претендентовъ, оспаривавшихъ у царя московскій престолъ, вызвало толпу довѣрчивыхъ людей, изъ которыхъ часть поплатилась за свою простоту смыкою въ Сибирь, хотя и на этотъ разъ съ главными заводчиками успѣли раздѣлаться домашними средствами—казнею и Сибири имъ не судили. При сынѣ Михаила, Алексѣѣ, злое дѣло противъ государя обрело на смертную казнь уже по прямому смыслу законовъ, собранныхъ въ Уложеніи. Самъ царь принималъ на себя право судебнаго приговора и въ томъ случаѣ, когда „кто учнетъ извѣщать великое гусударево дѣло, а свидѣтелей никого не поставитъ и ничѣмъ не уличитъ и сыскивати будетъ нечѣмъ“, и въ томъ случаѣ, когда „кто свѣдаетъ или услышитъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной алой умyselъ“. Обо всѣхъ такихъ велѣно извѣщать государя, или его бояръ или ближнихъ людей, а въ городахъ воеводѣ и приказныхъ людей. Разбойнику только, да вору, да татю (которые скажутъ за собою гусударево дѣло) не вѣрять и пытать за татьбу, а послѣ пытки уже разспрашивать.

При царѣ Алексѣѣ сибирскіе остроги, слѣдомъ за гневщиками (ходившими къ царю въ Коломенское смутю и толпою съ жалобою на упадокъ мѣдныхъ денегъ), увидѣли новыхъ довѣрчивыхъ людей, повѣрившихъ новымъ самозванцамъ: Стенькѣ Разину на Волгѣ и самозванцу царевичу Симеону Алексѣевичу въ Запорожѣ. Анкудинова (Тимошку), выдававшаго себя за сына Василія Шуйскаго въ Швецію и не успѣвшаго найти сообщниковъ въ Россіи, четвертовали въ Москвѣ, по товарищей донскаго казака Федки Шелудяка сослали въ Сибирь. Сибирскіе остроги въ это царствованіе начали мало по малу пріобрѣтать значеніе государственныхъ тюремъ и въ концѣ царствованія этого государя обладали большимъ запасомъ политическихъ смыльныхъ. На послѣднее обстоятельство въ значительной степени позволило присоединеніе Малороссіи и тѣ замѣшательства, какими сопровождался непривычныя и не опредѣлявшіяся отношенія добровольно и соединившагося края по смерти Богдана Хмельницкаго. Въ 1671 году малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатьевича Многогубшнаго за то, что писалъ хульные рѣчи на государя и государство и обѣщалъ отдаться турецкому султану и служить ему, принесли въ Москву съ сообщниками: протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ, Грибовичемъ и есауломъ Гвинтовкомъ. Бояре присудили имъ смертную казнь, привезли на Волого за кузницами, положили головы на плаху, но царь прислалъ гонца: пожаловалъ по упрощенію дѣтей своихъ, велѣлъ Демку да

Ваську (брата его), Грибовича и Гвнатовку сослать въ дальніе сибирскіе города на вѣчное житье. На другой день велѣтъ дать имъ въ милостыню: старшему брату 5 рублей, младшему 10, Грибовичу и Гвнатовкѣ по пяти и отдать гетману всю его руганду. Воиме приговорили отпустить съ ними ихъ женъ и дѣтей; съ Демьяномъ отправились жена его Настасья, сыновья Петръ и Иванъ, дочь Елена, племянникъ Михайло Яиновъ и двѣ работницы. Съ Гвнатовкою жена и двое сыновей (Ефимъ и Оедоръ). Въ Тобольскѣ указано ихъ держать за крѣпкими карауломъ скованными, но сибирскія крѣпости не сдержали Василья Грибовича, онъ изъ Сибири бѣжалъ, скронулся отъ ссылки въ Запорожьѣ, но усугубилъ тѣмъ муки неволн для товарищей. Велѣно было разослать ихъ по дальнимъ острогамъ въ пѣшую казачью службу и держать скованными въ тюрьмахъ: Демьяна Многогрѣшнаго съ женою и однимъ сыномъ—въ Якутскѣ (здѣ онъ потомъ жилъ на свободѣ и оттуда, по просьбѣ, переведенъ въ Селенгинскій острогъ); брата гетмана, черниговскаго полковника—въ Красноярскій острогъ, нѣжинскаго полковника Матвія Гвнатовку съ семействомъ—въ Кузнецкій острогъ. Въ томъ же году и по тѣмъ же городамъ разосланы изъ боярскихъ дѣтей пять человекъ съ женами и дѣтьми, каковыя всѣ, послѣ бѣгства Павла Грибовича, въ Туринскѣ расажены были по тюрьмамъ, а когда изъ нихъ успѣли нѣкоторые также бѣжать, пойманныхъ бѣглецовъ велѣно бить кнутомъ въ Тобольскѣ и отослать въ дальніе сибирскіе города. Въ Якутскѣ, на мѣсто Многогрѣшнаго, прислаанъ былъ въ ссылку другой малороссійскій гетманъ Иванъ Самуиловичъ Самойловичъ съ сыномъ Яковомъ, гдѣ оба и умерли (одинъ въ 1692, другой въ 1695 г.). Къ нимъ не допускали людей, не давали ни чернилъ, ни бумаги; невѣстка гетмана, урожденная Швейковская, заключена была въ енисейскомъ Рождественскомъ монастырѣ, но по смерти мужа возвращена на родину. Возвращевъ изъ Сибири я знаменитый запорожець Стрѣко, страшный Крыму, но показавшійся опаснымъ тѣмъ, что казаки хотѣли его выбрать на мѣсто Многогрѣшнаго. Впослѣдствіи въ Якутскій острогъ, послѣ разныхъ казачьихъ смутъ, присланы были: полковникъ Колюховскій, андрусовскій полковникъ Децетъ, кievскій Семень Третьякъ, ирдеевскій Малаши, много казачьихъ головъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, войсковыхъ писарей и другихъ лицъ. При Петрѣ въ Енисейскій острогъ былъ посаженъ полковникъ Семень Палтій, какъ взмѣнникъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Карломъ XII и загубленный Мазею *). Въ 1708 году онъ

былъ возвращенъ изъ Сибири, но слѣдовъ за нимъ отправленъ былъ въ Якутскій острогъ племянникъ Мазеи Андрей Войнаровскій, расплатившійся этою ссылкой за бѣжавшаго за границу дядо.

Такимъ образомъ, передовыми выборными людьми отъ народа и его любимцами протолченъ былъ путь въ Сибирь изъ Малороссіи, начатый при царѣ Алексѣѣ, не заброшенный и при его трехъ преемникахъ до времени самаго меньшаго изъ его сыновей—Петра. Этими ссылками Великая Россія заявила свои владѣльческія права; въ нихъ Малая Россія получила первые уроки подданнической вѣрности и крупными жертвами искренноты и устойчивыхъ патриотовъ изведена была до того уровня, гдѣ ея права отчуждены въ зависимости и подчиненіи правамъ и стремленіямъ централизирующей Москвы. Сибирь, посреди этихъ разчетовъ двухъ главныхъ и основныхъ племенъ своей территоріи, нашла для себя несомнѣнную выгоду въ томъ, что сторожевая казачья служба въ молодой странѣ выиграла приобретениемъ людей опытныхъ и способныхъ, встала въ наилучшія условія боевой жизни. Черкасскіе люди, приуроченные къ сибирской странѣ на вѣчно и принужденные слять интересы личной безопасности съ государственными выгодами страны, не помня зла, пособили кореннымъ сибирскимъ казачамъ отбить набѣги враждебныхъ инородческихъ племенъ. Тотъ же Демьянъ Многогрѣшный, на долю котораго выпала такая многострадальная жизнь и первые удары дальняго заточенія, служилъ отстоять забайкальскія страны отъ набѣговъ самаго воинственнаго изъ сибирскихъ народовъ монгольскаго племени—буратовъ. Подъ тѣмъ же Селенгинскомъ, гдѣ онъ нашелъ конецъ своимъ мученіямъ, до сихъ поръ сохраняется въ памяти народа гора Убіенная, названная такъ потому, что адсья на святу посла Ѡ. А. Головина, ѣхавшаго въ 1689 году въ Нерчинскъ для переговоровъ съ китайцами, напали бураты, били его людей, тѣснили войска; самому послу грозили великою опас-

наки; казачеству нанесенъ былъ сильный ударъ. Въ 1709 году разгромлена была Запорожская сѣчь и нѣкоторые изъ запорожцевъ примкнули къ составу служилыхъ людей сибирскихъ остроговъ. Въ Селенгинскѣ, въ старомъ городѣ, хранится подъ навѣсомъ деревянный крестъ съ выуклымъ изображеніемъ Спасителя и съ надписью назади тропаря: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко» и проч. Внизу креста замѣчается надпись: «строилъ атаманъ (гетманъ) Дятъевъ (1690)», вѣроятно, одинъ изъ множества запорожскихъ казаковъ, поселенныхъ за Байкаломъ. Крестъ вырытъ въ песчаныхъ буграхъ стараго города, гдѣ былъ старинный острогъ и гдѣ теперь вѣтеръ насыпалъ высокіе бугры и заставлялъ перенести городъ на новое мѣсто. Народное преданіе называетъ Дятъевъ анахаремъ, лечившимъ народъ отъ болѣзней; крестъ почитается чудотворнымъ.

*) Въ 1708 г. при Петрѣ ушли въ Сибирь побавленные отъ вѣстлици сообщники Булаина (услѣвшаго застрѣлься). Пострадали ка-

ностью, но изъ селенгинской крѣпости вышелъ тамошній гарнизонъ подъ начальствомъ Многогубшаго. Углыій гетманъ разбилъ бурята на голову; впоследствии отразилъ набѣги монголовъ и табунгутскихъ соютовъ и, исполняя такія дворянскія службы, успѣлъ сдѣлать то, что съ тѣхъ поръ бурята—мирные сосѣди русскаго города. За службу отца сына Сергѣя, родившагося уже въ Сибири, пожаловали въ сыны боярскіе. 180 человекъ запорожскихъ черкасъ, выселенныхъ при царѣ Михаилѣ на Леву за Кяренскъ вмѣстѣ съ чугуевскими, курскимъ и воронежскими выходцами, положили основаніе Подкаменской волости, состоящей изъ 145 деревень, носящихъ старыя названія, завѣщанныя на память о родинѣ: Чугуевка, Гребенская и проч. Жители поражаютъ всеѣмъ наивною простотою, патриархальностью и теперь въ новомъ поколѣніи представляютъ смѣсь русскія, тунгусовъ и запорожцевъ. То же явленіе и на сибирской линіи, населенной 138 запорожцами, присланными за участіе въ набѣгахъ Максима Желѣзняка съ Гонтою и Швачкою. Гонту поляки четверовали, Желѣзняка судила Россія: по наказаніи кнутомъ, его сослали въ Сибирь. За ними ушли все тѣ, которые уцѣлѣли отъ ужаснаго польскаго суда въ Кондѣ, рубившаго руки и ноги, вѣшавшаго, четверовавшаго и пускавшаго ползати по міру и впушати тѣмъ народу страхъ и повиненіе.

На сколько малороссійскому казачьему элементу удавалось оживлять, освящать и усиливать старожилое сибирское казачество и, вмѣстѣ съ нимъ, служить всякія службы, на столько (если даже не больше) тому же старожилу населенію сибирскихъ остроговъ послужили новые выселенцы изъ Россіи—московскіе стрѣльцы въ тѣхъ остаткахъ, которые уцѣлѣли отъ многочисленныхъ казней и многообразныхъ расселеній по отдаленнымъ пунктамъ Россіи. При Алексѣѣ началось и при Екатеринѣ II, разрушившей съѣчь, на 138-ми запорожскихъ казакахъ въ 1775 году кончилось вліяніе малороссовъ, высылаемыхъ за государственныя преступленія; при Петрѣ Сибирь начала заручаться стрѣльцами и увидѣла ихъ въ такомъ множествѣ, подобнаго которому ни до того, ни послѣ Сибирь не видала. Петромъ же, положившимъ конецъ крайнему войску, кончена была и стрѣлецкая высылка, ознаменовавшаяся тѣмъ, что не стало безъ смыльныхъ стрѣльцовъ ни одной крѣпости, ни одного острога, даже такіе неудобныхъ и далекихъ, какъ Удскій, Анадырскій, Колымскій, Охотскій, Братскій, Илимскій, Балаганскій, Тунгивскій. Стрѣльцами положено было основаніе первымъ изъ нихъ и на стрѣльцахъ въ прошломъ вѣкѣ завершились крупныя высылки смыльныхъ огромными толпами за государственныя преступленія.

Первые 30 стрѣльцовъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ

Феодора Шаковитаго, послѣ его казни, явились въ различныхъ сибирскихъ острогахъ въ вѣчное житіе „за злодѣйское покушеніе на жизнь малолѣтняго царя Петра“, послѣ того, какъ въ Москвѣ клали ихъ головы на плахи. урѣзывали языки и били кнутомъ. Слѣдомъ за этими (въ 1690 г.) 13. мѣсяцѣ виновныхъ сообщниковъ съ женами и дѣтьми прибыли въ Сибирь на службу и поступили, въ какую пригодились. Нѣкоторымъ удалось бѣжать изъ Москвы и объ нихъ по разнымъ городамъ посланы были наказы о сыскѣ: трехъ человекъ Стремянова полка, двухъ Жукова полка, одного Сукарева. одного Циклерова полка. Все замыслили мать-царицу, святѣйшаго отца Іоакима, бояръ и близкихъ людей побить до смерти. Въ 1697 г. объявлена, вмѣсто казни, политическая смерть и послѣ нещаднаго битья на козлѣ кнутомъ и урѣзанья языковъ—ссылка на вѣчное житіе въ сибирскіе города съ женами и дѣтьми сообщниками Ивана Циклера, составившаго второй заговоръ на жизнь Петра вмѣстѣ съ окольничимъ Соковиннымъ и стольникомъ Феодоромъ Пушкинымъ. Главные злоумышленники четверованы, второстепенные приговорены въ ссылку; между прочимъ, ушелъ туда ни въ чемъ не повинный отецъ казеннаго Матвѣя Степановича Пушкина со всею семействомъ. Старика лишили въ Москвѣ боярской чести, въ Сибиря—заклочки въ тюрьму въ Енисейскѣ, жену и дѣтей его въ тамошнемъ Рождественскомъ женскомъ монастырѣ. По праздникамъ дозволялось имъ свиданіе; впоследствии Пушкина поверстали въ городскую службу.

Въ 1698 году начались въ Москвѣ казни, направленные къ наказанію возмущавшихся стрѣлецкихъ полковъ во время пребыванія царя за границею; одновременно съ ними производилась высылка стрѣльцовъ въ отдаленныя сибирскіе остроги, ивѣнная цѣлью въ корень истребить мятежное старорусское войско. До прѣзда царя бояре успѣли сослать главныхъ застрѣльщиковъ: одного въ Дауры, а двухъ въ Западную Сибирь. По розыску Шейна 74 человека были въ іюлѣ 1698 г. повѣшаны, 140 чел. наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку, 26 малолѣтकों оставлены безъ наказанія, 1965 ч. разосланы по русскимъ городамъ съ провожатыми въ тюрьмы. Осенью этого года началось распріаніе и начались новыя казни въ присутствіи самого царя. 19 сентября изъ 341 приговоренныхъ къ смерти приговоръ исполненъ надъ 201 человекомъ; сто малолѣтकों (отъ 15 до 20 лѣтъ) наказали кнутомъ, заклеили въ правую щеку и погнали въ сибирскіе города. Съ 3 по 18 октября изъ приговоренныхъ къ смертной казни только 93 несовершеннолѣтнимъ дарована пощада. Трупы казенныхъ 5 мѣсяцевъ надлежало не прибранныхъ. Въ началѣ 1699 г. начались новыя казни: изъ 508, оставленныхъ для розыска.

137 колесованы, четвергованы и повѣшены, 285 малолѣтковъ, по наказаніи кнутомъ, сосланы на каторгу, 86 опять оставлены для новыхъ розысковъ. 9-го февраля 1700 года изъ этого числа отобраны 40 человекъ для казни, 25 частью отправлены на каторгу, частью въ Сибирь (9 оправданы). Въ 1701 г. произошла расправа съ послѣдними: Маслова, за вѣроятное сокрытие царевича письма, казнили; Жукова и Милляева сослали въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми. Въ 1705 году пошла въ Сибирь астраханскіе стрельцы вмѣстѣ съ тамошними казаками за бунтъ, поднятый ими за русскую старину противъ государя. Сибирь стрельцовъ не смиряла, затѣвались попытки соединиться всѣмъ смысловымъ въ полки и идти на Москву; ихъ уговорили тѣмъ, что, размельчивъ стрельцкія группы, разослали одиночками ихъ въ самыя неудобныя и дальнія мѣста, носившія названія зимовьевъ: Колымское, Анадырское, Удское. Поселенные здѣсь отъ крайняго лишенія голодовки сбивались въ шайки и выскивали пропитаніе грабежами каравановъ и обозовъ торговыхъ людей и разбоями по рѣкамъ и дорогамъ. Много урочищъ сохранило память объ этихъ подвигахъ. Грабежи и разбой прекратились съ тѣхъ поръ, когда стрельцы переселены были южнѣе и когда острожную службу смѣнили на пашенную, какъ сдѣлали это съ стрельцами Братскаго и Балаганскаго остроговъ, водворенными на р. Ангарѣ (въ нынѣшней Ядвинской волости). При лучшихъ условіяхъ климата и почвы стрельцамъ удалось выродиться въ здоровое, рослое и даровитое племя коренныхъ сибиряковъ; при данныхъ, менѣе благоприятныхъ, привелось переродиться въ племя ядалое, мелкое, глуховатое и беззачное, по подобію жителей Орленской волости, отличающейся водами иногда такъ, что одинъ зобъ нарастаетъ на другомъ (особенно въ деревняхъ Дядиной, Голой и Шамановой). За то въ началѣ теченія Лены и особенно ниже (Витинской волости) народъ боекъ, смѣтливъ, богатъ; до сихъ поръ носить московскую шапку, коротенькій армякъ до колѣнъ и, называя его свайсока шемелью (шинелью), до сихъ поръ отличается мягкимъ говоромъ, особенно рѣзко выдающимся среди крутого новгородскаго говора—корейного для дѣловъ Сибири. Въ дальнихъ Даурахъ стрельцкіе слѣды замело налетомъ смыльныхъ, а въ Западной Сибири, пробираются они такъ рѣдко и слабо, что подобную находку можно полагать за большую диковинку.

Царствованіе Петра, ослабившаго ссылку въ Сибирь обычныхъ преступниковъ и восполнившего этотъ недостатокъ высылкою дѣловъ сотенъ государственныхъ преступниковъ въ видѣ стрельцовъ, осталось памятнымъ для Сибири, между прочимъ, и тѣмъ, что слѣдомъ за стрель-

цами и вмѣстѣ съ ними сослались за государственныя вѣны различными отдѣльными лицами разныхъ служивыхъ сословій. Въ 1701 году, по указу царя и по боярскому приговору, сосланы въ Сибирь единомышленники типографщика Григорія Талицкаго, печатавшаго воровскія письма и называвшаго въ нихъ Петра антихристомъ, 7 человекъ и вмѣстѣ съ ними 5 вдовъ, оставшихся послѣ смертной казни мужей ихъ, въ дальніе города, выбитые кнутомъ и запятанные. Въ 1715 г. оказались виновными въ такихъ же дѣлахъ Левягъ, керженецкіе раскольниковы и многіе другіе. Въ 1718 г., за подобныя же писанія, колесовали на смерть подъячаго Ларіона Добуккина и сослали тѣхъ, которые прислушывались и вѣрили его разговорамъ и подметнымъ письмамъ, вызвавшимъ противъ царя возмущеніе въ народѣ. Этими десятками смыльныхъ, сдѣлавшихся извѣстными, благодаря усердной разработкѣ матеріаловъ той эпохи, опредѣляются сотни такихъ лицъ, которыя полагались Сибирью за недовольство нововведеніями и исторія которыхъ обрѣтается еще подъ спудомъ въ архивныхъ грудахъ. Крутая расправа со стрельцами въ началѣ Петрова царствованія не предотвратила недовольства народнаго и ссылка, вмѣсто прежнихъ массъ располагавшаяся единицами, въ концѣ Петрова царствованія стала карать разнообразно людей всѣхъ сословій—отъ монаховъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ монастырей до приверженцевъ заточенной царицы Евдокіи и казеннаго царевича Алексѣя *). Въ той же мѣрѣ, въ какой укрѣплялись нововведенія, измѣнявшія старый порядокъ, возросло число недовольныхъ, распространялись въ народѣ подметныя тетрадки, сочиняемыя и старообрядцы и монахи. Самая подозрительность въ концѣ Петрова царствованія возросла прогрессивно, свидѣтельствуя о великой опасности, шимыхъ и дѣйствительныхъ. „Слово и дѣло“ до Петра проявлялось весьма рѣдко и всегда по убѣжденію, изъ ревности къ царю, государству, вѣрѣ. Съ Петра, при усилившемся требованіи на „слово и дѣло“, съ увеличеніемъ важности значенія словъ и дѣлъ, начались злоупотребленія, стали объявлять ихъ за собою изъ личной вѣсти, вражды, съ пьяна и по другимъ личнымъ видамъ. Главнѣйшимъ же образомъ въ народѣ воспиталась страсть къ доносамъ и отъ этой страсти увеличилось количество смыльныхъ, какъ новое и неожиданное явленіе въ народной жизни. Въ 1718 г. царскій указъ предписывалъ смертную

*) По дѣлу царевича Алексѣя сослано было въ Сибирь много и, между прочимъ, въ Соликамскъ фельдмаршалъ Вас. Влад. Долгорукій за слишкомъ волеями осужденія дѣйствій царя; дальше за Каменъ: псаломщикъ Семенъ Ивановъ, битый батогами вмѣсто кнута «по малолѣтству»; подъячій Анфимовъ, зять царевичева духовника Якова Игнатъева съ женою и дѣтьми, и проч.

казнь всѣмъ преступникамъ и повредителямъ государственныхъ интересовъ; въ 1714 году Петръ принужденъ былъ ограничить значеніе „слова и дѣла“, опредѣляя ихъ дѣлами, касающимися здоровья и высокочинаршей чести, бунта и намяны. Сказавшіе или написавшіе государеву „слово и дѣло“, помимо этихъ причинъ, застрашивались великими наказаніемъ, разворованіемъ и ссылкой на каторгу. Въ 1715 году указъ облегчалъ донощикамъ подходы: они могли идти прямо ко двору государеву, объявлять караульному серванту, а этого уже представлять челобитную самому царю; но доносчики продолжали во множествѣ докучать царю, „не давая покою вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ“, не смотря на страхъ жестокихъ наказаній. Дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ изъ Суднаго приказа переведены были въ Преображенскій приказъ, поручены были вѣденію крутого и немилосерднаго князя-папы Ромодановскаго, рѣшались изъ безъ апелляціи, но страсти къ доносамъ была уже такъ глубока въ народѣ, что оставалось только отчасти сдерживать ее и регулировать въ возможно доступныхъ предѣлахъ. Страхи Преображенскаго приказа никого не смущали; съ тѣмъ же поръ, какъ доносчику въ Пензѣ въ 1722 году дано было 300 руб., позволено торговать безвнорманно и вѣчно его охранять отъ всякихъ обидъ, доносчики стали появляться въ великомъ множествѣ. Въ томъ же году священниковъ обязали объявлять объ открытій ихъ на исповѣдяхъ преднамѣренныхъ злодѣйствахъ, а челобитчиковъ съ государственнымъ великимъ дѣлами дозволено принимать и во время божественнаго чтенія и чтенія. Значеніе „слова и дѣла“ стало возрастать съ годами до тѣхъ предѣловъ, въ какихъ оно явилось при Аннѣ Ивановнѣ и Виронѣ, и возросло соответственно вызову различныхъ обстоятельствъ. При Петрѣ, въ 1722 году, „нѣкоторый человекъ, пришедъ въ г. Пензу, кричалъ всенародно многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести царя, на которой крикъ сошлось людей немалое число“. Послѣ Петра, при Екатеринѣ, въ 1726 году „явились противники устава о престолонаслѣдіи, избравшіе наследника и мечтавшіе выслать государыню за границу: Антоній Девіеръ, Толстой съ сыномъ, Вутурлинь, Григорій Скорняковъ-Писаревъ“. Въ сущности же, всѣ пятеро разговаривали до воспріяятствованія браку молодого императора съ дочерью Меншикова. Послѣдній поторопился судомъ и приговоромъ и докладъ о минимыхъ преступникахъ поднесъ къ подписи въ самый день кончины императрицы Екатерины. Докладъ говорилъ, что эти лица осмѣлились по своему желанію опредѣлить наследника престола и замыслили противиться преднамѣренному по волѣ ея величества супружеству великаго князя. Обвиненныхъ услали въ Сибирь: зятя Меншикова Девіера, со Скорня-

ковымъ — въ Охотскъ (Елизавета ихъ возвратила), Девіера, освобожденнаго отъ смертной казни, Писарева высѣченнаго кнутомъ (Толстой заточенъ въ Соловки съ сыномъ, вѣчно ихъ пускать только въ церковь и довольствоваться братскою пищею), Вутурлина послали въ дальнюю деревню, Долгорукаго написали въ полевые полки и проч. Въ 1728 г. (17 іюня) велѣли сибирскому губернатору возвратитъ араба Авраама—крестника Петра. Тогда же и тѣмъ же Меншиковымъ отправленъ былъ въ Сибирь бывший оберъ-перемоліймейстеръ графъ де-Санти, „явившійся въ тайномъ дѣлѣ весьма подозрительнымъ“. Въ слѣдующемъ году, за пять мѣсяцевъ до смерти государыни, „объявились въ разныхъ городахъ, удадалъ, селалъ и деревняхъ многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ покойнаго царя и владѣющей императрицы“. Въ 1728 г., при Петрѣ Второмъ, за непристойныя слова послали въ Сибирь морского капитанъ-поручика Казанцева, гребадера Алексѣева, солдата Кротскаго, прадѣлщика Лобанова и матроса Чапынскаго. Въ то же время боярская партія Долгорукихъ низвергла временщика князя Меншикова и вѣдѣсть съ дочерью, невѣстою молодого императора, сослала въ Веревовъ. При Аннѣ, въ свою очередь, пострадала партія верловниковъ, особенно князья Долгорукіе, когда Виронъ сталъ временщикомъ и свирѣпо сокрушалъ противниковъ. Въ 1731 году Анна услали въ ссылку Долгорукихъ, Барятинскаго, Столтцова за то, что „не только полезныя государству учрежденія непристойно толковали, но и персону поносительными словами оскорбляли“. Слѣдомъ за ними и вскорѣ (въ томъ же 1731 году) схватили Алексѣя Алексѣевича Шубина, сержанта Семеновскаго полка, первое лицо при дворѣ цесаревны Елизаветы, за то, что онъ, любя царевну, хотѣлъ тайно освободить Долгорукихъ и, съ помощью ихъ, возвести на престолъ Елизавету. Его пытали, заключили въ каменный мѣшокъ, потомъ наказали кнутомъ, вырѣзали языкъ и сослали въ Камчатку, гдѣ принудили жениться на камчадалкѣ. Въ слѣдующемъ году (1732) привезенъ былъ въ Якутскъ бывший любимецъ Петра I, президентъ камеръ-коллегии ст. сов. Фикъ, названный въ бумагахъ великоважаемымъ преступникомъ, замѣшаннымъ по дѣлу о призваніи на престолъ курляндской герцогини Анны Ивановны. Въ 1735 г. привезли смоленскаго губернатора князя Алек. Анд. Черкаскаго за зѣло тяжкіе и наважнѣйшіе измѣнническіе и возмутительные противъ государыни умыслы въ Джигайское зимовье. Съ нимъ вѣдѣсть высланы были управитель Алек. Пребышевскій, поручикъ Изв. Аршеневскій и шляхтичъ (шуринъ Черкаскаго) Семеновъ Корсакъ съ женою (въ Гижигу). Десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны, такимъ образомъ, является (по

отношеніямъ къ исторіи русской ссылки за государственныя вины) однимъ изъ обильныхъ количествомъ жертвъ. Оно соперничаетъ со временемъ Петра и не уступаетъ своего значенія ни одному изъ послѣдующихъ царствованій всего XVIII столѣтія. Не только Вировъ, но и Теофанъ Прокоповичъ, содѣйствовавшій низложенію и гибели верховниковъ, присоединилъ свое дѣятельное участіе къ населенію Сибири государственными преступниками. Личныхъ враговъ своихъ онъ, по увлеченію духомъ времени, умѣлъ обвинять въ государственныхъ дѣлахъ и всѣми правдами и неправдами, въ силу своего громаднаго вліянія на церковныя дѣла, успѣвалъ завинять до ссылки въ отдаленныя сибирскіе монастыри духовныхъ лицъ, а друзей и приверженцевъ ихъ до ссылки въ самыя дажекія каторжныя мѣста. Архіерея Георгія Дашкова, заподозрѣннаго въ косвенномъ участіи въ устраниеніи Анны отъ престола (затѣяномъ Родіоновскимъ), Теофанъ сослалъ въ Нерчинскій монастырь и не велѣлъ слушать никакихъ отъ него объявленій, хотя бы о государевомъ „словѣ и дѣлѣ“. Слѣдомъ за ними отпирывалъ Теофанъ раснопа Родіона въ Охотскій монастырь на вѣчныя и неисходныя труды, братьевъ Никитиныхъ съ женами и дѣтьми туда же на жатье вѣчно за карауломъ; Яковлева съ тѣми же правами въ Охотскій портъ; печерскаго старца Исаію, раснопа Васильева, Морозова—туда же, Горбунова на серебряныя заводы; всѣхъ за какія-то недоказанныя и неопредѣленные подметныя письма, нѣкоторыхъ за дѣйствительныя пасквили на государыню и Теофана. Между прочими подвернулся затѣжій грекъ Серафимъ Аріонтъ — шпионъ, продававшій себя всякому правительству и явившійся въ Россію для спекуляцій на нѣя угнетенныхъ турками грековъ; его сослали въ Охотскій острогъ. Вся дѣятельность Теофана, такимъ образомъ, при Аннѣ была поглощена тайною канцелярією. Ему оставалось выбирать одно изъ двухъ: или погибнуть самому или обороняться тѣмъ же оружіемъ, съ которымъ стояли на готовѣ его противники. Онъ выбралъ послѣднее и, на этомъ основаніи, неустанно запугивалъ государыню бунтами и революціями, указывая на своихъ враговъ и держалъ въ страхѣ и подъ своею властью всѣхъ министровъ. Болтинъ такъ пишетъ бироновское время: „Въ городахъ брацкія кандаловъ, жалобныя гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій многія тысячи крестьянъ, не менѣе 250 тысячъ, бѣжавъ съ женами и дѣтьми, поселились въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи, и даже за Дунаемъ въ Бугарію“. Тобольскій лѣтописецъ увѣряетъ, что въ теченіи 10 лѣтъ по 9 ноября 1740 г. сослано въ Сибирь дворянъ и чиновниковъ 20 тысячъ. Въ это страшное время для несчаст-

наго народа, пожертвованнаго сотнями сосланныхъ въ Сибирь — кабинетъ-министръ Артемій Волынской, дерзнувшій возстать на временщика, поплатился за свою попытку головою, дочь и сынъ его были сосланы въ Сибирь; туда же посланы сенаторъ Мусишъ-Пушкинъ съ вырваннымъ языкомъ, кабинетъ-секретарь Эйлеръ и Сошинновъ, наказанные кнутомъ, и секретарь Волынскаго, Зуда (въ Камчатку,) битый плетью за переводъ историческихъ книгъ для Волынскаго. Когда фельдмаршалъ Минигъ, по смерти Анны Ивановны, провозгласилъ принцессу брауншвейгскую Анну Леопольдовну правительницею, Эрнстъ Вировъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ братьями, Густавомъ и Карломъ, и генераломъ Висмаркомъ и всѣ сосланы въ Пелымъ съ женами и дѣтьми. За приверженность къ Елизаветѣ, Анна Леопольдовна успѣла еще сослать въ Камчатку Петра Калачева, капитана Азовскаго полка. Когда, въ свою очередь, провозглашена была императрицею дочь Петра Елизавета, Минигъ, Остерманъ, Головкинъ, Мендентъ и Тимирязевъ, устранившіе отъ престола Елизавету, были сосланы въ Сибирь. Въ 1742 году прапорщика Преображенскаго полка, Ивашкина, Елизавета сослала въ Камчатку, въ Волыцѣрѣцкій острогъ, товарищемъ его, сержанта Сновидова и камеръ-лакея, бывшаго камердинера правительницы, Ал. Дм. Гурчанинова — перваго въ Нижнекамчатскѣ, второго въ Охотскѣ; всѣхъ тронъ за держакъ рѣчи противъ Елизаветы, выговоренныя въ трактирѣ. Всѣхъ тронъ наказали кнутомъ, всѣмъ вырвали ноздри, а камеръ-лакею, сверхъ того, за произнесенныя имъ великодушныя, непристойныя слова, отрѣзали языкъ. Ивашкинъ повинился въ томъ, что намѣревался ночью умертвить императрицу Елизавету, по востшествіи ея на престолъ, а съ нею вмѣстѣ и великаго князя Петра Θεодоровича, а лейбъ-компанію заарестовать. Гурчаниновъ сознался, что, слыша о томъ, не дошелъ, а самъ совѣтовался какъ бы принца Іоанна сдѣлать императоромъ, а принцессу Анну правительницею и склонялъ къ тому двухъ гвардіи унтеръ-фицеровъ, говоря, что сдѣлали-те Елизавету государынею лейбъ-компанцы за винную чарку, да и Екатерина I быть государынею не надлежало, а сдѣлать ее тѣмъ генералъ Ушаковъ, котораго министры устранились. Сновидовъ оказался участникомъ обоемъ. Въ 1748 году, за злое умыслъ на особу императрицы, туда же отправлены были: Степанъ Ловухинъ съ женою и сыномъ, графиня Анна Гавриловна Бестужева, Ив. Мошковъ, кн. Ив. Путятинъ, Александръ Зыбинъ, Софія Лидіевельдъ—желавшіе избрать императоромъ принца Ивана Антоновича. За ними приговоренъ былъ къ лишенію чиновъ и ссылки въ деревню канцлеръ Бестужевъ „за оскорбленіе величества“. Въ 1749 году поручикъ Бутырскаго полка,

ошафатъ Батуринъ, посланъ былъ въ Камчатку за то, что предлагалъ свои услуги великому князю Петру Теодоровичу возвести его на престолъ при жизни тетки.

Екатерина II, въ самый годъ вступленія своего на престолъ, сослала въ Сибирь оскорбителей величества, совершившихъ умыселъ къ общему возмущенію: Петра Хрущова и трехъ Урьевыхъ; затѣмъ сообщниковъ различныхъ саюзавцевъ, начиная съ казака Пугачова (18 лѣтъ *)), казака Ханна, крестьянина Иова Мосагина до солдата Кривнева (2 чел.), казака Богомолова (9 чел.) и солдата Чернышева, изъ которыхъ три послѣднихъ сами, вмѣстѣ съ сообщниками, отправлялись въ вѣчную работу въ Нерчинскъ (Пугачевъ четвертовать, Мосагина указано повѣсить, если онъ производилъ убійства, или, наказавъ кнутомъ, содержать въ заточеніи, если онъ убійства не совершилъ). Казака Богомолова, наказавши кнутомъ, умеръ на дорогѣ въ Сибирь. Во время путешествія Екатерины по Россіи, разыгралось въ Шлиссельбургѣ извѣстное дѣло Мировича, желавшаго воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы юзвестить на престолъ Ивана Антоновича, сибившаго въ крѣпости. Мировичъ кончилъ жизнь на эшафотѣ; ему отѣкли голову и „оставилъ его народу на позорище до вечера, соклаи оное потомъ купно съ эшафотомъ“. Сообщниковъ его сослали въ Сибирь въ вѣчныя

*) Двоихъ пугачевскихъ друзей четвертовали, одному отѣкли голову, восьмерымъ вырвали юдры и сослали на каторгу, десятерыхъ, послѣ кнута, на поселеніе. Но и послѣ того есмька не прекратилась; по свидѣтельству одного ука, «подозрительные люди продолжали обнаруживать тѣ же наклонности». Въ нерчинскихъ рудникахъ осталось въ памяти преданіе о пугачевскомъ приверженцѣ уральскомъ Марушкѣ. Онъ жилъ еще въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Култумѣ имѣлъ собственный домикъ, жилъ солоstinъ, давалъ подл заклады деньги и въ длой окрестности слылъ за богатаго человека. Марушка, не смотря на почти столѣтній возрастъ, отличался необыкновенною физическою силой. Когда слухъ о богатствахъ привыкъ въ его (онъ разбойникъ и онъ, спускавшійся съ черака по лѣстницѣ, упалъ, оглушенный ударомъ осы въ голову, то злодѣю не удалось его задунить. Подъ тяжестью кулакомъ убійца Марушка спѣлъ очнуться и, почувявъ свою силу, сбилъ съ себя разбойника, повалилъ на землю, связалъ и предтавилъ въ полицію. Богатый скрага Марушка сохранилъ и ревность къ старой вѣрѣ и вѣру въ старія убѣжденія, послужившія приною насчастія. Онъ любилъ разсказывать о сунтѣ Пугачова, о которомъ такъ толковали: Не пытали мы, кто былъ Пугачовъ, и знать то о не хотѣли. Вунтовали же потому, что хотѣи и побѣдить, а тогда заняли бы мѣсто тѣхъ, которые насъ утѣшали. Мы были бы господами, вѣра свободною. Проиграли мы, что жъ дѣлать? Ихъ счастье, наше несчастье. Выиграли мы, имѣли бы своего царя, произошли бы всякіе ранги, заняли всякія должности. Господя еперь были бы въ такомъ же угнетеніи, въ какомъ и насъ держали».

солдаты (около 50-ти человекъ) и на вѣчныя работы (3 солдата и три капрала, прогнанные сквозь строй черезъ тысячу человекъ десять разъ а одинъ болѣе виновный двѣнадцать). Екатерина же сослала въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, на десятилѣтнее безмысленное пребываніе, по лишеніи орденовъ и дворянства, Александра Радищева, за книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (въ 1790 г.). А. Н. Радищевъ, прожившій въ Тобольскѣ 7 мѣсяцевъ въ ожиданіи семейства (своаченицы съ тремя дѣтьми), принятый во всѣхъ лучшихъ домахъ города и обласканный губернаторомъ Алябьевымъ, въ Илимскомъ острогѣ помѣщенъ былъ въ обширномъ воеводскомъ домѣ, со службами и садомъ. Когда домъ оказался холоднымъ, по былъ исправленъ плотниками, прибывшими изъ Иркутска, то онъ на полномъ просторѣ имѣлъ возможность заняться науками, обученіемъ дѣтей и гончарнымъ ремесломъ и началъ опыты оспопрививанія. Опытъ Радищева, если вѣрить сибирскому преданію, былъ не только первымъ въ Сибири и Россіи, но въсколькими годами предупредилъ даже изобрѣтеніе знаменитаго Дженнера, начавшаго привитіе оспы въ 1799 году (Радищевъ возвращенъ изъ Сибири императоромъ Павломъ и въ 1797 г. былъ уже въ Россіи; извѣстно также, что Дженнеръ началъ свои изслѣдованія надъ оспою еще въ 1776 году) Въ Сибири къ Радищеву пріѣзжали сибиряки для леченія изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Въ свободные часы отъ занятій со своими и чужими дѣтьми, А. Н. Радищевъ успѣлъ написать въ Сибири: „Разсужденіи о человекѣ и смертности его и о безсмертіи души“, „Письмо о китайскомъ торгѣ“; началъ „Исторію покореніе Сибири“ и историческую повѣсть „Ермакъ“. Сочиненія эти, написанныя въ Сибири и конченныя по возвращеніи въ Россію, въ деревнѣ, изданы Векетовымъ въ Москвѣ въ 1807—1811 г. Въ Сибири онъ женился на своаченицѣ своей. Въ 1794 г. ушелъ въ вѣчную каторжную работу черноморскій капитанъ-лейтенантъ Монтагю за государственную измѣну („за шпіонство“).

Екатерина Вторая, въ указѣ 19-го октября 1762 г., послѣдила высказаться такъ: „Ненавидное выраженіе, а именно „слово и дѣло“, не должноствуетъ значить отнынѣ ничего и мы запрещаемъ употреблять оное кому нибудь. А если кто употребитъ отнынѣ въ шаяствѣ или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотъ часть наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники“.

Если до сихъ поръ „слово и дѣло“ въ Россіи представлялось желаннымъ для усердствовавшихъ и выгоднымъ для охотниковъ къ доносамъ, то „слово и дѣло“ на мѣстахъ ссылки въ Сибири явилось соблазномъ для каторжниковъ въ томъ отношеніи, что выговоренныя гдѣ бы

то им было освобождать на время от тяжести каторжных работ. Объявившаго за собою государево слово немедленно отдавали сержанту и приказывали вести пѣшкомъ въ Иркутскъ, изъ другія каторжныя мѣста—въ ближайшіе большіе города, держать крѣпко и только въ случаѣ изнеможения сажать на подводу. Тамъ допрашивали доносчика, потомъ оговоренныхъ итъ; въ случаѣ разногласія, давали очную ставку, затѣмъ пытали доносчика, если объявляемый не сознавался, пытали обвиняемыхъ, если доносчикъ продолжать обвиненіе. Обыкновенно каторжные сознавались въ томъ, что клепали напрасно, или со зла или съ пьяна; рѣзче признавались въ томъ, что поступали такъ, отбывая наказанія прочіихъ штрафовъ, желая получить награду и, во всякомъ случаѣ, воспользоваться предварительнымъ отдыхомъ и возможною утечкою съ дороги. „Слово и дѣло“ государевы ссыльные съумѣли превратить въ особаго рода спекуляцію. Спекулировали этикъ съ тѣхъ поръ, когда заводились на Руси первыя и настояція каторги. Такъ, въ указѣ Петра слышатся жалобы на то, что, при основаніи Петербурга, каторжные этого города то и дѣло сказываютъ за собою „слово и дѣло“ и объявляютъ до тайной канцеляріи нужду. Тѣ же жалобы на то же самое, на неуспѣхъ въ работахъ, на воровство и побѣги осужденныхъ слышатся на петербургскую каторгу и гораздо позднее, при Елизаветѣ (какъ видно по указу ея 1756 года 12 апрѣля *). По сенатскому указу 20-го сентября 1723 г. видно, что въ Тобольскѣ каторжные непрестанно кричатъ на командировъ государево слово, „кончѣ командировъ и выславо въ Москву скованныхъ немало“. По архивнымъ дѣламъ Западной Сибири видно, что въ „слово и дѣло“ входили и такія заявленія, которыя прямо свидѣтельствовали о не-

винныхъ дѣлахъ отдыла и ничего другого не искали. Ссыльная дѣвка Петрова объявляетъ „слово и дѣло“ на крестьянину Иванову, а на допросѣ въ Усть-Каменогорскѣ оказывается, что Иванова, укоряя Петрову за промыселъ развратомъ, сказала ей: „У васъ де, у ссыльныхъ, деньги дешевы—вы-де монетами и г.... подтираете“. Послеъ очныхъ ставокъ Петрова объявила, что по злобѣ на Иванову хотѣла обвинить ее въ оскорбленіи монеты и герба. Въ 1731 году Нотебургскаго полка солдатъ Перилковъ выкричалъ такое слово и дѣло: „Въ бытность мою за акіаномъ-моремъ навелъ я мѣста рожденія крупнаго жемчуга и три мѣста тумпасныя“. Въ Якутскомъ монастырѣ старецъ Никонъ говоритъ за собою такое великкіе государей и святительское дѣло: „Поставлена церковь безъ святительскаго благословенія и въ ней убился человекъ; промышленный человекъ привезъ съ моря руду серебряную и тею руду плавилъ и изъ той руды родилось серебро“. На судѣ оказалось, что руда, взятая въ Индигиркѣ рѣкѣ, у бору, на камнѣ, не серебряная. Старца Никона побили шелепами, „чтобы впредь не повадно было никому такімъ затѣйнымъ слова говорить и никакимъ великкімъ государей дѣлъ не заводять“ и проч. Нѣкоторые „слово и дѣло“ помогло: помогло проходившу Козыревскому, котораго заблудившіеся въ 1711 году камчатскіе казаки выбрали атаманомъ и подъ его руководствою натворили много бѣдъ. Лихой удалецъ этотъ выстроилъ на грабежныя деньги судно, провѣдалъ Курильскіе острова, награбилъ новую добычу, но и асакъ не спасъ: онъ сѣлъ въ тюрьму, а асакъ соблазнилъ самого воеводу. Въ 1717 году онъ съ горы сдѣлался монахомъ, а для этого самъ и монастырь основалъ въ Камчаткѣ (Успенскій). Пожить не долго, монастырь ограбилъ и съ вкладами ушелъ въ Якутскъ, гдѣ подрадилъ выстроить желѣзодѣлательный заводъ. Завода не построилъ и въ 1724 году опять сѣлъ въ тюрьму. Изъ тюрьмы ушелъ, попалъ въ западные друзья къ якутскому воеводѣ; опять напалъ и опять сѣлъ въ тюрьму, пойманный съ фальшивымъ паспортомъ на пути въ Тобольскъ. Не Козыревскій сказалъ государеву слово на якутскаго архимандрита и дѣло об островѣ, будто бы открытыи имъ противъ устьевъ Лены. Островъ поискали, никакнхъ не нашли. Однако, Козыревскій, вмѣсто вѣдлицы, очутился въ Москвѣ и тамъ началъ новый рядъ разнообразныхъ приключеній. Въ перчинскихъ заводахъ тянулся нескончаемый рядъ секретныхъ дѣлъ о „словѣ и дѣлѣ“ Анны Ивановой и въ нихъ указанія на такія измышленія каторжныхъ: „непріятель идетъ на Россію: у китайцевъ войска собираются; нунгалы ружья приготавлиють“ (оказалось, что монголы дѣлали облаву на лосей).

*) Указъ этотъ, составляющій характерную черту изъ исторіи Петербурга, какъ каторжнаго мѣста, говоритъ между прочимъ: «Будучи на работахъ, за слабостію караульныхъ солдатъ, ссыльные у проходныхъ и пробажающихъ просить милостыню, чѣмъ немалое беззавѣіе здѣшнему ризидрующему городу наноситъ, ибо между тѣмъ порядко случается, что и чужестранныя персоны мимо ихъ пробажаютъ. Итъ же при семъ на работахъ ломы и желѣзныя пѣшны и другіе вредные инструменты, они даже разбойничаютъ на улицахъ: въ 1751 году у одного каторжнаго Никиты Алексѣева найдено въ мѣшкѣ ядро чугунное, которымъ онъ билъ за Синимъ мостомъ въ переулкѣ по головамъ трехъ купцовъ, съ двухъ сорвалъ шапки, у третьяго отнял шапку и рукавицы, хотѣлъ также убить майора Тютчева, смотрѣшаго за работами. Въ 1752 г. тотъ же Алексѣевъ, у Адмиралтейской крѣпости, бѣжавъ Невскаго проспекта, вынулъ изъ палисадника баланину и другую отъ Зимнаго дворца, иноземку ударилъ въ лобъ и сорвалъ съ нея атласную голубую юбку съ серебряною сѣткою». Съ этого года каторжныхъ стали отправлять въ Рогервикъ, а полиція стала производить свои работы вольнонаемными людьми.

Вчинялся въ Перчинскѣ дѣла и такого рода: сгорача и съ сердцовъ бранять ссыльные каторжную работу. Напримеръ, одинъ забылъ въ рудникѣ лопату, товарищъ сталъ помогать ее отыскивать, а приставникъ замѣтилъ: „Ты исправь прежде государеву работу, а потомъ иди мулячью лопату“. У оговореннаго сорвалась съ языка брань—и начались допросы, пытки, судъ и осужденіе. На фабрикѣ Дучарскаго завода канатный подмастерье Лопшаковъ рассказываетъ прочимъ ссыльно-каторжнымъ слѣдующее (24-го ноября 1805 г.): „Поднимаеца на нашего государя иноземець, у того иноземца силы до 600 тысячъ, а у нашего императора до 250-ти тысячъ“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Кандальники были посажены за рѣшетки въ тюрьму, но вечеромъ продолжали толковать о выслушанномъ. Одинъ изъ нихъ (ссыльный въ оковахъ), Иванъ Коурый, говорилъ: „Дай Богъ, чтобъ иноземець своему слою завоевалъ наше государство для того, что чернымъ людямъ никакой милости не предвидится“. — „Что ты, дуракъ, рачишь (sic), чтобъ бусурманъ завоевалъ нашу землю, и не дай Богъ!“ замѣтилъ на это ссыльный Аванасій Аничферовъ. Но Коурый отъ ругательныхъ рѣчей не отсталъ. Двое служителей „показали во всегъ сходственно“; показанія, сверхъ того, утвердилъ одинъ ссыльный и одинъ канатный подмастерье, но Коурый заперся какъ въ личномъ своемъ одиначномъ показаніи, такъ и на очной ставкѣ. На третью спросѣ обозвалъ онъ Аничферова воромъ за то, что утаивалъ подаваемую въ тюрьму милостыню, „за что-де и нибѣ Коурый съ нимъ ругательства“. Начальникъ перчинскихъ заводовъ, Эдлерсъ, велѣлъ, во время производствъ слѣдствія, держать Коураго въ особенномъ мѣстѣ въ оковахъ и подъ строгимъ карауломъ, безъ употребленія въ работы. 7-го юля 1807 года сибирскій губернаторъ Пестель далъ знать, что министръ юстиціи (кн. П. В. Лопухинъ) сообщилъ ему, что на докладъ его, по донесенію правительствующаго сената, его императорское величество повелѣтъ созволять: Коураго освободить отъ законнаго наказанія, подтверди ему, чтобы впредь постарался исправиться, въ противномъ же случаѣ не избѣгнетъ онъ строгаго наказанія по законамъ.

Взгляды на дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ въ нынѣшнемъ вѣкѣ измѣнились. Въ 1817 г. крестьянинъ Тверской губерніи Ермолаевъ, за непристойныя рѣчи про государя, приговоренъ былъ палатою къ наказанію кнутомъ 40 ударами, рѣшено было вырвать ему ноздри, поставить повелѣнные знаки и сослать на каторгу. Тверской губернаторъ Всеволожскій, извиняя крестьянина пьянствомъ, присудилъ побить виновнаго на міру батогами и оставить въ деревнѣ подъ крѣпкимъ надзоромъ. Сенатъ сдѣлалъ губерна-

тору выговоръ, но утвердилъ рѣшеніе палаты, исключая только вырванія ноздрей, такъ какъ указомъ 25-го декабря 1817 г. такое наказаніе было отгнѣнено. Государь въ 1819 году соизволялъ положить слѣдующую резолюцію: „Быть по сему. А крестьянина Ермолаева, объявля ему приговоръ, простить“. 9-го апрѣля 1818 г. ссыльный Семенъ Артамоновъ, бывшій въ работѣ при Уровскомъ казенномъ зимовьѣ у разбивки конюшен, прийдя въ зимовье, бросилъ топоръ, рукавицы и шапку и заругался. Будучи спрошенъ, кого ругаетъ, отвѣчалъ: „Тѣхъ, кто безвинныхъ ссылаетъ“. Государь рѣшилъ: оставить Артамонова въ нынѣшнемъ положеніи, но безъ наказанія. Вообще, должно сказать, что уже при восшествіи на престолъ Александра I замѣтно сильное движеніе въ дѣлахъ перчинскихъ заводовъ: многіе были возвращены, о многихъ наводились справки къ возвращенію, выдавались подорожныя и паспорта.

Въ царствованіе Александра I за государственныя преступленія сосланы были (въ 1819 г.) грузинскіе дворяне, изобличенные въ измѣнѣ, и размѣщены на поселенія, большею частью, въ окрестностяхъ г. Селенгинска. Въ 1820 г., въ октябрѣ, солдаты лейбъ-гвардіи Семёновскаго полка забыли долгъ присяги и дерзнули самовольно собраться въ позднее вечернее время для принесенія жалобъ на своего командира (подковника Шварца), а когда за это буйство роты отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ повиновенія. Восемь рядовыхъ, какъ зачинщиковъ всѣхъ безпорядковъ, въ примѣръ другимъ, указано было прогнать шпидрутенами сквозь батальонъ по шести разъ, съ отсылкою въ рудники. 3-ью роту назначили въ полки кавказскаго корпуса; 172 человѣка въ оренбургскій корпусъ, 164 человѣка 1-ой фузелерной роты и 52 человѣка 2-ой, виновныхъ въ явномъ возмущеніи противъ начальства и въ продолженіи невинновенія до отвода ихъ въ крѣпость, — указано распределить безъ наказанія въ полки и батальоны сибирскаго корпуса. Въ спискѣ перчинскихъ заводовъ за государственное преступленіе въ 1807 году числился всего одинъ: коллежскій ассесоръ Степановъ, бывшій экспедиторъ военно-походной канцеляріи. „Онъ выдалъ еврею Мейровичу нѣкоторыя важнаго содержанія документы для списанія съ нихъ копій. Онъ подлежалъ смертной казни, но „какъ въ жалованной дворянству грамотѣ сказано: тѣлесное наказаніе да не подлежитъ до благороднаго, то лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ Перчинскъ въ каторжную работу“ *).

*) Государственная намяна при Павлѣ (1799 г.) служившаго при Тосканскомъ дворѣ колл. асс. Дрозда-Воначевскаго, предаваемаго французамъ и служившаго имъ, наказана была тѣмъ, что имя и дѣянія намятника прибиты были къ вѣнцамъ. При Павлѣ же заодоверѣнъ былъ въ

Печальное происшествіе 14 декабря 1825 г., омрачившее день обнародованія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, вызвало слѣдственную комиссію. Слишкомъ пять мѣсяцевъ комиссія ежедневно занималась вѣренными ей дѣломъ, повѣряла каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе. Оказавшіеся виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, въ замыслахъ долготѣннихъ, обдуманнѣхъ и узорныхъ, постоянно нещепклонно къ одной пагубной цѣли устремленныхъ — преданы были верховному уголовному суду, составленному изъ государственныхъ совѣта, правительствующаго сената и свѣтѣйшаго синода съ присоединеніемъ нѣсколькихъ особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. 13-го іюля 1826 г. объявленъ былъ именной указъ о государственныхъ преступникахъ, осужденныхъ къ различнымъ казнямъ и наказаніямъ „за умыселъ на потрясеніе имперіи, на ниспроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка“. 15-го іюля изданъ манифестъ о совершеніи приговора надъ государственными преступниками. 9-го августа объявленъ сенатскій указъ объ офицерахъ Черняговскаго полка, сужденныхъ въ Кіевѣ за участіе въ мятежѣ; слишкомъ сто человѣкъ отправлено было въ Сибирь на каторгу и на поселеніе.

Этими ссыльными завершается для насъ рядъ государственныхъ преступниковъ, отдавшихъ свою судьбу сибирской странѣ и, въ свою очередь, поставленныхъ въ обязательство утѣлять ей свою долю вліянія. Въ семнадцатомъ вѣкѣ вліянію этому противодействовать самый способъ ссылки, предполагавшій темную каторгу, ограниченныя дачи провіанта, строгій надзоръ, хлопотливо стремившійся къ тому, чтобы ссыльные не имѣли никакого сношенія съ посторонними. Для этихъ ссыльныхъ Сибирь предлагала тѣ же тюрьмы, по подобію монастырскихъ и городскихъ русскихъ тюремъ, и оставалась вѣвѣ измѣнѣ плодовитый драматургъ Августъ Коцебу. Арестованный на границѣ, на возвратномъ пути изъ Вѣны въ Петербургъ, онъ сосланъ въ Курганъ. Отсюда его вскорѣ возвратили въ Петербургъ, гдѣ Коцебу нѣсколько времени управлялъ нѣмецкимъ театромъ. Прошенъ онъ былъ, какъ извѣстно, за драму «Der Leibarzt des Peters des Grossen», которую Павелъ I получалъ въ русскому переводѣ. Пребываніе свое въ ссылкѣ Коцебу описалъ въ 2 томахъ (1801 г.) подъ заглавіемъ: «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens».

всякаго вліянія пришлыхъ людей до тѣхъ поръ, пока царская милость не отворяла тюрьмы, не снимала желѣзъ. Демьянъ Многогрѣшный, при такихъ льготахъ, показалъ наилучшій примѣръ незлобивыхъ отношеній къ страдѣ собственнаго несчастія и является едва ли не единственнымъ лицомъ, которому удалось принести свою долю участія тамъ, гдѣ этого требовали. Да и какую пользу могли приносить страдѣ изгнанія тѣ люди, которые побывали на правѣхъ полкнотомъ, повисѣли на дыбахъ; тѣмъ могли послужить тѣ руки, которыя вывихнуты были на встряскахъ, руки, которыя связывались близъ ладоней длиною веревкою, подтягивались посредствомъ ворота къ самому потолку застѣжекъ и при быстромъ опусканіи ввязъ ручныя кости выскакивали изъ чашекъ, потому что, падая, тѣла испытываемыя висѣли на воздухѣ, не доставая ногами до полу. Нѣкоторыхъ доставалось такихъ встрясокъ и различныхъ пытокъ цѣлые десятки. Наибольшая часть непронзводительно исчезла безъ слѣда въ сырыхъ тюрьмахъ, на желѣзныхъ стѣнныхъ цѣпахъ, служившихъ неизбѣжною принадлежностью не только коздуновъ, находившихся „въ тайномъ богомеркомъ общеніи съ нечистою силою“, но и для преступниковъ государственныхъ, располагавшихъ иными тайнами, невидимыми силами *). Восемнадцатый вѣкъ располагалъ большими знаніями и не отличался мягкостью отношеній къ преступникамъ. Въ этомъ смыслѣ цивилизующій государственный переворотъ сопровождался даже наибольшими жестокостями и вся первая половина прошлаго вѣка представляеть такіе образцы крутого обращенія съ ссыльными, какіе съ трудомъ можно находить въ дѣяніяхъ предшествовавшаго ему столѣтія. Не смотря на то, что въ серединѣ XVIII вѣка уничтожена была указами смертная казнь, не смотря на то, что пытки признаны противными здравому, естественному разсужденію — я смертная казнь и пытки продолжали существовать съ тѣмъ же значеніемъ. Заботы объ уменьшеніи кровопролитія при пыткѣ, начатыя еще въ 1751 году, не привели ни къ чему. Счастливая доля уничтоженія нтъ принадлежить уже къ началу новому году дѣйствительнаго столѣтія: въ 1800 году императоръ Александръ I уничтожилъ пытки.

*) Извѣстно, наприм., что сосланному въ Якутскъ коздуну на вѣчное заточеніе не вѣдѣно было давать воды, ибо-де онъ, Максимъ Жельникъ, многожды уходилъ въ воду.

ГЛАВА V.

УЧАСТЬ ССЫЛЬНЫХЪ.

Безправіе ссыльныхъ.—Кормовая дача.—Меншиковъ съ семействомъ.—Наталья Борисовна Долгорукая.—Остерманъ.—Минихъ.—Головкинъ.—Ужасная участь ссыльныхъ. де-Сантъ Менгдена, Фика, Ивашкина.—Страпчій Бопытовъ.—Левшутанъ.—Соймоновъ.—Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (солдатъ Чернышевъ).—Секретныя арестанты.—Анадырскій вагнанія Лавяскій Петровичъ.—Дѣти Волянскаго.—Великоважность преступниковъ.—Сердечность отношеній сабрияковъ къ этимъ ссыльнымъ.

Во все продолженіе прошлаго вѣка несчастные продолжали выплывать свои глаза до неизлечимой слѣпоты и вдумываться въ свою несчастную участь до острыхъ припадковъ бѣшеннаго сумасшествія. Опредѣленныхъ правилъ и приемовъ для ссыльныхъ въ тѣ времена не существовало: не столько степени личной виновности, сколько произвольныя измышленія вазней обвинителями полагали предѣлы возмездію ссыльныхъ за государственныя винны. Кормовая дача наиболѣе испытывала на себѣ вліяніе подобнаго произвола. Какъ въ XVII вѣкѣ А. С. Матвѣевъ жаловался на то, что ему дали на день по три деньги въ то время, когда Авакауму, сосланному съ семействомъ въ Мезень, дали по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки („плачу, что веткій сѣдяноу, древетъ работами—сверстанъ кормомъ съ единоплѣтнимъ“), такъ и въ XVIII вѣкѣ кормовыя дачи не подчинялись никакому правильно выработанному и установленному закону. Войнаровскому положено было въ сутки 1½ копейки, Петру Шафирову—33 коп. на день, Меншикову 2 рубля съ женою—сумму уже довольно значительную по тому времени, по рублю каждому изъ дѣтей и по 10 коп. на каждого слугу (а такихъ отпущено съ нимъ 10 человѣкъ). Долгорукіе стали сначала получать по 25 коп. въ день на человѣка, потомъ только по двѣ и по два пуда муки въ мѣсяцъ. Сыну Волянскаго, Петру, давали въ день по 10 коп., за то канцлеру Бестужеву, по смерти Елизаветы, Екатерина II назначила 20 тысячъ рублей въ годъ пенсіону. Минихъ получалъ 3 руб.; Вироновъ и Висмарка велѣно было довольствоваться въ день безъ оскудѣнія (какъ сказано въ указѣ). Декабристы оставлены были въ кормовомъ довольствіи на общемъ положеніи 6-ти коп. мѣдоу въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ. Нѣкоторыхъ отправляли даже и безъ мормовыхъ, такъ напримѣръ, Ивашкина и Гурчанинова, говорившихъ дерекія рѣчи противъ императрицы Елизаветы.

Въ самомъ способѣ содержанія и надзора была та же непослѣдовательность, замѣчалось произвольное неравенство. Князь Меньшиковъ, сдѣлавшись временщикомъ при Екатеринѣ, съ-

умѣлъ сослать графа де-Сантъ безъ суда и ордера, такъ что ссыльный даже не сразу нашель себѣ мѣсто заточенія. Его привезли сначала въ Якутскъ и семью солдатами стерегли отъ утечки подѣ крѣпкимъ карауломъ, никого къ нему не пускали, чернилъ и бумаги не давали; но для большаго успокоенія сильнаго вліянія, мстительнаго и жестоко сердитаго герцога Ижорскаго, сочли за нужное перевести де-Сантъ въ Верхоленскій острогъ. Отсюда какими-то судьбами сталъ появляться онъ въ Иркутскѣ, пользоваться нѣкоторою свободою по снисхожденію вице-губернатора и даже успѣлъ жениться на дочери таможняго подъячаго; но въ Петербургѣ узнали про это и въ 1784 году де-Сантъ перевели въ Усть-Вилуйское зимовье. Жена за нимъ не поѣхала, участь его раздѣлялъ, по прежнему, старый слуга, которому, однако, не позволяли разговаривать съ господиномъ, не позволяли ходить за покупками для него на базаръ, каковаго, какъ извѣстно, въ пустынныхъ зимовьяхъ не бывало и въ помѣяѣ, и при этомъ запрещали также и слугѣ съ кѣмъ либо разговаривать. Ужасное положеніе жертвы слѣпото и безграничнаго ищенія въ полициныхъ краскахъ описалъ его приставъ такимъ образомъ: „Живемъ мы, онъ, Сантій, я и караульные солдаты въ самомъ пустынномъ краю, з жидья и стросенія никакого тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да в та ветхла. А находимся съ нимъ, Сантїемъ, во всеконечной нуждѣ: печки у насъ нѣтъ и въ зимнее холодное время еле-еле остаемся живы. Отъ жестокаго холода хлѣбовъ негдѣ испечь, а безъ печенаго хлѣба претерпѣваемъ великій голодь я кормимъ мы Сантіа и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муку на водѣ, отчего всѣ солдаты болны и содержать караулъ не кѣмъ. А колодникъ Сантій весьма дряхлѣт и всегда въ болѣзни паходится, такъ что съ мѣста не встаетъ и ходять не можетъ“ *).

Судьба же самого Меншикова въ ссылкѣ обставлена была наибольшими льготами. Главные

*) Елизавета Петровна его, однако, освободила вмѣстѣ съ другими ссыльными предъидущихъ царствованій.

и тяжелые удары онъ перенесъ еще въ Россіи: тщеславію его, допустившему золотыя кареты, сто подводъ и множество экипажей при проѣздѣ въ ссылку, нанесенъ былъ первый ударъ тѣмъ, что его пересажали въ простыя повозки и, вмѣсто Раненбурга, велѣли ѣхать въ Сибирь, въ Березовъ. На дорогѣ, около Казани, въ Усло-вѣ, онъ потерялъ жену, но въ Березовъ привезъ необходимыя вещи и всѣ деньги и остался подъ надзоромъ офицера, которому дана была самая снисходительная инструкція *). Живя на свободѣ, онъ могъ на собственные деньги выстроить деревянную церковь Рождества Богородицы, съ предѣломъ Иліи Пророка, подѣль острога, вмѣщавшаго въ себѣ окруженное тыномъ невысокое, но длинное деревянное зданіе съ закругленными окнами, оставшееся отъ упраздненнаго Воскресевскаго монастыря. Меншикова смирили несчастья до того, что онъ ежедневно съ дѣтьми ходилъ молиться въ собственную церковь, при сооруженіи которой самъ бралъ въ руки топоръ и пилу. Онъ настолько пользовался свободою, что, выходя дѣломъ изъ острога, далеко до начала обѣдни, садился на крутомъ берегу Сосвы и бесѣдовалъ со стариками березовскими о тщетѣ міра и о подвигахъ различныхъ святыхъ мучениковъ. За обѣдней въ собственной церкви исправлялъ должность дьячка, первымъ входилъ, послѣднимъ уходилъ. Время проводилъ въ постѣ и молитвѣ. Это обстоятельство дало поводъ народу, не знавшему объ его прежней тяжелой грѣховности, считать его за праведника. Таковымъ же въ понятіи березовцевъ онъ считается до настоящаго времени, когда открыли его гробъ и нашли останки его (въ 1821 г.) нетлѣнными черезъ 92 года. Смирненіе свое онъ довелъ до того, что надѣлъ армякъ, отпустилъ бороду и отдѣлялся отъ прочихъ крестьянъ только бархатною на ватѣ шапочкою. Религіозное смиреніе и покорность судьбѣ успѣли онъ завѣщать и дѣтямъ, которые продолжали ежедневно ходить молиться на могилу отца (умершаго въ 1729 г.) и впоследствии устроили изъ своей церкви богадѣльню. Жили они уже въ собственномъ домѣ внѣ острога: старшей дочери удалось выйти замужъ за Федора Долгорукова, жившагося въ Березовѣ тайно подѣль чужимъ именемъ съ заграничнымъ паспортомъ, но вскорѣ умереть отъ родовъ. Другая дочь, Александра, и сынъ Александръ въ 1731 году возвращены были въ Россію. Могилу отца ихъ подмыла Сосва, оборвавшая берегъ, и давно сгладила слѣды ея. Въ 1825 г. нашли лишь могилу Маріи Александровны Долгоруковой въ кедровомъ гробѣ, въ шелковомъ атласномъ платьѣ и съ тѣми

атрибутами, которые свидѣтельствовали о весьма безбѣдномъ существованіи изгнанниковъ на мѣстѣ дальней ссылки.

Далеко не такая участь въ томъ же Березовѣ, въ томъ же самокъ острогѣ, ожидала семейство князей Долгоруковыхъ, свергнувшихъ Меншикова и, въ свою очередь, поплачившихся ссылкой при новомъ государственномъ переворотѣ и въ тотъ же самый годъ, когда семейство Меншикова возвращено было въ Россію. Престарѣлый князь Алексѣй Григорьевичъ съ женою (Прасковіею Юрьевною) не вывели тяжести ссылки и умерли черезъ три года по прѣздѣ. Молодые силы 4 сыновей и 3 дочерей и вѣсты старшаго брата Ивана (воспитанной поэтѣмъ Козловымъ Наталіею Борисовною, урожденной Шереметьевой) устояли отъ невогодъ суроваго климата и съ успѣхомъ боролись противъ суровыхъ невогодъ, истощившихъ отъ алого временщика Вирова. Преслѣдованіе его не знали устали и мѣры. На худомъ, продрвленномъ суднѣ, которое едва узники не потопило, привезли ихъ въ Березовъ, кормили ихъ тамъ такимъ лѣбомъ, что „часто зубы не брали, и давали щи, которыми, пока ѣшь, мерзаетъ“. Пищу подавали всегда въ одинъ разъ на нѣсколько дней. Когда княжна Елена задумала въ день своего ангела заказать обѣдню, протопопа (Авдѣя Михайлова) сослала за то подѣль Иркутскъ въ Илецкій острогъ. Когда подьячій Тишинъ довелъ, что Долгоруки говорятъ нескромныя рѣчи про Аию и Вирова, Долгорукихъ разлучили: Ивана посадили въ холодномъ амбарѣ (жена его Наталья Борисовна съ трудомъ выплакала позволеніе видѣться тайно ночью сквозь оконце и носить ему пищу). Князя Алексѣя съ его крѣпостнымъ дядькою заключили въ тѣсномъ колодномъ лѣвѣ. Здѣсь нельзя было сдѣлать больше двухъ шаговъ и узники въ темнотѣ потеряли счетъ днѣмъ и ночамъ. Выпросивъ горсть гороху за послѣдній бриллиантовый перстень, князь Алексѣй придумалъ съ дядькою особую игру. Разъ, во время этой игры въ горахъ, они оба, словно сговорившись, въ голосъ заплѣли. „Христосъ Воскресе“ а такъ какъ тѣніе было строго запрещено, то на Фоминѣ недѣлѣ въ среду обонхъ дали по 15 розогъ и записали въ штрафной журналъ колдунами: во гороху-де узнали о времени Пасхи. На это мученіе Долгорукихъ не кончили, ихъ увезли въ Тобольскъ, здѣсь судили и приговорили къ новой ссылкѣ. Князя Алексѣя сослали въ Камчатку матросомъ; Николая, выбивъ крутомъ и урѣзавъ языкъ, угнали въ Охотскъ; Александра, послѣ такихъ же истязаній, въ Камчатку; трѣхъ дѣвицъ-княженъ заточили въ желскій монастырь *); князя Ивана увезли въ

*) У Меншикова, какъ извѣстно, было во владѣніи 91 тысяча душъ крестьянъ и 7 миллионъ тогдашнихъ деньгами, бриллиантами и банковыми билетами.

*) Екатерину въ томскомъ Рождественскомъ Елену въ тюменскомъ Успенскомъ, Аию въ

Новгородъ и тамъ колесовали и отсѣкали голову въ одно время съ двумя его дядями (Васильемъ Лукичемъ и Сергѣемъ Григорьевичемъ). Елизавета простила Долгорукихъ: князень освободила отъ монашескихъ обѣтовъ и выдала замужъ. Не такъ легко было простить и возвратить братьевъ. По обычаю того времени, начальства постарались забыть объ нихъ именахъ и мѣстахъ нахождения. Сами они, увлеченные и поглощенные потокомъ ссыльной жизни, скрылись безслѣдно между туземцами и считались жертвами. Алексѣй, только черезъ два года по воцареніи Елизаветы, случайно узналъ въ Камчаткѣ о своемъ прощеніи. Съ купцомъ Спиридоновымъ онъ явился въ Иркутскъ. Одѣтый въ армякъ и обросшій бородою, онъ не былъ признанъ губернаторомъ и самъ уже своевольно отправился пѣшкомъ въ Москву. Точно также одинъ изъ его братьевъ, вывезенный въ Иркутскъ и забытый въ острогѣ, былъ вынужденъ на волю для пропитанія. Когда прислано было предписаніе розыскивать политическихъ секретныхъ арестантовъ, къ губернатору явился старикъ, сторожъ церкви св. Харлампія, выдававшій себя за князя Долгорукова (Николая).

Освободивъ Долгорукихъ, Елизавета, какъ извѣстно, прислала въ Березовъ государственнаго канцлера графа Андрея Ивановича Остермана и выслала въ Пелымъ фельдмаршала графа Миниха, въ Собачій острогъ кабинетъ-министра Мих. Гавр. Головкина, въ Нижне-колмыскъ (еще сѣвернѣе) президента коммерц-коллегии барона Менгдена.

Старикъ Остерманъ, измученный жестокою подагрой, привезенъ въ Березовъ съ женою и остался тамъ въ памяти жителей своими бархатными сапогами и костьюлемъ; изъ бархата его салоновъ мѣстные жители надологъ потомъ сохраняли головные шампуры и дѣтскія подвязки. Остерманъ прожилъ все время отшельникомъ въ своей комнатѣ, не выходя въ другія, наполненныя сторожами. Говорятъ, что березовскій климатъ ослабилъ припадки подагры къ концу его жизни. Въ 1747 году, черезъ три года, онъ умеръ здѣсь и легъ въ дубовый гробъ, обитый тафтою внутри, шелковою ма-

теріею съ подушками снаружи. Иной памяти по себѣ не оставилъ. Жена, послѣ его смерти, возвратилась въ Москву, гдѣ и умерла въ глубокой старости.

Минихъ поселился въ Пелымѣ вмѣстѣ съ женою и пасторомъ Мартенсомъ въ двухъ-этажномъ домѣ съ балкономъ; изъ дому не выходя, казался нелюдимымъ, но на балконѣ нерѣдко выдали старика сухого, крѣпкаго и бодрого. Днемъ онъ писалъ, чертилъ планы, ночной огонекъ показывалъ, что старикъ молился или продолжалъ еще заниматься военными и историческими науками (между прочимъ, писалъ гимны). Лѣтомъ заводилъ онъ небольшой огородъ, зимою обучалъ дѣтей грамотѣ, всегда казался веселымъ и затосковалъ лишь тогда, когда потерялъ вѣрнаго друга, пастора Мартенса, пробуждавшаго въ его душѣ чувства набожности и охоту къ мирнымъ трудамъ писателя. Воеводы, говорятъ преданіе, боялись Миниха, боялись его доносовъ ко двору и давали ему нѣкоторую свободу, меньшую, однако, той, которою пользовался до него и въ томъ же Пелымѣ Биронъ *) (сосланный при Аниѣ Леопольдовнѣ регентомъ Минихомъ). Передъ Бирономъ воевода стоялъ безъ шапки; герцогъ имѣлъ верховныхъ лошадей, часто ѣздилъ на охоту, держалъ многочисленную прислугу, ходилъ въ бархатномъ зеленомъ полукафтанѣ, подбитомъ и опушенномъ собольями. Народъ помнить, что онъ былъ высокаго роста и очень краснѣлъ. Минихъ выжилъ въ Пелымѣ 20 лѣтъ и въ 1762 былъ возвращенъ изъ ссылки императоромъ Петромъ III.

Въ Собачьемъ острогѣ—несчастномъ змывѣ, послужившемъ влослѣдствіи основаніемъ Среднеколмыску, не болѣе счастливому селенію, Головкинъ съ женою понесъ болѣе тяжкую участь, чѣмъ остальные его товарищи, не смотря на меньшую степень виновности и, вѣроятно, вслѣдствіе его наименьшаго ранга. И въ пустынномъ мѣстѣ его выпускали изъ дому не

*) Биронъ, какъ извѣстно, жилъ въ Пелымѣ въ особенномъ домѣ, выстроенномъ по чертежу Миниха. Биронъ жилъ здѣсь не долго (пятъ недѣль), успѣвъ оставить въ народной памяти преданіе о своемъ гордомъ и неприступномъ поведеніи; въ 1742 г. его перевезла Елизавета въ Ярославль вмѣстѣ съ братомъ Густавомъ (послѣдній даже не доѣхалъ до Пелыма и возвращенъ назадъ изъ Тобольска). Въ Сибири не осталось объ нихъ преданій, осталось таковое въ Москвѣ: когда везли регента съ братомъ и своякомъ въ трехъ закрытыхъ каретахъ черезъ этотъ городъ, чернь жинулась на нихъ и хотѣла растерзать; да въ Кавани сохранилось всѣмъ извѣстное преданіе, что на мосту черезъ Вудакъ встрѣтились два врага и, молча, раскланялись: Биронъ, возвращавшійся изъ Сибири, и Минихъ, ѣхавшій туда на обогрѣтое мѣсто. Третье преданіе сибирское утѣшаетъ себя тѣмъ урокомъ въ прератностяхъ судьбы, что Минихъ зажилъ въ томъ же домѣ, планъ котораго онъ сочинилъ для Бирона.

верхотурскомъ Покровскомъ. Всѣхъ трехъ постригли въ монахи, пишею и одеждою велѣно содержать безъ великой отжимы. «Имѣющихъ при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ такожъ и дѣвокъ освободить и разослать въ разныя сибирскія города на вѣчное житье. Имѣющыяся шдвую и оловянную посуду и платье, оставя потребное число, безъ всякаго наипшества, прочую всею отобрать. Содержать ихъ подъ крѣпчайшимъ присмотромъ и никуда ни для чего отнюдь не выпускать и ни чѣмъ писать не давать и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не пускать и чтобъ никакихъ шалостей и не потребствъ отъ нихъ не происходило».

иначе, какъ подъ конвоемъ солдатъ съ ружьями, а ночью небольшою домишкою его всегда оцѣпляли часовыми. По праздничнымъ днямъ этого стараго и большаго человѣка заставляли ходить въ церковь и слушать, какъ священникъ послѣ обѣдни провозносилъ надъ нимъ анафему *). Въ своемъ изгнаніи онъ прожилъ почти 25 лѣтъ, слушая чтеніе разныхъ книгъ изъ устъ жены, и въ послѣдствіи, когда усталъ дозоръ, занимался рыбною ловлею въ р. Колымѣ. Въ 1766 году онъ умеръ на мѣстѣ изгнанія и жена, получившая дозволеніе возвратиться, увезла его трупъ съ собою, залывъ его, по народному преданію, воскомъ.

Менгенъ привезенъ былъ въ Нижній-Колымскъ съ женою, дочерью, свояченицею, со служанкою и служителемъ. Сынъ съ теткою и слуги вернулись въ Россію, но баронъ умеръ съ женою на мѣстѣ ссылки, пользовавшись нѣкоторою свободою. Ему удалось послужить краю тремя службами, изъ которыхъ одна состояла въ отраженіи набѣга дикихъ чукчей, другая—въ разведеніи рогатаго скота и лошадей въ подспорье собакамъ и оленямъ, и третья—въ торговлѣ, которую занимался Менгенъ, выписывая товары изъ Якутска для ограниченнаго потребностей бѣднаго и неподвижнаго мѣстнаго населенія.

То же странное распределеніе ссыльныхъ жеребьевъ отразилось какъ на судьбѣ этихъ четырехъ товарищей по изгнанію, такъ и на судьбѣ пятаго изъ товарища, невѣстки канцлера, Анны Бестужевой. Въ то время, когда братъ ея, Мих. Гавр. Головкинъ, испытывалъ многообразныя стѣсненія въ Собачьемъ острогѣ, она, живя въ Якутскѣ на полной свободѣ, ѣздяла по гостямъ, играла въ карты, обворожала всѣхъ пріятностью въ обхожденіи, жила роскошно, одѣвалась богато *). Хотя ей былъ отрезанъ языкъ, но, по народному преданію, въ такой степени, что разговоръ Бестужевой могли понимать слушатели.

Въ то же время для другихъ та же ссыльная жизнь и судьба обставлялись такими отчаянными подробностями: Фика—любовница Петра—цѣлую жизнь таскали изъ одного мѣста въ другое, намѣренно не давая ему ни отдыха, ни покоя. Сначала содержали его въ тобольской тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ перевезли въ Иркутскъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Иркутска въ прежнихъ тяжелыхъ цѣпяхъ въ Якутскъ. Якутскъ показался слишкомъ удобнымъ и веселымъ городомъ, отослали Фика за двѣ тысячи верстъ въ Зашиверскъ,

*) По другому мѣстному преданію, ему однажды въ годъ читали какую-то бумагу, которую онъ обязанъ былъ слушать, скрестявъ на груди руки, въ каковой въ то же время солдаты приставляли ружейные штаны.

*) Въ Петербургѣ она пользовалась славою лучшей тѣлповѣдчицы.

но и эта крайняя глушь и отчаянная даль оказались въ Петербургѣ слишкомъ видными и людными. Фика перетасали въ Среднее зимовье на Вилюю, въ такое мѣсто, которое злому врагу и супостату могло бы показаться исполнѣ удовлетворительнымъ и безопаснымъ: убѣжать можно было только до первой трясины въ тундрѣ, говорить только съ приставниками; якуты, кромѣ своего языка, другого не понимали, кромѣ своихъ узкихъ звѣроловныхъ интересовъ, другихъ не признавали. И дѣйствительно, Фикъ прожилъ здѣсь десять лѣтъ, но лишенъ былъ свободы, выдерживался въ одиночномъ заточеніи безъ поддержки жены, родныхъ и привычныхъ слугъ, окруженный приставниками, озлобленными его несчастьемъ и живучестью. Въ 1742 году нашла его милость Елизаветы, но добралась до него окольными путями, къ довершенію его несчастій, не вдругъ; тобольская канцелярія не знала о мѣстѣ его жительства, наводила справки; узнавъ, отписывала въ Петербургъ о своей находкѣ, спрашивала, что дѣлать и какъ теперь поступить: несчастный Фикъ принужденъ былъ садѣть и даже лишенъ былъ удовольствія товарищества съ де-Сантъ, когда послѣднему назначено было помѣщеніе въ томъ же зимовьѣ. „Понеже тамъ находится великоважный преступникъ Фикъ, то будетъ крайне опасно держать этихъ двухъ преступниковъ въ одномъ мѣстѣ“—отвѣчали безжалостные люди разжалобившейся судьбы.

Смирившись государственные люди: Скоряковъ—Писаревъ, слѣдомъ за Меншиковымъ, занимался хозяйствомъ, ловилъ рыбу, охотился за медвѣдями и сохатыми; Головкинъ далъ 50 рублей казаку, отобравшему верши изгнанника, поставленнымъ въ рукавъ рѣки Колымы, и оговаривалъ, что, если бы казакъ поступилъ такимъ образомъ въ Петербургѣ, онъ затравилъ бы его собаками. Князя Долгорукаго смирила ссылка до военнарскаго должности, Меншикова до работъ плотничьихъ съ топоромъ и проч. Не смирились крутые нравомъ, какъ Девиеръ (напускавшій страхъ на цѣлый Охотскъ), какъ Мининъ (напускавшій страхъ на воеводу); не смирились располагавшіе надеждами на остатки силъ своихъ въ Петербургѣ, какъ Виронъ, передъ которымъ воевода стоялъ безъ шапки, какъ Прасковья Федоровна Салтыкова—невѣста царя Ивана Алексѣевича, заставлявшая въ Енисейскомъ монастырѣ своего дядю воеводу стоять у косяка дверей, и проч. Не смирился Батуричь въ Камчаткѣ, увлекшись планами бунта и побѣга, составленными конфедератомъ Беневицкимъ, но Иванкинъ предупреждалъ объ этомъ заговорѣ коменданта Нилова. Не смирился духомъ ссылка людей молодыхъ и, въ особенности, не оказала она предпологаемой пользы исцѣленія надъ тѣми пациентами, которые вышли изъ шротского народа. Доказательствъ много, приводящъ

наиболѣ крупныя и характерныя, на первый разъ два: одно изъ начала прошлаго вѣка, другое изъ конца его; одно по великому государеву „слову и дѣлу“, другое по самозванству— по этимъ двумъ основнымъ главнымъ государственнымъ преступленіямъ, за которыя преимущественно ссылались въ Сибирь въ прошломъ вѣкѣ доврѣчивые простые люди—сообщники людей „продерзвостныхъ“ и „самозванцевъ“.

При царѣ Феодорѣ прислать былъ въ Сибирь по царственному дѣлу, по приказу бояръ, стряпчій изъ дворцовыхъ волостей Терентій Васильевичъ Копытовъ. Въ 1712 году его отправили изъ Тобольска по назначенію въ Нерчинскъ на суды. Въ Нарынѣ колодники занимали. Здѣсь Копытовъ рассказалъ товарищамъ, что онъ уже побывалъ въ Нерчинскѣ, узналъ тамъ многія царственныя дѣла и потаенную казну за нерчинскими жителями Турчаниновыми, выкричалъ тамъ „слово и дѣло“, былъ потребованъ въ Тобольскъ, прислалъ отправить его въ Петербургъ передъ царское величество, но губернаторъ, все то утаа, продержалъ его въ тюрьмѣ два года и вотъ теперь обратно шлетъ на старое мѣсто. „Хотя-де мы (говорилъ бывшій стряпчій) и въ Москву писали, да тамъ все воля боярская! что они, бояре, хотятъ, то и дѣлаютъ. Нынѣшній царь не печется о народѣ, а печется о вѣнцахъ, потому что онъ и самъ ихней породы, а не царскаго кореня. Истинно я это вѣдаю. Жилъ я въ Москвѣ и насъ было человекъ 12, и мы ночи спявали надъ святыми книгами, а съ нами бесѣдовалъ верховой священникъ и сказывалъ мнѣ и товарищамъ монѣ: „Какъ-де вопарился государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и совокунился съ царицею Натальею Кирилловною и она-де, государыня, рожала царевнѣ. И близъ рожденія ояъ, государь, нволялъ ей, царицѣ, говорить: „ежели-де будетъ царевна, я-де тебя постригу“. И она, государыня, царица, призвавъ Артамона Сергѣевича (Матвѣева), сказала ему ту тайну, что царь на нее гнѣвенъ. И когда родила царевну, Артамонъ Сергѣевичъ учинилъ сокровенно—пвзлъ изъ вѣмецкой слободы младенца и подмѣнилъ вмѣсто того младенца, и поныгъ она въ вѣмецкой слободѣ жива; и по тому дѣлу ему, Артамону Сергѣевичу, великое время стало отъ нее, царицы, за такое умышленіе“. Слѣпой старикъ Копытовъ рассказалъ эту сплетню сначала одному (дозорщику Левшутину), потомъ и другимъ колодникамъ, приглашеннымъ Левшутинымъ въ свидѣтели тайно. Левшутинъ объявилъ нарынскому воеводѣ за Копытовымъ „слово и дѣло“, но получивъ въ отвѣтъ: „Пожалуйста помолчи здѣсь немного, мнѣ такія дѣла вѣдать не дано“,—сталъ искать случая отправиться въ Москву. Сѣхалъ онъ изъ Тобольска съ государевымъ желѣзомъ; послѣ сдачи его въ Си-

бирскомъ приказѣ получивъ пропускъ, но остался въ Москвѣ ожидать государя. Не дождавшись, пошелъ онъ въ низовые города для свиданія съ родными, а по пути зашелъ въ керженецкіе дѣса къ раскольниковамъ. Здѣсь онъ натолкнулся на новыя недовольныя: говорили ученые керженецкіе старцы, что царь—антихристъ, архіерей—еретники, а всѣ господа по милости государевой—антихристовы слуги и грабители. Для подтвержденія своихъ словъ показывали и тетрадки разныя и книжки. На пыткахъ и допросахъ не отреклись отъ своихъ словъ, когда Левшутинъ снова выкричалъ на нихъ и въ Нижнемъ и въ Москвѣ государево великое слово. Левшутинъ также устоялъ на доносѣ и при мукахъ четырехъ пытокъ, и въ комутѣ на подъемѣ и на дыбѣ подъ кнутомъ; двое оговоренныхъ на пыткахъ померли; третій устоялъ и былъ сосланъ на каторгу. Левшутинъ отпустили на волю шататься по лицу родной земли и только теперь можетъ быть выучили заграждать уста и не сказывать князю-панѣ Ромодановскому про тѣ тайныя дѣла, которыя слышали уши. Можетъ быть, въ Левшутинѣ и пропала страсть къ сплетнямъ на государевоня и угомонилась въ немъ пытливость въ сомнѣніяхъ на счетъ заслугъ Петра передъ народомъ, но не угомонила каторга другихъ убѣжденныхъ. Не въ нихъ была сила, не въ ихъ личномъ характерѣ поддержка, смѣлость и устойчивость, но въ общемъ предубѣжденіи, въ народной доврѣчивости, воспитанной духомъ времени и поддерживаемой стуюстою молвою.

Самозванца солдата Кремнева, выдававшего себя за Петра III, поддерживалъ мѣстный священникъ Левъ Евдокимовъ и не только (какъ сказано въ указѣ) самъ тому вѣрилъ, „но и всѣхъ вообще со всѣми вѣроятія недостойными и развращенными доказательствами подтверждалъ и увѣрялъ“. За такую доврѣчивость его наказывали кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ чинилъ увѣренія и подписи; возили его съ привязанною на груди доскою, гласившею: „помощникъ самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и свидѣтель“; выжгли ему на лбу знаки двухъ буквъ, означавшихъ „ложный свидѣтель“, и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу. Въ Нерчинскѣ Евдокимовъ присталъ къ новому самозванцу и снова доврѣчиво ему поклонился, во всемъ помогать и всѣмъ о его ложномъ увѣреніи рассказывать. Въ свою очередь, и этотъ самозванецъ сдѣлался на каторгѣ таковымъ не впервые и также не былъ враждебенъ дальшему ссылкею и тяжелыми работами.

Этотъ самозванецъ (ускользнувшій отъ вниманія изслѣдователей замѣчательнаго явленія въ русской жизни, представляемаго самозванствомъ) былъ солдатомъ Врянскаго пѣхотнаго полка и назывался Петромъ Чернышевымъ. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ домѣ попа Иванецкаго,

при немъ, при попадѣ и дьячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Федоровичемъ и потомъ убралъ въ томъ же крестьянъ и при этомъ плакалъ. Чернышевъ избавленъ былъ отъ смертной казни, но жестоко наказавъ кнутомъ и сославъ въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно. За нимъ отправился туда же и располъ Иванецкій. Въ 1763 году Чернышевъ, съ именемъ секретнаго арестанта, заключенъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Днемъ его выпускали на работу вѣсть съ прочими колодниками, а на ночь запирали въ секретный казематъ одного. На работахъ съ нимъ выдались многіе, но говорили не всѣ. Смыслный попъ Левъ Евдокимовъ пришелъ съ осьминой водки, подполъ виновомъ сторожа и отъ секретнаго арестанта узналъ, что онъ— бывший императоръ Петръ III. Двое другихъ смыслныхъ (Карповъ и Фирсовъ) подтверждали то же самое: одинъ рассказывалъ, что въ бытность его въ служебнн въ Москвѣ у грузинскаго царевича Георгія Петра III выдалъ и что секретный арестантъ вѣсть съ нимъ поразительное сходство; другой смыслный сказывалъ, что Петра III выдалъ въ 1763 году въ Петербургѣ въ тайной канцеляріи и что Чернышевъ на лицо таковъ же, какъ и императоръ. Самъ же Чернышевъ рассказывалъ всѣмъ, что „бывши въ Воронежской губерніи для осмотра состоявшихъ въ оной полковъ, подъ видомъ солдата былъ поймавъ и посланъ въ здѣшніе нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великій человекъ“. Услѣвъ рассказовъ превзошелъ всякія ожиданія: не только повѣрили всѣ на заводѣ, но и изъ дальнихъ мѣстъ стали приходять крестьяне взглянуть на царя и привести ему всякіе подарки: приносили деньги, говядину, масло коровье, туши баранины; наконецъ, лошадей съ наказомъ, чтобы „какъ можно старался ѣздить, а хлѣбомъ не оставлять“. Подалъ о себѣ голосъ и располъ Иванецкій, жившій въ Уровской деревнѣ, приславшій Чернышеву письмо такого содержания: „Премилосердый мой государь, Петръ Федоровичъ! желаю вамъ здравствовать на многія лѣта... Черезъ сего письмонодателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда, или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь будетъ мучиться?... Евдокимовъ за Чернышева написалъ такой отвѣтъ: „О чемъ вы изводите писать и слышать хотите о благополучіи, прибавлялъ генерала комиссенской отъютантъ, ходилъ въ тюрьму, осматрѣлъ Петра Федорыча и побѣжалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ, и писалъ къ Петру Федорычу, что буду надеженъ и такъ буду стараніе прилагать...“ Дѣйствительно, адъютантъ Павовъ навѣщалъ Чернышева и опозналъ его императоромъ. Самъ генералъ Ивашовъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ и осматривалъ Чернышева. Молва не-

слась все дальше и выше и успѣла поднять сильныхъ войсками тунгусскихъ князей Гантимуровыхъ. Одинъ изъ братьевъ наказывалъ передать Чернышеву о своей готовности собрать тунгусовъ и взять его изъ тюрьмы разбоемъ: „Придемъ въ заводъ, у меня ни одинъ человекъ и въ окно выглянуть не смѣетъ“. Чернышевъ, заручившійся обѣщаніями помощи, гвоздемъ отперъ замокъ дѣпи, на которую былъ посаженъ, увидя платкомъ ножныя кандалы, чтобы не брадали, я по кушаку, съ помощью друзей, выпелъ на волю. Вродить онъ по окрестностямъ долго, заблудился, 11 дней шелъ голодомъ, пришелъ въ безсиліе и на 12-ый день, выйдя изъ всякаго терпѣнія, добровольно отдался въ руки судей. Въ нерчинскомъ заводѣ началось слѣдствіе, собрали всѣхъ причастныхъ къ дѣлу, дѣлали допросы и очныя ставки, путались въ трущобахъ разворѣчивыхъ показаній и уловокъ, но не могли приступить къ суду за недостаткомъ твердыхъ убѣжденій. Къ тому же и князь Гантимуровъ сдержалъ свое слово, привелъ въ заводъ свою команду, болѣе ста вооруженныхъ тунгусовъ; въ комиссію онъ не пошелъ, сославъ на то, что не принадлежитъ къ горной командѣ, отвѣтовъ никакихъ не давалъ и продолжалъ свободно гостить у генералъ-майора Ивашова. Однако, дѣло кое-какъ довело до конца. Въ 1770 г. изъ Петербурга было написано оставить обвинниковъ безъ вниманія, кромѣ Фирсова, котораго велѣно наказать плетью, но изъ-подъ караула освободить. Чернышева же узазано наказать кнутомъ публично при заводскихъ жителяхъ, повѣрившихъ его разглашенію, потомъ заклеить, какъ человека дерзкаго и злого, и сослать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣтъ употреблять его въ тяжкія работахъ. Въ 1771 г. приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, но Чернышевъ до Мангазеи не дѣхалъ; онъ умеръ по дорогѣ въ Енисейскъ, оставивъ послѣ себя собственные пожитки: войлокъ, небольшую подушку и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрывки, „а п еще имѣлась при ономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта подъ него подстилана, и что онъ гнилъ и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила и затѣмъ брошена“ *).

Это событіе, со включеніемъ участія смыслнаго въ Камчатку Батурина въ смѣломъ побѣгѣ Веневскаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ по всей Европѣ, служилъ дополненіемъ весьма немногихъ другихъ, оживляя однообразную жизнь изгнанниковъ за государственныя преступленія и озвѣщая мрачную ночь. Остальные изгнанники остались для страны невѣдомыми, бесполезны-

* Подробный рассказъ объ этомъ событіи см. ниже въ статьѣ: «Исторія ваторги. Нерчинскіе рудники и промыслы».

ми и лишними. Съ одинаковымъ удобствомъ ихъ могли бы довести до ускоренной смерти въ монастыряхъ и тюрьмахъ русскихъ и, конечно, стариному возражію на этихъ людей вовсе не нужно было такихъ героевъ, какъ Ивашкинъ, прожившій въ Камчаткѣ (въ Большерѣцкѣ) тридцать пять лѣтъ, и когда ему разрѣшена была свобода, не только не принявшій права, но и не имѣвшій никакого интереса въ возвратѣ. Онъ какъ милости просилъ дозволенія остаться въ странѣ, гдѣ выучился ловить себѣ рыбу для пищи и доставать деньги и припасы обученіемъ дѣтей грамотѣ и исправленіемъ должности дьячна. Въ 1780 г., за 15 лѣтъ до того, его еще интересовало возвращеніе и онъ писалъ о томъ просьбу къ губернатору; когда же ему перевалило за 60 лѣтъ—онъ могъ отвѣчать на милость только такими словами: „Куда мнѣ вѣать при такой дрялости! Я чувствую, что не переживу моего переселенія и умиру на дорогѣ“. Такія герои жестокосерды до утонченности вѣтъ не желалъ; симпатіи его обращались въ другую сторону, изъ которой доносились рапорты комендантовъ и отнаски монастырскихъ настоятелей, что такой-то нумеръ (такой-то безымянный секретный арестантъ) умеръ. Для этого извѣстія утѣснителямъ пріятно было назначать для жительства самыя голодныя мѣста (зимовья), самыя глухіе остроги, которые до настоящаго времени представляютъ крайнее безлѣбье и безлюдье. Старымъ вершителямъ человѣческихъ судебъ пріятно было забыть не только о событіяхъ, но и о лицахъ, по приѣзду того, какъ 35 лѣтъ былъ забытъ Ивашкинъ, сказавшій, по увлеченію молодости и въ пьяномъ видѣ про Елизавету. Также забыть былъ нѣкто Родионъ Ковалевъ, 25 лѣтъ просидѣвшій на цѣпи въ Селенгинскомъ монастырѣ до того времени, когда, по уничтоженіи тайной канцеляріи, отворили монастырскія тюрьмы и выпустили заточниковъ. Ковалевъ, конечно, оказался сумасшедшимъ, какъ и всѣ другіе, остававшіеся въ живыхъ, но онъ, сверхъ того, научился уже говорить до нѣмоты. Одна бумага сохранила его прежнее званіе и объявила, что онъ былъ подпоручикомъ Сибирскаго пѣхотнаго полка, но не было другой, которая сказала бы объ его винахъ, а въ жизни настоящей не было, конечно, ни единого штриха, который могъ бы свидѣтельствовать о степени его вреднаго влияния и великой важности преступленія. Многіе погибли безвѣстно: такъ, между сотнями таковыхъ, сосланныхъ при Анивѣ Вировомъ, одному усердному изслѣдователю ссыльной старины Сибири (Л. С. Сельскому) навѣстевъ одинъ изъ такихъ зачинщиковъ, сосланный въ Анадырскій острогъ безъ означенія имени и виновности. „Когда возникла переписка о всѣхъ, находящихся въ Камчаткѣ и

Охотской области (говорить г. Сельскій *), то анадырскій изгнанникъ отхѣченъ умершимъ“. Какая-то секретная арестантка (безъ означенія имени) числилась въ 1753 году въ Селенгинскѣ и осталась неизвѣстною въ описи дѣлъ, выдѣланныхъ нами въ архивѣ бывшей ратуши этого города. Генераль-прокуроръ Вяземскій принужденъ былъ прибѣгать къ строжайшимъ настояніямъ, чтобы отыскивали заключенниковъ и оказывали имъ милость, но на большую часть предписаній получалъ въ отвѣтъ, что узнать имена ссыльныхъ и мѣста заточенія нѣтъ никакой возможности. Иные являлись съ переимѣннымъ именемъ изъ Россіи, другихъ переименовывали на мѣстахъ ссылки. „Иногда (свидѣтельствуется Машштейнъ въ своихъ мемуарахъ) приказывали дѣлать такую переимѣну, не уведомляя о томъ и тайную канцелярію“. Исчезли всякіе слѣды въ народной памяти о Лопухиной, сосланной Елизаветой, о Толстыхъ, Бутурлинѣ и проч. Объявились неизвѣстные, вродѣ бывшаго флигель-адъютанта де-ла-Тосоньера и проч., и оставались неизвѣстными ссыльные вродѣ Аванасія Петровича, извѣстнаго въ Сибири въ началѣ настоящаго столѣтія. Помнить, что онъ былъ старъ и бодръ и отличался хоронимъ платьемъ. Въ народѣ ходили различныя толки **). Какъ въ прошломъ, такъ и въ предшествовавшемъ ему вѣкѣ отнимали у ссыльныхъ всякую возможность свободного употребленія своихъ силъ и способности въ пользу страны и въ исполненіе основной и существенной идеи всякой колонизаціи. Лишь только тамъ, гдѣ, по случайнымъ привилегіямъ, предоставлялась какая либо свобода и оставался хотя малѣйшій просторъ для малѣйшей самостоятельности ссыльныхъ, полезное вліяніе ихъ не медлило обнаруживаться. Впрочемъ, разведеніе Меншиковымъ огорода въ холодномъ и бесплодномъ Березовѣ, учрежденіе богадѣльни его осиротѣлымъ семействомъ тамъ же, заведеніе школы Минихомъ въ пустынномъ Пельмѣ, школа Ивашкина въ Камчаткѣ, опыты разведенія лошадей и рогатаго скота въ тундрахъ Нижнеколымска—единственныя памятные слѣды ссыльной жизни государственныхъ преступниковъ прошлаго вѣка ***). Обезпеченіе гра-

*) Въ статьѣ своей «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ».

**). Считалъ его бояриномъ, сосланнымъ Павломъ. Говорили, что когда везли его въ Петербургъ обратно и на день остановились въ Тобольскѣ, онъ, при видѣ губернатора Канценича, стоявшаго у полуотворенной двери, сказалъ ему: «Ну, Канценичъ, гатчинскій любимецъ! Ты еще не узналъ меня?»

***). Опытъ Менгдена не былъ удаченъ: лошадей развести ему не удалось въ неудобныхъ колымскихъ тундрахъ. Въ этомъ отношеніи былъ счастливъ другой ссыльный въ архангельскую тундру. В. В. Голицынъ, положившій основаніе крѣпкой породѣ мезенокъ, долгое время поль-

лицъ съ Китаемъ услугами гетмана Демьяна Многогрѣшнаго за Байкаломъ — единственное крупное явленіе въ исторической жизни ссыльных, но и оно принадлежит ко временамъ болѣе глубокимъ, къ событіямъ XVII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ на „секретныхъ“ преступниковъ смотрѣли какъ на людей, приспосаблившихся къ презлѣнаго ада, боялись допускать ихъ до сношенія съ людьми даже въ случаяхъ необходимости, при недостаткѣ кормовыхъ, ходитъ по міру и просить подавати, „чтобы колодежки не рассказали въ народѣ тѣхъ словъ, за что они были сосланы“.

„Великоважность“ преступниковъ понималась приставниками или такъ, что поступали съ ними круто и бесцеречно, или опасливостью, великими затрудненіями на крайніе случаи болѣзни и при необходимости подать какую либо помощь и оказать содѣйствіе. Долгорукіе въ Березовѣ получали 15 роговъ за игру въ горьку и выдали своего пристава, иодевшего на бесѣду со ссыльными дамами въ солдатской епанчѣ, напянутой на рубашку, и въ туфляхъ на босую ногу. „Дай Богъ (говорить Наталья Ворисовна Долгорукая въ своихъ запискахъ), дай Богъ горе терпѣть да съ умнымъ человекомъ. Какой это глупый офицеръ былъ! Ему казалось подошло съ нами говорить; однако, со всею ссыльсю ходилъ къ намъ обѣдать. Я была всёхъ моложе и невоодержана, не могла терпѣть, чтобы не смѣяться, глядя на его смѣшную позытуру. Онъ, это видя, что я ему смѣюсь, какъ-то разъ ему пришлось примѣтить, говорить: „Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ“. Чего они боялись? Чтобы мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не карауль ихъ держать, а держала невинность наша“. Когда пересылаемый въ Сибирь Ивашкинъ на дорогѣ заболѣлъ такъ, что сопровождавшій сержантъ донесъ рапортъ, что онъ не перенесетъ дороги изъ Иркутска и умереть, — врачъ Вакманъ не рѣшился ему помочь, хотя и нашель, что Ивашкинъ весь распухъ отъ внутренней болѣзни и ищетъ отъ кандаловъ язвы на рукахъ и на ногахъ.

Болѣе счастливы были тѣ узники, которые, съ пережѣною правленія, считались оправданными и успѣвали дожить до воцаренія своихъ благодѣтелей. Въ такихъ случаяхъ нѣкоторые милости не ограничивали себя тѣсными предѣлами: возвращенные (какъ Долгорукіе) приглашались снова на поприще государственной дѣятельности; ссыльные женщины, обрѣкшіяся на монастырское заточеніе и монашеское постриженіе, разстригались. Такъ съ постриженныхъ дочерей Артемія Волынского (Анны въ иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ и Маріи въ зовавшихся большою извѣстностью на всемъ сѣверѣ Россіи.

енисейскомъ Рождественскомъ) сжали монашескій чинъ и отпустили на житье въ Москву *). Фед. Ив. Соймоновъ, любимецъ Петра I, успѣвшій однажды спасти ему жизнь, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, первый, составившій карту Валаго моря и описавшій впервыя берега Каспійскаго, изъ вице-президентовъ адмиралтействъ-коллегии въ 1740 г. попалъ въ Сибирь за участие въ дѣлѣ Волынского, наказанъ кнутомъ и сосланъ былъ Бирогомъ въ каторжную работу на Охотскій солеваренный заводъ. Сосланъ онъ былъ съ вырванными ноздрями, которыми, однако — по преданію — искусный лекарь въ Сибирѣ заростилъ кускомъ мяса, вырваннымъ изъ лѣвой руки невиннаго страдальца. Елизавета Петровна, тотчасъ по востшествіи на престолъ, признала его невиннымъ, возвратила шпагу и позволила жить, гдѣ пожелаетъ. Соймоновъ, однако же, всетаки еще 16 лѣтъ послѣ того жилъ въ Сибирѣ безъ всякаго знанія, но не безплодно воспользовался свободою: въ 1753 году онъ изобрѣлъ фарватеръ Шилки и развѣдывалъ первыя пути по Амуру. Въ 1757 году, именнымъ указомъ, онъ изъ ссыльных, жившаго на пропитаніи, сдѣлался сибирскимъ губернаторомъ. Шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ въ этой должности, оставили глубокіе слѣды признательности въ преданіяхъ старожиловъ и крупныя доказательства его знанія и службы странѣ. Въ Миллеровомъ журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія“ сохранились замѣчательные ученые труды бывшего изгнанника („Сибирь — золотое дно. Извѣстіе о торговлѣ сибирскихъ и письмо российского навигатора къ молодому Зейману“). Въ Охотскѣ устроена была имъ морская школа, при Посольскомъ монастырѣ на Байкалѣ — маякъ и гавань; имъ же уничтоженъ Анадырскій острогъ для облегченія несчастнымъ корабльмъ и кандаловъ, обязаннымъ непосильною перевозкою туда провіанта и разныхъ припасовъ. Имъ положено начало устройству главнаго сибирскаго тракта черезъ Варабу, раздѣляющую обѣ Сибири и Соймоновымъ оживленную населеніемъ ямщиковъ. Въ 1759 г. при немъ Омская линія была устроена такъ, что съ этого времени набѣги киргизовъ сдѣлались рѣже и южныя округи края могли идти впередъ по пути равнина. Въ 1763 г. Соймоновъ, сдѣланный сенаторомъ, уступилъ свое мѣсто знаменитому и памявному сибирскому народу „батюшкѣ Денису“ (Д. Ив. Чачерину). Послѣ бесполезнаго для края Салтыкова, сосланнаго въ Сибирь воеводою вмѣстѣ съ племянникомъ (впоследствии женою царя Ивана Алексѣевича **), ссыльный Соймоновъ былъ

*) Анна вышла замужъ за Нарышкина, Марія осталась монахиней въ одной изъ кievскихъ монастырей.

***) Салтыковой взо всехъ ссыльныхъ женщинъ жилое лучше и свободнѣе: она пріѣхала съ

единственнымъ административнымъ лицомъ въ мѣстѣ изгнанія и послѣ Многогрѣшнаго—вторымъ по времени, оказавшимъ несомнѣнные услуги ссыльному краю.

Для всѣхъ другихъ ссыльныхъ государственныхъ преступниковъ, намъ извѣстныхъ, тяжесть неволи, помимо строгости надзора, облегчалась участіемъ и помощью простыхъ сердецъ, видѣвшихъ мученія жертвъ и спѣшившихъ на помощь, насколько это было возможно. Многихъ изъ далекихъ зимовьевъ губернаторы брали на себя смѣлость переводить на житье въ губернскіе города. Камчатскій губернаторъ Козловъ уважалъ Ивашкина за отца и обязанъ былъ ему многими полезными совѣтами по дѣламъ управленія, въ чемъ лично убѣдился и о чемъ свидѣтельствуетъ знаменитый Лаперузъ. Впрочемъ, и здѣсь мнѣніе издалека не медлило налагать свою тяжелую руку: одинъ изъ провожатыхъ казаковъ, доставившій письмо отъ Гурчанинова кому-то въ Якутскѣ, высѣченъ нещадно кнутомъ, „дабы для другихъ было неповадно“. Одинъ изъ жиганскихъ жителей, передавшій князю Черкасскому (сосланному въ 1734 г.) псалтырь, также наказанъ былъ кнутомъ и переселенъ въ дальнее зимовье. 31 человекъ изъ жителей Березова и Обдорска, призерженныхъ къ Долгорукимъ, темною и дождливою ночью были схвачены, посажены на судно и сплавлены въ Tobольскъ. Не смотря на личное ходатайство сибирскаго митрополита Автонія Стаховскаго, священнику Кузнецову вырвали поздри, лишили сана и наказали кнутомъ; священниковъ Прохорова и двухъ Васильевыхъ и дьякона Кокорулина выбили плетью и, безъ лишения сана, сослали на каторгу въ Олонецкій портъ. Елизавета ихъ возвратила; Долгорукіе пригласили ихъ съ собою, только березовскіе священники не согласились, рѣшившись дожить вѣкъ

въ Березовѣ, но обдорскій священникъ и дьяконъ выѣхали въ Москву, въ домовую церковь Долгорукихъ..

Во всякомъ случаѣ, молва о страданіяхъ, о набожности, о смиренной покорности службѣ ссыльныхъ ушла въ преданіе. Разрыхлилась почва, предназначенная для будущихъ несчастныхъ этого рода въ такой мѣрѣ, что въ туземномъ населеніи приготовлялись ниня воарѣнія на этихъ людей, извѣстныхъ въ Сибири подъ именемъ „секретныхъ“. При неуспѣшномъ надзорѣ они исторгли уваженіе даже среди униженной и страданій. Туземное населеніе, вопреки увѣреніямъ противной стороны и при видѣ частыхъ перегибъ судьбы этихъ ссыльныхъ къ лучшему и къ полному прощенію, воспиталось въ наибольшей готовности содѣйствія и помощи и укрѣпилось въ этомъ обязательствѣ въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ и крупныхъ добродѣтелей многихъ изъ ссыльныхъ. Настоящій вѣкъ, хвастливый своими гуманными доблестями, увидѣлъ это явленіе въ характерѣ сибиряковъ въ самыхъ яркихъ чертахъ и убѣдился въ его существованіи многочисленными ясными и безспорными доказательствами. „Мы видѣли,—говоритъ одинъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года:—сибирскихъ мужиковъ, стоявшихъ на дорогѣ на холодѣ (въ зиму 1826 г.), подъ открытымъ небомъ. Это былъ обычай жителей собираться изъ окрестныхъ деревень на большую дорогу и дожидаться „несчастныхъ“, чтобы продать имъ съѣстные припасы, теплые чулки и т. п. Бѣднѣйшіе получали эти предметы даромъ. Это бываетъ по два раза въ недѣлю. Я узналъ послѣ, что это христіанское обыкновеніе существуетъ съ древнѣйшихъ временъ“. Между петровскими временами, когда за плѣнныхъ шведовъ сибиряки гнушались выдавать своихъ дочерей и вызвали насильственные мѣры, и настоящими вѣкомъ, обильнымъ ссылкою поляковъ, лежить уже цѣлая бездна. Томскіе жители, не принимавшіе къ себѣ на квартиру декабриста Ватенкова, представляютъ единственный примѣръ, обладающій всѣми свойствами исключительнаго и страннаго явленія

штатомъ дванцѣ, уѣхала съ великою честью. Могла держать себя гордо: не допускала къ себѣ никого, удостоивала честью посѣщенія только игуменьи и не позволяла передъ собою садиться даже дядѣ воеводѣ. Содержалась она въ Еяисейскомъ монастырѣ.

ГЛАВА VI. ДЕКАБРИСТЫ.

Смысла декабристовъ.—Нуть ихъ по Россіи и Сибиріи.—Фельдъегери.—Встрѣчяице.—Губернаторы.—Кавіискій городничій.—Судьба первыхъ восьми.—Жизнь до Читы.—Волконскій.—Трубецкой.—Оболенскій.—Братья Борисовы.—Якубоичъ.—Волконская.—Трубецкая.—Ген.-губ. Броневскій.—Благодатскій рудникъ.—Свиданія.—Столкновенія.—Прапорщикъ Рикъ.—Приставъ Лепарскій.—Прябитіе остальныхъ декабристовъ.—Встрѣча.—Пребываніе въ Читѣ.—Помятніе.—Казематы.—Поэтъ Одоевскій.—Новая тюрьма.—Работы.—Чита.—Болѣзни неволж.—Исторія Сухинова.—Бунтъ въ Клячкннскомъ рудникѣ.—Судъ въ казни.—Новыя правила.—Строгости.—Дубининская исторія.—Инструкція караульнымъ.—Смольяниновъ и его жена.—Штабъ Лепарскаго.—Клубъ.—Переписка съ родными.—Ослабленіе строгостей.—Общій столъ.—Домашнія занятія и самовоспитаніе.—Корниловъ.—Мухановъ.—Никита Муравьевъ.—Пушкинъ.—Д. И. Завалишннъ.—Докторъ Вольфъ.—Арт. Зах. Муравьевъ.—Кюхельбекеръ.—Луинъ.—Юшневскій.—Музыка.—Вороды.—Не-декабристы.—Религіозность.—Женщины героини.—Трубецкая.—Губернаторъ Цейдлеръ.—Волконская.—Правила для женъ.—Муравьева-Апостолова.—Нарышкина.—Фонвізина.—Давыдова.—Анненкова.—Ягальцова.—Розень.—Дѣти.

Представляемыя здѣсь свѣденія собраны на мѣстахъ, въ самомъ источникѣ, какъ и всѣ тѣ, которыя вошли въ составъ этого сочиненія и которыя провѣрены подлинными документами, какъ это очевидно для внимательнаго читателя. На этотъ разъ возможность повѣрки матеріаловъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, обезпечивалась наибольшимъ успѣхомъ. Автору этой статьи привелось ознакомиться съ записками и сказаніями десяти узниковъ, по большей части говорящихъ въ одно и то же время объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; стало быть, при столь частыхъ противорѣчіяхъ, когда многимъ измѣняла память или индивидуальная возрѣнія, можно было доискиваться истины въ сопоставленіи различныхъ мѣтнй и придерживаясь мѣтнй большинства. Сверхъ лично добытыхъ свѣденій, черезъ разпросы и справки въ архивахъ, авторъ дополнилъ и провѣрилъ свѣденія по запискамъ слѣдующихъ декабристовъ: по печатнымъ—А. П. Оболенскаго, М. А. Бестужева, И. Д. Якушкина, автора книги „Межуары декабриста“; по рукописнымъ запискамъ: Н. В. Васаргина, барона Соловьева, Д. И. Завалишннн, барона Штейнгеля; по рассказамъ И. И. Горбачевскаго и по собственноручнымъ письмамъ Н. А. Бестужева. Сверхъ того, въ рукахъ автора этой статьи были рукописныя записки ген.-губ. Восточной Сибиріи С. Б. Броневскаго, многія печатныя свѣденія (напр., Е. П. Ковалевскаго „Графъ Влудовъ и его время“, мелкія замѣтки, разбросанныя по журналамъ) и, сверхъ того, многочисленныя рассказы туземцевъ-современниковъ, собранныя во время двухгодичной поѣздки автора по Сибиріи въ 1859—1861 гг. Наиболѣе другихъ въ этомъ исправленномъ паданіи авторъ пользовался матеріалами и данными, готовно и радушно переданными Дм. Ирин. Завалишнннмъ.

ссылку, исходящее изъ непосредственныхъ чувствъ богатаго русскаго сердца, то же безавѣтное участіе всѣхъ случайныхъ свидѣтелей встрѣтило и провожало до крайнихъ предѣловъ изгнанія и этихъ новыхъ смыслныхъ 1826 года, получившихъ по дорогѣ въ Сибирь и въ самой странѣ изгнанія прозваніе „князей“. На этотъ разъ это состраданіе и участіе, составляющія привиллегію русскаго народа, выразились съ большею полнотою и въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Если обыкновеннымъ „вещастнымъ“ успѣваютъ объять только встрѣчные и „милостивымъ“ являются въ видѣ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, то на этотъ исключительный разъ тѣ же чувства готовно высказывались и со стороны высшихъ сословій, людей большого образованія, способныхъ созавать и давать отчетъ въ собственныхъ поступкахъ. На этотъ разъ христіанскія чувства успѣли обнаружиться даже на самыхъ первыхъ шагахъ въ неволѣ. Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора, избранный въ духовные отцы заключеннымъ и въ видахъ содѣйствія слѣдственной комиссіи, сталъ единственнымъ и безавѣтнымъ ихъ другомъ. Изъ постоянного собесѣдника и утѣшителя онъ превратился для нихъ въ коммиссіонера, умѣвшаго среди опасностей риска, съ осторожностью, находившею силы въ искренности чувствъ христіанской любви, быть посредникомъ между заключенными и ихъ родными. Его содѣйствію, между прочимъ, обязаны были жены смыслныхъ тѣмъ, что за день узнавали о тщательно скрываемихъ срокахъ отправления своихъ мужей и имѣли возможность видѣться съ ними на дорогѣ. Ему въ благодарность за благодѣанія, завѣщаль Рылѣвъ одну изъ своихъ золотыхъ табакерокъ.

Команданты объявляли приговоръ о ссылкѣ со слезами на глазахъ, обращались учтиво, такъ что нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось выслушивать самую искреннюю и сердечную благодарность. Плачь - адъютантъ крѣпости,

То же состраданіе къ участи обреченныхъ въ

адъютанты военного министра (Татищева), посланные быть свидетелями отправления приговоренныхъ въ Сибирь и обязанные слѣдить, чтобы съмыльные не вѣли при себѣ денегъ, передаютъ въ руки деньги свои собственные и довѣренныя имъ родными приговоренныхъ и отобранныя при арестѣ. Передавая деньги, эти люди усердно просили дать имъ новую комиссію, предлагали услуги передать какое либо порученіе роднымъ. Прощаясь, они обнимались и плакали. Солдаты и всѣ приставники сильно мирволили; одинъ офицеръ, видившій арестованныхъ гулять на берегу Невы у крѣпости, рекомендовалъ даже иностранное судно для побѣга за границу и обязывался устроить побѣгъ за 2 тысячи рублей для всѣхъ заключенныхъ.

Фельдъегери, садясь на переднюю тройку для открытія поѣзда (съ четырьмя тройками назади, на которыхъ сидѣли съмыльные по одному въ экипажѣ, съ однимъ жандармомъ на каждомъ), гнали во всю прыть только по Петербургу, за заставою же ѣхали обыкновенно рысью; на станціяхъ намѣренно медлили во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для свиданія встрѣчался съ путешественниками ихъ жены и родные. Иногда останавливались ночевать; цѣли на ночь позволяли снимать съ ногъ; служили поварами, завозили къ помѣщикамъ въ гости, когда ѣхали въ глушь Вятской и Пермской губерній; были покорными слугами. Жандармы также прислуживали съ готовностью и радостью, оправдываясь тѣмъ, что приказано-де обходиться вѣжливѣе и беречь здоровье. Смотрители на станціяхъ старались угодить, чѣмъ могли, накормить и напоить всѣмъ, что имѣли.

Одну партію (4-хъ человекъ) на станціи за Шлиссельбургомъ встрѣтила со слезами кучка женщинъ, предлагавшихъ деньги, бѣлье, платье; это была случайно проѣзжавшая помѣщица, ѣхавшая изъ ямъни съ дочерью въ Петербургъ. Другая партія (также изъ 4 человекъ) на почтовой станціи въ Рыбинскѣ, получившая позволеніе отдохнуть, нашла одну изъ двухъ комнатъ, съ диваномъ и кроватью, занятою проѣзжими и потому размѣстились на полу перной. Но лишь только они усѣли лечь, отворилась дверь соседней комнаты и проѣзжіи вышли оттуда съ двумя мальчиками, изъ которыхъ одинъ несъ подушку, другой—узелъ. На извѣненіе о безпокойствѣ, причиненномъ бражничествомъ кандаловъ, проѣзжіи учтиво отвѣчали: „Прошу васъ, господа, въ мое помѣщеніе, оно теплѣе и вы тамъ лучше отдохнете. Вашъ путь великъ, а мой только до Петербурга“. Незнакомцы этотъ былъ адмиралъ съ георгіевскимъ крестомъ, ѣхавшій отдавать своихъ сыновей въ Петербургъ въ кадетскій корпусъ. Пока эта партія собиралась обѣдать въ гостиницѣ, въ городѣ Ярославлѣ, на площади собрался народъ. Въ $\frac{1}{4}$ часа площадь пере-

полнилась народомъ такъ, что яблоку упасть было некуда. Начальство приняло мѣры предосторожности: у воротъ извѣтъ поставлены были съ обнаженными саблями жандармы; на тройки въ сани усаживались при запертыхъ воротахъ и, едва лишь послѣднія были отперты, съ быстротою птицы тройки полетѣли черезъ площадь. Одинъ изъ ѣхавшихъ едва успѣлъ поднять руку, чтобы снять шапку, какъ уже вся толпа обнажила головы и всѣ кланялись съ чувствомъ самаго искренняго участія. „О народній мести,— замѣчаетъ одинъ изъ свидетелей этой сцены:— и рѣчи быть не могло“. Слѣдовавшую за этою партію народъ продолжалъ убѣждать въ противномъ; толпясь около телегъ и повозокъ, онъ бросалъ свои мѣдные гроши. Одну копейку, полученную отъ нищей старухи, Николай Васильевичъ Васаргинъ хранилъ, какъ драгоценность. Въ Ярославлѣ одной партіи разрешено было губернаторомъ пробыть 6 часовъ и все время провести въ свиданіи съ родными; фельдъегерь не противился проводамъ родныхъ этихъ до слѣдующей станціи и не мѣшалъ сдѣлать книжные запасы. Когда случайно съѣзжались двѣ партіи, нѣкоторые фельдъегери не задумывались согласиться ѣхать вмѣстѣ и не мѣшали обмѣну мыслей долго не видавшихся другъ съ другомъ товарищей въ теченіи не одного дня (въ Иркутскѣ давалось прожить въ тѣсномъ кружкѣ товарищей болѣе недѣли). Въ городахъ чиновники, на станціяхъ этапные офицеры—всѣ относились съ участіемъ; во всѣхъ это участіе было неподдѣльно. Ямщики привязывали къ санямъ кибитки, бережно обкладывали ноги сѣномъ. Въ одномъ городѣ Вятской губерніи одной партіи проѣзжихъ сдѣлали обѣдъ и балъ; другая партія сама воспользовалась послѣднимъ уже въ Сибири. Видя освѣщенныя окна и соблазненные долетавшими до слуха музыкальными звуками, четверо товарищей подговорили фельдъегеря нарядиться „ряжеными“, въ видѣ медвѣды съ козою и проводниками, пришли на вечеринку, потанцовали, поужинали и, оставивъ хозяевъ въ недоумѣніи объ отличныхъ пришлыхъ танцорахъ, опять надѣли кандалы и поѣхали дальше на каторгу.

Дорогою путешественники избѣгали говорить по французски, зная, что фельдъегерямъ дано право, въ случаѣ нарушенія этого приказанія, оставить безъ обѣда. Тобольскій гражданскій губернаторъ, Вантышъ-Каменскій (издатель извѣстнаго въ литературѣ „Словаря“), дарилъ двухдневнымъ отдыхомъ, заботливо разспрашивалъ о нуждахъ, о здоровьѣ; полиціймейстеръ отлично угощалъ, предлагая до 12 сортовъ всякихъ рыбъ, живущихъ въ сибирскихъ рѣкахъ. Отъ Тобольска въ проводники выдавались уже чиновники, и Вантышъ, прощаясь съ проводниками, говорилъ послѣднимъ: „Примите арестантовъ, но помните, что вы имѣете дѣло

съ благовопитавными людьми“. Въ Тарѣ тѣмъ же гостеприимствомъ встрѣчалъ полиціймейстеръ Степановъ, кавказскій воинъ времени Ермолова, который, будучи привлеченъ къ отвѣту, умѣлъ отвѣчать коротко, что руководился заповѣдью христіанской любви. Въ Красноярскѣ жители следили за правою честью принять у себя проѣзжихъ и угостить ихъ; угощали самъ губернаторъ, Алек. Петров. Степановъ (авторъ „Потопаго двора“ и „Описанія Енисейской губерніи“). Кушцы, добившіеся чести накормить „несчастливыхъ“, принимали въ лучшихъ комнатахъ, угощали на русски всѣмъ, что было въ печи, топили бани, снабжали на дорогу винами и закусками. Въ Иркутскѣ самую первую партію приняли съ тою же ласкою, какою пользовались остальные. Исправляющій должность губернатора поговорилъ съ каждымъ съ участіемъ, но особенное вниманіе оказывалъ чиновникъ, бывшій свидѣтелемъ разговора. Когда старшіе удалились, онъ остался: со слезами на глазахъ, едва внятнымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, молилъ каждого изъ четырехъ не отказаться принять отъ него по 25 руб., не сдаваясь на убѣжденія, что въ деньгахъ путники не нуждаются. Одну изъ поздравившихъ партій въ Каянскѣ городничій, бывшій фельдшеръ, встрѣтилъ въ сопровожденіи двухъ людей, несшихъ огромную корзину съ винами и събѣтными припасами всякаго рода, и также убѣдительно приглашалъ принять деньги, говоря: „Ради Бога, примите! Нажилъ не совсѣмъ чисто—взятками. Возьмите, на совѣсти легче станетъ... Семейства у меня нѣтъ, беречь некому; избавите меня, сдѣлаете доброе дѣло“. Прочіе чиновники и купечество, по возможности, старались успокоить и доставить развлеченія во время короткаго пребыванія въ городахъ и „никакимъ словомъ, никакимъ поступкомъ не оскорбили въ насъ того чувства собственнаго достоинства, которое неизмѣнно нами сохранилось“.

Первую партію обвиненныхъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года, первыхъ восемь отправили въ Сибирь черезъ 11 дней послѣ исполненія приговора верховнаго суда надъ пятью приговоренными къ лишенію жизни. Сначала повели четырехъ: Евгенія Петровича Оболенскаго, Александра Ивановича Якубовича, Артамона Захаровича Муравьева, Василія Львовича Давыдова; потомъ остальныхъ четырехъ: Сергія Петровича Трубецкаго, Сергія Григорьевича Волконскаго и двухъ братьевъ Борисовыхъ (Петра Ивановича и Андрея Ивановича). По приѣздѣ двухъ первыхъ (Оболенскаго и Якубовича) отправили въ Иркутское-Усолъе, на соленаренный казенный заводъ (за 68 верстъ отъ города), двухъ вторыхъ (Муравьева и Давыдова) въ Александровскій винокуренный (также вблизи Иркутска). Къ этимъ присоеди-

нили потомъ братьевъ Борисовыхъ, а Трубецкого и Волконскаго отправили въ Николаевскій винокуренный заводъ. Поселили на заводахъ Иркутскаго округа потому, что не было предписанія отправить непремѣнно въ нерчинскіе рудники. Тюремщики, на сколько возможно было, старались облегчать ихъ участь: не запирали въ тюрьму и не смѣшивая съ преступниками. Они позволяли имъ жечь на вольныхъ квартирахъ, но невидимый полній надѣйскзоръ наблюдалъ за ними. Надзоръ этотъ давалъ себя чувствовать въ видимыхъ знакахъ осторожныхъ шаговъ, приближавшихся къ дому, и двухъ глазъ, которые можно было замѣчать сквозящими въ ставняхъ. Глаза эти видѣли немногое: либо обѣдъ и ужинъ, довольно, впрочемъ, сытные, хотя и не роскошные, иногда видѣли шапечную доску и шахматы; уши слышали: либо рассказы о прежней жизни, либо горячіе споры по поводу послѣднихъ событій, послужившихъ причиною несчастій.

Начальники старались быть не только ласковыми, но и внимательными, уступчивыми, снисходительными. Обязанные употреблять смыльные въ работу, старались заказывать ее только для формы; никакихъ притѣсненій не дѣлали. Съ казенными топорами смыльные обыкновенно отправлялись на дровосѣки. Вслугъ приказывалось нарубить дровъ по заводскому положенію, а вслѣдъ за тѣмъ на ухо и шопотомъ объявлялось, что должны ходить туда для прогулки и что урокъ, вмѣсто нихъ, исполненъ будетъ другими. Особенно отрадно были эти утѣшенія для тѣхъ, которые попадали на соленаренный заводъ и передъ ихъ глазами проходили настоящіе рабочіе, съ ногъ до головы покрытые солеными кристаллами, засохшими на бородѣ, на вискахъ и на платьѣ. Соленарнички работали безъ рубашекъ, по причинѣ необычайной жары, наполнявшей варницу съ казеннымъ до красна чреномъ (сковородою) и подвергались всѣмъ опасностямъ ревматизмовъ, отсутствія аппетита и проч. и всѣмъ тяжестимъ труда, требовавшимъ выливать изъ соленого источника большое число ушатовъ рассола въ варницу ежедневно, безъ праздничныхъ дней. Передъ поселенными на винокуренныхъ заводахъ стараго допотопнаго дѣла такіе же живые люди дѣлые дни стояли въ удрученномъ жару въ жиганахъ около печей или въ затощивахъ у квашни, когда намоченныя руки забнужь тѣкимъ, невыносимымъ ознобомъ, а вся одежда покрывается инеемъ, куржавѣетъ, показывая въ перспективѣ лихорадка, постоянную дрожь во всемъ тѣлѣ и то же отсутствіе аппетита. Эта чапа прошла мимо. Особенно искусно отстранялъ ее Крюковъ—начальникъ Усолъя, служившій вызвать благодарности слова на память потомству отъ обонихъ лицъ, доверившихъ его доверу и воспользовавшихся его вполнѣ гуман-

нымъ обращеніемъ. Такимъ льготамъ суждено было продолжаться не долго; срокъ перваго назначенія тянулся лишь одинъ мѣсяць съ нѣсколькими днями, вскорѣ всѣхъ восьмерыхъ свезли снова въ Иркутскъ и порадовали только взаимнымъ свиданіемъ. Успѣли ихъ угостить чаемъ, завтракомъ—и на свѣжихъ тройкахъ немедленно отправили въ нерчинскіе рудники, черезъ Байкалъ. Однихъ успѣли перевести на двухмачтовомъ низенькомъ суднѣ, другихъ—по такъ называемой „кругомерской дорогѣ“ сухопутнымъ и подъ дозоромъ тѣхъ же добрыхъ людей казаковъ, „готовыхъ оказать всякую помощь и всякую услугу“, привезли всѣхъ въ Владодатскій рудникъ. На дорогѣ слышные успѣли воспользоваться еще кое-какими знаками участія: въ одномъ мѣстѣ, за Верхнеудинскомъ, на перевозѣ и на ночлегѣ получали хлѣбъ—соль отъ одного старика-старожила; въ другомъ мѣстѣ (въ селѣ Бякинѣ) тамошній богатый (знаменитый въ Сибирь Кандинскій) угостилъ роскошно съ полнымъ радушіемъ, и только опасеніе не ввести проводниковъ (казачьихъ офицеровъ) въ отвѣтственность помѣшала проѣзжимъ воспользоваться радушіемъ богатыхъ хозяевъ вполнѣ.

Въ Владодатскомъ рудникѣ оказалась для пріѣзжихъ новая казарма, нарочно для нихъ приготовленная. Здѣсь ожидало ихъ грубое обращеніе начальника нерчинскихъ заводовъ, сожалѣвшаго о томъ, что ему приказано было заботиться о здоровьѣ государственныхъ преступниковъ; однако, три дня дали отдохнуть и оглядѣться. Казарма оказалась строеніемъ состоящимъ изъ двухъ избъ: передняя—для караульныхъ, задняя—тюрьма съ огромною русскою печью на лѣво и съ тремя чуланами на право, отдѣленными другъ отъ друга досчатыми перегородками. Въ чуланы вели двѣ ступеньки, каждый былъ снабженъ дверью. Двери не запирались; обѣдали, пили чай и ужинали всѣ 8 вмѣстѣ; въ чуланахъ разиѣстились такъ, какъ дозволяла тѣснота и неудобства. Въ этихъ своихъ конурахъ они съ трудомъ могли двигаться и испытывали тѣ муки, какія доставляютъ тюремныя наѣкомыя, буквально покрывавшія ихъ въ новомъ зданіи съ ногъ до головы. По рассказамъ этихъ страдальцевъ, они доставали скинхидару, натирали имъ все тѣло и лишь добывались новыхъ мукъ, когда все тѣло горѣло и кожа лоскутками слезла прочь. Внутренній караулъ изъ горнаго унтеръ-офицера съ тремя рядовыми назначенъ былъ для безсмысленнаго наблюденія. На работахъ были раздѣлены: всѣхъ распредѣлили по разнымъ шахтамъ тотчасъ, какъ кончился срокъ трехдневнаго отдыха. Дали каждому по каторжному въ товарищи и руководители, на каждую такую пару по саловой свѣчкѣ въ фонарѣ, одному—кирку, другому товарищу—молотъ. „Ра-

бота предлагалась не хитрая и была не тягостна,—увѣряетъ одинъ изъ 8-ми:—подъ землею вообще довольно тепло, но когда нужно было согрѣться, я бралъ молотъ и скоро согрѣвался“. Руководители и наставники превратились въ помощниковъ и за глазами дозорщиковъ не разъ, въ порывѣ усердія, исполняли за нихъ урочную работу; и все это дѣлали безъ надежды возмездія. Знаменитый разбойникъ, красивый богатырь Орловъ, всякій разъ при приближеніи „князей“, заивалъ съ товарищами звучнымъ и серебристымъ голосомъ заунывному пѣсни, предугадывая мысли и перенося слушателей въ далекую покинутую родину *). „Въ одиннадцать часовъ звонокъ возвѣщала окончаніе работы и мы возвращались въ казарму (выходя изъ нее въ 5 часовъ утра). Начинаясь приготовленія къ обѣду, артельщикомъ былъ нами выбранъ Якубовичъ, какъ самый опытный по военно-кухонной части“. Изъ отобранныхъ денегъ выдавали часть на нужды и требовали отчетъ. „Денегъ осталось весьма мало, всякій отдавалъ изъ своихъ, что хотѣлъ, и никто не требовалъ большаго противъ того, что было нами показано“. „Большое утѣшеніе для насъ было то, что мы были вмѣстѣ; тотъ же кругъ, въ которомъ мы привыкли, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, мѣнялся мыслями и чувствами, перенесетъ былъ изъ петербургскихъ палатъ къ нашу убогую казарму. Все болѣе и болѣе мы сближались и общее горе скрѣпило еще болѣе узы дружбы, насъ соединявшей“. Весь вечеръ для заключенныхъ былъ свободенъ.

Сюда же, вслѣдъ за мужьями, прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытіе ихъ благотвительно подѣйствовало на всѣхъ, съ ними образовалась семья. При ихъ участіи началось и укрѣпилась связь съ покинутыми родными и близкими сердцу посредствомъ наѣстій и тайной переписки; своими руками онѣ шли все, что находили необходимымъ для каждаго изъ 6-ти чужихъ; онѣ же выдумывали и приносили въ тюрьму импровизированныя блюда (когда в „недопеченный хлѣбъ казался вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника“); онѣ же хлопотливо закупали все, что нужно было товарищамъ. „Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіи столькихъ лѣтъ, которые ими посвящены были попеченіямъ о своихъ мужьяхъ, а вмѣстѣ съ ними и объ насъ; словомъ, здѣсь, въ Владодатскомъ рудникѣ, эти первыя („высокія по сердцу и по характеру“) русскія женщины начали первые шаги къ той великой миссіи служенія, которая, въ лицѣ ихъ, обнаруживаетъ неисчерпаемое богатство русской женской природы.

*) Близьями называли по тому, что во многихъ партіяхъ были князья: Оболенскій, Вартановскій, Шелывъ-Ростовскій, Трубецкой, Волконскій, Шаховской, Одоевскій, еще-Оболенскій.

способной на человеколюбие и помощь до жертвы, на любовь до самоотвержения. Въ лицѣ ихъ русскія женщины имѣють наилучшихъ представительницъ, душевныя качества достигли въ нихъ до апогея. Въ дни и часы, дозволенные для свиданій, онѣ своимъ присутствіемъ оживляли тѣсныя и душныя клѣтки; въ другіе свободныя часы имѣ выносили два стула на улицу; онѣ сажались противъ единственнаго окна и проводили часть и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями. Однажды одна изъ нихъ (Екат. Иван. Трубецкая) пришла на свиданіе съ мужемъ въ изношеныхъ, истертыхъ ботинкахъ и, въ трескучій морозъ, зазнобила ноги; все это оттого, что изъ новыхъ и теплыхъ ботинокъ она сбила одному изъ товарищей мужа шапочку для головы, смядивъ уже таковою мужа, чтобы уберечь волосы отъ руды, которая сыпалась при каждомъ сотрясеніи горы ударами молотомъ.

Оба эти явленія поучительны въ жизни нашихъ ссыльныхъ; и высокая миссія женщинъ, подымающая нравственныя силы изгнанниковъ, и организація внутренней общины съ артельнымъ началомъ, вполнѣ обезпечившая матеріальный бытъ,—съ наибольшою полнотою и въ совершенной законченности обнаруживались позднѣе на все то время, когда всѣ товарищи соединены были вмѣстѣ, сначала въ Читѣ, потомъ въ Петровскомъ заводѣ. До этого соединенія участь первая въ восьми, до извѣстной степени облегченная въ началѣ, къ концу времени пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ, вопреки законамъ укрѣпленія и возростанія гарантій, сдѣлалась болѣе тѣсною; произволъ одного изъ горныхъ офицеровъ, Рика, назначеннаго для ближайшаго надзора, прекратилъ сношенія товарищей тѣмъ, что заперъ чуланы и запретилъ общій столъ и ужинъ. Отчаяніе одиночества въ душныхъ клѣткахъ (по 3 аршина длины и по 2 ширины) вынудило рѣшительную мѣру: заключенники рѣшились не принимать пищи. Это рѣшеніе принято было за бунтъ; горячій приказникъ велѣлъ уже солдатамъ пустить въ дѣло штыки и приклады. Въ глазахъ горнаго начальника (Бурнашева) представлялась цѣлая опасная бездѣя ответственности, но находчивость и благоразуміе взяли верхъ. Горный начальникъ послѣдшилъ показаться грознымъ въ виду свидѣтелей, но чуланы отперъ, а вскорѣ послѣдшилъ удалить и виновника неирриности, давъ ему другую командировку. Мужьямъ облегчено свиданіе съ женами въ ихъ собственной квартирѣ, весною дано позволеніе всѣмъ на прогулки въ окрестностяхъ завода, даже на 9 верстъ до береговъ Аргуни, но работа измѣнена и сдѣлалась болѣе тѣсною и трудною. На мѣсто подземной назначена новая на поверхности горы въ рудораздѣльной свѣтлицѣ; вечеръ пересталъ быть свободнымъ. Ссылные обязаны были носить въ уродливыхъ и тяже-

лыхъ носилкахъ руду съ мѣста раздѣла на складочное. Надо было проходить шаговъ 200, перетаскать до 30 носилокъ и, считая по пяти пудовъ въ каждой, полтораста пудовъ могли казаться возможными только для привычныхъ и сильныхъ. Не всѣ были въ состояніи исполнить урокъ: въ 11 часовъ работа кончалась, но въ часть звонокъ призывать на новую до 5 или 6 часовъ вечера. Прогулки на Аргунь прекратились, на ихъ мѣсто сталъ обязательный необходимый отдыхъ. Когда назначенъ былъ для всѣхъ государственныхъ преступниковъ новый комендантъ Лепарскій, ихъ свезли въ кузницу и заковали въ ножныя бандалы. Военный караулъ былъ усиленъ: изъ 3 казаковъ стало 12; горный начальникъ и чиновники стали бояться оказывать снисхожденіе; казаки почувствовали ту же самую необходимость. Между военными и горными властями установился, такимъ образомъ, взаимный контроль, отразившійся на увеличеніи наибольшими стѣсненіями, хотя Лепарскій, посѣтившій Благодатской рудникъ, былъ учтивъ и ласковъ и далъ надежду на улучшеніе участи. Такъ текли дни за днями, пока строился новый острогъ въ Читѣ и наполнялся товарищами, свозимыми туда изъ разныхъ крѣпостей Россіи. Въ то время, когда этихъ 8 препроводили въ Сибирь, нѣкоторыхъ другихъ изъ переполненной Петропавловской крѣпости перевезли въ крѣпостныя тюрьмы въ Шлиссельбургъ, въ Роченсальмъ, Свеаборгъ, Нейшлотъ, Свартгольмъ, Выборгъ и на Аландскіе острова *). Оставлены были въ крѣпостяхъ, въ видѣ милости, пятеро: Ватенковъ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ — поэтъ, Іосифъ Поджіо, В. Норовъ и Дивовъ (послѣдній въ крѣпости и умеръ); первый пробылъ въ одиночномъ заточеніи 20 лѣтъ, трое другихъ около 10-ти **). Они свидѣлись съ товарищами уже

*) Такъ, между прочими: Ив. Дмит. Якушкина, Матв. Ив. Муравьева - Апостола, Алек. Алек. Бестужева (Марлинскаго), Антона Петр. Арбузова и Тютчева перевезли въ Роченсальмъ. Здѣсь ихъ содержали въ форть «Слава» весною душно, въ сырыхъ, темныхъ казематахъ; кормили гнилою вегетивою, хлѣбъ давали не всегда вымоченный, вѣтеръ съ моря соловилъ воду единственнаго колодца. У Бестужева и Муравьева оттого появились солитеры. Когда Бестужевъ угорѣлъ до обморока, рѣшились не запереть каземата. Въ Выборгѣ Мих. Сер. Луинъ отъ скорбута потерялъ всѣ свои зубы, кромя одного. Вмѣстѣ съ Луиннымъ содержались въ Выборгѣ Митковъ и Мухановъ; въ Кекегольмѣ: Поджіо, Вадковскій, Барятинскій, Горбачевскій, Вил. Кюхельбекеръ; въ Шлиссельбургѣ: Юшневскій, Н. и М. Бестужевы, Дивовъ, Пестовъ и Пушкинъ. Изъ форта «Слава», по случаю рожденія великаго князя Константина Николаевича, освободили А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Муравьева и увезли сначала Бестужева (въ Якутскъ на поселеніе вмѣсто каторги), потомъ Матаѣя Иван. Муравьева - Апостола.

**) Г. С. Ватенковъ не отправленъ въ Сибирь, потому что имѣлъ тамъ связи, какъ сибирякъ и какъ служившій тамъ.

въ Сибиря. Въ Читѣ имъ жить не привелось.

Послѣ коронаціи учрежденъ былъ особенный комитетъ (Чернышевъ, Дибичъ, Бенкендорфъ и др.) для составленія устава относительно заключенія и содержанія государственныхъ преступниковъ. Мѣстомъ для заключенія былъ избранъ Акатуйскій серебряный рудникъ, въ немъ былъ уже заложень фундаментъ острога, но такъ какъ постройка тюрьмы должна была продолжаться года два или три, то поэтому и назначили на время Читы. Мыслью поживитися всѣмъ мѣстѣ обязаны были товарищи, какъ думаютъ они, генераль-губернатору Лавинскому, случайно бывшему въ Петербургѣ. Лавинскій умѣлъ объяснить необходимость сосредоточенія всѣхъ въ одномъ казематѣ для лучшаго надзора. Разъединенные по заводамъ, какъ первые 8, при недостаткѣ и трудности наблюденія, они, по мнѣнію Лавинскаго, могли быть не безопасными для всего края. Та же коммиссія выработала правила для содержанія государственныхъ преступниковъ, каковыя и переданы были вызванному въ Москву Лепарскому, только что произведенному въ генераль-майоры.

Станиславъ Романовичъ Лепарскій былъ назначенъ комендантомъ съ большими полномочіями. До того времени онъ былъ командиромъ конно-егерскаго Сѣверскаго полка, котораго шефомъ былъ императоръ Николай Павловичъ, будучи великимъ княземъ. Онъ лично зналъ Лепарскаго за человѣка, отличавшагося образованностью и теплымъ сердцемъ; если въ какомъ либо полку случались неприятности, вынуждавшія переводъ офицеровъ, то всегда такъ называемыхъ безпокойныхъ головъ переводили къ нему въ полкъ, онъ со всѣми умѣлъ ладить, никого не оскорбляя, и не имѣлъ враговъ. Лепарскій былъ уже очень старъ: при Кагулѣ онъ былъ въ ординарцахъ у Румянцева, въ конфедератскую войну былъ уже майоромъ. Полякъ по происхожденію, человѣкъ знатной фамиліи по рожденію, онъ воспитывался въ полоцкой іезуитской школѣ и былъ человѣкомъ ловкимъ и образованнымъ: зналъ латынь, свободно выражался по французски и по нѣмецки. Еще въ молодости ему поручено было вести въ Сибирь польскихъ конфедератовъ и онъ такъ ловко исполнилъ это порученіе, что извѣстность его въ этомъ отношеніи была именно такова, что не приводилось дѣлать выбора помимо его. „Въ Сѣверскомъ полку онъ былъ извѣстенъ, какъ кроткій, свисходительный начальникъ и, вообще, былъ любимъ и сослуживцами и подчиненными“. „Не смотря на то, что всю жизнь провелъ въ отдаленныхъ гарнизонахъ, онъ все-таки шелъ впередъ, благодаря своему хорошему образованію“. „Не смотря на преклонность лѣтъ и на странность пріемовъ, онъ былъ человѣкъ очень не глупый и умъ у него былъ еще свѣжъ, а что и того лучше, сердце у него было совер-

шенно на хѣстѣ, нѣсколько не стариковское“. Малишнюю, иногда мелочную придирчивость ему прощали; прощали и грубость, которую нѣрѣдко позволялъ онъ въ отношеніяхъ съ бѣднѣйшими изъ товарищей. Это многими дало поводъ находить, что онъ мало заботился о матеріальномъ положенія массы и былъ лицепріятель лишь къ избраннымъ, сильнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Самъ онъ не имѣлъ надобности користоваться, будучи 80 лѣтъ, не имѣя семьи и получая содержанія больше генераль-губернаторскаго, во не умѣлъ преграждать злоупотребленія своихъ приближенныхъ. При постройкѣ Петровскаго каземата въ его глазахъ произведено самое безцеремонное воровство. Въ Россіи его узнали за такого исполнителя, который не отступить ни передъ чѣмъ, не задумается привести въ исполненіе никакое предписаніе. Такъ было онъ пробовалъ дѣлать сначала, осуществляя правило: какъ можно меньше дѣлать для массы, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣлать исключенія для нѣкоторыхъ; вполнѣ устоять ему въ этомъ не удалось. Такъ понимали его люди, зависѣвшіе отъ него, и такъ характеризовали его бывшій иркутскій генераль-губернаторъ С. В. Броневскій: „Онъ прослужилъ въ кавалеріи 50 лѣтъ, завѣстель всей арміи отличными заслугами, честностью и добротой. Лучшаго выбора невозможно было сдѣлать. Это была эмблема доброты и кротости при твердомъ и непоколебимомъ исполненіи долга. При сдѣланномъ ему предложеніи ѣхать въ такую даль, нѣсколько не колебался. При бремени лѣтъ (ему было болѣе 75-ти), при бремени ранъ и болѣзней, онъ хладнокровно говорилъ, что ему кости свои суждено сложить за Байкаломъ, и за нѣсколько лѣтъ до кончины на горѣ, вѣсившей надъ казематомъ (въ Петровскомъ заводѣ), приговорилъ себя могилу и утвердилъ крестъ. Предчувствіе не обмануло его *). Онъ получалъ порядочное содержаніе и частыми черезъ годъ наградами онъ и его штатъ забыты не были“.

Снабженный строгими предписаніями отъ комитета, Лепарскій былъ отправленъ въ Читы, чтобы распорядиться тамъ поживленіемъ декабристовъ. Въ Иркутскѣ, по его требованію, была сформирована команда съ приличнымъ числомъ офицеровъ; назначенъ священникъ собственною для этихъ ссыльныхъ и команды и врачъ. Черезъ три дня, чтобы не задерживать почтовыхъ лошадей и не затруднять содержателей и проѣзжихъ, стали отпралять новыя партіи, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ отправки первыхъ двухъ партій. Партіи эти снова состояли изъ пяти троекъ и четырехъ человѣкъ обвиненныхъ.

Съ тѣмъ же подробностями разъ установившихся пріемовъ отпраляла командиры крѣ-

*) Онъ кончилъ жизнь въ 1837 году.

постей каждую партію, объявля приказаніе исполнить приговоръ верховнаго суда и отправить въ Сибирь, но безъ заявленія о мѣстѣ назначенія. До Иркутска смельные не знали о послѣдней и только тамъ объявлялась имъ Чита, и то при содѣйствіи людей, расположившихся въ ихъ пользу и рѣшавшихся тайно объявить имъ объ этомъ секретѣ. Сообщали офицеры, солдаты семеновцы, высланные за известную исторію этого полка (осенью 1821 года), мѣстные чиновники, казаки и сами приставники. Сажали въ сани (была уже зима), надѣвъ предварительно кандалы, которые для удобства позволяли подвязывать бичевками, снятыми съ перьевъ *). Немущимъ выдавали казенное бѣлье, тулупы и чеподаны съ 2 парами шерстяныхъ носковъ, теплыми сапогами, шапкою, курткою и брюками въ толстаго солдатскаго сукна; на другихъ, богатыхъ, собственные французскіе сюртуки, фракы отъ перваго портного (Вату), теплыя медвѣжья шубы, на ногахъ овчинныя одѣяла и проч. Везли съ особенною поспѣшностію и скупались на отдыхъ въ той мѣрѣ, насколько позволяли силы невольниковъ, ставшія въ тѣ же условія съ силами провожатыхъ. На личномъ произволѣ фельдъегерей лежали тѣ или другія льготы, изъ которыхъ главныя состояли въ томъ, что по дорогѣ перестали рассаживать товарищей въ отдѣльные экипажи. Изъ лучшихъ расчетовъ фельдъегери сокращали число троекъ до четверекъ, а прогоны за пятую опускали въ собственной карманъ. Не мало загнали лошадей по дорогѣ, не мало избили ямщиковъ, не мало надѣлали неприятностей содержателямъ и смотрителямъ, хотя губернаторы продолжали спрашивать о томъ, какъ ведутъ себя фельдъегери. Многие отличались жестокостію и сребролюбіемъ; не рѣдко препровождаемые ими платили за то, чтобы фельдъегери не замучивали крестьянскихъ лошадей. За деньги же они служили поварами, завозили къ помѣщикамъ въ гости и проч. Особенно отличался фельдъегерь Черновъ: прогоны не платилъ, кормилъ однихъ молокомъ и простоквашею, нигдѣ не давалъ отдохнуть, гоня въ хвостъ и гриву, такъ что, наконецъ, путники потребовали у него инструкцію и ес-

*) Способъ препровожденія послужилъ предметомъ долговременныхъ несогласій; предпочли почтовую тройку потому, что предполагали ослабить надежду и вѣроятіе побѣговъ, разчитывали избавить отъ дальняго похода; другіе полагали спасти отъ народной мести; многие одобряли этотъ быстрый способъ въ расчетѣ предотвратить распространеніе въ народѣ революціонныхъ идей. Тѣмъ не менѣе, офицеры Черняговскаго полка, члены южнаго общества, отправлены были въ Сибирь вѣшномъ, по этапамъ. Такъ, между прочимъ, шли по этапу Игельстроимъ, Вигеленъ и полякъ Рукевичъ; они прибыли въ Читѣ передъ отправленіемъ 7-го разряда на поселеніе.

ли въ ней нѣтъ положительнаго приказанія убить, то общались жаловаться въ первомъ же городѣ. При угрозахъ онъ на одинъ день стихалъ, но потомъ снова принимался за свое и проч. Исключеніе составлялъ Воробьевъ, не увлекавшій себя выгоды изъ порученія и не продававшій своихъ заботъ за деньги. Народъ продолжалъ оказывать сострадательное участіе. власти—вниманіе, умѣвнее переходить изъ общаго мѣста официальныхъ вопросовъ въ самые факты благотворной помощи.

Первымъ партіямъ, прибывшимъ въ Читѣ въ январѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1827 г. *), досталось старое строеніе, очень низкое, темное и сырое; послѣдующимъ—маленькій тѣсный домикъ на другомъ концѣ селенія. Оба дома были обнесены высокимъ частковоломъ. По мѣрѣ прибытія новыхъ партій изъ финляндскихъ крѣпостей въ августѣ 1827 г., помѣщеніе въ этихъ домахъ сдѣлалось очень тѣсно; казематы еще не были готовы. Новый казематъ оказался недостаточно помѣстительнымъ, такъ что и прежніе дома оставались все время занятыми. Лазаретъ былъ устроенъ сначала въ маленькомъ домѣ крестьянина Голубева, на одной половинѣ. Онъ состоялъ изъ одной комнаты и не могъ служить болѣе, какъ для двухъ человекъ. Въ него ходили по очереди, чтобы отдохнуть отъ тѣсноты и шума. Такимъ образомъ, подъ конецъ въ Читѣ были три каземата, № 1, 2 и 3, и лазаретъ съ аптекою въ домѣ, особо выстроенномъ уже въ слѣдующемъ году. Здѣсь помѣстился отдѣльно отъ прочихъ товарищей докторъ Вольфъ.

Прибывавшихъ въ Читѣ принимали: капитанъ линейнаго батальона, плацъ-адъютантъ, писарь и нѣсколько караульныхъ. Они отбирали деньги, драгоценности, свидѣтельствовали вещи, ишки, книги и все записывали и сдавали въ канцелярію. При разпросѣ старались обходиться грубо:

— Что тамъ у тебя на пальцѣ?—грубо кричалъ линейный капитанъ одному изъ прибывшихъ.

— Обручальное кольцо.

— Далой его!

Приважій учтиво возразилъ, что ему дозволялось носить кольцо въ Зимнемъ дворцѣ, въ крѣпости и что, вообще, носить его не запрещено.

*) Прибыли въ Читѣ сначала сидѣвшіе въ отдаленныхъ крѣпостяхъ, потомъ содержавшіеся въ Петропавловской. Вотъ отчасти партіонное сотоварищество, въ составѣ котораго велики уакизовъ въ Сибирь. Одна партія: Якушкинъ, Арбузовъ, Вестужевъ (Марлинскій), Тютчевъ, М. Муравьевъ. Другая: Пушкинъ, Поджіо, Мухановъ; третья: М. А. Вестужевъ, Н. А. Вестужевъ, Баратинскій, Горбачевскій; четвертая: Фонгазинъ, Вольфъ, Васаргинъ, Фроловъ; пятая: Нарышкинъ, Лореръ, два брата Балаевы и Розенъ; шестая: Рѣпинъ, Глѣбовъ, Кюхельбекеръ; и т. д.

— Долой его, говорю тебѣ!

— Возьмите кольцо вмѣстѣ съ пальцемъ!

Этотъ же человѣкъ, нагрубивъ другой партіи приказать, ввелъ въ комнату, приставивъ къ ней караулъ и комнату заперъ, оставивъ всѣхъ безъ огня. Слыша за стѣною знакомые голоса товарищей, ихъ разговоръ, ничѣмъ не могли уклонять свиданія съ ними.

Къ стѣсненіямъ навѣтъ вскорѣ не замедлила присоединиться тѣснота внутри ялицы, изъ которыхъ одно наскоро было превращено въ казематъ изъ наемной крестьянской избы, огороженной высокимъ заборомъ. Между ними и избою оставался двухсаженный промежутокъ, съ трудомъ исполнявшій роль мѣста для прогулокъ, затруженныхъ, сверхъ того, неуклюжими кандалами. Въ одной комнатѣ въ 8 аршинъ длины и въ 5 ширины жило 16 человѣкъ; въ другой такого же размѣра—то же число; въ маленькой третьей—четверо. Всѣ курили табакъ, вондухъ былъ тяжелый и становился невыносимымъ, когда послѣ солнечнаго заката зашпирились двери и окна. Спали на нарахъ, на войлокахъ, подъ которыми прятали свои теоданы и сапоги; на нарахъ каждому приводилось не болѣе $\frac{3}{4}$ аршина, такъ что перевертывавшійся съ боку на бокъ толкалъ и будилъ сосѣдей. Цѣли оставались на ногахъ и спинались только на то время, когда водили въ баню и къ причастію. Въ казематахъ шумъ отъ нихъ мѣшалъ разговорамъ. Когда въ концѣ мая оттаяла земля и могли приступить къ работамъ, земляныя работы на свѣжемъ воздухѣ показались истиннымъ блаженствомъ, удвоеннымъ еще, сверхъ того, возможностью свиданія съ товарищами, сидѣвшими въ тѣснотѣ и дуротѣ второй тюрьмы. Свиданіе повторялось по два раза въ день: утромъ отъ 8 час. до 12-ти и вечеромъ отъ 2-хъ до 5-ти. На работы изъ всѣхъ казематовъ отправляли подъ конвоемъ по 16-ти человѣкъ. Заставили рыть фундаментъ для новой тюрьмы и частоколы и ямы для погребовъ. Когда не всѣхъ привезли, работы не было послѣ обѣда въ субботу для бани, когда же число работниковъ увеличилось, то ходили въ баню по очереди, по четыре человѣка и въ пятницу и въ субботу*). Принесли заступы, тачки, носилки, лопаты, молоты и проч., и такъ какъ работа эта напоминала ту, которою были обязаны швейцарцы, нѣкогда принужденные строить для самихъ себя тюрьму, то и печально читинское зданіе получило названіе Цвингъ-Ури. Только воскресенье и пятница были днями свободными отъ этихъ работъ. Когда былъ вырытъ фундаментъ и ямы для ограды, заставили закопать оврагъ на большой дорогѣ пескомъ и землею. Но такъ какъ Чита, вслѣдствіе своего исключительнаго возвышеннаго положенія, вмѣстѣ съ чистымъ воздухомъ

и почти постоянно ясамъ небожъ отличается августовскими грозами съ проливными дождями, то и земляная работа въ рывинахъ могла казаться безконечною: въ нѣсколько часовъ дождь затоплялъ улицы, а вода, несшаяся по скату горы, на которой была неладно прилажена эта Чита, разрывала глубокія лощины и уносала послѣдніе слѣды трудовъ цѣлаго лѣта. Чтобы обезпечить ихъ, принуждены были выстроить бревенчатую плотину. Это мѣсто оврага получило на языкѣ сомыныхъ прозваніе Чертовой могилы; съ мая до сентября зарывали эту могилу. Съ сентября до мая водили по два раза въ день въ особенное строеніе, гдѣ прилажены были ручные жернова: на нихъ каждый обязанъ былъ смолоть два пуда муки; не желавшіе сами работать нанимали сторожей. Чтобы сприсялась работа, чтобы не надрывала сердце шуркотня жернововъ, бѣли пѣсни подъ руководствомъ товарища, отличавшагося капальмистерскими способностями. Лучше всего удавалось пѣніе церковныхъ композицій Бортыянского, но Александръ Ивановичъ Одоевскій, извѣстный въ литературѣ поэтъ, на голосъ русской пѣсни: „Во саду ли, въ огородѣ“, придумалъ особенную, специально прилаженную къ этому невинному, но и незглаголюму занятію; пѣли италянскую пѣсню „Un pescator del onde“ и проч., съ темпомъ тихаго марша, и проч. *).

Въ сентябрѣ 1827 года окончена постройкою новая тюрьма и въ нее переведена была наибольшая часть заключенниковъ: изъ ближняго перенесли вещи на рукахъ, изъ дальняго (впослѣдствіи № 3) привозили вещи на телегахъ. Перешли безъ всякой церемоніи, переходили порознь, каждый при своихъ вещахъ. Вскорѣ присоединены были къ этимъ и тѣ восемь, которыхъ привезли изъ Благодатскаго рудника. Ихъ принималъ плацъ-маіоръ, племянникъ Лепарскаго, часовеи дали свободный путь въ ворота и они бросились въ объятія друзей и товарищей. Теперь оказались всѣ налицо и всѣ вмѣстѣ; ихъ распредѣлили по пяти отдѣленіямъ тюрьмы, но не по порядку категорій, а уже по произволу коменданта. Въ одной комнатѣ сгруппированы были всѣ прибывшіе изъ Благодатска, ее назвали Псковомъ—пригородомъ Новгорода: жильцы ея заранѣе отказались отъ голоса и объявили себя согласными во всемъ съ Новгородомъ; другую назвали Москвою или барскою комнатою, потому что большая часть въ ней жильцовъ были богатые, съ

*) Въ одномъ изъ прежнихъ казематовъ оставлено было 15 человѣкъ, другой старый казематъ или губа, состоящая изъ двухъ большихъ комнатъ, вмѣщала за перегородкою аптеку. Въ средней маленькой поселился докторъ Вольфъ. Въ немъ же дозволялись свиданія женъ съ мужьями, что, впрочемъ, вскорѣ дозволено было на собственныхъ квартирахъ женъ, куда мужья отсылались подъ конвоемъ.

*) Баня была наемная въ крестьянской избѣ.

барскими наклонностями; третью назвали Новгородомъ, за то, что въ этомъ казематѣ столько же говорили и шумѣли о политическихъ вопросахъ, какъ нѣкогда на вѣчахъ, и сгруппировались люди независимые. Четвертая комната названа была Вологодю: въ ней жили изъ общества „Соединенныхъ славянъ“ — люди наименьшаго образованія сравнительно съ прочими товарищами. Новыя помѣщенія стали опрятнѣе, но не были просторными; мѣсто нарѣ заступила кровать, сдѣланная на собственный счетъ заключенными. Можно было подметать полъ, но между столомъ и кроватями было такъ тѣсно, что когда шелъ на улицѣ дождь и загонялъ всѣхъ въ комнату, имъ приходилось сидѣть на своихъ мѣстахъ. Большой казематъ былъ невообразимо дурно построенъ: рамы съ желѣзными рѣшетками были непосредственно вставлены въ стѣну и стекла зимою покрывались всегда толстымъ слоемъ льду, увеличивавшимъ полумракъ казармы. Она состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ темными стѣнами; каждая половина изъ двухъ большихъ комнатъ, не имѣющихъ сообщенія помимо корридора. Пятая комната была собственно столовая; но для облегченія тѣсноты позволили и въ ней помѣститься. Въ каждой помѣщалось отъ 15 до 20 человекъ, у каждаго — особая кровать и столикъ, въ серединѣ — большой столъ и скамейки. Всѣ эти неудобства оправдывали тѣмъ, что читинскіе казематы строены неумѣлыми руками плохихъ сибирскихъ плотниковъ, къ тому же не добровольно принявшихся за топоръ, а по вызову и приказу начальниковъ. Въ сущности, казематъ этотъ не возбуждалъ серьезныхъ заботъ начальства потому, что онъ также былъ временный. Въ это же время строили большой и новый въ другомъ мѣстѣ. По донесеніямъ и настояніямъ Лепарскаго о неудобствахъ заточенія въ Акатуй, мысль объ этомъ была оставлена. Акатуйская яма показала Лепарскому и страшною и нездоровою. Самому коменданту предоставленъ былъ выборъ мѣста: онъ остановился на Петровскомъ желѣзномъ заводѣ и постройка каземата началась тамъ въ годъ прибытія ссыльныхъ въ Читѣ, а окончилась лѣтомъ 1830 г. Къ несчастію, выборъ мѣста провазведенъ былъ Лепарскимъ издала, съ горы: зеленый лугъ оказался мокрымъ болотомъ. Такимъ образомъ, большинству привелось прожить въ Читѣ три года и 7 мѣсяцевъ. Чита изъ бѣдной деревушки, носившей въ официальныхъ бумагахъ названіе острога, а на языкѣ мѣстныхъ жителей имя плотница *),

превратилась въ порядочное селеніе, обязанное своимъ вѣншиимъ благоустройствомъ личнымъ трудамъ декабристовъ, прорывшихъ канавы, засыпавшихъ овраги, а внутреннимъ заботою поднявшимся благосостояніемъ жителей, бѣдныхъ заводскихъ крестьянъ, тѣми денежными пособіями, которыя переливались къ нимъ за удовлетвореніе настоящихъ нуждъ и различныхъ потребностей заключенниковъ. Селеніе это найдено было послѣднимъ состоящимъ изъ 300 душъ, жившихъ въ маленькихъ избахъ и занимавшихся кое-какъ и про себя земледѣіемъ и рыбною ловлею; за казенную землю они обязаны были жечь уголь и сплавлять его въ Нерчинскій заводъ. Все населеніе тѣсно и бѣдно помѣщалось въ 26-ти лачугахъ, которыми командовали три порядочныхъ дома, занятыхъ горными чиновниками и пригодившихся потому коменданту и плацъ-майору. Мѣстечко на рисункахъ одного изъ декабристовъ (Ник. Александровича Бестужева) является уже довольно красивымъ городкомъ, съумѣвшимъ собрать и употребить на собственную пользу значительныя средства изъ тѣхъ, которыя отпускались временнымъ читинскимъ гостямъ отъ казны и присылались богатыми родственниками. Одна улица города успѣла сохранить за собою даже до настоящаго времени прованіе Дамской, т. е. такой, на которой поселились въ частныхъ домахъ и до извѣстной степени способствовали приличному виду и внутреннему устройству пріѣхавшія за мужьями жены. Впослѣдствіи это мѣстечко не задумались избрать главнымъ городомъ для вновь организованной Забайкальской области и передать ему первенство, принадлежавшее до того городу Нерчинску.

Читинская жизнь заключенниковъ тянулась въ безутѣшномъ однообразіи: книгъ свачала было очень мало, писать строго воспрещалось, шахматная игра была единственнымъ развлеченіемъ между работою и сномъ. Въ хорошую погоду играли на дворѣ въ городки и бабки, не смотря на то, что важныя казенныя украшенія мѣшали во многомъ этому гимнастическому упражненію. Хотя можно было достать еще карты, но игру эту заусловились изгнать и, положивъ строгій запретъ на нее, съумѣли на томъ устоять со всею твердостью героизма. Въ большомъ казематѣ стало веселѣе и разнообразнѣе уже по той причинѣ, что всѣ, соединившись вмѣстѣ, могли направить соединенныя силы на того опаснаго врага, который называется тоскою заточенія, лишеніемъ свободы и выходить на оплошныхъ съ помощью такого сильнаго товарища, который зовется тоскою по родитѣ. Противъ этихъ враговъ читинское товарищество вышло на борьбу, опираясь на тѣ общія силы, которыми красно и крѣпко всякое товарищество, и побѣда была одержана блистательнымъ образомъ. Въ этой борьбѣ и въ

*) За то, что сюда, въ эту низменность лѣн долина, образовавшуюся при слияніи рѣки Читы съ Ингодомъ, сбавлялся вырубленный лѣсъ и изъ бревенъ сбавлялись плоты для сплавокъ по рѣкамъ Ингодъ и Шилкѣ для Шилкинскаго завода (дрова, уголь) или въ Ванкину для нерчинскихъ заводовъ (провантъ, желѣзо и проч.).

этой побѣдѣ и женскія силы, признаваемые слабыми, оказали геройскія чудеса храбрости и стойкости. Товарищи успѣли вынать себя и сблизиться въ дружескіе кружки, изъ которыхъ выдѣлились два: одинъ, названный въ шутку конгрегаціею, заключилъ въ себѣ людей, обратившихся къ чтенію релігіозныхъ книгъ и группировавшихся около набожнаго, отличавшагося многостороннимъ умомъ П. С. Вобрлицева-Пушкина, и другой кружокъ изъ членовъ Славянскаго общества, во главѣ котораго оказался П. И. Борисовъ. „Бывали и другіе кружки, составлявшихся безъ опредѣленныхъ цѣлей, по личнымъ симпатіямъ. Небольшія ссоры прекращались охотливымъ посредничествомъ товарищей и никогда соръ изъ избы не выносили“.

Первые симптомы острой болѣзни неволи и заточенія, выражающіеся для всѣхъ лишенныхъ свободы исканіемъ ея, называемымъ на официальномъ языкѣ побѣгомъ, выразились до нѣкоторой степени и на этихъ несчастныхъ, помѣщенныхъ совершенно отдѣльно, вѣдъ всякихъ связей и сношеній съ тѣми, у которыхъ не захваченные во время первые припадки превращаются въ хроническую болѣзнь бродяжества. Сначала много толковали о возможности освободиться по Амуру до Сахалина; тамъ предполагали выстроить судно и отправиться въ Америку. Другимъ рисовался путь на югъ, въ Китай. Для исполненія плана казалось необходимымъ: задержать на время коменданта и офицеровъ, а для успѣха его представлялся вѣрный расчетъ на 70 молодыхъ, здоровыхъ силъ, способныхъ обезоружить караулъ и выйти изъ каземата. Тамъ, за стѣнами его, остальные солдаты представляли отрядъ изъ ста человекъ, расположенныхъ къ заключеннымъ. „Пока бы дали знать въ Иркутскъ, мы бы успѣли и судно выстроить, и выгрузиться и уплыть“. Читинскіе казенные склады обезпечивали дальнѣйшія надежды „пылкой молодежи, надъ которою взяли верхъ осторожные товарищи“, видѣвшіе невозможность подобнаго предпріятія и не обращавшіе на затѣи особеннаго вниманія. „Вскорѣ и молодежь отступила передъ необходимостью прибѣгать къ силѣ оружія, брать на свою совѣсть пролитіе крови“, наконецъ, подвергнуть отвѣтственности оставшихся товарищей и ихъ женъ, успѣвшихъ уже обнаружить огромные запасы силъ, способныхъ ослабить крѣпость узъ и тяжесть неволи. Чтобы достигнуть Амура, понадобится помощь бурятъ—самая ненадежная и опасная помощь. На границѣ Китая поставлено 50 казаковъ съ исключительною цѣлью преслѣдованія бѣглыхъ днемъ и ночью. Третій путь черезъ 4.000 вер. выводилъ въ Европейскую Россію; четвертый—въ мертвыя тундры сѣвера, гдѣ вьзнетъ нога даже легкаго на ходу оленя. „Хотя мы и знали, что нѣкоторымъ смелымъ черкесамъ удалось

счастливо бѣжать въ родныя горы черезъ Аральское море и Каспій, но намъ ничего не оставалось, какъ только подчиниться закону необходимости“. Побѣгъ казался возможнымъ: переговоры шли постоянно отъ самихъ солдатъ и отъ поселенцевъ, которые говорили, что расположеніе къ побѣгу всего населенія таково, что если бы „китаецъ“ принималъ, а не выдавалъ бѣглыхъ, то въ Забайкальѣ не осталось бы никого. Они говорили, что съ такими господами всѣ готовы идти, зажмура глаза. Разстроилось же предпріятіе потому, что въ основѣ его лежали у разныхъ лицъ совершенно разныя побужденія. Одни считали дозволеннымъ побѣгъ для того, чтобы имѣть возможность продолжать служеніе дѣлу, нисколько не заботясь о своей личности, о своихъ страданіяхъ; другіе же рѣшались на него потому, что положеніе было невыносимо, и они говорили, что все равно уже умереть: въ тюрьмѣ ли навѣрно или при освобожденіи. Живатые, въ особенноти, употребляютъ силу своего вліянія, чтобы отклонить отъ побѣга рѣшительныхъ и пылкихъ. Къ тому же денежные средства не были въ рукахъ заключенныхъ: утаить что либо было трудно, потому что все не только осматривали, но и распарывали. Добыть ихъ, однако, можно было переводомъ на артель, выписывая на имя купца за припасы (болѣе всего за сахаръ, кофе, чай и проч.) въ артель. О побѣгѣ перестали думать и толковать въ Читинскомъ острогѣ; по независимости и вдалекѣ отъ него та же дума подняла на дѣло и погубила другихъ. Жертвою увлеченія палъ одинъ изъ членовъ Южнаго общества, бывший офицеръ Черниговскаго полка, Ив. Ив. Сухановъ.

Послѣ стычки подъ Вѣлою-Церковью, когда главные члены общества (Муравьевъ-Апостолъ, Вестужевъ-Рюмилъ и другіе) отправлены были въ Петербургъ, надъ остальными назначена была военно-судная коммиссія въ Кіевѣ. Военный судъ приговорилъ виновныхъ къ четвертованію, но этотъ приговоръ былъ замѣненъ политическою смертью. Приговоръ исполненъ былъ въ Васильковѣ: виновные приведены были закованными и разставлены впередъ войска на большомъ другъ отъ друга разстояніи. Когда прочли приговоръ, палачъ брать каждого поочередно за руку, велъ черезъ площадь къ висѣлицѣ и, обойдя ее три раза, передавалъ казненныхъ въ команду внутренней стражи. Въ Сибирь эти осужденные (Быстрицкій, Соловьевъ, Модзалевскій и Сухановъ) отправлены вслѣдъ за петербургскими тройками и товарищами пѣшкомъ, по этапамъ, шли 1 годъ и 7 мѣсяцевъ *).

*) Шелъ также пѣшкомъ, по этапамъ, баронъ Штейнгель. Слѣдомъ за офицерами Черниговскаго полка сосланы и солдаты, бывшіе подъ Васильковымъ и виновные въ возмущеніи этого полка. Такъ, напримѣръ, въ Екатеринбургѣ

Въ Читѣ ихъ, вмѣстѣ съ едявомышленниками не оставили. Препроводивъ въ Большой черниговскій заводъ, разослали по ближайшимъ рудникамъ: троицкѣ послѣднихъ поселили въ 15 верстахъ отъ Большого завода, въ Зерентуйскомъ рудникѣ. Здѣсь они наняли квартиру у одного изъ сосланныхъ солдатъ Семеновскаго полка; потомъ купили себѣ собственный домъ и перешли въ него. Съ участіемъ своимъ они успѣли привираться, исключая Сухинова, который еще дорогою по этапамъ успѣлъ убѣдить товарищей, что несчастіе случило зародить въ его сердцѣ жажду мщенія. На дорогѣ же отъ успѣлъ сообщить объ этомъ дамамъ, которыя ѣхали къ мужьямъ и догнали ихъ. Упорнымъ молчаніемъ отвѣтилъ онъ на просьбы другихъ дамъ, встрѣтившихъ ихъ у тюрьмы въ Читѣ и умолявшихъ Сухинова не приводить намѣренія въ исполненіе. Въ Зерентуйскомъ рудникѣ онъ поспѣшилъ познакомиться съ Голиковымъ, казарменнымъ старостомъ, бывшимъ фельдфебелемъ учебнаго карабинернаго полка, Вочаровымъ, сыномъ астраханскаго купца, Вондаревымъ, бывшимъ фельдфебелемъ гвардейскаго полка, и Птицкимъ цѣловальникомъ, бывшимъ юнкеромъ гусарскаго полка. Съ помощью ихъ доставалъ себѣ вооруженіе, порохъ и свинець. Люди пули, надѣлали до тысячи патроновъ. Совѣты товарищей не помогали. Сухиновъ продолжалъ ласкать смышленыхъ и особенную довѣренность и любовь къ себѣ возбуждалъ въ семеновцахъ, которые ежедневно ходили къ нему; съ ними ежедневно же уходилъ онъ на охоту, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, но за глазами товарищей успѣлъ завести дѣло далеко. Пренія съ товарищами доходили до ссоры, бесѣды съ соумышленниками довели до опредѣленнаго плана освобожденія всѣхъ заключенныхъ въ ближайшихъ рудникахъ: Зерентуйскомъ и Кличкинскомъ. Намѣревались напасть на казармы и, завладѣвъ оружіемъ, идти на Благодатскій рудникъ (1½ версты), на Большой заводъ и на другіе заводы, какъ для обезоруженія военныхъ командъ, такъ и для присоединенія смышленыхъ. Намѣревались прекратить почтовые сношенія, послать отрядъ для отобранія оружія по всѣмъ казеннымъ карауламъ; потомъ идти на Черниговскъ, завладѣвъ артиллеріею, оттуда на Читу, освободить государственныхъ преступниковъ и условиться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Намѣренія эти Сухиновъ велѣлъ скрывать отъ сожителей своихъ до послѣдней минуты, приказавъ въ присутствіи ихъ быть осторожными, говоря, что во время бунта онъ самъ ихъ уведомишь, и если согласятся, то присоединить ихъ; если нѣтъ, они первыми будутъ убиты. Товарищамъ-черниговцамъ продолжалъ говорить одно: „Оставьте дѣйствовать заводѣ, бѣжавъ Тармъ, содержался унтеръ-офицеръ Шутковъ.

меня по своей волѣ, я васъ не замішамъ“. Цѣловальникъ Птицкій, на случай возстанія, обѣщавъ нѣсколько бочекъ водки, а до того времени подпаввалъ главнымъ заговорщикамъ, которые въ пьяномъ видѣ успѣли до нѣкоторой степени обнаружить свои намѣренія: въ какой-то праздничный день на могильныхъ памятникахъ написали угрозы начальству. Памятъ Тармъ, сосланный изъ виленскихъ студентовъ, успѣлъ объявить управляющему рудникомъ, что это дѣло государственныхъ преступниковъ и изъявилъ свои подозрѣнія на заговоръ. Произведенные осмотры и дознанія не оправдали подозрѣнія. На радости команда Сухинова начала пить неумѣрно, безпрестанно шаталась мимо оконъ квартиры товарищей, десятками не выходила изъ кабака и произносила разные неумѣстные выраженія. Въ это время нѣкто Казаковъ, проходя въ пьяномъ видѣ мимо квартиры управителя, объявилъ ему, что многие готовы къ бунту и что въ этомъ участвуютъ секретные (т. е. государственнымъ преступники). О доносѣ Алексѣя Казакова передано было заговорщикамъ и двое изъ нихъ (Голиковъ и Вочаровъ) взяли водки, пригласили Казакова въ гѣсъ, напоили его и убили. Вочаровъ бѣжалъ. По двумъ доносамъ произведено слѣдствіе, назначена коммиссія, дано было знать въ Петербургъ. Въ Благодатскомъ рудникѣ возстаніе, такимъ образомъ, успѣли предупредить, въ Кличкинскомъ же рудникѣ смышлено-работчие успѣли уже произвести буйство и оказать сопротивленіе военной и горной командамъ. 19 іюля 1828 г. въ лагерѣ при Шумгѣ Николай I изволилъ написать собственноручно на докладной запискѣ о кличкинскомъ вооруженномъ возстаніи: „Всѣхъ судить военнымъ судомъ, что и впередъ исполнять съ ними, когда будутъ противиться военной силѣ“. Командантъ Лепарскій получилъ высочайшее повелѣніе, данное въ Одессѣ 13-го августа 1828 г., въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Я повелѣваю вамъ приказать отыскать непременно Василія Вочарова и всѣхъ предать немедленно военному суду и впредь въ подобныхъ случаяхъ разрѣшаю руководствоваться сямъ же правиломъ“. Подъ стражу взято было 22 чело-вѣкъ; слѣдствіе шло неудачно: Сухиновъ ни въ чемъ не сознавался, другіе, что показывали сегодня, то отвергали завтра. Допросы начали побоями, продолжались жестокостями. Одна коммиссія смѣнила другую, но главная и послѣдняя открыла не больше первоначальной. Случалось, что собака принесла человѣчью руку и, такимъ образомъ, открыла убійство Казакова. Въ то же время случайно былъ пойманъ бѣжавшій Вочаровъ. Кончался второй мѣсяцъ, а слѣдственное дѣло не подвигалось. Горная экспедиція отозвала членовъ и назначила въ Большомъ заводѣ третью коммиссію. Виновыхъ перевезли

туда. Товарищамъ Сухинова позволили видѣться съ нимъ, и „если бы,—говорить одинъ изъ нихъ:—у насъ были деньги, то могли бы дать совѣтъ другой оборотъ дѣлу, по корыстолюбію нѣкоторыхъ членовъ комиссіи“. Читинскіе товарищи присылали нарочнаго съ общаніемъ денежной помощи, но письмо не дошло и военный судъ состоялся. Сухинова судъ приговорить къ 400 ударамъ кнута, слѣдующимъ девяти—кнугъ, остальнымъ—шести; но потомъ это рѣшеніе измѣнилось: Сухинова и пятерыхъ съ нимъ велѣно разстрѣлять. Сухиновъ, во время слѣдствія два раза принимавшій ядъ и, не достигнувъ цѣли, разстроившій свое здоровье, казался спокойнымъ и веселымъ. Въ ночь, предшествовавшую экзекуціи, онъ упрямилъ одного изъ арестантовъ сказывать сказки. Когда всѣ уснули, Сухиновъ отвязавъ ремешъ отъ кандаловъ, привязавъ его къ деревянному колу, низко вбитому надъ нарами, спустился съ наръ и почти въ лежачемъ положеніи удавился. Кто-то изъ арестантовъ напнулся на него въ потьмахъ: зажгли огонь и тотчасъ послали за ключами отъ цѣпей къ батальонному командиру и за лекаремъ. Сухиновъ оставался въ петлѣ. Къ жизни его не возвратили. Товарищи его (Соловьевъ и Модзалевскій) были привлечены къ слѣдствію, законаны, посажены въ тюрьму, но оправданы и освобождены, какъ не причастные къ дѣлу. Ихъ, послѣ экзекуціи, сочли за необходимое соединить съ прочими товарищами и перевели въ читинскую тюрьму. Вмѣстѣ съ ними перевели въ Читѣ всѣхъ, кто былъ въ заводѣ изъ дворянъ, хотя бы и не былъ политическимъ преступникомъ. Комендантъ не хотѣлъ принимать ихъ отъ испуганнаго горнаго начальства и одного изъ присланныхъ, который былъ осужденъ за наѣбрение поджегъ городъ для грабежа, долго держалъ отдѣльно. Этотъ напавъ сумѣлъ не разъ вредить потомъ доброй славѣ каземата.

Лепарскій, по вызову сухиновскаго дѣла, принужденъ былъ издать новую инструкцію. За всюю командою, особенно за карауломъ, велѣно имѣть особенное смотрѣніе; за людьми наблюдать, „не есть ли они въ неповзволительныхъ сношеніяхъ съ жителями и арестантами“. „Государственные преступники не могутъ имѣть ни съ кѣмъ никакого свиданія и для того, кромѣ караульныхъ, никого къ нимъ не допускать. При нихъ долженъ быть днемъ въ передней комнатѣ изъ рядовыхъ одинъ за сторожа безъ амуниціи для смотрѣнія за ними и котораго при снѣгѣ караула всякій день смѣнять другимъ, избирая для сего людей надежныхъ. На ночь арестантская, чуть стаетъ смеркаться, должна быть залпета замкомъ, а ключъ отъ онаго долженъ имѣть при себѣ караульный старшій унтеръ-офицеръ въ карманѣ, котораго никому не повѣрять. По утру

же, какъ сдѣлается видно, онъ, взявъ съ собою ефрейтора и двухъ караульныхъ, отпираетъ арестантскую и повѣряетъ арестантовъ. Ночью же, ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ отпирать и выпускать арестантовъ, развѣ если случится близъ пожаръ; тогда весь караулъ идетъ къ арестантамъ и, построивъ каръ, беретъ ихъ въ середину, отвода на безопасное мѣсто. Осматривать лично поутру и ввечеру ежедневно палаты арестантскія; причѣмъ велѣть повѣрять поды нарами и посмотрѣть: въ цѣлости ли полы въ палатѣ и оковы на арестантахъ, а также повѣрять во всемъ караульныхъ, т. е. имѣть ли пьяныхъ и всѣ ли на лицо“. „Преступниковъ куда и днемъ даже изъ арестантской не выпускать, кромѣ поды присмотрѣть часоваго или сторожа для натуральной нужды. Буде кто изъ преступниковъ тяжело заболитъ, то одного отдѣлить отъ арестантовъ въ особую палату для пользованія, и при больномъ быть днемъ и ночью особому часовому и сторожу и ночью имѣть въ оной палатѣ свѣчу. Хотя государственные преступники должны быть посылаемы на работы по распоряженію горнаго начальства, но оныхъ, вмѣстѣ съ прочими сомнительными, не водить, а водить особо поды приличнымъ конвоемъ“. Тогда же издано наставленіе и унтеръ-офицеру: „Чтобы люди не ложились, не раздѣвались и не валялись на полу и всегда готовы бѣжать по крику часоваго: вонъ! На ночь быть свободно одѣтымъ“. „Въ случаѣ бунта арестантовъ долженъ имъ угрожать, что, если не уймутся, велѣть колотъ и тотчасъ послать ефрейтора дать знать начальству. Если же арестанты будутъ усиливаться и вступать въ драку съ караульными, то, не дожидаясь повелѣнія, приказываетъ колотъ зачинщиковъ или болѣе упрямыхъ и дерзкихъ безъ всякой пощады, не опасаясь подвергнуть себя и тѣхъ солдаты за убитыхъ и раненныхъ какой либо ответственности“ *).

*) Изъ дальнѣйшихъ подробностей болѣе интересны слѣдующія наставленія: «Караульные и всѣ часовые отъ арестантовъ ничего не должны принимать, даже изъ сѣбнаго отъ нихъ солдатамъ ничего не брать, ибо были примѣры, что арестанты отравляли караульныхъ, другихъ обмаркивали дурманомъ, поджигивая въ пишу порошокъ, отчего весь караулъ безъ чувствъ заспалъ, а между тѣмъ арестанты всѣ уходили». «Никакихъ наиптковъ имѣльныхъ, какъ-то: вина ренскаго, меду, пива не допускать къ нимъ; если же кто, по доброй волѣ, доставитъ имъ какую пишу или квасъ, то караульному унтеръ-офицеру, осмотрѣвъ строго, отдать въ цѣлости черезъ караульныхъ преступникамъ, объявивъ имъ, кто имъ что прислалъ». «Не дозволяется собираться народу въ караульную; если кто имѣетъ дѣло къ караульнымъ, то долженъ часовой остановить того при входѣ и кричать: «ефрейторъ, вонъ! Онъ не допускаетъ никому говорить, рассуждать, забавляться съ арестантами, ни постороннимъ людямъ, ни своимъ солдатамъ». «По пробитіи зори, карауль-

Новыя строгости съ наибольшю настойчивостью устремлены были на тотъ пунктъ, который казался самымъ щекотливымъ. Свиданія дамъ съ мужьями, по общему положенію, были ограничены двумя разами въ недѣлю и всякій разъ не болѣе, какъ на нѣсколько часовъ. Обычай установилъ свиданія эти ежедневными: всякій день жены подходили къ частому, чтобы взглянуть на своихъ супруговъ и простоять съ ними нѣсколько часовъ. Новое предписаніе, дававшее широкія права вѣдѣтелямъ часу часовыхъ, успѣло сдѣлать опасными эти свиданія, установленныя обычаемъ. Нерѣдко случалось, что часовой, исполняя приказъ, отнюмъ прикладомъ; встрѣчая упорство со стороны дамъ, прицѣплялся. Одна изъ дамъ разговаривала съ мужемъ по французски; пьяный офицеръ Дубининъ потребовалъ русскаго разговора и грубо обругалъ. Дама (А. Г. Муравьева) бросилась бѣжать, онъ за нею; на дорогѣ бѣжавшая упала въ истерику. Товарищи, узнавъ объ этомъ, стали ускорять Дубинина. Этого съ крикомъ: „бунтъ!“ велѣлъ караулу сомкнуть штыки. Плацъ-адъютантъ, услышавъ шумъ, остановилъ солдатъ и прекратилъ опасную исторію. Лепарскаго не было въ Читѣ. Возвратившись, онъ велѣлъ не пускать всѣхъ на работы, чтобы прекратить всякія свиданія, но передъ обѣденною извинился, просилъ всѣхъ на будущее время быть осторожными; Дубинина перевелъ въ другую команду, племяннику своему (плацъ-майору) намылалъ голову, дѣло замалось—о происшествіи никто не узналъ. Благополучнымъ исходомъ вся исторія обязана была начальнику горнаго округа Семену Ивановичу Смольянинову, человѣку замѣчательной честности, пользовавшемуся ото всѣхъ глубокимъ уваженіемъ (еще за 25 лѣтъ до всеобщей эмансипаціи, онъ, по собственному побужденію, отпустилъ своихъ крестьянъ на волю). Онъ одинъ во все время, отъ начала до конца, былъ ровенъ въ обхожденіи съ государственными преступниками, обращаясь съ ними съ полною учтивостью и готовностью къ услугамъ, когда другіе были грубы и не исполняли даже слѣдующаго по закону. Вообще, весь подборъ штаба былъ самый неудачный и не при одной постройкѣ Петровскаго каземата были злоупотребленія. Молодые люди самымъ безчестнымъ и самымъ нахальнымъ образомъ користовались отъ своихъ и безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія.

Вскорѣ, по обычному закону, и всѣ другія предписанія пошли въ разладъ съ дѣломъ. Предписаніе говорило: „преступники ни къ

кому писемъ писать не могутъ, потому не должны нѣтъ бумаги, черниль, карандашей, для чего строго ихъ осматривать, и буде впоследствии времени у нихъ что найдется, равно деньги и вещи, какъ прежде не было, то строго насчитать, отъ кого что они получали; если будутъ къ нимъ присланы письма, то, не отдавая ихъ, оставить у себя и ними представить г. начальнику заводовъ“. Обыски дѣлались непрерывно. Особенно часто подвергался имъ Д. Н. Завалишннъ по своимъ учебнымъ занятіямъ. Такъ какъ не давали ни бумаги, ни карандашей, онъ сдѣлалъ карандашъ изъ куска свинца отъ чайнаго цибика, а писалъ на бумажкахъ отъ содовыхъ порошковъ. Все это отбиралось, но при новомъ обыскѣ находили все возобновленнымъ. Наконецъ, удалось убѣдить коменданта, что эти занятія для образованныхъ людей составляютъ такую существенную потребность, что будутъ нескать удовлетворенія ей во что бы то ни стало, тогда какъ для него она не составляетъ никакой опасности. Коменданту не разъ приходилось выслушивать упреки, иногда очень жестокіе, но онъ умѣлъ говорить со всмысленными: „Позвольте! мнѣ теперь некогда, приходите лучше ко мнѣ, мы затворимъ двери и тогда браните меня, сколько будетъ угодно“. Опытъ и практика переломали дѣло такъ: сначала Лепарскій принужденъ былъ дозволить грифельныя доски, потомъ появилась бумага и карандаши. Затѣмъ Лепарскій, входя въ казематы и видя чернильницы, бумагу и перья, сталъ со снисходительною улыбкою говорить всякій разъ: „Я этого не вижу“. Огромное лишеніе писать письма къ роднымъ сначала восполнено было участіемъ дамъ (черезъ три нѣсаяца стали получать отвѣты и денежныя пособія), потомъ приспособленіемъ различныхъ хитростей при участіи случайныхъ стороннихъ пособниковъ. Одинъ изъ союзниковъ—Дружининъ, отправленный на поселеніе, повезъ изъ Читы табакъ для доставленія въ Иркутскъ въ ящикѣ съ двойнымъ дномъ,—подъ верхнимъ дномъ огромное количество писемъ для отправленія въ Россію. На дорогѣ табакъ пересыпалъ онъ въ бумагу, а ящикъ подарилъ священнику для сбора денегъ въ церковь; узнавъ о своей ошибкѣ, онъ досталъ ящикъ обратно и доставилъ по назначенію *). Наконецъ, передатчиками читинскихъ корреспонденцій въ Россію являются на сторонѣ: жена горнаго начальника (Фелицата Осиповна Смольянинова), приславшая на работы своей стражи завтраки, принимала участіе я въ пересылкѣ

*) Этого Дружининъ переселенъ былъ къ кабристамъ впоследствии изъ нерчинскихъ заводовъ, куда сосланъ былъ изъ Оренбурга вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, составившими тамъ тайное общество и осужденными по доносу одного изъ товарищей, и именно того самаго, который организовалъ это общество.

нимъ помыться, опратно одѣться, подтянуть штаны на помочи, оправить амуницію и людей, построивъ въ караулѣ, все осматрѣть. Остальныя приказанія отлучаются общимъ мѣстомъ и хлопотать о вѣдѣльскъ доскѣ.

писемъ. Она замѣчательна была глубокимъ участіемъ и всякаго рода услугами заключеннымъ и ихъ дамамъ. Она бесплатно снабжала казематы всемъ изъ своего хозяйства. Разъ она отправила одно письмо въ Москву, но письмо тамъ было вскрыто, въ письмѣ нашлось указаніе на нее и Лепарскій получалъ приказаніе посадить ее на недѣлю подъ арестъ. Разъ самъ комендантъ сдѣланъ былъ, противъ воли, передатчикомъ радостнаго извѣстія о соединеніи всѣхъ въ одной тюрьмѣ, отправляемаго отъ дамъ, находившихся въ Благодатскомъ рудникѣ, къ читинскимъ дамамъ. Письмо это комендантомъ было прочитано, найдено невиннымъ, сообщавшимъ описаніе природы красивой и дикой Аргуні, виды которой заставляли припоминать стихъ Байрона (стихъ былъ приведенъ съ подлинникъ на англійскомъ языкѣ). На другой день по прочтеніи письма коменданту доложено было о необыкновенно веселомъ и радостномъ настроеніи духа заключенныхъ, о томъ, что причиною этого общаго оживленія послужило извѣстіе о присоединеніи благодатскихъ товарищей. Тщательные розыски и дознанія обидѣвшагося коменданта не привели ни къ чему. Далеко позже, когда дѣло стало прошлымъ, узналъ онъ, что извѣстіе, тщательно скрываемое имъ, привезъ самъ же онъ, и что стихъ Байрона не принадлежалъ поэту, а заключалъ въ себѣ прозаическое извѣстіе: „in a fortnight we leave this dreadful place“, т. е. черезъ двѣ недѣли мы оставляемъ это ужасное мѣсто. Это обстоятельство, когда объяснялось потомъ, послужило поводомъ Лепарскому требовать особливаго чиновника для чтенія писемъ на тѣхъ языкахъ, которыхъ онъ не зналъ.

Работа на ручныхъ мельницахъ въ нѣсколько жерновомъ, обвязывавшая перевозить 4 пуда ржи ежедневно всѣмъ (т. е. по 10 фунтовъ на каждого), производилась сначала поспѣшно, такъ какъ у каждой мельницы могли работать только два человѣка. Въслѣдствіи стали молотъ сами сторожа и копильные наблюдатели. Обязательные рабочіе въ сосѣдней комнатѣ (шинельной) курили, играли въ шахматы. Здѣсь, мало по малу, образовался маленький клубъ: обмѣнивались мыслями и чувствами, читали газеты, съ жадностью слѣдя за политическими событіями Европы и, въ особенности, за дѣйствіями нашихъ войскъ въ персидскую войну, въ которой принимали участие многіе изъ прежнихъ товарищей и друзей читинскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Нѣкоторые достигли такого искусства въ быстротѣ просмотра газетъ (какъ Д. И. Завалишинъ), что, успѣвая проѣзжать нумера газетъ прежде другихъ, умѣли сообщать собравшемуся клубу самыя крупныя новости немедленно. Комендантъ пріученъ былъ смотрѣть на это съквозъ пальцы; работать усладенно не заставлялъ и, при засыпкѣ два Чер-

товой могилы, рабочіе, успѣвая свести нѣсколько тачекъ для моціона, бросали лопаты и тутъ же составляли новый подвижной клубъ съ тѣми же бесѣдами и чтеніемъ иностранныхъ газетъ, выписываемыхъ и доставляемыхъ дамами *. Въслѣдствіи и урядники, входя въ казарму, говорили: „Господа, не угодно ли кому на работу?“—и въ самомъ дѣлѣ, шли только тѣ, которые охотились и искали разнообразія. Дѣломъ, когда стало тепло, раза два въ недѣлю содѣли заключенныхъ купаться въ очень маленькомъ притоцѣ рѣчки Чаты и притомъ ангорженномъ частоколомъ. Купались безъ кандаловъ; водили человѣкъ по 15-ти за одинъ разъ. Потому и это оставили: стали водить на Игуду, версты за двѣ отъ каземата.

Строго ограниченное и сильно стѣсненное шло свиданіе съ женами въ самыхъ казематахъ. Свѣдено было дозволеніемъ ходить съ конькомъ въ собственныя квартиры дамъ, а послѣ дубининской исторіи безъ постороннихъ свидѣтелей. Дозволяли получать письма отъ родныхъ и почтовый день сдѣлался днемъ праздничнымъ. Не смотря на то, что письма шли черезъ коменданта и доставлялись распечатанными и прочитанными. Тѣмъ же путемъ дозволялась и отправка отвѣтовъ, которые писали дамы, имѣвшія право переписываться съ кѣмъ имъ угодно и обыкновенно въ такой формѣ: „такой-то просилъ меня сообщить вамъ“ и проч. Въ этомъ случаѣ, каждая дама имѣла нѣсколько человѣкъ въ казематѣ, за которыхъ она постоянно писала, переписывая передаваемыя ей черновыя письма и прибавляя въ началѣ приведенную выше общую фразу. Трудъ дамъ въ этомъ случаѣ былъ не маловаженъ: „Одна княгиня Трубецкая ежедневно переписывала и отправляла къ коменданту болѣе десяти писемъ; ему самому передъ каждымъ отправленіемъ и послѣ каждого прібытія почты приходилось прочесть до ста“.

Установившаяся при содѣйствіи дамъ связь съ поквитнымъ міромъ, съ любимыми и любящими, это—по выраженію М. А. Вестужева—„политическое существованіе за предѣлами политической смерти“,—существеннымъ образомъ выразилось помощью отъ родныхъ. Къ несчастію, по рассказамъ того же свидѣтеля, поч-

*) Изъ иностранныхъ: Journal des Debats, Constitutionnel, Journal de Francfort, Revue encyclopédique, Revue britannique, R. des deux mondes, R. de Paris, Preussische Staatszeitung, Гамбургскій корреспондентъ, Аугсбургская газета и почти всѣ русскіе журналы и газеты. Изъ ученыхъ журналовъ выписывались: J. des savants, Annales de chimie, An. des voyages, Bibliothèque universelle de Genève и проч. Однако, сначала Лепарскій выдавалъ только подъ большимъ секретомъ получаемыя имъ «Телеграфъ» и «Инвардъ», но разъ пересталъ посылать послѣдній по самому невинному поводу.

та обижала их самым безжалостным образом. Он говорит, что вместо прекрасных золотых часов, завещанных ему с братом (Н. А.) и посланных после смерти их брата Александра (Марлинского) они получили какое-то подобие часов. Александр Муравьев раз вместо бобровой получал изношенную шапку. Выее часто получали сдѣланное по казеннымъ подрадамъ для лазаретовъ; дамскія шляпки и головныя уборы подѣивали поношенными, нѣвѣдо въ одинъ верескать и доскутыя. Ивашовъ давно ожидаемую имъ посылку съ дамскими и дѣтскими уборами и лентами получилъ въ одномъ ящикѣ съ избитыми и измятыми крымскими яблоками: отполовинили ихъ обокъ ящиковъ и сложили въ одинъ. Въ утѣшеніе обиженныхъ почтовая оговорка гласила одно и то же: „Разбившаяся въ дорогѣ укупорка замѣнена новою, за которую просить выскать и выслать слѣдующія деньга“ *).

Съ одной стороны просили одного: не оскорблять державнъ обращеніемъ, и за этимъ ультиматумомъ обѣщали исполнять все съ покорностью и безропотно; съ другой стороны говорилось нѣкоторымъ наединѣ и по секрету: „Что обо мнѣ напишутъ въ Европѣ? назовутъ меня безсердечнымъ тюремщикомъ, начатчемъ, притѣснителемъ, приравняютъ къ Гудсонъ-Лоу. Я берегу мѣсто единственно для васъ, господа, чтобы изъавить васъ отъ притѣсненій и несправедливостей безсовѣстныхъ чиновниковъ. Что мнѣ отъ того, что пошу кресты и ленты, которыхъ даже и смотрѣть здѣсь некому! Я желалъ бы освободиться отсюда, но не иначе, какъ вмѣстѣ съ вами“. Съ третьей стороны за комендантомъ былъ строгій контроль со стороны читинскихъ дамъ, умѣвшихъ отстаивать его въ Петербургѣ и говорившихъ ему въ глаза самая жесткая и колкая слова. „Пожалуйте меня, — говорилъ Лепарскій дамамъ: — вы требуете того, чтобы меня разжаловали“. — „Ну, что же? Будьте лучше солдатомъ, генералъ, но

*) Особенно оригинальна была въ послѣдствіи переписка товарищей, жившихъ на поселеніи, между собою и съ заключенниками, прибѣгавшимъ къ помощи оффиціальной почты. Письмо, прежде назначенія по адресу, шло въ Петербургъ, тамъ прочитывалось и отправлялось обратно въ Сибирь. Письмо Рѣина къ Розену пропущенностовало съ Лени въ Петровскій заводъ 12 тысячъ переть и принесло извѣстіе о здоровьѣ и надеждахъ на будущее, когда сторѣвшій Рѣинъ былъ давно уже похороненъ. Само собою, въ случаяхъ важныхъ прибѣгали къ оказіямъ, имѣли возможность заручиться посторонними комиссіонерами, готовно и охотно исполнявшими порученія на огромное большинство случаевъ безвозмездно. Впрочемъ, эти средства не всегда были непрерывными. Мы слышимъ жалобу одного въ такихъ выраженіяхъ: „Наши письма, писанныя въ духѣ самой строжайшей осторожности, были такъ цензурированы, что, наконецъ, вывели насъ изъ терпѣнія и мы рѣшились не писать ‘оубе другъ къ другу‘.

будьте честнымъ человекомъ“. — После эзекуціи надъ Сушиновымъ и его сообщниками, Лепарскій долгое время избѣгалъ встрѣчи съ дамами и нѣсколько дней не выходилъ изъ дому. После того, какъ его вылечили отъ смертельной болѣзни казематскіе доктора, Лепарскій рѣшился написать въ Петербургъ. „Не я ихъ стерегу, а они меня берегутъ“. Игѣ обыкновеніе отвѣчать на всѣ просьбы „не могу“ (за что и былъ прозванъ въ шутку „господиномъ Немогу“), онъ началъ кончать тѣмъ, что исполнять просьбы, хотя и послѣ долгой „комбинаціи“ (какъ онъ самъ выражался), справки съ законами и инструкціею. Онъ любилъ говорить часто: „Я увѣренъ, что имѣю дѣло съ благородными людьми, поберегите меня“. Въ силу такихъ взаимныхъ уступокъ, такихъ строгихъ и неизбынныхъ отношеній значительно ослаблено было вліяніе съ четвертой стороны — и читинское заточеніе стало принимать видъ обыкновенной человѣческой общины и мало по малу приближаться къ тому идеалу ея, гдѣ нѣтъ мѣста для искусственныхъ и непрочныхъ скрѣпленій. Взаимныя уступки и обоюдная помощь стужѣли сдѣлать то, чего бы ни въ какомъ случаѣ не удалось достигнуть притѣсненіемъ свободной воли человека. Совершилось большое чудо: сотня людей разнообразныхъ характеровъ и наклонностей сплотилась въ тѣсное, согласное и дружное товарищество и при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ быта ни разу не имѣло себя и ни на одну югу не потребовало измѣненій въ предварительномъ ультиматумѣ. Всѣ сдержали слово съ тѣмъ достоинствомъ, что ни одинъ изъ безчисленныхъ доносозъ не оправдался, ни одинъ петербургскій ревизоръ не пашель ничего новаго, на чемъ бы онъ могъ выслужиться и тѣмъ бы въ состояніи былъ повредить приставу и дозираемому имъ товарищу. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, С. В. Броневскій, въ своихъ запискахъ оставилъ сильныя слѣды восторга, полученнаго имъ при посѣщеніи тюрьмы государственныхъ преступниковъ, и о честныхъ взаимныхъ отношеніяхъ ихъ и коменданта со штабомъ его свидѣтельствовали лично передъ императоромъ Николаемъ I *).

*) Самъ С. В. Броневскій такъ говоритъ объ этомъ: „Какое ведутъ себя политическіе преступники? спросилъ меня государь императоръ въ Зимнемъ дворцѣ. Я отвѣчалъ: „Очень добрительно, ни одинъ ни въ чемъ предрасудительномъ не замѣчалъ, а что у нихъ на сердцѣ, отъ насъ сокрыто“. Осмѣялся доложить, что простого народа изъ осужденныхъ Сибирь можетъ принять еще болѣе теперешнаго. Они, дѣла преступленія по различнымъ побужденіямъ, иногда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, благоговѣютъ къ предрешающей власти, но политическихъ преступниковъ нужно бы водворять въ другіе края Россіи. Государь изволилъ со вниманіемъ выслушать мое замѣчаніе и от-

губернаторъ Суляма вынесъ тѣ же отличныя впечатлѣнія. Когда государь повелѣлъ снять оковы съ богѣе достойныхъ и вполне заслуживающихъ такую милость, Лепарскій, явившійся въ полной формѣ, съ крестами и въ лентѣ, объявилъ, по прочтеніи бумаги, что онъ находить всѣхъ того достойными. Оковы были сняты и спрятаны, но нашла возможность потому доставать ихъ, чтобы дѣлать изъ нихъ браслеты и кольца и отсылать эти издѣлія на память роднымъ, оставшимся въ Россіи. Отсылали съ тѣмъ варочнымъ, который ежегодно увозилъ изъ верчихскихъ рудниковъ серебро. Разъ такая посылка открыта была въ Петербургѣ и Смольяниновъ, хранившій желѣза, былъ посаженъ на гауптвахту.

Съ этого времени самое заточеніе стало наименѣе строгимъ и тюремная община декабристовъ еще сильнѣе укрѣпилась въ своихъ правахъ и дѣйствіяхъ. Къ казеннымъ работамъ присоединились свои собственные, вызванныя требованіемъ взаимной помощи и содѣйствія. Загорожено было большое мѣсто подъ огородъ и всѣ, каждый день, съ наступленіемъ весны, ходили туда работать на нѣсколько часовъ. Въ первый годъ урожай былъ плохой, но все-таки осенью и зимою въ артельной поллѣбкѣ оказалось по нѣскольку своего картофеля, рѣпы и моркови. Это особенно имѣло значеніе въ Читѣ, до прибытія декабристовъ не имѣвшей достаточнаго количества числа огородовъ и довольствовавшейся привозными овощами или дико растущими въ лѣсахъ и лугахъ кореньями и цвѣточными луковичками. На слѣдующій годъ урожай на огородѣ былъ до того обиленъ, что на зиму заготовлено было весь нужный запасъ овощей и поселено въ большихъ винныхъ бочкахъ до 60.000 огурцовъ—продукта до того времени весьма мало извѣстнаго за Байкаломъ *). Избытками запасовъ стваричество, сверхъ того, могло подѣлиться съ веннущими читинскими бѣдняками, а картофелемъ сумѣли подспорить скудную трапезу горныхъ крестьянъ, издавна пользовавшихся, за недостаткомъ хлѣба, всевозможными суррогатами его.

Въ читинской тюрьмѣ стала налаживаться та общинная артель, которая съ такимъ совершенствомъ выработалась окончательно въ Петровскомъ заводѣ. Въ Читѣ—столь былъ общій: къ обѣду приносили огромную латку артельныхъ щей, на другой латкѣ—накрошенную говядину. Хлѣбъ приносили наръзанный

вѣчалъ: «Да, это такъ; но они успѣваютъ входить въ связи съ начальствомъ (тогда былъ доносъ на Иркутскъ въ этомъ родѣ); ихъ близко держать невозможно, но мнѣ еще этого накто не говорилъ».

*) Точно также и дыни, вароченныя въ парникахъ декабристами, были первыми на забайкальской почвѣ, какъ и огурцы.

ломтями, такъ какъ, по тюремнымъ положеніямъ, не давали ни ножей, ни вилокъ (и отобрали даже свѣчные щипцы). Всякій имѣлъ свою ложку: костяную, оловянную или деревянную; серебряныя ложки запрещались. Недостатокъ тарелокъ дополнялся чайными деревянными китайскими чашками. Обѣденный столъ приготовлялся изъ козелъ, приносимыхъ въ казематъ на то время и накрываемыхъ доскою. Супъ или щи, каша съ масломъ приносились въ деревянные ушатки и разбирались прямо отсюда каждымъ отдѣльно въ собственныхъ китайскихъ чашки. Пища была проста и здорова; одна и та же для тѣхъ, которые привыкли въ походкахъ къ сытной и обильной трапезѣ богатой Малороссіи, и для тѣхъ, которыхъ не всегда удовлетворяла въ Петербургѣ французская изысканная кухня съ ежедневнымъ шампанскимъ. „Между нами было много гастрономовъ; всѣ они были согласны въ томъ, что не терпѣли въ Читѣ голода, но и не были совершенно сыты“. На столѣ и содержаніи, сверхъ казенныхъ 6 копейекъ мѣди въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ, въ содѣйствіе тѣмъ, которые были безъ средствъ или забыты помощью, получали общій столъ и денежныя пособія отъ богатыхъ товарищей и дамъ.

Эти взносы, сдѣлавшіеся впоследствии для всѣхъ обязательными, въ Читѣ послужили основаніемъ артельнаго капитала, который и расходовался на общія потребности. Дамы присылали кофе, шоколадъ и кушанья, какъ лакомства. Для завѣдыванія суммами на каждые три мѣсяца избирался староста, получившій на языкѣ декабристовъ названіе хозяина, и другое лицо, завѣдующее артельнымъ огородомъ—огородникъ. Хозяина выбирали первый разъ въ 1828 г. по причинамъ дурного состоянія кухни. Первымъ хозяиномъ былъ Ив. Сем. Пovalo-Швейвовскій, но онъ кормилъ довольно плохо, молодежь была имъ не довольна. Онъ просилъ освобожденія, выборы пали на И. Д. Якушкина, но онъ отказался. Согласился быть хозяиномъ Розенъ и дѣла по хозяйству пошли лучше. Въ 1829 году на мѣсто Розена избранъ былъ Пушкинъ, при которомъ объявились даже излишки огородныхъ запасовъ. Хозяинъ (одинъ только) имѣлъ право выводить изъ каземата для посѣщенія разныхъ лавокъ, изъ которыхъ князя помѣщалась въ жилыхъ домахъ (какъ, напр., всѣ еврейскія). Въ Петровскѣ эта замалчиваемая обязанность перенесена на вновь созданную должность закупщика, не представлявшюю особеннаго труда и ответственности.

О читинскомъ хозяйствѣ декабристовъ у насъ имѣются слѣдующіе документы первоначальнаго дѣйствія по устройству общины. Передаемъ съ буквальной точностью протоколъ о результатахъ.

„Мая 23-го 1829 года.

„П. В. Аврамовъ просилъ вчерашняго числа о назначеніи изъ каждой горницы большого каземата, изъ казематовъ № 2 и 3 уполномоченныхъ для принятія отъ него нѣкоторыхъ сообщений касательно хозяйственной должности.

„Получившіе на сіе довѣріе своихъ товарищей собрались въ числѣ пяти человѣкъ, изъ коихъ трое за свои комнаты, а двое—каждый за двѣ; и хотя нѣкоторые изъ нихъ были отправлены не отъ полного числа *), но по повѣркѣ всѣ вышестъ оказались соединяющими довѣріе большинства голосовъ.

„Изъ г. Аврамовъ, сообщивъ всѣ бумаги, касающіяся какъ до опредѣленія обязанностей хозяина, такъ и до выбора новаго (хозяина), просилъ:

„1) Относительно опредѣленія условій хозяйства рассмотреть и представить для общаго свѣденія, на которой сторонѣ большинство голосовъ.

„2) Опредѣливъ по поданнымъ голосамъ кандидатовъ **) и представивъ на баллотировку, уведомить его, кто будетъ утвержденъ, для сдачи ему хозяйства къ 1-му числу юня.

„Самъ же г. Аврамовъ совершенно отказался, какъ отъ рассмотрѣнія голосовъ по симъ двумъ пунктамъ, такъ и отъ извлеченія слѣдствій изъ оныхъ.

„Назначенные отъ товарищей, исполнивъ все возложенное на нихъ, представляютъ при семъ къ общему свѣденію

„Протоколъ о составѣ комиссіи.

„Члены комиссіи.

„I. Съ правомъ двухъ голосовъ:

„Дм. Завалишинъ 1—за казематъ № 2 и за горницу большого каземата № 4 или аристократическую.

„Н. Везстужевъ за горницы № 2 и 3.

„II. Съ правомъ одного голоса:

„А. Бюляевъ за горницу № 1.

„Игельстромъ, за горницу № 5.

„Мухановъ, за казематъ № 3.

„По повѣркѣ полномочій избраны: председателемъ комиссіи Дм. Завалишинъ 1. Секретаремъ Мухановъ.

„Протоколъ о результатахъ подачи голосовъ о новомъ устройствѣ общины.

„По рассмотрѣніи голосовъ и мѣній, по даннымъ касательно правилъ хозяйства (причемъ были спрашиваемы всѣ тѣ, коихъ мѣнія могли быть не очень понятны—для отклоненія всякаго недоразумѣнія ***) оказалось:

„1) Желающихъ, чтобы все осталось на прежнемъ основаніи—32.

„2) Желающихъ поясненія или опредѣленія обязанности хозяина и проч.—20.

„(Остальные 20 не подавали голоса или потому, что не участвовали въ артели, или отказались отъ подачи голосовъ).

„При семъ, когда большинство голосовъ оказалось на сторонѣ желающихъ остаться на прежнемъ положеніи, г. Басаргинъ отказался отъ артели, причемъ, по его просьбѣ, прилагается (къ дѣлу) объясненіе его собственной руки о причинахъ его, къ сему побудившихъ. Сверхъ того, отказался отъ артели г. Варятинскій по причинамъ, поясненнымъ въ прилагаемой здѣсь копіи его мѣнія.

„Примѣчаніе. (Варятинскій худо писалъ и потому просилъ копію съ его подлинника, чтобы удобнѣе могли прочесть его мѣніе).

„Протоколъ о протестахъ противъ нѣкоторыхъ послѣдствій прежняго порядка.

„Поскольку большинство голосовъ осталось за удержаніе прежняго порядка, то приступая къ исполненію дѣла касательно выбора новаго хозяина, на прежнемъ основаніи, комиссіи долгомъ считаетъ предупредить вышесказаннаго быть избраннымъ въ сію должность, что вышесказанно. нѣкоторые голоса, желающіе, дабы, если хозяинъ будетъ что либо говорить отъ общества съ начальствомъ, то если бы это было и по большинству голосовъ, но если они не давали на то своего согласія, въ такомъ случаѣ въ отношеніи съ начальствомъ исключать ихъ помянно“.

На каждую комнату назначалось двое дежурныхъ, обязанныхъ мыть и прибирать посуду, наблюдать за чистотою, накрывать столъ, приносить кушанье, ставить самовары, разливать чай. Разаивавшіе чай постоянно избавлялись отъ обязанностей очередныхъ дежурствъ. Дежурнымъ помогали нанятые мальчики (по одному на комнату). Всѣмъ дѣлились между собою по братски: деньгами и лишеніями. Платьемъ и бѣльемъ запасались сами, но богатые покупали необходимые предметы и дарили бѣднѣйшимъ. Для облегченія запаснаго артельного капитала, предназначеннаго, преимущественно, на столовые припасы, въ товариществѣ нашлись готовые мастера. Перешитнымъ мастерствомъ и картонажемъ занимались: Д. И. Завалишинъ, М. А. Вестужевъ и Ан. Ив. Ворисовъ. Лучшими портными были: Павелъ Пушкинъ, Павелъ Мозганъ, Антонъ Арбузовъ. Чулки штопалъ лучше всѣхъ Трубецкой; лучший токаръ былъ Артам. Зах. Муравьевъ, столяръ—Громницкій, закройщикъ—Евгеній Оболенскій. Лучшія фуражки шила: братья Вестужевы (Николай и Михаилъ), Петръ Фаленбергъ; они же вазали носки и чулки, а Ник. Алек. Вестужевъ, сверхъ того, снабжалъ всю артель отличными,

*) По причинѣ того, что многіе вовсе отказались отъ подачи голосовъ.

**) Разумѣется, въ должностъ хозяина.

***) Все заключающееся въ скобкахъ находится въ такомъ видѣ въ тектѣ протокола, а не то, чтобы здѣсь только представлялось для поясненія.

крѣпкими башмаками, для чего комендантъ дозволялъ устроить ему вродѣ антресолей полати съ маленькими окнами наверху. Здѣсь, подлѣ свѣта, этотъ надѣленный богатствами и разнообразными талантами человекъ завелъ самую многосложную мастерскую: починалъ сапоги, рисовалъ портреты товарищей, училъ шить башмаки, исполнялъ для дамъ обязанность ювелира, чинилъ часы дамамъ и коменданту, снималъ виды окрестностей, точилъ изъ дерева различныя подарки дамамъ въ оплату за лаконство, занимался слесарнымъ мастерствомъ; разослалъ, между прочимъ, всѣмъ знакомымъ въ Россію, по желанію ихъ, желѣзные кольца, кресты и браслеты собственной работы изъ тѣхъ кандаловъ, которые выносили товарищи его на ногахъ въ теченіи двухъ лѣтъ (а нѣкоторые и долѣе). Кольца подкладывались золотомъ и вошли въ Сибиря въ такую моду, что требованіе усилилось и въ удовлетвореніе его объявилась поддѣлка, началась торговля подложными кольцами.

Черезъ своего старосту государственныя преступники передава и о своихъ личныхъ нуждахъ коменданту; при этомъ почитали неприличнымъ вмѣшиваться начальство въ свои частныя дѣла. Староста распоряжался денежными суммами, покупалъ запасы, но не имѣлъ ни копейки въ рукахъ; его расходы выплачивались комендантскою канцеляріею. Онъ имѣлъ дозволеніе въ теченіи дня ходить на кухню столько разъ, сколько ему было нужно. Въ 50-ти шагахъ отъ тюрьмы находилась кухня и запасныя кладовыя. По истеченіи каждыя трехъ мѣсяцевъ, при избраніи новаго старосты, ходилъ по рукамъ листъ, на которомъ каждый обозначалъ свои средства для общаго расхода. На общую же пользу устремлены были всѣ нравственныя силы товарищей: всѣ, за малымъ исключеніемъ, учились и учили другихъ. Всѣ выучились по французски, другіе по англійски; немногіе занимались даже древними языками, не смотря на то, что тѣснота помѣщенія, шумъ отъ кандаловъ, требовавшій привычки, мѣшали отдѣльнымъ занятіямъ. „Хочешь заняться, унесешься мыслями на родину, вдругъ распахнется дверь и молодежь съ топотомъ влетитъ въ комнату, танцуя мазурку и бряцая кандалами. Кто искалъ уединенія для занятій, тѣ имѣли лѣтвомъ маленькія палаточки во дворѣ у частокла. Въ предостереженіе помѣтъ установлены были общія чтенія и занятія: въ тюрьмѣ нашлись и на это дѣло приготовленные и готовые дѣятели. Корниловичъ, вмѣстѣ съ Куницынымъ, имѣвшій свободный доступъ къ государственному архиву и, въ особенности, успѣшно изучившій исторію Россіи прошлаго вѣка, въ длинныя зимніе вечера занималъ товарищей чтеніемъ публичныхъ лекцій объ эпохѣ царствованія императрицы. Петръ Мухановъ, на прѣвахъ его адъютанта,

развивалъ слушателямъ предшествовавшія картины русской исторіи прежнихъ вѣковъ *). Никита Муравьевъ, имѣвшій въ собственной библіотекѣ (послужившей основаніемъ артельной библіотеки) прекрасныя военныя карты и планы, читалъ стратегію и тактику; онъ же хорошо зналъ греческій языкъ. Пушкинъ 2-ой преподавалъ математику, Д. И. Завалишинъ высшую математику, астрономію по сочиненіямъ Лапласа каждыя четвергъ отъ 6 до 8 часовъ, астрономію же—Вадковскій, греческій языкъ Лушинъ, Оболенскій и П. Борисовъ. Лучшими математиками были А. И. Варятинскій, Ф. И. Вадковскій, Вобрищевъ-Пушкинъ и Васаргинъ. Алек. Ив. Одоевскій преподавалъ русскую литературу (онъ же нѣмецкѣ училъ русскому языку); Фердинандъ Вольфъ, штабъ-докторъ 2-ой арміи, читалъ изъ химіи и анатоміи и онъ же, помимо назначеннаго чиновнаго врача, былъ врачомъ не только для товарищей, но и для коменданта, для офицеровъ коменд. штаба и для прѣзжихъ изъ Якуты, Иркутска и Черянска; такъ велика была его слава *). Когда въ девять часовъ, по положенію, запирались двери казематовъ и тушились свѣчи, на мѣсто правильно организованныхъ бесѣдъ выступали импровизированныя, въ содѣйствіи которыхъ наиболѣе выделялся бывалый М. К. Кюхельбекеръ, обвѣхавшій кругомъ свѣта.

Всѣ эти чтенія, весь этотъ постоянный обмѣнъ умственными богатствами имѣли огромное вліяніе на тѣхъ изъ товарищей, которые прежде не имѣли ни времени, ни средствъ на развитіе себя въ научномъ отношеніи. Особенно рѣзко

*) Черезъ полгода тотъ же фольдаторъ, который привезъ изъ Пляссельбурга Вадковскаго, увезъ изъ Читы Корниловича, снова въ Петропавловскую крѣпость, для допросовъ о тавномъ польскомъ обществѣ. Корниловича въ Читѣ уже не возвратили, а отправили на Кавказъ солдатомъ, гдѣ ему довелось участвовать въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и черезъ два года умереть отъ злокачественной лихорадки.

*) Комендантъ дозволялъ ему свободно выходить изъ тюрьмы во всякое время съ конвойнымъ. Вольфу удалось спасти Деларюга отъ близкой и неизбежной смерти. (Исполнители, въ Петровской тюрьмѣ, въ соседнемъ номерѣ съ номеромъ Вольфа помѣщена была артельная аптека съ лекарствами, инструментами и лучшими медицинскими сочиненіями, которыя выписывались и доставлялись дамамъ. Аптекою завѣдывалъ Арт. Зах. Муравьевъ по составленію и отпуску лекарствъ. Онъ же и устроивалъ аптеку. Фроловъ помогалъ въ черныхъ работахъ, имѣлъ посуду и проч.; помощникомъ Вольфа по хирургическимъ операціямъ былъ Артамонъ Захар. Муравьевъ, охотно вызывавшійся на это дѣло. Онъ рвалъ зубы, пускалъ кровь, перевязывалъ раны и слѣдомъ за Вольфомъ и впереди конвойнаго имѣлъ право свободнаго выхода изъ тюрьмы на помощь страждущимъ. Вообще заключенники, какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ, пользовались здоровьемъ благодаря климату и регулярной язни при простой умѣренной пищѣ.

выдѣлился изъ прочіихъ Д. Н. Завалишинъ, изучившій, кромѣ греческаго и латинскаго, еще до восьми европейскихъ языковъ. Въ особенности онъ былъ очень свѣдуецъ въ священномъ писаніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ чрезвычайною энергіею стремился пріобрѣтать наибольшія познанія. Для облегченія себѣ занятій онъ шелъ къ изученію языковъ съ помощью Библии—этого легкаго ключа и всеобщаго словаря; съ фонъ-дери-Вригеномъ читалъ латинскихъ классиковъ и переводилъ Тацита, съ Лунинымъ—латинскія отдѣлы церкви; съ Вольфомъ и Ал. Крюковымъ (воспитанникомъ петербургской Peter-Schule) прочелъ всѣхъ нѣмецкихъ авторовъ. 18 часовъ въ сутки онъ употреблялъ на занятія, подчинивъ себя необычайной діетѣ. Отрывался отъ ученія только тогда, когда доврѣе товарищей призывало его къ общественной дѣятельности. Кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, онъ зналъ еврейскій такъ, что перевелъ съ еврейскихъ подлинниковъ все священное писаніе и прочелъ въ подлинникѣ всѣхъ отцевъ церкви и весь кругъ богослужебныхъ книгъ. Нѣкоторые въ казематѣ изучили иностранные языки, какъ Бесчастновъ, не имѣвшій возможности выучиться имъ ни дома, ни въ казематѣ заведенія. Онъ сдѣлался лучшимъ знатокомъ французскаго языка, такъ что къ нему же обращались и тѣ, которые научились только салонной болтовнѣ, когда дѣло шло о томъ, чтобы правильно написать чтонибудь дѣльное по французски. Нѣкоторымъ удалось выучиться играть на музыкальныхъ инструментахъ подъ руководствомъ умѣлыхъ товарищей, изъ которыхъ многіе оказались виртуозами: А. П. Юшневскій, отличный игрокъ на роялѣ, съ Вадковскимъ, отличнымъ скрипачемъ, и двумя виолончелистами, Н. А. Крюковымъ и П. Н. Свистуновымъ, составляли квартетъ. „30-го августа 1828 года, когда мы справляли одновременно 16 именинъ, нашъ оркестръ въ первый разъ игралъ въ тюрьмѣ“. Сыгрывались и учились музыкѣ въ особенномъ домикѣ, съ тремя отдѣльными комнатами, который позволили выстроить на тюремномъ дворѣ черезъ годъ по прибытіи въ Читѣ. Въ одной комнатѣ стояли рояль и фортепiano для аккомпаньмента игрокамъ на флейтѣ, чеканѣ, скрипкѣ и гитарѣ. Въ другой комнатѣ поставлены были токарный и столярный станки и прессы для переплета книгъ къ услугамъ искусниковъ по этимъ работамъ (братьевъ Бестужевыхъ, Борисова, Фролова, Пушкина). Переплетали книги богатой библиотеки Никиты Муравьева, дополненной книгами, привезенными слѣдомъ за Трубенцимъ и Волконскимъ изъ ихъ домашнихъ библиотекъ и потомъ освѣжаемой новыми присылками. Новая книга поступала въ пользованіе по просмотрѣ комедантомъ и съ его надписью, которая нерѣдко гласила: „читалъ“, на греческихъ и латинскихъ

лексиконъ, но потомъ была зачтена болѣе вѣрною и близкою къ дѣлу отиѣткою: „выдалъ“.

Въ церковь водили одинъ разъ въ годъ, въ Великомъ посту, для причащенія св. таинъ *) (для чего снимались кандалы). Наканунѣ большихъ праздниковъ приходилъ священникъ въ тюрьму и служилъ всенощную. „Я никогда не забуду (говоритъ одинъ изъ заключенниковъ, лютеранинъ), какъ трогательно и торжественно совершена была служба въ великую субботу 1828 года, когда въ 9 часовъ, передъ заремъ, раздался со всѣхъ сторонъ вопль: „Христосъ воскресъ!“ и когда бросились въ объятія другъ другу товарищи, загремѣвъ цѣпями. Мысленно мы обнимали въ то время нашихъ далекихъ родныхъ и друзей, которыхъ мы вспоминали въ молитвахъ“. „Нѣкоторые (говоритъ Броневскій, наѣздившій узниковъ въ Петровскомъ казематѣ) стали носить бороды, не по требованіямъ юной Франціи, а такъ... изъ смиренія, и предались религіознымъ, употребляя свое время главнѣйше на молитву и хожденіе въ церковь Божию“ **). Въ Читѣ каждое воскресенье узники читали религіозныя сочиненія, оригинальныя и переводныя, сдѣланныя лингвистами-товарищами; воскресный и праздничный день кончали чтеніемъ главъ изъ Евангелія и посланій апостольскихъ. Лучше всего удавалось церковное пѣніе по композиціямъ Вортнянскаго; пѣніе прпосовъ и тропарей встало на мѣсто пѣніи свѣтскихъ романсовъ и пѣсень. Религіозное устройство можно было назвать общимъ у всѣхъ; для нѣкоторыхъ выразилось оно крайностями мистицизма, успѣвшаго увлечь двухъ дамъ, отличившихся наибольшимъ набожностью. М. С. Лунивъ жилъ отдѣльно, не принималъ участія въ общемъ столѣ и держалъ постъ по обычаямъ католической вѣры, въ которую онъ перешелъ, служивъ въ гусарахъ въ Варшавѣ, и сдѣлался ученикомъ и приверженцемъ наѣзднаго Мейстера. Одну треть комнаты его отдѣляла занавѣска, позади которой, на возвышеніи въ нѣсколько ступенекъ, стояло освещенное папою распятіе, присланное ему сестрою изъ Рима. Днемъ изъ его комнаты доносились до слуха товарищей его латинскія молитвы, но, во всякомъ случаѣ, онъ не былъ ханжой и въ общество товарищей входилъ

*) Говѣли поочередно на 3, 4, 5, 6 и 7 нѣдѣляхъ, предварительно составляя списки гоубльщниковъ. Въ Петровскомъ заводѣ артель положила отъ себя священнику, пастору и на церковь 200 руб. Здѣсь уже дозволялось говѣть всякій постъ, а потомъ и просто ходить къ обдѣнѣ, только съ тѣмъ, чтобы стоять на хорахъ или въ алтарѣ.

***) Бороды носили вовсе не по смиренію, а потому, что сначала не позволяли снимать бриттиса; послѣ многіе оставили бороды: кто для удобства, чтобы не хлопотать съ бриттисомъ, кто отъ простуды, какъ К. П. Торсонъ; кто для яраса, какъ Александръ Викторовичъ Поджіо.

остроумнымъ и шутливымъ *). Едва ли, впрочемъ, и нужны были наружныя знаки и новыя вещественныя доказательства христіанскихъ чувствъ тамъ, гдѣ подробности самаго образа жизни сложились такъ, что старый знакомецъ заключенниковъ, протоіерей Мысловскій, назвалъ эту жизнь апостольскою и плѣнял ея деталями, полученными отъ Корниловича, всѣхъ тѣхъ жезлъ, которыя не успѣли отприваться за мужьями.

Въ религіозномъ отношеніи должная мѣра была опредѣлена, а въ казематскомъ опытѣ оправданъ извлеченный изъ изученія исторіи законъ, что истинная должная мѣра и въ религіи, какъ и во всемъ, не можетъ быть результатомъ внѣшней сдѣлки, а есть только внѣшнее проявленіе правильности внутренней силы, которая одна можетъ опредѣлять правильность рѣшеній въ приложеніи къ даннымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Вотъ почему, когда мистически-фанатическое настроеніе, такъ называвшей самое себя религіозной партіи, усиливаясь и увлекаясь, дошло до того, что не хотѣло уже удовлетвориться возможностью безпрепятственнаго удовлетворенія личной, душевной религіозной потребности, — задумана была постройка церкви внутри казематской ограды. Это прозавело одно изъ самыхъ сильныхъ движеній въ казематскомъ обществѣ. Послѣ ожесточенныхъ споровъ, религіозная партія и ея противники пришли, наконецъ, къ вѣжливому соглашенію.

Справедливость не позволяетъ дѣлать ничего, что можетъ имѣть невыгодное послѣдствіе не только для настоящихъ, но и для будущихъ заключенныхъ въ казематахъ. Постройкою церкви въ казематѣ мы можемъ, съ одной стороны, упрочить самое существованіе государственной тюрьмы, а съ другой — лишитъ заключенныхъ единственной связи съ живымъ міромъ, которую теперь составляютъ церкви. Но что хуже всего, мы можемъ дать начальству поводъ къ полицейскому надзору въ дѣлѣ религіи и къ понужденію къ лицемерному исполненію внѣшней обрядности, что совершенно противорѣчитъ понятію объ истинной вѣрѣ. Наконецъ, такъ какъ многія

лица обвиняются прямо въ томъ, что, основываясь на сдѣланныхъ ими пожертвованіяхъ на постройку церкви, заранѣе считаютъ себя какъ бы хозяевами и распорядителями въ ней, то это неминуемо сдѣлается источникомъ большихъ неудовольствій и соблазна. А потому и будетъ гораздо благоразумнѣе, отказавшись отъ постройки церкви въ казематѣ, пожертвовать собранныя деньги на постройку новой церкви въ Петровскомъ заводѣ, такъ какъ настоящая церковь очень ветха, а заводъ собственнымъ средствъ для постройки своей церкви не имѣетъ. Это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для завода и для окрестныхъ деревень. Рѣшеніе это было принято большинствомъ 27 голосовъ противъ 11, и собственныя деньги были отданы на новую церковь въ заводѣ, которая и была построена безъ замедленія.

Другое благоразумное рѣшеніе общины, въ религіозномъ отношеніи, относилось къ присланнымъ изъ Петербурга книгамъ религіознаго содержанія, для раздачи „наиболѣе религіознымъ“ изъ заключенныхъ. Команданту объявили, такъ какъ религія есть дѣло совѣсти, то было бы несправедливо съ его стороны взять на себя опредѣлять, кто религіозенъ. На предложеніе же его, чтобы взяли „желающіе“, отвѣчали, что кто желалъ имѣть религіозныя книги, давно ужъ пріобрѣлъ ихъ или черезъ родителей или черезъ товарищей, и ни въ какихъ даровыхъ не нуждается.

Наконецъ, когда одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ пожелало посѣтить казематъ по обязанности „посѣщать темницы для утѣшенія и участія“, то просили команданта отклонить это посѣщеніе, по самому уваженію къ этому духовному лицу, чтобы онъ не очутился въ вѣлкомъ положеніи и чтобы не вышло изъ этого непріятности. Командантъ такъ и отвѣчалъ ему словами казематскаго общества: „Въ утѣшеніи они не нуждаются и оно можетъ показаться имъ смѣшнымъ. Въ религіозномъ отношеніи они сами знаютъ все, что имъ могутъ сказать, а если увѣщанія касаются политики, это можетъ повести къ спорамъ и непріятностямъ, при которыхъ легко можетъ нарушиться уваженіе къ духовному сану“.

Пріѣхавшія за своими мужьями жены совершили тѣ евангельскіе подвиги, подобіе которымъ мало представляютъ европейскія исторіи. Если за семью женами не поѣхали въ Сибирь уже обрученныя съ ними невѣсты, если къ восьми другимъ не поѣхали жены и даже нѣкоторыя вступили въ бракъ, за то тѣ, которыя выстрадали себѣ право сожителства въ Сибири, вступили на стезю высокихъ христіанскихъ подвиговъ и служеніемъ своимъ пріобрѣли то прозваніе ангеловъ-хранителей, которое сдѣлалось для нихъ общимъ у всѣхъ союзниковъ. Уже въ 1829 году Александръ Ивановичъ

*) Такой же оригинальный образъ жизни велъ онъ и въ деревнѣ Урвкѣ подл Иркутскомъ на поселеніи: вокругъ домика выстроилъ высокой заборъ; двѣри постоянно держалъ на запорѣ, доврѣлся одному только слугѣ бурату. Здѣсь его арестовали во второй разъ за напечатаніе статей въ англійской газетѣ (журналистъ продалъ тайну) и за разборъ донесенія сѣдственной комиссіи (по оплошности перепечатки) и сослали въ Акатуй, гдѣ онъ и умеръ семидесятилѣтнимъ старикомъ. Исаендъ Тибурцій Павловскій, бывший въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ его капелланомъ, съ другими ссыльными проводилъ его гробъ до могилы, на которой впослѣдствіи сестра М. С. Лунина поставила каменный памятникъ.

Одоевскій писалъ въ альбомѣ кн. М. Н. Волковской (въ день ея рожденія 25-го декабря) стихи, представляющіе въ поэтической картинѣ подвигъ этихъ женщинъ и въ одинаковой степени относящіеся ко всѣмъ дамамъ безразлично:

Быль край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не усаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душень былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И унизкамъ кровь свѣтлая докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вымывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явились какъ дочери земли,
И унизкамъ съ улыбой утѣшныя
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садилась у ограды,
И сквозь нес небесныя уста
По каплѣ имъ точила медь отрады.
Съ тѣхъ поръ знался въ темницѣ дни, хѣта:
Въ затворничкахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,—
Не сбросили покрыва своего.

Первыми дамами, отправившимися за мужьями, были: кн. Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная гр. Лаваль, и Марья Николаевна Волковская, урожденная Раевская. Трубецкая проторила нервую дорогу, по которой съ неменьшею безбоязненностью прошли слѣдомъ за нею и другія. На Трубецкую пали всѣ тѣ неудобства, которыя выпадаютъ на долю передовыхъ пионеровъ. Желаніе ея слѣдовать за мужемъ, тотчасъ же по его высылкѣ въ Сибирь, встрѣтило наибольшія испытанія на томъ главномъ обстоятельстве, что начальствомъ приказано было всѣмъ мѣрами стараться отклонить женъ слѣдовать за мужьями. Е. И. Трубецкую, воспитанную въ роскоши при вѣжливой любви отца (эмигранта) и матери (изъ богатой фамиліи уральскихъ мѣдныхъ заводчиковъ Казацкихъ), постигли тяжелыя испытанія уже въ Иркутскѣ. До него добралась она среди различныхъ дорожныхъ неудобствъ: въ Красноярскѣ заболѣвъ ея проводникъ (секретарь ея отца), она отправилась одна; на дорогѣ сломался дорожный экипажъ, она пересѣла въ перекладную почтовую телегу. Въ Иркутскѣ она уже не нашла мужа, онъ былъ отправленъ въ Николаевскій замокъ. Въ Иркутскѣ ей сказали, что его скоро привезутъ въ этотъ городъ, но никто не рѣшился ей объявить правды объ окончательномъ назначеніи мужа. Когда его привезли въ Иркутскъ, начальство не хотѣло допускать свиданія и наскоро приготовили тройки. Сколько ни медлили товарищи, лошади тронулись: „Въ это время пріѣхала Е. И. на извозчикѣ, услѣла скокочить и закричала мужу. С. П. въ мгновеніе ока соскочилъ съ повозки и былъ въ объятіяхъ

жены; слезы текли изъ глазъ обонть. Полиціймейстеръ суетился около нихъ, просилъ ихъ разстаться другъ съ другомъ, но напрасны была его просьбы. Наконецъ, однако же, послѣднее „прости“ было сказано и вновь тройки уехали насъ съ удвоенною быстротою“. Оставшись въ неизвестности о судьбѣ мужа, Трубецкая обратилась съ требованіемъ дозволенія слѣдовать дальше. Иркутскій гражданскій губернаторъ (Б. И. Цейдлеръ) послѣдствіемъ сначала представить ей страшную картину жизни среди 5.000 закованныхъ преступниковъ, въ одной казармѣ, безъ собственной прислуги, на правахъ жены ссыльнокаторжнаго. Говорилъ, что „вмѣстѣ съ тѣмъ, она принимаетъ на себя обязанности переносить все то, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, когда даже само начальство не въ состояніи будетъ защищать ихъ отъ ежечасныхъ могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто вѣкоторое право считать жену преступника, несущаго равную съ ними участь, себѣ подобною. Оскорбленія могутъ быть даже насильственными, закованнымъ злодѣямъ не страшно наказаніе“. Эти страхи не смущали Трубецкую. На слѣдующій день ей объявлено было, что она должна дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что отказывается отъ всѣхъ правъ дворянства на движимыя и недвижимыя имущества, принадлежащія ей теперь и могущія достаться ей по наслѣдству; съ отъѣздомъ въ Нерчинскъ уничтожится право на крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ нею. Трубецкая согласилась и на это. Нѣсколько дней сряду губернаторъ отказывалъ ей въ приѣмѣ, ссылался на нездоровье. Въ это время пріѣхала въ Иркутскъ М. Н. Волковская. „Обѣ соединились въ одной мысли и дѣйствовали въ одномъ и томъ же рѣшительномъ духѣ, не отступая ни передъ угрозами, ни передъ убѣжденіями. Терпѣливо выждавъ время приѣма, Трубецкая снова слышала отъ Цейдлера совѣтъ покинуть намѣреніе. Онъ говорилъ, что заводское начальство можетъ даже требовать отъ нее и личной услуги, какъ-то: мытья колдовъ и тому подобнаго,—наконецъ объявилъ, что если такъ твердо ея намѣреніе, то она можетъ отправиться къ мужу, но не иначе, какъ съ ссыльно-каторжными, отправляемыми еженедѣльно, связанная веревкою и по этапамъ. Трубецкая приняла и это условіе. Тогда Цейдлеръ, не сумѣвъ овладѣть собою, заплакалъ и объявилъ, что она поѣдетъ къ мужу. Самъ Лепарскій, проѣзжавшій въ это время черезъ Иркутскъ, такъ былъ тронутъ рѣшимостью Трубецкой, что постарался предупредить дальнѣйшія затрудненія для нее и для Волковской.

Трубецкую отклоняла мать, Волковскую отецъ герой 12-го года (Н. Н. Раевскій), страстно

ею любимый. Сверх того, у нее были грудной сынъ-первенецъ. Сына оставила она у бабушки, отцу объявила, что ѣдетъ только по-видаться, но въ Иркутскѣ выказала рѣшительное намѣреніе слѣдовать за мужемъ и не усомнилась утвердить своею подписью, слѣдомъ за Трубецкою, тѣ условія, которыя были ей предложены. Въ числѣ этихъ условій заключались, между прочимъ правилами, два такого рода: „дѣти, прижитыя въ Сибирь, поступать въ число казенныхъ заводскихъ крестьянъ“; „ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собою брать не дозволяется; равно воспрещается имъ получать оныя отъ кого либо и внослѣдствіи. Собственныхъ денегъ онѣ могутъ имѣть столько же, сколько дозволено имѣть и мужьямъ ихъ, т. е. до 2.000 руб. на первое обзаведеніе и до 1.000 руб. ежегодно на содержаніе себя, и то не иначе, какъ черезъ посредство коменданта нерчинскихъ рудниковъ и который будетъ выдавать имъ оныя по частямъ по мѣрѣ надобности“. Кромѣ того, съ каждой требовалась особая подписка. Вотъ въ чемъ заключалась эта подписка, которую внослѣдствіи отбиралъ Лепарскій въ Читѣ со всѣхъ дамъ, послѣдовавшихъ за мужьями: „Желая раздѣлить участь моего мужа и жить въ томъ селеніи, гдѣ онъ будетъ содержаться, не должна я: 1) отнюдь искать свиданія съ нимъ никакими просками и никакими посторонними способами, но единственно по сдѣланному на то отъ г. коменданта дозволенію и токъ въ назначенные для того дни и не чаще, какъ черезъ два дня на третій; 2) не должна я доставлять ему никакихъ вещей, денегъ, бумагъ, чернилъ, карандашей безъ вѣдома коменданта или офицера. Равнымъ образомъ, не должна принимать отъ него вещей, особливо же писемъ, записокъ и никакихъ бумагъ для отсылки; 3) не должна ни подъ какимъ видомъ никому писать и отправлять мужу писемъ и другихъ бумагъ иначе, какъ токъ черезъ г. коменданта, равно если будутъ присланы черезъ родныхъ или постороннихъ людей, должна я ихъ ему же, коменданту, при полученіи объявлять; 4) изъ числа вещей, при мнѣ находящихся и конкъ регистръ имѣется у коменданта, я не въ правѣ безъ вѣдома его продавать ихъ, дарить кому или уничтожать. Деньгамъ же моимъ собственнымъ обязуюсь вести прикладно-расходную книгу и въ оную записывать всѣ мои издержки, сохраняя, между тѣмъ, сію книгу въ цѣлости. Въ случаѣ востребованія г. комендантомъ, оную ему немедленно представлять. Если окажутся вещи и деньги сверхъ тѣхъ, которыя были мною скрыты, я подвергаюсь за противоучивенный проступокъ законному сужденію; 5) также не должна я мужу моему присылать никакихъ имѣльныхъ саптыковъ: водки, вина, пива, меду, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, да я тѣ до-

ставлятъ ему черезъ старшаго унтеръ-офицера, а не черезъ людей моихъ, конкъ воспрещено личное свиданіе съ мужемъ моимъ *); 6) обязуюсь имѣть свиданіе съ мужемъ моимъ не иначе, какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ въ назначенное для того время, а не говорить съ нимъ ничего лишняго и паче чего либо не принадлежащаго. Вообще, имѣть съ нимъ дозволенный разговоръ на одномъ русско-мъ языкѣ; 7) не должна я нанимать себя никакими именъ слугъ или работниковъ, а довольствоваться только послугами предоставленныхъ мнѣ одного мужчины и одной женщины, за которыхъ также отвѣтствую, что они не будутъ имѣть никакого сношенія съ моимъ мужемъ и вообще за ихъ поведеніемъ **); 8) наконецъ, давши такое обязательство, не должна я сама никуда отлучаться отъ мѣста, гдѣ пребываніе мое будетъ, равно и посылать куда нибудь слугъ моихъ по прозванію моему безъ вѣдома коменданта или, въ случаѣ отбытія его, безъ вѣдома старшаго офицера“ ***).

Женщины съ меньшимъ запасомъ душевныхъ силъ поколебались бы, могли бы замедлить дѣло перепискою съ петербургскими властями (сначала не было подробной инструкціи для сибирскихъ начальствъ), могли бы, такимъ образомъ, неблагопріятно повліять на рѣшимость другихъ; но Е. И. Трубецкая и М. Н. Волковская поселились съ мужьями въ Зерентуйскомъ рудникѣ, вытерпѣли недостатки во всемъ необходи-

*) Волку носили пить для здоровья фельдшера. Комендантъ самъ посылалъ ее Арт. Муравьеву и Вольфу для аптеки.

**) Этотъ § относился особенно къ тѣмъ дамамъ, которыя не привезли съ собою крѣпостныхъ людей. За богатыми послѣдовали ихъ крѣпостные слуги, на которыхъ онѣ терли владѣльческое право. Въ правилахъ для женъ государственныхъ преступниковъ сказано, между прочимъ: «§ 3. Изъ числа крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ ними, позволено имъ оставить при себѣ одного человека или одну женщину, и то въ случаѣ собственнаго сихъ послѣднихъ на то согласія, что они обязаны подтвердить подпискою за собственноручнымъ подписаніемъ; въ случаѣ же неиманія грамоты таковой оставаемый слуга долженъ объявить о томъ лично въ присутствіи мѣстнаго начальства. Прочіе люди могутъ возвратиться въ Россію. Отсюда изъезжаютъ, однако, тѣ изъ женъ преступниковъ, кои, рѣшившись раздѣлить участь своихъ, желаютъ жить вмѣстѣ съ ними въ острогѣ: таковыя не могутъ уже имѣть при себѣ никого для прислуги. § 5. Тѣ изъ крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ женами преступниковъ, кои не захотятъ долѣе оставаться съ ними, могутъ возвратиться въ Россію, но дѣти ихъ, въ Сибирь родившіяся, должны оставаться тамъ».

***) Однако, эти отпуски не были легки для Лепарскаго. Ему довелось получить строгій выговоръ за то, что смѣлъ отсутствовать Волковскаго на минеральныхъ Туркинскихъ горячихъ водахъ съ офицеромъ. Внослѣдствіи Ребандеръ испросилъ напередъ разрѣшеніе на подобные случаи и отсутствіе на воды четверыхъ.

момъ, нѣсколько мѣсяцевъ переносили голодъ и голодь, довольствовались однимъ бѣдомъ, сами стирали бѣлье. Въ Читѣ положеніе ихъ улучшилось: стала на людяхъ и смерть красна. Въ Читѣ за мужемъ (Никитю Мух. Муравьевымъ) послѣдовала третья героиня, Александра Григорьевна, урожденная гр. Чернышева. Въ Читѣ она была первою и первою приняла на себя всѣ невзгоды непривычнаго положенія, не выспавшись въ достаточной степени и для острогоначнаго начальства. Въ Россіи она оставила сына и двухъ дочерей на попеченіи бабушки, смѣнивъ заботу объ нихъ на заботу о мужѣ; въ Читѣ она была жестоко разочарована, когда комендантъ показалъ ей инструкцію, строго воспрещавшую совѣстную жизнь и допускавшую свиданіе не болѣе часа по два раза въ недѣлю и то въ присутствіи дежурнаго офицера. Свиданіе она восполняла тѣмъ, что ежедневно смотрѣла въ окно, когда мимо ея квартиры водили мужа и брата (Зах. Григ. Чернышева) на работу. Ей было 24 года; для всѣхъ она была поразительна своею внѣшнею красотю, но еще болѣе привлекла къ себѣ общую любовь душевною красотю и своими несчастьями. „При мужѣ она была покойна, даже весела, съ дѣтьми не печалила его, но какъ скоро оставалась одна, то тотчасъ же у нея являлась тоска по дѣтямъ“. Черезъ годъ послѣ разлуки съ ними предчувствія ея сбылись: умеръ единственный ея сынъ, а дочери растеряли здоровье въ постоянномъ тоскѣ и ожиданіи свиданія. Три года строго соблюдали въ Читѣ правила затрудненнаго свиданія съ мужьями, и хотя въ Петровскомъ заводѣ они были упрощены и облегчены, но Александръ Григорьевичъ Муравьевой-Аностоловой не долго удалось пользоваться этимъ правомъ, составлявшимъ главную цѣль послѣднихъ лѣтъ ея жизни. Сдѣлавшись беременною, она крѣпко простудилась, оставаясь долго на дворѣ, гдѣ цѣла чай, затѣмъ не слушалась совѣтовъ Вольфа и ходила легко одѣтою изъ каземата на свою квартиру; послѣ неудачныхъ, преждевременныхъ родовъ, она скончалась, оставивъ четырехлѣтнюю дочь. Потеря ея была для всѣхъ ударомъ; навболѣе всѣхъ другихъ она отличалась дѣлами благотворенія, ея кошелекъ былъ открытъ для всѣхъ. Когда для больныхъ, по ея мысли и при ея помощи, прочія дамы выстроили больницу, „дезабвенная и праведная“ Александра Григорьевна выписала изъ Москвы превосходную аптеку и разные хирургическіе инструменты. Товарищи почтили ея память на могилѣ неугасимою лампадою, Н. А. Бестужевъ собственноручно сдѣлалъ ей деревянный гробъ со всѣми вытѣками и украшеніями и даже вышилъ свицовой ящичекъ, въ которой и былъ поставленъ гробъ.

Въ ту же Читѣ и слѣдомъ за А. Г. Муравьевою прибыла Елизавета Петровна Нарыш-

кина и Александра Васильевна Янтальцева—обѣ бездѣтныя, но за то послѣдовавшая за ними (въ 1828 г.) Наталья Дмитриевна Фонвизина и Александра Ивановна Давыдова также оставили для мужей своихъ дѣтей въ Россіи *). Обязательство это взято было ими въ Россіи на томъ основаніи, что „въ законѣ указано на дозволеніе слѣдовать за осужденными родителями дѣтямъ только крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ и дозволеніе не можетъ быть распространено на дворянскихъ дѣтей, какъ по точному смыслу законовъ, такъ и по тому уваженію, что дѣти его, принадлежа къ высшему сословію въ государствѣ, должны получить приличное роду ихъ образованіе для вступленія со временемъ въ службу. Отцы же, находясь въ ссылкѣ, не только лишены способовъ дать имъ воспитаніе, но еще могутъ подать имъ примѣръ худой нравственности“.

Въ Читѣ же пріѣхала невѣста И. А. Анненкова, Прасковья Егоровна, дочь эмигранта-полковника, убитаго въ Испаніи гверильясами. Передъ отправкою жениха она успѣла снабдить его деньгами, вырученными отъ продажи шалей, чтобы купить ему все необходимое для дороги. Рѣшившись ѣхать сама, въ Вязьмѣ она на малерахъ подала просьбу императору о дозволеніи слѣдовать за женихомъ. Государь принялъ ее съ участіемъ, далъ разрѣшеніе и 3.000 рублей изъ собственныхъ денегъ на прогони. Черезъ три дня по пріѣздѣ въ Читѣ она была обязана съ женихомъ, съ котораго на время брака сняли желѣза, но, по совершеніи его, надѣли опять и увели мужа въ тюрьму, поставивъ въ общее положеніе со всѣми, т. е. дозволяя свиданіе только два раза въ недѣлю.

Такимъ образомъ, въ Читѣ семь женщинъ несли на себѣ тяжелый крестъ, добровольно или на себя принятый, и являлись на помощь вездѣ тамъ, гдѣ видѣли на другой сторонѣ несостоятельность силъ, гдѣ замѣчали казія либо уклоненія въ сторону отъ согласно назначеннаго пути, гдѣ предчувствіями предполагали необходимость участія или содѣйствія. Въ предшествіи ихъ, подъ ихъ охраною и защитою, отправилась товарищеская семья на новое мѣсто жительства, изъ Читы въ Петровский заводъ, гдѣ та же спасительная и живительная помощь съ ихъ стороны укрѣпилась еще болѣе и уса-

*) Нат. Дм. Фонвизина, урожденная Апухтина, недавно умерла въ Москвѣ. Она въ молодости послужила идеаломъ Пушкину для Татьяны въ «Онегинѣ»; сначала хотѣла идти въ монастырь, потомъ вышла за генерала Фонвизина. По возвращеніи изъ Сибіри въ Россію и по смерти мужа вышла за мужъ за Ив. Ив. Пушкина, товарища ея по пугнанію. Ив. Ив., какъ извѣстно, былъ также другомъ и товарищемъ А. С. Пушкина по дядю.

лались новыми сотрудниками *). Когда новые казематы въ Петровскомъ заводѣ оказались очень темными и въ нихъ позволено было жить заключеннымъ съ женами, товарищи одного

отдѣленія говорили: „Зачѣмъ намъ окна, когда у насъ четыре солнца“ **). Лѣтомъ 1830 г. качена была эта новая тюрьма, и въ іюлѣ начались приготовления къ переселенію въ нее.

Г Л А В А VII.

ДЕКАБРИСТЫ (окончаніе).

Переходъ изъ Читы въ Петровскій заводъ.—Н. А. Вестужевъ.—Фонвизинъ.—Шахматы.—Дамская улица.—Жизнь въ Петровскомъ заводѣ.—Новый казематъ.—Община и артели.—Занятія.—Обязанности хозяйна, закупщика, казначея и огороdnика.—Выборы.—Всчасновъ.—Взносы.—Положенію холостыхъ и семейныхъ.—Вліяніе декабристовъ на страну изгнанія.—Жизнь ихъ на поселенія.—Декабристы на Кавказѣ.—Марлинскій въ Якутскѣ.—Сторѣвшіе.—Занятія на поселеніи.—Изобрѣтеніе декабристовъ.—Послѣдующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ.—Основанныя ими школы.—Горбачевскій.—Врагья Вестужевы.—Горсонъ.—Всепрошенье.†

По предварительному распоряженію коменданта, всѣ декабристы были расписаны на двѣ партіи. Первая должна была идти подъ начальствомъ плацъ-маіора (подполковника Лепарскаго, племянника коменданта) и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ плацъ-адъютанта К.; вторую партію, черезъ три дня послѣ, вывелъ самъ старикъ-комендантъ съ плацъ-адъютантомъ Р.

7-го августа по утру выступила первая партія, подъ предводительствомъ шедшаго впереди одного изъ товарищей въ круглой шляпѣ, съ величайшими полями и въ какомъ-то черномъ костюмѣ собственнаго изобрѣтенія, похожаго на каварскій. „Въ правой рукѣ, выше его, палка, въ лѣвой—книга, которую онъ читалъ. Другой въ курткѣ à l'enfant; третій въ женской кацавейкѣ; нѣкоторые въ долгополыхъ пономарскихъ сюртукахъ, другіе въ испанскихъ мантияхъ, иные въ блузахъ. Проважій французъ подумалъ бы, что это изъ дома стюмасшедшихъ вывели погулять. Это насъ забавляло“.

Вторая партія выступила 9-го августа по утру, въ 9-мъ часу, тихо и въ стройномъ порядкѣ. „Взводъ солдатъ въ авангардѣ, другой въ арьергардѣ, конвойные по сторонамъ: всѣ

съ прикинутыми штыками и, сверхъ того, нѣсколько конныхъ казаковъ съ пиками (и бурить съ луками и стрѣлами); мы въ серединѣ около своихъ возовъ. Для перевозки поклажи были наняты фургоны, на которыхъ позволялось ѣхать тѣмъ, у кого были раны или кто былъ слабого здоровья“. Отправляясь въ путешествіе, всѣ поспѣшили запасть карандашами, перьями и записными книжками для записыванья впечатлѣній, въ большей части книги и бумаги пришли въ Петровскій заводъ безукоризненно

** Исключеніе было сдѣлано для тѣхъ, которые имѣли дѣтей. Такъ какъ дѣтей не дозволялось приводить съ собою и послѣ вечерней зари номера запирались и гасили огонь (дѣти оставались вѣдъ всякой помощи со стороны), то мѣшанія дѣтей уходили на ночь на квартиры. Дни проводили съ мужьями. Всѣ эти передвиженія, лишенія и неудобства, а также и заточеніе мужей не прошли даромъ,—многіе роды были несчастными: изъ 25 родовъ въ Читѣ и заводѣ было 7 выкидышей, за то изъ 18 живорожденныхъ умерло только 4. На послѣднее обстоятельство имѣло вліяніе искусство врача (Вольфа) и климатъ. «Въ Читѣ мы всѣмъ поздоровѣли», свидѣтельствуютъ сами заключенники. Въ Петровскомъ заводѣ умеръ Александръ Семеновичъ Пестовъ: съ вередомъ на спинѣ онъ сходилъ въ баню, карбункулъ и антоновъ огонь развились такъ быстро, что большой черезъ два дня умеръ. Всѣ товарищи проводили его на заводскій погостъ, неся его тѣло до церкви на рукахъ, перемежаясь поочередно. Организовавшаяся окончательно на то время артель похороны А. С. Пестова приняла за свой счетъ (издержала 21 р. 84 к.) и, сверхъ того, со всѣхъ собрана была сумма (100 р.) на сооруженіе ему памятника. Всѣ вещи покойнаго комендантъ предоставлялъ въ полное распоряженіе общества товарищей, но всѣ отказались. Выдали наградѣ двумъ служителямъ, а когда все—какія вещи (книги, очки, самоваръ, серебряную ложку) нѣкоторые изъявили желаніе купить на память о покойномъ, то вырученныя деньги постановили употребить въ пользу мальчиговъ, находившихся въ обученіи у товарищей. Всѣ вещи, годныя къ употребленію, отправлены къ находящимся на поселеніи (Веденяину и Шамкову).

*) На дорогѣ декабристовъ изъ Читы въ заводъ встрѣтили: жена Розена—Анна Васильевна, и жена Юшневскаго—Марья Калимповна. Жена И. Д. Якушкина (Настасья Васильевна) на нѣскольکو просила получасъ отійти, что ѣхать нельзя, опустила срокъ,—современенно не воспользовалась. Вѣра Гр. Чернышова, сестра А. Г. Муравьева, просила жену Розена взять ее съ собою подъ видождъ горничной, чтобы она могла помочь своей сестрѣ въ Сибири. Къ Вас. Петр. Пашеву прѣехала невѣста, Эмилиа Петровна Леданту. Въ Сибири же вступили въ бракъ: Ник. Вас. Васаргинъ съ Ольг. Ив. Мендель, Дм. Ирин. Завалишинъ съ Аполлинаріею Семеновною Смольянивою—дочерью горнаго пиковника, М. А. Вестужевъ, Е. П. Оболенскій, А. М. Муравьевъ, Сутгофъ, П. Н. Свистуновъ, оба брата Кюхельбекеры, Модзалевскій, Муравьевъ-Апостолъ, Александръ Викторовичъ Поджіо.

чистыми: у других заполнены самыми свежими впечатлениями. Последние сохранили свою живость и вѣрность у барона Штейнгеля, у Васаргина и у Розена. Последний не побѣдился, насколько было возможно, запастись свѣденіями и о бурятах и семейскихъ—старобрядцахъ.

Провожая ту и другую партію, народъ толпился у воротъ; служившіе прощались и плакали, провожая до перевоза, дальше 3-хъ верстъ отъ селенія. Ту и другую партію провожала ненастная погода, но, не смотря на дождь и грязь, почти всѣ шли пѣшкомъ, предполагая выпить чашу, не проронивъ ни капли. Впереди предстояло 700 верстъ; походъ объявленъ былъ пѣшій: рассчитывали на 48 дней, принимали, послѣ тюремнаго сидѣнья, походъ за прогулку.

На каждую партію полагался одинъ выборный староста-хозяинъ (въ первой Александръ Николаевичъ Сутгофъ, во второй Розенъ). Хозяева, послѣ прісмотрѣвъ солдатъ, выѣзжали за день впередъ, объявляясь заготовлять самовары, обѣды и ужины. Переходъ на каждый день полагался въ 20—30 верстъ. Съ мѣста выходили въ 3 часа утра, въ 8-ми и 9-ти часамъ по полудни кончали переходъ, старааясь становиться около рѣчекъ. Отдохнувъ, шли купаться, затѣмъ ложились пить чай и бесѣдовать до обѣда. Одинъ изъ патырхъ дежурить, т. е. разливалъ чай, убиралъ посуду. Обѣды разносила съ кухни прислуга. Послѣ обѣда часа 2—3 отдыхали, а когда снадалъ жаръ, шли гулять по ароматнымъ лугамъ роскошной Братской степи. Черезъ три дня назначался суточный отдыхъ; черезъ 12—15 верстъ — на часъ отдыхъ для завтрака, съ рюмкою водки, кускомъ курницы или холодной телятины; все это держали въ запасѣ дамы, все время слѣдовавшія вмѣстѣ съ партіями. На ночлегахъ и дневкахъ находили бурятскія юрты — конусообразныя, войлочныя палатки, вмѣщавшія въ себѣ не болѣе 4—5 человекъ; въ каждой куртѣ полагался каморникъ мужчина. Всѣ десять юртъ ставили въ одинъ рядъ и на равномъ другъ отъ друга разстояніи; крайнія занималась командою; 11-ая назначалась для офицера, 12-ая ставилась подождать для коменданта. Кругомъ дѣлѣ часовыхъ, зажженные костры, сторожевая перекачка; все это дѣлало стоянки декабристовъ похожими на военный лагерь. Въ полчаса всѣ были готовы къ походу. Проводниками служили бурята, которыхъ исправникъ успѣлъ предувѣдомить въ томъ, что идутъ злые люди, знающіеся съ шайтаномъ и за то посланные въ неволю, но не снабдивъ бурятъ необходимыми: не нѣтъ ни глѣба, ни другихъ съѣстныхъ припасовъ, они два раза въ день партіями уходили въ гѣсь и тамъ въ полчаса утоляли свой голодь брусни-

кою. Во всякое другое время эти бурята исполняли должность слугъ.

Пищу себѣ путешественники варили подъ открытымъ небомъ, въ дождь накрывали котлы крышкою изъ хвороста съ переплетомъ. Вообще дорожное продовольствіе было гораздо лучше чѣмъ въ Читѣ. На привалахъ затѣвались шахматы и шашки, на дневкахъ чтеніе газетъ и книгъ. Читинская жизнь перенесена была на кочевку сначала по горамъ и долинамъ, потомъ по гладкой степи до Верхнеудинска, отъ Верхнеудинска по берегамъ разнообразной и красивой Селенги на богатые и сытыя селенія семейскихъ старобѣровъ. Когда дорога отъ дождей испортилась, проложили другую, прорубивъ гѣсь. Дорогою этою Нарышкина успѣла проѣхать въ каретѣ. На этомъ пространствѣ юрты были покинуты; стали ночевать въ избахъ хлѣбосольныхъ и тароватыхъ хозяевъ. Въ концѣ пути физическое утомленіе кзало нервистъ: дамы начали выходить изъ терѣнія и малю по малу уѣзжали впередъ. Дорога становилась все труднѣе и непривлекательнѣе: красивая видана стала утомлять мелкими подробностями. Впечатлѣній немного, разлеченій еще меньше. Хотя о послѣднихъ временахъ хлопоталъ Лепарскій, по привычкѣ и опыту заботившійся въ этомъ отношеніи о походныхъ людяхъ, дѣлающихъ такой длинный переходъ. На первой половинѣ ихъ интересовали кочевники-бурята, на второй поразили путниковъ домовитые и богатые старобѣры.

Степныя впечатлѣнія начались съ того, что близъ ставнн Домно-Ключевской, въ тонкомъ мѣстѣ, ихъ встрѣтили верхами посланные тайшею бурята и перевозили ихъ на лошадей. „Вездѣ мосты, видна заботливость, чтобы не подмочили ногу, это насъ забавляло“. На одной дневкѣ привезли шамана: „во какъ тутъ было тайша самъ, то онъ, по видимому, в не силѣ развернуться“. Неможно поскакалъ, пропѣлъ „менду-менду“, постучали его ассистенты въ бубны, какъ въ лукошка, и гѣмъ этотъ глухой фарсъ кончался. Приявѣтно, что тайша смѣялся такъ, чтобы видѣли, что онъ шаманству не вѣритъ“. Когда двое шахматныхъ игроковъ (Трубецкой и Вадковскій) сядили за столъ, ихъ окружала толпа бурятъ: восклицаніями и указаніями убѣждали въ томъ, что эта игра имъ хорошо известна. Въ Домининскомъ зимовьѣ Иванъ Александръ Фонвизинъ, узнавъ, что одинъ зайсанъ изъ свиты тайши хорошо играетъ, пригласилъ его на партію и былъ побѣжденъ: бурята играли бѣгло и расчетливо и объяснили, что игра перешла къ нимъ отъ китайцевъ. Переправа черезъ рѣку Оюу подъ наблюденіемъ самого коменданта дала послѣднему случай припомнить и сказать, что въ девятидесяти годахъ онъ также велъ и переправлялъ черезъ рѣку конфедератовъ. „Это насъ

позабавило дорогою“. М. С. Лукинъ, вѣдшій цѣно за ранами ѣхать въ фургоцѣ, обиль его клячкою, спалъ ночью и никогда не оставялъ дѣлать; любопытство бурить не имѣло предѣловъ; таинственный незнакомецъ не показывался и представлялся имъ главнымъ преступникомъ, рисовался въ воображеніи имъ чудовищемъ. Съ немалымъ любопытствомъ встрѣчались путешественниковъ и въ русскихъ селеніяхъ, умѣя присоединять къ тому вещественныя доказательства состраданія и участія. Многие приносили посылаемыя жертвы: снабжали мясомъ, провизіею, предлагали баню, служили чѣмъ могла и смѣли.

Впечатлѣнія горныхъ мѣстностей начались подъ Верхнеудинскомъ тѣмъ, что на привалѣ за 5 верстъ до города появились на дорожкахъ тамошнія дамы звать на прохожихъ; онѣ же смѣли вѣстѣ съ верхнеудинскими дѣди съ галлерей, когда партія шла черезъ городъ. Передъ городомъ „прочли намъ словесное приказаніе коменданта, какъ идти завтра черезъ городъ, т.-е., чтобы всѣ были при своихъ повозкахъ и не далѣе двухъ шаговъ; трубокъ бы не курили и даже въ рукахъ чубуковъ не держали. Солдатамъ же приказано не разговаривать и показывать свирѣпый видъ. Намъ это дало случай пошутиться“. Передъ городомъ встрѣтила полиція; по возвышеніямъ кучками толпились народъ; комендантъ стоялъ у моста въ позѣ полководца, ведущаго армію. На пути по берегамъ Селенги вся эта парадность была снова оставлена. „Комендантъ, ѣхавшій впереди, насъ оставилъ. Ник. Вестужевъ далъ совѣтъ хозяину спопутной мельницы, какъ устроить плотину. Семейскіе радушно насъ встрѣтили“. Въ ихъ селеніяхъ позволялось ходить изъ избы въ избы, съ квартиры на квартиру, но разъ позволеніе это было отнѣнено по случаю фельдгегера. „Вскорѣ узнали, что онъ привезъ только письмо къ Марѣ Николаевнѣ (Волковской) вслѣдствіе ея просьбы о дозволеніи ѣхать съ мужемъ по случаю ея беременности“. „Узнали, что фельдгегеръ уѣхалъ обратно, но не слышно, чтобы онъ привезъ что либо поважнѣе дозволенія Марѣ Ник. видѣться дорогою съ мужемъ *). Пріѣхала она показавъ полученное ею письмо, мало добраго обѣщающее“. „При выступленіи изъ Харауза Фовнианъ сообщилъ подробности изъ газетъ объ абдикаціи Карла X. Это извѣстіе всѣхъ оживило“. „Достали гдѣ-то двѣ-три бутылки шипучаго и выпили по бокалу“. „Это было для нашего новоселья хорошимъ предзнаменованіемъ“. Къ заводу приближались веселыми. Дамы, уѣхавшія впередъ, выѣхали на встрѣчу мужей. При посредствѣ коменданта и

содѣйствіи мѣстныхъ купцовъ дамы успѣли уже обезпечить себя въ заводѣ постройкою собственныхъ домовъ, образовавшихъ улицу, до сихъ поръ также носящую названіе „Дамской“.

„Дорога вела въ междугоріе и тѣсины, все какъ бы предвѣщало приближеніе къ мрачной тюрьмѣ, но всѣ шли съ веселымъ духомъ. На половинѣ сдѣлали привалъ“. „Последнія версты дорога вилась лѣсомъ, рѣдѣвшимъ по мѣрѣ приближенія къ Петровску; за лѣсомъ слѣдовало опушка—кустарники—и болото; на сѣверѣ и востокѣ потянулись высокія горы. Въ глубокой долинкѣ намъ показалась большая деревня: церковь, фабричное строеніе съ многочисленными трубами, ручей и позади его красная крыша тюрьмы: неуклюжее зданіе на каменномъ фундаментѣ, выстроенное въ формѣ высѣлницы съ большимъ количествомъ кирпичныхъ трубъ; стѣны же были безъ оконъ“. „Остановились, чтобы дать солдатамъ надѣть ранцы. Мы съ пригорка смотрѣли на нашу будущую обитель, и—шутя! При вступленіи въ заводъ множество народу высыпало насъ встрѣтить. Насъ встрѣтилъ заводскій полиціймейстеръ и побѣгалъ впередъ. На заводскомъ мосту, подъ которой надо было проходить, стояло также множество зрителей чиновницъ и чиновниковъ, съ любопытствомъ на насъ зѣвующихъ. У дома Алекс. Григ. (Муравьевой) наши дамы вкупѣ ожидали своихъ мужей *). Насело вошедъ въ стѣны своей бастилы, бросались въ объятія товарищей, съ коими 48 дней были въ разлукѣ; сдѣлали 31 переходъ и 15 было диевокъ“.

„Вскорѣ насъ размѣстили. Мы вступили въ тюрьму, какъ въ преддверіе гроба, но сердца были спокойны, душа тверда. Товарищи рассказывали намъ, что имъ, по вступленіи сюда, читали правила о порядкѣ, какой впредь будетъ здѣсь наблюдаться. Правила возбудили между нами всеобщій хохотъ и всѣ твердили: „отъ запертія до отпертія“, а потому вѣроятно намъ никакихъ правилъ уже не показывали. Не только мы, но даже солдаты смѣялись тѣмъ наставленіямъ, которые имъ читали на гауптвахтѣ. Во всякое отдѣленіе дали по сторожу изъ солдатъ. Совершенно темные номера, желѣзные запоры, четырехъ-саженный тылъ, не допускающій ничего видѣть, кромѣ неба, должны были ужаснуть каждаго, но таковое слѣдствіе привычки, мы были равнодушны ко всему. Я вспомнилъ зайцовскаго ямщика, который въ 1819 году, подѣзжая къ Бронницамъ, на вопросъ мой: „Начинаютъ ли военно-поселенцы привыкать къ новой своей жизни?“—отвѣчалъ: „Да, батюшка баринъ, велятъ, такъ и въ аду привыкнешь“. Какъ сильно и какъ справедли-

*) Върѣше: фельдгегеръ привезъ разрѣшеніе отъ тѣхъ въ Читѣ С. Г. Волковскаго, пока не родитъ его жена, а какъ она родила преждевременно, то и выѣхала вмѣстѣ съ мужемъ.

*) Изъ дамъ впередъ уѣхали тѣ, которыя имѣли дѣтей; другія танулись за партіями въ собственныхъ экипажахъ.

во! Я тогда не воображалъ, что опытомъ узнаю истину сей русской остроты. Могу ли предугадать, что еще впередъ испытать предназначено?... да будетъ воля Твоя!.. *).

Валегинскій Петровскій желѣзный заводъ оконченъ былъ постройкою въ 1789 и въ первой половинѣ настоящаго столѣтія представлялъ людное селеніе, оживленное сѣмьными рабочими всякаго рода, которые таяли проволоки, ковали шинное желѣзо, отливали разныя желѣзныя вещи. Стояла еще при заводѣ пильная мельница съ водянымъ приводомъ, но стояла нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣла, ибо механизмъ испортился и всѣ считали его уже вовсе неисправимымъ. Но прибыли новые жильцы, въ средѣ которыхъ нашлись два замѣчательные механика: Н. А. Бестужевъ и К. П. Торсовъ, съѣздили на мельницу, посмотрѣли и, черезъ нѣсколько часовъ, къ удивленію чиновниковъ, мастеровъ и фабричныхъ, мельница начала пилить снова. Эта мельница и сама желѣзная фабрика остались въ сторонѣ и въ другіхъ правѣхъ и вліяніи новыхъ пришельцевъ: тутъ и тамъ работали каторжные, сосланные не за государственныя преступленія. Для нихъ и тюремное помѣщеніе издавна существовало особо. Для новыхъ заводскихъ обывателей выстроена была новая ручная мельница, на подобіе чинской, и новый казематъ, имѣвшій видъ покоя (II). На такой же точно сырой и болотистой почвѣ, на которой прилягала новая Дамская улица **), на самомъ низменномъ мѣстѣ всей той впадины между горами, въ которой помѣстился заводъ, выстроено было одноэтажное зданіе съ кордегардіями на главномъ фасѣ. Въ стѣнахъ кордегардій были узенькія щели бойницъ, сквозь которыя выстрѣлы предполагались быть перекрестными. Эти кордегардіи, выдвинутыя нѣсколько впередъ главной линіи, имѣли по обѣимъ сторонамъ амбразуры, черезъ которыя предполагалось обстрѣливать разомъ оба фаса зданія на случай побѣга заключенныхъ.

Въ срединѣ главнаго и передняго фаса помѣщалась единственная гауптвахта и былъ единственный входъ въ казематы. Крытая ворота приводила на дворъ прямо къ особому зданію съ кухней, кладовою и обширною столовою. Вся внутренность двора, обстроенная съ трехъ сторонъ зданіемъ казематовъ и забранная съ четвертой тыномъ *), представлялась раз-

гороженною такими же отвѣсными бревнами на 8 отдѣльныхъ дворовъ съ особыми воротами. На эти дворы выходили двери 12-ти отдѣлений каземата прямо изъ корридора, на которой вели двери уже изъ самыхъ 64-хъ номеровъ. Къ каждому отдѣленію принадлежало пять номеровъ. Такихъ отдѣленій было 8 съ 5-ью комнатами, въ 4 отдѣленіяхъ (угольныхъ) было до 6 комнатъ, выходившихъ въ общій корридоръ своего отдѣленія. Слѣдующіе пять номеровъ, образующіе соседнее отдѣленіе, отдѣлялись толстою капитальною (деревянною) стѣною съ тяжелою дверью, которая запиралась уже четырьмя замками. Ключъ отъ дверей отдѣленій хранился у коменданта и эти двери отпирались только передъ нимъ и другими вліятельными лицами (какъ Сулина, Броневскій, адъютанты военнаго министра и пр.); тогда все зданіе можно было обойти кругомъ корридоръ прерывался только караульною и воротами. Отмечеванный для каждаго отдѣленія внутри двора небольшою четырехугольною дворикъ, забранный тыномъ, преслѣдовалъ ту же мысль отдѣленія товарищей другъ отъ друга. Здѣсь, однако, узники успѣли завести зайцевъ, козуль, журавлей. Какъ по отдѣленіямъ въ корридорахъ могли видаться только жильцы пяти соседнихъ номеровъ, выходившихъ дверями въ корридоръ, такъ точно на внутреннихъ дворикахъ встрѣчались жильцы или того же отдѣленія или трехъ соседнихъ. Такимъ образомъ, для четырехъ отдѣленій 1, 2, 11 и 12 (считая съ послѣдняго изъ боковыхъ) были особые дворы; для 3, 4, 5—однѣй общій, для 8, 9 и 10—тоже общій, а для двухъ среднихъ (6 и 7), находившихся по бокамъ входныхъ воротъ, одинъ большой дворъ, общій съ кухоннымъ строеніемъ. Каждое отдѣленіе, не сообщаясь съ другимъ въ корридорѣ, имѣло особый входъ со двора, по единственной лѣстницѣ, поднимавшейся съ дворика и приводившей въ корридоръ отдѣленія, имѣвшей сажени 1½ ширины, и сажень 5 длины. Корридоръ былъ теплый, изъ него топились печи (одна на два номера). Каждая келья имѣла 7 шаговъ длины и 6 ширины (номера, отутвавшиеся на углахъ, были побольше; срединные, шедшіе по фасу—меньше, но одинаковой величины между собою). Кельи были высоки, казались просторными, когда на каждую назначалось по одному человѣку, но имѣли тотъ недостатокъ, который сначала неожиданно и мучительно поразили пришельцевъ: кельи бы-

*) Комендантъ Лепарскій получилъ за походъ Владимира 2 степени со звѣздою.

**) Изъ дамъ имѣли свои дома: Трубецкая, Волконская и Анненкова. Муравьева, Нарышкина и Давыдова занимали дома, которые сами же и выстроили на свой счетъ. Дома были, болѣею частью, двухэтажны со свѣтелками.

*) По первоначальному проекту и эту сторону предполагали застроить казематами, но

умылъ ушедшихъ на поселеніе по различнымъ милостивымъ манифестамъ остановила это дѣло. Такимъ образомъ, петровскіе казематы, вмѣстѣ съ огороднымъ мѣстомъ, составляли прямоугольный равнобедренный четырехугольникъ. Простос огороженное пространство служило мѣстомъ для прогулокъ. Тутъ зимою устраивались горы и катки для конькобѣжцевъ.

ли почти вовсе темны, получая свѣтъ изъ корридора черезъ рѣшотчатое стеклянное оконцо надъ дверями. Въ свѣтлый день нельзя было не только читать, но и разобрать цифры на часовомъ циферблатѣ. Къ тому же близилось время зимнее и осеннее, обзывавшее или сидѣть въ потьмахъ или жечь свѣчи цѣлый день; въ некоторыхъ приводилось прожить такимъ образомомъ еще 12 лѣтъ срочнымъ, назначеннымъ приговоромъ. Комендантъ, видѣвая жалцовъ, входилъ въ номеръ, запералъ дверь, вынималъ бумагу, читалъ и говорилъ: „Очень темно!“ Когда ему возражали, что можно привыкнуть, онъ уставалъ на своемъ „очень темно“ и устоялъ фактически въ представленіи своемъ, посланномъ въ Петербургъ. Въ представленіи этомъ онъ выставялъ опасность умопомѣшательства и простодушно увѣрялъ, что есть уже и замѣчена нѣкоторая склонность къ тому. До времени разрѣшенія онъ позволялъ отворять въ корридоръ двери и приставлять къ дверямъ столы для занятій. Нѣкоторые ухитрились, какъ Н. А. Вестужевъ, пристроивать подмостки, чтобы воспользоваться скуднымъ количествомъ свѣта, достигавшаго изъ окна корридора черезъ наддвернюю скважину, называвшуюся окномъ. Такіе подмостки прилажены были всѣмъ, кто желалъ заниматься. Въ корридорѣ съ обыкновенными окнами, обращенными на улицу, было свѣтло, но зимою стало невыносимо холодно; начали заниматься въ номерахъ при свѣчахъ и въ теченіе зимы многіе успѣли разстроить зрѣніе и прибѣгнуть къ помощи очковъ. Читинскія дамы, вліятельныя въ Петербургѣ своими связями, написали о темныхъ жилищахъ къ роднымъ; комендантъ, съ своей стороны, прибавлялъ начальству, что темнота каютъ ослабляетъ здоровье и предрасполагаетъ къ меланхоліи. Въ апрѣлѣ 1831 года вышло разрѣшеніе прорубить окна. Объявлено было всѣмъ собравшимъ заключеннымъ, какъ о милости, черезъ военнаго министра (Чернышева) и, между прочимъ, напоминали о первой милости: о кандалахъ, снятыхъ въ Читѣ. Окна прорубили подъ крышею наружнаго фаса такъ высоко, что человекъ большого роста (какъ Якубовичъ) могъ видѣть одно только небо. Въ казематахъ происходили почти въ продолженіи цѣлаго года безпрестанныя поправки: многіе печи пришлось сломать и сложить новыя. Наскоро сложенное зданіе, отъ сырости и неумѣлой постройки, сѣло по угламъ, сдѣлавъ угловые номера и сосѣднія съ ними холодными, неудобными для жилья. Отъ дурной постройки (вслѣдствіе воровства) стѣны состояли изъ коротенькихъ обрубковъ. Былъ случай, что одинъ такой обрубокъ руками вынули совсѣмъ изъ стѣны; стѣны корридора выучало наружу; ничѣмъ не отдѣленные отъ печи, нѣкоторые стѣны не разъ загорались. Вмѣсто одного стали

жить въ номерахъ по двое (братья Андрей и Петръ Иванов. Ворисовы, Вестужевы, Вальевы, Крюковы). Основаніе распредѣленія вышло отъ самого казематнаго общества, которое настояло на отгнѣвѣ росписанія коменданта и требовало предоставить самимъ развѣститься по справедливости. Помѣстили по двое тѣхъ, которыхъ сроки были меньше и которыхъ, стало быть, недолго приходилось переносить неудобства помѣщенія вдвоемъ. Старшій разрядъ весь жилъ по одиночкѣ. Когда начали шугатурить корридоръ и казематы, то привелось жить еще болѣе въ стѣненномъ положеніи. Прежде въ каждомъ номерѣ полагались въ одномъ углу нары,—теперь и другой уголокъ былъ стѣсненъ этимъ неуклюжимъ ложемъ; въ третьемъ углу добавляла тѣсноту печь. Желѣзныя рѣшетки новыхъ оконъ ослабляли свѣтъ и не давали его въ желаемомъ и необходимомъ количествѣ. Товарищи считали для себя стѣсненіе обязательнымъ и приятнымъ лишь на то время, когда дамамъ позволено было жить съ мужьями въ казематахъ. Женатые стали жить въ двухъ номерахъ, за то по вечерамъ устроивались семейныя бесѣды. Это продолжалось около года. Когда начались передѣлки, дамы выбрались и мужья съ ними. Дамы уже не приходили въ тюрьму; мужьямъ дозволено ходить, когда пожелають, и только ночевать должны были въ камерахъ. Подъ конецъ разрѣшено постоянно жить съ женами на квартирахъ и женатые даже ночевать не приходили въ тюрьму, сначала Нарышкинъ, жена котораго занемогла простудною горячкою, потомъ Ник. Муравьевъ, который самъ занемогъ гнилою горячкою. Дамы страдали неволею: одна отъ скуки разсыпавшая бисеръ разныхъ цвѣтовъ подбирала цвѣтъ къ цвѣту въ разныхъ коробочки и приводила тѣми въ порядокъ, отъ мучительной скуки. Лѣтомъ въ надворныхъ садикахъ устроили дорожки, по которымъ можно было гулять во всякую погоду; развели грады съ огурцами; къ наружнымъ дверямъ корридора, вмѣсто лѣстницы, приладили насыпь съ откосами, покрытыми булыжникомъ. На среднемъ дворѣ отгорожено было мѣсто для сада, но садъ никогда не былъ засаженъ. Въ большой комнатѣ у кухни, назначенной для богослуженія, скоро прилажился читинскій клубъ, съ тѣмъ же удобствомъ переносимый на мельницу. Въ Петровскомъ заводѣ страстно любили древяныя: Плутархъ, Титъ-Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе были у каждого почти настольными книгами. Изъ современныхъ писателей пользовался наибольшимъ уваженіемъ Вальзакъ. Библиотека состояла изъ ученыхъ книгъ, специальныхъ журналовъ и сочиненій. На мельницѣ по прежнему зимою продолжали вымалывать нѣсколько фунтовъ такой муки, которая потомъ вивуда не годилась, а лѣтомъ занимались проложеніемъ

дорогъ и огородничествомъ. Столярная установка по старому *). Торсовъ приготовлялъ модели машинъ: дильной, жатвенной и молотильной. Сверхъ того, изготовлялись стулья, столы, кресла, комоды сколько для себя въ номера, столько и для дамъ, на квартиры. Въ номерахъ у братьевъ Борисовыхъ собиралась ботаническая коллекція сибирской флоры, начатая въ Благодатскомъ рудникѣ, дополнявшаяся въ Читѣ и обогащенная экскурсіями по Братской стени, и по дорогѣ изъ Читы въ Петровскъ. У Андр. Ив. приготовлялась энтмологическая коллекція, возбуждавшая собою впоследствии въ Москвѣ серьезный интересъ въ специалистахъ; Петръ Ив. составилъ коллекцію рисунковъ забайкальской флоры и орнитологию. Снятіемъ видовъ занимались М. А. и Н. А. Бестужевы, а П. И. Фалейбергъ производилъ топографическія съемки и самъ сдѣлалъ для этого планшетъ. Андреевичъ въ своемъ номерѣ написалъ масляными красками огромный запрестольный образъ для читинскаго собора. Занятіе литературою можно считать однимъ изъ основныхъ и любимыхъ; къ казематѣ жили признанные поэты (Одоевскій), известные авторы и редакторы журналовъ (Корниловъ—издатель журнала „Русская Старина“, Луничъ, Бестужевъ, Кохельбекеръ и друг.). Большая часть являлась сюда литературно подготовленною съ любовью къ ней и знаніемъ (И. Д. Якушкинъ, случайно встрѣтившись съ А. А. Бестужевымъ въ Иркутскѣ въ банѣ, нѣсколько минутъ случайнаго свиданія посвящаетъ разговору о вышедшихъ тогда „Цыганахъ“ Пушкина). На досугѣ, подѣляя вниманіе товарищей и впечатлительнѣе заточенія, обратились къ литературнымъ занятіямъ даже и тѣ, которые считали до тѣхъ поръ это дѣломъ для себя чуждымъ и постороннимъ и на свободѣ ничего не писали. Авторство успѣло уцѣлѣть многими и свидѣтельство о томъ мы встрѣчаемъ почти въ каждой изъ завѣщанныхъ узниками записокъ,—относившихся равнѣе къ тому времени, когда въ Петровскомъ казематѣ окончательно отвоеваны были чернила и бумага. П. С. Вобрящевъ-Пушкинъ, при глубокой вѣрѣ сохранившій до конца жизни свѣтлый и многосторонній умъ, писалъ остроумныя басни и переводилъ псалмы и посланія апостольскія. Ивашевъ написалъ эпосъ

*) Въ читинской столярной Н. А. Загорѣцкій, съ помощью простого столяра, изготовилъ прекрасныя стѣнные часы изъ кюстроль и картона, съ помощью одного ножика и вилочки и подѣлякомъ таинственности. Всѣ острые орудія были запрещены: не давали ни ножей, ни вилочекъ и даже обламывали кончики шницель. Н. А. Бестужевъ всѣми неправдами добылъ себѣ ножъ и маленькій подпилочекъ, устроилъ токарный станокъ и сдѣлалъ часы, которые и подарилъ А. Гр. Муравьевой. Комендантъ, какъ извѣстно, разрѣшилъ ему впоследствии пользоваться инструментами.

„Степка Разинъ“, Одоевскій писалъ гімны, посланія и проговаривался остроумными эпиграммами; Луничъ—критическія статьи, а многіе другіе узники воспоминанія о прожитой жизни и о событіи, увлекшемъ въ заточеніе. М. А. Бестужевъ написалъ цѣлый рядъ морскихъ повѣстей, изъ коихъ самыя лучшія—по его свидѣтельству—были сожжены Мухановичъ при домовомъ обыскѣ полиціи на поселеніи, но доносъ одного чиновника. М. А. Бестужевъ написалъ „Записки моряка“ и критическія статьи, между которыми выдается своими достоинствами разборъ книгъ Н. И. Тургенева и сохранившійся въ письмахъ къ С. Г. Волконскому.

Константинъ Петровичъ Торсовъ, на свободѣ до ссылки, составившій прозекъ о преобразованіи флота, также восстанавливалъ свои воспоминанія о морскомъ путешествіи и впечатлительнѣе въ литературно отдѣланной формѣ. „Жизнь въ Петровскомъ заводѣ была самая цвѣтущая эпоха стихотвореній, повѣстей, рассказовъ и мемуаровъ“—свидѣтельствуется М. А. Бестужевъ въ своихъ запискахъ.

Въ это же время изготовленъ былъ тотъ существенный и весьма важный трудъ политической исповѣди въ объясненіе дѣлей и нагнѣреній, послужившихъ причиною 14-го декабря. Этотъ самый важный литературный трудъ, т. е. описаніе событій, относящихся къ роковому дню, составленъ былъ по словеснымъ и письменнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ казематскихъ узниковъ. Все это въ готовомъ видѣ передано было М. С. Луинну, который хотѣлъ переслать сестрѣ и черезъ нея посредствомъ напечатать за границею, а копію долженъ былъ хранить. Эту копію переписывалъ Громницкій и зарылъ ее гдѣ-то въ лѣсу. Но Луинна посадили въ Акатуй, Громницкій скоропостижно скончался, а съ нимъ умеръ и секретъ, гдѣ была зарыта его рукопись. Хотя многіе послѣ и надували заключенниковъ, выпрашивая деньги, чтобы указать мѣсто, но все-таки дѣло уже было навсегда потеряно. Н. А. Бестужевъ вычисленіями додумывался до усовершенствованія хронометра съ ничтожною девиаціею (но привезъ свою мысль въ исполненіе уже въ Селенгинскѣ—на поселеніи). „Комендантъ любилъ нами хвастаться передъ привѣжними и обыкновенно возилъ ихъ на гору, съ которой можно видѣть расположеніе казематовъ“. Когда пріѣхалъ изъ Петербурга адъютантъ военнаго министра и разспрашивалъ обо всемъ, что дѣлалось, особенно о содержаніи въ казематахъ, хитрый старикъ „очень ловко предложилъ ему сообщить самыя вѣрныя свѣденія объ насъ и нашихъ женахъ и тѣмъ прекратилъ тайныя розыскы“. Генералъ—губернатора Вроневскаго (какъ младшаго чиновн.) даже и не провозгласилъ онъ самъ по казематамъ, поручить это дѣло плацъ-майору. „Генералъ-губернаторъ заходилъ

въ яныя номера, а въ другіе только заглядывали съ тѣмъ любопытствомъ, съ какииъ обыкновенно заглядывали въ желѣзныя кѣтки почтители, осматривающіе никогда не выданный имъ звѣринецъ". Тѣмъ не менѣе Броневскій написалъ въ запискѣхъ своихъ такія строки: „Замокъ—деревянное квадратное строеніе съ обширнымъ дворомъ, выходящее съ внутренней стороны галлерей, а съ вѣншей—комнаты преступниковъ, для каждаго по одной. Собщеніе ихъ между собою, прогулки въ галлерейхъ и на дворѣ—свободны. Столъ изъ общей артели смѣтный. Платье не скудное, у всякаго по состоянию; у нѣкоторыхъ убранство комнатъ весьма пристойное". Такъ какъ Денарскому трудно было прожить въ глуши свое содержаніе, то онъ употреблялъ его на устройство сада, въ видахъ общей пользы. Садъ занималъ большое пространство, украшался быстрою рѣчкою; дороги, мосты, бесѣдки съ затѣяливыиъ разнообразіемъ, капризы, гроты и цвѣтники были роскошныя. Не пощажено ни денегъ, ни искусства, въ которомъ нѣтъ тамъ недостатка, и все это единственно для одной прогулки всѣмъ и каждому. Хозяйственной расчетливости отъ садовъ сибирскихъ, гдѣ не родятся никакіе фрукты, быть не можетъ. Еще и та бѣда, что старикъ гулять не могъ по слабости ногъ. „Онъ пробѣжалъ иногда вершокъ по дорожкамъ и радовался, видя, что другіе у него гуляютъ". Командамъ и при ухудшеніи тюремнаго помѣщенія не измѣнялъ и не ухудшилъ своихъ отношеній, посѣщалъ нерѣдко и обращался вѣжливо; „никогда не войдетъ въ затворенную комнату, не постучавшись и не спросивши позволенія". „Всѣ просьбы исполнялъ съ удовольствіемъ и если былъ недоволенъ какииъ либо проступкомъ, то никогда не выговаривалъ виновному, а принималъ какую нибудь общую противъ всѣхъ мѣру, чтобы дать знать виновному, что онъ вредитъ не только себѣ, но и товарищамъ. Плацъ-майоръ ежедневно обходилъ и принималъ просьбы—обыкновенно выйти куда нибудь изъ замка,—и не только былъ ласковъ, но и почтителенъ". „Работы были не утомительны и очень часто прекращались на мѣсяцъ и на два подъ самыми нустыми предлогами: или по случаю мороза, сильнаго жара, дурной погоды или эпидеміи".

При гарантіяхъ навѣ, обезпеченное уже многими завоеванными правами, чинское товарищество, успѣвшее хорошо спознать другъ друга, въ Петровскомъ заводѣ устремилось на развитіе внутренней силы своей общины. Въ чинской жизни, сплотившей всѣхъ въ одну семью, было то главное неудобство, что бѣднѣйшіе товарищи становились въ зависимость отъ богатыхъ; не вѣдя своего, они все нужное получали отъ другихъ до тѣхъ поръ, пока эти полученія не задерживались, пока не ви-

дѣлось нымъ средствъ для выхода. Возникли неудовольствія, образовался кружокъ протестовавшихъ, видѣвшихъ, что общинному устройству съ равнотѣрными правилами для каждаго грозитъ опасность подчиненія небольшому кружку аристократовъ, и къ произволу. По сохранившимся долгое время писаннымъ документамъ, которые намъ удалось видѣть, оказывается, что развитіе общественнаго устройства въ казематскомъ обществѣ, насколько это развитіе выражалось во вѣншихъ актахъ, происходило слѣдующимъ образомъ. Сначала, подъ вліяніемъ горячаго чувства и соответственно тѣмъ вѣншимъ условіямъ, въ которыхъ находились заключенные, все было общее. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, когда и женатыя и богатые жили въ одной комнатѣ со всѣми остальными. Никакое отдѣльное пользованіе не было тогда и возможно. Присылали ли жены мужьямъ кушанья, негдѣ было его ѣсть особенно, некуда было даже поставить, какъ на общій столъ. Присылались ли вещи, ихъ выдавали въ присутствіи другихъ. Приносили ли книги и газеты, ихъ и читать было невозможно иначе, какъ всѣмъ вмѣстѣ. Нельзя было ничѣмъ пользоваться отдѣльно отъ другихъ, потому что и неловко было выказывать свое преимущество, находясь постоянно съ другими, когда ихъ лишнія кололи бы глаза привлеченнымъ. Поватно, что, при такомъ общемъ владѣніи, никакое особенное и опредѣленное устройство не казалось нужнымъ, а всякое сомнѣніе въ прочности дружескаго чувства считалось оскорбленіемъ обществу.

Однако, и съ самаго начала были люди предусмотрительныя, которые считали нужнымъ установить какія нибудь правила, во первыхъ, для упроченія самого дружескаго чувства удаленіемъ и предупрежденіемъ всѣхъ поводовъ къ искаженію отношеній между товарищами. Съ другой стороны, это было необходимо и съ точки зрѣнія экономической, потому что общее пользованіе было самое безрасчетное и ставило, отъ недостатка предусмотрительности, въ зависимость отъ случайности не только прочное обезпеченіе выходящихъ на поселеніе, но и удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ потребностей самого казематскаго общества. Не разъ случалось, что и самыя богатые были безъ гроша, а огромныя запасы терпѣли отъ расхищенія прислугой. Не смотря на это, мы увидимъ, какъ долго продолжалось сопротивленіе всѣмъ попыткамъ къ переходу отъ патриархальныхъ, такъ сказать, отношеній къ положительно выраженнымъ постановленіямъ, потому что и казематскому обществу, по наблюденію одного изъ его участниковъ, невольно было пройти всѣ фазисы, которые проходитъ всякое живое, саморазвивающееся общество.

Первый поводъ къ проявленію общественной

дѣтельности въ осмяземой, такъ сказать, формѣ, въ приложеніи ко внутреннему устройству, подало одно необдуманное дѣйствіе одного изъ хозяевъ, бывшихъ въ началѣ. Надо сказать, что при назначеніи перваго хозяина не имѣлось въ виду ничего болѣе, какъ наблюдение надъ кухней, бывшею до тѣхъ поръ въ завѣдываньи унтеръ-офицера и гдѣ нечистота и расхищеніе припасовъ дошли до крайней степени. Поэтому не было даже никакого правильнаго выбора, а назначеніе сдѣлано было возгласомъ (par acclamation), какъ бываетъ въ началѣ развитія всякаго общества. Никакого другаго порученія на хозяина и не возлагалось; это не былъ даже староста, какъ у простыхъ селенныхъ. Къ сожалѣнію, первый хозяинъ неосторожно принялъ на себя передачу обществу приказанія коменданта, относившагося ко внутреннимъ распоряженіямъ общества. Общество встревожилось, вида приближавшуюся опасность вышательства во внутренній дѣла. Рѣшено было составить комиссію, которая разсмотрѣла бы и обсудила дѣйствія виновнаго хозяина и предложила бы мѣры къ предупрежденію подобнаго случая въ будущемъ. Очень понятно, что при этомъ случаѣ возникли всѣ обычные вопросы по отношенію къ праву голоса, къ порядку выбора, къ правамъ комиссій и пр. и пр. Въ комиссію выбраны были съ правомъ двухъ голосовъ: Д. И. Завалишинъ за комнату „Москву“ большого каземата и казематъ № 2-ой и Н. Вестужевъ, за двѣ малыя комнаты большого каземата, и съ правомъ одного голоса: Мухановъ, за казематъ № 3-ій, А. Бѣляевъ, за комнату № 1-ый и Игдытронъ, за комнату № 5-ый. Комиссія же избрала председателемъ Д. И. Завалишина и секретаремъ Петра Ал. Муханова.

Но едва была назначена комиссія, какъ произошла реакція на возвратъ къ патриархальности. Люди, которые обыкновенно благодушествуютъ по отношенію ко всему, начали говорить: къ чему все это? Другіе осмѣивали „эту игру въ конституцію“; третьи опасались созданія какой-то судебной власти и говорили, что достаточно для огражденія въ будущемъ нравственнаго урока, который получилъ одинъ изъ первыхъ хозяевъ. Поэтому, когда комиссія, по разсмотрѣніи и обсужденіи дѣла, предложила или уполномочить ее или созвать новую комиссію для составленія нѣкоторыхъ правилъ, то община большинствомъ 32-хъ голосовъ противъ 20-ти рѣшила все оставить по старому. Однако, же председатель комиссій услѣлъ заявить и комиссія единогласно приняла его заявленіе, что „необходимо установить положительныя правила, какъ для пользованія всѣмъ въ казематѣ, начиная отъ денегъ, пищи, одежды и проч. до книгъ и газетъ, такъ и для обезпеченія выходящихъ на поселеніе и со-

стоящихъ на поселеніи, а для распорядженія всѣмъ этимъ назначить должностныхъ лицъ, со строго опредѣленнымъ кругомъ дѣйствія“.

Между тѣмъ, измѣненіе внѣшнихъ условий и положенія происходило въ такомъ видѣ, что вело неминуемо къ усиленію до очевидности малозамѣтныхъ прежде злоупотребленій общаго пользованія и личныхъ отношеній. Прежде всего опредѣлилось положеніе женатыхъ, которыхъ стали отпущать въ дома ихъ женъ и которые нашли тамъ возможность пользоваться отдѣльно своими богатыми средствами и менѣе замѣчать недостаточность и нужды товарищей, которые не кидались уже ни въ глаза, потому что не имѣли ихъ постоянно на виду. Потомъ стали давать позволеніе (подъ предлогомъ уменьшенія тѣсноты) богатымъ строить отдѣльные домики внутри казематской ограды, что допустило также пользованіе своими средствами отдѣльно отъ товарищей и, сверхъ того, образовало кружки около привилегированныхъ личностей. Наконецъ, съ переходомъ въ Петровскій казематъ, — когда каждый, получивъ отдѣльную комнату, могъ слѣдовать своимъ привычкамъ, и стали вставать, ложиться, пить чай и обѣдать когда кто хотѣлъ — рушились сами собою, мало по малу, и общій чай и общій столъ. Съ другой стороны, когда можно было уже и не вадать товарищей и имѣть предлогъ, что не знаютъ ихъ нуждъ, пособие богатыхъ бѣднымъ деньгами и одеждою зависѣло уже отъ прямой просьбы бѣдныхъ, причѣмъ, разумеется, болѣе всего терпѣли наиболѣе деликатные. Самое пользованіе журналами и книгами дошло до того, что у много набожныхъ цѣлыя груды ихъ, которыхъ ему за другими развлеченіями некогда было и читать, а другіе по цѣлымъ неделямъ не могли достать ничего, подвергались несприятности ходить выпрашивать и слышать неприятный отвѣтъ, что самъ-де еще не читалъ.

Между тѣмъ, тюремное заключеніе лишило недостаточныхъ возможности извлекать средства изъ своего труда и искусства, а было очевидно, что 1 рубля 98 к. асс. деньгами и пайка 2 п. муки въ мѣсяцъ недостаточно для пищи и одежды. Слѣдовательно, оставалось одно изъ двухъ: или найти опредѣленное обезпеченіе всѣмъ внутри себя или требовать содержанія и одежды отъ казны. Но послѣднее обсуждалось, какъ униженное, а всякое принужденіе богатыхъ къ опредѣленному взносу въ общину представлялось какъ посягательство на собственность. Изъ такого положенія не представлялось, по видимому, никакого выхода и раздраженіе между богатыми и не имѣвшими ничего дошло до крайней степени.

Тогда очевидно стало, что средство соглашенія можетъ выйти только отъ такихъ лицъ, которыхъ независимы по своему положенію, или

такъ называемой средней партіи, т. е. отъ такихъ, которые получали столько отъ родныхъ, сколько необходимо было для нихъ самихъ. Они не нуждались, слѣдовательно, въ пособіи другихъ, но и сами могли удѣлить другимъ, развѣ только лишая уже самихъ себя необходимаго. Они, стало быть, не могли ни выиграть, ни проиграть ни при какомъ устройствѣ, а потому и могли быть безпристрастными судьями и посредниками. И дѣйствительно, отъ такихъ людей и вышло удовлетворительное разрѣшеніе вопроса.

Иванъ Семеновичъ Пovalo - Швейковскій, Александръ и Николай Александровичи Крюковы, Александръ Ивановичъ Вегелинъ, жившіе въ одномъ отдѣленіи съ Дм. И. Завалишнымъ, а также нѣкоторые другіе пришли въ последнему съ просьбою отложить на время свои ученые занятія и, взявъ общественное дѣло въ свои руки, отыскать справедливое основаніе для общаго соглашенія.

Для человѣка безпристрастнаго найти его было не трудно. Такимъ основаніемъ представлено было имъ слѣдующее: такъ какъ, по общему правилу, правительствомъ допускается получить одиночному только 500 р., а женамъ только 2.000 р., сверхъ же этого позволяется получать болѣе только подъ условіемъ, что это назначается для вспоможенія товарищамъ, не имѣющимъ ничего отъ родныхъ, то это вспоможеніе является уже обязательнымъ и нѣтъ никакого посягательства на собственность въ требованіи обязательнаго взноса *). Если же они не желаютъ употребить получаемое сверхъ положенія на вспоможеніе товарищамъ, то не имѣютъ и права дѣлать предлогъ для полученія лишника изъ такого дѣйствія и условія, которое ими не исполняется. Потому, въ случаѣ отказа ихъ, не имѣющіе ничего имѣютъ право объявить коменданту, что не получаютъ вспоможенія отъ товарищей и требовать казенное содержаніе.

Какъ ни ясно было дѣло, получившее такое выраженіе, но и тутъ сначала выказалось, съ одной стороны, сильное сопротивленіе, а съ другой—нерѣшимость; прежде возбудили сильную бурю и послѣднимъ удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе шумѣвшихъ немощныхъ успѣли отвлечь отъ настоятельнаго требованія казеннаго содержанія. Но справедливость выказаннаго основанія для рѣшенія дѣла до такой степени была очевидна, необходимость прочнаго соглашенія и обезпеченія, которымъ обуславливались спокойствіе общины и душевное состояніе каждаго, были до такой степени на-

*) Объ этомъ обязательномъ ограниченіи сообщалъ самъ комендантъ. Это же послужило основаніемъ и для опредѣленія артельнаго довольствія; это же ограниченіе установлено было потомъ и для вышедшихъ изъ каземата на поселеніе.

стоятельны, что послѣ нѣкотораго кратковременнаго колебанія сдѣлалось слишкомъ ясно, что дѣло никакъ нельзя отлагать надолго. Проникая постепенно въ убѣжденіе выказаннаго выше основанія, пришли, наконецъ, къ избранію комиссій для составленія устава артели. Въ комиссію были избраны между прочими: Д. И. Завалишннъ, П. С. Бобрнцевъ-Пушкинъ, Пав. А. Мухановъ, А. И. Одоевскій и др. Къ ней присоединили, для объясненій по части хозяйства, чередного въ тотъ годъ хозяина. Дѣло-приводителемъ комиссій былъ избранъ Дм. Ив. Завалишннъ. Засѣданія комиссій были публичны и привлекали огромное число слушателей не только изъ товарищей, но даже изъ дамъ и изъ служащихъ. Самъ Лепарскій два раза слушалъ разсужденія, заходя въ залу, гдѣ собиралась комиссія, и останавливаясь мимоходомъ за ширмами *).

Комендантъ до такой степени испугался доведенія до правительства требованія казеннаго содержанія и, слѣдовательно, допущенной имъ несправильности въ полученіи лишншихъ денегъ на пособіе товарищамъ (которое не производилось и, такимъ образомъ, только обманывалось правительствомъ), что самъ всѣми средствами ускорялъ установленіе внутренняго устройства добровольнымъ рѣшеніемъ. Онъ не только официально дозволялъ употребленіе бумаги, чернилъ и перьевъ для занятія комиссій, но и разрѣшилъ ночныя засѣданія ея въ общей залѣ.

Комиссія заканчивалась, буквально, безъ отдыха и быстро окончила свое порученіе. Когда уставъ былъ составленъ и подписанъ членами комиссій, всѣ собраны были вечеромъ въ общую залу, гдѣ отъ и былъ прочитанъ членами комиссій. Уставъ не подлежалъ голосованію и получалъ окончательную силу отъ комиссій. Общее примиреніе отпраздновано было празднествомъ, продолжавшимся всю ночь.

На другой же день произошли выборы должностныхъ лицъ на основаніи новаго устава **). Когда, такимъ образомъ, каждый членъ общины

*) Комиссіи дано было полномочіе «учредительнаго собранія» (constituante). Рѣшенія ея были окончательныя и вполнѣдствіи уставъ могъ измѣняться только по правиламъ, опредѣленнымъ въ самомъ уставѣ. Комиссія, однако, пользовалась своимъ полномочіемъ очень либерально: не только засѣданія были публичны, но и внѣ засѣданій члены комиссій въ своихъ отдѣленіяхъ обсуждали со всѣми каждый пунктъ. Можно сказать, что обсужденіе было общее и каждый пунктъ устава былъ несомнѣнно выраженіемъ большинства мнѣній.

**) Мы видѣли подлинникъ этого устава съ собственноручными подписями членовъ учредительной комиссіи: Бобрнцевъ-Пушкинъ, Бесчасновъ, Завалишннъ 1-мъ, Миньковъ, Мухановъ, Одоевскій и Поджо. Последній подписалъ уставъ на правахъ очереднаго хозяина, участвовавшаго въ комиссіи для объясненія по хозяйственной части.

получилъ обезпеченныя денежныя средства, то можно было приступить къ устройству учрежденія для обезпеченія выходящихъ на поселеніе, вродѣ страхового общества. Поэтому вскорѣ послѣ учрежденія общей артели, для обезпеченія на время пребыванія въ казематѣ, Дим. Ир. Завалишнякъ, Ив. Ив. Пуцунъ и Петръ Ал. Мулановъ учредили артель для обезпеченія на на время поселенія. Эта артель обыкновенно называлась малой, для отличія отъ общей, получившей съ тѣхъ поръ названіе большой. Желающіе участвовать въ малой вносили извѣстный процентъ съ получаемыхъ ими денегъ, за что имъ обезпечивалась выдача извѣстной суммы при отъѣздѣ на поселеніе. Капиталъ малой артели увеличивался, кромѣ того, пожертвованіями и коммерческими оборотами, составляя есудный банкъ. Записки должностныхъ лицъ обѣихъ артелей имѣли въ заводѣ значеніе кредитныхъ билетовъ.

Наконецъ, для введенія правильности и справедливости въ распредѣленіи чтенія газетъ и журналовъ, Д. И. Завалишнякъ, Мих. Фотіевичъ Митьковъ, и Сергій Гр. Волковскій составили журнальную артель. Желающіе участвовать въ чтеніи вносили ежегодно опредѣленную сумму, на которую дѣлалась общая выписка и, сверхъ того, доставляли въ артель журналы, получаемыя ими на собственное имя. Выписываемыя журналы и газеты артелью доставлялись немедленно по полученіи съ почты къ распорядителю чтенія; получаемыя лично—черезъ извѣстный срокъ. Въ чтеніи наблюдалась очередь, а въ распредѣленіи соблюдалось, чтобы очередь чтенія разныхъ газетъ началась съ разныхъ лицъ, чтобы доставить чтеніе разомъ большому числу, и чтобы разные журналы не пришлись въ одно время одному и тому же лицу. На чтеніе газеты опредѣлялось два часа, для книжки журнала назначалось два дня; можно было просить выдачи по прочтеніи всѣми. Газеты и книжки пришивались къ папкѣ, къ которой пришивали и списокъ очереди. Въ полученіи росписывались; распорядителемъ чтенія былъ избранъ Д. И. Завалишнякъ. Онъ, для скорѣйшаго удовлетворенія любопытныхъ, тотчасъ, по полученіи газетъ, приносилъ ихъ въ общую залу и, пока составлялся списокъ и производилась пришивка, позволялъ всѣмъ просматривать газеты. Случалось, что если находили въ какой газетѣ что либо особенное, то отправлялись гурьбою къ тому, съ кого въ тотъ день начиналось чтеніе этой газеты.

Большая артель такъ вѣрно обезпечила матеріальную жизнь и такъ хорошо была придумана, что „никто во все время не нуждался ни въ чемъ и не былъ ни отъ кого зависимъ“. „Каждый становился на свое мѣсто; артель нравственно уравнила тѣхъ, которые имѣли средства, съ не имѣвшими таковыхъ и не дозво-

ляла первымъ смотрѣть на товарищей какъ на людей низшихъ“. Все это дѣлалось съ вѣдома коменданта и было имъ одобрено. Артель установила, прежде всего, общій столъ; обѣдать въ назначенную столовую не ходили: обѣдали по отдѣленіямъ въ корридорѣ; сторожъ прислуживалъ и тутъ же кормился и самъ. Женатые, не имѣя права на общій столъ, получали кушанья изъ квартиръ женъ и гораздо лучше и богѣе разнообразныя *). Богатыя дамы могли снабжать отъѣзжавшихъ товарищей такими дорогими винами, какъ венгерское и токайское, и притомъ хорошо выстоявшееся въ петербургскихъ погребахъ богатыхъ и роскошныхъ домовъ.

Такъ какъ при первоначальномъ начертаніи постановленій для артели служили теоретическія соображенія, время же и опытъ показывали, до какой степени послѣднія согласовались съ возможностью и удобствомъ исполненія, то товарищеская община нѣсколько разъ принуждена была измѣнять и дополнять артельныя правила. Въ основаніе устава артели положены нижеслѣдующіе поводы и причины:

„Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ необходимости имѣть всегда на-лицо опредѣленную сумму денегъ, которая могла бы служить какъ для обезпеченія общественныхъ потребностей, такъ и для удовлетворенія потребности каждаго лица. Положительное назначеніе суммы на наступающій годъ, во-1-гъ, доставляетъ хозяйну возможность располагать оною съ большою выгодною для артели и сдѣлать годовыя и срочныя закупки; во-2-гъ, можетъ нѣкоторымъ образомъ отвратить затруднительное положеніе, въ какомъ артель и каждый участникъ иногда находились въ замедленной присылкѣ денегъ. Для этой цѣли составлялась годовая общественная сумма (§ 2) подпискою на взносы (§ 3), жалованьемъ отъ казны, суммою отъ продажи экономической муки; подписка оканчивалась (§ 4) къ 1 февраля.

Сумма въ 500 руб. (§ 5) принята необходимою на полное годовое содержаніе (и не было ни одного года, въ который бы не доставалась каждому члену артели вся эта сумма сполна). На основаніи этого правила подписка производилась тройнымъ образомъ: 1) всѣ участники, получающіе 500 р., подписывали ихъ сполна; 2) получающіе менше отдавали всѣ присылаемыя имъ деньги; 3) во-

*). Процедура снабженія пащюю женатыхъ производилась такъ: въ обѣденный часъ поваръ или кухарка приносили кушанья въ караульную, оттуда часовые приносили въ корридоры отдѣленій; корридорные сторожа ставили на столъ. Приходили жены и обѣдали вѣдетъ; дѣлать не дозволялось; слугъ заключенныхъ не покарывали. Вслѣдствіи, когда все перемололось—все и поределоилось и измѣнялось на лучшее и богѣе упрощенное.

чающие больше подписывали непременно 500, а свыше этой суммы по желанию. На практикѣ послѣднее исполнялось такъ, что получавшіе больше 500 р. вносили въ 1/2—2 раза противъ получаемого изъ артели: кто 800, а кто и тысячу руб. Желатые ничѣмъ не пользовались изъ артели и, между тѣмъ, подписывали значительные ежегодные взносы: Трубецкой отъ 2 до 3 тыс., Волковскій до 2 тыс., Муравьевъ отъ 2 до 3 тыс., Ивановъ, Нарышкинъ и Фоминъ до 1 тыс. При подпискѣ (§ 6) означались вѣроятнѣйшіе сроки взносовъ.

Подписная сумма обращалась въ дѣйствительную слѣдующимъ образомъ: 1) Подписавшіе 500 руб. и менѣе вносили деньги немедленно по полученіи; подписавшіе больше вносили, если возможно, въ срокъ, ими назначенный (§ 7). Сложность общественной суммы раздѣлялась на три части: хозяйственную, частную и экономическую. Хозяйственная сумма, предназначавшаяся на продовольствіе всѣхъ участниковъ артели (§ 8), опредѣлялась (§ 9) наибольшимъ количествомъ денегъ, назначаемыхъ на годовое продовольствіе одного лица, помноженныхъ на число потребляющихъ лицъ, и обращалась (по § 16-му) единственно на хозяйственные закупки. Частная сумма, слѣдовавшая на удовлетвореніе потребностей отдѣльнаго лица, составлялась (по § 10-му) изъ остающейся отъ опредѣленной на полное годовое содержаніе по вычетѣ всей хозяйственной суммы; дѣлилась (по § 17) на равные участки по числу лицъ, состоящихъ въ артели, и поступала навсегда въ непривосновенную собственность каждаго участника. Экономическая (§ 11) составлялась изъ 5% общей суммы, немедленно отдѣляемыхъ по переводѣ денегъ изъ собственности подписчиковъ въ общую сумму. 2) Изъ избытка дѣйствительной суммы, опредѣленной въ полное годовое содержаніе артели, и 3) изъ экономіи хозяйственной суммы. Экономическая дѣлилась на закупную и запасную. Первая (§ 12) опредѣлялась изъ 5% подписной, изъ половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на годовое содержаніе и изъ половины экономіи хозяйственной суммы. Закупная назначалась заимобразно на хозяйственные обороты и должна была состоять въ наличности къ 1 февр. каждаго года; она образовалась изъ другой половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на полное годовое содержаніе и изъ другой половины сбереженія хозяйственной суммы. Запасная назначалась для выдачи отъѣзжающимъ изъ острова на поселеніе, а потому всегда была въ наличности *).

* Вслѣдствіи §§ 11 и 12 замѣнены были такимъ образомъ:

§ 11. Если по дѣйствительномъ сборѣ всей подписной суммы, за вычетомъ хозяйств. и част.

Всякая подписная сумма, поступившая въ наличность, становилась безвозвратно общественною собственностью (§ 18). По поводу раздѣленія всей общественной суммы, артельный уставъ говорилъ: „§ 14. Раздѣленіе каменной суммы, общества бываетъ правильнымъ и неправильнымъ. Правильное должно быть соразмѣрно опредѣленному въ смѣтѣ годовому раздѣленію суммъ, а именно на 3/2 части (по исключеніи 5% въ экономическую сумму), 237 руб. на каждаго участника въ хозяйственную и 248 въ частную (плюсъ 80 коп. въ частную же). Неправильное раздѣленіе есть несообразное годовому раздѣленію суммъ. § 15. Если на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей достаточно будетъ суммы, отчисленной по правильному раздѣленію, то оно и должно быть правильно; если же недостаточно, то въ такомъ случаѣ оно становится неправильнымъ и производится сообразно съ таблицей, составленною на текущій годъ“.

Годовое управленіе и обороты общественныхъ суммъ завѣдали отъ двухъ комиссій: временной, дававшей суммъ годовое направленіе, т. е. утверждавшей смѣту, составленную коопникомъ на наступающій хозяйственный годъ (съ 1 марта по 1-ое марта), и постоянной комиссій, наз. хозяйственной, которая завѣдывала распределеніемъ и движеніемъ суммъ на основаніи смѣты, утвержденной временною комиссіею.

Временная комиссія состояла изъ 5-ти избранныхъ членовъ, собиралась обыкновенно передъ выборами коопника и казначея. Она поворачивала общественныя счетныя книги, разсматривала уставъ и предлагала необходимыя въ нихъ измѣненія на общее разрѣшеніе, распоряжалась при выборахъ въ общественныя должности и передавала хозяйство новоизбраннымъ лицамъ. Исполнивъ эти обязанности, эта комиссія расходовалась *).

Хозяйственная комиссія (постоянная) со-

изъ общественной, будетъ какой либо остатокъ, то оный обращается въ остаточную сумму. Сверхъ того, въ составъ оной входить все, что, по окончаніи года, остается отъ суммы хозяйственной.

§ 12. Эта сумма считается дѣйствительною остаточною, если новая подписка удовлетворительна для полного годового содержанія. Въ противномъ случаѣ вся она или часть оной обращается на пополненіе новой годовой подписки. Если же будетъ нужна только часть, то все остальное обращается въ остаточную сумму. Вновь предложенный §: «для опредѣленія выдачи денегъ изъ запасной суммы отъѣзжающимъ на поселеніе, собирается временная комиссія— отвергнуть былъ большинствомъ голосовъ (въ 1832 г.).

*) На всѣ три года, пока замѣять и артель были въ полномъ составѣ, Д. И. Завалишинъ выбирался постоянно членомъ временной комиссія (даже когда былъ и самъ коопникомъ) и былъ всегда дѣлопроизводителемъ.

стояла изъ 3-хъ лицъ: хозяина, закупщика и казначей, не терявшихъ права голоса и во временной комиссiи при составленiи и утвержденiи счѣты. Она распредѣляла общественную сумму на хозяйственную и частную, обращала часть этой суммы на гуртовыя закупки, разрѣшала ссуды изъ запасной суммы; предварительно разсматривала условия и контракты, заключаемые хозяиномъ и закупщикомъ; ежемѣсячно повѣряла счета общественныя книги (по окончанiи повѣрки хозяинъ и закупщикъ подписывали счета). Этой же комиссiи вѣрено было въ обязанность заботиться о равнѣнъ звонкой монеты, если она будетъ при слава на имя кого либо изъ участниковъ. Передъ истеченiемъ хозяйственного года она дѣлала оцѣнку припасамъ, оставшимся отъ годового содержанiя, и причисляла ихъ цѣнность къ экономической суммѣ. Составъ ея изъ трехъ членовъ уравнивался тѣмъ, что хозяинъ былъ блюстителемъ общественныхъ нуждъ; закупщикъ—нуждъ частныхъ, а казначей—посредникомъ между ними.

Хозяинъ избирался на годъ; принималъ по описи отъ предѣстника все, входящее въ составъ общественнаго хозяйства; составлялъ счѣту на наступающій годъ и представлялъ на утвержденiе временной комиссiи. Если цѣны возрастали и превосходили счѣтную, онъ имѣлъ право недостатокъ суммъ восполнять соразмѣрнымъ уменьшенiемъ выдачи сахара и чаю, но ни въ какомъ случаѣ не могъ выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ счѣтою. Приступая къ закупкѣ чая и сахара, обязанъ былъ спросить: не желаетъ ли кто выписывать эти привасы на собственные деньги, или: не желаетъ ли кто, вмѣсто чая и сахара натурою, получить на свою долю деньгами. Выдавалъ чай и сахаръ въ общественной комнатѣ (подлѣ кухни) въ день, имъ предварительно объявленный *). На обязанности хозяина лежалъ выборъ выгоднаго времени года для продажи экономической муки изъ казенной дачи. О количествѣ фуражныхъ денегъ онъ письменно извѣщалъ казначей. Хозяинъ велъ валовую домашнюю книгу прихода и расхода и тому же казначею сообщалъ для выписки; велъ очередь наблюдающимъ за чистотою на кухнѣ и уведомлялъ за недѣлю того, чье дежурство наступало. Всѣ служители при кухнѣ и балѣ находились въ полномъ его распоряженiи. Онъ обязывался, при наймѣ служителей, объявлять имъ, что они немедленно должны исполнять всякое частное приказанiе, вмѣстѣ цѣлю услугу для внезапно заболѣвшаго въ ночное время кого либо изъ

участниковъ артели. Каждый хозяинъ обязывался представлять временной комиссiи къ первому засѣданiю, при открытiи ея, подробный отчетъ обо всѣхъ бывшихъ закупкахъ: въ какое время, въ какомъ количествѣ, какiе товары, по какимъ цѣнамъ и на какiя деньги, займемъ ли добытыя или инымъ образомъ; были ли закупки выгодны или невыгодны и по какимъ причинамъ. У него хранился подлинный уставъ артели (двѣ копии выдавались въ частныя руки). Въ случаѣ кратковременной болѣзни хозяина его должность исправлялъ казначей. Въ случаѣ продолжительной болѣзни того или другого приступали къ новымъ выборамъ.

Закупщикъ имѣлъ дозволенiе нѣсколько разъ въ недѣлю выходить изъ казената для покупки всего нужнаго для частныхъ лицъ и имѣлъ на посылки въ своемъ распоряженiи сторожа. Онъ обязывался предварительно спросить у каждаго объ его надобностяхъ и справиться съ книгами о наличности частной суммы (этотъ § впоследствии уничтожили). Никто не имѣлъ права требовать отъ него покупки товаровъ въ долгъ. Артельный уставъ возлагалъ на него слѣдующiя обязанности: „§ 38. Вести книгу всѣмъ закупкамъ; показывать и раздавать вещи въ общественной залѣ, въ извѣстный день и часъ, имъ самимъ назначаемый, единожды на цѣлый годъ. § 39. Покупаящiй обязанъ былъ выдавать ему ушлатныя записки. Вести очередь всѣмъ выходящимъ на работу. § 40. Если дежурный офицеръ объявитъ ему, что не всѣ вышли—онъ представлять ему списокъ очереди находящихся на работѣ. Если потребуются большее число рабочихъ, онъ отсчитываетъ изъ слѣдующей очереди требуемое число лицъ по порядку списка и повѣщаетъ ихъ о томъ. На другой день очередь начинается уже съ перваго, оставшагося въ этой очереди“. Какъ скоро какая либо очередь дошла до мѣста работы, она на слѣдующiй день не выходитъ, по какой бы причинѣ ее ни воротили (новый § устава 1831 г., единогласно утвержденный 8 мая 1832 г.). Закупщикъ (по § 41) обязанъ былъ имѣть къ своей конторѣ столъ для отправленiя дѣлъ и храненiя товаровъ и ящикъ подъ замкомъ для записокъ о покупкѣ товаровъ. При кратковременной болѣзни его (§ 42) исправляетъ должность хозяинъ; въ случаѣ продолжительной—новые выборы.

Казначей начиналъ отправленiе должности собиранiемъ подписки на наступающій годъ и представлялъ ее временной комиссiи на разсмотрѣнiе для утвержденiя по ней счѣты. Онъ переводилъ подписанныя деньги изъ собственности лицъ въ общественную сумму, немедленно по присылкѣ, получивъ предварительно согласiе подписавшихся на сумму свыше 500 р. и менѣе; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, онъ

*) Чай и сахаръ оказались продуктами наиболѣе дорогими и разорительными для артели. По счѣту въ 1832 года видно, что швенная мука стоила 900 руб., говядина по 4 1/4 рубля въ день—2,385 руб. въ годъ, а однихъ сахаръ 2,850 и чай на 1,456 р. въ годъ же.

извѣщалъ о томъ подписчика. По раздѣленіи наличной частной суммы на участки, казначей каждое 25-ое число объявлялъ каждому лицу о суммѣ, причитающейся на его мѣсячную долю, означая ее на черной доскѣ въ общественной залѣ. Никто, кромѣ казначея, не имѣлъ права выписывать изъ общественныхъ суммъ и только по этимъ суммамъ онъ входилъ въ сношеніе съ горнымъ начальствомъ. Онъ дѣлалъ выписки изъ всѣхъ суммъ, входящихъ и не входящихъ въ составъ общественной суммы (т. е. хозяйств., участк., эконом. и личной). Выписку по частнымъ издержкамъ онъ производилъ три раза въ недѣлю: изъ хозяйственной—по запискамъ хозяина, изъ участковой наличной—по запискамъ закупщика и частныхъ лицъ, обязанныхъ доставлять ему эти записки, по крайней мѣрѣ, за два часа до выписки. Такъ какъ никто въ казематѣ денегъ не могъ имѣть у себя на рукахъ и всѣ частные расходы производились черезъ казначея, то три раза въ недѣлю приходилъ писарь горнаго вѣдомства съ особою книжкой. Въ ней, со словъ казначея, онъ записывалъ, кому и что слѣдовало заплатить, и обозначалъ, изъ чьихъ денегъ, подписанныхъ въ артель, слѣдовало произвести уплату. Если кто желалъ не расходовать своего участка, но оставлялъ его временно въ общественной частной суммѣ, то казначей обязанъ былъ требовать отъ того лица означенія положительнаго срока, когда онъ хочетъ получить свой участокъ въ общественное распоряженіе (а ранѣе казначей не могъ ему выдавать участка). Для отвращенія застоя въ одной суммѣ и задержки выдачи изъ другой, казначей могъ переводить изъ кредита одного счета въ дебетъ другого, съ тѣмъ, одако же, чтобы сумма, поступающая въ дебетъ, была совершенно обезпечена подпискою; но онъ не могъ переводить денегъ изъ одного участка въ другой безъ письменнаго согласія самого участника. Казначей не обязывался входить въ личныя сдѣлки и записывать, кто кому долженъ. Хозяинъ снабжалъ его переплетенными счетными книгами; казначей обязывался вести ихъ по двойной бухгалтеріи, соотвѣтственно установленной формѣ под № 1-ю—книги общественной подписки, № 2—книги общественнаго прихода и расхода, № 3—книги хозяйственной, № 4—частной (составленной изъ тетрадей по числу участниковъ под № и при алфавитномъ спискѣ именъ) и № 5—книги кассоваго журнала. Онъ обязывался имѣть 6-ую и 7-ую книги, когда образовалась запасная и закупная сумма. Каждую субботу счетныя книги (за исключеніемъ № 4 алфавитной) выкладывались, на время отъ 3 до 6 часовъ по полудни, въ общественной залѣ для желающихъ сдѣлать справки *). Книгу подъ № 4 казначей

обязанъ былъ давать для справокъ каждую недѣлю два раза въ тѣ дни и часы, которые онъ самъ назначить однажды на цѣлый годъ. Показывать, впрочемъ, обязанъ былъ только тѣ тетради изъ прихода и расхода, которыя принадлежатъ лицамъ, желающимъ справиться. Въ конторѣ у него былъ столъ для хранения артельныхъ книгъ и ящикъ подъ замкомъ для уплатныхъ записокъ.

Огородникъ избирался, по установленному порядку, хозяйственной комиссіею. На обязанности его, по уставу, лежало составленіе смѣты огородныхъ издержекъ. По утвержденіи ея хозяйственной комиссіею, онъ получалъ назначенную ему сумму. При посѣвѣ соглашался съ хозяиномъ, какихъ и сколько овощей требовалось на общественное продовольствіе. Пока овощи были на грядкахъ, огородникъ располагалъ ими независимо отъ хозяина, но увѣдомлялъ за нѣсколько дней до снятія съ грядъ, сколько и какихъ овощей можно было собрать для общественнаго стола. Въ Петровскомъ казематѣ на артельномъ огородѣ никогда не было обильнаго урожая; рѣдкій годъ даже картофель не побивало морозомъ. Впрочемъ, всѣ овощи доставлялись въ обиліи окрестными крестьянами. Впоследствии опыты убѣдѣли въ томъ, что овощи въ заводѣ покупать было выгоднѣе, чѣмъ по деревнямъ, гдѣ крестьяне прижимали. На бѣду въ заводѣ не привозили въ достаточномъ количествѣ и, къ тому же, въ богатый казематъ ничто почти дешовое не доходило, развѣ совершенно случайно. Поэтому артель всегда находилась въ необходимости закупать часть овощей по деревнямъ и дороже заводскаго *).

Относительно всѣхъ другихъ закупокъ Петровскій заводъ оказался несостоятельнымъ. Общихъ правилъ старые хозяева въ руководство новымъ извлекать не могли. Цѣны подвержены были случайностямъ; выгоднѣе были закупы внѣ завода, но и тамъ съ каждымъ годомъ становились труднѣе, какъ по причинѣ переторжки, такъ и образа уплаты. Въ началѣ хозяйства потребность суммъ была очень велика, необходимо было сдѣлать займы. На нихъ должна была производиться большая часть закупокъ, а такъ какъ взносъ былъ довольно медленный, то и впоследствии, въ теченіи опытнаго года, должны были производить котора хозяйственной комиссіи; большая оставалась для общественныхъ нуждъ: боюслуженія, баллотировки, для учебныхъ классовъ и проч.

*) Сверхъ должностей хозяина, закупщика, казначея и огородника, на членахъ артели лежали обязанности дневальныхъ на кузнѣ. По читинскому положенію, это дѣлалось за вознагражденіе желающимъ, въ Петровскомъ заводѣ установлена была валовая очередь поочередно. Читинское дежурство вознаграждало исполненіемъ отъ казенныхъ работъ, въ Петровскомъ заводѣ это было отменено.

*) Зала состояла подъ наблюденіемъ хозяина и раздѣлялась на 2 части: въ меньшей была устроена

займы. Вследствие того, въ Петровскомъ заводѣ общественный сборъ очень увеличился; все, что прежде тратилось на частныя вспоможенія, въ Петровскѣ подписывалось въ артель *). Опредѣливъ то, что приходилось каждый мѣсяцъ на каждого человѣка, за общиыя расходы на чай, сахаръ и обѣдъ, опредѣлившаяся сумма, предоставленная въ распоряженіе участниковъ, прекратила зависимость однихъ лицъ отъ другихъ. „Чтобы каждый изъ участниковъ имѣлъ болѣе денегъ въ своемъ распоряженіи, обѣдъ очень ограничился: на мѣсяцъ выдавалось на каждого человѣка по $\frac{1}{8}$ ф. чая и по 2 ф. сахару и по двѣ, не болѣе, ишеничкы булки на день. Обѣдъ состоялъ изъ тарелки щей и очень небольшого куска жареной говядины. Сколько нибудь того и другого необходимо было убавлять для сторожа, который питался отъ нашихъ крошекъ. Ужинъ былъ еще скуднѣе обѣда и случалось очень часто вставать отъ голода полуголоднымъ. Нѣкоторые за столъ, чай и обѣдъ получали деньги изъ артели и сами пеклись о своемъ продовольствіи“. Весь этотъ порядокъ существовалъ все время, недовольныхъ было меньшинство. Большинство же, стараясь дѣлать уступки и измѣняя различныя исправленія и дополненія въ уставѣ, довело артель до конца и воспользовалось всѣми выгодами ея, жертвуя частными общему.

Общия правила артели состояли въ нижеслѣдующемъ: артель управлялась по правиламъ, составленнымъ временною комиссіею и утвержденнымъ положительнымъ большинствомъ голосовъ, но никакія предложенія, хотя бы и принятыя большинствомъ голосовъ, если были сдѣланы не черезъ посредство временной комиссіи, не имѣли обязательной силы для лицъ несогласныхъ. Всѣ участники имѣли равныя права на общественную сумму. Всѣ общественныя заведенія учреждались и поддерживались обще-

*) Сверхъ смѣтнаго расхода, предназначаемаго въ артель, временно собирались съ каждаго подписка на одновременныя добровольныя взносы, наприказъ, на памятькъ Пестову, на вспоможеніе сельнымъ полякамъ, на помощь исключенному изъ артели и общества товарищу. Въ общество, сверхъ декабристовъ, приняты были присланные изъ Оренбурга за содействие тамъ тайнаго общества Исполнить Завалишинъ, Дружининъ, Колесниковъ и Таптыновъ. Въ Петровскомъ заводѣ Завалишинъ былъ принятъ въ артель. Тамъ же прислали къ намъ слѣплого старика Сосиновича, изъ поляковъ, и какого-то разжалованнаго майора Кученскаго. Ихъ не спросили, кто они, и приняли въ артель на общемъ положеніи. Они пользовались выгодами этого учрежденія, выгодами вещественными, но не были дѣйствительными членами, то есть не пользовались никакими правами членовъ артели. Сосиновичу отчасти помогалъ Лепарскій (Сосиновичъ одинъ изъ всѣхъ эмигрантовъ, судившихся въ Гроднѣ по дѣлу Воловича, былъ приговоренъ на каторгу).

ственными суммами; хозяину возбранялось всякаго рода подписка на общественныя надержки. Всякій почитался обязаннымъ нести общественныя должности, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которые не пользовались выгодами, доставляемыми артели отпращиваніемъ этихъ должностей. Несшіе однажды общественную должность по выбору, имѣли право отказываться отъ подобной должности въ теченіи трехъ лѣтъ. Немедленно по открытіи временной комиссіи всѣ лица, занимавшія въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ и занимавшія какія либо должности въ истекшемъ хозяйственномъ году, если не желали вновь подвергнуться избирательству, извѣщали о томъ временную комиссію письменными объясненіями; въ противномъ случаѣ изъ молчаніе принималось за согласіе слова принять какую либо изъ должностей и тогда всякій былъ въ правѣ подавать имъ свой голосъ, а они не могли уже отказываться отъ избранія *). Каждому изъ отбѣжающихъ артель объявлялось выдѣлать все, что, за исключеніемъ употребленныхъ на него издержекъ, останется отъ полнаго годового содержанія. Когда запасная сумма сдѣлалась дѣйствительною, выдача отбѣжающимъ назначалась по единогласному опредѣленію хозяйственной комиссіи; на случай взыскашаго отбѣда кого либо изъ участниковъ, она уполномочена была выдавать изъ запасной суммы до 300 руб. **). Плата за мытье бѣлья, по причинѣ разности въ количествѣ, выдѣлялась изъ хозяйственной суммы и возлагалась на каждаго участника.

Всякому предоставлялось право дѣлать замѣчанія на уставъ артели и на исполненіе общественныхъ обязанностей; эти имѣнія хранила хозяйственная комиссіа до передачи во временную; если же число замѣчаній по одному и тому же предмету возрастала до $\frac{1}{2}$ всѣхъ участниковъ, то немедленно собиралась временная комиссіа. Предложенія свои комиссіа всѣ обязаны были писать и выражать такъ, чтобы можно было отвѣчать словами „да“ или „нѣтъ“. Замѣчанія и оговорки членовъ писались на особомъ листѣ. Если предложеніе состояло изъ нѣсколькихъ пунктовъ, то каждый пунктъ писался отдѣльно ***).

Выборы извѣщались записками съ вопросомъ: кто будетъ подавать голосъ на предстоящее

*) Этотъ § былъ приобщенъ къ уставу впоследствии, въ 1835 году.

***) Впоследствии изъ большой артели выдѣлилась малая, предназначенная исключительно для пособія отбѣжавшимъ на поселенія.

*** Впоследствии временной комиссіею предложено было право предлагать на общее утвержденіе только тѣ предложенія, которыя являлись полезными, а безполезныя оставлять безъ представленія къ общему свѣденію. Это предложеніе, вызвавшее безусловное и общее согласіе, внесено было въ уставъ новымъ параграфомъ.

избраніе временной комиссіи *). Затѣмъ число избирателей дѣлилось на 5 отдѣловъ по порядку номеровъ и остатокъ, если случался, причисляли къ послѣднему отдѣлу. Хозяинъ, закупщикъ и казначей, каждый порознь, ходили по отдѣленіямъ съ особеннымъ пакетомъ для каждаго и съ числомъ билетовъ по числу избирателей. Послѣдніе подъ своими именами писали имя лица избираемаго и вкладывали билеты эти въ пакетъ своего отдѣла. Члены хозяйственной комиссіи рассматривали билеты: получившій положительное большинство въ своемъ отдѣлѣ (въ четномъ числѣ избирателей половину этого числа плюсъ одинъ голосъ) объявлялся членомъ временной комиссіи. Послѣ третьяго неопредѣленнаго выбора члены какаго либо отдѣла выбирали уже между кандидатами другихъ отдѣловъ. Если ни одинъ изъ нихъ не получилъ положительнаго большинства въ этомъ отдѣлѣ, тогда предлагали имъ на выборъ двухъ кандидатовъ, имѣвшихъ большее число голосовъ. Если же и въ этомъ случаѣ голоса дѣлялись поровну, то выборы рѣшались уже жребіемъ. На слѣдующій день члены временной комиссіи повѣряли свои уполномочія въ общественной залѣ и распорядились при выборѣ и баллотировкѣ хозяина и казначея (хозяйственная распорядилась выборомъ и баллотировкою закупщика и огородника, если выборы этихъ послѣднихъ не совпадаютъ съ выборами первыѣ). Когда всѣ выбирались въ одно время, тогда наблюдалась очередь: сначала выбирали хозяина, потомъ казначея, далѣе закупщика и, наконецъ, огородника. Комиссіи за два дня избѣщали всѣхъ, въ какую должность предстоятъ выборы; собирали голоса: подача голоса означала согласіе съ большинствомъ. Если никто не имѣлъ положительнаго большинства, то два лица, соединившія большее сравнительно число голосовъ, ставились кандидатами и баллотировались. Если по причинѣ равенства голосовъ два кандидата не будутъ опредѣлены, то баллотировка рѣшалась между имѣющими равенство. Наканунѣ ея комиссія объявляла имена кандидатовъ и порядокъ избранія. Всѣ, подавшіе голоса при избраніи, обязывались находиться и при баллотировкѣ; кто не приходилъ, тотъ располагалъ своими шарами нисѣмъ не черезъ одного изъ членовъ комиссіи. Баллотировались только тѣ, которыхъ избирали. Въ залѣ, въ день баллотировки, одинъ изъ членовъ комиссіи раздавалъ шары, выдавая каждому на каждаго избираемаго порознь бѣлый и черный; получившій шары подходилъ къ двумъ ящикамъ, другой членъ комиссіи, стоявшій при нихъ, объявлялъ, который сосудъ для кого назначенъ. Когда всѣ шары были поло-

жены, комиссія считала число бѣлыхъ и черныхъ каждаго кандидата. Получившій положительное число голосовъ въ отношеніи къ числу баллотировавшихся и сравнительное относительно къ другому кандидату объявлялся избраннымъ. Если оба имѣли положительное большинство, но равное между собою, то баллотировались снова. По третьей неопредѣленной баллотировкѣ рѣшалъ жребіемъ. Если оба не получали большинства бѣлыхъ шаровъ, то избиратели приступали къ новымъ выборамъ.

Заботливо хлопоча объ увеличеніи ручныхъ участковъ, артель усиленно стремилась къ возрастанію запаснаго капитала, понуждаемая тѣми страхами, которые рисовались въ самомъ непривлекательномъ видѣ для всѣхъ, выходившихъ на поселеніе и не имѣвшихъ собственныхъ средствъ. Съ этою цѣлью прибѣгали ко всевозможнымъ сокращеніямъ въ бюджетѣ расхода: когда количество хлѣба и квасу превысило личную потребность, опредѣляли ограниченную выдачу 1¹/₄ фун. на день на человѣка; квасъ опредѣляли двумя бутылками на день. Ограниченіе выдачи хлѣба вызвано было недостатками, а для учета, потому что начали злоупотреблять требованіемъ и расходомъ хлѣба. Такъ, державшіе особливую лично для себя прислугу стали кормить ее изъ общей артели; Молзалева, занимавшійся и получавшій за то деньги, кормилъ двухъ портныхъ изъ солдата изъ общей артели. „Артель тѣмъ и выгодна, — говорить Н. А. Бестужевъ на особомъ листѣ, долженствовавшемъ выразить его голосъ при собраніи мнѣній: — артель тѣмъ и выгодна, что меньшинство потребленія одного человѣка вознаграждается меньшею потребностью другого; слѣдовательно, если не поставить вѣсъ (хлѣба) на каждаго и каждому отпускать по положенію, то выйдетъ, что всѣ лишатся выгоды, доставляемыя артелью, потому что лишнее количество надобно будетъ покупать, тогда какъ у другихъ избытокъ будетъ пропадать безъ пользы. Увѣренъ, что среднимъ числомъ хлѣба, вообще, не выйдетъ по 1¹/₄ ф. на человѣка, но увѣренъ также, что раздача каждому по такому участку болшей половины будетъ онаго не достаточно, и думаю, что вниманіе хозяина при надлежщемъ присмотрѣ лучше опредѣлить потребность каждаго, не стѣсняя всей артели этою общемою мѣрою“. Мнѣніе это подано на нижеслѣдующій запросъ временной комиссіи: „Количество расходимаго хлѣба и кваса превышаетъ личную потребность артели и, съ другой стороны, раздѣленіе расхода на сіи предметы не въ точной мѣрѣ соответствуетъ потребленію каждаго лица и какъ сверхъ того не малая часть хлѣба и квасу расходится на прислугу, не равно распределенную на лица, хотя и равно платящія“, то и предлагаю временная комиссія на общее разрѣшеніе: „1) постано-

**) Избирательные листы посылались по номерамъ казначей съ надписью наверху просьбы передавать далѣе безотлагательно.

вать ли определенную выдачу хлеба по 1¼ ф. на день на человека, на каждого из нас, предоставляя желающим иметь большее сего количество получить оное за деньги (какъ, напр., получали прежде вашинюю, а нынѣ одну булку) и перевести вслѣдствіе сего содержаніе прислуги на счетъ тѣхъ, кои въ заходящія въ личное услуженіе люди будутъ служить, и 2) опредѣлить выдачу квасу по 2 бутылки на человека въ день или оставить то и другое по прежнему положенію? Желавшіе получать большее количество, обязаны были платить деньги. Содержаніе прислуги перенесли на счетъ тѣхъ, которые ее держатъ, оставили заботу только о пищѣ солдатъ, такъ какъ ихъ услуга была общая, а не частная. Исключали изъ хозяйственнаго бюджета жалованье брандобрю, потому расходы на мыло для бани *). Отмѣнены булки и жареное на нѣкоторое время и успокоили себя тою лишь заботою, чтобы умѣренность пищи вознаграждалась качествомъ и опрятностью приготовления, чтобы хлѣбъ не клесилъ лучше, супы были чище и квасъ не такъ дурень. Для поощренія служащихъ на кухнѣ и для чистоты самой кухни нашли выходъ въ томъ, что выдавали сверхсѣтныя деньги, по желанію, въ распоряженіе хозяина. Убавили однимъ служащимъ къ банѣ, распредѣливъ жалованье сообразно труду каждого: нынѣ надбавили, другинъ уменьшили, но, во всякомъ случаѣ, достигли той цѣли, что въ отношеніи расходимыхъ денегъ произошло значительное уменьшеніе **). Подобныя сокращенія были неизбежны въ виду того, что съ отъѣздомъ третьей категоріи число людей и средства значительно сократились; кромя того, и снабженіе отъѣзжающихъ потребовало вашишнихъ расходовъ.

Когда нѣкоторые отдѣлились отъ общаго стола и вмѣсто кушанья стали получать деньги, они уже не могли требовать артельного кушанья въ теченіи года и не иначе могли заставлять людей, нанятыхъ для общей кухни, работать, какъ по добровольному согласію. Хозяева не обязывались снабжать артельными припасами тѣхъ, которые не пользовались общимъ столомъ, хотя за долгъ поставляли себѣ стараться по возможности ихъ удовлетворять. Временная коммиссія разрѣшила таковымъ выдачу артельной муки на дрожжи для булокъ. Для улучшенія общественнаго стола и соблю-

денія экономіи нѣкоторые предлагали личныя услуги (какъ Тютчевъ), состоявшія въ томъ, что вызвавшіеся сами занимались приготовленіемъ кушаньевъ. Вслѣдствіи, для улучшенія пищи, прибавили къ отпускаемымъ 2 пуд. 20 ф. мяса еще 8 ф., и поставовали, чтобы хозяинъ непремѣнно избѣгалъ экономіи удержаніемъ изъ положеннаго количества припасовъ, а старался бы достигать цѣли посредствомъ дешевыхъ закупокъ. Когда артельныя свиньи оказались невыгодными для хозяйства—ихъ унятожили. Сахаръ стали покупать въ Иркутскѣ и на Верхнеудинской ярмаркѣ, а не въ заводѣ, чай стали брать изъ первыхъ рукъ и у богатыхъ купцовъ; соль запасали гуртовымъ приобрѣтеніемъ и проч. *).

Чтобы окончательно утвердиться на мысли, посредствомъ собраннаго капитала предупредить и даже обезпечить нужды тѣхъ членовъ общины, которые будутъ вывезены изъ тюрьмы, составила новая артель, маленькая. Она, не вредя главной цѣли, стремилась также къ достиженію членамъ выгоды, какія только можно извлечь изъ подобнаго учрежденія. Въ нее могъ поступать всякій, желавшій внести 25 р., принятыхъ за минимумъ и вносимыхъ въ 11 мѣсяцевъ по 2 р. Третья, журнальная артель выписывала журналы и газеты, общимъ числомъ до 22-хъ, и давала ихъ за небольшую плату для чтенія (1 р. 50 к. въ мѣсяцъ). Въ ней участвовали лица, не бывшія ни въ большой, ни въ малой артеляхъ, какъ напримѣръ, Анненковъ, Давыдовъ и друг. Маленькая давала займы. Займы наличными деньгами отдавались таковыми же; въ противномъ случаѣ, платился лихвиный 1%. При займѣ принадлежащихъ артели лицъ полагался 1% со ста въ мѣсяцъ, а съ непринлежащихъ—2% **). Капиталомъ

*) Самыми дѣтельными хозяевами были Д. И. Завалишняя и В. А. Бесчасновъ. Нѣкоторые рѣшительно отказывались на новые выборы. Бывали случаи отказовъ и отъ артели, но по просьбамъ товарищей оставались, доказывая доброе расположеніе къ обществу. Должностью хозяина сопряжена была съ большими затрудненіями: каждому желалось угодить товарищамъ, соблюсти общіе интересы и удовлетворить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и частнымъ. Не мало затрудняло измышленіе кушаньевъ для разнообразія, раздѣленіе стола въ постные дни и, въ особенности, выгодный закупъ, чего не могли они достигнуть, поднявъ петровскія цѣны своимъ крупнымъ запросомъ. Такъ, между прочимъ, коровье масло принуждены были выписывать изъ Читы; тамошнее оказалось лучше и съ провозомъ дешевле петровскаго.

**) При выдачѣ занимаемой суммы за первый же мѣсяцъ вносились проценты наличными или купономъ на большую артель; за слѣдующіе же мѣсяцы всегда къ 1 числу каждого мѣсяца; эти проценты платились всегда за цѣлый мѣсяцъ, не смотря на меньшій срокъ займа. За желаніе проиѣнять выписныя на всякаго рода наличныя платились 1%. Въ обезпеченіе представлялся или купонъ или свидѣтельство пору-

*) Бани топилась еженедѣльно въ субботу, но постамъ—въ пятницу. Кто желалъ заказывать для себя въ другой день недѣли, тотъ платилъ въ артель; если заказчикъ было менѣе 5-ти, одинъ рубль, пять и болѣе—1¼ руб.

**) На жалованье служащимъ петровская артель тратила ежегодно 774 р.: на содержаніе бани 15 руб., на содержаніе кухни 100 р., на соль 100 р., на мясо 630 р., на бумагу для книгъ и счетовъ 30 р., на овощи 400 р., на праздники 150 р., на огородъ 210 р., на крупы 100 р., молочные скоты 75 р. и проч.

и оборотами завѣдывалъ казначей, избравшійся положительнымъ большинствомъ голосовъ на цѣлый годъ. Онъ заботился, чтобы капиталъ артели, за исключеніемъ сохранной суммы, находился въ безпрестанномъ оборотѣ, и превращалъ капиталъ въ наличныя деньги. Такъ какъ артельный годъ для бюджета начинался вмѣстѣ съ большою артелью, т. е. 1-го марта, то казначей обязывался представлять списки о выборахъ 3 членовъ въ комиссію; самъ въ ней не засѣдалъ. Выясвившій ежегодно 25 руб. считался дѣйствительнымъ членомъ съ правомъ на равную долю со всѣми. Единновременные

члены. Въ положительную цѣнность купона принимались $\frac{2}{3}$ годового ручного участка, объявляемаго большою артелью. Мѣсячный купонъ былъ вообще $\frac{1}{12}$ часть объявляемаго годового и, подобно ему, цѣнилась также въ $\frac{2}{3}$. Лица, не состояшіе въ большой артели, имѣли право на заемъ только $\frac{1}{4}$ части ежегодно получаемой ими суммы и предоставляли въ обезпеченіе рописку, дающую право казначею большой артели вычесть по ней сполна изъ первыхъ, получаемыхъ ими по займу денегъ. Если кто изъ членовъ постоянной (хозяйств.) комиссіи большой артели желалъ сдѣлать заемъ для оборотовъ касательно вѣренной ему должности, то представлялъ въ поручительство подписи всѣхъ трехъ членовъ своей комиссіи. Тѣ, которые занимали сумму, превышающую сумму, обезпеченную купонами, равно и лица, не состояшія въ большой артели, въ случаѣ просрочки, платили: за 1 мѣсяцъ одинъ добавочный процентъ, за 2-й два и т. д., до окончательной уплаты занятой ими суммы. Разъ случилось такъ, что потребовалось удовлетворить отъѣзжающихъ между тѣмъ за нѣкоторыми членами оставались новоссыными подписаныя деньги, — поступили такимъ образомъ: такъ какъ деньги (652 р.) не могутъ быть скоро внесены, а съ другой стороны, получены сверхъ подписки, не входящія такіе въ расчетъ 299 руб., то за вычетомъ ихъ, остающихся 253 руб., не достаеміе до полной подписки, должны быть разложены на всѣхъ получающихъ купоны. 5 р. 6 к., причитающіеся отъ одного, должны быть вычтены изъ слѣдующихъ каждому изъ отъѣзжающихъ добавочныхъ денегъ. Сверхъ того, отъ нихъ слѣдуетъ вычесть и жалованье за мѣсяцъ, входившее въ расчетъ при бюджетѣ (въ 1833 году).

Сохранялась слѣдующая таблица, показывающая степень обезпеченія.

Мѣсяцъ. Год. обезп. Мѣс. обезп. Макс. займа.

Апрѣль . . .	177 руб.	14 р.	50 к.	29 р.	— к.
Май	162	" 14	" 50	" 29	" —
Іюнь	132	" 14	" 50	" 29	" —
Іюль	118	" 14	" 50	" 58	" —
Августъ . . .	107	" 14	" 50	" 58	" —
Сентябрь . .	88	" 14	" 50	" 58	" —
Октябрь . . .	64	" 14	" 50	" 58	" —
Ноябрь	59	" 14	" 50	" 58	" —
Декабрь . . .	44	" 14	" 50	" 43	" 50
Январь	30	" 14	" 50	" 29	" —
Февраль . . .	15	" 14	" 50	" 14	" 50

Мартъ—смотря по присылкѣ въ большую артель денегъ и по соображеніямъ цѣнности купона, который былъ объявляемъ. Сверхъ означенныхъ обезпеченій, каждый членъ общества могъ представить на этотъ предметъ 25 р., т. е. минимумъ своего вклада.

вклады вещами и деньгами, считаясь чистыми приношеніями въ пользу артели, не давали своему вкладчику права участія въ раздѣлѣ капитала. Желавшій выйти, получалъ на руки 25 руб., т. е. минимумъ ежегоднаго вклада; остальные же деньги, причитавшіяся по раскладкѣ, пребывали его собственностью, оставаясь, между тѣмъ, въ капиталѣ артели. Остатокъ съ процентнымъ приращеніемъ единственно изъ собственного его оборота не иначе выдавался въ руки владѣльца, какъ по отбѣздѣ его изъ тюрьмы. Отъѣзжавшій могъ отказать отъ своего участка только въ пользу общественаго капитала, а не лица. Такая сумма умножила капиталъ послѣдующаго года и отнюдь не служила приращеніемъ уже объявленнаго участка лицу, входящему въ одно и то же время съ жертвователемъ. Пожертвованныя вещи казначей отбѣивалъ съ двумя членами по очередному списку; затѣмъ оповѣщалъ о продажѣ и если не находилось покушниковъ, онъ продавалъ кому бы то ни было, но не дешево отбѣивки. Всякій, ввѣрившій артели для ея оборотовъ деньги, получалъ за то ежемѣсячно 1° на сто и въ томъ случаѣ, когда ввѣренная сумма дѣйствительно находилась въ оборотѣ (могли удостовѣриться въ томъ изъ казначейскихъ книгъ). Вкладчикъ напередъ долженъ былъ объявлять срокъ; если поवादрилися ему деньги ранѣе, въ такомъ случаѣ онъ объявлялся предупредить казначея за мѣсяцъ. На первый годъ по учрежденіи артель отбѣчала не болѣе 800 рублей и свыше этой суммы въ оборотъ ничего не принимала.

Маленькая артель получила свое начало въ 1832 г., когда уже нѣкоторые разряды ссыльных уѣхали на поселеніе. Въ Читѣ, въ апрѣлѣ 1828 г., истекъ срокъ послѣднему, седьмому разряду (осужденнымъ на два года каторги коронаціи обвину на годъ). 11 членовъ оставили тюрьму и отиравались на поселеніе единственно при содѣйствіи читинскихъ дамъ, снабдившихъ ихъ бѣльею, платьемъ, книгами и деньгами. Лѣтомъ 1831 года въ Петровскомъ заводѣ семья заключенныхъ снова испытала потерю товарищей, вышедшихъ на поселеніе изъ 5-го разряда. Этими помогала еще большая артель; маленькая вышла ей на помощь уже въ то время, когда приблизились сроки въ 1833 г. четвертому разряду, въ 1836 г. второму и въ 1839 году первому разряду. Съ перваго марта 1833 г. до 1834 смѣтный расчетъ артели составлялся уже на 38 порціи. Обѣ артели обоюдными силами и средствами въ состояніи были удѣлять на временное пособіе отъѣзжающимъ по 600 до 800 рублей ассигнаціями на каждого. Библіотека немовѣрно увеличилась: для научнаго и серьезнаго образованія она начала давать большой просторъ, ученый отдѣлъ ея былъ бо-

гать *). Кроме того, вносѣдствіи могли положить пособие и тѣмъ изъ прислуги, которые все время не оставили своими услугами заключенниковъ **). Въ 1836 году обѣ артели кончили свое существованіе, когда петровскій казематъ значительно опустѣлъ и въ немъ остались доживать по большей части люди достаточные. Въ 1840 г. петровскій казематъ былъ уже совершенно свободенъ отъ тѣхъ жильцовъ, ради которыхъ совершенно было его сооруженіе. Послѣ отправленія въ 1839 году первой категоріи декабристовъ оставались нѣкоторое время въ работѣ, хотя уже и не заключенными въ казематѣ, черныговцы Соловьевъ и Маралескій да изъ оренбургскихъ Ипполитъ Завалишинъ. Всѣ остальные были уже на мѣстахъ поселенія. Въ Петровскомъ заводѣ оставался доживать свой вѣкъ сначала въ званіи ссыльнаго поселенца, потомъ потомственнаго дворянина — только Горбачевскій, скончавшійся тамъ въ 1889 году въ должности мирного посредника.

Одновременно съ первыми восемью посланными въ нерчинскіе рудники и слѣдомъ за ними отправлены были на поселеніе всѣ тѣ 14 человекъ восьмой категоріи, которымъ приговоръ верховнаго уголовного суда присудилъ этотъ родъ наказанія ***). Изъ увозили по четверо, но поселяли по одиночкѣ въ самыхъ сѣверныхъ сибирскихъ мѣстностяхъ, на пространствахъ между Обдорскомъ и Средне-Колымскомъ. Когда они пробыли здѣсь годъ—ихъ пе-

*) Для чтенія газетъ существовала порядкомъ и очередь; установлена строгость и правильность: для чтенія газетъ предоставлялось два часа, для чтенія журнала 2 и 3 для Сторожа безпрестанно разносили изъ № въ № газетные листки, на которыхъ каждый отмѣчалъ время полученія и отправки.

**) Такъ, между прочимъ, для банщика скопилось въ артели 480 руб. Когда распустили казематы, онъ получилъ деньги эти на руки; могъ бы жить безбѣдно: баня подарена была ему также въ собственность и казематскій быкъ, позвнившій воду. Смыслный не выдержалъ, обжалъ, на дорогѣ его обокрали товарищи; тогда онъ явился съ повинною.

***) Увезенные впередъ поселенцы имѣли возможность при свиданіи съ послѣдующими объяснить имъ отчасти то, что ихъ впередъ ожидаетъ, и помогать имъ различными услугами. Въ Верхнеудинскѣ встрѣчалъ ихъ Ал. Ник. Муравьевъ съ женою и свояченицею; въ Иркутскѣ, въ банѣ, успѣлъ свидѣться съ братьями А. А. Марлинскій-Вестужевъ, увозимый въ Якутскъ на поселеніе и переведенный въ 1829 году на Кавказъ въ солдаты, съ правомъ выслуги, гдѣ онъ и погибъ. Передъ Иркутскомъ встрѣчалъ Владим. Теодосеев. Раевскій, принадлежавшій къ Южному обществу, но раньше товарищей своихъ сосланный изъ дивизіи Мх. Орлова (2 арміи), гдѣ В. О. завѣдывалъ школою взаимнаго обученія, заведенною впервые въ Россіи по инициативѣ М. Орлова. Раевскій слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и попалъ подъ судъ и на поселеніе въ Олонки.

ревели южнѣе на пространствахъ по линіи между Якутскомъ и Березовымъ. Первое время они были совершенно одни, „ихъ не согрѣвали ни солнечные лучи, ни присутствіе друзей“. Вестужеву-Марлинскому удалось отвести душу при встрѣчѣ въ Якутскѣ съ докторомъ Эрдманомъ, пригласившимъ наблюдать силу земнаго магнетизма. Впрочемъ, одиночное житіе въ Якутскѣ не прошло для этого талантливаго человѣка безслѣдно. Онъ изучалъ языки, между прочимъ латинскій, для чего Н. И. Гречъ высылалъ ему классиковъ, изучалъ край, нравы жителей; его скучно писалъ стихи. Въ полномъ собраніи его сочиненій 1832 года видны результаты его наблюденій во время житія въ Якутскѣ, въ статьяхъ: „Отрывки изъ разсказовъ о Сибири“ и „Сибирскіе нравы Исмытъ“. Якутскіе стихи А. А. Вестужева также были напечатаны, но уже послѣ его смерти. Отсутствіе товарищеской семьи и дружеской поддержки, которые такъ благотворно поддѣйствовали на заключенныхъ вѣстѣ, для многихъ изъ этихъ одиночекъ выразилось самыми несчастными крайностями: одни предались отчаянію, ускорившему смерть (Шахиревъ, Фохтъ и Фурманъ въ Сургутѣ), другіе сошли съ ума (Шаховской въ Енисейскѣ и Н. С. Вобрицевъ-Пушкинъ въ Туруханскѣ, Варничкинъ и Янтальцевъ въ Ялуторовскѣ *). М. А. Назимова увезли въ Средне-Колымскъ на собакахъ при 30° морозѣ. Казаки, получивъ предписаніе держать его подъ строгимъ карауломъ и въ то же время беречь его здоровье, не знали, что съ нимъ дѣлать. Они заперли его въ одну изъ юртъ и отправили гонца въ Якутскъ съ донесеніемъ, что „секретный“ заболѣлъ и имъ нечѣмъ его кормить, а валеную рыбу онъ не ѣстъ. Черезъ нѣсколько времени вышло разрѣшеніе перевести Назимова въ небольшую деревушку на Ленѣ, гдѣ стало лучше, но большое долгое время страдалъ жестокимъ ревматизмомъ обѣихъ конечностей, отъ котораго внослѣдствіи едва могъ избавиться. Чижовъ также былъ переведенъ изъ Гижиги въ другое мѣсто. Освободившіеся въ апрѣлѣ 1828 г. изъ Читы 11 человекъ седьмой категоріи также вывезены были въ сѣверные города: Чернышевъ одинъ отправился въ Якутскъ, Кривцовъ и Загорѣнкій вдвоемъ—на Лену, Ив. Абрамовъ и Лавоскій—въ Туруханскъ, Выгодовскій—въ Нарымъ, Тивенгаузенъ—въ Сургутъ, Черкасовъ—въ Березовъ, фонъ-Бригенъ—въ Пелымъ и Лихаревъ—въ Киндинскъ (оба послѣдніе потомъ переведены были въ Курганъ). Толстой изъ Читы былъ отправленъ прямо на Кавказъ солдатомъ къ товарищамъ, приговореннымъ къ этому наказанію приговоромъ суда изъ послѣднихъ четырехъ категорій (8, 9, 10 и 11-ой).

*) Въ Петровскомъ заводѣ изъ 50-ти сошло съ ума двое: Андреевичъ и Андрей Борисовъ: на поселеніи изъ 14-ти—пять.

Изъ этихъ категорій нѣкоторые поступили въ крѣпостныя работы и по Сибири. Ихъ отправляли послѣ приговоренныхъ на поселеніе. Изъ поселенцевъ седьмой категоріи нѣкоторымъ разрѣшено было впоследствии вступить въ службу солдатами на Кавказъ; другихъ перевели пожитѣ, Тивенгаузена и А. Ф. Янтальцова въ Ягудоровскъ и т. д.; при отправленіи на поселеніе чинскихъ дамы успѣли облегчить имъ своимъ пособіями дорогу и первое время поселенческаго житія *).

Лѣтомъ 1831 года изъ Петровскаго завода выѣхали на поселеніе двое изъ пятаго разряда: Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ въ Баргузинъ и Н. И. Рѣпинъ въ деревушку Марзурку (на Ленѣ) **). Лѣтний Кюхельбекеръ, весь предавший товарищамъ во время житія въ казематахъ, на поселеніи принялся трудиться для своего пропитанія. Въ первые годы онъ собственными руками расчищалъ и распахалъ нѣсколько десятинъ и засѣялъ хлѣбомъ. Но такая дѣятельность не спасла его отъ искушеній. Сблизившись съ одною баргузинскою мѣщанкою, онъ сперва крестилъ у нее ребенка, а потомъ на ней женился. Крестникъ его умеръ, но обыскъ включенъ былъ въ метрику, изъ-за чего, по доносу дьячка, синодъ призвалъ бракъ незаконнымъ, Кюхельбекеръ, разлученный съ женою, переведенъ былъ въ Смоленскую волость подѣ Иркутскомъ (за 500 верстъ отъ Баргузина). Тутъ онъ написалъ отчаянное письмо къ сестрѣ съ жалобами на жестокость. Это письмо возвратило его въ Баргузинъ, но обязали не жить съ женою, а жить съ дочерью, отъ нее иржитыми, которыхъ было семь. Рѣпинъ недолго жилъ на поселеніи. Когда веали

* *) Передъ отправленіемъ 7-го разряда прибыли въ Читу Игельштротъ, Вегелинъ и Рукевичъ, отъ Тобольска шедшіе пѣшкомъ въ двѣхъ съ атлантими партіями. Пѣшкомъ же шла, какъ сказано, Соловьевъ, Сухиновъ, Модзалевскій, Быстрицкій.

** *) Одинъ изъ 6-го разряда, А. Н. Муравьевъ, приговоренный въ 17 лѣтъ каторги, сосланъ на житіе въ Иркутскъ, потомъ перемѣненъ былъ въ Верхнеудинскъ, потомъ снова въ Иркутскъ на службу полиціи (шекетеромъ); затѣмъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. Впоследствии, въ недавнее время, былъ военнымъ губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; скончался въ 1863 году въ Москвѣ уже въ званіи сенатора. Шестой разрядъ составлялъ еще другой сямый Люблинскій, приговоренный къ каторгѣ тоже на пять лѣтъ, но не проценный. Двухъ изъ 7-го разряда, вмѣсто двухлѣтней каторги, сослали въ крѣпостныя работы на 2 года (шляк. Бестреля и поруч. Булгари, послѣдняго по молодости лѣтъ). Изъ 8 разряда лейтенантъ Бодиско, вмѣсто поселенія, записанъ былъ въ матросы; изъ 6-го братъ его князь Бодиско, вмѣсто 8 лѣтъ каторги, сосланъ въ крѣпостныя работы. Изъ 1-го разряда Тургеневъ скрылся за границу; за границею спаслся Яковъ Толстой и Чаадаевъ; Булатовъ и Полинановъ сошли съ ума еще въ Петровской крѣпости, Пассекъ умеръ еще въ 1825 году.

Андреева на Кавказъ въ солдаты, онъ заѣхалъ къ своему другу и остановился на ночь въ его помѣщеніи, занимаемомъ имъ въ домѣ одной крестьянки (въ Марзуркѣ за 200 верстъ отъ Иркутска). Вѣсѣла была праздникомъ, свиданіе длилось далеко за полночь. Служанка, разбуженная запахомъ дыма, осмотрѣла избу хозяйки и, не найдя ничего, вмѣстѣ съ нею отправилась въ помѣщеніе Рѣпина черезъ сѣпъ, постоянно наполывшіяся дымомъ. Стучали въ дверь, колотали въ окна и когда вошли въ комнату, увидѣли уже два обгорѣлые трупа. Несчастныхъ похоронили въ одномъ гробѣ на сельскомъ погостѣ. Самъ граж. губернаторъ Цейдлеръ пріѣзжалъ произвести слѣдствіе, но ничего опредѣлительнаго не нашелъ; виновныхъ розыскивали народные слухи. Слѣдствіе находило причину ножара и въ незагащенной свѣчкѣ и въ невыколоченной трубкѣ съ табакомъ, но народные слухи увѣряли, что поджогъ товарищей сдѣланъ слугою Рѣпина—поселенцемъ, надѣвшимся пожинаться деньгами обонхъ. Поселенецъ этотъ къ тому же успѣлъ убѣжать, какъ увѣряетъ преданіе.

Изъ освобожденныхъ отъ тюремнаго заточенія въ 1834 году четвертаго разряда ссыльных Ровень, Нарышкинъ и Лореръ отправлялись въ Западную Сибирь, въ Курганъ, остальные 11—по деревнямъ Восточной Сибири (Глѣбовъ въ с. Кабинское и проч.). Тогда уже было позволено селиться по двое. Впоследствии перевели въ Красноярскъ и Павла Бобрисева-Пушкина для соединенія его съ сумасшедшимъ братомъ (помѣшательство религіозоманія и пріазимъ). Въ этомъ разрядѣ Александру Муравьеву дозволено пробыть на каторжной работѣ весь срокъ, назначенный его брату Никитѣ Михайловичу. Волконскаго изъ 1-го разряда, въ уваженіе просьбы статсъ-дамы кн. Волконской (его сестры и сужруги министра), государь приказалъ соизволять послать на поселеніе. Волконскій просилъ, какъ милости, позволенія остаться въ Петровскѣ, гдѣ слабая здоровьей жена и дѣти могли имѣть врачебныя пособія (отъ Вольфа), тогда какъ въ Баргузинѣ, куда онъ былъ назначенъ, не было ни аптеки, ни доктора и никакаго удобствъ для жизни. Дозволеніе было дано. Отъѣзжавшій товарищей оставшіяся снабжали, помимо артелей, всѣмъ своимъ наличнымъ отъ трудовъ и сбереженій. Женѣ Розена Ал. Гр. Муравьева подарила складной дорожный стулъ, предлагала тысячу разныхъ предметовъ и, между прочимъ, корову для ребенка во время переѣзда на суднѣ черезъ Байкаль. Оболенскій сплалъ искусно пальто ребенку; Конст. Петр. Торсонъ устроилъ ребенку парусинную койку; Ник. Алек. Бестужевъ вынулъ и ремни съ пряжками, которыми прикрѣпиль койку, назначенную для жены во время переѣзда, къ верхней части коляски. Насколь-

ко они умѣли внушать къ себѣ уваженіе, можетъ коротко и ясно доказать то обстоятельство, что за однимъ изъ уважавшихъ въ Верхнеудинскѣ бѣжалъ, стараясь догнать, Визгуновъ, георгіевскій кавалеръ, бывший въ Читѣ и Петровскѣ караульнымъ и теперь умолявшій взять съ собою хотя на край свѣта. Остановился онъ лишь на томъ, что и самому уважавшему мѣсто назначенія было неизвѣстно. Подобный случай не послѣдній.

При отправленіи 18-ти человекъ въ 1836 году въ юнѣ мѣста для поселенія не были извѣстны. Отправлявшіеся обились въ товарищества и выпросили позволеніе жить вмѣстѣ. Братья Никита и Александръ Михайловичи Муравьевы, Вольфъ и Ив. Дм. Якушкинъ согласались было такимъ образомъ, но ихъ раздѣляли. Семейные не могли тотчасъ отправиться. Муравьевы (Алек. и Ник. Мих.) поселились въ Урюкѣ близъ Иркутска, а когда Никита Мих. умеръ и его дочь увезли въ Россію, то Александръ перешелъ въ Тобольскъ; Артамовъ же Захаровичъ Муравьевъ поселенъ былъ въ Разводной, близъ Иркутска, гдѣ умеръ. Торсонъ послѣ срока недолго оставался въ Петровскомъ заводѣ, онъ поселился сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Тобольскѣ, гдѣ жилъ мало, скорѣй умеръ. Торсонъ поселился въ Селенгинскѣ, куда къ нему пріѣхали мать и сестра; Торсонъ тамъ и умеръ. Близъ Иркутска поселенъ былъ Ѡ. Ѡ. Вадаевскій. Ал. Муравьевъ остался съ братомъ, Вольфъ съ товарищами въ заводѣ для врачебныхъ пособій. Десять человекъ отправлены въ Иркутскъ на переѣзжныхъ подводахъ, при офицерахъ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ. Холодные вѣдали всѣ вмѣстѣ, женатые особо. Ив. Дм. Якушкинъ поселился въ Ялуторовскѣ, Ник. Васил. Басаргинъ съ Васильемъ Петровичемъ Ивашовымъ въ Туринскѣ, Тобольской губерніи, Михайлѣ Сергѣевичѣ Лукинѣ подѣ Иркутскомъ въ деревушкѣ и т. д. На уменьшеніе сроковъ наказанія вліяли какія либо событія въ царственной семьѣ; въ день рожденія великаго князя Михаила Николаевича сбавлены были пять лѣтъ; во второй разъ по 2 года, при исполненіи десятилѣтія съ 14-го дек. 1824 года. Въ память путешествія по Сибири государя наследника, подвиге императора Александра II, послѣдовали, по его милостию ходатайству новыя облегченія. Между прочимъ, жившіе на поселеніи переведены на Кавказъ рядовыми въ отдѣльный корпусъ, на положеніи инвалидовъ. Кривцовъ, Цебриковъ, Валер. Голицынъ, А. А. Вестужевъ дослужились до офицеровъ. Нарышкинъ, Розенъ, Одоевскій, Мих. Назимовъ, Захаръ Чернышевъ, Оржицкій, Ковновницынъ и проч. оставались на Кавказѣ солдатами, потомъ выпросившись въ отставку и получили дозволеніе жить на родиѣхъ подѣ при смотрѣхъ полиціи. Одоевскій же на Кавказѣ и

умеръ отъ желчной горячки, на рукахъ Н. А. Загорѣцкаго. На житѣхъ на родиѣхъ, подѣ при смотрѣхъ полиціи, кончалась судьба всѣхъ декабристовъ, оставшихся живыми въ Сибири и на Кавказѣ: для однихъ раньше, для другихъ позже.

Кавказская жизнь декабристовъ, въ полнѣйшемъ контрастѣ съ сибирскою, прошла безъ слѣдовъ той осозательной общественной пользы, которая задержана была самымъ способомъ обязательности. Солдатская служба задана была имъ со всею строгостью боевыхъ обязанностей, съ тою разницею, что для однихъ ляжка натянута была туго, для другихъ она ослаблялась уступчивостью, которая, однако, была произвольна и для исполнителей вовсе необязательна. Въ то время, когда Вестужевъ-Марлинскій въ Дербентѣ и въ ежевыѣ рукахъ гарнизоннаго подполковника „бурбона“ съ тяжелымъ ранцемъ выстаивалъ на часахъ до изнеможенія съгъ подъ палящимъ кавказскимъ солнцемъ, — нѣкоторымъ другимъ товарищамъ удалось изъ солдатскихъ казармъ и лазаретовъ попасть и въ солдатской шинелѣ въ общество офицеровъ. Генералъ Раевскій, жившій на правахъ отряднаго начальника въ Тифлисѣ, бывший членъ тайнаго общества и другъ А. С. Пушкина, наполнилъ свой штабъ большею частью изъ декабристовъ и смыльныхъ офицеровъ. На это сдѣланъ былъ доносъ въ Петербургъ. Раевскому присланъ строгій выговоръ и приказъ разослать всѣхъ по разнымъ крѣпостямъ и подвергнуть обязанностямъ гарнизонной службы. Въ числѣ прочихъ пришлось поплатиться своею судьбою одному изъ братьевъ Вестужевыхъ, Петру Александр. Въ силу этого обстоятельства кавказская ссылка оказалась строже сибирской, всѣмъ смыльнымъ въ тревожно-войственной странѣ досталась добрая доля походовъ противъ горцевъ, походовъ, на которые въ то боевое время такъ охотливы были всѣ командиры. Нѣкоторые походы вызвали людскія жертвы для выслути какого либо матушкина сына, снабженнаго крупною протекціею въ Петербургѣ, для чина и славы котораго ходили въ рядахъ и смыльные декабристы. Нерѣдко для послѣднихъ другіе командиры избирали малѣйшіе поводы для того, чтобы дать отличиться и заслужить милость. Въ то время, когда всѣ были уже унтеръ-офицерами, Толстой въ 1835 г. произведенъ въ офицеры. Дольше всѣхъ не везло Марлинскому, который произведенъ въ офицеры въ 1836 г. вмѣстѣ съ бывшимъ лейтенантомъ Акуловымъ. Марлинскій въ 1837 году убитъ былъ въ отрядѣ охотниковъ во время десанта въ цѣпи. Въ Дагестанѣ, со многими другими, умеръ отъ враждебнаго лихорадочнаго климата историкъ Корниловичъ. Братъ Вестужевыхъ, Петръ Александровичъ, сосланный на Кавказъ разжалован-

ными въ солдаты послѣ шестилѣтней солдатской службы, обязавшей его участвіемъ во многихъ экспедиціяхъ, особенно же послѣ тяжелой раны, сошелъ съ ума. Ему разрѣшено было въ этомъ положеніи возвращеніе на родину на пооченіе матери и сестеръ. На пооченіе родныхъ выѣхали потомъ и все другіе, за исключеніемъ лишь Суттофа, который, кажется, одинъ изъ всѣхъ остался жить на Кавказѣ, находясь тамъ и по настоящее время. Только для Маринскаго кавказская жизнь не прошла безслѣдно, обогативъ его темами для повѣстей, литературную славою и деньгами на помощь ссыльнымъ петровскимъ братьямъ и матери. Тревожная боевая жизнь преимущественно увлекала его до сочиненія походныхъ солдатскихъ пѣсанъ, до крайней непосѣдливости на извѣстныхъ боевыхъ пунктахъ восточнаго и западнаго Кавказа. Начиная онъ ссыльную жизнь въ горахъ у Каспійскаго моря, нашелъ свою смерть на берегу Чернаго моря. Съ зажиточнымъ намѣреніемъ „вывести себя въ расходъ“, въ его живой и впечатлительной натурѣ выродилась твердая рѣшимость искать смерти, чтобы избавиться отъ тяжести жизни и тоски неволи. Однако, и въ немъ не исчезло то стремленіе къ самообразованію, которое было столь присуще всѣмъ его товарищамъ. Вестужевъ-Маринскій овладѣлъ языкомъ татарскимъ до свободнаго объясненія на немъ, изучалъ языкъ арабскій и принялся было уже за персидскій. Въ этомъ отношеніи живые люди не потерялись и на Кавказѣ.

Прощаясь съ комендантомъ, увѣжавшіе старались выразить ему благодарность теперь, не считая уместнымъ свидѣтельствовать ее прежде. Леларскій, прослезившись, отвѣчалъ: „Вы вели себя такъ, что если бы на вашемъ мѣстѣ были мы Вашингтоны, то они не могли бы лучше сдѣлать это. Мы ни разу не случалось прибѣгать къ мѣрамъ, не согласнымъ съ моимъ сердцемъ, и вся моя заслуга состоитъ въ томъ, что я повялъ васъ и, вопліи на васъ надеясь, слѣдовалъ его внушеніямъ“. „Мы обнялись и въ послѣдній разъ простились. Черезъ годъ онъ скончался“. Назначенъ новый командиръ, полковникъ Ребиндеръ, новый плацъ-майоръ Казимирскій и другіе плацъ-адъютанты. Прежніе офицеры возвратились въ Россію, получивъ большія награды. Ребиндеръ уравнивалъ всѣхъ, соединялъ на общихъ правахъ. При немъ все ходило изъ каземата куда кто хотѣлъ и онъ приглашалъ къ себѣ безъ различія всѣхъ.

Въ 1839 году оставили казематъ и заводъ остальные изъ первой категоріи, въ каковую попали двое изъ второй (братья Вестужевы, Н. А. и М. А.), какъ вмѣстѣ съ четвертою былъ освобожденъ одинъ (Розень) изъ пятаго разряда *). Вестужевы выбрали для себя го-

родъ Кургань, но оставлены въ Селегинскѣ за Байкаломъ, вблизи Петровскаго завода, гдѣ соединились съ К. П. Торосовомъ; въ заводѣ остался И. И. Горбачевскій, Д. И. Завалишинъ уѣхалъ въ Читы; въ деревнѣ Оекъ подъ Иркутскомъ С. П. Трубецкой; въ Разводной, также близъ Иркутска — Александръ Ив. Якубовичъ; близъ Иркутска въ Смоленской волости — Бесчастный; около Иркутска: С. Г. Волковскій, А. П. Юшневскій, Алекс. Виктор. Поджю; въ Тобольской губерніи — Ив. Алек. Анпенковъ, пробывъ нѣкоторое время въ Вельскѣ. Петръ Никол. Свистуновъ **), Ив. Александр. Фовивантъ, Краснокутскій, Варятинскій, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (поэтъ, умершій въ Тобольскѣ отъ чахотки), В. К. Вольфъ, Мухановъ въ Братскомъ островѣ на Ангарѣ. Въ Туруханскѣ (Енис. губерніи): И. А. Абрамовъ и Лисовскій убиты были въ дорогѣ, вѣдучи по торговымъ дѣламъ по доврѣенностямъ отъ купцовъ. Въ Иркутской губерніи умеръ отъ паралича одинъ изъ Борисовыхъ, Петръ Ивановичъ; сумасшедшій братъ (Андрей Ивановичъ) пробовалъ возвратитъ его къ жизни, пуская бритвою кровь. Все бумаги предварительно сжегъ и когда на дымъ сбѣжались люди, нашли Борисова повѣсившимся. Александръ Ивановичъ Якубовичъ (въ Енис. губерніи) умеръ, плывя по рѣкѣ; А. П. Юшневскій отъ удара, идя за громомъ товарища Вадковскаго; Ник. Алексѣев. Павловъ — отъ сахарной мочи. Въ Ялуторовскѣ умеръ Янтальцевъ съ женою, въ Красноярскѣ: Тютчевъ, Вас. Львов. Давыдовъ, Спиридовъ, Митковъ. Въ Тобольской губерніи умерли: Краснокутскій, В. К. Кюхельбекеръ, А. М. Мугель и Гаврила Семеновичъ Батенковъ. Первый уѣхалъ на поселеніе въ Тару (Тоб. г.) въ юнѣ 1836 г. вмѣстѣ съ четвертымъ разрядомъ, а Г. С. Батенковъ, просидѣвъ въ Петропавловской крѣпости 12 лѣтъ, вывезенъ былъ въ Томскъ, когда тотъ разрядъ, въ которомъ онъ считался, былъ также отравленъ на поселеніе назъ каземата. Въ этомъ городѣ онъ былъ поселенъ одинъ и первымъ и когда явился съ именемъ секретнаго, все отъ него сторонились, никто не хотѣлъ пускаться на квартиру. Велъ онъ сначала цыганскую жизнь. Нашлся сердобольный гостиницникъ съ красными вѣками, показавшій себя въ Россіи за альбиноса, выпросившій 100 руб. въ мѣсяцъ только за квартиру, тогда какъ Батенковъ получалъ въ видахъ вслѣдствія отъ товарищей 1200 р. асс. Наконецъ, нашлось доброе семейство старожиловъ: одинъ братъ служилъ и умеръ при Кюрокскихъ соляннихъ промыслахъ, оставившій семейство свое на рукахъ другого брата съ клятвою не покидать. На бѣду этотъ братъ полюбилъ дѣвушку и клятва встала препону. Батенковъ принялъ на себя клятву и заботился о вдовѣ и сиротахъ, явивъ на собственномъ хуторѣ за чертою г. Томска. Выселившись въ Россію, Гаврила Семеновичъ взялъ туда съ собою и это семейство.

*) Свистуновъ и Анпенковъ поступили въ Тобольскѣ въ службу. Бригомъ поступалъ ландляристомъ въ курганскій окружной судъ и черезъ десять лѣтъ получилъ первый чинъ.

*) Третій разрядъ составляли двое: Штейн-

равьевъ, Барятинскій, Башмаковъ, Вольфъ, Семеновъ. Въ Иркутской губерніи умерли: Никита Мих. Муравьевъ, Фед. Ф. Вадковскій, Юшневскій, Бесчасный, Поджіо, М. Н. Глѣбовъ, Артам. Зах. Муравьевъ, Мих. Кар. Кюхельбекеръ, Модзалевскій, оба Борясовыхъ. За Байкаломъ въ Селенгинскѣ: К. П. Торсовъ и Ник. Ал. Вестушевъ. Въ Туринскѣ Ивашовъ съ женою, въ Акатуй—М. С. Лунинъ. Затѣмъ по возвращеніи въ Россію: въ Москвѣ Мих. Алек. Фовизинъ, въ Бронницѣ—Ив. Ив. Пуциль, въ Костромѣ—Дмитрій Александр. Щенниъ-Ростовскій, въ Москвѣ—Иванъ Дмитр. Якушкинъ. Въ Калугѣ А. С. Ватенковъ и А. П. Оболенскій; въ Орлѣ Алекс. Иванов. Черкасовъ; Кривцовъ, въ Орловс. губ.; П. С. Бобринцевъ-Пушкинъ въ Москвѣ, и т. д., до 7-ми или 8-ми, оставшихся въ живыхъ до шестидесятихъ годовъ.

Наибольшая часть читинскихъ и петровскихъ заключенниковъ на мѣстахъ поселенія принуждена была обратиться къ тѣмъ занятіямъ, которыя указывала самая цѣль поселенія. Они принуждены были заваять хозяйствомъ и въ устройствѣ его искать тѣхъ средствъ къ жизни, которыя въ тюрьмѣ доставлялись общиною, а теперь, при болѣе свободномъ состояніи, были затруднены для нихъ крупными причинами, лежащими въ основаніи ихъ первоначальнаго воспитанія. Новое общественное положеніе на поселеніи стало несравненно тяжелѣе и если бы не нравственные запасы въ тюрьмѣ, облегчавшіе до нѣкоторой степени приступы къ практическимъ занятіямъ—положеніе ихъ было бы безысходнымъ. Сенатскій указъ 29 мая 1827 г., по представленіи бывшаго сиб. ген.-губ. Сперанскаго, позволявшій выдавать крестьянамъ изъ помещиковъ свидѣтельства на торговлю, не распространяя этого дозволенія развѣдочивѣ мѣстѣ ссылки на тѣхъ, которые ей подвергнуты по приговору верховнаго уголовного суда. Правила для жизни были стѣснительны и противорѣчивы. Такъ, для отлучки далѣе 6 верстъ требовалось испрашивать разрѣшеніе изъ Петербурга и, въ то же время, дозволялось ѣздить по своей волости, которая въ нивыхъ мѣстахъ тянулась въ одну сторону на 200 верстъ. Значительно облегчилось положеніе новыхъ поселенцевъ также и тѣмъ, что они поселены были по трое и даже до шести въ одномъ мѣстѣ. На этомъ взаимномъ, живомъ общеніи мыслей, а также при письменныхъ совѣщаніяхъ болѣе даровитыхъ и опытныхъ товарищей, кое-какъ улаживалась поселенческая жизнь декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, она исполнялась наибольшимъ затрудненіемъ и лишениями, чѣмъ даже въ самыхъ казенатахъ.

Поселенные въ маленькіе городахъ и въ большіе селенія, всѣ явля назначенныя имъ по закону 15 десятинъ земли и заваялись сельскимъ хозяйствомъ. Нѣкоторымъ удалось

доставить свое домашнее хозяйство до высокой степени совершенства (какъ Д. И. Завалишняу въ Читѣ); очень многіе, въ восполненіе лишней городской жизни, прибѣгли къ тому способу существованія, который обезпечивался для нихъ въ Сибири скуднымъ платомъ за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ этомъ отношеніи государственные преступники принесли краю несомнѣнную и громадную пользу, поднявъ уровень сибирскаго образованія значительно выше того, какой имѣется для Россіи. Особенными способностями на этомъ поприщѣ отличались между прочими: А. П. Юшневскій и А. В. Поджіо въ Иркутскѣ, Д. И. Завалишняу—въ Читѣ, И. Д. Якушкинъ въ Ялуторовскѣ. Послѣдній устроилъ двѣ школы (одну мужскую въ 1842 году, другую для дѣвочекъ въ 1846 г.). Обучалъ онъ въ ней дѣтей по Лавастеровской системѣ въ теченіи 14 лѣтъ, не смотря на привязчивость и доносы штатнаго смотрителя училищъ, но, благодаря снисходительности властей, эта школа успѣла приготовить не только грамотныхъ, но и подготовила и учителей. Одна изъ дѣвицъ, воспитывавшихся въ школѣ, имѣла возможность поступить въ нее преподавательницею. Въ теченіи 14 лѣтъ (съ 1842 по 1856 гг.) въ школѣ, основанной И. Д. Якушкинымъ, перебывало 1.800 человекъ учениковъ. Восточной Сибири въ этомъ и другихъ отношеніяхъ поспѣвавалось гораздо болѣе Западной Сибири, по случайности поселенія въ ней болѣе даровитыхъ и способныхъ людей. Въ то время, когда въ Западной наибольшая часть принуждена была прибѣгнуть къ содѣйствію купцовъ и, въ качествѣ ихъ коммиссіонеровъ и приказчиковъ, выискивать кое-какія средства для жизни,—въ Восточной Сибири дѣятельность декабристовъ являлась въ болѣе разнообразной и практической формѣ.

Въ Западной Сибири Тизенгаузенъ поселился въ Ялуторовскѣ, построилъ домъ, но домъ подожгли; онъ выстроилъ второй—его опять подожгли; выстроилъ третій, но и этотъ сожгли. Въ четвертомъ ему удалось укрѣпиться на пожарницѣ большихъ домовъ прежнее въ маленькомъ. Здѣсь онъ привезъ садовъ и воспитывалъ такіе плоды и ягоды, которые до него никогда не созрѣвали. Онъ постоянно жаловался на слабое здоровье и бездѣльную жизнь и, въ самомъ дѣлѣ, казался поврежденнымъ въ умственныхъ способностяхъ, что прихвѣтно было и въ способѣ домовыхъ построекъ и въ самомъ образѣ жизни. Въ Курганѣ Назимовъ, Нарышкинъ, Лихаревъ, фонъ-Вригенъ, Розенъ, Лореръ и Фотъ получили по 15 десятинъ земли и занимались хозяйствомъ *).

* Изъ нихъ фонъ-Вригенъ, почему-то получившій право ѣздить вмѣстѣ съ товарищами на Каяказъ солдатовъ, впоследствии поступилъ писцомъ въ курганскій судъ и черезъ 10 лѣтъ получивъ первый гражданскій чинъ.

кинь въ подспорье занятіямъ игль возможность выписать изъ Москвы дорожныхъ и крупныхъ лошадей. Остальные товарищи передали Розену свои участки и онъ занялся хозяйствомъ, удобряя неплодородную землю золою, которую бесплатно получалъ изъ тамошнихъ мыловарень, и въ два года показалъ туземцамъ, какъ можно этимъ способомъ дѣлать землю плодородною. При помощи бесплатнаго труда помочами или утлоками, требовавшими за работу только угощенія, Розену удалось справиться со всею массою земли, хотя и не привелось извлечь изъ земледѣлія выгоды. Если онъ не получалъ барышей отъ хлѣба, не иняющаго цѣны въ томъ плодородномъ краѣ, если ему не удалось вырастить ни картофеля ни гималайскаго ячменя, за то хозяйственные труды его съ достаткомъ вознаградили горохъ, инявшій цѣну на заводахъ въ посты и доставлявшій траву для корма скота. Скотоводство поддержало малоопытнаго курганскаго поселенца и доставило ему наибольшія выгоды. Жена ему во всемъ помогала: пекла и варила кушанье для приходившихъ на „утолки“, заготавливала пиво, закунала кедровые орѣхи для дѣвужекъ, угощала виномъ. Въ Олонкахъ, близъ Александровскаго завода и въ 8-ми верстахъ отъ Иркутска, Влад. Федос. Раевскій на особыхъ градахъ и безъ всякихъ хитростей воспиталъ арбузы. Съ его примѣра и подъ его руководствомъ заводскія бабы воспитаніе арбузовъ превратила въ промыселъ: теперь на иркутскомъ базарѣ арбузъ стоитъ 10—50 коп., тогда какъ прежде оравжерейные продавались отъ 5—10 р. ассиг. за штуку. Предубѣжденіе сибиряковъ исчезло. Остаткомъ отъ прихода поселенцы дѣлились съ немущими. Эта сторона характера наиболѣе рельефно выдавалась надъ всѣми другими и матеріальная помощь доставляла помогавшимъ всеобщее уваженіе, которое перешло и въ потомство. Имя благотворителей этихъ стало народнымъ преданіемъ. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи не иняла предѣловъ: съ равнымъ участіемъ и готовностью выходили они съ помощью и къ свободнымъ несчастнымъ и къ ссыльнымъ; въ Ялutorовскѣ, у почтоваго двора ссыльныхъ поляковъ, привозимыхъ въ нерчинскіе рудники, встрѣчали живые въ этомъ городѣ деkabристы и сбывшая повидаться, чтобы утѣшить и успокоить напутственными совѣтами. Въ Петровскомъ заводѣ Ив. Ив. Горбачевскій приспособлялъ свои благотворенія къ лучшимъ изъ поселенцевъ тѣмъ, что выстраивалъ домики, всматривалъ добродѣтельнаго и стоющаго изъ ссыльныхъ, выходившихъ на пропитаніе, бралъ его къ себѣ (иногда двухъ и трехъ вмѣстѣ), подъ видомъ личныхъ услугъ, но собственно на испытаніе. Если послѣдніе задавались, выборъ былъ удаченъ, Иванъ Ивановичъ, убѣдив-

шись въ честныхъ правыхъ поселенца, передавалъ ему домикъ и собственность, самъ для себя строилъ другой, третій до десятаго; эту десятую хатку, на вагъ прѣѣздъ въ январѣ 1861 года, онъ приготовилъ также для исправившихся ссыльныхъ. Занимался онъ исполненіемъ различныхъ не крупныхъ подрядныхъ лѣсныхъ работъ для завода. Въ среднѣхъ шестидесятихъ годовъ онъ скончался мировымъ посредникомъ, среди всеобщаго уваженія. Такъ дѣйствовали недостатки. Въ Тобольскѣ богатые сумѣли организовать даже цѣлое благотворительное общество, оставившее самыя яркія слѣды въ преданіяхъ и оказавшее несомнѣныя заслуги тамошнему населенію. Наталья Дмитриевна Фонвизкина, съ молодыхъ лѣтъ отличавшаяся набожностью, въ зрѣлыхъ лѣтахъ эту религіозность приняла въ Тобольскѣ исключительно къ дѣламъ христіанскаго милосердія. Съ помощью Прасковьи Егоровны Анненковой, она успѣла дѣла благотворенія поставить на широкую ногу (участіе послѣдней весьма памятно также и тѣмъ ссыльнымъ „петрашевцамъ“, которыхъ провезли въ Нерчинскъ черезъ Тобольскъ въ 1849 году). О благотворительности Ватенкова въ Томскѣ мы иняла случай рассказать. Среди трудныхъ опытовъ опытовъ личнаго обезпеченія хозяйственными трудами поселенцы не покидали науки и, по мѣрѣ силъ, старались служить ея интересамъ. И. Д. Якушкинъ устроилъ въ Ялutorовскѣ гальванической аппаратъ и весьма удачно занимался гальванопластикой. Онъ же содѣйствовалъ много къ развитію научныхъ свѣденій о физикѣ и механикѣ въ самоучкѣ-ищданіи Росмановѣ, который подъ руководствомъ И. Д. устроилъ электрическую машину, гальваническую буазеновскую батарею, пружинный термометръ, гигрометръ, вращающія работы стѣнные часы и вѣтроуиѣръ, заказанный руководителемъ. Много времени Ив. Дм. истратилъ на переписку своего огромнаго труда „Учебникъ географіи“, составленный по особому плану, и игль возможность составить гербарій ялutorовской флоры.

Въ Восточной Сибири также значительная часть государственныхъ преступниковъ, при поступленіи на поселеніе, принуждена была для своего пропитанія выпросить себѣ законный надѣлъ 15-ти десятинъ земли. Весчасное въ Смоленщинѣ—селеніи на рѣкѣ Ушаковкѣ (впадающей въ Ангарту въ Иркутскѣ) приспособилъ впервые опыты посѣвовъ конопли—продукта своей плодородной родины (Малороссія), и добился тѣмъ результатовъ, что въ настоящее время вся Смоленская волость—одна изъ самыхъ производительныхъ мѣстностей подъ Иркутскомъ, воздѣлывающая пеньку въ большомъ количествѣ. Онъ же, въ компаніи съ однимъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельныхъ сибирскихъ купцовъ (покойнымъ Андреемъ Ва-

силевичемъ Бѣлогловымъ) устроилъ маслобойку и Сибирь впервые увидѣла свое мѣстное масло, не привозное черезъ всю Сибирь изъ Ирбита и Россіи. Между сельскими хозяевами Восточной Сибири наиболѣе выдѣлялись братья Бестужевы (Н. А. и М. А.), поселившіеся около г. Селенгинска. Въ особенности замѣчательна была дѣятельность старшаго брата (Ник. Алек.). „Хотѣли было завести мельницы, приобрета въ собственность при домѣ толчею, бывшую при кожевнномъ заводѣ, но отложили до времени; задумались было надъ восстановленіемъ самой кожевни, но дознались, что какъ ни велико селенгинское скотоводство—Кяхта поглощаетъ всё кожи на обшивку чаевъ и платить за нихъ очень дорого, такъ что выдѣлка становится очень дорога для заводчика, обязаннаго покупать кожи кяхтинскою цѣною“. Забайкальскія кожевни Бестужевыхъ (и Колесова) шли до тѣхъ поръ, пока тарскіе, тюменскіе и кунгурскіе заводы не разсчитали, что изъ кожи и съ провозомъ будутъ отправляться за границу дешевле забайкальскихъ. Какъ скоро опытъ былъ сдѣланъ и оправдалъ расчетъ, кожи Западной Сибири пробѣли себѣ первую дорогу на востокъ и въ Китай. „Съ тѣхъ поръ наши заводы упали (пишетъ Н. А. Бестужевъ). Осталось для насъ земледѣліе и скотоводство“. Зуевская падь (долина), доставшаяся Бестужевымъ, отъ неправильнаго народнаго хозяйства пришла въ то состояніе, что новые поселенцы принуждены были прибѣгнуть къ искусству и, съ помощью его, успѣли сохранить на землѣ траву и получать отличныя пастбища для скота. Овцеводство оказалось самымъ выгоднымъ занятіемъ по хозяйству вслѣдствіе требованій китайцами забайкальской мерлушки предпочтительно передъ русскою. Весною, послѣ жестокихъ зимъ, у мѣстныхъ хозяевъ, послѣ недостаточнаго зимняго корма, овцы, переходя на траву, падали цѣлыми станами отъ насморковъ, носовъ, и катарровъ, у Бестужевыхъ же и Торсона, къ удивленію всѣхъ, стадо уцѣлало по простой причинѣ заготовленія сѣна, какъ краугольного камня, на которомъ зиждется основаніе хозяйства. Стадо товарищей состояло изъ 300 барановъ; въ хозяйствѣ, сверхъ того, находились 4 лошади и 2 коровы. На пастбищѣ поставлена была маленькая вбушка съ овчарни (чтобы не держать овецъ въ городѣ или домѣ, что, по расчетамъ, не приносило никакой выгоды); тула переселился даровитый хозяинъ и жилъ философомъ, пасъ овецъ и заготавливалъ сѣно для ихъ поддержанія, а не для содержанія всего скота (какъ дѣлали рутинные хозяева). Хлѣбъ у нихъ былъ свой и свой домъ, купленный въ долгъ, но рационально веденное хозяйство дало возможность вскорѣ заплатить долгъ. Другимъ многочисленнымъ

затѣямъ, на которыя былъ такъ скоръ и богатъ многосторонній умъ Н. А., обогащенный обширными свѣденіями, помогали сестры (Елена и Марья Алек., вскорѣ пріѣхавшія изъ Россіи и по смерти матери переселившіяся къ братьямъ въ Селенгинскъ *). Торсоны въ это же время знакомятъ туземцевъ съ улучшенными хозяйственными машинами, поставяя мельницу и устроивъ молотилку. Торсоновская мельница и конная молотилка съ веревочнымъ приводомъ, требовавшія одной только лошади, приводили двухъ для приведенія машины въ дѣйствіе; Н. А. Бестужевъ долго задумывался надъ такою разностью и, предполагая, что приводная веревка очень тонка и много растягивается (черезъ что лошадь теряла часть своей силы), приспособленіемъ толстой бичевы устранилъ погрѣшность. М. А. Бестужевъ придумалъ двуколку, удобную для позадокъ по горнымъ дорогамъ, и завѣщалъ ее въ повсемѣстное употребленіе туземцамъ подъ именемъ „сидѣйка“. До сихъ поръ подобныя сидѣйки пользуются такимъ же предпочтеніемъ по всему гористому Забайкалью, какъ знаменитая долгуша по всему востоку Россіи. Въ то же время Н. А., въ свободные часы отъ хозяйственныхъ занятій, занимался приготовленіемъ астрономическихъ часовъ безъ компенсаціи, выработкою самаго вѣрнаго хронометра, надъ которымъ и провоздѣлалъ пробы въ тулѣ высокою и низкою температурою. Завѣщавъ флоту, еще во время службы на немъ, способъ значительнаго упро-

*) Когда въ 1848 г. сестры Бестужевыхъ пріѣхали въ Селенгинскъ, все населеніе города шло къ нимъ на встрѣчу. Пріѣзжая съ большими усиліями могли пробиться сквозь густую толпу въ объятія братьевъ, выбжавшихъ къ нимъ на встрѣчу. Въ лицѣ одной изъ сестеръ Бестужевыхъ (Еленѣ Александровнѣ) является новый благодѣтельный геній, дозволяющій цѣлкъ тѣхъ, о которыхъ мы уже имѣли случай разсказать выше. Съ молодыхъ лѣтъ, когда она потеряла пятерыхъ братьевъ, она заступила ихъ мѣсто для младшихъ сестеръ и большой матери. Любимъ въ братьямъ Ел. Алек. сначала выражала свиданіями и посѣщеніями ихъ, не смотря на массу препятствій, въ страну изгнанія послала все необходимое, исполняла всѣ порученія. Дѣя брата Александра (Бестужевъ-Марлинскаго) она была комиссіонеромъ во вѣхъ его авторскихъ сношеніяхъ со Свирдскимъ и другими владѣтелями; для аншеванскаго разсудка брата Павла она испросила прошеніе и вмѣстѣ съ ролью страдальцы, приняла на себя заботу о послѣдующей судьбѣ его. Когда Елена Александровна похоронила братьевъ и мать, когда исполнялась ея миссія въ Россіи, она распродала все свое и съ двумя сестрами поѣхала въ Сибирь отдать свою жизнь, любовь и слезы двухъ оставшимъ братьямъ, оставшимся въ живыхъ, и какъ бы для того, чтобы закрыть глаза на вѣки еще одному, кровному другу. «Отрадно быть братомъ этой души высокой», справедливо говорить въ одномъ изъ своихъ писемъ А. А. Бестужевъ-Марлинскій объ этой «хлопоталнице» за всѣхъ, объ этомъ «образцѣ сестеръ».

щения въ уборкѣ и вооруженіи корабля *), онъ нахѣревался снабдить еще астрономическими часами и хронометромъ съ самою ничтожною девиаціею. „Одно желаніе быть полезнымъ бѣднымъ мореходцамъ, которые не въ состояніи платить по 2 и 4 тысячи за хронометры, а отъ того самаго на половину, а можетъ быть, и болѣе гибнуть, не имѣя вѣрнаго счисленія—руководило Н. А. Вестужевымъ. Онъ хотѣлъ, чтобы хронометръ, по большей мѣрѣ, стоилъ не болѣе 300 или 400 руб. асс., и для этого придумывалъ самое простое устройство. Онъ былъ уже близокъ къ осуществленію мысли. Онъ разобралъ хронометръ въ послѣдній разъ, но смерть прекратила работу и разобраннаго хронометра ни одинъ механикъ, не обладавъ секретомъ изобрѣтателя, собрать не могъ. Одинъ часъ ходилъ у него уже четыре года хорошо; другіе выдержали въ чуланѣ двѣ жестокия зимы, идуци не останавливаясь, и хотя оуточное измѣненіе, при замерзаніи ртути, не превышало 4", однако, изобрѣтатель оставался ими доволенъ и сталъ добиваться суточной разности въ десятихъ доляхъ секунды. Отличный портной, башмачникъ, столяръ—онъ былъ хорошимъ слесаремъ, рисовальщикомъ; имъ написана для селенгинскаго Покровскаго собора для царскихъ дверей масляными красками образъ Благовѣщенія. Онъ написалъ очень много статей и книгу „Записки моряка“, сочиненіе съ крупными литературными достоинствами. Домашніе опыты надъ неудачными печами привели его къ изобрѣтенію такой печи, которая поразила своею практичностью лучшаго знатока этого дѣла, извѣстаго архитектора И. И. Свѣзѣва. Вестужевская печь при 30° Р. морозу при 15 футахъ дровъ сохраняла на другое утро тепла еще 10°; 30 футовъ, при той же температурѣ, въ продолженіи дня почти не давала догрѣваться и печь сохраняла 15°. Когда у всѣхъ галѣлись трубы и трескались печи, у Вестужевыхъ оказались экономическія, невиданнаго и незнаемаго устройства **). Состоя и на поселеніи и живя на свободѣ, товарищи не переставали сноситься другъ съ другомъ и оказывать другъ другу услуги и совѣтомъ и дѣломъ. Намъ удалось читать интересную переписку Дм. Ир. Завалишина съ Н. А. Вестужевымъ. У Н. А. спрашивалъ совѣтовъ относительно

разведенія дынь и арбузовъ читинскій товарищъ его, Д. И. Завалишинъ, самъ отличный хозяинъ и садовникъ, и получалъ цѣлыя тетрадки практическихъ совѣтовъ, основанныхъ на опытныхъ успѣхахъ удачнаго приспособленія. Въ свою очередь, Н. А. Вестужевъ просилъ Д. И. Завалишина прислать теоретическія формулы высчитать вычисленій математики для оправданія и научнаго основанія своихъ практическихъ соображеній. Сооружая парники и вращивая на изученіе другимъ арбузы, дыни и китайскіе огурцы, Н. А. Вестужевъ не покидалъ научныхъ опытовъ и, между прочимъ, воспользовавшись вулканическою мѣстностью Селенгинска, производилъ опыты надъ направленіемъ землетрясеній частыхъ, хотя и незначительныхъ. Онъ повѣсилъ на проволоку 20-фунтовое ядро со шпилькою внизу, которая, будучи опущена концомъ въ ящикъ съ мелкимъ пескомъ, при каждомъ землетрясеніи чертила его направленіе, и затѣмъ шелъ къ выводу и къ улучшенію самого инструмента. Хозяйство не задавалось долгое время по причинѣ постоянныхъ засухъ, преслѣдовавшихъ начинавша и застаивавшихъ выходить изъ границъ должныхъ экономій. Выпросивъ себѣ позволеніе (въ 1840 г.) на развѣзды по округу (въ Якуту, Верхнеудинскъ и Петровскій заводъ), даровитый Вестужевъ вышелъ въ томъ, что въ Якутѣ сталъ заниматься живописью за деньги. Деньги употреблялись на поддержку уважнаго хозяйства, полагая про себя, что „остановиться въ хозяйствѣ—все равно, что бросить его совсѣмъ“. Съ такимъ человекомъ разнымъ несчастьямъ бороться было мудрено.

На поселеніи, само собою разумѣется, литературныя занятія, столь любимыя въ казематѣ, многими оставлены не были, но наступила пора разочарованій, строгаго отношенія къ себѣ—этихъ честныхъ порывовъ самосознанія, въ которыхъ слѣдуетъ искать причинъ тому, что многіе литературные труды декабристовъ не появились на свѣтъ, „погрузились въ Лету“, какъ выразился одинъ изъ нихъ. Къ этому примѣшивалось еще воспрещеніе публиковать свои сочиненія: поселенцы по закону не имѣли этого права. Во взаимной товарищеской перепискѣ мы не разъ выслушивали эту грустно-настроенную и безъ раздраженія ноту трезнаго, суроваго отношенія къ себѣ. Многіе высказывались такими откровенными исповѣдями: „Въ 25 лѣтъ тюремной нашей жизни свѣтъ очень далеко подвинулся впередъ и мы остановились на одномъ мѣстѣ. Ни по языку, ни по интересу изложенія, ни по скудости фактовъ записки (одного изъ товарищей) не могутъ увлечь публику; а въ теперешнюю эпоху одно увлеченіе и можетъ играть роль. Тяжело, а должно было ему дать понять и приготовить его къ неудачѣ. Кажется, онъ согласился, если не имѣ-

*) Вестужевскій способъ давалъ просторъ командѣ и сокращалъ издержки. Впервые примененъ былъ этотъ способъ при вооруженіи корабля «Эмгейтена».

***) Огонь пропускался изъ горнила вверхъ, оттуда оборотами внизъ и потомъ снова обрабатывался колодцемъ вверхъ; такимъ образомъ, труба приходилась надъ этимъ послѣднимъ колодцемъ, вопреки общимъ приемамъ саблевыхъ печниковъ. Устройство печи стало проще и дешевле. «Самъ я былъ и емъ бѣденъ,—говаривалъ Н. Ал.:—а потому знаю, каково бѣднякамъ на свѣтѣ».

вилъ своихъ мыслей послѣ“ и проч. „Сколько событій совершилось въ 30 лѣтъ, что мы сошли со сцены свѣта (пипеть другой) и сколько еще совершится неожиданнаго до нашей смерти! Теперь мы въ 5 лѣтъ болѣе проживаемъ, нежели прежде во сто“. „У меня теперь сохранились черновыя трехъ повѣстей (сознается третій), но онѣ уже потеряли цѣну современнаго колорита“. Устоялъ на своихъ литературныхъ занятіяхъ больше другихъ А. А. Вестужевъ (Марлинскій) и успѣлъ въ свое время воспользоваться, какъ известно, несмысланнымъ до того времени литературнымъ успѣхомъ при крупномъ и весомиѣнномъ влияніи на читающую русскую публику. Онъ имѣлъ возможность литературнымъ гонораромъ помогать братьямъ и отложить 50 тыс. руб. асс. въ банкъ.

Товарищи изъ богатыхъ, поселившіеся близъ Иркутска, благодаря своимъ столичнымъ связямъ, привлекли къ себѣ вниманіе одного изъ губернаторовъ Восточной Сибири. По указаніямъ первыхъ удало послѣднему отыскать для своей дѣятельности не одинокій слабый пунктъ, требовавшій ремонта или капитальныхъ перестроекъ. Вліянію иркутскихъ поселенцевъ не мало обязана Восточная Сибирь въ преобразованіяхъ, затѣянныхъ энергическимъ дѣятелемъ; и эта служба ссыльныхъ памятна мѣстному населенію и передается подробно и охотно всѣмъ желающимъ про то слышать и вѣдать. Эта забота тѣмъ болѣе важна была въ Сибири—странѣ, гдѣ злоупотребленія всякаго рода превосходили мѣру вѣроятія. Со всѣхъ сторонъ неслись жалобы на угнетеніе и мольбы о пощадѣ. Не одинъ Селенгинскъ, избавленный отъ притѣсненія князюскаго и безсердечнаго городничаго, но и многія другія мѣстности почувствовали на себѣ участіе людей высоко образованныхъ, возбудившихъ уваженіе мѣстныхъ властей и хорошо успѣвшихъ познакомиться со страной, пріютившею ихъ, и съ людьми, встрѣтившимися имъ съ любовью и гостепріимно. Тѣми же административными заслугами отблагодарилъ хлѣбосольному и гостепріимному краю другой товарищъ декабристовъ, отличившійся наибольшими свѣденіями о край въ томъ же Забайкальѣ, гдѣ онъ началъ ссыльную жизнь, но продолжалъ долгое время и свободную. Когда Чита назначена была областнымъ городомъ, Д. И. Завалишинъ приложилъ не мало труда, заботъ и личныхъ способностей къ ея устройству при новомъ назначеніи; опытные совѣты его, основанные на знаніи тамошняго народа, у всѣхъ на глазахъ (при первомъ забайкальскомъ вакаціонномъ атаманѣ Занольскомъ) превращались въ живое дѣло при устройствѣ области и казачьяго быта. Ему же удалось сдержать безразсчетныя увлеченія при заселеніи Амурскаго края, вновь пріобрѣтеннаго, и прежде всѣхъ опредѣлять настоящее его значеніе далеко не

въ смыслѣ обѣтованнаго рая, въ чемъ саяались увѣрять общество мѣстные поэты, призванные и не призванные. Гораздо позднѣе, когда по случайности, этой сибирской общественной службѣ положенъ былъ предѣлъ, Д. И. Завалишинъ, на мѣстѣ иной своей дѣятельности (въ Москвѣ), не перестаетъ дѣлиться запасомъ образованія, опытности и энергіи въ разнообразныхъ дѣлахъ благотворенія, отъ вспоможенія бѣдныхъ до обрученія немудрыхъ, независимо отъ тѣхъ порученій, которыя возлагаетъ на него довѣріе разныхъ ученыхъ обществъ. Долгое время онъ состоялъ членомъ и секретаремъ московскаго комитета грамотности и проч.

Вотъ съ какою просьбою обращался М. А. Вестужевъ къ С. Г. Волконскому, жившему въ Иркутскѣ: „Вамъ, можетъ быть, известно, что низкая креатура нашъ городничій, назначенный къ намъ въ градоначальники изъ жалкаго сословія иркутскихъ квартальныхъ... Онъ далъ торжественное обѣщаніе намъ и всѣмъ гражданамъ нашего города жить миролюбиво, но снова началъ вназкое поприще князю (приводится пригѣры). Мы теперь такъ стѣснены, что не имѣемъ права перестроить бани или поставить новый курятникъ безъ разрѣшенія иркутской строительной комиссіи, мы, которые живемъ внѣ всякаго гражданскаго міра, въ степи, въ притыкѣ неприступныхъ горь... Если вы будете имѣть возможность представить все это на вѣдѣ г. губернатора, то я свидѣтельствую о благодарности всѣхъ нашихъ согражданъ, ежели избавите городъ отъ этой явы, отравляющей нашу атмосферу“. На письмо это послѣдовала отвѣтъ: „Сдѣлано распоряженіе къ освобожденію Селевгинска отъ городничаго, что и будетъ сдѣлано въ теченіи не болѣе двухъ недѣль, черезъ что городъ можетъ быть спокоенъ“.

Н. А. Вестужевъ пишетъ къ Д. И. Завалишину (20 мая 1852 года): „Матушка Торсона имѣетъ теперь 88 лѣтъ отъ роду и получаетъ пенсію въ 325 руб. асс. послѣ покойнаго мужа. Пенсія эта переходитъ на дочь послѣ ея смерти. Сверхъ того, онѣ обѣ получаютъ ежегодно вспомошествованія 500 руб. асс. Но этой помощи далеко для ихъ существованія недостаточно, особенно потому, что болѣзненное состояніе покойнаго повлекло ихъ въ долги и разстроило кое-какъ заведенное хозяйство. Сверхъ того, постоянныя неурожаи въ продолженіи 14-ти лѣтъ до прошедшаго года были раззорительны для всѣхъ сельскихъ хозяевъ, а для нихъ еще болѣе по недостатку нужной мужской помощи. Нынѣ же, по увеличивающемуся здѣсь военному народонаселенію, цѣны на все удивительно какъ возвысились. Вотъ вѣрнѣе тѣ нужды, которыя представляются на благоустройство великодушнѣе его п—ва (Занольскаго). Къ этому прибавить должно, что желательно очень, чтобы земля, отвѣденная покойному, осталась за его

матушкой и сестрою. Я упоминаю объ этомъ потому, что въ указѣ о надѣленіи насъ землею сказано, что это дѣлается по примѣру государственныхъ крестьянъ, а какъ у нихъ земли, по согласію мірскому, у вдовъ не отбираются, если всё на то согласны, то, кажется, и въ этомъ случаѣ можно поступить такимъ образомъ“.

Отъ 22 апрѣля 1854 г.: „Я не перестаю тебя беспокоить своими письмами, но что же дѣлать? Бѣдный здѣшній народъ такъ напуганъ прежде бывшими здѣсь злоупотребленіями, что думаетъ и теперь безъ покровительства чьего нибудь нельзя никакого дѣла сдѣлать“ (слѣдуетъ просьба о рекуррѣ при сдачѣ).

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 г. просьба о томъ же, но для новаго лица. Въ письмѣ отъ 11 окт. 1854 г. „Старинный нашъ знакомый Хамба-Лама (толстакъ) непремѣнно хотѣлъ имѣть отъ меня къ тебѣ письмо, чтобы возобновить съ тобою знакомство, ежели вы были знакомы, и познакомиться, ежели не были. Какъ я ни увѣрялъ его, что это вовсе не нужно для такого предмета (на побѣдку Хамба-Ламы—главнаго ламы бурятскаго, въ Читѣ), но азіатцы крѣпко вѣруютъ во всякій доскутокъ бумаги болѣе, нежели самымъ убѣдительнымъ словамъ, и вотъ по этому случаю снова беспокою тебя этимъ посланіемъ. Я всю эту зиму прохворалъ; пришла и моя очередь состарѣться и принада-ть къ постелѣ. Меня оживили добрыя извѣстія о славныхъ дѣлахъ нашихъ моряковъ, но горизонтъ омрачается. Не знаю, удастся ли намъ справиться съ англичанами и французами вмѣстѣ, но крѣпко бы хотѣлось, чтобы наши полководцы этихъ вѣроломныхъ островитанъ за ихъ подлую политику во всѣхъ частяхъ свѣта. Надо бы поскорѣе занимать Сахалинъ и ближайшіе къ нему берега, а иначе англичане влезутъ къ намъ въ карманъ. Вудемъ ждать, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ—сказалъ Богданъ Хвѣльницкій. Жаль только, что новости до насъ достигаютъ только тогда, какъ/на мѣстѣ, гдѣ онѣ происходили, все уже переѣнилось или давно уже сдѣлалось старинно“.

Еще письмо отъ 28 дек. 1840 г., съ отвѣтомъ на запросы Д. И. Завалишина о разведеніи дынь,—совѣты, обличающіе опытнаго хозяина и изложенные въ такой упрощенной формѣ, что такъ рѣдко пишутся для практическихъ хозяйствъ книги.

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 года онъ же (Н. А. Бестужевъ) пишетъ къ Д. И. Завалишину: „Покойный Рупертъ выхлопоталъ для нашего стараго города (Селенгинска) позволеніе переселиться на другой берегъ Селенги и далъ этому новому городу гербъ: феникса, возникающаго изъ своего пепла. Теперь, когда нашъ фениксъ состарѣлся, не достигши зрѣлаго возраста, и даже умираетъ, думаю, что гербу этотъ приличіе бы было перенести на вашу

Читу. Я слышалъ, что точно читинскія развалины устраиваются прекраснымъ городомъ. Не будешь ли и ты строить себѣ новаго дома?.. Прощу не забывать меня старика (я крѣпко состарѣлся)“ проч.

Конечно, нѣтъ ничего, можетъ быть, труднѣе, какъ прослѣдить во всѣхъ сферахъ и представить въ наглядныхъ фактахъ то полезное вліяніе, какое имѣли такъ называемые декабристы на Сибирь; но что оно было и неабѣжно должно было имѣть мѣсто,—это несомнѣнно. И мы очень рады, что прежде, нежели сообщимъ факты, намъ лично одѣлавшіеся на вѣстныхъ, мы можемъ привести здѣсь извѣстное свидѣтельство Е. П. Ковалевскаго о декабристахъ (изъ его извѣстнаго сочиненія „Графъ Влудовъ и его время“ *).

Мы узнали декабристовъ уже въ то время, когда они, искупивъ свои заблужденія тяжелымъ испытаніемъ, жили на поселеніи, распространяя добро между окрестными жителями; или своими знаніями, особенно въ техническомъ отношеніи, или тѣми ограниченными матеріальными средствами, которыя нынѣ изъ нихъ имѣли,—уважаемые и пользовавшіеся довѣріемъ и свободою.

Что же касается до тѣхъ фактовъ, которые стали извѣстны намъ лично, то остановимся, по крайней мѣрѣ, на слѣдующихъ.

Для всѣхъ мѣстныхъ жителей, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не было разумѣется никогда тайною, что въ Петровскомъ заводѣ существовала въ казематѣ большая школа, гдѣ дѣти мѣстныхъ жителей, начиная отъ достаточныхъ чиновниковъ до нищихъ сѣмьныхъ, получая, соответственно потребностямъ каждаго, приличное образованіе, начиная отъ высшаго классическаго до начального и ремесленнаго; такъ что между тѣмъ, какъ, напр., Завалишинъ преподавалъ греческій и латинскій языки дѣтямъ духовнаго званія, приговоря ихъ въ семинарію, Н. А. Бестужевъ и другіе обучали иныхъ дѣтей столарному, слесарному, портному, сапожному и проч. ремесламъ; тогда какъ одни изъ дѣтей чиновниковъ приготавливались для поступленія въ высшія учебныя заведенія, другія дѣти обучались грамотѣ, но, разумѣется, по усовершенствованнымъ методамъ и проч.

*) Кроме того, есть еще одно обстоятельство, особенно характеризующее декабристовъ и подтвержденное общимъ свидѣтельствомъ: это—совершенное отсутствіе озлобленія противъ судьбы и людей. Въ этомъ отношеніи декабристы не были похожи на революціонеровъ другихъ странъ и не держались никогда правила: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» и «все худо, что дѣлается на волѣ». Совершенно напротивъ, они брались вездѣ исправлять зло, быть полезными вездѣ, гдѣ бы ни были невольныо захвачены судьбою, содѣйствовать добру, хотя бы оно дѣлалось не черезъ нихъ.

Поводомъ къ учрежденію школы была необходимость составлять хоръ пѣвчихъ для заводской церкви. И вотъ, сначала стали обучать дѣтей пѣнію, потомъ явилась необходимость для лучшаго обученія самому пѣнію научить дѣтей грамотѣ и т. д.—остальное пришло постепенно само собою. При совершенномъ отсутствіи въ заводахъ другихъ средствъ къ образованію, особенно въ приготовленіи къ высшему для дѣтей чиновниковъ, комендантъ вынужденъ былъ уступить неуступнымъ просьбамъ родителей дозволить научить дѣтей въ казематѣ, что для бѣдныхъ имѣло еще и то значеніе, что учившихся въ казематѣ дѣтей кормили тамъ и одѣвали. До того времени комендантъ отдѣлялся своимъ завѣтнымъ и неизмѣннымъ „не могу“ и, разрѣшивъ хоръ пѣвчихъ, сначала дозволялъ учить только читать. Пѣнію учили П. Свистуновъ и Н. Крюковъ, а грамотѣ два брата Вестужевыхъ.

Надо замѣтить, что обученіе дѣтей въ казематѣ выдавалось рѣзко двумя особенно благотворными для нихъ послѣдствіями. Первое было то, что прежде въ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, куда отвозились нивы дѣти для высшаго образованія, было предубѣжденіе противъ дѣтей Забайкальскаго края, относящее неуспѣхъ ихъ въ наукахъ къ недостатку у нихъ способностей, тогда какъ это было просто слѣдствіемъ только плохой подготовки. Когда же былъ представленъ въ первый разъ въ одну изъ высшихъ заведеній въ Петербургъ воспитанникъ казематской школы, то онъ такъ удивилъ экзаменаторовъ и объемомъ и отчетливостью своего знанія, что экзаменаторы полюбопытствовали узнать, гдѣ и кѣмъ онъ могъ быть такъ приготовленъ. Предсѣдательствовавшій при экзаменѣ начальникъ, который лично бывалъ въ Петровскомъ заводѣ и самъ зналъ секретъ, остановилъ любопытствующихъ, сказавъ имъ: „Господа! наше дѣло оцѣнить его знанія, а не допытываться, откуда онъ ихъ получилъ“.

Другая выгодная сторона казематскаго обученія заключалась въ томъ, что даже и тѣ, кому выпадала скромная доля вещественнаго труда, уважали свое занятіе, хотя по развитію умственному, вслѣдствіе полученнаго въ казематѣ образованія, могли бы имѣть пріятзаніе на родъ дѣятельности, считающейся обыкновенно высшею. До какой степени эта цѣль была достигнута, можно судить по слѣдующему примѣру. Много, десятки лѣтъ спустя послѣ того, какъ съ отъѣздомъ послѣднихъ декабристовъ изъ Петровскаго завода прекратилось существованіе школы въ казематѣ, одинъ изъ рабочихъ, получившииъ и ремесленное и грамотное образованіе въ казематѣ, узнавъ изъ газетъ о пребываніи Завалишина въ Москвѣ, писалъ къ нему въ Москву и благодарилъ

его за то уваженіе, которое вселили ему къ труду. Онъ говорилъ, что вотъ онъ давно уже женатъ, имѣетъ дѣтей, что Богъ благословилъ его достаткомъ такъ, что онъ въ состояніи не только давать образованіе дѣтямъ, но и выписывать книги и даже газеты и журналы, но что при всемъ этомъ онъ не покидаетъ, одиоко же, своего тяжелаго (кузнечнаго) ремесла, и старается внушить и дѣтямъ такое же уваженіе къ труду, какое умѣли внушать и ему въ казематѣ. И конечно, примѣры людей высшаго происхожденія и образованія, не пренебрегавшихъ никакимъ ремесломъ, никакимъ тѣлеснымъ трудомъ, лучше всего дѣйствовали на людей, чтобы и въ ихъ глазахъ облагородить тотъ трудъ, на который привыкли смотрѣть только, какъ на тяжелую и часто безотраднѣю попу.

То же дѣло образованія во всѣхъ его видахъ и распространеніе уваженія къ труду нагляднымъ доказательствомъ собственного примѣра продолжали декабристы, когда разселись по всему пространству необъятной Сибири. Вездѣ заводились школы, вездѣ бѣдныя получали образованіе бесплатно; вездѣ являлся примѣръ рациональной хозяйственной дѣятельности, до тѣхъ поръ почти неизвѣстной въ Сибири. Вездѣ представлялся контрастъ дѣловой жизни высшаго происхожденія и образованія людей съ невѣжествомъ и пустыиъ непродвиженіемъ временъ большой части достаточныхъ выскочекъ и даже крупныхъ чиновниковъ. Декабристы являлись вездѣ лучшими и практически дѣятельными, лучшими наблюдателями и знатоками края, чѣмъ мѣстные старожилы; всегда дѣятельными, не таготиющимися никакимъ занятіемъ и облагораживающимъ всякое. Всѣ видѣли, напр., въ Читѣ, что одно и то же лицо (Завалишинъ) обучало высшихъ предметовъ учебнымъ, готовившихся въ высшеклассы высшихъ учебныхъ заведеній, и не таготилося обучать грамотѣ самыхъ маленькихъ дѣтей, доставляя этимъ самымъ уваженіе и всякому другому лицу, посвятившему себя на тяжелый трудъ начальнаго преподаванія.

У него и мальчики и дѣвочки, и дѣти чиновниковъ и крестьянскія дѣти, учились иностраннымъ языкамъ и по латынѣ; и дѣвочки кончали геометрію, тригонометрію, алгебру и всѣ получали понятія о механикѣ, физикѣ и химіи. Но, въ то же время, крестьянскія дѣти отпускались на полевые работы въ деревни, о которыхъ по возвращеніи должны были давать обстоятельный отвѣтъ, а городскія дѣти должны были работать въ огородѣ и всѣ знать средства разведенія и приготовленія лекарственныхъ растений. Его ученики нерѣдко бывали первыми въ корпусѣ, а ученицы первыми въ институтѣ. Далѣе: всѣ видѣли въ образцовомъ хозяйствѣ Д. Ир. въ Читѣ, хозяйствѣ.

изумлявшемъ своимъ совершенствомъ не только мѣстныхъ жителей, но и прїѣзжихъ изъ Россіи, вполне знакомыхъ съ рациональнымъ хозяйствомъ, всё видѣли наглядное доказательство, что не только не существуетъ никакого антагонизма между теоретическимъ знаніемъ и практическимъ искусствомъ, но что, напротивъ, соединеніе того и другого могучимъ образомъ содѣйствуетъ и тому и другому. Прїѣзжіе видѣли одного и того же человѣка, одинаково плодотворно занимавшагося и высшими предметами человѣческаго вѣдѣнія, и самыми тяжелыми работами хозяйственнаго труда, отъ сохи и косы въ полѣ, отъ обработки огорода и ухода за скотоводствомъ до постройки образцоваго дома *), до всѣхъ подѣлокъ и исправленій плотничныхъ, столярныхъ, слесарныхъ и проч. по дому. Потому я должны были по неволѣ всё вѣрить, что разумная теорія всегда бываетъ плодотворна и въ практическомъ приложеніи, а разумная практическая дѣятельность, точность наблюденія, личный практической опытъ, даютъ единственный надежный матеріалъ для правильныхъ выводовъ и теорій.

Если мы перейдемъ теперь къ чисто нравственной дѣятельности, въ видѣ пособія, нравственной поддержки совѣтомъ и утѣшеніемъ, защитѣ и проч., то тутъ вліяніе декабристовъ въ Сибири является и еще въ болѣе очевидномъ и благоприятномъ свѣтѣ. Независимо отъ врачебнаго и всякаго другого рода пособія, отъ посѣщенія больныхъ и страждущихъ, декабристы являются защитниками народа противъ злоупотребленій администраціи двойнымъ дѣйствіемъ: или представительствомъ высшей администраціи, которая всегда могла смѣло положиться на добросовѣстное ихъ указаніе, или обуздывая низшую администрацію нравственными своимъ вліяніемъ, такъ какъ были примѣры, что люди, самые закоренѣлые въ злоупотребленіяхъ, совѣстились передъ ними, когда боялись, что дѣйствія ихъ будутъ открыты. И вотъ, по такому нравственному значенію ихъ, они, всё всякаго officialнаго званія или положенія, были во многихъ мѣстахъ настоящими мировыми посредниками и судьями, какъ бы officialно признанными самими главными начальствомъ, и были, во всякомъ случаѣ, лучшими совѣтниками и по-

*) Не смотря на сибирскіе морозы, доходящіе въ Читѣ до 35°, у Дм. Ир. въ домѣ не было зимнихъ рамъ на сѣверной сторонѣ, со всѣхъ тѣмъ тепло держалось до 16°. На всѣхъ окнахъ стояли цѣнты, а на полу кадки съ деревьями представили изъ комнатъ родъ оранжерей. Подросное описаніе всѣхъ чудесъ его хозяйства къ усовершенствованію породъ скота, полеводства, огородничеству, дѣтководству, по устройству лечебныхъ пособій, которыми пользовались не только мѣстные, но и всѣ окрестные жители надалека, заняло бы слишкомъ много мѣста.

кровителями народа и даже людей стоящихъ выше его.

Постепенное улучшеніе быта декабристовъ, жившихъ на поселеніи, выражалось нѣкоторыми милостями. Между прочимъ, вдовы умершихъ, лишеныя права возвращенія въ Россію (такъ, напримѣръ, отказано было въ этомъ Юшневской и Янтальцевой *), впоследствии получали дозволеніе вернуться на попеченіе родныхъ (какъ Нарышкина, урожденная Кововнищина, когда мужа ея перевели на Кавказъ). Дѣти, прижитыя до ссылки и оставленныя въ Россіи, поступали на попеченія родственниковъ другихъ людей, пожелавшихъ заняться ихъ воспитаніемъ (такъ, напримѣръ, сынъ Розена жилъ у полковника Волконскаго въ Тифлисѣ и отецъ, проживавшій въ Вѣлме-Колодцы, не могъ видѣть его изъ боязни подвергнуть воспитателя отвѣтственности). Дѣти, прижитыя въ Сибири, должны были вступить въ сословіе заводскихъ крестьянъ, но въ 1842 году, государь, по случаю бракосочетанія государя наследника, соизволилъ обратить высочайшее вниманіе на поступки женъ, послѣдовавшихъ въ заточеніе, и рѣшилъ, въ уваженіе ихъ, оказать свое милосердіе къ дѣтямъ ихъ, родившимся въ Сибири. Комитетъ, изыскивавшій средства привести въ исполненіе волю государя, положилъ: „По достиженіи дѣтми узаконеннаго возраста, принять ихъ на воспитаніе въ одно изъ казенныхъ заведеній, для дворянскаго сословія учрежденныхъ, если отцы на то согласны будутъ; при выпускѣ же возвратитъ имъ права, утраченныя отцами ихъ, когда они поведутъ своимъ и успѣхами въ наукѣ окажутся того достойными, но, вѣстѣ съ тѣмъ, лишитъ ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именовать ихъ по отчеству“. Трубецкой далъ отвѣтъ, что дочерей онъ боится отдать, предполагая, что разлука съ матерью будетъ для нихъ смертельнымъ ударомъ. Въ 1845 году разрѣшено было женѣ Трубецкаго проживать съ дѣтми въ Иркутскѣ до излеченія ея отъ болѣзни, а мужу по временамъ прїѣзжать къ ней на свиданіе „съ дозволенія генералъ-губернатора Восточной Сибири, каковое дозволеніе давать ему съ должною осмотрительностью“. 19-го іюня 1845 года государь разрѣшилъ помѣстить въ учрежденный въ городѣ Иркутскѣ дѣвчій институтъ „двухъ внучекъ дѣйствительной тайной совѣтницы Лавали, рожденныхъ въ Сибири отъ дочери ея, состоящей въ замужествѣ за находящимся на поселеніи въ Иркутской губерніи въ селѣ Оекѣ государственнымъ преступникомъ Трубецкимъ“.

Восшествіе на престолъ государя императора Александра Николаевича ознаменовалось

*) Последняя прожила въ Ялуторовскѣ девять лѣтъ по смерти мужа въ 1846 г. Жена Юшневскаго не могла раздѣлять тюремной участи мужа.

въ сибирской исторіи государственныхъ преступниковъ, сосланныхъ за возмущеніе 14-го декабря 1825 года, всеобщимъ прощениемъ ихъ, забвеніемъ прошедшаго и возвращеніемъ правъ потомственного дворянства и права возвращенія на родину, въ Россію. Низшимъ категоріямъ возвращены и титулы; изъ первой же категоріи только Тургеневу возвращены чины и ордена. Въ Сибири оставались только трое за неизвѣніемъ средствъ къ выгнуду (Завалишинъ, М. Вестужевъ и Ив. Ив. Горбачевскій *). Многие выѣхали въ расчетѣ на помощь и содѣйствіе родныхъ. Другіе лишены были того и другого отъ корыстолюбивыхъ родственниковъ, воспользовавшихся ихъ достояніемъ; нѣкоторые принуждены были прибѣгнуть, по прежнему, къ личнымъ трудамъ и заботамъ. Между ними Андрей Выстрицкій не нашелъ въ живыхъ ни одного изъ родственниковъ и, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію, ходатайствовалъ о продолженіи ему того пособия, которымъ пользовался въ Сибири, то есть 15 десятинъ

пахатной и луговой земли, 114 рублей денегами и, сверхъ того, на одежду и пашею отъ 18 до 30 рублей, сообразно существующимъ цѣнамъ на хлѣбъ (то есть всего деньгами отъ 132—142 рублей).

Исторія пребыванія въ Сибири государственныхъ преступниковъ, участвовавшихъ въ заговорѣ Петрашевскаго и сосланныхъ въ 1846 г., рассказана нѣкоторыми изъ самыхъ осмысленныхъ по этому дѣлу. Ф. М. Достоевскій, о пребываніи своемъ и товарища его Дурова въ Омской арестантской ротѣ, рассказаль въ „Мертвомъ Домѣ“, извѣстномъ всей читающей русской публикѣ. Ф. Г. Толь, о пребываніи своемъ на заводѣ Западной Сибири, написалъ „Записки о К.... заводѣ“ и помѣстилъ статьи въ журналѣ „Вѣкъ“ 1861 года. Ф. Н. Львовъ о житіи своемъ въ нерчинскихъ рудникахъ напечаталъ нѣсколько статей въ „Современникѣ“ (1861 г. № 9 и 1862 г. № 1).

Г Л А В А VIII.

ИСТОРИЯ КАТОРГИ.

Находка рудныхъ богатствъ.—Чужія работы.—Серебро.—Работы рудниковыя.—Исторія нерчинскихъ рудниковъ.—Побѣги рабочихъ.—Начальники: грекъ Левандіанъ, Суворовъ.—Самозванецъ Черяшневъ, дѣло объ немъ и послѣдующая судьба его.—Нарышкинъ.—Его безчисленныя чудачества и выходы.—Лекаръ Томпловъ.—Купецъ Колосовъ.—Воинственный походъ Нарышкина.—Взятіе имъ Вернеудинска.—Восвода Тевяшовъ.—Нѣмцовъ.—Аршеневскій, Варботъ де-Марри, Черяшневъ.—Народныя преданія о послѣднемъ.—Теодоръ Фришъ и его жена.—Тираны: Рычмоу, Австоу, Татаринювъ.—Золотая ляхораака.—Добыча золота.—Богатства Нерчинскаго края.—Карійское золото.—Разгильдѣевъ.

I.

НЕРЧИНСКІЕ СЕРЕБРЯНЫЯ РУДНИКИ И ЗОЛОТЫЯ ПРОМЫСЛЫ.

Обскіе звѣроловы открыли старыя заброшенныя копи рудъ на Алтай. Два брата тунгуса, въ 1601 году, нашли около р. Аргуня слѣды подобныхъ же работъ въ Нерчинскихъ горахъ.

По словамъ осыяковъ направилъ свою горнозаводскую дѣятельность сынъ знаменитаго Никиты Демидова, Акинфій Демидовъ; находка братьевъ тунгусовъ объявлена была въ посольствѣ Головина, пріѣхавшемъ за Байкалъ для переговоровъ съ китайцами о мирѣ.

У Демидова оказались черезъ десять лѣтъ (въ 1739 году) въ собственности два завода, 17 рудниковъ мѣдныхъ и 30 со свинцомъ и

* Ив. Ив. Горбачевскій остался потому, что Иркутскій чиновникъ воспользовался тѣми деньгами, которыя высланы были Горбачевскому по завѣщанію его умершаго брата, для устройства на поселеніи, а также и потому, что не хотѣлъ встать въ зависимость отъ другихъ положеніе.

золотистымъ серебромъ (между прочимъ Воскресенскій, изъ котораго выплавлено первое русское серебро). Въ 1744 году Демидовъ выпущеннымъ изъ-за границы саксонскими кастрами добылъ 27 фунт. 18 золот. серебра и отправилъ его въ Петербургъ.

Нерчинскія руды прямо попали въ казенныя руки, вѣдались нерчинскимъ воеводою (Мусанымъ-Пушкинымъ) и управлялись грекомъ Левандіаномъ. Въ 1700 году греки на рѣкѣ Алтай встроили Нерчинскій заводъ и въ 1704 году сумѣли выплавить и отправить въ Москву только 1 ф. 24 зол., къ 1711 году нерчинскаго серебра оказалось въ наличности только отъ 8 до 11 пудовъ въ то время, когда Демидовъ на Алтай, черезъ тѣ же 11—12 лѣтъ, въ состояніи былъ представить въ Петербургъ 44 нуда 12 фун. чистаго серебра, изъ котораго отдѣлено было 12 фун. и 32 золот. золота.

Работами у Демидова завѣдывалъ нѣмецъ (бригадиръ) Вееръ съ Вудгаковимъ. Работы въ Нерчинскомъ заводѣ производили тѣ же самые греки съ Левандіаномъ, которые служили отозваться убыточностью производства на Алтай и негодностью руды тамъ, гдѣ въ настоящее время добывается ежегодно свыше тысячи пудовъ серебра и больше ста пудовъ золота.

Путеводителями и указателями въ тѣхъ и другихъ мѣстахъ служили курганы и ямы, носившіе у русскихъ туземцовъ общее имя чудскихіе. Въ одномъ курганѣ на Алтай (въ Змишногогорскомъ рудникѣ) наша цѣлаго Чудака, замышленнаго горною выработкою вмѣстѣ съ инструментами: кайломъ, похожимъ на нынѣшнее, но круглымъ и оканчивавшимся на подобіе выгнутого долота. Инструменты были либо мѣдные, либо каменные. При этомъ мѣдь оказалась отличной чистоты; въ кожаномъ мѣшкѣ деревяннаго доисторическаго рудокопа сохранились богатѣйшія охры. При очисткѣ одной такой же древней копи попались двѣ мѣдные гири съ рудническимъ письмомъ и нѣсколько сотъ пудовъ серебряной руды, закрытой землянымъ пластомъ толщиной въ аршинъ.

Тѣ же верховыя горыныя выработки на подобіе ямъ или каменоломенъ (не глубже 5 сажень), извѣстныя у сибиряковъ подъ общимъ именемъ „чудскихъ разностей“, указывали на сокровища Нерчинскихъ горъ и вели по руднымъ признакамъ (землистой мѣдной лазури) къ необходимости устройства фабричныхъ заводовъ на слѣдахъ чудскихъ работъ, называемыхъ култукскими (по имени горы). Отсюда добывались нерчинскія руды и свозились на двѣ фабрики Нерчинскаго завода, устроенныя въ 1721 году вмѣсто пятичетверговыхъ очковыхъ печей. Въ 1747 году такихъ рудниковъ имѣлось уже 6; между 1747 и 1765 присоединились еще 5, въ 1777 году открыто новыхъ 4, къ 1801 году еще 4; въ 1834 считалось всего 12 рудниковъ. Въ 1792 году при нихъ было уже 8 заводовъ. Въ 1740 году открыты были Агинскіе мѣдные прииски, потомъ ртутные и сѣрные, затѣмъ оловянные и, наконецъ, съ 1850 г., въ три года, золотоносныя россыпи въ урочищахъ по рѣкамъ Куенгѣ и Курлчѣ, на лѣвомъ берегу р. Шилки въ Гурбаншвиурской долинѣ.

Въ горныхъ покатыхъ и отрогахъ, отдѣляющихся отъ главнаго хребта и достигающихъ одинаковой съ нимъ высоты, гранитъ поднятъ на себѣ и выдвинулъ известковыя скалы. Пространство, находящееся между гранитомъ и известнякомъ, заполнилось въ трещинахъ рудами оловянно-серебряными. Жилы съ такимъ осадкомъ представляютъ тотъ основной пунктъ, отъ котораго тянутся въ различныхъ направленіяхъ другія жилы. По такимъ жиламъ—дорогамъ—доходить до рудныхъ залежей, нагроможденныхъ въ одномъ мѣстѣ значительную

массою. Серебро, обыкновенно, находится въ рудѣ оловянной, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ желѣзной руды; но встрѣчается также и въ желѣзной рудѣ, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ олова. Последняя порода жилъ принадлежитъ къ мало-процентнымъ, потому что такую жилу труднѣе добыть изъ скалы и труднѣе, чѣмъ изъ первыхъ, отдѣлять серебро. Слѣды оловянно-серебряныхъ рудъ въ верхнихъ пластахъ земли попадаются очень часто; присутствие сереброносныхъ рудъ открывается очень часто при пробитіи шахтъ и прорытіи штоленъ въ горахъ. Какъ только попадали на такую жилу, тотчасъ закладывали рудникъ, не справляясь ни съ направленіемъ, ни съ благодарностью жилъ; оттого въ Нерчинскихъ горахъ оказалось ихъ тамъ много (до 40) и между ними напрасная трата времени, капиталовъ и тяжелаго людскаго труда приспособлена была къ такимъ рудникамъ, въ которыхъ работы существовать могли одинъ только годъ.

Самую богатую рудой считаетъ кристаллизованная, прозрачная и безцвѣтная, но на такія руды въ нерчинскихъ рудникахъ попадаютъ рѣдко; чаще нерчинская серебряная руда встрѣчается въ смѣси большого количества олова и плавится легко. Руда, соединенная съ охрою, имѣетъ кровависто-желтый цвѣтъ и заключаетъ въ себѣ немного олова и еще меньше серебра. Кромѣ этихъ, руды оловянно-серебряныя попадаютъ еще въ смѣскахъ съ сѣрою, съ желѣзомъ, кварцомъ и мышьякомъ.

Выкопанная и добытая изъ рудника руда сортируется. Крестьяне и женщины, всѣ физически слабыя, толкутъ и разбиваютъ руды молотками. Пустыя породы, какъ кварцъ, бросаютъ прочь, а освобожденныя руды сыпаютъ въ кучи. Убогія руды превращаются въ порошокъ въ толчеяхъ, потомъ провѣиваются сквозь сита и перевозятся въ жолоба, гдѣ вода отдѣляетъ и уноситъ обыкновенныя и легчайшія части, не содержащія въ себѣ металла, и, кромѣ того, увеличиваетъ въ рудѣ пропорцію серебра. Сѣро-оловянныя руды не подвергаются промывкѣ, но сушатся на огнѣ въ большихъ кучахъ.

Приготовленныя такимъ образомъ, руды свозятся, въ заводы, каковыхъ выстроено было въ Нерчинскихъ горахъ 8 *). Въ заводахъ руды

*) Кромѣ Большаго нерчинскаго (давно уже не дѣйствующаго), построенаго въ 1704 г., былъ слѣдующіе заводы: на рѣкѣ Кулукучѣ, въ 40 верстахъ отъ Большаго, въ 1760 Кулуучинскій, названный потомъ Борзинскимъ и, наконецъ, Дударскимъ; въ 1764—Кутумарскій, въ 1769—Шилкинскій; въ 1776 ниже Кутумарскаго Екатерининскій, первый водо-дѣйствующій; въ 1778—Газимурскій; въ 7 казенныя. Въ 1816 году прибрѣтенъ въ казну и Воздвиженскій заводъ на слияніи рѣки Записанной съ Аргунью, выстроенный въ 1776 г. частнымъ заводчикомъ Сибиряковымъ.

осыпаются слои, пересыпаемыми мелкими просыпанными углемъ въ печи, называемыя шаттовыми, сложенныя въ одинаковыхъ размѣрахъ изъ кирпича. Такихъ печей на заводѣ бываетъ по нѣсколько (въ Кутмарскомъ, напр., ихъ было до 16-ти). Каждая печь обладаетъ собственными свойствами, причины которыхъ выслѣдить невозможно, но каковыя знаетъ только работникъ, всегда работающій при одной печи: иныя печи скорѣе плавятъ руду, если въ нихъ разожь насыпать много руды и угля въ меньшемъ количествѣ. Шаттовая печь имѣютъ въ вышину двѣ сажени и наверху отверстіе. На одной изъ стѣнъ внутрь идетъ одно, а въ боковой стѣнѣ два отверстія одно надъ другимъ; нижнее во время плавки затѣпляется. Отъ стѣны передней насыпаютъ руду и уголь, отъ задней насыпаютъ самый уголь. Ссыпаютъ въ печь руду не одной породы, но взятой изъ разныхъ мѣстъ, и главная заслуга мастера заключается въ томъ, чтобы умѣть сѣять руды такъ, чтобы онѣ легко плавилась. Мѣтъ, воспламеняющій и увеличивающій печной огонь, двигается либо водянымъ, либо коннымъ приводомъ. Когда уже руда расплавится и придетъ въ жидкое состояніе, олово и серебро, какъ вещества тяжелѣйшія, сквозь всѣ слои угля сплывають на низъ, а шлакъ или окалина, черезъ верхнее отверстіе выплываетъ изъ печи. Два раза на день нижнее отверстіе пробивають и выпускають черезъ него олово въ формы, сдѣланныя изъ земли. Шаттовая печь, разъ затопленная, не остуживается до тѣхъ поръ, пока не испортится, что обыкновенно бываетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сообразно тому, сколько вытекаетъ окалины и олова, всыпають въ печь въ то же время угля и руды.

Отдѣленіе серебра отъ олова производится въ плавильныхъ печахъ, сложенныхъ куполомъ и обмозанныхъ внутри огнеупорною глиною; съ боковъ печи имѣютъ нѣсколько отверстій, въ самой же серединѣ печи находится прямоугольная впадина, глубиною въ $1\frac{1}{2}$ дюйма; средняя величина печи бываетъ 2 сажени. Тутъ же, сбоку плавильной печи, находится обыкновенная печь, въ которой безпрестанно горятъ дрова; мѣхи же гонятъ изъ нее въ первую печь воздухъ и пламя, которыя въ ней неустанно, какъ въ аду, кружатся и представляютъ эффектное зрѣлище.

Олово, добытое въ значительномъ числѣ въ шаттовыхъ печахъ, кладется въ плавильную и на него обращаютъ пламя. Олово растопляется скоро и жидкая масса его не скоро окисляется (т. е. соединяется съ кислородомъ воздуха), а такъ какъ недокись олова есть проба легчайшая, то уносится вверхъ черезъ небольшой желобокъ, твердѣя въ главныя дверца, и вслѣдуетъ при помощи людей. Люди его вытаскивають и переносятъ въ маленькую печку, имѣю-

щую едва кубическій аршинъ, плотно закрытую и наполненную горячими угольями; здѣсь недокись олова окисляется и затѣмъ уже получается чистое олово въ отвердѣломъ видѣ. Операція окисленія совершается въ плавильной печи въ 3 либо 4 дня. Серебро, которое трудно соединяется съ воздухомъ, упадетъ на низъ и осѣдетъ во впадинѣ, о которой упомянуто выше. Признакомъ окисленія олова служитъ очень сильный блескъ серебра; когда уже олово всецѣмъ окислится и серебро получитъ чрезвычайный блескъ, гасятъ огонь и вливають въ печь воды для скорѣйшаго охлажденія, а изъ впадины выдергивають серебряную бляху, которая называется бликомъ. Каждый бликъ имѣетъ наверху различной величины пузырьки, изъ которыхъ, когда они лопнутъ, выливается серебро. При свободномъ охлажденіи печи бликъ встраивается и видно, какъ на его поверхности появляются пузырьки. Въ серебрѣ попадаются частички золота, которое выдѣляютъ уже въ Петербургѣ.

Къ этимъ-то печамъ, наполненнымъ бѣлокалильнымъ жаромъ, въ эти-то штольни, идущія по направленію серебряныхъ жилъ, на яркій жаръ заводовъ и въ темный сумракъ рудниковъ начали посылать съ 1721 года преступниковъ изъ Россіи, приговоренныхъ въ каторжныя работы. 10 февраля 1722 года именнымъ указъ, объявленный черезъ сенатъ, велѣтъ освобожденнымъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначеннымъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальніе города, „послать и впредь таковыхъ посылать съ женами и дѣтьми въ Дауры на серебряныя заводы“. До 1712 года правильной ссылки въ рудники не было и всѣ работы производились приписными крестьянами, переселенными изъ разныхъ мѣстъ Сибири въ видѣ рекрутъ *). Такъ, между прочимъ, при нерчинскихъ рудникахъ, въ 1708 году, водворены были 104 человекъ крестьянъ съ рѣки Енисея. въ 1722 году 900 семей изъ разныхъ сибирскихъ губерній. Въ 1759 году такихъ заводскихъ рабочихъ считалось уже 2.132 души, число которыхъ снова увеличено 3.998 душами, переселенными изъ Томскаго, Енисейскаго, Иркутскаго и другихъ уѣздовъ и нѣкоторыхъ сибирскихъ городовъ, не положенныхъ въ подушный окладъ и показанныхъ подъ именемъ посадскихъ и цѣховыхъ, а также не занимавшихся торгами и промыслами. Тогда же отъ нерчинской канцеляріи приписаны къ заводамъ Удинская слобода и Аргунскій острогъ со всѣми жителями. Мастеровые изъ Екатеринбурга, въ видѣ рекрутовъ, дополнили число опытныхъ, знающихъ горное дѣло рабочихъ. Въ 1833 году число приписныхъ крестьянъ считалось уже

*) Ссылка на Колывано-Воскресенскіе (т. е. Алтайскіе заводы) прекращена въ 1762 году (сенатскимъ указомъ 22 января).

17.709 душ мужского пола; сверхъ того, 4.124 каторжныхъ мужчинъ и женщинъ въ работѣ, 220 дѣтей въ счетѣ будущаго, 900 рабочихъ находилось на своемъ пропитаніи (изъ нихъ дѣтей 221), во временномъ увольненіи 116 (при нихъ дѣтей 8) и дряхлыхъ 96. Къ 1777 году вылавливали серебро отъ 600 до 600 пудовъ (изъ 800 т. руды отъ 35 до 200 пудовъ *).

Новоприбылые рабочіе крестьяне обязаны были рубить куренные дрова, разламывать кучи и возить въ куреней на заводы уголь, рубить дрова для обжиганія флюсовъ, возить съ рудниковъ добытую готовую руду на заводы, также пески и всякіе флюсы, потребные къ выплавкѣ руды, дѣлать и починять плотины, поврежденныя наводненіемъ или пожаромъ. На рубку дѣбовъ назначено было время съ 15 февраля по 20 апрѣля. Подъ опасеніемъ пени запрещалось употреблать крестьянъ въ другія работы, но запрещеніе это осталось на бумагѣ. Тягота состояла не въ этомъ и не въ томъ, что, для противодѣйствія пьянству, запрещено было пить въ сибирскихъ заводахъ винные и пивные заводы и самую продажу производили только по праздникамъ, — нравственная тяжесть состояла въ томъ, что заводскіе крестьяне обязаны были работамъ вѣчными, безъ отдыла и награды и, освобожденные отъ подушнаго, они все-таки обязаны были предоставлять и дѣтей своимъ въ распоряженіе заводовъ. Рабочіе побѣжали вонъ, начали дѣлать мелкіе проступки неповиновенія. Пробовали раздѣлить заводскіе селенія на кварталы и учредить перебивные денные и ночные караулы; построены были будки и сдѣланы при въѣздахъ въ селенія рогатки. Предполагали со временемъ окружить всѣ селенія рвами и обставить такими же рогатками, но сѣды не отвратили нисколько. (Смать извѣстенъ начальству всякій новоприбы-

лой, но не только не пресѣклись разныя злоумышленія развратниковъ, старавшихся склонить заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ, но и въ самыхъ селеніяхъ не было ни благоустройства, ни безопасности. У воротъ въ сторожалъ сѣли старики, еще находившіеся въ силахъ и, во всякомъ случаѣ, свой братъ. Прибѣгали ко всевозможнымъ крутымъ мѣрамъ, но заводскіе—противъ собственной вины—устояли на своемъ правѣ, отбѣглись отъ рукъ и аршинныя дѣла вскорѣ начинаютъ ясно убѣждать въ томъ, что о людяхъ перестали думать. Начальство преусердно занялось рудами на видъ, на славу и удовольствіе высшихъ начальствъ и на приращеніе собственныхъ дыравыхъ кармановъ.

Въ тоже время подлѣ источниковъ богатствъ, обокъ съ рудниками, выстроились селенія; такія образцы, сталося такъ, что тамъ, откуда бѣжали даже кочевники, какъ случалось на Алтай и въ Яблоновомъ хребтѣ, новые люди съ готовностью и изумительною быстротою выстроили новыя, постоянныя и прочныя жилища.

Горныя начальства разрабатывали старыя руды, прискивали новыя, распространяли развѣдки въ дѣйствующихъ рудникахъ, приобрѣтали новыя руды. Нашедшіи руду нигдѣ право на полученіе (но не всегда получали) по пушкѣ съ пуда или по серебряному рублю съ каждаго фунта выплавленного серебра. За каждый пудъ полученныхъ изъ руды: ртуту по 5 руб., олова по 1 руб., мѣди по 1 руб., свинца по 50 коп. и желѣза по 15 коп. асс. По 2 р. 50 к. асс. съ фунта положено было за выплавки чистаго золота до тѣхъ поръ, пока весь рудникъ не будетъ выработанъ. За открытіе прииска или рудника ближе 500 сажень отъ начальныхъ работъ дѣйствующаго рудника установлено было единовременное вознагражденіе, смотря по благонадежности мѣстопокожденія. Начальство посылало за поискомъ руды и парочныя команды, принимало и готовило отъ разныхъ рудокоповъ съ товарищами; тратило большія деньги на покупку хлѣба для рабочихъ и оставило въ архивахъ множество дѣлъ, трактующихъ объ недостаткѣ хлѣба у того или другаго пристава, въ томъ или другомъ мѣстѣ. Мѣстные неурожаи, иногда по нѣсколькую лѣтъ сряду, увеличивали бѣдствія голодовокъ и наполняли тяжелыми разказами первая страница исторіи перчнскихъ заводовъ: то выпустятъ ссыльныхъ на поруки, то служащихъ лицамъ уменьшатъ пропанята до половины, холостымъ до 1 пуда, женатымъ до 1½ пуда въ мѣсяцъ. Танувшая длинная война съ рабочими по вызову побѣговъ съ стороны послѣднихъ безъ уступокъ и перемирій *).

*) Выслали и 50 человекъ тунгусскихъ казачковъ для поиски бѣглыхъ, учредили и цѣлый полкъ (Селенинскій), между прочимъ, для той же

*) Въ перчнскомъ заводѣ 446 муж. и 7 жен.; при кожевенной фабрикѣ, въ 17 верстахъ отъ завода, построеной на р. Аргунѣ въ 1789 г., ссыльныхъ рабочихъ 21; при суковной фабрикѣ въ томъ же селеніи, гдѣ и заводъ, устроенной въ 1832 г. и выдѣлявавшей шерстиную пестрядь или сукаманину—14 муж. и 21 жен.; въ Дучарскомъ заводѣ (въ 40 верстахъ отъ Перчнскаго, въ 30 отъ Каатуны, основ. въ 1760 г.) 279 м. и 1 ж.; въ Бутомарскомъ (1764 г.), въ 70 вер. отъ Перчнскаго и въ 3 отъ Екатерь. закл., 330 м. и 3 ж.; въ Газимурскомъ (1778 г.), 107 п. отъ Перчн., 58 м. и 1 ж.; въ Александронскомъ (1792 г.) 120 м. и 1 ж.; въ Шилкинскомъ (1769 г., въ 170 в. отъ Перчнска) 125 м. и 1 ж. По рудникамъ работало ссыльныхъ 1.931 м. и 28 ж.: на Водвижской дистанціи 373 м. и 7 ж., на Благодатской 166 м. и 2 ж., на Зерентуйской 255 м. и 4 ж., на Михайловской 51 м. и 1 ж., на Кадвинской 113 м. и 4 ж., на Плячинской мастерскихъ и ссыльныхъ 363, на Алдачинской 238 м. и 2 ж., на Газимурской дистанціи 297 м. и 4 ж., Кулгужинской 41 м. и 4 ж., Шилкинской 18 м., на Ойонскихъ оловянныхъ приискахъ 2 м.

тѣвалась изрядка борба со своими по поводу тайной хищнической выплавки казенной руды (такъ, напр., писецъ Юренскій тайно плавилъ богатые руды при Кутомарскомъ заводѣ). Слышались непрестанныя жалобы на надежъ скота и, преимущественно, лошадей, истомленныхъ заводскими работами, не пользовавшимися еще въ тѣ времена приспособленіемъ водяныхъ машинъ. Начальство хлопотало о постройкѣ церквей при заводахъ, о засѣвахъ овса и конопли и о защитѣ заводскихъ работъ пушками отъ набѣговъ воровъ съ китайской стороны**), предлагало стараніе и о пресѣченіи появившейся между крестьянами французской болѣзни, но, въ то же время, о наборѣ рекрутъ, о вмѣсаніи съ крестьянъ, не бывшихъ у исповѣди, штрафныхъ денегъ; дѣла усложнялись, положеніе заводовъ ууднялось. Пробовали освобождать колодниковъ на поручительство „по маловѣрнѣю кѣбѣ“—отчасти облегчали имъ участь, какъ будто давали имъ возможность набираться силами, но казенные заводы на казенныхъ рукахъ съ обязательными подневольными работниками не улучшались, съ того самаго времени, какъ управлялъ ими грекъ Левандіанъ. Пробовали пересаживаться по способу крыловскаго квартета, но и этимъ не достигли цѣли во всѣ времена, и когда съ 1700 г. упразднилъ; выслали изъ Россіи и мещеряцкихъ казаковъ. Тунгусскіе казаки явились въ своемъ національномъ платьѣ изъ козлиныхъ кожъ съ луками, стрѣлами и при сабляхъ, но осмысленныхъ не испугали и дороги имъ въ кѣсъ не преграждали.

**) Въ 1759 году рекомендовалось нерчинскимъ заводомъ предосторожности; въ 1765 году прикомандирована была гарнизонная рота для охраненія заводовъ отъ китайцевъ и непригодныхъ набѣговъ. Впрочемъ, опасливость была излишняя и напрасная съ той поры, когда Головинъ, нерчинскимъ трактатомъ, прекратилъ несогласія съ Китаемъ, а сеньный гетманъ Демьянъ Многогрѣшный разбилъ бураты на голову и застрашалъ ихъ до вѣчнаго подданства. Несогласія повидѣніямъ вызывали мелкіе набѣги и стычки со стороны мѣстныхъ жителей, вытѣсненныхъ съ култунскихъ копей (область Вольскаго нерчинскаго завода). Судя по оставленнымъ имъ плавильнымъ печамъ, монголы знали цѣну нерчинскому серебру и унесли въ степь за Аргунь живыхъ преданіи о серебряныхъ добродѣтеляхъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи побавлялись и вонгерцовъ, явившихся со своими завѣтными и извѣстными на всю Русь ящичами съ контрабандными товарами и лекарствами; велили имѣть осторожность и отъ полковъ, прѣзжавшихъ въ той же обстановкѣ пѣно-бродячей торговли. Въ томъ и другомъ случаѣ боялась имѣла характеръ политической предосторожности на случай государственныхъ вѣдѣній и возмущеній.

влять нерчинскими (тогда назавшимися аргунскими) заводами рудный приказъ, съ 1711 г.—иркутское начальство, и когда съ 1115—1719 г. опять рудный приказъ, съ 1719 г. государственная бергъ-коллегія, съ 1736 г. бергъ-директоріумъ, а съ 1742 г. опять бергъ-коллегія; въ дѣлахъ заводскихъ были полныя неуспѣхъ, они текли медленно, заводы упали.

Въ 1761 году опредѣленъ былъ на заводы командиръ, генераль-майоръ Вас. Иван. Суворовъ, снабженный особою инструкціею сената, отъ котораго онъ единственно и зависѣлъ. Инструкція эта давала полную свободу его дѣйствіямъ и затрудненія могли быть имъ скоро разрѣшаемы. 12 лѣтъ управлялъ онъ заводами и успѣлъ имъ оживить и улучшить. Онъ былъ независимъ отъ губернатора, имѣлъ право производить въ чины до капитана, награждать и наказывать чиновниковъ. Такая обширная власть, по причинѣ большого удаленія отъ столицы, легко могла быть употреблена во зло, но Суворовъ воспользовался ею въ той мѣрѣ, что остановилъ злоупотребленія горныхъ чиновниковъ и достигъ выработки серебра до 240 центнеровъ. При немъ возросло число рудниковъ; построены три самыхъ главныхъ и большихъ завода: Дучарскій, Кутомарскій и Шилкинскій; найдены новые прииски: Калчинскій, Воздвиженскій, Шилкинскій, Екатерининскій, Тайнинскій. Частный предприниматель купецъ Сибиряковъ, жившій въ Нерчинскѣ, въ значительной степени развилъ производство, приобрѣта себѣ нѣсколько рудныхъ мѣсторожденій. Въ 1774 году открыты были имъ рудные прииски и построенъ заводъ, названный Воздвиженскимъ. По заключенному съ бергъ-коллегіею договору, онъ имѣлъ на прииски право собственности; работалъ на Михайловскомъ, Кяльгинскомъ, Воздаанскомъ, Покровскомъ, Паганъ-Зеренскомъ и друг. У Суворова онъ пользовался защитою и покровительствомъ *). Въ Нерчинскомъ краѣ, въ соответствии алтайскому Демадову, Сибиряковъ въ то время былъ единственнымъ и дѣтельнымъ эксплуататоромъ рудныхъ богатствъ.

При командирѣ заводовъ Суворовѣ однообразная дѣловая жизнь горныхъ заводовъ подвѣчена однимъ событіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, и притомъ вскорѣ по его прѣздѣ за Байкалъ, а именно въ 1783 году.

*) Въ 1816 году какъ заводы, такъ и рудники съ приисками куплены у наследниковъ Сибирякова въ казну. На все имѣніе до этого времени наложено было секвестръ

II.

САМОЗВАНЕЦЪ ПЕТРЪ Ш.

Въ 1763 году въ нерчинскіе заводы прибылъ, въ партіи арестантовъ, солдатъ Петръ Чернышевъ. Колодникъ этотъ, подъ темнымъ именемъ секретнаго арестанта, заключенъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Никто, конечно, не зналъ его прошедшаго, а въ настоящемъ видѣли въ немъ только такого колодника, который требовалъ болѣе или менѣе осторожнаго и бдительнаго надзора. Употребляемый днемъ въ рудниковыя работы, наравнѣ съ другими, на ночь онъ отводимъ былъ въ особую, такъ называемую секретную казематъ, гдѣ его и запирали. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступали съ нимъ въ первое время по прибытіи въ заводы. Однако, не смотря на всю бдительность надзора, Чернышевъ успѣлъ завести знакомства не только съ соузниками (что было, конечно, весьма легко), но и съ людьми посторонними—крестьянами. Изъ этихъ знакомствъ болѣе интересное свелъ онъ съ Иваномъ Серебряниковымъ, крестьяниномъ Уровской сотни, деревни Лежанкиной. Крестьянинъ этотъ въ великомъ посту прѣзжалъ въ Дучарскій заводъ крестить сына и, для принятія новорожденнаго отъ купели, звалъ въ крестные отцы многихъ заводскихъ служителей, но всѣ они, за неимѣніемъ денегъ, отъ предложенной чести отказались. Серебряниковъ, вѣрный завѣтному правдѣдовскому обычаю, пошелъ по заводу искать въ кумовья перваго встрѣчнаго. Такимъ, по его словамъ, на его глаза показался солдатъ, стоявшій въ то время у заводской тюрьмы, съ двумя арестантами, изъ которыхъ Серебряниковъ не зналъ ни одного. Не зналъ онъ и солдата (Василія Шорохова), но, тѣмъ не менѣе, поспѣшилъ пригласить его въ кумовья; солдатъ, однако, отказался, хотя указалъ на одного изъ стоявшихъ съ нимъ арестантовъ, промолвивъ: „Зови-де вотъ Петра Чернышева“. Чернышевъ согласился; солдатъ Шороховъ привелъ его въ домъ къ священнику Павлу Федорову. Тамъ младенца окрестили; знакомство скрѣплено родствомъ и Серебряниковъ недѣли черезъ тричтыре, въ первый день Пасхи, послѣ заутрени, явля въ заводъ и къ тюремному острогу, сквозь тынъ передавалъ уже своему куму Чернышеву десятковъ яицъ и, пользуясь отсутствіемъ часового, говорилъ ему:

— Если тебѣ намѣреніе будетъ бѣжать, то ты иди прямо ко мнѣ. Я тебя на дорогу хлѣбомъ не оставлю, только ты меня не оговаривай. Воспользовавшись приглашеніемъ кума, Чер-

нышевъ изъ тюрьмы бѣжалъ, но вскорѣ былъ пойманъ. Для поимки его посланы были во всѣ нерчинскія команды строгіе приказы, съ предписаніемъ о возможно скорыхъ розыскахъ, арестантъ-де опасный, секретный. При этомъ бывшій въ дучарской канцеляріи первымъ присутствующимъ оберъ-бергмейстеръ Лодыгинъ высказался вслухъ очень многими тутъ бывшимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если бы кто онаго Чернышева смыскалъ и, не убивъ до смерти, представлялъ, то бы я того человѣка награждалъ деньгами и при томъ тотъ человѣкъ сынъ Божій“. Словами этими особенно заинтересовался смыслый распоръ Левъ Евдокимовъ, который былъ опредѣленъ при томъ же заводѣ къ обученію служительскихъ дѣтей къ грамотѣ.

Внимательство Евдокимова имѣло на дѣло крупное вліяніе, повернуло его на настоящую дорогу. Евдокимовъ въ подобныя дѣла въ новичекъ; онъ уже въ Россіи поднималъ свою судьбу судьбъ другого самозванца, бѣлаго солдата лавдѣ-миліоннаго полка Кремнева. Обстоятельство это вынуждаетъ возвратиться нѣсколько назадъ.

Когда Кремневу удалось подобрать на Дону свиту, увѣрить по пути многихъ, „что рекрутъ и подушныхъ денегъ 12 лѣтъ брано не будетъ и виновное куреніе будетъ вольное“, когда съ такими обнадеженіями явился онъ и въ Усманскій уѣздъ въ однодворческое село Приголоку, а потомъ въ село Новосоздатское, здѣсь мѣстный священникъ Левъ Евдокимовъ, въ числѣ первыхъ, повѣрилъ неграмотному солдату. Повѣрилъ онъ, какъ сказано въ указѣ, „безъ всякаго затрудненія паче первыхъ (т. е. выборнаго и десятскаго) по распутной и пьяственной жизни своей не только самъ, но всѣмъ еще вообще, хотя весьма ложными и совѣстными вѣроятіями недостойными и развращенными доказательствами подкрѣпилъ и увѣрилъ“ *).

Дѣло (по словамъ указа) происходило такъ. Евдокимовъ пришелъ въ избу, гдѣ находился Кремневъ. Кремневъ говорилъ ему:

— Поцъ, доминай государя Петра Феодоровича!

— Дай Богъ ему здравствовать!—отвѣтилъ поцъ и потомъ спросилъ:

*) При этомъ нельзя не замѣтить того важнаго обстоятельства, что и разглашенію Чернышева о себѣ, какъ объ императорѣ, помогали также второй священникъ Иванъ и первый повѣрилъ также лица духовнаго званія.

— Гдѣ онъ обрѣтается?

— Онъ подлѣ тебя сидитъ!—не задумавшись отвѣтилъ Кремневъ.

Евдокимовъ, при послѣднихъ словахъ, всталъ съ лавки и поклонился. Кремневъ снялъ со стѣны крестъ и велѣлъ Евдокимову цѣловать его, а равно руку и ногу. Левъ безпрекословно повиновался, а затѣмъ глѣз молебень о здравіи государя, поминалъ его на ектеніяхъ и на многолѣтіи и потомъ рассказывалъ всѣмъ своимъ прихожанамъ, что когда онъ былъ еще въ Петербургѣ дворцовымъ пѣвчимъ, то знавалъ императора маленькаго и нашивалъ его на рукавъ.

Увѣреніямъ священника изъ прихожанъ поддавался до того, что стали приходить къ Кремневу, цѣловали у него руки и ноги и называли его императоромъ. Первыми поддались увѣреніямъ Евдокимова однодворецъ села Новосолдатскаго Осипъ Федюнинъ, дяковъ того же села Максимъ Игнатьевъ и дякойлъ Василій Федоровъ, случайно прѣбывшій въ село на то время, когда уже около избы Кремнева стояла толпа довѣрчиваго народа.

Толпа эта была велика. Въ ней, кромѣ мѣстныхъ крестьянъ, находилось весьма много и такихъ, которые пришли изъ окрестныхъ селъ и деревень. Были тутъ и крестьяне, были и отставные солдаты и, наконецъ, даже лица духовнаго званія. Между крестьянами или (какъ сказано въ указѣ) однодворцами рзаче другихъ выдавались пять выборныхъ, два десятскихъ. Изъ отставныхъ солдатъ отиѣчены указомъ три сержанта, вахмистръ, два капрала, фурьеръ, подпрапорщикъ и даже одинъ поручикъ (также отставной). Изъ лицъ духовнаго званія записаны въ сочувствіи къ дѣлу Кремнева три попа, три дякова, трое поповыхъ дѣтей, два церковника, дячекъ. Сверхъ того, оказались причастными къ дѣлу двое цыганъ и одинъ воронежскій купецъ.

Примѣтная цифра лицъ духовнаго званія давала право заключить положительнымъ образомъ, что всѣ они привлечены были къ самозванцу разглашеніями Льва Евдокимова, который дѣйствовать на нихъ не только личнымъ участиемъ, но и черезъ посредство жены своей и жены однодворца Уколова *).

Къ собранной, такимъ образомъ, около квартиры Кремнева толпѣ вышелъ прежде всѣхъ одинъ изъ крестьянъ, прибывшихъ въ село Новосолдатское вмѣстѣ съ самозванцемъ. Выйдя къ народу, крестьянинъ этотъ закричалъ толпѣ: „Становись на колѣни!“ Всѣ повиновались. Затѣмъ вышелъ изъ избы самъ Кремневъ, держа въ рукѣ крестъ. Всѣ, такимъ образомъ, цѣловали этотъ крестъ, цѣловали у Кремнева

руку и потомъ ногу, не исключая поповъ, отставныхъ солдатъ, поручика Саввы Романова и женщинъ. Всѣ они были искренны въ своихъ движеніяхъ, исключая подпрапорщика Алексея Внучкова, который, „хотя, по увѣренію распоя Льва, у самозванца руку вообще между множества народа и цѣловалъ“, однако, въ то же время попу Евдокимову упомянуть, что государь Петръ III умеръ, а выборному, изъ однодворцевъ совѣтовалъ послать нарочнаго, чтобы оповѣстить обо всемъ случившемся воеводу. Церковникъ Филиппъ Петровъ имѣлъ намѣреніе „испросить у самозванца паспортъ и не болѣе только, какъ посмотря самозванцу въ розу, ушелъ въ домъ свой“.

Устойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и самостоятельнѣе въ личныхъ убѣжденіяхъ перелѣ всѣми другими былъ все-таки Левъ Евдокимовъ. Когда изъ Воронежа, для поиски самозванца, прислана была воеводоу Елинымъ гусарская команда и прѣіталъ потомъ самъ воевода, Евдокимовъ не только самозванца не отдалъ, но и народу приказывать не выдавать. Дѣтельными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были поповы смяовья, изъ которыхъ Иванъ Фоминъ (послѣ того, какъ воевода собственно ручно связалъ Кремнева) говорилъ самозванцу:

— Если бы я тогда былъ, какъ тебя воевода вязалъ, то я бы пятьдесятъ человекъ положилъ.

И затѣмъ не отставалъ онъ отъ самозванца до тѣхъ поръ, пока его взяли подъ караулъ. Точно такимъ же образомъ не покидалъ Кремнева и другой поповъ сынъ—Акимъ Поповъ. Онъ успѣлъ тайно уйти съ ними на другой дворъ, гдѣ обулъ его въ лапты.

Меньшее участіе къ судьбѣ Кремнева (послѣ того, какъ онъ потерялъ свое дѣло) оказали отставные: четверо изъ нихъ „хотя къ отдачѣ оного Кремнева и не способствовали, однако, совѣтовали другимъ, чтобы его отвезти въ губернскую канцелярію“ *). Отставной же капралъ Василій Пальчиковъ, не оказавъ никакого сопротивленія при арестованіи самозванца, согласился отвезти его въ Воронежъ, когда на другой день выборный сдѣлалъ ему это предложеніе („препозицію“—какъ сказано въ указѣ). Выборный Семенъ Черный, когда пришла команда, Кремнева не только не выдалъ, но и взятый у офицера приказъ держалъ у себя, а выйдя потомъ къ народу, выговорилъ, что онъ за Кремнева кровь прольетъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣло самозванца было проиграно, онъ скованнымъ былъ отвезенъ въ Воронежъ. За нимъ послѣдовали туда же и подъ караулъ всѣ его сообщники, въ числѣ 69 человекъ. Указъ Екатерины рѣшилъ освободить

*) Уколова дала самозванцу шубу и потомъ ѣздила съ пощадью въ другое село для разглашенія.

*) Одинъ изъ нихъ, Тибекинъ, былъ въ числѣ другихъ, разглашавшихъ о томъ, что въ слѣдѣ между ними находится императоръ.

Кремнева отъ смертной казни, но повелѣлъ: „Въ страхъ другиямъ такого отчаяннаго свойства людямъ, во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ показанныя ложныя разглашенія чинилъ, при собраніи народа, который ему безразсудно повиновался и легкомысленно вѣрилъ, съчъ кнутомъ въ каждомъ селѣ по нѣсколькы ударовъ. Въ обличеніе же явнаго его злодѣйства, привязать на грудь доску, съ надписью большими словами: Вѣглець и самозванецъ! а въ послѣднемъ селѣ, по наказаніи, выжечь на лбу В и С и потомъ послать въ Нерчинскъ въ вѣчную работу.“

„Евдокимовъ за всѣ возмутительныя преступленія, яко нарушитель присяги, народнаго благостія и спокойствія и не раскаившійся о содѣянномъ злѣи человекъ, по правамъ и законамъ государственнымъ, достоинъ неминуемо жесточайшей смертной казни. Но мы, однако, по приращенному въ насъ злодѣялоубію и что онъ, располь, снъ всѣ злодѣянія чинилъ единственно отъ самаго вкоренившася въ немъ пьянства и жадности къ оному, такъ и по распутной и развращенной жизни и невѣжеству, а сверхъ всего, что онъ въ ономъ своемъ злодѣянн при распросѣ, безъ встязанія, признался также, что сіе учиненное имъ злоинкомъ образомъ съ разумомъ и человечествомъ соображаемо не было, — отъ смертной казни (оставляя ему единственно послѣдніе дни жизни его о содѣянномъ имъ злѣи на раскаяніе) всемилостивѣе освобождаетъ, а повелѣваемъ: во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ свои клятвопреступническія и измѣническія чинилъ увѣренія и подписи, учинить наказаніе по нѣсколькы ударовъ кнутомъ, привязавъ на груди доску, съ надписью большими литерами: Помощникъ самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и лжесвидѣтель. А по наказанн въ послѣднемъ селѣ выжечь на лбу знаки, днухъ словъ первыя литеры, то есть ложныя свидѣтели, а потомъ послать въ Нерчинскъ, въ работу вѣчно“ *).

*) Били кнутомъ еще одноаворца Федюнина (за то, что разглашалъ, будто бы онъ самозванца въ бытность въ Петербургѣ выдалъ); били кнутомъ выборнаго Чернаго, но оставили обоихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства; били плетями полова сына Попова, полова сына Фомина и обоимъ крестьянъ г. Кологриваго (яко помѣщичьихъ воровъ) — прибавлено въ указѣ). Поповъ по наказанн освобожденъ, а крестьяне отосланы на старое жилище, куда принадлежать. Изъ числа 25 крестьянъ пять человекъ, по жеребью, также выѣчены были плетями и потомъ всѣ раслущены. Четверо выборныхъ также наказаны были плетями; восемь человекъ солдатъ изъ команды бывшаго фурыера Будинава велѣно наказывать каждый передъ своею ротюбогатами с л е г к а, опредѣлать въ службу по-прежнему. Всѣхъ лицъ духовнаго званія (поповъ, дьяконовъ и церковниковъ) шдержатъ подъ карауломъ, въ тюрьмѣ, нѣсколькы недѣль на хлѣ-

Въ нерчинскихъ рудникахъ ния Кремнева пропало безслѣдно, но Левъ Евдокимовъ не измѣнилъ себѣ и о себѣ напомнилъ, сдѣлавшись участникомъ подобнаго же рода дѣла въ самозванствѣ солдата Петра Чернышева.

Отправляемъ слѣдомъ за нимъ за Байкалъ на Дучарской горный заводъ.

Евдокимовъ этотъ, по личному сознанію, началъ въ Дучарскомъ примѣчать „и подлинно онъ, Чернышевъ, но отличный ли какой человекъ“. Разъ, когда Чернышевъ уже пойманъ былъ изъ бѣговъ, Евдокимовъ пришелъ въ мусорную, гдѣ на то время нашъ секретный арестантъ находился на работѣ. Съ нимъ изъ солдатъ никого не было, былъ только одинъ сторожъ изъ сосланныхъ, Фекляеть. Евдокимовъ принесъ съ собою осмину вина, поилъ этимъ виномъ сторожа, поилъ больше Чернышева и спрашивалъ (вѣрнѣе подговаривалъ, прознавъ, что Чернышевъ — человекъ одного закала съ Кремневымъ).

— Какой ты подлинно человекъ?

Чернышевъ, съ великою клятвою и со слезами на глазахъ, объявилъ, что онъ бывший императоръ Петръ Третій, и при этомъ просилъ Евдокимова разглашать о томъ подъ рукою всѣмъ, кого онъ признаетъ болѣе благонадежными и опасливыми, приговаривъ:

— Ежели ты будешь разглашать, то намъ обоимъ будетъ нажитьочно.

Объ и на водѣ, а потомъ «отослать къ епархіальному архіерею, для свидѣтельствования — способны ли они впродъ остаться въ prisonsъ своихъ аваніяхъ и мѣстахъ»? Тотъ же арестъ въ тюрьмахъ, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ, приурженъ былъ и всѣмъ остальнымъ изъ обвиненныхъ: «Такъ какъ они къ послушанію самозванца приведены ложнымъ увѣреніемъ и свидѣтельствомъ распоя Лью, такожъ будучи ослѣплены такимъ же презабвннымъ послушаніемъ приходоу снхъ причетниками, коихъ они, по своей глупости, не менѣе считаютъ какъ людьми во всемъ передъ собою знающими, такъ какъ необикновенное очно надъ ними приобрѣтаютъ начальство». Двѣ женщины освобождены, безъ всякаго наказанія, вмѣстѣ съ подпрпорншникомъ Влукновымъ, сержантомъ Колесниковымъ и дьячкомъ Иваномъ Поповымъ. Отстающей поручицѣ Савва Романовъ былъ лишенъ двухъ чиноу, содержался на хлѣбѣ и на водѣ двѣ недѣли и потомъ освобожденъ. Воронежскаго батальона фурыеръ Иванъ Бурдиновъ, за то, что повиновался и исполнялъ приказанія самозванца (вѣдиль по селамъ и разглашать о прїѣздѣ императора, привлекъ на свою сторону 8 человекъ вѣрной ему команды и, наконецъ, прїѣхалъ въ Воронежъ для занятія Кремнову квартирѣ) — былъ прогнанъ сквозь «трой черезъ тысячу человекъ шесть разъ и занисанъ потомъ въ солдаты въ тотъ же батальонъ «для прннѣру другихъ», какъ сказано въ указѣ. Пьянство, жадность къ оному, необузданное, врожденное буйство, сопряженное съ глубокимъ невѣжествомъ, подлое нечеловѣческое состояніе людей непросвѣщенныхъ, слабый смыслъ, недоразуміе и легкомысліе — вотъ тѣ облегчающія причины, которыя были признаны указомъ къ смягченію приговора и объявлены всѣмъ обвиненнымъ.

Евдокимовъ, разумеется, не замедлил воспользоваться совѣтомъ и для этого поспѣшилъ заручиться товарищемъ. Попался бывалый и какъ разъ пригодный для дѣла. Одинъ смысленный, Иванъ Карповъ, рассказывалъ, что, въ бытность его въ услуженіи у грузинскаго царевича Георгія въ Москвѣ, Петра III видалъ и что секретный арестантъ, Петръ Чернышевъ, имѣлъ съ нимъ поразительное сходство. Другой приписки изъ смысленныхъ, Кузьма Фирсовъ, увѣрялъ, что онъ дѣйствительно Петра III видалъ въ Петербургѣ, въ 1763 году, въ тайной канцеляріи, и что Чернышевъ „на лицо таковъ же, какъ и императоръ“.

Согласившись и столкновившись такимъ образомъ, эти двое изъ смысленныхъ начали распространять подъ рукою и подъ секретомъ, что Чернышевъ не простой человекъ, и рассказывали это сначала исключительно въ одномъ заводѣ между мастеровыми и рабочими. Первымъ повѣрилъ изъ словамъ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Въ началѣ 1768 года, находясь въ той же мусорной на работѣ, онъ, между прочими разговорами, спросилъ Чернышева.

— Какой ты человекъ бывалъ?

На что Чернышевъ отвѣчалъ, что онъ бывший императоръ Петръ Третій.

— Какъ же ты попалъ сюда въ заводы?

— Вышли въ Воронежской губерніи, для осмотра состоявшихся тамъ полковъ, подъ видомъ солдата былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе перчинскіе заводы въ ссылку, не повѣряя тому, что я такой великій человекъ.

То же самое сказывалъ Чернышевъ еще шести человекамъ.

Нѣсколько дней спустя, пришелъ въ плавильную фабрику Кузьма Фирсовъ и при тѣхъ же шести человекѣхъ долго и пристально смотрѣлъ на работавшаго Чернышева, а отойдя въ сторону, говорилъ мастеровымъ: „что-де этотъ колодникъ не Чернышевъ, но подлинно Петръ III“.

Всѣ эти рассказы возымѣли желанный успѣхъ. Въ тюрьму къ Чернышеву начали приходить многіе изъ заводскихъ служителей и дарить ему что что могъ: одни приносили деньги, другіе—вещи. Всѣ эти подарки „члены были единственно въ томъ чаяніи, ежели онъ освободится, то-бы итъ же оставилъ и отъ заводскихъ работъ увольнялъ“. Въ этомъ же увѣрялъ ихъ и сообщникъ Чернышева — Евдокимовъ. Богѣе всѣхъ довѣрился общаніямъ, какъ Чернышева, такъ и Евдокимова, заводскій служитель Вабинъ. Къ нему Чернышевъ даживалъ неоднократно „чаю пить, обѣдать и получать другія вспомошествованія въ пропитаніи“, всегда увѣряя Вабина въ томъ, что когда освободится, то сдѣлаетъ его генераломъ. То же самое общалъ Чернышевъ и другимъ и, между прочимъ, пробирному ученику Семену Бѣлому, пріѣхав-

шему въ то время изъ Большого перчинскаго завода въ Дучарской на побывку къ отцу—„сереброраздѣлительному мастеру“. Отецъ Семена Федоръ Бѣлой уже держалъ сторону Чернышева, водилъ съ нимъ хлѣбъ-соль и помогалъ ему во всемъ, чѣмъ только могъ.

Устроивъ знакомства въ заводѣ, заговорщики стали дѣйствовать смѣлѣе и открытѣе далеко на сторонѣ. Большую энергію въ этомъ дѣлѣ показывалъ, конечно, Евдокимовъ. Онъ водилъ въ тюрьму многіе крестьянъ, пріѣзжавшихъ случайно въ заводъ, и показывалъ имъ Чернышева. Между прочимъ, привелъ онъ къ нему крестьянина Городищенской слободы Петра Забѣлина, „называемаго, по народной модѣ, Шебаршею“. Шебарша видѣлъ Чернышева, далъ ему два рубля денегъ, долго съ нимъ разговаривалъ и, уходя, обѣщалъ ему помогать во всемъ. Въ тотъ же день приходитъ къ Чернышеву въ плавильную фабрику сынъ Шебарши съ казакомъ Тараскиемъ. Оба они, „посмотря на Чернышева и не сказавши ему ничего, дали денегъ каждый по полуолтиннику“ и ушли.

Знакомство съ Шебаршею важно было для заговорщиковъ по тому обстоятельству, что Шебарша этотъ былъ крестьянинъ зажиточный самъ по себѣ и, сверхъ того, находился въ близкихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ съ тунгусскими князьями Гантимуровыми. Князья были сильны и богатствомъ своимъ и тою матеріальною поддержкою, которая заключалась въ войскахъ, находившихся въ командованіи и распоряженіи ихъ. Шебарша и въ заводѣ Дучарскій (когда свелъ знакомство съ Евдокимовымъ и Чернышевымъ) пріѣзжалъ именно по дѣлу одного изъ этихъ князей (Алексѣя) со скотомъ, который поставлялъ Гантимуровъ для заводскихъ людей. Кроме того, Шебарша находился въ родственной связи съ крестьяниномъ Серебрянниковымъ, первымъ повѣреннымъ самованца Чернышева.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Евдокимовъ, съ вѣдома и по согласію съ Чернышевымъ, приходилъ къ нему въ 1768 году въ Филипповъ постъ, въ кузницу, гдѣ Чернышевъ находился въ шабашное время на работѣ, когда другихъ рабочихъ тамъ не было, и говорилъ ему о своемъ намѣреніи послать нарочнаго съ письмомъ къ князю Гантимурову и къ крестьянину Шебаршѣ.

— Они,—увѣрялъ Евдокимовъ:—пришлютъ тебѣ, для пропитанія, денегъ и другихъ пожитковъ.

Чернышевъ согласился. Евдокимовъ привелъ къ нему приписного изъ смысленныхъ въ Уровской сотнѣ Максима Космы, который и писалъ эти письма подъ диктовку Евдокимова. Письма эти взялся доставить этотъ же Космы—и доставилъ. Вернувшись въ тотъ же Филипповъ постъ, привезъ онъ къ этой кузницѣ и отдалъ Чернышеву 18 руб. деньгами, 1½ пуда говьяжого

мяса, 35 фунтовъ коровьяго масла, двѣ туши бараньяго, бѣлой шерсти лошади. При этомъ Косыть сказывалъ, что князь Гантимуровъ прислалъ 4 р. денегъ, тушу баранины, говяжье мясо и масло коровье безъ вѣсу; Шебарша — лошадь и 3 р. денегъ, остальное (по два руб. денегъ) — нерчинскіе казаки Григорій Тарской и Михай Курбатовъ и другіе люди. А князь-де Гантимуровъ приказывалъ сказать, чтобы Чернышевъ, „какая ему въ пропитаніи и одеждѣ нужда будетъ, прислалъ бы къ нему нарочнымъ, съ конни-де онъ и будетъ присылать къ нему все, потребное для него, и ни въ чемъ не оставить; ему же (князю) самому присылать нельзя. Если онъ (т. е. Чернышевъ) хочетъ на волю, то бы прислалъ отъ себя письмо, почему онъ, Гантимуровъ, соберетъ команды своей тунгусовъ и возьметъ его изъ тюрьмы разбоємъ, и что онъ будетъ повелѣвать — туда и повезетъ. „Если же и въ заводъ бы прѣіази, — наказывалъ сказать Гантимуровъ: — тамъ у меня-де ни одиакъ человекъ и въ окно выглянуть не посмѣетъ“ *).

*) Князя Гантимуровъ наводили страхъ на горняки и другія начальства и пользовались почетомъ въ тѣ времена, когда еще не остыло уваженіе къ государственнымъ и политическимъ заслугамъ ихъ предковъ. Вотъ коротенькая исторія этого княжескаго рода. Въ 17 вѣкѣ одинъ изъ князей Гантимуровыхъ владѣлъ въ Китаѣ землями и получалъ, въ качествѣ вассала, три савки золота и 1.200 лантъ серебра. Во время войны китайцевъ съ русскими его послали впередъ китайскаго и тунгусскаго войска на завоеваніе Камарскаго острога на Амурѣ. Гантимуръ безъ боя возвратился домой и, болѣе наказанія, съ женами, родными, дѣтьми, въ количествѣ 500 душъ тунгусовъ, ушелъ въ Сибирь и привалъ русскою подданство. Въ 1686 г. онъ крестился съ именемъ Петра, а сынъ его Катанъ назвался Павломъ. Его обезпечили нѣбніемъ и дали владѣть надъ 12-ью тунгусскими родами и съ титуломъ князя внесли въ книгу княжескихъ родовъ. Впослѣдствіи царь вызвалъ его въ Москву. Гантимуръ съ двумя сыновьями и Сахалтуемъ, однимъ изъ тунгусскихъ старшинъ, получившимъ потомственное дворянство, пустился въ путь. На дорогѣ, въ Наринѣ, старикъ Гантимуръ умеръ, а сынъ его Катанъ съ братомъ Чукулаемъ и Сахалтуемъ благополучно прибыли въ Москву. Катанъ воротился въ Нерчинскъ и управлялъ тунгусами, а Чукулай вступилъ въ русскую службу и уже не возвратился въ Сибирь. Катанъ отъ крещеной жены имѣлъ сына Иларіона; онъ, какъ царскій стольникъ, получалъ ежегодной пенсін 40 р. асс., 20 ведеръ водки, 40 четвертей хлѣба, 20 четвертей овса, соль и крупу. Богдыханъ, послѣ побѣга Гантимура, послалъ къ нему пословъ, которые должны были склонить его къ возвращенію и привезли ему въ подарокъ золото, серебро, богатый полевъ и сбрую. Гантимуръ подарки не принялъ и не возвратился. Тогда выслао было войско схватить его; китайское войско встрѣтилось съ Гантимуромъ на горѣ Умыкой, въ 16 верстахъ отъ Нерчинска. Произошла битва: Гантимуръ былъ раненъ, а китайцы разбиты. При заключеніи Нерчинскаго трактата

Косытъ за эту комиссію получалъ денегъ 30 коп. да соврасую лошадь. Остальныя вещи Чернышевъ передалъ „для поклажи“ двумъ заводскимъ кузнецамъ. У нихъ же пряталъ онъ и другіе подарки, которые поступали къ нему въ большомъ количествѣ. Великимъ постомъ того же (1772) года навѣстилъ Чернышева его кумъ Серебрянниковъ и принесъ ему въ подарокъ круны. Чернышевъ, воспользовавшись такимъ благопріятнымъ случаемъ, просилъ Серебрянникова слодить къ князю Гантимурову, на что тотъ согласился и, вернувшись вскорѣ въ заводъ, принесъ три туши бараньяго мяса, шубу и 12 руб. денегъ; кромѣ того, 5 фунтовъ коровьяго мяса и лису. Часть подарковъ шла отъ князя, часть отъ Шебарши и отъ неизвѣстныхъ. Чернышевъ, отпуская кума, велѣлъ ему сказать казаку Тарскому, чтобы онъ разглашенія объ немъ дѣлалъ исключительно между богатыми. Напутственные совѣты эти имѣли успѣхъ: Алексѣй Гантимуровъ прислалъ мерлушчатую шубу, крытую китайкою; два другія его брата, вмѣстѣ сложившись, отправили семь рублей денегъ, братскій лама прислалъ также деньги; нѣкоторые крестьяне подарили волковъ, шкуры которыхъ Серебрянниковъ продалъ дорого, а деньги, равно и всѣ вещи, отдалъ Чернышеву. Чернышевъ, въ свою очередь, часть подарковъ продавалъ, другою подѣлился со своими друзьями, изъ которыхъ все-таки Евдокимовъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе и неуспѣннѣе. Онъ тѣмъ же временемъ продолжалъ отъ имени Чернышева собирать подаянія, которыми велъ счетъ и счетъ этотъ записывалъ въ собственные свои печатныя святцы вмѣстѣ съ именами „милостивцевъ“. Милостивцевъ этихъ привелось ему записать въ эти святцы свыше десяти человекъ, а по счету всѣхъ пожертвованныхъ денегъ оказалось на лицо болѣе 40 руб., кромѣ всякаго рода рухляди и живности.

Ободренные такимъ неожиданнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ, которому они предвидѣли скорый конецъ, — особенно послѣ того, какъ всѣхъ ихъ едва не предалъ пробранный ученикъ Семенъ Вѣдой, — заговорщики завели дѣятельную переписку со всѣми своими благотворителями. Самъ Чернышевъ, какъ оказалось впослѣдствіи, не умѣлъ ни читать, ни писать, хотя разъ и хватился передъ кузнецами въ плавильной, что

1689 г. китайскіе послы настойчиво требовали выдачи Гантимура, но его отпустили. Тунгусы Гантимура получали земли на Шиндѣ, Газмурѣ, въ Куенгѣ, на степяхъ Аргунскихъ по Онону. Впослѣдствіи изъ тунгусовъ онекскаго собрали казачій полкъ, который съ тѣхъ поръ и оставался подъ командою Гантимуровыхъ. Современный намъ князь тунгусскій служилъ въ военной службѣ, дослужился до капитанскаго чина и возвратился за Байкалъ въ деревню Урулугу, находящуюся на нерчинскомъ трактѣ за Читою въ 25 верстахъ отъ Кайдалова, — совершенно русскимъ человекомъ.

„умѣть по нѣмецки, по латыни и по русски“. Переписку за Чернышева вели другія лица: сначала самъ Евдокимовъ (который и пряталъ всѣ письма у себя въ школѣ подъ крышкою), потомъ пробирный ученикъ Семень Вѣдой, и наконецъ, плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Другой же Карповъ (изъ ссыльныхъ) читалъ всѣ присланныя письма Чернышеву и онъ же съумѣлъ склонить на сторону самозванца другого богатого и тароватаго крестьянина деревни Батаканской (Уросовской сотни) Осипа Коренева, носившаго прозвание Дубленого. Явился къ нему Карповъ просить милостыни. Дубленый далъ ему 50 коп. на всѣхъ колодниковъ, содержащихся въ Дучарскомъ заводѣ. Получая деньги, Карповъ выговаривалъ Дубленому:

— Для чего ты мало даешь, да и то на всѣхъ колодниковъ? Я прошу на одного только великаго человѣка, котораго я знаю и который не Чернышевъ, а подлинно императоръ Петръ III. Потому-то надо послать къ нему поболѣ и призывшихъ случать его не оставить, а онъ, когда освободится, тогда ничѣмъ не оставитъ и покажетъ милость: освободитъ отъ заводскихъ работъ и чѣмъ ни есть наградитъ. Я, Карповъ, для него вѣжу и прошу у многихъ людей на него для пропитанія, почему и есть отъ многихъ довольная подача.

Сказавъ все это, Карповъ засвидѣтельствовалъ клятвою передъ образомъ. Кореньевъ всему сказанному повѣрилъ и выдалъ для Чернышева 3 рубля денегъ. Черезъ полгода Карповъ прѣзжалъ къ Дубленому во второй разъ и, сказавъ тѣ же обѣщанія, получилъ еще три рубля. Еще черезъ полгода прѣзжалъ къ нему же другой посланный изъ тюрьмы отъ Петра Чернышева, крестьянинъ Серебряниковъ*), который обѣщалъ Дубленому ту же свободу отъ заводскихъ работъ. Дубленый, принимая въ соображеніе, что сытъ его находился въ Дучарскомъ заводѣ на службѣ счетчикомъ и въ чаяніи будущей свободы, выдалъ Серебряникову еще пять рублей, а чтобы удостовѣриться въ истинѣ его словъ, самъ поѣхалъ въ заводъ повидаться съ сыномъ и посмотреть на Чернышева. На улицѣ въ заводѣ встрѣтился ему Карповъ, который тотчасъ же попросилъ у него на Чернышева хлѣба и, такимъ образомъ, выговорилъ у Дубленого пудовъ до 5 ярицы. Съ Чернышевымъ Дубленый видѣлся наединѣ, долго разговаривалъ, обѣщалъ и впродъ помогать. Но чтобы все это дѣло оставалось тайнѣ, рекомендовалъ ему посредника въ лицѣ

*) Карповъ оказался впоследствии несправедливъ комиссіонеромъ: денегъ не отдалъ, вещи распродалъ и полученное за нихъ расходовалъ лично на себя; Чернышеву же и сообщникамъ его обо всемъ этомъ не давалъ знать. Ходилъ Карповъ за подаяніемъ по фальшивому увольнительному виду, написанному Львомъ Евдокимовымъ.

регистраторскаго человѣка. Регистраторъ самъ—какъ оказалось впоследствии,—принималъ косвенное участіе въ дѣлѣ: хлѣбъ принимали его люди, продавали потомъ (по 35 коп. за пудъ) и деньги приносили регистратору (однажды Дубленый переслалъ, такимъ образомъ, до 25 пудовъ). Регистраторъ молчалъ, давая тѣмъ возможность сообщникамъ Чернышева расширить предѣлы ихъ заговора.

Въ домѣ кузнецовъ, у которыхъ складывали заговорщики лишнюю подарочную румядь, сидѣли они по временамъ для попоекъ. Вино покупалось въ Бявкинѣ. За нимъ ѣздилъ поочередно Карповъ (плавильный мастеръ) и Серебряниковъ (крестьянинъ). Серебряниковъ на одной изъ этихъ пирушекъ, обратившись къ Чернышеву, говорилъ:

— Ты, Чернышевъ, какъ можно изъ тюрьмы бѣги и приходи ко мнѣ въ домъ; я хлѣбомъ не оставлю и провожу до князя Гантимурова, а онъ, по обѣщанію своему, тебя не выдастъ и паятъ у него уже некому. Князь наказывалъ мнѣ, чтобы ты прислалъ къ нему письмо своей руки, а чужимъ-де письмамъ онъ не вѣритъ. Тогда князь соберетъ тунгусовъ и казакъ сотъ до трехъ, а можетъ и до пяти сотъ, и тебя сильно возьметъ и увезетъ сперва къ себѣ въ домъ, а потомъ представитъ въ Петербургъ“.

Последніе совѣты слугали заговорщикамъ: во 1-хъ, невозможно было послать къ Гантимурову собственноручнаго письма Чернышева, а во 2-хъ, они опасались за крайній результатъ—именно представленіе самозванца прямо въ Петербургъ. Рѣшено было дѣйствовать иначе. Побѣгъ Чернышева признавъ бытъ пока единственнымъ средствомъ къ приведенію въ исполненіе нѣкоторыхъ намѣреній, но не всѣхъ.

Ив. Карповъ (ссыльный), только что вернувшійся съ новыми подарками отъ Дубленого (состоявшими изъ свѣжей рыбы, пшеничной муки и куриныхъ яицъ), совѣтовалъ прибѣгнуть къ посредству Дубленого. Дубленого онъ уприсилъ скрыть ихъ на время въ безопасномъ мѣстѣ, на случай побѣга изъ завода. Дубленый обѣщался перевести ихъ черезъ Аргунь въ лодкѣ на китайскую границу, гдѣ найдетъ ихъ такое мѣсто, что ихъ никто не найдетъ. Пшечю также не оставитъ, только бы приходило ихъ съ Чернышевымъ немного. На тотъ конецъ соедѣ Дубленого, принисной изъ ссыльныхъ Федоръ Шулятевъ, въ ожиданіи ихъ прихода, обѣщался спать въ приготовленной для того лодкѣ. Денегъ этотъ Шулятевъ, по словамъ Карпова, прислать не могъ ни копейки, но письмо къ нему посланное получилъ.

— Потомъ, когда мнется погоя, — говорилъ Карповъ по наказу Дубленого:—Дубленый отвезетъ насъ къ Гантимурову на своятъ

лонадей или куда бы Чернышевъ самъ поочеть.

Эта вѣсть и, особенно, самое послѣднее обѣщаніе всѣмъ заговорщикамъ поправились. Рѣшено было произвести побѣгъ изъ кузницы, тѣмъ болѣе, что всѣ почти кузнецы были ихъ единомышленниками. Случай къ тому скорѣй представился.

Выбрали для побѣга такъ называемое шабашное время, а именно тотъ день, „когда всѣ кузнецы невѣдомо для чего повѣщены были въ конторѣ“. Остались въ кузницѣ только Чернышевъ, кузнецъ Хромовъ и слесарный ученикъ Лебедевъ, „которые о побѣгѣ Чернышева какъ-то догадались и въ тотъ часъ донесли управителю Протодыкову“. Управитель приказалъ Чернышева „въ почамъ“ приводить въ контору и содержать тамъ на стѣнной цѣпи, но слѣдствія о причинахъ къ побѣгу не производилъ.

Эта неудача Чернышева возмѣтила успѣхъ съ другой стороны. Съ того времени приношенія къ нему сдѣлались чаще и обильнѣе, сообщники и помощники его—ретивѣе: одинъ Серебряниковъ успѣлъ сходить къ 12 человѣкамъ и отъ каждаго изъ нихъ привести по подарку. Участіе къ судьбѣ Чернышева удвоилось съ той поры, какъ онъ вновь былъ заключенъ въ секретную комнату дучарской тюрьмы и когда посѣтилъ его адъютантъ генераль-майора Ивашева, Михайло Пановъ.

Пановъ этотъ пришелъ въ тюрьму вмѣстѣ съ шихмейстеромъ Грязновымъ и лекарскимъ ученикомъ Вешиннымъ. Пришелъ онъ посмотреть на Чернышева, который въ то время содержался при тюрьмѣ „въ особомъ чуланѣ“. Молча посмотрѣвъ на Чернышева, они всѣ трое вмѣстѣ вышли вовнѣ, но адъютантъ вернулся назадъ, потребовалъ Чернышева въ сѣни, караульнаго солдата Рудакова отослалъ прочь, говорилъ съ Чернышевымъ много и долго и вышелъ. По дорогѣ онъ спросилъ Грязнова:

— Можно ли Чернышеву подать милостыню?

На что Грязновъ ему отвѣчалъ, „что милостыню подать, кажется, противности никакой быть не можетъ“. Адъютантъ послалъ съ Вешиннымъ три „двоегривенника“.

Это пустое, по видимому, обстоятельство подействовало на заговорщиковъ внушительно, но нимъ, неожиданнымъ образомъ. Кузьма Фирсовъ рассказывалъ всѣмъ, что-де адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышева и опозналъ его императоромъ, а потомъ и самъ генераль Ивашевъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ, осматривалъ Чернышева и присылалъ къ нему потомъ (какъ самъ генераль, такъ и его адъютантъ) письма. Больше другихъ повѣрилъ этому показанію пробирный ученикъ Семень Вѣлой, котораго Фирсовъ просилъ, при отбѣдѣ въ Нерчинскій заводъ, навѣдываться о дѣлѣ Чернышева и ихъ извѣщать. Вѣлой, по приѣздѣ туда,

хотѣлъ спросить самого генерала, „но не посмѣлъ, а подбросилъ письмо побоялся“. Разъ остановилъ онъ (Вѣлой) адъютанта на улицѣ и, спросивъ о Чернышевѣ, слышалъ слѣдующее: „Вотъ я нынѣ отправляюсь отъ комиссіи въ Петербургъ и объ этомъ колодаикѣ представлено будетъ, а я и самъ видалъ, что онъ не Чернышевъ“.

Все это было передано въ Дучарскій заводъ и распространено между всѣми тѣми, кому о томъ надлежало вѣдать. Особенно горячее участіе показалъ въ этомъ дѣлѣ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ, вернувшійся въ Дучарскій заводъ изъ Большаго нерчинскаго, куда былъ вытребованъ генераль-майоромъ Ивашевымъ для гравленія ему камней. Этотъ Карповъ рассказывалъ всѣмъ:

— Я голову свою къ генералу Петру Семеновичу носилъ и въ приполѣ и объявлялъ ему о Чернышевѣ, что онъ подлинно Петръ Третій, императоръ, тѣмъ его, генерала, увѣрилъ. Онъ общалъ, ежели подлинно Петръ Третій, пожаловать меня поручикомъ и объ Чернышевѣ хочеть отписываться въ Петербургъ и посылаетъ нарочно съ представленіемъ адъютанта своего, господина Панова.

Чернышеву же говорилъ Карповъ, что Ивашевъ скоро будетъ за нимъ въ заводъ. Хотѣлъ бы говорить еще что-то, но разговоръ пошѣлали караульные солдаты, которые Евдокимова и Карпова отъ тюрьмы отогнали, причемъ солдатъ Ивалъ Корелинъ ударилъ Карпова кулакомъ по затылку.

Какъ бы то ни было, но этотъ Карповъ съ той поры дѣлается повѣреннымъ всѣмъ тайнъ сообщникамъ Чернышева: онъ ѣдетъ по благотворителямъ ихъ и собираетъ милостыни, покупаетъ вино, вмѣстѣ съ ними пьянствуетъ и снова ѣдетъ туда, куда его посылаютъ, безпрекословно, обязательно, хотя и не слишкомъ често. Такъ, напримѣръ, онъ пропилъ въ кабакѣ платокъ, посланный Чернышеву какому-то женщиною; не отдалъ части денегъ и не показывалъ писемъ инымъ изъ нихъ читалъ и не дочитывалъ Чернышеву. Все это побудило заговорщиковъ не довѣрять болѣе Карпову и положиться во всемъ на Евдокимова.

Евдокимовъ, однако, не пошелъ дальше того, на чемъ уже было рѣшено. Евдокимовъ и въ этотъ разъ остановился на побѣгѣ; а чтобы успѣшнѣе проавести его, подговаривалъ слесарнаго ученика Лебедева, кузнеца Тараканова и ссыльнаго Меншенина. Каждому изъ нихъ общалъ онъ привести по лошади, а лошадей надѣялся достать отъ Шулятева и Дубленого (Коренева). Шулятевъ на то время успѣлъ уже самъ побывать въ заводѣ, повидаться и поговорить съ Чернышевымъ и передалъ ему черезъ караульныхъ солдатъ 50 копеекъ.

Число сообщниковъ увеличилось еще нѣ-

сколькими изъ дальнихъ крестьянъ, частью по письмамъ отъ Евдокимова, частью по стараніямъ и убѣжденіямъ Шебарши и Серебряникова. Серебряниковъ снова явился къ Чернышеву и снова общалъ ему содѣйствіе и совѣтовалъ безотлагательно бѣжать. Евдокимовъ настаивалъ на томъ же, но нѣсколько измѣнилъ планъ. По новымъ соображеніямъ, они должны были отправиться къ Гантимурову съ тѣмъ, „чтобы отъ него идти въ россійскіе города, куда ему случай допустить“.

Между тѣмъ, наступило теплое весеннее время, благоприятное для побѣговъ и любимое арестантами, рѣшившимися бѣжать въ дѣсь. Чернышевъ сталъ учащеннѣе получать подарки отъ благотворителей своихъ и, въ большей части случаевъ, не вещами, а деньгами. Тѣ, которые посылали вещи, напр., Вольшаковъ — тулупъ, крытый шанхайскою китайкою, и два конца синей велоченой китайки—совѣтовали своимъ довѣреннымъ вещи эти продавать и выдавать пособіе Чернышеву деньгами. То же велѣлъ сдѣлать Шебарша, пославшій съ Серебряниковымъ, въ милостыню Чернышеву, лошадь, которая и была продана въ городѣ Нерчинскѣ купцу за три рубля.

Но прошла весна и Чернышевъ, за бдительнымъ надзоромъ, не могъ выискать случая къ побѣгу. Случай этотъ представился ему уже въ то время, когда въ одномъ казематѣ съ нимъ заключены были два другихъ арестанта—Родионъ Отопковъ и Андрей Пановъ. 29 іюня вечеромъ они рѣшились бѣжать вмѣстѣ и начать для этого пужныя приготовленія.

Отопковъ говорилъ: „У меня на Шилкѣ изготовлено хлѣба печенаго, сухарей, пуда съ два“.

Пановъ: „У меня на Селенгѣ живетъ братъ, онъ насъ отвезетъ на звѣриный или на рыбный промыселъ, гдѣ-де житьiota до смерти можно“.

А Чернышевъ: „Да я мнѣ общалъ кумъ Серебряниковъ на дорогу хлѣба исправить“.

— Ладно!—рѣшилъ Отопковъ:—Вотъ мы до Шилки тѣмъ хлѣбомъ и дойдемъ“.

При этомъ разговорѣ никого изъ постороннихъ не было.

На другой день (30 іюня), въ шестомъ часу по полудню, Пановъ пошелъ съ караульнымъ солдатомъ за водою, а Чернышевъ съ Отопковымъ остались одни. Отопковъ, пользуясь случаемъ, отодралъ съ гвоздей доску у „казенки“ (куда Чернышева заперали одного на ночь) и приставилъ ее къ той же казенкѣ „налепомъ“, чтобы караульный не усмотрѣлъ. Вернулся Пановъ, вернулся и караульный. Караульный пошелъ въ солдатскую за смѣною, всѣ три арестанта остались одни и не медлили: общими силами они въ это время выломали доску около печи и заложили то мѣсто приготовленнымъ на тотъ конецъ войлокомъ. Тогда при-

шла новая смѣна: двое караульныхъ. Чернышева они увели въ казенку и, по обыкновенію, посадили на стѣнную цѣпь. Одинъ солдатъ легъ спать и заснулъ, другой садѣлъ до полуночи и слушалъ сказки, которыя рассказывалъ ему Отопковъ. Подъ говоръ Отопкова и этотъ караульный также заснулъ. Загнѣвивъ это, Пановъ тѣмъ временемъ слѣзъ съ печи, началъ ломать казенку и произвелъ шумъ. Отопковъ молча оттолкнулъ его и, вынувъ заранѣе отодраную ими около печи доску, самъ пошелъ въ казенку. Здѣсь гвоздемъ отпиралъ у Чернышева цѣпной замокъ въ то время, когда самъ Чернышевъ ухватилъ платкомъ бывшіе на немъ кандалы для того, чтобы они не звенѣли. Снявъ такимъ образомъ цѣпи, они вышли изъ казенки. Отопковъ тѣмъ же гвоздемъ отперъ замокъ и снялъ кандалы съ собственныхъ ногъ. Загнѣвъ, черезъ отверстіе подлѣ печи, они вытѣли на дворъ, въ острогъ. Черезъ тытъ пересаживалъ ихъ Отопковъ, поддерживая садию клякою, по приставленной къ палисадъ драбницѣ, обязанной для большаго удобства поперекъ тряпками. По вѣшной сторонѣ острога, на землю, спустились они на кушагѣ, который укрѣпилъ Пановъ, влѣзшій наверхъ прежде другихъ. Кончавъ эту операцію, „оттолкѣ, во 1-хъ, пошли на гору мимо церкви, и взошедъ на гору и у нибющихся на нязъ, Пановъ и Чернышевъ, желѣзъ расшибли кольца, а потомъ пошли по той горѣ вверхъ и, поверставшись прямо здѣшняго го ф ш и т а л а, тѣ желѣза бывшіимъ у Отопкова долотомъ разбили и тутъ положили подъ камень. А оттолкѣ пошли по хребтамъ и прочимъ лѣснымъ и пустыимъ степнымъ мѣстамъ и по убѣгѣ на завтра (т. е. 1-го числа іюля) въ вечеру пришли въ падь Уровскія пок а т и; какъ та падь называется—не знали: въ разстояніи отъ рѣки Урова наприжѣръ версты съ двѣ, гдѣ у Отопкова (незадолго до этого времени бывшаго въ бѣгахъ) сдѣланъ былъ балаганъ, въ которомъ ниблись его сухари съ полпуда прижѣрно“. Въ этомъ стану бѣглецы ночевали; весь слѣдующій день провели тутъ же. Вечеромъ пошли къ рѣкѣ Урову и, перейдя эту рѣчку въ бродъ, съ версту шли до сопки, на которой и ночевали. Утромъ слѣдующаго дня пошли внизъ по рѣчкѣ Урову пустыни „прикрытыимъ“ мѣстами и, въ виду деревни, но не дойдя до ней, легли спать на сопкѣ. Между тѣмъ, наступила ночь. Бѣглецы, пользуясь темнотою, отправились прямо въ деревню, для того, что Чернышевъ говорилъ имъ: „Пойдемъ опознавать крестьянина Ивана Серебряникова—моего кума и друга“!

Когда бѣглецы стали подходить къ этой деревнѣ, то „тутошние жители или невѣдомо какіе другіе люди стали ихъ ловить, почему они всѣ трое и разбѣглись врозь“: Пановъ побѣжалъ къ рѣкѣ Урову, Отопковъ за деревню на

сопку, а Чернышевъ обратно тѣмъ же мѣстамъ, какими пришли къ деревнѣ. Тѣ же люди, которые ихъ ловили, всё бросились за Пановымъ (Отопкова же и слѣдъ былъ затерянъ). Чернышевъ, между тѣмъ, пошелъ далѣе крѣпостями, также пустыни и степными, „и иными мѣстами, не заходя нигдѣ въ жилия мѣста и шель 11 дней голодомъ, оттого весьма истощился и пришелъ въ беспіе“. На двѣнадцатый день вышелъ отъ Газимурской сотни въ деревню Шелопугину и „самъ собою“, по доброй волѣ, явился къ смотрителю, крестьянину Ивану Корсакову, который выслалъ его въ газимурскую приказную судную избу, а оттуда уже онъ провожденъ былъ въ Дучарскій заводъ.

Вотъ что показывалъ Чернышевъ въ дучарской заводской конторѣ, куда онъ былъ потребованъ изъ тюрьмы къ допросу. Въ заключеніе этихъ показаній по формѣ онъ свидѣльствовалъ слѣдующее: „Вудучи какъ прежде, такъ и нынѣ въ побѣгахъ, воровства, разбоевъ, смертныхъ убійствъ и дворовыхъ пожаровъ не чинилъ и за другими ни за кѣмъ того не знаетъ; становщиковъ и приставодержателей никого не знаетъ и ни отъ кого онъ не слыжалъ бѣглыхъ, подобныхъ ему нигдѣ и никого не видалъ, ночевовъ и ночлеговъ нигдѣ и ни у кого не имѣлъ“.

Пановъ противъ показанія этого свидѣльствовалъ, что Чернышевъ посылалъ караульнаго солдата за покупкою вина, солдатъ принесъ осмину. Водкою этой Чернышевъ поилъ его, Панова и Отопкова. О побѣгѣ сговаривались Чернышевъ съ Серебряниковымъ одинъ на одинъ въ тюрьмѣ, куда впускалъ крестьянина солдатъ Бубенщиковъ. Чернышевъ говорилъ: „Отъ куда-де пойдемъ къ крестьянину Урульгинской слободы Максиму Плюинину, а оттуда къ крестьянину Большакову: онъ-де меня знаетъ и мнѣ подарки присылалъ; а оттуда пойдемъ къ князю Павлу Гангмуру въ Городащенскую слободу: князь 12 рублей денегъ съ племянникомъ своимъ прислалъ и лошадь подарилъ“. Деньги Чернышевъ отдавалъ кузнецу Ватеневу и мастеру Ксенофонту Данилову, которые на тѣ деньги покупали вино, а Чернышевъ у нихъ гостилъ и тѣмъ виномъ товарищей подчивалъ. Серебряниковъ въ чиненіи разговоровъ не сознался, во отъ подачи милостыни на допросѣ не отказывался“.

Огобранный допросъ писанъ былъ начерно. Бывшій управитель Дучарскаго завода швейстеръ Казимировъ показанію слышнымъ не давалъ особеннаго значенія и дѣло бросилъ безъ изслѣдованія; новый же управитель Протодьяконовъ, разбирая дѣла предвѣстника своего и найдя въ допросѣ слышнаго Андрея Панова важное показаніе, рѣшился дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ. Показаніе это заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „Еще до побѣга

Чернышевъ увѣрялъ Панова, Отопкова и Ивана Карпова, что указъ о Петрѣ III, императорѣ, яко бы онъ умре, написать должно, а я-де дѣйствительно Петръ III, императоръ, о чемъ онъ многихъ людей, а особливо кузнецовъ Данилова и Ватенева, также и Зыкова склонялъ и приводилъ въ свою волю“.

„Въ производствѣ этого дѣла, — пишетъ Протодьяконовъ въ верхнюю канцелярію: — здѣшняя дучарская контора приступитъ съблосги не имѣтъ“.

Такимъ образомъ, по случайному поводу, началось все это дѣло, подробностямъ котораго мы дали мѣсто.

Въ Нерчинскій заводъ свезены были причастные къ дѣлу (хотя и не всё) и рассажены были за крѣпостимъ карауломъ по тюрьмамъ. Началось слѣдствіе, а за нимъ и та путаница, которая до сихъ поръ характеризуетъ всё дѣло о слышнымъ, опытныхъ въ дѣлахъ крѣпостворства и всѣхъ подчасныхъ увертокъ. По мѣрѣ усиленія слѣдствія, увеличивалось и число подсудимыхъ и арестованныхъ. Дошло, наконецъ, дѣло до того, что горное начальство стало опасаться возможности бунта. Не хватало солдатъ въ командѣ для постоянного и бдительнаго надзора за арестантами; самыя работы заводскія приѣтно ослабли и чуть-чуть не прекратились вовсе. Дѣла слѣдствія шли, въ большей части случаевъ, неуспѣшно. Нѣкоторые изъ оговоренныхъ не явились въ допросу; такъ, напр., Шебаршу долго не могли отыскать и принуждены были ограничиться званымъ его показаніемъ, которое онъ адресовалъ, въ видѣ жалобы, въ верхнюю воеводскую канцелярію и все-таки не въ нерчинскую горную *). Но всё вышесъ подсудимые старались — по обыкновенію — притягивать какъ можно больше постороннихъ людей, съ единственною цѣлью затянуть дѣло на безконечные сроки и возможно затруднить слѣдователей. Ко всей этой путаницѣ допросовъ и переспросовъ, показаній на бумагѣ и изустныхъ присоединилось еще болѣе запутывающее обстоятельство: найдена была переписка. Переписка эта завинила многихъ новыхъ и, между прочими, указывала на одного, какъ на главное, во о которомъ до сихъ поръ всё другіе

*) Вотъ смыслъ прошенія Шебарши: «Во мнѣ прибѣжали солдаты и вооруженные люди и хотѣли вести меня сильно. Я былъ на то время въ собственномъ полѣ, при посѣвѣ хлѣба. Солдаты почевали у меня. На другой день требовали обѣда, и когда пилъ далъ постное, то разложили огонь на дворѣ, начали варить скоромное и чуть не сожгли весь домъ. Увѣжая, сильно грозился на меня; а дѣлали все это ради корыстолюбія, ибо-де онъ, Шебарша, съ заводскимъ начальствомъ никакихъ дѣлъ не имѣетъ, а оно знаетъ его достатки и многихъ богатыхъ успило раззорять поборами, вятками». Боясь вторичнаго нападѣнія начальства, Забѣлякъ (т. е. Шебарша) тайно выѣхалъ въ Нерчинскъ, подъ защиту воеводъ.

молчали. Этотъ новый былъ пѣкто Семенъ Иванецкій, также сильный, нѣкогда другъ и благодѣтель Чернышева, пришедшій въ ссылку вмѣстѣ съ нимъ изъ Россіи. Теперь обстрѣленный, Иванецкій велъ дѣла съ большою осторожностью и не выказывалъ той знергіи, какая выразилась въ неустанномъ и неутомномъ товарищѣ другого русскаго сомовлана, приставшемъ и къ этому. Этотъ Иванецкій жилъ въ Уровской деревнѣ и еще осенью 1768 года писалъ къ Чернышеву письмо слѣдующаго содержания: „Премилосердный мой государь, Петръ Федоровичъ! Желаю вамъ здравствовать на многія лѣта, да притомъ же о себѣ увѣдомляю, что въ маломъ здравіи нахожусь отъ тяжелой печали и великой болѣзни, малое число глазами вижу. Старость меня постигнула, купно же и нищета: ни рубахъ, ни одѣянія не имѣю. Отъ вашего здравія вѣдомости никакой не имѣю. Черезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь мучиться? Деньгами меня не оставьте по своей милости, ежели у васъ имѣются“ *). Въ тѣхъ же бумагахъ слѣдователи нашли отвѣтъ, писанный рукою Евдокимова, слѣдующаго содержания: „О чемъ вы изволите писать и слышать хотите о благополучіи, пріѣзжалъ генералъ комисенскій отытывать, ходилъ въ тюрьму осматрѣлъ Петра Федорыча и повѣдалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ и писалъ къ Петру Федорычу, что будъ надежденъ и такъ буду стараніе предлагать, какъ Богу такъ и тебѣ буди благонадеженъ и молиси, проси у Создателя нашего, можетъ вашихъ молитвъ Господь да послушаетъ“ **).

Иванецкій потребованъ былъ къ допросу. На немъ отъ послышки двухъ писемъ: одного къ Петру Федорычу, а другого къ Евдокимову (которое, однако же, не найдено, спрятано-де было подъ половицу и закладено гдѣ-то мохомъ) не отказываясь; напротивъ, указалъ даже на крестьянина Николая Кайгородова, который возилъ эти письма. Кромѣ того, Иванецкій показывалъ слѣдующее: пріѣзжавшіе въ Усть-уровскую деревню въ 1768 году тунгусы неоднократно сказывали, что князь ихъ Гантимуровъ посылаетъ въ подарокъ къ Петру Федорычу, по письмамъ его, денегъ рублей по сту и по пятидесяти; дарилъ ему лошадей, шубы и другія потребности для него вещи и увѣряется и нимъ сказываешь, что то Петръ Третій, и хочеть собрать ихъ, тунгусовъ, и Петра Федорыча сякою изъ тюрьмы взять. Нѣкоторые изъ тунгусовъ сказывали, что князь ихъ (но который, Иванецкій не знаетъ) убжалъ въ Петербургъ, а другіе тунгусы приговаривали, что онъ-де ѣдетъ

изъ Петербурга и съ нимъ для ваятя Петръ Федорыча ѣдетъ одинъ полкъ регулярнаго войска и велѣно-де его взять съ честью. И слышали-де (тунгусы), что в онъ, Иванецкій, присланъ съ тѣмъ колодникомъ вмѣстѣ и по одному дѣлу. На что Иванецкій тѣмъ тунгусамъ совѣтовалъ не вѣрить. „Чая, что у Чернышева много денегъ и другихъ пожитковъ, то о присылкѣ денегъ писалъ письмо въ томъ разсужденіи: вѣдая онъ объ немъ, Иванецкомъ, что въ ссылку онъ посланъ за него, Чернышева, то, можетъ, всепомня, въ нему изъ оныхъ пришлетъ. А честнымъ отцомъ распона (Евдокимова) называлъ для общаго успѣха въ дѣлѣ“.

Наслѣдивъ, такимъ образомъ, главнаго двигателя заговора въ лицѣ князя Гантимурова, канцелярія Нерчинскаго завода и тутъ, при всѣхъ своихъ хлопотахъ я усиліяхъ, ничего не могла сдѣлать. Приѣхала къ пыткамъ— и онѣ не помогли *). Требовала она отъ князя Степана показаній, но показаній онъ не давалъ, хотя и жилъ въ то время въ заводѣ, въ гостяхъ у главнаго члена комиссіи, генераль-маіора Ивашева; просили его придти въ канцелярію, онъ съ грубостью говорилъ посланному унтеръ-офицеру, что находится у главнаго своего начальника. Въ то же время и самъ Ивашевъ сказалъ посланному, что Гантимуровъ состоитъ въ командѣ его и въ канцелярію и къ здѣшнему командіру ходить ему не велѣно **). Взять сякою князя Степана Гантимурова заводское начальство не рѣшилось изъ боязни, ибо Гантимуровъ вызвалъ въ заводъ съ пограничныхъ карауловъ болѣе ста человекъ вооруженныхъ казаковъ, которыхъ и держалъ (съ вѣдома Ивашева) въ заводѣ по 20-ое число апрѣля, какъ бы для защиты и охраны своей личности. „А тѣхъ казаковъ онъ вытребовалъ безъ всякаго увѣдомленія, вдругъ, нечаяннымъ образомъ, когда въ нихъ никакой надобности не состояло и представляло нѣчто чрезвычайное; а надъ оными казаками и кочующими тунгусами нѣбеть онъ начальство“.

При такой запутанности дѣлъ и при тѣхъ трудностяхъ, какими обставилось слѣдствіе съ самомъ началѣ, слѣдственная горная комиссія успѣвала дѣлать немногое. Все главное едва ли не ускользнуло изъ ея рукъ и вѣденія. Главнаго узла всего этого дѣла она не нашла.

*) Такъ, напр., били влѣтми плавильнаго мастера Ив. Карпова и добились только того, что заставляли его показать согласно съ Чернышевымъ. Относительно писемъ узнали только, что они дѣйствительно были прислаемы и читались Чернышеву у кузнечнаго горна. Но во всѣхъ письмахъ этихъ находили только намеки; всѣ они писаны съ великою осторожностью, въ нихъ заговорщики ни въ чемъ не проговорились.

***) Командіръ нерчинскихъ горныхъ заводовъ генераль-маіоръ Василій Ивановичъ Суворовъ, отецъ знаменитаго героя.

*) На подлинникѣхъ письма этого написано было рукою самого Иванецкаго «Sub secreto».

***) Таковое правописание подлинника. На немъ пометка: «Дучарской, октября 3-го 1768 года».

а тѣмъ болѣе не могла его распутать. Евдокимовъ ловко отвертывался и далеко пряталъ боицы. Остановившись на собранныхъ показаніяхъ, слѣдственная коммиссія додумалась только до очныхъ ставокъ, но и ставки эти доставили ей новую путаницу. Съ трудомъ она, наконецъ, могла наслѣдить только одно и рѣшить для себя два главныхъ вопроса:

1. Назывался ли солдатъ Петръ Чернышевъ императоромъ Петромъ Третьимъ?

„Назывался неоднократно и сказывался таковымъ всѣмъ, его знавшимъ и приходившимъ къ нему съ разпросами“.

2. Что побудило Чернышева на подобное разглашеніе о себѣ?

„Разглашалъ все это не для чего иного, какъ только изъ желанія получить отъ доверчивыхъ людей деньги! Разглашать о себѣ велѣлъ другимъ—также только для своего прибытка, чтобы „привести здѣшнихъ жителей въ сожалѣніе“ (возбудить ихъ сочувствіе); а возбуждалъ это сочувствіе опять—таки исключительно для того, „чтобы подавали ему деньги и къ пищѣ потребные припасы присылали“.

На этихъ показаніяхъ слѣдственная коммиссія и успокоилась, признавъ дѣло съ своей стороны завершеннымъ *). А между тѣмъ, вотъ что говорило прошедшее этого несчастнаго челоуѣка.

Онъ былъ вѣкогда солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка, изъ котораго отпущенъ былъ въ отпускъ на родину въ Орловскій уѣздъ, въ однодворческое село Васильевское, срокомъ на двѣ недѣли. Къ сроку этому рядовой Петръ Чернышевъ въ полкъ не явился. На родинѣ укралъ лошадей. Изъ полка посланы были за нимъ солдатъ и капралъ, но Чернышевъ, добдя съ ними до слободы Куньей, ѣхалъ съ дороги и очутился въ Изюмскомъ уѣздѣ въ селѣ Купецкыхъ. Здѣсь онъ сошелся съ попомъ (потомъ распопъ и смыльный) Иванецкимъ. Въ дому у этого Иванецкаго Чернышевъ, разъ напившись пьянъ, при попадѣ и при дьячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Теодоровичемъ. Объ этомъ же самомъ увѣрялъ онъ ихъ всѣхъ въ домѣ какого-то крестьянина и при этомъ притворно плакалъ. Сдружившись съ попомъ Иванецкимъ, онъ заставлялъ его пѣть молебны и всенощную; на эктенияхъ упоминался какъ императоръ и, будучи въ церкви, ходилъ въ царскія врата. Вскорѣ, однако, онъ былъ пойманъ, отданъ подъ караулъ и отосланъ къ бригадирю Зоричу. Здѣсь, на допросахъ, Чернышевъ упорствовалъ въ сознаніи, много глалъ,

*) Во всемъ остальномъ очныя ставки выводили наружу одинъ только мелочъ; такъ, подъ пѣснюмъ, отосланнымъ къ Вольшакову, было подписано только «Петръ Теодоровъ», а не добавлено Чернышевъ. Пѣснюмъ онъ не писалъ самъ, но неумѣяно; подсудимые не говорили прежде многого, изъ боязни наказанія, и т. п.

„а что императоромъ себя называлъ, то это—де въ пьяномъ видѣ, и замышлялъ выманить у Иванецкаго платъ“. Называться такимъ образомъ научилъ его одинъ солдатъ, который, за смертоубійство, отправленъ въ Сибирь въ ссылку. На этомъ же допросѣ сказывалъ, что разъ уже былъ наказанъ за воровство шпидрutenами и батошемъ. Уличенный, такимъ образомъ, въ преступленія, Чернышевъ за ложно вымышленное разглашеніе, „яко возмутитель блаженнаго народнаго спокойствія и государственной тишины, а равно и за учиненное воровство (лошади) и побѣгъ и за ложныя въ допросахъ показанія“ избавленъ былъ отъ смертной казни. Въмѣсто нее велѣно было въ селѣ Купянкахъ наказать его жестоко кнутомъ и сослать въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно *).

Подробности этого событія сдѣлались извѣстными канцеляріи нерчинскаго горнаго начальства уже гораздо впоследствии, черезъ отношеніе генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго. До той поры слѣдователи смутно догадывались о дѣлѣ Чернышева и не могли дать себѣ яснаго отчета объ его разглашеніи. Эта неясность и запутанность взгляда и мнѣній перешла и въ самый докладъ, который изготавляла коммиссія и представила въ сенатъ. Мы представляемъ теперь только начало и конецъ этого „доношенія“ съ буквальной точностью, въ доказательство нашей мысли и въ образецъ того, какъ казенная форменность слога вообще могла затемнять способъ изложенія и безбожно искажать въ то же время живой, богатый и законченный языкъ родной языкъ.

„Понсже, — пишетъ канцелярія нерчинскаго горнаго начальства: — изъ производимаго въ здѣшней канцеляріи дѣла оказалось, что присылный сюда Чернышевъ самъ выдумалъ, его сообщники разглашали объ немъ, яко бы онъ бывшій императоръ Петръ III, тѣмъ многихъ уже изъ находившихся здѣсь крестьянъ и другаго званія людей и увѣрила, которые по своему легкомыслію и давали ему всякіе подарки и намѣревались его увезти, въ чемъ многіе и сами добровольно признались, а объ ономъ же про Чернышева важномъ разглашеніи знали и находящіеся въ нерчинскомъ вѣдомствѣ тунгусскій князь Алексѣй да князь-Павла сынъ, Степанъ Гантимуровъ, также крестьянинъ Заблнинъ, онъ же и Шебарша, и прочіе, а паче, что всѣ тѣ, кои у нихъ съ тѣмъ должнымъ разглашеніемъ были, показываютъ, что изъ нихъ князь Алексѣй Гантимуровъ хотѣлъ означеннаго Чернышева изъ-подъ караула сильно увести и представить въ Санктъ-Петербургъ или отвести, куда онъ велитъ; о чемъ и оный крестьянинъ Шебарша сообщнику Чернышева,

*) Тогда же и за то же, вѣроятно, сосланъ былъ и попъ Иванецкій въ сосѣдство къ Чернышеву по нерчинскимъ заводамъ.

смыслному же Вядокимову, какъ онъ показываетъ, объявлялъ; также и казакъ Григорій Тарскій крестьянину Серебряникову объ томъ же, обще съ онымъ Гантимуровымъ къ Чернышеву призывали, а его, Серебряникова, подутали, дабы онъ упоминаемаго Чернышева увелъ по-таенно и къ нимъ доставлялъ съ немалымъ обладеживаньемъ; а сверхъ того, оный же князь Алексѣй и объявленный князь-Павла сынъ Степанъ Гантимуровы послали къ оному Чернышеву письмо и какъ они, тамъ часто упоминаемый крестьянинъ Шебарша давали ему, Чернышеву, великіе подарки, чего всего имъ какъ для смыслнаго, когда бъ они заподлинно его, Чернышева, такъ не почитали—чинить никакой надобности не было по разсужденію, что оный Серебряниковъ не подозрительный, то и болѣе показаніе его принять должно; да и самый оный Чернышевъ и лѣтъ его въ томъ сообщники и которые тѣ подарки отъ нихъ носили, объявляютъ согласна; почему бъ ни Гантимуровыми, Тарскимъ и Шебаршею, яко нагнѣвающимися произвести весьма противное, и надлежало изслѣдовать, ибо ежели все оное справедливо, какъ на нихъ показано, то они, конечно, безъ тягчайшаго штрафа оставлены быть не должны; но хотя изъ оныхъ Шебарша черезъ варочнаго и требованъ былъ отъ перчинской воеводской канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой онъ состоитъ, но токмо и онъ самовольно выхавшею изъ здѣшняго завода слѣдственною комиссіею и за показаніемъ объ немъ, что онъ потребенъ для велико-важнаго дѣла удержанъ и еще съ непринадлежащимъ на здѣшнюю канцелярію, яко бы она его требуетъ для своего корыстолюбія, поношеніемъ, то и воеводской канцеляріи, безъ всякихъ въ томъ основательныхъ причинъ, предписала. Чтожь принадлежать до объявленныхъ князей Гантимуровыхъ и казака, то уже здѣшняя канцелярія и требовать ихъ почитаетъ за единое въ рѣшеніи сего дѣла продолженіе, ибо когда означенная комиссія прежде писаннаго крестьянина Шебаршу удерживала, то уже, конечно, объявленныхъ князей Гантимуровыхъ безъ удержанія не оставить же *)).

...Слѣдовало бы, —говорить далѣе доношеніе: обратить бдительное вниманіе на адъютанта главнаго штаба и члена комиссіи Панова, во слѣдствіе этого канцелярія не можетъ: во 1-хъ потому, что, за множествомъ дѣлъ и за немѣннѣмъ достаточнаго числа приказныхъ служителей, канцелярія съ трудомъ управляется и

*) Слѣдуетъ запутанный разсказъ объ упорствѣ Гантимурова явиться въ канцелярію горнаго начальства и дать отвѣты и разъясненіе означенной канцеляріи дѣйствовать наступательно: «ибо у нихъ (Гантимуровыхъ) вочующихъ тулгусовъ подъ командою состоитъ немалая тысяча человекъ и народъ весьма легкомысленный и склонный къ подродствамъ!»

текущими дѣлами (а дѣло Панова, по важности его, не всякому можно довѣрять); а во 2-хъ, если всѣхъ оговоренныхъ людей забрать, то не хватить мѣстъ для помѣщенія, не останеть и людей для караула, и теперь уже съ большимъ затрудненіемъ содержатся арестованные по этому дѣлу и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бъ ихъ и содержать не должно. По немѣннѣю же военныхъ служителей употребляется въ караулъ „по крайней необходимости“ большая часть заводскихъ служителей. Многие изъ нихъ отправлены въ Петербургъ съ серебромъ и еще не возвратились и всѣ весьма потребны для заводскихъ работъ, а паче, что именнымъ ея императорскаго величества указомъ, состоявшимся 1762 года о уничтоженіи тайной канцеляріи, повелѣно: буде доноситель и доказательства и свидѣтели, что доносъ его правъ, и свидѣтели съ нимъ объявляютъ единогласно, то и доносителя и свидѣтелей и тѣхъ или того, на кого доносъ, забрать подъ крѣпкой караулъ, тогдашъ доносить со всеми обстоятельствами въ правительствующій сенатъ и ожидать указа. Объявленное дѣло касается и до оныхъ, изображенныхъ въ томъ указѣ пунктовъ, почему бы здѣшняя канцелярія, въ силу оного указа, и должна была изыскать о всѣхъ подробностяхъ того происшествія, но по вышеназложеннымъ обстоятельствамъ болѣе производства по сему дѣлу чинить не можетъ... Того ради“ и проч.

Представленіе это послано было 3 іюля 1770 г. съ нарочнымъ въ С.-Петербургъ *).

Всѣ арестованные по дѣлу Чернышева (17 человекъ) разбѣжены были по разнымъ тюрьмамъ: одни въ Кутомарѣ, другіе въ перчинскомъ Большомъ заводѣ, третьи въ Дучарскомъ, скованными за крѣпкимъ карауломъ. Нѣкоторые назначено было употреблять въ заводскія работы, но также за крѣпкимъ и безопаснымъ карауломъ, до разговоровъ съ ними допускать никого не велѣно. Чернышевъ содержится въ Большомъ заводѣ отдѣльно отъ всѣхъ. Къ нему

*) Прогоновъ назначено было 41 рубль до Петербурга (1204 версты до Иркутска, 5420 до Новгорода, 186 до С.-Петербурга), а на обратный путь на 6624 версты 75 руб. 98 коп., «ибо лѣтнимъ путемъ отправленія бытъ не усовѣтально». Въ инструкціи, выданной посланному содату, зачѣтатольны §§ 3-й и 4-й. Въ нихъ сказано: «будучи въ ономъ нигдѣ пути, никакихъ обидъ, налоговъ и напрасныхъ прибытковъ не чинить и до взятковъ ни подъ какимъ видомъ и ни на какую полушку не касаться и поверстима деньги ящивамъ платитъ сполна, по указу, безъ малѣйшаго удержанія; въ волокиты также по не принадлежащимъ ни кому изъ живущимъ по пути обывателямъ, состоявшимся указомъ и собою вымышленныхъ живныхъ и тобъ того не извѣстнаго не разеказывать. Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежатъ будетъ тайности, оного отнюдь въ партікулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже сюда, кромѣ настоящихъ доношеніевъ».

также никого не допускали; кто имѣлъ до него нужду—тѣхъ подробно спрашивали, кто приносить подарки—тѣхъ задерживали. Чернышевъ никого не выдалъ.

4 сентября 1770 года состоялся именной указъ императрицы Екатерины на имя главнаго командира нерчинскихъ серебро-плавильныхъ заводовъ, генераль-майора В. И. Суворова:

„Нашему генераль-майору Суворову. Изъ присланнаго отъ васъ къ нашему генераль-прокурору мая отъ 7 числа сего года рапорта, мы усмотрѣли, что посланный по нашему указу на нерчинскіе заводы природою крестьянинъ Чернышевъ, который чинилъ о себѣ ложное и вымышленное между таковыми же крестьянами разглашеніе, а нынѣ еще оный Чернышевъ и на заводахъ чинилъ таковое же ложное о себѣ разглашеніе. Чего ради повелѣваемъ оного ссыльнаго Чернышева, если дѣйствительно отъ него то разглашеніе чинено было, за сію его дерзость наказати публично, при тамошнихъ заводскихъ жителяхъ, при конкѣ отъ то о себѣ разглашеніе и дѣлать и конь ему, можетъ быть, по сущей простотѣ своей или, лучше сказать, малодушію тому его ложному разглашенію повѣрили, кнутомъ и, заклеями, какъ человека злаго и дерзкаго, послать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣтъ его употреблять въ тяжкихъ работахъ. Какъ же оное его разглашеніе по здравому разуму, достойно сущаго презрѣнія, то и слѣдствія никакого о томъ не производить. Екатерина“.

Въ то же время (5 сентября) и генераль-прокуроръ (князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій) писалъ къ тому же Суворову: „Государь мой, Василий Ивановичъ! Хотя изъ присланнаго къ вашему превосходительству высочайшаго ея императорскаго величества указа, по рапорту вашему о наказаніи ссыльнаго Чернышева, ваше пр-во и можете увидать, что разглашеніе его достойно презрѣнія, и потому и слѣдствія никакого производить не повелѣно, но какъ изъ того жъ рапорта вашего видно и то, что уже ваше пр-во объ ономъ разглашеніи начали производить слѣдствіе, а потому и уповательно, что можетъ быть по оному дѣлу забраны люди подъ караулъ и содержаться, то ея имп. вел. высочайше повелѣтъ соизволила къ вашему пр-ву отписать, чтобы, по полученіи сего, всѣхъ тѣхъ людей, кои по сему дѣлу къ слѣдствію были привлечены, изъ-подъ караула освободить и, освободя ихъ, а равно и кто именно забраны были по оному дѣлу подъ караулъ и по какимъ подозрѣніямъ, для донесенія ея имп. вел-ву ко мнѣ отписать; при семъ же прилагаю изображеніе винъ помянутаго ссыльнаго Чернышева, которое, какъ онъ выведенъ будетъ на публичное мѣсто къ наказанію, изволите приказати, при собраніи народа, вслухъ ему прочи-

тать и по тому повелѣнное наказаніе учинить, ибо чрезъ сіе самое народъ узнаеть и прежнія его плутовства. Впрочемъ, пребываю и проч.“.

13 октября того же года и тотъ же генераль-прокуроръ дѣлалъ дополнительное предложеніе и писалъ изъ Петербурга Суворову въ Нерчинскъ совѣтъ *). По уже было поздно: Суворовъ послѣдшилъ привести указъ императрицы въ исполненіе.

2 ноября получили свободу всѣ тѣ изъ арестованныхъ по дѣлу Чернышева, которые содержались подъ карауломъ въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, таковы: плавильный мастеръ Иванъ Карповъ, ссыльные: Левъ Ездокамовъ, Кузьма Фирсовъ, Федоръ Кореневъ (онъ же Дубленый). Затѣмъ распущены были по домамъ и остальные люди, размѣщенные по тюрьмамъ кутомарской и дучарской. Отъ каждаго изъ нихъ взяты были подписки, „дабы они отнюдь впредь такому ложному разглашенію не вѣрили и объ ономъ, почему они содержались, никому не сказывали, подѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неопустительнаго штрафа“.

4 ноября совершена была въ заводѣ казни надъ Чернышевымъ „при собраніи здѣшняго завода жителей, и изображение винъ прочитано и наказаніе кнутомъ учинено“. На третій день (6 ноября) Суворовъ послѣдшилъ совершить надъ Чернышевымъ и второе наказаніе: дѣлательно озаботился отправкою его на мѣсто новой ссылки. Для сопровожденія Чернышева назначены были фурьеръ Лазаревъ и солдатъ

*) Вотъ что писалъ, между прочими, князь Вяземскій къ Суворову: «1) Какъ уже о учиненіи означенному Чернышеву, за показанную вину, наказанія, а равно и о свободѣ содержащихся по сему дѣлу людей, минувшаго сентября 6-го высочайшей ея имп. вел-ву указъ ген.-майору Суворову данъ, то нынѣ объ ономъ Чернышеви и резолюцію вновь нужды давать не остается; 2) изъ пронаведеннаго же слѣдствія усмотрѣно, что ссыльный Кузьма Фирсовъ, будучи столь безсовестенъ, что не только разглашалъ и утверждалъ это Чернышева разглашеніе за истинное, именно же тѣмъ, яко бы онъ самъ, будучи въ Петербургѣ, его выдавъ, чего никогда въ самомъ дѣлѣ не было, да и быть не могло; однако же, самъ своимъ ложнымъ и вымышленнымъ увѣреніемъ показанныхъ по дѣлу людей довелъ до тюремнаго заключенія,—чего ради за таковой его умыселъ ложный и что, чрезъ сіе самое, утвердиль онъ и въ прочихъ болѣе вѣроятія; такъ же, дабы и впредь отъ таковыхъ ложныхъ плесель разсвѣтъ не отвѣялся, наказати его, Фирсова, публично плетями и изъ-подъ караула освободить; 3) что же по оному слѣдствію открыто было, хотя отъ недостойныхъ вѣри людей, яко бы генераль-майоръ Ивановъ, а равно и его адъютантъ о разглашеніи Чернышевымъ о себѣ были извѣстны, чего въ самомъ существѣ быть не можно, да и самыя сіи оклеветатели въ томъ ложномъ разглашеніи признались, то и оное предать совершенному забвенію. Предложеніе это приведено было въ Нерчинскомъ заводѣ въ исполненіе 27 января 1771 года.

Рудаковъ. Имъ выдано жалованье и аммуниція впередъ за цѣлый годъ (по 1 руб. 12^{1/2} коп. на мундиръ и 1 руб. 59^{3/4} коп. за вышавленное серебро; всего по 2 руб. 72^{1/4} коп.). Чернышевъ получилъ шубу, рукавицы („толщы съ ворогами“) и на чулки сержаннаго сукна три аршина. Для дороги, на казенный же счетъ, заготовлено было двое сапей („обшивней“), фурьеру Лазареву—по формѣ—выдана была инструкция, въ которой, между прочимъ, приказано: „Принять Чернышева скованнаго и вести таковымъ подъ крѣпкимъ карауломъ, съ конимъ никого ни до какихъ разговоровъ не допускать и самимъ до неподлежащему не разговаривать и отъ утечки хранить неослабно, а для пропитанія давать по двѣ копейки на день; звать въ Мангазеѣ въ воеводскую канцелярію“ и проч.

При отправленіи Чернышева, нерчинское горное начальство встрѣтило весьма важное затрудненіе: оно не знало количества верстъ до мѣста назначенія Чернышева, смутно имѣя представленіе о томъ, что надо его вести по направленію къ Иркутску. Нерчинская канцелярія изъ этого недоразумѣнія и невѣдѣнія выпуталась такимъ образомъ: она выдала прогонныя деньги до Иркутска, гдѣ просила губернатора (генераль-маіора Бриля) выдать прогоны до Мангазеи. Но и въ Иркутскѣ рѣшилось выдать ихъ только до Енисейска (на 1.137 верстъ) и уже енисейская провинціальная канцелярія должна была снабдить приставниковъ Чернышева деньгами до Мангазеи *).

18 февраля 1771 года канцелярія нерч. нач. рапортовала генераль-прокурору Вяземскому слѣдующее:

„Чернышевъ, по учиненія повелѣннаго наказанія, отправленъ былъ съ нарочнымъ въ Мангазею, который, по привозѣ въ городъ Енисейскъ отъ тамошней канцеляріи, за прилу-

*) На рѣкѣ Тагѣ, около 1.800 верстъ отъ рѣки Енисея, черезъ тундру, гораздо сѣвернѣе Туруханска, вблизи океана, существовалъ этотъ острогъ Мангазеи. Название свое онъ получалъ отъ перваго русскаго хлѣбнаго магазина (магазеи), построеннаго въ прошломъ столѣтіи, тотчасъ по занятіи того края русскими и когда еще хлѣбъ въ сѣверную Сибирь доставлялся изъ Архангельска черезъ Обскую губу. Лѣтъ слишкомъ сто тому назадъ эта Мангазея сожжена юрками, враждовавшими съ остяками и за то, что русскіе вступились за остяковъ. Вслѣдствіе этихъ несогласій, земли были разграничены: правые берега р. Оби и Таза отданы были юркамъ, а лѣвые—остякамъ. Теперь на мѣстѣ Мангазеи не видать не только русскихъ избу, но даже и инородческихъ юртъ.

чившемуся ему болѣзью и что отъ Енисейска до Мангазеи зимняго тракта нѣтъ,—удержанъ былъ до будущаго весною отправленія въ ономъ Енисейскѣ; а сего февраля 17 дня она, енисейская канцелярія, приславшимъ рапортомъ объявляетъ, что оный Чернышевъ, съ самаго въ Енисейскъ привозу, будучи содержанъ въ тюремномъ острогѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ, находясь въ болѣзни, на 6 число минувшаго января сего 1771 года умре, который надлежащимъ порядкомъ и погребенъ“.

Истинная ли скорость поѣздки или назиннее рвеніе мѣстныхъ начальствъ были причиною такой скорой смерти Чернышева—рѣшить мы не имѣемъ данныхъ. Знаемъ только, что ему было отъ роду всего только 36 лѣтъ, а во рапортѣ енисейской канцеляріи, что въ Енисейскѣ онъ прибылъ безъ теплой одежды и уже серьезно больнымъ. Остановлено онъ былъ въ тюрьмѣ сколько потому, что до Мангазеи нѣтъ зимняго пути (большую половину котораго ходять на лыжахъ или ѣздятъ на собакахъ), столько же и потому, что предполагали будущаго раннею весною отправить Чернышева на казенныхъ баркахъ, которыя ежегодно отправляются съ казенною солью.

Чернышевъ погребенъ былъ за вечернею при енисейской Богородицкой церкви. Послѣ него остались собственные его пожитки: войлокъ, небольшая подушка и одно веткое овчинное одѣяло безъ покрывки; всѣ эти вещи опредѣлено распродать, „а и еще нѣблса при ономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта, подъ него подстилана и что онъ гнилъ и съ хѣста не вставалъ, оттого и сгнила и затѣмъ брошена“ (темно и запутано, но, тѣмъ не менѣе, краснорѣчиво писала 19 января 1771 года енисейская провинціальная канцелярія въ канцелярію нерчинскаго горнаго начальства *).

По отбѣздѣ Суворова власть и административная сила въ рукахъ сумасброднаго, полупомѣшаннаго преемника его Нарышкина (Вас. Вас.) превратилась въ орудіе самаго безтолковаго и безобразнаго произвола. Командованіе Нарышкина до такой степени своеобразно, что мы рѣшаемся говорить о немъ подробице.

*) Въ современномъ архивѣ современнаго нерчинскаго горнаго правленія хранится все это дѣло о Чернышевѣ съ надписаніемъ: «Секретное дѣло о каторжнѣ Петрѣ Чернышевѣ съ 1770 года (начато по рапорту дучарской заводской конторы), преданное вѣчному забвенію». Въ ряду другихъ Чернышевъ—седьмой самозванецъ на одно и то же имя.

III.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НАРЫШКИНЪ.

Черезъ четыре года послѣ разсказаннаго нами событія, на мѣсто знакомаго уже намъ генералъ-майора В. И. Суворова, прїѣхалъ изъ С.-Петербурга въ нерчинскіе заводы новый главный командиръ ихъ—коллежскій совѣтникъ В. В. Нарышкинъ—бывшій прокуроръ коммерц-коллегіи. Суворова нашелъ онъ еще въ заводѣ и, тотчасъ же по прїѣздѣ, озаботился выдачею ему прогонныхъ денегъ на 10 подводъ (на 7009 верстъ—всего 544 руб. 97½ коп.) до Петербурга, куда просилъ себѣ Суворовъ увольненія за болѣзью.

2 мая 1775 года прїѣхалъ Нарышкинъ въ Большой нерчинскій заводъ—центральное мѣсто всего управленія, а 4 мая уже вступилъ въ командованье заводами и занялся его дѣлами съ изумительною ревностью. Ровно одинадцать мѣсяцевъ не выходилъ онъ изъ своей квартиры и никто его, кромѣ должностныхъ лицъ и докладчиковъ, никогда и нигдѣ не видѣлъ. Какъ это все дѣйствовало на арестантовъ и заводскихъ служителей, по дѣлу о Нарышкинѣ не видно, но, по дальнѣйшимъ его распоряженіямъ, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что затворничество главнаго командира не прошло для заводовъ безъ благотворныхъ улучшеній и болѣе или менѣе разумныхъ распоряженій на первое время.

„Разсматривая состояніе заводскихъ крестьянъ,—писалъ онъ въ нерчинскую заводскую контору:—нашелъ я нѣкоторыя ихъ селенія утѣшенными и недостаточными въ земляхъ, а напротивъ того зная, что заводскіе офицеры (получая отъ казны съ жалованьемъ и раціоны, равно какъ и самъ я) пользуются землями для своихъ пашенъ и сѣнныхъ покосовъ, то дабы крестьяне получать могли возможныя выгоды и не терпѣли бы въ земляхъ недостатка, коиже, по всей справедливости, онѣ принадлежатъ больше всякаго состоянія людей, отнынѣ запрещается всякому офицеру или въ службѣ находящемуся человѣку, сверхъ своего опредѣленнаго жалованья, владѣть землями, что наблюдать при заводахъ и рудникахъ управителямъ; землю офицеры обязаны занимать повольно у крестьянъ; изъ сего правила исключаются мѣста, лежація въ отдаленіи и въ совершенной пустотѣ“.

Такимъ рѣшительнымъ распоряженіемъ началъ Нарышкинъ свое управленіе заводами, устремляя вниманіе преимущественно на крестьянъ, быть которыхъ его особенно заботилъ.

Видя трудность ихъ положенія относительно платежа податей и исправленія заводскихъ работъ, онъ постышался привести все это для себя въ ясность. По его соображеніямъ и по расчету оказалось, что заводскіе крестьяне платили впятеро больше, чѣмъ сосѣдніе государственные крестьяне. Чтобы облегчить ихъ участь съ этой стороны, онъ отдалилъ сроки для сбора подушныхъ денегъ и вмѣсто мая назначилъ іюнь, а съ другой—упразднилъ право располагать крестьянскими работами, наравленіе которыхъ до этого времени зависѣло отъ заводскихъ конторъ. Въ то же время освободилъ онъ заводскихъ крестьянъ отъ излишнихъ работъ, назначаемыхъ тѣмъ изъ нихъ, за которыми осталась казенная недовика. При этомъ Нарышкинъ высказался, во всеобщее извѣстіе, слѣдующимъ образомъ: „Должность начальника не только въ томъ есть, чтобы пользоваться лестною при первомъ видѣ казны выгодой, но примѣчать того: не ведетъ ли она съ собою, на настоящее и будущее время какого неудобства и, вмѣсто пользы, не можетъ ли произвести вредъ“.

На основаніи этихъ убѣжденій, онъ постышался сложить съ крестьянъ всѣ заводскія работы, опредѣленныя на 1777 годъ, и съ тѣмъ, однако же, чтобы настояція они „исправили въ положенное время неотвѣнно“, обѣщая неисправныхъ употребить въ каторжную работу. Возить руду со всѣхъ рудниковъ и во всѣ заводы позволялъ каждому крестьянину, прибавивъ по два рубля на каждую тысячу пудовъ, и деньги за возку приказалъ „выдавать стараться безъ малѣйшаго промедленія, чтобы этимъ самымъ больше возчиковъ приохотить“. Для устраненія злоупотребленія, назначилъ надежныхъ смотрителей.

„Для сохраненія лучшаго и добраго порядка между крестьянами“, онъ учредилъ въ помощь старостамъ, должности двухъ судей, которыхъ избираютъ сами крестьяне, а начальство только приводитъ къ присягѣ. 4 іюня того же 1777 года, указомъ своимъ уничтожилъ въ селеніяхъ приказныя избы, переименовавъ ихъ въ земскіе суды. Судамъ этимъ далъ наставленія относительно земледѣлія и сельскаго хозяйства. Въ „наставленіяхъ“ этихъ Нарышкинъ усилъ показать въ себѣ практическаго и знающаго челоука. Говоря о хозяйствѣ, входитъ въ мельчайшія подробности и обличаетъ въ себѣ большого знатока дѣла и замѣчательнаго праятника,

хотя въ правилахъ о домообзаводствѣ расписана была много утѣшій, но, въ то же время, высказалъ много дѣльныхъ замѣтокъ *). Наставленія и правила эти онъ велѣлъ читать крестьянамъ по церквамъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церквей нѣтъ, предписалъ собирать крестьянъ въ земскіе суды.

Уходя дальше въ своихъ заботахъ о земледѣліи, Нарышкинъ увеличивалъ число запасныхъ магазюновъ, но хлѣбъ предполагалъ складывать только на одинъ годъ. Хлѣбъ закупалъ самъ и продавалъ его немудрымъ по казеннымъ цѣнамъ; нерѣдко отпускалъ въ долгъ. Заботился о разведеніи въ Аргунскомъ острогѣ конопля и собственноручно писалъ правила и руководства для ея мочки. Исправныхъ старшинъ, явившихся въ канцелярію съ дѣльными, правдивыми и честными отчетами, угощалъ у себя въ квартирѣ и обдаривалъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, обо всѣхъ таковыхъ публиковалъ во всеобщее извѣстіе.

Въ Аргунскомъ острогѣ Нарышкинъ намѣревался построить для престарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ богадѣльню, а въ Нерчинскомъ заводѣ прилагалъ сильное стараніе къ тому, чтобы существовавшую тамъ школу привести въ лучший порядокъ „колько возможно, и учеными людьми завестися“. Всѣхъ учащихся и учащихся собрано было до 77 человекъ. 21 апрѣля 1778 года училище было открыто и поручено въ дирекцію способнѣйшему человеку, Николаю Иривархону **).

Таковъ краткій перечень всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя характеризуютъ заботливость новаго нерчинскаго командира о заводскихъ крестьянахъ. Насколько они имѣли успѣха въ практическомъ приѣненіи—но дѣлу о Нарышкинѣ не видно. Извѣстно только то важное и характеристическое обстоятельство, что

*) Въ этихъ наставленіяхъ особенную заботу онъ прилагаетъ къ удобренію полей и посѣвамъ. Такъ, совѣтуетъ мочить сѣмена черезъ ночь въ навозномъ соку и пересыпать лежаломъ на воздухѣ известіемъ. Выжженные поля и нови совѣтуетъ проходить нарѣвною сохою вдоль и попережъ столько разъ, сколько потребно для раздѣченія корней, которые потомъ легко вывалятся. Мѣста, гдѣ хлѣбъ худо родится, предлагаетъ пахать на быкахъ, ибо-де одна лошадь не имѣетъ силы противъ двухъ быковъ, а пара быковъ не дороже хорошей пахотной лошади. Сѣять хлѣбъ предполагаетъ мельче, «мельче сѣяннымъ,—говоритъ онъ:—родится лучше глубоко сѣянаго»; самъ дѣлалъ опыты и счастливый результатъ остался на его сторонѣ. Захватывать посѣянный хлѣбъ (какъ это дѣлаютъ крестьяне) не совѣтовать, но полагалъ срѣзывать стебли озимыхъ всходовъ даже до 4-хъ разъ. Даетъ нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ для леченія заболѣваго скота и нѣсколько гигиеническихъ для предотвращенія скота отъ болѣзней, и проч. и проч.

**) Въ учителя назначены: унтеръ-шхмейстеръ Хоппа и ссыльный, находившійся въ работѣ, Семенъ Лицканъ.

Нарышкинъ, черезъ полтора года послѣ своего пріѣзда въ заводъ, получалъ отъ крестьянъ Уровской сотни благодарственное письмо и двѣ „кормленныя коровы“ въ подарокъ. Крестьяне писали ему: „Мы отъ тебя наставленія получили, мы то узнали о Богѣ, государѣ и ближнемъ, чего не только не слышали, но и никто намъ о сихъ вещахъ не сказывалъ. Вы всѣхъ своихъ, позвольте сказать, овецъ пашаете собственнымъ обѣдомъ, не занимая отъ насъ ни фунта хлѣба, съ разбрасываньемъ не мало намъ же денегъ, поя притомъ выномъ“. На эти весьма замѣчательныя строки Нарышкинъ отвѣчалъ также подаркомъ (двумя имперіалами) и письмомъ. Въ письмѣ своемъ онъ пишетъ, между прочимъ: „Упоминаете вы, что въ бытность мою здѣсь, не требуя я отъ васъ хлѣба и всего, тому подобнаго даромъ, но собственно самъ угощаю васъ невозможнымъ образомъ,—повѣрьте, друзья мои, что я здѣсь, по власти царствующей надъ нами государыни, не раззорять пришельцъ, но доставляю каждому изъ васъ, koliko могу, благополучную жизнь и добрую надежду“.

Въ своихъ гласныхъ увѣреніяхъ Нарышкинъ, по своему, былъ правъ, правъ именно въ тѣхъ убѣжденіяхъ, къ которымъ онъ пришелъ послѣ внимательнаго знакомства съ состояніемъ заводовъ и послѣ рассмотрѣнія всѣхъ дѣлъ, относящихся до общественного быта какъ крестьянъ, такъ и каторжныхъ. Вотъ къ какимъ положеніямъ пришелъ Нарышкинъ и вотъ что объявлялъ онъ, въ одномъ изъ своихъ указовъ, во всенародное извѣстіе:

„Прежде, нежели я вступилъ на степень здѣшняго правленія, земледѣльцы не имѣли способнаго для нихъ земскаго правленія, но всегда управляемы были посылаемыми отъ канцеляріи здѣшняго горнаго начальства управителями и прибавчиками, изъ коихъ многие (какъ имѣ извѣстно по доходившимъ до меня просьбамъ) не какъ вѣрные рабы своей государыни и истинные сыны отечества, учреждали свои поступки къ пользѣ и спокойствію врученныхъ имъ согражданъ, но, предводительствуемы будучи одними страстями и порочнымъ самолюбіемъ, отагощали бѣдныхъ землевладѣльцевъ гнуснымъ своимъ корыстолюбіемъ и взятками“. Управители не только не старались поощрять крестьянъ къ работѣ и приводить земледѣліе въ цвѣтущее состояніе, но, „продолжая алчность богопротивнаго именовлюбія“, отрывали крестьянъ отъ обыкновенныхъ работъ и тѣмъ доводили земледѣльцевъ до унынія и нерадивости. „И какъ надлежало земледѣльцу чуждыя природы руководствомъ продолжать свое преполозное отечеству дѣланіе, т. е. пахать землю и сѣять хлѣбъ не пропуская времени, дабы оный успѣлъ къ своему созрѣнію въ удобное время“, эти начальники находили для себя

таковые дни золотою жатвою. Придѣлывшись несправедливымъ образомъ, они нагло „вымучивали деньги и скота, и считая, что крестьяннѣ, имѣя нужное время въ своемъ земледѣліи, не пошадить отдать послѣдняго имущества, дабы успѣть въ своемъ богоугодномъ предпріятіи“. Отъ этихъ проволочекъ, въ самое нужное для посѣву время, крестьяне остались безъ пропитанія, въ отягощеніе обществу, а истощивъ послѣднее имущество на пищу, „не имѣли чѣмъ заплатить государственныя положенныя подати“. Отъ такихъ поступковъ столь почти далеко произошло все вышеписанное зло, что не осталось почти сотой части крестьянъ, которые бы не состояли за нѣскольکو лѣтъ обыкновенныхъ податей подъ недоимкою. Отъ сего иногда государственная казна терпитъ недостатки и въ случаѣ нужныхъ для пользы отечества учрежденій терпитъ остановки. Сверхъ того, ежели паче чаянія (чего Боже сохрани!), въ случаѣ недоимки, то не думаю, чтобы во всемъ здѣшнемъ вѣдомствѣ могло сыскаться таковыхъ сто семей, которыя бы, черезъ годичное время, могли пропитать свое семейство. Изъ чего ясно можно видѣть (въ разсужденіи отдаленности здѣшняго мѣста отъ всѣхъ обитаемыхъ земледѣльцами мѣстъ), какая можетъ произойти гибель человѣческаго рода, а государству ущербъ“.

Не щадя далѣе самыхъ лѣтвыхъ и мудреныхъ выраженій, чтобы возбудить къ себѣ народную привязанность и довѣріе, Нарышкинъ не щадитъ заводскихъ чиновниковъ. Не щадитъ онъ ихъ и фактически, на самомъ дѣлѣ. Уставщика Семена Вѣлаго, который „отважился препятствовать хорошей плавкѣ руды и сдѣлалъ вмѣсто назначенной ему другую смѣсь, чтобы лучше прѣвѣяго не было—велѣлъ Нарышкинъ прислать „бездѣльника сковаиваго“. Такимъ образомъ, прѣвѣдау ваятки, похлѣбства и въ дѣлазъ поворонки, одного чиновника разжаловалъ въ рабочіе за то, что нашелъ у него покловное: деньги, соболей, лошадей и штофъ французской водки. Прапорщика Тыркова, уличеннаго въ дѣланьи кредитныхъ билетовъ и въ распространеніи ихъ въ народѣ, заковалъ въ цѣпи. Шихмейстера Боршина лишилъ чинովъ и записалъ въ рудоконники третьей статьи.

Открывъ въ Шлякинскомъ заводѣ злоупотребленія по утайкѣ руды (когда пріемщики приписывали изливнее количество руды и угля, а избытокъ записывали въ расходъ), Нарышкинъ рѣшился серьезно подумать объ искорененіи злоупотребленій. Мѣрою для этого онъ предположилъ прибавку служителямъ и чиновникамъ жалованья, что и привелъ въ исполненіе *), но не имѣлъ успѣха. Вскорѣ онъ

убѣдился въ томъ, что зло пустило корни гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и потому прибѣгнуть къ другому средству. Въ секретари себѣ онъ выбралъ двухъ секретныхъ колодниковъ—Алексѣя Исакова и Ивана Жихарева, назначивъ имъ обонь по 60 руб. въ годъ жалованья, и придалъ имъ въ помощники еще трехъ человекъ и также въ числа секретныхъ арестантовъ (Трифона Карпова, Матвѣя Семенова и Замятинна) и также съ приличнымъ жалованьемъ, хотя и на половину противъ прежнихъ двухъ *). Изъ остальныхъ ссыльныхъ 331 человекъ съ обыкновенной трехденежной платы въ день свелъ въ окладное жалованье. Многихъ производилъ въ чины и опредѣлялъ въ писарскія и другія должности по своему усмотрѣнію. Вообще, въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣнялся, велъ себя какъ самовластный и неограниченный повелитель, дралъ батожемъ и не сказывалъ за что, „навѣстно-де мнѣ одному“. Указомъ запретилъ ссыльныхъ называть варнаками, грапами, арканьяками и чалдонами и „тѣмъ безъ нужды, напоминая колкія слова, не отваживался бы, а кто сіе учинитъ, такой, яко не повинующійся, жестоко наказанъ будетъ, ибо ссыльные люди имѣютъ такое же чувство, какъ и всѣ прочіе, хотя они передъ Богомъ и государнею прегрѣшили“. По поводу одного бѣлага изъ Дучарскаго завода онъ писалъ: „Я всякому, во всѣхъ командахъ имѣющимъ, отъ прѣтсненій и неудовольствій бѣжать къ покрову императорскому позволяю. Я самый исполнитель воли всеавгустѣйшей Екатерины II и подъ покровъ ея всѣхъ страждущихъ, обижаемыхъ и стѣняемыхъ пріемлю и дѣлаю справедливыя разбирательства. Всякій бездѣльникъ, абыдникъ и клеветникъ, не хотящій трудиться въ своей должности, такъ какъ недостойный воззрѣнія императорскаго, не будетъ пріятенъ подъ покровительство, а какъ богоотступникъ, извергъ человѣческаго рода, по мѣрѣ своего преступленія, неупустительно накажется“.

Насколько Нарышкинъ былъ искрененъ въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, можно судить по тому, что тотчасъ по пріѣздѣ быстро выстроилъ, по желанію императрицы, около Кутомарскаго завода вододѣйствующій заводъ, въ самомъ же заводѣ соорудилъ храмъ во имя св. Екатерины, „въ честь великой и славной царствующей государыни“, какъ выразился онъ въ объявленіи, назначенномъ во всенародное извѣстіе.

и проч. Прибавлялъ Нарышкинъ къ прежнимъ овладанъ отъ 36 руб. и до 2-хъ руб. въ годъ (ниже двухъ не опускался).

*) Нарышкинъ привезъ съ собою въ Петербургъ одного штабъ и шесть человекъ оберъ-офицеровъ и лекаря, сверхъ положенныхъ въ штатѣ до того времени. Чиновниковъ этихъ онъ взялъ не по выбору, но по вызову.

*) Получавшіе прежде 60 рублей, при Нарышкѣ стали брать 96; получавшіе 48—84 р.

Заводъ водяной оконченъ былъ къ 29 июня—дню восшествія Екатерины на престолъ *).

Установляя собственные праздники **) и освобождая ссыльныхъ отъ работъ на недѣлю, на 10 дней и болѣе (съ сохраненіемъ жалованья), Нарышкинъ, въ оправданіе себя, говоритъ, что онъ дѣлаетъ это, „дабы всѣ были въ великой радости и возсылали молитвы о многолѣтнемъ монарху нашей здравія, пекущейся о тишинѣ и спокойствіи“.

Съ особенною торжественностью праздновалъ Нарышкинъ день рожденія Екатерины, 21 апрѣля 1776 года, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ рѣшился оставить свое уединеніе и показаться народу ***).

Послѣ обѣда въ заводской церкви сдѣлалъ производство въ классные чины: маркшейдера Головачева—въ коллежскіе ассесоры, четыре гиттенфервальтеровъ—въ секундъ-майоры, четыре бергъ-гешвореновъ—въ премьеръ-майоры, восемь шихмейстеровъ—въ бергъ-гешворены (изъ которыхъ одного въ бергъ-гешворены и капитаны, а другого—въ бергъ-гешворены и поручики); двухъ гиттенфервальтеровъ—въ бергъ-гешворены, трехъ унтеръ-шихмейстеровъ—въ шихмейстеры; нѣкоторыхъ канцеляристовъ—въ регистраторы, нѣкоторыхъ копистовъ—въ канцеляристы, регистраторовъ—въ аудиторы и проч. и проч. Всего, такимъ образомъ, произведено имъ 127 человекъ. Всѣ они, послѣ обѣда, приведены были Нарышкинымъ къ присягѣ. Торжество это привлекло потомъ къ дому главнаго командира огромное количество окрестнаго народа и всѣхъ до единаго заводскихъ жителей. Нарышкинъ вышелъ къ народу, говорилъ ему рѣчь „о Богѣ, о государѣ, о должности къ ближнему, о повинненіи къ начальникамъ“.

*) Убѣждая до того времени въ Иркутскѣ, Нарышкинъ писалъ къ управителю Губанову и бергъ-гешворену Кааширову: «Ежели онаго завода я не получу, то долженъ буду терзать свою совесть и мучиться, и безъ шутокъ нашу обоихъ васъ въ рудокопщикъ».

**) Напр., установилъ праздники «Открытіе новой благодати»; приказалъ, чтобы всѣ канцисъ во грѣхалъ, и для этого останавливалъ всѣ заводскія работы.

***) Въ первый разъ, по пріѣздѣ въ Сибирь и послѣ 11-ти-мѣсячнаго добровольнаго заключенія дома (причемъ не приказывалъ отворять ставни), Нарышкинъ вышелъ въ первый день Пасхи, какъ увѣряетъ народное преданіе, вообще къ нему недружелюбно. Оно говоритъ, что Нарышкинъ заставилъ иона служить прежде затрени обѣдню и ватѣмъ ходилъ потомъ въ церковь ежедневно. При этомъ двѣ чиновницы вели его подъ руки; онъ шелъ, приплясывая и пѣлъ любимую свою пѣсню: «Батюшка богатъ—червечки купилъ». Такъ, между прочимъ, народъ еще сохранилъ нѣтъ странностей и выходовъ Нарышкина одну также въ преданіи: сну его мѣшалъ голосятый ретивый пѣтухъ; Нарышкинъ, чтобы избавиться отъ докучающаго софда, въ силу присвоенной ему командирской власти, приказалъ пѣтуха заковать въ кандалы.

Послѣ этой рѣчи всѣмъ собравшимся онъ поднесъ по стакану вина, каждому далъ по три аршина тонкаго холста и посадилъ за столы, приготовленные на 600 человекъ. За малымъ столомъ послѣ обѣда самъ Нарышкинъ и съ нимъ вмѣстѣ по два человека ссыльныхъ, заводскихъ служителей и солдатъ „самыхъ дурнѣйшихъ“. „Причемъ услужены были (т. е. служивали имъ) штабъ и оберъ-офицерами, достойными сей человеколюбивой чести“, какъ сказано въ описаніи, составленномъ по приказанію Нарышкина и приложенномъ къ дѣлу о немъ, изъ котораго мы и беремъ всѣ эти подробности.

Послѣ обѣда Нарышкинъ, въ своихъ покояхъ, угощалъ на 90 кувертовъ „знатнѣйшихъ сего мѣста особъ“ *). Всѣмъ обѣдавшимъ за прочими столами онъ выдалъ каждому по 10 копеекъ денегъ, какъ служителямъ и солдатамъ, такъ равно и всѣмъ ссыльнымъ. Послѣ этой раздачи палики нещадно изъ пушки, стрѣляя изъ ружей. Вечеромъ въ домѣ главнаго командира открылся балъ, во время котораго также не мало выброшено было народу денегъ. Балъ кончился на разсвѣтѣ. „Приведенная изъ здѣшняго батальона рота производила черезъ всю ночь пальбу“ и получила за то награжденіе въ 350 руб. Послѣ пробитія вечерней зари зажжена была взломанная.

Всѣ эти поступки Нарышкина, какъ растрата казенныхъ денегъ, такъ и униженіе чиновничьяго достоинства, естественнымъ образомъ вскорѣ же породили ему многихъ враговъ. Первымъ изъ нихъ явился заводскій лекаръ Томилловъ. Томилловъ, разъ поссорившись за что-то съ сыномъ своимъ, шихмейстеромъ Александромъ, началъ его бить. Александръ Томилловъ выговоривалъ отцу:

— Батюшка! что же ты меня бьешь и для чего бранишь? Я нынѣ офицеръ, пожалованъ главнымъ командиромъ Василиемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ.

— Главный командиръ,—отвѣчалъ на это лекаръ:—пріѣхалъ сюда не дѣла дѣлать, а только казну расточать, да пороховъ разстрѣливать и пьянствовать.

Рѣчи эти доложены были Нарышкину, признаны непристойными и лекаръ посаженъ былъ въ тюрьму. Здѣсь вынудили у него сознаніе, что онъ все это говорилъ въ пьяномъ видѣ.

Затѣмъ Нарышкинъ, желая показать себя великодушнымъ, писалъ во всеобщее извѣстіе: „Какъ съ одной стороны разсужденія лекаря Томилова, яко весьма неважной особы, никакъ

*) Описаніе прибавляетъ при этомъ: «За столомъ, между прочимъ, посажены были на верѣжѣ мѣстѣ достойный и ревностный Шагинъ-кой сотни староста Шестаковъ и беззаконно вострадавшій и увѣченный серебрянораздѣлительный подмастерье Шиннуловъ».

не могутъ вредить чести моей, то я всѣмъ его разсказами презираю, а съ другой стороны, внушая подчиненнымъ своимъ кротость и велѣкодушіе и будучи самъ христіанинъ и человѣкъ, снисходя къ слабостямъ человѣческимъ, прощаю въ прихѣръ другимъ лекаря Тошлова въ обидѣ, касающейся до моей особы, соболѣзнуя, что сей человѣкъ, не чувствуя всѣхъ дѣлаемыхъ мною увѣщаній, до такой крайности напивается, что, потерявъ разсудокъ, говоритъ дѣла, о которыхъ въ трезвомъ умѣ не помышляеть и помышляеть никакими причинами не имѣеть, кромѣ взятія мною изъ казны нѣкоторой суммы денегъ, о которой уже ея императорскому величеству донесено. Почему лекаря Тошлова, обще со всѣми, по его дѣлу подѣ арестомъ содержащимся, освободить“ (мая 5 дня 1776 г.).

Высказавшись такимъ образомъ въ бумагѣ этой, какъ избалованный и гордый придворный расточительныхъ временъ Екатерины, Нарышкинъ и при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ своихъ не стѣснялся въ личномъ произволѣ, какъ бы доказывая тѣмъ, что онъ никого не боится и что въ Петербургѣ при дворѣ у него покровительствующая сила. Преданіе говоритъ, что Нарышкинъ былъ крестникомъ императрицы, а дѣла его—что онъ былъ столько же избалованъ широкимъ размахомъ тогдашней придворной жизни, сколько и самъ надбѣгъ былъ отъ природы широкою, такъ называемою русскою натурою. Выйдя изъ уднненія на свѣтъ, Нарышкинъ какъ будто съ этой поры измѣнился, сталъ инымъ человѣкомъ, тѣмъ тотъ, какимъ мы видѣли его до сихъ поръ въ административныхъ его распоряженіяхъ. Отъ обаянія дн собственной власти въ отношеніи къ заводамъ или подѣ вліяніемъ протектирующей силы при петербургскомъ дворѣ, Нарышкинъ съ этой поры началъ дѣйствовать съ большою рѣшительностью. Рѣшительность эта увлекла его въ безумный произволъ, а произволъ сдѣлался и нелогичнымъ и повелъ за собою неправильные поступки. Неправильные поступки ввели его въ преступленія противъ закона и правъ человѣческихъ и—Нарышкинъ погибъ подѣ тяжестью собственныхъ дѣяній, запутавшись, въ то же время, въ тенетахъ, разставленныхъ многочисленными его врагами, въ которыхъ онъ видѣлъ до конца своихъ искреннихъ и мелиценціозно преданныхъ друзей. Но возвратился къ прерванному разсказу.

Купецъ Копосовъ у вдовы Шепетковой за долгъ (пяти руб.) отвѣчалъ домъ. Вдова жаловалась главному командиру. Нарышкинъ заплатилъ купцу долгъ изъ собственныхъ денегъ, но Копосовъ предъявилъ къ вдовѣ долгу още 9 р. Тогда Нарышкинъ велѣлъ его бить батожемъ „яко притѣснителя бѣдныхъ, какъ недостойнаго быть въ здѣшнемъ обществѣ“, и выгнать его

изъ завода. Затѣмъ онъ разослалъ по всему пути (который долженъ былъ совершить Копосовъ) ордеры, чтобы заводскіе управители высылали купца изъ заводскаго вѣдомства. „А между тѣмъ, чтобы сей корыстолюбивый стяжатель не пользовался торгомъ здѣшняго мѣста“, Нарышкинъ приказалъ маркшейдеру Головачеву описать товары и лавку Копосова и съ нимъ вывѣстѣ изъ всего заводскаго вѣдомства эти товары выслать „съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы дорогою никто у сего гнуснаго и самовольнаго обидчика не покупалъ“. Управитель Городищенской слободы обязанъ былъ выпроводить Копосова изъ границъ Читинскаго острога. Передъ отправленіемъ изъ Нерчинскаго завода, Копосову выдана была подорожная, но за двойные прогоны. Обо всемъ этомъ (21 мая 1776 года) опубликовано было во всѣ мѣста нерчинскаго вѣдомства.

Гоненіе на купцовъ Нарышкинъ этикъ не кончилъ. Зная, что заводскіе обыватели покупали все у прѣѣзжихъ купцовъ дорогою цѣною и, плата серебромъ, впадали въ крайность; принимая также въ разчетъ и то, что купцы деньги увозятъ съ собою, а особенно серебро, „отчего вся оная отдаленная часть государства остается безъ денегъ и крестьяне, вмѣсто возможнаго обогащенія, раззоряются“,—Нарышкинъ выдумалъ новыя крутыя мѣры. Мѣры эти, не основанныя ни на какихъ особенно дѣльныхъ и практическихъ основаніяхъ, состояли въ томъ, чтобы купцы занимались при заводахъ на житье. Съ 1777 года онъ рѣшилъ не дозволить больше торговать „этакимъ наѣзднымъ образомъ“. „Правленіе заводовъ,—пишетъ Нарышкинъ:—лучше предоставитъ себѣ стараться о продовольствіи жителей, нежели согласится оставить ихъ торгъ на нынѣшнемъ основаніи. Люди (но отнюдь не бѣгле, а такіе, которые бы способствовали возстановить благосостояніе общества своими добрымъ заведеніемъ торгу) поступаютъ подѣ защиту и особенное покровительство заводскаго начальства“.

Увлеченный, такимъ образомъ, только внѣшнимъ поверхностною стороною дѣла, безъ изслѣдованія внутреннихъ причинъ, Нарышкинъ бумажно, теоретически, можетъ быть, и былъ правъ. Въ практическомъ же примѣненіи своихъ распоряженій онъ былъ окончательно несчастливъ. Въ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій, написанныхъ въ пользу крестьянъ и ссыльныхъ, съ одной стороны видно сильное желаніе быть фактически полезнымъ, но за то съ другой—всѣ его наставленія и совѣты отзываются почасту блестящею и кудрявою фразою и мало ведутъ за собою настоящаго дѣла, основаннаго на твердой и прочной почвѣ. Видно, что Нарышкинъ знакомъ съ ученіемъ энциклопедистовъ—моднымъ въ то время; замѣтно, что онъ дошелъ до нѣкоторыхъ социальныхъ убѣжденій,

но все это легло въ его головѣ безъ всякаго порядка и незаконно спуталось съ мрачными тенденціями ханжи и лицемерья. Такъ, напримеръ, додумавшись до необходимости внушенія колодникамъ истинъ вѣры и составивъ по этому случаю особое толкованіе, онъ предполагалъ возможность черезъ это конечнаго исправленія не только удличенныхъ преступниковъ, но даже и тѣхъ, которые еще намѣривались впасть въ преступленіе. Вдобавокъ ко всему, Нарышкинъ велѣлъ читать это наставленіе виновнымъ только въ присутствіи, передъ допросомъ. Не смотря на всю толковость и непонятность для простаго народа его краткаго наставленія, оно не имѣло успѣха *). Не имѣли успѣха — и потому именно, что также были непрактичны — и тѣ указы Нарышкина, которые онъ разослалъ во всѣ приказныя избы по поводу пристанодержательства бѣглыхъ. Строго предписывая, чтобы никто изъ крестьянъ не держалъ у себя бѣглыхъ, называющихъ себя прохожими людьми, никто бы не отваживался давать имъ хлѣба, Нарышкинъ забывалъ при этомъ, что хлѣбосольство — коренное народное убѣжденіе и что крестьяне въ бѣглыхъ видѣли дешевыхъ работниковъ, которыхъ явче они нигдѣ и никогда въ то время не могли получить ни за какія деньги. Напрасно старался онъ внушить крестьянамъ необходимость требовать письменные выданы въ всѣхъ гѣхъ, кто доверчиво приходитъ къ нимъ въ избы; гостеприимство на это не обязываетъ. Напрасно также голословно толковалъ онъ крестьянамъ, что укрывательство внушить у нихъ покровъ „пустынокъ слабый, который не только не можно за человеколюбивый почестъ, но больше они гѣмъ составляютъ вредъ

*) Наставленію этому Нарышкинъ предпослалъ такое предисловіе: «Какъ должность истиннаго христианина, польза каждаго сына отечества, а паче благосостояніе и непоколебимость священнѣйшаго престола требуетъ того, чтобы всѣ выдающіеся удобо-попозвоненнымъ естественъ въ противныя Богу, священнымъ монаршескимъ уставамъ и должности честнаго человека преступленія, безъ всякаго кровопролитія и лишняго истязанія, раскаявшись во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, могли чистосердечно открывать всѣ свои преступническія дѣла, и какъ здѣвшее мѣсто опредѣлено къ принятію и содержанію всѣхъ присылаемыхъ за свои преступленія и изъ оныхъ таковыя еста, которые столь окаянны въ своихъ сердцахъ, что никакою жестокостью, никакими истязаніями къ раскаянію приведены быть не могутъ, то въ такомъ случаѣ потребно представлять таковымъ лишеннымъ Божіей благодати нижеслѣдующее (слѣдуетъ 5 пунктовъ или §§)». Въ толкованіяхъ объ истинныхъ вѣрн колодникамъ, Нарышкинъ ведетъ къ понятію о грѣхѣ историческимъ разсказомъ священной исторіи Ветхаго Заветъ и къ понятію объ искушеніи отъ грѣха подробностями явленія Христа на землѣ съ Навымъ Заветомъ. Толкуеть о покаяніи такъ, какъ бы можно толковать только духовное яздо и, притомъ, образованное въ истинномъ смыслѣ этого слова.

обществу и прогнѣвляютъ самого Бога“, хотя, конечно, Нарышкинъ и справедливъ въ своемъ заключеніи, что „такимъ пропускомъ бѣглецовъ крестьяне даютъ способъ къ исполненію злодѣйскихъ намѣреній, ко своимъ и ближнихъ огорченіямъ“.

Такимъ былъ Нарышкинъ въ своихъ административныхъ стремленіяхъ. Богѣ послѣдовательнымъ является онъ въ частныхъ распоряженіяхъ, хотя и возбуждаетъ уже меньшее къ себѣ сочувствіе. Избалованный роскошною жизнью въ Петербургѣ и поставленный потокомъ въ дальнюю и еще дикую среду перчиской жизни, онъ искалъ развлеченій, былъ расточителенъ; не вѣдая контроля, онъ въ этомъ и другомъ отношеніи доходилъ до излишества и, судя по народнымъ преданіямъ, до какого-то страннаго и сосредоточеннаго чудачества. Растративъ весь заводскую казну на правдства и разбрасыванье денегъ въ народъ, онъ прибѣгалъ къ частнымъ займамъ, но избалованный столичное повадомъ, долги своихъ не платилъ. Главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ его родной братъ Алексѣй, а главною и пока исключительною ишешью всѣхъ его нападеній ради денегъ былъ богатъ Михайла Сибиряковъ, который, съ дозволенія бергъ-коллегіи, выстроилъ (въ 1744 г.) сереброплавильный заводъ, употребивъ на него 50 тысячъ. Въ распоряженіи этого Сибирякова находилось до 600 тысячъ пудовъ руды. Нарышкинъ хорошо зналъ все это и потому часто, не ограничиваясь подарками, бралъ у него деньги въ большомъ количествѣ. Послѣ многихъ удачныхъ опытовъ и нарядовъ на карманъ и сундуки богатаго Сибирякова, Нарышкинъ, — расточительный, самонадѣянный, избалованный, не знавшій мѣры въ собственныхъ желаніяхъ, — потребовалъ отъ Сибирякова еще 5 тысячъ на какую-то коммерческую компанію (можетъ быть для продолженія въ Иркутскѣ привозимыхъ на Каму китайскихъ шелковыхъ товаровъ). Сибиряковъ отказалъ ему, говоря, что самъ накопилъ много казеннаго долгу, да и денегъ-де нѣтъ и взять негдѣ. Нарышкинъ — прибавляетъ народное преданіе — собралъ наличную артиллерию, зарядилъ пушки и окружилъ домъ Сибирякова, обѣщая стрѣлять, если Сибиряковъ не дастъ ему денегъ. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на который выложилъ затребованную сумму, и съ низкими поклонами вручилъ ее Нарышкину. Нарышкинъ отпустилъ команду и пушки и, войдя въ домъ Сибирякова, до поздней ночи пировалъ съ нимъ шумно и весело.

Такая нужда въ деньгахъ, помимо разбрасыванья въ народъ, объясняется въ Нарышкинѣ тѣмъ, что онъ началъ заводитъ кое-какія собственныя хозяйства: такъ, на рѣчкѣ Чальбутѣ при деревнѣ онъ выстроилъ домъ и при

немъ водную мельницу. Объ устройствѣ этого хозяйства онъ сильно заботился и черезъ каждыя двѣ недѣли получалъ рапорты объ его благосостояніи и о всѣхъ работахъ. Работами завѣдывалъ перчинскаго батальона сержантъ Иванъ Жеребцовъ. Домъ этотъ въ бывшемъ Успенскомъ монастырѣ строился поспѣшно и съ немедленною ежедневною выдачею плотникамъ денегъ. Въ два мѣсяца (іюнь и іюль) домъ этотъ былъ отстроенъ *). При немъ заводилось хозяйство: приведены табуны лошадей (22) и стадо рогатаго скота (до 20 головъ); сдѣланы запасы корму, какъ для нихъ, такъ и для собакъ. Мельница пущена въ ходъ, причѣмъ одинъ изъ довѣренныхъ Нарышкина лицъ, именно Кесслеръ, палалъ изъ пушекъ „за здравіе вашего высочородія и благополучное путешествіе непрерывно“, какъ рапортовалъ онъ своему главному командиру **).

Расширивъ такимъ образомъ свою дѣятельность, Нарышкинъ выѣхалъ изъ Перчинскаго завода въ Иркутскъ, оставивъ на мѣсто себя жаршейдера Дмитрія Головачева. Цѣль этого путешествія Нарышкинъ объявлялъ всенародно 12 іюля 1776 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„По опредѣленіи меня на перчинскіе сереброплавящіе заводы главнымъ командиромъ, до отпращиванія еще въ оныя изъ С.-Петербурга, согласившись мы съ опредѣленнымъ въ Иркутскую губернію со властью губернаторскомъ господиномъ бригадиромъ Нѣмцовымъ, зная намѣренія ея императорскаго величества, чтобъ обитающихъ здѣсь братскихъ и тунгусовъ привести въ вѣру греческаго закона по собственному ихъ желанію, чего я и не начиналъ производить до пріѣзду господина Нѣмцова, не надѣясь на прежде бывшаго Брля въ разсужденіи нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ. А какъ извѣстно уже было до сего, почти во всѣхъ мѣстахъ по сию сторону Байкаль-моря недѣли за три или болѣе, что я, слѣдуя съ перчинскихъ сереброплавящихъ заводовъ въ Иркутскъ, по пути, изъ усердія къ Богу и къ службѣ ея императорскаго величества, видѣлъ счастье по многимъ увѣщаніямъ и приложеннымъ моимъ трудамъ, во 1-хъ, тунгусскихъ зайсановъ и ихъ подчиненныхъ привести въ св. крещеніе, коня чрезъ короткое время,

*) Въ отстроенный домъ приведены были двѣ борзыхъ собаки и 4 лисенка. Въ смотрѣнію за ними поставленъ былъ мальчикъ, съ платою по 10 руб. въ годъ.

**) Сколько самъ Нарышкинъ любилъ палить изъ пушекъ, столько же не щадили казеннаго пороха и его приближенные. Такъ, напр., тотъ же Кесслеръ палалъ 28 іюня „до самаго вечера во здравіе государыни“, затѣмъ уѣхалъ въ Дучарскій заводъ и тамъ палалъ. «Все изъ любви къ вамъ, — писалъ самъ Кесслеръ: — и господа офицеры, взявши на свой счетъ пороха, произвели доволную стрѣльбу».

въ пробѣдѣ моемъ, по собственному ихъ желанію и дѣйствительно человекъ до ста воспріяли вѣру греческаго исповѣданія, а потому и братскіе начали было нѣсколько имѣть къ тому охоту, изъ нихъ также нѣкоторое число человекъ приняло святое крещеніе и за помощью Божию надежность оказывали“.

Такъ писалъ Нарышкинъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, онъ поилъ тайшей и тунгусовъ виномъ *), свискивалъ расположеніе тайши Иринева, для чего выдавалъ ему тысячу руб. сер. монетомъ и, покупая у него лошадей и скотъ, платилъ за то высокою цѣною, въ тѣхъ краяхъ я на то время несмысленно **). Чтобы склонить тунгусовъ къ принятію христіанской вѣры, отъ имени императрицы общалъ имъ большія льготы: сложеніе недоимки, уменьшеніе податей до 3 руб. въ годъ и съ тѣмъ, чтобы уже больше никто изъ частныхъ начальниковъ съ нихъ не требовалъ ***).

Тогда же Нарышкинъ задумалъ, съ согласіемъ тайши Давы Дугаръ-Иринева, составить изъ братскихъ и тунгусовъ четыре гусарскихъ полка и успѣлъ уже сформировать одинъ эскадронъ, при помощи ротмистра Подзорова и подъ наблюденіемъ подполковника Кесслера. Эскадрону этому дано было названіе Даурскаго гусарскаго краснаго.

Коммиссара Тарова за выдачу казенныхъ денегъ прозвалъ изъ подпоручиковъ въ берггешворены. Изъ тамошней же гарнизонной артиллеріи взялъ пушки, порохъ и канонировъ, не встрѣтивъ же, къ тому препятствія со стороны подпоручика Кулигина, произвелъ его также въ берггешворены. Вдучи дальше по направленію къ Иркутску, онъ сзывалъ народъ разными средствами, какъ, напр., въ селахъ звонилъ въ колокола при церквахъ, пушечною пальбою и барабаннымъ боемъ тамъ, гдѣ церкви не было. Собранный такимъ образомъ народъ поилъ виномъ, усиленно захваченнымъ въ литейныхъ домахъ, и бросалъ въ толпу казенныя деньги, ваяты имъ — какъ извѣстно — въ перчинскомъ комиссарствѣ. Шестые Нарышкина по Вратской стени уподоблялось военному походу: для него неприятельская страна была Иркутская провинція съ ея ханомъ Нѣмцовымъ; по пути лежала вассальная земля — вердунднскій округъ съ вице-королемъ, воеводою Тевашевымъ. За новымъ Батмемъ, выходившимъ изъ самыхъ ближайшихъ мѣстъ къ родинѣ Чингизъ-хана, за Нарышкинымъ вели колоко-

*) Такъ Кесслеръ доносилъ ему, что получилъ отъ повѣреннаго 50 ведеръ простого вина.

**) Такъ, напр., за быковъ платилъ 6 руб. 50 коп., а за лошадей по 250 руб.

***) На льготы эти соблазнились тунгусы родовъ: дулгадскаго, балгирскаго и чичиудскаго. Они просили крещенія.

за и пушки. По дорогѣ онъ останавливалъ купеческія вѣды и отбиралъ товары съ выдачею расписокъ на свое имя. Въ степи на отдыхалъ кибитки огромныя котлы съ водою, куда сваливали пудами чай и сахаръ; вино стояло цѣлыми бочками, сукно, дабу, китайки, холсты брали всё даромъ, безъ всякаго счета. Попался ему на дорогѣ почта съ книгами и церковными вещами, посланными Иркутскимъ архіереемъ Михаиломъ, Нарышкинъ на Шилкѣ присвоилъ ихъ себѣ. Не отвѣчая на вѣскольکو нисежъ архіерея, Нарышкинъ книги удержалъ за собою, и проч. Нуждаясь въ деньгахъ для всѣхъ этихъ предпріятій, онъ выплавленное серебро не посылалъ въ Петербургъ, растрчивая его на пенсія приближенныхъ, на различныя награды и на серебряныя пуговицы сформированнаго изъ тунгусовъ и братья гусарскаго полка. Не имѣя уже никакихъ суммъ въ заводскомъ казначействѣ, Нарышкинъ, подъ видомъ закупа для заводовъ разныхъ необходимыхъ принадлежностей, взявъ 60.476 руб. въ нерчинскомъ комиссарствѣ. Въ селеніи Гантимуровомъ (Урульгѣ) крестилъ тунгусовъ, „утонающихъ въ пьянствѣ“, возя съ собою бочки вина, расточая вездѣ императорскую сумку и „дѣлалъ такыя великія издержки, не имѣя средства откуда получить болѣе (ибо заводскую сумку расточилъ всю, какъ и было каждому пріимѣно, что служители заводовъ не получали близъ двухъ третей жалованья)—опрокинулся къ отнятію у встрѣчающихся ему купцовъ товаровъ и денегъ“. Потомъ на Братской стени у харинцевъ онъ заставлялъ тайшу и старшинъ преклонять передъ собою знамена, дарованныя этому роду братскихъ за вѣрную ихъ службу. Когда тайша отказывался отъ крещенія, Нарышкинъ покушался его умертвить. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ повсюду старался увѣрить, что исполняютъ все это именемъ императрицы (котораго дозволенія, однако, никогда не имѣлъ).

Такимъ образомъ, двѣ власти встрѣтились въ одномъ и томъ же пунктѣ, какъ бы для состязанія и съ цѣлью помѣриться силами: Нарышкинъ въ чужомъ вѣдомствѣ, опираясь на свою силу въ столицѣ, Иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ—въ своемъ вѣдомствѣ, рѣшаясь испробовать силу общихъ государственныхъ узаконеній: на столько ли они липепрїятны передъ случайнымъ человѣкомъ, сколько самонадѣяны и рѣшительны поступки ихъ нарушителя. Ничего не подозревая, Нарышкинъ, возвратившись въ Нерчинскій заводъ, имѣлъ огорченіе слышать, что многія изъ его начинаній начали мало по малу разрушаться. Сотникъ Новоселовъ, отправленный имъ съ 36-ью лошадьми и 12-ью гусарами къ губернатору Нѣмцову, доносилъ, что тунгусы-гусары, отправившись къ тайшѣ Иринееву „для своихъ надобностей, на-

задъ не возвратились и оставили за собою насѣченную серебромъ узду“, принадлежавшую самому Нарышкину. Вскорѣ за тѣмъ писалъ къ нему бергъ-гешворентъ Ник. Гантимуровъ, что, по прїѣздѣ его въ городъ Удинскъ, онъ былъ потребовать въ удинскую провинціальную канцелярію, гдѣ воевода Тевашевъ со своимъ товарищемъ и прокуроромъ велѣлъ его заковать въ колодку, посадилъ подъ караулъ, а черезъ день отправилъ въ Иркутскъ, за что—незвѣстно. Тогда же командиръ гусарскаго полка, ротмистръ Злобинъ, доносилъ Нарышкину, что удинская канцелярія выдала изъ его команды сержанта съ женою и дочерью и отправила ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они прежде находились. Отобраны были также артиллеристы, такъ что у Злобина осталось всего 52 человѣка изъ цѣлаго эскадрона.

Нарышкинъ началъ уже смутно понимать наступательность дѣйствій Нѣмцова, но все еще доврѣлъ дружбѣ удинскаго воеводы Тевашева, къ которому относился съ любовью и заискивавшими письмами, на которыя онъ такъ хорошо былъ подготовленъ своею прежнею придворною жизнью. Тевашева онъ хвалилъ за ревностную службу, тотъ въ своемъ письмѣ благодарилъ за коммѣнты, но просилъ „оставить народъ, не принадлежащій до вашего (т. е. Нарышкина) распоряженія, ибо-де вся уже провинція пришла въ смятеніе“.

Нарышкинъ, однако, на это не успокоился: ему крайне нужны были деньги, а потому онъ потребовать ихъ отъ удинской канцеляріи на счетъ заводовъ. Канцелярія въ требуемой суммѣ отказала, предписывая ему оставаться въ узаконенныхъ помѣщеніяхъ; для оправданія же во всѣхъ дѣлахъ предписывала Нарышкину ѣхать въ Иркутскъ къ губернатору Нѣмцову. Тогда только Нарышкинъ увидѣлъ изъ-за спи- ны верхнеудинской канцеляріи то лицо, которое такъ давно и такъ смѣло вызывало его на единоборство.

Разгнѣванный Нарышкинъ отправилъ въ заводы свое оправданіе въ тѣхъ будто бы клеветать, которыя возводила на него верхнеудинская канцелярія, но не ѣхать въ Иркутскъ у него не хватило силы, храбрости и самостоятельности *).

*) Съ дороги (съ рѣки Оны) онъ писалъ въ народъ, между прочимъ, слѣдующее: «Встрѣтившись къ немалому сожалѣнію никогда не ожидаемыя противныя и жестокостыя вредныя предпріятія удинской провинціальной канцеляріи присутствующихъ и съ ними согласившагося удинскаго коменданта Апеллегрейна, всё благоудно Богу и монархїи, мною начатыя предпріятія помѣшаны и почти совсѣмъ остановлены, ибо означенная канцелярія, указами харинскихъ родовъ тайшѣ и подполковнику Динбѣ Иринееву не велѣла ни въ чей мѣст слушать. Черезъ это помянутые братскіе не знающіе и не просвѣщенные народы начали имѣть

Онъ отправился, не зная того, что посланные имъ въ Верхнеудинскъ (бергъ-гешворенъ Баннеръ и Тенкинъ) и опредѣленные имъ на мѣста присутствующихъ въ провинціальной канцеляріи, являсь, отдались во власть воеводи Тевяшева. Этотъ же Тевяшевъ сталъ дѣйствовать въ Верхнеудинскѣ и на Нарышкина совѣтами и „почетельнымъ своимъ тѣпанемъ и искуснымъ распоряженіемъ“ успѣлъ сдѣлать такъ, что Нарышкинъ выѣхалъ на Иркутскъ. На до-

колеблющихся въ томъ мыслен и опасаясь, чтобы не было имъ за то какого штрафа или вѣще того наказанія, начали тѣ добрыя и полезные намѣренія оставлять. Вчерашняго числа присланнымъ та провинціальной канцеляріи ко мнѣ рапортомъ объявляетъ, что оное представлено къ господину бригадирю—управляющему Иркутскою губерніею съ тѣмъ, яко бы открылось предъ симъ скрываемое мною набирание и съ поманутыхъ народовъ неполезность государству, наипаче въ зловерности оному по причинѣ моего изъ заводу выѣзду и по непринадлежности мнѣ такого формированія въ Иркутской губерніи, яко не въ своей командѣ въ противность законовъ, и что та провинція отъ своей главной команды объ ономъ учрежденіи никакого повелѣнія и свидѣній не имѣетъ, а по дошедшимъ же къ той удинской провинціальной канцеляріи извѣстіямъ, она меня почитаетъ злодѣемъ имперіи Россійской: 1) что я будто бы набираю въ гусарскіе полки самыхъ меншихъ пропятав и бродягъ, которые при мнѣ слѣдуютъ въ немаломъ числѣ и съ забранными изъ неизвѣстныхъ мѣстъ пушками; 2) въ доказательство еще того имѣю послушанія моимъ предложеніямъ тому канцелярію о выдѣлѣ денегъ на счетъ нерчинскихъ заводовъ, всего съ пятьдесятъ тысячъ, когда посланными отъ меня къ удинскому коменданту Аллеагеррину ордеромъ велѣно присутствующихъ той канцеляріи съювать, а ему велѣно выѣсто ихъ въ правленіе вступить—имѣютъ къ тому, ежелиде градоначальниковъ не будетъ, то удобнѣе можно овладѣть Удинскою или всѣми сей провинціи принадлежачими мѣстами, а особливо пользуясь такими легкомысленными людьми и вѣроктными извѣстіями, будто я началъ ослѣплять народъ пьянствомъ и хотя либо, по прибытіи моемъ тайша Иринецевъ и былъ къ нему благоутодному намѣренію согласенъ и я, по его приглашенію, намѣренъ былъ его посѣтить, но оны, отпроясь вчерашняго дня впередъ въ свой уездъ, сегодня чрезъ посланнаго бергъ-гешворена Новоселова въ своей ставкѣ не найдены, да и жены его также и никого братскихъ здѣсь не оказалось. И потому чрезъ сіе публикуется, что ежели тотъ тайша и всѣ братские, кои уже собраны были, чрезъ два дня не явятся, то непременно именемъ ея императорскаго величества тайша, лишась чиново, жестоко будетъ наказанъ, да и съ прочими поступлено будетъ по всей строгости законавъ. Я все сіе именемъ ея императорскаго величества опредѣляю и всѣмъ возвратившимся ея высочайшую милость обещаю. Не повинующіеся же угодному ея величеству дѣлу и намѣренію да наказуются правосуднымъ ея божественнымъ гѣвномъ. И сіе объявленіе за подписаніемъ руки, съ приложеніемъ герба моего печати, не только что публиковаться и въ народъ разбросано, но и въ командахъ, куда слѣдуетъ, разослано будетъ».

рогъ *) онъ былъ задержанъ и подъ присмотромъ отправленъ въ Иркутскъ къ Нѣмцову. Нѣмцовъ же, „найдя поступки Нарышкина столь важными“, отослалъ его, 29 авг., за присмотромъ штабъ-офицера Войнова и подъ конвоемъ въ С.-Петербургъ и тогда же отправилъ курьера съ донесеніемъ о незаконныхъ и дерзкихъ дѣлахъ его“. Въ Тобольскѣ встрѣтилъ Нарышкина сенатскій регистраторъ съ командою, который принялъ его отъ Войнова и затѣмъ повезъ въ столицу, подъ важною стражею. Обо всѣмъ этомъ Нѣмцовъ извѣщаетъ

*) Иркутскій лѣтописецъ иначе передаетъ это событіе. Онъ говоритъ, что воевода Тевяшевъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ пригласилъ Нарышкина въ церковь для слушанья молебствія, по случаю его прибытія, а по выходѣ изъ церкви арестовалъ, посадилъ на лоđu и отправилъ рѣкою Селенгою въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ Нарышкинъ, до времени отправки, пользовался полною свободою; жилъ онъ тамъ 2 мѣсяца. Народное преданіе говоритъ, что оны все время ходилъ по кабакамъ и гарчевнямъ, поилъ и кормилъ на свой счетъ собиравшихся тамъ людей и тратилъ на это огромныя суммы. Его всѣ считали сумасшедшимъ. Подробности походовъ Нарышкина въ Верхнеудинскѣ рассказала Калашниковъ въ своемъ романѣ „Дочь купца Желобова“ (см. ч. IV, глава IV). Калашниковъ основывалъ свой рассказъ на народныхъ преданіяхъ, тогда еще очень живыхъ и состоятельныхъ въ правотѣ своей. Верхнеудинскій воевода—по этихъ преданіямъ—писалъ Нарышкину, чтобы онъ со своею святою не вѣзжалъ въ его провинцію, посылалъ къ нему лазутчиковъ, въ городѣ удвоилъ караулы, а въ 10-ти верстахъ поставилъ отрядъ войска съ артиллеріею, тайно ввезенною изъ Селегинска. Нарышкинъ не испугался, послалъ своего посла съ требованіемъ золота и серебра въ десять тысячъ; когда воевода отказалъ, Нарышкинъ потребовалъ сорокъ тысячъ; когда же и на это требованіе получилъ отказъ, командировалъ двухъ чиновниковъ. Наконецъ, ночью прѣхалъ самъ къ воеводской канцеляріи, кричалъ, чтобы отперли ворота, называя воеводу и товарища его ворами и бунтовщиками. Военная команда, стоявшая на дворѣ, начала уже колебаться, перешептывалась, заявляла, что она не имѣетъ письменнаго приказа, а потому хотѣла пустить Нарышкина. Но одинъ старикъ закричалъ: «Что бы вы ни были, въ ночные часъ пускать никого не велѣно». Послѣ этихъ словъ Нарышкинъ отошелъ къ фронту стоящаго подъ ружьемъ гарнизона. Сюда явился воевода, уговорилъ его и убѣдилъ отправиться на отведенную ему квартиру. На завтра Нарышкинъ началъ требовать денегъ и вина. Приказано отвѣчать, что воевода денегъ не даетъ, а пьянства не любитъ. Нарышкинъ пошелъ въ церковь и «собственно-гласно отиѣлъ молебенъ». Кругомъ церкви уже поставлены были солдаты. Собравшемуся, въ чаши денегъ, народу воевода далъ приказаніе разойтись. Всѣхъ какъ свиты Нарышкина, выходившихъ изъ церкви, велѣлъ хватать и сажать подъ арестъ. Вышелъ и Нарышкинъ. Увидя солдатъ, онъ отдалъ саблю, признавая себя арестованнымъ. Воевода вѣжливо просилъ его съ нимъ отобѣдать на приготовленномъ судиѣ; Нарышкинъ согласился и, послѣ обѣда, отправленъ въ Иркутскъ.

быть именованъ указомъ (полученнымъ ивъ 11-го января 1778 года), въ которомъ, между прочимъ, нерчинскіе сереброплавящіе заводы, для исправленія и приведенія въ лучшее состояние, переданы были въ зависимость и подчиненіе тому же бригадиру Нѣмцову, паходившемуся въ Иркутской губерніи съ властью губернской *).

Нѣмцовъ началъ свое управленіе съ того, что сочинилъ и издалъ „къ общему свѣдѣнію публикацію“:

„Къ чувствительному оскорбленію верховной власти,—говоритъ овъ въ началѣ этой публикаціи:—бывшаго заводовъ начальника, статскаго совѣтника Нарышкина, незаконныя содѣянія столь многочисленны, что я нѣкоторыя умолчу, а о другія за нужное почитаю, во всё заводскаго вѣдомства присутственнаго мѣста и частнымъ начальникамъ вѣденія заводовъ, обнародовать“.

Затѣмъ Нѣмцовъ подробно исчисляеть всё поступки Нарышкина съ примѣтнымъ озлобленіемъ и алорадствомъ. Остановившись на провадѣ Нарышкина изъ завода въ Верхнеудинскъ, а именно на его угощеніяхъ народа, Нѣмцовъ увѣряеть, что Нарышкинъ, „обольстя симъ средствомъ (т. е. виномъ) непросвѣщенное то скопиче (т. е. крестьянъ)“, отвелъ многихъ отъ домостроительства и хлѣбопашества. „А пропустивъ ови время, потеряли часть лучшаго своего состоянія, а нѣкоторые и вовсе раззорились“. Не стѣсняясь въ подборѣ всаческихъ бранныхъ эпитетовъ къ поступкамъ Нарышкина, Нѣмцовъ встываетъ до нѣкоторой степени въ смягченный тонъ тамъ, гдѣ плачь бранливаго мовѣствованія выводитъ его изъ предѣловъ Иркутской губерніи и вталкиваетъ въ описаніе распоряженій Нарышкина по заводамъ. Здѣсь Нѣмцеву, основываясь на рапортѣ секунд-майора Варбота-де-Марни **, на-

ходить, что заводы требуютъ канскорѣйнаго востановленія „по безпутному Нарышкина управленію“ и для того Нѣмцовъ самъ посѣпшилъ отправиться на мѣсто. Разсматривая тамъ дѣла канцеляріи, Нѣмцовъ нашеть (по собственному его увѣренію), что „всѣ они оказались въ несогласныхъ съ законами поступкахъ, какъ-то: въ выдачахъ и поддержкахъ казенныхъ денегъ и другіихъ обстоятельствахъ“. Между этими „другими обстоятельствами“, кромѣ произвольной раздачи чиновъ и наградъ, занимательно также и слѣдующее: понимая всю силу нравственнаго значенія на заводахъ образованнаго секунд-майора Варбота-де-Марни, Нарышкинъ, для привлеченія его на свою сторону, не задумался провзвести его сына, паталѣтнаго ребенка, сначала въ вахмистры, потомъ въ корнеты и наконецъ въ бергъ-геишворены. Затѣмъ Нарышкинъ свои производства исключительно сосредоточивалъ на лицахъ, до тѣхъ поръ не бывшихъ на службѣ, часть этихъ лицъ овъ привезъ съ собою, часть вытребовалъ съ Колываново-Воскресенскихъ заводовъ и большую часть нашеть уже между жившими долгое время въ Нерчинскомъ заводѣ. Изъ послѣднихъ преимущественное его вниманіе обратили на себя сосланные въ заводы польскіе конфедераты: двухъ изъ нихъ (Касаконскаго и Перхуровича) овъ опредѣлилъ въ солдаты. Известныхъ намъ по дѣлу Чернышева князей Гавтимуrowыхъ (Степана и Николая—нерчинскихъ дворянъ, не бывшихъ на службѣ) овъ провзвелъ прямо въ бергъ-геишворены и приблизилъ къ себѣ. Особенно же щедрость къ раздачѣ чиновъ овъ оказывалъ тѣмъ, на дружбу и расположеніе которыхъ вполнѣ полагался: между ними особенно рѣзко выдаются два ясаинныхъ тулгуса, крещеныхъ Нарышкинскихъ: одному изъ нихъ (Петру Нарышкину) овъ далъ два чина (корнета и подпоручика), другому (Григорію Суворову) четыре чина (унтеръ-шихмейстера, шихмейстера, бергъ-геишворена и поручика). Въ заводскомъ вѣдомствѣ (Гавтимуrowской сотни въ деревни Кангинской) поселены были 32 человека бывшихъ яицкихъ казаковъ, присланныхъ сюда по дѣлу Пугачева; Нарышкинъ выдалъ имъ 160 рублей (по 5 рублей на каждаго) для покупки лошадей и затѣмъ предписалъ начальству строго наблюдать, чтобы казаки лошадей непремѣнно купили.

Всѣ эти событія совпадаютъ одновременно съ выѣздомъ Нарышкина изъ завода для сформирования гусарскихъ полковъ и всѣ они располагаются на двухъ весеннихъ мѣсяцахъ 1776 года. Вотъ почему отчасти становится для насъ понятнымъ теперь темный нашеть въ публикаціи Нѣмцова: „что Нарышкинъ стре-

*) Иркутская мѣтонисъ такъ описываетъ Нѣмцова: овъ былъ человекъ неблагонамѣренный, употреблявшій непоимѣнную строгость собственно для того только, чтобы болѣе брать взятокъ и нажить болѣе денегъ; съ подчиненными служащими обходился неблагоприятно и опредѣлялъ къ должностямъ не иначе, какъ зававъ значительные подарки. Употреблялъ разныя жестокости для своего корыстолюбія. Мелкихъ подчиненныхъ билъ своими руками. Какого-то Бурцева приказалъ за что-то привязать къ столбу и держалъ на привязи долго, чтобы навести страхъ на другихъ. Имѣя знакомство съ известнымъ тогда разбойникомъ Гондюхинымъ, учредилъ въ городѣ какую-то глухую команду, которая, разѣзжая по городу дозоромъ, мѣсто охраны, дѣлала буйства и грабежи. Нѣмцовъ тайкомъ уѣхалъ изъ Иркутска черезъ два года послѣ Нарышкина (1 февраля 1779 г.). Вслѣдъ Нѣмцову изъ Иркутска послались многа жалоба.

**) Тотъ Варботъ-де-Марни находился прежде при Суворовѣ въ заводскомъ батальонѣ. Нарышкинныиъ провзведенъ былъ въ полковника и на-

значень потомъ, на мѣсто его, главнымъ командиромъ нерчинскихъ заводовъ.

мился обольстить непросвѣщенные сердца и, по непредвидѣніи ихъ, ловить души въроподанныхъ и произвестъ худая слѣдствія.

На зтомъ предположеніи, что Нарышкинъ хотѣлъ основаться на народномъ расположеніи и на крѣпости и силѣ значительнаго коннаго войска и артиллеріи съ тѣмъ, чтобы со временемъ произвести возмущеніе въ народѣ и со всѣмъ Забайкальемъ отложиться отъ русской короны, и съ этимъ же подозрѣніемъ имя Нарышкина ушло въ потомство и осталось въ народной памяти *).

Нѣмцовъ, прежде всего, по арестованіи Нарышкина посѣпшилъ захватить его и нѣмце и сдѣлать вѣщамъ его опись **). Затѣмъ членовъ заводской канцеляріи, произведенныхъ и назначенныхъ Нарышкинымъ, отъ службы немедленно отрѣшилъ. На мѣсто ихъ управленіе заводами поручилъ майору артиллеріи и отъ арміи подполковнику Тевяшеву. Въ помощь ему назначилъ секунд-майора иркутскаго батальона Ивана Глазунова и бергъ-геишворена Степана Губанова ***).

Вернувшись въ Иркутскъ, Нѣмцовъ (17 января 1787 г.) посѣпшилъ отвѣстись ко всѣмъ съ тою публикаціею, содержаніе которой мы привели выше. Въ концѣ ея онъ говоритъ слѣдующее: „Заводскимъ же управителямъ и опредѣленнымъ при разныхъ должностяхъ (въ разсужденіи, что здѣшнее мѣсто въ упадокъ приведено) стараться должно каждому, въ званіи своемъ, въ пользѣ и пріращенію высочайшаго интереса прилагать неунынное и ревностное попеченіе, оставя всякій родъ коварства и ухищренія. И помнить то, что не оправдѣтъ каждый по беззаконнымъ поступкамъ бывшаго ихъ начальника въ повиновеніи — замѣнить увеличенными своимъ раченіемъ, дабы и по слѣдующимъ отъ вышняго правительства взысканіямъ исходатайствовать и могъ посред-

*) Опредѣлить съ точностію, на сколько это подозрѣніе справедливо, по дѣламъ нерчинскаго архива нельзя. Два тома дѣлъ о немъ, попавшіеся намъ въ руки изъ архива нерчинскаго горнаго правленія, были далеко не полны. Чья-то хищническая рука (можетъ быть какого нибудь антикварія) сократила эти дѣла до примѣтной неполноты и разрозненности.

**) По этой описи видно, что гардеробъ Нарышкина не былъ особенно богатъ, состоя изъ остатковъ прежней придворной роскоши. Нарышкинъ начиналъ заводить кабинетъ китайскихъ вещей и имѣлъ небольшую бібліотеку (до 300 томовъ), состоявшую изъ книгъ французскихъ, итмецкихъ и русскихъ. Большая часть книгъ — сочиненія энциклопедистовъ и разнаго рода словаря, описанія путешествій и проч.

***) Замѣчательно при томъ, что этотъ послѣдній изъ небывшихъ на службѣ самими же Нарышкинымъ произведенъ въ одно лѣто въ маркшейдерскіе ученики, затѣмъ въ унтершмайстеры, шпигейстеры и, наконецъ, въ бергъ-геишворены.

ствомъ раченія каждого и донестъ самой августѣйшей монархіи ревностные поступки“.

Любопытны дальнѣйшіе событія и предположенія недалековиднаго Нѣмцова. Нижние служители и крестьяне, виновные — по его убѣжденію — въ томъ, что Нарышкинъ успѣлъ разбросать въ народъ казенныхъ и частныхъ денегъ сто сорокъ шесть тысячъ семьсотъ одиннадцать рублей, обязаны были удвоить силы и возить руду „какъ можно больше“. Нѣмцовъ наввно думалъ, что „тѣмъ самымъ приумножится выплавка казеннаго серебра, которое отъ нестаранія бывшаго начальника въ знатный упадокъ произошло; такъ что въ выплавкѣ уменьшеніе серебра передъ прошедшимъ годомъ сто сорокъ девять пудовъ“. Тою же усиленною и чрезмѣрною вывозкою руды Нѣмцовъ полагалъ обезпечить „упавшее состояніе крестьянъ и видима имъ выгоды“. Нарышкинъ, при вступленіи въ управленіе заводами (8-ю), получилъ 282,882 пуда серебросодержащихъ рудъ (да по 4-мъ частнымъ заводамъ 61,055 пудовъ), казеннаго свинцу 4,664 пуда 12 1/2 фунтовъ (и частнаго 5,184 пуда 11 фунтовъ). При этомъ также разужилось серебро — въ бликахъ и крокахъ; а свинець — рудный, гертовый и глетовый.

На мѣсто Нарышкина главнымъ командиромъ опредѣленъ былъ бригадиръ Иванъ Венедиктовичъ Аршеневскій, темный дѣятель и неизвѣстный дѣлатель, прожившій въ заводѣ съ 1777 г. до 1780, когда на смѣну ему опредѣленъ былъ генералъ-майоръ Векельманъ — тоже мало прижитная и неизвѣстная личность. Лучшее воспоминаніе оставилъ по себѣ Барботъ-де-Марин, родомъ французъ, человекъ свѣтлый, кроткій и образованный. Доказательствомъ послѣдняго свойства его осталась послѣ его смерти бібліотека, составленная изъ лучшихъ специальныхъ сочиненій, послужившая крупнымъ и твердымъ фундаментомъ для бібліотеки горнаго управленія. Подъ руками живого человека завелось и частныя школы для обученія мальчиковъ, выписаны саксонцы для руднаго дѣла и проч. На глазахъ этого человека и постройки сдѣланы столь прочно и добросовѣстно, что еще въ 1835 году онѣ стояли непоколебимо, сохранившись дѣлое полу столѣтіе, по подобію Большаго нерчинскаго завода, выстроеннаго Барботомъ изъ листовичнаго дерева. При перестройкѣ, черезъ 50 лѣтъ, потребовалось похвѣсти только нижніе вѣнцы новыми. При немъ заводскіе крестьяне стали отличатся отъ прочихъ обитателей Забайкалья особымъ костюмомъ: шинельми съ короткими крагами. Длинные волосы виспадали до плечъ со временъ барботовскихъ до времени появленія за Байкаломъ декабристовъ. Заводскихъ крестьянъ нашли очень чистооплотными (они жили опрятно, не коптась въ дымъ) и хотя очень богатымъ и

бѣдникъ не было, но всѣ были трудолюбивы, безъ руководства никогда ихъ не видали даже на заваливать ихъ домовъ, и даже бѣднѣхъ верхоу не видали съ какимъ нибудь штыремъ, вязаньемъ и другимъ руководствомъ. Обычай этотъ былъ введенъ Барботомъ-де-Марни. Онъ окончилъ свою жизнь на заводахъ. На его мѣсто поступилъ начальникомъ Черницынъ. Съ Черницына перчинская исторія, въ лицѣ начальника, развертывается другія картины: выработка серебра стала упадать, обращеніе съ ссыльными становится суровѣе, начальникъ сталъ показываться съ отгѣнками и попользовеніями прежнихъ тирановъ. Черницынъ начиналъ этотъ списокъ.

О Черницынѣ народныя преданія сохранили такія крупныя черты: онъ любилъ ѣздить какъ бѣшеный; лошади должны были бѣжать отъ станціи до станціи вытяжнымъ галопомъ, а потому по дорогѣ падало ихъ всегда очень много. Въ этомъ случаѣ кривой Черницынъ былъ для лошадей настоящею моровою язвою. Если ямщикъ въ дорогѣ ослабѣвалъ, Черницынъ приказывалъ остановиться и начиналъ бить ямщика нагайкою, которую всегда возилъ съ собою въ сумдучѣ, лежавшемъ въ ногахъ. Самыя лучшія лошади не выдержали бы такой ѣзды, если бы не пособлялъ ихъ обычай Черницына черезъ каждыя 7 версты кричать: „стой!“ вышвать, не горюпши, водки, закусывать, не сѣбша, кускомъ мяса и потомъ уже ревить на ямщика: „пошехъ!“ Рассказываютъ, что разъ лошади набѣжали на гололедницу и, смутья ямщика, остановились какъ вкопанныя, будучи не въ силѣхъ одолѣть преграду. Черницынъ пробудился и, узнавъ въ чемъ дѣло, зычно закричалъ: „кнутовъ!“ Лошади привали эти слова на свой счетъ, быстро рванулись на зыкъ съ мѣста и перелетѣли гололедъ съ быстротою ветра. Ни одна не спотыкнулась, ни одна не упала, до такой степени энергиченъ былъ бѣгъ ихъ со страху. Другой разъ засѣвъ онъ до смерти крестьянина, осмѣливавшаго обратиться къ нему спивно въ то время, когда съ нимъ вступилъ въ разговоръ помощникъ начальника въ той же самой комнатѣ, гдѣ находился и одиоглазый Черницынъ.

Изъ другія начальниковъ осталась память о Теодорѣ Фришѣ, у котораго была жена, водившая его за носъ и управлявшая чиновниками и цѣлымъ горнымъ округомъ. Была она женщина алая: крестьянъ и слугъ своихъ наказывала своеручно и находила въ этомъ несказанное удовольствіе, какъ и въ прозвищѣ „царицы сибирской“, которое дала ей съ выгодой для себя одинъ изъ ея слугъ, положенный на землю для наказанія. Вспоминаетъ преданіе о Милекинѣ (бывшій начальникъ, кажется, въ Кутмарскомъ заводѣ), при появленіи котораго на улицѣ дѣти бѣжали прочь и старики пря-

тались по угламъ. Когда онъ проходитъ по селенію, живой души на улицѣ не было, потому что всакій зналъ о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя получалъ начальникъ при совершеніи наказуемыхъ. Всякій помнитъ, что любовника жены, бывшаго адъютанта, онъ заковалъ въ кандалы, посадилъ въ тюрьму, вывелъ на площадь и на эшафотѣ далъ ему 50 кнутовъ, обсыпая избитыя плечи бѣдникъ наматыремъ, далъ столько же во второй разъ со вторичнымъ опытомъ той же присыпки. Тиражъ поштырилъ бы экзекуцію и въ третій разъ, если бы начальникъ Дучарскаго завода не вырвалъ изъ его рукъ несчастнаго ex-адъютанта, влюбившаго въ себя и жену и дочь Милекина. Вылечилъ этого Милекина, говоритъ преданіе, писарь—его приемышъ и воспитанникъ. Каждый писанинъ его начальникъ былъ недоволенъ, при всякомъ случаѣ билъ его по щекамъ и по зубамъ. Однажды онъ выразилъ свое неудовольствіе въ то время, когда писарь считалъ себя правымъ и былъ уже осмѣянъ товарищами за необычайное терпѣніе. Милекинъ хотѣлъ его бить, но писарь-приемышъ, выхвативъ изъ-за пазухи ножъ, закричалъ: „Я буду каторжникомъ, но ты уже бить никого не будешь“. Испуганный Милекинъ далъ клятву смириться для всѣхъ а, говорятъ, будто бы сдержалъ ее, а учителя наградилъ большими деньгами.

Деспотическими суровыми выходками отличался я горный начальникъ Рычковъ, смѣнившій Ив. Ив. Эллера *) и умершій въ заводѣ въ 1817 году. Не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ своего времени, преданіе сохранило о немъ память, какъ о человѣкѣ суровомъ и безжалостномъ: онъ, говорятъ, забивалъ людей до смерти. После Рычкова мелькаетъ въ въ архивныхъ спискахъ имя главнаго начальника Аветова; за нимъ является въ ближайшія къ намъ времена, въ 30-тѣ годахъ настоящаго столѣтія, начальникомъ Вурнашовъ, пострадавшій за послабленіе декабристамъ, и полковникъ Ст. Петр. Татариновъ, о которомъ генералъ-губернаторъ Броневскій написалъ въ своихъ мемуарахъ такія строки: „При немъ пріятно стало человѣколюбивое обращеніе съ ссыльными; подчиненные его всѣ уже воспитались въ горноку корушѣ“. Съ этимъ улучшеніемъ въ нравственномъ смыслѣ на заводахъ уже глубоко вкоренились задатки худшаго, задатки паденія серебрянаго промысла. Расходы на заводы и рудники стали превышать цѣнность до-

*) Эллерсъ содѣйствовалъ первымъ ученымъ изслѣдованіямъ путей на Амуръ, предпринятымъ китайскимъ посломъ Ю. А. Головкинымъ и производимымъ полковникомъ д'Овре въ 1806 году, составивъ нарочно для нихъ особенную карту. Онъ предупреждалъ вужды и распорядился такъ, что посольство воспользовалось многими успѣхами.

бызаемого серебра, а добыча золота представлялась во всем привлекательномъ соблазнѣ подѣ впечатлѣніями надеждъ и обѣщаній, исходящихъ отъ горнаго начальника г. Разгильдѣева. Серебро выплавлялось только на Кутомарскомъ заводѣ, добывалось изъ немногихъ рудниковъ и, между прочимъ, на нашихъ глазахъ въ Зерентуйскомъ рудникѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Большого завода, гдѣ дѣлалась подѣ наблюдениемъ горнаго начальника О. А. Деймана новая штольня "Надежда". Служи о золотыхъ россыпяхъ въ разныхъ углахъ Забайкалья помрачали блескъ серебра и выработка золота, дозволенная частнымъ лицамъ, въ наши дни сильно оттягиваетъ на задній планъ разработку серебряныхъ сокровищъ богатыхъ и далеко еще не разработанныхъ Нерчинскихъ горныхъ отроговъ Яблоноваго хребта. Въ бытѣ рабочихъ, съ освобождениемъ ихъ отъ обязательныхъ казенныхъ работъ, произошли крупныя перемены; наступило новое время и старое просится на помощь ему своими ошибками, а потому мы останавливаемся здѣсь, чтобы обратиться къ урокамъ прошедшаго и досказать вторую половину исторіи каторги, по вызову золота и подѣ впечатлѣніями сердитой сибирской болѣзни, называемой тамъ общими именемъ золотой лихорадки.

Слабы и неясны были признаки золотой лихорадки въ прошломъ вѣкѣ, хотя и нельзя было упрекнуть нерчинскія начальства въ ревности угождать высшимъ и кстати рассчитывать на высылку крохъ, имѣющихъ такую прочную и почтенную цѣнность. Еще въ 1777 году архивныя дѣла свидѣтельствуютъ о хлопотахъ по найденному золотому приску; въ 1782 году заботились о разработкѣ золотыхъ присковъ по теченію р. Шилки, на лѣвой ея сторонѣ, въ 16½ верстахъ выше Срѣтенскаго острога въ Крестовой горѣ, противъ деревни Епифановой и Заозерной. Тѣмъ не менѣе, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія во всемъ Забайкальѣ разрабатывался единственный казенный прискъ Куенскій, дававшій 68 долей золота изъ ста пудовъ песку; содержаніе столь ничтожное, что частный человекъ и рукъ бы не сталъ марать, но казна работала въ расчетѣ и при опорѣ на дешевыя каторжныя силы, работала самымъ грубымъ стариннымъ способомъ. Пески пропускали сквозь желѣзные грохоты въ чаны, наполненные водою; вода съ грязью выпускалась вонъ и осадокъ со дна накладывался въ ящики на двухъ высокихъ колесахъ особаго устройства, которыми одною лошадыю, съ значительною тяжестью, катились довольно легко по наклонному горизонту. Эта жидкая грязь, въ которой золота и подозрѣвать невозможно, выкладывалась въ длинные лари. Вдоль ларей горизонтально наворачивалась валикъ съ желѣзными граблями; приводъ воды постепенно наполнял лари, а обра-

щаемый людьми валикъ граблями ворочалъ пески; вода уносила муть. Когда въ ларѣ мало оставалось песковъ, ихъ вынимали на тачки, нѣсь которыхъ былъ извѣстенъ, и сдавали на вангерты для окончательной промывки. Вангертъ есть ни что иное, какъ деревянный ящикъ, діагонально установленный на землѣ; въ верхней его части имѣлся ящикъ, наполнявшійся изъ особаго привода водою, которымъ распоряжался промывщикъ, пуская, по надобности, большее или меньшее количество. Пески, въ видѣ жидкостей и грязи, впадаютъ на дно вангерта и вода, стекая въ нихъ, мало по малу разгнѣивалась руками, уносила все съ поверхности и оставляла, наконецъ, на днѣ небольшое желтое пятнышко. Это было уже чистое золото въ видѣ мелкихъ крупинковъ, иногда въ формѣ довольно сплюснутыхъ пластинокъ. Золото сгребали на деревянную лопаточку и со вниманіемъ и осторожностью уносили въ контору. Тамъ золото просушивали въ печи и потомъ, въ присутствіи чиновниковъ, взвѣшивали на самыхъ чувствительныхъ вѣскахъ. Частички золота съ 12-ти вангертовъ Куенскаго золотого прииска записывались въ книгу. На частныхъ золотыхъ промыслахъ рабочіе зарабатывали отъ 300 до тысячи рублей, а счастливые на старательскихъ работахъ приобретали еще болѣе (особенно, если попадались самородки), на казенныхъ же приискахъ смысленные рабочіе находились въ тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ страшно противѣла работа и выкапывалась передъ глазами соблазнительная дорога въ лѣсъ на волю.

Къ серединѣ нынѣшняго столѣтія за Байкаломъ стало ясно, что вездѣ гдѣ господствуютъ по восточнымъ отклонамъ Яблоноваго хребта гранито-сієниты, золотоносная система почти сплошная, но золото принадлежитъ въ некоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ: Карійской и Шалтаминской россыпямъ. Золото въ Нерчинскомъ уѣздѣ находится всегда въ долинахъ, въ которыхъ выступили гранито-сієниты и тальковыя сланцы, иначе же въ долинахъ малыхъ рѣкъ и ручьевъ; на большихъ рѣкахъ золото находятъ рѣдко; точно также рѣдко попадаетъ оно въ горахъ и раздолахъ. Отсюда пришла къ вѣроятному предположенію, что золото первоначально находилось въ жилахъ въ сієнитовомъ гранитѣ и въ кварцѣ, которые, при плутоническомъ переворотѣ, были разбиты и золото стекло въ долины. Въ видѣ порошка находится оно между сдвинутыми слоями сієнита (Кара), либо въ щеляхъ гранитныхъ (Култума); въ слояхъ же нѣвѣсти и гранита золота никогда не находили. Самый большой кусокъ самороднаго золота, найденный за Байкаломъ, вѣсил 1½ фунта. Слой, скрывающіе золото, покрыты урожайною землею и называются турфомъ. Турфы снимаютъ и свозятъ въ кучи. Такимъ же образомъ поступаютъ съ другимъ слоемъ, состоя-

щимъ изъ песку, глины, смѣшанной съ сѣнитыми каменьями, и круглыми сланцами, называемыми здѣсь галькою. По снятіи верхняго слоя въ каждомъ полуфутѣ грунта ищутъ золота. Тотчасъ же въ третьемъ грунтѣ, глубиною на 7 либо 10 футовъ, находится золото, смѣшанное съ чернымъ блестящимъ пескомъ магнитнаго желѣзняка и съ глыбами желѣзной руды, очень богатой, вмѣщающей 60% желѣза. Содержание золота во всей той массѣ, какую снимаютъ, составляетъ пропорцію 1:400.000; одинъ только разъ найдено было отношеніе 1:40.000 въ Карѣ и этотъ слой признавъ былъ очень богатымъ. Въ глиняныя глыбы предполагается наилучшее золото и весь слой носить общее названіе песку. Золотой песокъ свозятъ въ тачкахъ на машины, очищающія его отъ лишнихъ пригнѣсей и камней; потомъ снова очищаютъ его отъ песку, отъ порошка магнитнаго желѣза, отъ порошка хитовари и мелкихъ гранитныхъ зерезъ, въ составѣхъ съ которыми такъ любятъ жить золото. Песчинки золота бывають такъ мелки и тонки, что поднимаются и относятся водою; такимъ образомъ, при промывкѣ теряется его довольно много. Самый простой способъ промывки золота на Карѣ слѣдующій, общій цѣлой Сибири: на ровную покатошь, наклонную съ двухъ сторонъ двѣ прибитыя досочки, сыплютъ песокъ, а на него пускаютъ воду. Работникъ лопатой отгребаетъ песокъ, уносимый водою къ верху, и вынимаетъ обмытые и ополосканные камни. Части легчайшія, какъ-то: песокъ и глину уноситъ вода, а въ желобѣ остается золото и магнитный желѣзнякъ; послѣдній оттирають щетками либо отбивають отъ золота палками. Если же совсемъ отдѣлать золото отъ магнитнаго, тогда надо золото сушить и размывать на бумагѣ, а желѣзо отдѣлать отъ него магнитомъ. На большіе приискахъ такой способъ не применяютъ, а потому для промывки золота въ нерчинскихъ рудникахъ приспособлено средство, придуманное инженернымъ подполковникомъ Разгильдѣевымъ.

Разгильдѣевская машина состоитъ изъ трехъ этажей. На первомъ этажѣ лошади вращають простой цилиндръ, отвѣсно помѣщенный въ машинѣ; на другомъ этажѣ помѣщено большое желѣзное рѣшето, десяти футовъ въ діаметрѣ, на которое сыпается съ тачекъ присковый песокъ. Среди рѣшета, отвѣсно къ нему, вращается валъ, а къ нему, въ незначительномъ другъ отъ друга разстояніи, прикрѣплено восемь бревешекъ, съ которыхъ въ длинныхъ рамахъ свѣшиваются опираются на рѣшето желѣзные грабли, мотыки, желѣзные бапшаки и тому подобныя орудія, предназначенныя для движенія и пересыпки песку со всѣхъ сторонъ, что при помощи вала устроивается само собою. Немного выше восьми бревешекъ находятся корыта и

деревянные каналы, на которые обильно стекаетъ вода изъ резервуаровъ и кропитъ дождемъ песокъ, наскладенный на рѣшето. Камни, сдѣлавшія въ рѣшетѣ одинъ оборотъ, достаточно облегчаются, чтобы упасть въ отверстіе, изъ котораго отвозить ихъ въ особыя кучи; часто же болѣе мелкія и легкія вышнымають сквозь рѣшето на первый этажъ, на которомъ имѣется гладкая покатошь. Ровная покатошь состоитъ въ этой машинѣ изъ двухъ частей: первая сильнѣе наклонена, другая же менѣе поката и имѣетъ нѣсколько сажень длины. На ровной покатоши сдѣлано три порога или уступа; вода, унося песокъ, осаждаетъ его въ углубленіе, находящееся подъ порогомъ. Надъ каждымъ порогомъ вращается двусторонній валикъ съ желѣзными шипами, прибитыми въ равныхъ разстояніяхъ. Песокъ съ мельчайшими каменьями и вода спадаютъ на покатошь, выливаются въ углубленіе, изъ котораго, подталкиваемыя шипами, легчайшія части уносятся съ собою вода, а золото и желѣзо осѣдаютъ на дно; въ потомъ еще повороченныя шипами, выливаются черезъ другой порогъ до другого углубленія, дальше до третьяго, изъ котораго, какъ и изъ двухъ прежнихъ, отвозить ихъ на большой вапгертъ. Золото въ этомъ періодѣ промывки еще смѣшано съ желѣзомъ и оловянными рудами, въ которыхъ пропорція золота бываетъ какъ 1:2.000 или 1:3.000. На вапгертѣ также три порога. Здѣсь золото освобождается отъ обыкновенныхъ частицъ мотыками и водою, а потомъ отвозится на маленькій вапгертъ, въ которомъ руками и щетками отдѣляются въ водѣ обыкновенныя частицы. Такимъ образомъ добытое золото все еще соединено съ нѣкоторымъ шихомъ магнитнаго желѣза, которое отдѣляется просушкою золота на сковородахъ и остатки магнитнаго желѣзняка выдѣляются съ помощью магнита. У промывки въ вапгертахъ отомъ караульный казакъ и унтеръ-шихмейстеръ изъ горныхъ, наблюдающіе всѣхъ и самихъ себя, чтобы никто не украсть золота. Однако, нѣются такіе способы кражи, отъ которыхъ никто уберечь золота не можетъ. Работы на приискахъ начинаются въ маѣ и продолжаются все дѣло до октября. Нерчинское золото имѣетъ весьма высокую пробу, карійское—самое чистое: въ немъ только 5 частей выпадаетъ на серебро и мѣдь, находящаяся въ золотѣ. На этотъ-то металлъ и устремлены были работы горныхъ и ссыльныхъ въ то время, когда 25-ти-конечная цѣнность золотника серебра подвиглась до 50 коп., а алтайское серебряное дѣло превзошло нерчинское своими доходами.

Разгильдѣевъ сначала поднялъ высоко добычу золота: въ 1858 году добыто имъ на Карійскихъ приискахъ 6.857 фун., 11 золотн. и 2 доли (почти 172 пуда)—и это время составляетъ эпоху въ золотомъ промыслѣ Россіи,

но за то въ 1856 г. добыто было на всѣхъ нерчинскихъ приискахъ 2.400 фун., т. е. 60 пудовъ, въ 1857 г. 2.245 фун. Съ тѣхъ поръ продолжалось ежегодное уменьшеніе золотой добычи; первая и такая богатая была форсирована тѣмъ, что все наличное количество каторжныхъ, сосланныхъ въ эти года изъ Россіи, находившееся до того въ тюрьмахъ забайкальскихъ, привлечено было къ этому дѣлу и собрано на четырехъ промыслахъ карійскихъ: Верхнемъ, Среднемъ, Нижнемъ и Лушжанкинскомъ. Въ 1850 году отъ громаднаго скопленія каторжныхъ рабочихъ началась на Карѣ сильная тифозная горячка. Каторжные, запертые въ тѣсныхъ и сырыхъ тюрьмахъ, работавшіе въ болотистыхъ и сырыхъ мѣстахъ, валялись, какъ муля, иногда подлѣ самыхъ тачекъ. Погибло ихъ больше тысячи человекъ въ одинъ годъ и длинное зданіе лазарета на берегу Шилки остается нѣмыми свидѣтелями этой неблагоприятной добычи знаменитыхъ ста пудовъ золота. Въ наши дни настала надобность въ прекращеніи работъ и уменьшеніе золота ставитъ горное начальство въ обязательство снова возвратиться къ серебру. Всѣ четыре селенія, пристроившіяся къ золотымъ промысламъ на Карѣ, и между ними Нижнекарійское, выстроенное почти по щучьему веденію Разгильдѣевымъ, будутъ заставаться, разрушаться и гнить по примѣру всѣхъ другихъ горныхъ селеній за Байкаломъ, среди огромныхъ даурскихъ богатствъ, сила которыхъ въ достаточной степени не признана и еще далеко вся не изслѣдована. Во многихъ мѣстахъ находятъ жѣзныя руды; нѣются оловянные, добытыя и сложенные въ складахъ въ видѣ кирпичей либо прутьевъ, разъ успѣли уже вывѣтриться и превратиться въ порошокъ, пока строили оловянный заводъ на Ононѣ. Въ щеляхъ горъ находятъ испортившіяся купоросы; галмеей попадается обыкновенно въ оловянныхъ рудникахъ (пробовали нѣсколько разъ вытапливать изъ него цинкъ, но нигдѣ не выработано въ достаточномъ количествѣ); построенъ былъ рудникъ даже руды ртутной, но давно уже запущенъ, хотя и надобится ртуть для амальгамации золота. Желѣзныя руды за Байкаломъ—самыя обыкновенныя; онѣ образуютъ цѣлыя горы, но желѣзный заводъ одинъ, съ трудомъ

удовлетворяющій даже мѣстнымъ потребностямъ. Обры родится въ нерчинскихъ горахъ очень много; копаютъ ее при Зерентуйскомъ оловянномъ рудникѣ; графита цѣлыя горы, на Байкалѣ нефть, надъ Аргуною и Чикоемъ значительныя залежи каменнаго угля и проч. Выработка серебра въ горныхъ дистанціяхъ Зерентуйской и Алгачинской (Нерч. округа) обеспечивается крупными надеждами и вѣрными расчетами по современнымъ даннымъ; по расчетамъ людей компетентныхъ, она представляется болѣе, чѣмъ вѣроятною и въ другихъ, въ особенности въ Кадинской дистанціи. До сихъ поръ увлекали руды изъ мѣстъ, прилегающихъ къ поверхности земли, и не ходили на глубину, которая иногда обнаруживаетъ здѣсь мѣсторожденія болѣе, чѣмъ въ 60-ти саженьяхъ отъ поверхности. Разработка нерчинскаго серебрянаго промысла, во всякомъ случаѣ, далеко не оскудѣла, но лишь испорчена неправильною системою, которая искала скорой добычи и не умѣла вполне оцѣнить этихъ отечественныхъ сокровищъ.

Другую картину представляетъ Кара, выработанная и малоблагонадежная. Она уже и теперь обязываетъ излившія незащиты руки употреблять на другія дѣла, уже и теперь горное начальство каторжныхъ, оставшихся не у дѣла на Карѣ, отправляло въ качествѣ вольнонаемныхъ рабочихъ на другіе золотые промысла (напр., на Урюжскіе) и позволяло другимъ пропитываться въ Нерчинскомъ округѣ своимъ собственнымъ умѣньемъ и по ихъ личному усмотрѣнію. При этомъ золотопромышленныя работы таковы, что, растягиваясь на большія пространства, онѣ идутъ все вглубь золотосносныхъ мѣстностей и ни въ какомъ случаѣ не могутъ обеспечивать постоянной группировки ссыльно-каторжныхъ на долгое время въ одномъ мѣстѣ. Тюрьма должна кочевать и, по способу бурятской кибитки или тунгусской юрты, должна совершенно измѣнить свой настоящій видъ и всякѣмъ противорѣчить своему назначенію, чтобы приладиться къ золотому промыслу, особенно же въ виду тѣхъ современныхъ требованій, которыя стали обязательны для всякой тюрьмы, какъ исправительнаго заведенія, а тѣмъ болѣе каторжной тюрьмы.

IV.

СИБИРСКІЕ ЗАВОДЫ.

Желѣзо.—Петровскій заводъ.—Соль.—Селенгинскій заводъ.—Усть-Кутскій заводъ.—Добыча соли.—Каторжныя работы.—Троицкій солеваренный заводъ.—Иркутское-Усолъе.—Способы выварки соли.—Молотобойная фабрика.—Винокуреніе.—Еврей.—Ссылные.—Винокуренные заводы: Александровскій, Никлаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Еятарскій, Успенскій, Каменскій.—Уничтоженіе этого вида каторги.

1) Желѣзные руды одного изъ остроговъ Яблоноваго хребта, залежныя на мысу, омываемомъ небольшими рѣчками Валягою и Солдаткою, соблазнили купца Вутыгина. Онъ устроилъ заводъ нѣсколько выше впаденія рѣчки Мукурта въ Валягу, въ 22 верстахъ отъ мѣста добычи рудъ, получившаго впоследствии названіе Валягинскаго рудника. Въ 1790 году, 29 ноября въ 4-мъ часу по полудни, нача лась на заводѣ, прованномъ впоследствии Петровскимъ, первая плавка желѣзныхъ рудъ въ доменномъ горнѣ, причемъ сдѣланъ выпускъ на штыковой чугуунъ и частью отливка нѣкоторыхъ вещей въ песокъ и олоки; въ 1791 году штыковой чугуунъ поступалъ въ передѣлку подъ кричные молота на желѣзо. Въ этомъ году заводъ поступилъ въ казену. Съ тѣхъ поръ всѣ его чугуныя издѣлія и желѣзо разныхъ сортовъ поступало преимущественно на снабженіе заводовъ и рудниковъ верчинскихъ, какъ равно на потребности собственнаго этого завода и для вольной продажи по установленнымъ цѣнамъ. Заводъ дѣйствуетъ водою р. Мукурта; прудъ разливается вверхъ по рѣчкѣ на 400 сажень, ширя въ ширину до 50-ти. Заводъ пользуется землями, отведеннымъ изъ принадлежащихъ 11-ти родамъ харинскихъ бурятъ; гѣсъ заводскій тянется на 7 верстѣ. Мѣстоположеніе возвышенное, гористое, мѣстами съ обнаженными утесами и россыпями; въ вершинахъ падей находится довольно болотистыхъ мѣстъ. Горы, окружающія самый рудникъ, состоятъ изъ гранита, а при основаніи изъ порфира. Мѣсторожденіе на 250 сажень отъ юга къ сѣверу, толщиной отъ 5 до 8 сажень; содержатся наиболѣе разныя виды бурога желѣзнаго камня, магнитный желѣзнякъ и затвердѣлыя и рылки охры. Первоначальный развозъ засыпало щепишъ, главный развозъ дѣйствуетъ до сихъ поръ, давая заводу работу и занимая руки сосланныхъ на каторгу. Для нихъ, какъ и при всякомъ рудникѣ, при Петровскомъ заводѣ существовала тюрьма, которая переведена потомъ въ тюремный казематъ, покинутый декабристами. Петровское желѣзо настолько не удовлетворяло мѣстнымъ требованіямъ, что желѣзо привозили сюда съ Урала, а издѣлія каторжныхъ рукъ до того плохи и рылки, что доставляемые на Амуръ топоры разсыпались по слоямъ на первыхъ ударахъ; сошкины же

и другія желѣзные издѣлія нигуда не годились. Петровскій заводъ за послѣднее время обратился въ общее помѣщище. И въ этомъ случаѣ изъ казенныхъ рукъ вывалилось дѣло, не смотря на нѣкоторое усердіе и временами хлопотливость: въ 1806 году выбраны были 10 человекъ молодыхъ служителей и посланы въ Петербургъ для изученія разныхъ мастерствъ; однако, ни одно изъ нихъ въ заводѣ не привилось. Заводъ изготовлялъ и желѣзо для Охотскаго порта и сошкины для бурята и тунгусскихъ казаковъ, когда пытались (неудачно) приучить ихъ къ земледѣльческимъ работамъ. Для работъ присылали ссылныхъ съ 1818 года, всякій разъ по сто, партиями по 25 человекъ, приходившими прямо изъ Иркутска, по вызовамъ и назначеніямъ заводскаго начальства. Въ 1833 году число ссылныхъ простиралось до 550 человекъ, не считая бѣжавшихъ, количество которыхъ было также велико: изъ Петровскаго завода, больше чѣмъ изъ всѣхъ другихъ каторжныхъ мѣстъ, чинились побѣги. Учинившіе побѣгъ приковывались къ тачкамъ. Таковыхъ въ 1831 году было въ заводѣ свыше ста человекъ; въ 1848 г. содержалось 18 человекъ прикованными на стѣны цѣли; для помки бѣглыхъ при заводѣ организована была особая команда изъ вольнонаемныхъ охочихъ людей служительскаго званія. Тяжелъ каторги для каторжныхъ и заводскихъ крестьянъ лежала и здѣсь въ одинаковой степени суровости и умѣла перейти съ отцовъ на дѣтей, но здѣсь съ тѣмъ различіемъ, что съ 1823 года тринадцатилѣтнихъ мальчиковъ опредѣляли на службу въ рудобойщики. За то въ 1828 году въ Петровскомъ заводѣ произошелъ между рабочими такой бунтъ, о которомъ сохранилось преданіе въ околномъ народѣ. Обветшалость острожныхъ адалій, въ особенности же зависящая отъ того сырьѣ внутри ихъ, служила причиною постоянного скорбута, какъ бы привилегированной болѣзни Петровскаго желѣзнаго завода. Зданіе безъ ремонта дошло до такой степени дряхлости, что заводскій гѣхаръ потерялъ голову, между прочимъ, совѣтуя осушить болотистый грунтъ цѣлаго селенія. Въ 1829 году приведено было 100 человекъ ссылныхъ изъ Иркутска, для постройки полуказармы, предназначенной для государственныхъ преступниковъ (декабристовъ); въ

1829 году пригнали для той же цели еще двести человекъ. Лѣтомъ 1830 года была приготовлена казарма холодная и темная, но притомъ такая, что черезъ годъ потребовалась въ ней перекладка печей, а вкорѣ и самыя капитальныя переделки. Казематъ разбѣлся въ разныя стороны и на углахъ грозилъ полнымъ разрушеніемъ. Подземельныя работы и на этотъ разъ успѣли выразить свой характеръ. Въ Перчинскомъ краю и горномъ округѣ Петровскій заводъ былъ единственнымъ желѣзнымъ, какъ Селенгинскій былъ единственнымъ солевареннымъ: оба съ каторжными работами, оба для ссылки въ Сибирь имѣли значеніе мѣстъ первой категоріи наравнѣ съ рудниками, промыслами и серебряными заводами. Въ настоящее время Петровскій заводъ, при ограниченности своего производства, пересталъ нуждаться въ ссыльно-каторжныхъ, специально предназначенныхъ для работъ на заводѣ.

2) Селенгинскій солеваренный заводъ находился между двумя забайкальскими городами: въ 40 верстахъ отъ Селенгинска и въ 96 отъ Верхнеудинска. О началѣ его, какъ и многихъ сибирскихъ заводовъ, свѣдѣній не имѣется: всѣ они либо растрочены либо погибли при архивныхъ пожарахъ. Извѣстно только, что этотъ заводъ въ 1719 году отданъ изъ казеннаго въ частное содержаніе селенгинскому служилому человеку Вас. Брянскому, отъ котораго переходить къ разнымъ людям; въ 1789 г. былъ въ рукахъ верхнеудинскаго купца Палочкова, работалъ на него 15 лѣтъ, но годъ отъ году слабѣлъ силами и, наконецъ, прекратилъ работы и снова принять въ казну въ 1803 году (за 7.762 р. 52½ к.). Палочковъ принялъ двѣ варницы, сдалъ въ казну 5, изъ которыхъ одна въ казнѣ сгорѣла (въ 1816 г.). Четыре остальные продолжали варку соли по 1825 годъ. До 1831 г. заводъ находился въ бездѣйствіи; на короткое время его снова пускали въ работу (начальникъ Дейхманъ), но казна не помогла и работы были оставлены до 1835 г. Купецъ Злобинъ началъ на немъ новое дѣло и кое-какъ повелъ его до 1839 г. Съ тѣхъ поръ заводъ окончательно смолкъ. Три раза свидѣтельствовали, замѣчали безпорядки, но ни къ чему положительному не пришли: рассолы ослабѣли отъ истощенія въ работахъ. Вызванъ онъ былъ въ этомъ мѣстѣ горько-солевымъ озеромъ, имѣющимъ отъ в. къ з. до 500 и ширины до 300 сажень. Сначала, по преданіямъ, оно было самосадочное и ломкою соли занимались поселившиеся по близости, послѣ войны съ бурятами, казаки. Когда селенія размножились, а садка соли прекратилась, соль вываривали казаки изъ рассола, находившагося на поверхности озера; варили въ чугунныхъ котлахъ, которые ставили на камни, сложенные въ ви-

дѣ очаговъ. Озеро лежитъ за горами въ степи, на которой изрѣдка растутъ кустарники. Низменности этого пространства покрыты пылью вывѣтрившейся горькой соли. Съ сѣверной стороны въ это озеро вливается много прѣсныхъ ключей, которые, растворяя глауберову соль (представляющую на озерѣ кору), до такой степени этимъ горько-солевымъ растворомъ понижаютъ въ процентномъ содержаніи растворъ поваренной соли, что выварка послѣдней въ лѣтнее время становится невозможною. Съ наступленіемъ холоднаго времени горькая соль извергается, вода застываетъ, а рассолъ поваренной соли обогащается, оставаясь въ видѣ проталинъ въ жидкомъ состояніи, оттого и выварка соли начиналась въ ноябрѣ и продолжалась до апрѣля. На одномъ изъ такихъ мѣстъ въ 1762 году предположали, что ключи поваренной соли пробиваются изъ почвы озера и дѣлали опыты добычи, но неудачно. Остальная масса не нужная горько-соленая кора бываетъ толщиной до 3 аршинъ и двухъ видовъ: либо въ видѣ замороженнаго кваса и наз. гужиромъ, либо въ видѣ стеклеца, т. е. когда этотъ гужиръ, при вліяніи теплоты, сольется въ плотную, прозрачную, стеклистую массу; гужиръ въ теплѣ сырѣетъ и расщипывается, стеклецъ отъ ужфренной теплоты и вліянія свѣта превращается въ порошокъ. Съ поступленія завода въ казну въ работы стали употреблять ссыльно-каторжныхъ. До 1818 г. ихъ бывало отъ 120 до 147 человекъ (6 солеваровъ, 10 подварковъ, 20 льяльщиковъ, 8 кузнецовъ, 8 молотобойщиковъ, 3 конюха, 17 плотниковъ и при разныхъ другихъ должностяхъ чернорабочихъ 75 человекъ). Въ 1822 г. число ссыльно-рабочихъ было увеличено до 317 человекъ. Горное начальство уменьшило комплектъ до 180, такъ что, въ 1829 г. оставалось людей за бѣгами и раскормандировками только 10 человекъ для присмотра и охраненія казеннаго имущества. Въ 1835 г., съ увеличеніемъ работъ, число команды возросло до 96. Сыновья ссыльных рабочихъ приписывались до 1834 г. въ число заводской команды, а по достиженіи совершеннолѣтія составляли классъ людей, самыхъ способныхъ при техническихъ работахъ. Въ 1834 г. по 8 ревизіи, всѣхъ ихъ велѣно было причислить въ крестьяне ближайшихъ волостей. Горное вѣдомство, получивъ въ свое вѣденіе (въ 1822 г.) Селенгинскій заводъ, старалось приохотить ссыльныхъ къ мѣсту, но дѣла не подвигались и заводское селеніе не распространялось. Какъ только кончилась ссыльнымъ срокъ работъ и они получили право выхода на собственное пропитаніе или выписывались за неспособностью, всѣ спѣшили перепродать свои дома другимъ рабочимъ и перейти на житье въ тѣ волости, къ которымъ были при-

писаны. Въ свою очередь, новые собственники поступали точно также. Отъ этого каждый, зная шаткія основы завода, о своей жизни здѣсь не радѣлъ: не расширялъ усадьбы, не расчищалъ удобныхъ земель для покосовъ и пашень, которые, сверхъ того, требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для внешней и лѣтней поливки. Того же самого требуютъ и сѣнокосы, если только онѣ не на лугахъ, заливаемыхъ водою. Какъ только казна остановила свои работы, селеніе превратилось въ пустырь и вся окрестность, богатая озерами, осталась снова во владѣніи кочующихъ бурятъ, у которыхъ на этомъ мѣстѣ (на Гусиномъ озерѣ) стоитъ итѣ главный дацанъ (храмъ) и живеть глава итѣ духовенства—хамба-лама. Не удержали населенія и рыбныя ловли въ озерахъ Гусиномъ и Шучьемъ, о которыхъ такъ хлопотало горное начальство, а пребываніе послѣдняго въ этихъ мѣстахъ ознаменовалось лишь тѣмъ, что въ 1839 г. на восточномъ берегу Гусиного озера найдены были обнаженный пластъ каменнаго угля, столь не цѣнимаго въ богатой лѣсами Сибири.

На Селенгинскомъ заводѣ кончатся каторжныя мѣста за Байкаломъ. Солеваренные заводы и при нихъ каторжныя работы приводятъ насъ на сю сторону Байкала и, въ подчиненіи работъ нашихъ хронологическому порядку, въ крайнюю даль Восточной Сибири.

3) Въ 665-ти верстахъ отъ Иркутска, въ 264 отъ Киренска, въ Якутской области, на правомъ берегу устья рѣки Куты (впадающей въ Лену), вивъ по ея теченію, расположенъ былъ, у небольшого озера, Усть-Кутскій солеваренный заводъ. На срединахъ озера находятся соляные ключи, надъ которыми устроены были колодцы. Источники эти нѣкогда составляли собственность будущаго завоевателя Амура, солъвычегодскаго промышленника Ерофея Хабарова и воеводою Поярковымъ отобранны были въ 1641 году въ казну. Хабаровъ выѣхалъ изъ завода и поселился въ шести верстахъ отъ г. Киренска, гдѣ до сихъ поръ сохраняется деревушка, носящая имя Хабарова. Съ этого пещелица своего онъ снялся на р. Амуръ для новыхъ промышленныхъ предприятий, успѣвъ избить якутскихъ крестьянъ, присланныхъ въ Киренскъ на его займу для поселенія. Завладѣвъ чужою женою, Хабаровъ, вынужденный неудачами на Ленѣ, сдѣлался героемъ на Амурѣ, но могилу нашелъ себѣ въ Илимскѣ (при устьѣ р. Илима, впадающаго въ Лену). До 1751 г. заводъ его находился въ вѣденіи казны, но въ этомъ году отданъ иркутскому купцу Ворошилову, который и содержалъ до 1780 года, когда заводъ перешелъ къ его наследникамъ. Въ 1800 г. заводъ, по духовному завѣщанію, перешелъ къ дочери Ворошилова, вдов. совѣт. Вейтоновой, которая впо-

слѣдствіи оказалась несостоятельною и не исправною (не смотря на то, что казна, по указу 7 декабря 1801 года, къ 20 сошнымъ прибавила ей еще десять). Варницы снова были отобранны въ казну и въ 1808 г. отданы киренскому купцу Сычеву. Въ 1823 г. онѣ находились во владѣніи внука Сычева; въ 1829 г. Малѣева, въ 1836 г. жены его. Соляные источники Усть-Кутскаго завода—самые богатые въ Иркутской губ. и варка соли, при изобиліи рассола (по солемѣру 18¹/₂ лотъ), можетъ производиться во всякое время года, но варили соль только весной и лѣтомъ, т. е. когда рассолъ становился крупче. Варили въ двухъ варницах: спасскомъ и знаменскомъ и до 1838 г. получали ежегодно до 25 т. пуд. Для производства работъ было положено имѣть 35 человекъ и для каторжныхъ работъ: у рубки дровъ и при заготовленіи лѣса. Соль сплавлялись по Ленѣ черезъ подрядчиковъ отъ казны на баргахъ и гужомъ въ стойки Киренскаго округа. По нахожденіи завода въ малонаселенной странѣ, онъ приносилъ казѣ ничтожныя выгоды, потому она рѣшилась и съ нимъ покончить дѣло и уничтожить. Селенія и здѣсь не выросли и не укрѣпились. Въ заводѣ, даже и во время работъ, не было церкви, а стояла часовня, выстроенная въ 1822 г.; требы исполняли священники Усть-Кутскаго селенія, отстоящаго отъ завода въ 4 верстахъ.

4) На берегу рѣки Усолки (Енис. губ. Канскаго округа), въ разстояніи 193 верстъ отъ г. Канска, существовалъ четвертый заводъ Восточной Сибири, наз. Троицкимъ. Первые соляные ключи открыты были тунгусами, объявившими (въ началѣ 17 столѣтія) о томъ единственному въ то время и въ тамошнемъ краю торговымъ людямъ—мѣщанамъ г. Енисейска Хромовымъ. Хромовы разработали нѣмнѣшій средней колодезь (въ немъ рассолъ 6), варили соль въ котлахъ, а потомъ устроили и варницу, полагаю начало завара съ Покрова и продолжалъ варку до времени весенняго разлива Усолки. Предприниматели эти, часто имѣя нужду въ деньгахъ, занимали ихъ у жившихъ здѣсь монаховъ енисейскаго Спасскаго и турганскаго Троицкаго монастырей. Впослѣдствіи, будучи не въ состояніи уплатить долговъ, Хромовы передали все заведеніе въ монастырщину. У монаховъ солевареніе улучшилось: выходъ соли часто доходилъ до 80-ти пудовъ. Въ 1764 г. заводъ принятъ въ казенное вѣдѣнство. Казна выстроила три новыя варницы (въ 1778, 1780 и 1800 гг. *) и устроила три новыхъ колодца (одинъ содержаніемъ въ 15°, другой до 24°). Выварка соли поднялась до 88

*) Варница этого года устроена по вызову того обстоятельства, что въ этомъ году прекратилась садка соли на Минусинскомъ самосадочномъ озерѣ.

чудовъ, когда въ 1827 г. заводъ взяло въ свои руки горное вѣдомство и выварка соли увеличилась до 126 пудовъ. Хозяйство расширилось: „чтобы избѣжать покупки желѣза дорогими цѣнами и отъ вольныхъ людей“, казна распорядилась построить желѣзныи заводъ. Руды добывались въ окрестностяхъ при рѣчкѣ Коштыловкѣ и шавилось въ печаль, получалось кричное желѣзо, которое превращали въ сортовое тутъ же *). При этихъ условіяхъ казна успѣла въ 10 лѣтъ выстроить тутъ новое селеніе (въ эти десять лѣтъ прибыло 63 дома). Работы производились арестантами, присматривавшимися гражданскими начальствами во временную работу въ ожиданіи собиранія справокъ (отъ 50—100 чело-); присматривались и ссыльно-каторжные. Въ 1838 г. ихъ было 313 человекъ, имѣвшихъ 120 домовъ собственныхъ (другіе развѣшены были въ нарочно для нихъ устроенныхъ казармахъ). Ссылные употреблялись для выварки соли на работы уже истинно каторжные, по старинному способу веденія ихъ. Перевозка дровъ, ночника и постройки чреновъ и приготовленіе инструментовъ производились людьми вольнонаемными.

5) Одновременно съ Усть-Кутскими открыты были соленые источники на берегу р. Ангары, въ 68 верстахъ отъ Иркутска, на мѣстѣ, гдѣ теперь существуетъ Иркутскій солеваренный заводъ или по просту Иркутское-Усоліе. Все техническое устройство находится на островѣ р. Ангары, наз. Варничнымъ (прежде Вознесенскимъ). До 1765 г. соляной промыселъ состоялъ въ вѣденіи иркутскаго Вознесенскаго монастыря, съ приписанными крестьянами отъ деревень выѣзженной Водайской волости. Въ 1765 г. Усоліе поступило въ казенное управленіе и съ того времени стали присылать сюда для работъ ссыльно-каторжныхъ. Казна въ 1772 г. имѣла уже здѣсь 4 варницы и вываривала на нихъ соли до 55 т. пудовъ. Съ 1782—85 г. заводъ содержался на арендѣ тобольскимъ купцомъ Дьяконовымъ, по смерти котораго опять поступилъ въ казну. Разсолные источники находятся преимущественно на островѣ Варничномъ и частью на лѣвомъ берегу Ангары, близъ селенія. Прежде разсолъ былъ гуще (въ 7¹/₂ и 9¹/₂ °), но бывшія землетрясенія понизили ихъ содержаніе (въ 1833 г. отъ 1 до 1¹/₂ °, а въ 1839 и еще почти на 1¹/₄ °), отчего соль 1838 и 40 гг. вываривалась уже изъ разсолъ въ 5¹/₄ и въ 6³/₄ ° (въ 1841 разсолы обогатились на половину этого пониженія **).

*) У деревни Яковлевой открыты были мѣдныя руды и, кромѣ того, существуютъ вблизи завода желѣзистыя минеральныя воды, а въ 6 верстахъ отъ него углекислыя.

**) Состояніе разсолъвъ намѣняется: въ сухое лѣто они богаче, но притокъ ихъ недостаточенъ на продовольствіе дѣйствующихъ чреновъ. Омуч-

Выходы соляныхъ рудяниковъ не глубоко залегаютъ отъ поверхности земли, отчего и самые колодцы, скользящіе разсолъ, не глубоки. Изъ этихъ колодцевъ разсолъ поднимается бадьями въ зунфы посредствомъ насосовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе конною силою. Изъ зунфовъ пускается разсолъ по жолобамъ въ лари, устроенные въ самыхъ варницахъ, а изъ ларей напускается уже, по мѣрѣ надобности, въ чрены. Въ ларяхъ разсолъ, по наполненіи, часовъ до 12 отсаживается иль (разсолъ протекаетъ мутнымъ) и изъ нихъ пускается по жолобамъ въ въ чрены, устроенные въ серединѣ варницъ и слитые изъ листовъ полнчаго желѣза. Чрены повѣшены на крючьяхъ: подчрепныя печи складены изъ кирпича, устье ихъ или чело печи имѣетъ вышины около 1¹/₂ ар. и ширины 2 ар. и снабжено желѣзною дверью, которая служитъ также для управленія огнемъ. На сторонѣ, противоположной устью, у задней стѣны, выкладывается невысокая труба, называемая сопуха, имѣющая заслонку также для управленія огнемъ или подчрепнымъ жаромъ. Кромѣ того, въ варницѣ настилаются палаты съ ящиками для складки и просушки соли, набрасываемой изъ чреновъ. Въ чрены до напуска разсолъ напускается бурдукъ (смѣсь муки съ разсолкомъ), который запаиваетъ и замазываетъ тѣ мѣста, гдѣ капель или течь. Это собственно и называется напускомъ; затѣмъ слѣдуетъ наводка, т. е. сгущеніе разсолъ. Во вторые сутки повышается напускъ разсолъ и въ первые сутки соли почти никогда не получается, во вторые—весьма немного и то мелкой и гравной, смѣшанной съ пригорѣлою мукою, сажомъ, иломъ и пескомъ. Эта соль поступаетъ въ переваръ. Три или четыре соли по заварѣ биваютъ та-

тительно же понижаются они въ своей густотѣ во время разливовъ р. Ангары отъ чрезвычайно-быстраго притока нагорныхъ водъ рѣкъ: Иркуты, Ушаковки, Тойсона и Ентою, что бываетъ по большей части, въ июлѣ и началѣ іюля и во время рѣкостава Ангары въ декабрѣ и январѣ. При этихъ случаяхъ нерѣдко затопляется весь Варничный островъ и прѣсная вода, стекая съ поверхности въ колодцы, разводитъ разсолъ, дѣлаетъ его негоднымъ къ солеваренію. Изубоженннй притоконъ водъ разсолъ не пускается въ дѣло до того времени, пока вода Ангары не пойдетъ на убыль. Воду отпаваютъ, даютъ время концентрироваться въ колодцахъ разсолу, и—солевареніе вновь начинаютъ. Особино было сильно наводненіе въ 1772 году: вода стояла до половинны дверей разсолныхъ колодцевъ и варницъ, заливалась даже въ чрены, снесла съ острова бени, востъ черезъ протокъ Усолку, свозила въ жолобы, затопила соляные магазины и унесла болѣе тысячи сажень дровъ. При з водѣ свои лѣвныя дачи. Для дровъ иедночитаютъ круглыя, наз. ельн. дач. болѣе уд. б. нны для того, чтобы легче подкатывать ихъ подъ економоды. Въ 1823 году варницъ было 9, въ 1836 уже 1. Шестидесятъ пуд. соли получаютъ цѣлю иубическою самимъ дровъ.

жалы на вѣсъ, не чисты и, лежа въ магазинѣ, даютъ весьма значительную утечку *). Каждая варя продолжается около сутокъ, а изъ 20 и болѣе варей составляется отраска, въ теченіи которой на полотнѣ чрена, въ видѣ твердаго камня, накипаютъ столько поваренной соли, что, въ предупредженіе притара, этотъ камень (ширей) отбиваютъ. Работа такая (наз. околотка) производится молотами (наз. клеважъ). Затѣмъ производится для 2—3 починка; чрены дѣйствуютъ отъ 20 до 22 сутокъ; общая поправка производится черезъ 2—2½ мѣсяца; въ октябрѣ солевареніе прекращается, въ концѣ февраля или въ началѣ марта начинается. Работа въ варницахъ въ сильномъ жару, заставляющемъ снимать рубахи до гола съ расчетомъ на простуду и на растрыву ранъ и даже мелкихъ порѣзовъ въ соляномъ пару—по истинѣ каторжная. Многія варницы, каковыя всегда строятся осмугольными, отъ неправильнаго устройства пролетовъ напояли такой дымъ, что рабочіе, дѣла въ направленіи огня, и позвать не могли по землѣ. Чтобы они не задыхались въ вѣтряное время, сдѣланы плотно закопаченныя будки, куда люди входили со двора и сквозь окошца смотрѣли за огнемъ, будучи избавлены отъ безвременнаго страданія и боли глазъ, но все-таки не избавились отъ близости простуды и вѣроятія отравы соляными парами до потери аппетита. Въ этихъ сѣняхъ, прикрываемыхъ съ наружнаго входа, складываются дрова; въ лѣтнее время здѣсь рабочіе имѣютъ убѣжище отъ нестерпимаго жара варницъ; сѣни служатъ препоною для сильнаго притока воздуха со двора въ варницы, гдѣ огнь, въ соединеніи съ дымомъ и паромъ, особенно при напускахъ рассола въ холодное время, производитъ почти непроницаемую темноту и отвращаетъ сильное горѣніе въ подчренныя печатъ. Кѣмъ-то и когда-то при иркутскомъ заводѣ устроено было въ незначительномъ видѣ желѣзное производство ручными молотами на обыкновенно кузнецкихъ горнахъ. Въ 1795 г. построена была кузница съ пятью горнами, а въ 1801 г. устроена была на р. Тельминкѣ молоточная фабрика. На ней изъ разнаго лому выковывались гвозди и подгвоздки (желѣзные кружки съ дрирою) для чреновъ. Впослѣдствіи искали рудныхъ мѣсторожденій и нашли ихъ, но не благонадежныя—гѣбздовыя, и замыслы оставлены. Въ 1835 году, по близости найденъ новый пластъ и плавка производилась въ сыродувныхъ печатъ, но за не-

достаткомъ воды работы прекратились, но увѣнчались тѣмъ результатомъ, что во флейдовой горѣ (наз. Вадудской) подъ песчанникомъ нашли пластъ каменнаго угля до 1½ саж. толщиной. Заводъ довольствуется теперь жалгомъ алтайскимъ и Петровскаго завода *). Съ приключеніемъ въ Восточной Сибири новой соляной системы, солеварнымъ заводамъ выпадаетъ неизбежная участь быть упраздненными или перейти въ частныя руки, если только таковыя увѣренно рассчитаютъ на выгоду работки и, во всякомъ случаѣ, предпочтутъ вольнонайменный трудъ. Примѣръ частнаго владѣльца Николаевскаго завода, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи до послѣдняго времени небольшое число каторжныхъ, въ этомъ отношеніи единиченъ и исключителенъ.

Солеваренные заводы, такимъ образомъ, можно полагать каторгою первой степени. Гораздо легче ихъ была каторга на винокуренныхъ заводахъ, до измѣненія въ послѣднее время системы акцизныхъ сборовъ на вино, когда всѣ казенныя винокуренныя заводы были уничтожены, т. е. либо проданы на дѣло и на сломъ, либо сданы въ арендное содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ частная предприимчивость въ существованіи ихъ признала законное и безоспечное право.

Винокуреніе въ началѣ производилось винокурами, избираемыми изъ ссыльныхъ, которые знакомы были съ этимъ дѣломъ въ Россіи или пріучались уже въ заводѣ (нигъ давали по 250 р. асс. въ годъ и, сверхъ того, въ видѣ награды, по 8 коп. съ каждаго ведра выкуреннаго вина). Производство шло, по старинному, весьма дурно: въ деревянныхъ бражныхъ кубахъ, устроенныхъ по обыкновенію каштаконъ; при жестокихъ морозахъ терлась спиртуозность, вылетающая въ спан досокъ. При морозахъ (въ дек. и янв.) выходы вина уменьшались: морозы мѣшали быстрой работѣ, мѣшала дѣлу и посуда, не успѣвшая обдержаться. Винокуры часто мѣнялись за злоупотребленія, которыя происходили частью по ихъ неопытности, частью злонамеренно. Изъ четверти хлѣба не выкуривалось больше 6 ведеръ; явившися изъ Россіи евреи успѣли выучить добывать 7 ведеръ, впослѣдствіи дошли до 7½ и до 7½. Выкурка вина не превышала 100 тыс. ведеръ въ благоприятное время и упала даже до 6 тыс. въ неудачное. Отъ того, что бочки приготавливались изъ листовячяго лѣса, усышка и утечка возрастали до 7½ ведра на сто. Голодные и годе рабочие, для поддержки своего утлаго существованія, принуждены были измышлять различныя хитрости, чтобы уворовать вино, бѣжать съ нимъ изъ завода и на-

*) Чистая, хорошо высушенная поваренная соль влаги не притягиваетъ. Если въ соли содержится хлористый кальцій или магній, имѣющее сильное средство съ водою, соль растворяется въ притягиваемой изъ воздуха влагѣ и тогда утечка; если въ соли сѣрно или углекислый натръ или сѣрнокислая магнезія, то соль вывѣтривается, т. е. происходитъ усышка.

*) Былъ еще солеваренный заводъ въ Охотскѣ, дѣйствовавшій очень долгое время и уничтоженный въ 1839 году.

чать корчемничать гдѣ либо по сосѣдству. Воровали спиртъ и подугарь, просверливая дыры въ трубахъ, по которымъ идетъ вино. Бывали времена, что, по причинѣ скуднаго урожая хлѣба, придумывали для рабочихъ хлѣбъ изъ барды; бывали времена, что и самый хлѣбъ, при плохомъ хозяйствѣ, для Восточной Сибири принуждены были закупать въ Западной *).

На винокуренные заводы вышла мода. Стали выстраивать ихъ не тамъ, гдѣ обнаруживался мѣстный вызовъ, поддерживаемый обьемъ хлѣба и мѣстными требованиями, а въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ клялъ надежды кабинетный расчетъ, желающій похвастаться своею почитательностью о казенныхъ прибыляхъ и своимъ прилежаніемъ и заботою о народныхъ нуждахъ. Мало заботились (да и не были въ состояніи сдѣлать это), не хотѣли разсчитывать на то, чтобы за новыми заводами упрочить существованіе ихъ на будущее время. Достигли одной цѣли: количество каторжныхъ хлѣбъ увеличили на извѣстное время, но промышленныя заведенія, прочно стоящихъ на твердыхъ экономическихъ основахъ, не установили. Мѣстныя условія не замедлили обнаружить свое вліяніе и огромныя суммы, затраченныя на устройство, оказались безплодно потерянными; заводы, работавшіе въ ущербъ себѣ и увеличившіе цѣну вина, убѣдили въ своей неосостоятельности и были уничтожены: Михайловскій за Байкаломъ, Николаевскій (въ 1832 г.), Ильгинскій (1845 г.) въ Иркутской губ., Каменскій въ Енисейской. Александровскій заводъ, соединивъ съ собственнымъ винокурениемъ производившуюся до тѣхъ поръ выкурку вина въ этихъ заводахъ, сталъ безъ затрудненія удовлетворять потребности всѣхъ мѣстъ, подчиненныхъ вліянію упряденныхъ заводовъ. Онъ избавилъ казну отъ лишнихъ издержекъ и выкуривалъ вино съ меньшими противъ нихъ расходами. Хлѣбъ привозили сюда окрестные крестьяне и инородцы (бураты) прямо на базаръ и съумѣли сдѣлать подручный рынокъ, избавлявшій отъ необходимости сложныхъ операцій по закупкѣ. Иркутскій и князеудинскій округъ снабжали заводъ хлѣбомъ въ такомъ достаткѣ, что бывали времена, когда пудъ хлѣба продавался менѣе 10 коп. въ урожайные годы, отъ 24 до 25 въ года средняго урожая и только до 90 коп. доходилъ въ неурожайные. Заводъ былъ въ состояніи выкуривать свыше 500 тысячъ ведеръ и казна, за исключеніемъ издержекъ на приготовленіе вина, получала выгоды около милліона рублей. Въ 1860 году въ дачахъ завода считалось 12.503

десятины лѣсныхъ угодій; 526 дес. сѣнокосныхъ мѣстъ, 366 дес. пашатныхъ земель и 240 дес. выгону, — количество угодій, роскошно обеспечивающихъ существованіе мѣстнаго заводскаго селенія. До поступленія завода въ казну (1787 г.), въ немъ были рабочіе люди изъ ссыльных; съ поступленіемъ въ казну определено имѣть, кромѣ дроворубовъ и бочкарей, 154 чел. каторжныхъ. Но такъ какъ потребность въ людяхъ гораздо превышала назначенное число, то оно, постепенно увеличиваясь, въ послѣднее время, а именно передъ отдачею завода въ арендное содержаніе Медовикову въ 1853 г., возросло слишкомъ до тысячи человекъ. Послѣ же передачи число рабочихъ уменьшено на половину.

Съ передачею заводовъ на комиссіонерскомъ правѣ въ аренду ссыльные стали раздѣляться на два разряда: одни остались за казною, другіе были переданы контрагенту. Положеніе тѣхъ и другихъ измѣнилось: на Александровскомъ заводѣ казенные ссыльные получали 3 руб. асс. и два пуда муки въ мѣсяцъ; контрагентскіе стали получать двойной платъ (до 3 р. сер.). Вышло, однако, такъ, что казенные, оставшіеся въ особенности тѣ, которые знали какое либо мастерство. Не-мастеровые старались приписаться къ кому либо изъ семейныхъ; жители завода охотно принимали ихъ къ себѣ на квартиру и довольствовались изъ карчевныхъ содержаніемъ безъ платы, получая отъ нихъ одинъ только провіантъ. Кромѣ того, ссыльные обывались половиною свободныхъ во время дѣйствія винокуренія сутокъ содѣйствовать въ домашнему хозяйству сторожниковъ. Кромѣ того, ссыльные имѣли еще выгоду зимою обработать въ заводѣ по вольнымъ цѣнамъ (50 коп. въ сутки), а лѣтомъ (когда съ половины мая до половины августа прекращается винокуреніе) большая часть изъ нихъ находится въ дровосѣкѣ и при вырубкѣ бочечнаго лѣса и получаетъ отъ 4 до 6 руб. въ мѣсяцъ *). Усердные изъ рабочихъ, проживая одинъ или два года въ заводѣ, имѣли возможность купить домикъ и завести собственное хозяйство. При этомъ каторжные, по преимуществу, женились на дочеряхъ каторжныхъ же, раньше поступившихъ въ заводъ и обзаведшихся домами и семействами **).

*) Избиравшіеся по благонадежности ссыльные для отпращиванія особыхъ обязанностей по заводу получали и особое жалованье, согласно штату, напр. нарядчикъ 70 руб., мѣдьякъ 150 р., кузнецы по 60 р., плотники, мельники и солодовщики 50 руб., браговары, набрешники и затрубные по 40 руб. въ годъ.

**) Въ 1839 г. домовъ, принадлежавшихъ ссыльнымъ, было 178, въ нихъ въ этомъ году построилось новыхъ 2, въ 1840—3, въ 1841—4, въ 1842 ни одного не построено, ни одного не куплено; въ 1839 куплено 5, въ 1840—5, въ 1841—4, въ 1843 построено 7 и куплено 8. Огороды

*) Такъ, напр., для Александровскаго винокуреннаго завода привозили въ 1802 г. изъ Тобольской губ., когда и самое куреніе вина приостановили, такъ что казна потерпѣла громадные убытки.

Между тѣмъ, ссыльные отъ контрагентовъ чаще пускались въ бѣга: доверители не давали имъ порядочной одежды, въ самые сильные морозы водили почти босыми. Получая по 6 р. асс. въ мѣсяцъ, ссыльные платили по 4 руб. за харчи и за квартиру; одежда выдавалась изъ конторы подъ самое жалованье. Такимъ образомъ, заводское начальство лучшемъ мѣрою къ прекращенію побѣговъ полагало улучшение пищи и одежды; находящимся при работахъ на винницѣ винокуръ обязывъ давать винную порцію. Заведѣтъ былъ овоцный огородъ; выдавались капуста, говядина, крупа и картофель, по временамъ покупалось молоко. Семейнымъ и обзаведшимся хозяйствомъ на содержание свиней выдавалась барда; свинное мясо служило подспорьемъ въ пищу; барда выдавалась также и для лошадей. Хозяева составляли особый разрядъ—коннорабочихъ. Получая пособие отъ казны въ лѣсъ и материалахъ, а также лошадьми, ссыльные были въ состояніи нанимать для пособия при воакѣ дровъ другихъ ссыльных, бѣдѣвшихъ. Эту мѣрою содержали на заводскихъ работахъ и дѣтей ссыльных, заохвачивъ въ 1836 году выбѣтъ изъ завода для приниски по 8-ой ревизіи въ крестьяне. Въ свободное время оставляли за ссыльными право наниматься у крестьянъ, сдающихъ лѣбъ, носить мѣшки въ магазины за добровольную плату.

Подобное же учрежденіе заводовъ, не соответствующее потребности и силамъ края, вызвало уничтоженіе винокуренныхъ и въ Западной Сибири: Боготольскаго, Ектарскаго и друг., и въ Восточной Сибири—Каменскаго и другихъ. Каренскій (въ 24 верстахъ отъ г. Енисейска) еще въ 30 годахъ работалъ съ постоянною убылью для казны и существовалъ только для того, чтобы заннмать работами 600 чел. каторжныхъ *). Въ другихъ мѣстахъ неумѣстное учрежденіе казенныхъ винницъ вызвало сильную дороговизну лѣбба съ непомѣрнымъ стѣсненіемъ для жителей, особенно, когда устроены были два завода, Екатеринбургскій и Успенскій, въ малолѣббородномъ сѣверномъ краю (первый подъ Тарою, второй подъ Тюменью). Екатеринбургскій,

съ 155 возросли до 237. Прогрессивно увеличивалось и число скота: лошадей, коровъ, барановъ, свиней.

*) Этотъ Каменскій заводъ, такъ же какъ сибирскій бродяга, переходилъ отъ одного хозяина къ другому и добился только одного: совершеннаго уничтоженія. Онъ—по преданію—основанъ былъ подъ низкими, но круглыми возвышеніями при устьи рѣки Каменки, въ 1663 году какимъ-то Скрепковымъ, отъ него перешелъ къ графу Шувалову, потомъ къ Походяшину, потомъ къ Лобанову и, наконецъ, въ казну. Заводскій архивъ говоритъ, что онъ снова отданъ былъ въ аренду тому же Лобанову съ Крешневскимъ, опять очутился въ казенныхъ рукахъ тожеской казенной палаты, опять былъ отданъ въ аренду Лѣвицкому, въ 1813 г. снова поступилъ въ казну, и проч.

основанный при Екатеринѣ II и названный ея именемъ, представлялъ небольшое селеніе, помѣстившееся среди лѣса, на правомъ берегу Иртыша. Огромная каменная винокурня отстояла отъ селенія сажень на 300; самое селеніе представляло рядъ домовъ, выстроенныхъ тамъ, гдѣ указало начальство на линіи улицъ. И здѣсь точно также работы производились каторжными, часть которыхъ (200 чел.) находилась въ веденіи казны, другая меньшая (100 чел.) была въ распоряженіи контрагентовъ. Казна выкуривала до 120 тыс. ведеръ, но частные предприниматели увеличили выкурку до 200 тыс. ведеръ полутора, пѣнника и спирта, расходившихся по Тоб. и Томск. губ., на тысячу верстъ въ округности. И здѣсь, какъ и вездѣ, одни каторжные набирали муку, другіе возили ее, третьи сыпали въ заторы, приготавливали солодъ на гонку вина, качали машинною водою въ сосуды, спускали брагу изъ одного сосуда въ другой, качали машинною брагу изъ нижней десятины въ верхнюю; заготовляли, лѣсъ находившихся при носкѣ дровъ, другіе были въ жигахъ у печей, у пилки полѣньевъ, при бочкахъ въ бондаряхъ; работали по каторжному положенію день и ночь, а въ рабочее время винокурения имѣли отдыхъ только на Рождество и на Пасху. Плата бондарямъ шла отъ штуки и они могли заработать руб. по 15 асс. и больше; другіе рабочіе получали не больше 10 руб. асс. и не меньше 5-ти. Каторжные отдавали домовладельцамъ муку, работали около ихъ дома и имѣли за то столъ и право спать въ тѣсной, но теплой избѣ. Жившіе въ казармахъ жили пьяно, распутно, часто ватѣвали кровавыя драки. Наказывать рабочихъ ни винокуртъ, ни доверители не имѣли права, но только смотритель, въ помощь которому и здѣсь былъ данъ гарнизонъ изъ солдатъ. Противъ лѣннаго, непослушнаго или наглеца, смотритель призывалъ солдатъ и розгами розсыкавалъ и востановлялъ правду. Однако, бить по щекамъ, таскать каторжнаго за волосы могъ всякій безнаказанно. Сильно тосковали по родицѣ, а потому бѣжали, сильно ныанствовали, а притомъ и страшно воровали; словомъ и здѣсь тоже, какъ двѣ капли воды, что и на всѣхъ сибирскихъ заводахъ, солдаты и винные, жалѣзные и серебряные. Говорить о другихъ заводахъ Западной Сибири—повторять старое: таково было, таково же жалось и на Успенскомъ въ Тюменскомъ округѣ въ 326 верстахъ отъ Тобольска. Заводъ успѣлъ также вырости въ довольно большое селеніе и также пользовался работами ссыльных, обреченныхъ на 20-ти-лѣтнюю заводскую работу и получавшихъ за то ежемѣсячно нежизненные 3 руб. асс. и 2 пуда ржаной муки въ провiantъ.

Государственный совѣтъ, при новой реформѣ акцизнаго сбора за вино, увидѣвъ, что казенные винокуренные заводы приносятъ казѣ еже-

годно большіе убытки, постановилъ продать заводы въ частныя руки съ тѣмъ расчетомъ, что потребное количество вина будетъ заготовляться съ большимъ успѣхомъ. Для успѣховъ, при развитіи частной предпріимчивости, казна пожертвовала значительными уступками и продала заводы, стоявшіе нѣсколько сотъ тысячъ, гораздо ниже настоящей ихъ стоимости. Такъ, напр., Павловскій заводъ проданъ за 10 тыс., а Михайловскій за 14 т. руб., но выгадано въ томъ, что частные покупщики не замедлили дать наибольшее развитіе промышленности и убѣдить въ томъ, что тамъ, гдѣ казна при крѣпостномъ трудѣ получала убытки, частные промышленники, при вольной цѣнѣ за трудъ и

безъ увеличенія цѣнности продукта, получили барыши и развили дѣло на прочныхъ и широкихъ основаніяхъ. Между тѣмъ, въ видахъ правительства ясно было выражено желаніе продать заводы на сломъ и только пригодныя зданія передать для волостныхъ надобностей въ вѣденіе палатъ государственныхъ имуществъ. Въ этихъ расчетахъ уничтоженія казенныхъ винокуренныхъ заводовъ исчезла и надобность въ работахъ ссыльныхъ и каторжныхъ. Слѣдомъ за уничтоженіемъ рудниковыхъ работъ, исчезъ еще новый видъ каторжныхъ работъ въ Сибири по приимѣнію къ многочисленнымъ сибирскимъ винокурнямъ.

V.

С И Б И Р С К І Я Ф А Б Р И К И.

Купецъ Куткинъ.—Полотняная фабрика.—Контракты.—Купецъ Солдатовъ.—Фаянсовая фабрика.—Суконная фабрика Векшина.—Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика.—Тельминская суконная фабрика.—Стекланный заводъ.—Омская суконная фабрика.—Пользованье трудомъ ссыльныхъ.

Способъ приспособленія обязательныхъ работъ ссыльно-каторжныхъ остался въ тѣхъ же условіяхъ и по приимѣнію къ тѣмъ фабричнымъ производствомъ, на которыя соблазналась казна и рассчитывали частные предприниматели. Съ непремѣннымъ обязательствомъ приспособлялся трудъ каторжныхъ тотчасъ, какъ заводила казна фабрику, какъ завела двѣ таковыя для выдѣлки суконъ на линейныя и кавалерій войска: Тельминскую подъ Иркутскимъ для войскъ Восточной Сибири и Омскую въ самомъ городѣ Омскѣ для войскъ Западной Сибири. Съ готовностью и охотою уступала казна трудъ каторжныхъ и на восполненіе предпріятій частныхъ лицъ, какъ сдѣлано это при заведеніи фаянсовыхъ и стекляннхъ фабрикъ подъ Иркутскомъ и полотняной фабрики въ Тобольскѣ. Условія, постановленныя при поощреніи послѣдней фабрики, послужили потомъ руководящимъ образцомъ для другихъ послѣдующихъ.

Въ 1791 году ст. совѣт. Куткинъ завелъ въ Тобольскѣ, въ собственномъ доми, небольшую полотняную фабрику, которая, распространивась мало по малу, сдѣлалась, наконецъ, заведеніемъ, обратившимъ на себя вниманіе правительства. Въ 1797 году оставлено при ней для работъ изъ сосланныхъ за вина въ Сибирь 59 человекъ; въ 1803 году подъ фабрику отведено было 300 дес. земли и заведеніе переведено было за 9 верстъ отъ города. Въ 1808 г. Куткину разрѣшено выбрать изъ сосланныхъ русскихъ фабричныхъ знающихъ ткацкія работы нужное число людей, имѣющихъ отъ 20 до 40 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы число рабочихъ, съ имѣющи-

мися на лицо, составило 60 человекъ. На случай наибольшаго распространенія фабрики дозволено увеличить число фабричныхъ до ста человекъ. Постановлено: мастеровыхъ этихъ впредь 3 года въ подушную окладъ не полагать, а въ теченіи 20 лѣтъ не брать съ нихъ рекрутъ, чтобы они не могли въ это время обзавестись хозяйствомъ. По прошествіи первыхъ трехъ льготныхъ лѣтъ Куткинъ обязывался платить подушныя и всѣ повинности наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами, а по прошествіи 20 лѣтъ давать отъ фабрики за рекрута 500 руб. Если „кто изъ дѣтей фабричныхъ окажется распутной жинки, отъ него къ исправленію надежды не будетъ, или безпечность столь будетъ велика, что никакія побужденія и поощренія не подѣйствуютъ, таковыя отдавать въ зачетъ рекрута отъ фабрики“. Мастеровые должны быть помѣщены въ жилища и хорошо выстроенныя свѣтлицы, отъ мая до сентября получать платы по 24½ коп. въ день, въ прочее время года по 18 коп., а женщины, безъ раздѣленія времени, по 9½ коп. Всѣмъ женатымъ Куткинъ обязалъ быть дать въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ по коровѣ и по двѣ овцы, отвести подъ огороды по полудесятинѣ земли и по столько же сѣнокоса. „Лошадей имъ не полагается, потому что въ тамошнемъ краю частымъ оны подвержены падежамъ, а вмѣсто того всѣ работы при фабрикѣ отправлять на волахъ, которыхъ и давать мастерамъ въ началѣ весны отъ фабрики безъ всякаго отлагательства въ нужное къ тому время. Состарившихся мастеровыхъ упо-

требовать для присмотра и караулов съ платою въ мѣсяцъ отъ 2 до 3 руб. Когда же достигнетъ дряхлость, производить пенсiю по 12 руб. въ годъ и выдавать провiантъ противъ работника въ половину. Малолѣтнихъ сиротъ до 12 лѣтъ воспитывать и одѣвать на счетъ фабрики, обучая, между тѣмъ, и занимая легкими руководъями. Для предотвращения догоровизны въ пропитанiи, содержатель обязанъ имѣть всегда при фабрикѣ запасъ хлѣба, „по-елику сiя необходимыя жизненныя припасы (какъ-то мука и крупа) въ городѣ Тобольскѣ и окрестностяхъ оваго всегда бывають въ изобилiи и продаются цѣнами умѣренными“. На волю фабричныхъ отдается братъ оный у него (Куткина) или довольствоваться покупкою на сторонѣ. Мелочныя ссоры между мастеровыми, ихъ женами и дѣтми разбирать въ воскресные дни по утрамъ тремя человекъ выборнымъ, кого они сами назначаютъ. Имъ же отдавать для исправленiя лѣнявыхъ, непослушныхъ и пр. Виная продажа при фабрикѣ и на земляхъ ея воспрещена; не дозволено также ни подъ какимъ видомъ ѣздить съ выставками временными или подвижными. За вычетомъ праздничковъ и одного лѣтяго мѣсяца для уборки сѣна и обработки огородовъ, рабоче занимаются въ теченiи года 248 дней, полагая въ сутки по 12 рабочихъ часовъ. Приврѣнiе больныхъ зависитъ отъ фабрики; для исполненiя христіанскаго долга мастеровые въ воскресные и праздничные дни въ церковь могутъ ходить въ городъ, но только съ дозволенiя управляющаго, а безъ дозволенiя отнюдь не отлучаться, и проч.

Такими же правилами обязанъ былъ и купецъ Солдатовъ, получившій мастеровыхъ и рабочихъ людей изъ ссылныхъ, съ отводомъ ему земли (въ 1814 году) подъ фаянсовую фабрику въ предмѣстьи Иркутска. Фабрику эту Солдатовъ купилъ отъ купца Полевого и вызвалъ поощренiе правительства, между прочимъ, и по тому — какъ сказано въ положенiи комитета министровъ — что изъ приготовляемой посуды сдѣлалъ даже статью торговли съ китайцами. Ему назначено было отъ 30 до 40 ссылныхъ, а въ томъ числѣ, сколько можно, женатыхъ, лѣтами отъ 15 до 40, каковыя и были причислены къ фабрикѣ на общемъ основанiи и съ тѣмъ, что если владѣльцы отъ фабрики откажутся или ослабятъ на ней дѣйствіе, отведенная подъ фабрику земля и приписанные къ ней люди перейдутъ въ казенное вѣдомство *).

Такъ случилось, какъ съ Солдатовскою, такъ и съ Куткинскою фабриками. Дольше и крѣпче держались казенныя фабрики, между которыми наибольшую извѣстностью пользовалась Тельминская.

Тельминская фабрика (на р. Тельмѣ, въ 58 вер. отъ Иркутска) получила свое начало также въ частныхъ рукахъ, она построена въ 1751 г. купцомъ Вобровскимъ; въ 1793 г. куплена въ вѣдомство иркутскаго комиссаріатскаго комиссіонерства и производила въ то время отъ 4 до 9 тыс. аршинъ сукна въ годъ. Въ 1797 году набрано въ Сибири до 6 тыс. рабочихъ людей, воздвигнуты наскоро необходимыя зданiя и началось производство, но издѣлія оказались несовершенными и фабрика могла выработать только 1/4 часть предполагаемаго количества суконъ. Между тѣмъ, присмотръ за рабочими, раздача жалованья и домашній бытъ мастеровъ находились въ ужасномъ безпорядкѣ до ревизіи фабрики сенаторомъ Селивановымъ. Генералъ Новицкій былъ уволенъ отъ управленiя, фабрика на два года взята въ гражданское вѣдомство и когда стала изготовлять до 37 тыс. аршинъ сукна, 5.000 каразей, 3.855 шалей при 500 рабочихъ, снова была передана въ комиссаріатъ, а въ 1808 году передана въ вѣденіе Пестеля (генералъ-губернатора). Въ 1811 году приступлено къ разнымъ постройкамъ и, въ теченiи 10 лѣтъ, кромѣ старыхъ, устроены: стеклянный заводъ, гранитная для стеклянной посуды, фабрика фламскаго полотна, шерстонойный дворъ и множество другихъ фабричныхъ заведенiй. Въ 1820 году открыты работы на машинатъ чесальныхъ, прядильныхъ и жетовильныхъ, которыя до того времени оставались безъ всякаго употребленiя. Тканье сукна производилось на 57 самолетныхъ и на 11 простыхъ двуручныхъ станкахъ. Въ 1827 г. сенатскимъ указомъ предписано было воспособлять работамъ ссылными женщинами, которыхъ велѣно всѣмъ обращать сюда (кромѣ ссылныхъ за смертоубійства, грабежи и разбои). Фабрика доведена была до возможной степени совершенства во всѣхъ отношенiяхъ при ген.-губер. Ладинскомъ, но съ начала 50 годовъ быстро пошла къ паденiю. Въ 1860 г. мы видѣли заводъ, безъ ремонта, пришедшій въ отчаянную ветхость, не позволявшую надѣяться найти на нее какого либо охотника для покупки, машины всѣ пришли въ крайнюю негодность. На стеклянный заводъ еще находились желающіе, потому что и производство проще и машинъ особенныхъ не требуется. Мастеровые — потомки ссылныхъ, оказались хорошо приученными къ дѣлу и затѣмъ ни къ чему уже другому не способными. Тяжелѣе досталась столѣтiя, стояла близъ острога небольшая суконная фабрика, мастеровые на которой были также ссыльно-каторжные.

*) Кромѣ Солдатовской, дѣйствовали, при помощи каторжныхъ, подъ Иркутскою, въ 28 верстахъ, Векшина но сессіонная суконная фабрика и также посессіонная Тальцинская фарфоровая, фаянсовая и стеклянная, содержавшаяся купеческою компаніею въ 30 верстахъ отъ Иркутска. Въ самомъ Иркутскѣ, въ началѣ нынѣшняго

работа и короче жизнь тѣмъ, которые постоянно нажимали грудь у ткацкого станка, оттого они были сухи, казались разломанными; рабочіе же стекляннаго завода казались здоровѣе, были веселѣе. Между тѣмъ, и селеніе образовалось въ видѣ порядочнаго городка, но стало непрочнымъ и оно, на сколько не затрудненъ послѣдующій быть дѣйствительно несчастныхъ потомковъ прежнихъ несчастныхъ работни-

ковъ. Тѣмъ не менѣе, на Тельминской фабрикѣ каторжное племя выродилось и уже третье поколѣніе представляется вполне благонадѣжнымъ.

Такимъ же образомъ упала и не существуетъ въ настоящее время казачья суконная фабрика въ Омскѣ, приспособленная къ выдѣлкѣ простыхъ суконъ на войсковыя потребности, уступая мѣсто частной предприимчивости и болѣе своевременному и правильному вызову.

VI.

С И Б И Р С К І Я К Р Ъ П О С Т И.

Охотскъ.—Чиниррахъ.—Омская крѣпость.—Крѣпости: Семипалатинская и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская.—Пуртухайтъ.—Арестанскія роты и работы.—Безпорядочность ихъ.—Упадокъ каторжныхъ работъ и затрудненіе, отсюда происшедшее.

Какъ въ XVII вѣкѣ противъ сѣверныхъ бродячихъ инородцевъ русскіе люди, овладѣвшіе Сибирью, строили остроги и московское правительство съмыслившими полагало основу ихъ заселенія, такъ точно въ XVIII вѣкѣ, когда Петръ Великій, противъ кочующихъ монгольскихъ племенъ началъ сооружать крѣпости или такіа укрѣпленныя мѣста, которыми можно овладѣвать только посредствомъ правильной осады, въ число первыхъ работниковъ и обитателей назначались съмыслимо-каторжные. Петръ ослабляя высылку подобнаго сорта людей до нѣкоторой степени тѣмъ, что, торюаясь замѣщать Россію, высылалъ ихъ на работы въ Петербургъ, Шлиссельбургъ, Рогервикъ, Азовъ, Казань и проч. Затѣмъ высылка въ сибирскія крѣпости съмыслимыхъ при преемникѣ Петра сдѣлалась болѣе или менѣе постоянною и продолжалась очень долго относительно крѣпости Омской, преимущественно по пригнѣнію къ преступникамъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Тѣмъ же Петромъ начато въ Сибири основаніе портовъ и приведеніе мѣстъ, удобныхъ для произведенія десанта, въ оборонительное положеніе и постройка прирѣчныхъ крѣпостей, вродѣ Охотска, Нижнекамчатска и Петропавловска или Авачи. Точно также, при его преемникѣхъ, ссылка въ эти послѣднія мѣста преступниковъ получила нѣвѣстнаго рода систему, каковая и пригнѣнялась къ нимъ до начала нынѣшняго столѣтія, когда и она, по пригнѣру ссылки въ крѣпости Иртышской линіи, была прекращена. Охотскъ, стоящій въ ямѣ, окруженный горами, со сѣвернымъ портомъ безъ рейда, и безъ залива, открытотъ всѣмъ вѣтрамъ, болѣе значеніемъ тѣмъ управствомъ, съ которымъ отстаивали его существованіе. Суда съ древнихъ временъ отстаивались вводимыми въ рѣку Кухтуй. Вѣчные дожди и туманы дѣлали изъ него мѣсто, никогда не посѣщаемое иностранцами; гдѣбъ въ немъ не ро-

дился и уничтоженіе его было самымъ разумнымъ явленіемъ во всей его исторической жизни. Петропавловскъ, не менѣе неудобный, отодливо смѣненъ былъ на амурскій Николаевскъ. Слабымъ и безсистемнымъ продолженіемъ ссылки можно считать учрежденіе ея въ ближайшія къ намъ года въ Николаевскомъ портѣ на Амурѣ (на такъ наз. Чиниррахѣ) и организованную въ обширныхъ размѣрахъ ссылку на островъ Сахалинъ (въ такъ называемые порты Дузъ и Косунай).

Во временахъ Петровыхъ преемниковъ въ Сибири стояли уже готовыми: Омская крѣпость, построенная въ 1708 году, и приведенная въ порядокъ въ 1759 году инженернымъ генералъ-майоромъ Людвигомъ по идеямъ и планамъ Вобана. Укрѣпленія были достаточны для отраженія киргизскихъ ишчиновъ (современная Омской, Оренбургская крѣпость, выдержала осаду отъ пугачевскихъ шаекъ съ польскими инженерами весьма удачно), но теперь кажется смѣшною и массивная арка вмѣсто воротъ и земляные валы и рвы. Все это тѣсно, неудобно, все это ждетъ истребленія, какъ ненужное и никому не страшное. Омская крѣпость сохраняетъ внутри себя Воскресенскій соборъ, корпусный штабъ, казармы, военное училище и, между прочимъ, крѣпостныя казематы, получившіе подъ талантливымъ перомъ Ѳ. М. Достоевскаго прозваніе „Мертваго Дома“.

Въ 1718 году построена Семипалатинская крѣпость, но, по нездоровому мѣстоположенію, перенесена въ 1776 году на новое мѣсто, къ подножію семи древнихъ чудскихъ палатъ. Въ 1720 году генералъ-майоромъ Лихаревымъ, на р. Иртышѣ, на низменномъ и ровномъ мѣстѣ, окруженномъ горами, построена была Усть-Каменогорская крѣпость, дѣйствительно у устья громады каменныхъ горъ, здѣсь кончающихся. Иртышъ, выходя изъ ущелья, которымъ несетя отъ самой Бухтармы, становится тотчасъ шире

и начинается течь медленнѣе, образуя многіе острова и отмели. Въ 1752 г. заложена Ишимская крѣпость, черезъ 18 лѣтъ переименованная въ городъ. При окончательномъ устройствѣ нынѣшней военной линіи, въ томъ же 1752 году сооружены были крѣпости: Петропавловская, Прѣсновская, Прѣсногорьевская, Зѣиноголовская, Песчаная и проч. Въ 1791 году заложена была въ одномъ изъ лучшихъ трактовъ рѣки Вухтармы, при ея устьѣ въ Иртышѣ, Вухтарминская крѣпость съ валомъ, рвомъ и кирпичными воротами, для охраненія открытаго тогда богатаго серебрянаго рудника Зыряновскаго, самаго знаменитаго на Алтаѣ. На восточной границѣ съ Китаемъ, на югѣ Забайкаля, одновременно съ первыми крѣпостями въ Сибири, основана была въ 1727 году иллірійскимъ графомъ Саввою Владисл. Рагузинскимъ крѣпость Троице-Савская, названная такъ по имени основателя и по имени первой въ ней церкви св. Троицы. Пограничный округъ этой крѣпости заключалъ въ себѣ, кромѣ нее, еще 7 крѣпостей, между которыми Цурухайтуевская, Чинданти и Акша пользовались наибольшою извѣстностью, но мало представляли подобія настоящихъ крѣпостей; укрѣпленія Цурухайтуя, начатыя изъ камня, даже не были и окончены.

Всѣ наименованныя крѣпости не оправдали цѣли своихъ учрежденій, ни одной изъ нихъ не удалось достигъ военной славы и со стороны сосѣднихъ народовъ враждебныя отношенія были слишкомъ слабы, и значеніе крѣпостей было только отчасти предупредительное. Тотчасъ же за ихъ основаніемъ подъ самыми крѣпостными пушками, на площадкахъ подлѣ воротъ, устроились базары—мѣста взаимныхъ обмѣновъ продуктами. Нѣкоторымъ пунктамъ удалось занять въслѣдствіи сама видныя мѣста по крупнымъ торговымъ оборотамъ: въ Петропавловскѣ установился знаменитый на всю Сибирь мѣновой дворъ, пристроился сильная торговля баранами и разными русскими и среднеазиатскими товарами (на ежегодную сумму 500 т. р.). Возле Троице-Савска выросла знаменитая русская Кяхта съ китайскимъ Маймаченомъ. Въ Вухтарминской крѣпости производится разнѣвъ товаровъ Западнаго Китая съ русскими, обмѣняющей въ будущемъ очень многое. Къ Усть-Каменогорской издавна подходятъ для торгова ташкенцы, кангарцы и бухарцы (изъ Малой Вухары) со своими и китайскими товарами (съ 1754 г. здѣсь существуетъ мѣновой дворъ и таможня). Въ Семипалатинскѣ мѣновой дворъ и таможня существуютъ еще съ 1734 г. и торговля съ ташкенцами, бухарцами и киргизами приняла большіе размѣры (до милліона рублей отпускъ, до 700 т. р. привозъ). Съ такимъ оборотомъ дѣлъ значеніе крѣпостей для работъ смыслныхъ утратило тотчасъ же, когда

укрѣпленія были окончены. Но тамъ, гдѣ укрѣплены каторжныя работы (какъ въ Омской) и ссылка не утратила своего значенія для политическихъ смыслныхъ (какъ въ желкихъ крѣпостяхъ по Иртышской линіи), каторжныя работы ложились на людей съ наименьшею тяжестью, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Арестантскія роты, рабочіе дома—всѣ подобныя заведенія, сдѣлавшіяся принадлежностью крѣпостей подъ именемъ крѣпостныхъ ротъ, стали самими изъ тягчайшихъ мѣстъ, когда либо придуманныхъ для наказанія преступниковъ. По увѣреніямъ старожиловъ-наблюдателей, по словамъ самихъ заключенниковъ, по сравненіи этихъ каторжныхъ мѣстъ съ другими, наконецъ, по привѣнію къ крѣпостнымъ заточеніямъ самой строгой военной дисциплины—крѣпостныя работы встали на первомъ мѣстѣ работъ каторжныхъ. Представляя исключительный примѣръ для преступниковъ изъ военного сословія, но не служа исключеніемъ и для другихъ,—крѣпостныя рабочія роты были тѣми учрежденіями, ослабленію которыхъ всего больше должны радоваться человеколюбивое чувство современнаго человѣка, не способнаго видѣть начала новыхъ страданій тамъ, гдѣ кончились многочисленныя тяжелыя предидущія испытанія. Въ Сибири крѣпостныя работы были для смыслныхъ еще и тѣмъ тяжелы и невыносимы, что за крѣпкими крѣпостными запорами самовольныя стремленія ко временнымъ отдыхамъ, т. е. побѣги, были крайне затруднены и считались примѣтнымъ исключеніемъ. Въ арестантскихъ ротахъ, между прочимъ, практиковалось правило раздѣлять арестантовъ на десятки и, въ случаѣ побѣга одного, заковывать въ кандалы весь десятокъ. Въ то же время работы отличались полною беспорядочностью и, веденныя безъ всякой системы, не приводили ни къ чему: работы назначались болѣею частью тамъ, гдѣ онѣ были вовсе не нужны, а потому и непроизводительны, и не принимались и вышлись собственно для того, чтобы занять время и истратить напрасно силы арестантовъ. Всѣ эти работы уличныя, всѣ безплатныя—за скверную арестантскую пищу, на платье и притомъ для знающихъ ремесло на большую часть, въ пользу ближайшаго начальства въ то время, когда оно, примѣненіемъ строгой военной дисциплины, успѣло возбудить къ себѣ ненависть и поселить отвращеніе. Арестантская работа, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, давно уже усвоила за собою привилегію на на названіе праховой, никуда не годной. Учрежденіе арестантскихъ ротъ съ ремеслами и мастерствами въ губернскихъ городахъ нашихъ, нуждающихся въ мастерахъ и ремесленникахъ, встрѣченное на первыхъ порахъ полнѣйшимъ сочувствіемъ городскихъ обществъ,

сумѣло вскорѣ оказать свою несостоятельность именно по тому, что дѣло поручено было рукамъ, ототливѣ каравшимъ, готовѣе злоупотреблившимъ чужими знаніями и силами, не способнымъ и не приготовленнымъ къ тому, что направлять ихъ хотя бы по способу тѣхъ же пенитенціарныхъ тюремныхъ системъ государствъ европейскитъ. Арестантскія роты, смиренныя и рабочіе дома, поселенческія рабочія роты (вродѣ существовавшей въ г. Омскѣ) оказали свою несостоятельность именно въ томъ же самомъ видѣ, который требуетъ капитальнаго измѣненія.

Такимъ образомъ, мѣста заточенія съ карательною цѣлью, въ силу историческихъ судебъ и экономическихъ причинъ, приняла въ настоящее время такой видъ. Крѣпостныя роты военнаго вѣдомства, по закону 1868 года, обращены въ исправительныя роты того же вѣдомства съ назначеніемъ сюда каторжныхъ 2-го разряда. Рудники покинуты, въ расчетѣ на болѣе соблазнительныя выработки золота на промыслахъ и приискахъ, и стоятъ залитые водою; разрабатываемыя серебряныя руды добываются при помощи вольнаго труда и для ссыльныхъ, назадъ тому 25—26 лѣтъ, потеряли устрашающую силу значенія. Невыгода обязательнаго труда и казеннаго управленія не замедлила обнаружиться въ приспособленія каторжныхъ работъ и къ золотымъ промысламъ, а развитіе частной предпріимчивости въ томъ же Забайкальѣ и въ ближнемъ сосѣдствѣ съ ка-

зенными промыслами, указало на вольнонаемный трудъ, какъ на несомнѣнно преимущественный способъ эксплуатаціи горныхъ сокровищъ. Слѣдомъ за рудниками исчезла возможность работъ каторжными и на золотыхъ промыслахъ. Винокуренные заводы казною проданы и частные заводчики уже не заявляютъ желаній и надеждъ на содѣйствіе обязательныхъ работъ ссыльныхъ и ссыльно-каторжныхъ. Солеваренные тѣмъ же способомъ могутъ обходиться безъ нихъ и въ мѣстномъ населеніи вѣрнѣе находятъ болѣе надежныя, несомнѣнно опытные и вполне трудолюбивыя силы. На крѣпостныхъ валахъ съ большимъ удобствомъ уже прилаживаются тѣнистые бульвары для мирныхъ прогулокъ вольныхъ обывателей и крѣпости, превратившись въ мѣшковые дворы и сильные базары, готовы преобразиться въ города по способу древнѣйшихъ мѣстъ заточенія и ссылки—сибирскихъ остроговъ. Въ концѣ концовъ, каторжныя работы въ Сибири исчезли и въ настоящее время предстонтъ серьезная дума о приспособленіи карательныхъ мѣръ въ Сибири, особенно въ виду того, что современные гласные суды увеличили количество обрекаемыхъ въ Сибирь на ссылку. Двѣсти лѣтъ опыта, пятнадцать различныхъ способовъ карательныхъ мѣръ возездія за преступленія, вся исторія прошлаго съ его ошибками и недоразумѣніями представляютъ обиліе такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ вѣроятна надежда на лучшія системы и безошибочные способы.

К О Н Е Ц Ъ .

О Г Л А В Л Е Н И Е.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТР.

СТР

Глава I. Въ дорогѣ. Милосердная.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до каторги: дорожныя и тюремныя злоключенія.— Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старья неурядицы.—Окровоавленные колодники.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе полушубковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смиренныя и сердитыя.—Тобольская тюрьма.—Жалѣзныя прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапныя кабаки.—Этапныя аданія.—Полувтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Привалъ.—Майданшкы и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: вещественныя и нравственныя.—Съ этапловъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходи.—Бритье головъ в случай съ поляками.—Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этаплах.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенство этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу

Глава II. На каторгѣ. Моя побѣдка на строгую перворазрядную каторгу.—Нижній промыселъ на Карѣ.—Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.—Иванушка-дурачекъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойникъ въ водовожахъ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жильё.—Цыга.—Каторжныя.—Каторжныя работы.—Смотрители.—Раскомандировки.—Классныя порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взаимныя отношенія тюремныхъ сидѣльцевъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносчикъ.—Товарищество.—Смотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра.—Азартыя игры.—Юлка.—Юрдовка.—Едино.—Вѣтуны.—Тюремный языкъ (argot).—Откупныя тюремныя законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитросы въ Влазнос.—Тюремный капиталъ.—Парашники.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои в историческія лица.—Тумановъ и живая пирамида.—Искусственно-развиваемыя арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернъ.—Утка.—Каторжныя забавы

Глава III. Въ вѣгахъ. Нерчинскія горы и богатство ихъ.—Серебро.—Вернтуфскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольня.—Шахта.—Духлогъ.—Несчастья на каторгѣ этого вида.—Рудниковый хозяинъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: солеваренная и винокуренная.—Улучшенія на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемъ разнообразіи способовъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглыи на базу.—Побѣги цѣпного.—Голый бѣглець.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чалдонъ.—Лиса.—Побѣги на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронушки.—Притоговленія къ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первыя шаги въ бѣгахъ.—Неудачи.—Помощь караульныхъ.—Часовые въ бѣгахъ.—Обиліе побѣговъ.—Варнацкая дорога.—Звѣрское ишеніе.—Сыщики.—Бурята.—Похожденія и злодѣйство бродягъ.—Медвѣди.—Пристанодержательство.—Заячки.—Старовѣръ Гурій Васильевичъ.—Преслѣдованія.—Кандалы.—Лѣсная пища во всемъ разнообразіи.—Саранча.—Горбачи.—Избѣженіе цѣлой шапки бродягъ.—Губернаторъ Рулертъ.—Сыщикъ Карымъ.—Убиенныя горы.—Коурый.—Безопасныя бродяги.—Левичкы на Донѣ и въ нерчинской каторгѣ.—Калтынский жѣшаннъ.—Бродяги на Байкалѣ, на Антарѣ, подъ Казанью, въ Петербургѣ.—Вывальцы.—Бродяжья судьба въ дорогѣ.—Сибирскіе притоны и обычаи.—Предѣлы бродяжничества.—Вооруженные черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани

Глава IV. На пропитаніи. Испытующіеся.—Воздержаніе.—Невоадержаніе.—Казенныя порядки и стѣпени облегченія.—Прикованные къ тачкамъ.—Прикованные на стѣнную цѣпь.—Колоколь.—Сумасшествіи.—Акауты.—Таможныя цѣпны.—Секретныя.—Каторжныя селенія и жителы.—Юрдовка.—Теребиловки.—Фабрика фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными металлами.—Желтая шеничка.—Карымъ.—Фабрикантъ червоноцевъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажный фальшивыя деньги.—Каторжныя болѣзни.—Пропитанные.—Исправившіеся каторжники.—Шатаніе и воровство.—Увольненіе отъ работъ.—Каторжныя дѣти.—Пѣсня

Глава V. На поселеніи. Сибирское населеніе изъ поселенцевъ.—Худая слава.—

3

51

87

27

Безвыходное положеніе. — Отношенія къ старожиламъ. — Вродячество и шатаніе. — Пѣсны.—Испорченность поселенцевъ и причины этого явленія. — Прочнаго водворенія ссыльных не существуетъ.—Безплодность мѣръ. — Первые шаги ссыльнаго. — Вражда туземцевъ. — Богадѣльни.—Посельщички.—Неспособные.—Смотрители поселенцевъ.—Воровство.—Свободныя самовольныя поселенія.—Киржаки.—Каменьщики.—Ссыльные колоніи невѣдомыя и вѣдомыя.—Вадичалые поселенцы.—Волотые промыслы.—Поселенцы на приискахъ въ тайгѣ.—Олганджи и мѣрки.—Евреи въ Сибири.—Инородцы въ семакъ.—Русскіе раскольники за Байкаломъ.—Цѣлѣбныя хозяйства.—Духоборцы.—Уральскіе казаки.—Невнино сосланные и возвращенные.—Поручикъ Козлинскій.—Монахи.—Странникъ Иванъ Захаровъ Спасовъ.—Переимѣна именъ.—Неправильность распределенія ссыльныхъ по Сибири.—Палачи.—Презрѣніе къ нимъ и результаты его.—Кнутъ.—Богачи изъ каторжныхъ.—Чужеземцы въ семакъ 103

Приваженія. I. Тюримскія пѣсни. Сорокъ восемь тюримскихъ сибирскихъ и русскихъ пѣсенъ (старинныхъ и новыхъ) съ вариантами и объясненіями. — Творцы пѣсенъ: Ванька Калныъ.—Разбойникъ Гусевъ.—Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ.—Пѣсня о правжѣ.—Мѣстные сибирскіе пѣтны.—Ученая пѣсня.—Пѣсня Кармелюка.—Пѣсни Видорта.—Ворожбюкъ. 139

II. Тюримскій словарь и искусственные языки. Древшныя искусственныхъ языковъ.—Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударный).—Разговоръ стукомъ (нѣмецкій газетный). — Поляки и Шпаунъ.—Телеграфисты. — Разговоръ стукомъ декабристовъ. — Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Бестужевыми.—Обожженная палочка изъ вѣника.—Тюримскій словарь.—Вѣдность его.—Искусственный слова въ тюрмахъ.—Древность ихъ происхожденія у насъ.—Ясакъ.—Разбойничій языкъ на Волгѣ.—Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Калны.—Отверническая рѣчь.—Сравненіе пяти дѣльныхъ языковъ.—Офельскій языкъ (словарь разносниковъ - ходобщиковъ). — Образцы словъ и рѣчи.—Музыка или байкомый языкъ карманниковъ.—Образцы словъ и рѣчи.—Образцы языка шерстобитовъ и коноваловъ.—Счетъ.—Языкъ каютюжный.—Языкъ по херамъ и тарбарская азбука.—Языкъ кубраковъ и проч. 158

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Злодѣи. Злобная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее.—Знаменитый Кореньевъ—прототипъ злодѣевъ.—Его похищеніе и злодѣйства; разбойная сторона; нищая братія; Верзало; артель слѣпцовъ-вѣщихъ; варнаки; каторга; Кореньевъ—сезонный герой; палачи; проблемы совѣсти въ злодѣѣ.—Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсовникъ Горкинъ и его превращеніе.—Нашъ знакомецъ Дубровинъ.—Понятіе варнаковъ о чести.—Смыслные убійцы.—Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Хамъ Вульевъ.—Злодѣи Филиповъ.—Минусинскій злодѣи.—Разбойники сибирскіе.—Судьба убійцы въ Сибири . 171

Глава II. Убійцы. Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ.—Мѣста, наиболее богатыя убійствами.—Монгольскія племена.—Прочіе инородцы.—Ураль.—Заводскіе люди.—Дѣтоубійства.—Убійства жень и мужей.—Братоубійства.—Убійства родственниковъ.—Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворянами.—Крестьянскіе бунты 195

Глава III. Самоубійцы. Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири.—Самоубійства въ городахъ и деревняхъ.—Орудія и способы этого преступленія.—Утопленіе.—Петли.—Яды.—Огнестрѣльные орудія.—Неволя.—Роковыя мѣста.—Сушала бѣда.—Ямки.—Самосожигатели.—Морельщики.—Огромное количество жертвъ.—Причинами этого явленія.—Особый видъ сибирскаго раскола 201

Глава IV. Вродяги и бѣглые. Страна изгнанія.—Вродячество въ современномъ видѣ.—Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти.—Гуляющіе люди.—Побѣги солдатъ отъ военной службы (дезертиры).—Получившіе отечество (эмигранты).—Престонодержательство.—Притонщики.—Хлѣбосолюство.—Сибирскія ваменки.—Варнаки и чадоны.—Опасности отъ бродягъ и бѣглыхъ.—Причины народныхъ бѣдствій.—Псевдонимы каторжныхъ (принятіе чужой фамиліи).—Городскіе бродяги.—Вродячество, какъ сѣмобитное явленіе русской народной жизни.—Историческій очеркъ русскаго бродячества.—Колонизація Россіи.—Многочисленные остатки древняго народного скитанія: безпаспортные, богомольцы, яхшіе, запросчани, кубраки и лаборы, бѣгуны, офены,ходобщики и проч. 206

Глава V. Воры и мошенники. Народныя понятія о собственности.—Вѣдомый большой воръ.—Воровскія мѣста въ Россіи.—Причины воровства.—Столичные жулики и мазурики.—Карманники.—Музыка (воровской языкъ).—Мѣшки (барышники-пріемники).—Честный человекъ на воровствѣ.—Мошенники высшихъ слоевъ общества: карточныя шуллера.—Сословія и мѣста, наиболее видныя по воровскому промыслу.—Воровство—повальная тюремная и поселенческая болѣзнь 227

Глава VI. Грабители и разбойники. Причины и корни грабежей.—Происхожденіе и связь грабежа съ воровствомъ.—Варанта.—Сибирскіе и Россійскіе грабители и разбойники.—Савакъ разбоя съ грабежомъ.—Характеръ русскаго разбойника.—Разбойники вообще и въ частности.—Выковы.—Чайкинъ.—Дуванъ.—Кабаки.—Цѣловальники.—Разбойничьи атаками и ихъ любовники.—Притоны и проч. 237

Глава VII. Поджигатели. Причины поджоговъ.—Проявленіе ихъ.—Пожары городовъ и деревень.—Гдѣ нѣтъ поджоговъ?—Поджогъ—дѣтское и женское преступленіе.—Поджогъ въ Россіи.—Красный цѣтухъ.—Мнѣніе 247

Глава VIII. Преступники противъ вѣры. Святотатцы.—Преступности духовенства.—Гроболователи.—Колдуны.—Богохуленіе.—Отступленіе и отпаденіе отъ вѣры.—Ересь и расколъ.—Скопцы.—Церковныя вѣры въ Сибири и Россіи.—Боградскій гроболователь.—Распавшійся на крестѣ фа-

пятью. — Скопцы въ Сибирѣ. — Хлысты. — Хлыстовщина въ монастырѣ. — Суботники. — Духоборцы. — Щельники. — Охохоны. — Молокане. — Старовѣры. — Масляниновъ. — Отшельникъ. — Алтайскіе старовѣры. — Семейскіе старовѣры за Байкаломъ. — Виты за пою. — Часовенна Сибирь. — Духовенство въ Сибирѣ. — Заводское духовенство. — Филиповъ. — Расколъ въ Сибирѣ. — Причины и его развитіе 249

Глава IX. Преступления противъ законн. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ. — Мѣста и способы приготовления. — Деньги въ шубахъ. — Венгерцы. — Лавинъ. — Знаменитый Цезикъ. — Его замѣчательное мастерство. — Политическія цѣли въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ. — Фабрикація фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица. — Борчменникъ; корчемство виномъ и солью. — Контрабандисты. — Брама золота и серебра. — Кяхтинская, сибирская и русская контрабанда 271

Глава X. Старовѣръ Папулинъ. Таинственные дома. — Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора. — Сопратитель. — Борьба съ нимъ. — Успѣхи пропаганды. — Постный товаръ. — Успѣхи безпоповщины. — Женскій вопросъ. — Бѣгствующая церковь. — Параллель между двумя расколами. — Необычайный успѣхъ едосѣвщины. — Гоненія и упорство. — Посадъ Судиславль. — Свѣтопреставленіе. — Папулинская община. — Совершенія. — Торжественная моленія. — Старая книга и старая икона. — Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ храмовъ и самое знаменитое изъ нихъ. — Иконографическія рѣдкости и драгоцѣнности. — Торговля иконами. — Семень Кузьминъ. — Соловецкая тюрьма. — Гдѣ правда? 284

Глава XI. Уничженіе изъ пустосвятствъ. Публичная казнь. — Голоса изъ толпы. — Молодость и воспитаніе преступника. — Выстроій успѣхъ въ большомъ свѣтѣ. — Разнообразная походженія. — Таинственная вѣдьма. — Монастырскія послушанія. — Злодѣйскіе приемы. — Убийство и способы самооправданія. — Ссылка и новыя приключенія въ странѣ изгнанія. — Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе. — Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ. — Корень и сопоставленіе съ нимъ Зыкова. — Мнѣніе о послѣднемъ союзникѣ 298

Глава XII. Преступники противъ семейныхъ правъ. Развратъ. — Кровосмѣшеніе. — Снохачи. — Сводные браки. — Предубожденіе. — Расгнѣніе и насилваніе. — Мужеложство и скотоложство. — Развратное и порочное поведеніе дворянъ и крестьянъ. — Ябедничество и клеветничество чиновниковъ. — Ложные доносы. — Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибирѣ. 309

Глава XIII. Общце выводы. Валовое число ссыльныхъ. — Распределеніе ихъ по родамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ. — Наиболье преступныя сословія. — Слабая преступность вѣдвѣльчскихъ крестьянъ. — Распределеніе ссыльныхъ по наиболье обобщеннымъ категоріямъ преступленій. — Роды преступленій, сильнѣе господствующіе въ сословіяхъ. — Преступности инородцевъ, населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, башкиры и инородцы финскаго племени. — Преступленія евреевъ

и евреекъ. — Безгрѣховность мусульмановъ. — Преступленія нѣмцевъ и вообще лютеранъ. — Католики. — Православные 317

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I. Политическіе ссыльные. Ссылка поляковъ въ Сибирь. — Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ. — Крыжановскій. — Довелась воевода Обуховъ. — Польскіе конфедераты. — Злодѣйства надъ ними. — Состояніе администраціи въ Сибирѣ. — Пестель. — Трескинъ. — Исправникъ Ласкутовъ. — Сперанскій. — Нѣмцовъ и разбойникъ Гондюхинъ. — Собачья оса. — Когъ. — Ушйрванскій полкъ. — Народные притѣснители. — Чудакъ Нарышкинъ. — Горные начальники: Рычковъ, Барботъ-де-Марни, Милекинъ. — Фришъ, Черныцынъ. — Шведскіе пѣнные. — Татищевъ. — Веневскій — извѣстный искатель приключеній. — Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя походженія вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскарѣ. — Судьба его товарищей. 325

Глава II. Ссыльные поляки. Обрушеніе ссыльныхъ поляковъ. — Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ. — Польскія возстанія и заговоры въ Сибирѣ, Россіи и Польшѣ. — Участье русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ. — Вліяніе поляковъ на страну изгнанія. — Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ. — Встрѣча прибылыхъ и обращеніе съ оставшимися. — Вліяніе декабристовъ. — Польскій огуль. — Венжикъ. — Набоженства. — Каеса поляковъ. — Товарищество. — Ведровое масло. — Пчелы. — Савичевскій. — Братья Давевскіе. — Обученіе дѣтей. — Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксендза Сяножинскаго и доктора Шокальскаго. — Громадный заговоръ. — Самоубійства. — Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способъ этого производства. — Побѣгъ въ гробу. — Альбина Нигурская. — Побѣгъ и походженія Руфина Пиотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парма. 337

Глава III. Времена Александра II. Ссылка поляковъ съ 1863 года. — Степень участья различныхъ сословій въ повстаніи. — Участье иностранцевъ. — Сосланные на житье и для водворенія. — Причины замѣнутости ссыльныхъ и необезпеченность ихъ водворенія. — Отношенія къ нимъ туземцевъ. — Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ. — Мастерскія въ Тобольскѣ. — Импронизированные земледѣльцы. — Благопріятныя данныя. — Обрушеніе шведовъ. — Запорожцы. — Шляхта 358

Глава IV. Государственные преступники. Древнѣе способы исканія правды. — Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ. — В. Н. Романовъ и его страданія. — Матвѣевъ. — Располъ Лазарь. — Растрпа Федось (Феодосій Яновскій). — Ссылный колоколь. — Тюрмы для вѣдкованныхъ преступниковъ. — Остроги. — Монастырскія каюты. — Ссылка во время междоусобія, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. — Ссылка малороссовъ. — Гетманы. — Гвинтовка. — Многогрѣшныи. — Самойловичъ. — Сѣрко. — Войнаровскій. — Жезлванъ. — Дятель. — Самозванцы 17 и 18 столѣтій. — Громадная ссылка стрѣльцевъ. — Враги Петра I. — Сособщники Талицаго, царевича Алексѣя. — Ссылка при наслѣдникахъ Петра. — Враги Феофана Прокоповича въ ссылкѣ. — Виро-

новщина. — Слово и дѣло. — Радщевъ. — Уральскій казакъ пугачевецъ Марушка. — Слово и дѣло въ Сибири и на каторгѣ. — Старецъ Николь. — Каурый. — Тверской крестьянинъ Ермолаевъ. — Сильный Артамоновъ. — Грузинскіе дворяне. — Семеновцы. — Экспедиція Стояновъ. — Колебу. — Извѣнникъ отечеству. 367

Глава V. Участь осмыленныхъ. Безправіе осмыленныхъ. — Кормовая дача. — Меншиковъ съ семействомъ. — Долгорукиѣ. — Наталья Борисовна Долгорукая. — Остерманъ. — Минихъ. — Головкинъ. — Ужасная участь осмыленныхъ: де-Санта, Менгиса, Фика, Ивашкина. — Стряпчій Коштовъ. — Левшуганъ. — Соймоновъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (создать Чернышевъ). — Секретные арестанты. — Анадырскій нагнанникъ Авангій Петровичъ. — Дѣти Волынскаго. — Великоважность преступниковъ. — Сердечность отиошеній сибиряковъ къ этимъ осмыленнымъ. 381

Глава VI. Декабристы. Смысла декабристовъ. — Путь ихъ по Россіи в Сибирь. — Фельдъегери. — Встрѣчныѣ. — Губернаторы. — Канскій городничій. — Судьба первыхъ восьми. — Жизнь до Читы. — Волконскій. — Трубецкой. — Оболенскій. — Братья Борсовы. — Якубовичъ. — Волконская. — Трубецкая. — Ген.-губ. Броневскій. — Благодатскій рудникъ. — Свиданія. — Столкновенія. — Прапорщикъ Рязъ. — Приставъ Лепарскій. — Пробытіе остальныхъ декабристовъ. — Встрѣча. — Пробытіе въ Читѣ. — Помишеніе. — Казематы. — Поэтъ Одоевскій. — Новая тюрьма. — Работы. — Чита. — Волжанъ неволи. — Исторія Суханова. — Бунтъ въ Елчичинскомъ рудникѣ. — Судъ и казни. — Новый праздник. — Строгости. — Дубининская исторія. — Инструкція караульнымъ. — Смольяниновъ и его жена. — Штабъ Лаварскаго. — Клубъ. — Переписка съ родными. — Ослабленіе строгостей. — Общій столъ. — Домашнія занятія въ самовоспитаніи. — Корниловичъ. — Мухановъ. — Никита Муравьевъ. — Пушкинъ. — Д. И. Завалиншій. — Докторъ Вольфъ. — Арт. Зах. Муравьевъ. — Кухальбергеръ. — Дунинъ. — Юшневскій. — Музыка. — Воронъ. — Не-декабристы. — Религиозность. — Женщины героини. — Трубецкая. — Губернаторъ Цейдлеръ. — Волконская. — Правила для женъ. — Муравьева-Апостолова. — Нарышкина. — Фонвизина. — Давыдова. — Анненкова. — Ляпалцова. — Розенъ. — Дѣти 390

Глава VII. Декабристы (окончаніе). Переходъ изъ Читы въ Петровскій заводъ. — Н. А. Бестужевъ. — Фонвизинъ. — Шахматы. — Дамская улица. — Жизнь въ Петровскомъ заводѣ. — Новый казематъ. — Община и артели. — Занятія. — Обязанности хо-

занія, закупщика, казначея и огородника. — Выборы. — Бесчасновъ. — Визосы. — Положеніе холостыхъ и семейныхъ. — Вліаніе декабристовъ на страну нагнанія. — Жизнь ихъ на поселеніи. — Декабристы на Кавказѣ. — Марлинскій въ Якутскѣ. — Спорѣвшіе. — Занятія на поселеніи. — Изобрѣтеніе декабристовъ. — Последующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ. — Основанныя ими школы. — Горбачевскій. — Братья Вестужевы. — Торосовъ. — Всепрощеніе 413

Глава VIII. Исторія каторги. Находка рудныхъ богатствъ. — Чудскія работы. — Серебро. — Работы рудниковыя. — Исторія перчичскихъ рудниковъ. — Побѣги рабочихъ. — Начальники: грѣхъ Левандіанъ, Суворовъ. — Самозванецъ Чернышовъ, дѣло о немъ и послѣдующая судьба его. — Нарышкинъ. — Его бесчеловѣчныя чудачества и выходы. — Декаръ Томилловъ. — Купецъ Копосовъ. — Воинственный походъ Нарышкина. — Взятіе имъ Верхнеудинска. — Арестъ его. — Воевода Тевяшовъ. — Нѣнцовъ. — Аршеневскій, Барботъ-де-Марин, Чернышынъ. — Народныя преданія о послѣднемъ. — Теодоръ Фришъ и его жена. — Тирани. — Рымчовъ. — Ансторовъ. — Татаринцевъ. — Золотая лихорадка. — Добыча золота. — Богатства Перчичскаго края. — Карійское золото. — Разгнѣдывъ 442

I. Перчичскіе сибиряцкіе рудники и золотыя промыслы 442

II. Самозванецъ Чернышынъ 447

III. Василій Васильевичъ Нарышкинъ 461

IV. Сибирскіе заводы. Желѣзо. — Петровскій заводъ. — Соль. — Соленинскій заводъ. — Усть-Кутскій заводъ. — Добыча соли. — Каторжныя работы. — Троицкій солеваренный заводъ. — Иркутское-Усолъе. — Способы выварки соли. — Молотобойная фабрика. — Винокуреніе. — Еврей. — Осмыленные. — Винокуренныя заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Егтарскій, Успенскій, Каменскій. — Уничтоженіе этого вида каторги 476

V. Сибирскія фабрики. Купецъ Кутининъ. — Полотняная фабрика. — Контракты. — Купецъ Солдатовъ. — Фаянсовая фабрика. — Суконная фабрика Векшина. — Тальничская фарфоровая и фаянсовая фабрика. — Тельничская суконная фабрика. — Стоклянный заводъ. — Онская суконная фабрика. — Пользованье трудомъ осмыленныхъ 483

VI. Сибирскія крѣпости. Охотскъ. — Чиниррахъ. — Онская крѣпость. — Крѣпости: Семипалатинская и двѣнейшія по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская. — Пурутухайтъ. — Арестантскія роты и работы. — Безпорядочность ихъ. — Унадокъ каторжниковъ: работа и затрудненіе, отсюда происшедшее 486

